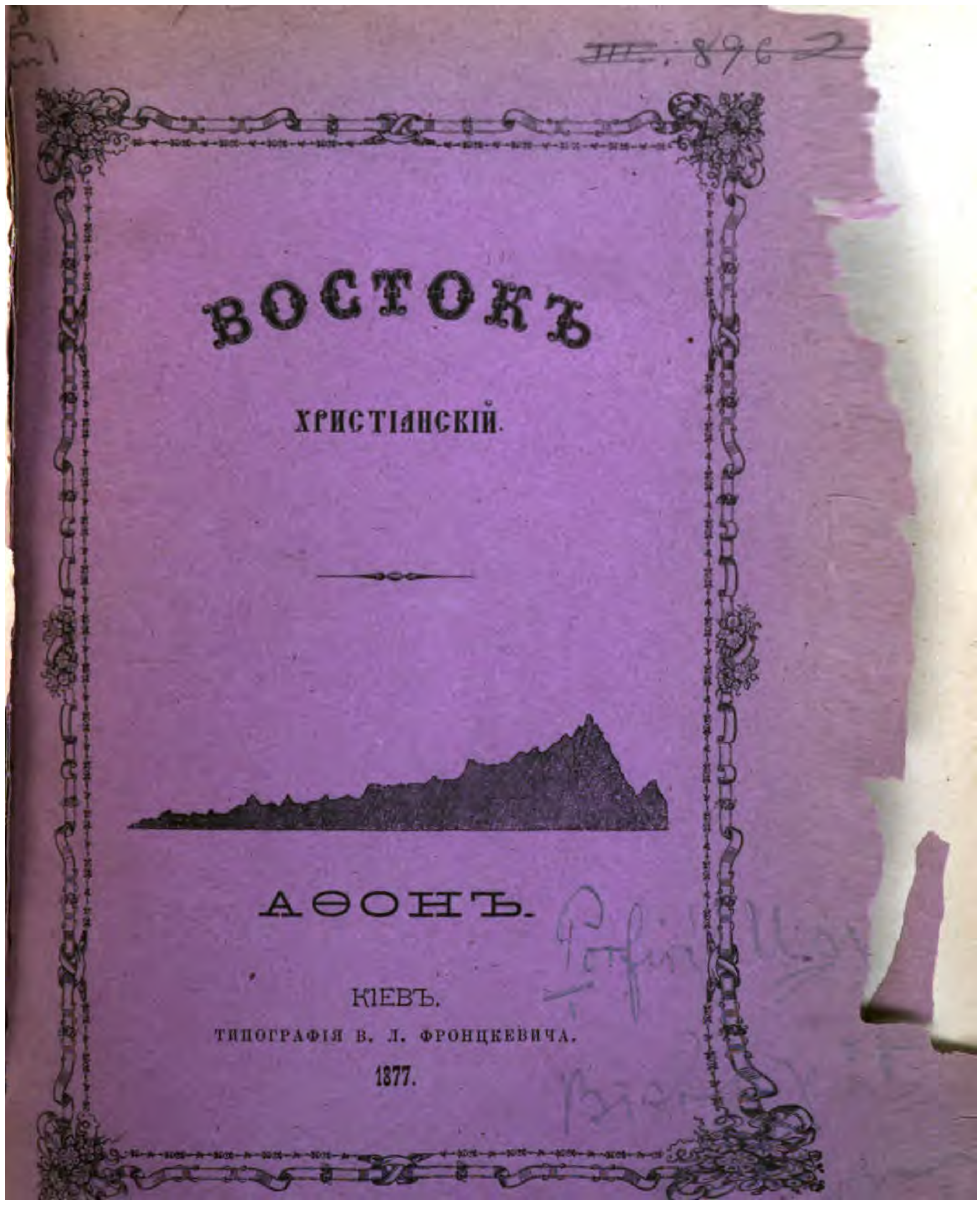


ВОСТОКЪ
ХРИСТІАНСКІЙ.

АѲОНЪ.

КІЕВЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. Л. ФРОНЦКЕВИЧА.
1877.

Porfiri Uspenski.

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ
ВЪ
АѲОНСКІЕ МОНАСТЫРИ И СКИТЫ.

Архимандрита, нынѣ Епископа, Порфирія Успенскаго.

ВЪ 1845 ГОДУ.

Часть I-я.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Приложи умъ твой къ пути.

Die Warheit in dem Wahn zu finden,
Zu ahnden sie, sie zu empfinden.
Mich aus dem Schutt emporzuheben,
Sey meine Freude, mein Bestreben.
LAVATER.

Отыскивать истину въ путаницѣ понятій,
Предъощущать ее, находить ее,
Исправлять свои ошибки,
Вотъ моя утѣха, мое стремленье.
ЛАФАТЕРЪ.

Кіевъ,
Типографія В. Л. Фронцкевича.
1877.

Дозволено Духовною цензурою. Кіевъ. 5 Декабря 1876 г.

Цензоръ Протоіерей *М. Богдановъ.*

Оглавленіе.

Страницы.

I.

ПУТЬ ДО СОЛУНЯ.

Іюль.

30 Понедѣльникъ.—Въ четыре часа по полудни я выѣхалъ изъ Константинополя въ Солунь на австрійскомъ пароходѣ, называемомъ графъ Коловратъ. Турецкая столица своею прелестною наружностію чаровала меня, пока не скрылась отъ взоровъ моихъ. А потомъ я вспомнилъ, что внутренность ея смердитъ.

Возсмердѣли древнія столицы, Ниневія, Вавилонъ, Тиръ, Мемфисъ, Кареагенъ, и погибли. Смердятъ нынѣшія столицы, и погибнутъ. Всякое гніеніе оканчивается смертію.

Наступила ночь. Море смирно. Небо мирно. Мѣсяцъ свѣтитъ. Мертвый ѣдетъ, горя, дымя, дрожа. Порфирій не боишься ли? Я испугался бы только тогда, когда бы небо начало падать на землю.

Лежу въ каютѣ и усиливаюсь рѣшить вопросъ о Славянахъ, который занималъ меня еще въ бытность мою въ Австріи: почему эти глаголивые не сплотились въ одинъ народъ, и подпали подъ власть грековъ, турковъ и разныхъ нѣмцовъ? Этотъ вопросъ задавалъ извѣстный польскій поэтъ Адамъ Мицкевичъ въ своей книгѣ: L'église officielle, ou Messianisme: и рѣшилъ его вотъ какъ. Славяне наказываются вѣковѣчною неволею подъ чу-

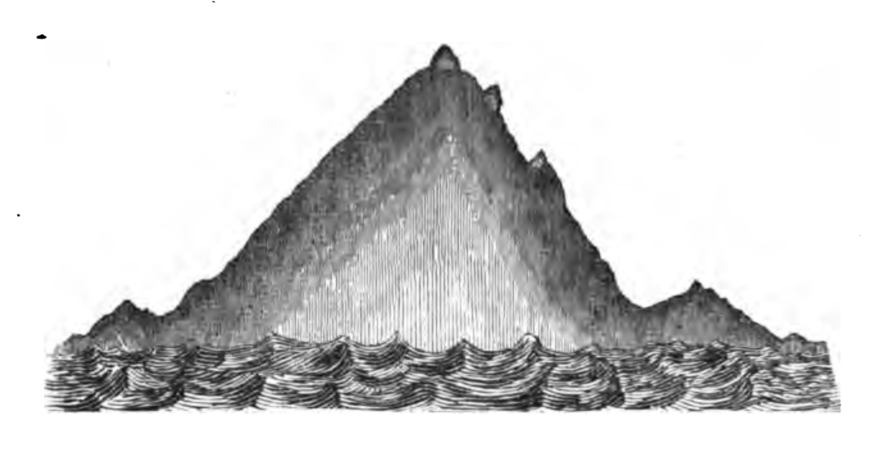
По мнѣнію сего поэта древніе Ассиріяне были Сербы и прочіе Славяне. Они поклонились царской статуѣ Новуходоносора и сочинили кратчайшій Символъ вѣры: „Небо-одно-царь“ *(Небу-к-адне-царъ)* то есть, одинъ царь замѣняетъ Небо и Бога. За это истинный Богъ изгналъ ихъ изъ Месопотаміи и сдѣлалъ рабами другихъ народовъ. Странно, легкомысленно, нелѣпо такое рѣшеніе славянскаго вопроса. Впрочемъ, и самъ Мицкевичъ не придавалъ ему большаго вѣса. Что касается до меня, то я думаю, что Славяне, по своей природѣ склонные къ набожности, но нетерпѣливые въ изысканіи истины, которое требуетъ долгаго времени, и торопливо съ увлеченіемъ принимающіе религіозныя ученія, еще въ самое отдаленное отъ насъ время сдѣлались разновѣрцами, и потому разсорились, и не помогая другъ другу, подпали подъ иго сильнѣйшихъ сосѣдей. Не извѣстны ни виновники, ни время, ни мѣсто первоначальнаго, религіознаго, разъединенія ихъ: но извѣстно, что одни изъ нихъ вѣровали въ Бѣлбога, а другіе въ Чернобога, одни были огнепоклонники, а другіе водопоклонники, нѣкоторые вѣрили въ судьбу, а иные не признавали ея вліянія на людей. Даже христіанство не соединило ихъ, давно привыкшихъ къ разновѣрію. Кому изъ нихъ любо православіе, тому не любо Папежство, и на оборотъ: Славяне, послѣдователи Лютера, чуждаются Славянъ папистовъ и православныхъ; Павликіане существуютъ отдѣльно отъ всѣхъ.

31 Вторникъ.—Я пробудился въ часъ стоянки парохода у города Каллиполи, и вспомнилъ здѣшнюю Болгаро-гречанку, которую въ Петербургѣ видѣлъ у графини Алмазовой, матери графини Шереметьевой. Эта христіанка приходила въ Россію собирать милостыню для выкупа изъ рабства двухъ дочерей своихъ, кои еще въ младенчествѣ проданы были Туркамъ во время возстанія Еллиновъ въ 1821 году. Милостыня собрана была ею богатая.

Равнодушно посмотрѣлъ я на Каллиполь, котораго названіе, *Красоградъ*, несравненно лучше его самаго, и плывя по Дарданельскому проливу, который покойный императоръ Александръ

на Ерфуртскомъ конгрессѣ назвалъ воротами своего дома, а Николай ухватился было за ключъ отъ этихъ воротъ, чтобы положить его въ карманъ свой, я думалъ, что этотъ проливъ въ самомъ дѣлѣ намъ нуженъ для того, чтобы не громили насъ флоты соединенныхъ Державъ у нашихъ береговъ Чернаго моря, и преимущественно для того, чтобы Константинополь, съ придачею къ нему частицы Ѳракіи и Малой Азіи до Никомидійскаго залива, сдѣлать городомъ Божіимъ, городомъ постояннаго вселенскаго Собора, въ которомъ должны присутствовать мудрые и святые мужи изъ всѣхъ народовъ не одни духовные, а и мірскіе, и давать направленіе всемірнымъ дѣламъ, судя гражданскія правительства, если онѣ въ чемъ либо будутъ виноваты предъ Богомъ и предъ народами. Но свыше суждено ли намъ утвердиться въ Константинополѣ и въ Дарданеллахъ хотя на недолго, дабы подготовить тамъ оное мировое дѣло? Воля Божія на это не открыта ни мнѣ, и никому. А прежнія движенія наши съ Сѣвера на Югъ, все ближе и ближе къ Константинополю, и прорицательная, пророчественная увѣренность Грековъ, Славянъ и самихъ Турковъ, очень давняя увѣренность всѣхъ ихъ въ томъ, что мы, Россы, сокрушимъ Исламъ и овладѣемъ городомъ вселенскаго патріарха, ручаются за нашъ успѣхъ въ совершеніи сего мироваго дѣла.

У городишка Дарданелла пароходъ остановился на короткое время, и забравъ, кого и что нужно, продолжалъ свой путь къ Солуню. Когда онъ миновалъ островъ Имбросъ, я увидѣлъ налѣво островъ Лимносъ, направо острова, Самоѳраки и Ѳасосъ, повитый синимъ туманомъ, а впереди предъ собою—высочайшую оконечность Аѳона, облитую лучами солнца, и набросалъ очеркъ ея. Вотъ онъ.



Керася. Малый Аѳонъ.

Высока и величественна эта пирамида. Архитекторъ великаго Александра Македонскаго Динократъ предлагалъ ему преобразить ее въ статую Зевеса такъ, чтобы она на лѣвой рукѣ держала городъ, а на правой струйникъ съ текущею въ море водою. Но онъ отринулъ это предложеніе, шутливо сказавъ архитектору, что жителямъ такого города нечего будетъ ѣсть, а изъ такого струйника нечего пить.

Аѳонъ весь тонетъ въ свѣтѣ солнечномъ и, быть можетъ, въ свѣтѣ благодатномъ. Но какая тьма на Западѣ!

Вотъ послѣдняя мысль нѣмецкой философіи, мысль чахотная! „Богъ есть *ничто*, которое непрестанно дѣлается *чѣмъ-то*, которое не знаетъ себя самого въ себѣ самомъ, подобно невидящему себя солнцу, а сознаетъ себя только въ каждомъ человѣкѣ и въ цѣломъ человѣчествѣ, какъ солнце видитъ себя въ капляхъ океана“.

„Богъ есть *ничто*, какъ бы неписанный листъ бумаги, на которомъ всѣ существа видятся, какъ чернильныя точки, брызнутыя перомъ, видятся пока не полиняютъ и не замѣнятся другими имъ подобными точками“.

Когда такая философія будетъ усвоена многими и многими не только въ высшихъ, но и въ низшихъ слояхъ общества человѣческаго, тогда послѣдуетъ преставленіе Свѣта сперва поли-

тическое, потомъ общеженно-безсемейное, и наконецъ огненное. Вся земля загорится, и послѣ пожара будетъ новая съ новыми разумнѣйшими существами, вѣчно поющими Богу: Аллилуіа.

У меня болитъ горло. Бѣда, если оно разболится, какъ это бывало прежде.

Наступилъ вечеръ тихій. Пою, *Свѣте тихій*, и буду пѣть долго, потому что не хочу мыслить. Мысли лишаютъ меня спокойствія. Его я почерпаю только въ чувстованіяхъ Божественнаго, прекраснаго и добраго. Притомъ съ этими чувствованіями мнѣ весьма прилично явиться на Аѳонѣ, гдѣ знаютъ и славословятъ Бога, единаго въ Троицѣ святой, единосущной и не раздѣльной.

Августъ.

1. Середа.—Сегодня меня очаровали красоты Солунскаго залива, по которому плылъ пароходъ мой, какъ по тихому озеру. Стою на палубѣ его, и впивая въ себя живительную прохладу, любуюсь этими красотами поперемѣнно. Позади меня Аѳонъ, словно пирамида, подпираетъ голубое небо, а съ этого неба яркій свѣтъ такъ и обливаетъ его съ верху до низу. Налѣво отъ меня высочайшія горы Ѳессаліи стоятъ у моря въ своемъ утреннемъ нарядѣ, и смотрятся въ зеркальную гладь его. Островерхая голова Оссы озарена лучами солнца, а остовъ ея еще повитъ синею кисеею. Бѣлоснѣжное чело Олимпа опоясано чуднымъ вѣнкомъ изъ бѣлодымчатыхъ лилій, а темя его уже все во свѣтѣ, остовъ же подъ синимъ покрываломъ. Этотъ исполинъ только что проснулся, и еще не успѣлъ скинуть съ себя этого покрывала: но Имера (день) уже увѣнчала голову его, поднятую къ небу. Прочія горныя выси, какъ дѣтки Оссы и Олимпа, еще спали: и солнце еще не разбудило ихъ своимъ свѣтомъ. А заливъ моря? На зеленосиневатой поверхности его виднѣлась клѣтчатая рябь, слов-

но кисея. Ее невидимо ткали шалуны зефиры. Дымящійся великанъ своими колесами разрѣзывалъ эту кисею. А позади его изъ подъ руля далеко, далеко, тянулось жемчужное перо съ филогранною опушкою бѣлѣйшею снѣга.

Долго я любовался этими красотами природы, и въ эти минуты былъ какъ бы въ раю. Но любованье мое было прервано послушникомъ моимъ Михаиломъ. Онъ подошелъ ко мнѣ и, какъ бывалый на Аѳонѣ, заговорилъ:

— Посмотрите, батюшка, на эту ровную полосу земли, которая тянется вдоль залива до самаго Солуня.

— Вижу ее. Что же тамъ хорошее?

— Вся эта земля называется Каламарія. Она весьма плодородна. А владѣютъ ею Аѳонскіе монастыри.

— А! Это любопытно. Какъ же она досталась монахамъ?

— Святогорцы говорятъ, что въ старые годы въ Солунѣ жила добрая княгиня Марія. Она уговорила своего мужа подарить всю эту землю Аѳонцамъ. Посему эти монахи, благодарные, памяти ради, прозвали весь подаренный имъ околотокъ, *καλὴ Μαρία*, по просту Каламарія.

— Что же Аѳонцы дѣлаютъ на этой даренной землѣ?

— Батюшка; они пашутъ ее и засѣваютъ всякимъ божьимъ хлѣбомъ. Каждый монастырь, кромѣ Кутлумушскаго построеннаго по смерти *доброй Маріи,* получаетъ оттуда годовое продовольствіе, да еще продаетъ хлѣба на десять тысячъ піастровъ.

— Блаженны монахи! Тепло имъ на свѣтѣ.

— Послушникъ перекрестился и продолжалъ: Аѳонцы богаты, и всѣ любятъ деньги.

— Я сказалъ ему,—люди вездѣ люди,—и спросилъ: кто же обработываетъ Каламарійскую землю?

— Онъ отвѣтилъ: православные крестьяне за пятую долю.

— Стало быть, тамъ есть деревни?

— Да, есть.

Въ полдень пароходъ бросилъ свой якорь недалеко отъ крѣпостной стѣны Солуня. Я послалъ Михаила искать удобнаго для

меня помѣщенія въ этомъ городѣ, а самъ, по причинѣ боли въ горлѣ, не долго полюбовался имъ. Онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ высокими каменными стѣнами, изъ которыхъ одна поставлена въ самомъ морѣ. Приморская часть Солуня многодомна, а нагорная рѣдкодомна. На горѣ высится акрополисъ, обнесенный особыми каменными стѣнами. Онъ почти пустъ.

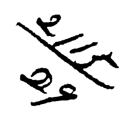
Отъ 2-го до 5 дня.—Я страдалъ и лѣчилъ свое горло, прикладывая къ нему вареныя луковицы по вдохновеннному приказанію моей души. Это врачевство исцѣлило недугъ мой. Знать, вдохновеніе есть самый лучшій лѣкарь.

5. Воскресенье.—Въ Солунѣ, по завѣренію хозяина моего грека, находится 40,000 Евреевъ, а Грековъ, Турковъ и прочихъ не болѣе 15,000. Вся торговля въ рукахъ жидовскихъ. Вчера былъ шабашъ; и я нигдѣ не могъ достать себѣ ни рыбы, ни винограду. Жиды скупили всѣ виноградники. А такъ какъ они вчера не ѣздили туда, то я безъ винограда остался и сегодня.

Одинъ Іерусалимскій монахъ, собирающій здѣсь деньги на гробъ Господень, прислалъ мнѣ печатное надгробное Слово, произнесенное при отпѣваніи Іерусалимскаго патріарха Аѳанасія. Тогда я слышалъ это Слово, а теперь прочиталъ его. Много въ немъ правды. Витія между прочимъ обругалъ Іерусалимскихъ Латинъ и Армянъ, и осмѣялъ греческихъ архіереевъ, которые, при всемъ своемъ недостоинствѣ, домогаются высшихъ должностей церковныхъ.

6. Понедѣльникъ.—У Солунскихъ жидовокъ головныя косы, обернутыя цвѣтною матеріею, висятъ на спинѣ, какъ толстые ужи или змѣи. Смотришь на нихъ, и припоминая цѣлебнаго змія, вознесеннаго Моисеемъ въ Синайской пустынѣ, воображаешь, что Еврейки придаютъ своимъ косамъ подобіе змѣй въ память этого событія. А такъ ли это: не вѣдаю.

7. Вторникъ.—Сегодня прочтено мною описаніе Аѳона, состав-



очень, очень, годится для справокъ при посѣщеніи тамошнихъ монастырей и скитовъ. Съ нимъ я буду неразлученъ.

II.

ПУТЬ ДО АѲОНА.

8. Середа.—Внимательный ко мнѣ нашъ консулъ Августинъ Мустоксиди, смуглый грекъ, невладѣющій правою рукою и потому пишущій лѣвою, но разборчиво, уладилъ мое путешествіе на Аѳонъ, давъ мнѣ своего каваса, турка, который и нанялъ три лошади для меня, Ивана и Михаила, и четвертаго мула для вещей моихъ. Предъ выѣздомъ изъ Солуня я рѣшился зорко смотрѣть на обѣ стороны горной дороги, и чертить путевую карту съ обозначеніемъ на ней названій мѣстностей, ближнихъ и дальнихъ, и часовъ и минутъ ихъ разстояній, и нашего отдыха. Сопровождавшій меня кавасъ, хорошо знакомый съ этою дорогою, былъ мой вѣрный Чичероне. Мы выѣхали изъ города въ семь съ половиною часовъ дня утренняго, отдѣлавшись денежнымъ подаркомъ отъ таможенныхъ привратниковъ въ избѣжаніе осмотра чемодановъ моихъ.

По выѣздѣ изъ восточныхъ воротъ Солуня тотчасъ представились взору, направо, заливъ моря, а за нимъ Ѳессалійскія горы Осса и Олимпъ, налѣво, горный кряжъ, а впереди высокая двутеменная гора Хортіатъ, классическій Дисоронъ. За воротами, по обѣ стороны дороги, неисчетное множество мертвецовъ лежатъ въ могилахъ, кои пріосѣнены не кипарисами, а длинными камнями, поставленными торчкомъ. Немного далѣе направо среди деревъ видны загородные домики, а налѣво стоитъ большая казарма. Турки тутъ барабанили, и тѣмъ давали намъ знать о живучести ихъ царства. Близъ казармы у самой дороги стоитъ приземистый каменный струйникъ съ корытомъ для напоенія скота.

ника и повыше его, подлѣ залива, у привыси и на ней зеленѣютъ виноградники, а на противоположной пригорной сторонѣ видны пахатныя нивы. Почва тутъ глиниста и жирна. За привысью дорога пересѣчена ложбиною, протягающеюся къ заливу моря. Воды въ ней въ этотъ разъ не было.

Въ восемь часовъ съ четвертью мы стали повышаться тамъ, гдѣ налѣво отъ дороги видны хутора. Гора Хортіатъ, казалось, висѣла надъ нами. На ней, по словамъ моего каваса, во время оно были (будтобы) 24 монастыря, гораздо ранѣе обителей Аѳонскихъ. Всѣ они разрушены.

Ѣдемъ далѣе и видимъ предъ собою, направо, метохъ Солунскаго монастыря, называемаго Чаушъ, и за нимъ край морскаго залива.

Минули 9½ часовъ. Мы подъѣхали къ турецкому Чифлику (хутору), пріосѣненному многими кипарисами, которые придавали ему видъ весьма красивый. Онъ называется Седесъ.

Тутъ стоитъ высокая башня съ минаретомъ, котораго верхушка упала, вѣроятно, отъ землетрясенія. Къ этой усадьбѣ отъ сосѣдняго бугра пролегаетъ каменный водопроводъ на стрѣльчатыхъ аркахъ: но и онъ полуразрушенъ. Полагаю, что на мѣстѣ этой усадьбы и вокругъ ея находился древнѣйшій городъ Ѳерми (Жаръ-городъ), такъ названный отъ сосѣднихъ горячихъ ключей, и давшій имя заливу, *Ѳерманкосъ колпосъ*. Мѣстность эта хороша. Луговъ тутъ много. Рѣчка Василико́ и другой сосѣдній потокъ Хортаитинскій снабжали жителей водою. Морской заливъ тутъ близко. Здѣсь оканчивается Василиковская, т. е. царская долина, которая стелется прямо на востокъ у подошвы Хортіата до села Галатисты, и орошается названною рѣчкою. На нынѣшнемъ же мѣстѣ Солуня, безводномъ, находилась пристань (ἐπίνειον) города Ѳерми, потому что тутъ заливъ глубже и имѣетъ бо́льшее затишье, далеко вдаваясь въ материкъ. Когда Македонскій царь Кассандръ построилъ Солунь; тогда городъ Ѳерми опустѣлъ. Его зданія перенесены были на новое мѣето. А кто переименовалъ Ѳерми въ Се́десъ: этого я не знаю. Такъ какъ Се́десъ есть слово

латинское и значитъ, сидѣніе; то можно думать, что кто нибудь въ то время, когда Римляне владѣли Солунемъ, построилъ тутъ себѣ усадьбу и назвалъ ее Sédes. Я, по причинѣ поспѣшности, не осматривалъ ее.

У Се́деса находится раздѣлъ двухъ дорогъ, ведущихъ на Аѳонъ. Одна изъ нихъ, юговосточная, пролегаетъ по Каламаріи вдоль Солунскаго залива, а другая сѣверовосточная стелется сперва по Василиковской долинѣ до Галатисты, а потомъ по выси горы Холомунтъ до села Низворо, оттуда круто поворачиваетъ на югъ и спускается на Аѳонскій перешеекъ. Мы поѣхали по второй дорогѣ, долино-горной, потому что тутъ мнѣ хотѣлось видѣть металлическія руды, отъ которыхъ весь этотъ околотокъ издревле прозванъ Халкидики, *металлоруднымъ*.

Въ 10½ часовъ остался за нами иной Чифликъ съ струйникомъ, изъ котораго текла вода, а въ 11 часовъ предъ нами явились у самой дороги горячіе сѣрные ключи. Ихъ три. Они бьютъ изъ земли струйками. Надъ первымъ ключемъ, въ которомъ вода горяча и прозрачна, но не обильна, нѣтъ никакого зданія, а надъ смежнымъ съ нимъ, въ которомъ вода тепла и обильна, выстроено малое четвероугольное зданіе каменное, вывершенное невысокимъ куполомъ. Такое же зданіе высится и надъ третьимъ ключемъ, что̀ подальше. Оба эти зданія весьма древни. Онѣ кладены такъ, что надъ каждымъ рядомъ дикаго камня положенъ рядъ тонкихъ кирпичей. Самые водоемы внутри обложены камнями, и имѣютъ сѣдалища для купающихся. Всѣ эти ключи въ рукахъ европейцовъ получили бы видъ опрятный, и были бы устроены ими и обстроены съ большими удобствами для недужныхъ, которые предпочли бы ихъ подобнымъ ключамъ на островѣ Самоѳраки. Но гдѣ турокъ ступитъ, тамъ все вянетъ, и гдѣ онъ поселится, тамъ все лучшее валится.

Въ 11-ть часовъ мы отправились отъ горячихъ ключей, и тотчасъ обогнули отрогъ Хортіата, за которымъ эта гора вдругъ отдаляется налѣво отъ василиковской дороги, и образуетъ собою

ле отъ отрога, который мы обогнули, до отрога противоположнаго ему. Въ этой полудугѣ высоко на горѣ мнѣ пальцомъ указана была деревня Перистерà и повѣдано, что въ ней сохранилась весьма древняя церковь. Оттуда течетъ ручей и впадаетъ въ Василиковскую рѣчку.

Въ полдень поѣздъ мой остановился подъ громаднымъ деревомъ близъ села Василикò, дабы подкрѣпиться дорожными снѣдями. Подлѣ сего мѣста находилось малое возвышеніе, называемое Думбèсъ, съ развалинами церквицы св. Параскевы. Тутъ я замѣтилъ маленькій кусокъ бѣлаго мрамора съ греческою надписью. Но она такъ испорчена, что ничего понять нельзя. Въ шести строкахъ видны только ✝ΑΙ..ΗΡ.. Α.Α..ϽΙΔ... ΝΛ..... ΕΜΚ· ....ͻΝΙΣ·.....ΚΑC... ΤΕΝ.... ......ΛΙ.....Оставимъ эту надпись, и узнаемъ: что такое Думбесы въ Василиковской долинѣ. Они суть нечто иное, какъ приземистыя возвышенія, когда-то насыпанныя вдоль Василиковской рѣчки и обсаженныя дубами и другими деревами. Самое названіе ихъ, переиначенное изъ греческаго слова, ΤΥΜΒΟΣ = могила, посѣлившимися здѣсь Славянами съ седьмаго вѣка христіанскаго, доказываетъ, что тутъ похоронены люди временъ языческихъ. Надлежало-бы разрыть ихъ искусно, дабы узнать, что въ нихъ скрывается. Но кто это сдѣлаетъ? Русскіе? Едвали.

Въ $2^1/_2$ часа по полудни поѣздъ мой тронулся съ мѣста, и вскорѣ перешагнулъ текущій ручей и проѣхалъ черезъ село Василико, т. е. Царское. Большое съ хорошими домами, оно все вокругъ и внутри обсажено шелковичными деревами и высокорастущимъ папушоемъ (кукурузою). Тамошніе мужики, какъ наши, носятъ бѣлыя рубахи и лапти, а бабы и дѣвицы повязаны бѣлыми косынками. Онѣ въ рѣчкѣ мыли бѣлье, и выколачивали его вальками, какъ это дѣлаютъ красотки Костромскія, воспѣвающія Дунай, съ береговъ котораго пришли къ Солуню Славяне, и поселившись тутъ удержали свой покрой одежды, а родной языкъ утратили, выучившись говорить по гречески съ грѣхомъ пополамъ.

Въ 3 часа съ четвертью мы обогнули сбѣжавшій къ дорогѣ отрогъ Хортіата и на значительной выси горы, называемой Вигла, увидѣли монастырь св. Анастасіи узорѣшительницы. По словамъ каваса моего, онъ послѣ пожара возобновленъ за два года назадъ тому, а построенъ будто бы царицею Пульхеріею († 451 г.). Подлѣ него густится масличная и шелковичная роща: а напротивъ его въ долинѣ желтѣютъ его нивы. Когда этотъ монастырь остался позади насъ, Василиковская долина начала съуживаться болѣе и болѣе, потому что тутъ ее стѣснялъ Вовдійскій отрогъ высочайшей горы Холомунтской, поворачивающій отсюда къ Солуню, какъ это видно на моей картѣ. По этой узкой мѣстности мы постепенно поднимались выше и выше, и когда оттоптали ее, увидѣли вдали на склонѣ названнаго отрога село Галатисту, въ которомъ и остановились на ночлегъ въ заѣзжемъ домѣ, въ шесть часовъ по полудни.

Галатиста, по мнѣнію моему, стоитъ на мѣстѣ древнѣйшаго городка, Халастры, основаннаго Θракіянами. Когда Македонскій царь Кассандръ построилъ Солунь (317—298 г. до Хр.), тогда изъ Халастры и изъ другихъ окрестныхъ городковъ, какъ то изъ Эніи и Кисса, перевелъ жителей въ этотъ новосозданный городъ. (Strab. L. VII. c. 10). Однако Халастра не опустѣла. Страбонъ считалъ ее въ числѣ городовъ Македоніи. Потомъ писатель пятаго вѣка Стефанъ Византійскій въ своемъ сочиненіи *о городахъ* упомянулъ о ней. Вотъ его слова: „Халастра городъ „Θракіи *около Θермейскаго залива*, по сказанію Екатея въ его „Европѣ, городъ Θракіянъ: а Страбонъ въ седьмой книгѣ своей „называетъ его городомъ Македонскимъ, названа же она по имени „Халастры. Есть же и озеро соименное сему городу. Ликофронъ сказалъ:

Θεσπρωτὸς ἄμφω καὶ Χαλαστραῖος λέων.

Θеспротскій, онъ же и Халастрейскій левъ.

(Stephan Byzantinus de urbibus. Vol 1. Lipsiae. 1825 an.). У Стефана Византійскаго Халастра помѣщена около Θермейскаго залива: и Галатиста стоитъ недалеко отъ него, такъ что

часть его видна изъ этого села. Посему-то я призналъ совмѣстимость второй съ первою. Но гдѣ находилось озеро, соименное Халастрѣ: этого не указалъ Стефанъ. Однако я думаю, что оно находилось тамъ, гдѣ теперь, направо отъ дороги, по миновании Анастасіинской обители, видны рытвины, и гдѣ мѣстность называется *Водяница* откуда мы поднимались выше и выше. Халастра вмѣстѣ съ другими окрестными городками и селами, послѣ вторженія дунайскихъ Славянъ, Дреговичей и Сагудатовъ, въ область Солунскую въ 675 году, заселена была этими пришельцами. Они перемѣнили и названіе ея, греческое Халастра въ славянское Галатиста, вѣроятно въ память родины своей на Дунаѣ, гдѣ понынѣ есть городъ Галацъ. Производите это названіе и подобные ему, Галичъ, Галиція отъ слова *алый, алѣть* въ смыслѣ *блестѣть*, и вы въ имени, Галатиста, разслушаете звукъ славянскій. А я такое разслушаніе свое считаю необманчивымъ еще и потому, что подлѣ самой Галатисты издали замѣчена была мною на смежной съ нею горѣ *блестящая* бѣлизна въ маломъ размѣрѣ. Въ это село перенесена была епископская каѳедра изъ города Еркуліона, (онъ же и Ардамерій) находившагося близъ озера Бежикъ, и навсегда разрушеннаго,—полагаю,—Болгарами ранѣе 997 года, полагаю же, имѣя подъ руками Дѣеписаніе Аѳоноиверской обители, 997 года, индикта 10-го, въ которомъ упомянуто о раззореніи деревень Болгарами въ околоткахъ Каламаріи и Сидирокавсіи „διὰ τὸ ἐξαλειφθῇ καὶ τὰ χωρία ἡμῶν ἀπο τῶν Βουλγάρων κατεφύγομεν εἰς τὴν γῆν τοῦ Πολυγύρου διὰ τὴν ὠχυρότητα τοῦ τόπου. *). Ардамерійская епископія, подчиненная Солунской митрополіи, значится въ епархіальномъ спискѣ царя Льва мудраго (887—911 г.). А въ сочиненіи Леквіена, Oriens Christianus *T.* II. упомянутъ только одинъ бывшій

---

*) Аѳинскій митрополитъ Мелетій въ своей Географіи упомянулъ о Галатистѣ и и объ Ардамеріи, какъ о двухъ мѣстностяхъ различныхъ: Τομ. β. σελ. 473. Περὶ τὴν λίμνην τῶν Μπεσικῶν κεῖται τὸ Αρδαμέριον πόλις ποτέ, καίτοι τὰ νῦν ἐρίπειον, ἔχουσα θρόνον ἐπισκόπου, Γαλάτιστα, καὶ ἄλλαι.

Ардамерійскій епископъ, именемъ Мелетій, засѣдавшій въ Константинопольскомъ Соборѣ 1638 года по случаю сужденія о неправославіи вселенскаго патріарха Кирилла Лукаря, и подписавшійся такъ: ὁ πρώην Ἀρδαμερίου Μελέτιος. Французъ Кузинери въ своемъ Путешествіи по Македоніи (T. II. Paris. 1831) упомянулъ, что онъ въ Галатистѣ ночевалъ въ домѣ Ардамерійскаго епископа, но не назвалъ его по имени. Этотъ самый грѣхъ сдѣлалъ и я, ночевавъ въ епархіальномъ селеніи епископа, и ничего не развѣдавъ онемъ, тогда какъ хозяина своего распросилъ о многомъ другомъ. По увѣренію его въ Галатистѣ находится 350 семействъ, 6 церквей и 15 священниковъ. Онъ разсказывалъ мнѣ, что это село сожжено было Турками въ годъ возстанія Грековъ (1821-й), а на дняхъ одинъ Аѳонскій монахъ сжегъ 6,000 ульевъ въ окрестныхъ мѣстахъ и скрылся; однако Аѳонскіе монастыри уплатили 12,000 піастровъ всѣмъ потерпѣвшимъ убытки.

9 Четвертокъ.—Ночь я провелъ почти безъ сна, потому что меня безпокоили постельные непріятели, а утромъ осмотрѣлъ Галатисту и видѣлъ жителей ея. Въ этомъ селѣ находится обильнѣйшій источникъ, изъ котораго вытекаетъ Василиковская рѣчка. Отъ него тутъ вездѣ мокро. Мое особенное вниманіе обращено было на мѣстную башню. Четырехугольная, равносторонняя, высокая, но не широкая, она складена вь древнее время изъ нетесанныхъ камней и кирпичей. Верхъ ея поврежденъ, такъ что нѣтъ ни кровли, ни свода. На каждой сторонѣ, отъ низу до верху, сдѣланы выступы въ родѣ пилястровъ, числомъ четыре. Углубленія между ними—не малы; и въ нихъ видны узкіе прозоры для стрѣлянія. Дверь, ведущая въ башню, устроена высоко отъ земли. Значитъ, туда входили по мосту опускному и подъемному. Такое устройство башни доказываетъ, что она поставлена была для защиты Халастры отъ непріятелей. У подошвы ея, на южной сторонѣ, течетъ вода въ прудъ нижній.

Въ Галатистѣ, какъ и въ Василикѣ, у всѣхъ мущинъ и

Вотъ головной уборъ Галатянокъ. А говорятъ онѣ и ихъ мужья и дѣти, хоть и по гречески, но съ примѣсью словъ славянскихъ, напримѣръ: *умноцко педи*—*умное дитя*: Великій князь Константинъ Николаевичъ только τρεῖς ὥρας *даянче*—три часа *дневалъ* въ Солунѣ. Вмѣсто σήμερον они говорятъ *шимеронъ*. А монастыри Аѳонскіе называютъ, какъ подобаетъ истымъ Славянамъ, коверкающимъ греческія имена: *Зграфъ*—Ζωγράφος, *Осьмопетръ*—Σημόπετρα, *Шименъ*—Ἐσφιγμένος, *Григоріатко*—Γρηγορίου, *Діонишатко*—Διονυσίου. Я слушалъ, слушалъ ихъ, да и узналъ въ нихъ родню свою.

Въ восемь часовъ утренняго дня поѣздъ мой отправился изъ Галатисты. Погода была хороша, да и мы не хуже ея.

Ѣдемъ по торной дорогѣ между горными высотами, изъ которыхъ одна, что направо, называется Вовда. Эта высота многоводна. Отсюда вытекаютъ всѣ рѣчки и потоки, прорѣзывающіе Каламарійскую равнину съ сѣвера на югъ.

Ѣдемъ чрезъ рѣдкій лѣсъ, и налѣво видимъ зеленые луга, а вдали за ними разнообразные верхи горъ, повитыхъ воздушною синевою. Красива эта мѣстность. Любуясь ею, я пожалѣлъ, что не дана мнѣ волшебная кисть рисовальная: а то, написалъ бы картину великолѣпную.

Ѣдемъ далѣе. Ѣдемъ въ лѣсу и по крутому склону горы спускаемся ниже и ниже, къ маленькой, узенькой, тощенькой рѣчкѣ, имѣющей однако классическое имя Хаврій. Тутъ стоитъ деревенька Рѣшетники. Въ ней есть каменная церковь въ видѣ дома. Жители ея занимаются выдѣлкою глиняной посуды.

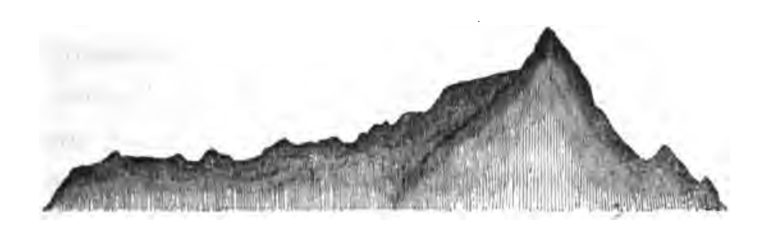
Миновавъ эту деревеньку, мы начали подниматься къ челу высочайшей горы, Холомунтъ, пробираясь сквозь лѣсъ дубовый. Въ этомъ лѣсу привѣтствовали насъ угольщики. Раскланявшись съ ними, я вспомнилъ забавный разсказъ о дочери угольщика на италіанскомъ языкѣ, наизусть выученный мною въ Одессѣ

мнѣ этотъ языкъ.—„Одинъ приходскій священникъ въ Англіи, „объясняя катихизисъ дѣтямъ, живо описалъ имъ адъ, сравнивъ его съ обширною печью, въ которой постоянно пылаютъ угли. Внимательно выслушала это дочь одного богатѣйшаго угольщика, и вставъ съ своего мѣста, медленно подходила къ священнику. Онъ, увидѣвши ее, сказалъ ей: подойди ко мнѣ дочь моя; хорошо ли ты поняла урокъ мой? Можетъ быть, желаешь, чтобы я проще и яснѣе сказалъ тебѣ что-либо. Говори.—Ахъ, господинъ священникъ,—отвѣтила дѣвочка;—будьте такъ добры, доставьте моему отцу привиллегію на поставку угля въ тотъ адъ, о которомъ вы говорили? Ah, signor curato, rispose la fanciulla, potrêste voi colle vostre raccomandazioni procurar a mio padre l'incàrico di somministrare all'inferno il carbon necessario?“

Въ 11$^{1}/_{2}$ часовъ поѣздъ мой остановился у родника воды холодной. Тутъ мы пообѣдали, и отдохнувъ въ лѣсной тѣни, отправились далѣе. Мимо насъ прошелъ молодой пастухъ съ закрюченнымъ посохомъ. Онъ напомнилъ мнѣ стихи Ѳеокрита въ седьмой Идилліи его:

Ἦσ δ' αἰπόλος· οὐδὲ κέ τίς μιν
Ἠγνοίησεν ἰδών, ἐπεὶ αἰπόλῳ ἔξοχ' ἐώκει.
Ἀμφὶ δὲ οἱ στήθεσσι γέρων ἐσφίγγετο πέπλος
Ζωστῆρι πλακερῷ. ῥοικὰν δ'εχεν ἀγριελαίῳ
Δεξιτερᾷ κορύναν.
Пастухъ онъ былъ козлиный; да и никто не опознался бы,
Увидѣвъ его: такъ онъ похожъ былъ на козла.
Старая рубашка его стянута была
Тканымъ пояскомъ. А въ правой рукѣ
Онъ держалъ закорюченный посохъ изъ дикой маслины.

Въ 3$^{1}/_{2}$ часа по полудни мы подъѣхали къ придорожному струйнику, поставленному на мѣстности, которая называется Карабаджакъ, т. е. *черная нога:* а въ четыре часа я съ дороги



Эта божья гора оттуда, съ большой высоты, показалась мнѣ чернобурымъ зміемъ, покоющимся на Эгейской пучинѣ и поднявшимъ голову свою. Высота ея по обману зрѣнія издали много принижалась, и потому не поразила меня своимъ величіемъ.

За Карабаджакомъ дорога вела насъ выше и выше до островерхаго, бѣловатаго, темени горы Холомунтъ, (Классическій Киссіонъ) и потомъ, по минованіи сего темени, спускала насъ ниже и ниже по узкому и крутоярому хребту, среди дремучаго лѣса,—не помню хорошо,—вязоваго или каштановаго. Обѣ стороны этого хребта ужасно круты. Отсюда ясно видны, налѣво, озеро Бежикъ и за нимъ далекія горы, а на право Аѳонъ и его заливы морскіе. Тутъ я спѣшился, и идя въ темномъ лѣсу, тѣшилъ себя стихами Виргилія, кои наизусть заучены были мною еще тогда, когда училъ меня краснорѣчію и поэзіи Василій Ивановичъ Груздевъ (1820 г.).

MELIBOEUS.

Tityre, tu patulae recubans sub tegmine fagi
Silvestrem tenui Musam meditaris avena:
Nos patriae fines et dulcia linquimus arva;
Nos patriam fugimus; tu, Tityre, lentus in umbra
Formosam resonare doces Amaryllida silvas.

TITYRUS.

O Meliboee, deus nobis haec otia fecit.
Namque erit ille mihi semper Deus; illius aram
Saepe tener nostris ab ovilibus imbuet agnus.
Ille meas errare boves, ut cernis, et ipsum
Ludere, quae vellem, calamo permisit agresti.

MELIBOEUS.

Non equidem invideo, miror magis; undique totis
Usque adeo turbatur agris. En ipse capellas
Protenus aeger ago; hanc etiam vix, Tityre, duco.
Hic inter densas corulas modo namque gemellos,
Spem gregis, ah! silice in nuda connixa reliquit.
Saepe malum hoc nobis, si mens non laeva fuisset,
De coelo tactas memini praedicere quercus.
Saepe sinistra cava praedixit ab ilice cornix.
Sed tamen, iste deus qui sit, da, Tityre, nobis.

МЕЛИБЕЙ.

Титиръ! Ты покоясь подъ тѣнью развѣсистаго бука,
На тонкой свирѣли поешь пастушескія пѣсни. А я,
Оставивъ родные предѣлы и милы края,
Бѣгу изъ отечества. Ты же, Титиръ, нѣжась въ тѣни,
Лѣса пріучаешь ты вторить Амариллы имя прекрасной.

ТИТИРЪ.

Досуги сіи, Мелибей, предоставилъ намъ Богъ.
И всегда онъ пребудетъ мой Богъ; алтарь же его
Частенько мой нѣжный ягненокъ омоетъ своей кровью.
Вѣдь Богъ, какъ ты видишь, позволилъ моимъ пастися воламъ,
И мнѣ самому играть на сельской свирѣли, что мнѣ угодно.

МЕЛИБЕЙ.

Не столько завидую, сколько дивлюсь я тебѣ, спокойному,
Тогда какъ смятенье царитъ на поляхъ у насъ всѣхъ.
Вотъ самъ я больной съ великимъ трудомъ веду своихъ козъ;
А эту, Титиръ, едва волоку. Она здѣсь,
Вотъ въ этой орѣшной чащѣ на камнѣ нагомъ
Несчастно родила пару овечекъ, надежду любимаго стада.
Несчастье же это,—я помню—предрѣкали мнѣ дубы,
Палимые съ неба, и вѣщій предсказывалъ воронъ,
Сидя въ ясеневомъ дуплѣ.
Однако скажи намъ, Титиръ, про Бога: Онъ кто у тебя?

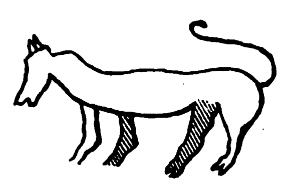
Не думалъ приснопамятный Васидій Ивановичъ Груздевъ, что я, въ виду Аѳона, въ дремучемъ лѣсу Киссіонскомъ буду повторять эти стихи Виргилія, которые онъ приказалъ намъ выучить твердо—на твердо. Да и я, заучивая ихъ, не помышлялъ, что они потѣшатъ меня когда-либо. А потѣшили! О, сладчайшій классицизмъ! Безъ тебя въ Холомунтскомъ дремучемъ лѣсу мнѣ было бы скучно, или страшно.

Изъ этого лѣса, который на путевой картѣ моей названъ, сперва вязовымъ, а потомъ, ближе къ ночлегу, каштановымъ, какъ только мы выѣхали, намъ пришлось подъѣзжать къ селу Ляригово по спуску голому, крутому и изрытому дождевыми потоками. Тутъ я не могъ держаться на конѣ, и пошелъ пѣшкомъ, а въ самое село въѣхалъ верхомъ, и остановился ночевать въ домѣ грека Агапита, которому не ошибочно дано такое имя, потому что онъ былъ весьма любезенъ привѣтливъ и проворенъ.

Село Ляригово выстроено очень хорошо послѣ того, какъ Турки сожгли его въ 1821 году, въ которомъ возстали противъ ихъ Еллины. Всѣ домы въ немъ, каменные, покрыты черепицею, и съ лица во всю длину имѣютъ открытую деревянную галлерею съ столбиками и съ кровлею. Всѣхъ семействъ тамъ 250, а церковь одна, во имя св. Стефана. Она числится въ епархіи епископа Аѳоно-Ериссовскаго. Турковъ здѣсь нѣтъ. Ляриговцы имѣютъ свои виноградники, но главный промыселъ ихъ есть тканье шерстяныхъ ковровъ, которые покупаютъ, больше всѣхъ монастыри. Нѣсколько ихъ собратій работаютъ по найму въ сосѣднихъ рудахъ, золотыхъ и серебряныхъ. Всѣ Ляриговцы и наипаче ихъ жены, дочери и малые дѣти очень бѣлы. Между ними я видѣлъ даже весьма рыжихъ. Какъ потомки славянъ и влаховъ, разселившихся въ Солунской области съ 675 года, они говорятъ хоть и по гречески, но съ примѣсью словъ славянскихъ; напримѣръ, *простихосъ*—простый, *сполоканіе*—полосканіе, *проводизо*—провожаю *).

*) Въ самомъ названіи села, Ляригово, слышится славянское рѣченіе, яругa, означающее мѣстность, находящуюся въ яру, на юру

10. Пятница. — Изъ Ляригова я выѣхалъ въ семь часовъ пополуночи, такъ рано потому, что желалъ засвѣтло поспѣть на ночлегъ въ Ватопедскій метохъ, находящійся на Аѳонскомъ перешейкѣ у Ксерксова канала. Ровная дорога подо мной пролегала по широкой нагорной выси, воздѣланной окрестными жителями. Налѣво отъ нея указывали мнѣ села Палеохори и Новосело. До перваго села отъ Ляригова доѣзжаютъ въ три четверти часа, а до втораго въ часъ съ четвертью. Я не сворачивалъ туда съ большой дороги и скоро проѣхалъ, сперва мимо родника воды близь Новаго села, по межгорной расширенной котловинѣ, и въ концѣ ея вступилъ въ горнозаводскій околотокъ, глѣ находится средоточіе управленія металлическими рудами, которое мнѣ назвали двумя именами, Хуруда и Арнауткёй. Предъ въѣздомъ въ этотъ околотокъ у дороги налѣво стоитъ высокая сторожевая башня, Пиргосъ. Далѣе тянутся безобразныя рытвины, а еще далѣе направо отъ дороги находится сказанное управленіе. Я осмотрѣлъ его снаружи. Это большой четверосторонній дворъ, обнесенный каменными стѣнами, съ помѣщеніями для Турецкаго Аги, завѣдывающаго здѣшними рудами, и для его челядинцовъ вооруженныхъ и безоружныхъ. Надъ воротами сего двора въ стѣну вставленъ мраморный барельефъ предсгавляющій какое-то животное. Вотъ онъ въ испорченномъ видѣ его.



Кавасъ мой звалъ меня въ домъ аги, которому подвѣдомы двѣнадцать горнозаводскихъ селъ: но я не пошемъ къ нему, и осѣдлавъ коня, поѣхалъ далѣе.

Мой конь идетъ. А я сижу на немъ и рязсуждаю: — „осмотрѣнная мною Хуруда должна быть классическая Пирида. Такъ

какъ Пνрида, значитъ Огневица, то сіе названіе весьма прилично такому мѣсту, гдѣ огнемъ плавится золото и серебро. А въ Хурудѣ берегутся эти сплавленные огнемъ металлы. Слѣдовательно, нынѣшняя Хуруда есть древняя Пνрида.

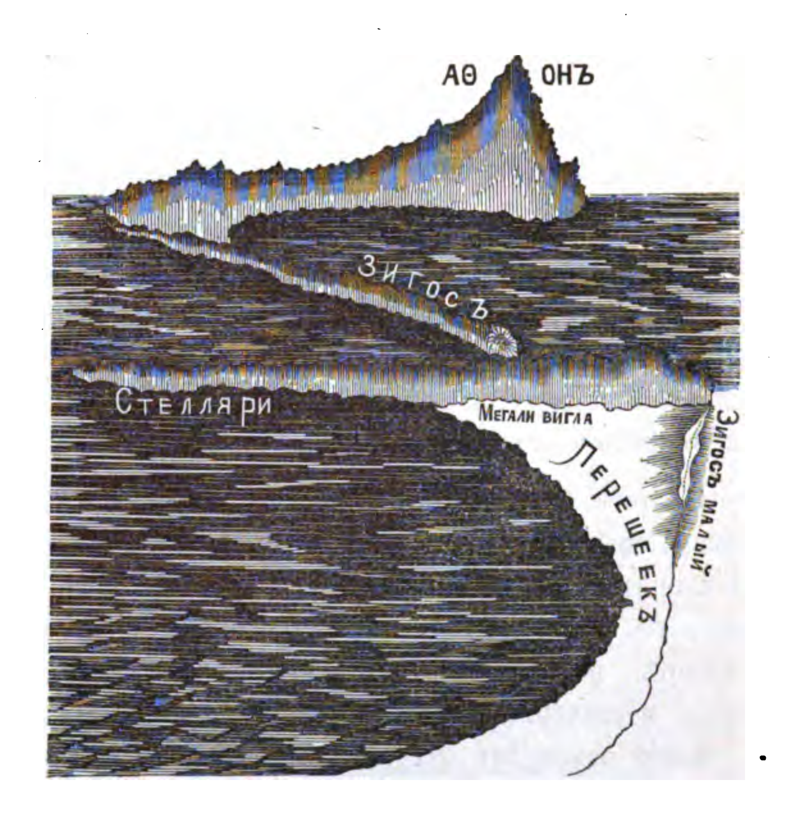
Мой конь идетъ. А я сижу на немъ, и вижу налѣво отъ дороги покинутыя и развалившіяся зданія. Спрашиваю каваса: какъ называются эти развалины. Онъ отвѣчаетъ: *Чарки:* и motu proprio толкуетъ мнѣ, что Чарки значитъ серебро.—Вѣроятно, это классическій Халкисъ:" подумалъ я и продолжалъ свой путь, видя впереди село Низворо, или Гисворо *).

На краю этого села встрѣтила поѣздъ мой молодая, рыжая, баба и сказала мнѣ: не угодно ли вамъ осмотрѣть здѣшнюю пещеру и поклониться пещерной Божіей Матери. Многіе Франки осматриваютъ ее.—Я спѣшился, и съ кавасомъ пошелъ за бабою къ пещерѣ, но заглянувъ въ нее (она показалась мнѣ въ родѣ тоннеля) и ощутивъ сырость пещернаго воздуха, воротился назадъ въ чаяніи осмотрѣть эту невидаль на обратномъ пути съ Аѳона. Баба получила отъ меня денежный подарокъ и, довольная собою, ушла домой. Мнѣ же захотѣлось немножко отдохнуть. Кавасъ завелъ меня и весь поѣздъ мой въ одинъ заѣзжій домъ. Тутъ съ открытой галлереи я увидѣлъ весь Аѳонъ съ его тремя заливами и перешейкомъ, и начертилъ гористый планъ его.

Онъ даетъ самое вѣрное понятіе о положеніи и направленіи этой горы въ водахъ Эгейскаго моря. Смотрите на перешеекъ: тутъ находятся хозяйственные метохи нѣсколькихъ монастырей Аѳонскихъ и епархіальный городъ Ериссо. Смотрите на Стелляри и Мегали—Виглу: тутъ лѣсъ, и ничего болѣе. Смотрите на Зигосъ большой: онъ раздѣленъ между немногими святогорскими обителями, какъ хозяйственная мѣстность. Смотрите на Аѳонъ: тамъ по обѣ стороны его стоятъ монастыри и скиты.

---

*) Γῆς βορᾶ—выворотъ земли, изъ которой добываютъ металлы. Низворо напоминаетъ иллирійское слово, *изваракъ*, отъ глагола *варю*, провариваю металлы.



Село Низворо меньше Ляригова. Въ немъ насчитываютъ не болѣе 70 домовъ. Жители всѣ—православные христіане. Церковь у нихъ новая, каменная. Они составляютъ паству Ериссовскаго епископа, который живетъ въ Низворѣ, потому что Ериссовцы строптивы. Я не видалъ его, не заходилъ и въ церковь, поспѣшая на ночлегъ еще не близкій.

Изъ Низвора дорога къ Аѳону подъ прямымъ угломъ поворачиваетъ съ сѣверовостока на югъ, пролегая близъ моря въ крутоярой долинѣ, орошаемой потокомъ горячей ало—красноватой воды: знакъ, что она въ верховьѣ своемъ протекаетъ сквозь руду металлическую. По этой долинѣ, опушенной лѣсомъ, я прошелъ пѣшкомъ, и кое-гдѣ видѣлъ кучи металлической изгари. Въ одномъ мѣстѣ кавасъ показалъ мнѣ въ землѣ маленькій родникъ воды. Она была весьма чиста, холодна и вкусна. Странно

водяные пути подъ землею? Никто ихъ не видалъ и не увидитъ. Тѣмъ лучше. Таинственность природы возбуждаетъ и поддерживаетъ благоговѣніе предъ Творцомъ ея, премудрымъ и благимъ.

Гдѣ кончилась долина съ горячею водою, тамъ началась обширная равнина, на которой Низворцы воспитываютъ маисъ, орошая его этою водою. Тутъ я сѣлъ на коня, и скорымъ шагомъ проѣхалъ, сперва, подлѣ водяной мельницы Аѳонохиландарскаго монастыря, приводимой въ движеніе водою, текущею съ сосѣднихъ горъ, потомъ мимо села Іериссà, и остановился ночевать въ метохѣ Аѳоно-Ватопедской обители, построенномъ на приморской выси близъ Ксерксова канала, который оповѣщенъ многими и многими классическими писателями. Хозяинъ метоха монахъ принялъ меня радушно и успокоилъ.

Классическій околотокъ видѣлъ я сегодня. Нынѣ онъ называется Сидирокавсія, по нашему *Желѣзо-горнъ*, а во времена классическія его именовали Χώρα, Χαλκιδική, т. е. *область Мѣднорудная.* Кстати здѣсь вставляю коротенькую исторію сего околотка, приготовленную не въ настоящее время.

Въ древнѣйшее время этотъ околотокъ населяли Ѳракіяне, именно Кристоны, Висалты и Идоны *). Они, по свидѣтельству Аппіана, не жили на берегахъ сосѣдняго моря, потому что боялись моряковъ. [De bellis civilibus L. IV. cap. 102.].

Къ нимъ, за 1000 лѣтъ до Рождества Христова, прибыли съ острова Евбеи Халкидикійцы, и заняли не только весь горный околотокъ, о которомъ идетъ рѣчь, но и часть Аѳона и приморскія мѣста при заливахъ Стримонскомъ, Сингитскомъ и Торонскомъ **). Тутъ ими построены были тридцать два союзные города, изъ которыхъ извѣстны: 1) Пирида, нынѣ Хуруда или Арнаут—кёй, 2) Халкисъ, нынѣ Чáрки, 3) Киссосъ, нынѣ Низво-

---

*) Thucid. L. IV c. 109. Herodot. L. VII. c. 114. 115. 124.—Appian. de bell. civil. L. IV. c. 102.

**) Thucid. L. IV c. 79. 84. 102. 103. sq. 110.—Athen. Deipnosophist. L. VIII. c. II.—
[illegible]

ро, 4) Аполлонія, нынѣ село Полина, не далеко отъ озера Бежикъ, 5) Клеоны на мѣстѣ нынѣшнихъ Аѳонскихъ монастырей, Филоѳеевскаго и сосѣдняго съ нимъ Иверскаго, 6) Торóни у соименнаго залива, 7) Микиверна, нынѣ село Никита тутъ же, 8) Олинѳосъ, нынѣ село св. Мáмасъ тутъ же, 9) Гира (нынѣ Полигиро) на Каламаріи, 10) Арни, и 11) Ангии, не знаю гдѣ. Эти Халкидикійцы были рудокопы и металлопромышленники: что̀ доказывается и самымъ названіемъ ихъ, Χαλκεύς, *мѣдникъ, кузнецъ*. Я полагаю, что они, первые, начали разработывать металлическія руды, которыхъ довольно много въ Халкидикійскомъ околоткѣ, а въ приморскихъ пристаняхъ, Аѳоноклеонской, Аканѳосской, Торонской и Олинѳомикиверской, продавали добытые металлы свои, серебро, золото и желѣзо. Этою торговлею обогащались преимущественно Акáнѳосъ и Олинѳосъ.

Историческія извѣстія о Халкидикійцахъ начинаются съ 495 года до рождества Христова. Въ этомъ году Персидскій царь Дарій Истаспъ, побѣдивши возставшихъ противъ него Малоазійскихъ Іонянъ, переправилъ свое войско и флотъ черезъ Дарданельскій проливъ во Ѳракію подъ предводительствомъ полководца Мардонія, и повелѣлъ ему идти къ Аѳинамъ и наказать сей городъ за то, что онъ давалъ помощь мятежнымъ Іонянамъ.

„Такъ какъ Мардоній,—говоритъ Иродотъ,—намѣревался „взять возможно большее число городовъ Греческихъ; то послалъ флотъ свой къ острову Ѳасу, дабы покорить жителей его, хотя они не сдѣлали ничего враждебнаго Персамъ, и въ тоже время сухопутную армію свою велъ противъ Македонянъ, дабы присоединить ихъ къ прочимъ завоеваніямъ Персовъ. Всѣ племена, какія жили въ областяхъ, лежащихъ между Егейскимъ моремъ и Македоніею, уже покорены были Мардоніемъ. Флотъ его, послѣ сдачи Ѳаса, держась береговъ Европейскаго материка, плылъ къ Халкидикійскому городу Аканѳосу, а оттуда мимо Аѳона, но въ тѣ часы, когда ему надлежало обогнуть оконечность этой горы,

множество кораблей. Увѣряютъ, что отъ нея погибло триста судовъ и 20,000 людей. Ибо, море омывающее Аѳонъ, болѣе прочихъ морей, наполнено морскими чудовищами; и они-то пожрали большую часть людей, упавшихъ въ это море, тогда какъ другіе утонули у Аѳонскихъ утесовъ, не умѣя плавать; пловцы же погибли отъ холода. Такъ исчезъ флотъ. Между тѣмъ Мардоній, продолжая походъ въ Македонію во главѣ сухопутнаго войска своего, ночью былъ окруженъ Бригами (народъ Ѳракійскій). Они убили множество солдатъ его; и самъ онъ былъ раненъ въ этой схваткѣ. Однако Ѳракіяне не избѣжали ига Персидскаго. Мардоній покорилъ ихъ, но покоривши, воротился назадъ, бывъ принужденъ къ тому пораженіемъ Бриговъ и наипаче потерею флота, и перешелъ въ малую Азію".—Herodot. L. VI. c. 44. 45.

493—490 г. до Р. Х.—По смерти Дарія сынъ его Ксерксъ, рѣшившись покорить Аѳинянъ и опасаясь, какъ бы парусныя суда его не погибли у Аѳона, велѣлъ вырыть каналъ на перешейкѣ сей горы, дабы по нему флотъ его безопасно прошелъ изъ Стримонскаго залива въ Сингитскій. Эта работа продолжалась три года. Выслушаемъ разсказъ о ней Иродота. „Солдаты, которыхъ привезли сюда на трехпалубныхъ судахъ, прорѣзывали гору. Ихъ плетьми понуждали работать; и тѣ изъ нихъ, которые умирали, тотчасъ были замѣняемы другими. Племена, жившіе въ сосѣдствѣ съ Аѳономъ, были употребляемы на эту работу, которая производилась подъ начальствомъ Вувариса, сына Мегабазова, и Артахея сына Артеева: тотъ и другой были природные Персы... Прорытіе же горы дѣлалось такъ, какъ я спѣшу разсказать. Варвары поплеменно раздѣлили между собою всю мѣстность по линіи, обозначенной шнуромъ, начиная отъ города Са́ниса. Когда земля была выкопана глубоко, тогда работники, остававшіеся въ глуби, продолжали копанье, а другіе, держась на ступеняхъ лѣстницъ, принимали отъ нихъ землю, и передавали ее изъ рукъ въ руки, выше и выше, а стоявшіе на верхнихъ ступенькахъ бросали ее за черту свою. Всѣ эти работники, за исключеніемъ Финикіянъ, дважды дѣлали одно и тоже по причинѣ

обваловъ обѣихъ сторонъ канала. Такъ какъ они копали его одинаково широко внизу и вверху, то отвѣсныя стороны его обваливались. Финикіяне же, болѣе другихъ свѣдущіе въ такой работѣ, производили ее на отведенной имъ по жребію мѣстности такъ, что верхнія части канала были гораздо шире опредѣленной части нижней, и всю копку дѣлали откосною. На сосѣднемъ лугу они устроили рынокъ, и тутъ продавали зерно, доставляемое изъ малой Азіи. Магазины были поставлены въ Тиродизѣ у Перинѳіянъ, въ Дорискѣ, въ Іонѣ у устья рѣки Стримона, и въ самой Македоніи“.—Herodot. L. VII. c. 21—23. —Жители Аѳонскаго селища Ерисса̀, которое было пристанію Халкидикійскаго города Аканѳоса, увѣряли меня, что у нихъ близъ моря находятся подземельные магазины древніе, которыхъ однако никто еще не откапывалъ. Но продолжимъ разсказъ Иродота.

— L. VII. c. 115 et sequ.—Сухопутное войско Ксеркса, переправившись черезъ рѣку Стримонъ, прошло по берегу моря мимо греческихъ городовъ, Аргила и Стагира, и остановилось у Аканѳоса. Тутъ царь Ксерксъ угощалъ жителей сего города и подарилъ имъ Мидійскую одежду за то усердіе, съ которымъ они помогали ему исполнить его предпріятіе. Когда же онъ узналъ, что Аѳонскій каналъ конченъ, тогда осыпалъ ихъ похвалами. Во время остановки арміи его въ Аканѳосѣ заболѣлъ и умеръ Артахей, который заправлялъ копаніемъ названнаго канала. Онъ происходилъ изъ фамиліи Ахеменидовъ, ростомъ былъ въ пять царскихъ локтей безъ четырехъ перстовъ (поставленныхъ ребромъ одинъ надъ другимъ), и имѣлъ голосъ громче и звучнѣе всѣхъ голосовъ человѣческихъ. Ксерксъ, опечаленный потерею его, сдѣлалъ ему погребеніе великолѣпное. Вся армія насыпала холмъ надъ его могилою. Жители Аканѳоса, по вѣщанію оракула, воздали памяти его почести героическія съ призываніемъ собственнаго имени его. Ксерксъ разстался съ флотомъ своимъ въ Аканѳосѣ, приказавъ адмираламъ идти и ждать его въ Ѳерми, городѣ, находящемся у соименнаго съ нимъ залива. Ибо онъ освѣдомился, что дорога по направленію къ сему городу ко-

роче других путей. Сухопутное же войско его отъ Дориска до Аканѳоса шло въ слѣдующемъ порядкѣ. Первый отрядъ его, подъ начальствомъ Мардонія и Масиста, шелъ по берегу моря въ виду флота; вторый предводимый Тритантэхмомъ и Гергисомъ, и составлявшій треть войска, какъ и первый, проходилъ гораздо выше моря, по областямъ внутреннимъ, а третій, при которомъ былъ Ксерксъ, и которымъ командовали Смердомѐнъ и Мегабизъ, шелъ между оными двумя отрядами. Флотъ же по каналу, прокопанному въ Аѳонской горѣ, переправился въ Сингитскій заливъ, на берегахъ котораго находились города, Асса, Пилоросъ, Сингосъ и Сарта *), и забравъ тутъ войска и корабли, какіе только могли доставить эти города, отплылъ въ заливъ Ѳермійскій."

Извѣстно, что этотъ походъ Ксерска былъ весьма неудаченъ. Греки одолѣли его.

489—425 годъ до Р. Х.—Потомъ побѣдитель Персовъ Мильтіадъ предложилъ Аѳинянамъ взимать подать съ союзныхъ острововъ и городовъ для содержанія морскаго флота, который защищалъ бы всѣхъ союзниковъ и препятствовалъ бы Персіи расширять ея владычество. Это предложеніе его было принято, а приведено въ исполненіе уже Ѳемистокломъ и Аристидомъ. Аристидъ въ 489 году обложилъ податью всѣ богатые Аѳонохалкидикійскіе города. Аканѳосъ давалъ три таланта, Діонъ—одинъ талантъ постоянно, Ѳиссосъ сперва 4000 драхмъ, а потомъ одинъ талантъ, Клеонэ 500 драхмъ, Олофиксосъ 2000 драхмъ, Санисъ сперва 4000 драхмъ, потомъ 1 талантъ, затѣмъ 1000 драхмъ, Аргилосъ сперва 1 талантъ, потомъ 1000 драхмъ, Асса сперва 2,400 драхмъ, потомъ 3000 драхмъ, Спартолосъ сперва 2 таланта, потомъ 3 таланта 500 драхмъ, Микиверна то 1 талантъ, то 4000 драхмъ, Олинѳосъ 2 таланта, Пилоросъ 600 драхмъ, Ермилія сперва 3 таланта, потомъ 5 талантовъ, за тѣмъ 4 таланта 3000 драхмъ, Сингосъ сперва 4 таланта, потомъ 2 таланта, затѣмъ 3 таланта, Стагира 1000 драхмъ постоянно, Торѳни сперва 4 таланта 500

*) Смотри эти города на моей картѣ, приложенной къ исторіи Аѳона.

драхмъ, потомъ 6 талантовъ, затѣмъ 12 талантовъ. [Corpus inscriptionum atticarum. Volum. 1. p. 229—231. Berolini 1873].

431—360 г.—Спустя 59 лѣтъ послѣ Ксерксова похода въ Грецію, возникла Пелопонесская война Аѳинянъ и Лакедемонцовъ, которая продолжалась 27 лѣтъ, и кончилась не въ пользу Аѳинянъ. Главною причиною ея было стѣснительное для Грековъ преобладаніе Аѳинской республики. Въ этой войнѣ принимали дѣятельное участіе Халкидикійцы. Прочтемъ разсказъ объ этомъ очевидца Ѳукидида.

L. IV. c. 79.—Въ 424 году до Р. X. Лакедемонскій полководецъ Врасидъ съ войскомъ своимъ прошелъ по Ѳессаліи такъ поспѣшно, что никто не былъ готовъ задержать его, и соединившись съ Македонскимъ царемъ Пердиккою, вступилъ въ Халкидикію. Ибо онъ изъ Пелопоннеса приглашенъ былъ этимъ царемъ и тѣми Ѳракіянами, которые измѣнили Аѳинской республикѣ, страшась ея могущества. Халкидикійцы и жители сосѣднихъ городовъ, не свергая съ себя ига этой республики, и гадая, что она напала бы на нихъ—первыхъ, тайно просили помощи Врасида. Что касается до Пердикки, то онъ хоть и не враждовалъ съ Аѳинянами открыто, но старые споры его съ ними заставляли его опасаться; при томъ у него было намѣреніе смирить царя Линкистовъ Арривея. Такимъ образомъ затруднительныя обстоятельства, въ какихъ находилась Лакедемонія, пособили ему легко получить помощь, которой онъ желалъ“.

Ibidem. c. 81.—Желали и Халкидикійцы имѣть Врасида на своей сторонѣ, такъ какъ въ Спартѣ считали его человѣкомъ весьма способнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, и цѣнили наиболѣе тогда, когда онъ отправился въ походъ. Съ той поры, когда ему поручено было полководство, онъ доказалъ городамъ свою справедливость и умѣренность, кои отвлекли большую часть изъ нихъ отъ союза съ Аѳинами, а въ другихъ городахъ пріобрѣли ему сторонниковъ, которые и сдавали ему ихъ. При такихъ пріобрѣ-

а наипаче переносить войну за предѣлы Пелопоннеса. Притомъ добродѣтель и благоразуміе Врасида, эти качества, кои однимъ извѣстны были лично, а другимъ по достовѣрной молвѣ, внушали союзникамъ Аѳинянъ особенное расположеніе къ Лакедемонянамъ. Такъ какъ онъ съ такими совершенствами, первый, вышелъ изъ Спарты (въ иностранныя области), то и думали, что всѣ прочіе сограждане таковы же, каковъ онъ. Cap. 82—Аѳиняне, узнавши о прибытіи его въ Ѳракію, объявили Пердикку врагомъ своей республики, полагая, что онъ былъ виновникомъ этой экспедиціи, и теперь болѣе, нежели когда либо, присматривали за своими союзниками.

Cap. 83—Пердикка же соединилъ свои рати съ полками Врасида, и тотчасъ началъ войну съ Арривеемъ, царемъ Македонскихъ Линкистовъ. Ибо между ними, какъ сосѣдями, были споры; и Пердиккѣ хотѣлось свергнуть Арривея съ престола. Его армія уже приблизилась къ Линкистамъ: но Врасидъ объявилъ, что онъ до начала битвъ желаетъ видѣться съ царемъ ихъ и, если можно, вовлечь его въ союзъ съ Лакедемонцами. Да и Арривей чрезъ глашатая оповѣстилъ, что онъ готовъ признать сего полководца третейскимъ судьею. Но съ другой стороны депутаты изъ Халкидикіи, находившіеся у Врасида, упрашивали его не пугать Пердикку, если угодно, дабы онъ старательно послужилъ дѣлу. Наконецъ депутаты, которыхъ самъ Пердикка послалъ въ Лакедемонію, увѣряли, что онъ нѣсколько сосѣднихъ областей вовлечетъ въ союзъ съ сею республикою. Однако Врасидъ для общаго блага рѣшился поддерживать Арривея. Напрасно Пердикка поставлялъ ему на видъ, что онъ призвалъ его не для того, чтобы судить его споры съ царемъ Линкистовъ, а для того, чтобы съ помощію его освободиться отъ враговъ, какіе были бы указаны ему, и что несправедливо вести переговоры съ Арривеемъ, когда онъ, Пердикка, содержитъ половину всѣхъ полковъ. Врасидъ, не смотря на эти представленія, разузналъ споры обоихъ царей этихъ, и убѣжденный доводами царя Линкистовъ, воротилъ свои полки отъ границы владѣнія его. Тогда Пердикка,

оскорбленный этимъ, доставилъ только третью часть продовольствія, вмѣсто половины.

Cap. 84. — Въ томъ же (424-мъ) году, не задолго до собранія винограда, Врасидъ съ Халкидикійцами подступилъ къ Аканѳосу: это колонія съ острова Андроса. Тогда въ этомъ городѣ были двѣ партіи: одна, стакнувшаяся съ Халкидикійцами, сама призвала его; а другая была народная. Обѣ онѣ имѣли жаркія пренія касательно пріема его, но боясь, какъ бы онъ не истребилъ виноградниковъ ихъ, согласились впустить его въ городъ свой и рѣшить дѣло по выслушаніи рѣчей сего полководца. Врасидъ явился въ народное собраніе и сказалъ имъ рѣчь, (которая помѣщена въ моей исторіи Аѳона, часть I. § 14).

Cap. 88.—Аканѳяне послѣ умной и воинственной рѣчи Врасида поспорили, пошумѣли, и боясь лишиться виноградниковъ своихъ, рѣшились отстать отъ Аѳинянъ. Тогда Врасидъ поклялся не нарушать ихъ свободы и самоправности. Съ этимъ условіемъ они приняли ополченіе его. Ихъ примѣру послѣдовалъ ближній городъ Стагира, основанный островитянами Андросцами.

Cap. 102—108.—Въ ноябрѣ и декабрѣ того же 424 года Врасидъ изъ Халкидикійскаго города Арни съ Ѳракійскими союзниками своими пошелъ къ Амфиполю, расположенному на обоихъ берегахъ рѣки Стримона, пошелъ съ тѣмъ, чтобы овладѣть этою Аѳинскою селитвою. Вечеромъ онъ прибылъ въ Авлонъ и Бромискъ, кои находились тамъ, гдѣ Волвійское озеро (нынѣ Бежикъ) сливается съ моремъ, отобѣдалъ тутъ, и продолжалъ шествіе ночью. Погода была худая: падалъ снѣгъ. Но не смотря на то, онъ спѣшилъ, желая скрыть отъ Амфиполійцовъ свое приближеніе къ нимъ, по крайней мѣрѣ отъ тѣхъ, которые не были въ числѣ предателей Амфиполя; ибо въ этомъ городѣ проживали люди изъ сосѣдней Аргилы и многіе другіе, стакнувшіеся съ Врасидомъ, будучи подкуплены, одни, Пердиккою, а другіе Халкидикійцами. Особенно Аргилійцы, какъ сосѣди, постоянно подозрѣваемые Аѳинянами, желали завладѣть Амфиполемъ, и потому воспользовались походомъ Врасида, какъ случаемъ самымъ

благопріятнымъ для нихъ. Такимъ образомъ сей полководецъ съ помощію этихъ измѣнниковъ взялъ названный городъ безъ боя, предложивъ гражданамъ выгодныя для нихъ условія.

С. 109.—Потомъ онъ съ союзниками своими перенесъ войну на Аѳонъ. Здѣсь почти всѣ жители, какъ то Висалты, Кристоны, Идоны, Халкидикійцы и Пеласги предались ему: только два города, Санисъ и Діонъ, воспротивились; но за то онъ опустошилъ околотки ихъ. Это было ранѣе 9-го апрѣля 423 года.

Сар. 110.—Съ Аѳона Врасидъ пошелъ къ Халкидикійскому городу Торо́нѣ, который заняли Аѳиняне: εὐθὺς στρατεύει ἐπὶ Τορώνην τὴν Χαλκιδικήν, κατεχομένην ὑπὸ Ἀθηναίων. Туда пригласила его немногочисленная партія, готовая сдать ему сей городъ. Онъ явился тутъ предъ разсвѣтомъ, и не замѣченный ни Аѳинскимъ гарнизономъ, ни тѣми жителями, которые не были сторонниками его, остановился на мѣстности, посвященной Діоскурамъ (Кастору и Поллуксу), въ трехъ съ небольшимъ стадіяхъ отъ Торони. Тогда всѣ, стакнувшіеся съ нимъ, узнавъ о походѣ его, тайно вышли изъ сего города въ маломъ числѣ и, какъ только онъ явился, взяли у него семь воиновъ, вооруженныхъ кинжалами. Ихъ велъ Лизистратъ изъ Олинѳоса. Они вошли въ Торони, перелѣзши черезъ стѣну, что съ приморской стороны, никѣмъ не замѣченные и, убивъ стражу цитадели, разломали малые ворота со стороны Канастрійской.

Сар. 111. — Между тѣмъ и Врасидъ подвинулся немного впередъ, и отправилъ сто *пелтастовъ* съ тѣмъ, чтобы они первые ворвались въ городъ, когда отворятся ворота его, и когда будетъ данъ знакъ. Они тихимъ шагомъ подошли къ Торонѣ въ тѣ минуты, когда тамъ сдѣлали свои распоряженія тѣ Торонцы, которые вошли туда съ воинами Врасида. Когда же малые ворота были разломаны, и когда былъ разбитъ засовъ воротъ, ведущихъ къ рынку; тогда измѣнники сначала ввели нѣсколько солдатъ чрезъ первые ворота, дабы съ двухъ сторонъ устрашить гражданъ, не участвовавшихъ въ измѣнѣ, потомъ по условію высоко подняли

сигнальный огонь, и впустили остальныхъ *пелтастовъ* чрезъ ворота рынка.

Cap. 112.—А Врасидъ, увидѣвъ исполненіе условленнаго маневра, двинулъ всѣ свои полки. Его ратники громкимъ крикомъ своимъ устрашили гражданъ и, одни, стремительно бѣжали на площадь, а другіе взбирались на городскія стѣны по деревяннымъ доскамъ, приставленнымъ для подъема камней къ обвалившейся стѣнѣ, которую Торонцы починивали. Врасидъ же съ большею частію своей арміи тотчасъ занялъ самыя возвышенныя мѣста въ городѣ, дабы онѣ не были оспариваемы у него, а остальные отряды его разбрелись по всему городу.

Cap. 113. Тогда большая часть Торонцовъ, ничего не зная, волновалась и шумѣла. А предатели, которымъ угодно было это, тотчасъ соединились съ пришлецами. Аѳиняне же, (со стороны которыхъ пятьдесятъ *оплитовъ* спали на площади), увидѣвъ бѣду, одни въ маломъ числѣ погибли въ битвѣ, а другіе спаслись то бѣгствомъ, то на двухъ сторожевыхъ судахъ, и укрылись въ крѣпости Ликиѳѣ (Λήκυθος), не измѣнившей имъ. Она составляла край города и находилась у моря на узкомъ перешейкѣ. Туда же убѣжали и тѣ Торонцы, которые были дружны съ Аѳинянами.

Cap. 114—115.—Когда уже насталъ день, Врасидъ, владѣя городомъ, объявилъ Торонцамъ, убѣжавшимъ вмѣстѣ съ Аѳинянами, что они могутъ возвратиться въ свои домы и безъ страха продолжать свои занятія, къ Аѳинянамъ же послалъ глашатая съ приказомъ выдти изъ Ликиѳа со всѣми пожитками ихъ, такъ какъ эта крѣпость принадлежала Халкидикійцамъ. Они отвѣтили, что не покинутъ ее, и попросили перемирія на одинъ день для погребенія мертвыхъ. Врасидъ далъ имъ срокъ двудневный, и по истеченіи его осадилъ Ликиѳъ. Осажденнымъ защитою служили худыя стѣны крѣпости и домы, снабженные прозорами для стрѣлянія. Однако въ первый день они отбили осаждавшихъ. Но эти на другой день подкатили машину, мечущую огонь на укрѣпленія деревянныя, и сами подошли къ мѣсту, гдѣ она дол-

жна дѣйствовать, мѣсту самому слабому. Тогда Аѳиняне поставили деревянную башню на одномъ зданіи и наносили въ нее большое количество горшковъ съ водою, корчагъ и большихъ камней. Кромѣ того помѣстилось тутъ много людей. Но такой тяжести не выдержало это зданіе, и рухнуло съ величайшимъ шумомъ. Тѣ Аѳиняне, которые находились близъ сего мѣста, были не столько устрашены этимъ случаемъ, сколько огорчены, а дальніе и наипаче солдаты, стоявшіе на самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ, подумали, что оная часть крѣпости взята, побѣжали къ морю и сѣли на суда.

Cap. 116.—Врасидъ, какъ только узналъ, что они ушли съ укрѣпленій, подступилъ къ стѣнамъ съ своею ратію, и тотчасъ овладѣлъ ими. Всѣ, кого онъ засталъ тутъ, были убиты. Аѳиняне же на корабляхъ и малыхъ судахъ ушли въ Паллини. Послѣ сего Врасидъ разрушилъ Ликиѳъ, и зимою укрѣпилъ взятыя имъ мѣста и обдумалъ планы новыхъ завоеваній. Съ этимъ временемъ года кончилось осьмое лѣто войны.

Cap. 117—124.—Въ началѣ весны Лакедемонцы и Аѳиняне заключили перемиріе на одинъ годъ. Въ этотъ промежутокъ времени Халкидикійцы и Аканѳяне помогали Врасиду и Македонскому царю Пердиккѣ въ войнѣ съ Арривеемъ, царемъ Линкистовъ на предѣлахъ Македоніи. Но этотъ походъ ихъ былъ неудаченъ.

Въ 422 году Аѳиняне, по окончаніи перемирія послали въ Ѳракію полководца Клеона и съ нимъ 30 военныхъ судовъ съ 12 сотнями пѣхоты, съ 300 всадниковъ, и съ многими союзниками. Онъ взялъ городъ Торону, и оставивъ въ немъ военную стражу, отплылъ мимо Аѳона къ Амфиполю. Туда же поспѣшилъ и Врасидъ съ своими полками. Но оба эти витязя были убиты въ сраженіи близъ сего города. Послѣ геройской кончины ихъ Аѳиняне заключили миръ съ Лакедемонцами на 50 лѣтъ.

(Diodor Sicul L. XII. c. 73, 74 — Thucid. L. V. c. I. 18).

Въ 421 году въ Греціи произошли новыя смуты, которыя

Коринѳъ и другіе, обидѣвшись тѣмъ, что Аѳиняне и Лакедемонцы обошли ихъ при заключеніи взаимнаго мира и союза, и подозрѣвая, что эти два народа замышляютъ подчинить себѣ всѣхъ прочихъ грековъ, составили свой особый союзъ наступательный и оборонительный. Къ Аргосцамъ присоединились Халкидикійцы Ѳракійскіе, что близъ Аѳона. Тогда же на Аѳонѣ Диктидіи взяли приступомъ союзный съ Аѳинянами городъ Ѳѵссосъ. Аѳиняне смирили ихъ и приняли въ число своихъ союзниковъ; однако они въ 418 году отложились отъ нихъ и пристали къ Халкидикійкамъ. (Diodor. Sicul. L. XII. c. 75. 76.—Thucid. L. V. c. 31. 35. 82).

383—380 годъ.—Прошли двадцат лѣтъ послѣ Пелопонесской войны Грековъ. Тогда близъ Аѳона усилилась республика Олинѳійская. Ея силы и честолюбивые замыслы понудили Македонскаго царя Аминту и два города, Аканѳосъ и столицу Халкидикіи Аполлонію, (нынѣ село Полина) просить Спарту, чтобы она смирила гордый Олинѳосъ. Спарта вняла ихъ просьбѣ. Началась война и кончилась присоединеніемъ Олинѳоса къ Лакедемонскому союзу. (Ходъ сей войны расказанъ въ моей исторіи Аѳона. Ч. I. § 15).

348 годъ.—По усмиреніи Олинѳосской республики прошли двадцать лѣтъ. Тогда соперникъ ея царь Аминта скончался. Престолъ его наслѣдовалъ Филиппъ, и въ десятый годъ своего царствованія покорилъ своей власти всю Халкидикію, и воспользовался ея рудниками. Сперва онъ взялъ приступомъ крѣпость Гиру, и нѣсколько другихъ мѣстечекъ съ помощію одного устрашенія, потомъ Микиверну и Торони посредствомъ измѣны, и наконецъ обратилъ свое оружіе противъ Олинѳоса, весьма значительнаго города въ Халкидикіи. Олинѳяне были разбиты имъ въ двухъ сраженіяхъ, послѣ которыхъ онъ окружилъ ихъ городъ и, потерявъ у стѣнъ его множество солдатъ, наконецъ взялъ его. Но какъ? Начальники Олинѳоса, Евѳикратъ и Ласѳенъ, были подкуплены имъ и, какъ измѣнники, сдали ему городъ свой. Филиппъ разграбилъ его и разорилъ до основанія, а жителей продалъ, какъ рабовъ. Та же участь постигла и Аполлонію Халки-

дикійскую *). Такимъ образомъ у него явилось много денегъ на военныя издержки. Эти деньги онъ щедро раздавалъ всѣмъ воинамъ, которые отличались храбростію, и ими же подкупалъ самыхъ вліятельныхъ жителей городовъ и увеличивалъ число измѣнниковъ ихъ родинамъ, и потомъ самъ же хвастался, что царство его увеличилось не столько силою оружія, сколько могуществомъ золота. (Diodor. Sicul. L. XVI. c. 52. 53. — Demosthen. Oratio in Philipp. III).

Исторія Халкидикіи, кромѣ принадлежащаго къ ней Аѳона, со времени покоренія ея Филиппомъ Македонскимъ, прекращается, потому что эта область, какъ часть захватившей ее обширной державы Македонской, перестала быть самоправною и самодѣйствующею.

Въ 148 году до Р. Х. она вмѣстѣ съ Македоніею вошла въ составъ имперіи Римской, а при царяхъ Константинѣ Великомъ, Гратіанѣ, Ѳеодосіи 1-мъ, и преемникахъ ихъ, состояла въ предѣлахъ царства Византійскаго. Въ пятомъ христіанскомъ вѣкѣ извѣстный Стефанъ Византіецъ, написавшій книгу *о городахъ*, упомянулъ о ней, сказавъ, что у Аѳона есть городъ Халкисъ, и что онъ на Паллинскомъ (Кассандрійскомъ) полуостровѣ прорѣзалъ глубокій и широкій каналъ, который называется Халкидскимъ. Ἔστι καὶ ἐν Ἄθω ἄλλη Χαλκίς, ὡς Εὔδοξος τετάρτῳ· μετὰ δὲ τὸν Ἄθω μέχρι Παλλήνης, ἣ ἐπὶ θάτερα πεποίηκε κόλπον βαθὺν καὶ πλατὴν, Χαλκίδα ἐπονομαζόμενον. Stephan, Byzantin. Vol. 1. Lipsiae 1825. Разумѣется, что богатые металлами Халкидикійцы сдѣлали этотъ каналъ не во время подчиненія своего Римлянамъ, а еще тогда, когда они были независимы и самоправны, вскорѣ послѣ разселенія своего на Аѳонѣ и въ окрестностяхъ его. Слѣды этого канала видны еще и нынѣ. — Византія не отстояла металлорудной Халкидикіи отъ нашествія Славянъ и Влаховъ. Въ 675 году по Р. Х. они, тѣснимые Болгарами на берегахъ Дуная, подня-

*) Appian, de bellis civil. L. IV. c. 102 — Philippus, Amyntae filius, cum Chalcidenses tum caeteros rursus ejecit (ex Thracia), ut nihil aliud jam praeter templorum ruinas ibi conspiceretur.«

лись оттуда съ женами и дѣтьми и со всѣмъ имуществомъ своимъ, и направились къ Солуню, которымъ однако не могли овладѣть, и потому водворились въ разныхъ мѣстахъ Византійскаго царства. Изъ нихъ Дреговичамъ и Влахамъ Рихинамъ и Сагудатамъ достались плодоносныя поля и лѣсистыя мѣста около Солуня и по дорогѣ къ Аѳону. Κῶμαι τινὲς πρὸς τῇ πόλει (Θεσσαλονίκῃ) τελοῦσι, Δρουγοβῖταί τινες καὶ Σαγουδάτοι τὴν κλῆσιν ὀνομαζόμενοι. Joann. Cameniat. de excidio Thessalonicae. Bonnae 1838. pag. 496. Тутъ они переименовали городокъ Халастру въ Галатисту, и высочайшей горѣ, Киссіонъ, дали два прозванія, славянское *Холмъ*, и валахское *Мунтъ*, отъ латинскаго слова montes—горы, а пощаженные ими туземные греки согласно съ ними говорили и писали уже Холомунтъ, или Хломутъ. Тутъ они основали селитвы, Рѣшетники, Новосело, Ляригово, Низворо, Правиту, Луково и другія. Тутъ понынѣ живутъ ихъ потомки и къ греческимъ словамъ, занятымъ отъ матерей—Гречанокъ, примѣшиваютъ слова славянскія, *умноцко, простихосъ, косизо, проводизо, руда, Осьмопетръ* вмѣсто Σιμοπετρα.—Во время царствованія Василія Македонскаго († 886 г.) и сына его Льва Мудраго († 911 г.) Халкидикія называлась уже Сидирокавсіей, вѣроятно потому, что тутъ кромѣ золота и серебра начали добывать желѣзо—ΣΙΔΕΙΡΟΝ. Читайте мою исторію Аѳона, часть III, § 16, и вы узнаете, что въ 887 году деревни Сидирокавсійскія и Холомунтскія сдѣлались было достояніемъ монастыря Аѳоноколовуйскаго, но по ходатайству аѳонскаго Прота Андрея освободились отъ ига монашескаго. Послѣ сего прошли 544 года безъ исторической жизни Сидирокавситовъ, работавшихъ въ своихъ рудникахъ и лѣсахъ и на поляхъ, работавшихъ для себя и царской казны. А съ 1430 года эти труженики подпали подъ иго турковъ, въ этотъ годъ взявшихъ съ бою столицу Македоніи Солунь, въ вѣдомствѣ которой состояла Сидирокавсія. Турки удержали это названіе сей области, и воспользовались рудниками ея. Изъ ихъ дѣеписанія, называемаго *Вакуфнамэ*, 976 года Эгиры (1568 года христіанскаго) и хранящагося въ Аѳо-

норусскомъ монастырѣ, видно, что они весь Аѳонъ причисляли къ Сидирокавсіи *). Въ 1821 году, по случаю общаго возстанія Еллиновъ, села этого округа были сожжены, а въ 1845 году я видѣлъ ихъ въ обновленномъ, хорошемъ, состояніи, хотя и была у нихъ чума въ 1829 году.

Кончена моя кратчайшая исторія Халкидикіи—Сидирокавсіи, но не вся. Мнѣ остается повѣдать о началѣ и судьбѣ христіанства въ этомъ, рѣдко кому извѣстномъ, околоткѣ Македоніи. Излагаю, что̀ знаю, начиная съ эпархіи Кассандрійской, и оканчивая Аѳоно-Ериссовскою.

Христіанство въ Македоніи, къ которой принадлежитъ Сидирокавсія вмѣстѣ съ трезубцомъ Аѳонскимъ, возвѣщено было св. апостоломъ Павломъ. Тамъ онъ благовѣствовалъ Христа, распятаго и воскресшаго, въ городахъ, Солунѣ, Верріи, Филиппахъ, и въ Аполлоніи Аѳонской, вездѣ успѣшно, кромѣ Аѳона. Изъ Солуня христіанская вѣра проникла въ Сидирокавсію, но не рано. Одна часть этой области состояла и состоитъ подъ священноначаліемъ епископа Кассандрійскаго, а другая въ вѣдомствѣ епископа Аѳоно-Ериссовскаго.

На мѣстѣ Кассандры древле стоялъ городъ Потидéя, основанный Коринѳянами, отнятый у нихъ Аѳинянами, а у этихъ взятый Филиппомъ Македонскимъ въ тотъ годъ, въ который родился у него сынъ Александръ. Зять сего Филиппа Кассандръ обстроилъ его съизнова и далъ ему свое имя. Съ сей поры городъ *Кассандра* извѣстенъ былъ классическимъ писателямъ, Плинію, географу Птоломею и Стефану Византійскому. Плиній, L. IV. c. 10, между прочимъ сказалъ о немъ, что *жители его воздаютъ почтеніе камню, упавщему съ неба:* in Pallenensi isthmo, quondam Po-

---

*) Въ 1549 году французскій путешественикъ Белонъ видѣлъ тутъ Грековъ, Турковъ, Албанцовъ, а больше Булгаръ и Сербовъ. „Ceux qui habitent aux minères de Siderocapsa sont gens ramassez, et usent de langage different, comme Esclavon, Bulgare, Grec, Turc, Albanois. Les ouvriers metallaires qui y besognent maintenant, sont pour la plus part de nation Bulgare. Les paysans des villages circonvoisins qui viennent au marché, sont chretiens et parlent la lanque Servienne et Grecque.—Belon Observat. chap. 49. 50.

tidaeo, nunė Cassandria Colonia, in qua coli solitum lapidem, qui de coelo ceciderat“.

Неизвѣстно, когда свѣтъ Христовъ озарилъ Кассандру, и кто былъ тутъ первымъ епископомъ. Не имѣя никакихъ *данныхъ* ни книжныхъ, ни каменорѣзныхъ, не смѣю говорить. что жители сего города были просвѣщены святымъ крещеніемъ въ царствованіе Константина Великаго, хотя и знаю, что христіане тогда уже были въ ближнихъ къ Кассандрѣ мѣстностяхъ, какъ-то въ Солунѣ, въ аѳонской Аполлоніи, и даже въ Пиднѣ (за Солунскимъ заливомъ, почти напротивъ Кассандры), гдѣ за Христа пострадалъ св. мученикъ Александръ въ царствованіе Максиміана*). Въ приморскомъ селѣ Ка́ссандрійской епархіи, называемомъ Агіо-Мама́ (древній Олинѳосъ) на стѣнѣ церкви св. Георгія уцѣлѣла вставленная въ нее Еллинская надпись 379 года нашей Эры. „Διδιάνη 'Αντιγόνα Πρείσκον Πρείσκου τὸν πάππον αὐτῆς. καὶ Διδιάνην Μύσαν τὴν μάμμην αὐτῆς. καὶ Διδιάνον Πρείσκον τὸν πατέρα αὐτῆς. καὶ 'Ελπίδιαν Μαγναν τὴν μητέρα αὐτῆς ζῶσαν: μνείας χαριν.—"Ετους ΘΥ, δίου ιή:—То есть: Дидіана Антигона (почтила) Приска Присковича дѣда своего, и Дидіану Мису бабку свою, и Дидіана Приска отца своего, и Елпидію Магну мать свою еще живую, 409 года, мѣсяца Дія 18 дня“.—Эта надпись съ 409 годомъ, считаемымъ отъ актійской побѣды Октавія Августа и соотвѣтствующимъ 370 лѣту отъ воплощенія Бога-Слова, доказываетъ, что въ это лѣто въ сосѣднемъ съ Кассандріею Олинѳосѣ еще были язычницы, Дидіана Антигона и мать ея Елпидія Ма́гна, и, безъ сомнѣнія, многіе другіе. Тогда же могли быть они и въ Кассандрѣ, какъ были въ аѳонскомъ городѣ Діонѣ, гдѣ въ 321 году нашей эры Германъ Ираклъ идолопоклонникъ заживо изготовилъ себѣ и женѣ своей Діонисіи мраморную гробницу въ мѣсяцѣ Панимувѣ. (Смотр. мою Истор. Аѳона. Ч. 1. §. 31).

Полагаю, что Кассандрійцы приняли христіанство въ цар-

*) Мѣсяцесловъ Вершинскаго. Мѣсяцъ Мартъ, 13 день. Прологъ.—Acta SS .14 mart.—Мѣсяцесловъ. Васил. 13 и 14 марта.

ствованіе Өеодосія Великаго, когда онъ повелѣлъ запереть всѣ языческія капища. При этомъ государѣ нельзя было имъ обожать камень, спадшій съ неба: напротивъ, надлежало, хотя не хотя, почитать *Камень нерукосѣчный, отъ нѣсѣкомыя горы отсѣченный.* Въ 431 году спустя 35 лѣтъ по смерти Өеодосія, у нихъ уже былъ епископъ Ермогенъ. Онъ присутствовалъ въ двухъ вселенскихъ Соборахъ, Ефесскомъ 431 г. и Халкидонскомъ 451 г., и подписалъ опредѣленія ихъ.

Въ 540 году Гунны разрушили городъ Кассандру и всѣ окрестныя селенія, а большую часть тамошнихъ жителей взяли въ плѣнъ. Однако Кассандра была возобновлена и укрѣплена царемъ Іустиніаномъ 1-мъ [Procop. de bello Persico. Vol. 1. pag. 166—168· Bonnae. 1833.—Ejusdem de aedificiis IV pag. 276. 279. 380. Bonnae. 1838.]

Въ 876 году преподобный Евѳимій Аѳоно-солунскій проживалъ въ принадлежащей къ Кассандрійской епархіи слободѣ Ермиліи, что у берега Торонскаго залива, и тутъ въ храмѣ св. великомученника Димитрія постригъ въ монашество ученика своего Василія, который впослѣдствіи былъ Солунскимъ епископомъ и написалъ Житіе его. (Истор. Аѳона Ч. III. §. 10).

Въ 887 году Кассандрійская Епископія считалась пятою въ числѣ 12-ти Епископій, подвѣдомыхъ митрополиту Солунскому. (Σύνταγμα τῶν κανόνων. T. V. pag, 478. Ἀθήνησιν. 1855).

Въ 997 году Кассандрійскій епископъ Левъ присутствовалъ при размежеваніи поземельныхъ владѣній Полигирскаго монастыря, принадлежавшаго Аѳоно-Иверской обители, и сосѣднихъ деревень. (Дѣло Солун. судіи Николая Протоспаѳаря въ архивѣ названной обители).

Въ 1307/8 году городъ Кассандра былъ пустъ. Но тогда разбойники Каталанцы съ Турками провели тутъ зиму.—[Nicephor. Gregorae Hist. Byzant. L. VII. c. 6. T. 1. p. 245. ed. Bonnae].

По завоеваніи греческаго царства Турками (въ 1453 году) извѣстенъ былъ Кассадрійскій архіерей Іоанникій ученіемъ о смерт-

ныхъ грѣхахъ, причиняющихъ безславіе Христовой Церкви. [Le Quien Oriens Christian. T. II. pag. 77. 78.—„Vir doctissimus Nicolaus Comnenus Papadopoli in Praenotionibus mystagogicis respons. 3. Sect. 6. de infamia num. I. affirmat mortiferum quodlibet peccatum infamiam inferre penes ecclesiam, eam scilicet Rempublicam, Principis, id est Christi majestate per culpam laesa.—Haec uno, inquit, statim impetu certa proponimus ex jure quod nostris (Graecis) Latinisque commune est, quodque nostris unicum in tanta captivitate est, quemadmodum Balsamon ante captivitatem, post captivitatem vero Andreas Pericopus, et Joannicius Cassandrensis episcopus in Meditation. ad Ioannem Athenic. de legibus Caesarum.—Vixit igitur Ioannicius post Byzantinorum sub Turcorum tyrannide captivitatem].

Въ 1560 году смиренный епископъ Кассандріи Козма подписалъ рѣшеніе Константинопольскаго Синода объ устраненіи вселенскаго патріарха Іоасафа. [Le Quien. ibidem]. Онъ же въ 1580 году вселенскимъ патріархомъ Іереміею посылаемъ былъ на Аѳонъ, яко екзархъ, для рѣшенія спора лавры и Филоѳея о кельѣ Милопотамской. (Архивъ Филоѳейскій).

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1639 года Лаврентій *архіепископъ* Кассандрійскій рукоположенъ былъ вселенскимъ патріархомъ Парѳеніемъ старшимъ, Мелетіемъ Ефесскимъ, Іоанникіемъ Ираклійскимъ, Макаріемъ Терновскимъ, Езекіилемъ Амасійскимъ, Акакіемъ Навпактскимъ, Парѳеніемъ Митилинскимъ, Гавріиломъ Филиппопольскимъ и Дамаскиномъ Визійскимъ. [Le Quien. ibidem.—„Consecrationis eius literas, viri pereruditi Iacobi Goarii nostri manu descriptas, aliasque de illius in Cassandriae throno impositione, in schedis habeo].

Въ 1720 году въ Кассандрѣ святительствовалъ архіепископъ Арсеній. [Le Quien. Ibidem].

Въ путешествіи по Македоніи генеральнаго консула Франціи Кузинери, напечатанномъ въ Парижѣ въ 1831 году, упомя-

нуто, что Кассандрійскій архіепископъ (имркъ) имѣлъ свое пребываніе въ мѣстечкѣ Полигирѣ, и что въ селѣ Агіо—Ма́мѣ, духовно зависящемъ отъ сего архіепископа, находилась одна церкорь св. Георгія съ тремя священниками, а прочія одинадцать церквей, св. Мамонта, св. Димитрія, св. Николая, св. Аѳанасія, св. Іоанна Предчети, св. Христофора, св. Апостоловъ, св. Пророка Иліи, Преображенія Господня (названія двухъ остальныхъ забыты), лежали въ развалинахъ, какъ свидѣтели объ исчезнувшемъ благосостояніи красовавшагося тутъ нѣкогда города Олинѳоса.

Вотъ все, что я знаю въ настоящее время о Сидирокавсійскомъ округѣ Македоніи. Пусть другіе пополняютъ мои скудныя свѣдѣнія о немъ: а мнѣ по порядку слѣдуетъ повѣствовать о епархіи Аѳоно-аполлонійской, которая впослѣдствіи называлась Іериссовскою. Повѣтствую.

Въ первомъ вѣкѣ христіанскомъ на мѣстѣ нынѣшняго селища Іерисса̀ стоялъ городъ Аполлонія. Это я знаю отъ тогдашняго знаменитаго писателя Плинія. Вотъ его памятка о семъ городѣ: „Lib. IV. c. 10. Mons Athos a planitie excurrit in mare 75 milia passuum. Ambitus radicis centum quinquaginta milia passuum colligit. Oppidum in cacumine fuit Acroathon. Nunc sunt Uranopolis, Palaeotrium, Thyssus, Cleone, Apollonia.

Въ эту Аполлонію заходилъ св. апостолъ Павелъ по пути изъ Амфиполя въ Солунь, и проповѣдовалъ тутъ Господа Іисуса, но безуспѣшно. (Смотри мою исторію Аѳона Ч. II. §. 3).

Въ этой Аполлоніи въ 309 году пострадали за Христа святые мученики, Исавръ діаконъ, Иннокентій, Филиксъ, Ермій, Перегринъ, и съ ними два градоначальника Руфъ и Руфимъ, вѣроятно, одинъ послѣ другаго. (Ibidem. §. 13).

Въ царствованіе Константина Великаго христіанство распространилось и утвердилось на Аѳонѣ, который составлялъ весьма значительную часть Аполлонійской Епархіи. Тогда—

Въ 325 году построена была первая на самомъ Аѳонѣ цер-

ковь во имя св. архидіакона Стефана у города Сколоса на мѣстѣ нынѣшняго Кастамонитскаго монастыря.

Въ 32⁷/₈ году епископъ Климентъ, присланный изъ Іерусалима на Аѳонъ для крещенія тамошнихъ Цаконовъ, построилъ двѣ церкви, одну въ городѣ Клеонахъ на мѣстѣ нынѣшней Филоѳеевской обители, а другую въ Кареѣ.

Въ 329 году, при участіи Константина Великаго, создана была церковь въ Ватопедіонѣ мѣстными жителями. Тогда же Солунскіе христіане близь сего Ватопеда, на мѣстѣ нынѣшняго Димитріевскаго скита, построили Мартиріонъ во имя св. великомученика Димитрія, пострадавшаго въ Солунѣ.

Въ 336 году въ вышепомянутый городъ Аполлонію рукоположенъ былъ Солунскимъ святителемъ епископъ Макарій. (Ibidem. §. 13).

Въ 36²/₃ году всѣ церкви на Аѳонѣ были разрушены богоотступникомъ Іуліаномъ: а тамошніе христіане съ Епископомъ своимъ Макаріемъ укрывались въ неприступныхъ мѣстахъ этой горы. По смерти Іуліана они съ этимъ же епископомъ возвратились въ свои жилища и возсоздали разрушенныя церкви. Макарій дожилъ до воцаренія Аркадія, или до 395 года, и скоро почилъ о Господѣ въ глубочайшей старости. (Ibidem. §§. 13. 14).

При немъ въ 383 году построена была первая на Аѳонѣ *клирикальная* обитель въ Ватопедіонѣ по случаю спасенія племянника царя Ѳеодосія Великаго отъ потопленія въ морской пучинѣ близь сего города. (Ibidem. §. 17).

Въ промежутокъ времени между 670 и 676 годами Аѳоноаполлонійская Епархія обезлюдѣла по причинѣ нападеній Аравитянъ, бившихся въ эти годы съ Греками на водахъ Егейскаго моря. Когда же царь Флавій Константинъ Погонатъ заключилъ съ ними миръ, тогда весь опустѣвшій Аѳонъ съ перешейкомъ этой горы отдалъ во владѣніе монахамъ, которые собрались туда изъ разоренныхъ магометанами областей Греческаго царства. Эти монахи, духовно зависѣвшіе отъ Солунскаго митрополита, во вре-

ми Влаховъ Рихиновъ и Сагудатовъ. А съ 830 года по 869-й они, по вышесказанной повторившейся причинѣ, оставили Аѳонъ, и разошлись, кто куда могъ. Уже въ 869 году опять возникъ тамъ первый монастырь, но не на самой горѣ этой, а на перешейкѣ ея. Его построилъ аѳонскій монахъ Іоаннъ Колову, и у царя Василія Македонскаго выпросилъ ему во владѣніе весь околотокъ прежняго Епархіальнаго города Аполлоніи, лежавшаго въ развалинахъ. Этотъ околотокъ надлежало обработывать. Явились и работники, такъ называемые по гречески *парики,* т. е. безземельные присельцы, и кромѣ ихъ выходцы изъ города Ерисса̀, находившагося и нынѣ находящагося на ближнемъ къ Аѳону островѣ Митилинѣ. Эти выходцы, избѣгая плѣна Арабовъ, часто нападавшихъ на островъ ихъ, состроили себѣ небольшое село у развалинъ древней Аполлоніи, и назвали его именемъ прежней отчизны своей, Ериссо̀. По всей вѣроятности, съ ними пришелъ сюда Епископъ; (881—883 г.) и потому они духовно зависѣли отъ митрополита Митилинскаго, но не надолго *). Ибо при царѣ Львѣ Мудромъ съ 887 года Ериссовская епископія, какъ видно изъ его списка Епархій, состояла уже въ вѣдомствѣ митрополита Солунскаго, и называлась Іериссовскою,—думаю, для отличія отъ епископіи Ериссовской, что на островѣ Митилинѣ. (Истор. Аѳона Ч. III. §. 15).

Въ царствованіе Романа Старшаго, 919—945 г., село Ериссо̀ въ юридическихъ дѣеписаніяхъ стало называться κάστρο—*крѣпостію.* Это значитъ, что тамъ стѣны древней Аполлоніи были возобновлены и укрѣплены тогда. Въ околоткѣ сей крѣпости въ 942 году поселены были *склавы,* булгары, христіане; и имъ правительство отдало часть земли Іоанна Колову, приносившую 1000 крупныхъ мѣръ зерна, а самимъ Ериссовцамъ продало ту государственную ластовичную землю на перешейкѣ Аѳона, которую они прежде нанимали у него. (Ibidem. §. 19).

---

*) Это же самое сказалъ и Леквіенъ въ своемъ Oriens Christianus T. II. p. 99. Ante vero quum Thessalonicensi sedi obnoxius esset episcopus Hierissi, Mitylenensi metropolitae addictus fuerat. Plane in notitia Leonis imperatoris Hieryssi Episcopus octavus est sub Thessalonica.

Въ 943 году было полюбовное размежеваніе поземельныхъ имѣній на сказанномъ перешейкѣ, принадлежавшихъ Аѳонскимъ монахамъ и жителямъ крѣпости Ерисса. (Ibidem. §. 20).

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 982 года, когда индиктъ былъ 10-й, смиренный епископъ Іериссовскій Ѳеодотъ подписалъ сдѣлку основателя Аѳоноиверской обители Іоанна Ивира съ жителями кастра Ериссà касательно земли ея, называемой Градиска. Тогда въ Ериссѣ жилъ попъ Георгій Болгаринъ, и на óной сдѣлкѣ подписалъ свое имя буквами глаголитскими. (Дѣеписаніе 982 года въ архивѣ Аѳоноиверской обители).

Въ 1094 году аѳонскій Протъ Гавріилъ докладывалъ царю Алексѣю Комнину о независимости Аѳона отъ Солунскаго митрополита и Іериссовскаго епископа. На этомъ докладѣ написано было слѣдующее рѣшеніе государя: „Необходимо, чтобы свобода горы была сохраняема, и чтобы она никогда не считалась въ предѣлѣ митрополита, или епископа. Однако необходимо и то, чтобы одинъ епископъ рукополагалъ тамъ іереевъ и діаконовъ. Посему дозволяется особенно сосѣднему съ Горою епископу (Іерисссовскому) приходить туда только во время собраній по призыву Прота, и канонически поставлять іереевъ и діаконовъ, приводимыхъ Протомъ. Но отнюдь не вправѣ онъ, поэтому поводу, присвоять себѣ власть Епархіальную, или предпринимать на горѣ что-либо другое, даже благословное. Ибо только одна литургія дозволяется ему на всей горѣ. Быть сему отъ нынѣ и до вѣка“. (Истор. Аѳона. Ч. III. §. 45).

Въ 1142 году Іериссовскій епископъ Василій, родомъ Фокэецъ, вмѣстѣ съ клириками своими, протопопомъ Николаемъ, іереемъ Михаиломъ и съ прочими, присутствовалъ при обмежеваніи границъ метоха Зографскаго монастыря на Аѳонскомъ перешейкѣ въ околоткѣ Ериссовскомъ. (Смотри Сигилліонъ Маріи Цусмы въ актахъ названнаго монастыря).

Въ 1151 году, когда индиктъ былъ 14-й, этотъ же Василій свѣрилъ съ подлинниками, хранившимися въ аѳонскомъ Про-

татѣ, копіи приказовъ и писемъ царя Алексѣя Комнина къ вселенскому патріарху Николаю и къ повременнымъ Протамъ Аѳона. (Смотри № 78-й въ оправданіяхъ моей исторіи Аѳона, ч. III).

Эти же копіи, во второй разъ переписанныя, сличенныя и во всемъ съ подлинными согласныя подписалъ смиренный епископъ Іериссовскій Григорій. Года нѣтъ. (Смотри тотъ же № 78-й). Τὰ παρόντα ἴσα ἀπὸ τῶν πρωτοτύπων ἴσων διὰ δευτέρας φορᾶς μεταγραφέντα, ἀντιβληθέντα τε καὶ κατὰ πάντα ἴσα τοῖς πρωτοτύποις εὑρεθέντα ὑπεγράφησαν παρ' ἐμοῦ.

Ὁ ταπεινὸς ἐπίσκοπος Ἱερισσοῦ Γρηγόριος.

Въ 1199 году Іериссовскимъ епископомъ былъ Іаковъ. Онъ упомянутъ въ хрисовулѣ царя Алексія Комнина, данномъ въ этомъ году Хиландарскому монастырю.

Въ двѣнадцатомъ вѣкѣ Грузинскіе цари и вельможи ихъ поселили около Іерисса сорокъ два Грузинскія семейства для услуженія Аѳоноиверскимъ монахамъ, для пасенія скота ихъ и для земледѣлія и винодѣлія въ имѣніяхъ ихъ, какъ на Аѳонскомъ перешейкѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ. Время смѣшало ихъ съ Греками и измѣнило языкъ ихъ. (Это сообщено мнѣ Грузиномъ Іосселіаномъ, который издалъ краткую исторію Грузинской церкви на русскомъ языкѣ, и посѣтилъ Аѳонъ).

Для вышепомянутыхъ семействъ Аѳоноиверскій монастырь въ 1262 году, въ царствованіе греческаго государя Михаила Палеолога, построилъ небольшой храмъ близь Іерисса во имя св. Николая чудотворца. Въ 1858 году я видѣлъ развалины его, и среди ихъ Грузинскую надпись на малой мраморной плитѣ. Вотъ она:

И вотъ переводъ ея:

„Въ годъ 7000, въ Боговѣнчанное царствованіе Михаила „Палеолога построенъ (храмъ) Грузинами“.

Ранѣе 1262 года въ Аѳоноіериссовской епархіи произошло крупное событіе, которое и разсказывается здѣсь съ ручательствомъ за историческую достовѣрность его.

„Въ первой половинѣ XIII-го вѣка, съ 1221 года по 1245-й, Аѳонъ съ епархіальнымъ городомъ его Іериссо находился подъ властію Болгарскаго царя Асѣня 11-го. „Этотъ царь, какъ чи„тается въ одной Аѳоно-Ватопедской рукописи древней—старался „учредить патріаршество въ своемъ мѣстѣ (въ Загорьѣ), и по„тому много принуждалъ къ сему Церковь (Греческую), такъ что „пересталъ давать ей подать, ἐνδόσιμον; и было оповѣщено быть „мѣстному патріарху въ Загорьѣ. Первымъ патріархомъ тамъ „поставленъ былъ Григорій, бывшій митрополитъ Филиппополь„скій. Онъ рукоположилъ и митрополита въ Солунь вопреки кано„намъ, и употребилъ все стараніе, чтобы и Іериссовскаго Епи„скопа сдѣлать митрополитомъ, желая отнять у поставленнаго „имъ Солунскаго митрополита Михаила, по прозванію Протана, „завѣдываніе сею Епископіею. Но Солунскій вступился за свои „права, и явился къ царю (Асѣню) съ жалобою на своего па„тріарха. Къ тому же и монахи, подвизающіеся на св. горѣ

„Аѳонской, собрались въ числѣ 3000, всѣ почетные и давно „преуспѣвшіе въ отшельничествѣ и въ подвигахъ духовныхъ, и „не принимая ни патріарха (Загорскаго), ни рукоположеннаго имъ „митрополита Солунскаго, не желая также, что бы епископъ, „или митрополитъ Іериссовскій рукополагаемъ былъ симъ патрі-„архомъ, или Михаиломъ Протаномъ, отправились къ царю „(Асѣню), который въ то время находился въ Каллиполѣ по слу-„чаю бракосочетанія своей дочери Елены съ сыномъ приснопа-„мятнаго царя Киръ Іоанна Дуки Ватаци, гдѣ присутствовалъ „и патріархъ Константинопольскій Киръ Мануилъ, бывшій ми-„трополитъ Ефесскій, и по этому дѣлу просили суда, и сильно „говорили обоимъ царямъ и Константинопольскому владыкѣ, какъ „противъ патріарха Загорскаго, такъ и противъ упомянутаго Со-„лунскаго, и представили, кромѣ другихъ оправданій (δίκαια), „однажды на всегда состоявшійся приказъ, съ привѣшенною къ „нему восковою печатію, приснопамятнаго между царями Киръ „Алексѣя Комнина. Сіи монахи вполнѣ оправдались. Ибо въ „ономъ приказѣ сказано было, что *Епископъ Іериссовскій не „имѣетъ никакого права на святой горѣ.* Тогдашній Константи-„нопольскій съ постоянно пребывающимъ при немъ соборомъ „архіереевъ произнесъ судъ согласный съ содержаніемъ упомя-„нутаго царскаго приказа.—Что же касается до Загорскаго па-„тріарха, то рѣшено было: отнюдь не вмѣшиваться ему въ ми-„трополію, не подлежащую его вѣдомству, и не совершать хи-„ротоніи, и никакого церковнаго дѣянія не составлять. А то-„гдашній митрополитъ Филадельфійскій предлагалъ даже низло-„жить патріарха Загорскаго. Но такъ какъ царь Асѣнь насто-„ялъ, чтобы не низлагали его, то рѣшили низложить одного Со-„лунскаго митрополита, какъ рукоположеннаго противъ канона и „безъ согласія Константинопольскаго архіепископа: что и состо-„ялось.—Послѣ сего Константинопольскій, еще въ присутствіи „обоихъ царей, тотчасъ собралъ голоса и рукоположилъ въ Со-„лунь святѣйшаго митрополита Киръ Мануила Дисипата, кото-„рый впослѣдствіи сдѣлался исповѣдникомъ“.

„Все это дѣло, произведенное, конченное, утвержденное и „обезопасенное подписью Константинопольскаго патріарха и су„щихъ при немъ архіереевъ, скрѣпили оба царя багряными под„писями, и повелѣли соблюдать его во всѣ вѣки: что неложно „предалъ письмени великій Логоѳетъ Акрополитъ, который на„чалъ свою лѣтописную исторію отъ взятія Константинополя „Латинами“.

Примѣчаніе. Акрополитъ не упомянулъ о пришествіи Святогорцовъ въ Каллиполь и о жалобѣ ихъ царямъ, Греческому и Болгарскому, а только повѣдалъ, что оба эти царя имѣли свиданіе въ названномъ городѣ по случаю бракосочетанія дѣтей ихъ, которое и совершено было патріархомъ Германомъ, но уже не въ Каллиполѣ, а въ Лампсакѣ, и присовокупилъ, что тогда и Терновскій архіерей, прежде зависѣвшій отъ Константинопольскаго владыки, почтенъ былъ автономіею (αὐτονομίᾳ τετίμηται) и провозглашенъ патріархомъ по царскому и синодальному опредѣленію, состоявшемуся въ угодность Асѣню ради бракосочетанія и дружбы его съ Греческимъ Царемъ (Georgii Acropolitae Annales. Ed. Bonnae. Cap. 33. pag. 54, 55).

По сличеніи сего Акрополитова сказанія съ вышеизложенною Ватопедскою записью оказывается вотъ что. Болгарскій царь Асѣнь еще въ началѣ своего самодержавія (до 1226 года) самовластно сдѣлалъ и провозгласилъ патріархомъ въ Болгаріи Филиппольскаго митрополита Григорія. А этотъ самовластно посвятилъ въ Солунь митрополита Михаила Протана, тогда какъ Солунская митрополія зависѣла отъ Константинопольскаго патріарха, и кромѣ того Аѳоноіериссовскому епископу далъ санъ митрополита. Такое неканоническое дѣяніе его понудило Аѳонскихъ монаховъ жаловаться на него царямъ Греческому Іоанну Ватаци и Болгарскому Асѣню, которые съѣхались въ Каллиполѣ для бракосочетанія дѣтей своихъ. Это происходило въ 1225 году. Тогда вселенскимъ патріархомъ былъ Мануилъ Сарандинъ Харитопулъ. При немъ шли переговоры о бракосочетаніи, которое

учрежденіи самоглавнаго, независимаго патріарха Болгарскаго, что и состоялось. При немъ соборно низложенъ былъ Михаилъ Пратанъ, и на мѣсто его посвященъ Мануилъ Дисипатъ, а Аѳону соборно же возвращена была давняя независимость его отъ митрополита Солунскаго и отъ владыки Іериссовскаго, который съ той поры остался въ санѣ епископскомъ, а не митрополичьемъ.

Въ 1290 году Болгарскіе и Сербскіе монахи, святогорцы, тягались за садовое мѣсто (κηποροτοπίον) близъ Іерисса находящееся на такъ называемой Лустрѣ, оспаривая оное другъ у друга. Но Іериссовскій епископъ Ѳеодосій рѣшилъ тяжбу въ пользу Болгарскихъ монаховъ Зографской обители. (Смотри у меня архивъ ея).

Въ 1348 году Іериссовскій Нифонъ подписалъ протатское дѣло о продажѣ Хиландарской Лаврѣ луга и монастырька Никольскаго у деревни Комитиссы на Аѳонскомъ перешейкѣ. (Архивъ Хиландар.).

Въ 1351 году онъ же участвовалъ въ бывшемъ на Аѳонѣ Соборѣ іерарховъ, который оправдалъ тамошняго іеромонаха Нифона, обвиненнаго въ ереси Массаліанской.

Послѣ этого событія прошли 17 лѣтъ. Тогда опять возникли непріятности между царскими Аѳонцами и смиреннымъ Іериссовскимъ епископомъ ихъ. Этотъ епископъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1368 года подалъ прошеніе Константинопольскому патріарху и сѵноду его, въ которомъ жаловался, что Протъ св. горы аѳонской принимаетъ въ монастыри рукоположенныхъ Сербскими архіереями, тогда какъ эти архіереи не хотятъ подчиняться великой Церкви Христовой въ Константинополѣ; кромѣ сего онъ, Протъ, вынесъ изъ Карейской церкви епископскую каѳедру его, и не дозволяетъ ему ни священнодѣйствовать, ни держать въ рукахъ архіерейскій посохъ, ни поминать имя его прежде имени Прота, и даже приходить на св. Гору безъ его согласія, и совершать рукоположенія. Это прошеніе было выслушано вселенскимъ владыкою Филоѳеемъ и архіереями, Кесарійскимъ, Ефесскимъ, Кизическимъ, Халкидонскимъ, Визійскимъ, и Врисеосскимъ, и рѣ-

шено: Боголюбезнѣйшему епископу Іериссовскому безпрепятственно приходить на св. Гору, когда захочетъ, держать въ рукахъ пастырскій жезлъ въ Кареѣ, какъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ, имѣть тамъ свое сѣдалище (κάθισμα), какое издревле имѣлъ всякій епископъ св. Горы, воспоминать свое имя прежде имени Прота, совершать рукоположенія надъ тѣми иноками, которыхъ изберутъ игумены и іеромонахи въ большихъ монастыряхъ, такъ же рукополагать, свѣдома Прота, и келліотныхъ и скитскихъ монаховъ, и вообще, безпрепятственно совершать всякое архіерейское дѣяніе на всей святой горѣ, и не быть судиму ни Протомъ, ни кѣмъ либо другимъ; что касается до рукоположенныхъ Сербскими архіереями, то не принимать ихъ въ святогорскіе монастыри, пока Сербы не подчинятся Великой Церкви Божіей, и пока не возвратятся отправленные къ нимъ послы съ извѣстіемъ о подчиненіи ихъ. Мѣсяца апрѣля, индикта 6-го, года 6876=1368. (Acta patriarchatus Cpolitani. Tom. I. Vindobonae. 1860).

Около 1369 года Іериссовскимъ епископомъ былъ Давидъ и судился съ Зографцами у деспота Іоанна Углеша. (Смотри архивъ Зографа).

Въ 1371 году тотъ же вселенскій патріархъ Филоѳей писалъ Іериссовскому епископу: „Аѳонская Лавра сама съ собою немирна: какъ же она помирится съ тобою? Добрые люди не мирятся съ Лаврою. Когда,—Богъ дастъ,—Лавра примирится съ собою, я разумѣю миръ Христовъ;—тогда будемъ писать и Мы; и Наши писанія будутъ приняты; тогда и ты помиришься съ этою Лаврою. Благодать Божія да будетъ съ тобою". (Ibidem).

Въ 1399 году Іериссовскій епископъ Софроній вмѣсто Ливадогенійскаго монастырька на Аѳонѣ, раззореннаго Сарацинами, построилъ другой новый съ церковію во имя архангеловъ Михаила и Гавріила (Архивъ Дохіарскій).

Въ 1442 году Іериссовскимъ епископомъ былъ Никандръ.

коимъ она пожертвовала Аѳоноксиропотамскому монастырю двѣ деревни въ Сидирокавсіи, Палеохори и Гизворо.

Въ 1528 году въ Іериссѣ святительствовалъ Макарій и подписался подъ Протатскимъ дѣломъ въ Дохіарѣ.

Въ 1546 году онъ же упомянутъ въ зографической надписи соборнаго храма Аѳоноставроникитскаго монастыря.

До 1547 года городъ Іериссо походилъ на большую деревню. Но въ этотъ годъ, или немножко ранѣе, Турецкое правительство окружило ее стѣною и укрѣпило для безопасности отъ пиратовъ. (Les Observations Petri Bellonii. Paris. 1555 с. 39.—„Il n'y a pas longtemps, que Hierizos n'était qu'un grand village; mais depuis 8 ans le grand Turc l'a fait enclorre de muralle et fortifier, par la crainte de pyrates".

Въ 1564 году смиренный митрополитъ Іериссовскій и святогорскій *Давидъ* подписалъ опредѣленіе Константинопольскаго Сѵнода объ устраненіи вселенскаго патріарха Іоасафа. (Crusii Turcograecia L. II. p. 174).

Въ 1569 году Іериссовскій епископъ и предстоятель святой горы *Евгеній* писалъ письмо 20 марта Эрцгерцогу Карлу, въ которомъ изложилъ: какъ онъ выкупилъ имѣнія своей епископіи у Турецкаго Султана, уплативъ ему 5000 златицъ, взятыхъ у родственниковъ подъ залогъ имѣній и священныхъ сосудовъ". Praeterito quidem tempore, Dux illustrissime, magnus Turca, qui Constantinopoli, permittente Deo, regnat, unà cum urbibus sibi subjectis, proposuit edictum severum in toto imperio suo, ut reditus omnium Ecclesiarum et monasteriorum vendantur, quot quot in ipsius imperio inveniuntur. Haec autem venditio tantum usque ad tertiam ipsius generationem durare debet. Post tertiam autem generationem vendentur rursus. Haec quum faciat, malus animus eius cernitur, quod minetur deletionem sanctorum templorum unà cum christianis, qui sub ipsius imperio habitant. Pervenerunt itaque ad nos usque hae minae et tristissima servitus. Idcirco quinque millia aureorum numeravimus. Cum autem non haberemus, omnes nostros reditus et sacra vasa oppigneravi-

mus, ut tantum colligeremus et persolveremus, non sine detrimento, sed cum foenore sicut foeneratoribus usitatum est accipere quotonnis usuras, donec sortem recipiant". (Le Quien Oriens. Christ. T. II. p. 100—102).

Ранѣе 1580 года Іериссовскимъ епископомъ былъ Игнатій. Онъ въ 1581 году подъ однимъ дѣломъ монастыря Симопетрскаго подписался уже какъ „бывшій Іериссовскій".

Въ 1580 году Іериссовскій Акакій вселенскимъ Іереміею посылаемъ былъ на Аѳонъ въ качествѣ экзарха для рѣшенія спора Лавры и Филоѳея за Милопотамъ. (Архивъ Филоѳейскій).

Въ 1620 году въ Іериссѣ былъ епископъ имярекъ. Къ нему писалъ вселенскій Тимоѳей. (Архивъ Дохіарскій).

До 1677 года въ Іериссѣ святительствовалъ Христофоръ, а въ этомъ году купилъ кусокъ земли у Аѳоноруссика подлѣ пристани ихъ у моря, построилъ тутъ храмъ Воскресенія Христова и кельи по благословенію вселенскаго патріарха Діонисія, и тутъ упокоился. (Извлечено изъ актовъ Руссика).

Около 1720 года Іериссовскимъ епископомъ былъ *Даніилъ*. Oriens Christ. loco citato).

Въ 1829 году французскій консулъ Кузинери издали видѣлъ въ Низворѣ Іериссовскаго епископа, заботившагося тогда о погребеніи зачумленныхъ, но не назвалъ его по имени.

Въ 1858 году въ Іериссѣ святительствовалъ Іоанникій, а жилъ въ Низворѣ.

Кончено мое (вставочное) повѣствованіе объ Іериссовской епархіи, и опять начинается описаніе моего путешествія на Аѳонъ.

---

11. Суббота.—Изъ Ватопедскаго метоха я выѣхалъ утромъ въ шесть часовъ, и черезъ нѣсколько минутъ по косогорью спустился въ Ксерксовъ каналъ. Не узкая, но и не очень широкая глубина его съ пологими земляными сторонами обозначалась весь-

Покатость боковъ сего канала доказала мнѣ, что въ этомъ мѣстѣ копали его Финикіяне, избѣгавшіе отвѣсности сторонъ его, дабы онѣ не обвалились, какъ это было тутъ же въ другихъ мѣстахъ, прокапываемыхъ другими работниками. Направленіе канала отъ Стримонскаго залива къ заливу Сингитскому въ самомъ узкомъ мѣстѣ Аѳонскаго перешейка не видно было мнѣ. Но оно хорошо обозначено на картѣ сего перешейка, составленной Шуазелемъ Гуфье, и помѣщенной въ моемъ живописномъ обозрѣніи Аѳона. Смотрите на эту карту; и вы увидите, что каналъ не въ прямомъ направленіи тянулся отъ залива до залива, между возвышенностями, вѣроятно, насыпными, мимо нынѣшняго Хиландарскаго метоха, и соединялся съ устьемъ безъименной рѣчки. Теперь воды въ немъ не было, потому что давнее время засыпало его обвалами: а кажется, и люди потрудились завалить его, дабы избѣжать нападеній Арабовъ, которые въ теченіи вѣковъ, седьмаго, осьмаго и девятаго, часто нападали на Аѳонъ. По засоренному руслу сего канала, въ прошломъ столѣтіи, одинъ греческій пиратъ, преслѣдуемый Турецкимъ военнымъ кораблемъ, ночью перетащилъ свое легкое судно на деревянныхъ катышахъ съ Стримонскаго берега на берегъ Сингитскій, и такимъ образомъ одурачилъ стороживших и простерегшихъ его Турковъ *). Олеги и Магометы, перетаскивающіе по сухому пути суда мореходныя, не переводятся. И еще будутъ подобныя, удалыя предпріятія! Necessitas gignit ingenium.

За Ксерксовымъ каналомъ дорога до первой высоты Аѳона, называемой Мега́ли Вигла, пролегаетъ у самаго берега Стримонскаго залива. Тутъ нѣтъ ничего замѣчательнаго. Тутъ видѣлъ я только слабые остатки развалинъ города Уранополя, построеннаго Алексархомъ братомъ Македонскаго царя Кассандра. (317—298 г. до Р. Х.), да еще метохъ Иверскій, прозываемый Пиргудіа, и стоящій, я думаю, на мѣстѣ богини Екатеи Пиргидійской, и подворье Хиландарское, мелькавшее вдали, и ничего бо-

*) Voyage dans la Macedoine par Cousinery. Paris. 1831. Tom II. pag. 154.

лѣе. Тутъ на мѣстности, называемой Комица, догналъ насъ какой-то послушникъ. На своемъ мулѣ онъ везъ живыхъ гусей. Увидѣвъ ихъ, я спросилъ его: Отче, для кого везешь ты этихъ бѣлыхъ гусей? Для нашихъ котовъ: отвѣтилъ онъ.—Я продолжалъ: А что, отче? Коты у васъ двуногіе? въ кукуляхъ и мантіяхъ? Послушникъ посмотрѣлъ на меня пристально и спросилъ: Кто ты такой? Я сказалъ ему, что я человѣкъ божій и человѣкъ народный. Выслушавъ такой отвѣтъ мой, онъ стегнулъ своего мула и побѣжалъ впередъ на четырехъ ногахъ его. А мой послушникъ Михаилъ проговорилъ мнѣ: ну, батюшка, вы дали ему такую задачу, которой не разрѣшатъ всѣ Аѳонцы, поѣвши гусятинки.

У подошвы Мегаловиглійской высоты, отъ которой далеко въ море протягается отрогъ ея, называемый Стелляри, устроенъ при самой дорогѣ каменный струйникъ для утоленія жажды путниковъ. Изъ него текла сладкая вода. А называютъ его Фушкино. Полагаю, что тутъ, во время оно, стояло капище рыбаковъ, посвященное морскому божку Форкину, котораго Исіодъ считалъ сыномъ Понта и Земли, и дочери его Нимфѣ Θόωсѣ, обозначавшей быстрое движеніе моря. По лексиконной замѣткѣ Исихія (Hesych. lexic.) Форкинъ означалъ еще и плетенку изъ тростника, которою ловится рыба: τινὲς δὲ καὶ τὸν ἁλιευτικὸν κύρτον ἀποδιδόασιν. А у этой мѣстности, о которой идетъ рѣчь, дѣйствительно хорошо ловится рыба въ морскомъ заливѣ, который называется Франколимена, т. е. пристань Франковъ. Кстати объясню и это названіе. Оно напоминаетъ о владѣніи тутъ того злаго Франка, который на противоположной сторонѣ Мелаги—Виглы, у берега Сингитскаго залива, построилъ крѣпость, понынѣ называемую Франкокастро, и отсюда громилъ и душилъ Аѳонскихъ монаховъ, такъ что Римскій папа Иннокентій III въ письмѣ своемъ къ Аѳонскимъ монахамъ отъ 12 января 1214 года назвалъ его врагомъ Бога и Церкви. Epist. II. p. 829. ed. Bal). Подлѣ Франколименскаго залива вся плоская низменность называется

злаго Франка) принадлежала какой-то госпожѣ Комитиссѣ. Эта госпожа, знать, была почему-то славна; ибо именемъ ея нарѣченъ и самый заливъ Golfe de Contesse, и понынѣ такъ называется на многихъ картахъ Аѳона.

Отъ струйника Фушкино тропа повела насъ на крутую высь Мегаловиглійскую, а съ перевала этой выси тамъ, гдѣ къ ней прилегаетъ отрогъ Стелляри, какъ къ плечу прилегаетъ рука, протянутая горизонтально, свела насъ по крутоярью на береговую сторону Аѳона, которая тутъ называется Большимъ Зигомъ, въ отличіе отъ Зига малаго, тянущагося отъ Мегали—Виглы, вдоль Сингитскаго залива, къ материку Сидирокавсійскому. Вся эта сторона весьма лѣсиста. Отъ хребта названнаго Зига стелются къ морю многіе горные отроги, и между ними глубятся юдоли, болѣе—менѣе широкія *). Въ устьѣ первой юдоли стояла хозяйственная келья Хиландарскаго монастыря: юдоль эту мнѣ назвали: *Гади*. Ежели это названіе—древле-Еллинское, ΑΔΗΣ, ΑΪΔΗΣ, то надобно полагать, что тутъ стояло капище, посвященное подземному божку Аду, или Аиду, судьѣ усопшихъ, которому Еллины воздавали божеское почтеніе. Такъ напр. Аидъ, по сказанію Павзанія (Lib. VI. 25. 2.) въ городѣ Елисѣ имѣлъ свой храмъ, который, какъ и капище Діониса въ Аѳинахъ, отворялся однажды въ годъ, и входилъ въ него только одинъ жрецъ. Изъ Адовой юдоли я ѣхалъ уже по самымъ окраинамъ горныхъ отроговъ и отрожковъ вблизи моря, поднимаясь и спускаясь, какъ говорится, съ горки на горку, и по этой дорогѣ видѣлъ, сперва, юдоль Папарники, въ которой древле стоялъ монастырекъ Миници, потомъ юдоль Калицу, гдѣ понынѣ замѣтны развалины древней обители какого-то Ка́лика, а выше ихъ видна церквица во имя св. Димитрія. Дорога тутъ не опасна, но утомительна.

Далѣе поѣздъ мой, ровно въ полдень, миновалъ таможенную сторожку, торчащую на мѣстѣ древнѣйшаго монастырька Симеона Вороскопа, отъ котораго уцѣлѣла, помнится, одна стѣна, и

*) Смотри ихъ на моей картѣ нынѣшняго Аѳона.

та низенькая. Тутъ есть источникъ сладкой воды. Что касается до прозванія онаго монастырька, то оно, по нашему, значитъ *сѣверная стража* βόρειος σκοπός, и доказываетъ, что тутъ издревле, до поселенія монаховъ на Аѳонѣ, помѣщалась береговая стража, и, вѣроятно, зажигала ночной огонь, дабы мореходцы, плывущіе въ Ериссо, держали рули свои гораздо правѣе опаснаго Аѳонскаго мыса Стелляри. У Омира въ Одиссеѣ (XVI, 365) σκοποὶ означаютъ тоже самое: Ἤματα μὲν σκοποὶ ἵζον ἐπ' ἄκριας ἠνημοέσσας, т. е. *днемъ стражи стояли на высотахъ обуреваемыхъ вѣтрами*. И сторожевая видѣнная мною мѣстность дальше другихъ окрестностей своихъ вдается въ море, слѣдовательно больше ихъ подвергается вѣтрамъ и треволненіямъ, и потому требуетъ мореходной осторожности. Когда монахи въ первый разъ поселились на опустошенномъ Аѳонѣ, тогда сподвижникъ ихъ Симеонъ воспользовался старымъ Вороскопомъ и устроилъ тутъ свою небольшую обитель, которая отъ того и прозвалась Вороскоповою. На этой мѣстности таможенные люди не осматривали меня, не знаю, по какой милости, и я спокойно продолжалъ свой путь, поднимаясь отъ сосѣдняго моря на высокій и крутоярый отрогъ, называемый Мо́ливо. На немъ высится особый конусный холмикъ: это угасшій свидѣтель незапамятнаго горѣнія Аѳона, о которомъ преданіе сохранилъ намъ Овидій въ своихъ Метаморфозахъ (Ovid. Metamorphos. 2. II). Названіе этого волканическаго холмика, Мо́ливо, нельзя производить отъ Славянскаго слова, *молюсь*, потому что тутъ никогда не было никакой христіанской церкви или обители, ни Болгаро-Сербской, ни Русской. Въ Моливѣ мнѣ слышится испорченное древними жителями Аѳона Цаконами Еллинское рѣшеніе ΟΜΟΛΩΪΟΣ; и я полагаю, что на сказанномъ холмикѣ стояла статуя Зевеса, прозываемаго Еллинами, ὁμολώϊος: что значитъ *собирающій воедино, соглашающій*. Зевесъ подъ такимъ названіемъ почитаемъ былъ въ Віотіи и Ѳессаліи. (Pausan. IX. Stephan. Byzant. Ζεῦς ὁμολώϊος τιμᾶται ἐν Βιωτίᾳ).—Мо́ливо манило меня на островерхое темя свое для изслѣдованій. Но я до другаго вре-

Зевеса и торопко проѣхалъ въ ближній монастырь Есфигменскій мимо монастырька св. Василія, омываемаго волнами морскими, и съ виду весьма похожаго на средневѣковый замокъ съ зубчатыми стѣнами.

Въ Есфигменѣ старцы приняли меня, какъ своего брата о Господѣ. Было еще свѣтло; и я до отдыха успѣлъ написать два письма о моемъ прибытіи на Аѳонъ, одно къ нашему посланнику при Оттоманской Портѣ Владиміру Павловичу Титову, а другое въ Петербургъ къ директору Константину Степановичу Сербиновичу.

Кончивъ письма, и отдавъ ихъ Есфигменцамъ для препровожденія въ Солунь къ тамошнему консулу нашему, я еще успѣлъ набросать въ дорожномъ дневникѣ своемъ слѣдующія строки:

„Ѣду на Аѳонъ христіанскій, а по дорогѣ невольно вспоминаю о божествахъ языческихъ, объ Екатеѣ Пиргидійской, о Венерѣ Ураніи, которую Аѳонцы чтили въ своемъ Уранополѣ, о морскомъ Форкинѣ и дочери его Ѳоосѣ, объ Аидѣ и Зевесѣ Омолойскомъ, и въ добавокъ объ Еллинскомъ Ворoскопѣ подобномъ *Скопамъ—стражамъ*, упоминаемымъ еще Омиромъ въ его Одиссеѣ. Пригодился же мнѣ классицизмъ, прилежно изученный мною еще въ Одессѣ и Вѣнѣ. Пригодилась мнѣ эта корзина съ вишнями и виноградными гроздами.

III.

Мое пребываніе въ монастырѣ Русскомъ и поѣздка въ монастырь Иверскій.

Августъ. 1845 г.

12. Воскресенье.—Всю ночь подъ этотъ день я проспалъ, какъ витязь утомленный верховою ѣздою по горамъ и дебрямъ, а про-

будившись перекрестился и сказалъ себѣ самому: поѣду я въ Русскій монастырь, и съ него начну обозрѣніе и изученіе Аѳона.

Сказано и сдѣлано. Въ десять часовъ дня проводники повели поѣздъ мой сперва по крутой горѣ супротивъ Есфигмена, попотомъ перевели насъ на противоположную сторону ея. Тутъ скоро спустились мы въ юдоль, ведущую къ монастырю Зографскому. Лѣсиста и тѣниста юдоль эта. Большая часть ея принадлежитъ названному монастырю, подлѣ котораго дорога вывела насъ къ морю, и по берегу его, мимо обители Дохіарской и Ксенофской, привела въ желанный Руссикъ. Въ два часа по полудни я вступилъ въ эту священную обитель. Греческіе и Русскіе старцы приняли меня почетно и любезно, и помѣстили весьма удобно на половинѣ греческой.

13. Понедѣльникъ.—Вчера вечеромъ и сегодня занимали меня здѣшніе властные и невластные старцы, какъ то игуменъ Герасимъ, письмоводитель монастыря іеродіаконъ Иларіонъ, архимандритъ Прокопій Дендрино, и духовникъ русскихъ иноковъ Іеронимъ.

Игуменъ Герасимъ очень старъ, но еще бодръ, крѣпокъ и свѣжъ, и въ добавокъ мясистъ. Лице у него весьма бѣло и румяно, борода рѣдкая и вся сѣдая, обличіе славянское. Мнѣ говорили, что онъ не грекъ, а Болгаринъ. Должно быть такъ. Духовная жизнь его мнѣ неизвѣстна; а учености у него нѣтъ никакой. Онъ молчаливъ и сдержанъ или по природѣ, или по сознанію своего недостоинства.

Іеродіаконъ Иларіонъ, служившій при Солунскомъ митрополитѣ, еще молодъ, но сухошавъ; узкое лице у него желто, борода мала и рѣдка; поступь смиренная. Онъ уменъ, и кой чему учился. Русскихъ любитъ.

Прокопій Дендрино, грекъ мускулистый, съ голосомъ басистымъ, деревяннымъ, носитъ подрясникъ и короткую рясу изъ толстаго сукна темнокоричневаго цвѣта, тогда какъ у игумена, у Иларіона и у другихъ монаховъ (не всѣхъ) одежды были цвѣта темносиняго.

Онъ напечаталъ и издалъ въ свѣтъ слѣдующія сочиненія:

1) Εἰσαγωγὴ εἰς τὰς Γραφάς: Введеніе въ св. Писаніе.

2) Ἐγκόλπιον ὑπὲρ τῆς Θεοτόκου καὶ τοῦ ζωοποιοῦ σταυροῦ: Нагрудникъ (сердечное витійство) о Богородицѣ и животворящемъ крестѣ;

3) Περὶ τῆς καταγωγῆς τοῦ πρωτοπατορικοῦ ἁμαρτήματος: о наслѣдственности прародительскаго грѣха;

4) Ἱερὰ κατήχησις: священный катихизисъ.

А не изданы имъ: 5) Χριστιανικὴ διδασκαλία διαλογικὴ—христіанское ученіе въ разговорахъ; 6) Περὶ τοῦ προορισμοῦ—о предопредѣленіи Божіемъ; 7) Περὶ τοῦ μυστηρίου τῆς εὐχαριστίας—о Таинствѣ Евхаристіи; 8) Κατὰ Ἰουδαίων—Противъ Іудеевъ.

Печатныхъ сочиненій его я не читалъ, а изъ рукописныхъ пробѣжалъ „о *Предопредѣленіи*“ и „*противъ Іудеевъ*“; и спѣшу сказать, что хорошо онъ сдѣлалъ, что не печаталъ эту прескучную схоластику свою. У отца Прокопія—голосъ деревянный, да и слогъ дубовый. Разсужденія его —такъ же вкусны, какъ желуди.

Іеромонахъ Іеронимъ, родомъ изъ Стараго Оскола, тамошній мѣщанинъ, страждущій отъ грыжи, высокій ростомъ, тонкій, рыжій, благообразный, отличается здравымъ умомъ, твердостію воли, искреннимъ и глубокимъ благочестіемъ, даромъ духовнаго слова, внутреннею молитвою, ощущеніемъ сладости ея, и даже мистическими пріемами въ часы келейнаго моленія, какъ то задерживаніемъ воздуха въ груди, сосредоточеніемъ Іисусовой молитвы въ сердцѣ, и распростертіемъ всего тѣла на полу въ видѣ креста съ лицемъ, обращеннымъ къ полу. Я уважалъ его: а онъ ласкался ко мнѣ, и,—спасибо ему,—обѣщался склонить игумена и письмоводителя его къ тому, чтобы мнѣ выданы были всѣ старинныя Дѣеписанія монастыря для прочтенія, такъ какъ я открылъ ему свое благое намѣреніе написать дѣльную исторію Аѳона.

14. Вторникъ.—По совѣту отца Іеронима сегодня я отправился въ Иверскій монастырь, дабы отпраздновать тамъ Успеніе Богоматери и присмотрѣться къ торжественному Богослуженію на Аѳонѣ. Мнѣ подвели большаго черного мула и шепнули, что на

немъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ ѣздилъ по Аѳону отъ обители до обители. Я промолчалъ, вынимая изъ-за пазухи листъ бумаги для черченія на немъ горной мѣстности, начиная отъ Руссика до Иверскаго монастыря. Поѣздъ двинулся сперва вдоль восточной стѣны гостепріимной обители, а потомъ обогнувъ сѣверовосточный уголъ ея, началъ подниматься на гору и поднимался выше и выше, пока очутился на равнинѣ, гдѣ стоятъ развалины стараго русскаго монастыря. Тутъ я спѣшился и вошелъ внутрь его, но увидѣлъ только голую ограду да фундаментъ бывшаго соборнаго храма и угловую башню пустую; потомъ снаружи осмотрѣлъ всю эту развалину, кое гдѣ поросшую плющемъ, взглянулъ на мимо текущую мутную рѣчку и на окрестныя высоты, покрытыя дремучимъ каштановымъ лѣсомъ, и сказавъ себѣ самому, memento mori, продолжалъ путь свой.

Ѣду по узкой тропѣ среди лѣса. А тропа эта извивается по крутоярью, склоняющемуся отъ самаго хребта, или гребня Аѳона къ вышепомянутой равнинѣ. Мой мулъ подошелъ къ струйнику, который называется, *добра вода*, напился этой влаги и бодро взошелъ подо мною на горный хребетъ, который весьма ровенъ, но узокъ: тутъ у большаго деревяннаго креста я слѣзъ съ своего носителя и увидѣлъ Стримонскій заливъ омывающій сѣверовосточную сторону Аѳона, далекое направо и налѣво погорье Аѳона, все зеленое, и монашескій городокъ, Карею. Тутъ же проводники мои сказали мнѣ, что по самому хребту св. Горы можно проѣхать направо до малаго Аѳона, а налѣво до Мегали Виглы; и я разохотился ѣздить въ монастыри по этому хребту, любя потѣшить себя чѣмъ нибудь новенькимъ.

Было тихо на морѣ и на выси Аѳона. Тихо стоялъ и черный мулъ мой, ожидая сѣдока. Я на немъ, а онъ подо мною: и оба мы идемъ и спускаемся съ оной выси къ Кареѣ по самой крутой и выбитой тропѣ. Спустились на такую же равнину, на какой стоитъ и развалившійся Руссикъ, а съ этой равнины воздѣланной, обсаженной виноградниками и плодовитыми деревьями, сошли на равнину Карейскую, и остановились въ Русскомъ по-

дворьѣ ветхомъ и тѣсномъ. Смотритель его, монахъ, накормилъ насъ хорошимъ обѣдомъ.

Отсюда до Иверскаго монастыря одинъ часъ верховой ѣзды. Однако я поспѣшилъ выѣхать, дабы заблаговременно поспѣть туда и запастись зоркимъ вниманіемъ ко всему, что увидится и услышится.

Ѣду подлѣ сѣверной стѣны ближайшаго къ русскому подворью Кутлумушскаго монастыря и вижу: у воротъ его стоитъ высокій и дородный монахъ безъ бороды, евнухъ, по нашему скопецъ, или кладенецъ. Онъ самымъ тонкимъ и пискливымъ голоскомъ привѣтствовалъ меня по святогорски συγχώρησον πάτερ: прости отче. Я отвѣтилъ ему по святогорски же: Θεὸς συγχωρήσῃ —Богъ да проститъ: и началъ ворчать про себя: „и здѣсь водятся скопцы! давнымъ давно забыта Цибела, а скопчество непокланяющихся ей людей продолжается. Туманенъ же человѣкъ. Не умѣетъ онъ угодить Богу, если не научитъ его самъ Богъ! Но и Его не слушаетъ онъ, хоть и живетъ въ Немъ и Имъ, подобно тому, какъ глазъ болитъ самовольно, живя въ здоровомъ тѣлѣ и питаясь его соками. Впрочемъ скопецъ не стоитъ того, что бы думать о немъ. Лучше любоваться природою.

И началъ я любоваться ею. Вся высь между Кареею и Иверскимъ монастыремъ есть наилучшая часть Аѳона. Вездѣ видишь огороды, сады, орѣшники, виноградники, лѣсную чащу, и среди ихъ тамъ и сямъ монашескія усадьбы. И все это какъ будто вылито изъ воску. У обрывистаго хребта Аѳона, пониже его, незыблемо держались бѣлокисейныя облачка, и вдругъ поднялись и медленно передвинулись на другую сторону сего хребта, какъ будто по велѣнію какого-то предводительствовавшаго ими духа. Налѣво отъ извилистой дороги, ведущей въ Иверъ, живописно расположенъ небольшой скитъ, посвященный Св. великомученику Пантелеимону. По наружному виду онъ похожъ на маленькую деревню, въ которой монашескіе домики стоятъ безъ всякаго порядка, стоятъ тамъ, гдѣ поставилъ ихъ произ-

долины струится потокъ, текущій съ дальней высоты Капсальской, и впадающій въ море у самаго Ивера. Нѣтъ у него имени: а надъ нимъ есть мостъ, переводящій поклонника съ правой стороны потока на лѣвую сторону его. За этимъ мостомъ пролегаетъ уже ровная дѣланая дорога по самой окраинѣ горнаго перевѣсища, которое тутъ походитъ на полуостровъ, омываемый спереди помянутымъ потокомъ, а сзади моремъ. Обонполъ потока видѣнъ каменный водопроводъ Иверской обители, издалека несущій ей хорошую воду. Тамъ же къ горѣ прислоненъ мрачный пріютъ прокаженныхъ. Ни ихъ самихъ, ни помѣщенія ихъ не видать, потому что оно обнесено высокими стѣнами. Откуда приходятъ сюда эти прокаженные? Не знаю: не распросилъ. А человѣколюбивое вниманіе къ нимъ Аѳоноиверскихъ монаховъ похвально: самоотверженіе же здороваго приставника къ нимъ выше всѣхъ похвалъ.

По всему этому пути я ѣхалъ болѣе часа, потому что не торопился. Наконецъ предстала предо мною древняя обитель Иверская. Предъ сѣверными воротами ея у большаго, каменнаго, струйника я спустился съ мула своего, и съ благоговѣніемъ вошелъ въ эту обитель, предводимый высланнымъ встрѣтить меня монахомъ.

Иду медленно по двору св. обители, устланному камнями и камешками, и смотрю въ оба. Въ срединѣ ея стоятъ древній соборъ, предъ нимъ съ запада огромная братская трапеза съ пристроенною къ ней колокольнею, и между ними водосвятный фіалъ, въ родѣ сквозной ротонды съ куполомъ, покоющимся на колоннахъ самой тяжелой и неуклюжей работы. А на всѣхъ четырехъ сторонахъ обители, составляющихъ удлинненный паралелограммъ, высятся двуярусныя кельи, индѣ съ открытыми галлереями предъ ними. На южной сторонѣ взгромождена высокая башня съ прилегающею къ ней многоугольною бойницею, которую Греки называютъ *Промахонъ*. Эта бойница вдается внутрь монастырскаго двора, а за ограду его не выступаетъ. Значитъ, она поста-

уже вторгшагося внутрь монастыря. Въ немъ кромѣ главнаго Собора еще есть двѣ малыя церкви: одна у самыхъ воротъ обители супротивъ сѣверной стороны Соборнаго храма, а другая поодаль отъ нея къ востоку. Въ первой стоитъ чудотворная икона Иверской Божіей Матери, а вторая освящена во имя св. Іоанна Предтечи. Во время осмотра обители я не видѣлъ ни одной живой души. Всѣ спали, дабы во всю ночь славословить Бога. А я не могъ заснуть въ отведенной мнѣ кельѣ, къ счастію новенькой, опрятной и безъ насѣкомыхъ.

За нѣсколько минутъ до начала всенощнаго бдѣнія я представился первому Проэстосу обители, отцу Серафиму, а отъ него ушелъ въ Соборъ, гдѣ и помѣстился на лѣвой сторонѣ въ первомъ возвышенномъ стоялищѣ, στασίδι.

Стою тутъ и смотрю въ небо храмоваго купола, легко покоющагося на четырехъ бѣломраморныхъ колоннахъ. Къ стѣнкамъ его прикрѣплены мѣдные длинные поясы, составные, шириною въ пальца четыре. Всѣхъ ихъ десять. Изъ купола они спущены въ средину храма, и своими концами соединены съ такъ называемымъ хоросомъ, висящимъ среди церкви. Хоросъ же есть не что иное, какъ мѣдный широкій обручъ, окружностію своею равняющійся окружности купольной шеи, тонкій, составный на шолнерахъ, отъ края нижняго до верхняго вершковъ въ пять или шесть съ сквозными переплетеніями разныхъ узоровъ и двуглавыхъ двукрылыхъ орловъ. На всемъ верхнемъ ободѣ его наставлены восковыя нетонкія свѣчи, а къ нижнему ободу въ четырехъ мѣстахъ крестъ на крестъ привѣшены на цѣпочкахъ стеклянные, круглые, вогнутые, сосуды, какъ бы блюда; и въ нихъ горитъ деревянное масло. Сквозь эти сосуды свѣтъ отражается на мраморномъ полу, образуя собою мерцающій кружокъ. А для гашенія въ нихъ огня къ поплавку прицѣплено на тончайшей шелковой ниточкѣ хрустальное сердечко. Когда кандиловжигатель потянетъ внизъ это сердечко, тогда оно на бокъ наклонитъ поплавокъ, и такимъ образомъ затушитъ свѣтильникъ. Въ средину хороса съ самаго неба купола спущенъ на цѣпи

многоярусный полиелей (паникадило), тотъ самый, который видѣлъ нашъ паломникъ Барскій въ 1744 году, и описалъ такъ: „Четыредесять шесть свѣчь на себѣ имать, и между ними 88 „болванцовъ, стоящихъ и различно показующихъ образы нату„ральнаго движенія (человѣческія фигуры въ разныхъ позахъ); „внизу же его виситъ яблоко (шаръ) больше главы человѣче„ской, отъ хрусталя тонко изліянное, имущее зракъ сребрянъ“.

Налюбовавшись *Хоросомъ*, какъ невидалью, я полюбовался и устройствомъ праваго и лѣваго полукружія архитектурнаго креста, гдѣ молятся властные и почетные старцы, стоя въ красивыхъ стасидіяхъ. Все въ этихъ двухъ клиросныхъ хорахъ изящно и занимательно. Стѣны подъ окнами облицованы бѣломраморными плитами длиною въ полторы сажени, а шириною вершковъ въ шесть и семь. Надъ этими плитами вставлены въ стѣну разноцвѣтные изразцы, покрытые глазурью. Окна узорчато сдѣланы изъ прозрачнаго гипса въ перемежку съ разноцвѣтными стеклами. „*Онѣ*, по словамъ Барскаго, *зѣло великолѣпны, хит„рымъ художествомъ сочинены, и свѣтятъ внутрь*“. Къ стѣнамъ вышеназванныхъ хоровъ, или полукружій, приставлены мраморныя колонны. Изъ нихъ особенно замѣчательны тѣ, кои водружены на краяхъ этихъ полукружій. Онѣ изсѣчены изъ темнозеленаго мрамора, усыпаннаго какъ бы снѣжинками (χιόνεσσιν ὀλίγκιον). Ихъ капители, то есть наглавія, сдѣланы въ видѣ корзинъ, и въ этихъ корзинахъ на углахъ помѣщены бѣлорунные баранчики съ загнутыми внизъ рожками; а между ними въ срединѣ птица сидитъ на своихъ яйцахъ. Голова ея обращена къ хвосту такъ, какъ журавль обращаетъ ее назадъ. Смотрите одну изъ этихъ колоннъ въ моемъ живописномъ обозрѣніи Аѳона подъ № 16: а здѣсь прочитайте мои классическія замѣтки о зеленомъ мраморѣ, не гнѣваясь на меня за отступленіе отъ главнаго предмета описаній моихъ.

Греки любили и употребляли для ваяній зеленый мраморъ

ренію Плинія H. N. 36. 7, свѣтлѣе и пріятнѣе всѣхъ, cunctis hilarius. Второй, по словамъ Каріофила *), добываемъ былъ въ Ѳессаліи подлѣ города Атрака, находившагося въ десяти миляхъ отъ Лариссы у рѣки Пинія **). Атракійскій мраморъ описанъ современникомъ царя Іустиніана Павломъ Силенціаріемъ (527—565 г.). „Καὶ Ατρακὶς ὁππόσα λευροῖς χθὼν πεδίοις ἐλόχευσε, καὶ οὐχ ὑψαυχένι βήσσῃ. Πῇ μὲν ἄλις χλοάεντα, καὶ οὐ μάλα τῆλε μαράγδου, πῇ δὲ βαθυνομένου χλοεροῦ κυανώπιδι μορφῇ. Ἦν δέ τι καὶ χιόνεσσιν ὀλίγκιον, ἄγχι μελαίνης μαρμαρυγῆς μικτὴ δὲ χάρις συνεγείρετο πέτρου: *То есть: Атракійскій мраморъ рождается подъ землею, а не на высокихъ горахъ, индѣ свѣтлозеленый, цвѣтомъ подобный смарагду, а индѣ темнозеленый съ отливомъ голубоватымъ. Въ немъ среди черного поля выказываются снѣговидныя крапины, и такою примѣсью придаютъ камню особую миловидность*“.—Въ гробницахъ изъ зеленаго Ѳессалійскаго мрамора положены были греческіе цари и царицы: Зенонъ, Фавія супруга царя Ираклія, Михаилъ сынъ Ѳеофила иконоборца, Василій Македонскій, его супруга Евдокія и сынъ Александръ, святая Ѳеоѳано супруга Льва мудраго и другіе. (Constantin. porphyrogen. de ceremoniis aulae Byzantinae 2, 42, ubi agitur de sarcophagis imperatorum, qui sunt in templo SS. Apostolorum).

Аѳонскіе монахи, не знаю почему, зеленый мраморъ съ бѣлоснѣжными крапинками называютъ *Сумаки*, и воображаютъ, что онъ сдѣланъ искуственно. Нѣтъ, не человѣкъ изготовилъ его, а Богъ творецъ и мраморовъ разнообразныхъ, разноцвѣтныхъ, ненаглядныхъ. Такіе мраморы съ добавкою другихъ драгоцѣнныхъ каменныхъ плитъ составляютъ крупномозаическій полъ Иверскаго Собора. Этотъ полъ—прелесть очей. Онъ напомнилъ мнѣ ту нарядно устланную горницу, въ которой Спаситель совершилъ Тайную Вечерю. По словамъ Барскаго, Иверскій *помостъ* (полъ) *драгими и различными мраморами постланъ*; *узорами и перепле-*

*) In libro de antiquis marmoribus. Vindobonae. 1718.

**) Tit. Livii, 32, 15. »Inde Atracem est profectus: decem fere millia ab Larissa abest.... sita est super Peneum amnem.

теніи зѣло искусно испещренъ". По этому помосту, который моется розовою водою, канонархъ ходитъ отъ хора до хора старцовъ въ однихъ чулкахъ, дабы не испортить его. А книгу кладетъ онъ на налой, поставленный среди праваго и лѣваго хора, и освѣщенный стеклянною лампадою въ видѣ блюдца, которая виситъ на желѣзномъ закорюченномъ прутѣ, прикрѣпленномъ къ налою. Оба канонаршіе налоя, равно и тотъ, на которомъ полагается праздничная икона, облицованы съ величайшимъ искусствомъ узорами изъ перламута и слоновой кости по индійской черепашинѣ. Я не могъ досыта налюбоваться этою невидалью, этою красотою церковною.

Иконостасъ въ Иверскомъ соборѣ деревянный и весь съ рѣзьбою давно позолоченный, къ сожалѣнію замѣнившій собою древній *Дистилонъ* мраморный, сооруженъ по образцу иконостасовъ Московскихъ, но только въ два яруса. Въ среднемъ ярусѣ поставлены такъ называемыя мѣстныя иконы греческой живописи, обыкновенной, суровой: а въ верхнемъ образа праздничные. Предъ иконостасомъ стоятъ два очень высокіе подсвѣчника, красиво вылитые изъ желтой мѣди. Въ томъ и другомъ подсвѣчникѣ кромѣ многихъ восковыхъ свѣчъ небольшихъ водружены свѣчи весьма высокія и раскрашенныя, но уже безъ рисовки на нихъ большихъ праздниковъ, начиная съ Пасхи, какъ это водилось въ древнее время христіанства.

Поодаль отъ иконостаса, на лѣвой сторонѣ, противъ моего сѣдалища, стоймя стояла на простыхъ деревянныхъ пяльцахъ чудотворная икона Иверской Божіей матери, въ этотъ разъ вынесенная сюда изъ особаго посвященнаго ей храма. Нижняя часть пялецъ была завѣшена шелковою пеленою: а отъ нихъ аршина на два по полу тянулся богатый коверъ, и на немъ поставлены были большой выносный подсвѣчникъ съ горящими свѣчами и лимонное деревцо, все съ плодами, листьями, вѣтвями, стволомъ и съ кадушкою, вычеканенное изъ чистаго русскаго серебра: — приношеніе благочестивѣйшаго царя нашего Александра 1-го въ память его благодаренія Богу за изгнаніе

дванадесяти языковъ изъ Россіи въ 1812 году. Это деревцо хоть не очень многовѣтвисто и многолиственно, но мнѣ, какъ русскому, *казаловь красно воеже видѣти е и разумѣти*. Что касается до самой иконы Иверской, закрытой, кромѣ лика, богатѣйшею чеканною изъ позлащеннаго серебра ризою, и увѣшенной многими и многими привѣсками, то мнѣ, не какъ Барскому, не показалась она *страшнозрачною:* а только видно было, что ликъ у ней грузинскій, да и тотъ требуетъ промывки.

Алтарь Иверскаго собора съ особыми при немъ отдѣленіями, діаконикономъ направо, и проскомидійнымъ налѣво, не отличается никакою особенностію. Замѣчательно въ немъ только большое запрестольное окно, сдѣланное изъ прозрачнаго гипса, съ разноцвѣтными стеклами. Узоры его не поддаются описанію. Смотрите рисунокъ его въ моемъ живописномъ обозрѣніи Аѳона, подъ № 7 и скажите: да! есть чѣмъ полюбоваться! Весь Соборъ сверху до низу росписанъ іереемъ Маркомъ Ивиромъ. На южной стѣнѣ за архіерейскою каѳедрою онъ изобразилъ себя самаго, въ ростъ, въ іерейскомъ облаченіи, Михаила воеводу Угровлахійскаго съ малолѣтнимъ сыномъ его Радуломъ, и игумена Гавріила. Воевода держитъ въ рукѣ крестъ, а игуменъ хартію съ словами: ποίει, ᾶ ἐγώ σοι ἐντελλομαι, καὶ σώζου — *Дѣлай то, что я заповѣдую тебѣ и спасайся*. Подобную хартію держитъ и Маркъ живописецъ. На ней читаются слова: φίλοι προσπεμπτησθῆναι φιλουμένου φίλων ἄριστε πρὸς Τριάδος τῆς φίλης — *люби послушаніе Возлюбленному наилучшій изъ возлюбленныхъ ради Троицы возлюбленныя*. Михаилъ Воевода господарствовалъ въ Угровлахіи съ 1592 года по 1610-й. Тогда росписанъ былъ и Соборъ Иверскій. А въ 1842 году вся стѣнная живопись въ немъ была возобновлена.

Пока я все это разсматривалъ и затверживалъ въ своей памяти, внѣ Собора слышны были трели деревяннаго тока, глухіе звуки била, пронзительныя бряцанія желѣзнаго клепала, благовѣстъ колокола, и наконецъ—стучанія во вся тяжкая, т. е.

во всѣ эти тяжеловѣсныя вещи. Подобное оглушительное *шари-вари*, я слышалъ въ святогробскомъ храмѣ въ Іерусалимѣ.

Всѣ старцы и богомольцы чинно и безмолвно стояли въ храмѣ, который освѣщенъ былъ только лампадками. Растворились царскія двери. Въ алтарѣ послышалось уставное кажденіе іерея и діакона. Оттуда оба они вышли, и окадили сперва мѣстные образа, что на правой сторонѣ иконостаса, потомъ каждаго старца въ правомъ хорѣ, за тѣмъ каждаго монаха у южной стѣны храма, и каждаго у сѣверной стѣны его, послѣ нихъ весь лѣвый хоръ старцовъ, начиная сь меня, и наконецъ мѣстныя иконы, что на лѣвой сторонѣ иконостаса, и такимъ хожденіемъ своимъ образовали удлиненный крестъ. Послѣ кажденія іерей сталъ предъ св. трапезою, а діаконъ возгласилъ: „Возстаните. Господи благослови". Всѣ встали съ сѣдалищъ своихъ и перекрестились. Послѣ возгласа іерея прочитанъ былъ псаломъ: „Благослови душе моя Господа до словъ: *отверзшу тебѣ руку, всяческая исполнятся благости*. А начиная съ глагола, *отверзшу* ἀνοίξαντος, сталъ пѣть остальные стихи псалма первый пѣвецъ Иверскій, монахъ Порфирій, знатокъ своего дѣла, обладающій пріятнымъ и сильнымъ теноромъ груднымъ. Онъ пѣлъ съ большимъ искуствомъ не въ носъ; и потому я слушалъ его съ отмѣннымъ удовольствіемъ, не смотря на монотонность пѣснопѣнія, которое отъ греческаго глагола *аниксандосъ* называется *аниксандарія*. Долго долго голосъ его раздавался въ церкви, то повышаясь, то понижаясь, но безъ нашихъ нотныхъ скачковъ, а союзно, ligato и мелодично. Старцы же всѣ въ одинъ голосъ подпѣвали ему *униссономъ*, не произнося словъ, а только издавая одинъ звукъ, одинъ гулъ соотвѣтственный ключевой нотѣ пѣснопѣнія. Такъ подпѣвалъ и я, и вмѣстѣ чувствовалъ, что гораздо труднѣе издавать одинъ ключевой звукъ, чѣмъ выводить верхнія и нижнія ноты, потому что прерывается дыханіе. Тогда же я понялъ и то, что для униссоннаго подпѣванья требуется

пѣвческая новость понравилась мнѣ. Униссонный гулъ многихъ старцовъ подобился однообразному шуму Аѳонскаго моря.

Послѣ первой ектеніи началось пѣніе первой каѳизмы святой псалтири: *„Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ и проч.“* съ униссоннымъ подпѣваньемъ хора. Пѣли ее два пѣвца, отецъ Максимъ, монахъ изъ Аѳонокавсокаливскаго Скита и протопсалтъ изъ монастыря Аѳоно-Дохіарскаго: оба званые Иверскими старцами ради праздника. Первый, родомъ Болгаринъ, пѣлъ груднымъ баритономъ, весьма хорошо и пріятно, а второй, Грекъ, пѣлъ теноромъ въ носъ, такъ крикливо, что на вискахъ его жилы напрягались до толщи полмизинца. Сколько онъ надоѣдалъ мнѣ такимъ несноснымъ пѣніемъ, столько потѣшалъ меня отецъ Максимъ своимъ отчетливымъ искуствомъ. Что касается до псалтирной мелодіи, какую я слышалъ въ этотъ разъ, то она очень хороша и замѣчательна своею величественною простотою, не мѣшающею слушателямъ мыслить, чувствовать и возноситься горѣ къ Богу въ минуты пѣнія. У насъ нѣтъ ничего подобнаго. Я очень радъ былъ слышать хорошее греческое пѣніе на Аѳонѣ, и перемѣнилъ свое прежнее худое мнѣніе о немъ, которое составилъ себѣ, слыхавъ дурныхъ пѣвцовъ въ Одессѣ, Венеціи, Іерусалимѣ, въ Египтѣ и на Синаѣ, и даже вознамѣрился изучить греческую церковную музыку, которой ноты придумываются сочинителями ея соотвѣтственно тремъ главнымъ способностямъ нашей души, уму, чувству и волѣ *).

Кромѣ пѣнія весьма занимательно было для меня монашеское мастерство освѣщать церковь предъ пѣніемъ: *Господи воззвахъ къ тебѣ... Да исправится молитва моя*: и во время продолжительнаго пѣнія сихъ молитвословій. Освѣщеніе производили два кандиловжигателя. Сперва изъ-подъ потолка праваго хора старцовъ по блоку, утвержденному въ этомъ потолкѣ, на тонкой бичевкѣ спущенъ былъ металлическій крестъ небольшаго раз-

---

*) Это удалось мнѣ, такъ что мой хоръ въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ поетъ однажды въ годъ (9 Ноября) всю обѣдню по греческимъ нотамъ.

мѣра съ прикрѣпленною предъ нимъ толстою свѣчею, и съ двумя подвѣшенными къ нему ради тяжести бѣлыми свѣчами, кои никогда не зажигаются. Свѣча предъ этимъ крестомъ была зажжена; и онъ съ нею поднятъ былъ высоко, высоко, и сталъ предъ тамошнимъ стѣннымъ изображеніемъ господскаго праздника. Свѣча эта, даромъ—что огонекъ ея былъ съ искру, не погасла на лету, потому что восковые края у ней были выше огонька. Точно такой же крестъ съ такимъ же приборомъ поднятъ былъ подъ потолокъ лѣваго хора старцовъ. Эта невидаль потѣшила меня. Смотрю подъ хоровые потолки и вижу тамъ два свѣточа, словно дальнія звѣздочки, а самъ думаю: вотъ такъ предъ страшнымъ судомъ Христовымъ явится на небѣ знаменіе Сына человѣческаго, т. е. крестъ съ горнимъ сіяніемъ.

Послѣ возженія крестосвѣтильниковъ одинъ монахъ зажегъ свѣчи въ подсвѣчникахъ предъ Господскими и Богородичными иконами въ верхнемъ ярусѣ иконостаса, стоя на этомъ ярусѣ сзади въ алтарѣ, и отворяя эти иконы внутрь алтаря, какъ отворяются двери, а другой, державшій въ рукахъ предлинную хворостину съ горящею свѣчкою, зажегъ ею всѣ свѣчи на хоросѣ, висѣвшемъ на десяти поясахъ среди церкви, и хворостиною же искусно толкнулъ этотъ составный на шолнерахъ обручъ, толкнулъ въ двухъ противуположныхъ мѣстахъ, такъ что одна половина его медленно двигалась съ запада къ востоку, а другая съ востока на западъ; и такимъ образомъ хоросъ долго ходенемъ ходилъ, или точнѣе, описывалъ собою движущійся кругъ; а посреди его въ движеніе приведено было огромное паникадило съ возженными на немъ свѣчами, и размахивалось по прямой линіи съ востока на западъ; по бокамъ же его висѣвшія на потолковыхъ цѣпочкахъ меньшія паникадила такъ же размахивались, но одно на востокъ, а другое на западъ. При такихъ противоположныхъ движеніяхъ свѣточи какъ бы играли, какъ бы священную производили пляску. Хоросъ изображалъ собою все небо; большое паникадило свѣтило, какъ солнце, а прочія свѣчи и паникадила блистали, какъ

мнѣ Богохваленіе солнца, луны, звѣздъ и всѣхъ чиновъ Ангельскихъ, утѣшало меня такъ, что я, какъ дитя, любовался имъ и восхищался. У насъ нѣтъ ничего подобнаго.

Послѣ пѣнія стихиръ, литіи и благословенія хлѣбовъ всѣ свѣчи были потушены. Горѣли однѣ лампадки. Во время шестопсалмія я вышелъ изъ церкви по причинѣ крайняго утомленія своего отъ длинной службы и отъ переѣзда на неуклюжемъ мулѣ, который во всю дорогу какъ-то наклонялъ меня впередъ, какъ будто заднія ноги его длиннѣе переднихъ.

15. Середа.—Предъ началомъ обѣдни разбудили меня. Скоро я одѣлся и вошелъ въ церковь, когда два молодые и благообразные іеродіакона кадили всѣхъ старцовъ, держа на своихъ раменахъ Сіоны. Въ ихъ лицахъ и въ поступи выражались благоговѣніе, цѣломудріе, скромность. Они подходили къ каждому старцу съ ѳиміамомъ, потупивъ свои взоры. Смотря на нихъ, я вспомнилъ нашихъ борзыхъ діаконовъ, и пожелалъ, чтобы они поучились священнодѣйствовать у діаконовъ Аѳонскихъ, исполненныхъ вѣры и преподобныхъ. Литургію совершалъ Гревенскій епископъ Іоанникій, не знаю почему, проживающій въ Иверскомъ монастырѣ. Священнослуженіе его, безъ нашей нарядной обстановки, было не впечатлительно для меня. За то понравилось мнѣ то, чего я въ Россіи не видалъ и не слыхалъ.—У двухъ пономарей, выносившихъ большіе подсвѣчники съ горящими свѣчами въ минуты выходовъ изъ алтаря, у каждаго, на правомъ плечѣ сверхъ мантіи наколотъ былъ длинный и широкій платокъ бѣлокисейный, и имъ тотъ и другой охватывалъ подсвѣчникъ свой. Во время малаго входа два діакона едва едва несли громадное евангеліе Россійское, то самое, которое нашъ Барскій видѣлъ въ 1744 году, и сказалъ о немъ, что *оно многоцѣнно и едва отъ двою человѣкъ движимо*. Херувимскую пѣлъ монахъ Порфирій весьма искусно. А великій Выходъ, (не по нашему), совершенъ былъ такъ торжественно, что дѣйствительно видно было шествіе царя славы Христа, какъ Жертвы дориносимой. Впереди несены были горящія свѣчи большія, рипиды и крестъ на высокомъ рукоятіи; пе-

редъ діакономъ, несшимъ *Агнца* на головѣ своей, безпрестанно и торопко кадили два діакона, бряцая кадильными цѣпочками; другіе два діакона такъ же кадили предъ іереемъ, несшимъ чашу съ Евхаристическимъ виномъ, за нимъ слѣдовали сослужащіе іеромонахи, держа въ рукахъ кресты и сосуды съ святыми мощами. Всѣ они шли чрезъ всю церьковь, сперва по сѣверной сторонѣ ея, и всѣ, одинъ за другимъ, громко возглашали: *всѣхъ васъ да помянетъ Господь Богъ во царствіи Своемъ*: а старцы и міряне, склоняясь низко предъ Дарами, отвѣчали въ полголоса: *помяни насъ Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ*. Потомъ діаконъ и старшій іеромонахъ стали среди церкви лицемъ къ западу, и проговорили тотъ же самый возгласъ; тоже сдѣлали они, ставши лицемъ и къ югу, и наконецъ подошли къ царскимъ вратамъ, гдѣ и принялъ Дары епископъ. Такимъ образомъ они шествіемъ своимъ образовали четыреконечный крестъ. А пока длилось ихъ шествіе, пѣвецъ лѣваго хора, вышепомянутый монахъ Дохіарскій, что есть мочи, пѣлъ—*яко до царя всѣхъ подымемъ*,—съ странными припѣвами: *те—ри—ре—ре—ку—ку—ке—е—на—ке—на—то—то—то—ру—те—ри—ре—не—а—на*—качая головою, притоптывая ногою, и выводя верхнія и нижнія ноты въ родѣ руладъ; вотъ такъ и такъ. (Смотри ноты).

По ученію греческихъ пѣвцовъ эти непонятныя слова означаютъ непостижимость Божества и тайны воплощенія Сына Божія; а *неннена* поется по воспоминанію о Богоматери, которая пѣла это *неннена* (т. е. Утѣшеніе мое) у колыбели Божественнаго Младенца своего. Всѣ монахи, со времени чтенія евангслія во всю обѣдню стояли въ однѣхъ камилавкахъ, спустивъ съ нихъ на шею клобуки свои, никогда непривязываемые къ камилавкамъ, и рѣдко дѣлали поясные поклоны съ крестнымъ знаменіемъ, потому что *горѣ имѣли сердца*, а въ минуты пѣнія,—*Тебе поемъ*,—сходили съ стоялищъ своихъ на полъ. Вообще въ нихъ было замѣтно моленіе не отдѣльное отъ архіерея, какъ это бываетъ

Къ 72 страницѣ.

Allegro vivace.

Господне епископъ Іоанникій вышелъ изъ алтаря съ посохомъ говорить проповѣдь, и въ честь праздника Успенія Богоматери говорилъ, о чемъ бы вы думали?—*О пяти чувствахъ*, зрѣніи, слухѣ, обоняніи, вкусѣ и осязаніи, говориль живо, бойко, съ пристойныти маніями и тѣлодвиженіями, языкомъ самимъ простонароднымъ. Я невольно улыбнулся, когда услышалъ, что онъ будетъ витійствовать о пяти чувствахъ, однако съ полнымъ вниманіемъ слушалъ диковинную проповѣдь его. Пріемы проповѣданія у него были собесѣдовательные; слышались вопросы и отвѣты. Такъ напримѣръ, онъ спрашивалъ: для чего Богъ далъ человѣку зрѣніе и слухъ? и отвѣчалъ: для того, чтобы видѣть славу Божію въ красотахъ здѣзднаго неба и всей природы и слышать слово Божіе, архіерейское поученіе и священныя пѣснопѣнія. Для чего данъ вкусъ? для того, чтобы ѣсть и пить все снѣдомое и піемое со благодареніемъ Богу, подателю намъ всѣхъ благъ земныхъ. А можно ли въ святую четыредесятницу ѣсть рыбу? спросилъ онъ, и повѣдалъ: Нельзя; не смѣйте; это не уставно, грѣшно! Разрѣшеніе на рыбу бываетъ только въ благовѣщеньевъ день, если онъ придется не въ страстную седмицу. А можно ли въ великій постъ ѣсть икру, устрицы, петалиды (маленькія раковины), анчбусы, мидіи? Можно, можно, потому что въ нихъ нѣтъ крови! Кушайте ихъ во славу Божію, кушайте. Разрѣшаю и благословляю.—Вся проповѣдь произнесена была въ этомъ тонѣ. Признаться: ея простота и народность, по новости, понравились мнѣ тѣмъ болѣе, что слушатели были самые простые люди, конюхи, пастухи, моряки, служки монастырскіе.

Послѣ обѣдни я отдохнулъ немного, и потомъ прежнимъ путемъ возвратился въ Руссикъ.

16—30 Августа.—Здѣсь вторая половина августа мѣсяца проведена была мною въ непрерывныхъ занятіяхъ. Мнѣ переданы были всѣ юридическія Дѣеписанія монастыря, начинающіяся съ

стантія, которою онъ подтвердилъ общежитіе въ Руссикѣ и избраніе іеромонаха Герасима въ игумена сей обители. Я переписалъ ихъ своею быстрою рукою, за исключеніемъ немногихъ актовъ, перебѣленныхъ для меня іеродіакономъ Амфилохіемъ и моимъ Михаиломъ. Въ числѣ ихъ особенно замѣчательны, кромѣ Турецкаго Вакуфнаме 1561 года, переписка царя Алексѣя Комнина съ патріархомъ Николаемъ и сказанія современниковъ, Леонтія епископа, Прота Иларіона и Іоанна Хортаитина, о скоромномъ злѣ, которое причинили святогорцамъ Влахи, (300 семей), помѣщенные помянутымъ царемъ на Аѳонѣ для жительства. Не мѣсто здѣсь излагать содержаніе всѣхъ этихъ Дѣеписаній и по нимъ составлять исторію Аѳонорусcика: но признаю неизлишнимъ намѣтить надлежащія свѣдѣнія наипаче о первоначальномъ поселеніи нашихъ земляковъ вь этой обители.

Всѣмъ намъ извѣстно, что послѣ крещенія Руси при св. Владимірѣ первый Русскій, подвизавшійся на Аѳонѣ, былъ преподобный Антоній Кіевопечерскій, который родился въ 983 году, а скончался въ 1073-мъ. Такъ какъ онъ пришелъ въ Кіевъ и поселился въ пещерѣ Иларіона въ 1051 году, то пребываніе его на святой горѣ приходится относить къ среднимъ годамъ царствованія Константина Мономаха, численно сказать къ 1047—8-му. Тогда еще не было тамъ русскихъ монаховъ; иначе, о нихъ было бы упомянуто въ житіи Антонія. Тутъ не говорится даже и о томъ: въ какомъ святогорскомъ монастырѣ проживалъ сей преподобный отецъ. А это, по мнѣнію моему, значитъ, что онъ, какъ поклонникъ и соглядатай Аѳонскаго монашества, побывалъ во всѣхъ тамошнихъ монастыряхъ и скитахъ, и предъ возвращеніемъ своимъ въ Россію получилъ извѣстное благословеніе отъ Прота св. горы и вмѣстѣ игумена Аѳоно-Карейской лавры. Въ то время царь Константинъ Мономахъ удалилъ съ этой горы мірскихъ жителей и повелѣлъ называть и писать ее горою святою, давъ ей новый уставъ свой. Такое обновленіе Аѳона, безъ сомнѣнія, понравилось Антонію; и потому онъ у тамошняго Прота испросилъ благословеніе на учрежденіе монашества въ Россіи подъ

покровительствомъ верховной власти мірской, а не духовной, по примѣру монашества Аѳонскаго, уже давно пользовавшагося подобнымъ покровительствомъ. Хорошіе отзывы его о семъ послѣднемъ монашествѣ и о самомъ Аѳонѣ, какъ о мѣстѣ удобномъ для Богоугодной жизни, вызвали въ подобныхъ ему ревнителяхъ иноческаго благочестія охоту поселиться тамъ навсегда; и они поселились. Но гдѣ именно, и когда? „По сказанію Есфигменскаго игумена Ѳеодорита, помѣщенному въ его описаніи Аѳона, которое онъ составилъ въ началѣ нашего вѣка (1805—1817 г.), и составилъ дѣльно по актамъ святогорскихъ монастырей, русскіе монахи первоначально поселились въ обители Пресвятой Богородицы, прозываемой *Ту-Ксилугру*, съ дозволенія Прота св. горы, ранѣе царствованія Алексѣя Комнина, восшедшаго на престолъ въ 1081 году,—между 1060 и 1081 годами. Въ теченіи двадцати слишкомъ лѣтъ число ихъ увеличилось такъ, что имъ стало тѣсно въ названной обители; и они просили приснопамятнаго царя Алексѣя Комнина перваго, чтобы имъ данъ былъ монастырь большій. Сей государь внялъ ихъ просьбѣ, (вѣроятно не безъ ходатайства тогдашняго великаго князя Кіевскаго Всеволода, набожнаго, трезваго и цѣломудреннаго отъ самой юности), и по его царскому приказу Протъ св. горы Павелъ далъ имъ монастырь Ѳессалоникійцевъ, чествуемый во имя св. великомученика Пантелеймона, который съ той поры и сталъ именоваться Русскимъ, и нынѣ *ложно* именуется такимъ же, потому что никто изъ Русскихъ не живетъ въ немъ“.—А такъ какъ этотъ Павелъ начальствовалъ на св. горѣ въ 1083 и, послѣ Прота Саввы, въ 1089 году; то къ этимъ годамъ, и наипаче къ послѣднему, и надобно относить передачу Пантелеймонова монастыря Русскимъ инокамъ *).—Ἄνωθεν τοῦ τόπου, ὄντος ὑπὸ τὴν δεσποτείαν τοῦ Παντοκράτορος καὶ καλουμένου τῷ παλαιῷ ὀνόματι τοῦ Φαλακροῦ, κεῖται ἡ μονὴ τοῦ Ξυλουργοῦ, Μπογορόδιτζα νῦν λογομένη ἰδιοπεριόριστος, οἰκήματα

*) Въ 1071 году въ этомъ монастырѣ жили монахи греческіе. Тогда ихъ игуменъ Ѳеодосій былъ экономомъ Протата, т. е. средоточнаго на Аѳонѣ Управленія. А такую должность Русскій занимать не могъ. (Смотри въ архивѣ Руссика акт. 6579=1071 г.).

ἔχουσα καλὰ καὶ ναὸν ἀρχαῖον. Αὕτη ἐδώθη τῷ πάλαι παρὰ τῷ Πρώτῳ πρὸς κατοικίαν τῶν ῥώσσων μοναχῶν. Πληθυνθέντων δὲ αὐτῶν καὶ στενοχορουμένων, ἐζήτησαν ἀπὸ τὸν ἀοίδιμον βασιλέα Ἀλέξιον Κομνηνὸν τὸν πρῶτον, νὰ δοθῇ αὐτοῖς μονὴ μείζων, καὶ διὰ βασιλικῆς προσταγῆς Παῦλος ὁ Πρῶτος τοῦ Ὄρους ἔδωκεν αὐτοῖς τὴν μονὴν τῶν Θεσσαλονικέων καλουμένην, καὶ τιμωμένην τῷ ὀνόματι τοῦ ἁγίου μεγαλομάρτυρος Παντελεήμονος, καὶ ἀπὸ μονὴν Θεσσαλονικέων, διὰ τοὺς ἐκεῖ οἰκήσαντας μοναχοὺς Ῥώσσους, ὠνομάσθη καὶ νῦν ψ ε υ δ ῶ ς ὀνομάζεται τῶν Ῥώσσων, μηδενὸς ὄντος Ῥώσσου μονάζοντος ἐν αὐτῇ". (Θεοδώρητος.)

Но недолго жили на Аѳонѣ *наши* набожные и цѣломудренные земляки и на вѣки вѣковъ покинули Пантелеимоновъ монастырь свой и обитель Ксилургу, отдавъ ихъ Проту св. Горы въ плохомъ состояніи. Причина тому была важная. Царь Алексѣй Комнинъ, по приказу котораго русскіе перешли въ названный монастырь, поселилъ на Аѳонѣ 300 семействъ Валахскихъ. Отъ нихъ произошло скоромное зло, о которомъ стыдно говорить и слышать, ʼαἰσχρόν ἐστι καὶ λέγειν καὶ ἀκούειν. Тогдашній вселенскій патріархъ Николай, святительствовавшій съ 1084 года по 1110-й, увѣщавалъ Аѳонцовъ не принимать къ себѣ Влаховъ, и на случай непослушанія ихъ поставилъ имъ на видъ, что архіереи отъ Бога имѣютъ *власть вязать и рѣшить*. Но увѣщанія его не дѣйствовали, потому что царь Комнинъ слышать не хотѣлъ объ удаленіи Влаховъ съ Аѳона. Въ такихъ обстоятельствахъ игуменъ аѳонской лавры Іоанникій Валма вздумалъ пресѣчь зло хитростію. Онъ отъ лица патріарха Николая написалъ прещеніе, въ родѣ анаѳемы, и подписалъ его своею рукою, *думая сдѣлать нѣкое устроеніе святому мѣсту*. Но хитрая ложь его, оповѣщенная на Аѳонѣ, не только не удалась, а напротивъ опустошила тамошніе монастыри. Ибо когда разнеслась тамъ молва, что патріархъ *наложилъ на монастыри прещеніе и проклялъ даже дерева и воду*, тогда игумены, монастырскіе монахи и даже страшные бѣсамъ безмолвники полнымъ домомъ ушли изъ своихъ обителей съ пріятелями своими Влахами; и въ богозданныхъ монастыряхъ остались одни хромые да слѣпые стари-

ки.—Всю эту неурядицу видѣли тамъ наши земляки, и съ проклятаго вселенскимъ патріархомъ Аѳона ушли во свояси, принесши съ собою поговорку: *гдѣ чертъ не возметъ, туда бабу пошлетъ.* Съ той поры Пантелеимоновъ монастырь ихъ и обитель Ксилургу съ ризницею, утварью и русскими Богослужебными книгами поступили въ распоряженіе Прота св. Горы, какъ пустоши, какъ выморочныя имѣнія. Однако онъ помѣстилъ въ нихъ монаховъ Греческихъ, какъ охранителей сего общеаѳонскаго достоянія, подчинивъ ихъ не игуменамъ, а *дикеямъ* (Смотри актъ 5-й, гдѣ говорится о дикеяхъ).

Но въ концѣ 1143 года Протъ передалъ Ксилургійскую обитель другимъ Россамъ, *не нашимъ* и не тѣмъ, которые жили въ Греческомъ царствѣ и служили въ войскахъ его, а тѣмъ, которые въ монашескихъ мантіяхъ пришли на Аѳонъ вмѣстѣ съ своимъ игуменомъ Христофоромъ и съ щедродательнымъ братомъ Лазаремъ или изъ стольнаго города Сербіи Расы (нынѣ новый Базаръ), или изъ столицы Далматіи Расїи, или изъ тамошняго города Роса, что у Бокко-ди-Каттарскаго залива, гдѣ по нынѣ находится много православныхъ Христіанъ *). По имени городовъ этихъ и по городовому прозванію пришельцовъ этихъ и оная обитель ихъ въ дѣловыхъ Дѣеписаніяхъ начала называться обителію то Росовъ, то Русовъ, подобно тому какъ аѳонскій монастырь св. Пантелеимона назывался монастыремъ Ѳессалоникійцовъ, потому что его построили и въ немъ жили монахи изъ города Ѳессалоники, или, Аѳонскій же монастырекъ Верріотонъ называли такъ потому, что его основали иноки изъ Македонскаго города Верріи. Эти Росы—Русы были изъ племени Сербскаго. При передачѣ имъ Ксилургійской обители присутствовали Протатскій экономъ Арсеній и многіе игумены, и составили опись всего имущества ея. Изъ *нашихъ* русскихъ вещей, оставленныхъ

*) Theophan. continuat. L. V. pag. 289. Городъ Роса существовалъ въ IX вѣкѣ. Тогда при царѣ Василіи Македонскомъ, Агаряне на корабляхъ своихъ причалили къ берегамъ Далмаціи, и взяли города Далматовъ, какъ то Βούτομα καὶ Ῥῶσα καὶ τὰ κάτω Δεκάτορα. Ἦλθον καὶ εἰς μητρόπολιν, ἣ Ραούσιον λέγεται.

при царѣ Комнинѣ нашими ушельцами съ Аѳона, оказались только слѣдующія: Епитрахиль изъ золотой парчи одна, и двѣ Епитрахили *фуфудныя*, наручникъ Богородицы съ золотою бахромою, и двѣ пелены; книги русскія: Апостоловъ 5, Параклитиковъ 2, Октоиховъ 5, Ирмологіевъ 5, Синаксарей 4, Паремейниковъ 1, Миней 12, Патериковъ 2, Псалтирей 5, Св. Ефремъ 1, Св. Панкратій 1 *), Часослововъ 5, Номоканонъ 1, лахань 1, шляпа 1. Всѣ прочія вещи не наши. Въ числѣ монастырскихъ Дѣеписаній былъ сданъ и принятъ списокъ царскихъ приказовъ. Жаль, что онъ утратился: а не то, оказался бы и тотъ Приказъ царя Алексѣя Комнина, по которому *наши* Русскіе монахи получили было во владѣніе монастырь Ѳессалоникійцовъ, чествуемый во имя св. великомученика Пантелеимона. (Смотри Актъ 6-й).

Прошли 25 лѣтъ послѣ водворенія Сербскихъ Росовъ въ Ксилургійской обители. Въ эти годы число ихъ увеличилось новыми пришельцами изъ тогдашней Сербіи. Имъ стало тѣсно. Тогда игуменъ ихъ Лаврентій, въ 15 день августа 1169 года, попросилъ у Прота св. Горы большую обитель; и ему данъ былъ (оставленный нашими Россами) монастырь св. Пантелеимона, находившійся въ самомъ жалкомъ состояніи, данъ былъ какъ игумену достоуважаемому и хорошему управителю, и строителю съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ съ братіею возстановилъ его, обстроилъ на подобіе крѣпости, украсилъ и неселилъ немалымъ числомъ доблестныхъ монаховъ. (Актъ 7-й). Съ той поры эта обитель долго, долго пользовалась покровительствомъ и щедротами Сербскихъ кралей, царей и деспотовъ. Въ ней, *какъ въ родномъ достояніи*, постриженъ былъ въ монашество сынъ великаго Жупана Сербіи Стефана Нѣманя, Растка въ послѣдствіи Савва архіепископъ Сербскій. Сербо-росскіе монахи сей обители, а не другой какой небывалой, жалѣли, когда этотъ Савва перешелъ отъ нихъ въ въ Ватопедъ на жительство, и говорили: благотворилъ бы своимъ, а не чужимъ! Этотъ говоръ служитъ наилучшимъ доказа-

---

*) То есть: Житіе его.

тельствомъ того, что тогда въ Пантелеимоновомъ монастырѣ жили Россы-Сербы, а не Россы-*наши*, изъ которыхъ никто, по незнанію Сербскаго языка, и не съумѣлъ бы уговорить Растку бѣжать изъ родительскаго дома на Аѳонъ. За всѣмъ тѣмъ воспоминаніе о первыхъ насельникахъ онаго монастыря изъ *нашей* Россіи, нѣкогда управляемой Всеволодомъ I, держалось въ немъ; и когда Сербское царство пало, тогда Сербская Деспотица Ангелина, (1509 г.) по своей нуждѣ обращаясь съ просьбою къ нашему великому князю Василію Іоанновичу, просила его принять подъ свое покровительство и Аѳонорусскій монастырь, какъ *отчину свою*. Онъ исполнилъ оба прошенія ея. Съ той поры Пантелеимоновъ монастырь получалъ небольшія милостыни изъ Москвы; но наши монахи въ немъ не жили, и онъ давно исчезъ бы съ лица Аѳона, если бы не поддержали его Господари Молдовлахійскіе и иноки Греческіе. Всѣ нынѣшнія зданія въ немъ воздвигнуты Молдавскимъ Княземъ Каллимахи.

Узнавъ все это я подивился нашему вѣковѣчному непостоянству, пожалѣлъ о денежныхъ затратахъ нынѣшняго духовника Русскихъ Аѳонцовъ о. Іеронима, рѣшившагося возвеличить и обогатить Пантелеимоновъ монастырь, вслѣдствіе (ложнаго) убѣжденія въ исконной принадлежности его намъ Русскимъ, и затаилъ въ себѣ рѣшимость искать другой монастырь, или другое свободное мѣсто для своихъ соотечественниковъ, желающихъ спасаться на цѣломудренномъ Аѳонѣ.

Кромѣ переписки юридическихъ, хозяйственныхъ и другихъ дѣеписаній Руссика были у меня и другія занятія. Во время прогулокъ и отдыховъ списаны мною надписи, находящіяся на вещахъ, зданіяхъ, стѣнахъ сего монастыря. Всѣхъ ихъ немного *). Самая старшая, Греческая, 1751 года, вычеканена на серебряномъ Кивотѣ, въ которомъ покоится часть главы св. Пантелеимона. Она гласитъ: „Сію честную главу Пантелеимона обложила золотомъ благочестивѣйшая Домна—Султана, раба Бога

*) Онѣ помѣщены въ моей Статистикѣ Аѳона.

всевышняго, и любезнѣйшая супруга Константина Воеводы Михаила Раковицы, благочестивѣйшаго господаря всей Молдовлахіи.—Молитвою его утверди ихъ на престолѣ, на который ты возвелъ ихъ, всецарю Христе Іисусе и Боже, Бога Слове, и подаждь имъ совершенное здравіе, побѣду надъ врагами видимыми и невидимыми, укрѣпи ихъ въ глубокой старости, и сподоби получить твое царствіе 1751. Мая“.

Малосодержательны Руссиковскія надписи. Неприбыльны для исторіи Аѳона и тѣ сказанія о немъ, кои прочелъ я въ нашей Четь-Минеи. Едва ли я воспользуюсь ими, какъ недостаточными. Охотнѣе записаны были мною разныя свѣдѣнія, сообщенныя мнѣ о. Іеронимомъ и Зографскимъ архимандритомъ Анатоліемъ изъ Куцовлаховъ, который долго жилъ въ Петербургѣ и хлопоталъ о возвращеніи Аѳоно-Зографскому монастырю имѣній его въ Бессарабіи. Вотъ онѣ:—

Отъ о. Іеронима. — Русскій монастырь съ 1836 года по 1839 судился съ сосѣднимъ монастыремъ Ксенофскимъ за участокъ земли, что за рѣчкою Пурата, гдѣ расположенъ скитъ. Оба монастыря считали этотъ участокъ своею собственностію. Богатый Ксенофъ, имѣющій годоваго дохода 150,000 піастровъ, одолѣлъ своего соперника и оттягалъ себѣ спорную землю. Это сутяжное дѣло разорило Руссикъ. Желая выиграть его, онъ продалъ завѣщанный ему (около 1709 г.) въ Молдавіи монастырь Домны близъ города Боташани, и въ добавокъ нажилъ долгу 300,000 піастровъ. Затѣмъ Руссиковскіе Греки накликали на себя другое несчастіе. Они недавно продали принадлежавшую имъ въ Константинополѣ Воеводскую церковь св. Николая, которая приложена былъ къ ихъ обители Молдавскимъ Господаремъ Іоанномъ Ѳеодоромъ въ 1760 году, и на вырученные деньги построили торговыя лавки. Но лавки эти сгорѣли; и Руссику достался одинъ пепелъ. Всѣ эти несчастія образумили греческихъ насельниковъ этого монастыря, такъ что они болѣе не помышляютъ о возобновленіи своей тяжбы съ Ксенофцами, а желаютъ привлечь къ себѣ наибольшее число нашихъ иноковъ и съ

ними наше золото, дабы уплатить свой долгъ и лучше обстроиться. На однѣ постройки предположенныя требуются 300,000 піастровъ. А весь капиталъ Руссика составляютъ теперь 2,500 рублей, приращаемыя въ Московскомъ банкѣ.—Кромѣ этихъ неотрадныхъ свѣдѣній о. Іеронимъ сообщилъ мнѣ кое-что другое. Руссикъ имѣетъ рыбную ловлю на Турецкой сторонѣ Дуная. Въ 184²/₃ году эту обитель тайно увѣдомили изъ Петербурга, что будетъ война съ Турціею: однако она не состоялась. Монахи Аѳоно-Павловскаго монастыря, англійскіе подданные съ Іоническихъ острововъ, поселившіеся здѣсь назадъ тому три года, не подчиняются Протату.—Недавно Грекъ Минасъ, воспитанный въ Парижѣ, посѣтилъ всѣ Аѳонскіе монастыри, осмотрѣлъ ихъ библіотеки, взялъ себѣ нѣсколько замѣчательныхъ рукописей, и совѣтовалъ святогорцамъ принять покровительство Франціи. Они сперва носили его на рукахъ и рѣшались (особенно Лавріоты и Иверцы) подписать прошеніе объ отдачѣ Аѳона подъ защиту Франціи, лишь бы она хлопотала о неприкосновенности Святогорскихъ имѣній въ Валахіи и Молдавіи, но послѣ, когда узнали, что онъ безбожникъ, охладѣли къ нему. На Аѳонъ приходятъ поклонники, большею частію Болгары. Ихъ зазываютъ и приводятъ туда святогорскіе монахи, живущіе въ своихъ подворьяхъ въ Болгаріи, такъ называемые *таксидіары*. Они даютъ деньги болгарскимъ архіереямъ за позволеніе водить Болгаръ на Аѳонъ, и купивъ это позволеніе, упрашиваютъ сельскихъ старостъ (чорбаджіевъ), чтобы они склоняли возможно большее число земляковъ своихъ къ богомолью въ святогорскихъ монастыряхъ. Въ давнее время множество Болгаръ приходило туда; но съ той поры, когда въ ихъ селахъ начали строиться церкви, приливъ ихъ годъ отъ году сталъ уменьшаться. Въ прошлое лѣто ихъ было только 800. Рѣдкій изъ нихъ жертвуетъ сто рублей: большая часть даетъ пять рублей серебромъ.—На вопросъ мой,—есть ли на Аѳонѣ строгіе подвижники,—отецъ іеронимъ отвѣчалъ: есть, но они отличаются только суровостію житія, пощеніями и келейными поклонами, а выспреннихъ созерцаній, безкнижныхъ мо-

литвъ съ внутреннимъ горѣніемъ всей души, разбора помысловъ и разныхъ прилоговъ, и тому подобнаго не ищи въ нихъ.

Отъ Архимандрита Анатолія, проведшаго два дня (21 и 22 августа) въ Руссикѣ. Всѣ аѳонскіе монастыри и скиты много пострадали отъ Турковъ во время возстанія Еллиновъ. Въ началѣ его, 1821 г., окрестные христіане съ женами и дѣтьми своими, въ числѣ пяти тысячъ проживали нѣсколько недѣль въ лѣсистыхъ мѣстахъ Аѳона, начиная отъ Мегали Виглы до околотковъ монастырей, Зографскаго, Хиландарскаго и Есфигменова. Изъ ихъ сонма жители полуострова Кассандры укрывались въ большой горной пещерѣ близъ Зографа. Для исполненія духовныхъ требъ назначены были престарѣлые іеромонахи; и они крестили новорожденныхъ младенцовъ. Когда Аѳонцы, по наважденію супостата, вооружились и на судахъ своихъ отправились воевать городъ Каваллу, гдѣ и были побиты Турками; тогда паша небольшими военными отрядами занялъ всѣ монастыри, покинутые монахами, которые на судахъ уѣхали, кто куда хотѣлъ. Эти отряды стояли тамъ десять лѣтъ 1821—1830, стрѣляли въ св. образа, выдирали изъ рукописей листы для закуриванія трубокъ и приготовленія ружейныхъ пыжей, раскрывали свинцовыя кровли, и изъ свинцовыхъ листовъ отливали себѣ пули; зажгли лѣсъ на Аѳонѣ; и онъ сгорѣлъ начиная отъ скита св. Анны до монастыря Филоѳейскаго. По удаленіи Турковъ съ Аѳона послѣ мира Турціи и Россіи, пали на святогорцовъ другія тяжести, какъ то увеличеніе податей и строгій таможенный надзоръ, такъ что въ настоящее время рыщутъ по Аѳону пятнадцать таможенныхъ досмотрщиковъ. Они зорко наблюдаютъ особенно берегъ монастыря Павловскаго, въ которомъ живутъ монахи подданные Англіи, и во зло употребляютъ покровительство ея консула, такъ что нашъ консулъ въ Солунѣ постоянно совѣтуетъ ему не вмѣшиваться въ дѣла Аѳономонастырскія.—Говорилъ мнѣ о. Анатолій и о Зографской обители своей, что деньги ея 50,000 рублей онъ внесъ въ Одесскій банкъ, и что изъ процентовъ сей

а 2000 на Болгарскія школы и на училище, недавно открытое на Аѳонѣ для обученія молодыхъ иноковъ. Кстати онъ добавилъ, что для этого училища нужно выписать изъ Россіи 50 катихизисовъ московскаго митрополита Филарета, переведенные на Греческій языкъ Александромъ Скарлатовичемъ Стурдзою, и что надобно преподавать тамъ русскій языкъ. Выписка катихизисовъ состоится по рѣшенію представителей всѣхъ монастырей, засѣдающихъ въ Протатѣ, а Русскій языкъ, Богъ вѣсть, будетъ ли изучаемъ на Еллинскомъ Аѳонѣ.—Въ концѣ концовъ о. Анатолій вручилъ мнѣ составленную имъ краткую записку объ Аѳонѣ на русскомъ языкѣ весьма плохомъ. Эту записку я помѣщу въ оправданіяхъ исторіи Аѳона. А здѣсь помѣщаю одинъ конецъ ея:

„Подвизающіеся на сей святой Горѣ смиренные иноки совершенно увѣрены, что благочестивѣйшая Всероссійская Держава пріиметъ глубочайшую преданность ихъ, *смиритъ безчисленныя стремленія Западныхъ и самой Оттоманской власти, свирѣпо взирающей на святую сію гору,* и защититъ данные ей древними царями и другими властителями въ разныхъ мѣстахъ нынѣ господствующей Порты и прочихъ земель подворья и другія недвижимыя имущества, отъ которыхъ большая часть обителей имѣютъ нужное содержаніе, и *уставитъ древній, постоянно существовавшій до 1820 года, Оттоманской Державѣ платежъ податей и прочихъ небывшихъ прежде сборовъ отъ возможныхъ избытковъ святой Горы.* Ибо Христолюбивѣйшая всероссійская Держава не только Богомъ, но и людьми почтена неоспоримымъ преимуществомъ всей православной восточной Церкви. Сего то покровительства призываетъ себѣ на помощь святая аѳонская гора, яко самою вещію обиталище православной Вѣры и истиннаго Богослуженія.

Когда я начертилъ эти строки, тогда вдругъ возникла во мнѣ мысль описывать аѳонскіе монастыри и скиты по одному плану, а не какъ придется. Эта мысль полюбилась мнѣ; и я придумалъ слѣдующій планъ:

Въ составъ сего описанія моего войдутъ:

I. Сказанія о встрѣчѣ язычества и Христіанства на мѣстности каждаго монастыря, или Скита, и о первоначальной, и только первоначальной судьбѣ каждаго изъ нихъ, такъ какъ цѣльную исторію ихъ удобнѣе писать особо отъ настоящаго сочиненія моего, дабы оно не сдѣлалось чрезмѣрно объемистымъ;

II. Описанія мѣстоположеній аѳонскихъ обителей, ихъ церквей, св. мощей, иконъ, стѣнной живописи, утварей, и замѣчательныхъ рукописей въ ихъ книгохранилищахъ, и выдержки изъ ихъ архивныхъ дѣеписаній;

III. Замѣтки о числѣ монаховъ, объ ихъ преданіяхъ и толкахъ, объ имѣніяхъ монастырскихъ и о доходахъ съ нихъ, и о прочемъ, что только будетъ узнано.

По сему плану начинаю настоящую работу свою съ описанія Руссика. Господи благослови.

На горной мѣстности сего монастыря, въ дохристіанскія времена, не было города, потому что нѣтъ тутъ морской пристани, а находилось селище Вура. Поводомъ къ этому мнѣнію моему послужило названіе ближней къ Руссику рѣчки, составляющей западную границу его мѣстности. Ее называютъ *Пурата*. Я думаю, что это названіе немного переиначено монахами Сербо-болгарскими, которые очень долго владѣли Руссикомъ, и что оная рѣчка древле называлась Вура, безъ болгарскаго придатка, *та*. Ежели это вѣрно, то сія Вура вызываетъ воспоминаніе о Пелопонесо-ахайской рѣкѣ Вурѣ и соименномъ ей городѣ, который стоялъ на берегу ея и разрушенъ былъ землетрясеніемъ въ 373 году до рождества Христова, и даетъ поводъ говорить, что въ то время, (около 1124 года до Р. X) когда Коринѳяне и Ахайскіе союзники ихъ водворяли свои торговыя селитвы, Потидею на ближнемъ къ Аѳону Кассандрскомъ полуостровѣ, и Ксиропотамъ, Аэропотамъ, Эгіонъ, Петру, Харадріэ на Аѳонѣ, тогда они же основали тамъ и Вуру на той ровной высотѣ сей горы, гдѣ лежатъ развалины стараго Руссика, и построили ка-

кулесомъ, была почитаема въ Вурѣ Ахайской. (Strab. L. 1. c. 3. Diodor. Sicul. L. XV. c. 48. 49. Pausan. L. VII. Voyage de l'Achaïe. (Смотри во 2-мъ отдѣленіи мои сказанія о монастыряхъ Павловскомъ, Діонисіатскомъ, Григоріатскомъ, Симопетрскомъ и Ксиропотамскомъ).

Селище Вура, вмѣстѣ съ прочими городами и мѣстечками аѳонскими, стояло на своемъ мѣстѣ до перваго запустѣнія Аѳона отъ погрома арабскаго. Но когда царь Константинъ Погонатъ въ 676 году заключилъ миръ съ Арабами, и Аѳонъ, какъ выморочное имѣніе, въ 680 году отдалъ монахамъ, которые въ то время скитались по городамъ, укрываясь въ нихъ отъ убійственныхъ нашествій варварскихъ народовъ *); тогда жители богатаго города Ѳессалоники, желая освободиться отъ такихъ злополучныхъ скитальцовъ, и вмѣстѣ жалѣя объ ихъ участи, построили имъ на мѣстѣ покинутой аѳонской Вуры небольшой монастырь, возобновивъ тутъ прежнюю церковь святаго и многоцѣлебнаго врача Пантелеимона, который по принятіи христіанства Вураитами замѣнилъ имъ Илиѳію, помогавшую женщинамъ въ трудныхъ родахъ ихъ. Въ память постройки сего монастыря *общимъ* иждивеніемъ жителей сказаннаго города онъ и назывался и въ судебныхъ дѣлахъ писался *обителію Ѳессалоникійцовъ* **). А когда Аѳонъ, уже монашескій, опять запустѣлъ съ 830 года по 870-й, и когда царь Василій Македонскій опять отдалъ его монахамъ; тогда одинъ изъ нихъ, родомъ Ѳессалоникіецъ, возвратился въ прежнюю обитель свою, древле основанную родичами его Ѳессалоникійцами, и обновилъ ее съ помощію ихъ. Посему она въ актѣ 1169 года (№ 7) названа обителію Ѳессалоникійца, Μονὴ τοῦ Θεσσαλονικεώς. Такую древность я усвояю ей на основаніи этого же самаго акта, въ которомъ сказано, что она *древле* была многолюдна, πολυάνθρωπος αὕτη πάλαι ἐτύγχανεν. Въ 1169 году ее называли древнею. Какъ же велика была тогдашняя древность ея? Ежели Пан-

---

*) Смотр. мою исторію Аѳона. Ч. III. § 1.—

**) Смотр. въ Оправданіяхъ исторіи Руссика актъ подъ № 5: Μονὴ τῶν Θεσσαλονικέων.

телеимонова обитель въ первый разъ возникла вскорѣ послѣ 870 года, то древность ея въ 1169 году была 290-лѣтняя: а ежели ее построили Ѳессалоникійцы вскорѣ послѣ 680 года, то въ 1169 лѣто исполнились 480 слишкомъ лѣтъ ея существованія. Та и другая древность значительна; но старшая почтеннѣе младшей. Я признаю древность ея 480 лѣтнюю, и отстаиваю это мнѣніе свое вотъ какъ. Вскорѣ послѣ 870 года Ѳессалоникійцамъ не было никакого повода строить монастырь на Аѳонѣ общимъ иждивеніемъ своимъ: а въ 680 году былъ поводъ къ тому законный. Тогда шестый вселенскій Соборъ, созванный царемъ Константиномъ Погонатомъ, узаконилъ правилами 18-мъ и 42-мъ": Клирикамъ, по причинѣ нашествія варваровъ оставившимъ свои мѣста, возвращаться въ свои церкви, когда прекратятся варварскія нашествія, бывшія причиною удаленія ихъ. А пустынниковъ, которые въ черныхъ одеждахъ и съ отращенными волосами ходятъ по городамъ, опредѣлять въ монастыри, а если не пожелаютъ сего, изгонять ихъ изъ городовъ, и жить имъ въ пустыняхъ, отъ коихъ иименованіе себѣ составили". По силѣ этихъ правилъ Константинъ Погонатъ отдалъ опустѣвшій Аѳонъ монахамъ; и они изъ матеріаловъ тамошнихъ городовъ и селищъ построили себѣ обители съ помощію знакомыхъ христолюбцовъ, и воспользовались тамошними, прежними церквами *). Тогда Ѳессалоникійцы христолюбивые и монахолюбивые помогли ушедшимъ отъ нихъ пустынникамъ возобновить Вураитскую церковь св. Пантелеймона и обстроили ее въ видѣ монашеской обители.

Эту обитель, какъ я уже сказалъ, послѣ 870 года обновилъ какой-то монахъ Ѳессалоникіецъ; и она, какъ въ первую Епоху аѳонскаго иночества (680—830 г.) такъ и во вторую (послѣ 870 г.) была многолюдна. Но въ 1083 или 1089 году, когда на Аѳонѣ Протомъ былъ Павелъ, царь Алексѣй Комнинъ отдалъ ее нашимъ Русскимъ монахамъ, пришедшимъ на Аѳонъ по горячимъ слѣдамъ св. Антонія Кіевопечерскаго († 1073 г.) Однако они ско-

*) Смотри мою Истор. Аѳона Ч. III. § 1. и читай ниже сказанія о *первоначальной* судьбѣ Аѳонскихъ монастырей.

ро оставили ее *навсегда* по причинѣ смутъ, причиненныхъ Аѳонцамъ жившими среди ихъ Валахскими семействами, и по примѣру прочихъ тамошнихъ монастырниковъ, покинувшихъ свои обители по этой же причинѣ. Такимъ образомъ эта обитель обезлюдѣла, и въ теченіи 69 лѣтъ, начиная съ 1100-го, завѣдываемая уже не игуменами, а дикеями, и не вспомоществуемая Ѳессалоникійцами, которые, можно думать, обидѣлись передачею ея Русскимъ, постепенно разорялась и разрушалась такъ, что въ 1169 году всѣмъ на Аѳонѣ казалась *исчезающею* по причинѣ малочисленности монаховъ и недостаточности продовольствія, какъ это сказано въ тогдашнемъ актѣ: σήμερον καὶ ἀφανὴς ὁρᾶται, καὶ εἰς τὸ μὴ εἶναι παρὰ πᾶσιν καὶ φαίνεται καὶ λογίζεται ἕκτε τῆς σπάνης τῶν μοναχῶν, ἀπὸ τοῦ μὴ εὐπορεῖν τὰ χορτάσματα, καὶ διὰ τὸ συμπεπτωκέναι τά τε τείχη αὐτης καὶ τὰ οἰκήματα, ἀλλὰ καὶ ἅπερ ἵςασθαι φαίνονται πτῶσιν παντελῆ καὶ ἀφάνισμον προμηνύοντα. Однако Протатъ отдалъ ее другимъ Россамъ не нашимъ, а Сербскимъ; и они обновили и устроили ее.

Дальнѣйшая судьба сей обители будетъ изложена мною въ особой исторіи ея. А здѣсь я спѣшу помѣстить описаніе настоящаго состоянія ея, начиная съ мѣстности подъ нею.

Нынѣшній монастырь св. Пантелеимона, весь съ основаній построенный иждивеніемъ Молдовлахійскаго князя Калимахи въ 1812 году безъ малѣйшаго участія Русскихъ, и по справедливому замѣчанію Аѳоноесфигменскаго игумена Ѳеодорита, *ложно* называемый Русскимъ, находится на самомъ берегу Сингитскаго залива Эгейскаго моря. Мѣстность *подъ нимъ и около него* почти вездѣ ровная: а околотокъ, которымъ онъ владѣетъ, гористъ. Сей околотокъ не великъ. Къ востоку онъ граничитъ съ ближнимъ околоткомъ монастыря Ксиропотамскаго, и тутъ отдѣляется отъ него сухопотокомъ, заваленнымъ большими и малыми камнями, когда-то оторванными отъ горы; на западѣ естественную границу его составляетъ рѣчка Вура (Пурата), текущая съ горной высоты мимо стараго Руссика и въ устьѣ пріосѣненная не очень взрачными платанами; южная сторона его омывается сказаннымъ зали-

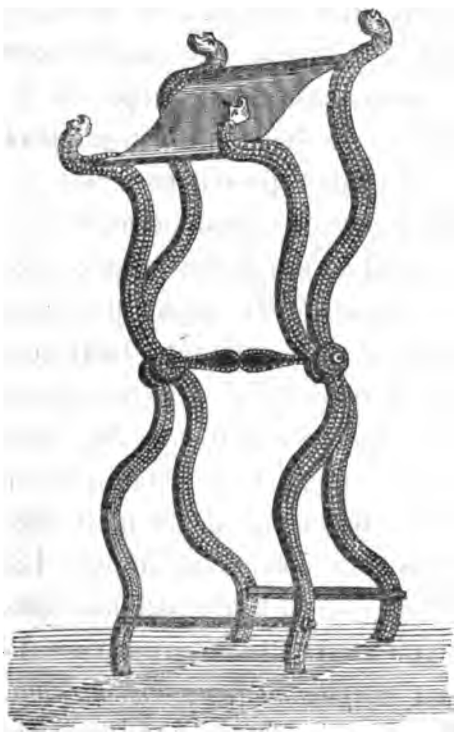
вомъ, а на сѣверѣ весь околотокъ стелется вверхъ по горѣ до самаго хребта ея. На немъ въ восточной приморской части его разведенъ большой виноградникъ, а въ западной приморской же части овощный отличный огородъ, въ которомъ, по причинѣ ровности его, я часто прохаживался вдоль до рѣчки Вуры, дабы размять себя послѣ долгочасовыхъ сидѣній въ кельѣ; вся же сѣверная гористая мѣстность, за исключеніемъ луговъ вокругъ стараго Руссика, занята лѣсомъ, больше каштановымъ. Ѣдучи по ней къ хребту Аѳона по торной стезѣ, ведущей въ Карею, ничего не видишь, кромѣ моря позади себя и кромѣ деревъ впереди своего Я, среди которыхъ однако обращаютъ на себя вниманіе путника одинъ громадный четвероугольный утесъ, словно столпъ, особнякомъ высящійся надъ своимъ мѣстомъ такъ, что вокругъ его можно ходить, а влѣсть на него нельзя, и источникъ сладкой воды, называемый *Добра вода*. Говорили мнѣ, что на этомъ утесѣ будтобы подвизался когда-то какой-то столпникъ. Могло это статься. Столпники на Аѳонѣ были еще въ царствованіе Алексѣя Комнина, (1081—1118 г.) и тогда же ушли оттуда, боясь черноокихъ Валашекъ и проклятія вселенскаго патріарха Николая.

Пантелеимоновъ монастырь построенъ такъ же, какъ и всѣ святогорскія обители. Входятъ въ него чрезъ желѣзныя ворота, устроенныя въ южной стѣнѣ, что со стороны моря. Надъ этими воротами нѣтъ башни. А привратникъ вооруженъ короткою булавою по общему обычаю святогорскихъ монастырей. Она на всякій случай можетъ служить и ударною въ ворота колотушкою для сбора братіи радостнаго, или тревожнаго. Какъ только войдешь внутрь монастыря, о которомъ идетъ рѣчь, разомъ видишь всѣ зданія его, какъ хорошую посуду на столѣ. Въ срединѣ его на ровномъ мѣстѣ высится соборный храмъ, освященный во имя св. великомученика Пантелеимона. Напротивъ его на западѣ, стоитъ братская трапеза съ сквознымъ портикомъ предъ нею, надъ которымъ сооружена небольшая звоница, снабженная русскими колоколами.

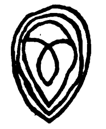
мѣстѣ красуется церковь во имя святаго Митрофана епископа Воронежскаго. На восточной линіи монастыря стоитъ одна лишь каменная ограда безъ келлій у нея; линія западная занята братскою трапезою и службами при ней; по линіи южной тянутся братскія келліи и архондарики вверху, а подъ ними погребъ и клѣти для складки пшеницы; а на сѣверной линіи, въ 184⁵/₆ году, ничего не было кромѣ каменной ограды, перехваченной четырехъугольною башнею, и кромѣ нѣсколькихъ монашескихъ малыхъ келлій съ Параклисами среди ихъ въ самомъ углу сѣверо-западномъ. Если смотришь на весь монастырь снаружи, то онъ, съ малыми узкими и непрямолинейными окнами его и съ висячими балконами деревянными, кажется нестолько монастыремъ, сколько стариннымъ зáмкомъ.

Соборный храмъ построенъ въ 1814 году, а освященъ вселенскимъ патріархомъ Григоріемъ въ слѣдующемъ году. Зодчество его не замѣчательно. Онъ состоитъ изъ трехъ отдѣленій: первое изъ нихъ есть нáрѳиксъ, или сквозный портикъ съ низкими колоннами, второе Литійный притворъ, и третіе настоящая церковь съ алтаремъ. Въ нарѳиксѣ красива западная дверь, ведущая въ притворъ храма. Обѣ стороны ея обрамлены изваянными изъ бѣлаго мрамора пилястрами Іоническаго ордена; надъ нею къ стѣнѣ храма прикрѣплена мраморная плита съ дугообразнымъ выемомъ среди ея, и съ изваянными на ней 1) высокими широколиственными растеніями, похожими на букву *г*, 2) двумя ручными кадильницами (кáцами) и 3) солнцемъ и полулуніемъ; а надъ сею вычурною плитою помѣщенъ поясный образъ св. Пантелеимона подъ высокою узорчатою дугою, изсѣченною изъ бѣлаго же мрамора и соединенною съ дверію такъ, что дуга эта составляетъ одно цѣлое съ нею. Рисунокъ этой двери съ надписью надъ нею помѣщенъ на 17 листѣ моего живописнаго обозрѣнія Аѳона. Вы спросите меня: что значатъ изваянныя тутъ двѣ кадильницы, цвѣтистыя растенія и солнце съ полулуніемъ? Отвѣчаю вамъ: кадильницы напоминаютъ вамъ псаломъ: *да исправится молитва ваша, яко кадило*, т. е. да несется она прямо къ Богу, какъ несется

вверхъ ѳиміамъ кадильный; цвѣтистыя растенія вѣщаютъ вамъ: расцвѣтайте и вы для рая; а солнце и полулуніе означаютъ деннонощныя бдѣнія святыхъ старцовъ аѳонскихъ. Но войдемъ въ Притворъ собора. Онъ ничѣмъ не украшенъ. У голыхъ стѣнъ его стоятъ старческія деревянныя сѣдалища (στασίδια). Тутъ наканунѣ большихъ праздниковъ совершаются литіи съ такимъ продолжительнымъ пѣніемъ *Славы* Святому или празднику, что иные старцы подъ монотонные звуки такой Славы преспокойно засыпаютъ тутъ вмѣстѣ съ задремавшими на нихъ клопами. Въ настоящей церкви, отдѣленной отъ притвора стѣною съ дверью, полъ устланъ мраморными плитами, бѣлыми и черными, въ видѣ звѣздчатаго круга; деревянный иконостасъ русской работы блеститъ яркою позолотою; иконы въ немъ написаны въ 1812 году, а кажутся старше Аѳона; стѣнныя изображенія мучениковъ воиновъ у праваго и лѣваго хора русскою кистію написаны такъ, какъ будто эти воины родились въ Россіи и выросли среди нашихъ дебелоплотныхъ мѣщанъ и купцовъ. Въ этой церкви мнѣ полюбились два налоя на двухъ клиросахъ и *дискеллій* т. е. *двубедренникъ*, на которомъ читается евангеліе предъ царскими вратами. Всѣ эти три клиросныя принадлежности срисованы и помѣщены на 21 листѣ моего живописнаго обозрѣнія Аѳона. Онѣ весьма цвѣтисто и узорчато облицованы мелкою мозаикою изъ перламута, слоновой кости и индійской черепахи. Полюбуйтесь здѣсь *дискелліемъ*. Онъ составленъ изъ четырехъ змѣй, какъ бы слушающихъ евангеліе. Къ чему же тутъ змѣи? Вы скажете, что онѣ



Дискеллій (двубедренникъ)

напоминаютъ евангельскія слова: *будите мудри яко змія*. А я вамъ скажу: извините, не угадали! Тутъ иная мудрость, великая мудрость, старинная мудрость! Вонмемъ. Слушайте. Змѣи, изъ которыхъ составленъ *Дискеллій*, напоминаютъ собою изобрѣтателя письменъ Финикійскихъ и поводъ къ изобрѣтенію ихъ. Этотъ изобрѣтатель былъ Татъ. Онъ наблюдалъ огненную природу змѣй, и на таблицахъ изобразилъ ихъ различныя движенія и положенія въ разныхъ состояніяхъ, когда, напримѣръ, змѣя сбрасываетъ съ себя старую кожу, или когда по прошествіи многихъ лѣтъ разлагается и истлѣваетъ. (Euseb. praeparat. Evangel. L. I.) Эти изображенія, отподобленныя съ отпечатковъ ихъ на пескѣ, напр: у Тата были первоначальныя буквы, видомъ своимъ похожія на змѣй: τὰ πρῶτα στοιχεῖα τὰ διὰ τῶν ὄφεων: (Ibidem) буквы же эти изображаемы были въ Финикійскихъ капищахъ; и имъ, какъ первымъ въ свѣтѣ иконамъ, Финикіяне приносили жертвы, проразумѣвая въ нихъ величайшихъ боговъ и вседержителей; напр: когда видѣли букву Ха́инъ, воображали богиню Хасторетъ— Астарту, когда смотрѣли на букву *Тетъ*, представляли себѣ мудрость Божію и покланялись ей. Τά μὲν πρῶτα ςοιχεῖα τά διὰ τῶν ὄφεων, ναοὺς κατασκευασάμενοι, ἐν αὐτοῖς ἀφιέρωσαν, καὶ τούτοις θυσίας καὶ ἑορτάς ἐπιτέλουν καὶ ὄργια, θεοὺς τοὺς μεγίςους νομίζοντες καὶ ἀρχηγοὺς τῶν ὅλων. (Ibidem.) Отъ Финикіянъ сіи буквы заняли Греки, но немного передѣлали ихъ по своему. А такъ какъ они помнили, что поводъ къ изобрѣтенію буквъ дали змѣи, оставлявшія на пескѣ очертанія своихъ движеній и положеній, и такъ какъ сами они, еще до рождества Христова, въ капищахъ своихъ изображали зміевидныя буквы, напр:  и видя эту букву произносили ΙΟ'ΒΑΚΧΟΣ, разумѣя Бахуса, то и въ христіанскихъ церквахъ, по старой привычкѣ, начали изображать буквы на стѣнахъ, крестахъ, иконахъ, священныхъ одеждахъ, напримѣръ: Θ Θ Θ Θ. Ε Ε Ε Ε, а читали ихъ такъ: Θέα Θεοῦ Θεῖον

Θαῦμα, т. е. *Чудись Чудному Чуду Чудодѣйствующаго*, Εὕρηκεν Εὕρημα Ἑλένη Ἐν γολγοθᾶ—*Обрѣла Олена Обрѣтеніе* (крестъ) *Отъ голгоѳы*, Ο ΩΝ, ΜΡ ΘΥ, и кромѣ этихъ буквъ выдумали зміевидный Дискеллій, *въ память изобрѣтенія зміевидныхъ буквъ*, и начали ставить этотъ по истинѣ замысловатый налой подъ евангеліе, написанное греческими буквами, передѣланными изъ зміевидныхъ буквъ финикійскихъ.

Въ алтарѣ соборнаго храма, кромѣ малой части Животворящаго Древа, хранятся слѣдующія частицы св. мощей: 1) глава св. Пантелеимона, присланная въ даръ обители Сербскимъ царемъ Стефаномъ Душаномъ въ 1347 году, 2) глава преподобномученика Стефана Новаго, 3) глава св. преподобномученицы Параскевы, 4) ребро св. великомученицы Марины, 5) частицы св. Іосифа Обрученника, св. апостола Ѳомы, препод. Симеона столпника, св. мученика Іакова Перса, св. мученика Кирика, Трифона, священномученика Харалампія, преподобномученика Нектарія Новаго, и нѣсколько частицъ другихъ святыхъ.

На налойной иконѣ св. Пантелеимона лице сего великомученика недавно написано такъ моложаво и такъ миловидно, что Зографскій архимандритъ Анатолій называлъ мнѣ эту икону фрейлиною. Чудакъ!

Въ ризницѣ нѣтъ ни древнихъ ризъ, ни другихъ достопамятностей, кромѣ евангелія и церковныхъ сосудовъ, пожертвованныхъ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ, посѣтившимъ Аѳонъ въ 1845 году.

Кромѣ соборнаго храма внутри монастыря отдѣльно стоятъ еще двѣ небольшія церкви, Успенская, построенная въ 1820 году и ничѣмъ незамѣчательная, и Митрофаніевская, освященная въ 1846 году адріанопольскимъ митрополитомъ Григоріемъ. Она красива внутри и снаружи. Блестящій иконостасъ въ ней и утварь пожертвованы русскимъ инокомъ Саввою, бывшимъ Петербургскимъ купцомъ Семеномъ Максимовичемъ Комаровымъ, который въ 1844 году вмѣстѣ со мною путешествовалъ по св. землѣ Палестинской. Въ этой церквѣ память св. Митрофана епис-

копа Воронежскаго торжественно празднуется русскими и греческими иноками. Житіе его переведено на греческій языкъ и читается въ братской трапезѣ; переведена погречески и составленная у насъ служба ему.

Между кельями Пантелеимонова монастыря устроены Параклисы: 1) св. архангеловъ, 2) усѣкновенія главы св. Іоанна Предтечи, 3) св. Харалампія, 4) св. Николая Чудотворца, 5) преподобнаго Саввы освященнаго, 6) св. великомученика Димитрія Солунскаго, 7) и преподобнаго Сергія Радонежскаго.

Внѣ описываемой мною обители, вблизи, на взморьѣ расположено братское кладбище съ малою церковію. А подъ нею находится костовница. Я входилъ въ эту костовницу и замѣтилъ, что черепы умершихъ иноковъ отдѣлены отъ сложенныхъ тутъ костей ихъ, и размѣщены на полкахъ; на вопросъ мой,—почему это такъ дѣлается,—послышался отвѣтъ, что въ день общаго воскресенія мертвыхъ оживутъ только однѣ головы ихъ, а прочія члены, по слову апостола, *будутъ упразднены вмѣстѣ съ чревомъ*. Выслушавъ такой толкъ неученаго кладбищнаго монаха изъ Грековъ, я вспомнилъ болтовню многоученаго наставника своего архимандрита Иннокентія Борисова, который училъ, что мы, по воскресеніи своемъ, будемъ летать, и что для этого волосы подъ мышками нашихъ рукъ преобразятся въ крылья. Знать: не помнилъ этотъ профессоръ богословія извѣстной заповѣди: ничего своего не прибавлять къ тому, что сказано въ священномъ Писаніи: или, такъ себѣ, фантазировалъ предъ нами младоумными. Щеголялъ онъ на каѳедрѣ своею *нѣмецкою* ученостію и неологизмомъ! Но Богъ съ нимъ! Займемся Аѳоно-руссикомъ.

Видѣлъ я такъ называемую *арсану* этого монастыря т. е. зданіе, въ которое втягиваются мореходныя лодки, видѣлъ и самую пристань ихъ. Ничего особеннаго тутъ нѣтъ; но замѣчателенъ разсказанный мнѣ способъ очищенія дна морскаго отъ наносныхъ камней немалаго размѣра. Водолазъ оцѣпляетъ каждый такой камень желѣзнымъ обручемъ, который на шолнерѣ

разгибается и сгибается, и къ этому обручу привязываетъ толстый канатъ: а рабочіе люди хватаются за этотъ канатъ и съ помощію его вытаскиваютъ камень на берегъ. Просто и дешево!

Не мало занимало меня и устойство водяной мельницы, поставленной у сѣверовосточнаго угла монастырской ограды снаружи. Позади и выше ея изъ камней складенъ четвероугольный водоемъ глубокій, но не очень великій. Вода издалека съ горы течетъ въ него тонкою струею по деревяннымъ жолобкамъ, утвержденнымъ на сошкахъ. Когда этотъ водоемъ наполнится, тогда воду спускаютъ изъ него по крутому жолобу подъ мельничное колесо, а оно приводитъ въ движеніе жернова, и мука мелется. Зритель же вспоминаетъ греческую поговорку: θεωρίαν Ἰωνᾶ, καὶ καρδίαν μυλωνᾶ, *по виду Іона* (пророкъ), *а по сердцу мельникъ,* и говоритъ самъ себѣ: въ самомъ дѣлѣ иной профессоръ съ виду—такой важный и величавый Акимъ Семенычъ, что хоть въ пророки записывай его, а мелетъ такой вздоръ, что уши вянутъ.

Всѣхъ въ мірѣ профессоровъ лучше старинныя рукописи. Люблю я ихъ и читаю съ отмѣннымъ удовольствіемъ. Онѣ по своему недавно обогащали мой умъ и мою память на Синаѣ и Сіонѣ, на Ливанѣ и Антиливанѣ. А теперь обогатятъ меня и на Аѳонѣ. Это рудники, изъ которыхъ добываются золото, серебро и всякіе металлы и многіе драгоцѣнные камни и жемчужины.

Первый такой рудникъ на Аѳонѣ, первый по времени моей разработки его, былъ Руссиковскій. Называется онъ по гречески Вивліоѳики, по латинѣ Библіотека, а по русски Книгохранилище. Что же тутъ особенно хорошо и достойно вниманія, изученія, переписыванья? Многое. Но это многое хорошее и достойное будетъ помѣщено мною въ общемъ каталогѣ аѳонскихъ рукописей. Здѣсь же передается лишь нѣчто, не столько для любопытства, сколько для большей содержательности науки, наи-

А. ИЗЪ СВ. ПИСАНІЯ:

Псалтирь съ Богомъ, по изданію Святоградца (Ψαλτήριον σὺν θεῷ κατὰ τὸν 'Αγιοπολίτην) на пергаминѣ, 6702—1194 года, начата пространнымъ предисловіемъ Евѳимія Зигавина, современника царя Алексѣя Комнина (1081—1118 г.).—Это предисловіе тщательно переписано мною, и дополнено по рукописи Аѳоноиверскаго монастыря, 1262 года. Оно весьма замѣчательно. Познакомимся съ нимъ хоть отчасти. Зигавинъ полагалъ, что всѣ 150 псалмовъ написаны Давидомъ. Ἄλλοι λέγουσι, οἷς καὶ ἐγὼ συντίθημι, πάντας τοὺς ψαλμοὺς εἶναι τοῦ Δαβίδ.

Псаломъ есть такое пѣснопѣніе, которое безъ перерыва голосомъ поется подъ звуки струннаго псалтиріона. Ψαλμὸς μὲν κυρίως, ὁ μετὰ ὀργανικοῦ ψαλτηρίου ἐμμενῶς ἐκφωνούμενος.

Пѣснь музыкально и гармонически поется однимъ только голосомъ (безъ инструмента). Ὠδή—φωνή τις μουσικὴ καὶ ἐναρμόνιος ἀπὸ μόνου ςόματος.

Гимнъ есть пространное славословіе. Ὕμνος—ἡ ἐπιτεταμένη δοξολογία.

Хваленіе есть краткая похвала. Αἶνος—ὁ σύντομος ἔπαινος.

Исповѣданіе есть пространное перечисленіе или благъ, кои мы получали, или золъ, коихъ избѣжали. Ἐξομολόγησις—ἡ κατεπιτεταμένη ὁμολογία, ἢ καλῶν, ὧν πεπόνθαμεν, ἢ κακῶν, ὧν δεδράκαμεν.

Молитва есть прошеніе, умоленіе. Προσευχὴ ἡ δέησις.

Обѣтъ—обѣщаніе. Εὐχὴ—ἡ ὑπόσχεσις.

Пѣснь псалма сперва звучитъ инструментально, а потомъ вторится голосомъ. Ὠδὴ ψαλμοῦ ὑποληπτέον, ὅτι προτάσσεται ἡ δὶ ὀργάνου μουσική· ἕπεται δὲ ἡ διά στόματος φωνὴ δευτέραν λαμβάνουσα χώραν.

Псаломъ пѣсни, наоборотъ, сперва голосомъ поется, а потомъ играется на инструментѣ.

Одни говорили, что Ездра, а другіе что Езекія сдѣлалъ

Самъ Давидъ имѣлъ въ рукахъ царственный псалтиріонъ, а прочіе пѣвцы держали трубы, тимпаны, кимвалы, лиры, киѳары.

Трубы и ѵиринги — духовые; лира и киѳара — съ струнами; кимвалы и тимпаны—ударны пальцами; псалтиріонъ, который называютъ и киннирою, и киѳарою, и лирою, былъ инструментъ струнный, но стоявшій стоймя (τῶν ἐντατῶν μὲν ἦν, πλὴν ὄρθιον): десять поворотныхъ колковъ натягивали и ослабляли струны по желанію играющаго и по требованію риѳмы, а правая рука двигала смычекъ, лѣвая же, касаясь струнъ и перебѣгая по нимъ, извлекала звуки низкіе, или высокіе, или средніе.

Многое въ псалмахъ не ясно. Причины тому суть слѣдующія: во первыхъ, символизмъ, или прообразованіе Христа и новой благодати; во вторыхъ, особенныя свойства Еврейскаго языка; въ третьихъ, пророческій обычай (προφητικὸν ἔθος) прикрывать многое ради жесткости и непослушанія слушателей; въ четвертыхъ, пророчества правильно понимаются только тогда, когда исполняются; послѣдняя причина есть переводъ псалмовъ съ еврейскаго языка на греческій, такъ какъ всякій у всѣхъ языкъ, переводя чужое нарѣчіе, вводитъ неясность и невразумительность. Τελευταία δὲ αἰτία, ἡ ἀπὸ τῆς Ἑβραΐδος ἐπὶ τὴν Ἑλλάδα γλῶτταν μεταβολή. Πᾶσα γάρ γλῶττα μετατιθεμένη πρὸς ἀλλοτρίαν, ὡς ἐπὶ πᾶσι, ἔχει τὸ ἀσαφὲς καὶ δυσκατανόητον.

Переведены же псалмы (по гречески) во дни Египетскаго царя Птоломея Филаделфа. Впрочемъ было седмь переводовъ Ветхозавѣтнаго писанія. *Первый*—70 толковниковъ, которые всѣ были Евреи, приглашенные названнымъ царемъ, и всѣ согласно сдѣлали весь переводъ. *Вторый*—Акилы Синопца. Этотъ еллинъ изъ Понтійскаго города Синопа крещенъ былъ въ Іерусалимѣ, потомъ разсорившись съ нѣкоторыми христіанами, презрѣлъ крещеніе свое, и приставъ къ Іудеямъ, издалъ переводъ св. Писанія при царѣ Адріанѣ прокаженномъ, спустя 370 лѣтъ послѣ перевода 70 толковниковъ *), но многое перепортилъ, παρέφθειρε,

въ отместку христіанамъ. *Третій* переводъ—Симмаха, который будучи родомъ Самарянинъ и не сподобившись того почета, какого домогался, присталъ къ Іудеямъ, снова обрѣзался, и въ отместку Самарянамъ перевелъ св. Писаніе при царѣ Верѣ, спустя 56 лѣтъ послѣ изданія Акилы (слѣдовательно въ $^{179}/_{180}$ году). Онъ, угождая Евреямъ, переиначилъ все, что говорилось о Христѣ. —*Четвертый* переводъ—Θеодотіона изъ Ефеса, который, заразившись ересію Маркіона, сдѣлалъ свое изданіе въ царствованіе Коммода. (180—193 г.) *Пятый* переводъ не имѣетъ извѣстнаго по имени отца; а найденъ былъ въ Іерихонѣ, вложенный въ корчагу въ царствованіе Каракалла (211—217 г.) *Шестый*, такъ же безъименный найденъ былъ въ Никополѣ Актійскомъ (κατὰ τὸ Ἄκτι) при царѣ Александрѣ Маммеѣ. *Седьмый*—Лукіана великаго аскета и мученика. Онъ зная вышерѣченныя изданія, и прилежнѣе занявшись Еврейскимъ языкомъ до совершенства, сдѣлалъ для христіанъ собственное изданіе, въ которомъ нѣтъ ничего опущеннаго и лишняго. Это изданіе его, *собственноручное*, найдено было въ Никомидіи замазанное известью въ малой башнѣ послѣ мученичества его и послѣ гоненія Діоклитіана и Максиміана, въ царствованіе Константина великаго. Этотъ переводъ сходенъ съ переводомъ 70 толковниковъ; и въ немъ нѣтъ того, что перепорчено въ другихъ переводахъ. Ἑβδόμη προέβη παρὰ Λουκιανοῦ τοῦ μεγάλου ἀσκητοῦ καὶ μάρτυρος, ὃς ταῖς προῤῥηθείσαις ἐπιςήσας ἐκδόσεσι, καὶ τῷ ἑβραϊκῷ φιλοπονώτερον ἐντυχὼν καὶ ἀκριβωσάμενος, ἔκδοσιν ἰδιόκληρον καὶ μηδὲν ἐλλειπὲς, ἢ περιττὸν ἔχουσαν χριςιανοῖς ἐποιήσατο· ἥτις εὑρέθη κατὰ Νικομήδειαν, ἰδιόγραφος αὐτοῦ, παρ' Ἰουδαίων ἐν πυργίσκῳ κεχρισμένη κονιάματι μετὰ τὴν ἄθλησιν αὐτοῦ καὶ τὸν παρὰ Διοκλητιανοῦ καὶ Μαξιμιανοῦ διωγμὸν, Κωνςαντίνου τοῦ μεγάλου βασιλέως κρατοῦντος· Αὕτη συνᾴδει τῇ τῶν Ο, τὰ παρεφθαρμένα τῶν ἄλλων ἀθετοῦσα.

Переведши по русски частицу предисловія Зигавина, спѣшу сказать нѣсколько словъ о текстѣ псалтири Агіополита—*святогорца* и о немъ самомъ. Я сличалъ текстъ ея съ печатною греческою псалтирью, какая нынѣ читается въ церквѣ, и не на-

13

шелъ никакой разницы, кромѣ опечатокъ; напримѣръ въ рукописи читаешь παρὰ σοί, а въ печатной псалтири παρὰ σοῦ, тамъ καταιγὶς σφοδρὰ, а здѣсь σφόδρα. Въ разсматриваемой мною рукописи нѣтъ толкованія псалмовъ, за то надъ каждымъ изъ нихъ помѣщены надписи и объясненія ихъ, большею частію пространныя. Изъ числа ихъ я перебѣлилъ для себя 39. Вотъ образчики ихъ:

Псаломъ 4. — На немъ надписано, *„въ конецъ въ пѣсни“*, потому что въ немъ содержится пророчество о воскресеніи мертвыхъ, которое совершится въ будущемъ вѣкѣ, или потому что въ немъ рѣшительно говорится о чемъ-то такомъ, что имѣлъ получить Давидъ и о чемъ онъ, какъ пророкъ, твердо зналъ, что получитъ это. *„Конецъ Въ пѣсни“*: Это надписано такъ потому, что въ семъ псалмѣ Давидъ воспѣваетъ дивныя дѣла Бога, освободившаго его отъ тиранства Авессалома. Псаломъ этотъ пригоденъ и всякому, избавленному отъ какой либо опасности. Εἰς τὸ τέλος μὲν ἐπιγέγραπται, διὰ τὸ προφητεῦσαι περὶ τῆς ἐκ νεκρῶν ἀναστάσεως, ὡς προϊόντες ἐπιδείξομεν, ἥτις τοῦ μέλλοντος ἐςὶ αἰῶνος· ἢ διὰ τὸ περὶ τινῶν εἰπεῖν ἀπλῶς, ἅπερ ὡς προφήτης βεβαίως ὑπίστατο ληψόμενα. τέλος ἐν ὕμνῳ, διὰ τὸ κηρύττειν τοῦ θεοῦ τὰ θαυμάσια, ποιήσαντος αὐτόν ὑπέρτερον τῆς Ἀβεσσαλὼμ τυραννίδος, μεθ᾽ ἣν ᾖσε τὸν παρόντα ψαλμόν. Ἁρμόζει δὲ καὶ παντὶ ἀπαλλαγέντι κινδύνου.

Псаломъ 6.—На немъ надписано: *„Въ конецъ. Въ пѣсни. О осьмомъ. Псаломъ Давиду“*.—Что значитъ *въ конецъ*, это объяснено выше. А *въ пѣсни* пророкъ величаетъ Бога. *О осьмомъ*, т. е. о будущемъ осьмомъ вѣкѣ умоляетъ Его. Этотъ вѣкъ настанетъ послѣ седьмаго текущаго нынѣ во второй половинѣ своей *). Но не отъ своего только лица, а и отъ лица всѣхъ насъ Давидъ приноситъ молитву Господу, имѣющему тогда судить. А сочинилъ онъ этотъ псаломъ тогда, когда подвергся

*) Подъ 7-мъ вѣкомъ здѣсь разумѣется седьмая тысяча лѣтъ отъ сотворенія міра. Во время этой тысячи жилъ Евѳимій Зигавинъ, которому принадлежатъ сіи объясненія надписей на псалмахъ. А мы живемъ въ осьмой тысячѣ лѣтъ.

испытаніямъ за нѣкоторыя прегрѣшенія—Εἰς τέλος ἐν ὕμνω ὑπὲρ τῆς ὀγδόης. Ψαλμὸς τῷ Δαβίδ:—Τί μὲν δηλοῖ τὸ, εις τὸ τέλος, προείρηται. Ὕμνῳ δὲ καὶ μεγαλύνει τὸν θεὸν ὁ προφήτης. Ὑπὲρ τῆς ὀγδόης παρακαλεῖ, τούτεςι τοῦ μέλλοντς αἰώνος· ἕβδομος μὲν γὰρ ὁ παρὼν, ὡς τῇ ἑβδόμῃ μετρούμενος καὶ ἀνακυκλούμενος καὶ συμπληρούμενος· ὄγδοος δὲ ἐκεῖνος, ὃς μετὰ ἕβδομον τοῦτον. Οὐ προσώπῳ δὲ μόνον ἰδίῳ, ἀλλὰ καὶ πάντων ἡμῶν προσάγει τῷ κρῖναι τηνικαῦτα μέλλοντι Κυρίῳ τὴν δέησιν. —Ἐξέθετο δὲ τὸν Ψαλμὸν πειρασμοῖς περισχεθεὶς ἐπενεχθεῖσιν αὐτῷ διά τινα πλημμελήματα.

Изъ объясненія надписи надъ 15 псалмомъ видно, что Псалтирь толковалъ митрополитъ Никейскій Анастасій. Надобно въ рукописяхъ отыскивать толкованія его.

Надъ 72 псалмомъ надписано: Ἐξέλιπον οἱ ὕμνοι Δαβὶδ υἱοῦ Ἰεσσαί. Ψαλμὸς τῷ Ἀσάφ: *окончишася пѣсни Давида сына Іессеова. Псаломъ Асафу*. Эту надпись Евѳимій Зигавинъ протолковалъ вотъ какъ: не псалмы Давидовы кончились 72-мъ псалмомъ: а послѣ этого псалма онъ пересталъ *самъ* пѣть ихъ, и уже отдавалъ ихъ пѣвцамъ своимъ, Асафу, Идиѳуму сынамъ Кореевымъ и другимъ, такъ какъ самъ онъ сочинилъ *всю* псалтирь.

Надъ 95 псалмомъ надписано: Αἶνος ᾠδῆς τῷ Δαβίδ. ὅτε ὁ οἶκος ᾠκοδόμητο μετὰ τὴν αἰχμαλωσίαν, ἀνεπίγραφος παρ' Ἑβραίοις: *Хвала пѣсни Давиду, внегда домъ созидашеся по плѣненіи. Не надписанъ у Евреевъ.*—А седьмьдесятъ толковниковъ сдѣлали эту надпись, назвавъ псаломъ *Хвалою,* потому что въ немъ восхваляется Богъ и прибавивъ „*пѣсни*", потому что его пѣли мелодически. Что касается до строенія дома послѣ плѣна, то *исторически* разумѣется здѣсь постройка Іерусалимскаго храма Зоровавелемъ, а *таинственно*—созданіе тѣла, въ которое вселился Сынъ божій и Богъ послѣ плѣна, которымъ плѣнилъ діаволъ грѣшниковъ.

Надъ 145 псалмомъ надписано: *Аллилуіа. Аггея и Захаріи.* —Настоящій псаломъ есть Хваленіе. Въ *нѣкоторыхъ спискахъ* псалтири прибавлено: „Аггея и Захаріи". Но такой прибавки нѣтъ

ни въ Еврейской псалтири, ни въ переводѣ седьмидесяти, и ни у кого изъ толковниковъ.

Достаточно этихъ образчиковъ для ознакомленія съ рукописью. Но кто былъ Агіополитъ—Святоградецъ, сдѣлавшій такое изданіе Псалтири, съ котораго она переписывалась даже въ 1194 году? Пока не могу отвѣчать на этотъ вопросъ утвердительно, встрѣтивши въ первый разъ сію псалтирную новость. Однако думаю, что этотъ Святоградецъ есть Исихій пресвитеръ Іерусалимскій. Онъ былъ мужъ ученый и писатель. Въ Аѳоноиверской рукописи десятаго вѣка, содержащей четыре евангелія, я замѣтилъ его сказаніе о Маріи Магдалинѣ и объ овчей купели въ Іерусалимѣ, имѣвшей пять притворовъ,—четыре во кругъ пятаго средняго *). Въ Аѳоноруссиковской толковой Псалтири, писанной на пергаминѣ въ XII вѣкѣ, помѣщено топографическое изъясненіе 8 стиха 59 псалма, сдѣланное блаженнымъ Исихіемъ, τοῦ μακαρίου Ἡσυχίου *„раздѣлю Сикиму и юдоль скиній размѣрю“*, διαμετριῶ Σίκιμα καὶ τὴν κοιλάδα τῶν σκηνῶν διαμετρήσω“. —Χωρίον δὲ τοῦτο προς τῆ Σιχὲμ... Τα Σίκιμα καὶ ἡ τῶν σκηνῶν κοιλὰς κτῆμα τοῦ πατριάρχου Ἰακὼβ γέγονε: т. е. *Сикима была деревня подлѣ Сихема* (нынѣ городъ Набулусъ)... *Эта деревня и юдоль шатерная была имѣніе патріарха Іакова*. Онъ отдалъ ее въ наслѣдство сыну своему Іосифу, прообразовавшему собою новаго Іосифа—Христа, который пріобрѣлъ себѣ въ наслѣдіе всѣ народы“. Итакъ Іерусалимскій Исихій толковалъ евангеліе Іоанна и Псалтирь, и толковалъ буквально и иносказательно. Должно быть: его называли Агіополитомъ, и онъ издалъ стихомѣрную псалтирь, въ которой считалось 4782 стиха, тогда какъ въ изданіяхъ Церкви Константинопольской считался только 2531 стихъ: что я читалъ въ аѳоноиверской рукописной псалтири XIV вѣка: ἔχει ὁ ἁγιοπολίτης ςίχους ͵δψπβ· ἡ δὲ ἐκκλησία ςίχους ͵βφλα.—Но когда жилъ-былъ этотъ Исихій Святоградецъ, Іерусалимитъ? Въ крат-

*) Ἡσυχίου πρεσβυτέρου Ἱεροσολύμων εἰς τὸ κατὰ Ἰωαννὴν Εὐαγγέλιον περὶ Μαρίας τῆς Μαγδαληνῆς· περὶ τῆς προβατικῆς πέντε ςοὰς ἐχούσης. Отсюда видно, что онъ изъяснялъ евангеліе Іоанна.

кой исторіи Еллинской Филологіи, составленной Шеллемъ (F. Schoell.)и переведенной съ французскаго Грекомъ Скуфомъ въ 1816 году, во второмъ томѣ (стран. 231) сказано, что нѣкій іерей Іерусалимскій, именемъ Исихій, сочинившій церковную исторію, давно потерянную, умеръ въ 428 году. Хронологистъ Дюфреснуа въ своемъ перечетѣ христіанскихъ писателей поставилъ Исихія, о которомъ идетъ рѣчь, подъ 610 годомъ и замѣтилъ, что имъ написаны толкованіе книги Левитъ и нѣсколько проповѣдей, кои напечатаны in Bibliotheca Patrum. Въ моихъ каталогахъ аѳонскихъ рукописей удѣленъ ему 565 годъ. Вотъ три распутія. Пойдешь на право: тамъ нападетъ на тебя волкъ. Пойдешь налѣво: тутъ съ голоду умрешь. Пойдешь прямо: встрѣтишься съ рыцаремъ. Я избираю путь средній, помня 565 годъ. Если тутъ какой либо рыцарь науки побѣдитъ меня, я сдамся ему охотно. А между тѣмъ продолжаю свое книжное дѣло.

Въ библіотекѣ Руссика еще есть замѣчательная псалтирь, писанная на пергаминѣ въ XIII вѣкѣ. Въ ней на верхнихъ и нижнихъ поляхъ кратко выражено *пророчественное* содержаніе каждаго псалма. А содержаніе это было показано епископомъ Кесаріи Палестинской Евсевіемъ Памфиломъ, современникомъ Константина Великаго, скончавшимся въ 340 году. Вотъ оно:—

Εὐσεβίου τοῦ Παμφίλου ὑπόθεσις εἰς τοὺς ψαλμούς.

Псалмы.

1. Προτροπὴ θεοσεβείας καὶ ἀποτροπὴ τοῦ ἐναντίου: побужденіе къ благочестію и предостереженіе отъ нечестія.
2. Пророчество о призваніи народовъ.
3. Пророчество о благахъ, кои будутъ даны Давиду.
4. Προφητεία τῷ Δαβὶδ περὶ ὧν πέπονθεν: прорѣченіе Давиду о страданіяхъ его.
5. Молитва отъ лица Церкви.
6. Исповѣданіе Давида и пророчество о призваніи народовъ.
7. Διδασκαλία ἐξομολογήσεως: наученіе исповѣди.
8. Пророчество о призваніи народовъ.

9. Смерть Христа и воскресеніе, и царства воспріятіе, и враговъ всѣхъ низложеніе.
10. Побѣдная пѣснь подвизающагося ради Бога.
11. Обличеніе злыхъ, и пророчество о пришествіи Христа.
12. Чаяніе пришествія, παρουσίας, Христа.
13. Обличеніе злыхъ и чаяніе явленія Христа.
14. Τοῦ κατὰ θεὸν τελείου ἀποκατάστασις: возстановленіе усовершившагося божьяго человѣка въ первозданное состояніе.
15. Избраніе Церкви и Христово воскресеніе.
16. Совершеннаго мужа, или самаго Христа молитва о тѣхъ, которые имѣютъ быть спасены имъ.
17. Благодареніе Давида и пророчество о явленіи Христа и вознесеніи.
18. Θεολογία σὺν διδασκαλίᾳ ἠθικῇ: Богословіе съ ученіемъ нравственнымъ.
19. Молитва праведниковъ, содѣйствующихъ Давиду.
20. Пророчество о страданіяхъ Христа и о призваніи народовъ.
21. Ἔντευξις τῶν συμπραττόντων τῷ δικαίῳ: Молитвенное изліяніе Праведнаго среди дѣятелей около его.
22. Διδασκαλία καὶ νέου λαοῦ εἰσαγωγή: ученіе и руководство новаго народа.
23. Пророчество о призваніи народовъ и совершенство спасаемыхъ.
24. Διδασκαλία ἐξομολογήσεως: наученіе исповѣди.
25. Ἔντευξις κατὰ θεὸν προκόπτοντος: молитвенное изліяніе человѣка, успѣвающаго въ богоугодной жизни.
26. Благодареніе и прошеніе благъ.
27. Моленіе съ пророчествомъ.
28. Таинственное (αἰνιγματώδης) пророчество и богословіе.
29. Благодареніе съ исповѣданіемъ.
30. Исповѣданіе съ мольбою.
31. Пророчество о тѣхъ, которые имѣютъ быть спасены Христомъ.

32. Παρακέλευσις ὑμνολογίας σὺν θεολογίᾳ: побужденіе къ пѣснословію и богословіе.
33. Наученіе благодаренію.
34. Моленіе Праведнаго, и пророчество о Христѣ.
35. Обличеніе нечестивыхъ и богословіе.
36. Ученіе о благочестивой жизни.
37. Наученіе исповѣди.
38. Молитвенное изліяніе съ исповѣдію.
39. Благодареніе спасеннаго Богомъ, и поминаніе Церкви.
40. Пророчество о Христѣ и предателѣ Его.
41. Пророчество объ отверженіи Іудейскаго народа.
42, 43. Тоже самое.
44. Второе пришествіе Христово.
45. Проповѣдь апостоловъ.
46. Признаніе народовъ.
47. Пѣснь церкви Богу.
48. Θείας ἀκροάσεως διδασκαλία: наученіе слушанію слова Божія.
49. Упраздненіе Моисеева закона о жертвоприношеніяхъ и установленіе Новаго Завѣта.
50. Наученіе исповѣди.
51. Обличеніе лукавства и конецъ сего порока.
52. Явленіе Спасителя, и безбожія отмѣненіе.
53. Молитва подвизающагося богоугодно.
54. Обличеніе возстающихъ противъ Христа.
55. Благодареніе Праведнаго, избавленнаго отъ враговъ.
56. Благодареніе Давида и пророчество о призваніи народовъ.
57. Ученіе о праведномъ судѣ Божіемъ.
58. Призваніе народовъ и отверженіе Іудеевъ.
59. Моленіе съ благодареніемъ.
60. Моленіе съ благодареніемъ.
61. Ученіе врачующее.

63. Наученіе благочестію подвижническому.
64. Призваніе народовъ и проповѣдь апостоловъ.
65. Призваніе народовъ и мученичество апостоловъ.
66. Тоже.
67. Вочеловѣченіе Христа и призваніе народовъ.
68. Страданія Христа, и отверженіе Іудеевъ.
69. Мольба Праведнаго, или и самаго Христа.
70. Страданія Христа и воскресеніе.
71. Пророчество о царствѣ Христовомъ и призваніе народовъ.
72. Исповѣданіе человѣческой немощи при взглядѣ на благополучіе нечестивыхъ и на долготерпѣніе Божіе.
73. Предсказаніе послѣдняго завоеванія Іудеи Веспасіаномъ и Титомъ.
74. Χριστοῦ θεολογία καὶ ὑπόμνησις τοῦ θείου δικαστηρίου: богословіе о Христѣ и напоминаніе о Божіемъ судѣ.
75. Месть суда Божія нечестивымъ.
76. О долготерпѣніи Бога и о чудныхъ дѣлахъ Его.
77. Χριστοῦ διαστολὴ πρὸς τὴν ἐκκλησίαν περὶ τῆς τοῦ προτέρου λαοῦ παρανομίας: Вѣсть Христа Церквѣ о беззаконіи ветхозавѣтнаго народа.
78. Пророчество о событіяхъ въ Іудеѣ при Антіохѣ.
79. Пророчество объ осадѣ Іерусалима Ассиріанами, и мольба о явленіи Христа.
80. Призваніе народовъ и ученіе о событіяхъ съ ветхозавѣтнымъ народомъ.
81. Обличеніе князей Іудейскаго народа и пророчество о народахъ.
82. Моленіе о народѣ, потерпѣвшемъ неудачи, и прорѣченіе о концѣ враговъ Бога.
83. Вочеловѣченіе Христа, и о Церквахъ.
84. Пророчество о Христѣ и объ искупленныхъ Имъ.
85. Пророчество о призваніи народовъ.
86. Вочеловѣченіе Христа.

88. Царство Христа отъ сѣмени Давида.
89. Отверженіе Іудеевъ.
90. Побѣда Христа и всякаго усовершившагося вѣрою въ него.
91. О успокоеніи въ Богѣ.
92. Пѣснь царства Христа при первомъ пришествіи Его.
93. О гоненіяхъ на Церковь.
94. Призываніе Іудеевъ и отверженіе ихъ.
95. Призываніе народовъ и Христово пришествіе.
96. Пѣснь царства Христа при второмъ пришествіи Его.
97. Призваніе народовъ и Христово пришествіе.
98. Гимнъ царства Христова.
99. Призваніе народовъ.
100. Гимнъ богоспасеннаго.
101. Плачъ о ветхозавѣтномъ народѣ и пророчество о людяхъ новыхъ, и призваніе народовъ.
102. Наученіе благодаренію.
103. Наученіе Славословію.
104. Повѣданіе народамъ о благодѣяніяхъ Бога, оказанныхъ ветхозавѣтному народу.
105. Повѣданіе нечестія народа Іудейскаго.
106. Пророчество о призваніи народовъ и восшествіи Бога Слова на небо.
107. Призваніе народовъ.
108. Страданія Христа.
109. Побѣда Христа.
110. Благодареніе Христу.
111. Ученіе Христа.
112. Призваніе новаго народа.
113. Ученіе новаго народа.
114. Успѣхъ новаго народа.
115. Усовершеніе новаго народа.
116. Призваніе народовъ.
117. Побѣда подвизающихся о Христѣ, и пророчество о немъ.

118. Στοιχείωσις τῆς κατὰ θεὸν εἰσαγωγῆς: перечетъ духовнаго возрастанія.
119. О переселеніи (вавилонскомъ).
120. О возвращеніи изъ Вавилона и разсѣяніи.
121. О возвѣщеніи благъ.
122. Молитва.
123. О благодареніи.
124. Περὶ ἀποκαταστάσεως: о возстановленіи (т. е. о состояніи душъ послѣ воскресенія мертвыхъ.)
125. Чаяніе будущаго.
126. Созиданіе Церкви.
127. Призваніе народовъ.
128. Страданія Христа и побѣда воинства Божія.
129. Молитва мучениковъ.
130. О смиренномудріи.
131. Молитва Давида и явленіе Христа.
132. Λαοῦ τελείου: (голосъ) людей усовершившихся.
133. Λαοῦ ἀρχομένυ:—людей начинающихъ.
134. Διδασκαλία εἰσακτική: ученіе приготовительное.
135. Благодареніе искупленныхъ.
136. Вопли Святыхъ въ плѣну.
137. Благодареніе искупленныхъ, съ пророчествомъ.
138. Изліяніе Праведника, съ Богословіемъ.
139. Вопли подвизающагося о Богѣ.
140. Молитва совершеннаго угодника Божія.
141. Вопль побораемаго праведника Божія.
142. Молитва исповѣдующагося.
143, Благодареніе побѣдившаго.
144. Гимнъ съ богословіемъ.
145—149. Тоже.
150. Παρακέλευσις ὕμνου καθολική: приглашеніе всѣхъ къ Богохваленію. (Всякое дыханіе да хвалитъ Господа).

Итакъ Псалтирь, по указанію епископа Евсевія Памфила, ***почти вся*** содержитъ пророчества о Христѣ, о царствѣ его, и о

призваніи народовъ въ это царство послѣ отверженія Іудеевъ, словомъ, догматическое Богословіе. Но его ли это указаніе? Имъ ли оно придумано? Нѣтъ. Евсевій передалъ пониманіе первенствующей Церкви Христовой, пониманіе пророчественности Псалтири; а церковь эта узнала пророчественность ея отъ апостоловъ, которые словесно и письменно приводили пророчества изъ Псалтири; апостолы же слышали отъ самаго Христа: *„испытайте Писанія:.. онѣ свидѣтельствуютъ о мнѣ“.—„И начавъ отъ Моисея, изъ всѣхъ пророковъ изъяснилъ имъ сказанное о Немъ во всемъ Пиваніи.* (Лук.) Псалтирь безъ пророчественности едва ли читалась бы и пѣлась бы вся во время христіанскаго богослуженія: мы слышали бы только нѣкоторые отрывки изъ нея, подобно тому, какъ слышимъ нѣчто изъ книги Притчей, изъ Премудрости Соломоновой, а изъ книгъ Екклисіаста, Пѣсни пѣсней, Есѳири, не слышимъ даже и ни единаго слова.

Было бы полезно выписать изъ Псалтири тѣ слова, кои соотвѣтствуютъ указанному Евсевіемъ содержанію ея; напримѣръ: слова, *всякое дыханіе да хвалитъ Господа* въ 150 псалмѣ, дѣйствительно, призываютъ *всѣхъ* къ Богохваленію, какъ это выразилъ Евсевій. Но этимъ дѣломъ пусть займутся наши богословы: а я спѣшу продолжать описаніе лучшихъ манускриптовъ Аѳоноруссика.

Между ними замѣчательна Псалтирь, переложенная въ героическіе стихи Лаодикійскимъ епископомъ Аполлинаріемъ *) (370 г.) Я съ жадностію книгоѣда читалъ эту новизну для меня, и переписалъ двадцать одинъ псаломъ съ лексиконными уясненіями древле-поэтическихъ словъ почти на каждомъ псалмѣ; напримѣръ: κοτεσσάμενος—ὀργισθεὶς, ἔγρεο καί με σάω—ἀνάςα καὶ σῶσον, περιςοναχῆσιν—ςεναγμοῖς, ὦκα—ταχέως.. Такъ какъ у насъ рѣдко кто знаетъ эту Аполлинаріеву Псалтирь, то я помѣщаю здѣсь отрывки изъ нея:

*) Она напечатана была съ Латинск. переводомъ въ Парижѣ въ 1580 году.

Ψαλμος Α.

Ὄλβιος ὅστις ἀνὴρ ἀγορῆνδ' οὐ νίσετ' ἀλιτροῖς,
Οὐδ' ἐπὶ δὴν ςήριξεν ἀτασθάλων ἴχνος ἀταρπῷ,
Οὐδ' ὀλοῆς ἕδρῃσιν ἐφίζετο λυμαντήρων.

Ψαλμ. Β.

Τιφθ' ὑπεροπλίην κενεόφρονα σύνθετο φῦλα,
Καὶ γαίης βασιλῆες ἀολλίσθησαν ἕτοιμα,
Καὶ σφέων ἠγερέθοντο διχασπόλοι εἰς ἓν ἰόντες,
Ἀθανάτου κατέναντα, κατέναντά τε Χριςοῦ;

Сладко читать и понимать такіе хорошіе стихи! Пригодилось же мнѣ прилежное изученіе древле-еллинской поэзіи въ Одессѣ подъ руководствомъ грека Хризохбоса!

Люблю я классицизмъ. На Аѳонѣ, гдѣ на столъ подаютъ тебѣ только овощи вареные и печеные, жареные и пареные, тамъ только и посластишься чтеніемъ Омира, Есхила, Ѳеокрита, Пиндара, Аполлинарія.

А посидишь въ библіотекахъ Аѳонскихъ, да почитаешь старинныя рукописи, такъ узнаешь многое новое, или пополнишь, либо исправишь свои прежнія свѣдѣнія. Прежде я слыхалъ, что у Грековъ (будто бы) не было акаѳиста Сладчайшему Іисусу; однако въ концѣ вышеразсмотрѣнной Евсевіевой Псалтири XIII вѣка усмотрѣлъ этотъ акаѳистъ. Примемъ же это къ свѣдѣнію. А вотъ и еще достопримѣчательность въ библіотекѣ Руссика. Это— — Весь Новый Завѣтъ, Νέα Διαθήκη, начиная отъ евангелія Матѳея до апокалипсиса включительно, въ 5 вершковъ длины и 4 ширины. Онъ писанъ на бѣломъ и тонкомъ пергаминѣ мелкимъ, но четкимъ и красивымъ почеркомъ въ X вѣкѣ. Эта рукопись, какъ видно изъ приписокъ на ней, принадлежала Евстаѳію Дилію, въ 1565 году жившему въ городѣ Іоаннинѣ.

Текстъ въ ней—церковный, каѳолическій. Зачала и окончанія недѣльныхъ евангельскихъ чтеній намѣчены въ срединѣ ея

ки написаны предисловія къ нимъ, сочиненныя Козмою Индоплавателемъ, который жилъ и трудился въ 540 годахъ: посему можно думать, что́ и всѣ четыре Евангелія переписаны съ изданія сего Индоплавателя. Послѣ евангелія Іоанна непосредственно слѣдуетъ Ὑπόθεσις τῆς βίβλου τῶν πράξεων, т. е. *содержаніе книги Дѣяній (апостольскихъ)*, и слѣдующая важнѣйшая приписка:

Παῦλος ἀπόστολος ἐμαρτύρισεν ἐπὶ Νέρωνος καίσαρος Ῥωμαίων ξίφει τὴν κεφαλὴν ἀποτμιθεὶς ἐν τῷ λς ἔτει τοῦ σωτηρίου πάθους ἐν Ῥώμῃ, πέμπτῃ ἡμέρᾳ κατὰ Συρομακέδονας Πανέμου μηνὸς, ὅστις λέγοιτο παρ' Αἰγυπτίοις ἐπιφὶ, παρὰ δὲ Ῥωμαίοις ἡ πρὸ τριῶν καλανδῶν ἰουλίων· καθ' ἣν ἐτελειώθη ὁ ἅγιος ἀπόςολος τῷ κατ' αὐτὸν μαρτυρίῳ, ἐξηκοστῷ καὶ ἐννάτῳ ἔτει τῆς τοῦ Κυρίου καὶ θεοῦ καὶ σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριςοῦ παρουσίας. Ἔστιν δὲ ὁ πᾶς χρόνος, ἐξ οὗ ἐμαρτύρησε, τριακόσια τριάκοντα ἔτη μέχρι τῆς παρούσης ἐννάτης ἰνδικτιῶνος τῆς πέντε καὶ δέκα ἐτερικῆς περιόδου: μηνὶ ἰουνίῳ κθ.—

Павелъ апостолъ мученически скончался при Неронѣ кесарѣ римскомъ, будучи усѣченъ мечемъ во главу, въ 36-е лѣто спасительнаго страданія, въ Римѣ, въ пятый день Сиромакедонскаго мѣсяца Пане́ма, который у Египтянъ называется Епифи, а у Римлянъ бываетъ предъ тремя календами Іюльскими, *въ этотъ день скончался святый апостолъ его мученическою смертію въ шестьдесятъ девятое лѣто отъ пришествія Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа.* Всѣхъ же годовъ съ поры его мученичества считается 330 до настоящаго 9 индикта пятнадцатилѣтняго періода: мѣсяца іюня 29.

Для лучшаго уясненія и оправданія этой приписки сопоставляю съ нею подобную же, но болѣе полную, приписку на моей собственной рукописи 1301 года, содержащей дѣянія и посланія апостольскія, обозначивъ разницы косвенными буквами.

Ἐπὶ Νέρωνος τοῦ *καίσαρος* Ῥωμαίων ἐμαρτύρισεν *αὐτόθι* Παῦλος ὁ ἀπόςολος: ξίφει τὴν κεφαλὴν ἀποτμηθεὶς· ἐν τῷ λς ἔτει τοῦ σωτηρίου πάθους, τὸν καλὸν ἀγῶνα ἀγωνισάμε-

При Неронѣ кесарѣ Римлянъ мученически скончался *здѣсь**) Павелъ апостолъ, мечемъ во главу усѣченный, въ 36-е лѣто спасительнаго страданія, *добрымъ*

*) Т. е. въ Римѣ.

νος ἐν Ῥώμῃ· πέμπτῃ ἡμέρᾳ Πανέμου μηνός, ἥτις λέγοιτ' ἂν κατ' Αἰγυπτίους ἐπιφὶ πέμπτη, Ῥωμαίοις δὲ πρὸ τριῶν καλανδῶν Ἰουλίου· καθ' ἣν ἐτελειώθη ὁ ἅγιος ἀπόστολος τῷ κατ' αὐτὸν μαρτυρίῳ ξθ τοῦ σωτῆρος ἡμῶν παρουσίας. Ἔστιν οὖν ὁ πᾶς χρόνος, ἐξ οὗ ἐμαρτύρησε, τριακόσια τριάκοντα ἔτη μέχρι τῆς παρούσης ταύτης ὑπατίας, τετάρτης μὲν Ἀρκαδίου, τρίτης δὲ Ὀνορίου τῶν β ἀδελφῶν αὐτοκρατόρων Αὐγούστων· ἐννάτης ἰνδικτιῶνος τῆς πέντε καὶ δέκα ἑτερικῆς περιόδου· μηνὸς δὲ εἰκοστῇ ἐννάτῃ ἡμέρᾳ.—

подвигомъ подвизавшись въ Римѣ, въ пятый день Панема мѣсяца, который (день) у Египтянъ называется *пятый* Епифи, а у Римлянъ предъ тремя календами іюля. Въ этотъ день скончался святый апостолъ Его мученическою смертію въ 69 лѣто пришествія Спасителя нашего. И такъ всѣхъ годовъ съ поры его мученичества считается 330 *до сего настоящаго четвертаго консульства Аркадія, и третьяго* (*консульства) Онорія, двухъ братьевъ самодержцовъ Августѣйшихъ*, девятаго индикта пятнадцатилѣтняго періода, мѣсяца же іюня въ 29 день.—

Καὶ ἀπὸ τῆς ὑπατίας τετάρτης μὲν Ἀρκαδίου μέχρι τῆς παρούσης, ταύτης ὑπατίας πρώτης Λέοντος Αὐγούστου· ἰνδικτιῶνος ιβ: ἐπιφὶ πέμπτῃ. Διοκλητιανοῦ ροδ, ἔτη: ξγ: ὡς εἶναι τὰ πάντα ἀπὸ τῆς τοῦ σωτῆρος ἡμῶν παρουσίας μέχρι τοῦ προκειμένου χρόνου ἔτους ἔτη υξβ:

А отъ четвертаго консульства Аркадія до сего настоящаго перваго консульства Льва Августа, индикта 12-го Епифи пятаго дня (отъ Діоклитіана 174-е) такъ что всѣхъ лѣтъ отъ пришествія Спаса нашего до предлежащаго года, четыреста шестьдесятъ два:—

δόξα τῷ θεῷ πάντων ἕνεκα· εὔχου τῷ γράψαντι.

Слава Богу за все. Молись о написавшемъ сіе.

Сопоставивъ эти двѣ приписки, разлагаю ихъ на части, критикую и дѣлаю изъ нихъ надлежащіе выводы.

Индиктъ отъ латинскаго глагола indico—показываю, есть показатель времени. Онъ со времени римскаго императора Августа неотмѣнно начинался въ первый день сентября, и служилъ показателемъ на цѣлый годъ до будущаго 1-го Сентября. Всѣхъ индиктовъ назначено было только 15-ть на каждыя пят-

надцать лѣтъ. По прошествіи этихъ лѣтъ опять начинался индиктъ 1-й. Напримѣръ:

Годы отъ Р. Х.	Индикты	Годы отъ Р. Х.	Индикты
343	1	356	14
344	2	357	15
345	3		
346	4	358	1
347	5	359	2
348	6	360	3
349	7	361	4
350	8	362	5
351	9	363	6
352	10	364	7
353	11	365	8
354	12	366	9
355	13	402	15

Итакъ далѣе.

Присмотрѣвшись къ этому индиктіонному счисленію времени, понимай: что значитъ въ выше приведенныхъ припискахъ 9-й индиктъ *пятнадцатилѣтняго періода*.

Кромѣ сего знай, что древніе римляне и греки, христіане, считали время еще по Ѵпатствамъ, или что тоже, по консульствамъ. Напримѣръ:

Въ первый годъ рождества Христова консулами были Кай Юлій Цезарь и Эмилій Павелъ.

Во второй годъ отъ Р. Х. — Алфиній, Афраній, Варъ и Непосъ.

Въ третій „ „ „ Элій Ламіа и Сервилій Геминъ.

Въ трехсотый „ „ Константій Хлоръ и Галерій Максиміанъ Цезарь.

Въ триста первый „ Постумій Титіанъ и Попилій Непотіанъ.

Въ 396-й годъ „ „ Аркадій Августъ и Онорій Августъ, два родные брата.

Въ 462-й годъ „ „ Левъ Августъ.

Теперь по консульствамъ и индиктамъ самъ считай годы, показанные въ обѣихъ вышеприведенныхъ припискахъ.—Во второй припискѣ поименованы консулы Аркадій и Онорій; а консулами они были въ 396 году; въ этотъ же годъ индиктъ, поставленный въ обѣихъ припискахъ 9-мъ, дѣйствительно былъ 9-й; и такъ ты вѣрно узнаешь 396-й годъ.

Вычти же изъ этого числа 330 лѣтъ, протекшіе отъ кончины Павла до консульства Аркадія и Онорія, ты получишь 66-й годъ отъ Р. Х. (396—330 = 66). Въ этотъ 66-й годъ скончался Павелъ въ Римѣ при Неронѣ, который тогда еще былъ живъ и царствовалъ. А и въ обѣихъ припискахъ упомянуто, что Павелъ замученъ при Неронѣ. Итакъ приписки вѣрны; вѣренъ и счетъ годовъ.

Въ этихъ припискахъ сказано, что Павелъ замученъ спустя 36 годовъ по смерти Христа. Присоединимъ къ этимъ годамъ 30 лѣтъ отъ рожденія Спасителя: получимъ тотъ же 66-й годъ, который мы уже нашли, и вмѣстѣ узнаемъ, что первый, старшій составитель приписки, той-что въ Руссикѣ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми хронологистами наидревнѣйшими полагалъ, что Іисусъ Христосъ жилъ только 30 лѣтъ: на 30 году крестился, въ этотъ же одинъ годъ училъ, чудодѣйствовалъ и умеръ на крестѣ.

Послѣ сего сдѣлаемъ обратный счетъ годовъ, не отъ консульства Аркадія и Онорія, а отъ рождества Христова *по указанію приписокъ*: мы получимъ тѣже итоги.

Отъ рожденія Христа до смерти Его прошли . . .	30 лѣтъ.
Отъ смерти Его до кончины Павла	36
Отъ кончины Павла до консульства Аркадія и Онорія.	330
Итого . . .	396

Повѣримъ счетъ годовъ, продолженный на моемъ манускриптѣ:

Отъ консульства Аркадія или отъ . . , ...	396 года
до консульства Льва Августа прошли 63 года: ошибка писца въ моемъ манускриптѣ! Надобно считать . .	66 лѣтъ
Получится . . .	462-й г.

Въ этотъ годъ консуломъ былъ, дѣйствительно, Левъ Августъ. Этотъ же годъ есть 462 отъ рождества Христова по слѣдующимъ двумъ указаніямъ на моемъ манускриптѣ.

А) Отъ рожденія Христа до смерти Его прошли . . 30 лѣтъ.
 Отъ смерти Его до кончины Павла 36
 Отъ кончины Павла до Аркадія 330
 Отъ Аркадія до Льва 66

Итого . . . 462 отъ
Р. Х., указанные въ моемъ манускриптѣ.

Б) Отъ рождества Христова до гоненія Діоклитіана
 прошли . . . . 288 л.
 Отъ Діоклитіана до Льва Августа . . . . . 174 г.

Итого . . . 462 г.

Послѣ сего наивѣрнѣйшаго лѣтосчисленія считаю нужнымъ обнаружить вотъ что: Во первыхъ 462-му году соотвѣтствуетъ не 12 индиктъ, показанный въ моемъ манускриптѣ, а 15-й; стало быть: онъ показанъ такъ по ошибкѣ переписчика. Во вторыхъ, въ обоихъ манускриптахъ, о коихъ идетъ рѣчь, слова,— καϑ' ἣν ἐτελειώϑη ὁ ἅγιος ἀπόστολος τῷ κατ' αὐτὸν μαρτυρίῳ ἑξηκοστῷ καὶ ἐννάτῳ ἔτει τῆς τοῦ Κυρίου... παρουσίας—эти слова *вставлены* послѣ какимъ-то хронологистомъ, который считалъ 33 года жизни Спасителя, и потому сказалъ, что Павелъ замученъ въ 69 году отъ Р. Х. Эта вставка должна быть исключена по слѣдующимъ научнымъ требованіямъ. 1) Павелъ замученъ былъ при Неронѣ, а Неронъ умеръ ранѣе 69 года по Р. Х; слѣдовательно этотъ годъ вставленъ невѣрно. 2) Вставка эта грамматически не вяжется съ строемъ приписки. 3) Если мы 69-й годъ примемъ за годъ смерти Павла и скажемъ, что отъ смерти его до Аркадія прошли 330 лѣтъ, то получимъ 399 годъ: а въ этотъ годъ индиктъ былъ 12, а не 9-й, указанный въ припискахъ, да и консулами тогда были не Аркадій и Онорій, а Манлій Өеодоръ, и Евтропій. Итакъ не надо вставки! Прочь ее!

Счеты годовъ кончены. Начинаются обѣщанные выводы для библейской критики.

Первый составитель приписки на Руссиковскомъ манускриптѣ жилъ въ 396 году по рождествѣ Христовѣ.

Тогда онъ издалъ Дѣянія и всѣ посланія апостольскія, и на этомъ изданіи намѣтилъ годъ мученической смерти апостола Павла въ Римѣ, минувшіе послѣ нея годы числомъ 330-ть, и 9-й индиктъ того лѣта, въ которое самъ онъ жилъ. Но кто онъ? Изъ приписки видно, что составитель ея былъ грекъ Сиромакедонскій, жившій въ Египтѣ; ибо онъ назвалъ мѣсяцъ іюнь по Сиромакедонски, Панемъ, и по Египетски Епифи. Тщательое изданіе имъ полнаго Апостола съ предисловіями доказываетъ его ученость. Имя и прозваніе его скрыто. Но я полагаю, что этотъ издатель былъ тринадцатый наставникъ и начальникъ Александрійской огласительной школы, знаменитый обширнѣйшею ученостію и толкованіями св. Писанія Дидимъ, (Δίδυμος), трудившійся въ этой школѣ съ 340 года по 396-й *).

Вторый составитель приписки на *моемъ* манускриптѣ, повторившій первую приписку съ пополненіями, жилъ въ 462 году. Тогда онъ вновь издалъ весь Апостолъ съ предисловіями и со счетомъ стиховъ во всѣхъ апостольскихъ посланіяхъ. Это былъ Александрійскій діаконъ Евѳалій, извѣстный этимъ изданіемъ, которое напечатано было нѣкіимъ Закагніемъ съ упоминаніемъ имени сего діакона.

Итакъ разсмотрѣнный мною Новый Завѣтъ въ Руссиковской библіотекѣ доставилъ мнѣ слѣдующія свѣдѣнія о преемственныхъ изданіяхъ сего Завѣта въ египетской Александріи: Первое изданіе полнаго Апостола съ апокалипсисомъ было сдѣлано Диди-

*) Кстати сообщаю здѣсь списокъ предшественниковъ его: 1) Аѳингоръ съ 160 года по 181. 2) Пантенъ, съ 182 по 211. 3) Климентъ, 212—213. 4) Оригенъ 213—231. 5) Ираклъ—232. 6) Діонисій, 233—265. 7) Піерій, 266—282. 8) Ѳеогностъ, 283—290. 9) Серапіонъ, 291—295. 10) Петръ мученикъ, 296—312. 11) Арій, 313—320. 12) Макарій, 330—340. 13) Дидимъ, 340—396. 14) Родонъ. Послѣ него огласительная школа въ Александріи прекратила свое существованіе.

момъ въ 396 году, а второе Евѳаліемъ въ 462 году, четыре же евангелія изданы были тамошнимъ монахомъ Козмою Индоплавателемъ около 540 года.

Всѣ эти изданія были весьма уважаемы православными христіанами. Доказательствомъ тому служатъ *многіе* списки съ нихъ, которые я видѣлъ въ библіотекахъ Синайскихъ, Сіонскихъ, Аѳонскихъ и Метеорскихъ. Уваженіе же къ нимъ обусловливалось правильностію содержащагося въ нихъ текста, принятаго вселенскою православною Церковію. Съ этихъ-то древнѣйшихъ изданій и надобно намъ печатать Новый Завѣтъ, разумѣется, осторожно и тщательно, по сличеніи многихъ однородныхъ манускриптовъ между собою и съ моимъ манускриптомъ Евѳаліевскимъ, переписаннымъ въ 1301 году. Такой трудъ я взялъ бы на себя, дабы напечатаніемъ оныхъ избавиться отъ поклоновъ Нѣмцамъ, и имѣть текстъ св. Писанія свой, православный, каѳолическій, наидревнѣйшій. Но успѣю ли я сдѣлать это? На умъ приходитъ греческая поговорка: εἷς οὐδείς, — т. е. *одинъ въ полѣ не воинъ.*

А поле разстилается предо мною великое и пространное. Иди тутъ впередъ да впередъ, собирай цвѣты, и клади ихъ на жертвенникъ Науки. Иду, собираю и кладу.

Вотъ крупный и сочный цвѣтъ знаменитаго патріарха Фотія, называемый Τὰ Ἀμφιλόχια, ἢ λόγων ἱερῶν καὶ ζητημάτων ἱερολογία πρὸς Ἀμφιλόχιον τὸν ὁσιώτατον μητροπολίτην Κυζίκου, ἐν τῷ καιρῷ τῶν πειρασμῶν, ζητημάτων διαφόρων εἰς ἀριθμὸν 300 συντεινόντων ἐπὶ λύσιν αἰτησάμενον: т. е. *Амфилохія, или толкованіе рѣченій св. Писанія и рѣшеніе вопросовъ Амфилохія преподобнѣйшаго митрополита Кизическаго, который во время бѣдственное просилъ (Фотія) рѣшить ему разные вопросы, числомъ 300.* Эта рукопись на бумагѣ, въ большой листъ, въ 606 страницъ, переписана мелкимъ греческимъ почеркомъ въ прошломъ столѣтіи. Она раздѣлена на двѣ книги въ одномъ переплетѣ. Въ первой книгѣ содержатся сто отвѣтовъ Фотія на вопросы Амфилохія, а во второй 194 отвѣта ему же. Эту рукопись кто-то сличалъ съ другими тезоименитыми рукописями, и на поляхъ ея отмѣтилъ раз-

ночтенія. Не знаю, какъ она досталась Руссику. (Такая же рукопись на пергаминѣ находилась въ аѳонской лаврѣ св. Аѳанасія. Лавріоты препроводили ее въ Аѳины для напечатанія; и она тамъ напечатана, и посвящена нашему Государю Александру Николаевичу). Тутъ я вычиталъ, что современникъ ап. Петра Симонъ волхвъ, первый изъ всѣхъ, держалъ у себя образъ Христа, и выставлялъ его при совершеніи крещенія. Изъ этой рукописи извлечены мною нѣкоторые вопросы и отвѣты и помѣщены въ моемъ каталогѣ руссиковскихъ манускриптовъ.

Кромѣ этой Амфилохіи и кромѣ рукописей, содержащихъ св. Писаніе, замѣчательны

Б. ИЗЪ ЧИСЛА БОГОСЛУЖЕБНЫХЪ КНИГЪ.

— *Чинъ* литургій Василія великаго, Іоанна Златоустаго, и Преждеосвященныхъ даровъ, на пергаминѣ, писанный въ 1409 году. —Тутъ не положена молитва при освященіи Даровъ: „Господи, иже пресвятаго твоего Духа“... Но за то по нашему написано: „Твоя отъ твоихъ тебѣ *приносяще*, а *не приносимъ*, какъ возглашаютъ нынѣшіе Греки: и еще: „со страхомъ божіимъ и вѣрою приступите“. Недавней же прибавки греческой—„*и любовію*“— нѣтъ.

— Κανόνες ἐγκωμιαςικοὶ καὶ παρακλητικοὶ εἰς τὴν ὑπεραγίαν θεοτόκον, ψαλλόμενοι εἰς τὰ ἀπόδειπνα: *т. е. хвалебные и молебные каноны пресвятой Богородицѣ, поемые въ повечерія*. Болѣе 70 каноновъ. Толстая рукопись на пергаминѣ писана хорошимъ почеркомъ въ 1209 году. Всѣ эти каноны начинаются съ субботняго дня. Въ каждую субботу положены два и три канона, а въ прочіе дни по одному. Всѣ они поются на восемь гласовъ.

— Мѣсяцесловъ съ кондаками и тропарями писанъ нѣкіимъ Гедеономъ въ 1414 году. Начало его потеряно.

— Συναξαριςής, т. е. Собраніе краткихъ житій св. мужей и

ни начала, ни конца. Нѣкоторыя житія, напримѣръ, Евфросиніи, дочери Пафнутія египетскаго, написаны стихами.

В. ИЗЪ ТВОРЕНІЙ СВ. ОТЦОВЪ И ПРОПОВѢДНИКОВЪ

заслуживаютъ вниманіе слѣдующія рукописи:

— Слова св. Василія Великаго. Прекрасная рукопись на бѣломъ пергаминѣ въ листъ. Она писана въ X вѣкѣ въ два столбца превосходнымъ почеркомъ съ раззолоченными заглавными буквами, но къ сожалѣнію не имѣетъ ни начала, ни конца.

Въ первой уцѣлѣвшей тетради содержится 7-е слово, изъясняющее 32-й псаломъ. Толкованія псалмовъ окончены 115 псалмомъ. Потомъ слѣдуютъ первое и второе слово о постѣ, послѣ нихъ 19-е Слово о вниманіи къ себѣ и 20-е о благодареніи. Послѣдняя бесѣда 37-я—‘Ομιλία ῥηθεῖσα ἐν Λακίζοις.

— Βασιλείου ἀρχιεπισκόπου Καισαρείας Καππαδοχίας ἐξηγήσεις καὶ ὑπομνηματισμοὶ εἰς με λόγους Γρηγορίου Ναζιανζηνοῦ τοῦ θεολόγου, ἀφιερωθέντες Κωνσταντίνῳ αὐτοκράτορι τῷ πορφυρογεννήτῳ. ***Василія архіепископа Кесаріи Каппадокійской*** (не святаго, иного) ***изъясненія и примѣчанія при 45 словахъ Григорія БогословаНазіанзійскаго, посвященныя*** порфирородному ***самодержцу Константину*** (который умеръ 11 Ноября 1028 года). Претолстая рукопись на пергаминѣ въ 5 вершковъ длины и 4 ширины. Она писана стенографически мелкимъ почеркомъ съ изъясненіями на поляхъ. Слова 45-го нѣтъ, а 44-е кончено. Всѣхъ страницъ 554. Эта рукопись, кажется, современна Константину Порфирородному. Въ ней найдешь всю ученость одиннадцатаго вѣка. Она драгоцѣнна. Но кто желаетъ прочесть, переписать и напечатать ее, тотъ пусть посвятитъ сему труду лѣтъ седмь, если не болѣе.—Эта рукопись, какъ видно изъ приписокъ на ней, принадлежала Пелагонійскому епископу Димитрію: а онъ пожертвовалъ ее монастырю св. великомученика Димитрія мγроточиваго, находившемуся, вѣроятно, въ его епархіи.—На второмъ листкѣ помѣщено оглавле-

ніе словъ, а на третьемъ посвященіе царю. Оно начинается такъ: Προοίμιον: Βασίλιος ἀρχιεπίσκοπος ταπεινὸς Καισαρέιας Καππαδοκίας.— „Ἐν ταῖς μεγίςαις καὶ δημοτελέσι τῶν πανηγύρεων, μέγιςε αὐτοκράτωρ, οὐ μόνον οἱ ἐν τέλει... κ. τ. λ. Очень трудно читать, потому что чернила весьма блѣдны. Предоставляю другимъ прочесть и переписать это предисловіе и всю книгу.

— Λέοντος σοφοῦ βασιλέως Λόγοι ἐκκλησιαστικοί: *Льва Мудраго царя слова церковныя.*— Эта рукопись на бумагѣ, въ большой листъ переписана въ 1845 году іеродіакономъ русской киновіи Амфилохіемъ. Всѣхъ словъ 35-ть, да пѣснь, ᾠδάριον, о второмъ пришествіи Христовомъ.—Слова эти были говорены (sic) царемъ Львомъ Мудрымъ († 911 г.) въ разныхъ церквахъ, въ великую субботу, въ Пасху, въ господскіе и богородичные праздники, и въ праздпества Святымъ, по случаю освященія храмовъ и возведенія брата его Стефана въ санъ патріаршій (Слово 17-е.) Тридцатое Слово, по причинѣ недосуга царя Льва, произнесено было придворнымъ чиновникомъ, ὑπογραφεύς.—Въ этихъ словахъ loquentiae satis, sapientiae parum, т. е. *говорливости много*, *а мудрости мало*. Когда я во второмъ словѣ прочелъ слѣдующія слова: ὦ μακάριαι γυναῖκες... πρῶται μὲν τὸ χωρίον τῆς ἀφθαρσίας ὡραίῳ ποδὶ κατελάβετε, т. е. *о, блаженныя жены... вы первыя къ вмѣстилищу нетлѣнія* (гробу Господню) *красною стопою подошли*: улыбнулся и закрылъ рукопись, подумавъ, что царю Льву и у св. Мvроносицъ мерещились хорошенькія ножки.

— Συμεὼν τοῦ ἁγιωτάτου ἀρχιεπισκόπου Θεσσαλονίκης (τοῦ νέου θεολόγου) περὶ τῶν μυςηρίων τῆς ἐκκλησίας: *Симеона святѣйшаго архіепископа Солунскаго (новаго Богослова) о Таинствахъ Церкви.* Рукопись четкая и полная на бумагѣ въ листъ 1573 года, съ припискою: Νικόλαος ἱερεὺς ὁ Λάπτης γέγραφα. Σωθεὶς ὁ γράψας. ἐλεηθεὶς ὁ ἔχων· ἐν ἔτει ζπα μηνὶ μαΐῳ, ἰνδικτίωνος α':—Я Николай іерей Лаптевъ писалъ. Спасеніе писавшему. Помилованіе имѣющему (эту рукопись). Въ лѣто 7081, въ мѣсяцѣ маѣ, при индиктѣ 1-мъ.

— Τοῦ σοφωτάτου Κυροῦ Μαξίμου ἱερομονάχου τοῦ Πελοποννησίου Διδαχαὶ εἰς τὰς κυριακὰς τοῦ ὅλου ἐνιαυτοῦ, ἀρχόμεναι ἀπὸ τῆς κυριακῆς πρὸ τῆς ὑψώσεως τοῦ σταυροῦ. Τόμοι δυὸ in 4º *Мудрѣйшаго господина Максима іеромонаха Пелопонесца Поученія въ воскресные дни всего года, начинающіяся съ недѣли предъ воздвиженіемъ креста. Два тома въ 4-ю долю листа.*—Въ первомъ томѣ 31 поученіе. Послѣднее изъ нихъ въ пятую недѣлю великаго поста. Этимъ поученіямъ предшествуетъ предисловіе, написанное самимъ проповѣдникомъ 7 мая 1614 года въ городѣ Іоаннинѣ. Въ концѣ сего тома приписано: Τὸ παρὸν Κυριακοδρόμιον ἐγράφη εν ἔτει 7158 χειρὶ Ἀντωνίου εὐτελοῦς ἱερομονάχου, οὗ καὶ κτῆμα ὑπάρχει: *Настоящій кругъ недѣльный написанъ въ 7158 -1650 году рукою Антонія смиреннаго іеромонаха, и ему принадлежитъ, какъ собственность.*—Второй томъ написанъ тѣмъ же Антоніемъ въ 1651 году. Въ немъ содержатся поученія во всѣ послѣдующія недѣли.

Г. ИЗЪ ЗАКОНОВѢДѢНІЯ

занимательны:

— Κανονικὸν, ἤτοι οἱ θεῖοι κανόνες τῶν πανσέπτων ἀποςόλων, τῶν τε οἰκουμενικῶν καὶ τοπικῶν ἁγίων συνόδων, καὶ τῶν κατὰ μέρος θεοφόρων πατέρων, κατ᾽ ἐπιτομὴν συναλεγμένοι παρὰ ΧΡΙΣΤΟΦΟΡΟΥ μοναχοῦ τοῦ ἐν τῇ κατὰ τὴν εὐαγῆ μονὴν τῶν Ἰβηριτῶν ἱερᾷ σκήτῃ τοῦ τιμίου προδρόμου διάγοντος: *Канониконъ, или божественныя правила всечтимыхъ апостоловъ, вселенскихъ и помѣстныхъ святыхъ Соборовъ и нѣкоторыхъ Богоносныхъ Отцовъ, сокращенно совокупленныя Христофоромъ монахомъ, живущимъ въ священномъ Скитѣ честнаго Предтечи, принадлежащемъ благоустроенной обители Иверской.*—Рукопись на бумагѣ in 4º. Писана четко и разборчиво. Этотъ трудъ былъ посвященъ Христофоромъ вселенскому патріарху Неофиту, когда онъ святительствовалъ во второй разъ съ 1799 года по 1800-й.

Мои выписки изъ предисловія этой рукописи:

Константинъ Алексѣй Аристинъ, діаконъ и законоблюститель великой Церкви, трудился въ царствованіе Мануила Комнина около 1165 года.

Канонистъ Константинъ Арменопулъ, законоблюститель и судія Ѳессалоникійцовъ былъ почти современникъ предпоименованнаго Аристина.

Канонистъ Матѳей Властарь іеромонахъ Ѳессалоникійскій существовалъ около 1331 года въ царствованіе Андроника Палеолога младшаго, который былъ сынъ Михаила, а внукъ Андроника Старшаго и правнукъ латиномудрствовавшаго Михаила.

Правила	Собора	Карѳагенскаго	составлены	въ 258 году.
Правила	Собора	Анкирскаго	„	въ 314 году.
„	„	Неокесарійскаго	„	„ 314 г.
„	„	Гангрскаго	„	„ 330 г.
„	„	Антіохійскаго	„	„ 341 г.
„	„	Лаодикійскаго	„	„ 364 или 367 г.
„	„	Сардикійскаго	„	„ 346 г.
„	„	Карѳагенскаго	„	„ 419 или 420 г.

— Ἐπιτομὴ τῶν ἱερῶν κανόνων τῆς μίας ἁγίας καθολιθῆς καὶ ἀποςολικῆς τοῦ Χριςοῦ ἐκκλησίας... συντεθεῖσα παρά τινος τῶν τῆς τοῦ Χριςοῦ ἐκκλησίας τροφίμων Ἀθωνίτου: *Сокращеніе священныхъ правилъ святой, соборной и апостольской Церкви Христовой... составленное однимъ изъ питомцовъ Церкви Христовой, Аѳонитомъ.* Эта рукопись на бумагѣ въ большой листъ съ 1835-ю страницами есть не что иное, какъ сборникъ, въ которомъ догматы, заповѣди, правила Церкви, ея преданія и разные уставы соединены въ одно цѣлое, такъ что составитель ихъ іеродіаконъ Неофитъ, родомъ изъ Пелопонесскихъ евреевъ, многословно разсуждаетъ и о св. Троицѣ, и о смиренномудріи, молитвѣ и милостынѣ, о таинствахъ и о клирѣ и правахъ его, приводя на все свидѣтельства изъ

св. Писанія, изъ твореній Отцовъ церкви и изъ правилъ церковныхъ. Эта рукопись, по словамъ Руссиковскаго игумена Герасима, была пересмотрѣна недавно скончавшимся дидаскаломъ Аѳонорусской киновіи Венедиктомъ; и онъ вырѣзалъ изъ нея много страницъ, на коихъ написано было гнилое пустословіе Неофита. Тутъ есть сказанія и разсужденія и о Франкмасонахъ и о св. огнѣ Іерусалимскомъ, котораго полученіе и раздачу Неофитъ назвалъ *Драматургіею*. Это сочиненіе не стоитъ разбора. Но въ исторіи богословской науки стоитъ упомянуть о Неофитѣ, какъ о дикой пчелѣ, которая выдѣлывала свой медъ въ прошломъ столѣтіи около 1749—1764 года. Вышепомянутый игуменъ Герасимъ зналъ его лично, и мнѣ отозвался о немъ такъ: *острая голова! безпокойная душа!*

Д. ИЗЪ ПАНѲЕКТОВЪ, ИЛИ СБОРНИКОВЪ

достойны чтенія слѣдующія рукописи:

— Сборникъ писанный въ 1424 году. На первой страницѣ его приписано: Post obitum reverendissimi Patris Berezansky Bibliothecae Mohileanae applicatus. Итакъ эта рукопись принадлежала достопочтеннѣйшему отцу Березанскому, и по смерти его причислена къ библіотекѣ Петра Могилы. А какъ она изъ Кіева попала въ Аѳоноруссикъ: это Богъ вѣсть. Тутъ, кромѣ Новеллъ Іустиніана I, помѣщенъ *чинъ* принятія въ церковь разновозрастныхъ людей, различнымъ образомъ отрекшихся отъ Вѣры и опять возвратившихся.

Ἀρχή.—Εἰ μὲν παιδίον συνελήφθη καὶ ἠρνήσατο, ἢ φόβῳ καὶ ἀγνοίᾳ καὶ ἀμάθιᾳ, ὁ τοιοῦτος λαμβανέτω ἱλαστηκὰς εὐχὰς ἐπὶ ἑπτὰ ἡμερῶν, καὶ τῇ ὀγδόῃ λουέσθω, καὶ ἀπὸ τοῦ λουτροῦ λεντίῳ περιεζωθεὶς, χρισθείτω μύρῳ, ὡς οἱ βαπτιζόμενοι, καὶ φορεσάτω ἱμάτια καινὰ κατὰ τὸν τύπον τῶν βαπτιζομένων.

Начало.—Если схвачено и отреклось дитя или по страху и невѣдѣнію и не обученности, то да пріиметъ оно очистительныя молитвы въ теченіи седьми дней, а въ осьмый да омоется въ банѣ, и препоясанное лентіемъ да помажется муромъ, какъ крещаемые, и да облечется въ одежды новыя по образу крещенныхъ.

Εὐχαί.	Молитвы:
Κύριε, Κύριε, ὁ τῶν ἁπάντων ποιητὴς καὶ δεσπότης, ἡ πηγὴ τῆς ἀγαθότητος...	Господи, Господи всѣхъ творче и владыко, источниче благостыни...
Ὁ κλίνας οὐρανοὺς καὶ καταβάς... Κύριε ὁ θεὸς ὁ παντοκράτωρ, ὁ διὰ τῆς ἀποςολῆς τοῦ παναγίου πνεύματος...	Преклонивый небеса и сшедый... Господи Боже вседержителю, иже ниспосланіемъ всесвятаго Духа...
Μεθοδίου πατριάρχου διάταξις· „Βογομίλοι τὸν μὲν Πατέρα ὡς γέροντά τινα φαντάζονται πολιόν, τὸν δε Υἱὸν τῆς ἀνδρικῆς ἡλικίας ἐγγύς, τὸ δὲ Πνεῦμα τὸ ἅγιον νεανίσκον, ψιλὸν ἔχοντα τὸν πώγωνα.	Чинъ Меѳодія патріарха: „Богомилы воображаютъ Отца, какъ нѣкоего старца сѣдаго, а Сына въ возрастѣ близкомъ къ возрасту мужа, Духа же святаго въ видѣ юноши безбрадаго.

Въ особой статьѣ о разныхъ ересяхъ сказано, что Богомиловъ называли и Кудугерами: οὗτοί εἰσιν οἱ λεγόμενοι Κουδούγεροι. (Объ этихъ Кудугерахъ и о князѣ Херцегѣ смотри отвѣтъ вселенскаго патріарха Геннадія Схоларія въ моемъ первомъ путешествіи на Синай.)

— Сборникъ на бумагѣ въ листъ, писанный въ 16 вѣкѣ разными почерками, изъ которыхъ Малоазійскій, похожій на Турецкое письмо, труденъ для чтенія. Эта замѣчательная рукопись принадлежала Киѳирскому епископу Максиму Маргунію, который родился на островѣ Критѣ, жилъ въ Венеціи (въ 1595 году) и тамъ скончался ἐκ κωλυτικῆς αὐτοῦ διαθέσεως. Въ ней между прочими статьями помѣщена Амфилохія знаменитаго патріарха Фотія.

— Λόγοι διάφοροι на бумагѣ in 4º.—Тутъ я читалъ: а) Отрывокъ изъ третьяго слова св. Аѳанасія Александрійскаго, содержащаго толкованіе евангелія Матѳея, въ которомъ отрывкѣ сказано, что Іоаннъ Предтеча въ пустынѣ питался *акридами*, то есть, не саранчею, а листьями растѣнія, называемаго ʼΑΚΡΙΣ—*акрида;* б) читалъ такъ же замѣтку о томъ, что праздника Рождества Христова не было въ церкви до дней Златоустаго, и что уже онъ началъ со-

вершать его съ пѣснопѣніями, по опредѣленію, ὁρισμῷ, верховнаго архіерея стараго Рима.

в) Отсюда переписалъ для себя стихомѣрное переложеніе Псалтири, сдѣланное Аполлинаріемъ. г) Здѣсь я въ первый разъ въ книжной жизни моей нашелъ греческія загадки: αἰνίγματα διάφορα. Всѣхъ ихъ сто.

Загадка: Хороша невѣста наша, но крива.
Отгадка: Хороша душа наша, но грѣшна.
Загадка: Говори, мнѣ что хочешь. Я, госпожа Варвара, слышу.
Отгадка: Сколько ни грѣши, а въ рай не войдешь безъ покаянія и милостыни. Я, душа Варвара, слышу это, и выгнанная изъ рая опять стремлюсь туда.

Видѣнные мною въ библіотекѣ Руссика Пандекты такъ заинтересовали меня своимъ разнороднымъ и богатымъ содержаніемъ, что я рѣшился подробно разсматривать такіе сборники во всѣхъ книгохранилищахъ Аѳонскихъ. Подобная рѣшимость созрѣла во мнѣ и при чтеніи писемъ разныхъ высокопоставленныхъ лицъ, такъ какъ эти письма показались мнѣ наилучшими матеріалами для составленія исторіи церковной и исторіи наукъ. Въ Руссикѣ заняли вниманіе мое—

Е. ПИСЬМА

I.—Максима Маргунія епископа Киѳирскаго къ Давиду Есхелію на языкахъ Латинскомъ и Греческомъ съ 1589 года.—Эта рукопись, въ листъ, переплетена. Въ ней всѣ письма съ печатями изъ сургуча, вытѣсненными чрезъ накладную бумагу, перенумерованы. Всѣхъ № 126. Но писемъ тутъ болѣе. Ибо къ одному письму пришиты индѣ два; иногда Максимъ чрезъ посредство Есхелія пересылалъ свои письма къ другимъ лицамъ: и эти письма тутъ сшиты вмѣстѣ съ прочими. Отвѣтовъ Есхелія нѣтъ: а только на адресахъ онъ надписывалъ полатински, что получилъ письмо тогда-то и отвѣчалъ тогда-то. На этомъ манускриптѣ ру-

кою дидаскала Дороѳея Вулизмы, жившаго въ Аѳонорусикѣ, по гречески написана слѣдующая замѣтка о епископѣ Максимѣ: „Максима Маргунія, когда онъ жилъ въ Киѳирѣ, весьма опасалось Венеціанское начальство, какъ бы онъ на островахъ не подготовилъ какое-нибудь возстаніе противъ Франковъ, какъ епископъ способный убѣдить весь народъ. Посему оно, боясь его, переселило его съ Киѳиры въ Венецію, а на содержаніе ежегодно давало достаточное жалованье. Тамъ онъ жилъ, мудрствовалъ и скончался отъ сухотки, ἐκ κολλιτικῆς αὐτοῦ διαθέσεως.

Содержаніе рукописи, о которой идетъ рѣчь, изложено мною въ каталогѣ непечатныхъ книгъ Руссика. А здѣсь я для знакомства съ Киѳирскимъ епископомъ Максимомъ помѣщаю лишь небольшія выдержки изъ нея.

Письмо № 1. Davidi Haeschelio, viro doctissimo, Maximus Margunius episcopus Cytherensis S. P. D.

Vides ne, quot vires tuorum morum probitas habeat! quantum naturae tuae suavitas et non vulgaris doctrina valeat, Haescheli doctissime!.... Quod de libellorum editione scripsi, rogo te, ut lubenter perficias, pergratum enim mihi feceris... Philonis atque Josephi tractatulos ne in somniis quidem, quod ajunt, vidimus; si in aliquem forte eorum incidamus, nostri sanè haud immemores officii erimus; de hoc tamen te certiorem interim velim. Plethonis non aspernenda nobis superesse astronomica, nec non Gregorii Nyssae episcopi nonnullos tractatus pulcherrimos. adde his etiam in Rhetoricen tractatum, brevem quidem illum, opus vero viri doctissimi, sed ἀνεπιγράφου. Si tibi horum alicuius opus fuerit, de hoc nos certiores facere tuum erit, nostrum vero jussa tua explere, ut ita dicam, citissime. Opuscula de virtutibus si et latina feceris, bene erit, sin minus, tuum esto judicium. Epistolam tamen ad Beatissimum Constantinopolitanum patriarcham Hieremiam, quanto citius excudi efficies, tanto mihi sane jucundius atque gratius fuerit. Mittimus insuper et quaedam nostra carmina obiter facta, quae si placuerint, tuum de ipsis quoque esto judicium.—Vale vir eruditissime atque amantissime, et quo in-

cepisti amore amare me ne desinas et atque obsecro. — Venetiis XXV die julii anno humanae salutis MDLXXXIX.

Mittimus τὸ ἀνθολόγιον. Disederamus Zosimi historiam cum aliis, et Photii Χρηςομαθίαν cum Apollonio. Quidquid pretii fuerit, statim dabimus. Et scribas, obsecro, saepius.

Адресъ на оборотѣ полулиста:

Davidi Haeschelio magistro classico in schola Anea, viro doctissimo. Augustae.

Письмо № 61. Μάξιμος ταπεινὸς ἐπίσκοπος Κυθήρων Ἐσχελίῳ τῷ σοφωτάτῳ εὖ πράττειν.

† Γράφεις, τὸ εἰς τὰς Πράξεις τῶν ἀποςόλων ὑπόμνημα τοῦ Χρυσοῤῥήμονος τὸ τῇ παρ' ὑμῖν ἀντέθησαυρισμένον βιβλιοθήκη εἰς ἐξήκοντα σχεδὸν ἀριθμὸν φύλλων ἥκειν. ἐγὼ δὲ τῷ παρ ἐμοὶ σωζομένῳ ἐν μεμβράναις παλαιοτάτῳ καὶ τὸν χαρακτῆρα εἰς κάλλος ἀπιεικῶς ἐξησκημένον ἔχοντι αὐτὸ παραβάλλων, πολλῷ τούτου ἐλλιπέςερον ἔχειν τὸ παρ' ὑμῖν διατεκμαίρομαι *). Τὸ γὰρ παρ' ἐμοὶ μένον ὁμιλίας μὲν ἐμπεριέχει πέντε πρὸς ταῖς πεντήκοντα, cartas δὲ ἤτοι φύλλα περὶ τὰ ἑκατὸν πρὸς ταῖς ἑβδομήκοντα, πρός δὲ καὶ ἐγκώμια ἄττα ἰδία τοῦτο ἐμπεριείληφεν εἰς Παῦλον τε καὶ Πέτρον καὶ Ἰωάννην τὸν εὐαγγελιςὴν καὶ Ἰάκωβον τὸν τοῦ Ζεβεδαίου, καὶ Θωμᾶν, καὶ Ἰάκωβον τὸν Ἀλφαίου, καὶ Βαρθολομαῖον, καὶ Φίλιππον, εἰς ἓξ πρὸς τοῖς εἴκοσι· καὶ ταῦτα φύλλα ἐξήκοντα ὡς ἐγγὺς ποῦ εἶναι τῶν διακοσίων τὸν σύμπαντα ἀριθμόν. Ἔστι δὲ πρώτου μεγάλου μήκους, id est in magno folio, τὸ βιβλίον καὶ ἀξιόλογον.... Περὶ τοῦ Σιμπλικιανοῦ εἰς τὸ τοῦ Ἐπικτήτου ἐγχειρίδιον ὑπομνήματος καὶ πρὸς τούτου σοὶ μέμνημαι γεγραφώς, ὅτι οὐχ' εὕρηται, καὶ τανῦν οὐδὲν ἧττον ταυτολογεῖν ἀναγκάζομαι. Σοῦ δ' ὦ σοφώτατε μοὶ Εσχέλιε μὴ παραδράμοι τὴν μνήμην Μάξιμος, ὅ, τε κἀνταῦθα σοὶ ἐγχαράττων αὐτοσχεδίως, καὶ ὁ τοῦ συμβολικοῦ πονήματος ἱερὸς συγγραφεύς· Si apud vos, sive apud Sylburgium invenitur Λυκόφρων cum scholiis, pergratum mihi erit, illius possessori (graecismo, velim, ignoscas) fieri. Ἐῤῥωμένον σὲ διαφυλάττοι ὁ Κύριος ψυχῇ τε καὶ σώματι, ἀνδρῶν σοφώτατέ μοι καὶ φίλτατε.

---

*) Послѣ этого довѣряй Нѣмецкимъ изданіямъ Отцовъ Церкви! Нѣтъ, всѣ изданія ихъ надобно свѣрить съ рукописями восточными.

Ἐνετίηθεν, μουνιχίωνος ς ἱςαμένου κατὰ τὸ αφϛε ἔτος τὸ σωτήριον.

De his et aliis scribas et Sylburgio, et quid animi sit, prout hoc meam declarat epistolam, addas et nomina horum autorum vale.

Γρηγορίου Νίσσης λόγοι ῑγ κατ' Εὐνομίου.

Λέοντος βασιλέως περὶ ἀρατῶν γεωργίας.

Νικολάου τοῦ Καβασίλα περὶ τῆς ἐν Χριςῷ ζωῆς λόγοι ἕξ.

Τοῦ αὐτοῦ λόγοι διάφοροι.

Προκοπίου χριςιανοῦ σοφιστοῦ ἐκλογὴ ἐκ διαφόρων εἰς τὸ ᾆσμα τῶν ᾀσμάτων.

Μεθοδίου ἐπισκόπου Πατάρων συμπόσιον περὶ ἁγνείας.

Φωτίου πατριάρχου Κ̅ωπόλεως ἐπιςολαί

Τοῦ αὐτοῦ ἡ λεγομένη Μυριόβιβλος **mea manu exarata.**

Γενναδίου τοῦ σχολαρίου πατριάρχου Κ̅ωπόλεως περὶ προορισμοῦ.

Ἰωάννου τοῦ Δαμασκηνοῦ τὰ Παράλληλα.

Ἰσιδώρου Πηλουσιώτου ἐπιςολαὶ ἄλλαι, παρὰ τὰς ἤδη τυπωθείσας.

Кромѣ писемъ епископа Максима въ манускриптѣ помѣщены письма другихъ лицъ къ Есхелію, именно:

1) Константина Лукариса 1591 года къ Есхелію по гречески. Изъ Венеціи.
2) Его же . . . . . 1591 г. по латинѣ.
3) Его же . . . . . 1590 г. по гречески.
4) Леонтія іеромонаха Евстратія Кипрянина безъ года.
5) Его же . . . . Оттуда
6) Матѳея іеромонаха Галатіана 1603 года же.
7) Іюлія Кесаря Сантамавра изъ Рима, № 115, 1604 г.
8) Ὕγων ὁ Βροχθωνός, изъ Франкфурта безъ года.
9) Его же оттуда же сентября 29, 1600 года.
10) Его же. . . . . 1601 „
11, 12, 13) Его же . . . . . 1604, 1606, 1607 г.
14) Его же, ἐξ Αννουίας ῑθ φευρ. безъ года.

15) Τῷ Οἰσχελίῳ Αἰμίλιος Πόρτος ὁ Φραγκίσκου Πόρτου Κρητὸς ἐξ Εἰδελβέργης 1599 г. № 123.

16) Samuel Gladius Anglobritanus 1608 an. по латынѣ.

17) Его же по гречески изъ Венеціи 1608 года.

Между письмами Максима Маргунія вставлены (Стран. 108).

α) Κικέρωνος παράδοξα παρὰ Μαξίμου Κιθήρων ἐπισκόπου ἐκ τῆς τῶν Λατίνων εἰς τὴν Ἑλλάδα γλῶτταν μεταφρασθέντα.

Ἐπαινετέος δ' ἄρα οὗτος ὁ αὐτοκράτωρ...

β) Τοῖς περὶ τὴν ἱερὰν ἐσχολακόσι φιλοσοφίαν, безъ года, безъ города, безъ адреса.

γ) Τοις τῶν λόγων ἐρασαῖς ἐν τοῖς καλοῖς ἐπίδοσιν 1600 г. 7 іюля. Clarissimo atque doctissimo viro domino Marco Velsero. Augustae.

δ) Κυρίλλῳ τῷ Λούκαρει ὁσιωτάτῳ ἐν ἱερομονάχοις 1595 ἔτους. Изъ Венеціи.

ε) Τῷ πανιερωτάτῳ μιτροπολίτῃ Χίου κυρίῳ Ἱππολύτῳ. 1595 ἔτους. Оттуда же.

ζ) Πίναξ τῶν ἐμπεριεχομένων τῷ τοῦ μεγάλου Ἀθανασίου παρ' ἡμῖν τεύχῳ.

η) Τοῖς περὶ φιλοσοφίαν ἐσχολακόσι. 1595 ἔτ. безъ адреса.

θ) Τοῖς αὐτοῖς 1594 ἔτ. Изъ Венеціи безъ адреса.

ι) Александрійскому патріарху Мелетію 1593 года изъ Патавіи.

II. — Письма, переплетенныя вмѣстѣ съ рукописью, содержащею толкованіе Прокопія Софиста на пророка Исаію: —

— Учителя Ефрема, (впослѣдствіи патріарха Іерусалимскаго) въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1761 года, къ Хури Іосифу о разностяхъ между католиками и православными. Всѣхъ разностей 170.

— Нѣкоего Іероѳея, 1767 года 8 февраля.

— Привѣтственное посланіе воспитанниковъ Аѳонской академіи, 1759 года января 1 дня, къ начальнику ея іеродіакону Евгенію Вулгари. Оно переписано мною все сполна.

III. — Письма іеродіакона Неофита Пелопонесца родомъ Еврея, жившаго на Аѳонѣ въ Кавсокаливскомъ Скитѣ, къ разнымъ лицамъ, къ Молдовлахійскому первосвятителю, Константинопольскому патріарху Кириллу, Василію учителю на островѣ Патмосѣ, Евгенію (Вулгари?) и къ другимъ, письма о разныхъ предметахъ съ 1749 года по 1764-й. Этотъ Неофитъ (*острая голова, безпокойная душа)* писалъ по гречески красно.

Въ библіотекѣ Руссика я въ первый разъ познакомился съ медициною древнихъ врачей Греческихъ, и по свойственной мнѣ любознательности рѣшился изучать и этотъ предметъ въ книгохранилищахъ Аѳонскихъ. Вотъ первые уроки мои.

Ж. ИЗЪ МЕДИЦИНЫ ГРЕЧЕСКОЙ.

Врачебную науку Грекамъ сообщилъ Асклипій или Эскулапій, царствовавшій въ Ѳессаліи въ 13-мъ вѣкѣ до рождества Христова, и за то былъ причисленъ къ лику боговъ. Его врачебныя свѣдѣнія долго-долго передавались изъ рода въ родъ Асклипіадами, а два сына его Махаонъ и Подалирій, какъ искусные врачи, пользовали греческихъ воиновъ во время Троянской войны. Послѣ Эскулапа извѣстенъ большими познаніями въ медицинѣ Пиѳагоръ, жившій въ 530 годахъ до Христа. Онъ заимствовалъ ихъ изъ Египта и первый изъ врачей наблюдалъ и распознавалъ дни перелома болѣзней къ добру или къ худу.

Ученикъ его Алкмеонъ первый анатомировалъ, т. е. разсѣкалъ *тѣла животныхъ*.

Медицинскія *школы* въ первый разъ появились на островахъ архипелага, Книдѣ и Ко въ пятомъ вѣкѣ до Р. Хр. Изъ Койской школы вышелъ знаменитый Иппократъ, родившійся въ 460 году дохристіанскомъ. Онъ донынѣ почитается отцомъ врачебной науки. Его наблюденія и свѣдѣнія заключаются въ извѣстныхъ *афоризмахъ*, которые и въ наши дни признаются

достойными вниманія *). Иппократъ усовершенствовалъ *хирургію* и *паѳологію*, и первый изложилъ *діэтетику и симіотику* (о признакахъ болѣзни). Ему усвояютъ семьдесятъ два сочиненія, изъ коихъ однако лишь пять принадлежатъ ему, какъ то: 1) *О Епидеміяхъ*, 2) *Прогностика*, 3) *Афоризмы*, 4) *О воздухахъ, водахъ, мѣстностяхъ*, сочиненіе классическое, и 5) *О діэтѣ*. Слогъ Иппократа сжатъ, и потому индѣ теменъ. Послѣ него греческіе врачи закружились въ лабиринтѣ разныхъ системъ и теорій, и потому замедлили дальнѣйшее усовершенствованіе Медицины.

Уже философія Аристотеля, знаменитаго учителя царя Александра Македонскаго, впередъ подвинула эту (извините мое выраженіе) *кладбищную* науку. Ученикъ его Ѳеофрастъ много писалъ о врачебномъ искуствѣ (περὶ ἰλίγγων, περὶ ἱδρώτων, περὶ κόπων).

Въ Аристотелевскую эпоху за 245 лѣтъ до Христа славился знаменитѣйшій изъ врачей Діоклесъ, родившійся въ Каристѣ на островѣ Евбеѣ (Негропонтѣ). До нашихъ дней уцѣлѣло его письмо къ царю Антигону о сбереженіи здоровья.

Изъ числа Александрійскихъ врачей, этихъ первыхъ разсѣкателей *труповъ человѣческихъ*, Проксагоръ, потомокъ Асклипіадовъ Койскихъ, сдѣлалъ замѣчательныя открытія въ анатоміи. Онъ отличалъ жилы отъ артерій, и черепъ головы считалъ началомъ спинной кости. Въ годы царствованія первыхъ Птоломеевъ Египетскихъ въ Александріи были два наилучшіе анатомиста, Ирофилъ и Ерасистратъ. Они основали двѣ новыя медицинскія школы. Когда Птоломей Фисконъ (146—117 г. до Р. Х.) выгналъ ученыхъ изъ Александріи, тогда оба эти врача ушли въ малую Азію, и тамъ основали медицинскія училища. Страбонъ въ 12-й книгѣ своей Географіи упомянулъ, что въ Фри-

*) И я помню одинъ афоризмъ его: не врачуетъ лѣкарство, такъ исцѣляетъ желѣзо: не исцѣляетъ желѣзо, такъ помогаетъ огонь.

гійской области между городомъ Лаодикіею и Карурами, еще въ его время, существовало большое Ирофиліанское училище врачей, поддержанное Зевксидомъ и послѣ него Александромъ Филалиѳомъ, и что въ городѣ Смирнѣ при предкахъ его (Страбона) находилась Ерасистратская школа, поддержанная Икесіемъ, а во дни его уже была закрыта *).

Ирофилъ Халкидонецъ, жившій за 300 лѣтъ до Р. Х., анатомировалъ весьма многіе трупы человѣческіе. Нѣкоторые говорятъ, что ему дано было позволеніе дѣлать опыты и надъ живыми людьми, и что народъ съ ужасомъ смотрѣлъ на эти опыты его и разтерзалъ бы его, если бы не защищали его цари Египетскіе. Ирофилъ сдѣлалъ столь великія открытія въ анатоміи, что Гавріилъ Фаллопъ назвалъ его евангелистомъ анатомиковъ. Главнѣйшія открытія его касаются нервной системы, которую онъ почиталъ основою нашихъ чувствованій. Древніе очень хвалятъ его описаніе круговращательнаго счетанія обоихъ глазъ, малой кости, той что въ корнѣ языка, и дѣтородныхъ—удовъ. Онъ первый имѣлъ правильное понятіе о пульсѣ. А паѳологическія познанія его были посредственны.—Думаютъ, что Ирофилъ первый написалъ примѣчанія на афоризмы Иппократа. Это сочиненіе его въ рукописи хранится въ Амвросіанской библіотекѣ города Милана.

Изъ первыхъ учениковъ его извѣстны Мантіасъ, который издалъ *древнѣйшее* собраніе лѣкарственныхъ питій, ἰατρικῶν δόσεων, Вакхій Танагреэцъ, Каллимахъ, Калліанаксъ и Андрей изъ Kариста, изобрѣтатель какого то *коллурія* и машинки для легчайшаго изъятія плечъ.

Современникъ Ирофила Алексанрійскій врачъ Ерасистратъ родился въ городѣ Іуліадѣ на островѣ Кео; прожилъ нѣсколько времени при Антіохійскомъ дворѣ царя Селевка Никатора **),

*) Strabo. L. XII. c. 8. Phrygia. — Μεταξὺ τῆς Λαοδικείας καὶ τῶν Καρούρων ἱερὸν ἐςὶ Μηνὸς Κάρου καλούμενον. Συνέςηκε δὲ καθ' ἡμᾶς διδασκαλεῖον 'Ηροφίλιον ἰατρῶν μέγα ὑπὸ Ζεύξιδος· καὶ μετὰ ταῦτα 'Αλεξάνδρου τοῦ Φιλαλήθους· καθάπερ ἐπὶ τῶν πατέρων τῶν ἡμετέρων ἐν Σμύρνῃ τὸ τῶν 'Ερασιστρατείων ὑπὸ 'Ικεσίου. νῦν δ' οὐχ ὁμοίως τι συμβαίνει.

**) Царствовалъ съ 312 года по 282-й до Р. Х.

гдѣ вылѣчилъ сына его Антіоха и за то пользовался величайшимъ почетомъ, но больше жилъ въ Александріи и занимался анатоміею, отказавшись посѣщать больныхъ. Особенное ученіе его было ученіе о воздухѣ, проходящемъ чрезъ легкія въ артеріи. Когда воздухъ входитъ въ артеріи, а кровь въ жилы, тогда человѣкъ бываетъ здоровъ: а когда жилы по какой либо причинѣ замкнутся, тогда кровь бросается въ артеріи и отъ того бываютъ болѣзни. Если кровь войдетъ въ большую артерію, то произведетъ лихорадку, а если будетъ приливъ ея къ окраинамъ артерій, то послѣдуетъ воспаленіе. Ерасистратъ рѣшительно не одобрялъ ни кровопусканія, ни слабительныхъ снадобій, и замѣнялъ ихъ діэтою, клистирами, рвотными, теплыми ваннами и тѣлесными упражненіями; вообще любилъ давать больнымъ лѣкарства простыя. Ему извѣстна была такъ называемая *Идіосинкрасія*, т. е. особенность одного организма, не похожая на особенность другаго организма человѣческаго тѣла. Изъ сочиненій его ни одно не дошло до насъ. Во время сего врача Хирургія отдѣлена была отъ Ѳерапевтики, и медицинскую науку составляли Діэтетика, Фармацевтика и Хирургія. Врачъ предписывалъ діэту и лѣкарства внутрь, а Фармацевтъ лѣчилъ чирьи, раны и порѣзы, Хирургъ же занимался рѣзаніемъ, сращеніемъ, перевязками членовъ.

Изъ числа послѣдователей Ерасистрата знаменитые были: Стратонъ Вериѳіецъ, врагъ кровопусканій, и другой Стратонъ изъ города Лампсака, прозванный *Физикомъ:* этотъ занимался Физіологіею и училъ, что сѣдалище души находится въ передней части головы подъ челомъ.

Ученики же Ирофила, Филиносъ Коецъ и ученикъ его Серапіонъ Александріецъ жили за 250 лѣтъ до Христа и основали новую школу медицинскую, такъ называемую *Емпирическую*, отдавая преимущество опытамъ, а не теоріямъ.

Послѣдній царь Пергамскій Атталъ (138—133 г. до Р. Х.) былъ большой любитель медицины и Ботаники и потому въ са-

опытами извѣдывалъ силу ихъ. По его приказанію Никандръ писалъ сочиненіе объ этомъ предметѣ.

Митридатъ, царь Понтійскій, (кажется *великій* 120/з год. до Р. Х.) изобрѣлъ противоядіе, составивъ его изъ 54 веществъ.

Нѣкто Зопиросъ врачъ прославился изобрѣтеніемъ противоядія называемаго *Амвросія*.

Въ этотъ кругъ времени греческая медицина проникла даже въ Римъ. Первые греческіе врачи, появившіеся тамъ, были вольноотпущенные люди.

Въ 219 году дохристіанскомъ Архагаѳосъ поселился въ этомъ городѣ и занимался врачеваніемъ недужныхъ, а въ 110-мъ году до Христа славился тамъ врачъ Асклипіадъ родомъ изъ Бруссы. Съ нимъ дружили Ликиній Крассъ и Цицеронъ. Онъ былъ послѣдователь философіи Епикура, и душу не отличалъ отъ воздуха, движущаго тѣло; анатоміею пренебрегалъ. Сочиненія его о клистирахъ, о перемежающейся лихорадкѣ, о водяницѣ, не дошли до насъ.

Лѣтъ за 70 до рождества Христова Александрійскій врачъ Аполлоній Китіэцъ написалъ три книги *о членахъ тѣла*, περὶ ἄρθρων πραγματεία, и посвятилъ ихъ Кипрскому царю Птоломею, брату Египетскаго царя Птоломея Авлита. Это сочиненіе еще не издано.

Лѣтъ за 40 до Христа врачъ Ксенократъ Афродисеецъ написалъ книгу περὶ τῆς ἀπὸ ἐνύδρων τροφῆς—*о питаніи водяными животными*. Эта книга даетъ намъ понятіе объ Ихтіоологическихъ познаніяхъ древнихъ ученыхъ мужей.

Современникъ Римскихъ императоровъ Августа и Тиверія врачъ Кассій Феликсъ оставилъ по себѣ Ἰατρικὰ ζητήματα καὶ προβλήματα, т. е. *врачебные вопросы и проблемы*.

У императора Нерона (54—68 г. по Р. Х.) придворными врачами были Андромахъ Критянинъ и сынъ его. Первый изобрѣлъ противоядіе, названное имъ Γαλήνη, которое онъ воспѣлъ

Знаменитостію этой же эпохи и этой же Емпирической школы былъ Педаній Діоскуридъ изъ Киликійскаго города Аназарва, превосходный Ботаникъ и медицинскій писатель. Изъ классическаго сочиненія его, περὶ ὕλης ἰατρικῆς, черпали свѣдѣнія о Ботаникѣ Плиній, Галенъ, Оривасій, и многіе другіе писатели въ теченіи 17-ти вѣковъ. Даже я въ своей исторіи Аѳона (ч. III. § 49) помѣстилъ извѣстныя ему на Дакійскомъ языкѣ названія разныхъ растеній.

Перечисливъ врачей Емпириковъ, т. е. *опытниковъ*, знакомлюсь и съ теоретиками. Изъ нихъ—

Ѳемисонъ Лаодикіецъ, ученикъ вышепомянутаго Асклипіада, за 90 лѣтъ до Христа поселился въ Римѣ. Онъ училъ, что во всѣхъ членахъ человѣческаго тѣла существуетъ нѣкая *дисаналогія* (несоотвѣтственность); и она то есть главная причина всѣхъ недуговъ. Онъ первый отличилъ хроническія болѣзни отъ острыхъ; отчетливо описалъ проказу; ученію о ревматизмѣ отвелъ особое мѣсто въ Патологіи, и первый началъ приставлять піявки къ вискамъ страждущихъ головными болями.

Римскіе врачи вообще были теоретики. Они пренебрегали анатоміею и физіологіею, и при лѣченіи не брали во вниманіе ни возраста, ни рода, ни привычекъ больнаго, ни климата, ни времени года, ни слизей, и полагали, что тѣла портятся или отъ величайшаго напряженія, или отъ величайшаго разслабленія твердыхъ частей тѣла. Между ними извѣстны Антоній Муса вольноотпущенникъ императора Августа, Ѳессалъ Траллієцъ, Соранъ Ефесскій, Критонъ, Мосхіонъ, Аѳинэй, Агаѳинъ, Аретэй, Руфъ и Галенъ.

Ѳессалъ Траллієцъ жилъ въ царствованіе Нерона. Этотъ врачъ изъ самаго низкаго рода, невоспитанный, во всю жизнь сохранившій дурныя привычки худородія своего, почти ничему неучившійся, презиралъ открытія и опыты своихъ предшественниковъ, собралъ вокругъ себя скопище молодыхъ учениковъ такихъ же, какъ и онъ, и съ ними посѣщалъ больныхъ, по прошествіи же полугодій давалъ имъ свидѣтельства на право само-

стоятельнаго лѣченія. Онъ первый въ Римѣ завелъ обычай ходить къ больнымъ вмѣстѣ со всѣми учениками его; причинъ болѣзней не изслѣдовалъ, а лѣкарства прописывалъ такія, кои дѣйствуютъ не на ту, или другую часть тѣла, а на всѣ части его.

Соранъ Ефесскій, учившійся въ Александріи, жилъ въ Римѣ во дни имераторовъ Траяна и Адріана (96—138 г.) и тамъ лѣчилъ и училъ Медицинѣ съ большимъ успѣхомъ. Уцѣлѣли донынѣ разныя сочиненія его, περὶ Ἐπιδέσμων, περὶ σημείων κατὰ ταγμάτων, περὶ μήτρας καὶ αἰδοίου γυναικείου, и біографія Иппократа.

Критонъ, жившій при Траянѣ, писалъ о *Косметикѣ*, Κοσμητικά. Но изъ этого сочиненія дошли до насъ лишь немногіе отрывки.

Мосхіону приписывается сочиненіе о болѣзняхъ женскихъ περὶ τῶν γυναικείων παθῶν. Оно издано въ Вѣнѣ Девезомъ въ 1793 году подъ названіемъ: Gynoecia sive de mulierum affectibus.

Аѳинэй изъ Киликійскаго города Атталіи жилъ въ Римѣ въ 50 годахъ послѣ рождества Христова. Онъ въ Ѳерапевтику включилъ *Симіологію* и *Діэтетику*.

Одинъ изъ учениковъ его, Агаѳинъ Спартіатъ былъ основатель Еклектической школы, соглашавшей теоріи съ опытами. А его превзошелъ въ еклектизмѣ Архигенисъ, уроженецъ города Апаміи, жившій въ Римѣ въ царствованіе Траяна. Но писалъ онъ неясно.

Современникъ его Аретэй изъ Каппадокіи, жившій въ 80-хъ годахъ послѣ Христа, еклектикъ, оставилъ послѣ себя два классическія сочиненія, первое о причинѣ и признакахъ острыхъ и хроническихъ болѣзней, второе о лѣченіи ихъ: Περὶ αἰτιῶν καὶ σημείων ὀξέων καὶ χρονίων παθῶν. Περὶ θεραπείας αὐτῶν.

Между знаменитыми врачами сего времени числится и Руфъ Ефесянинъ, жившій спустя 100 лѣтъ послѣ Христа. Извѣстны его сочиненія, о *костяхъ* и Ὀνομασίαι τῶν κατ' ἄνθρωπον.

Второй вѣкъ христіанскій произвелъ превосходнѣйшаго

ный переворотъ въ медицинѣ. Это—Клавдій Галенъ, родившійся въ малоазійскомъ городѣ Пергамѣ въ 131 году послѣ Христа. Отецъ его, знаменитый математикъ и архитекторъ, далъ ему хорошее воспитаніе и образованіе. Галенъ учился медицинѣ сперва на своей родинѣ, потомъ въ Александріи, но выучившись недолго жилъ въ Пергамѣ и, будучи 34 лѣтъ, поселился въ Римѣ, гдѣ и стяжалъ себѣ великую славу, какъ искусный врачъ, и какъ учитель анатоміи. Послѣ путешествія въ Азіи и Греціи онъ опять возвратился въ Римъ и былъ придворнымъ врачемъ у императоровъ Марка Аврелія, Луція Севера и юнаго Коммода. Не извѣстно время возвращенія его изъ Рима на родину и смерти: вѣдомо только то, что онъ еще живъ былъ въ царствованіе императора Севера. (193—211 г.)

Этотъ врачъ составилъ свою особую систему медицины, положивъ въ основаніе ея философію Платона, Аристотеля и Иппократа съ добавкомъ извлеченій изъ всѣхъ древнихъ системъ. Анатомія, по мнѣнію его, есть наука самая необходимая для врача; и онъ занимался ею до конца своей жизни, анатомируя трупы обезьянъ, потому что ему не позволяли разсѣкать тѣла человѣческія. *Мѵологія*, (т. е. ученіе о мозгѣ) обязана ему значительными открытіями. Въ Физіологію онъ не допускалъ никакой философской теоріи, и вносилъ одни уроки опыта. Содержаніе этой науки у него составляло ученіе о человѣческихъ силахъ, 1) *жизненныхъ* въ сердцѣ, 2) *душевныхъ* въ головѣ, и 3) физическихъ въ тѣлѣ.

Въ теченіи тринадцати вѣковъ христіанскихъ Галенъ служилъ оракуломъ для врачей Европы, Азіи и Африки. Особенно чтили его Арабы. Въ сочиненіяхъ его найдетъ себѣ пищу и врачъ, и философъ, и риторъ, и критикъ, и грамматикъ. Въ нихъ встрѣчаются даже стихи (Chardon Larochette. Melanges de critique et de philologie. T. II.)

Этихъ сочиненій очень много. Изъ нихъ 82 уцѣлѣли, а 168 утрачены. Такъ какъ мнѣ доведется встрѣтить ихъ въ аѳонскихъ

библіотекахъ; то я, *прилагая умъ свой къ пути*, предварительно отмѣчаю для себя главнѣйшія изъ нихъ.

1) Περὶ αἱρέσεων: *объ отдѣлахъ* Медицины. Тутъ Галенъ вооружается противъ эмпиризма и методизма.

2) Ὅτι ἄριστος ἰατρὸς, καὶ φιλόσοφος: о томъ, что *наилучшій лѣкарь тотъ, который есть вмѣстѣ и философъ*.

3) Περὶ τῶν τοῦ Ἱπποκράτους καὶ Πλάτωνος δογμάτων (περὶ ἀνατομίας τοῦ ἀνθρωπίνου σώματος) βιβλία ἐννέα: о *догматахъ* Иппократа и Платона (объ анатоміи человѣческаго тѣла) *9 книгъ*.

4) Περὶ ἀνατομικῶν ἐγχειρήσεων βιβλία ἐννέα: *объ анатомическихъ операціяхъ 9 книгъ*. Это—главное сочиненіе Галена объ анатоміи.

5) Περὶ νεύρων ἀνατομῆς: *о разсѣченіи жилъ*.

6) Εἰ κατὰ φύσιν ἐν ἀρτηρίαις αἷμα περιέχηται: *по природѣ ли кровь содержится въ артеріяхъ*.

7) Περὶ χρείας τῶν ἐν ἀνθρώπου σώματι μορίων βιβλία ιζ̄: *о надобности малыхъ частей въ человѣческомъ тѣлѣ. 17 книгъ*. Это сочиненіе считается наилучшимъ произведеніемъ Галена.

8) Περὶ τῶν πεπονθότων τόπων βιβλία ϛ′: *о пострадавшихъ мѣстахъ въ тѣлѣ 6 книгъ*. Великій Галлеръ предпочиталъ это сочиненіе Галена всѣмъ прочимъ.

9) Τέχνη ἰατρική: *Искуство врачеванія*. Это сочиненіе введено было во всѣ медицинскія училища. Кто не зналъ его, тому и лѣчить не дозволяли.

10) Περὶ συνθέσεως φαρμάκων τῶν κατὰ τόπους βιβλία Ῑ, καὶ τῶν κατὰ γένη βιβλία ζ̄: *о составленіи лѣкарствъ 17 книгъ*.

11) Περὶ φλεβοτομίας: *о кровопусканіи*. Это сочиненіе было переведено Арабами на ихъ языкъ.

12) Ὑγιεινῶν λόγοι ϛ′: *шесть словъ о здоровыхъ*. И это сочиненіе есть одно изъ наилучшихъ. Тиссотъ расхвалилъ его.

13) Ὅτι τὰ τῆς ψυχῆς ἤθη ταῖς τοῦ σώματος κράσεσιν ἕπεται: *о томъ, что нравы души зависятъ отъ темпераментовъ тѣла*.

14) [illegible]

Послѣ Галена извѣстнѣйшіе врачи—писатели были:—Оривасій изъ Пергама, современникъ императора Іуліана богоотступника (36$^{1}/_{3}$ г.). Онъ, по приказанію сего императора, сдѣлалъ извлеченія изъ древнихъ медицинскихъ сочиненій, и методически изложилъ ихъ въ 72 книгахъ. Изъ нихъ уцѣлѣли 22, и въ этомъ числѣ 9 на языкѣ греческомъ, а остальныя на латинскомъ.

Въ половинѣ шестаго вѣка христіанскаго жилъ-былъ врачъ Аетій, уроженецъ Месопотамскаго города, Амиды. Онъ обучался медицинѣ въ Александріи, а врачемъ состоялъ при дворѣ царей Византійскихъ. Имъ составленъ сборникъ всѣхъ наилучшихъ сочиненій древнихъ врачей, особенно тѣхъ, которые держались ученія Галена.

Александръ изъ Лидійскаго города Тра́ллы, жившій въ 550 годахъ послѣ Христа, долго путешествовалъ, а лѣчилъ въ Римѣ. Сочиненія его суть: βιβλίον θεραπευτικόν=*книга врачебная*, содержащая много опытовъ медицинскихъ, и περὶ ἑλμίνθων—о червяхъ въ человѣческомъ тѣлѣ.

Іоаннъ Александріецъ существовалъ въ концѣ шестаго вѣка. Его толкованіе шестой книги Иппократа о *Епидеміяхъ* попереведено на греческій языкъ уже съ Арабскаго.

Павелъ Эгинитъ славился врачеваніемъ болѣзней женскихъ, и первый занимался акушерствомъ (καὶ πρῶτος ἐνησχολήθη εἰς τὴν μαμμικὴν τέχνην). А жилъ онъ въ седьмомъ вѣкѣ, и въ 7 книгахъ изложилъ врачебное искуство древнихъ лѣкарей и свои собственныя наблюденія. Шестая книга его о хирургіи уважается.

Θеофилъ Протоспаθарь монахъ и врачъ, въ 610 годахъ, написалъ пять книгъ περὶ κατασκευῆς τοῦ ἀνθρωπίνυ σώματος, καὶ περὶ οὔρους, *о строеніи человѣческаго тѣла и о мочѣ*.

Ученикъ его Стефанъ Аθинянинъ составилъ толкованіе первой книги Θерапевтики Галена.

Палладій Александріецъ, изъ седьмаго вѣка, написалъ толкованіе Иппократова сочиненія περὶ καταγμάτων—о *переломахъ и горячкахъ*.

Іоаннъ Дамаскинъ оставилъ послѣ себя разныя медицинскія сочиненія, кои изданы на латинскомъ языкѣ. Между ними одно *о горячкѣ*, а другое подъ названіемъ, Афоризмы.

Θеофанъ, по прозванію Ноннъ, по приказанію царя Константина Порфиророднаго (около 950 года) составилъ Сокращеніе медицинскихъ теорій, ἐπιτομὴν τῶν ἰατρικῶν θεωρημάτων.

Никита врачъ Константинопольскій, жившій въ одинадцатомъ вѣкѣ, составилъ *Сборникъ Хирургическаго искуства*, Συλλογὴν τῆς χειρουργικῆς τέχνης, въ которомъ помѣстилъ выдержки изъ сочиненій Иппократа, Аполлонія, Сорана, Руфа, Галена, Павла Егинита, Палладія, и цѣлыя пять книгъ Оривасія. Константинъ, по прозванію Африканъ, изъ Карθагена, монахъ изъ обители на горѣ Кассинской и врачъ школы въ Салернѣ, жилъ въ концѣ 12 вѣка, и оставилъ послѣ себя разныя сочиненія, какъ то: 1) систему теоретической и практической медицины, 2) Ὁδοιπορικὸν— Путешествіе Абу—Джаффера—Ахмета бенъ—Ибрагима, переведенное съ Арабскаго языка на греческій, 3) о распознаваніи и врачеваніи болѣзней, 4) о естествѣ человѣка, 5) περὶ ἐλεφαντιάσεως, 6) о врачевствахъ изъ царства животныхъ, и проч.

Въ царствованіе Мануила Комнина (около 1150 г.) Синесій перевелъ съ Арабскаго языка на греческій сочиненіе Абу Джаффера о воспаленіяхъ.

Іоаннъ, по прозванію Актуарій, (около 1290 года) написалъ хорошимъ слогомъ сочиненіе περὶ ἐνεργειῶν καὶ παθῶν τοῦ ψυχικοῦ πνεύματος καὶ τῆς κατ' αὐτὸ διαίτης λόγοι β̅, подъ названіемъ: *два слова объ енергіяхъ и болѣзняхъ душевныхъ и объ ухаживаніи за ними*, придерживаясь Галена. Семь книгъ его *о мочѣ* и сочиненіе о *методѣ врачеванія* изданы только на латинскомъ языкѣ.

Димитрій Пергамецъ, по приказанію Михаила Палеолога (1261—1282 г.) писалъ περὶ ἀρθρίτιδος—*о подагрѣ или ревматизмѣ*, по замѣткамъ Галена и по своимъ наблюденіямъ.

нилъ Προγνωστικὸν τῶν ἀσθενειῶν—*Примѣты болѣзней.* Это сочиненіе его въ рукописи хранится въ библіотекѣ Мадрита.

Николай Миренсосъ александрійскій врачъ (около 1200 г.) издалъ Сборникъ περὶ συνθέσεως τῶν ἰατρικῶν—*о составленіи лѣкарствъ,* состоящій изъ 48 статей. Это сочиненіе, наполненное суевѣріями, издано только на Латинскомъ языкѣ.

Послѣдній греческій врачъ изъ числа старинныхъ, котораго сочиненіе уцѣлѣло, жилъ въ 15 вѣкѣ: это Георгій Сангинатихій. А сочинилъ онъ *Ерминію о частяхъ тѣла.*

Достаточно написалъ я о врачахъ.—Приступаю теперь къ разбору врачебнаго Сборника, написаннаго на бумагѣ in 8º въ 1403 году. Въ немъ, къ сожалѣнію, нѣтъ начала.

Тутъ прописаны: 80 рецептовъ, изъ коихъ 19-й озаглавленъ именемъ неизвѣстнаго мнѣ врача Хрисиппа, Σκευασία τοῦ Χρυσίππου, и 81 составъ пластырей, Σκευασίαι τῶν ἐμπλάστρων. Въ числѣ сихъ послѣднихъ помѣщенъ рецептъ святаго всехвальнаго апостола и евангелиста Луки. Вотъ онъ.

Σκευασία: τὸ ἀλάτιον τὸ σκευασθὲν ὑπὸ τοῦ ἁγίου καὶ πανευφήμου ἀποστόλου Λουκᾶ, ἔχον ὑποτεταγμένα ιβ̅ κεφάλαια, διὸ καὶ Δωδέκατον λέγεται. Ὅθεν οἱ εὐσεβῶς βιοῦντες τούτῳ κέχρηνται τῷ φαρμάκῳ. Ὅρασιν τηρεῖ μέχρι γήρως· φλέγμα ἐν τῷ θώρακι οὐκ ἐᾷ γενέσθαι, οὐκ ὀφθαλμίαν, οὐκ ἀπόῤῥοιαν τριχῶν· χολήν τε πᾶσαν καθαίρει, καὶ τοὺς χυμοὺς ἀναλύει: †

Составъ: Соль, составленная святымъ и всехвальнымъ апостоломъ Лукою изъ 12 специй, и потому называется *Двѣнадцатерикъ.* Этимъ врачевствомъ пользовались живущіе благочестиво. Оно сохраняетъ зрѣніе до старости, не допускаетъ ни флегмы въ груди, ни боли въ глазахъ, ни потери волосъ, а печень очищаетъ, и мокроты разгоняетъ: †

Σκευασία: τὸ ἀλάτιον τοῦ ἁγίου ἀποστόλου Λουκᾶ:

Составъ соли святаго апостола Луки.

Ὑσσώπου κρητικοῦ . .	οὐγγ.—δ.	Иссопа Критскаго	унцовъ.—4.
Γλήχωνος	οὐγγ.—β.	Полея травы . .	унцовъ.—2.
Κυμήνου αἰθιοπικοῦ . .	οὐγγ.—ε.	Кимина Эѳіопскаго	унцовъ.—5.

Ζιγγιβέρεως	οὐγγ.	—α.	Имбиря	унцовъ	—1.
Ἐπιθύμου.	„	—ς.	Епиѳυма. . . .	„	—6.
Ἅλατος ἀμωνιακοῦ . .	„	—ς.	Соли амоніакской.	„	—6.
Ἅμεως	„	—β.	Амея.	„	—2.
Τραγωρυγάνου. . . .	„	—δ.	Трагоригана (душицы)	„	—4.
Μακροπεπέρεως . . .	„	—α.	Длиннаго перца .	„	—1.
Πεπέρεως λευκοῦ. . .	„	—α.	Перца бѣлаго . .	„	—1.
Πεπέρεως κοινοῦ. . .	„	—α.	Перца обыкновеннаго	„	—1.
Κορύμβου	„	—α.	Коримва (Спáржи?)	„	—1.

Ταῦτα ὅλα τρίψας καὶ σείσας, χρῶ καθ' ἑκάστην ἐξ αὐτῶν ἐσθίων ἐμβάπτων τὰς τροφὰς ἁπάσας ἀπό τε κρεῶν καὶ ἰχθύων: †

Все это сотри, просѣй и ежедневно употребляй, посыпая этою солію всякую инщу, мясную и рыбную: †

Дальнѣйшія статьи суть:

— Приготовленія 17 родовъ масла изъ мастихи, миндаля, мирсины, розы, и проч.

—Павла Эгинита изъ седьмой книги съ надписью: „изъ Галена περὶ ἀντιβαλλομένων=*о замѣняемостяхъ*. Поводъ къ написанію этой весьма длинной статьи былъ слѣдующій. Въ Александріи одна женщина была опасно больна. Эгинитъ спросилъ у ней травы Лихниды *). Не нашлась она. Тогда онъ замѣнилъ ее терновнымъ семенемъ и далъ больной. Безъ этой замѣны она погибла бы. По этому случаю нѣкоторые просили Эгинита изложить письменно всѣ *замѣняемости;* и онъ сдѣлалъ это въ алфавитномъ порядкѣ, такъ напримѣръ:

Ἀρχὴ τοῦ Ἅλφα.

Ἀντὶ ἀκανθίου σπέρματος	λυχνίς.
Ἀντὶ ἀρωματικῆς	κάλαμος ἀρωματικός.
Ἀντὶ ἀλόης Ἰνδικῆς	Ἀλόης χλωρᾶς φύλλα,
„ „ „	ἢ κόπρος ἴρεως.
Ἀντὶ ἀσφάλτου	Πίτυς ὑγρὰ, ἢ ῥιτίνη.

— Разные способы лѣчить подаргу, смотря по темпераментамъ, сангвиническому, меланхолическому, флегматическому и холерическому, предложенные опытнѣйшимъ врачемъ Іоанномъ Калоида.

— Πνευματική ἰατρεία — врачевство духовное. Вотъ оно:

Говорили отцы, что нѣкій монахъ, вошедши въ врачебницу, увидѣлъ тутъ многихъ приходящихъ, которые имѣли различныя болѣзни. Каждому изъ нихъ врачъ давалъ лѣкарство. Подошелъ къ нему и монахъ этотъ и привѣтствовалъ его. Врачъ же спросилъ его: зачѣмъ ты, отецъ, пришелъ къ намъ? Монахъ отвѣчалъ ему: есть ли у васъ такая травка, которая исцѣляетъ отъ множества грѣховъ? Есть; сказалъ врачъ и продолжалъ. Поди и возьми корень *духовной нищеты*, и листьевъ *терпѣнія*, и золотой желудь *смиренія*, и индійскій желудь *кротости*, да *молитву* недужнаго; смѣшай и истолки все это въ ступкѣ *послушанія*, просѣй сквозь сито *чистыхъ помысловъ* и вложи въ чистый горнъ *ума твоего*, подлей тутъ воду *любви*, а снизу раздуй пламень *любви къ Богу*, и когда вскипятишь все это достаточно, налей въ ложку *умиленія* и выпей, потомъ уже не возвращайся къ прежнимъ дѣламъ твоимъ во всѣ дни жизни твоей, и питайся только любовію къ Владыкѣ Христу. Тогда лѣкарство это исцѣлитъ тебя отъ множества грѣховъ.

— Павла Эгзинита главнаго врача περὶ καταγμάτων — *о разрывахъ и о причинахъ ихъ* отрывокъ изъ Хирургіи.

Занятія мои въ библіотекѣ Руссика увѣнчаны были новымъ прибыткомъ знанія.

3. ИЗЪ ОБЛАСТИ ЯЗЫКОВѢДѢНІЯ.

Тутъ попалась мнѣ греческая тетрадка, содержащая изъясненіе Египетскихъ іероглифовъ, составленное Оромъ Аполлономъ. Она заинтересовала меня такъ, что я списалъ ее всю сполна. Мѣсто ей дано въ составленомъ мною каталогѣ *наилучшихъ*

руссиковскихъ рукописей. А здѣсь я любопытства ради представляю лишь немногія выдержки изъ нея въ русскомъ переводѣ.

Какъ Египтяне означаютъ царя, уходящаго отъ глупаго человѣка?

Они изображаютъ слона и свинью, потому что слонъ, заслышавъ голосъ свиньи, уходитъ отъ нея.

Какъ означаютъ человѣка, который не ходилъ долго, а потомъ началъ ходить?

Изображаютъ лягушку съ задними ногами, потому что она рождается безногая, и уже выростая выращаетъ изъ себя заднія ноги.

Какъ означаютъ человѣка, отчуждающаго дѣтей своихъ по причинѣ бѣдности?

Изображаютъ коршуна, потому что онъ изъ трехъ яицъ своихъ выбираетъ только одно, а два разбиваетъ, и это онъ дѣлаетъ тогда, когда теряетъ ногти и потому не можетъ кормить трехъ птенцовъ.

Какъ изображаютъ старика, умирающаго отъ голода?

Изображаютъ стараго орла у котораго искривился клювъ въ одну сторону, и который потому не можетъ ничего клевать, и умираетъ отъ голода.

Какъ означаютъ человѣка, охраняющаго себя отъ злаго навѣта враговъ?

Изображаютъ журавля. Ибо журавли сами себя берегутъ, ставя чередныхъ сторожей на каждую ночь.

Какъ означаютъ человѣка обманываемаго лестію?

Изображаютъ елень и дудку человѣка. Ибо она, заслышавъ пріятные звуки ловчихъ, начинаетъ валяться по землѣ отъ удовольствія.

Какъ означаютъ человѣка долговѣчнаго?

Изображаютъ ворона умирающаго. Ибо онъ, по мнѣнію Египтянъ, живетъ сто годовъ: а годъ у нихъ состоитъ изъ четырехъ лѣтъ. Слѣдовательно воронъ живетъ 400 лѣтъ.

Какъ означаютъ женщину, родившую однажды?

Изображаютъ львицу, потому что она дважды не зачинаетъ.

Какъ—человѣка ядущаго?

Рисуютъ крокодила съ отверзтою пастью.

Какъ—человѣка, перенесшаго несчастія безстрашно?

Рисуютъ шкуру гіэны, потому что тотъ, кто обвернетъ себя этою шкурою, пройдетъ среди непріятелей безопасно.

Какъ — человѣка, скрывающаго свои недостатки?

Рисуютъ обезьяну, испускающую мочу свою и заметающую ее.

Какъ — человѣка, который никогда не выходитъ изъ дома своего?

Рисуютъ муравьевъ и крылья нетопыря, потому что ни одинъ муравей не поползетъ, коль скоро на гнѣздо ихъ будутъ положены эти крылья.

Какъ — человѣка слѣпаго?

Въ видѣ крота, не имѣющаго глазъ.

Какъ — дѣтей, которые враждуютъ противъ матерей своихъ?

Въ видѣ ехидны, потому что она рождается, прогрызши чрево матери своей.

Какъ — человѣка таинственнаго, скрытнаго?

Въ видѣ кузнечика, потому что голосъ его выходитъ не изъ устъ, а изъ спины.

Какъ — человѣка, безопасно живущаго въ городѣ?

Въ видѣ орла, держащаго камень въ когтяхъ, потому что онъ изъ моря, или съ земли беретъ камень и кладетъ въ гнѣздо свое, дабы вѣтеръ не снесъ его.

Кого означаютъ, изображая мула?

Женщину безплодную.

Кого означаютъ, написавъ слѣпаго жука?

Человѣка, умершаго отъ солнечнаго удара, потому что жукъ умираетъ, когда ослѣпляетъ его солнце.

Какъ понимать іероглифъ, представляющій растеніе душицу?

Подразумѣвай прогнаніе муравьевъ, потому что гдѣ поло-

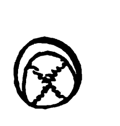
Кого представляетъ голубица черная?

Пожизненную вдову; ибо эта голубица не спознается съ чужимъ самцомъ до издыханія своего.

Запечатанная книга есть іероглифъ древности; лѣстница есть знакъ осады города; ласточка символъ наслѣдства, оставленнаго дѣтямъ; коршунъ съ распростертыми крыльями означаетъ вѣтеръ; человѣкъ, вооруженный и стрѣляющій, представляетъ цѣлый народъ; перстень означаетъ уста человѣка; αἰδοῖον χειρὶ κρατούμενον, σωφροσύνην δηλοῖ ἀνθρώπου; двѣ ноги соединенныя и идущія выражаютъ путь солнца въ зимнихъ тропикахъ, звѣзда напоминаетъ иногда Бога, иногда ночь, иногда душу мущины; два глаза крокодила означаютъ востокъ солнца, потому что въ водѣ не видно это животное, а глаза его видны; змій представляетъ Вседержителя; пчела—народъ, повинующійся царю и проч. и проч. и проч.

Прочитавъ все это, я думалъ—думалъ о происхожденіи Египетскихъ іероглифовъ и надумалъ, что это письмо—не первоначальное, не первобытное, такъ какъ оно предполагаетъ весьма долговременное наблюденіе людей надъ природою, надъ растеніями и животными, и изученіе ихъ свойствъ и инстинктовъ; а письмена, вѣдь, по замѣчанію Плинія, *употреблялись испоконь вѣковъ* aeternus litterarum usus. Названнымъ іероглифамъ должно предшествовать другое, *старшее* письмо, которое подало поводъ къ усовершенствованію ихъ не въ раннее время, когда Египтяне уже хорошо знали ботанику, ихтіологію, зоологію и астрономію. Какое же это *старшее* письмо? Гдѣ оно и какъ изобрѣтено? Было ли оно алфавитное, звуковое? или образное, изобразительное? или то и другое вмѣстѣ? Буквы ли звуковыя напередъ выдуманы, или іероглифы; или букво-іероглифы? Отвѣчать на эти вопросы можно только съ помощію исторіи человѣческаго рода и наидревнѣйшихъ памятниковъ письменности его. Такіе отвѣты выработаны мною; и я излагаю ихъ здѣсь въ краткихъ положеніяхъ съ представленіемъ образчиковъ разнороднаго письма человѣческаго, письма самаго древняго.

Первобытные люди жили на южномъ полушаріи земли и оттуда заходили на полушаріе сѣверное, но не любили его по причинѣ холода и скудости природы. Это высказалъ и Козма Индоплаватель, жившій въ 540 годахъ. Оба полушарія въ первобытное время, по неизвѣстной причинѣ, обледенѣли. Людямъ стало холодно; и они сшили себѣ, какъ говоритъ Моисей, *ризы кожаны* и начали селиться подлѣ горъ огнедышущихъ. а обледенѣніе земли увѣковѣчили вотъ какими письменами:



Зубцы означаютъ ледъ.

Ледъ таялъ и производилъ потопы. Материкъ южнаго полушарія *постепенно* погружался въ океанъ. Но люди спасались и толпами перемѣщались оттуда одни въ Америку, и отсюда черезъ Беринговъ проливъ въ Азію и сѣверную Европу, другіе на Гималайскую возвышенность Азіи и отсюда въ Индію, Персію, Сирію и въ югозападную Европу, иные въ Египетъ, Абиссинію, сѣверную Африку.

Обледенѣніе земнаго шара, житье подлѣ огнедышущихъ горъ, потопы, постепенное погруженіе южнаго метерика въ глубь океана, переселенія, все это, изумившее первобытныхъ людей, оставалось въ ихъ памяти, и *выразилось въ ихъ азбукѣ, изобрѣтенной во время сказаннаго погруженія*. Вотъ эта дивная, прародительская, подсказанная уму природою азбука, извлеченная изъ письменныхъ памятниковъ, Мексиканскихъ и Перуанскихъ.

А. символъ воды соленой. а. глазъ попугая съ точками вокругъ его означаетъ отверзтіе огнедышущей горы и вмѣстѣ бога такихъ горъ. а. Это символъ материка, раздробленнаго въ антильскомъ морѣ.

Б. произносится на Маяйскомъ языкѣ *бат*, и выражаетъ собою мячъ, градины, снѣгъ, жаровню пылающую.

Г-х сія буква съ варіантами ея, изображающая бамбукъ, означаетъ стояніе на ногахъ, прямизну.

Т. т вмѣсто Д, по неимѣнію звука д въ языкѣ Майскомъ. Этотъ буквенный знакъ весьма замѣчателенъ. Одинъ и тотъ же въ Египтѣ и въ Мексикѣ, онъ выражаетъ собою воспоминаніе о первой землѣ, которую люди послѣ потопа заселяли на склонахъ огнедышущей горы. Тутъ внизу видна эта гора: а вверху и на сторонахъ черточками изображены части обитаемой земли. У волкана, у этого очага, отогрѣвались люди, застигнутые обледенѣніемъ земнаго шара. Тутъ же образовалось и средоточіе селенія ихъ, котораго четыре части (кварталы) застраивались снизу вверхъ до конуснаго кратера волкана. А конусъ этотъ служилъ жилищемъ невидимаго божества, издающаго благодѣтельный огонь, жертвенникомъ священнаго, спасительнаго огня, и назывался Θεοχάλλι *), что значитъ: калива, жилище Бога. Буква Т, изображаемая вотъ такъ, есть эмблема благоустроеннаго, *четыречастнаго* города. Четверочастными городами были Римъ, Roma quadrata, Вавилонъ. У насъ Кремли въ Москвѣ и въ другихъ городахъ устроились по тому же наидревнѣйшему преданію, по которому устроялись сейчасъ названные города. Это—средоточія жизни народной, жизни вѣровой, нравственной, хозяйственной, охранно-военной, огненной, вѣчевой.

Е. эта *буква знакъ*—замѣчательна такъ же, какъ и предъидущая. На Мексиканскомъ языкѣ она означаетъ счетъ *три*, каковый счетъ и написанъ въ ней тремя точками; означаетъ также *три вершины* высочайшихъ горъ, выказывавшіяся, какъ три зуба земли, во время потопа. У этихъ вершинъ основывались жилища людскія. Посему въ азбукахъ трисоставною

буквою Е. Е. э. е. начинаются глаголы, выражающіе житье, быть, существованіе. est, ἐςί, ἐστία, есть.

З. С. Это перо на чашѣ означаетъ внутри земли газъ, пылъ, паръ и свистъ его, подобно тому, какъ и буквы З. С. соотвѣтствуютъ свистящимъ звукамъ нашихъ устъ.

I. сія буква на языкѣ Маяйскомъ изображаетъ зародышъ женщины, такъ же младенца, внука, отрасль изъ земли, а на языкѣ Гаитійскомъ означаетъ жизнь, дѣятельность внутреннюю и внѣшнюю, первоначально же—выпуклости острововъ, возвышающіяся надъ водою.

Ка челюсть съ зубами. Это малые Антильскіе острова, представляющіе собою видъ дугообразный. Но вотъ замѣчательнѣйшій варіантъ сей буквы Это—сіи же острова съ съ ихъ волканами, служившіе морскимъ перепутьемъ для племенъ, переплывавшихъ въ галерахъ въ Америку и Индію во время южноокеаннаго потопа. Эта буква напоминаетъ устройство старинной галеры, которой фигура, -- замѣтьте, — часто встрѣчается вырѣзанная на утесахъ Скандинавіи. Значитъ: въ эту страну люди приплыли изъ Америки и Океаніи, которая и есть vagina gentium, а не Скандинавія.

Ке Эта пасть съ зубами означаетъ горныя высоты, выказывающіяся на поверхности морей, кои Маяйцы сравниваютъ съ зубами и называютъ ихъ *ко ако*—зубы. А вѣдь въ самомъ дѣлѣ остроголовые холмы и горы походятъ на зубы. Земля холмистая,—земля зубастая!

Ку exprime les parties secrètes de la femme, вообще обозначаетъ все скрытое, тайное, ученое. Полудуга направо напоминаетъ видъ Антильскаго моря, явившагося вслѣдствіе вол-

каническихъ проваловъ; крестъ въ этой полудугѣ, или чашкѣ, означаетъ разсѣданіе земли; а на лѣво кружокъ съ точками есть волканъ.

Ку Это—птичье гнѣздо съ яйцами; это—три яйца въ гнѣздѣ и вмѣстѣ эмблемма божества, придуманная по поводу растаявшаго льда. Такъ какъ на малыхъ Антиллахъ три волкана проторглись сквозь ледъ, и такъ какъ во кругъ ихъ основались жилища людскія, то поселившіеся тутъ люди, будучи движимы чувствомъ благодарности, признали въ этихъ волканахъ три вмѣстилища трехъ благодѣтельныхъ божествъ, и эти вмѣстилища изобразили тремя яйцамми въ гнѣздѣ.

Кі Это—глаза мертваго съ опущенными рѣсницами, и внизу голова кошки, тигра, или шакала, которые часто кричатъ и потому служатъ символомъ шумящей волны моря.

Ла Ло Лу Эта гусеница и голова *личинки* выражаетъ длину, движеніе, плодородіе земли.

Ли Ле Это—праща съ камешкомъ; это—петля, которую накидываютъ на то, что хотятъ поймать. Сею буквою пишутся Слова *лепп*—схватывать, *лих*—крюкъ, *лемба*—молнія поражающая.

М. Это—обликъ Антильскаго моря, и эмблемма земли, увлаженной водою.

Н. сею буквою начинаются слова, выражающія все

—умъ, мудрость, *наби*—пророкъ, помазанникъ, *нак*—вѣнецъ царя, *нах*—справедливый, равный, *ниб*—благость, *ник*—благополучіе, *нох*—величіе, *нук*—основаніе. Эта буква, какъ бы *змій,* есть подобіе малыхъ Антильскихъ острововъ, изъ которыхъ каждый закругленъ супротивъ Океана, и потому послужилъ убѣжищемъ для людей, спасавшихся отъ потопа. Замѣчательно, что и въ Египетскихъ іероглифахъ знакъ ставился на коронѣ жрецовъ и царей; а у католическихъ епископовъ на сей знакъ походитъ верхъ пастырскаго жезла ихъ.

О. Это образъ волкана съ коническою вершиною во время горѣнія его.

о А это—подобіе волкана, уже угаснаго послѣ многоярусна го наслоенія его.

П. Эта голова лютаго звѣря съ пѣною у рта, означенною точками, есть символъ волканическаго дѣйствія въ нѣдрахъ земли.

Пп. двойное Эта буква и ея варіанты показываютъ, что труба волкана открыта и готова выбросить пламя.

Сею буквою начинается множество словъ въ Маяйскомъ языкѣ, кои всѣ выражаютъ разверстіе, разсѣченіе, растираніе, насильственное движеніе; напримѣръ *па* открыть насильно, *пех* разсѣчь, *пез* отрубить, *пул* катить стремительно.

४ по маяйски *ик* пославянски *ик* выражаетъ пламень на жертвенникѣ, огонь въ горнцѣ.

У. Это—чаша, бассейнъ, нашейный уборъ.

Эта буква надъ изображеніемъ горшка весьма знаменательна. Горшокъ означаетъ бассейнъ Антильскаго моря, двѣ ножки его о о, напоминаютъ волканическіе конусы, а покрышка съ перьями и шпилемъ изображаютъ землю и испаренія съ дымомъ. Весь этотъ іероглифъ читается такъ: *ооб-а-у каан ах-бу-хо-хо,* то есть „выпуклины морскаго бассейна, извергая пары и дымъ, приподняли землю“.

У. Этотъ варіантъ буквы, у, очень рѣдко встрѣчается и употребляется для выраженія скучиванія, свиванія, оборота.

Х. Это — голова чудовища, у котораго изъ пасти выходитъ дыханіе, означенное точками. Сею буквою въ Маяйскомъ языкѣ начинаются многія слова, выражающія движеніе, текучесть, живучесть, напримѣръ *ханунъ* посылать, *хе* изрыгать, *хех* сѣмя, *хибил* течь, разливаться, *хіітал* брызгать.

Ш. Это кисть руки. Слова, начинающіяся сею буквою, выражаютъ хватаніе, несеніе, рѣзаніе руками; напр. *шаш* горсть травы или волосъ, *шуук* схватить, достать, *ша* брать, получать, принесть; *шак* рѣзать сильно.

Кончена Мексикано-Перуанская азбука. Всякій, присмотрѣвшись къ ней, убѣдится, что она внушена уму природою, и внушена еще тогда и тамъ, когда и гдѣ земля наша переработывалась. Слѣдовательно, эта азбука есть самая древняя, прапрапращурская, первоначальная, современная потопному перевороту южнаго материка. Смѣло думаю, что она изобрѣтена была кѣмъ-то изъ племени Адамова сына Сиѳа, которому книжная древность усвояетъ начертаніе письменъ.

Первый изобрѣтатель сей азбуки, буквенной и вмѣстѣ образной, іероглифической, *подалъ другимъ умникамъ поводъ выдумывать н о в ы я* письмена; и одни изъ нихъ выдумали и составили азбуки *буквенныя*, а другіе *образныя*. Въ разрядъ азбукъ

первыхъ входятъ азбуки: Ассирійская клинообразная, лучше бы *перстообразная*, потому что счетъ по пальцамъ, я думаю, далъ поводъ выражать мысли и слова разнообразными перстоположеніями и вверхъ и внизъ, и стоймя и плашмя, и разными приставками перстовъ одного къ другому, и наставками ихъ одного надъ другимъ, какъ это дѣлаютъ глухонѣмые, напр.

А. Б. Г.

— Финикійская, Сирійская, Синайская, Пальмиро-Набатейская, Самарянская,—всѣ змѣеобразныя подобныя одна другой *); τὰ δι' ὄφεων γράμματα.

Египетская димотическая, буквенная; напримѣръ:

Особый разрядъ азбуки *изобразительной* составляетъ азбука египетская, іероглифическая. Въ ней—немало іероглифовъ весьма схожихъ съ Мексикано-Перуанскими; напримѣръ: зубъ. земля. бассейнъ. яйцо. носъ. кисть руки. горшокъ, горнъ. uraeus. городъ. зданіе. жертвенникъ. пастырскій жезлъ. узелъ.

Посему эта азбука есть самая старшая послѣ новосообщенной мною азбуки прапращурской, даже современная ей, но впослѣдствіи дополненная уже въ Египтѣ послѣ достаточнаго знакомства съ Ботаникою, Ихтіологіею и Зоологіею.

Финикійская азбука есть праматерь азбукъ грекоіонійской, Етрурійской, Латинской и церковнославянской. Что касается до

*) Смотри образчики ихъ въ моемъ Сочиненіи: Письмена Кинея Манаѳы на Синайск. утесахъ. С. П. Б. 1857 года.—Письмена Набатейскія нимало не отличаются отъ Синайскихъ.

письменъ такъ называемыхъ глаголическихъ, то я имѣю свое особенное понятіе о нихъ. Глаголитская азбука, по мнѣнію моему, весьма древна. Въ ней нѣкоторыя буквы, на мой взглядъ, передѣланы изъ Маяйскихъ, а нѣкоторыя изъ Зендскихъ. Сличайте:

Зендскія.	Глаголитскія.	Наши.
		Азъ.
		Буки.
		Есть.
		Рцы.
		Слово.
		Твердо.

Маяйскія.	Глаголитскія.	Наши.
		Есть.
		Како.
		Мыслете.
		Нашъ.
		Онъ.
		Фертъ.
		Икъ.
		Ша.

Въ глаголической азбукѣ многія буквы смотрятъ влѣво; напримѣръ: Ⰳ глаголь. Ⰵ есть. Ⰸ земля. Ⱗ ѥ. Ⰽ како. Ⱁ онъ. Ⱆ у. Ⱌ цы. Ⱙ юсъ. Ⱔ ѧ. Ⱛ ѵжица. Такая постановка ихъ доказываетъ, что глаголическая грамота первоначально читалась отъ правой руки къ лѣвой, и слѣдовательно выдумана въ Азіи. Это—грамота тѣхъ Р°ссовъ, которые, принадлежа къ наидревнѣйшему племени Арійскому, въ самое отдаленное отъ насъ время составляли звѣно среднее между Арійцами—Славянами и Мидо-Персами—Арійцами же. Славяне изъ Азіи съ высочайшей равнины Памира (Аріана Ваеджо) перешли на берега Волги, Дона, Днѣпра, Дуная и т. далѣе, а Р°ссы поселились на лѣвомъ берегу извѣстной рѣки Тигра, на сѣверѣ отъ Сузіаны. Отсюда они ходили на службу къ царямъ Іудейскимъ, подъ именемъ ΡΑΣΕΙΜ, и въ 883 году до Р. Х., какъ царскіе тѣлохранители, спасли седмилѣтняго царевича Іоаса отъ злости Гоѳоліи (4 царст. XI, 4 исл. *). Тамъ ихъ зналъ пророкъ Іезекіиль (гл. 38, 2. 3.—гл. 39.) Тамъ утѣснялъ ихъ и сосѣдей ихъ Мосховъ и Куевовъ (Кіевлянъ азійскихъ) Ассирійскій царь Саргонъ (718—704 года до Р. Х.) **). Оттуда они, не терпя ассирійскаго ига,

---

*) Ἐν ἔτει τῷ ἑβδόμῳ ἀπέστειλεν Ἰωδαὲ καὶ ἔλαβε τοὺς ἑκατοντάρχους, τὸν Χορρεὶ καὶ τὸν ΡΑΣΕΙΜ, καὶ ἀπήγαγεν αὐτοὺς πρὸς αὐτὸν εἰς οἶκον Κυρίου καὶ διέθετο αὐτοῖς διαθήκην Κυρίου, καὶ ὥρκισεν αὐτούς, καὶ ἔδειξεν αὐτοῖς τὸν υἱὸν τοῦ βασιλέως... Καὶ ἔλαβε τοὺς ἑκατοντάρχους καὶ τὸν Χορρεὶ καὶ τὸν ΡΑΣΕΙΜ, καὶ κατήγαγον τὸν βασιλέα ἐξ οἴκου Κυρίου.. καὶ ἐκάθισεν αὐτὸν ἐπὶ θρόνου τῶν βασιλέων... Υἱὸς ἑπτὰ ἐτῶν Ἰωὰς ἐν τῷ βασιλεύειν αὐτόν...

**) Les inscriptions de Khorsabad interpretées par J. Oppert. Paris 1870. Inscription des annales de Sargon.—«Voici ce que j'ai fait jusqu'à la 15 année de mon règne... A partir du pays de Ras dans la province d'Elam, les tribus de Poukoud, Tamoun... jusqu'au fleuve de Mousri (Egypte), de la Phenicie, la Syrie, tout cela me donnait des tribus... Ma main puissante s'étendit.... jusqu'aux Moschiens... Dans la 7-me année j'occupai les villes de Harroua et d'Ousnami du pays de Koui, que Mita roi des Moschiens avait usurpées.... Je secourus Mita, roi des Moschiens dans les districts de son royaume... mais les places fortes de Harroua et d'Ousnami, du pays de Koue, qui avaient appartenu aux hommes de ce pays depuis des temps immemoriaux, je les lui ai restituées... Ibidem. Inscriptions des toureaux de Khorsabad.»—«Sargon roi d'Assyrie... chassa Mita, roi des Moschiens, changea en champs les citadelles de Koue... Il attaqua Ras...—

ушли, одни, къ родичамъ своимъ Славянамъ на берега Волги, Дона, Чернаго моря и Днѣпра, а съ Сербами зашли и въ Далмацію, другіе же чрезъ малую Азію отправились въ Италію, гдѣ извѣстны были въ исторіи подъ именемъ, Расе́новъ, *) (они же и Етруски), по изгнаніи же изъ Италіи перешли на берега Эльбы, Одера и далѣе къ сѣверу, а отсюда какъ варяги —*товарищи, союзники*, призваны были братьями ихъ Волжскими и Черноморскими Россами въ Новгородъ. Эти Рассы дали имя свое Волгѣ, ΡΑΣ;и оно значится на картѣ географа Птоломея. Эти Рассы всюду занесли свою наидревнѣйшую азбуку глаголитскую. Въ нашемъ Таврическомъ Херсонесѣ они имѣли свой торговый домъ; и тутъ св. Кириллъ, апостолъ славянскій, видѣлъ Псалтирь и Евангеліе, написанныя русскими, т. е. глаголитскими буквами, и заимствовалъ для славянской азбуки глаголическія буквы ж. ч. ш. щ. ъ. ы. ь.

О Р°ссахъ и ихъ глаголицѣ я буду говорить *классически* въ исторіи Аѳона, а здѣсь спѣшу досказать кое-что объ Аѳонорусикѣ.

Въ архивѣ сего монастыря хранится болѣе 80 старинныхъ дѣеписаній на языкахъ греческомъ, сербскомъ, молдавскомъ, русскомъ и Турецкомъ. Онѣ начинаются съ 1030 года, но между ними нѣтъ никакой записи о первоначальномъ водвореніи *нашихъ земляковъ* въ Аѳоноксилургійской обители; нѣтъ и хрисовула или приказа царя Алексѣя Комнина (1080—1114 г.) о передачѣ имъ святогорскаго монастыря св. Пантелеимона: каковый хрисовулъ, или приказъ зналъ игуменъ Ѳеодоритъ, составившій весьма дѣльное описаніе Аѳона. (1805—1817 г.). Должно быть: архихъ Руссика не полонъ, растерянъ. Изъ уцѣлѣвшихъ же въ немъ актовъ видно, что этотъ монастырь съ 1169 года по 1705-й принадлежалъ монахамъ сербскимъ, которыхъ игумены подъ дѣлами Про-

---

*) Dionys. Halicarnass. L. I. pag. 24. Lipsiae. 1691.—Αὐτὸι (Ἐτρούσκοι) μέντοι σφᾶς αὐτοὺς ἀπὸ τῶν ἡγεμόνων τινὸς ΡΑΣΕΝΑ τὸν αὐτὸν ἐκείνῳ τροπον ὀνομάζουσι; т. е. а сами они

тата всегда подписывались по Сербски: *игуменъ Рушкій* имркъ. А въ 1705 году всѣ святогорскіе отцы, по благословенію вселенскаго патріарха Гавріила, рѣшили, чтобы между всѣми греческими и болгарскими монастырями на Аѳонѣ былъ *одинъ Русскій*, и передали его русскому архимандриту Варлааму, который и назвалъ его *Новорусскимъ*. Это свѣдѣніе извлечено мною изъ предисловія къ Помяннику, точнѣе къ сборной книгѣ, сочиненнаго симъ Варлаамомъ, который съ этою книгою самъ лично собиралъ подаянія въ Москвѣ, Кіевѣ, Черниговѣ, Смоленскѣ и во многихъ городахъ западной Россіи. Вотъ замѣчательныя мѣста въ этомъ предисловіи: „Есть убо и доднесь на превысокой до небеси досязающей Аѳонской горѣ дивнаго подобія монастырь, иже отъ древнихъ лѣтъ бѣ Русскій подъ именемъ св. великомученика и цѣлебника Пантелеимона. О семъ азъ и многая братія совершенно разсуждающи, много его ради поболѣхомъ, яко не бѣ ему *свойственнаго* благодѣтеля и Ктитора, дабы былъ по чину церковному украшенъ, яко же и прочіи монастыри святогорски украшаются. Се, чудо дивно и велико, яко многи милостивіи христіане отъ самаго основанія любезно творятъ церкви новыя: сего же точію обновити никто необрѣташеся, или чрезъ толь долгое время боголюбивымъ православнымъ церкви сыномъ не бѣ вѣдомо, яко никто о ея нестроеніи ни мало не поскорбѣ. Мы же вѣруемъ сему: иже кто радуется о пространствѣ церковномъ, поболѣлъ бы и о великомъ утѣсненіи оной, и моглъ бы своимъ промысломъ и милостію пособствовати. Се бо не помнозѣхъ временехъ ветхости ради въ великомъ нестроеніи стоялъ, отъ всѣхъ вещей монастырскихъ зѣло оскудѣ, всего церковнаго украшенія обнажися, *и мало не бѣ вертепъ разбойникомъ, торжище продающихъ и купующихъ*... Православніи! Не укоризна ли дому Божію, яко честнѣйшій много и славнѣйшій прежде бысть надъ всѣ Аѳонскія горы монастырѣ, но се, *самое пространное различныхъ птицъ* и звѣрей не помнозѣ жилище бяше..: И кто сіе отъ вѣрныхъ можетъ стерпѣти? Но *днесь*, слава Богу, паки велімъ божіимъ промышленіемъ начинаетъ обно-

влятися... *Понеже всѣ святогорскіе Отцы совѣтовавше съ собою за высокимъ благословеніемъ святѣйшаго господина* Кѵр *Гавріила патріарха Цареградскаго, избраша единому быти, между всѣми греческими и болгарскими монастырями, русскимъ, дабы* отвсюду приходящіи странники при немъ, хотящіи тамо (на Аѳонѣ) бытя, сопребываніе имѣли.

На обновленіе и огражденіе сего монастыря, и ради дани, юже Скѵѳомъ коегождо лѣта отдаемъ должно, и всякаго оскудѣнія монастырскаго (ради), молю азъ всесмиренно Варлаамъ, убѣжденный быти недостойнымъ архимандритою, съ всею о Христѣ *новоизбранною* своею братіею всѣхъ великородныхъ . . . православныхъ христіанъ милостыню подати . . . сію растворенную представляю книгу, да всѣ въ ней своя имена вписати вожделѣете. Сія книга есть книга живота вѣчнаго.

Сборъ продолжался въ Россіи до 1722 года. Но странно! Въ сборной книгѣ записаны только имена доброхотныхъ дателей, Стефана и Максима Сухозагнѣтовъ, пана Алексѣя Михайловича Турянскаго, судіи войска запорожскаго Енеральнаго, Неплюева, Головкина, Ѳихатьева, Строгонова, Квѣтки полковника Харьковскаго, и другихъ: а денежныя подаянія всѣхъ ихъ не прописаны, а только въ кинцѣ книги есть какой-то глухой счетъ: 100, 200, 100, 115, 72, 22, 40, 40, 30, 10, 26, всего 875 рублей.

Но напрасны были труды отца Варлаама! Въ 1726 году нашъ Барскій засталъ въ Руссикѣ только четырехъ монаховъ, *„два отъ Русовъ и два отъ Болгаровъ: игуменъ болгаринъ бяше“*. А въ 1744 году онъ не нашелъ тамъ ни одного русскаго инока.

„Се, чудо дивно и велико, яко многи милостивіи христіане отъ самаго основанія любезно творятъ церкви новыя: точію *Новоруссика* этого жилища птицъ и звѣрей обновити никто не обрѣташеся“.

Этими словами о. Варлаама заключаю свое слово объ архивѣ Аѳоно-руской обители, который,—Богъ дастъ,—цѣликомъ будетъ помѣщенъ въ историческомъ сказаніи о ней, какъ оправ-

Не блистатетьна была судьба Руссика во все прошлое время существованія его. Не завидно и настоящее состояніе его.

Всѣхъ монашествующихъ въ немъ Грековъ и Русскихъ 150.

Всѣхъ келлій въ околоткѣ его семь: двѣ на Кареѣ съ церквицами, Козмодаміановская въ лѣсной чащѣ на горѣ *), Амвросіева на выси горнаго отрога въ виду Руссика, Всесвятская въ концѣ овощнаго огорода подлѣ сего монастыря, Георгіевская близъ Ксенофскаго скита, и еще одна.

Имѣнія его на *самомъ Аѳонѣ*—каштановый лѣсъ по дорогѣ въ Карею, и садъ съ пашнею въ мѣстности, называемой Хромица и находящейся ниже чела Мегали-Виглы; на *Каламаріи* благоустроенный метохъ съ пахатною землею; *на полуостровѣ Кассандрскомъ*—пашня и двѣ водяныя мельницы. Вотъ и все богатство! Но не о единомъ хлѣбѣ живъ будетъ человѣкъ, а о словѣ Божіемъ!

На Аѳонѣ монахи ѣдятъ мало, а больше поютъ да читаютъ въ церквахъ. Тамъ и я не заботился о пищѣ и питіи. Что подавали, то и вкушалъ, да и того понемногу. За то умственнаго брашна тамъ вдоволь! Насытился я имъ въ Руссикѣ: а какая роскошь ждетъ меня впереди! Самая вождѣленная. Гдѣже послѣ Руссика, насладиться мнѣ духовною трапезою прежде прочихъ монастырей? Въ Лаврѣ св. Аѳанасія аѳонскаго! Хорошо. Ѣду туда. Господи, благослови мой путь, *и приложи къ нему мой умъ*.

IV

ПОѢЗДКА ВЪ ЛАВРУ СВ. АѲАНАСІЯ.

Сентябрь.

1. Суббота.—Сегодня утромъ я съ домочадцами своими, Иваномъ и Михаиломъ, отправился въ эту Лавру и весь путь свой

*) Тутъ жилъ извѣстный въ нашей паломнической литературѣ Святогорецъ Серафимъ. Онъ на стѣнѣ у своей кровати изобразилъ покойную попадью свою въ ростъ въ

чертилъ на бумагѣ съ обозначеніемъ на ней даже часовъ ѣзды своей. На той горной плоскости, на которой стоитъ старый Руссикъ, тропа наша у высокихъ торчащихъ тутъ камней поворотила насъ направо, и повела сперва по равнинѣ чрезъ дубовый лѣсъ, откуда хорошо видѣнъ Св. верхъ Аѳона, потомъ по мѣстности Анапавсія, принадлежащей Ксиропотамскому монастырю, и взвела на самый хребетъ Аѳона. Два часа мы ѣхали отъ Руссика до сего хребта. На немъ водруженъ деревянный крестъ, какъ пограничный знакъ владѣнія названнаго монастыря. Отъ сего креста дорожка пролегаетъ по самому хребту св. горы. Онъ узокъ и ровенъ. Съ него ясно видны оба залива морскіе, Стримонскій и Сингитскій, и обѣ стороны Аѳона. Шагая тутъ на чужихъ ногахъ, я любовался то моремъ, то Аѳономъ, и посматривая на обоихъ, по сочетанію понятій, вспоминалъ разныя разности классическія:

Въ минуты проѣзда чрезъ дубовый лѣсъ: Тѣ древніе Еллины, которые по бѣдности своей не могли воспитывать новорожденное дитя свое, клали его въ дупло дуба, или у каменистой скалы: а кто бралъ его оттуда къ себѣ тотъ говорилъ: „сей младенецъ родился отъ дуба или отъ камня“. Послѣ сего понятенъ вопросъ Пенелопы Одиссею: ἀλλὰ καὶ ὧς μοι εἰπὲ τεὸν γένος, ὁππόθεν ἐσσί· οὐ γὰρ ἀπὸ δρυὸς ἐσσι παλαιφάτου, οὐδ᾽ ἀπὸ πέτρης: (Ομηρος. τ. 162) *Но повѣдай мнѣ родъ твой: откуда ты? Ибо ты происходишь не отъ дуба прорицательнаго и не отъ камня.*— Въ Ѳессаліи былъ знаменитый дубъ Додонскій, по шуму котораго жрецы Додонскаго Зевеса угадывали и предсказывали волю божію. Этотъ дубъ предвозвѣстилъ Одиссею возвращеніе въ Иѳаку. (Ὅμηρ. ξ. 327. τ. 296). У Ѳеокрита, въ 7-й Идилліи его дубы оплакивали пастушка Дафниса, влюбленнаго въ Ксенею, когда онъ грустный блуждалъ по горамъ, и таялъ, какъ снѣгъ таетъ на Аѳонѣ.

одной рубашкѣ съ распущенными волосами. Ему замѣтили, что это не хорошо. Тогда онъ

Τίτυρος ἐγγύθεν ᾀσει·
Ὡς πόκα, τὰς Ξενέας ἠράσσατο Δάφνις ὁ βώτας,
Χ' ὡς ὄρος ἀμφεπολεῖτο, καὶ ὡς δρύες αὐτὸν ἐθρήνευν
Εὔτε χιὼν ὥς τις κατετάκετο μακρὸν ὑφ' Αἷμον
Ἢ Ἄθω....

При взглядѣ на море:—У Омира море называется θάλασσα, πέλαγος, πόντος, λίμνη.

Θαλασσα у него означаетъ море, какъ часть вселенной, наравнѣ съ землею и небомъ, кои составляютъ вселенную. Такъ у сего поэта Вулканъ вычеканилъ на щитѣ Ахиллеса землю, небо и море:—Σ. 483. ἐν μέν γαῖαν ἔτευξ', ἐν δ' οὐρανόν, ἐν δὲ θάλασσαν.

Πελαγος — море пространное, открытое, котораго берега не видны, и на которомъ вѣтры носятся туда и сюда: Е. 328. ὥς τὴν ἄμ πέλαγος ἄνεμοι φέρον ἔνθα καὶ ἔνθα.

Ποντος — море весьма глубокое и стоящее выше другихъ морей. Таково наше Черное море, которое классически называется Понтъ Евксинскій.

Λιμνη — озеро и море у скалистыхъ береговъ, гдѣ находятся подводныя пещеры. Таково море у острововъ Тенедоса и Имвроса на пути къ Аѳону.—Ν. 32. ἔστι δέ τι σπέος εὐρὺ βαθείης βένθεσι λίμνης μεσσηγὺς Τενέδοιο καὶ Ἴμβρου παιπαλοέσσης. — Таковъ Торонскій заливъ Эгейскаго моря вблизи Аѳона и у Кассандрскаго полуострова. Тутъ богъ морей Посидонъ для морскаго же бога Протея, владѣвшаго и Торонскимъ заливомъ, устроилъ подъ моремъ пещеры и сухой проходъ отъ Кассандры до Египта: намекъ на эпоху, когда не было средиземнаго моря, и когда отъ Аѳона до Египта простиралась безводная земля. (Ἑλληνικὸν Πάνθεον. Πέστη. 1812. σελ. 10⁸/₉).

При взглядѣ на Аѳонъ. Пресловутые Аргонавты, тѣ, которые плавали въ нашу Колхиду за золотымъ руномъ, ночью проплыли мимо береговъ Кассандрскаго полуострова. *а на зарѣ*

было въ 1292 году до рождества Христова. Съ той поры до нашихъ дней (1845 г.) прошли три тысячи сто тридцать семь лѣтъ: а Аѳонъ и теперь еще лѣсистъ. Лѣса его съ высокаго хребта, гдѣ я ѣхалъ, казались мнѣ кудрями: а классическая память моя честила покрытые деревами холмы и отроги сей горы Омировскимъ изреченіемъ: A. 157. οὔρεα σκιόεντα—*горы пріосѣненныя*.

Полтора часа я ѣхалъ по хребту Аѳона отъ вышеупомянутаго креста Ксиропотамскаго до спуска въ Филоѳеевъ монастырь, извивающагося по крутоярому отрогу горы, а спускался туда по этому отрогу еще полтора часа, то пѣшкомъ, то на мулѣ. На половинѣ спуска стояла одинокая келья какого-то отшельника, а у кельи волъ съ большими рогами жевалъ зрѣлые каштаны. Ниже кельи глубился Милопотамскій потокъ, прорывшій себѣ русло въ каменной горѣ, и стремился къ морю. Надъ нимъ водруженъ былъ деревянный мостъ топорной работы. Черезъ него переправился поѣздъ мой и скоро доѣхалъ до Филоѳеевской обители, гдѣ и остановился на ночлегъ.

2. Воскресенье.—Ночью мнѣ тяжело было отъ того, что воздухъ въ кельѣ моей пропитанъ былъ зловоніемъ отъ какой-то вяленой, или сушеной рыбы, наваленной въ сосѣдней клѣти. Я дремалъ, но не спалъ, и радъ, очень радъ былъ, когда мнѣ сказали, что мулы одни навьючены, а другіе осѣдланы, и ожидаютъ насъ за воротами монастыря. Туда проводилъ меня главный проэстосъ огреченный Болгаринъ, отлично знавшій славянскую брань, которая не печатается. Тамъ я сѣлъ на своего чернаго мула, и поѣхалъ въ Лавру, замѣтивъ на часахъ своихъ начало девятаго часа дня.

Отъ Филоѳеевской обители покатистая стезя привела поѣздъ мой къ самымъ воротамъ монастыря Каракальскаго, въ который я не заходилъ, а отсюда повела насъ выше и выше до верховья Каракальскаго потока. Перешагнувъ сей потокъ, мы ѣхали нѣсколько минутъ поперекъ мѣстности, называемой Прова́та, и принадлежащей

рому отрогу горы, спускаясь ниже и ниже въ прямомъ направленіи къ морю. Этотъ спускъ многоизвилистъ и необыкновенно труденъ. Тутъ я не могъ держаться на мулѣ и шелъ пѣшкомъ, обливаясь своимъ потомъ. Наконецъ стропотная стезя свела меня въ глубь узкаго и мрачнаго ущелія, по которому течетъ мутная вода безъименная. Надъ нею виситъ мостикъ самой невзрачной работы. По минованіи ущелія опять надлежало то спускаться, то подниматься, и опять спускаться, по отвѣснымъ краямъ инаго горнаго отрога, до потока Морфинскаго. Этотъ потокъ составляетъ сѣверовосточную границу Проваты, о которой начинаю особую рѣчь.

Проватою называется горная пажитная мѣстность, лежащая между потоками, Каракальскимъ и Морфинскимъ. Она наклонна къ морю. Греческое названіе ея, которому въ нашемъ языкѣ соотвѣтствуетъ слово, *Овчарня*, доказываетъ, что тутъ, до появленія монашества на Аѳонѣ, была слобода съ торгомъ овцами. Подобныя слободы съ онымъ названіемъ существовали и въ другихъ мѣстахъ Византійскаго царства; напримѣръ, подлѣ Солуня въ восьми стадіяхъ на сѣверовостокѣ отъ сего города (Georg. Acropolit. hist. c. 4), и въ области митрополита Адріанопольскаго, подъ священноначаліемъ котораго состоялъ епископъ Проватскій, ὁ Προβάτου, числившійся седьмымъ въ спискѣ епархій, составленномъ при царѣ Львѣ мудромъ. На Аѳонской Проватѣ находится нѣсколько монашескихъ келлій. Эту Провату въ въ 1772 году называли великимъ Скитомъ *), но едва ли правильно. Ибо тамъ ни тогда не было, ни теперь нѣтъ общаго для скитниковъ Киріакона (церкви), который по уставу Скитскому долженъ быть неотмѣнно.

Провата осталась за нами, а передъ нами высилась и долинилась особенная мѣстность, по которой протекаютъ четыре рѣчки, Морфино, Куфо, большая Вела и малая Вела, получая

*) Προσκυνητάριον τῆς ἁγ. Λαύρας τοῦ ἁγ. Ἀθανασίου τοῦ ἐν τῷ Ἄθῳ, παρὰ Μακαρίου Κυδώνεως τοῦ Τριγώνη. 1772. Ἐν Ἐτίησιν. σελ. 44. ....„εἶναι σκήτη μεγαλη, Προβάτα καλουμένη, καὶ εἶναι κελλία ὅμοια μετὰ ἄλλα λς΄...

свои воды изъ-подъ малаго Аѳона и Антіаѳона. Эта мѣстность замѣчательна, вопервыхъ, многоводностію никогда не изсякающею, во вторыхъ, своимъ вгибомъ во внутрь материка Аѳонскаго, въ 3-хъ, малоподъемностію тамошнихъ паралельныхъ долинъ, тянущихся отъ моря почти до самаго хребетнаго остова горы Аѳонской, который если бы вы прорыли тутъ насквозь, то высочайшую толщу Аѳона сдѣлали бы островомъ; въ 4-хъ, на этой мѣстности, которую я назвалъ бы *Малоаѳонье*, находится много Лаврскихъ наемныхъ келлій, построенныхъ въ розсыпь, какъ усадьбы, и кромѣ ихъ—уединенный скитъ, принадлежащій Аѳонопавловскому монастырю, прозываемый Лаккосъ; наконецъ тамъ, на прибрежномъ пути въ Лавру, занимаютъ васъ двѣ миѳологическія старины, о которыхъ нельзя не поговорить съ удовольствіемъ классика.

Какъ только спустишься съ Проваты на мостъ, раскинутый надъ Морфинскимъ потокомъ, тотчасъ увидишь направо отъ дороги, въ близкомъ разстояніи отъ нея, каменную башню (Πυργος), одиноко высящуюся на красивомъ холмѣ. Это мѣсто весьма живописно. Его называютъ Морфино. О немъ нашъ незабвенный Барскій передалъ вотъ какое сказаніе: „Въ двухъ часахъ пути отъ лавры обрѣтается Пиргъ, си есть столпъ мурованный еще древними лѣты, егда тамо міръ жительствоваше, создася же, яко же повѣствуютъ, отъ нѣкоего царя или вельможи ради *упокоенія* дщери своей, именуемой *Морфину*, *яже тамо многими лѣты безмолвствоваше*, увеселяяся красотою мѣста; ибо стоитъ на холмѣ зѣло красномъ недалече отъ моря, яко на выстрѣленіе изъ лука. При томъ же столпѣ послѣди отъ иноковъ созданъ есть храмъ святаго великомученика Георгія съ келліею въ безмолвіи хотящимъ жительствовати. Низу же столпа и холма въ юдолѣ течетъ малая рѣка, и мостъ древянъ устроенъ ради прехожденія; — на самомъ же приморіи мельница, келлія и виноградъ великій монастырскій. Мѣсто же оное речется *Столпъ красоты*, или отъ имени предреченной дѣвы, или отъ естественной красоты мѣста“. (Путешест. Ч. II. стр. 547/8 1744 года).

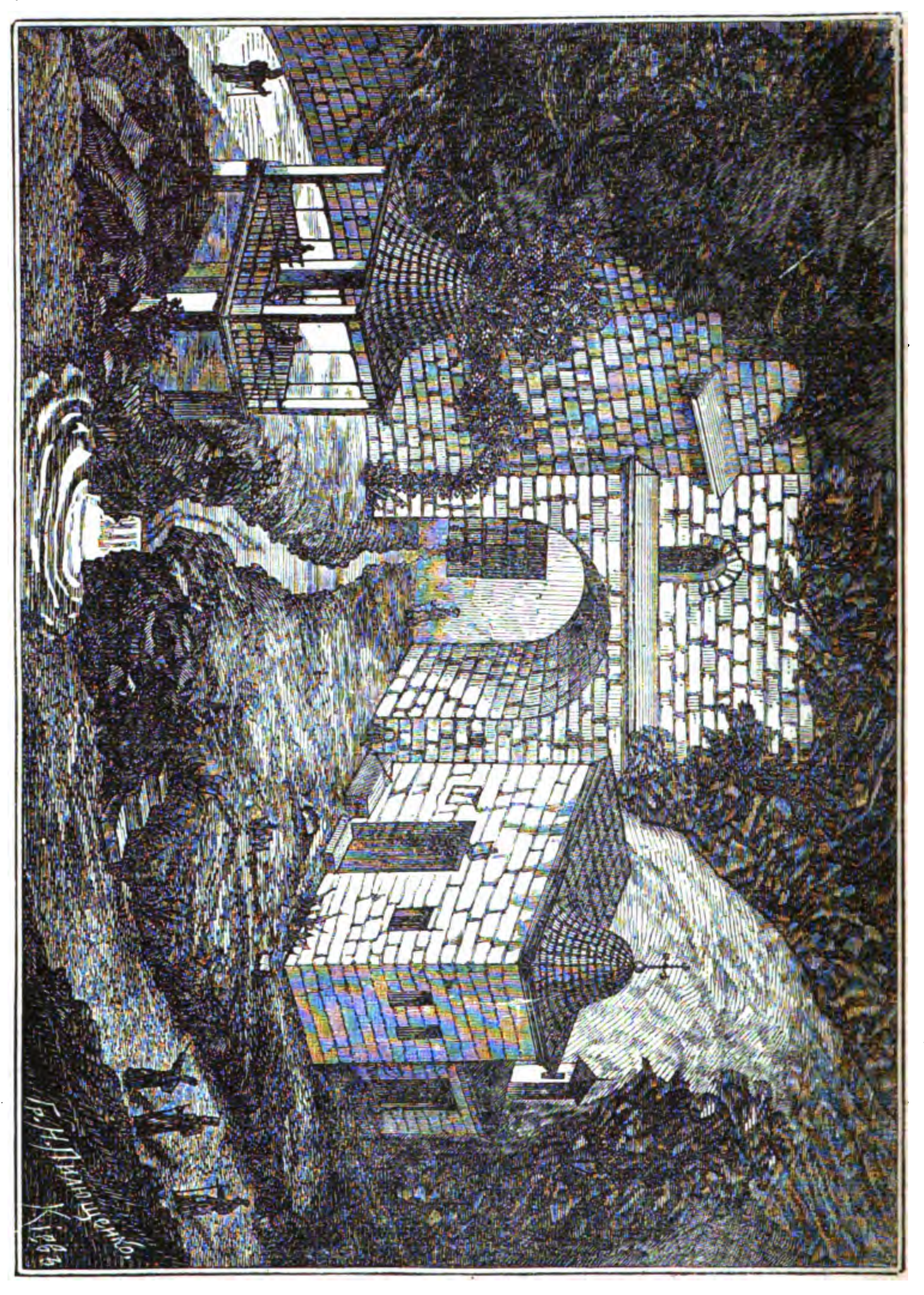
Все это преданіе есть отголосокъ языческой миѳологіи, съ которою кто знакомъ, тотъ съ перваго раза угадаетъ и скажетъ, что Аѳонская Морфина была Афродита — Венера, называемая Μορφὼ. Сія богиня подъ этимъ названіемъ почитаема была и въ Спартѣ, гдѣ Павзаній видѣлъ кедровую статую ея, въ сидячемъ положеніи, съ покрываломъ на головѣ, и съ цѣпями на ногахъ (Pausan. L. III. 15. 11). Названіе ея Μορφὼ, какъ оно ни близко къ Греческому слову μορφὴ—*образъ, красота*, не должно быть понимаемо въ смыслѣ этого слова, потому что цѣпи на ногахъ скорѣе означали ея собственную неволю и томленіе, чѣмъ то очарованіе, которымъ красота привлекаетъ къ себѣ любящихъ ее. Гораздо правильнѣе миѳологисты производили слово, Μορφὼ, отъ μορφνὴ—тьма, потому что покрывало и цѣпи на Венерѣ, по увѣренію Павзанія, намекали на то время природы, когда она находилась еще въ темномъ хаотическомъ состояніи въ оцепѣненіи, неразвитая, безъ формъ, какія дала ей творящая и любящая сила *). Къ слову μορφνὴ ближе названіе и Аѳонской Морфины: да и преданіе представляетъ ее невольницею, затворницею, запертою въ башнѣ. Она, какъ повѣдалъ намъ Барскій, жила тутъ нѣсколько лѣтъ и *безмолвствовала*. Явный намекъ на указанное время природы! Посему я полагаю, что Аѳонская статуя Морфины такъ же, какъ и Спартанская, имѣла покрывало на головѣ и цѣпи на ногахъ, и полагаю тѣмъ рѣшительнѣе, что статуи этой богини помѣщены были, на Аѳонѣ, въ высокой башнѣ, а въ Спартѣ въ *верхнемъ ярусѣ* капища Венеры, по свидѣтельству Павзанія. L. III. 15.

Къ морфинской башнѣ я не подъѣзжалъ, отложивъ осмотръ ея до обратнаго проѣзда изъ Лавры въ Филоѳеевъ монастырь, и продолжалъ свой путь прямо къ такъ называемой Агіазмѣ св. Аѳанасія Аѳонскаго. Скоро она показалась. Это—родникъ сладкой воды, вытекающей изъ утеса на самую дорогу, и тутъ весьма близко падающей въ стремнину, а отсюда въ море. Угрюмо это

---

*) Religions de l'antiquité du Creuzer. T. II. 2 partie pag. 65⁵/₆. Paris. 1835.

мѣсто. Родниковый утесъ отвѣсно стоитъ у правой стороны дороги. Онъ облицованъ каменною стѣною и вверху осѣненъ



деревами. Къ вытоку изъ него воды подходишь подъ искуственною аркою, надъ которою видно старинное окно; а какъ только приблизишься къ нему, видишь низменное окно съ желѣзною рѣшеткою, и за окномъ малый емъ воды, струящейся изъ утеса. Вода эта чиста, холодна и пріята для питья. Стремнина же, въ которую она низвергается, заглушена деревами и кустарниками такъ, что нельзя слѣдить за теченіемъ воды. У вытока ея, направо стоитъ маленькій камонный храмъ во имя Богоматери живоноснаго источника; а налѣво—бесѣдка для отдыха проходящихъ тутъ монаховъ и мірскихъ поклонниковъ, которые въ желѣзномъ ковчежцѣ ея оставляютъ хлѣбъ и другія снѣди для бѣднѣйшихъ братій и странниковъ. Замѣчательно это мѣсто и замѣчательно по двумъ воспоминаніямъ, изъ коихъ одно христіанское, а другое миѳологическое. Но о нихъ рѣчь впереди. А здѣсь мѣсто—сказанію о дальнѣйшемъ пути моемъ въ Лавру.

Отъ агіазмы Аѳанасія, такъ сказать, рукой подать до рѣчки Кофо̀, текущей изъ-подъ хребтоваго остова Аѳона. Названіе ея выражаетъ, что она течетъ не *шумно*. Надъ нею торчитъ мостъ весьма незатѣйливый, но прочный. Переѣхавъ его, мы шагали по утесистому краю Аѳона, омываемому моремъ и ращепанному на нѣсколько неравныхъ частей. Съ этой дороги ясно видна вся высочайшая оконечность святой горы, какъ громадная пирамида. Чудно то всемогущество, которое произвело ее. Человѣкъ можетъ измѣрить эту пирамиду: но не ему взвѣсить ее вмѣстѣ съ основаніемъ ея, которое глубоко, глубоко лежитъ въ Эгейской пучинѣ. Предъ этою высотою я—крохотка, но крохотка, удивляющійся величію всемогущаго и премудраго Бога, который создалъ Аѳонъ для любованья общаго и моего.

Аѳонъ, какъ громадный великанъ, стоитъ неподвижно и не кланяется мнѣ. Но и я не кланяюсь ему, потому что покланяюсь Создателю его. Я лучше его. Онъ не рисуетъ меня, а я описываю его остовъ и ребра, глуби и текущія по нимъ воды. Вотъ еще вода—рѣка предо мною съ мостомъ надъ нею. Ее назвали мнѣ *Мегали—Вела*, т. е. большая стрѣла, а мостъ нарекли Вел-

лась, и повѣдали, что его нѣкогда построилъ архіерей Велласскій; и потому его называютъ такъ, какъ называютъ. Это правда. Въ Проскинтаріи Лавры св. Аѳанасія аѳонскаго, напечатанномъ въ 1772 году, сказано, что этотъ мостъ былъ построенъ нѣкогда бывшимъ епископомъ Велласскимъ Киръ Парѳеніемъ: (ὑπὸ τοῦ ποτὲ ἐπισκόπου Βελλᾶς κυρ Παρθενίου.) Его видѣлъ нашъ Барскій въ 1744 году и описалъ такъ: „на полчаса ходьбы отъ Лавры есть мѣсто на брезѣ моря, нарицаемое Веласъ, идѣже есть мостъ каменноизданъ крѣпко и лѣпо верьху единаго и высокаго круга, подъ нимъ же съ высоты горъ течетъ рѣчка мала“. И такъ сей мостъ старше 1744 года. Что касается до названія рѣки, Вела—Стрѣла, то оно собственно не ей принадлежитъ, а большому отрогу Аѳона, который (отрогъ), подобно стрѣлѣ, ниспускается тутъ отъ хребта сей горы къ морю. Вѣдь, мы-то горныя ребра называемъ отрогами, а древніе Греки называли ихъ стрѣлами. Такъ, поэтъ Никандръ въ своей Европеѣ свидѣтельствовалъ, что Аѳонъ, какъ исполинъ, мещетъ двѣ длиннѣйшія стрѣлы къ противоположному мысу Канастрійскому. Подобныхъ стрѣлъ на видѣнномъ мною съ моста Диѳонѣ, у котораго стоитъ Лавра, я насчиталъ пять.

Отъ большаго стрѣльчатаго отрога Аѳона и отъ омывающей его рѣки считаютъ одинъ часъ ѣзды до Лавры. Не болѣе часа оттуда досюда ѣхалъ и я, сперва, по краю узкаго отрога до рѣчки, называемой *Микра-Вела—малая стрѣла*, потомъ по мосту, перекинутому черезъ эту воду, и наконецъ по отлогостямъ Диѳона, на коихъ тамъ-сямъ растутъ виноградники. А всего времени, проведеннаго въ пути отъ Филоѳея до Лавры, прошло не болѣе 300 минутъ, или пять часовъ.

Къ Лаврѣ подъѣзжаютъ съ сѣверной стороны. Тутъ у малаго, открытаго, портика я спѣшился, и съ благоговѣніемъ вошелъ въ эту древнюю обитель чрезъ тройныя желѣзныя ворота, изъ которыхъ первыя устроены между двумя крѣпчайшими башнями, а третьи—подъ высокою и крѣпкою башнею, имѣющею церковь успенія Пресвятой Богородицы. Въ третьихъ воротахъ встрѣтилъ

меня благообразный монахъ Лавры, принадлежащій къ числу власть имущихъ, и ввелъ въ почетный архондарикъ, устланный коврами и снабженный всѣмъ нужнымъ для невзыскательнаго богомольца. Тутъ я отдохнулъ немного, и дорожа временемъ, посвятилъ весь остатокъ дня обозрѣнію обители св Аѳанасія.

---

3. Понедѣльникъ. Этому же занятію посвященъ былъ и весь настоящій день. Сначала я ходилъ вокругъ Лавры, и разсматривая ограду и башни ея съ наружныхъ сторонъ, списывалъ начертанныя тутъ надписи, и съ видѣнными предметами свѣрялъ замѣтки о нихъ Макарія Кидонійца въ его Проскинитаріи 1772 года и нашего Барскаго въ его Путешествіи 1744 года; потомъ внимательно осмотрѣлъ внутри Лавры всѣ отдѣльно стоящія зданія и церкви ея, и въ нихъ утварь, иконы, стѣнную живопись, надписи, и все замѣченное и замѣчательное внесъ въ домикъ памяти, т. е. въ свой дорожный дневникъ.

V.

ВОСХОЖДЕНІЕ НА СВ. ВЕРХЪ АѲОНА.

Керасійское Безмолвище.

4. Вторникъ. Много я потрудился вчера, обозрѣвая Лавру и наполняя свой дневникъ замѣтками о ней: а сегодня даже утомился, восходя на самый верхъ Аѳона и спускаясь оттуда въ Керасійское перепутье, но за то вознагражденъ былъ положительными свѣдѣніями о дикопрекрасномъ Подъаѳоньѣ, на которомъ спасались святѣйшіе сподвижники, Петръ, Онуфрій, Евѳимій, Павелъ Ксиропотамскій, Максимъ Кавсокаливитъ, Нилъ, Акакій и другіе. Излагаю эти свѣдѣнія, принизывая къ нимъ классическія воспоминанія, какъ жемчужины къ рубинамъ, изумрудамъ, топазамъ, яхонтамъ.

Утромъ въ семь часовъ я съ чадцами своими выѣхалъ изъ Лавры въ полномъ веселіи души отъ одной мысли, что мнѣ придется провесть нѣсколько минутъ на темени подзвѣзднаго Аѳона, выше облаковъ, выше громовъ и молній, тамъ, гдѣ уже не ростетъ ни дерево, ни кустъ, ни трава. Вожакъ мой повелъ насъ по торной вымощенной камнями дорогѣ.

Ѣдемъ по склону Діѳона, который стелется къ морю. Ѣдемъ полчаса, поднимаясь по этому склону. Налѣво отъ дороги намъ указываютъ келью съ церковію Пресвятой Троицы на красивомъ и хорошо обработанномъ мѣстѣ, и говорятъ, что это мѣсто носитъ имя того Исаіи, у котораго въ послушаніи состоялъ Аѳанасій Аѳонскій.

Ѣдемъ еще полчаса, поднимаясь выше и выше, по направленію къ избушкѣ, называемой Хаири, и налѣво внизу видимъ Скитокъ съ церковію честнаго и славнаго Предтечи. Тамъ, по сказанію Проскинитарія 1772 года, подвизались преподобные и гостепріимные монахи, почти всѣ съ острова Хіоса, завѣдывая и двумя сосѣдними пещерами, изъ коихъ въ одной есть церковь съ чудотворнымъ образомъ Богоматери. Этотъ Скитокъ, какъ и избушка Хаири, стоитъ на самомъ мысѣ, вдающемся въ Эгейскую пучину. Тутъ мореходъ и сухопутный ѣздокъ круто поворачиваютъ къ скалистому, неприступному съ моря, Подъаѳонью, носящему на себѣ скиты—Кавсокаливскій, Керасійскій, много келлій, и тропу, ведущую на самое темя св. горы. У названной избушки я слѣзъ съ мула, потому что почувствовалъ въ себѣ робость при взглядѣ тутъ въ волнующуюся пучину моря, которая внезапно явилась испуганному взору моему и какъ будто тащила меня къ себѣ. Въ Хаирской избушкѣ ничего нѣтъ, кромѣ систерны съ свѣжею водою. Я отвѣдалъ ее, успокоился, и спросилъ проводника: то ли море я вижу, у котораго стоятъ монастыри Павловскій, Діонисіатскій, Григоріатскій и т. д.—Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ: того моря еще не видать отсюда; на васъ смотритъ пучина, омывающая самую оконечность Аѳона, но не Павловскую и не Діонисіатскую сторону его. Я поспасибовалъ его и продолжалъ свой

путь, искоса поглядывая на эту пучину своими глазками, непривычными ни къ горнымъ стремнинамъ, ни къ морскимъ пучинамъ, и для ободренія поя потихоньку: *Маніемъ твоимъ на земный образъ преложися прежде удоборазливаемое водное естество, Господи.* Религіозное воспитаніе, данное мнѣ матерію и школою, и въ этотъ разъ оказалось полезнымъ для меня въ часы робости. Да, Религія—сила животворящая! А что такое классицизмъ? Что такое философія? Это—бѣлила и румяна для лица и золотой порошокъ, насыпаемый въ черные волосы, и нимало не позлащающій ихъ.

У Хаирской каменной избушки раздѣляются двѣ тропы. Одна, что налѣво, ведетъ внизъ къ Скиту Кавсокаливскому, а другая, что направо, выше пролегаетъ почти прямо къ Керасійскому перепутью, у котораго восходятъ на вершину Аѳона. Меня вели по этой верхней тропѣ. Она отъ Хаирскаго поворота поднимается немного вверхъ до ближняго моста, перекинутаго черезъ какой-то безъименный потокъ пересыхающій, а оттуда уже прямо стелется къ Керасѣ. Тутъ мѣстность безлюдна и лѣсиста.

Тутъ ѣдешь и привѣтствуешь сосны: здравствуйте родныя. А онѣ шумя навѣваютъ холодокъ и свое сосновое благоуханіе, и такъ отвѣчаютъ на привѣтъ. На этомъ пути я видѣлъ только два тощіе потока, одинъ недалеко отъ моста, а другой, при въѣздѣ въ Керасійскую лощину, которую Барскій описалъ, какъ „удолъ при пути великомъ, имъ же всѣ ходятъ отъ Лавры къ скиту св. Анны, а оттуда такожде къ Лаврѣ, удолъ широкъ и зѣло плодоносенъ виноградомъ и всякими садовыми древесами“. Удолъ этотъ длиненъ. Весь десятый часъ дня прошелъ, пока я ѣхалъ тутъ медленно и доѣхалъ до Керасиской гостепріимной кельи отца Неофита, который встрѣтилъ меня любезно.

Не болѣе получаса продолжался отдыхъ мой подъ убогимъ кровомъ сего отшельника. Потомъ началось восхожденіе мое на заоблачную высь Аѳона, по прочтеніи слѣдующихъ строкъ у Барскаго: „требѣ восходити три часа, единъ часъ до кладезя обрѣ-

тающагося на пути ради питія мимоходящихъ, вторый часъ до храма Богородична, третій до самого верху, идѣже уже не раждаются древеса, но-нагій камень, ради великихъ вѣтровъ, снѣговъ и частыхъ облаковъ“.

Поѣздъ мой сперва двинулся по прежней дорогѣ къ кельѣ св. Димитрія, и уже тутъ началъ винтообразно подниматься по крутоярью Аѳона, подаваясь влѣво. На этой стезѣ торчали развалины какихъ-то келлій. По минованіи ихъ стезя повела насъ направо, выше и выше, но уже не винтообразно, и довела до ровной площади, на которой одиноко стоитъ церквица Пресвятой Богородицы. Тутъ мы спѣшились и отдохнули немного, запасаясь силами для дальнѣйшаго восхожденія уже на своихъ слабенькихъ ножкахъ. Церквицу эту съ примыкающею къ ней кельею и систерною вновь выстроилъ бывшій вселенскій патріархъ Діонисій Андросецъ послѣ 1665 года, а до него она существовала въ 15 и 16 вѣкѣ, какъ это видно изъ Житія святогорца Іакова Новаго, который молился въ ней немного ранѣе 1520 года *). Тутъ ежегодно подъ Преображеньевъ день сходятся почти всѣ окрестные подвижники и многіе монахи со всей св. горы, и отправивъ Вечерню, вкушаютъ пищу; потомъ восходятъ на святый верхъ Аѳона, поя Литію, и тамъ совершаютъ всенощное бдѣніе, а съ восходомъ солнца служатъ божественную литургію, и опять сходятъ въ названную церквицу, и пообѣдавъ, возвращаются, каждый во свояси. Ужинъ и обѣдъ готовитъ имъ Лавра на свой счетъ, такъ какъ ей принадлежитъ вся эта мѣстность. Церквица, о которой шла рѣчь, видомъ своимъ походитъ на убогій домъ. Никакого убранства я не нашелъ въ ней. Назадъ тому сто лѣтъ, нашъ паломникъ Барскій провелъ тутъ ночь, прочитавъ Вечерню и поѣвши сухарей. А я, грѣшный, Вечерни тутъ не читалъ и ничего не ѣлъ, а только съ края площади взглянулъ въ глубочайшій отвѣсный низъ горы, ужаснулся и отскочилъ назадъ. Но любопытство превозмогло ужасъ; и я опять подошелъ къ самому краю

ужасающей стремнины, и прилегши тутъ грудью опять взглянулъ внизъ и опять оробѣлъ. Неимовѣрно страшна тутъ отвѣсная стремнина! Мнѣ явно было, что въ этомъ мѣстѣ случился насильственный обвалъ горы отъ землетрясенія, и что тутъ провалился городъ Акробаѳосъ, который Страбонъ ставилъ у верха Аѳона, πρὸς τῇ κορυφῇ τοῦ Ἄθωνος, а Помпоній Мела уже не ставилъ его тутъ, и сказалъ о немъ такъ: у вершины Аѳона *былъ* городъ Акроаѳонъ, въ которомъ, какъ *гласитъ молва*, *люди жили* вдвое болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Выраженіе его, *гласитъ молва*, и глаголы—*былъ*, *жили*, даютъ разумѣть, что въ послѣдніе годы жизни сего географа (предъ 43 годомъ по Р. Х.) Акроаѳосъ уже не существовалъ. Здѣсь то люди видѣли восходъ солнца ранѣе тремя часами сравнительно съ тѣми, которые населяли прибрежныя мѣста Аѳона. Понятно это, когда знаешь, что отъ уровня моря до верха этой горы насчитываются 6,400 фунтовъ.

Осеннее время поторопило меня. Послушный ему, я перекрестился и пошелъ на святый верхъ горы, откосный какъ пирамида, титькообразный по замѣчанію Страбона. Сперва восхожу туда по каменистой тропинкѣ, потомъ лѣзу, а дальше ужъ руками цѣпляюсь за камни, у самаго же верха выбиваюсь изъ силъ и сажусь отдыхать. Смотрю внизъ и вижу одно синее море. А вѣтеръ бушуетъ; и я начинаю робѣть, вообразивъ, что онъ сброситъ меня въ Эгейскую пучину. Робѣю и говорю своему домочадцу: Иванъ, боюсь я, какъ бы вѣтеръ не снесъ меня въ море. А онъ покачалъ головою и отвѣтилъ мнѣ: да развѣ вы хлопчатая бумага? Признаюсь: такой отвѣтъ пристыдилъ меня, но и ободрилъ. Я всталъ и взошелъ на св. верхъ.

Это—маленькая площадь, среди которой стоитъ приземистый и весьма убогій храмикъ въ память Преображенія Господня. Вокругъ его можно ходить безъ затрудненія. Въ немъ не было никакихъ церковныхъ принадлежностей и украшеній: только на святомъ престолѣ лежалъ старый антиминсъ, напечатанный на холстѣ съ подписью Алеппскаго епископа Герасима. Этотъ епископъ въ 1725 или 26 году антіохійскимъ патріархомъ Аѳанасіемъ сос-

ланъ былъ на ближній къ Аѳону островъ Лимносъ за ослушаніе: что мнѣ стало извѣстно изъ арабскаго списка Антіохійскихъ первосвятителей, переведеннаго для меня по италіански въ 1844 году въ Константинополѣ. Съ Лимноса Герасимъ, какъ видно, ѣздилъ на Аѳонъ, или во время или послѣ пятилѣтняго съ половиною пребыванія своего на этомъ островѣ, и по просьбѣ лавріотовъ освятилъ оный антиминсъ. Онъ возвратился въ Алеппъ, и скончался въ уніатскомъ монастырѣ архангела Михаила на Ливанской горѣ Кесруа̀нъ. Вспомнить же его мнѣ довелось на самомъ темени Аѳона, куда и воронъ не летаетъ и костей своихъ не заноситъ.

Съ этого темени я смотрѣлъ на Эгейское море и на ближніе острова, Ѳасосъ, Самоѳраки, Имбросъ и на тотъ далекій Лимносъ, на которомъ въ городѣ Миринѣ была видима тѣнь Аѳонскаго верха, покрывавшая тамошняго вола, изваяннаго изъ мрамора. Въ моей памяти мелькнула поговорка древнихъ Еллиновъ: Ἄθως εὐρέα νῶτα καλύπτει Λημνίας βοός—*Аѳонъ покрываетъ хребетъ Лимнійскаго вола*. Потомъ я, тамъ сямъ ложась ничкомъ, смотрѣлъ внизъ, направо, налѣво, впередъ, и чувствовалъ въ себѣ непріятное смущеніе при видѣ ужасныхъ пропастей, стремнинъ и островерхихъ утесовъ. Это смущеніе усилилось во мнѣ еще болѣе, когда я вспомнилъ разсказъ проводника моего объ одномъ монахѣ, который собиралъ тутъ цвѣточки *иммортели*, оступился, полетѣлъ внизъ, и спиною наткнулся на острѣйшій утесъ такъ, что верхъ этого утеса вышелъ чрезъ животъ и спину его. Однако любопытство мое было сильнѣе робости моей. Оно крѣпко прижало къ темени Аѳона грудь мою и животъ мой. Въ этомъ положеніи я хорошо видѣлъ всю святую гору, ея Аѳоненка, Діѳонъ и малый Аѳонъ, ея хребетъ съ маковками его, и ея отроги, долины, и даже мѣстности многихъ монастырей, но не самые монастыри, которыхъ не видать. Особенно поразилъ меня ближайшій видъ узкой, гладкой и длинной полосы, откосно спускающейся отъ Аѳоненка по направленію къ Лаврѣ у Діѳона. Право, по ней можно

Вдоволь насмотрѣвшись на все это, я всталъ и начертилъ карту всего Аѳона, *) потомъ сѣлъ у одного большаго камня, и припомнилъ крупныя событія на этой горѣ. Вотъ онѣ:—

За 2,500 лѣтъ до Р. Х., высокія воды Чернаго моря, съ помощію огненныхъ землетрясеній, прорвали материки, Босфорскій и Дарданельскій, и навсегда затопили сушу около Аѳона, оторвавъ часть его, простиравшуюся къ острову Лимносу и къ малой Азіи, и погрузивъ ее въ подводную глубь.

2000—1529 г.—Потомъ, когда земля горѣла, когда, по словамъ Овидія, пламень пожиралъ самыя возвышенныя мѣста земли такъ, что она разсѣдалась и сохла, когда разрушались города, а люди и цѣлыя области обращались въ пепелъ, когда жители Ливіи почернѣли, когда пылали горы Тавръ въ малой Азіи, Тмолъ и Эта въ Греціи, *„въ это время пылалъ и Аѳонъ“*.

1529. Наконецъ погасли огнедышущія жерла этой горы, Мо́ливо близъ Хиландара, Кріонери у Ватопеда, Цука подлѣ монастыря Иверскаго и другія. Тогда поселились на ней выходцы изъ сопредѣльной Ѳракіи, Висалты, Кристоны и Идоны. У нихъ въ свое время царствовалъ Ѳа́мирисъ Ѳракіянинъ такой же пѣвецъ и мудрецъ, какъ и Орфей.

1124—656 г.—Къ этимъ Ѳракійцамъ присоединились Еллины, Пеласги и Халкидикійцы, и построили на Аѳонѣ небольшіе города, Діонъ, Ѳиссосъ, Клеоны, Харадріэ, Оло́фиксосъ, Са́нисъ и Аканѳосъ.

495—489 г.—Всѣ эти города съ самаго начала своего существованія были свободны и самоправны. Но въ 495 году ихъ покорилъ своей власти Персидскій царь Дарій Истаспъ. А сынъ его Ксерксъ, во время своего похода въ Грецію, прокопалъ Аѳонскій перешеекъ, и устроилъ тутъ каналъ для плаванія судовъ.

431—360 г. Греки побѣдили Персовъ, и для своей защиты отъ нихъ содержали обще-еллинскій флотъ общимъ иждивеніемъ включительно съ вкладами Аѳонскихъ городовъ, но спустя 59

---

*) Она сохранилась у меня.

лѣтъ послѣ сего сами расзорились и затѣяли извѣстныя въ исторіи войны Пелопонесскую и Олинѳійскую. Въ этихъ войнахъ живое участіе принималъ Аѳонъ.

360—148 г. За тѣмъ онъ скоро сталъ данникомъ царей Македонскихъ, изъ числа которыхъ Александръ великій не захотѣлъ преобразить верхъ Аѳона въ статую Зевеса по предложенію архитектора его Динократа, а царь Кассандръ дозволилъ брату своему Алексарху построить на перешейкѣ Аѳона городъ Уранополь.

148—268 г. Со времени подчиненія Македоніи и Аѳона Римской Державѣ въ 148 году, что происходило на сей горѣ: это неизвѣстно. А въ 268 году христіанскомъ въ пристаняхъ ея починивали военные суда свои Скиѳы, Ерулы, Певки и Готѳы.

325—676 г. Въ царствованіе Константина великаго свѣтъ христіанства озарилъ мірскихъ жителей Аѳона. Не угасилъ его Іуліанъ богоотступникъ: а при Ѳеодосіи великомъ и при ближайшихъ преемникахъ его, этотъ свѣтъ блисталъ тамъ ярко. Но нашла на Аѳонъ грозная туча изъ Магометанской Аравіи и Сиріи и разогнала оттуда всѣхъ жителей.

676—830 г. Аѳонъ опустѣлъ, но на короткое время. Царь Константинъ Погонатъ, по заключеніи мира съ Арабами, населилъ эту гору монахами, которые тогда скитались по городамъ и были въ тягость властямъ, мірскимъ и духовнымъ. Эти монахи крестили Влаховъ — Рихиновъ и Сагудатовъ, пришедшихъ къ нимъ съ береговъ Дуная, и терпѣли озлобленія отъ царей иконоборныхъ. А монастыри ихъ, по неисповѣдимымъ судьбамъ божіимъ, запустѣли послѣ того, какъ въ 830 году Арабы истребили весь греческій флотъ въ сраженіи у острова Ѳаса и у Аѳона.

840—960 г. Однако запустѣніе это было кратковременно. Вскорѣ появились тамъ сперва отшельники такъ называемые Исихасты, по нашему Безмолвники, а потомъ и монастырники прежніе и новые.

963—1204 г. Преобразователь Аѳонскаго монашества пре-

щежитія монастырскаго. Къ нему изъ разныхъ странъ собрались 3000 разноплеменныхъ и разноязычныхъ монаховъ, и одни изъ нихъ построили новые монастыри, (Амальфійскій, Каракальскій), а другіе возобновили и расширили обители прежнія, (Ватопедъ, Иверъ). Съ той поры навсегда осуществилась великая идея, либо монашеская, либо царская, идея о соединеніи всѣхъ христіанскихъ племенъ на Аѳонѣ въ лицѣ монашествующихъ предстателей ихъ предъ Богомъ, подъ хоругвію Православія. Тогда и славяне, именно, Болгары, Сербы и Русскіе, пошли туда спасаться и молить Бога о мирѣ всего міра и благостояніи святыхъ божіихъ Церквей.

Въ царствованіе Алексѣя Комнина (1081—1118 г.) случилось скоромное искушеніе на Аѳонѣ отъ трехсотъ семействъ Валахскихъ, коихъ терпѣлъ тамъ этотъ Государь. Но и оно прошло, и Рай опять сталъ Раемъ для ищущихъ его, умѣющихъ въ немъ жить и уходящихъ изъ него къ Господу.

1204—1261 г. Несчастія Аѳону—не враги. Они для него тоже, что для золота огонь. Огонь горитъ, а золото въ немъ очищается: такъ и Аѳонъ остался во всей чистотѣ православія и иноческаго преподобія въ то огненное время, когда Латины взяли Константинополь и подѣлили между собою Греческое царство, и когда одинъ изъ нихъ поселился на этой горѣ, и изъ крѣпости своей, которой развалины и теперь тамъ видны и называются Франкокастро, ходилъ по монастырямъ и грабилъ ихъ нещадно. Въ эту пору Аѳонцы пожаловались на него римскому Папѣ Иннокентію третьему; и Онъ защитилъ ихъ (въ 1211 году) съ помощію царственной Намѣстницы города Солуня Маріи и Латинскаго Императора, который лишилъ власти на Аѳонѣ онаго врага Бога и Церкви—Dei et ecclesiae inimicum. (Innocent. III epistol. II. p. 829. Edit. Bal.). Этотъ Папа въ своемъ посланіи къ тамошнимъ монахамъ, отъ 12 января 1214 года. до небесъ превозносилъ ихъ, говоря: „ваша гора украшена тремястами обителей и многими святыми мужами, которые имѣютъ величайшую полноту благъ духовныхъ. Она по истинѣ есть мѣсто свя-

тое, домъ Божій, врата небесные. Посему многіе народы любятъ ее, а епископы, князи и цари покровительствуютъ ей, и проч".

1261—1355 г. Латины господствовали въ Византійскомъ царствѣ только 58 дѣтъ. Потомъ Михаилъ Пелеологъ въ 1261 году отнялъ у нихъ Константинополь. Этотъ Государь жаловалъ Аѳонскимъ монастырямъ многія имѣнія въ разныхъ областяхъ своихъ, и склонялъ ихъ къ уніи съ Римомъ, но они не поддались обаяніямъ его. А сынъ и внукъ его, оба Андроника, (1283—1341 г.) любили и ущедряли Аѳонъ за его стойкое православіе и за святость. Не менѣе ихъ любилъ и угобжалъ всѣ тамошнія обители и Сербскій царь Стефанъ Душанъ сильный, который въ 1346 году даже былъ на Аѳонѣ вмѣстѣ съ супругою своею Еленою, и, какъ говорятъ, на конѣ взъѣхалъ на самый верхъ этой горы и водрузилъ на немъ свое знамя. Въ царствованіе обоихъ Андрониковъ происходили въ святогорскихъ монастыряхъ самыя жаркія пренія о Ѳаворскомъ свѣтѣ и объ Енергіяхъ естества Божія. Правое ученіе святаго аѳонита Григорія Паламы объ этихъ предметахъ было утверждено Константинопольскимъ Соборомъ въ 1355 году.

Аѳонъ ранѣе взятія Константинополя Турками (1453 г.) призналъ власть ихъ надъ собою. Это совершилось вскорѣ послѣ того, какъ Султанъ Муратъ II, въ 1430 году 1-го марта, взялъ съ бою городъ Солунь и потомъ овладѣлъ сосѣднею съ Аѳономъ Сидирокавсійскою областію.

Въ 1520 году Султанъ Селимъ, обозрѣвъ Дарданельское укрѣпленіе Килидулъ—Бахръ, отправился на св. Гору и тамъ во время пышныхъ празднованій принималъ богатые подарки отъ визирей своихъ, а оттуда восвратился въ свою столицу. (Histoire de l'empire Ottoman par Hammer. Paris. 1844.—„Cette circonstance ne se trouve que dans l'histoire du grand vesir, Lutfi. p. 76).

Довольно! Больше того, что я припомнилъ и изложилъ

Теперъ же пора разсказывать иное. Уже вечерѣло, когда мы сошли съ св. верха и расположились ночевать въ гостепріимной кельѣ отца Неофита.

---

5. Середа.—А тремя ли часами раньше другихъ увидѣло насъ тутъ восходящее солнце: этого сказать я не могу, потому что проспалъ восходъ его. За то, есть о чемъ поговорить сегодня, и есть что записать въ дневникѣ моемъ.

Отецъ Неофитъ, родившійся и выросшій въ Анатоліи, давно спасается самъ и другихъ спасаетъ на св. Горѣ. Онъ—іеромонахъ и духовникъ. У него исповѣдуются иноки пяти монастырей и архіереи, покоющіеся на Аѳонѣ. По словамъ его, монахи общежительныхъ обителей нерѣдко причащаются св. Таинъ, но безъ строгаго поста, такъ что наканунѣ ѣдятъ даже сыръ и масло. Такое невоздержаніе не одобрялъ о. Неофитъ. Эта строгость его понравилась мнѣ, знающему отъ св. Іоанна Златоутоустаго, что причащающійся тѣла и крови Христовой долженъ быть чище солнечнаго луча; и я попросилъ собесѣдника сказать мнѣ что нибудь въ назиданіе. Онъ зорко посмотрѣлъ на меня и сказалъ: имѣй страхъ Божій и будь воздерженъ. „Аминь"; отвѣчалъ я ему, и сталъ слушать свободныя рѣчи его. „У меня, —говорилъ онъ, девять учениковъ. Я никуда не отпускаю ихъ. Днемъ они обработываютъ огородъ и виноградникъ, а подъ ночь совершаютъ долгія *метаніи* (молитвы съ земными поклонами), каждый особо. Кто изъ нихъ болѣе другихъ любитъ эти метаніи, тотъ освобождается отъ работы. Согрѣшающихъ между ними я наказываю жезломъ, а иногда сажаю въ безводную систерну на трои сутки безъ хлѣба. Всѣ они никогда не ѣдятъ ни сыра, ни рыбы, и не пьютъ вина, а довольствуются однимъ сухоядѣніемъ: причащаются же еженедѣльно послѣ исповѣданія своихъ помысловъ, и послѣ разрѣшительной молитвы. Таково наше житіе. Милостыню мы принимаемъ, но только на содержаніе нашей церкви, на одежду, обувь, и на хлѣбъ насущный, который раз-

дѣляемъ со всѣми, кто у насъ бываетъ". Сказавъ это, о. Неофитъ пригласилъ меня осмотрѣть всю Керасійскую мѣстность.

Мы пошли. Но я, молодой, едва едва поспѣвалъ за этимъ маститымъ старцемъ: такъ онъ легокъ на ходу!

Дорога, по которой я пріѣхалъ въ Керасю, осталась у насъ влѣвѣ. Направо же отъ нея, близь церкви св. Димитрія, показался намъ малый холмъ. Мы взошли на него; и тутъ о. Неофитъ повѣдалъ мнѣ вотъ что. На этомъ холмѣ, во время оно, была крѣпкая башня, называемая Сидирокастро. Отсюда Еллины покланялись идолу Зевеса, который стоялъ на самомъ темени Аѳона, и сюда на зиму сносили его съ онаго темени, дабы онъ не попортился, будучи слитъ весь изъ чистаго золота, и имѣя глаза діамантовые. Подлѣ Сидирокастра находилось селище и торжище Цаконовъ, которыхъ потомки понынѣ находятся въ Пелопонесѣ.—Все это я выслушалъ съ большимъ вниманіемъ и вѣрилъ о. Неофиту, потому что весьма ясно видѣлъ предъ собою верхъ Аѳона, на которомъ въ самомъ дѣлѣ стояла статуя Зевеса, по свидѣтельству Греческаго лексикографа Исихія, и потому что внизу около холма усмотрѣлъ кой какія развалины, а на верху его замѣтилъ древнія систерны. На этомъ хомлѣ у о. Неофита есть своя душеспасительная келейка. Въ ней ничего не было, кромѣ сундука, на которомъ преспокойно и преважно сидѣлъ котъ—бѣлая шкурка, усы какъ у турка.

Отсюда мы пошли далѣе къ другому подобному холму, но не всходили на площадку его. На ней видны малые остатки каменной башни. А называется она Палеокастро. Указывая ее мнѣ, О. Неофитъ молвилъ, что въ ней Еллины берегли цѣломудріе дѣвицъ, διὰ νὰ μὴν φθείρονται, но не объяснилъ: какія были эти дѣвицы, Весталки, или жрицы, или вѣщуньи: а не объяснилъ вѣроятно потому, что не зналъ подробностей древнѣйшаго преданія о нихъ.

Отъ Палеокастра мы воротились назадъ и позавтракали весьма умѣренно. Во время завтрака о. Неофитъ говорилъ мнѣ, что св. царь Константинъ великій отдалъ монахамъ Аѳонскую гору,

выселивъ жителей ея Цаконовъ, однихъ въ Анатолію, а другихъ въ Морею: сперва онъ зачислилъ ихъ въ полки свои съ жалованьемъ по три лева въ день, и на 60 судахъ отправилъ въ названныя области, гдѣ они находятся и теперь, а потомъ выслалъ къ нимъ женъ и дѣтей ихъ, сказавъ имъ: ваши мужья болѣе не возвратятся; что же вамъ тутъ дѣлать? Идите къ нимъ. И онѣ пошли къ нимъ.—Этотъ разсказъ я выслушалъ, не обнаруживая задушевнаго сомнѣнія въ справедливости его, и попросилъ словоохотнаго старца объяснить мнѣ: почему скитъ его называется Керася! Онъ отвѣтилъ мнѣ, что правильнѣе надобно называть его Κοράσιον (Дѣвичникъ), потому что тутъ сберегаемы были дѣвицы, διὰ νὰ μὴν φθείρονται. Тогда я раскрылъ Проскинитарій Лавры 1772 года, и на 51 страницѣ прочелъ отцу Неофиту: τόπος ὡραιότατος ὀνομάζεται Κερασὰ, ἐπειδὴ τὸν παλαιὸν καιρὸν ἐφύλαττον ἐκεῖ ἓν κοράσιον, ἤτοι, γυναῖκα παρθένον εἰς ἕνα Πύργον, κτισμένον ἐπάνω εἰς τὸν βουνὸν, ὁποῦ εἶναι ἐκεῖ: *т. е. Красивѣйшее мѣсто называется Кераса, потому что въ древнее время берегли тамъ одну красу, т. е. дѣвицу, въ одной башнѣ построенной на тамошнемъ холмѣ.* Старецъ молча выслушалъ это, и началъ говорить, что Россія по пророчествамъ уже должна бы взять себѣ Константинополь, но вѣрояно, чей-то грѣхъ препятствуетъ ей совершить сіе дѣло. Что вы думаете объ этомъ? Я отвѣчалъ: не знаю, чей этотъ грѣхъ, нашъ или вашъ, а полагаю, что пророчества исполняются, но не такъ, какъ мы толкуемъ ихъ, а такъ какъ Богъ разумѣетъ ихъ, и не въ то время, которое назначаемъ мы, а въ то, которое опредѣлилъ Богъ. Притомъ у насъ еще дома много заботъ и хлопотъ; сперва надо устроить домъ свой, и уже потомъ думать о пріобрѣтеніи другихъ имѣній.

Этимъ разговоръ нашъ кончился. Конецъ былъ и нашему завтраку, и я уже намѣревался идти на ближній холмъ, называемый Новый Кармилъ, чтобы осмотрѣть стоящую на вершинѣ его церковь св. пророка Иліи, въ которой ежегодно Аѳонцы совершаютъ всенощное бдѣніе и литургіи, но отложилъ это намѣреніе узнавъ, что спутники мои Иванъ и Михаилъ сильно забо-

лѣли отъ простуды послѣ вчерашняго похода на св. верхъ Аѳона. Болѣзнь ихъ требовала прилежнаго врачеванія и усерднаго ухода. Надлежало отправить ихъ въ русскій монастырь. Они, оба немаломощные отъ природы, скрѣпили свои силы, и отправились вмѣстѣ со мною въ Лавру. Туда провожалъ насъ одинъ ученикъ отца Неофита, и дорогою съ увлеченіемъ говорилъ мнѣ о бдѣніяхъ и пощеніяхъ своего учителя, о прозорливости его и объ умѣніи врачевать души, а въ концѣ концовъ повѣдалъ, что однажды предъ литургіею бѣсъ подошелъ къ Скитской церкви въ видѣ дикой свиньи, но о. Неофитъ прозрѣлъ въ ней злаго духа, и своею епитрахилью привязалъ его къ дереву, у котораго и пробылъ сей бѣсъ, пока кончилась литургія, потомъ исчезъ.

VI

МОИ ЗАНЯТІЯ ВЪ ЛАВРѢ.

6. Четвертокъ. Добрые лавріоты утромъ посадили недужныхъ моихъ въ лодку, и отправили въ Руссикъ. Я остался одинъ.

Сижу въ кельѣ и объясняю себѣ названія видѣнныхъ мною вчера мѣстъ.—Керася находится между двумя отрогами св. Горы, кои оканчиваются двумя противолежащими мысами, Акроаѳосскимъ, гдѣ видится скитокъ Предтеченскій, и Нимфейскимъ, гдѣ расположенъ сосѣдній съ Керасею скитъ св. Анны. Названіе перваго мыса тезоименито съ бывшимъ городомъ Акроаѳосомъ, о которомъ я говорилъ выше: а второй мысъ названъ Нимфейскимъ, очевидно, отъ почитанія тутъ Нимфъ, которыхъ о. Неофитъ произвольно обратилъ въ дѣвицъ, цѣломудренныхъ по неволѣ, перемѣнивши древнее Еллинское слово, Нимфи—дѣвица, на подобозначущее Новогреческое корасіонъ. Но какія Нимфы имѣли тамъ свои алтари или капища? Нимфъ было много. У Еллиновъ, одушевлявшихъ все существующее въ природѣ, Нимфы были небесныя, (Музы, Хариты, Естіа) и земныя, какъ то, 1) Нирреиды въ моряхъ. *Прото* благословляющая первый въ море вы-

ущедряющая ихъ прибылью, *Амфитрида* внушающая имъ страхъ отъ морскихъ волнъ, *Өетида* означающая положеніе разныхъ морей, *Галини* подающая тишину и пр. и пр.) 2) Енидріады въ сладкихъ водахъ, Наяды въ родникахъ, Эпотамиды въ потокахъ, Криниды въ криницахъ—колодезяхъ, Лимніады въ озерахъ: 3) Орестіады въ горахъ и пещерахъ, Лимоніады на лугахъ, Напеи и Алсіитиды въ лѣсахъ, Хлориды и Анөусы въ зелени и цвѣтахъ, Агріады въ огородахъ, Дріады въ деревахъ и Епимилиды у стадъ. Всѣ эти Нимфы воображаемы были, какъ свѣтолѣпныя, красивыя и нагія дѣвушки—духи, или душеньки, съ тѣмъ различіемъ, что у водяныхъ между ними видѣлись волосы свѣтозарные, а у земляныхъ-зелёные. Еллины съ особенною любовію почитали ихъ и всюду ставили имъ жертвенники и капища за то, что онѣ научили людей чтить и воспѣвать боговъ, одѣваться тканями, питаться древесными плодами и овощами, приготовлять и пить медъ, и воспитывать скотъ. Какія же изъ этихъ Нимфъ чтимы были на Аөонѣ, именно у Нимфейскаго мыса этой горы? Думаю, что всѣ кромѣ луговыхъ, озерныхъ и рѣчныхъ, всѣ, и стадныя, и древесныя, и огородныя, и цвѣточныя, и лѣсныя, и нагорныя, и пещерныя, и колодезныя, и поточныя, и родниковыя, и морскія, такъ какъ имъ можно было жить въ тамошнихъ горахъ и пещерахъ, лѣсахъ и водахъ, огородахъ и загонахъ, словомъ вездѣ, кромѣ луговъ, озеръ и рѣкъ, которыхъ тамъ нѣтъ. Смѣю думать, что и въ Палеокастрѣ, который я видѣлъ вчера, почитаемы были Нимфы, какъ образцы дѣвическаго цѣломудрія, и тутъ стояли ихъ статуи, а не живыя Еллинскія дѣвушки содержались въ заперти. Нимфы были дочери Зевеса. Этому отцу ихъ воздаваемо было почтеніе на самомъ темени Аөона. И такъ кстати было почтить и благодѣтельныхъ дочерей его въ виду этого священнаго темени, которое хорошо видно у Керасійскаго Сидирокастра и Палеокастра. Въ Керасѣ и въ близкихъ къ ней мѣстахъ находятся отлично-хорошія проточныя воды и родники ихъ. Вотъ что говоритъ о нихъ Лаврскій Проскинитарій 1772 года. „Въ Аннинскомъ Скиту очень

много водъ наилучшихъ, такъ что почти каждая келья имѣетъ свою воду. Близь скита Кавсокаливскаго струятся превосходныя воды, ὡραιότατα νερά. Немного выше этого скита и ближе къ Керасѣ есть прекраснѣйшее мѣсто, называемое κρυὰ νερὰ—*холодныя воды*, потому что тамъ вытекаютъ изъ горы *многія* и дивныя воды, πολλὰ καὶ θαυμάσια νερά. Въ самой Керасѣ находятся удобнѣйшія для житья келліи, потому что тутъ много сладкихъ водъ, и всякихъ растеній, садовыхъ и дикихъ". И такъ было гдѣ жить Нимфамъ, и въ водахъ и въ деревахъ Подъаѳонья! Отъ нихъ и тамошній мысъ названъ былъ Нимфейскимъ.

А Керася? Откуда это названіе? Для рѣшенія сего вопроса обращаюсь за пособіемъ не къ учительницамъ Нимфамъ, которыхъ уже нѣтъ даже въ воображеніи Аѳонитовъ, а къ географіи Аѳинскаго митрополита Мелетія, напечатанной въ Венеціи въ 1807 году. Во второмъ томѣ ея, (стран. 453) сказано, что въ Ѳессало-Магнисійскомъ околоткѣ, близь озера Карла, у горы Пиліона расположена слобода Керася (ἡ Κερασιᾶ). Вотъ изъ этой слободы, по мнѣнію моему, въ первую эпоху Аѳонскаго монашества (680—830 г.) благочестивые монахи поселились на многоводномъ лѣсистомъ и плодородномъ мѣстѣ, о которомъ идетъ рѣчь, и назвали его Керася именемъ прежней отчизны своей. Лучше этого объясненія придумать нельзя. Если вспомнишь Пелопонесскую гору Κεράυσιον, и оттуда выселишь жителей на подъаѳонье, то они назовутъ новую селитву свою Кеpавсіонъ, а не Керася. Если пойдешь за такими переселенцами на горы, отдѣляющія Аттику отъ Мегаріи и наваемыя Керата отъ того, что онѣ похожи на роги (Κέρας—рогъ), то они новому селищу своему дадутъ прозваніе Керата, а не Керася. Остаюсь при своемъ мнѣніи и пишу, что знаю о Керасѣ предположительно и положительно.

На мѣстѣ Кераси и въ смежныхъ окрестностяхъ стоялъ древнѣйшій городъ Акроаѳосъ. Его разрушило землетрясеніе еще въ первомъ вѣкѣ христіанскомъ. Но такъ какъ о немъ упомянулъ

родахъ Ермолай (въ 6 вѣкѣ), то надобно полагать, что Акроаѳонцы опять возстановили свое селеніе въ царствованіе римскаго Императора Адріана (117—138), возобновившаго на Аѳонѣ городъ Стратоники. (Stephan. Byzant.). Это селеніе опустѣло во время арабскаго погрома предъ 676 годомъ; а когда царь Константинъ Погонатъ, заключивъ миръ съ Арабами въ этомъ году, отдалъ монахамъ весь Аѳонъ, какъ выморочное имѣніе, тогда на мѣстѣ Акроаѳоса, какъ я сказалъ выше, водворились Керасіоты, пришедшіе изъ Ѳессаломагнисійской слободы Кераси, какъ тогда же близь города Аѳоса, (немножко ниже кельи св. Іоанна Златоустаго, которую въ виду Лавры выстроилъ на свой счетъ бывшій вселенскій патріархъ Діонисій Андросецъ), возникла иноческая обитель, понынѣ называемая Палеомонáстиронъ, т. е. древній монастырь *). Керася и послѣ втораго Арабскаго погрома, постигшаго Аѳонъ въ 830 году, опять скоро заселилась пустынниками. Тамъ и на всемъ окрестномъ Подъаѳоньѣ съ 847 года подвизались преподобнѣйшіе безмóлвники Іосифъ армянинъ, другъ его Евѳимій и другіе аскеты, какъ это я узналъ изъ житія сего Евѳимія, недавно прочитаннаго мною въ Руссикѣ. Ученики этого св. старца изъ Кераси ходили на верхъ Аѳона, и едва не погибли тамъ подъ выпавшимъ снѣгомъ. Это было въ 864 или 5-мъ году. Подобный случай въ Керасѣ былъ во дни св. Аѳанасія аѳонскаго. Однажды онъ позвалъ къ себѣ монаха Ѳеодора и сказалъ ему: возьми снѣди и иди скоро въ Керасійское мѣсто, и когда будешь противъ Трохаля, сойди къ морю. Тамъ ты найдешь трехъ мужей, томящихся отъ мороза и голода: изъ нихъ одинъ—инокъ. Бѣги же, чтобы застать ихъ живыхъ, дай имъ хлѣба и утѣшь ихъ, а когда они подкрѣпятся, возми ихъ съ собою. Ѳеодоръ исполнилъ всё это въ точности, накормилъ ихъ, утѣшилъ и привелъ въ Лавру. Въ другой разъ самъ Аѳанасій съ братіею работалъ въ Керасѣ; и сюда носилъ имъ пищу келарь Павелъ. Тамъ у церкви св. пророка Иліи не

---

*) Προσκυνητάριον τῆς ἁγ. Λαύρας τοῦ ἁγ. Ἀθανασίου 1772. σελ. 37. „Καταβαίνωντας εἰς τὸ κάθισμα τοῦ Χρυσοστόμου, ὀλίγον παρακάτω εἶναι ἡσυχαστήριον, καὶ ὀνομάζεται Παλαιομονάστηρον. Я не былъ тутъ. Но прошу будущихъ наломниковъ побывать тамъ.

долго жилъ св. Максимъ Кавсокаливитъ въ первой половинѣ 14-го вѣка. Дальнѣйшая судьба этого мѣста съ 14-го вѣка до 18-го, пока, не извѣстна мнѣ: а надѣюсь узнать ее, когда пересмотрю и перебѣлю, ежели не всѣ, то многія старинныя дѣеписанія и *памяти* Аѳонскихъ обителей. Въ осьмнадцатомъ же вѣкѣ, численно сказать въ 1744 году, видѣлъ Керасю и описалъ нашъ паломникъ о Василій Барскій. Вотъ его извѣстіе о ней. „Подъ Аѳономъ при пути великомъ, имъ же всѣ обще ходятъ отъ Лавры къ Скиту св. Анны, а оттуда также къ Лаврѣ, есть удолъ широкъ и зѣло плодоносенъ, часомъ единымъ восхожденія высоко отъ моря, идѣ же суть пять или шесть келлій, въ нихъ же живущіе корыствуютъ и изобильно питаются, и живутъ мѣрное иноческое уединенное житіе, а не скитское; сего ради скитники не именуются, но келейники, или келіяши по Сербски. Мѣсто же оное нарицается Керася, си есть *Черешня*, можетъ быть, отъ нѣкоей Черешни дикой, еще предъ населеніемъ живущихъ тамо обрѣтшейся. Тамо есть виноградъ Лавры съ келліею и церковію св. Димитрія, и въ другой келіи церковь св. Антонія, и въ третьей св. Аѳанасія. Оттуда же и путь общій восходить на самый верхъ Аѳона“. Кратко это извѣстіе о Керасѣ, а еще короче замѣтка о ней Лаврскаго Проскинитарія 1772 года. Тутъ сказано только то, что „Керасійское мѣсто весьма хорошо, многоводно и плодородно, и что тутъ въ башнѣ, въ древнее время, стерегли одну дѣвицу“. Немного больше сего наговорилъ о Керасѣ я, путникъ 1845 года.

Тамошній пустынникъ о. Неофитъ говорилъ мнѣ: какъ св. царь Константинъ выселилъ Цаконовъ съ Аѳона и отдалъ эту гору монахамъ. Но я не вѣрю ему. Такая передача тогда и быть не могла, потому что во дни сего царя не было монаховъ нигдѣ, кромѣ Египта; да и тамъ ихъ кельи были еще новехоньки. Церковь же Христова на Никейскомъ Соборѣ, бывшемъ при Константинѣ въ 325 году, не составила ни одного правила о монашествѣ. Явно, что она еще не знала его. Послѣ этого какіе же монахи могли бы тогда населить Аѳонскую гору? Притомъ въ извѣстномъ сочиненіи писателя пятаго вѣка, Стефана Византійца,

„о городахъ“ перечислены современные ему города на Аѳонѣ, а о монастыряхъ тамъ нѣтъ ни слова. Впрочемъ о. Неофитъ ошибся не въ имени греческаго царя, населившаго Аѳонъ монахами, а въ прозваніи его. Этотъ царь дѣйствительно былъ Константинъ, но не великій, а Брадатый. (Погонатъ)

Какъ только набросалъ я на бумагу всѣ эти замѣтки, явился въ мою келью тотъ же благообразный Проэстосъ, который встрѣтилъ меня въ воротахъ Лавры. Онъ принесъ мнѣ драгоцѣнную рукопись, содержащую завѣщаніе св. Аѳанасія аѳонскаго: Διατύπωσις. Я благодарилъ его за это, какъ умѣлъ, а послѣ благодареній просилъ его склонить властныхъ лавріотовъ, чтобы они показали мнѣ царскіе хрисовулы и другія старинныя дѣеписанія, хранящіяся въ архивѣ ихъ, просилъ же его объ этомъ, увѣряя его въ своей отмѣнной любви къ многонародному Богоблагословенному и святому Аѳону, и изъявляя пламенное желаніе написать исторію сей знаменитой горы. Онъ обѣщался передать эту просьбу собратіямъ своимъ, потомъ по желанію моему сообщилъ мнѣ нѣсколько свѣдѣній о современномъ Аѳонѣ. Вотъ онѣ:—

— Въ Лаврѣ живутъ теперь 70 братій; да таксидіаровъ т. е. сборщиковъ милостыни въ разныхъ странахъ считается тридцать лавріотовъ: всѣхъ 100. Кромѣ ихъ въ наемныхъ кельяхъ найдется сотня отшельниковъ.

— Каждому новому Проигумену читаются особыя правила.

— Лаврѣ принадлежитъ въ Молдавіи метохъ, называемый Берзунсъ, и приноситъ ей ежегодно 40,000 піастровъ. (2,354 руб.). На Каламаріи она потеряла земли за долги Туркамъ, а на островѣ Лимносѣ имѣетъ три подворья съ пашнями, кои выкуплены ею сперва у Венеціянъ, а потомъ у Турковъ. До паденія же греческаго царства тамъ принадлежали ей семь подворьевъ. Уцѣлѣли небольшія имѣнія ея на островахъ Имбросѣ и Самоѳраки. Есть метохъ въ городѣ Смирнѣ.

— Ватопедскій монастырь со всѣхъ имѣній своихъ получаетъ 600,000 піастровъ

— Всѣмъ двадцати обителямъ Аѳонскимъ принадлежатъ два монастыря, въ Молдавіи Трехсвятительскій, и въ Валахіи Успенскій „прозываемый Котручàни, и ежегодно даютъ триста—четыреста тысячъ піастровъ. Но эти деньги неравно раздѣляются между монастырями. Изъ нихъ Лавра получаетъ 25,000 піастровъ.

— Для содержанія полицейской стражи на Аѳонѣ и для удовлетворенія всѣмъ общимъ потребностямъ святогорскихъ монастырей нужна бы общая денежная касса. Составить ее желаютъ Лавра и Иверъ: а Ватопедъ и нѣкоторые другіе монастыри не соглашаются на это, боясь растраты такой кассы.

— Въ Константинополь ежегодно посылаются съ Аѳона два избранные Епитропа, яко ходатаи по дѣламъ святогорскимъ.

— А въ Солунѣ каждый монастырь Аѳонскій имѣетъ свой конàкъ, т. е. подворье. И въ этотъ городъ посылается одинъ избранный старецъ—ходатай по дѣламъ монашескимъ съ жалованьемъ по 6,000 піастровъ въ годъ.

— Аѳониты опасаются политическаго и вооруженнаго нашествія Грековъ на ихъ святую безмятежную гору. Объ этомъ нашествіи предъувѣдомилъ ихъ лавріотъ Діонисій, посланный въ Аѳины ходатайствовать о возвращеніи всѣхъ имѣній Аѳонскимъ монастырямъ, отнятыхъ греческимъ правительствомъ. А аѳонское монашеское управленіе (Протатъ) извѣстило о семъ Порту и просило ее усилить стражу на Аѳонѣ.

— Турецкіе солдаты, во время своего постоя въ аѳонскихъ монастыряхъ съ 1821 года по 1830-й, сожгли лѣсъ на Аѳонѣ, начиная отъ скита св. Анны до монастыря Филоѳеевскаго.

Повѣдавъ мнѣ все это, Проэстосъ ушелъ отъ меня. Но въ моей кельѣ осталось свободное время; и я воспользовался имъ и переписалъ для себя завѣщаніе св. Аѳанасія аѳонскаго, хорошо владѣя скорописнымъ перомъ, и твердо зная греческое правописаніе.

Это завѣщаніе, какъ видно изъ содержанія его, написано было основателемъ Лавры аѳонской послѣ 976 года, когда еще живы были современники его, греческій царь Василій порфирород-

ный, строитель аөоноиверскаго монастыря, Іоаннъ Ивиръ и сынъ его по плоти и духу Евөимій. Передаю сущность сего памятника десятаго вѣка.

„Я смиренный монахъ Аөанасій, наставникъ вашей лавры, называемой Меланà, ежедневно и ежечасно помышляю о неизвѣстномъ часѣ смертномъ, и потому оставляю лаврѣ настоящее письменное завѣщаніе мое:

„Желаю по кончинѣ моей оставить игуменомъ одного кого либо изъ нашего во Христѣ братства, такого, который отличается словомъ, житіемъ и дѣятельностію".

„Всѣхъ прошу именемъ Бога и Пресвятой нашей Богородицы повиноваться игумену, и жить другъ съ другомъ въ любви и единомысліи, соблюдать же и въ св. церкви и въ трапезѣ и во всѣхъ другихъ службахъ уставы, которые начертали святые Отцы, а мы недостойные заимствовали изъ ихъ писаній и преданій".

„Оставляю послѣ себя блюстителемъ Лавры господина Іоанна Ивира, который много лѣтъ служилъ мнѣ со всякимъ смиреніемъ, а послѣ него—сына его Евөимія".

„Я думалъ-было святаго царя (Василія) оставить блюстителемъ священной Лавры нашей, но не посмѣлъ, и оставилъ покровителемъ и заступникомъ нашего во Христѣ общества истиннаго христолюбца Патриція Никифора, дабы онъ ради награды отъ Бога и ради своей души помогалъ во всемъ Іоанну Ивиру".

„Къ Лаврѣ Іоанна Ивира и къ братіямъ его заповѣдую имѣть туже любовь духовную, какую, видите, имѣю и я.—Но и къ братіямъ св. горы нашей имѣйте любовь, и воздавая имъ подобающую честь, храните миръ, какъ хранитъ его смиреніе мое".

„Кто служитъ хорошо, благочестиво и духовно, какъ въ самой Лаврѣ, такъ и въ подворьяхъ ея и на оствовахъ, тотъ пусть остается на должности своей до глубокой старости".

„Участвующихъ въ выборѣ игумена братій должно быть не болѣе 15 человѣкъ. А лучше—и менѣе того. Такъ какъ въ большомъ числѣ, по различію свойствъ и мнѣній каждаго, одни стали бы избирать одного, другіе другаго, то я призналъ справед-

ливымъ, чтобы избирателелей было немного. Поставленіе же игумена да бываетъ такъ. Пусть будетъ отслужено всенощное бдѣніе въ соборномъ храмѣ пресвятой Богородицы. А послѣ утрени, когда будетъ кончена божественная литургія, да будетъ возглашена Ектенія съ пѣніемъ, *Господи помилуй*, 50 разъ. Потомъ поставляемый пусть положитъ предъ алтаремъ поклонъ, и обратится лицемъ къ собранію монаховъ. Тогда пусть первый поклонится ему Блюститель, а за нимъ и всѣ прочіе".

„Когда время покажетъ, что игуменъ пагубенъ для братства, и, обличенный, останется неисправимъ, тогда блюститель, посовѣтовавшись съ старшею братіею, и по собственному усмотрѣнію, изберетъ другаго способнаго управлять Лаврою".

„Болѣе всего будьте страннопріимны, и не нарушайте постановленія, которое я далъ вамъ касательно странниковъ, приходящихъ къ вамъ сушею и моремъ".

„Во всѣхъ вашихъ молитвахъ поминайте меня, да обрящу милость и оставленіе многихъ грѣховъ моихъ въ день судный".

Кончено завѣщаніе. Начинается описаніе Лавры.

Лавра, говорю съ Барскимъ, *„стоитъ на мѣстѣ равномъ и зѣло веселомъ"* у подошвы громаднаго и претолстаго отрога св. горы, спустившагося почти отъ самаго верха ея къ Стримонскому заливу, и близъ этой обители св. Аѳанасія вдругъ остановившагося *отвѣсно*, какъ будто нѣкая сила сказала ему: доселѣ дойдеши и непрейдеши. Сей отрогъ называется Дифонъ. Вокругъ Лавры на близкихъ и дальнихъ мѣстностяхъ ростетъ множество масличій, виноградныхъ лозъ, грецкихъ орѣховъ, лимоновъ, померанцовъ, черешень, сливъ, каштановъ, кипарисовъ, и нѣсколько деревъ *Тиссовыхъ*. Околотокъ сего монастыря весьма великъ. Вдоль Стримонскаго залива онъ простирается до владѣній Каракалла, и на этомъ пространствѣ замыкаетъ въ себѣ все *Поддифонье*, всю обширнѣйшую долину, по которой изъ-подъ малаго Аѳона течетъ рѣка Вéласъ съ ея боковыми токами, и всю Провату: а вдоль Эгейской пучины и Стримонскаго залива ея обнимаетъ все *Подъаѳонье* съ скитами, Кавсокаливскимъ, Керасійскимъ

и Аннинскимъ; средоточіе же сего околотка составляетъ вся толща Аѳона съ св. верхомъ его. Вездѣ тутъ такое изобиліе воды,— говоритъ Барскій,—яко три мельницы мелютъ, огороды и сѣнокосы напояются, и многія окрестъ келліи безмолвныя при исходищахъ водныхъ въ зеленостѣхъ лѣса, аки звѣзды окрестъ луны лѣпозрачно стоятъ. Есть же монастырь образомъ четвероуголенъ, но неравностѣненъ; въ долготу бо много протяженъ отъ запада къ востоку, а въ ширину меньше. Окружіе его измѣряется 3015 саженями.

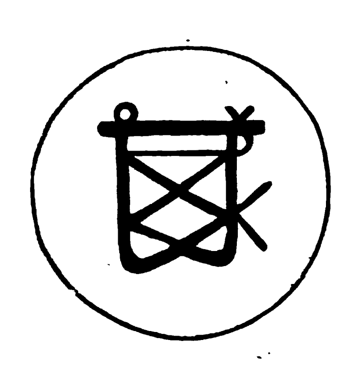
Въ оградѣ лавры Барскій насчиталъ приблизительно десять башенъ: „*близъ* десяти, отъ нихъ же иныя не весьма зрятся ради своей низкости и присовокупленія къ зданіямъ, иныя же болѣе зрятся“. А въ Проскинитаріи Макарія Кидонійца всѣхъ ихъ пятнадцать, имянно: *двѣ* по обѣ стороны св. воротъ Лавры, *третья* надъ воротами третьими, *четвертая* противъ южной стороны церкви Богоматери вратарницы, такъ называемая башня Цимисхи, *пятая* малая съ храмомъ св. Троицы, *шестая* высокая и крѣпкая съ кельями внутри, возобновленная богатымъ купцомъ Константиномъ Руссомъ изъ Сервіонской Епархіи близъ монастырской маслобойни, *осьмая* высокая и крѣпкая, рекомая Цангáри (сапожная), *девятая* большая, высокая и крѣпкая съ церквицею св. великомученика Димитрія, *десятая* высокая и свѣтлая, называемая башня Козмы, близъ лаврской больницы, *одинадцатая* высокая и красивая надъ этою больницею, называемая Терзибаши, *двѣнадцатая* большая, высокая и крѣпкая съ церквицею свв. архангеловъ и съ кельями, кои устроилъ бывшій вселенскій патріархъ кир. Діонисій Андросецъ (1660—1665 г.), *тринадцатая* высокая съ храмомъ св. Онуфрія близъ скевофилакіи— ризницы, *четырнадцатая* подлѣ Киларни, *пятнадцатая* надъ почетнымъ архондарикомъ высокая и крѣпкая.—

На первой угловой башнѣ, что направо отъ входа въ лавру, снаружи высоко, я прочелъ надпись: „ἔτος ζοβ ἡγουμενεύοντος Ἀνθίμου, т. е. въ лѣто 7072—1564 *при игуменѣ Анѳимѣ*“. Тогда при немъ только надстроена была эта башня: что доказыва-

етъ верхняя кладка камней, рѣзко отличающаяся отъ кладки нижней новостію своею и добавкою тесаныхъ камней въ углахъ. Подлѣ этой же башни въ оградѣ, подъ первымъ зубцомъ ея, на мраморной плитѣ изсѣченъ четвероконечный крестъ съ сокращенными словами и лѣтосчисленіемъ: ΙΣ. ΧΣ. ΝΙΚΑ. ἀνανεώθη ἔτους 7116, т. е. Іс. Христосъ побѣждаетъ. Возобновлена (стѣна) въ лѣто 7116—1608-е“.

Соборный храмъ въ Лаврѣ, во имя благовѣщенія пресв. Богородицы, построенъ св. Аѳанасіемъ аѳонскимъ въ самомъ концѣ десятаго вѣка. Подъ обрушившимся алтаремъ его онъ скончался вмѣстѣ съ достраивавшими его каменщиками. Поставлено это священное зданіе не въ самой срединѣ лавры, а ближе къ восточной оградѣ ея. Длина его отъ входа до конца алтаря измѣряется 26-ю обычными шагами нашими, а ширина 30-ю, но только въ той части которая пролегаетъ предъ иконостасомъ и подъ куполомъ отъ праваго хора до лѣваго хора старцовъ: каковые хоры, выдвигаясь наружу за продольныя стѣны, и увеличиваютъ тутъ ширину храма. Онъ вывершенъ весьма красивымъ куполомъ съ 16-ю продольными окнами, котораго ширину Барскій измѣрилъ тремя саженями и двумя пядями, а покрытъ весь свинцовыми листами.

На западной сторонѣ сего святилища въ 1814 году устроенъ открытый нарѳиксъ, (портикъ) утвержденный на 12-ти мраморныхъ тонкихъ колоннахъ, а за нимъ литійный притворъ созданъ иждивеніемъ старца Анѳима Карпенисіота и проигумена Макарія Критянина, которые съ юныхъ лѣтъ жили въ Лаврѣ. (Надпись). Жалѣю, что они сдѣлали это. Отъ ихъ перестройки тутъ пострадала священная древность, и на хорахъ уничтожена келейная церквица св. Аѳанасія во имя пяти мучениковъ Критскихъ, его библіотека и самая келья, гдѣ еще видны были на мраморномъ полу слѣды его колѣнопреклоненій. Изъ литійнаго свѣтлаго притвора срединная дверь ведетъ въ настоящую церковь. На верхнемъ мраморномъ косякѣ ея изсѣчена замыслова-



тая монограмма въ кружкѣ. Я отподобилъ ее. Вотъ она. А читается такъ: ΧΑΙΡΕ ΠΥΛΗ ΚΥΡΙΟΥ, т. е. радуйся двере Господня.

Эти слова, взятыя изъ акаѳиста Богоматери, доказываютъ, что соборный храмъ въ лаврѣ строителемъ его Аѳанасіемъ былъ посвященъ Богоматери. Полагаю, что самъ онъ примыслилъ и монограмму эту.

Въ настоящей церкви большой куполъ покоится на четырехъ сводахъ, опирающихся на каменные массивные устои, а не на легкихъ колоннахъ, какъ въ Иверѣ и Руссикѣ. Изъ сего купола прямо и кругло спущены двадцать мѣдныхъ поясковъ узорчатыхъ; а къ нимъ прикрѣпленъ мѣдный *хоросъ*, тотъ самый, который видѣлъ и описалъ Барскій. „Есть убо сей *хоросъ* нѣкій обручъ мѣдный, равною мѣрою съ куполомъ храма содѣланный, въ широту яко на пядь (4 верш.), но весь сквозѣ дирявъ, изваянный съ переплетеніемъ различныхъ тонко изрытыхъ цвѣтовъ, птицъ и животныхъ, съ частыми вставками орловъ двоеглавыхъ и нѣкіихъ круговъ на подобіе башенъ“. На верхнихъ краяхъ его уставлены 72 свѣчи, а въ срединѣ виситъ великій мѣдный полѵелей трехъярусный съ 36 свѣчами и съ 12 страусовыми яицами: увѣнчанъ же онъ летящимъ ангеломъ, который въ десницѣ держитъ мечъ, а въ шуйцѣ вѣнецъ. Во всей же настоящей церкви полъ выстланъ драгоцѣнными мраморами. Послушаемъ, какъ описалъ его Барскій. „Подножіе паче всего зѣло драгое и лѣпое есть, драгими различными мраморами помощено сице художественно и гладко, яко едва познавается соединеніе; кій же языкъ по достоянію изрещи, или каковая трость описати подробно возможетъ оныя различныя струи? Дски суть широки, на пять пядій, длиною же на десять, всѣ отъ бѣлаго чистаго мрамора съ дымообразными или облачными водами, сице художественно камень къ камню и воды къ водамъ соединены, яко идѣже вкупѣ два

или четыре камня, аки единъ цѣлъ быти зрится на подобіе краснотканной плащаницы; между же ими иныя червонныя, а иныя сивыя и рябыя, а иныя инако скрижали съ разными на нихъ водами; помежду же всѣми нѣкіе узкіе поясы отъ различныхъ дробныхъ мраморовъ упещренны, иже къ многой похвалѣ художника и къ великому удивленію зрящаго возбуждаетъ". — И я весьма любовался этимъ изящнѣйшимъ поломъ церковнымъ и художественнымъ устройствомъ его. Лавріоты берегутъ его, какъ зѣницы очей своихъ и моютъ розовою водою. Честь и хвала имъ за это! Видно: они твердо помнятъ, что Господь совершилъ Тайную Вечерю въ горницѣ богато *убранной и постланной* и въ этомъ подражаютъ Ему.

Стоя подъ куполомъ, любуешься иною прекрасною особенностію: я разумѣю *невиданное* у насъ устройство праваго и лѣваго хора старцовъ по линіи предъиконостасной. Тутъ полукруглыя стѣны, отъ самаго пола аршина на два и десять вершковъ вверхъ облицованы бѣломраморными красивыми плитами, а выше ихъ, аршина на два слишкомъ, украшены цвѣтистыми изразцами иждивеніемъ цареградскаго патріарха Діонисія (1660—1665 г.) *). Къ этимъ стѣнамъ приставлены старческія стоялища, *ςασίδια*, самой изящной токарно-столярной работы. На этихъ стоялищахъ властные и почетные старцы, сидя и стоя, слушаютъ Богослуженіе и молятся, порой унисономъ подпѣвая протопсалту. На На краю праваго хора супротивъ южныхъ дверей алтаря водруженъ игуменскій тронъ подъ балдахиномъ, весь изъ орѣховаго дерева, самой вычурной рѣзной работы. Къ задку его прикрѣплена икона св. Аѳанасія аѳонскаго. Онъ на дскѣ написанъ въ ростъ. Лице его благообразно. Раздвоенная на двѣ пряди борода его длинна. Колоритъ иконы темно красноватъ. Живопись—

*) Выше стоялищъ, яко па сажень въ высоту, усажденны суть стѣны нѣкіими отъ черепія драгаго полированными дсками, иже сице суть зѣло гладки и блистательны, аки зеркало, яко ни прахъ къ нимъ не можетъ пристати; таковые же дробные и удивительно прилѣплены суть на нихъ цвѣты, яко едва сложеніе скрижалей познавается, ибо аки едина цѣла одежда удивительно тканна окрестъ распростерта зрится. Бысть же сіе

Влахоболгарская. Св. Аѳанасій держитъ въ рукѣ хартію съ словами: ἈΓΑΘΗ ΨΥΧΗ ΒΡΥΗ ΔΑΚΡΥΑ· ΠΡΟΣΕΥΧΗΙΔΕ ΚΤΑΤΑΙ ΣΟΦΡΩΣΥΝΗ: *добрая душа источаетъ слезы, а молитвою пріобрѣтается цѣломудріе.* У ногъ сего угодника Божія на сребропозлащенномъ окладѣ иконы вычеканены двѣ греческія надписи крупными буквами. Вотъ онѣ въ русскомъ переводѣ: † Іоаннъ Владиславъ великій воевода во Христѣ Богѣ вѣренъ господарь и самодержецъ всей Угровлахіи. † Анна благочестивѣйшая великая воеводица во Христѣ Богѣ вѣрная и самодержица всей Угровлахіи. Онъ и она въ ростъ вычеканены на сребропозлащенныхъ обраміяхъ иконы по обѣ стороны св. Аѳанасія въ уровень съ стопами его. Чеканъ—не изященъ. Годъ не намѣченъ. Но изъ исторіи Угровлахіи извѣстно, что Владиславъ управлялъ этимъ княжествомъ въ 1521 году. Это Владиславъ вторый: а первый господарствовалъ съ 1427 года по 1445-й. Слѣдовательно описанная мною икона прислана въ лавру Владиславомъ въ 1521 году. Съ нея пишите образъ св. Аѳанасія аѳонскаго.—Въ обоихъ старческихъ хорахъ предъ протопсалтами стоятъ деревянные налои для клиросныхъ книгъ, изящно облицованные самою узорчатою мозаикою изъ перламута, слоновой кости и индійской черепахи. А предъ мѣстною иконою Спасителя поставленъ налой подъ праздничныя иконы такой же узорчатый. Греческая надпись на немъ гласитъ, что работалъ его Іоанулъ перламутовый мастеръ, σετεφζή, въ августѣ 1680 года.

Деревяннаго иконостаса въ Лаврскомъ соборѣ не было еще въ 1744 году. Тогда вмѣсто его стоялъ современный постройкѣ сего святилища *Дистилонъ* (Двустолпіе) мраморный, который и теперь видѣнъ внутри алтаря. Вотъ какъ описалъ его Барскій: „Обоюду (т. е. по обѣ стороны) царскихъ вратъ суть столпы мраморные четыре, зеленые съ бѣлыми своды (крапинами), яко полторы сажени высоты, толсты же, яко объяти человѣку единою рукою, съ надглавниками отъ бѣлаго мрамора, съ хитрымъ изсѣченіемъ на нихъ животныхъ, вверху же ихъ дски мрамор-

этотъ Дистилонъ съ основаніемъ его и тумбами видѣлъ и я. Двѣ колонны изъ зеленаго мрамора съ бѣлыми крапинами понынѣ стоятъ по правую сторону царскихъ вратъ, и двѣ такія же по лѣву сторону ихъ. Въ складкахъ капителей ихъ видны изваянные овны. Между этими колоннами никакихъ мѣстныхъ образовъ не было, потому что нѣтъ и гнѣздъ для нихъ. Дистилонъ былъ сквозной по обычаю времени св. І. Златоустаго, дабы сквозь него всѣмъ было видно совершеніе Тайной Вечери. А завѣса прикрѣплялась къ сѣни надъ св. Трапезою, какъ это и теперь видно въ алтарѣ святогробскаго храма въ Іерусалимѣ. Деревянный иконостасъ, закрывающій этотъ мраморный Дистилонъ, и такіе же иконостасы въ другихъ лаврскихъ церквахъ устроены уже въ 1770—80 годахъ. (*Надписи*) Весьма сожалѣю объ этой деревянной замѣнѣ мраморной древности. Теперь приходишь въ церковь на тайную вечерю, и не видишь ни св. трапезы, ни совершителей величайшаго Таинства. Но откуда это деревянное нововведеніе? Разумѣется, отъ насъ. Аѳонцы частенько бывали въ Москвѣ, видали тамъ великолѣпные иконостасы въ нѣсколько ярусовъ, позлащенные и уставленные множествомъ образовъ въ серебрянныхъ окладахъ, и давай подражать намъ. А не надлежало бы имъ дѣлать сего, потому что наши многоярусные иконостасы не Византійскіе, а Египто-Коптскіе. Впрочемъ грѣха нѣтъ въ томъ, что мраморный безъиконный Дистилонъ замѣненъ деревяннымъ иконостасомъ съ св. образами. Каковы же образа эти въ Лаврскомъ соборѣ? Макарій Кидоніецъ въ своемъ Проскинитаріи (1772 г.) донельзя расхвалилъ четыре большія иконы, двѣ царя Алексѣя Комнина, и двѣ царя Андроника Палеолога. Но первыхъ я не видалъ, а вторыя описалъ подробно. Вотъ мое описаніе. На мѣстной (sic) иконѣ Спасителя густые волосы съ проборомъ надъ челомъ, орѣховаго—рыжеватаго цвѣта, закинуты на спину; чело открыто; глаза остры; брови дугообразны; носъ прямъ; ланиты оттѣнены густо, и потому лице кажется узковатымъ и строго постнымъ; уста малы, сжаты и выпуклы, какъ будто что-то задерживаютъ выдавшимися впередъ губами; выя

толста; срачица малиноваго цвѣта, а верхній хитонъ—синій съ отливомъ зеленоватымъ; правый рукавъ срачицы у плеча прошитъ золотомъ; десницею Христосъ благословляетъ, какъ архіерей, т. е. именословно, а шуйцею держитъ раскрытое Евангеліе, въ которомъ по гречески написано: *Пріидите ко мнѣ вси труждающіися и обремененніи и проч.* Икона эта хорошо сохранилась. По мнѣ она—Андроникова.—Мѣстная икона Богоматери—неблагообразна. Чело ея закрыто омфоріономъ; глаза миндальнообразны, а выраженіе ихъ строго, даже сурово и непріятно; вѣки глазъ, обѣ стороны лица у самаго носа, и окраины ланитъ у ушей оттѣнены слишкомъ густо; носъ прямъ и въ концѣ загнутъ внизъ; на омофоріонѣ видны двѣ звѣзды и слова у кисти правой ручки: ἐν ἱματισμῷ διαχρύσῳ περιβεβλημένη, πεποικιλμένη т. е. *въ одежду позлащенную облеченна, испещренна;* божественный Младенецъ ея не по возрасту смотритъ строго; волосы на головкѣ его орѣховаго цвѣта; чело велико; глаза и брови черны; обѣ стороны ланитъ оттѣнены густо; уста малы и хороши; срачица на немъ синяя, а хитонъ малиноваго цвѣта; вся эта одежда прорисована золотыми полосками; десницею Онъ благословляетъ, *какъ вседержитель, а не какъ архіерей*; въ шуйцѣ держитъ свитокъ судебъ міра; сходства съ Матерію нѣтъ. Фонъ этой иконы закрытъ чеканною ризою, на окраинахъ которой видны чеканные образки: а чеканъ весь составленъ изъ разводныхъ цвѣтовъ въ кружкахъ.—Такихъ образовъ много въ церквахъ восточныхъ. Кто-то изъ иконописцовъ времени Андрониковъ, старшаго и младшаго (13—14 вѣк.), задалъ тонъ собратіямъ своимъ по ремеслу писать иконы Спасителя и Богоматери съ выраженіемъ строгимъ, аскетическимъ и съ густымъ оттѣненіемъ ланитъ и носа, дабы лица казались узки и сухощавы. Такія иконы нравились монахамъ. Но не таковы тѣ образа Господа и Матери его, которые описаны въ Евангеліяхъ! І. Христосъ въ этихъ св. книгахъ—не аскетъ! Впрочемъ при сужденіи о древнемъ церковномъ иконописаніи на востокѣ и о погрѣшностяхъ его надобно имѣть въ виду достойное вниманія желаніе во-

сточныхъ христіанъ и ихъ пастырей, боявшихся идолопоклонства, желаніе имѣть въ церквахъ и домахъ св. иконы такія, которыя только бы напоминали о божественномъ, и не развлекали бы молитвы своими красотами, то есть иконы лініеочертательныя, темноватыя, невыказывающіяся изъ полотна, напротивъ какъ бы скрывающіяся въ небесахъ. Иные вѣка и иное иконописаніе! Мы никогда не будемъ идолопоклонниками, и потому можемъ имѣть св. образа, написанные естественно и прекрасно. Однако и въ наше время для христіанъ, молящихся иконѣ, а не первообразу ея, и черезъ чуръ привязанныхъ къ старинѣ, лучше писать образа по старинному, поаѳонски. Suum cuique: каждому свое! У кого вѣра уяснена, тому въ руки икона Рафаелевская: а у кого она не освѣщена, тотъ пусть пріобрѣтаетъ иконы въ родѣ Аѳонолаврскихъ, о которыхъ продолжаю рѣчь мою.—Въ соборномъ храмѣ надъ южнымъ входомъ въ алтарь указываютъ небольшую икону Спасителя и говорятъ, что она принадлежала царицѣ Ѳеодорѣ, возстановившей почитаніе св. образовъ въ 842 году. Къ сожалѣнію я не разсмотрѣлъ ее. Не описана мною и та икона, которая виситъ у лѣваго клироса, и которая пожертвована Угровлахійскимъ Воеводою Винтиломъ (1533—4 год.). Предъ обѣими иконами этими горятъ неугасимыя лампадки. Въ литійномъ притворѣ къ срединной колоннѣ, что направо, прикрѣплена немалая икона, представляющая Соборъ безплотныхъ силъ и слугъ Господа—Ἡ Σύναξις τῶν ἀσωμάτων καὶ λειτουργῶν Κυρίου, 1614 года. Архангелы и ангелы держатъ въ ручкахъ своихъ образъ Еммануила. Всѣ лица тутъ немиловидны, и немножко кривоносы; у глазъ свѣта, одежды, крылья, орари на ангелахъ все это прорисовано золотистыми полосками. Внизу иконы подписано по гречески, что она изготовлена иждивеніемъ Солунскаго священника Антонія Оксига въ 24 день декабря мѣсяца 1614 года.—Въ томъ же притворѣ налѣво отъ входа въ настоящую церковь къ стѣнѣ прикрѣплена большая икона Богоматери на доскѣ. Ее ублажаютъ ангелы и

творецъ и великомученикъ Димитрій. Тутъ всѣ лица слишкомъ оливковы, а одежды ихъ зелены. Внизу подписано по гречески, что эту икону живописалъ въ 1742 году іеромонахъ Парѳеній Аграфіотъ.—Въ соборномъ храмѣ у игуменскаго мѣста большая икона св. Аѳанасія аѳонскаго на декѣ написана въ 1836 году Аѳонскимъ живописцомъ Іоасафомъ. Она есть наилучшее произведеніе кисти его.—Предъ мѣстными иконами стоятъ весьма высокіе подсвѣчники, отчетливо вылитые изъ желтой мѣди съ круглыми яблоками. Они весьма красивы и велелѣпны. Два изъ нихъ пожертвованы въ Лавру въ 1741 году Константиномъ Парасхомъ, жителемъ города Іоаннины, а другіе два, выше и больше, Солунскимъ гражданиномъ Іоасафомъ. Я любовался ими не менѣе того Венеціанскаго мастера литейныхъ дѣлъ, который въ 1772 году былъ въ Лаврѣ и восхищался ими, приговаривая: лучше этихъ подсвѣчниковъ нѣтъ и въ самой Венеціи. (Προσκυνητάρ. τῆς ἁγ Λαύρας, ὑπὸ Μαχαρίου Κυδώνεως).

Войдемъ въ алтарь святый. Здѣсь царскіе врата, облицованныя самою изящною и тонко-художною мозаикою изъ перламута и индійской черепахи, устроены иждивеніемъ Лаврскаго игумена Германа въ 1631 году. Святая трапеза—не квадратна, какъ у насъ, а болѣе длинна, чѣмъ широка, какъ въ Кіевской лаврѣ и св. Софіи. Надъ нею водружена деревянная сѣнь съ главою на четырехъ колоночкахъ; рѣзьба ея позлащенная весьма узо́рчата. Подъ сводомъ ея *виситъ* (sic) св. Артофорій (по нашему Дароносица) сребрекованный и позлащенный, имѣющій видъ церкви. Предъ нимъ сзади стоитъ высокій крестъ, такъ же сребрекованный и позлащенный и по мѣстамъ осыпанный дорогими камнями. Напрасно нѣкоторые усвояютъ его Константину великому, при которомъ ни Лавры, ни монаховъ не было на Аѳонѣ, и послѣ котораго, спустя долгое время, въ Цареградѣ святительствовалъ св. Григорій Богословъ, *вычеканенный на окладѣ сего креста*. Скорѣе можно признать его пожертвованіемъ строителя Лавры Никифора Фоки. (964 г.)—Алтарь, освѣща-

Вечери, направо Діаконикonъ для освященныхъ сосудовъ, и налѣво жертвенникъ для проскомидіи. Весь онъ устланъ драгоцѣнными мраморными досками. А сколько въ немъ святынь! И какія святыни!

— Цѣлая глава св. Василія великаго и чудотворная глава св. великомученика Александра, иже въ Пиднѣ. Обѣ онѣ даны Лаврѣ ктиторомъ ея царемъ Никифоромъ при Хрисовулѣ его.

— Цѣльбоносная глава св. Михаила Синадскаго Исповѣдника, прогоняющая саранчу. Ее и двѣ частицы св. Іоанна Златоустаго, при хрисовулѣ, лаврѣ даровалъ царь Василій Порфирородный, (976—1028 г.) а сребропозлащенный ковчегъ для сей главы, украшенный дорогими камнями и зеркальцами, изготовилъ Валахскій господарь Константинъ Бассараба. (1691 г.).

— Всечестная глава св. великомученика Евстратія. Она и нижняя челюсть св. Өеодора Стратилата пожалованы при хрисовулѣ царемъ Константиномъ Мономахомъ. (1042—1054 г.)

— Глава св. мученицы Минодоры вмѣстѣ съ вышеописанными мною мѣстными иконами дарована, при хрисовулѣ, царемъ Андроникомъ Палеологомъ Старшимъ (1282—1328 г.) или младшимъ (1328—1341 г.)

— Чудотворная глава преподобнаго Өедора Новаго, освященнаго. Она много чудесъ творила въ Молдавіи въ господарство воеводы Григораска.

— Глава и рука св. Григорія Армянскаго.

— Нижняя челюсть св. Прокопія благоухающая.

— Частицы мощей, *свв. апостоловъ:* Луки, Андрея, Варнавы, Прохора и Тита, св. архидіакона Стефана; *свв. Отцовъ:* Игнатія Богоносца, Іоанна милостиваго и св. Антипы; *свв. мучениковъ:* Кирика, Никиты, Евстаөія, Артемія, Фоки, Андроника, Акиндина, Мины, Іакова Перса, двухъ Өеодоровъ, Ермолая, Пантелеимона, Іакинөа, Аникиты, и мѵро св. Димитрія великомученика; св. Константина Великаго; *свв. женъ:* Өеклы, Іулиты, Пе-

и Іоанна; *Преподобныхъ*: Θеодора Студита, Стефана Новаго, Даніила Столпника, Θеодосія Киновіарха, Евθимія Великаго, Ефрема Сирина, Луки Стирійскаго, Пахомія, Сампсона страннопріимника и Евдокима Праведнаго.—Всѣ эти мощи въ сребропозлащенныхъ ковчегахъ и ковчежцахъ сохраняются въ красивомъ шкафѣ, а въ немъ—въ 12-ти выдвижныхъ ящикахъ, по числу 12 мѣсяцовъ. Предъ ними горитъ неугасимая лампада *).

— Въ алтарѣ на маломъ столѣ лежитъ греческое Евангеліе, написанное на большихъ листахъ бѣловатаго отличнаго пергамина и пожертвованное Лаврѣ царицею Ириною Палеологиною по просьбѣ царедворца Димитрія: что видно изъ слѣдующей приписки на немъ: Προσετέθη τὸ παρὸν ἅγιον εὐαγγέλιον ἐν τῇ λαύρᾳ τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Ἀθανασίου παρὰ Εἰρήνης τῆς εὐσεβεστάτης Αὐγούστης Παλαιολογίσσης. Καὶ οἱ ἀναγιγνώσκοντες αὐτὸ ἔυχεσθε ὑπὲρ αὐτῆς.—Οἱ πατέρες μέμνησθε τοῦ Δημητρίου τοῦ τὸ εὐαγγέλιον αἰτησαμένου: *Приложено сіе святое Евангеліе лаврѣ преподобнаго отца нашего Аѳанасія Ириною благочестивѣйшею императрицею Палеологовною. Читающіе же оное молитесь о ней.—Отцы поминайте Димитрія, выпросившаго сіе Евангеліе.* Почеркъ этой рукописи крупенъ и четокъ. Вотъ образчики его: Δόξα ἁγίω ἡμᾶς

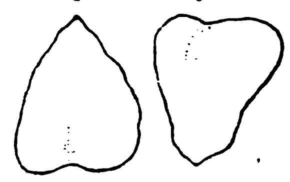
Жалѣлъ я, что недостало у меня времени для отчетливаго разсмотрѣнія этого дара благочестивой царицы: но за то вельми утѣшенъ былъ, когда мнѣ показали другіе священные предметы, хранящіеся въ алтарѣ Собора. Перечисляю ихъ здѣсь памяти ради.

— Крестъ изъ Животворящаго Древа, длиною вершка въ четыре, а толщиною съ перстъ, положенный плашмя, съ двумя, поперечниками изъ того же Древа, одинъ другаго короче, кои перевязаны серебряною проволокою, и съ словами внизу: ΑΘΑ-

*) Изъ Проскинитарія св. Лавры, составлен. Макаріемъ Кидонійскимъ. Въ этой книжицѣ нѣтъ и помину ни о волосахъ Христовыхъ, ни о млекѣ Богоматери, кои видѣлъ Барскій.

ΝΑΣΙΟΥ ΜΟΝΑΧΟΥ. Эту святыню при хрисовулѣ пожертвовалъ Лаврѣ Аѳанасія другъ его греческій царь Никифоръ Фока.

— Другой крестъ изъ того же Древа, немного меньшій перваго, при хрисовулѣ данъ лаврѣ блаженной памяти царемъ Михаиломъ Дукою, сыномъ Константина Дуки, прозывавшимся Парапина́ки (1071—1078 г.). Эта святыня хранится въ сребропозлащенномъ ковчегѣ изящной работы. Въ крышку его вставлены четыре жемчужины, каждая величиною больше волосскаго орѣха.



Вотъ видъ и объемъ ихъ. Животворящее Древо—не черно въ поперечникахъ. Дверь ковчега—створчатая, въ два полотнища. Внутри много мощей. Надъ каждыми мощами финифтяный образокъ. На полотнищахъ много иконокъ съ дорогими камнями и эмалью.

— Третій крестъ изъ того же Древа, принадлежавшій игумену лавры Григорію іеромонаху, какъ это видно изъ собственноручной записи его 6752—1244 года, въ которой онъ выразилъ, что эта святыня досталась ему по наслѣдству отъ предковъ его. Она осыпана дорогими камнями.

— Четвертый крестъ изъ того же Древа въ серебряной оправѣ, древнѣйшій. Отъ него струится неизрѣченное благоуханіе, потому что на немъ и около него въ ковчегѣ размѣщены орудія страданій Христовыхъ. Барскій весьма вѣрно описалъ его: „крестъ среброкованъ, съ украшеніемъ злата и эмали, великъ, больше пяди, съ подписью подъ титлою нѣкоего іеромонаха Давида, на немъ же суть три поперечія, горѣ и низу малыя, посреди же великое; содержитъ же въ себѣ многія заключенныя вещи отъ страстей Христовыхъ. На горнѣмъ возглавникѣ частица мала отъ честнаго Древа, нижае мало частица отъ сакоса (Хитона Христова); на прежднемъ же поперечіи одесную багряница и честная кровь, ошуюю же трость и терновъ вѣнецъ; въ долготѣ же нижае Хламида и святые Христовы Власы. Всѣ сіи малы частицы дверцами

— Два креста изъ золота съ св. образами на финифти, превосходной филогранной работы.

— Древніе складни небольшаго размѣра съ тремя образами, Эммануила, Богоматери и Предтечи. Они будтобы принадлежали царицѣ Ѳеодорѣ, супругѣ иконоборнаго царя Ѳеофила, и спасены ею отъ истребленія, яко бы куклы, или игрушки. Отроческій ликъ Еммануила я удачно отподобилъ чрезъ прозрачную бумагу *) не столько какъ древность, которой вѣка опредѣлить нельзя, сколько какъ рѣдкость, до сей поры невиданную мною. Мысль изображать Спасителя, какъ Эммануила отрока, и дарить такой образъ дѣтямъ, эта мысль полюбилась мнѣ такъ, что если бы я былъ начальникъ нашей академіи художествъ, то далъ бы задачу живописцамъ изобразить божественно-отроческій ликъ т о г о, о которомъ Исаія вѣщалъ: *Отроча родися намъ Сынъ... Эммануилъ, съ нами Богъ.*

— Небольшая икона св. Іоанна Богослова, въ $5^1/_2$ вершковъ, вся составленная изъ воскомастичной мозаики, весьма замѣчательна. На ней искусно подобраны и по рисунку соединены мельчайшіе, тончайшіе, разноцвѣтные, а больше позлащенные столбцы воскомастичные для изображенія лика Богослова. Надъ нимъ видно знаменіе втораго пришествія Христова, называемое Греками ΠΑΡΟΥΣΙΑ, то есть престолъ съ крестомъ: а на серебряныхъ рамочкахъ мелкой и узорчатой работы помѣщены девять образковъ, написанныхъ на эмали, именно: Іоаннъ Предтеча, Іоаннъ Златоустый, Іоаннъ Коловъ, Іоаннъ Безсребреникъ, Іоаннъ милостивый, Іоаннъ Постникъ, Іоаннъ Дамаскинъ и родители предтечи Захарія и Елисавета. Самъ же Іоаннъ Богословъ изображенъ такъ: онъ держитъ писчую трость и евангеліе съ словами, Ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ Λόγος—*Въ началѣ бѣ Слово*; старческое чело у него открыто и возвышенно; носъ толстъ и широкъ; указательный перстъ приставленъ къ устамъ въ знаменіе того, что Богъ Слово раждается отъ Отца, какъ наше слово, *исходящее изъ нашихъ устъ*, раждается отъ нашего ума. Фонъ иконы, лице Евангелис-

*) Онъ помѣщенъ въ моемъ Живописномъ Обозрѣніи Аѳона.

та, вѣнецъ и одежда, все это сдѣлано изъ позлащенной мозаики. Общій отсвѣтъ ея—золотистый, но уже потускшій отъ давности времени.

— Хороши и цѣнны и слѣдующія вещи: Церковно-славянское евангеліе изъ Россіи такой громадной величины, что два іеродіакона едва выносятъ его въ минуты малаго выхода четыре раза въ годъ, серебряная ладанница въ видѣ пятиглавой церкви превосходной работы, серебряное блюдо для благословенія хлѣбовъ, и *языкъ дракона*, оправленный въ серебро.

Изъ Литійнаго притвора соборной церкви входятъ направо въ придѣлъ святителя Христова Николая, а налѣво, въ придѣлъ святыхъ сорока мучениковъ. Оба они помѣщены въ западной части церкви, за боковыми линіями ея, такъ что примыкаютъ къ ней только одною стѣною, первый сѣверною, а вторый южною, остовы же ихъ стоятъ отдѣльно у боковыхъ линій собора. Такая постановка придѣловъ въ такихъ мѣстахъ весьма разумна. Въ обоихъ ихъ, смотря по надобности, можно совершать богослуженіе въ то самое время, когда въ главной церкви служится литургія, или утренння, или вечерня. При затворенныхъ дверяхъ и при тихомъ цѣніи ни священнослужащіе, ни предстоящіе, во всѣхъ трехъ храмахъ не будутъ мѣшать другъ другу.—Никольскій придѣлъ очень хорошъ. Свѣтлый куполъ его покоится на четырехъ колоннахъ, изсѣченныхъ изъ отличнаго зеленаго мрамора, имѣющаго въ себѣ бѣлыя крапины. За деревяннымъ иконостасомъ, который соорудилъ какой то Игнатій въ 1770 году, скрытъ древнѣйшій Дистилонъ съ четырьмя колоннами и съ тумбами изъ бѣлаго мрамора. Посреди придѣла висятъ паникадило и хоросъ, оба свѣтло-бронзовые, а предъ иконами нѣсколько серебряныхъ лампадъ, изъ которыхъ три неугасимы.—Въ придѣлѣ сорока мучениковъ куполъ поддерживается четырьмя прекрасными бѣло—розовыми колоннами, „зѣло чистой работы и зѣло драгія“, по словамъ Барскаго. Такія же четыре колонны служатъ украшеніемъ Дистилона, скрытаго за деревяннымъ иконостасомъ. А въ этомъ

иконостасѣ достопримѣчательны двѣ старыя, мѣстныя, иконы Сына Божія и Его пречистой матери.

Описываю ихъ подробно: Ширина первой иконы пять четвертей, а вышина почти вдвое. На фонѣ ея у главы Спасителя крупно написано: Ἰς. Χς. ΥΙΟΣ ΘΥ: то есть, Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій: А на прекрасномъ вѣнцѣ, вычеканенномъ изъ серебра съ золотыми мелкотравчатыми цвѣточками и голубою эмалью читается надпись: διὰ συνδρομῆς καὶ ἐξόδου Ἀνθήμου ἱερομονάχου. ΑΧΠ: *содѣйствіемъ и иждивеніемъ Анѳима іеромонаха. 1680 г.*—Волосы у Спасителя, темноорѣховаго цвѣта, пущены по лѣвому плечу; лице оливковаго цвѣта сурово, но очень выразительно и величественно; носъ прямъ; губы полны и написаны отчетливо; усы къ низу; въ устахъ много сладости; яблоко бороды безъ волосковъ; борода мала и клиновата; на шеѣ у праваго плеча видна язвина; будто кровь выступила, когда какой-то Турокъ (послѣ 1821 г.) прокололъ ее чѣмъ—то; Спаситель десницею благословляетъ именословно, а шуйцею держитъ переплетенное евангеліе, закрытое и застегнутое; персты его длинны; срачица на немъ багрянаго цвѣта, а хитонъ—синій съ отливомъ слабозеленоватымъ. Такихъ иконъ не мало я видѣлъ въ Россіи. Въ Аѳоноиверскомъ монастырѣ есть подобная ей, Московскаго письма. Посему я не вѣрю, что описанная мною икона дарована Лаврѣ строителемъ ея Никифоромъ Фокою, не вѣрю тѣмъ поваднѣе, что и Макарій Кидоніецъ въ своемъ Проскинитаріи, 1772 года, назвалъ ее величайшею и древнѣйшею, и только! Скорѣе можно полагать, что она около 1680 года написана была въ Москвѣ наилучшимъ придворнымъ живописцомъ, и оттуда привезена въ Лавру.—Старше ея—мѣстный образъ Богоматери Икономиссы. Онъ широкъ и высокъ, и написанъ такъ: Богоматерь сидитъ на тронѣ съ Божественнымъ Младенцемъ, надъ которымъ парятъ два ангела. Правая ручка ея простерта къ написанному подлѣ нея Самосскому архіерею Мартирію, построившему лѣвый придѣлъ лаврскаго Собора въ 1578 году: къ нему же обращено и лице ея. А на лѣвой сторонѣ изображенъ св. Аѳанасій Аѳонскій. Между нимъ и Богоматерію на

пустомъ пространствѣ написаны слѣдующіе стихи въ видѣ разговора сего преподобнаго Аѳонита и пресвятой Дѣвы:

Ὡς καὶ πάρος ἐμοί γε, Παρθένε Κόρη,
Δόμον ὑπέσχου φυλάττειν ἄχρι τέλους·
Οὕτω καὶ τὸν δὲ, ὃν Μαρτύριος πῆξεν,
Ὁ Σάμου πρώην ἀρχιερεὺς τυγχάνων,
Νῦν δὲ σχολάζων ἐνταῦθα, ὡς καὶ ἄλοι,
Καὶ πάσης βλάβης ἱκετεύω φυλάττειν.
Ὡς τοῦ Ὑιοῦ μου μεσίτριά τε πέλων
Καὶ τὸν δὲ, Πάτερ, φυλάξω εἰς αἰῶνας.
Ἡ Ὀικόνομος τῆς Λαύρας.

Какъ прежде мнѣ, безневѣстная Дѣво,
Ты домъ обѣщалась хранить до конца:
Такъ и этотъ Придѣлъ, который поставилъ Мартирій,
Бывшій архіерей острова Самоса,
А нынѣ покоющійся здѣсь, какъ и другіе,
Отъ всякаго вреда сохранить умоляю.
Какъ Ходатаица у Сына моего,
И его, отче, сохраню я во вѣки.
Икономисса Лавры.

Въ верхней части сей иконы изображены, Лавра, встрѣча Богоматери и Аѳанасія у утеса, и изведеніе изъ него воды. Колоритъ всѣхъ ликовъ—алый, рыжеватый. На задкѣ иконы не видать ничего, кромѣ червоточины. Годъ написанія ея не обозначенъ. Но я полагаю, что она изготовлена въ 1578 году, въ которомъ исторированъ былъ построенный епископомъ Мартиріемъ лѣвый Придѣлъ лаврскаго Собора, какъ это подтверждаетъ тамошняя надпись надъ западною дверью внутри Придѣла. Икона, о которой идетъ рѣчь, была обновлена въ 1826 году, который и намѣченъ на ней съ добавкою глагола: ἀνακαινίσθη—*возобновлена*.

Весь соборный храмъ расписанъ въ 1535 году монахомъ Ѳеофаномъ, который увѣковѣчилъ свое имя надписью на западной

стѣнѣ сего храма у выхода изъ него въ литійный притворъ. † Ἱστόριται ναὸς μητροπαρθένου Κόρης· ἐξ αὐτῶν κριπίδων ἅμα καὶ βάθρων, διὰ συνδρομῆς, κόπου τε καὶ ἐξόδου Νεοφύτου προέδρου περιφανοῦς Βερροίας· ὁρμωμένου ἐξ Ἀθηνῶν τῇ πόλει· πατριαρχοῦντός τε κυροῦ Ἱερεμίου· ἡγουμενεύοντος κυροῦ Κυπριανοῦ· ἐν ἔτει τῶν ἑπταχιλίων τε εἰκάδι διπλῇ καὶ ἁπλῇ τρίτῃ· ΤΕΡΙΔ ἰνδικτ. η.—Διὰ χειρὸς κυροῦ Θεοφάνους μοναχοῦ: то есть: † Исторированъ (расписанъ) храмъ матеродѣвственной Дѣвы, отъ самыхъ основаній, содѣйствіемъ, трудомъ и иждивеніемъ Неофита предстоятеля (епископа) славной Верріи, урожденца изъ города Аѳинъ, когда патріаршилъ Кир. Іеремія, а игуменомъ былъ кир Кипріанъ въ лѣто семь тысячь двадцатое дважды, да третье (7020†20†3—7043—1535 г.) 14 дня четвертаго мѣсяца (т. е. декабря) индикта 8-го.—Кистію киръ Ѳеофана монаха". Живопись этого художника Макарій Кидоніецъ въ своемъ Проскинитаріи назвалъ предивною и неподражаемою, ὑπερθαύμαστος καὶ ἀμίμητος, а самаго Ѳеофана ученикомъ пресловутаго Панселина περιλαλήτου Πανσελήνου. Но на мой взглядъ нечему тутъ дивиться, а неподражаемость можно замѣнить болѣе хорошими образцами стѣннаго иконописанія. Впрочемъ, это я говорю о рисункахъ и освѣщеніи ликовъ: самое же сочиненіе Ѳеофановскихъ стѣнныхъ изображеній стоитъ того, чтобы срисовать красками наилучшія изъ нихъ для исторіи восточнаго иконописанія. Желая составить эту исторію, я отмѣтилъ эти наилучшія изображенія. Указываю ихъ, начиная съ алтаря. Здѣсь надъ горнимъ мѣстомъ на стѣнѣ написана Богоматерь съ двумя архангелами. Божественный Младенецъ ея очень миловиденъ. Онъ благословляетъ какъ Вседержитель, сложивъ большой палецъ съ мизинцомъ и безъименнымъ перстомъ, и протянувъ прямолинейно персты указательный и средній. Немного ниже сей Богоматери на обѣихъ сторонахъ алтаря изображены ангелы, совершающіе Великій Выходъ съ Дарами въ іерейскихъ ризахъ. Картина у насъ невиданная, хотя мы и слыхали, что ангелы совершаютъ литургію вмѣсто *порочныхъ* священниковъ, которыхъ они невидимо связываютъ. Еще ниже въ запрестольномъ углубленіи и подлѣ него на стѣнахъ алтаря изобра-

жены составители и совершители литургіи: Апостолъ Іаковъ, Василій великій, Іоаннъ Златоустый, Аѳанасій великій, Кириллъ александрійскій, Іоаннъ милостивый, Николай чудотворецъ и Митрофанъ цареградскій.—Въ жертвенномъ отдѣленіи алтаря, гдѣ совершается проскомидія, изображенъ І. Христосъ, какъ Еммануилъ, юный безъ бороды, окруженный четырьмя Евангелическими животными.—Въ небѣ купола помѣщенъ Господь Вседержитель. Отверзтая длань десницы Его напоминаетъ стихъ псалма: *отверзшу тебѣ руку, всяческая исполнятся благости.* Одежда его прорисована полосками. Вокругъ сего образа вылѣплена изъ гипса позлащенная надпись Греческая. Передаю ее по славяно-русски. † Царю небесный, человѣколюбче Господи, призри изъ святаго жилища твоего. и виждь смиреніе наше. да не яростію твоею обличиши насъ. ниже предаждь насъ въ руки враговъ нашихъ, да не рекутъ: гдѣ есть Богъ ихъ. мы же овцы пажити твоея, и имя твое призвахомъ и спаси Боже достояніе твое". Эту надпись я прочелъ съ помощію зрительной трубы, лежа на мраморномъ полу, на который постланъ былъ для меня аскетическій войлокъ, и поворачиваясь тутъ круговидно по направленію кружковъ надписи. Въ шеѣ купола написаны вверху праотцы въ кружкакъ а подъ ними пророки въ ростъ. Я прочелъ имена, Леви, Іуда. У иконостаса достопримѣчательны лики Петра и Павла и отмѣнно хороши большія изображенія Возстановленія почитанія иконъ царицею Ѳеодорою (842 г.) и Обрѣтенія честнаго креста. Первое написано на стѣнѣ по правую сторону иконостаса въ линію съ нимъ, а второе налѣво отъ него на одной же линіи съ нимъ. Перспективы тутъ нѣтъ; но замѣчательны 1) царскіе доместики т. е. пѣвцы, одѣтые въ длинные багряные хитоны, кои подпоясаны, и накрытые остроконечными шляпками въ родѣ корабликовъ, 2) стрижка волосъ на діаконахъ, въ видѣ вѣнца христова (corona Christi) 3) каца въ рукѣ священника, 4) осмиконечность креста, воздвигаемаго епископомъ Макаріемъ, который стоитъ на зеленомра-

ловахъ, кои видны около діакона и епископа, и наконецъ благоговѣйность всѣхъ лицъ и правильность рисунковъ. Эти два изображенія достойны подражанія. Относите ихъ къ разряду греческой живописи называемой Μεγαλογραφία.—За игуменскимъ мѣстомъ, выше его, хорошъ ликъ св. Аѳанасія аѳонскаго. Въ правомъ хоросѣ старцовъ пріятно смотрѣть на стѣнописный образъ св. мученика Евстаѳія въ ростъ. Тамъ же, но выше, любуешься изображеніемъ Преломленія хлѣба въ Еммаусѣ. На южной стѣнѣ собора подлѣ игуменскаго мѣста видѣнъ ктиторъ лавры царь Никифоръ Фока съ пятью хрисовулами въ рукѣ, а супротивъ его на сѣверной стѣнѣ—Винтилъ угровлахійскій Воевода съ сынкомъ Его Іоанномъ Арагици. Винтилъ держитъ въ рукахъ образъ церкви, какъ эмблему пожертвованій его на устройство Лавры. На западной стѣнѣ изображено Успеніе Богоматери, какъ и у насъ.

Въ Никольскомъ Придѣлѣ лаврскаго Собора всѣ стѣны сплошь исторированы живописцомъ Фралгомъ въ 1560 году. Объ этомъ гласитъ слѣдующая надпись начертанная внутри надъ западною дверію: † Ἀνιςορίθη τὸ παρὸν θεῖον καὶ ἱερὸν παρεκκλήσιον τῆς θείας καὶ ἱερᾶς ἡμῶν μονῆς, τοῦ ἐπ᾽ ὀνόματι τιμωμένου τοῦ ἐν ἱεράρχαις μεγίςου καὶ θαυματουργοῦ Νικολάου, διὰ συνδρομῆς καὶ ἐξόδου τοῦ τιμιωτάτου καὶ ἐν μοναχοῖς κυρίου κυπριανοῦ, ἡγουμενεύοντος τοῦ πανοσιωτάτου ἡμῶν πατρὸς κυρίου Ἰγνατίου ἱερομονάχου· ἐν ἔτει ͵ζωξη· ἰνδικτῶνος γ.

† Χεὶρ εὐτελεςάτου Φράλγου τοῦ Κατελλάνου ἐκ Θηβῶν τῆς Βοιωτείας.

† Исторированъ сей божественный и священный Придѣлъ божественной и священной обители нашей, чествуемый во имя величайшаго святителя и чудотворца Николая содѣйствіемъ и иждивеніемъ честнѣйшаго монаха кир Кипріана, когда игуменомъ былъ всепреподобнѣйшій отецъ нашъ киръ Игнатій іеромонахъ, въ лѣто 7068 (1560) индикта 3-го. † Рукою смиреннѣйшаго Фралга Кателлана изъ Ѳивъ, что въ Віотіи.—Кисть сего художника гораздо вѣрнѣе и бойчѣе кисти Ѳеофана. Мнѣ отмѣнно

понравились слѣдующія изображенія: 1) въ алтарѣ надъ восточнымъ окномъ Богоматерь молящаяся съ воздѣтыми къ небу руками и достопокланяемая архангелами: у персей ея миловиденъ божественный Младенецъ Іисусъ; 2) тамъ же въ восточномъ углубленіи стѣны—Спаситель, пріемлющій отъ ангеловъ Дары по великомъ выходѣ, благообразный въ крестчатомъ саккосѣ; 3) тутъ же позади Спасителя — сѣнь надъ св. трапезою *съ завѣсами*; 4) выше иконостаса, снаружи на алтарной аркѣ налѣво—Вознесеніе Христа на небо въ бѣломъ кругломъ сіяніи, сѣдящаго и возносящагося на двухъ полукругахъ небесныхъ ; и 5) надъ западнымъ выходомъ изъ Придѣла—Погребеніе св. Николая чудотворца. Это послѣднее изображеніе отподоблено, раскрашено и помѣщено въ моемъ Живописномъ Обозрѣніи Аѳона. Тутъ на первомъ планѣ видѣнъ усопшій святитель Николай, возлежащій на столѣ, покрытомъ шелковою тканію краснаго цвѣта съ золотистыми оторочками. Онъ облаченъ въ подризникъ, епитрахиль, палицу, фелонь и омофоръ, а на персяхъ своихъ обѣими руками держитъ закрытое евангеліе. Подъ голову его подложена шелковая подушка краснаго цвѣта съ золотистыми шитыми наугольниками. У возглавія его стоятъ два Епископа въ такихъ же облаченіяхъ, одинъ изъ нихъ съ евангеліемъ у персей своихъ, и у ногъ его такъ же два Епископа въ такихъ же облаченіяхъ съ евангеліями у персей: одинъ изъ нихъ кадитъ. Пятый Епископъ припалъ къ персямъ усопшаго святителя. За нимъ стоятъ два діакона въ розовыхъ стихаряхъ: одинъ изъ нихъ читаетъ или поетъ по книгѣ, а другой держитъ кацу съ ѳиміамомъ; на головахъ ихъ видны голыя гуменцы. Позади и около двухъ Епископовъ, стоящихъ у возглавія св. Николая, видны именитые граждане и начальники города Миры Ликійской, всѣ въ богатыхъ одеждахъ и островерхихъ шляпахъ, какъ бы въ шлемахъ: набольшій изъ нихъ въ лѣвой рукѣ держитъ зажженную свѣчу, а персты правой руки сложилъ такъ, какъ слагаетъ ихъ нашъ

жающій ихъ сознаніе, *что они присутствуютъ при отпѣваніи архіерея*. Замѣчательно это и, думаю, достойно подражанія. Позади и около двухъ епископовъ, стоящихъ у ногъ преставльшагося епископа, видны восемь монаховъ въ кукуляхъ и мантіяхъ, одинъ іерей безъ ризъ весьма печальный и подгорюнившійся, три міряннна и, кажется, нѣсколько женщинъ въ тѣни. Позади первой группы, мірской, нарисована каѳедральная церковь святителя Николая съ тремя красивыми куполами, среднимъ большимъ, и боковыми поменьше: входъ въ нее открытъ, а въ глуби видѣнъ престолъ съ евангеліемъ на немъ. Позади второй группы, монашеской, изображены отворенныя ворота города Мѵры въ видѣ зубчатой башни. Надъ всею этою картиною въ разверзтомъ небѣ видны два ангела, принявшіе душу святителя Христова, облаченную въ архіерейскія одежды. Картина превосходная! Всѣ лица—разнообразны и весьма благообразны; и во всѣхъ ихъ выражена печаль.—А колоритъ всей стѣнной живописи—естественный. Лица бѣлы. Это—образецъ иконнаго письма Греко-Ѳессалійскаго!

Въ другомъ Соборномъ Придѣлѣ, который посвященъ памяти 40 мучениковъ, показываютъ гробницу св. Аѳанасія аѳонскаго. Ее видѣлъ нашъ Барскій въ 1744 году и описалъ такъ: „гробъ святаго Аѳанасія мраморами бѣлыми покрытъ, съ четырьмя сребряными присногорящими кандилами; тутъ и два жезла желѣзные, единъ на подобіе патерицы, а другій простъ съ крестомъ на верху, ими же святый Аѳанасій, въ житіи своемъ путешествующій, подпирашеся и бѣсы прогоняше и иныя чудеса творяше". Эти жезлы и эту гробницу видѣлъ и я. На ней лежитъ покровъ съ вышитымъ ликомъ преподобнаго основателя лавры. Монахи говорятъ, что останки его были взяты изъ этой гробницы ближайшимъ преемникомъ его и похоронены въ какомъ-то потаенномъ мѣстѣ, потому-де, что св. Аѳанасій, какъ нѣкогда Антоній Великій, не хотѣлъ, чтобы мощамъ его воздаваемо было почтеніе. Пусть будетъ такъ. Но за всѣмъ тѣмъ я думаю, что останки св. Аѳанасія, разможженные упадшимъ на него сводомъ ал-

таря, похоронены были не въ нынѣшнемъ Придѣлѣ 40 мучениковъ, котораго тогда и не было, и который построенъ Самосскимъ епископомъ Мартиріемъ немного ранѣе 1578 года, а на мѣстѣ сего Придѣла, снаружи, у сѣверной стѣны построенной имъ соборной церкви, но отсюда взяты были уже тогда, когда Лавра признавала власть Папы, (1211—1216 г.) взяты ревнителями Православія, и схоронены ими, Богъ вѣсть, гдѣ, по смерти же ихъ самихъ не возвращены въ Лавру, которая однако хорошо помнила мѣсто первоначальнаго погребенія ихъ и положила на немъ мраморную плиту, когда вышепомянутый Мартирій поставилъ тутъ Придѣлъ 40 мучениковъ. Какъ бы то ни было, но дорого и мѣсто погребенія преподобнаго преобразователя аѳонскихъ монастырей. Придѣлъ, о которомъ идетъ рѣчь, расписанъ былъ иждивеніемъ боголюбезнѣйшаго епископа Червенскаго кир Паисія, когда игуменомъ Лавры былъ Іосифъ, въ лѣто 7086 (1578-е *Надпись*). Но эта стѣнопись замѣнена новою безобразною въ 1854 году *(Надпись)*.

Заключаю свое описаніе лаврскаго соборнаго храма словами Барскаго: „весь убо предреченный храмъ столповъ мраморныхъ имать 37, вратъ же 12, отъ запада и по бокамъ въ папертѣхъ сѣмо и овамо расположенныхъ, оконъ же больше 70, но и сице не весьма свѣтелъ есть ради многихъ притворовъ, едины другихъ закрывающихъ, къ тому же и окна нарочно содѣланы суть малы ради великихъ и бурныхъ вѣтровъ, отъ Аѳона низко ходимыхъ и зданія до зѣла колеблющихъ“.

Предъ западнымъ портикомъ Лаврскаго собора, на открытомъ дворѣ, подъ сѣнію многовѣковыхъ кипарисовъ, поставлена замѣчательная водосвятная чаша, φιάλη, вся съ подножіемъ изсѣченная изъ цѣльной массы сиваго мрамора. Окруженная колоннадною пролетною ротондою, которая имѣетъ свой куполъ, покрытый свинцовыми листами, она очень велика. Вышина ея въ семь четвертей, а верхняя окружность въ $7^1/_2$ аршинъ. Барскій описалъ ее весьма вѣрно. Прочтемъ это описаніе его. „Предъ

созданна Водосвятильница, имущая главу, оловомъ лѣпо покровенну, внутрь же красно иконописанна съ чудесами, яже сотворишася въ Іорданѣ. Глава виситъ на осьми столпахъ тонкихъ мрамора бѣлаго. Окрестъ не выше пояса человѣческаго Водосвятильница сія великими мраморными скрижали ограждена, съ двумя входами отъ востока и запада: выше же скрижалей вся насквозь зрима, понеже есть отъ столпа до столпа сводами окружена, и верху столповъ крѣпости ради вся желѣзомъ связана. Имянуется же отъ святогорцовъ *Фіали*, си есть Чаша, понеже посредѣ онаго зданія стоитъ чаша мраморная, на сіе особливо опредѣленна, да великое въ праздникъ Богоявленія Господня совершается водосвятіе, такожде и въ началѣ коегождо мѣсяца малое да бываетъ. Окружаетъ убо внѣ все зданіе саженей десять. Чаши же таковой удивительной нигдѣ во всемъ моемъ странствованіи не обрѣтохъ. Како бо неудивительна, яко вся съ подножіемъ отъ единаго мрамора дымобѣлозрачнаго или сиваго изсѣченна, яже высоты имать пять точію пядій, широты же окрестной пядій тридесять три; посреди же имать высокую мѣдную трубу водруженну, въ ней же въ два ряда окрестъ суть изваянны болваны, на подобіе львовъ и коней крылатыхъ, верху же ихъ орелъ прямостоящъ съ распростертыми крыльями, верху главы имущій два рога и посредѣ роговъ крестъ; (креста я уже не видалъ). Во время убо освященія воды нарочно подъ землею пущается вода въ трубу. а изъ трубы чрезъ уста и ноздри различныя тонкія точатся струи въ туюжде широчайшую чашу зѣло удивительно; ибо труба оная не простаго художества, но Венецкаго; суть же струй всѣхъ числомъ двадесять осмь; надъ трубою же сверху виситъ паникандило лѣпое, на немъ же въ праздникъ Богоявленія Господня вжигаются свѣщи, егда бываетъ великое Водосвятіе". Къ этому описанію водосвятнаго фіала я присовокупляю свои дополненія. Между осьмью бѣломраморными колоннами, составляющими водосвятную ротонду, вставлены бѣломраморные же щиты широкіе и не низкіе (у Барскаго скрижали) числомъ шесть, съ изваянными на нихъ *миѳологическими* (sic) об-

разинами. Четыре изъ нихъ срисованы и помѣщены въ моемъ живописномъ обозрѣніи Аѳона. На первомъ щитѣ, раздѣленномъ на двѣ продольныя половины изваянными узкими извитіями, въ первой половинѣ, направо, видѣнъ левъ вскочившій на бычка и пожирающій заднюю часть его: это эмблема Аполлона: а во второй половинѣ, налѣво, раздѣленной пополамъ впоперекъ такими же извитіями, вверху изваяны два крылатые грифона, клюющіе стоящее посреди ихъ дерево, а подъ ними двѣ птицы, какъ бы пьющія воду изъ поставленнаго между ними сосуда. На второмъ щитѣ, раздѣленномъ на двѣ продольныя половины и съ четырехъ сторонъ окаймленномъ узорчатыми неузкими плетеницами, въ первой половинѣ выпукло изсѣченъ левъ, стоящій на волѣ и пожирающій его задницу, а во второй видны два павлина подъ какимъ-то цвѣтистымъ растеніемъ: одинъ изъ нихъ пьетъ воду изъ чаши, поставленной на столбикѣ, а другой клюетъ листъ, похожій на сердце. Въ срединѣ третьяго щита въ кругѣ выпукло изсѣченъ пеликанъ, стоящій на зайцѣ и клюющій голову его: а на четырехъ углахъ сего щита въ кружкахъ видны три звѣздчатые орнамента, четвертый же въ родѣ Мальтійскаго креста. Четвертый щитъ окаймленъ съ четырехъ сторонъ не неширокими полосатыми увяслами, и раздѣленъ на четыре равные четвероугольника. Въ первомъ изъ нихъ, направо, изваяна птица съ распущенными и опускающимися книзу крыльями, схватившая предлиннаго змія у головы его, который полукругомъ взмахнулъ свившееся въ три кольца туловище свое и хвостъ къ самой головѣ птицы: а подъ нею во второмъ квадратѣ изсѣченъ двурогій олень, бѣгущій отъ преслѣдующей его собаки, и обернувшій свою голову къ птицѣ, приставившей правую ногу свою ко рту оленя; въ третьемъ квадратѣ, налѣво, птица съ опущенными внизъ крыльями попираетъ двумя ногами своими двухъ зміевъ, взмахнувшихъ туловища свои къ головѣ ея съ двухъ сторонъ; въ четвертомъ квадратѣ на срединѣ стоитъ дерево, а къ нему подлетѣли двѣ птицы, и съ двухъ противуположныхъ сторонъ вцѣпились въ него своими когтями, поджавъ свои крылья. Всѣ эти изваянія не изящны. Колонны весьма

древни. Наглавія ихъ вычурны, съ фестончиками, какъ бы въ Мавританскомъ вкусѣ.—Этотъ Фіалъ и колокольню у собора устроилъ игуменъ Лавры Іоаннъ въ 1060 году. Доказательствомъ сему служитъ современная надпись на песчаниковой плитѣ у входа въ братскую трапезу. Сообщаю ее въ подлинникѣ и переводѣ:

† Ἄριστον χρῆμα ἐξ ὕλης τῆς μαρμάρου
Κύπελον ὥσπερ χερσὶ τῶν λιθοξόων
Ἐξειργάσατο, τοῦ φωτίσματος χάριν,
Ὕδωρ ἐκβλύζειν καὶ ῥαντίζειν τοὺς πέριξ,
Διειδέστατον ἁγιάσματος ἄγγος,
Ἰωάννης ἱερὸς ποιμενάρχης
Ἐγείρας ἅμα καὶ τὸν δόμον ἐκ βάθρων,
Κώδωνος λαμπροῦ ἀσφαλῆ κρεμαστῆρα,
Σάλπιγγος δίκην ἀλαλάζοντος μέγα,
Πρὸς τοὺς ὕμνους τε τοὺς ὁπλίτας τοῦ Λόγου
Ἀνεγείροντος ἐν καιρῷ ψαλμωδίας.
Τὴν παράταξιν τῶν δαιμόνων ἀμύνειν,
Συντόνοαρέμβαστον μέλποντας ᾆσμα.
Ἰνδικτιῶνος ιγ. ἔτους ͵ςφξη.

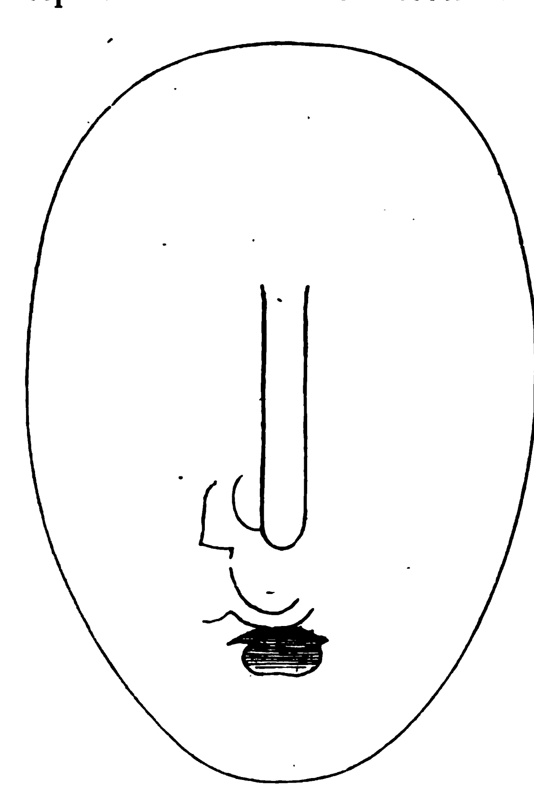
† Эту наилучшую вещь изъ мрамора,
Этотъ источающій воду и орошающій предстоящихъ,
Благолѣпнѣйшій водосвятный сосудъ,
Въ видѣ чаши для освященія воды,
Руками ваятелей сдѣлалъ
Іоаннъ священный пастыреначальникъ.
Онъ же съ основаній построилъ и зданіе
Для прочнаго висѣнія въ немъ знатнаго колокола,
Который на подобіе гремящей трубы,
Во время псалмопѣнія, къ пѣснямъ
Сзываетъ воиновъ Слова,
Прогоняющихъ строй бѣсовъ,
И протяжно поющихъ немолчную пѣснь.

Индикта 13. 6568 — 1060 года.

Но откуда взялись щиты съ миѳологическими образинами? Такъ какъ на мѣстности Аѳонской лавры нѣкогда стоялъ языческій городъ Аѳосъ, который знали и тутъ помѣщали древніе географы, Птоломей и Стефанъ Византійскій; то оные щиты уцѣлѣли тутъ послѣ разрушенія сего города и капищъ Аполлона и Черной Венеры, въ 676 году. Ихъ подобралъ вышепомянутый игуменъ Іоаннъ и вставилъ въ ротонду водосвятнаго фіала. Кстати заявляю здѣсь свое мнѣніе и о томъ, что онъ же въ развалинахъ Аѳоса нашелъ и оправленный въ серебро языкъ дракона, о которомъ была рѣчь выше, и сберегъ его, какъ древность, напоминавшую о почитаніи въ этомъ городѣ *Эскулапа въ образѣ дракона или змія*, такъ какъ змій, умѣющій помолодить себя послѣ сброшенія съ себя старой кожи своей, служилъ выразительною эмблемою эскулаповой науки, возвращающей людямъ здоровье, крѣпость и, если хотите, молодость, но уже на томъ свѣтѣ, куда эта наука часто отправляетъ насъ.—Куполъ лаврскаго водосвятнаго зданія внутри весь расписанъ въ 1635 году иждивеніемъ архонта Іоаннаки, жителя острова св. Евстратія. А расписывали его Меркурій и Ацали. *(Надпись)*. Живопись тутъ не хороша. Въ небѣ купола написано множество ангеловъ; и всѣ они смотрятъ оттуда на крещаемаго Господа, а нѣкоторые изъ нихъ выглядываютъ изъ раствореннаго въ небѣ оконца, имѣющаго золотыя рамки.

На первомъ со входа въ Лавру дворѣ *отдѣльно* стоитъ небольшая церковь, освященная во имя Богоматери. Она съ основаній заново построена была въ 1713 году, а историрована не въ одно время: литійный притворъ ея расписанъ Давидомъ Авлонитомъ въ 1715-мъ году, внутренность же—іеромонахомъ Дамаскинымъ изъ г. Іоаннины въ 1719-мъ (Надписи). Въ этой церкви замѣчательны: большой крестъ съ написаннымъ на немъ распятіемъ христовымъ, перенесенный сюда съ иконостаса Лаврскаго собора, и старинный образъ Богоматери Кукузелиссы. Лице распятаго Спасителя очень хорошо. Живопись Критская! Что

касается до Кукузелиссы, то сія икона написана на дскѣ и немного попорчена червоточиною. У Богоматери черныя брови дугообразны съ *бѣлою* чертою, проведенною надъ самою бровію слитно съ нею; подъ правымъ глазомъ замѣтны четыре *бѣлыя* косвенныя черты; носъ длиненъ, узокъ и прямъ; уста малы и обрисованы какимъ-то особеннымъ образомъ, такъ что между



концомъ носа и губами оставлено немалое пространство, и этотъ конецъ справа оттѣненъ *бѣлою* чертою; а весь ликъ дѣвы оливковый.—Божественный Младенецъ не походитъ на нее; лице его не сурово; носикъ коротокъ; въ правой ручкѣ онъ держитъ свитокъ судебъ, а въ лѣвой шаръ: это значитъ, что онъ изображенъ какъ Вседержитель. Единственная икона съ бѣлыми черточками надъ бровями и около носа! Посему нельзя признать ее произведеніемъ кисти Греческой: она должна быть Грузинская, или, вѣроятнѣе, Сирійская, написанная по подражанію той иконѣ Троеручицѣ, которая исцѣлила Іоанна Дамаскина, потому что и она Троеручица. Современность ея основанію лавры ничѣмъ не можетъ быть доказана, но ничѣмъ и опровергнуть ее нельзя. Прежде она находилась въ соборномъ храмѣ лавры. А теперь ее носятъ туда только въ великую субботу на Пасху, и въ день памяти Аѳанасія. На недавнемъ серебреномъ окладѣ сей иконы, покрывающемъ только одинъ фонъ ея, у плеча Богоматери вычеканена греческая надпись:

† Χρυσοῦν πάλαι νόμισμα δωρησαμένη
Τῷ σῷ ὑμνοδῷ ἱερῷ Κουκουζέλῃ
Τῆς εὐλαβείας ἀντιμισθείαν ξένην,
Κουκουζέλησσα κέκλησαι φερωνύμως.

Внизу: † Ὕμνον προσοίκας ἐμμελῆ Κουκουζέλης δῶρον χρυσοῦν πρὶν εὗρεν ἀντιμισθίαν:
Ἡμεῖς δὲ κόσμον σῇ ἀχράντῳ εἰκόνι φέροντες, ἀγνή, εὕρομεν κακῶν λύσιν.

Διὰ χειρὸς Ἰωάννου υἱοῦ τοῦ Νικολάου.

† Златицу древле ты даровала
Пѣвцу твоему, священному Кукузелю,
Странное воздаяніе за благоговѣніе къ тебѣ,
И потому прозвалась Кукузелисса.

† Пѣніе умиленное принося тебѣ Кукузель въ воздаяніе получилъ златицу:
Мы же, принесши ризу пречистой Иконѣ твоей, чистая, получили избавленіе отъ золъ.

Рукою Іоанна сына Николаева.

Повѣсть объ этомъ Кукузелѣ зѣло сладкослышательная напечатана въ греческой книгѣ, нарицаемой *Грѣшнымъ спасеніе* (Ἀμαρτωλῶν σωτηρία) и переведена Барскимъ. „Бѣ нѣкій юноша въ великомъ градѣ Диррахіи, древле нарицаемомъ *Епидамнъ*, и осиротѣ отъ отца; мати же его сущи благочестивая и Боголюбивая даде его изучитися священныхъ грамотъ; его же, понеже бяше быстроуменъ и доброгласенъ, вси именоваша *Ангело-гласна*. Во время оно (яко же есть всегда въ царствахъ) искаху благообразныхъ и доброгласныхъ, и обрѣтши его, опредѣлиша въ царскую школу, да изучится мусикійнаго художества, си есть, художнаго пѣнія, даже будетъ въ немъ совершенъ, иже въ малѣ времени, аки быстроуменъ, превзыде всѣхъ; сего ради и царь любяше его, и хотяше его оженити благородно. По времени же видѣвши, яко всѣ господа [redacted]

гласа его, боящися, да не погубитъ, ради временной славы, небесной радости, ожидаше времени приличнаго, да удалится отъ міра. Во дни оны случися тамо къ царю пріити игумену сея великія лавры за нѣкою нужною потребою. Сей же блаженный Іоаннъ, *Кукузилій* проименованный, видящи добровидное лице игумена и добродѣтельное житіе его и слышащи о безмолвіи святой горы, обрѣте время удобное своему желанію, и оставивши всякую честь и славу царскую, и шелковыя совлекши съ себя одежды, одѣявшеся въ толстыя власяныя, и взявши въ руку палицу пастырскую, отъиде тайно въ святую гору. Пришедши же къ Лаврѣ, вопроси его вратарь: что ищетъ, и каковаго званія человѣкъ? Онъ же отвѣщаше: инокъ хощу быти, и есмь пастырь скотамъ. Сія извѣстившись чрезъ вратаря Игуменъ, возрадовася, понеже требоваше пастыря, и сотворивши его инокомъ, посла въ пустыню, да пасетъ козлища. Онъ же отъиде съ благодареніемъ многимъ на уединеніе, якоже желаше, и творяше оное послушаніе не лѣностно, но моляшися непрестанно къ Богу. Царьже многу имѣяше печаль его ради, и посла людей во всѣ страны ради взысканія его. Пришедши убо въ Аѳонъ, искаху на всякомъ мѣстѣ прилежно, обаче никто же что помысли о немъ, понеже бяше одѣянъ въ рубища, и тако возвратишася къ царю тощны. Послѣди же въ единъ отъ дній пасущи козлища верху нѣкоего холма, и разсмотрѣвши сѣмо и овамо, яко никто же бысть, да его слушаетъ, начатъ пѣти нѣкое церковное пѣніе съ великимъ художествомъ и умиленіемъ; скитникъ же нѣкій, тамо въ пустыни живущій, слышащій сицеву умиленную гласа сладость, удивися, и изшедши изъ вертепа, зритъ удивительную вещь, пастыря поюща, козлищъ же не пасущихся, но стоящихъ и зрящихъ со ужасомъ и радостію, противу онаго ангельскаго пѣнія. Сія узрѣвши безмолвствующій монахъ, отъиде въ Лавру и извѣсти игумену; иже пославши по него и приведши его къ себѣ, рече ему: заклинаю тя Богомъ, да речеши мнѣ истину: ты ли еси Іоаннъ Кукузеллій, отъ царя чрезъ то-

прощенія со слезами, глаголющи: азъ есмь грѣшный и недостойный рабъ святыни твоей; обаче молю тя зѣло, да мя оставиши въ послушаніи семъ, еже мнѣ далъ еси сперва, да не како увѣдавши царь о мнѣ, возметъ мя силою отъ спасеннаго сего пристанища. Игуменъ же отвѣща: „Не печися о семъ, чадо мое, точію сотвори послушаніе, пребуди въ монастырѣ въ келіи, юже азъ дамъ тебѣ; азъ же отъиду и умолю о семъ царя, да ти не стужаетъ. Сице заповѣдавши отъиде въ царьградъ, и падши на ногу царя, рече: молю державу власти твоея, да даруетъ мнѣ единаго человѣка за спасеніе его души, и аще оскорби въ чемъ царство твое, да проститъ ему. Царь же вопроси о имени онаго человѣка. Отвѣща ему игуменъ: аще не даси мнѣ чрезъ писаніе прощенія, не реку имени его. Тогда убо царь повелѣ написати, и подписавши своею рукою, даде ему: и абіе игуменъ вста, и повѣда ему о Кукузели. Царь же, таковая слышавши, купно возрадовася и опечалися; возрадовася за благоговѣніе его и облеченіе въ схиму; опечалися же, яко чрезъ писаніе игумену сотвори даръ. Игуменъ же благоувѣтливыми словесами укроти сердце царево; послѣди же воздавши благодареніе ему и поклонившися, отъиде въ обитель свою, и повѣда братіи вся собывшаяся. Пребысть убо достохвальный оный Іоаннъ прочее нестужимъ отъ земнаго царя, къ служенію небесному, поющи ему нелѣностно на всякъ день. Послѣди же вземши отъ начальника прощеніе, созда келію и церковь святыхъ Архангелъ внѣ монастыря, и тамо безмолвствовавши шесть дній въ седмицѣ, въ недѣли же и праздники прихождаше въ монастырь, и пояше на правомъ крылосѣ съ желаніемъ и умиленіемъ, въ субботу же акафистную, по отпѣніи стиховъ сѣдальныхъ и кановъ, отъ труда усну мало въ стоялищи; тогда явися ему пресвятая Богородица и рече: радуйся Іоанне чадо мое: пой мнѣ, и не оставлю тя. Сіе рекши, даде ему златицу едину. Онъ же возбудившися (о чудесе!) обрѣте въ руцѣ своей монету. Радости же неизрѣченной и слезъ

Отъ онаго убо времени никогда же отставаше отъ десняго крылоса, поющи и славословящи Бога нелѣностно. Сего ради отъ многаго труда огноися нога и боляше нестерпимо; но всесильная Владычица исцѣли его, якоже Іоанна Дамаскина, явившися ему и глаголющи: буди отнынѣ здравъ; и абіе оздравѣвши, къ тому болѣе никогда же не немоществоваше даже до смерти, живущи въ постахъ, бдѣніяхъ и прочихъ добродѣтелехъ, паче же всѣхъ имѣяше смиреніе, прозрѣ же и кончину свою, и простившися съ братіею, заповѣда, да погребутъ его при келіи св. архангелъ, юже самъ созда, и сице преставися о Христѣ Іисусѣ. На томъ убо мѣстѣ всегда жительствуютъ и донынѣ добродѣтельные иноцы". Провѣримъ это сказаніе нотными обиходами и стихирарями рукописными, въ которыхъ упоминается Іоаннъ Кукузель, дабы по этимъ хартіямъ, на которыхъ означены годы ихъ написанія, узнать время, въ которое жилъ этотъ пресловутый пѣвецъ. Въ моемъ собраніи образчиковъ Греческихъ нотъ, которое начинается съ 999 года и оканчивается 1757 годомъ, есть перерисованная изъ нотнаго обихода 1700 года картина, представляющая Богоматерь на облакѣ, подающую *златицу* монаху Іоанну Кукузелю и *перо* Іоанну Дамаскину. Значитъ: въ 1700 году греческіе пѣснопѣвцы вѣрили въ чудесное событіе съ Кукузелемъ. Въ этомъ же собраніи моемъ есть другая картина, перерисованная изъ нотнаго обихода XIV вѣка: тутъ изображенъ придворный Протопсалтъ Іоаннъ Гликисъ, обучающій пѣнію Ксеноса Корони и Іоанна Кукузеля. Итакъ въ 14 вѣкѣ Кукузель считался ученикомъ Гликиса. Но сей вѣкъ состоитъ изъ ста лѣтъ. Въ какіе же десятки этого столѣтія учился и славился Кукузель? Да и не ранѣе ли сего времени жилъ и трудился онъ? Отвѣты на эти вопросы даютъ двѣ нотныя рукописи, именно Аѳоноватопедскій Стихирарь, писанный на пергаминѣ монахомъ Даніиломъ Ахрада 16 декабря 1299 года въ царствованіе Андроника старшаго, и Синайскій Ирмологъ, писанный на хлопчатой бумагѣ in 4-о Антоніемъ іеромонахомъ въ 1332 году. Въ первой рукописи поименованы весьма многіе сочинители церков-

ныхъ пѣснопѣній, начиная съ патріарховъ, Анатолія Константинопольскаго (449—458 г.) и Софронія Іерусалимскаго (636 г.) и оканчивая Ефремомъ Карійскимъ и самимъ Даніиломъ Ахрада; но Іоанна Кукузеля между ними нѣтъ. А во второй рукописи, послѣ краткой теоріи пѣнія, помѣщены образцовыя пѣснопѣнія Кукузеля. Слѣдовательно сей пресловутый пѣвецъ въ 1299 году не отличался мастерствомъ своимъ, а въ 1332-мъ былъ уже извѣстенъ, какъ образцовый композиторъ. Въ этомъ году царствовалъ Андроникъ младшій Кукузель былъ любимецъ его. А такъ какъ этотъ государь кончилъ жизнь свою въ 1341 году; то и надо полагать, что Кукузель ушелъ на Аѳонъ ранѣе сего года. Куда дѣвалась данная ему Богоматерію златица: не знаю. Въ замѣнъ же сего незнанія, спѣшу сказать нѣсколько словъ о стѣнной живописи въ той церкви, въ которой чествуется икона Кукузелиссы. Эту церковь расписалъ Дамаскинъ. Кисть его незавидна. Лучше расписанъ тутъ литійный притворъ Давидомъ Авлонитомъ, но какъ-то странно. Разсматривая его изображеніе псалма, въ которомъ вся природа и всѣ люди хвалятъ Бога, я увидѣлъ, что тутъ кромѣ Давида, бряцающаго на арфѣ, кто-то наяриваетъ Турецкій барабанъ, а подъ звуки его пляшутъ (sic) женщины и дѣвицы въ кисейныхъ воротенькахъ и въ шараварахъ, монахи-же съ подскокомъ тащатъ на плечахъ своихъ церковь; увидѣлъ это и улыбнулся, но не осудилъ простодушныхъ лавріотовъ, которые едвали и смотрятъ на стѣнопись увеселительнаго Авлонита. Впрочемъ мнѣ понравились два изображенія его: это—радостное круглое лице архангела, благовѣствующаго радость велію Пресвятой Дѣвѣ, и Аѳанасій аѳонскій, жезломъ своимъ изводящій воду изъ утеса.

Кромѣ церкви Кукузелиссы въ лаврѣ есть другая хорошенькая церковь, отдѣльно стоящая на другомъ дворѣ ея по лѣвую сторону алтаря соборнаго храма. Она, во имя св. исповѣдника Михаила Синадскаго, построена свѣтлѣйшимъ Господаремъ Іоанномъ Матѳеемъ воеводою Угровлахійскимъ по старанію игумена Іосифа въ

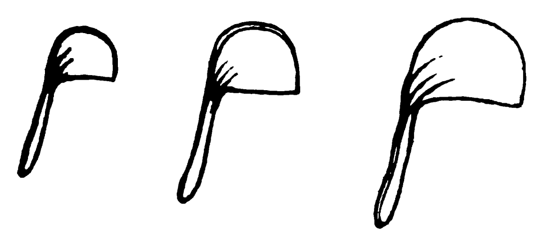
расписана (1653 г.) иждивеніемъ того же Господаря. Тутъ на стѣнѣ изображены въ ростъ оный Матѳей и его супруга Елена съ платочкомъ въ рукѣ и въ шапочкѣ съ кисточкою надъ правымъ глазомъ. Изображеніе ея помѣщено въ моемъ живописномъ обозрѣніи Аѳона. (Надпись).

Подлѣ соборнаго храма Лавры на южной сторонѣ его въ каменныхъ гробницахъ подъ приземистыми сводами почиваютъ три благодѣтеля лавры—три вселенскіе патріарха: 1) Анѳимъ, ктиторъ большой трехъярусной башни лаврской, въ которой находится церквица во имя св. великомученика Димитрія (1623 г.), 2) Діонисій Андросецъ, уплатившій долги Лавры и пособившій ей устроить больницу, а скончавшійся и погребенный 27 августа 1696 года, и 3) Іеремія Патмосецъ такъ же ктиторъ той же больницы, почившій въ 1735 или 9 году. Гробницы ихъ требуютъ возобновленія и лучшаго присмотра. Лавра должна помнить своихъ благодѣтелей.

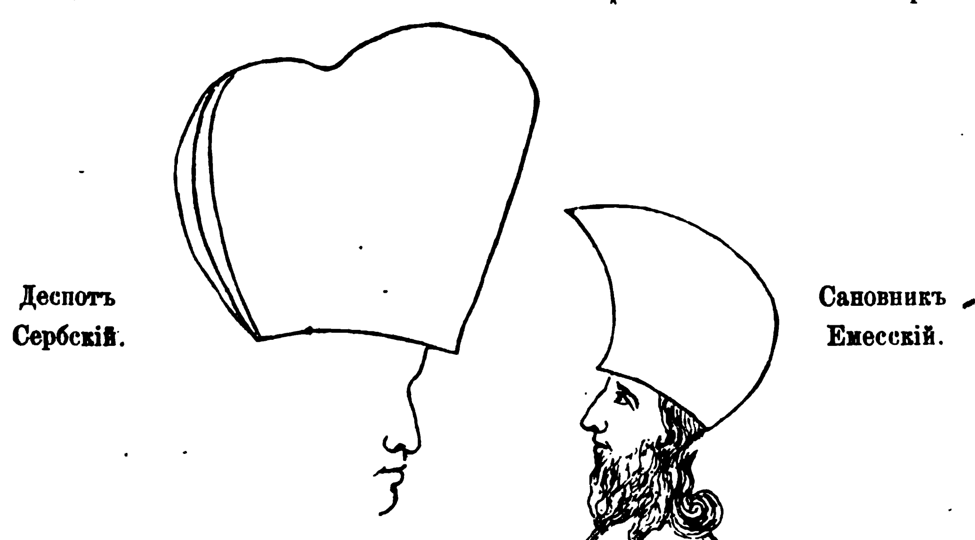
Въ этой обители, по счету Барскаго и Макарія Кидоніата, находится шестнадцать Параклисовъ, именно: 1) Успенскій надъ третьими входными воротами лавры, 2) св. архидіакона Стефана въ башнѣ Цимисхія, 3) св. Троицы въ ближней башнѣ малой, 4) поодаль отъ сей башенки прекрасный параклисъ честнаго Предтечи съ кельею, въ которой шьются рясы, 5) св. великомученика Георгія близь башни, возобновленной Константиномъ Русомъ изъ епархіи Сервіонской, 6) св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова съ помѣщеніемъ для уставщика, τυπικάρης, и для литья восковыхъ свѣчъ, 7) Всѣхъ святыхъ въ башнѣ Цангарійской, 8) св. великомученика Димитрія въ девятой башнѣ, благоустроенной вселенскимъ патріархомъ Кир Анѳимомъ Константинопольцомъ, 9) св. священномученика Модеста Іерусалимскаго, 10) надъ нимъ параклисъ свв. двухъ Ѳеодоровъ подлѣ высокой и свѣтлой башни Космы, 11) св. Харалампа при Лаврской больницѣ, 12) св. Архангеловъ въ 12 башнѣ, которую устроилъ для своего покоя вселенскій владыка Діонисій Андросецъ, 13) св. Онуфрія въ 13-й высокой башнѣ, 14) св. Аѳанасія аѳонскаго въ Скевофи-

лакіи (ризницѣ): тутъ постригаютъ всѣхъ Лавріотовъ въ монашество; 15) св. Николая Чудотворца и 16) свв. безсребрениковъ Космы и Даміана въ гостинныхъ горницахъ, гдѣ и я жилъ и трудился.—Изъ числа этихъ Параклисовъ я не засталъ Придѣла свв. пяти мучениковъ на хорахъ соборнаго храма, сломанныхъ въ 1814 году, и св. великомученика Димитрія; но за то записанъ у меня новый Параклисъ св. Василія Великаго. Всѣ эти Параклисы и четыреста монашескихъ келій сплошь устроены на всѣхъ четырехъ сторонахъ лавры, одни въ башняхъ, а другіе между двумя стѣнами ея, наружною и паралельною ей внутреннею, такъ что изъ иныхъ оконъ смотришь только внутрь обители, а изъ другихъ, продѣланныхъ въ оградѣ, видишь одну даль заобительную. Въ гостинничномъ Параклисѣ свв. Безсребрениковъ, устроенномъ въ 1580 году, мнѣ понравилась большая икона свв. Космы и Даміана, прикрѣпленная къ сѣверной стѣнѣ у иконостаса. Эти безсребреники вмѣстѣ написаны въ ростъ на холстѣ, приклеенномъ къ доскѣ. Косма обѣими руками держитъ свитокъ, а Даміанъ—свитокъ и ложечку съ крестикомъ. Ихъ лица хороши. Въ гостинничномъ же Параклисѣ св. Николая Чудотворца, сооруженномъ вмѣстѣ съ архондарикомъ въ 1779 году, очень хороши двѣ колонночки изъ мрамора съ красными и бѣлыми жилками и цвѣтами, а мѣстныя иконы Спасителя и Богоматери въ деревянномъ иконостасѣ, поставленномъ въ 1781 году, не казисты. За то весьма замѣчателенъ мѣстный же, большой и старинный, образъ Обрѣтенія главы Предтечи въ Сирійскомъ городѣ Емессѣ, написанный на дскѣ, а не на полотнѣ. Тутъ въ срединѣ эта глава лежитъ на столикѣ: видѣнъ только очеркъ ея. Подлѣ нея стоятъ архіерей, діаконы, пѣвецъ, князь и еще какой-то сановникъ, и служатъ литургію. А въ верхней части сего образа въ двухъ домикахъ видятся обрѣтеніе главы Предтечи и изгнаніе Евстаѳія аріанина. Хороши лица священника, одѣтаго въ бѣлую фелонь и кадящаго главѣ Предтечи въ верху, и одного архіерейскаго пѣвца внизу. Этотъ пѣвецъ держитъ книгу съ словами: τὴν σεβασμί-

Господи. У діаконовъ и пѣвцовъ головы покрыты кругловатыми увяслами бѣлаго цвѣта. Полюбуйтесь ими, и знайте, что у іако-



витскихъ монаховъ въ Сиріи, гдѣ и Эмесса, понынѣ висятъ сзади подобныя ленты, а подобныя увясла носятъ Кіевскіе схимонахи. Позади архіерея на образѣ видѣнъ Эмесскій князь въ золотой шапочкѣ съ сіяніемъ вокругъ головы его, означающимъ не святость его, а власть, полученную имъ отъ Бога. За этимъ же княземъ стоитъ сановникъ въ шапкѣ, похожей на шапки Деспотовъ Сербіи и Албаніи, кои я видѣлъ и отподобилъ на Аѳонѣ въ Есфигменскомъ монастырѣ.



Всѣ лица на этой иконѣ не греческія, а славянскія, и у всѣхъ волосы—свѣтлорусые, даже рыжеватые. Посему можно полагать,

вянскаго происхожденія. Θессалійскую живопись мнѣ напомнили и замѣтныя на стихарѣ одного діакона какъ бы буквы, кои я видѣлъ на стихаряхъ діаконовъ, изображенныхъ въ монастыряхъ Θессало-метеорскихъ. Впрочемъ кто бы ни писалъ разсмотрѣнную нами икону, а бѣлыя Сирійскія увясла на ней, напоминающія наши бѣлые клобуки, я причисляю къ итогу нѣсколькихъ, пока мнѣ одному извѣстныхъ, доказательствъ на то, что христіанство вошло въ Россію по Дону и Волгѣ изъ Египта и Сиріи ранѣе появленія его на берегахъ Днѣпра изъ Византіи. Это—новость!

А братская трапеза въ Лаврѣ—старина! Современная строителю этой обители Аθанасію, каменная, огромная, она отдѣльно стоитъ противъ соборнаго храма на западѣ отъ него. Надъ главнымъ входомъ въ это крестообразное, снѣдное, зданіе, высоко на стѣнѣ налѣво видно изображеніе Серронскаго митрополита Геннадія съ надписью: ὁ πανιερώτατος καὶ ὑπέρτιμος μητροπολίτης Σερρῶν Γεννάδιος καὶ κτήτωρ τῆς παρούσης τραπέζης *т. е. преосвященнѣйшій и всечестный митрополитъ Серронскій Геннадій ктиторъ настоящей трапезы.* Такъ какъ онъ же въ 1522 году починилъ юго-западную башню съ церковію въ ней св. архидіакона Стефана, стоящую въ оградѣ лавры, что видно изъ надписи на этой башнѣ; то около сего же времени иждивеніемъ его или покрыта лещадникомъ трапеза, о которой идетъ рѣчь, или, вѣроятнѣе, расписана, кажется, тѣмъ же Θеофаномъ, который въ 1535 году историровалъ лаврскій соборъ. Стѣнная живопись тутъ, попортившаяся отъ сырости, не огорчаетъ изящнаго вкуса. Нарисованы большею частію преподобные отцы, *иже въ раю,* какъ образцы воздержанія, пощенія и умерщвленія страстей. Они смотрятъ на тебя, и молча говорятъ: *не о единомъ хлѣбѣ живъ будетъ человѣкъ.* Внялъ я этому поучительному глаголу ихъ, а внушительнымъ изображеніемъ св. пророка Иліи на стѣнѣ, по правую сторону выхода изъ трапезы, налюбовался вдоволь. Онъ въ козіей кожѣ, покрытой однако темнокраснымъ суконцомъ, сидитъ въ пещерѣ подгорюнившись, и скорбитъ о томъ, что всѣ поклонились Ваалу. Кромѣ этой живописи въ трапезѣ замѣчательны бѣломра-

морные столы, за которыми нѣкогда сидѣли лавріоты, вкушая снѣди, слушая поученія и благодаря Бога. Время уже сгладило съ нихъ лоскъ и состарѣло ихъ. Почти всѣ они закруглены у стѣнъ, къ которымъ приставлены плотно, а на другомъ концѣ ровны, какъ столы наши. Всѣхъ ихъ 24. А усѣсться по обѣ стороны каждаго стола могутъ 14 монаховъ, потѣснѣе же и 18-ть. Слѣдовательно лаврская трапеза во время оно помѣщала отъ 336 до 430 братій. Τραπέζαις ὅλαις κδ.. ἡ καθεμία πέρνει ἀπὸ ιε ἢ καὶ ιη ἀνθρώπους.—Προσκυνητ. 1772 ἔτους.

Подлѣ этой трапезы устроена поварня въ 1725 году. Надъ входомъ въ нее написано:

† Ἑστία πυρὸς ἐιμί. τρίποδά τ' ἔχω,
Αἴθώνας τε λέβητας πίονας Λαύρας:
Τιμοθέου δὲ τοῦ προκαθηγουμένου
Σκυρῶθεν νήσου Γεωργίου τοῦ θείου
Οἴκοιθεν ῥητοῖς χρήμασι χρησαμένου
Πανευρύχορον ὑπέστην καινουργίαν.
αψκε. ἀπριλίου κγ.

† Я очагъ. На мнѣ огонь горитъ.
А вокругъ меня стоитъ
Сей треножникъ средь котловъ, поставцовъ,
Красоулей лаврскихъ старцовъ.
Строилъ же меня Скирросецъ
Проигуменъ инокъ Тимоѳей.
Честь тебѣ Побѣдоносецъ
Юрій Скирра стражъ и чудодѣй.
Серебро онъ взялъ сполна изъ дома
И меня отъ низу до шелома
Со всѣхъ силъ,
Въ цѣломъ мірѣ
Всѣхъ шире
Взгромоздилъ.
1725 г. апрѣля 23.

Около трапезы и соборнаго храма устроены и облицованы мраморами пять струйниковъ, (фонтановъ): 1) противъ южной стороны сего храма въ 1634 году; 2) направо отъ входа въ братскую трапезу въ 1762 г; 3) тутъ же другой струйникъ въ 1769 г; 4) въ корридорѣ гостинницы близъ Параклиса св. Николая въ 1803 г.; 5) за алтаремъ соборнаго храма въ 1810 году. А шестый струйникъ сооруженъ внѣ лавры противъ первой угловой башни въ 1642 году. Во всѣ эти струйники съ крантами вода проведена подземельными трубами съ высотъ Диѳона. Она чиста, холодна, и пріятна для питья. Умывай ею лице твое: но омой и беззаконія твои.

Если же имѣешь жажду духовную, иди въ лаврское книгохранилище и тамъ утоляй ее. Я былъ тутъ и дѣлалъ свое дѣло.

Это книгохранилище устроено и приведено въ порядокъ въ 1565 году. (Надпись на немъ.). Налѣво отъ входа въ него къ стѣнѣ прилѣпленъ большой листъ бумаги, на которомъ бойко по гречески написана характеристика каждаго государства въ Европѣ, и замѣчено, что предъ паденіемъ Турціи сокрушится и исчезнетъ одно старое государство. (Это—Австрія). Внутренность книгохранилища не обширна и не казиста. Тутъ двѣ комнаты. Въ первой на открытыхъ полкахъ, приставленныхъ къ стѣнамъ, помѣщены книги печатныя. Между ними видны и фоліанты. Я не разсматривалъ ихъ, потому что хотѣлъ видѣть однѣ рукописи, да и тѣ не всѣ, а только древнія съ означенными на нихъ годами появленія ихъ, изъ новыхъ же только замѣчательныя по содержанію ихъ. Рукописи размѣщены на открытыхъ полкахъ у стѣнъ второй комнаты, которая гораздо больше первой. Ихъ не очень много. Списка имъ нѣтъ. Изъ нихъ я выбралъ 60 рукописей, разсмотрѣлъ ихъ внимательно въ теченіи 13 дней, составилъ для себя отчетливый каталогъ ихъ, и выписалъ изъ нихъ все, что показалось мнѣ замѣчательнымъ и новымъ въ области человѣческаго вѣдѣнія. Не мѣсто здѣсь ни этому каталогу моему, ни этимъ выпис-

камъ моимъ, такъ какъ имъ будетъ отведено особое отдѣленіе въ Статистикѣ Аѳона. Но кое что глубокомысленное, и кое что надобное для Русской исторіи, теперь же просится на божій свѣтъ. Уважаю такихъ просителей, и извожу ихъ изъ лаврской темницы.

Вотъ новость первая!—Всѣмъ богословамъ извѣстно, что древніе филологи пересчитали всѣ стихи во всѣхъ каноническихъ книгахъ священнаго писанія Ветхаго и Новаго Завѣта, даже въ *антилегоменахъ и апокрифахъ*; такъ напримѣръ, въ 22 книгахъ ветхозавѣтныхъ намѣтили 64,159 стиховъ, а въ книгахъ новозавѣтныхъ, кромѣ соборныхъ Посланій, 17,500 стиховъ. (In Chronographia Nicephori Cpolitani. †828. Edit. Bonnae. 1829). Но едва ли кто знаетъ, что они подобнымъ образомъ считали и намѣчали стихи и въ Твореніяхъ св. Отцовъ, наиболѣе уважаемыхъ. Что касается до меня, то я узналъ это только въ лаврской библіотекѣ. Тутъ есть превосходная, основная рукопись, содержащая всѣ Творенія Григорія Богослова, написанная на пергаминѣ, въ самый большой листъ, въ два столбца, въ осьмомъ вѣкѣ. Въ ней въ концѣ нѣкоторыхъ словъ счетомъ показаны стихи, или строки; напр: въ Словѣ объ Аѳанасіи епископѣ Александрійскомъ стиховъ 1164; въ словѣ о Маккавеяхъ стиховъ 430, въ словѣ о Кипріанѣ мученикѣ стиховъ 495.—Удивительная филологическая работа! Она доказываетъ и величайшее уваженіе филологовъ къ твореніямъ Григорія Богослова, и ихъ заботливость о неповрежденной цѣлости этихъ Твореній, и ихъ большое терпѣніе. Самая же рукопись, о которой идетъ рѣчь, есть замѣчательнѣйшая рѣдкость. Вотъ съ нея-то и надобно печатать оныя Творенія, съ нея!!

Послѣ этой первой новости оповѣщаю вторую:—

Въ Лаврской библіотекѣ есть другая, превосходнѣйшая, основная рукопись на пергаминѣ, въ листъ, въ два столбца, осьмаго вѣка, содержащая аскетическія слова св. Василія Великаго. Изъ двухъ современныхъ приписокъ на ней видно вотъ что. 1) У составителя сего манускрипта были подъ руками слѣдующіе списки оныхъ словъ: древнѣйшій и наилучшій Понтійскій, который имѣлъ только одно заглавіе въ самомъ началѣ, Ὑποτύπωσις

ἀσκήσεως—*Образецъ подвижничества*, Кесарійскій изъ города Кесаріи, въ которомъ святительствовалъ Василій Великій, Анатолійскіе (мало-азійскіе) и другіе списки.—2) Въ спискѣ Кесарійскомъ помѣщены всѣ аскетическіе вопросы и отвѣты, а въ старининнѣйшемъ Понтійскомъ не всѣ, но за то пространно; въ спискахъ же Анатолійскихъ—всѣхъ вопросовъ и отвѣтовъ 252.—3) Къ списку Понтійскому вышепомянутый составитель присовокупилъ въ концѣ своего манускрипта все, что недоставало въ немъ, позаимствовавъ это *все* изъ списка Кесарійскаго.—4) Какъ въ семъ послѣднемъ, такъ и въ другихъ спискахъ, онъ нашелъ заглавія, (напр: Πίστις, ἀγάπη, ἐλπίς, Πρόλογος τῶν ἀσκητικῶν ἐρωτήσεων κ. τ. λ.) не вездѣ одинаковыя, и изъ этого заключилъ, что филологи уже *впослѣдствіи* придумывали эти заглавія для удобнѣйшаго чтенія, тогда какъ въ древнѣйшемъ Понтійскомъ спискѣ было только одно заглавіе: *Образецъ подвижничества.*

Приписка первая на 12-мъ отъ начала листѣ во 2-мъ столбцѣ: „Τὸ ἀπὸ τοῦ Πόντου κομισθὲν ἀρχαιότατον ἀντίγραφον, ἐξ οὗ ἡ βίβλος αὕτη ἐπεγράφη, μίαν μόνην ἐπιγραφὴν εἶχεν τὴν ἐν τῇ ἀρχῇ προτεταγμένην οὕτως· Ὑποτύπωσις ἀσκήσεως. Ταύτην δὲ καὶ τὰς ἄλλας πάσας, τὰς κατὰ μέρος ἐπιγραφὰς ἐν τῇ βίβλῳ τῇ ἀπὸ Καισαρείας, καὶ τοῖς ἄλλοις ἀντιγράφοις εὑρών, καὶ ἐν τούτοις δὲ, οὐ πανταχοῦ ταῦτας, οὐδὲ ὁμοίως φερομένας. Φαίνονται τοίνυν ὑπὸ τινῶν φιλολόγων ἀνδρῶν ὕστερον ἐπιπονθεῖσαι πρὸς τὸ εὐχρινῆ καὶ ἀσύγχυτον φυλάττειν τὴν ἀνάγνωσιν.

Приписка вторая послѣ 85-го вопроса и отвѣта: Ἐν μὲν τῇ βίβλῳ τῇ ἀπὸ Καισαρείας συνῆπται πάντα τὰ κεφάλαια τῶν ἀσκητικῶν ἐρωτήσεων· ὁμοίως καὶ ἐν τοῖς κατὰ τὴν Ἀνατολὴν ἀντιγράφοις· ἐν δὲ τῇ παλαιοτάτῃ βίβλῳ τῇ ἀπὸ τοῦ Πόντου βελτίονι διὰ μέντοι τῶν πλατυτέρων ἀποκρίσεων, ἃς αὐτὸς ὁ μέγας Βασίλειος κατὰ πλάτος εἴωθεν ὀνομάζειν, ϊ διὰ τῶν συντομοτέρων. καὶ κατ' αὐτὴν δὲ τὴν σύνθεσιν τούτων τῶν βραχυτέρων, ἀσύμφωνοι παντελῶς εἰσίν. ἐν δὲ τοῖς κατὰ τὴν Ἀνατολὴν ἀντιγράφοις ΣΝΒ, καὶ ὀλίγα δέ τινα τὰ μεν ἐν ταύτῃ φέρεται μόνῃ, τὰ δὲ ἐν μιᾷ τῶν ἄλλων. Ἡμεῖς τοίνυν ἀκολούθως ἅπαντα γράψαντες πρὸς τὴν βίβλον τὴν ἀπὸ τοῦ Πόντου προσεθήκαμεν ἐπὶ τοῦ τέλους τὰ μὴ φερομένα ἐν ταύτῃ ἐκ τῆς βίβλου τῆς ἀπὸ Καισαρείας“.

Обѣ рукописи, о которыхъ сейчасъ была рѣчь, надоумили меня, во-первыхъ, называть въ моихъ каталогахъ подобные манускрипты *основными* съ присовокупленіемъ, что *ихъ то и надобно печатать*, во вторыхъ, не довѣрять напечатаннымъ на Западѣ твореніямъ св. Отцовъ, коль скоро въ предисловіяхъ къ нимъ, или въ заглавіяхъ ихъ, не сказано: съ какихъ рукописей онѣ напечатаны, и каково достоинство этихъ рукописей; въ третьихъ, не довѣрять и тѣмъ цитатамъ изъ отеческихъ Твореній, которыя помѣщены въ печатныхъ изданіяхъ Новаго Завѣта, обнародованныхъ Нѣмцами, не довѣрять же потому, что издатели не сказали: кто, когда и съ чего переписывалъ оныя Творенія, еретикъ или христіанинъ каѳолическій, давно, или недавно, съ манускрипта книгопродавческаго безгодоваго и безъименнаго, или съ Церковнаго, на которомъ выставлены годъ, мѣсяцъ, и имя краснописца.

Замѣчательною новостію въ Лаврской библіотекѣ показалась мнѣ рукопись на бумагѣ въ листъ, переписанная, какъ замѣчено на заглавномъ листѣ ея, попеченіемъ и иждивеніемъ Николая Маврокордата, великаго Логоѳета великой Церкви Христовой, и главнаго (γενικοῦ) драгомана Оттоманской Порты, въ 1708 году. Излагаю здѣсь содержаніе этой рукописи, но сокращенно, помѣщая полный разборъ ея въ томъ отдѣленіи Статистики Аѳона, гдѣ разсматриваются толки и ученія святогорцовъ; предварительно же признаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о лицахъ, упомянутыхъ въ этой рукописи. Эти лица суть слѣдующія:

— Солунскіе и аѳонскіе монахи—*исихасты*, т. е. безмолвники, занимавшіеся, такъ называемою, *умною* молитвою, сидя въ запертой кельѣ, непрерывно смотря на свой пупъ и устремляя умъ свой внутрь сердца, вокругъ котораго показывался имъ божественный свѣтъ.

— Собратъ ихъ и защитникъ Григорій Паламà, малоазіатецъ воспитанный въ царскихъ палатахъ, постриженецъ и подвижникъ Аѳонскій, іеромонахъ и, наконецъ, архіепископъ Солунскій, причисленный къ лику святыхъ вселенскимъ патріархомъ Филоѳеемъ

за его ангелоподобную жизнь и за постоянную борьбу его съ врагами Церкви православной.

— Порицатель Исихастовъ и противникъ Паламы Варлаамъ родомъ Калабріецъ изъ Италійскаго города Семинаріума, знатокъ греческой словесности, „человѣкъ, по отзыву современника его „царя Іоанна Кантакузина, воспитанный въ латинскихъ обычаяхъ „и законахъ, остроумный, проницательный, краснорѣчивый, изу„чившій Евклида, Аристотеля, Платона, и за то имѣвшій громкую славу. (Cantacuz. L. II. c. 39). Въ царствованіе Андроника Младшаго (1323—1341 г.) онъ переселился въ Константинополь и здѣсь преподавалъ богословіе. Сей Андроникъ въ 1339 году посылалъ его къ королямъ, французскому Филиппу IV, и сицилійскому Роберту, и къ папѣ Венедикту XII, съ тайнымъ порученіемъ выхлопотать у нихъ военную помощь противъ занявшихъ малую Азію Турковъ, и переговорить о соединеніи церквей, Восточной и Западной. Это посольство Варлаама было неудачно такъ же, какъ и посольство его на Аѳонъ, кончившееся не склоненіемъ аѳонитовъ къ уніи, а соборнымъ осужденіемъ его самаго, какъ еретика. (1341 г.)

— Усердные послѣдователи Варлаама, изъ знаменитыхъ, были Григорій по прозванію Акиндиносъ, византійскій историкъ Григорасъ, митрополиты Ефесскій и Ганскій, и вселенскій патріархъ Іоаннъ Калекасъ. Всѣ они были осуждены Соборами, созванными въ 1347 году по повелѣнію царицы Анны, управлявшей государствомъ за малолѣтствомъ Іоанна Палеолога, и въ 1351 году по волѣ похитителя престола Іоанна Кантакузина.

Знакомство съ этими лицами облегчаетъ мое изложеніе содержанія Маврокордатовой рукописи. Ее составлютъ слѣдующія статьи:

1) Письмо Паламы къ Акиндину, когда онъ былъ еще православнымъ, (ἔτι τοῖς εὐσεβέσι καὶ φίλοις ἐναριθμούμενον) о томъ, что Латины, исповѣдуя исхожденіе св. Духа и *отъ Сына,* не могутъ избѣгнуть обвиненія въ томъ, что они одному Духу усвояютъ два Начала, т. е. Отца и Сына.

„Что побудило насъ писать? Мы слышали, что Калабріецъ Варлаамъ издалъ книжку противъ Латинъ, и желали прочесть ее. Желаніе наше исполнилось. Нѣкто пришелъ къ намъ въ праздникъ Пятидесятницы, и принесъ эту книжку“.

Варлаамъ пишетъ, что нисколько не странно, если кто признаетъ два Начала, то есть, Отца и Сына, разумѣется, нераздѣленныя и непротивоположныя одно другому, а *одно подъ однимъ, или одно изъ другаго*. Продолжая же онъ утверждаетъ, что нимало не странно содержать такое ученіе, и свидѣтеля приводитъ Григорія Богослова, говорящаго о Сынѣ: ἡ ἐκ τῆς ἀρχῆς ἀρχή—*Онъ есть Начало изъ Начала*. Вѣдь, такъ-де нерушимымъ остается догматъ единоначалія въ божествѣ“.

„Но когда ты слышишь, что Сынъ есть Начало изъ Начала, то разумѣй, что онъ есть такое-же *Начало твореній*, какъ и Отецъ, а не Начало св. Духа. Діонисій Ареопагитъ, этотъ премудрѣйшій Богоявитель, Θεοφάντωρ, богословствуетъ, что Отецъ есть единый источникъ пресущественнаго Божества: а Сынъ и Духъ суть какъ бы цвѣты и пресущественные Свѣты богородительнаго Божества.... Потомъ заключаетъ (Діонисій), что Духъ отъ одного Отца исходитъ“.

2) Его же письмо къ тому же Акиндину о разногласіи Варлаама въ изложеніи догматовъ, περὶ τῆς τοῦ Βαρλαὰμ ἐν τοῖς δόγμασι διαφορᾶς.

Это небольшое письмо показалось мнѣ очень темнымъ. Изъ него видно, что Варлаамъ часто переписывался съ Паламою, а Акиндинъ бесѣдовалъ съ нимъ. Но вотъ и выдержки мои: „вспомни слова мои... спѣши очистить себя самаго посредствомъ умилостивительныхъ молитвъ, и оросительныхъ уздравляющихъ ученій: τῶν λόγων ἀναμνήσθητι τῶν ἐμῶν... σαυτὸν ἀνακάθαραι σπεῦσον ἱλαστηρίοις τε εὐχαῖς καὶ περιῤῥαντηρίοις ὑγιαίνουσι λόγοις χρησάμενος“.— Замѣчательно вотъ и это: Нынѣ не знаю, что заболѣло у Варлаама, что онъ скорымъ шагомъ обходитъ богоносныхъ Отцовъ какъ неизвѣстныхъ, а Сократистовъ и Платонистовъ рисуетъ, какъ Боговидцовъ и Осіянныхъ: νῦν δ' οὐκ οἶδ' ὅτι παθών, τούς τε

θεοφόρους πατέρας λεληθότας διασείει, καὶ τοὺς κατὰ Σωκράτην τε καὶ Πλάτωνα θεόπτας καὶ πεφωτισμένους ἀναγράφει.

3) Посланіе Григорія Паламы къ философу Варлааму о тѣхъ двухъ Началахъ, о которыхъ онъ говорилъ, и объ Еллинскомъ мудрованіи. Оно весьма длинно и пересыпано замѣчательными изрѣченіями и солію. Напр.

Τί ὄφελος δογμάτων θεοφιλοῦς ἀπόντος βίου; Χωρὶς ἀγάπης γνῶσις μηδαμῶς καθαίρουσα, ἀλλὰ καθαιροῦσα τὴν ψυχήν.	Какая польза отъ догматовъ, когда не боголюбезно житіе? Знаніе безъ любви (къ Богу) не очищаетъ душу, а засоряетъ ее.
Λόγῳ παλαίει πᾶσ λόγος:	Всякое слово отражается словомъ.
Πεπαῤῥησιασμένος ἔλεγχος εἰρήνης βραβευτής:	Сильное обличеніе награждается миромъ.
Ἐγὼ δὲ νικᾶν ἐν τοῖς τοιούτοις αἰσχύνομαι:	А я стыжусь побѣждать такимъ оружіемъ. (Діалектикою).
Ἡ διαλεκτική σὴ ὡς χνοώδης σοὶ ἐκπεφύσηται.	Діалектика твоя сдунется, какъ пушокъ.

Въ этомъ посланіи Палама настоитъ на томъ, что одно есть Начало и Сына и Духа—Отецъ, уличаетъ Варлаама въ пристрастіи къ діалектикѣ, удивляется тому, что Еллинскіе философы у него въ большомъ почетѣ, и критикуетъ этихъ философовъ. „Посмотримъ,—говоритъ онъ, на плоды просвѣщенія Сократовскаго и Платоновскаго. Чѣмъ они хороши? Ужъ не дозволеніемъ „ли общенія женщинъ? Не допущеніемъ ли педерастіи? Не по„читаніемъ ли демоновъ и героевъ? Не ссылкою ли нашихъ душъ „съ неба въ тѣла разныхъ животныхъ?... А Аристотелевское „*маловникающее Провидѣніе*, ἡ μικρολόγος Πρόνοια, что это такое? „Почему философія до Христа не возобновила насъ, а напро„тивъ сдѣлала нищими?.. Наше же Богомудріе (θεοσοφία), этотъ „даръ Божій, на рыбарей ли сойдетъ свыше, сдѣлаетъ ихъ сы„нами грома, на мытарей ли, превратитъ ихъ въ стяжателей „душъ, на жаркихъ ли гонителей, перемѣнитъ ихъ и изъ Сав-

подобаетъ уподобляться Богу и по смерти быть Ему подобными... Вотъ это внушай ты, брате, любящимъ мірскую мудрость болѣе, нежели сколько должно, и притомъ сообщай имъ мудрыя изрѣченія Григорія Богослова, Василія великаго, Златоустаго, Діонисія Ареопагита...

Григорія Богослова: „Житіе достохвальное, очищенное Богомъ, есть мудрость первая“.

Василія великаго: Мы имѣемъ два щупала истины *),—1) вѣдѣніе всего того, что доставляетъ намъ жизнь божественную, и 2) здравое пониманіе чего бы-то ни было существующаго въ семъ мірѣ“.

---

4) Предлинные вопросы и отвѣты, извлеченные изъ трехъ Словъ Паламы въ защиту священнобезмолвствующихъ ὑπὲρ τῶν ἱερῶς ἡσυχαζόντων. Тутъ онъ разглагольствуетъ о молитвѣ, о внутреннемъ свѣтѣ, и благодатномъ осіяніи. Напримѣръ:—

„Взыграніе сердца, какъ бы прыганіе его отъ пламенѣющей любви къ Благому (Богу), есть признакъ дѣйствующей въ немъ благодати“.

Св. Діадохъ говоритъ: не должно сомнѣваться въ томъ, что нашъ умъ, подъ частымъ воздѣйствіемъ на него свѣта божественнаго, самъ весь дѣлается свѣтозарнымъ, такъ что ясно видитъ свой собственный свѣтъ. А это бываетъ только тогда, когда сила души усмиритъ всѣ страсти“.

„Св. Василій великій учитъ:—вѣдѣніе человѣческое пріобрѣтается изученіемъ и упражненіемъ, а вѣдѣніе богоблагодатное—праведностію и благостію. Первое дается и страстнымъ людямъ, а второе только безстрастнымъ“.

„Брате, знай, что свободный отъ страстей умъ во время молитвы видитъ самъ себя, яко свѣтъ, и осіявается божественнымъ свѣтомъ ...умъ самъ себя видящій видитъ себя, какъ свѣтъ νοῦς αὐτὸς ἑαυτὸν ὁρῶν ὡς φῶς ὁρᾷ“.

---

*) Не любя иностранныхъ словъ, я употребилъ рѣченіе *щупало* вмѣсто слова, критеріумъ.

„Говорятъ, что Богъ невидимъ и непостижимъ. *Бога никтоже видѣ нигдѣ же.* Однако ежели Духъ божій испытуетъ глубины божіи, то и христіанинъ, изгнавшій изъ себя духа міра и пріявшій въ себя Духа божія, видитъ посредствомъ сего Духа свѣтъ невидимый. Какъ зрачекъ глазной, соединенный съ солнечными лучами, проницается свѣтомъ, и дѣйствительно видитъ вещи чувственныя, такъ точно и умъ, содѣлавшись *одинъ духъ съ Господомъ*, ясно видитъ предметы духовные“.

„Св. Исаакъ говоритъ: Чистый умъ во время молитвы озаряется свѣтомъ пресвятой Троицы; и тогда онъ перестаетъ молиться, и весь бываетъ въ екстазѣ и созерцаетъ непостижимое, неизглаголанное. А это созерцаніе и есть то невѣдѣніе, которое выше вѣдѣнія; καὶ αὕτη ἐςὶν ἡ ἄγνοια, ἡ ὑπερτέρα τῆς γνώσεως.

„Богъ сообщаетъ намъ не существо свое, а славу свою, сіяніе свое“.

„Что такое свѣтъ ангельскій? Это—свѣтъ божественный и пренебесный“.

„А свѣтъ Ѳаворскій? Діонисій Ареопагитъ называетъ его Богоявленіемъ. Григорій Богословъ вѣщаетъ, что свѣтъ Ѳаворскій есть явленная ученикамъ божественность, Θεότης.

„Стефанъ первомученикъ видѣлъ Христа одесную Бога. И такъ Невидимаго видятъ тѣ, у которыхъ сердца чисты.

„Даже въ тѣлѣ отражается благодать, дѣйствующая въ душѣ. Такъ свѣтозарно было лице Моисея; лице Стефана казалось, какъ лице ангела. Марія Египетская или лучше небесная, была какъ метеоръ, μετέωρος γέγονε“.

„По другую сторону гроба мы увидимъ Божій свѣтъ даже тѣлесными очами: чему предзнаменованіемъ служитъ видѣніе сего свѣта апостолами на горѣ Ѳаворской“.

Григорій Палама упоминаетъ о преображеніи діавола въ ангела свѣтлаго, но ничего не говоритъ о *багровомъ свѣтѣ*, какъ признакѣ навожденія діавольскаго.

5) Оповѣщеніе и опроверженіе того, что Варлаамъ написалъ противъ священнобезмолвствующихъ.

„Οὐδὲν ψεύδους δεινότερον, οὐδὲν συκοφαντίας ἄχθους βαρύτερον: нѣтъ ничего несноснѣе лжи; нѣтъ ничего тяжелѣе клеветы“. Такъ начинается эта статья.

Далѣе Палама говоритъ, что онъ радовался, видя Варлаама посланнаго къ монахамъ, и что безмолвники радовались и говорили: этотъ книжникъ будетъ для насъ, какъ сокровищница, выдающая старое и новое. Но вышло противное.

Варлаамъ присталъ къ простѣйшимъ исихастамъ подъ видомъ ученика, но впослѣдствіи поднялъ на нихъ пяту, и въ своихъ сочиненіяхъ, направленныхъ противъ нихъ, писалъ, что они священное писаніе считаютъ безполезнымъ, а науку вредною, и думаютъ и вѣрятъ, что существо Бога можно видѣть тѣлесными очами, и что для возбужденія такого видѣнія нужны нѣкоторые особые пріемы (αἰσθητὰ τηρήματα, ἐνεργήματα, ἐπιτηδεύματα— чувственныя наблюденія, усилія, снаровки). Такія мнѣнія Исихастовъ онъ назвалъ ὀμφαλοψυχία—*пупоуміемъ*. Но сочиненій своихъ никому не показывалъ, и даже ученикамъ своимъ и послѣдователямъ подъ клятвою запретилъ оповѣщать ихъ“.

Однако Паламѣ удалось пріобрѣсть ихъ.

„Когда Варлаамъ узналъ о нашихъ возраженіяхъ ему, то дрогнулъ такъ, что скрылъ сочиненія свои и предъ Церковію исповѣдалъ, что онѣ уничтожены имъ. Но когда за такую исповѣдь освобожденъ былъ отъ справедливаго осужденія, и потомъ случайно досталъ нѣкоторыя книжицы наши, опровергающія сочиненія его, и созналъ, что невозможно и отвѣчать на обличенія наши, тогда опять усѣлся и въ новомъ сочиненіи своемъ одно выпустилъ, а другое измѣнилъ, названіе же *омфалопсихія* исключилъ, что же прежде обзывалъ *демонскимъ*, то теперь назвалъ *естественнымъ*. Не знаю: почему онъ, доставши мои книжицы, умолчалъ о томъ и семъ содержащемся въ нихъ, какъ бы не видѣлъ ихъ, и какъ бы не смѣлъ разсматривать ихъ, а на са-

момъ-то дѣлѣ вооружился противъ нихъ и плакалъ, какъ оклеветанный. Это вторичное писаніе вручено было имъ даже не всѣмъ пріятелямъ его, а только самымъ близкимъ, да и тѣмъ немногимъ. Его принесъ мнѣ одинъ человѣкъ для прочтенія.

„Вотъ предисловіе къ нему: Ὥσπερ ἐπὶ ὑγείας, οὕτως ἔχει καὶ ἐπὶ τῆς φιλοσοφίας. κ. τ. λ. „Что здоровье, то и философія: дается отъ Бога, а поддерживается рачительностію; и какъ не иное здоровье даетъ Богъ и не иное возстановляетъ врачъ, а одно и тоже: такъ и мудрость. Ее далъ Богъ пророкамъ и апостоламъ: онъ же и намъ сообщилъ наставленія, λόγια, посредствомъ Боговоздѣйствій θεουργιῶν, и уроки философическія, при помощи которыхъ мы ищемъ и обрѣтаемъ мудрость“.

Кто изъ благомыслящихъ, услышавъ сіе, не осудитъ его за то, что онъ богодѣйственную премудрость Духа ставитъ на равнѣ съ уроками философіи? и проч.

Все это предлинное разсужденіе Паламы, какъ музыкальное произведеніе, выражаетъ разными варіаціями одинъ главный тонъ что иное есть ученіе св. Духа, и иное—мудрованіе человѣка.

---

6) Слово Паламы о молитвѣ.—Въ началѣ его онъ упоминаетъ о какомъ-то Никифорѣ, родившемся въ Италіи, что онъ отринулъ Латинское вѣроученіе, и принялъ православіе, но за то отправленъ былъ съ Аѳона въ ссылку латиномудрствовавшимъ царемъ Михаиломъ Палеологомъ.

Дорожу я этимъ свѣдѣніемъ, какъ нечаянною добавкою къ скудной исторіи Аѳона въ царствованіе сего Палеолога.

7) Его же Слово о свѣтѣ священномъ.—Оно весьма длинно. Вотъ главные тоны его: Ѳаворскій свѣтъ былъ свѣтъ несозданный: даже въ тѣлѣ нашемъ отражается благодатное озареніе.

8) Обличеніе нелѣпостей ἀτόπων Варлаама, содержащихся во вторичныхъ сочиненіяхъ его.

Въ этомъ предлинномъ Словѣ Палама разсуждалъ о божественномъ свѣтѣ и осіяніи, и объ энергіи существа Божія.

9) Того же Паламы исчисленіе нелѣпостей Варлаама.

Это слово—невелико. Въ немъ содержится разсужденіе о безначальномъ существѣ Бога и о вѣчно присущей Ему энергіи.

„Имѣетъ ли Богъ вѣдѣніе, предвѣдѣніе, творчество, провидѣнчество, причинность съ послѣдствіями (συνεκτικόν), Богодѣйственность, θεουργικόν, и *просто*, все это, или не имѣетъ? Если не имѣетъ, то и не Богъ онъ. А ежели имѣетъ, но силы эти пріобрѣлъ со временемъ, то онъ нѣкогда былъ не совершенъ, то есть и не Богъ. Если же онъ отъ вѣчности имѣетъ въ себѣ эти силы, то безначально и вѣчно-не одно существо его, а вѣчна и каждая изъ этихъ силъ. По ученію св. Максима, „бытіе и жизнь, и святость, и могущество суть дѣйственности Бога, не со временемъ пріобрѣтенныя: ἡ ὀντότης καὶ ἡ ζωή, καὶ ἡ ἁγιότης καὶ ἡ ἀρετὴ ἔργα τοῦ θεοῦ εἰσίν οὐχ ἠργμένα χρονικῶς.

10) Такое же исчисленіе.—„Варлаамъ вѣщаетъ, что Богъ сообщается съ человѣкомъ посредствомъ Ангела, и что мы чрезъ ангеловъ освящаемся ἱεραρχούμεθα. Но что ты дѣлаешь человѣче? Скажи мнѣ развѣ ангелъ говорилъ Моисею: Азъ есмь сый?

Далѣе Палама разсуждаетъ о божественномъ свѣтѣ.

11) Первое слово Паламы, написанное какъ бы отъ другаго лица, о лжи и нечестіи Григораса.

„Ложь, клеветы и наговоры употребляетъ Григорасъ противъ Паламы... Но какъ пощадилъ бы онъ Паламу, когда не пощадилъ благочестивѣйшаго Государя? (Іоанна Палеолога).

„Государь по принужденію подписалъ соборный томъ, противный правой Вѣрѣ? такъ говоришь ты, пустенькій мудрецъ (ὦ σοφὲ κοῦφε) Григорасъ!! Государь, которому отъ матерней утробы врождено благочестіе благодатію царя Христа, и на которомъ положена ею печать самодержавія? Государь, который еще недостигши совершеннолѣтія, самъ по себѣ не могъ благосклонно смотрѣть на Варлаама? Государь, который будучи еще отрокомъ, свыше отъ Бога побуждаемый повелѣлъ предстоявшимъ мужамъ изгнать Акиндиновцовъ изъ царскихъ палатъ? такой Государь

подписалъ принужденно? Нѣтъ, не принужденно, а идя по слѣдамъ блаженной памяти божественнаго царя и отца своего (Андроника) и царственнаго тестя своего, котораго еще и теперь мы часто называемъ благочестивѣйшимъ, и притомъ убѣждаясь патріархомъ и самою истиною".

„Что еще? Григорасъ говоритъ, что оный томъ произвелъ ссоры и разгласія, а что всего хуже, воздвигъ волны на божественные догматы Церкви, и потомъ ярится на Паламу, какъ на причинившаго все это. Но соборные протоколы утверждены тремя царями, припечатаны тремя патріархами (изъ которыхъ одинъ,— говорятъ, — мученичествомъ запечатлѣлъ свою Вѣру въ Іерусалимѣ), и болѣе чѣмъ 50-ю архіепископами, кромѣ подчиненныхъ имъ епископовъ. Итакъ ежели томъ, утвержденный такими и столькими лицами, произвелъ ссоры, то какъ тутъ виноватъ Палама? Сей томъ служитъ поводомъ къ разгласію, но только въ кружкѣ тѣхъ, которые не покаряются истинѣ.

„Царицу (мать Іоанна Палеолога) всякій языкъ называетъ христолюбивою: а Григорасъ и сего не захотѣлъ слышать".

„Когда Соборъ осудилъ патріарха Іоанна за то, что онъ склонился на сторону Акиндина, тогда Григорасъ и не подумалъ защитить его предъ Царемъ.

„А теперь какъ сова, любящая мрачную ночь, онъ отдалъ мозги свои ненавистному демону, и во мракѣ неправды сочиняетъ всякую ложь. Напримѣръ, говоритъ, что царь сознавалъ богохульства Паламы, какъ должно, только не высказался. Но на какомъ основаніи ты говоришь, что царь сознавалъ должное, ты, который не говоришь ничего должнаго? Царь, находясь въ Солунѣ, присутствовалъ при богослуженіи Паламы и былъ первый изъ числа освящаемыхъ. Онъ и въ Константинополѣ слушалъ Литургію, которую совершалъ патріархъ вмѣстѣ съ Паламою, и послѣ литургіи цѣловалъ руку его въ присутствіи всего народа. А когда Палама, послѣ разговора съ тобою, о Григорасъ, въ присутствіи царя, отправился въ Солунь, тогда не его ли царь на-

Григорасъ называлъ Паламу безграмотнымъ, ἀναλφάβητον.

Но и Палама не щадилъ его говоря: Какъ желѣзо, будучи черно по природѣ своей, послѣ сильнаго разженія огнемъ измѣняетъ цвѣтность свою лишь на нѣсколько минутъ, и потомъ опять чернѣетъ; такъ и Григорасъ, блеснувъ разсужденіемъ, опять становится урожденнымъ невѣждою.

Палама сравниваетъ ползающаго умомъ по землѣ Григораса съ муравьемъ, который, когда разгнѣвался на него Богъ, подвязалъ себѣ крылья и полетѣлъ воевать съ Богомъ, но упалъ и разбился.

Далѣе разбирается ученіе сего философа и говорится, что онъ былъ преемникомъ Варлаама и Акиндина, хотя самъ Григорасъ и говоритъ, что у него не было никакого общенія съ ними. Πολλὰ καὶ τῶν θεολόγων πατέρων ὄντα φανερῶς, οὐκ οἶδ' ὅ τι παθών, ὡς τὰ τοῦ Παλαμᾶ προτίθησιν αὐτολεξεῖ, καὶ πρὸς ταῦτα ἀντιλέγει, καὶ τ'ἀνάντια τούτων συμπεραίνειν ἀγωνίζεται. Καὶ νῦν μὲν τὰ θεῖα καὶ αὐτοῖς τοῖς πονηροῖς κτίσμασι δυσσεβέςατα συντάττει. νῦν δὲ τὸ αὐτὸ καὶ οὐσίαν εἶναι τοῦ θεοῦ καὶ κτίσμα δείκνυσιν, ἄλλο τε δὲ πάλιν τὸ αὐτὸ μηδαμῶς εἶναι μηδαμῇ κατασκευάζει. Καὶ νῦν μὲν τὴν θείαν ἕνωσίν τε καὶ διάκρισιν ἐπανίςησιν ἀλλήλαις· νῦν δὲ τὴν καταφατικὴν καὶ ἀποφατικὴν θεολογίαν, καὶ ἁπλῶς τὰ προςάλληλα διαφωνεῖν δοκοῦντα τῶν ἁγίων. δι' ὧν καὶ πᾶσαν τὴν θεόπνευςον γραφὴν αὐτὴν ἐφ' ἑαυτὴν ἐγείρει, καὶ τοὺς θεοφόρους θεολόγους ἐπιςρατεύει καθ' ἑαυτῶν τε καὶ ἀλλήλων· καὶ νῦν μὲν τὴν θείαν διάκρισιν καὶ ἐπ' αὐτῶν τῶν θείων ὑποστάσεων τελέως ἀθετῶν τῷ Σαβελλίῳ συμήνους γίνεται· νῦν δὲ τὴν θείαν ἕνωσιν ἀποσειόμενος, καὶ εἰς κτιςὰ καὶ ἄκτιςα διχοτομῶν τὸ θεῖον, Ἀρείῳ καὶ Εὐνομίῳ καὶ Μακεδονίῳ σύμφωνος καθίςαται, πολλαχοῦ καὶ αὐταῖς ταῖς φωναῖς ἐκείνων χρώμενος.

12) Второе слово о лжи и нечестіи Григораса.

„По когтямъ узнается левъ, и по ткани паукъ": такъ начинается это пространное Слово о св. Троицѣ, о существѣ Бога и объ енергіяхъ Его. Изъ него между прочимъ видно, что Григорасъ обвинялъ Паламу въ многобожіи.

13) Его же третіе слово, направленное противъ сочиненій Григораса и представленное святѣйшему патріарху вселенскому.

Въ немъ содержатся обличеніе хулы Григораса на божественный свѣтъ преобразившагося Господа, и противоположное ей исповѣданіе, что этотъ свѣтъ былъ воистину несозданный и вѣчный.

„Кто изъ насъ Преображеніе называетъ Божествомъ? Мы не о Преображеніи разсуждаемъ, а о томъ: во что̀ преобразился Христосъ. Кто изъ насъ преображеніе Христа на горѣ признаетъ за измѣненіе и пресуществленіе естества божескаго? Ибо во Христѣ преобразилось на горѣ не божеское естество Его, а занятое отъ насъ естество человѣческое, какъ всѣ мы въ церквѣ поемъ единогласно: μεταςοιχειώσας αὐτὴν εἰς τὴν αὐτοῦ τῆς θεότητος δόξαν τε καὶ λαμπρότητα—*премѣнивый ѐ въ славу и сіяніе божества своего*". Кто изъ насъ понималъ преображеніе Христово на Ѳаворѣ, какъ преложеніе человѣческаго естества Христова въ естество божеское? Напротивъ, Творецъ на этой горѣ явилъ первообразную красоту свою въ твари, оставшейся тварію, какъ и это мы воспѣваемъ. Кто изъ насъ говорилъ когда либо, что тѣло Христово измѣнено въ тѣло несозданное, и что оно по природѣ своей было несозданное? Кто изъ насъ уважаетъ мудрованіе нечестивыхъ иконоборцовъ? А Григорасъ, все то признавъ нашимъ мудрованіемъ, вооружается противъ него, какъ противъ нашего ученія.

14) Его же четвертое слово противъ сочиненій Григораса содержитъ:

„Обличеніе всяческаго хуленія Григораса на божественный свѣтъ преображенія Господня, и пространнѣйшія доказательства на то, что этотъ воистину несозданный и вѣчный свѣтъ есть не божеское естество, никому никакъ не проявляемое, а сущая у него истинная и наипріятнѣйшая красота, по ученію Боговѣщателей, которая и нынѣ открывается, какъ залогъ, только святымъ людямъ, а въ будущемъ вѣкѣ сообщается и созерцается *вѣчно*.

15) Αγιορειτικὸς τόμος—Святогорскій Томъ, написанный Аѳонскими монахами въ защиту священно-безмолвствующихъ для тѣхъ, которые, по своей неопытности и непокорности Святымъ, отри-

цаютъ таинственныя енергіи Духа, дѣйствующія въ живущихъ по духу, и проявляющіяся въ дѣлахъ, а не словами доказываемыя. Изложенное въ семъ Томѣ ученіе о божественномъ свѣтѣ и благодатномъ озареніи душъ, отражающемся и въ тѣлахъ нашихъ, совершенно согласно съ ученіемъ Паламы. Вотъ заключеніе сего Дѣеписанія:

„Это мы узнали изъ Писаній, приняли отъ нашихъ отцовъ, извѣдали своимъ малымъ опытомъ; это же самое увидѣвши и въ сочиненіяхъ честнѣйшаго іеромонаха и брата нашего господина Григорія Паламы, писанныхъ въ защиту священнобезмолвствующихъ, и усвоивши какъ точно-согласное съ преданіями святыхъ, подписали мы въ удостовѣреніе всѣхъ, кому случится читать сіе“.

16) Συνοδικὸς τομος πρῶτος — Соборный Томъ первый, составленный въ великихъ Соборахъ, отвергшихъ нечестіе Варлаама и Акиндина, въ которыхъ (соборахъ) не только вся Церковь, но и Синклитъ и окружные судьи Ромеевъ οἱ καθολικοὶ τῶν ʻΡωμαίων κριταί, присутствовали подъ предсѣдательствомъ божественнаго царя Андроника Палеолога, пока онъ былъ живъ. (1341 г..)

Отмѣчаю начало и содержаніе сего дѣеписанія.

Начало:—По истинѣ хвалы достоинъ тотъ, кто сказалъ, что смиреніе постигаетъ истину. Ибо оно знаетъ всему мѣру (предостерегаетъ отъ излишества); съ помощію его мы пріобрѣтаемъ миръ съ Богомъ и съ ближними, а также и покой въ настоящемъ вѣкѣ и въ будущемъ, по законоположительному и побудительному гласу Господа: *научитеся отъ мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ*. Оно убѣждаетъ насъ внимать себѣ и Богу.

Содержаніе:—„А Калабріецъ Варлаамъ монахъ, безразсудно и самовольно зыблясь на пучинѣ великомнѣнія о себѣ, и гордясь своею философіею, вооружился противъ выспренняго и истиннаго любомудрія, противъ ученія Духа. Притворившись ученикомъ, онъ нѣкогда коварно пришелъ къ нѣкіимъ у насъ монахамъ, которые, провождая житіе безмолвное, и всѣмъ другимъ говоря, радуйтесь, съ однимъ Богомъ бесѣдуютъ, и между ними расчи-

танно присталъ не къ умнѣйшимъ, а къ простѣйшимъ; но и отъ нихъ скоро ушелъ и письменно похулилъ толки ихъ. Услышавъ отъ нихъ, что тѣ, у которыхъ сердца очищены исполненіемъ заповѣдей божіихъ, таинственно и неизглаголанно сподобляются осіяній божественныхъ, Варлаамъ этотъ обвинилъ ихъ въ томъ, что они признаютъ передачу самаго существа Божія, когда же они отвѣчали ему, что передается не существо это, а вѣчная, несозданная и боготворящая благодать Духа, тогда взвелъ на нихъ обвиненіе въ двубожіи, и даже явившись въ Церковь, повѣдалъ это и нашей Мѣрности, винилъ наипаче честнѣйшаго іеромонаха киръ Григорія Паламу, и требовалъ, чтобы всѣ они позваны были въ священный и божественный Соборъ нашъ. Но когда они призваны были, самъ онъ не явился, оправдываясь тѣмъ, что въ Соборѣ не было царя, *) а на самомъ дѣлѣ боясь обличенія. Потомъ Соборъ открытъ былъ въ знаменитомъ храмѣ Премудрости Бога Слова, въ присутствіи царя, его Синклита, и немалаго числа честнѣйшихъ архимандритовъ и игуменовъ, и гражданъ. Введенъ былъ туда и Варлаамъ. Ему предложили высказать и доказать все, что у него есть на умѣ противъ монаховъ, живущихъ въ безмолвіи. Но онъ, оставляя это въ сторонѣ, требовалъ прежде всего разрѣшенія вопросовъ и недоумѣній догматическихъ. Тогда патріархъ повелѣлъ прочитать въ слухъ всѣхъ, присутствовавшихъ въ Соборѣ, священные и божественные *каноны*, которыми воспрещено всѣмъ, кромѣ архіереевъ, разсуждать о догматахъ. (64-е правило шест. вселен. Собора съ изъясненіемъ св. Григорія Богослова, 19-е правило Халкидон. Собора). Затѣмъ были принесены и прочитаны сочиненія Варлаама подъ заглавіемъ, „Противъ Мессаліанъ“ (такъ называлъ онъ безмолвниковъ), въ которыхъ онъ выражался о Ѳаворскомъ свѣтѣ, между прочимъ, такъ:

„Свѣтъ, возсіявшій на Ѳаворѣ, не былъ недоступный, не „былъ истинный свѣтъ божества; онъ не только не превосходнѣе

„умствованія наши лучше этого свѣта, который чрезъ воздухъ „доходитъ до нашихъ глазъ, подчиняется силѣ чувствительности „нашей, и зрящимъ показываетъ одни чувственные предметы, потому что и самъ онъ веществен и образенъ, является въ пространствѣ и времени, окрашиваетъ воздухъ, и то—сгущается и „является, то разрѣшается и ни вочто обращается, будучи призракомъ, дробью и летучкою. Да и видѣли его люди, еще не „воспріявшіе священныхъ енергій (Духа), еще не очищенные, „не совершенные, и при самомъ видѣніи, какое было на Ѳаворѣ, еще не сподобившіеся пониманія Боговидѣній. Итакъ тѣ, „которые говорятъ, что оный свѣтъ превосходитъ умъ и есть истинная существенность, и тому подобное, заблуждаются, и не „зная ничего лучшаго кромѣ видимыхъ красотъ, вводятъ въ Церковь вредные догматы, какъ нечестивцы".—Такія разсужденія Варлаама Соборъ призналъ противными вѣщаніямъ св. Отцовъ о Ѳаворскомъ свѣтѣ; и эти вѣщанія ихъ были прочитаны въ слухъ всѣхъ. (Іоанна Дамаскина: σήμερον φωτὸς ἀπροσίτου ἄβυσσος....

Діонисія Ареопагита: οὕτως ὁ δεσπότης ὀφθήσεται τοῖς ἑαυτοῦ τελείοις θεράπουσιν, ὃν τρόπον ἐν ὄρει Θαβὼρ τοῖς ἀποςόλοις ὀπτάνεται....

Св. Андрея Критскаго: ἐπὶ τὸ ὄρος ἀνάγει τὸ ὑφηλὸν τοὺς μαθητὰς ὁ σωτὴρ, τί ποιήσων ἤ τι διδάξων; τὴν ὑπεραστράπτουσανί παραδείξων τῆς οἰκείας θεότητος δόξαν τε καὶ λαμπρότητα....

Св. Григорія Богослова: Ἥξει μὲν ὡς ὁ ἐμὸς Λόγος, τοιοῦτος δὲ οἷος ὤφθη τοῖς μαθηταῖς, ἢ παρεδείχθη, ὑπερνικώσης τὸ σαρκίον τῆς θεότητος.... Св. Максима, св. Василія Великаго, св. Аѳанасія Александрійскаго).—Кромѣ того въ сочиненіяхъ Варлаама указаны были нападки на особенности (ἔθιμα) безмолвниковъ и на обычную у нихъ, и у всѣхъ христіанъ, молитву, Господи Іисусе Христе Сыне Божій помилуй мя, произносимую съ вдыханіемъ воздуха внутрь себя. По словамъ Варлаама наставникъ этихъ безмолвниковъ (Палама), по примѣру Богомиловъ, научилъ ихъ говорить: Господи Іусусе Христе *Сыне Божій*, помилуй мя, а не Господи Іисусе Христе *Боже нашъ* помилуй насъ, какъ говорятъ всѣ христіане, и даже отмѣнилъ *Отче нашъ*, считая эту молитву и всѣ

прочія излишнимъ многоглаголаніемъ. Но все это противно исповѣданію верховнаго ап. Петра и ублаженію его за то Владыкою. Ибо Петръ сказалъ: Ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго: а Господь отвѣтилъ ему: блаженъ еси Симоне Варъ Іонà, яко плоть и кровь не яви тебѣ, но Отецъ Мой, иже на небѣсѣхъ. Да и въ символѣ Вѣры мы читаемъ: вѣрую во единаго Бога Отца и въ Сына Божія единороднаго, иже отъ Отца рожденнаго прежде всѣхъ вѣкъ. Итакъ, когда мы говоримъ, „вѣрую въ Сына Божія", развѣ не Богомъ признаемъ Христа? Вѣщаетъ же объ оной священной молитвѣ и Златоустый и божественный учитель Іоаннъ въ своемъ посланіи къ монашествующимъ: „служите непрестанно Господу Богу вашему, доколѣ помилуетъ васъ, и ничего другаго не просите кромѣ милости отъ Господа славы. Прося же милости, просите ее въ сердцѣ смиренномъ и умиленномъ, и вопійте отъ утра до вечера и, если можно, во всю ночь: Господи Іисусе Христе Сыне Божій помилуй мя.... Прошу васъ: не удаляйте сердецъ вашихъ отъ Бога, и ожидайте царствія небеснаго, непрестанно вспоминая Господа нашего Іисуса Христа, доколѣ не укоренится это имя въ сердцѣ вашемъ, и помышляйте только о томъ, какъ бы возвеличился въ васъ Христосъ. Прошу васъ: никогда не опускайте правила (Κανόνα) оной молитвы, но, ядите ли вы, или пьете или ходите, или, что дѣлаете, непрестанно взывайте: Господи Іисусе Христе сыне божій помилуй мя.—Далѣе изложены подобныя наставленія св. Діадоха и Василія великаго. Наконецъ прописано слѣдующее рѣшеніе Собора: „Итакъ оказалось, что Варлаамъ неправославно и хульно говорилъ и писалъ о Ѳаворскомъ божественномъ свѣтѣ и о священной молитвѣ, часто произносимой монахами; монахи же оказались невиновными, такъ какъ они содержатъ преданія и ученія о семъ святыхъ Отцовъ: что и исповѣдали они и подтвердили. Поелику же Варлаамъ испросилъ у нихъ прощеніе, то Мы объявляемъ, что если онъ истинно покается и исправится, и никогда не будетъ ни говорить, ни пи-

отъявленъ (ἀποκήρυκτος) и отлученъ отъ святой, соборной и апостольской Церкви Христовой и отъ православнаго единства Христіанъ... Затѣмъ слѣдуютъ подписи: Іоаннъ милостію божіею архіепископъ Константина града Новаго Рима и вселенскій патріархъ.—Смиренный митрополитъ Сардійскій, экзархъ всей Лидіи и всечестный Григорій. Смиренный митрополитъ Лакедемонскій и всечестный Нилъ. Митрополитъ Мадитонскій смиренный Исаакъ.—Смиренный митрополитъ Витзіи и всечестный Макарій. —Смиренный митрополитъ Аланіи и Сотиріуполя и всечестный Лаврентій и пр. и проч.

Оскорбленный и униженный Варлаамъ вскорѣ послѣ Собора уѣхалъ въ Италію и тамъ посвященъ былъ въ санъ епископа *). Но въ Греціи остались ученики и послѣдователи его. Изъ нихъ наиболѣе замѣчателенъ былъ монахъ и богословъ Григорій Акиндиносъ. Онъ подобно Варлааму училъ, что свѣтъ, видѣнный апостолами на Ѳаворѣ, былъ сотворенный, и что въ Богѣ существо его, свойства и дѣйствія различаются между собою только нашимъ разсудкомъ, а въ дѣйствительности составляютъ одно и тоже божественное естество. Соперникъ же его Палама въ своихъ сочиненіяхъ изъяснялъ и утверждалъ ту мысль, что существо божіе имѣетъ такъ сказать двѣ стороны, одну недоступную для человѣческаго пониманія, а другую доступную: первая есть существо Бога, а вторая свойства Его. По этому не допуская, что Ѳаворскій свѣтъ былъ проявленіемъ самой сущности божества, онъ утверждалъ, что въ этомъ свѣтѣ видимо проявилась доступная человѣку сторона Божества. Сторону Акиндина принялъ патріархъ Іоаннъ Калекасъ и на Соборѣ въ 1345 году отмѣнилъ свое прежнее осужденіе Варлаама, а Паламу осудилъ, какъ неправославнаго, и отлучилъ отъ Церкви единомышленниковъ его. Но патріархъ этотъ и Акиндинъ недолго торжествовали. Царица сблизилась съ Паламою. и въ февралѣ мѣсяцѣ 1347 года созвала Соборъ изъ приверженныхъ къ Паламѣ епископовъ; и тутъ патріархъ Калекасъ былъ осужденъ и лишенъ

*) Cantacuzen L. II, cap. XX 40.

патріаршества. Дѣяніе этого собора помѣщено въ Маврокордатовой рукописи. Вотъ начало и содержаніе его:

Начало: „Поистинѣ существуетъ только одинъ главный строитель разныхъ золъ: это-супостатъ производитель и предстатель всякаго нечестія. Онъ древле отдаливъ отъ Бога человѣческій родъ, научилъ его признавать и почитать множество боговъ, какъ будто одинъ Богъ не могъ спасти человѣка, сіе животное небесное и земное...

Содержаніе: Варлаамъ называется головщикомъ и защитникомъ подновленнаго Аріанства и Савелліанства, и безбожнаго и многобожнаго сочетанія и разсѣченія Божества, συστολῆς τε καὶ κατατομῆς τῆς Θεότητος. Онъ многихъ увлекъ за собою, и обвинилъ въ ереси честнѣйшаго монаха Григорія Паламу. Посему созванъ былъ Соборъ (1341 г.), который и осудилъ его. Осужденный Варлаамъ изъявилъ было раскаяніе, но потомъ передумалъ и убѣжалъ тайно, нахлобучивъ на себя, какъ говорятъ, адскій колпакъ изъ выдры, τὴν ᾄδου κυνῆν, ὅ φασιν, ὑποδύς. Вскорѣ послѣ Собора скончался царь (Андроникъ младшій). Тогда ученики Варлаама и особенно Акиндинъ снова зашумѣли и увлекли къ себѣ многихъ. Узналъ это Палама и многократно обличалъ Акиндина. А этотъ, немогши устоять противъ него, собственноручною роспискою утвердилъ свое точное согласіе во всемъ съ святым Отцами *); но вскорѣ отринулъ и росписку, и подпись своей руки, и опять зашумѣлъ. И опять состоялся священный Соборъ въ присутствіи царя; опять блистательнымъ ключемъ било благочестивое ученіе Паламы и единомышленниковъ его. πάλιν ἀνάρρησις περιφανεστάτη τῆς τοῦ Παλαμᾶ καὶ τῶν αὐτῷ συναδόντων ἀσφα-

*) На полѣ Маврокордатовой рукописи другимъ почеркомъ и другими чернилами написана слѣд. росписка Акиндина:

Τὸ τοῦ 'Ακινδύνου οἰκειόχειρον γράμμα.

„'Επεὶ συνεληλύθαμεν καὶ συνεξητάσαμεν περὶ τῆς διαφορᾶς, ἧς ἤχομεν πρὸς ἀλλήλους, ἐφάνη δὲ χάριτι Χριστοῦ, ὅτι οἱ πατέρες πρὸς ἃ ἦχον τὴν διαφωνίαν, ἐν οἶσ λέγουσι καὶ γράφουσι σύμφονοιεἰσὶν αλλήλοις καὶ τοῖς ἁγίοις. καγὼ συμφωνήσας αὐτοῖς κατὰ πάντα, τὴν παροῦσαν συμφωνίαν εἰς ἀσφάλειαν οἰκειοχείρως ἔγραψα.

Γρηγόριος ὁ Ακίνδυνος“.

λοῦς εὐσεβείας. Далѣе поясняется: какъ и въ какихъ обстоятельствахъ этотъ Соборъ состоялся.

„Послѣ перваго Собора, подписаннаго патріархомъ Іоанномъ Калекасомъ, не прошли и два мѣсяца, какъ вдругъ въ Константинополѣ явились раздѣленія и смуты по причинѣ коварства и честолюбія нѣкоторыхъ изъ Синклита. Эти сановники вознамѣрились устранить Іоанна Кантакузина отъ опекунства надъ царскими дѣтьми, не смотря на то, что онъ былъ родной братъ и другъ покойнаго государя, и всѣ дѣла велъ хорошо. Къ этой партіи присталъ патріархъ Іоаннъ, и завлекъ и царицу Анну. Все это возмутило священнаго Паламу: Онъ предвидѣлъ имѣющую произойти отсюда пагубу для царства, и не однажды, не дважды, а многократно на единѣ и въ присутствіи многихъ, то самъ одинъ, то съ помощію другихъ благочестивыхъ, велъ надлежащія бесѣды, сегодня о несправедливо обвиняемомъ Кантакузинѣ, завтра о благѣ христоименитаго народа; но когда убѣдился, что патріархъ идетъ противъ него и относится къ нему враждебно, тогда ушелъ изъ Константинополя, и проживалъ въ окрестностяхъ его. А патріархъ началъ покровительствовать Акиндина, и бесѣдовалъ съ нимъ днемъ и ночью; пересчитывая же многихъ сторонниковъ своихъ, кромѣ царицы Анны Палеологини, рѣшился рукоположить Акиндина сперва въ санъ іерея, а потомъ и въ архіерея. Но царица воспрепятствовала, такъ что произошелъ шумный безпорядокъ въ церквѣ, и Акиндина съ безчестіемъ вывели изъ нея и послѣ побоевъ въ оковахъ отправили на галеры. Но онъ убѣжалъ оттуда чрезъ подземельные ходы и трубы. Патріархъ же былъ помилованъ, однако сдѣлался еще хуже, и сочинилъ цѣлую книгу противъ Паламы и монаховъ для передѣлки прежде подписаннаго имъ Соборнаго Тома, εἰς ἀνασκευὴν τοῦ συνοδικοῦ τόμου. Но когда онъ вознамѣрился рукоположить въ Солунь какого-то единомышленника Акиндинова, тогда царица снова пристыдила его. А онъ въ оправданіе свое представилъ ей оную книгу. Между тѣмъ святѣйшій патріархъ Іерусалимскій

Царяграда при своихъ церквахъ, съ дозволенія державнаго и святаго царя Іоанна Кантакузина, составили Соборъ и присудили низложить патріарха Іоанна не только за прежнія общевредныя дѣйствія его, но и за общеніе и согласіе съ Акиндиномъ. Тоже самое сдѣлали и проживавшіе въ Цареградѣ въ своихъ кельяхъ митрополиты, Ефесскій, Кизическій, Аланійскій, Христопольскій, Апрскій и Лопадійскій, и о своемъ отлученіи паттіарха письменно увѣдомили царицу. Послѣ сего она пригласила къ себѣ Паламу, и посовѣтовавшись съ нимъ, созвала Соборъ іерарховъ Въ этомъ Соборѣ, бывшемъ въ царскихъ палатахъ подъ предсѣдательствомъ ея и сына ея Іоанна Палеолога, присутствовали весь Синклитъ, знатные клирики, архимандриты, игумены и властные граждане. Сперва прочитанъ былъ, въ слухъ всѣхъ, Томъ перваго Собора, содержавшій осужденіе Варлаама. Потомъ процѣдили книгу патріарха Іоанна, которую онъ представилъ царицѣ, и въ которой хитро опровергалъ оный Соборъ, обзывалъ сообщниковъ Паламы многобожниками, и изложилъ слѣдующія анаѳемы:

— Говорящимъ, что слава божества Христова отлична отъ существа Бога, анаѳема.

— Говорящимъ, что божественная благодать хотя и не создадана, но отлична отъ существа Бога, анаѳема.

— Говорящимъ, что несозданное Божество видится тѣлесными очами, анаѳема.

— Глупы и слѣпы тѣ, которые, разсуждая о преображеніи Господа нашего Іисуса Христа, говорятъ, что чрезъ него просіявалъ свѣтъ несозданный.

Въ оной патріаршей книгѣ помѣщены были и Акиндиновы сочиненія, въ коихъ Ѳаворскій свѣтъ выставленъ не только созданнымъ, но и ниже естества ангеловъ.

Изслѣдоваши все это дѣло, мы епископы,—съ согласія божественной и мудрой ревнительницы благочестія, боговѣнчанной царицы нашей, и святаго самодержца нашего и царя Киръ Іоанна Палеолога, всего Синклита, клира, благоговѣйныхъ архи-

мандритовъ и игуменовъ, и многихъ властныхъ граждань, мы патріарха, недостодолжно правившаго, отмѣнившаго Томъ, который утвердилъ благочестивые догматы, и присоединившагося къ Акиндину и единомышленникамъ его, отлученнымъ отъ соборной и апостольской Церкви, а Паламу и сотрудниковъ его, подвизавшихся за истину и оправданныхъ Соборомъ, отвергшаго, лишаемъ святительскаго сана и священнослуженія, и низлагаемъ, а если не раскается, то и анаѳемѣ предаемъ: осуждаемъ же и всѣ сочиненія ихъ, наполненныя всякимъ коварствомъ и нечестіемъ и произведшія междуусобное раздѣленіе: равно и Варлаама и Акиндина и всѣхъ сообщниковъ ихъ, нераскаявшихся, отлучаемъ отъ Церкви: а покаявшихся пріемлемъ въ общеніе, и даже священнослуженіе дозволяемъ имъ. Если же кто или мыслилъ, или говорилъ, или писалъ противъ Паламы, то и таковаго анаѳематствуемъ: а іеромонаха Паламу и другихъ, учащихъ согласно съ благочестіемъ и преданіемъ, почитаемъ защитниками Церкви и помощниками Ей. Мѣсяца февраля Индикта 15 го".

† Смиренный митрополитъ Кизическій всечестный и Экзархъ всего Еллиспонта Аѳанасій.

† Митрополитъ Филаделфійскій Макарій.

† Митрополитъ всей Аланіи Лаврентій.

† Лазарь милостію Божіею и пр. и пр. патріархъ Іерусалимскій.

† Адріанопольскій Іосифъ. и пр. и пр.

На оборотѣ сего Соборнаго Тома подписались Ираклійскій Филоѳей, Солунскій Григорій, Севастійскій Іаковъ, Брусскій Іероѳей, Траянупольскій Герасимъ, Митилинскій Маркіанъ, Эносскій Даніилъ, Согдейскій Евсевій, Витзинскій Кириллъ, Готѳскій Петръ, Гареллонскій Іоанникій, Калліупольскій Іосифъ.

---

18) Осужденные Акиндиновцы не только не покорились патріарху и Церкви, но однажды составили свой Соборъ въ самомъ Константинополѣ, въ который явились десять епископовъ, а двадцать прислали свои письменныя мнѣнія и рѣшенія, въ коихъ

осудили патріарха, Паламу и его сподвижниковъ. Этотъ патріархъ былъ уже Исидоръ, по прозванію Вухирасъ, прежній епископъ Монемвасійскій (Съ 1347 года по 1350). Онъ въ августѣ мѣсяцѣ 1347 года, когда Палама уже былъ архіепископомъ Солунскимъ, соборно осудилъ приверженцевъ Акиндина, именно Ефесскаго митрополита имярекъ, и архіереевъ, Неофита Филиппійскаго и Іосифа Ганскаго. Это Соборное дѣяніе его, цѣликомъ содержащееся въ Маврокордатовой рукописи, подтвердили патріархъ Іерусалимскій Лазарь и двѣнадцать митрополитовъ тѣ же, что и прежде, и въ числѣ ихъ Григорій Палама.

19) Послѣ сего прошли четыре года. Въ Константинополѣ патріаршествовалъ Каллистъ (съ 1350 по 1362.), а въ Солунѣ святительствовалъ тотъ же Григорій Палама. Поелику же Варламо-акиндиновщина тогда была еще сильна, такъ что защитниками этой ереси считались самыя видныя личности, именно, даровитый и ученѣйшій историкъ и философъ Григорасъ и вышепомянутые митрополиты Ефесскій и Ганскій; то противъ нихъ созванъ былъ Соборъ, въ которомъ, кромѣ многихъ архіереевъ, присутствовалъ самъ царь Іоаннъ Палеологъ.

Еретики сильно защищались, но были осуждены. Составлено было въ августѣ 1351 года соборное дѣеписаніе, подтверждающее рѣшенія прежнихъ Соборовъ, и осуждающее Варлаамоакиндиновщину и всѣхъ приверженцевъ ея. И это дѣеписаніе помѣщено въ Маврокордатовой рукописи. Оно весьма длинно. Для перебѣленія его я нанялъ грамотнаго Лавріота, который и доставилъ его мнѣ уже въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1846 года, когда я занимался въ монастырѣ Есфигменскомъ. Смотрите этотъ актъ въ моей статистикѣ Аѳона, гдѣ излагаются толки и мнѣнія святогорцовъ. А я спѣшу сказать нѣсколько словъ объ изложеніи разсмотрѣнныхъ мною Соборныхъ Дѣеписаній.

Въ первый разъ въ жизни моей я читалъ такія дѣеписанія въ Аѳонской лаврѣ. Меня поразило умное изложеніе ихъ. Въ началѣ ихъ всегда ставится философское, или религіозно-нрав-

наго акта. Потомъ излагается самое дѣло и непремѣнно освѣщается канонами святыхъ вселенскихъ Соборовъ и ученіями святыхъ Отцовъ Церкви. Въ концѣ же прописывается соборное рѣшеніе. Замѣчательно, что въ разсмотрѣнныхъ мною Дѣеписаніяхъ подъ Церковію разумѣются соборующіе іерархи и клирики, однако въ союзѣ со всѣми христіанами. Читаешь такія дѣеписанія и понимаешь, что восточные архіереи священствовали не безъ философіи, и что они поучали народъ даже съ судейскаго сѣдалища, а не съ одной каѳедры церковной. Такъ и быть этому надлежитъ. А у насъ?

Я очень радъ, что мнѣ удалось, и еще болѣе удастся, найти на Аѳонѣ образцы духовно-судебнаго краснорѣчія. Но будемъ ли мы подражать имъ? Замѣнимъ ли гражданскія формы судопроизводства, формы сухія, не цвѣтныя, не поучительныя, изложеніемъ дѣлъ краснорѣчивымъ и назидательнымъ? Не знаю. Впрочемъ время все измѣняетъ. Подождемъ лучшей будущности. А я уже забѣжалъ впередъ ея, держа въ рукахъ образцы судебнаго краснорѣчія іерарховъ восточныхъ. Но обратимся къ твореніямъ Паламы.

Кромѣ тѣхъ писемъ и словъ его, кои содержатся въ рукописи Маврокордата, я нашелъ переплетенныя вмѣстѣ съ печатною греческою Четьминеею *„физическія, богословскія, нравственныя, практическія и очищающія отъ заразы Варлаама Главы“* сего богослова, всѣхъ 150, и переписалъ ихъ для себя почти всѣ, дабы ближе познакомиться съ умомъ и убѣжденіями Паламы. А здѣсь представляю въ Русскомъ переводѣ только сорокъ три избранныя мною главы.

1. Міръ имѣетъ свое начало. Въ этомъ убѣждаютъ насъ исторія и не очень давнее появленіе наукъ, искуствъ и законодательствъ.

2. Міръ кончится. Ибо что перестаетъ жить по частямъ,

то перестанетъ существовать и въ цѣлости. По пророчествамъ будетъ конецъ міра.

3. Душа міра, движущая звѣзды, не существуетъ.

15. Добываемые чувствами образы суть отраженія тѣлъ. Αἱ κατὰ τὰς αἰσθήσεις ἐγγινόμεναι μορφώσεις εἶναι ἐκτυπώματα σωμάτων.

16. Эти волшебные отпечатки въ чувствахъ составляютъ фантастическій матеріалъ души, вновь занимаемый ею отъ чувствъ. Τὰ κατὰ τὰς αἰσθήσεις ἐκμαγεία ταῦτα τὸ τῆς ψυχῆς φανταστικὸν, ἐκ τῶν αἰσθήσεων αὖ προσοικειούμενόν ἐστι.

17. А матеріалъ этотъ въ разумномъ животномъ служитъ границею между умомъ и чувствомъ. Умъ, видя и перебирая занятые отъ чувствъ образы, какъ отдѣлившіеся отъ тѣлъ и ставшіе уже безтѣлесными, составляетъ разныя понятія, разсуждая, подбирая аналогіи и строя силлогизмы, многовидно, пристрастно, безстрастно, въ надлежащихъ границахъ (μέσως), окольно и прямодорожно, (πεπλανημένως τε καὶ ἀπλανῶς): а отсюда рождаются въ большомъ количествѣ добро и зло, правыя и неправыя ученія.

21. Наученіе св. Духа есть источникъ истиннаго вѣдѣнія о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ.

26. Человѣкъ созданъ по образу Создателя, дабы онъ на Него взиралъ, Его любилъ, Ему одному поклонялся, и вѣрою въ него и стремленіемъ къ нему сохранялъ свою собственную добротность, καλλονήν.

29. Человѣкъ долженъ не только знать Бога, себя самого и свою сановитость, но вѣдать и свою немощь и стараться уврачевать ее. Тотъ умъ, который созналъ свою немощь, понялъ: откуда ему надобно подойти къ спасенію и приблизиться къ свѣту вѣдѣнія и получить мудрость истинную.

30. Всякое разумнословесное естество, ангельское, или человѣческое, имѣетъ свою сущность; это-жизнь, посредствомъ которой оно пребываетъ безсмертнымъ.—Но въ насъ заключается не одна эта сущность, не одна эта жизнь, а есть еще и енергія,

жизнь не имѣетъ такой енергіи, потому что у нихъ нѣтъ землянаго тѣла.

33. У разумнословесной души сущность есть жизнь, но наклонная къ противоположностямъ, т. е. къ злу и благости. Слѣдовательно душа, по существу своему, ни добра, ни зла, а *только способна* быть доброю, или злою, смотря потому, въ какую сторону она направляется, не невольно, а по своему произволенію, которое она получила отъ Создателя.

34. Сущность верховнѣйшаго ума есть благость. Все въ немъ—благо... Есть въ немъ и бытіе, или лучше Самъ Онъ есть бытіе, потому что бытіе есть благо... Есть въ немъ и мудрость, потому что и она есть благо. и пр.

35. Благость его есть источникъ благости, потому что и это есть благо. А такъ какъ умъ есть пресовершенная и всесовершенная благость, то изъ него, какъ изъ источника, происходитъ не что либо другое, какъ только умъ же—Логосъ.

36. Такъ какъ Слово—Умъ есть благость, γεννητῶς рождественски происходящая изъ источника Умной благости, Слово-Умъ же и вообразить нельзя безъ Духа (безъ Любви), то и Духа святаго, отъ Отца сопроисходящаго имѣетъ Богъ-Слово, который самъ отъ Бога рожденъ... А Духъ оный есть неизглаголанная любовь онаго Родителя. Ἐκεῖνο δὲ Πνεῦμα ἔρως ἐςὶν ἀπόρρητος τοῦ γεννήτορος.

37. Почтимъ единаго Бога истиннаго и совершеннаго, не трисоставнаго, да не будетъ, а несложнаго, ἁπλοῦν. Ибо благость не тройственна. Верховнѣйшая Благость не есть троица Благостей, а Троица святая и достопокланяемая, *изъ себя въ себя вливающаяся непроточно, и сама собою ставшая прежде вѣковъ, безпредѣльная, и проч.* ἡ ἀνωτάτη ἀγαθότης ἐςὶν ἐξ αὐτῆς εἰς ἑαυτὴν χεομένη ἀρρεύςως, καὶ ἐφ ἑαυτῆς ἑςῶσα πρὸ αἰώνων, ἀόριςός τε οὖσα...

38. Разумнословесное естество ангеловъ имѣетъ умъ и слово отъ Ума, и любовь ума къ Слову.

44. Сатана захотѣлъ владычествовать (тогда какъ ангелы

должны служить Создателю своему) по гордости, въ противность волѣ Творца, и оставивъ свой чинъ вмѣстѣ съ возставшими съ нимъ ангелами, справедливо отстраняется отъ животворящаго и осіявающаго Источника, и облекается вѣчнымъ мракомъ.

46. Прародители человѣческаго рода, добровольно уволившіе себя отъ памятованія и созерцанія Бога, и потому преступившіе заповѣдь, и единомысливші съ мертвеннымъ духомъ сатаны, и сами, бывъ лишены свѣтозарныхъ одеждъ, сотканныхъ изъ вышняго свѣта, увы, сдѣлались мертвыми духомъ, какъ сатана. А такъ какъ Сатана есть духъ не только мертвенный, но и мертвящій приближающихся къ нему, а эти приближающіеся имѣли тѣло, чрезъ которое мертвящій совѣтъ сатаны перешелъ въ дѣло; то прародители, увы, и тѣламъ своимъ передали мертвенность.

50) Но для чего Богъ отсрочилъ смерть первому человѣку и благословилъ его жить немалое время? Вопервыхъ, онъ показалъ, что наказываетъ милостиво, дабы не отчаявались; во вторыхъ, далъ время для покаянія и благоугожденія Ему; въ третьихъ, для утоленія печали при мысли о смерти умножалъ роды, такъ что число рождающихся превышало число умирающихъ, и вмѣсто одной красоты обнищавшаго Адама произвелъ многихъ, богатыхъ боговѣдѣніемъ и добродѣтелію, и знаніемъ и благоволеніемъ божескимъ. Свидѣтели тому Сиѳъ, Еносъ, Енохъ... и проч.

56. Статейка о воплощеніи Сына Божія.

57. Ежели приблизилось къ намъ царство Божіе снисхожденіемъ къ намъ Бога-Слова; то да не удалимся мы отъ него: напротивъ пріобрѣтемъ дѣла покаянія... и пр.

58. Любовь къ Богу бываетъ, когда отсутствуютъ страсти и присутствуютъ добродѣтели.

64. Если мы нынѣ имѣемъ въ себѣ образъ божій, какъ и ангелы, то подобія Божія несравненно менѣе въ насъ, чѣмъ въ добрыхъ ангелахъ и наипаче нынѣ. Ибо усовершенствованіе по подобію Божію бываетъ только посредствомъ божественнаго озаренія отъ Бога...

65. Такое озареніе—не созданно; но и не существо божіе—оно. Единомышленники же Варлаама и Акиндина признаютъ оное или твореніемъ, или существомъ Бога, и такимъ образомъ богохульствуютъ.

66. Сіе то божественное озареніе, котораго мы лишились преступленіемъ Адама, явлено было на Ѳаворѣ, дабы мы знали: чѣмъ мы были и чѣмъ будемъ.

67) Такое озареніе имѣлъ и Адамъ до паденія.

68) Никогда не говорятъ, что божескихъ пресущественностей много: Божія пресущественность—едина. А божественная и несозданная благодать и енергія Бога, удѣляемая безъ ущерба μεριζομένη ἀμερίςως, на подобіе солнечнаго луча, придаетъ озаряемымъ свое собственное сіяніе. (Далѣе несозданность силъ и енергій Духа святаго подтверждается словами св. Василія великаго).

69. Божественное и боготворящее озареніе (ἔλλαμψις) и благодать есть енергія Бога, а не существо Его.

70) Пророкъ Исаія изрекъ, что такихъ божественныхъ енергій—седмь: Духъ премудрости и разума, Духъ совѣта и крѣпости, Духъ вѣдѣнія и благочестія, Духъ страха божія (гл. 11, 9). Эти седмь духовъ Варлаамисты и Акиндиновцы признаютъ сотворенными.

73) Акиндиновцы утверждаютъ, что одно существо Божіе не созданно, и что все прочее сотворено, и такимъ образомъ тварію дѣлаютъ и Отца и Сына и св. Духа... Твореніе есть не енергія Бога, а то, что произведено и окончено ею.

74. Божественное существо и божественная енергія вездѣ находятся нераздѣльно: а въ насъ созданныхъ вмѣщается лишь одна енергія Бога, такъ какъ она, по мнѣнію богослововъ, дѣлится безъ ущерба. Св. Іоаннъ Златоустый вѣщаетъ такъ: „вмѣстима въ каждомъ изъ насъ божественная благодать и енергія; а существо Бога какъ бы вмѣстилось въ тваряхъ, когда оно недѣлимо само въ себѣ“?

75) Праведники, удостоившіеся единенія съ Духомъ божіимъ, не съ существомъ Его соединяются, а съ енергіею Его.

„Духоносныя души, по ученію св. Василія великаго, озаренныя отъ Духа, сами становятся духовными, и другимъ сообщаютъ благодать: отсюда предвидѣніе будущаго, разумѣніе тайнъ, раздѣленіе дарованій, неземное жительство и пр.

78) Богъ есть зачатіе всѣхъ бытій, такъ какъ всѣ они пріобщаются къ нему и пріобщеніемъ къ нему поддерживаются, но пріобщеніемъ не къ существу его, да не будетъ, а къ енергіи Его. Въ этомъ смыслѣ Онъ есть существенность, или осуществленіе существъ. Ἐςὶ δὲ καί λέγεται φύσις τῶν ὄντων πάντων ὁ θεός, ὡς αὐτοῦ πάντων μετεχόντων καὶ τῇ μεθέξει τούτου συνεςώτων, οὐ τῇ μεθέξει τῆς αὐτοῦ φύσεως, ἄπαγε, ἀλλὰ τῇ μεθέξει τῆς αὐτοῦ ἐνεργείας. Οὕτω γὰρ καὶ ὀντότης ἐςὶ τῶν ὄντων.

79) Единъ есть Богъ. Существо его непостижимо, а божественныя Енергіи его, проявляющіяся въ тваряхъ, постижимы. Эти енергіи суть предвѣдящее хотѣніе его касательно насъ, мудрость, безпредѣльное могущество Его и благость.—Варлаамъ и Акиндинъ, слыша это, винятъ насъ, будто мы признаемъ многихъ боговъ и многое несозданное, и Бога дѣлаемъ сложнымъ. Но они не знаютъ, какъ Богъ нераздѣльно раздѣляется и дѣлимый совокупляется; и потому въ немъ нѣтъ ни множественности, ни сложности.

83) „Въ тваряхъ проявляется мудрость, творчество и могущество, но не существо Бога“: говоритъ великій Василій, отвѣчая Евномію. А такъ какъ Варлаамиты и Акиндиновцы утверждаютъ, что ничѣмъ не различаются божественное существо и божественная Енергія, то явно, они суть Евноміане.

90. По словамъ Максима: творческому предпомышленію Бога о существахъ соотвѣтствуютъ преемственныя проявленія ихъ. А общія Тріипостасной Единицѣ енергіи суть, зиждительство, провидѣніе и благость, или осуществованія, оживотворенія, умудренія, кои называются и преподаяніями свободными и неистощимыми. Τὴν ποιητηκὴν τῶν ὄντων πρόνοιαν, τὰς προόδους ταῦτας τοῦ θεοῦ, γράφει (Μάξιμος) ἐν σχολίοις. Κοιναὶ δέ εἰσι τῆς τρισυποςάτου

αἱ οὐσιώσεις, αἱ ζωώσεις, αἱ σοφοποιήσεις, ἃς καὶ ἀσχέτους μεταδώσεις καὶ ἀμειώτους ὀνομάζουν.

92) Какъ солнце, неистощимо сообщающее теплоту и свѣтъ воспріемлющимъ ихъ, въ себѣ заключаетъ эти природныя ему и существенныя енергіи: такъ и оныя божественныя преподаянія, неистощимо существующія въ Преподающемъ ихъ суть естественныя и существенныя енергіи Его и слѣдовательно несозданныя.

93). Какъ лица наши отражаются и видятся не во всѣхъ веществахъ, а только въ гладкихъ и прозрачныхъ: такъ и енергія Духа дѣйствуетъ не во всѣхъ душахъ, а только въ тѣхъ, кои не имѣютъ никакой кривизны и узловатости. И опять: Духъ святый всѣмъ присущъ, но силу свою даетъ только чистымъ отъ страстей, а не тѣмъ, у кого владычица (душа) загрязнена грѣховностію.

95) Предтеча Христовъ говоритъ: „не въ мѣру данъ Христу духъ отъ Бога Отца“. А Златоустый вѣщаетъ, что духъ этотъ есть енергія. Ибо всѣ мы получаемъ енергію духа отмѣренную, а Христосъ имѣетъ всю енергію неизмѣримую и цѣлую. А если неизмѣрима енергія Его, то кольми паче существенность Его. Неизмѣримостію Ея Креститель выразилъ несозданность Ея.

96. Далѣе слѣдуютъ краткія, но обоюдуострыя опроверженія, въ видѣ силлогизмовъ, лжеученія Акиндиновцовъ, будто существо и енергія Бога ничѣмъ не различаются между собою. Вотъ образчики этихъ силлогизмовъ:

— „Ежели енергіи Бога ничѣмъ не отличаются отъ существа Его, а енергій много; то и существъ въ Богѣ много: чего еще никто и не воображалъ“.

— „Ежели енергія есть тоже, что и существо Бога, то она Сына и св. Духа *творитъ*, ибо ей свойственно *творить*. А ежели существо и енергія отличны, то Отецъ, Сынъ и св. Духъ, имѣя одно существо, не творятся, а одинъ рождается, другой же *исходитъ*.

— „Ежели существо и енергія—одно и тоже, то Богу такъ же необходимо дѣйствовать съ енергіею, какъ и существовать: а если такъ, то тварь будетъ совѣчна Богу, отъ вѣчности дѣйствующему съ енергіею: А такое мудрованіе будетъ Еллинское“.

— „Ежели существо и енергія—одно и тоже; то даже до нынѣ Богъ рождаетъ, даже до нынѣ Духъ исходитъ изъ него“.

105. *Мы причастники Божества.* Подъ божествомъ тутъ богословы разумѣютъ божественную енергію.

Енергіи Бога, по ученію Василія великаго, въ насъ входятъ, существо же Его пребываетъ неприступно“.

„Енергія, по Дамаскину, есть дѣятельное и существенное движеніе Божества.

143. Св. Кириллъ, разсуждая о Богѣ, говоритъ: „Енергіи свойственно творить, а естеству рождать. Естество же и енергія—не одно и тоже“.

146. Господь, сказавъ ученикамъ своимъ, что нѣкоторые изъ предстоящихъ не вкусятъ смерти, пока не увидятъ царствіе божіе, пришедшее въ силѣ, спустя шесть дней, взялъ съ собою Петра, Іакова и Іоанна, и взошелъ на гору Ѳаворскую. Тамъ онъ возсіялъ, какъ солнце, и одежды Его сдѣлались бѣлы, какъ свѣтъ, такъ что ученики Его не могли смотрѣть и приникли къ землѣ. Однако они, по обѣщанію Спасителя, видѣли тамъ царствіе Божіе. Оный божественный и неизрѣченный свѣтъ Григорій Богословъ и Василій великій называютъ божествомъ, говоря: свѣтъ на Ѳаворѣ: это—явленное ученикамъ божество и красота Сильнаго (Бога), одними святыми зримая съ помощію силы св. Духа. Василій и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: „видѣли на горѣ и красоту Его Петръ и сыны громовы, превосходящую сіяніе солнца, и предзнаменованіе втораго пришествія его сподобились узрѣть тѣлесными очами. И Дамаскинъ и Златоустый Іоаннъ оный свѣтъ назвали лучемъ божества: Первый писалъ: „Въ Сынѣ, безначально рожденномъ отъ Отца, явился естественный лучъ божества, и слава божества сдѣлалась славою тѣла. Златоустый

же вѣщалъ: свѣтлѣе себя показался Господь на горѣ, когда божество показало въ немъ лучи свои.

149. Акиндиновцы, ухищряясь прикрыть свое неправомысліе, иногда и несозданнымъ называютъ свѣтъ, возсіявшій на Ѳаворѣ, и сущностію Бога. Но они заблуждаются. Ибо ежели оный свѣтъ видѣнъ былъ апостолами, то значитъ они видѣли и сущность Бога. Но пусть они послушаютъ глаголющаго: „οὐδεὶς ἔςη ἐν ὑποςήματι καὶ οὐσίᾳ θεοῦ—никто не устанавливался въ Vпостаси и существѣ Бога, и никто не видалъ и не изрѣкалъ божественнаго естества, и нетолько никто изъ людей, но даже ни одинъ ангелъ. Сами шестокрылатые херувимы не могутъ видѣть сіянія, исходящаго изъ существа Божія, *но крылами закрываютъ лица свои*".

Теперь я знакомъ съ Паламою, хотя и невполнѣ, потому что не видалъ прочихъ сочиненій и наипаче проповѣдей Его. Умъ у него выспренній, сильный, тонкій, аналитическій, а рѣчь обработанная философски, и потому дающая точныя понятія объ изрѣкаемыхъ предметахъ. Замѣчательны насмѣшки этого святаго мужа надъ противниками его. Еретикъ Варлаамъ, по словамъ его, скорымъ шагомъ обходитъ богоносныхъ отцовъ, какъ неизвѣстныхъ, а Сократистовъ и Платонистовъ рисуетъ, какъ боговидцовъ, *потому что у него что-то заболѣло. Діалектика его сдунется какъ пушокъ*. Послѣдователь Варлаама Григорасъ не жаловалъ Паламу. Извѣстна (печатная) сатира его, которой начало я помню хорошо:

Σπουδῇ Παλαμᾶν εὐσεβὴς πᾶς φευγέτω.
Οὐδὲν γὰρ ὀκνεῖ δυσεβὲς παρεισάγειν.

Кто благочестивъ, да бѣжитъ поскорѣй отъ Паламы.
Онъ не лѣнивъ на безбожныя выдумки.

Но и Палама не щадилъ Григораса. По словамъ его, Григорасъ есть мудрецъ, но пустенькій, σοφὸς κοῦφος. Онъ, какъ сова, любящая мракъ, отдалъ мозги свои демону и во мракѣ неправды сочиняетъ всякую ложь. Онъ подобно желѣзу, сверкающему нѣ-

сколько минутъ и потомъ чернѣющему, блеснетъ разсужденіемъ, и опять становится *урожденнымъ* невѣждою. Умъ Григораса ползаетъ по землѣ. Онъ—муравей, подвязавшій себѣ крылья и полетѣвшій воевать съ Богомъ, но вскорѣ упавшій и разбившійся.

Въ Соборномъ Дѣеписаніи 1347 года, которое,—смѣю думать,—составлялъ Палама, о Варлаамѣ сказано, что онъ тайкомъ убѣжалъ изъ Константинополя, нахлобучивъ на себя *адскій колпакъ изъ шкуры выдры*. Хороша картина! Хоть куда!—Но можно ли оправдать такія порицанія? Приличны ли онѣ христіанину, монаху, собору іерарховъ? Оправдываю ихъ и признаю приличными, зная, что онѣ вылились изъ сердца, горячо любившаго и отстаивавшаго истину, и помня, какъ Іисусъ Христосъ обозвалъ Петра сатаною и соблазномъ, (Матѳ. 16, 23) Фарисеевъ порожденіемъ ехидны, Ирода тетрарха лисицею. Да и здравая философія подсказываетъ мнѣ: Suum cuique: всякое существо должно быть оцѣниваемо смотря по внутреннимъ качествамъ его. Напримѣръ: у тебя въ умѣ нѣтъ ничего божескаго, а все человѣческое: такъ не прогнѣвайся, ежели скажутъ тебѣ: ты, братъ, мудрецъ, но пустенькій. Ты говоришь, что церковь у тебя въ сердцѣ, тогда какъ ничего церковнаго нѣтъ въ тебѣ: не прогнѣвайся же, когда тебѣ доскажутъ, „а въ головѣ твоей колокольня“! Но перестаю говорить объ этомъ предметѣ, и снова начинаю рѣчь о Паламѣ, или лучше, о современной ему богословской школѣ.

Эта школа не чуждалась философіи Платона и Аристотеля, но и не увлекалась ею, подчиняя разумъ откровенію Божію, изъясненному св. Отцами церкви. Богословы этой школы старались уяснить, что есть Богъ, что дѣется въ немъ самомъ, и какъ онъ дѣйствуетъ на міръ и человѣка. Богъ есть высочайшее всеобъемлющее благо. А такъ какъ всемогущество, мудрость, правда, милость, любовь, суть блага, то и Богъ, какъ всеобъемлющее Благо, всемогущъ, праведенъ, милосердъ, любвеобиленъ. Онъ тріипостасенъ, т. е. Отецъ, Сынъ и Духъ, или, Умъ, Слово и

Любовь. А существо у нихъ одно, и отъ единаго Отца рожденъ Сынъ, а Духъ св. исходитъ, отъ Сына же и Духа уже никто подобный имъ, или сосущественный, не рождается и не исходитъ, потому что пресвятая Троица *изъ себя въ себя вливается не проточно:* ἐξ αὐτῆς εἰς ἑαυτὴν χεομένη ἀρρεύςως: Сынъ въ лонѣ Отца пребываетъ, Духъ въ Сынѣ почиваетъ. Посему Троица ни ушестериться, ни умилліониться не можетъ. Существо Божіе непостижимо и никому недоступно, даже ангеламъ и херувимамъ. Но оно имѣетъ свою славу, т. е. окружающій Его свѣтъ божественный и неизрѣченный, и полноту енергій, посредствомъ коихъ сотворенъ и хранится міръ, и человѣкъ святый получаетъ озаренія и дарованія духовныя. Божественныя енергіи подобны лучамъ солнца. Какъ эти всюду льются и не истощаются, такъ и тѣ вѣковѣчно сообщаются и нисколько не уменьшаются. Енергіи, а не существо Божіе, суть зачатія всѣхъ бытій. Этимъ устраняется Пантеизмъ. Божественный несозданный свѣтъ, окружающій существо Божіе, возсіялъ на Ѳаворѣ сквозь тѣло и одежды Христа, и такимъ образомъ послужилъ предзнаменованіемъ того свѣта, въ который праведники облекутся по воскресеніи въ царствѣ небесномъ.

Замѣчательны кристализованныя изрѣченія Константинопольской школы, о которой идетъ рѣчь.

— Αἱ κατὰ τὰς αἰσθήσεις ἐγγινομέναι μορφώσεις εἶναι ἐκτυπώματα, ἐκμαγεῖα σωμάτων: добываемые чувствами образы суть волшебныя отраженія тѣлъ.

— Πνεῦμα τὸ ἅγιον ἔρως ἐςὶν ἀπόῤῥητος τοῦ γεννήτορος: Духъ святый есть неизглаголанная любовь Родителя.

— Τὴν πρὸς τὸν θεὸν ἀγάπην ἀπουσία παθῶν καὶ περιουσία σινίςησι τῶν ἀρετῶν: любовь къ Богу бываетъ, когда отсутствуютъ страсти и присутствуютъ добродѣтели.

— Ἡ θεῖα χάρις, οὐκ οὐσία, ἀλλ' ἐνέργειά ἐςι θεοῦ:—

— Божественная благодать есть енергія Бога, а не сущность Его.

— Ἔςι φύσις τῶν ὄντων πάντων ὁ θεός... ὀντότης ἐςὶ τῶν ὄντων: Богъ есть зачатіе всѣхъ бытій... осуществленіе существъ (Смотри выше 78 главу Паламы.)

— Τὸ μὲν ποιεῖν ἐνεργείας ἐςι· φύσεως δὲ γεννᾶν. Φύσις δὲ καὶ ἐνέργεια οὐ ταυτὸν: Енергіи свойственно творить, а естеству рождать. Естество и енергія не одно и тоже.

Мнѣ отмѣнно нравится эта brevitas sacra священная краткость Богословія. Припоминаю: какъ любилъ и употреблялъ ее св. Григорій Богословъ. Напримѣръ: *Христосъ сугубъ*, διπλοῦς, (т. е. Богъ и человѣкъ). Въ немъ есть *Иное и Иное*, (т. е- иное естество божеское и иное человѣческое). А во святой Троицѣ *Иной и Иной* (т. е. Отецъ, Сынъ и Духъ Святый, *но не Иное и Иное*, т. е. существо у нихъ одно, а не иное у одного, и иное у другаго и третьяго).

Люба мнѣ священная краткость Богословія, но возлюбленнѣе simplicitas sancta святая простота нашего Сѵмвола Вѣры. Этотъ Сѵмволъ есть насущный хлѣбъ души, безъ котораго она не можетъ жить вѣчноблаженно, а Богословіе есть *веліе утѣшеніе на братской трапезѣ*, безъ котораго можно обойтись, какъ обходятся милліоны неграмотныхъ людей.

Хорошіе прибытки знанія получилъ я въ библіотекѣ Аѳонской лавры. Тутъ приглянулась мнѣ еще одна рукопись, подаренная этой лаврѣ Аѳоно-Есфигменскимъ игуменомъ Ѳеодоритомъ въ 1813 году, а составленная монахомъ Кесаріемъ Дапо́нте, который скончался въ 1784 году въ монастырѣ Аѳоноксиропотамскомъ, какъ все это замѣчено въ началѣ этой рукописи. Въ ней содержатся слѣдующія статьи:

1) Толкованіе Псалтири съ псалма 109 по 119-й, составленное іеромонахомъ Пантелеймономъ Хіосцемъ, спасавшимся въ новомъ Кармилѣ, смежномъ съ описаннымъ мною Керасійскимъ Скитомъ.

2) Краткія Житія св. мучениковъ, пострадавшихъ послѣ взятія Константинополя Турками въ разные годы, на-

тыхъ причтены три соотечественника наши, именно Павелъ, плѣненный и проданный Татарами въ Цареградѣ, и тутъ пострадавшій за Христа 3 апрѣля 1683 года, Пахомій, подвизавшійся на Аѳонѣ въ скитѣ Кавсокаливскомъ и замученный 7 мая 1730 года въ мѣстечкѣ Усáки Филадельфійской епархіи, Константій іеромонахъ, служившій при русскомъ посольствѣ въ Константинополѣ, и послѣ крупной размолвки съ нашимъ посланникомъ потурчившійся, но вскорѣ раскаявшійся, и усѣченный мечемъ предъ Султанскимъ дворцомъ въ Бешикташи въ 1743 году.

3) Стефана Александрійца вселенскаго учителя и философа о томъ, какъ надобно дѣлать золото, περὶ χρυσοποιΐας. Къ сожалѣнію, въ рукописи Дапонте помѣщено только предисловіе къ этой статьѣ, недописанной, неизвѣстно, по какой причинѣ. Изъ него видно, что оный Стефанъ былъ христіанинъ, *вѣровавшій въ „Бога всѣхъ благъ виновника и царя всѣхъ, и въ Единороднаго „Сына его, предвѣчно изъ него возсіявшаго вмѣстѣ съ Духомъ святымъ“*. Такъ онъ изложилъ вѣру свою въ первыхъ строкахъ своего сочиненія, и потомъ превознесъ похвалами естество или природу, φύσιν· Напримѣръ:—

Ὦ φύσις, μία καὶ ἡ αὐτή, ἐξ αὐτῆς τὸ πᾶν φέρουσα, καὶ ἀποπληροῦσα. Ὦ ἕνωσις πληθυνομένη καὶ διάκρισις ἡνωμένη. Ὦ αὐτή, καὶ οὐκ ἄλλη φύσις, ἐξ αὐτῆς τὸ πᾶν ἀποσώζουσα. κ. τ. λ.

„О природа, одна и таже, изъ себя все износящая и пополняющая.

„О единство помножаемое и дробленіе соединяемое.

„О сáмостная, а не другая, Природа, собою все сохраняющая и проч.

Τί εἴπω πρὸς σὲ περιεκτικὴ μαγνησία ἤδη; τίς μὴ θαυμάσῃ τὸ ἐκ σοῦ ἀποτελούμενον χρυσοκόραλον; ἐκ σοῦ γὰρ τελεσιουργεῖται μυςήριον. σὺ τεθάῤῥησαι μόνη τῆς τοιαύτης τὴν γνῶσιν. Ἐν σοὶ ἐφήπλωται ἡ ἀνατολικὴ αὕτη περιλάμπουσα νεφέλη· ὁμοδίαιτον φέρεις ἐν σοὶ τὴν πολύμορφον τῆς Ἀφροδίτης εἰκόνα, οἰνόχοον δὲ πάλιν τὸν διακονοῦντα τὸν πυρίβολον ἀνθρακομάτην· τοσαύτην οὖν περιφέρουσα τὴν τηλαυγίαν, νυμφικῶς ἑαυτὴν περικαλύπτεις, τὸ εὐαγὸν τῆς φύσεως ἀναλαμβάνεις μυςήριον. Δεῖξον λοιπὸν

καὶ τοῦ σου χαρακτῆρος τὴν λαμπηδόνα. Ἄρξομαι τὰς πολυμόρφους ἐκείνας μηνύειν εἰκόνας. τότε γαρ συ.

„Что скажу тебѣ, содержательная магнисія? Кто не удивится златокоралу, изъ тебя выдѣлываемому? Изъ тебя выработывается тайна. Ты одна ободри вѣдѣніе *природы*. Въ тебѣ развернуто восточное блистающее облако оное; ты носишь въ себѣ похожій, многообразный, образъ Афродиты, да и виноналивателя, приготовляющаго огнеметный порохъ. Толикое убо носящая сіяніе, ты, подобно невѣстѣ, закрываешь себя самую и воспріемлешь священную тайну природы. Яви же свѣтлость лица твоего! Я начну показывать оные многообразные образы. Ибо тогда ты. (Тутъ конецъ этой статьѣ). Признаюсь, что я ничего тутъ не понимаю. Не при мнѣ писана вся эта химія вселенскаго учителя и философа Стефана Александрійца. Пусть химисты скажутъ: что такое магнисія, магнитъ, или магнезія? Какой златокоралъ выдѣлывается изъ магнисіи, и что это за восточное облако, которое развертывается въ ней. Магнитный ли фантомъ образующійся изъ опилковъ желѣза, вокругъ магнита, въ видѣ круговъ? Или что либо другое? Магнезія бѣлизною своею дѣйствительно походитъ на бѣлую Афродиту, или Венеру, родившуюся изъ пѣны морской, но какъ она носитъ въ себѣ виночерпія, готовящаго угольный порохъ, метающій огонь: это непостижимо для меня. Не знаю и ничего тутъ не разумѣю. И не удивительно! Вѣдь, я не вселенскій учитель, не философъ, и не алхимикъ. Философскаго камня не ищу, и выше золота цѣню старинныя рукописи, и въ числѣ ихъ Дапонтіеву, которая кромѣ указанныхъ статей содержитъ слѣдующія:

4) Повѣствованіе объ александрійскомъ патріархѣ Іоакимѣ, выпившемъ ядъ невредимо, къ удивленію понудившаго его къ тому правителя Египта.

5) Житіе благочестивѣйшаго царя греческаго Іоанна Кантакузина, составленное врачемъ Іоанномъ Комнинымъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1699 года.

6.) Письма 1) Александрійскихъ патріарховъ Паρѳенія къ

нашимъ царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ, къ сестрѣ ихъ Софіи и къ патріарху Іоакиму въ 1683 и 4 годахъ, и Герасима къ Петру великому и къ супругѣ его Натальѣ Кирилловнѣ въ 1692 году; 2) Халкидонскаго митрополита Гавріила къ тѣмъ же царямъ, къ Натальѣ Кирилловнѣ и къ патріарху Адріану, 3) письма тѣхъ же царей и того же Адріана къ вселенскому патріарху Діонисію въ 1694 году, и 4) отвѣтъ сего Діонисія нашему Адріану въ 1695 году. Вся эта переписка перебѣлена мною и помѣщена въ числѣ матеріаловъ, собираемыхъ мною для исторіи христіанскаго Востока, въ которой будутъ имѣть свое мѣсто сказанія о сношеніяхъ всѣхъ восточныхъ Церквей съ Церковію россійскою. Здѣсь же я помѣщаю только то, что въ письмахъ вышепомянутаго Парѳенія говорится о нашемъ патріархѣ Никонѣ, и о пропажѣ соболей сего патріарха въ нашемъ Константинопольскомъ посольствѣ.

„Блаженной памяти царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ чрезъ своего посланника при Оттоманской Портѣ дьяка Прокопія Богдановича Возницына послалъ Парѳенію два письма, изъ которыхъ въ одномъ выразилъ свою любовь къ нему, *а въ другомъ просилъ прощенія патріарху Никону*. Парѳеній чрезъ посредство того же посланника отвѣчалъ Его царскому Величеству, и препослалъ испрашиваемое прощеніе. Δύο βασιλοπρεπεῖς ἐπιςολὰς τοῦ ἐν μακαρίᾳ τῇ μνήμῃ ἀοιδίμου μεγάλου βασιλέως καὶ αὐτοκράτορος Κυρίου Θεοδώρου Ἀλεξιοβίτζου περιχαρῶς ἐδεξάμεθα διὰ τοῦ μεγάλου πρέσβεως τῆς μεγίςης ὑμῶν αὐτοκρατορίας Διάκου Προκοπίου υἱοῦ Μπογδάνου Βοζνητζίνου, τὴν μίαν μὲν σαφηνίζουσαν τὴν ἀγάπην, τὴν δ' ἑτέραν—τὴν συγχώρησιν τοῦ μακαρίτου Νίκωνος πατριάρχου, δι' οὗ καὶ ἡμεῖς τῇ μεγίστῃ ἐκείνου βασιλείᾳ τὰς ἀποκρίσεις, καὶ τὴν συγχώρησιν παρεπέμψαμεν μετὰ καὶ πατριαρχικῶν εὐχῶν τε καὶ εὐλογιῶν." (Изъ письма къ Софіи.) При письмахъ царя Ѳеодора Алексѣевича препровождены были къ Парѳенію четыре сорока соболей. Но вмѣсто четырехъ изъ нашего посольства ему выдали только одно сороко. А цѣна ихъ 220 аслановъ. Но вотъ что горько... *лишиться царской милости!!*... Бѣдный патріархъ! не получилъ трехъ сороковъ соболей. Ужели

ихъ взялъ нашъ посланникъ и нарядилъ въ нихъ свою жену, или дочь? Не думаю. Скорѣе стянулъ ихъ себѣ упоминаемый въ письмахъ Парѳенія переводчикъ Константинъ Грекъ. Впрочемъ кто ихъ разберетъ! А на страницахъ исторіи цареградскаго посольства остается пятно величиною въ три сорока собольихъ шкуръ. Не изглаживаю его, и спѣшу помѣтить послѣднюю статью Дапонтіевой рукописи: Это—

7.) Седмь грамматъ на греческомъ языкѣ, данныхъ Аѳоноксиропотамскому монастырю Молдовлахійскими митрополитами Іаковомъ и Филаретомъ, Господаремъ Молдо-Влахіи Григоріемъ Гикою, боярами его, и вселенскимъ патріархомъ Серафимомъ, въ 1759 и 1760 годахъ.

Но вотъ еще небольшое рукописаніе, знакомящее насъ съ законами и хозяйственнымъ бытомъ Аѳонскихъ монаховъ, которые живутъ не въ монастыряхъ, а въ келліяхъ, врозсыпь построенныхъ въ Кареѣ и на поземельныхъ участкахъ каждой обители. Это-уставъ продажи такихъ келлій охотникамъ, продажная запись и списокъ ихъ: Κατάσιχον τῶν κελλίων τῆς μεγίςης Λαύρας, ὁποῦ εὑρίσκονται ἐν ταῖς Καραῖς.

Уставъ.—Желающіе купить келью идутъ въ монастырь трое вмѣстѣ съ тѣмъ, кто владѣлъ ею, спрашиваютъ ее по заведенному обычаю и покупаютъ на имя трехъ лицъ. Монастырь же беретъ десятую часть отъ того, кто продалъ келью, и половину десятой части отъ того, кто купилъ ее. Купившій получаетъ купчую запись (ὁμολογίαν). Если же случится—умретъ первое лицо кельи, то монастырь беретъ себѣ первую часть покупной цѣны кельи, и вкладъ на проскомидію и на малый сорокоустъ. Такъ же онъ поступаетъ, когда умретъ и второе лице. Когдаже случится—умретъ и третій братъ, тогда монастырь не беретъ полной части его, какъ брали съ первыхъ братій...

Ежели случится—придетъ въ келью иной братъ для сожитія

или вино, или иное что снѣдное, и поработаетъ съ нимъ два или три года, или пять лѣтъ, и захочетъ удалиться; то пусть они стакнутся миролюбиво, или по присужденію духовника ихъ, либо проэстосовъ монастыря: а то, что принесъ уходяшій братъ при первомъ поступленіи своемъ въ келью, пусть получитъ назадъ въ цѣлости.

Если же братъ удалится изъ той кельи, въ которой онъ постриженъ былъ, и отъ старца своего, и пойдетъ жить вмѣстѣ съ инымъ братомъ и умретъ у него; то прежній старецъ не вправѣ наслѣдовать имущество его; а если онъ взялъ у него что либо безъ позволенія его, то старецъ пусть везметъ себѣ это что либо. Наслѣдіе воспрещается, потому что братъ, съ которымъ общежительствовалъ покойный, неотмѣнно долженъ сдѣлать ему узаконенные поминки со всѣмъ послѣдованіемъ Службы.

Если же общежительный братъ убѣжитъ изъ обители, въ которой его постригли, и нарушитъ обѣты свои, кои онъ далъ Владыкѣ Христу предъ святыми ангелами Его; то игуменъ долженъ старательно отыскать его и возвратить къ покаянію. А если это не удастся, то убѣжавшій дастъ отвѣтъ Богу въ день судный; ибо великими и страшными угрозами грозятъ намъ божественные каноны, когда мы оставляемъ наше покаяніе.

Кельи же святыя Анны и весь этотъ Скитъ не получаютъ купчей изъ монастыря (Лавры), когда кто-либо беретъ тамъ келью, а только отбываютъ барщину (παγγενία) монастырю по установившемуся обычаю. Ибо и прочіе скиты, зависящіе отъ другихъ монастырей, отработываютъ барщину въ масличныхъ садахъ, огородахъ, виноградникахъ, орѣшникахъ.

Однако вы, Проестосы, избирайте лучшее и полезное, и какъ пастыри словесныхъ овецъ Господа пасите стадо свое преподобно и праведно, со страхомъ Божіимъ, да славимъ Господа во всѣ вѣки.

Таковъ уставъ келліотный: а вотъ и—*Продажная запись и опись*.—„Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1672 года, при Дикеѣ преподобнѣйшемъ іеромонахѣ и святомъ Екклисіархѣ господинѣ Пареѣніи въ святой и царской обители,—нашей величайшей Лаврѣ, и въ

присутствіи священнаго собора нашего, проигуменовъ и старцовъ, пришелъ къ намъ преподобнѣйшій монахъ господинъ Рафаилъ. и просилъ у насъ келью, которую мы имѣемъ близь базара, и которая называется Проинъ-Вела (т. е. бывшаго епископа Велласкаго). Мы же зная его, какъ честнаго мужа, вняли прошенію его и отдали ему рѣченную келью на имя трехъ лицъ. Первое лице-самъ господинъ Рафаилъ, а второе лице братъ его господинъ Герасимъ, третье же лице господинъ Парѳеній. Будутъ же они имѣть и власть улучшать, обработывать и приращать эту усадьбу свою, какъ полные хозяева. И никто изъ преемниковъ нашихъ не потревожитъ и не потрясетъ ихъ нимало. Но и они да будутъ въ подчиненіи у монастыря, и да отбываютъ барщину, какъ и прочіе. По смерти же оныхъ трехъ лицъ келья опять останется во власти монастыря. Когда же умретъ первое лице, тогда монастырь да возметъ уплатную часть его, τὸ μερτικόν του, и деньги на проскомидію и на одинъ сорокоустъ, такъ же и за второе лице: а когда отживетъ лице третье, тогда монастырь возметъ деньги только на проскомидію и на одинъ сорокоустъ, а не уплатную часть его за келью.—Келья же эта имѣетъ двѣ большія бочки (βούτζια въ 600 ведеръ вина) и двѣ малыя, и пять кадокъ (παραβούτια) и пр. и пр. и виноградникъ съ орѣшникомъ близъ нашего подворья. Имѣетъ она и священныя принадлежности церкви своей. А цѣна этой кельи 100 грошей.

Всѣ прочіе продажные акты писаны такъ же, какъ и сей, или съ малою разницею; но сущность дѣловая во всѣхъ одинакова.

Списокъ продажныхъ келлій, принадлежащихъ Лаврѣ на Кареѣ—не великъ. Однако мѣсто ему—въ статистикѣ Аѳона; здѣсь же я помѣщаю только вотъ что: Всѣхъ такихъ келлій десять. 1) Самая старинная изъ нихъ 1157 года имѣетъ церковь во имя Живоноснаго Источника. За нею въ спискѣ по старшинству считаются: 2) Архангельская съ 1661 года; 3) Проинъ Велласская съ 1672 года; 4) Троицкая, прозывас-

тату, но Лавра купила ее у него, когда всѣ протатскія келліи проданы были монастырямъ для уплаты долговъ Великой Средины (Μεγάλης Μέσης, т. е. Средоточнаго Управленія Аѳонскаго) 5) Миниціева, а нѣкогда Макруди съ 1678 года; 6) Іоанно-Богословская съ 1682 годл; 7) Богородичная, прозываемая Неовіолекіанъ, съ 1692 лѣта; 8) Георгіевская съ 1697 года; 9) Екклисіастиконная близъ подворья Ватопедскаго съ церковію, кладбищемъ, виноградникомъ и проч. съ 1730 лѣта; 10) Келья во имя богодухновеннаго отца нашего Аѳанасія съ 1742 года. Всѣ эти кельи часто переходили отъ однихъ владѣльцовъ къ другимъ. Цѣна всякой новой продажѣ возвышалась иногда вдвое.

Келліотное житіе монаховъ внѣ монастыря не есть новость Аѳонская. Напротивъ оно есть сколокъ съ подобнаго житія первыхъ въ христіанской Церкви отшельниковъ, врозсыпь спасавшихся въ Египто-Нитрійской пустынѣ. Разница между келліотами Нитрійскими и аѳонскими та, что первые пропитывались рукодѣліемъ, какъ то жатіемъ хлѣба и плетеніемъ пальмовыхъ веревокъ и кошницъ, кои требовались хлѣботорговцами для укладки въ нихъ пшеничнаго зерна, а вторые-садоводствомъ, первые не ходили на барщину, а вторые отбываютъ ее своимъ монастырямъ; у тѣхъ не было келейныхъ церквицъ, а у этихъ почти каждая келья имѣетъ свой храмъ святый.

Кончены мои книжныя занятія въ Лаврѣ.—По окончаніи ихъ навѣстилъ меня любезный Проэстосъ, которому поручено было ухаживать и, вѣроятно, присматривать за мною, и объявилъ мнѣ, что моя просьба о выдачѣ мнѣ царскихъ хрисовуловъ, патріаршихъ грамотъ и другихъ дѣеписаній изъ лаврскаго архива, была сообщена имъ властнымъ старцамъ, и что они съ обща рѣшили показать ихъ мнѣ, но тогда, когда ихъ уполномочитъ на это находящійся теперь въ Аѳинахъ достоуважаемый старецъ ихъ Діонисій. Я хотя-нехотя повѣрилъ ему и благодарилъ его за посредничество. А онъ примолвилъ, что отецъ Діонисій потѣшитъ мою любознательность, и что меня *прагласятъ* въ

лавру, какъ только будетъ полученъ отвѣтъ благогріятный. Во мнѣ блеснулъ лучъ надежды.

Надежда моя исполнилась. Дѣйствительно меня пригласили Лавріоты, но уже въ 1846 году. Тогда я 3-го іюня отправился въ лавру и на другой же день по пріѣздѣ туда занялся перепискою всѣхъ актовъ, какіе только были выданы мнѣ изъ архива. Не въ первой бы части путешествія моего по Аѳону, а во второй надлежало мнѣ разглагольствовать объ этомъ архивѣ: но ради единства описанія Лавры и ради округленія сего занимательнаго предмета я рѣшился поговорить о Лаврскихъ дѣеписаніяхъ въ настоящей книгѣ своей. Такъ я угождаю себѣ и читателямъ моимъ тѣмъ поваднѣе, что, вѣдь, надобно же по принятому плану, связать историческое начало аѳоно-христіанской лавры съ прошлою языческою судьбою той *Меланийской* мѣстности, на которой она возникла.

Въ составъ дѣеписаній лаврскаго архива входятъ хрисовулы царей Греческихъ, Сербскихъ, Россійскихъ, и господарей Валахіи и Молдавіи, патріаршія грамоты, дѣла аѳонопротатскаго управленія, дарственныя записи разныхъ лицъ, практиконы, то есть описи подворьевъ и имѣній лавры, и другіе разные юридическіе акты. Самые старшіе изъ нихъ суть; хрисовулъ строителя этой обители царя Никифора Фоки, 964 года, жалующій ей Животворящее Древо и честныя главы свв. Василія великаго и Александра иже въ Пиднѣ, Типиконъ и Завѣщаніе св. Аѳанасія аѳонскаго, и его дарственная запись, 985 года, врученная игумену Аѳоно-Иверской лавры Іоанну. Самые поздніе акты суть хрисовулы нашихъ Государей Алексѣя Михайловича и дѣтей его Іоанна и Петра Алексѣевичей. Такихъ актовъ очень много въ лаврѣ. На одномъ изъ нихъ, выданномъ мнѣ, надписанъ былъ № 40. Но я перечиталъ и переписалъ для себя не болѣе сорока пяти. Однако и за то спасибо Лавріотамъ. Ибо въ рукахъ моихъ оказались самые важные матеріалы для исторіи Аѳона и самой Лавры. По нимъ я въ свое время напишу обѣ эти исторіи съ твердою увѣренностію въ ихъ правдивости. А те-

перь признаю неизлишнимъ вызвать тѣнь города Аѳоса, нѣкогда стоявшаго на мѣстности нынѣшней лавры Аѳанасія, объяснить значеніе прозванія ея, Мелана, и перечислить кельи и скиты, находящіеся въ обширномъ околоткѣ ея, кромѣ тѣхъ карейскихъ, которые уже описаны мною выше.

Въ то отдаленное отъ насъ время, когда на Аѳонѣ появивились Еллинскія селитвы (1124 г. до Р. Х.) и послѣ, долго-долго на Лаврской мѣтности не было никакого города, потому что тутъ нѣтъ морской пристани. Вся она со всѣмъ Подъаѳоньемъ принадлежала тому городу Акроаѳосу, который находился близъ вершины Аѳона. Но когда этотъ городъ въ первомъ вѣкѣ христіанскомъ погибъ отъ землетрясенія; тогда часть спасшихся жителей его перешла на Стримонскій мысъ Аѳона, и тутъ у подошвы Диѳона основала городъ Аѳосъ. Этотъ городокъ существовалъ во второмъ вѣкѣ христіанскомъ. Тогда зналъ его географъ Птоломей и помѣстилъ его на краю Аѳона: Ἄθως, ἢ Ἄθωσα ἄκρον καὶ πόλις *). Его разумѣлъ и Стефанъ Византійскій, писатель пятаго вѣка христіанскаго, когда говорилъ: *„Есть же и Аѳосъ городъ на Аѳонѣ*: ἔστι δὲ καὶ Ἄθως πόλις ἐπὶ τῷ Ἄθῳ. Его не забылъ и Ермолай, сократитель *книги о городахъ* сего Стефана, жившій въ царствованіе Іустиніана 1. (527 — 565 г.). Во второй половинѣ седьмаго вѣка Аѳосъ запустѣлъ отъ погрома Арабскаго. А когда царь Константинъ Погонатъ, около 680 года, отдалъ весь Аѳонъ монахамъ, тогда во всемъ околоткѣ Аѳоса поселились безмолвники Петръ, Онуфрій, Іосифъ, Евѳимій и многіе другіе; было безмолвище, ἡσυχαστήριον, и близь развалинъ Аѳоса, и называлось Мелана. Тутъ и Аѳанасій аѳонскій положилъ начало своимъ подвигамъ. Что же значитъ названіе Мелана? и почему оно присвоено было этой мѣстности?

Мелана есть слово Греческое, немножко испорченное простонародьемъ и приказными канцеляріями. Правильно произнесть его надлежитъ *Мелена*—Μέλαινα. Мелена же значитъ *Черная*.

---

*) Смотри мою карту Аѳона при Исторіи сей горы. Часть I.

А такъ какъ Еллины подъ этимъ названіемъ разумѣли то Афродиту, то Димитру, и такъ какъ Еллины же обитали и въ городѣ Аѳосѣ, то, значитъ, и они почитали либо ту, либо другую богиню, и не только ее, но и посвященную ей часть земли, на которой впослѣдствіи возникла Лавра, называли Мелена. Это названіе уцѣлѣло до дней Аѳанасія аѳонскаго и по писцовымъ межевымъ актамъ прилагалось къ его Лаврѣ для точнаго обозначенія ея мѣстности. Но которую изъ двухъ выше помянутыхъ богинь почитали Аѳосцы? И какая была судьба Меланійскаго капища и участка до Аѳанасія и послѣ него? Рѣшаю эти два вопроса, одинъ послѣ другаго.

Большую часть аѳонскихъ Еллиновъ составляли выходцы изъ Пелопонеса. Пришедши на Аѳонъ, они назвали нѣкоторыя мѣстныя рѣчки, города и села именами Пелопонесскими. Представляю нѣсколько примѣровъ этой тезоименитости. Въ пелопонесской Арголидѣ одна рѣка называлась *Хрисорроасъ*: и на Аѳонѣ (по актамъ) извѣстна рѣчка *Хрисоррари*, текущая въ море съ Капсальской высоты мимо монастыря Пандократорскаго. Въ Пелопонесской Елидѣ есть рѣка *Селинусъ*, да деревня *Друва*, близъ города Олимпіи: и на Аѳонѣ въ околоткѣ обители Зографской существовалъ греческій монастырекъ *Селинскій* ранѣе 1046 года, а между монастырями Григоріатскимъ и Діонисіатскимъ высочайшая утесистая мѣстность, съ которой низвергается водопадъ, называется *Друва*—нисти. Въ пелопонесской области Трифиліи былъ городъ *Пирги*: и на аѳонскомъ перешейкѣ находилась селитва *Пиргудія*, нынѣ метохъ монастыря Иверскаго. Тамъ въ Лаконіи существовалъ городъ Карѵэ съ знаменитымъ храмомъ Артемиды Карѵатиссы; и здѣсь извѣстенъ городокъ Карѵэ съ храмомъ Богоматери *Достойной*. Тамъ въ Арголидѣ понынѣ видны циклопическія стѣны города Клеонэ, который Омиръ прозвалъ εὐκτιμέναι—*благоустроеннымъ*: и здѣсь въ числѣ городовъ считался Клеонэ. Городу Пелопонесской Мессиніи Харарду тезоименитъ былъ на Аѳонѣ городъ Харадріэ на мѣстности обители Ксиропотамской. Итакъ Аѳонъ во время оно былъ

повторенный Пелопонесъ. Пелопонесскія тамъ были и богини, Морфо, о которой я уже говорилъ выше, и Димитра Мелэна, о которой начинаю рѣчь.

Въ Пелопонесской Аркадіи близъ города Фигаліи находилась горная пещера Димитры Черной. Тутъ уединялась эта богиня послѣ похищенія Плутономъ дочери ея Персефоны и, разгнѣванная, попустила быть голоду на землѣ. Узналъ объ этомъ Зевесъ и умилостивилъ ее. Тогда она утѣшила людей урожаемъ всѣхъ плодовъ земныхъ. Въ благодарность за это Фигалійцы въ самой пещерѣ Димитры поставили деревянную статую ея, которая представляла ее сидящею на камнѣ, въ черной одеждѣ, съ лошадиною головою и съ гривою изъ змѣй и разныхъ чудищъ, съ дельфиномъ на рукѣ правой и съ голубемъ въ рукѣ лѣвой. Этой статуѣ поклоняться приходили всѣ жители Аркадіи, часто терпѣвшіе голодъ въ своей гористой и холодной области, и потому сознававшіе скорѣе гнѣвъ Димитры, чѣмъ щедроты ея. Вымоленные у ней урожаи послѣ голодныхъ годовъ усугубляли ихъ благоговѣйное почитаніе сей богини.

Эту самую богиню почитали и жители аѳонскаго города Аѳоса, какъ старые переселенцы изъ Пелопонесской Аркадіи, и какъ насельники такой горы, на которой не родится хлѣбъ, а масличныя и другія дерева портятся отъ холодовъ. Имъ, безхлѣбнымъ и порой лишаемымъ даже плодовъ древесныхъ, всего естественнѣе было прибѣгать съ мольбами къ Димитрѣ Мелэнѣ, и ее умилостивлять жертвами. Ибо она, а не Афродита Мелэна, признаваема была подательницею изобилія плодовъ земныхъ и *надеждою* людей въ годины неурожаевъ. Ей посвященъ былъ Аѳосцами участокъ земли; и отъ нея онъ назывался Мелана.

На этомъ участкѣ стояло капище съ статуею Димитры, и стояло до той поры, когда на всемъ Аѳонѣ утвердилось христіанство. (5 вѣк.) Христіане же Аѳосскіе передѣлали его въ церковь, а почитаніе Димитры естественно и благоразумно замѣнили почитаніемъ Богоматери, *Надежды* своей. Когда же Арабы—

Магометане, въ седьмомъ вѣкѣ долго бившіеся съ греками на водахъ Эгейскаго моря за обладаніе Константинополемъ, опустошили всѣ города на Аѳонѣ, и когда греческій царь Константинъ Погонатъ, по заключеніи мира съ ними, отдалъ всю эту гору монахамъ (676—680.), скитавшимся по разнымъ городамъ во время арабскаго погрома; тогда около оной церкви поселились возвратившіеся неженатые клирики города Аѳоса и другіе монахи, такіе же *исихасты*, то есть безмолвники, какъ и современникъ ихъ Петръ аѳонскій. Главное управленіе ихъ, которое тогда называлось *Каѳедра Старцовъ*, знало ихъ мѣстность, и въ своихъ спискахъ поземельныхъ участковъ обозначало ее стариннымъ, извѣстнымъ до онаго погрома, названіемъ Мелана, подобно тому, какъ аѳонскій монастырекъ св. Николая, надѣленный имѣніемъ Перигардикійскимъ въ 738 году, прозывало Дафною по имени смежной съ нимъ приморской пристани, которая и въ наши дни называется такъ же Дафна. Въ 830 году всѣ аѳонскіе безмолвища и монастыри этой первой эпохи запустѣли отъ втораго погрома арабскаго. Но скоро (не болѣе, какъ лѣтъ чрезъ 10 или 14) опять тамъ появились монахи. Новое средоточное управленіе ихъ основалось въ Кареѣ.—Въ его вѣдѣніи стояла вся аѳонская гора и на ней мѣстность Мелана. Эту мѣстность, именменно подъ этимъ писцовомежевымъ названіемъ, оно указало Аѳанасію аѳонскому для безмолвныхъ подвиговъ его. Стало быть: тутъ было жилье. Дѣйствительно тутъ Аѳанасій подвизался подъ руководствомъ исихаста Исаіи. Тутъ же онъ, по просьбѣ греческаго царя Никифора Фоки, построилъ лавру, которая по мѣстности своей постоянно называлась Меланійскою. Когда же онъ еще строилъ ее, тогда продолжался голодъ, начавшійся въ 962 году, какъ это замѣчено въ Византійской лѣтописи Ѳеофана. Этотъ голодъ понудилъ Аѳанасія бѣжать съ Аѳона. Но у вышеописанной мною агіазмы Видѣніе Богоматери остановило его и возвратило назадъ. Въ память сего видѣнія онъ расчистилъ и обстроилъ агіазму, а въ лаврѣ своей возстановилъ изъ развалинъ Аѳосскую церковь Богоматери, которую нѣкогда Аѳосцы пере-

дѣлали изъ капища Димитры. Эта церковь стояла до 1713 года; а въ этотъ годъ съ основаній вновь создана была иждивеніемъ проигумена лавры Іосифа, какъ это видно изъ надписи въ ней.

Такова была судьба города Аѳоса и Меланійскаго капища и урочища его, и такова связь его съ лаврою Аѳанасія. Жители сего города, кромѣ Димитры Мелены, почитали еще Аполлона и Эскулапа. Памятники почитанія ихъ, какъ то мраморные щиты съ выпуклыми изображеніями льва, пожирающаго вола, и языкъ дракона, о которыхъ я говорилъ выше, сохранились до нашихъ дней, благодаря ближайшему преемнику строителя названной лавры игумену Іоанну, который въ 1060 году вставилъ ихъ въ ротонду водосвятной чаши и внесъ въ ризницу.

Замѣчательна на Аѳонѣ связь языческой миѳологіи съ христіанствомъ. Безъ этой миѳологіи нельзя понять Аѳона *многобожнаго* не въ томъ одномъ смыслѣ, что тамъ нѣкогда почитаемы были многіе боги и богини, а и въ томъ, что послѣ чествованія ихъ Аѳонцы начали почитать истиннаго Бога и Матерь Божію.

Одинъ монахъ говорилъ мнѣ, что близъ лавры на горѣ находятся огромные тесаные камни Еллинскихъ временъ. Я вѣрилъ ему, потому что отъ Птоломея и Стефана Византійца зналъ о существованіи тутъ Еллинскаго города Аѳоса, но по недостатку драгоцѣннаго времени не видалъ этихъ обломковъ сѣдой древности аѳонской. Пусть другіе поищутъ, отъищутъ и опишутъ ихъ. А подъ мое перо напрашивается описаніе всѣхъ келлій и скитовъ, находящихся въ пространномъ околоткѣ лавры.

Пойдемъ по этому околотку съ книгами Барскаго и Макарія Кидоніата, и по руководству ихъ опишемъ все, что они укажутъ намъ и перескажутъ, присовокупивъ и свои замѣтки.

---

1) О кельяхъ подлѣ лавры.

„Вышедши изъ святыхъ воротъ Лавры, тотчасъ видишь на право струйникъ съ сладчайшею водою, и большой кіоскъ, въ

которомъ часто собираются лавріоты, и смотрятъ на Эгейское море и на окрестные острова“. (Кидоніатъ)

„Оттуда сходишь къ *Арсанѣ*, т. е. пристани морской. Она устроена въ самомъ морѣ св. Аѳанасіемъ аѳонскимъ съ большимъ искуствомъ и съ многими издержками. Въ ней стоятъ малыя и и великія лодки лавры. Тамъ находятся и два струйника съ отличною водою. Пристань эта защищается крѣпостію, среди которой высится большая башня, сооруженная премудро, и извнѣ подпертая большими устоями. Въ верху этой башни устроена церковь въ памятъ Преображенія Господня, а внѣ ея есть другая церковь во имя св. Григорія Чудотворца Неокесарійскаго. Самая же крѣпость—тверда и неприступна, потому что стѣны ея очень толсты, а войти въ нее можно только по одному висячему деревянному мосту, который когда поднимутъ на ночь, тогда къ крѣпости нѣтъ и подступу. Всѣ, подплывающіе на судахъ къ пристани, ѣдятъ и пьютъ тутъ безмездно насчетъ лавры по завѣщанію св. Аѳанасія“. (Кидоніатъ).

„По словамъ Барскаго пристань эта на крутомъ берегѣ стоитъ съ многими при ней зданіями. Первѣе убо тамо промысломъ Божіимъ естественно холмъ малъ отъ твердаго камени обрѣтается въ самой водѣ морской. Тамо бо далече окрестъ лавры протягаются крутые каменные берега; и волны морскія съ великимъ и ужаснымъ шумомъ въ нихъ бьютъ во время великихъ вѣтровъ наипаче въ зимѣ бывающихъ. Холмъ же есть на подобіе острова, окружаемый водою, точію отъ запада совокупленъ къ землѣ Аѳонской; аще же и зѣло высоко носятся на него волны, но не досязаютъ никогда же на верхъ, ибо есть высокъ, яко на десять саженъ отъ воды. Въ верху онаго холма есть каменнозданна бойница (башня) крѣпко на подобіе столпа, и внутрь обрѣтаются двѣ или три пушки (въ 1744 году), ради храненія и сопротивленія варварскаго, древле тамо бываемаго нашествія, нынѣ же иногда употребляются въ привѣтствіе знаменитыхъ гостей.

внутрь имать церкви двѣ, внизу св. Георгія Неокесарійскаго, а въ верьху Преображеніе Господне, и нѣсколько келлій, идѣже обитаетъ съ двумя или тремя иноками нарицаемый *Арсенарій*, си есть кораблехранитель: идѣже есть входъ отъ страны западной съ дверями желѣзными чрезъ мостокъ древянъ, верху рва висящъ, иже сводится (поднимается) горѣ во время нужды и покрываетъ врата; и бываетъ мѣсто оное неприступно, якоже и крѣпость градская; идѣже предъ вратами точится источникъ воды на потребу жительствующихъ и странныхъ людей, отъ моря приплывающихъ. Оттуда мало нижае на странѣ полуденной, яко на верженіе камня, суть зданія долга и пространна съ вратами великими, подобными башнямъ градскимъ, въ нихъ же востягаются корабли и ладіи на зиму, егда не мощно по морю плавати. Есть же тамо и ограда крѣпкая отъ страны моря, каменозданна на основаніяхъ твердыхъ и непоколебимыхъ; отъ другой же страны естественный холмъ каменный, сопротивляющійся волнамъ морскимъ; посреди же устье, яко три сажени широты имущее, глубины же двѣ и больше, на подобіе улицы, имъ же входятъ и низходятъ корабли. Внутрь же отъ моря входящая вода разливается на подобіе малаго озера, идѣже есть пристанище благотишное, имущее широты, яко на верженіе каменя, такожде и долготы“.

Все это я видѣлъ своими глазами; и скажу, что пушекъ тутъ уже нѣтъ съ 1821 года, и что эта искуственная пристань устроена была еще жителями города Аѳоса, а Аѳанасій аѳонскій только возобновилъ ее.

„*На странѣ западной*, прямо монастыря, яко часъ хожденіемъ отъ него, на высокомъ и неудобопроходимомъ мѣстѣ стоитъ церковь съ кельею, во имя иже во святыхъ отца нашего Григорія Паламы архіепископа Солунскаго создання, иже тамо въ житіи своемъ скиташеся на безмолвіи въ постѣхъ и бдѣніяхъ.“ (Барскій). Эту церковь построили ученики его. (Кидоніатъ). „Оттуда мало нисходящи путемъ, есть виноградъ монастырскій съ

садовыми древесами и текущими водами, съ келліями и церковію благовѣщенія Пресвятыя Богородицы (Барс.). Это мѣсто называется *Нерофоріонъ—Водоносецъ*, потому что оттуда вода въ большомъ количествѣ течетъ въ обширную систерну, и приводитъ въ движеніе три мельницы: а течетъ она по деревяннымъ жолобкамъ, которыхъ насчитывается 800, и изъ которыхъ каждый длиною будетъ въ 4 сажени. (Кидон.).

„Оттуда мало низходящи къ лаврѣ есть храмъ св. священномученика Власія, въ великой и прекрасной густотѣ лѣса стоящъ при источникахъ водныхъ.„ (Барс. и Кидон.)

„Близъ лавры *на странѣ полуденной* есть храмъ святыхъ архангелъ, лѣпозднанъ съ иконописаніемъ, съ кипарисами, древесами садовыми и виноградными, и съ двумя или тремя келліями, на мѣстѣ равномъ и веселомъ, идѣже безмолвствоваше Іоаннъ Кукузель.“ (Барс. Кидон.).

„Оттуда мало къ западу, подъ горою, находится храмъ святыхъ Безсребреникъ Космы и Даміана, съ келіею и кипарисами, идѣже святый Аѳанасій первую себѣ сооружи *Каливу*, егда еще скиташеся прежде созданія лавры. (Барс.) Этотъ храмъ, какъ говорятъ, построенъ былъ въ одинъ день, и въ тотъ же день служили въ немъ литургію. Внѣ его высятся четыре прекраснѣйшіе кипариса, два одесную, и два ошуюю. (Кидон.).

„Оттуда мало къ верху на равнинѣ храмъ малъ святыя Параскевы безъ жилища. Мало ниже его въ вертоградѣ монастырскомъ есть келья и храмъ Благовѣщенія лѣпозданъ, съ различными древесами и текущими водами. (Барс.) Это мѣсто Кидоніатъ назвалъ земнымъ раемъ, и присовокупилъ, что въ тамошнихъ кельяхъ помѣщаются братія-садовники, которые обработываютъ сей рай, и что вокругъ его разстилаются большіе и отличные лугà (λιβάδια), на которыхъ накашивается достаточное для муловъ количество сѣна; а на лугахъ этихъ ростутъ масличныя дерева въ большомъ количествѣ“.

роны, встрѣчаешь нѣсколько безмолвищъ при водахъ обильныхъ и сладкихъ. Особенно обиленъ родникъ воды, называемый Давидовъ. (Кидон.)

„Въ удолѣ между краснымъ лѣсомъ, при источникѣ Давидовомъ, съ камени текущемъ, изобильно и зѣло здраву воду имущемъ, новоздася (въ 1744 г.) келья отъ единаго безмолвника: готовяхуся же по времени и церковь создати. Вода же *Давидова* проименовася отъ нѣкоего древле съ начала тамо насельшагося Давида пустынножителя. Въ томжде удолѣ низу надъ моремъ есть жилище съ вертоградомъ ивинограднымъ лозіемъ, и нарочно насажденъ садъ померанцовыхъ древесъ ради теплоты мѣста; ибо тамъ снѣгъ въ зимѣ не досязаетъ ради приморія, аще же по случаю жестокихъ зимъ и падаетъ мало, но абіе исчезаетъ отъ дыханія теплоты морской. (Барскій).

Выше водъ Давидовыхъ находится прекраснѣйшее безмолвище съ церковію свв. царей Константина и Елены. (Кидон).

Отсюда немного далѣе красуется безмолвище съ церковію св. Пророка Иліи. (Кидон.) На мѣстѣ равномъ и веселомъ созданъ есть храмъ съ преддверіемъ св. пророка Иліи, идѣже суть четыре кипариса, единъ же паче всѣхъ краснѣйшій; келья же еще не бяше (1744 г.), и никто тамо не жительствоваше, понеже еще бяше не многолѣтнее". (Барс.) А въ 1772 году при Макаріи Кидоніатѣ тутъ уже было жилье.

Немного выше Ильинскаго безмолвища стоитъ келья съ церковію трехъ святителей. (Кидон.) Недалеко отъ пути великаго, иже простирается до всѣхъ монастырей страны восточной, есть жилище такожде лѣпотное съ келіею и съ храмомъ св. тріехъ святителей. (Барс.)

Отсюда мало выше расположено безмолвище съ церковію св. Предтечи, которую вмѣстѣ съ покоями построилъ самъ Аѳанасій аѳонскій, прежде лавры, для царя Никифора Фоки, желавшаго тутъ омонашиться. Тамъ есть обильный родникъ воды цѣлительной. (Кидон.) Объ этомъ безмолвищѣ упомянулъ Барскій

весьма кратко". Есть жилище святаго Предтечи лѣпо съ кипарисами, виноградами, съ плодоносными древесами и съ источникомъ воднымъ".

Выше Предтеченскаго безмолвища наискось, πλαγίως, находится лучшее всѣхъ безмолвище съ церковію св. Іоанна Златоустаго. Его устроилъ и украсилъ своимъ иждивеніемъ блаженной памяти вселенскій патріархъ Кир Діонисій Андросецъ. (Кидон) На высокомъ и веселомъ мѣстѣ, между садовыми древесами и источниками водными есть церковь св. Іоанна Златоустаго съ лѣпозданными кельями, въ нихъ же безмолвствуютъ всегда знаменитые люди. Созда же вся та отъ основаній бывшій святѣйшій патріархъ Цареградскій Кир Діонисій отъ Андра острова своимъ иждивеніемъ и насади мѣсто оное вертоградами, плодоносными древесами; отонуду же низу на востокъ зѣло лѣпо зрится аки на длани вся лавра съ окрестными обстояніи, и архипелагъ, или бѣлое море далече съ многими островами. (Барс.)

Немножко ниже Златоустовской кельи есть безмолвище, которое называется Палеомонàстиронъ т. е. древній монастырь. (Кидон.) Да благоволятъ будущіе поклонники осмотрѣть это мѣсто, на которомъ, быть можетъ, стоялъ монастырекъ еще въ первую епоху аѳонскаго монашества, съ 680 года по 830.

Пойдемъ теперь по сѣверовосточному побережью Лаврскаго околотка отъ кладбища до Каракальскаго монастыря, у границъ котораго оканчивается сей околотокъ, и составимъ сказаніе—

2) О кладбищѣ и кельяхъ на этомъ пути.

Близъ лавры, направо отъ торнаго пути, ведущаго къ Каракаллу, расположено кладбище ея съ большою и хорошею церковію свв. апостоловъ Петра и Павла. Оно устроено и снабжено всѣмъ нужнымъ еще Аѳанасіемъ аѳонскимъ. Подъ сводами церкви его помѣщаются кости монаховъ, вынятые изъ могилъ по прошествіи трехъ лѣтъ. А въ каждую пятницу вечеромъ, и утромъ въ каж-

нѣкоторыхъ христіанъ, и бываетъ литургія. (Кидон.) На кладбищѣ есть нѣсколько келлій; и въ нихъ обитаютъ иноцы, и храмъ не малъ, долу мраморами помощенъ доброзрачно; а подъ спудомъ его мѣсто праздно велико, идѣже кости самыя отъ тѣлесъ оставшіяся и главы иноческія сохраняютъ. Внѣ же окрестъ церкви, во имя святыхъ апостолъ Петра и Павла созданной, суть множество кипарисовъ, съ оградою каменною, идѣже есть мѣсто ровно; и тутъ погребаются всѣ вообще иноцы, и черепицу или плинѳу купно въ гробъ полагаютъ, начертавши время, имя и отечество преставльшагося, а отъ гробовъ ихъ, по тріехъ или четырехъ лѣтѣхъ, изъемши ихъ кости по закону святогорскому, омывши главу виномъ, и поминаніе о нихъ сотворши, преносятъ и полагаютъ подъ спудъ церковный, да по времени, аще кого добродѣтельнаго Богъ возхощетъ прославити, явитъ на нихъ нѣкое благоуханіе; и собысться сіе на многихъ. Тамо близъ кладбища довольно течетъ воды даже до вертограда, и древеса орѣховыя суть насаждены. (Барс.)

Идучи отъ кладбища съ часъ времени, восходишь на большой мостъ надъ рѣкою, текущею изъ-подъ Аѳона, и тутъ видишь церковь св. Георгія. Оба эти строенія стоятъ подлѣ моря; а созданы они Велласскимъ епископомъ Парѳеніемъ; и потому мѣсто это называется Велласъ. (Кидон.) Отъ лавры на страну сѣверовосточную шествующи, яко полчаса, есть мѣсто на брезѣ моря, нарицаемое Веласъ, идѣже есть мостъ каменноезданъ крѣпко и лѣпо верху единаго широкаго и высокаго круга, подъ его же сквозѣ съ высоты горъ текущи рѣка мала, абіе впадаетъ въ море, яже лѣтомъ мелка есть и кромѣ моста преходится, въ зимѣ же хладна отъ снѣговъ и съ великимъ шумомъ течетъ, и повергаетъ преходящаго человѣка и скотъ: сего ради для зимней бѣды и мостъ устроися. Тамо есть близъ моста, отъ страны лаврской, храмъ малъ святаго великомученика Георгія, въ немъ же присидящи пчельникъ въ лѣтѣ, стрежетъ пчелы лаврскія, въ зимѣ же стоитъ мѣсто праздно, и бываетъ прибѣжище мимоходя-

щимъ ради препочиванія и сохраненія отъ дождя. (Барс.) По оному мосту и я проѣхалъ въ лавру.

Оттуда, яко полтора часа, а отъ лавры два часа хожденія есть на самомъ пути вода святаго Аѳанасія, отъ разсѣлинъ камене великихъ и мрамора бѣлаго, аки снѣгъ, текущая аки хрусталь, здрава и легка піющимъ, тепла въ зимѣ, студена въ лѣтѣ, чудотворная въ болѣзнѣхъ съ говѣніемъ и вѣрою почерпающимъ, течетъ потокомъ изобильнымъ аки рѣчица и впадаетъ крутымъ удоліемъ въ море. Есть же храмъ малъ во имя Богородицы Живоносного источника, отъ иноковъ лаврскихъ созданъ. (Барс. Кидон.) Это мѣсто описано мною, когда я ѣхалъ въ лавру. А подробности моего сказанія о немъ читай ниже.

Таможде зѣло близко, яко на четверть часа хожденія, есть виноградъ монастырскій съ келіею и церковію. (Барс.) У Кидоніата замѣчено, что эта келья называется Турлоти, а церковь освящена въ память Успенія Богоматери.

Оттуда прешедши путемъ далѣе, яко полчаса пѣшехожденія, а отъ лавры два часа, обрѣтается пиргъ Морфину, си есть столпъ мурованный еще древними лѣты, егда тамо міръ жительствоваше. ...При томъ столпѣ послѣди отъ иноковъ созданъ есть храмъ св. великомученика Георгія съ келіею въ безмолвіи хотящимъ жительствовати... Окрестъ же тамо въ горахъ многія келіи безмолвниковъ (у Кидоніата только шесть) обрѣтаются, и Скитъ монастыря св. Павла (называемый Лакку). Это же самое повѣдалъ и Кидоніатъ присовокупивъ, что на этомъ мѣстѣ древле былъ монастырь Амальфинцовъ, что тутъ у моря есть виноградникъ и водяная мельница для наемныхъ келлій, и что выше Морфинскаго пирга тамъ-сямъ находятся шесть келлій съ плодовитыми деревами и огородами. Эти кельи и я видѣлъ, когда изъ Павловскаго скита ѣхалъ въ лавру.

Отъ Морфины такожде великимъ путемъ понадъ моремъ, яко два часа шествованія, а отъ лавры четыре, обрѣтается мѣсто,

нарицаемое Провата, си есть Овчее, идѣже лаврскій конакъ, си есть *въѣздный домъ* съ церковію святителя Христова Спиридона, съ гостинницами и кельями, нарочно отъ иноковъ созданъ, идѣжѐ всегда живетъ и домостроитель. Имутъ воды текущей и садовыхъ древесъ довольно и отъ винограда, ради прибѣжища себѣ и страннымъ во время зимы. Окрестъ же того *Конака* многія суть келіи (у Кидоніата 36) по горамъ и лѣсамъ, яже ради краткости оставляю, единымъ точію словомъ заключаю, яко аки окрестъ луны множество зрится звѣздъ, сице окрестъ лавры количество немало обрѣтается скитовъ и келій, и тамо на Провате оканчивается пограничіе ея. (Барс.)

Когда проѣдешь монастыри Каракальскій и Филоѳеевскій, опять увидишь лаврскій метохъ на самомъ взморьѣ. Онъ называется Милопотамъ, и принадлежалъ лаврѣ еще во дни строителя ея Аѳанасія. Въ немъ есть церковь во имя святаго Евстаѳія. А снаружи онъ походитъ на средневѣковую крѣпостцу. Мѣстность же его весьма здорова и благопріятна для жилья. На ней разведены виноградники и разныя плодоносныя дерева. Тутъ постоянно живетъ нѣсколько братій. Они охраняютъ и обрабатываютъ сіе мѣсто. Напротивъ сего метоха Аѳанасій устроилъ баню для больныхъ, но теперь ея нѣтъ. Околотокъ его простирается отъ моста до потока, называемаго Арциннани. (Кидоніатъ) „Между пограничіемъ Ивира и Филоѳея обрѣтается мѣсто немало, Милопотамосъ нарицаемое. Тамо такожде есть рѣка съ каменнымъ мостомъ единокружнымъ, лѣса множество и древесъ различныхъ и винограда много, благое вино раждающаго. Сія же вся на зѣло прекрасномъ, веселомъ и тепломъ мѣстѣ суть близъ моря, и надлежатъ подъ власть лаврскую. Есть же тамо на самомъ брезѣ на холмѣ каменномъ обитель мала въ честь св. Евстафія, отдревле прежде великихъ монастырей создана съ церковію малою, съ трапезою, съ четырьмя или пятьми келіями, съ пиргомъ (башнею) и стѣною о крестъ, съ вратами желѣзными,

же повѣствуютъ, бяше 600. Послѣди же яко отъ царей создашася великіи монастыри, иные въ метохи причинишася, иные же въ скиты, иные же разрушишася вовсе. Внѣ же вратъ того монастыря созданна есть гостинница ради странныхъ; и обитаетъ тамо всегда опредѣленный Икономъ съ инными двумя иноками; посылается же имъ брашно отъ лавры; прочая же вся имутъ довольно отъ плода земнаго и трудовѣ своихъ, имутъ же и ладію ради морской потребы. Оттуду посылается вино въ лавру на служеніе и питіе соборнымъ начальникамъ. Лѣтомъ же, егда имутъ сходитися на соборъ до Протата отъ лавры, удобнѣйшаго и скорѣйшаго ради пути, по морю тамо ладіею преплываютъ, или нощуютъ; оттуда же по суху къ Протату прибываютъ, такожде и назадъ повращающися, великую выгоду имѣютъ себѣ и кόнемъ.—О мѣстѣ же ономъ велію и всегдашнюю распрю имѣютъ Иверскаго монастыря иноцы съ лаврскими; сіи убо глаголюще быти мѣсто свое, яко близъ монастыря Иверскаго на границѣ обрѣтающееся; оные же утверждаютъ быти свое, яко издревле еще отъ Святаго Аѳанасія употребляемое на нужду монастырскую, и многажды судящися въ духовныхъ и мірскихъ судахъ, и многіе иждивши сребрники отъ обою странъ, лаврскіе одолѣша; многажды же Иверскіе и предо мною рѣша, яко неправедно держатъ подъ властію своею Милопотамъ лаврцы, понеже наше бысть мѣсто. Азъ же не вѣмъ, кто между ними праведнѣйшій; Богъ сердцевидецъ вѣсть. Сіе точію вѣмъ, яко въ завѣщаніи св. Аѳанасія, еще за живота его написанномъ, въ книзѣ зѣло древней на листахъ пергаментныхъ самъ моими очима видѣхъ, и самъ своими устами чтохъ: самъ св. Аѳанасій о себѣ свидѣтельствуетъ, яко церковь св. Евстафія и келіи создати въ Милопотамѣ потрудися, и потщися посадити лозіе на потребу церковную и въ употребленіе немощныхъ, престарѣлыхъ и въ тяжестныхъ дѣлахъ труждающихся иноковъ, иже въ лаврѣ. (Барс.)

3) *О тамошних кельях.*

Идучи отъ лавры съ полчаса, встрѣчаешь отличный виноградникъ и въ немъ келью съ церковію во имя Пресвятой Троицы. Это мѣсто—превосходно по причинѣ благорастворенности воздуха и обилія текучихъ водъ. А называется оно Кир Исаіево по имени того старца Исаіи, у котораго Аѳанасій учился духовнымъ подвигамъ. (Кидон.) Въ путешествіи Барскаго это мѣсто неправильно напечатано *Кирсая*.

Оттуда уклонившись влѣво, находишь малый скитъ съ церковію честнаго Предтечи. Тутъ живутъ аскеты духовные и страннолюбивые, почти всѣ съ острова Хіоса. (Кидон.)

Прошедши оттуда немного, видишь двѣ обитаемыя пещеры, одна отъ другой неблизко. Въ одной изъ нихъ есть церковь во имя Богоматери съ чудотворнымъ образомъ ея. Эта пещера называется Вигла (Сторожка.) А другая пещера есть та самая, въ которой жилъ и спасался Новый Ѳеодоръ освященный. Глава его чествуется въ лаврѣ. Обѣ эти пещеры изсѣчены въ утесахъ надъ самымъ моремъ. (Кидон.)

Взошедши оттуда высоко на большую дорогу, ведущую въ скиты Кавсокаливскій, Керасійскій и Аннинскій, видишь малый домикъ съ систерною для воды. Онъ называется Хаири. Минуя его, при пути находишь безмолвище преподобнаго Петра аѳонскаго. Въ немъ теперь есть и церковь въ память его; и тутъ 12 іюня сходятся почти всѣ аскеты и совершаютъ всенощное бдѣніе и литургію; а угощаетъ ихъ лавра. Позади этой церкви есть агіазма сего преподобнаго.—Немного ниже сего безмолвища находится Исихастиріонъ съ церковію во имя св. Симеона Богопріимца. Поднявшись оттуда и идучи мало, встрѣчаешь иной Исихастиріонъ съ церковію св. Артемія на мѣстѣ опасномъ и стремнинномъ. А немного ниже на прекраснѣйшемъ мѣстѣ надъ моремъ стоитъ келья съ церковію Успенія Богоматери. Тутъ есть архіерейская могила. Тамошніе отцы однажды докопались до нее такъ, что зас-

тупъ коснулся черепа архіерея. И что же? Изъ могилы послышалось: охъ, охъ! Удивленные отцы раскопали эту могилу и нашли въ ней мощи. Ниже оной кельи въ самой страшной стремнинѣ находится пещера и гробъ преподобнаго отца Нила аѳонскаго. А налѣво отъ оной же самой кельи, близъ моря, есть и другая келья съ церковію всѣхъ святыхъ. (Кидоніатъ.)

Всѣ эти мѣста и безмолвища видѣлъ и описалъ Барскій. Видѣлъ ихъ и я, когда ѣздилъ въ Керасю и оттуда возвращался въ Лавру.

Весьма замѣчательно все это Подъаѳонье. Тутъ находятся наидревнѣйшіе безмолвища и скиты. Тутъ подвизаются самые лучшіе отшельники, кормящіеся трудами рукъ своихъ. А рѣдко кто посѣщаетъ всѣ эти укромники. Жаль! Вы, которые слагаете три первые перста для крестнаго знаменія во время богомолья на Аѳонѣ и для держанія путническаго пера, обойдите всѣ вышерѣченныя мѣста, осмотрите тамъ все—на́все, осмотрите зорко, и напишите намъ: что̀ и что̀ тамъ кроется со временъ существованія городовъ Акроаѳона и Аѳоса, и заселенія Аѳона монахами въ первую эпоху тамошняго иночества. (съ 680 года по 830-й).

А я ѣду въ Подъаѳонскій скитъ Кавсокаливу, обозначивъ путь свой на приложенномъ при семъ старинномъ рисункѣ самой высокой оконечности Аѳона.

1) Лавра. 2) Арсана. 3) Хаири. 4) Керася. 5) Святый Верхъ. 6) Кавсокаліва. 7) Малый Аѳонъ. 8) Мороино. 9) Мостъ. 10) Мостъ. 11) Каракальская башня.

VII.

ПОѢЗДКА ВЪ ЭТОТЪ СКИТЪ.

20 Сент. Четвертокъ. Дѣйствительно я поѣхалъ туда по той же дорогѣ, по которой ѣздилъ въ Керасю, но только до Хаирской избушки, а отсюда повернулъ налѣво, и началъ спускаться ниже и ниже по узкой и стропотной стезѣ лицемъ къ морю. У этой стези замѣтно безчисленное множество малыхъ и немалыхъ обломковъ необдѣланнаго мрамора и мѣстнаго камня. Это—свидѣтели бывшаго тутъ когда-то обвала Аѳонской горы отъ землетрясенія. Думаю, что подъ этими обломками лежатъ остатки погибшаго города Акроаѳоса. Кто ихъ отроетъ и откроетъ? Не знаю.—А что̀ знаю, о томъ говорю. Отъ Лавры до Кавсокаливы я ѣхалъ не болѣе ста осьмидесяти минутъ, и въ началѣ одинадцатаго часа дня остановился въ этомъ Скитѣ. Меня помѣстили въ опрятной горницѣ, называемой архондарикъ. Тутъ отдыхъ мой продолжался не болѣе четверти часа. Потомъ я внимательно обозрѣлъ весь Скитъ; и вотъ замѣтки о немъ, мои и не мои.

Скитъ Кавсокалива,—по свидѣтельству Барскаго (1744 г.)—обрѣтается въ удолѣ тѣсномъ, крутомъ и каменистомъ, недалече отъ моря, надъ брегами жестококаменными. Келліи тамо едина верьху другой зданны, при каменныхъ крутостяхъ, на подобіе ластовичныхъ гнѣздъ, обаче лѣпотно, иныя съ церквами, большее же число безъ нихъ: бяху тогда числомъ два десять, едина отъ другой раздѣльны; такожде имутъ и общую св. Троицы церковь; имутъ воды довольно текущей къ питію и общую мельницу, земли же мало къ сѣянію зелій. Мѣсто сіе есть углубленно и тихо отъ бурныхъ вѣтровъ, тепло и безснѣжно, токмо отъ всѣхъ странъ жестокопутно, зритъ на страну полуденную, отстоитъ отъ Лавры, яко на два часа хожденія.—

Эта мѣстность какова была во дни Барскаго, такова и при

однако въ дождливое и осеннее время течетъ вода съ высотъ Аѳона и стремится въ море. По обѣ стороны его врозсыпь построены монашескіе домы, такъ называемыя Каливы. Посему скитъ походитъ на малое село, очень красивое. Всѣхъ домовъ тутъ нынѣ 44. Изъ нихъ 20-ть не имѣютъ церквицъ, а 24 имѣютъ ихъ. Мнѣ указывали двѣ замѣчательныя келліи, большія, и съ храмами св. Іоанна Богослова и св. Меѳодія патріарха Цареградскаго. Въ первой спасался монахъ Ѳеоклитъ, говорившій на многихъ якыкахъ и бывшій дѣлопроизводителемъ великой Церкви Христой въ Константинополѣ. Его какъ переводчика держалъ при себѣ, въ теченіи цѣлаго года, Алексѣй Орловъ Чесменскій, когда нашъ флотъ плавалъ въ водахъ архипелага и средиземнаго моря. Во второй кельѣ жилъ старецъ Меѳодій Византій, любознательный и мудрый, у котораго борода спускалась ниже ногъ его на цѣлую четверть.—Скитскій Киріаконъ во имя Св. Троицы ничѣмъ не замѣчателенъ. Онъ не малъ. Папертъ его передѣлана была въ 1804 году, а расписана въ 1820-мъ. Къ нему пристроена трапеза, въ которой всѣ скитники, и кто у нихъ случится, обѣдаютъ только три раза въ году, въ рождество Христово, въ Пасху и въ Троицынъ день. Кромѣ Киріакона есть кладбищная церковь во имя трехъ святыхъ, Максима, Нифона и Акакія, спасавшихся и угодившихъ Богу въ Кавсокаливѣ. Начальникъ сего скита показалъ мнѣ нѣсколько печатныхъ и рукописныхъ книгъ. (50—60) Но я въ дневникѣ своемъ отмѣтилъ только одну изъ нихъ, напечатанную въ 1698 году, именно: Τόμος ἀγάπης κατὰ Λατίνων παρὰ Δοσιθέου πατριάρχου Ἱεροσολύμων—*Томъ любви противъ Латинъ, Досиѳея патріарха Іерусалимскаго*. Мнѣ хотѣлось купить эту рѣдкую книгу; но скитники не продали ее мнѣ.

Всѣхъ Кавсокаливитовъ насчитали мнѣ 80. Между ними я видѣлъ трехъ русскихъ старцовъ, Гавріила, Серафима и Давида. Начальствуетъ надъ ними такъ называемый *Дикей*, по нашему *Правдивецъ*, избираемый изъ среды братій на одинъ годъ. Всѣ они занимаются разными рукодѣліями, кои сбываютъ на Аѳоно-Карейскомъ торжищѣ. У нихъ нѣтъ ни виноградниковъ, ни ого-

родовъ, ни рыболовныхъ сѣтей, ни вьючныхъ животныхъ. Все это запрещено имъ уставомъ скита. А общая денежная касса у нихъ есть. Она составляется изъ подаяній поклонниковъ и изъ вноса пятидесяти піастровъ отъ каждаго монаха, покупающаго здѣсь келью себѣ, и послѣ покупки угощающаго всю братію. Расходы же изъ нея поступаютъ на уплату податей Лаврѣ, на пріемъ гостей, на милостыню нищимъ, и на содержаніе Киріакона и скитской мельницы, приводимой въ движеніе водою, которая течетъ изъ-подъ горы по водопроводу, устроенному на лѣвой сторонѣ мѣстнюй лощины. Русскій Кавсокаливитъ о. Гавріилъ сказывалъ мнѣ, что его собратія Греки зазываютъ къ себѣ на всегдашнее жительство родню свою, которую изъ Анатоліи, которую съ острововъ, и *живутъ по мірски,* куда захотятъ туда и идутъ, не взявъ благословенія у Дикея своего. Но я на половину повѣрилъ словамъ земляка своего, который смотритъ на греческихъ скитниковъ сквозь русскія очки, т. е. рукодѣльныя занятія ихъ считаетъ дѣломъ мірскимъ, воображая, что монахъ ежедневно долженъ только ходить къ утреннѣ, обѣднѣ, и вечернѣ, да соблюдать келейное правило, а кормиться бы ему на церковный счетъ. Мнѣ не довелось вразумить его напоминаніемъ ему о святыхъ, Антоніѣ, Макаріѣ, и о другихъ, которые съ келейною молитвою всегда соединяли рукодѣльный трудъ свой, и въ общую церковь ходили только въ субботу, въ воскресенье и въ праздники. Да и вразумишь ли русскаго, когда онъ ежедневное общее богослуженіе почитаетъ выше молитвы домашней, внутренней, сердечной, и едвали умѣетъ молиться такою молитвою, коль скоро нѣтъ у него въ рукахъ часослова и молитвенника печатнаго, или псалтири.

Описанный мною скитъ называется Кавсокалива, будто бы потому, что на мѣстѣ его жилъ св. Максимъ, прозванный Кавсокаливитомъ *за сжиганіе каливъ,* въ коихъ онъ постился, и кои часто предавалъ огню, переходя съ мѣста на мѣсто. (καίω жгу, καῦσις сожиганіе καλύβα—убогое зданіе). Но я не вѣрю этой

Аѳонской филологіи, и вотъ почему. Вопервыхъ, ни одинъ скитъ на Аѳонѣ не назывался и не называется именемъ или прозвищемъ основателей ихъ: напротивъ всѣ они носили и носятъ прозвища и названія то Святыхъ, которыхъ предстательству поручены, то монастырей, отъ которыхъ зависятъ, то мѣстностей, на коихъ построены; напримѣръ скитъ Благовѣщенскій, Предтеченскій, скитъ св. Димимрія, св. Анны, св. Пантелеимона, скитъ Ватопедскій, Русскій, Иверскій, скитъ Глоссійскій, Черный Виръ. Вовторыхъ, вышепомянутый Максимъ не долго жилъ на мѣстѣ Кавсокаливскомъ, и оставивъ его по причинѣ недостатка тутъ воды, поселился близь Лавры, ниже пресловутой кельи того Исаіи, у котораго нѣкогда находился въ послушаніи преподобный Аѳанасій аѳонскій. Это было во дни греческихъ царей Кантакузина и Іоанна Палеолога, (1342—1360 г.), изъ которыхъ первому Максимъ посылалъ въ Константинóполь сухарь, лукъ и чеснокъ, велѣвъ послу своему сказать его величеству: „ты будешь монахъ и вотъ твоя пища“: что и сбылось. По смерти сего Прозорливца прошли четыреста лѣтъ. Во все это время скитъ кавсокаливскій не существовалъ, и никто тутъ не жилъ по причинѣ безводности мѣста. Уже въ первой четверти 18 вѣка (около 1726 г.) поселился тутъ преподобный Акакій и основалъ скитъ, открывъ родникъ воды. Какъ же эта мѣстность могла удержать прозваніе Максима Кавсокаливита, когда онъ не жилъ тутъ постоянно и *переходилъ съ мѣста на мѣсто*, да не тутъ и жизнь свою кончилъ, и когда никого тутъ не было въ теченіи 400 лѣтъ? Какъ могло статься, что въ такое долгое время называли эту мѣстность Кавсокаливою, хотя на ней небыло ни часовни, ни кельи, ни живаго человѣка? Надобно полагать, что тутъ еще до поселенія монаховъ на Аѳонѣ была деревня Кавсокалива, которой жители занимались выжиганіемъ извести изъ мѣстнаго мрамора, и что она подъ этимъ прозвищемъ писалась сперва въ межевыхъ книгахъ Аѳонскихъ землемѣровъ, когда на Аѳонѣ были города, а потомъ значилась въ описяхъ монашескаго Протата Аѳонитовъ и лавры Аѳанасія подъ

прежнимъ же прозвищемъ. Это прозвище засталъ Максимъ, и самъ по мѣсту подвиговъ его тутъ нарицаемъ былъ Кавсокаливитомъ: засталъ его и Акакій, и основалъ тутъ Скитъ, который *по исконному имени мѣста* прозывали и писали Кавсокаливою точно также, какъ по старинному прозывали и писали Аѳонскія мѣстности, Морфо, Мелана, Керася, кои я видѣлъ и описалъ въ своемъ путевомъ дневникѣ.

Основателемъ скита, о которомъ идетъ рѣчь, былъ монахъ Акакій. Онъ скончался въ 1740 году, оставивъ тутъ послѣ себя многихъ учениковъ. А въ 1745 году Лавра признала и утвердила скитское учрежденіе его. Въ 1772 году, по свидѣтельству лаврскаго проскинитарія, въ Кавсокаливѣ находились уже 30 каливъ, изъ которыхъ въ девяти были церкви. А въ каливахъ жили гдѣ два, гдѣ три, а индѣ и четыре брата. По одну сторону тамошняго Киріакона стоялъ пространный архондарикъ, а по другую работала мельница, въ которую вода лилась изъ большой систерны, получающей ее изъ ближняго подгорья. Въ 1840 году 10 февраля на Аѳонѣ началась необыкновенная зима. Въ Кавсокаливѣ снѣгу выпало такъ много, что онъ завалилъ всѣ домы даже до крышъ; и скитники сидѣли въ нихъ безвыходно до 5-го дня мѣсяца марта. „Въ пятнадцатый же день февраля въ четвертокъ, въ самую полночь, съ темени Аѳона устремился, по „южной покатости его, порывистый бурный сильный вѣтеръ— „Сифонъ, гнѣвъ великій, ὀργὴ μεγάλη, и вырвалъ тутъ дерева, „какъ траву, въ большомъ количествѣ, дерева столь великія и „толстыя, что тысяча человѣкъ и одного изъ нихъ не могли бы „съ корнемъ вытащить изъ земли, вырвалъ съ камнями и съ „землею и въ одно мгновеніе ока ринулъ ихъ въ лощину близь „скитской мельницы, искрошивъ нѣкоторыя изъ нихъ, какъ со„лому, какъ листья. Лавріоты нѣсколько мѣсяцовъ рубили эти „дерева и выпиливали изъ нихъ доски. То были дубы, аріи,

всокаливиты и Лавріоты усматривали тутъ чудо, а другіе—явленіе естественное.

Въ Кавсокаливѣ я ночевалъ, а на другой день отправился въ Лавру,

21. Пятница.—Но не ранымъ—рано по утру, а когда солнышко взошло. Меня и весь поѣздъ мой повели по крутоярымъ ребрамъ Подъаѳонья въ прямомъ направленіи къ замѣчательному безмолвищу святаго Аѳонскаго подвижника Нила. Не болѣе получаса прошло послѣ выѣзда; и мы уже спѣшились у двери этого немалаго зданія. Я вошелъ въ него и побратался съ седмью обитателями его. Они ввели меня въ келейную церковь свою съ пѣніемъ: Достойно есть яко во истину блажити тя Богородицу... Церковь, эта построенная ранѣе 1744 года, въ который видѣлъ ее Барскій, освящена въ память успенія Божіей матери. Не большая и не казистая, она вся расписана въ 1752 году. На одной стѣнѣ ея изображенъ св. Нилъ съ хартіею въ рукахъ, на которой написано: ἀδελφοί, τὰ ὅπλα τοῦ μοναχοῦ εἰσὶ ἡ μελέτη, ἡ προσευχή, ἡ διάκρισις, ἡ ταπεινοφροσύνη καὶ κατὰ θεὸν ὑπακοή: т. е. Братія! оружія монаха суть размышленіе, молитва, различеніе помысловъ, смиренномудріе и послушаніе о Богѣ“.

Изъ церкви я зашелъ въ пріемную горницу. Тутъ мнѣ показали завѣщаніе основателя безмолвища іеромонаха и духовника Макарія, написанное имъ въ январѣ 1608 года въ день воскресный. (Διαθήκη τοῦ ἱερομονάχου Μακαρίου καὶ πνευματικοῦ, ͵ζρις, μηνὶ Ἰαννουαρίῳ, τῇ κυριακῇ.) Изъ этого завѣщанія видно вотъ что: „Макарій съ племянникомъ своимъ Ниломъ обошелъ всѣ священныя мѣста Аѳонскія и возлюбилъ случайно замѣченное и одичавшее мѣсто, гдѣ нынѣ стоитъ его безмолвище. Тогда это мѣсто называлось: „мѣсто Богородицы и преподобныхъ отцовъ Петра и Аѳанасія“. Тутъ нѣкогда жили пустынники, но ушли оттуда, неизвѣстно почему. Макарій купилъ это мѣсто у Лавры за одну златицу, разчистилъ его, съ основанія построилъ

мянникомъ своимъ подвизался въ уединеніи, а предъ смертію своею завѣщалъ, чтобы никто не переносилъ его кельи на другое мѣсто и не уничтожалъ ее, и чтобы ризы, утварь церковная и книги никому не продаваемы были, подъ проклятеімъ 318 отцовъ Никейскихъ".

Упомянутая въ семъ завѣщаніи малая церковь понынѣ стоитъ близь новаго безмолвища. Я видѣлъ ее.

Не извѣстно: долго ли жилъ Макарій послѣ 1608 года. А племянникъ его Нилъ, по склонности своей къ глубокому уединенію и безмолвію, ушелъ въ ближайшую пещеру, находящуюся въ приморскомъ утесѣ, котораго отвѣсная высота будетъ въ 60 саженъ, и тутъ подвизался до смерти своей, тутъ же и погребенъ былъ. Но послѣ него никто не жилъ въ этой пещерѣ, потому что опасно подходить къ ней по причинѣ отвѣсности сказаннаго утеса.

Случилось: по этому утесу до самаго моря начало течь изъ Нилова гроба благовонное и цѣлебное мvро. Молва объ этомъ распространилась между христіанами, и они начали подъѣзжать къ утесу на мореходныхъ судахъ, дабы получить оное мvро. Токъ его прекратился. Но въ память сего великаго знаменія, близь пещеры Нила, построенъ былъ усердными святолюбцами малый храмъ во имя его. Этотъ храмъ и эту пещеру и все безмолвище видѣлъ нашъ Барскій въ 1744 году и описалъ такъ:

„Есть жилище, именуемое *келлія Безбрадаго*, идѣже есть храмъ Успенія пресвятыя Богородицы, и двѣ или три келліи, и виноградъ и мельница водная; и жительствуетъ тамо нѣкій іеромонахъ, или старецъ съ послушникомъ. А оттуда нижае мало, яко на верженіе камени, или далѣе, обрѣтается пещера надъ великимъ, глубокимъ и ужаснымъ удоліемъ (пропастію между двумя утесами), въ ней же скиташесе нѣкій преподобный отецъ святогорскій *Нилъ*, идѣже и донынѣ самая оная пещера и храмъ во имя его именуется; и мощи его повѣствуютъ быти тамо предъ пещерою подъ зѣло великимъ каменемъ, иже нерукосѣчно

самъ съ верху паде промысломъ божіимъ во время, егда хотяху понести Его мощи на иное мѣсто; путь же къ нему— толь зѣло страшный и бѣдный (бѣдовый) яко унываетъ сердце грядущаго по немъ. Поклонившися убо азъ тамо, умилихся и помыслихъ, яко тѣснымъ и прискорбнымъ путемъ ходящіе спасаются, широкимъ же шествующіе погибаютъ; келлій же, или каливъ тамо отнюдь нѣсть, жестокости ради и тѣснаго мѣста“.

Опять случилось, но уже въ 1815 году: нѣкоторые изъ Кавсокаливскихъ скитниковъ, получивъ исцѣленія отъ разныхъ болѣзней послѣ призыванія святаго Нила въ помощь себѣ, по чувству благодарности вознамѣрились построить въ самой пещерѣ его храмъ, и 7 мая того же года начали рыть и изсѣкать въ ней основаніе. Работая тутъ, они наткнулись на каменный сводъ, пробили его, и вдругъ ощутили нѣкое особенное благоуханіе, струившееся изъ-подъ свода. Сводъ былъ сломанъ, и подъ нимъ открыты были мощи св. Нила. Узнала объ этомъ лавра и перенесла святые останки его въ свою соборную церковь, кромѣ нижней челюсти, оставленной въ церкви Нила. Въ Лаврѣ встрѣчалъ ихъ цареградскій патріархъ Григорій, тотъ самый, котораго послѣ турки повѣсили въ 1821 году. Между тѣмъ окончена была церквица въ устьѣ пещеры. Она такъ мала, что едва ли можетъ вмѣстить 15 человѣкъ. Позади алтаря ея обозначено мѣсто, гдѣ лежало тѣло св. Нила. Тогда же сдѣлана была и винтообразная лѣстница съ 120 ступенями, ведущая въ пещерную церквицу. По этой лѣстницѣ я спускался туда, робко посматривая въ приморскую пропасть, находящуюся тутъ между двумя отвѣсными утесами.

Изъ этой пещерной церквицы меня привели опять въ архондарикъ, и тутъ показали мнѣ два старинныя греческія четвероѳвангелія, писанныя на пергаминѣ: первое въ полулистъ, съ припискою: Βιβλίον τοῦ ἁγίου Πέτρου ἀθωνίτου· προσετέθη δὲ παρὰ τοῦ ὁσιοτάτου πνευματικοῦ πατρὸς ἡμῶν Νείλου ἱερομονάχου— т. е. *Книга св. Петра аѳонскаго: а пожертвована она преподобнѣйшимъ от-*

цомъ нашимъ Ниломъ іеромонахомъ; второе въ 16 долю листа 6845 — 1337 года. Въ первомъ намѣчены зачала и главы Евсевія, но нѣтъ святцовъ; почеркъ же его—крупноватъ. не сжатъ и толстоватъ: напр: Ἐϊ δύραρται а во второмъ письмо мелко, но четко. Вотъ образчикъ его:

Κηρύξαι αἰχμαλώτοις ἄφεσιν

Но дѣйствительно ли Петру аѳонскому принадлежало первое евангеліе? Признаюсь: я не разсматривалъ его подробно, и потому не могу сказать да, или нѣтъ. А почеркъ его, не сличенный съ почерками осьмаго вѣка, въ которомъ жилъ Петръ аѳонскій, скончавшійся въ 734 году, не даетъ мнѣ права утверждать, что это Евангеліе появилось въ первой половинѣ осьмаго вѣка. Впрочемъ пусть другіе разсмотрятъ эту рукопись внимательно, и опредѣлятъ вѣкъ и достоинство ея. А мнѣ есть что писать о другихъ предметахъ.

Пока я гостилъ въ безмолвищѣ св. Нила, послушники здѣшнихъ старцовъ преусердно занимались гономъ водки изъ небольшаго куба. Я подходилъ къ нимъ и слушалъ, что они говорили мнѣ. А говорили они, что на святомъ верхѣ Аѳона благодать сходитъ съ неба, что въ Іерусалимѣ гробъ Господень на костяныхъ цѣпяхъ виситъ въ воздухѣ, а въ Виѳлеемѣ въ день рождества Христова качаются лампадки съ огнемъ, какъ маятники, и что въ Мореѣ понынѣ живутъ Цаконы, потомки тѣхъ предковъ, которыхъ выселилъ-де съ Аѳона св. Константинъ великій. Собесѣдники мои сами были Цакониты и, по просьбѣ моей, маленько познакомили меня съ своимъ роднымъ нарѣчіемъ, непонятнымъ для Грековъ, тѣмъ болѣе для меня. Напримѣръ: *цуфа* голова, *псилле* глазъ, *шпре* сонъ, *фукка* чрево, *пуа* нога, *синтаха* утро, *самере* сегодня, *сиати* дѣвица, *пума* покрывало, *поре* дверь, *опа* тамъ, *ніа* одна, *макаріа* поминки по усопшимъ, *ву* плакать, *евака* плакалъ, *романи* лѣсъ густый.—

Σάμερε ἐμαθήκαμε τὰ νέα
Сегодня узналъ я новое.

А вотъ и еще новость. Въ рукописномъ житіи преподобнаго Нила аѳонскаго, которое я видѣлъ въ лаврѣ, мѣсто безмолвища сего Нила названо. „*Святые камни*“. Названіе—древнее, сохранившееся со временъ Еллинскихъ, когда на Аѳонѣ жили Греки, чтившіе камни, утесы,такіе грозные, каковы утесы подъаѳонья. Понятно это почитаніе ихъ. Вѣдь: голова мутится, когда съ оныхъ утесовъ смотришь въ находящіяся между ними пропасти и въ волнующееся тутъ море. Смотря туда боишься, млѣешь, и молишься: помилуй Господи! А коль скоро молишься на этихъ утесахъ и у нихъ, то и поневолѣ называешь ихъ священными.

Подлѣ нынѣшняго безмолвища св. Нила отшельники указывали мнѣ мѣсто, на которомъ древле стоялъ идолъ, но не сказали, чей. Я намѣтилъ это на своей картѣ подъаѳонья: намѣтилъ тутъ и ближайшее безмолвище съ церковію св. Артемія, и отправился въ Лавру по прежней дорогѣ, съ которой, налѣво, указывали мнѣ близкое къ Ниловой кельѣ безмолвище св. Петра аѳонскаго. Хотѣлось мнѣ побывать въ этомъ послѣднемъ укромникѣ, но время торопило меня обозрѣвать Аѳонскіе монастыри, а не принадлежащія имъ кельи. Этотъ укромникъ видѣлъ нашъ Барскій и сказалъ о немъ вотъ что. „Отъ Кавсокаливы недалече, вышше на горѣ, больше получаса восхожденія, обрѣтается пещера и мѣсто, идѣже скиташеся преподобный Отецъ Петръ аѳонскій. Нынѣ же тамо въ честь его устроися церковь мала съ келліею, и жительствуетъ всегда единъ безмолвникъ. Тамо инный такожде виноградъ есть монастырскій.— Къ этому скудному описанію въ лаврскомъ Проскинитаріи 1772 года прибавлено:“ въ тамошней церкви почти всѣ аскеты, ежегодно въ день памяти Петра 12 іюня, собираются и послѣ вечерней трапезы совершаютъ всенощное бдѣніе, а послѣ бдѣнія божественную литургію, и во славу Божію вкушаютъ разныя монашескія снѣди, кои присыла-

стъ святая лавра. Тамъ позади церкви есть родникъ св. воды, называемый *агіазма* св. Петра.“

Въ лавру я пріѣхалъ засвѣтло, и на досугѣ написалъ слѣдующія строки.

— Никакой народъ не любилъ такъ свободу, какъ любили и любятъ ее Греки. Чѣмъ же объяснить ихъ безусловное подчиненіе и повиновеніе волѣ игуменовъ и старцовъ? Объясняю это тѣмъ, что добровольное повиновеніе чужой волѣ есть дѣло величайшей и могучей свободы. Кто свободно подчиняется другому ради спасенія души своей, тотъ и любитъ свободу.

— Все подаѳонье, начинающееся у лавры и оканчивающееся скитомъ св. Анны, заселено скитниками и келліашами. Они живутъ трудами рукъ своихъ, безмолвствуютъ, молятся Богу, и платятъ подати лаврѣ за землю, огороды и кельи свои. Такіе самоотверженные труженики достойны полнаго уваженія нашего. Они-то, на взглядъ мой, и суть божьи люди, и истинные монахи на Аѳонѣ. Тамошніе монастырники, беззаботно проживающіе въ обителяхъ, гдѣ имъ и покойно и хлѣбно, при всѣхъ внутреннихъ достоинствахъ ихъ, стоятъ ниже оныхъ тружениковъ на той лѣстницѣ бытія, по которой всѣ мы уходимъ отсюда или къ Богу, или не къ нему. Но пора мнѣ ѣхать въ другія обители Аѳона.

VIII.

Агіазма св. Аѳанасія и развалины монастыря Амальфинскаго на пути отъ лавры до обители Филоѳея.

22 Суббота.—Съ лаврою я не прощался, потому что надѣялся еще разъ быть въ ней и изучить исторію ея по тѣмъ подлиннымъ дѣеписаніямъ, кои она хранитъ въ своемъ завѣтномъ тайникѣ. Эту надежду лелѣяли во мнѣ добрые Лавріоты, провожая меня за ворота своей обители. А отъ нихъ я поѣхалъ въ Фило-

Въ девять часовъ для поѣздъ мой остановился у такъ называемой *агіазмы* св. Аѳанасія. Еще разъ я осмотрѣлъ ее, и при помощи свѣдѣній, добытыхъ во время пребыванія моего въ Лаврѣ, составилъ себѣ надлежащее понятіе объ этомъ священномъ мѣстѣ на Аѳонѣ. Весьма замѣчательно это мѣсто. и замѣчательно по двумъ воспоминаніямъ, изъ коихъ одно христіанское, а другое миѳологическое. Передаю то и другое.

Когда преподобный Аѳанасій аѳонскій, побуждаемый знаменитымъ побѣдителемъ Критскихъ агарянъ Никифоромъ Фокою, началъ строить Лавру съ церковію въ началѣ октября 963 года; тогда еще продолжалась величайшая дороговизна съѣстныхъ припасовъ по случаю голода, наступившаго съ октября мѣсяца 962 года. (Theophan. Continuat. L. VI. p. 479)".

Бывшу же оскудѣнію пищному въ Лаврѣ,—сказуетъ нашъ Барскій,—святый Аѳанасій, оставивши эту обитель, отъиде скорбя. На пути же срѣте его пресвятая Богородица и рече ему: Чесо ради бѣжиши Авва. Святый же отвѣща ей: бѣгу, яко неимамъ нуждная въ монастырѣ. Рече паки ему Богородица: возвратися назадъ въ монастырь. Святый же вопроси ее: да кто еси ты. Отвѣща Богородица: азъ есмь мати Іисуса Христа. Паки святый къ ней рече: Прости мнѣ Владычице, яко не вѣрую, аще не вижду каковаго знаменія, понеже многи суть сѣти діавольски. Отвѣща ему Всенепорочная: ударь въ камень сей крестообразно во имя святыя Троицы, и благодатію отъ мене рождшагося изъидетъ вода многая и чистая. И азъ отселѣ буду вамъ Икономисса, имущая о васъ попеченіе. Ударившу же святому жезломъ, абіе, о чудесе! источися множество воды сладкой и здравой; и абіе Богородица невидима бысть. Святый же Аѳанасій, положивши на Божію матерь надежду, возвратися въ Лавру, и видѣвъ яко оттолѣ уже къ тому никогда не оскудѣваше обитель, узакони, да никогда же тамо поставляется икономъ; точію парикономъ. Вода же оная течетъ изобильно даже донынѣ, именуется же *Вода священная*, яко освящаетъ и изцѣляетъ съ вѣрою почерпа-

чегъ желѣзный, прямо стоящъ, съ затворомъ ради мышей. Иноцы же тамо мимоходящіи и поклонницы сидятъ въ горницѣ близь воды, и моются и піютъ съ благоговѣніемъ отъ нея, таже ядятъ на трапезѣ отъ приносимыхъ съ собою яствъ, и вся елика аще изобилуютъ, или хлѣбъ, или иная пища, оставляютъ и затворяютъ въ предрѣченномъ ковчезѣ, да обрѣтаютъ всѣ иже мимоходящіе убогіе, и ядуще да благодарятъ Бога, Богородицу и Святаго, и да молятъ Бога о устроившихъ и о утвердившихъ сицевъ благій и похвальный обычай... Есть же тамо храмъ малъ во имя Богородицы живоноснаго источника, отъ иноковъ Лаврскихъ созданъ. Въ храмѣ же есть и икона Пресвятыя Богородицы: на ней есть и святый Аѳанасій изображенный, стоящій предъ Нею и бьющій жезломъ въ камень, отъ него же течетъ вода".—Все это сказаніе *въ той полнотѣ*, въ какой передалъ его намъ Барскій въ 1744 году, занявъ бо́льшую часть его изъ Греческаго печатнаго Проскинитарія врача Іоанна Комнина (1701 г.) не можетъ быть признано достовѣрнымъ, и вотъ почему. Въ житіи св. Аѳанасія аѳонскаго, которое по смерти его составилъ Іоаннъ Ексаптеригъ игуменъ монастыря на горѣ Олимпѣ, что̀ подлѣ малоазійскаго города Бруссы, и составилъ по запискамъ учениковъ Аѳанасіевыхъ, нѣтъ ни слова о чудесномъ изведеніи воды изъ утеса по велѣнію Богоматери, тогда какъ въ немъ разсказано не мало разныхъ чудесъ, совершившихся ради Аѳанасія, когда онъ былъ еще живъ. Не упомянуто оное чудо и въ тѣхъ житіяхъ сего преподобнаго Аѳонита, кои печатно обнародованы греческимъ монахомъ Агапіемъ Критяниномъ, трудившимся около 1692 года *), и св. Димитріемъ Ростовскимъ. **) Врачъ Іоаннъ Комнинъ въ 1701 году, послѣ него нашъ Барскій въ 1744 году, а послѣ Барскаго ризничій Аѳанасіевой лавры Макарій въ своемъ Проскинитаріи 1772 года, оповѣстили, что преподобный Аѳанасій, послѣ бесѣ-

---

*) Смотри: βίβλος καλουμένη Καλοκαιρινὴ, ἢ μερικοὶ βίοι ἁγίων τινῶν, οἱ ὡραιότεροι τοῦ καλοκαιρίου, παρὰ 'Αγαπίου μοναχοῦ. 'Εν 'Ενετίησι. 1801. in. 4º.—Νέα ἔκδοσις τοῦ αὐτοῦ βιβ- [illegible]

ды съ Богоматерію у чудотворнаго источника, увидѣвъ изобиліе въ своей Лаврѣ, узаконилъ на вѣки признавать Пресвятую Дѣву экономкою обители ея, и за тѣмъ поставлять въ ней только подъэконома. Но это невѣрно; и напраслина сія опровергается слѣдующими дѣеписаніями Лавры. Самъ основатель ея преподобный Аѳанасій въ своемъ Типикѣ, написанномъ по смерти царя Іоанна Цимисхія (975 г.) изложивъ разныя наставленія Лаврскому игумену, какой когда будетъ, между прочимъ сказалъ: „золото и все потребное вручай экономамъ и келарямъ.... Экономовъ же поставлять должны настоятели Лавры изъ среды лаврскихъ старцовъ, поставлять способнѣйшихъ и старѣйшихъ, дабы одни изъ нихъ надлежащимъ образомъ изготовляли, чтò нужно для тѣла, а другіе усовершали бы и объединяли братію въ „благонравныхъ собесѣдованіяхъ и во всѣхъ угодныхъ Богу дѣлахъ“.—Установленную Аѳанасіемъ должность эконома Лавры, въ мартѣ мѣсяцѣ 1030 года, занималъ Петръ монахъ, подписавшій тогда одно дѣло вмѣстѣ съ властными старцами Лавры, Матѳеемъ, Лаврентіемъ, Петромъ, Николаемъ и Ефремомъ. *) Послѣ такихъ *дѣловыхъ* неопровержимыхъ свидѣтельствъ надлежало бы объявить благочестивою ложью всю повѣсть о явленіи Богоматери Аѳанасію у многоводнаго утеса, и о признаніи ея икономиссою Лавры: но сдѣлать это не позволяютъ другія *Памяти* аѳонскія, *Памяти* зодчественныя и иконописныя, по разсмотрѣніи которыхъ преданіе, о немъ же идетъ рѣчь, объясняется иначе, и вотъ какъ.—Аѳонская лавра св. Аѳанасія, послѣ разрушенія греческаго царства Турками въ 1453 году, лишившаяся многихъ имѣній, кои принадлежали ей въ разныхъ мѣстахъ сего царства, и потому обѣднѣвшая и нажившая тяжкіе долги, начала снова процвѣтать съ 16-го вѣка при помощи господарей Молдавіи и Валахіи, царей россійскихъ, іерарховъ покоившихся на Аѳонѣ, благочестивыхъ и зажиточныхъ поклонниковъ, и игуменовъ Лаврскихъ. Іоаннъ Владулъ воевода Волошской земли съ 1533 года

*) Смотри это дѣло у меня въ архивѣ Аѳонской Лавры. Оно начинается такъ: ἐπεὶ τὰ παρὰ τῶν πατέρων καὶ ἀδελφῶν συμφωνηθέντα....

жертвовалъ Лаврѣ ежегодно 10,000 аспръ; Іоаннъ Петръ воевода земли Молдавской съ 1579 года посылалъ ей ежелѣтно 6,000 аспръ, и столько же дарилъ ей въ каждый годъ Еремія воевода той же земли съ 1598 года; а Гавріилъ Могила воевода всей земли Угровлахійской жертвовалъ ежелѣтно съ 1619 года 15,000 аспръ; Матѳей воевода Угровлахіи въ 1643 году съ основаній построилъ въ Лаврѣ небольшой храмъ во имя св. Михаила Синадскаго, и въ 1653 году расписалъ его.—Въ 1515 году изъ Москвы посланы были туда камчатныя ризы и пелены къ иконамъ Благовѣщенія и св. Аѳанасія, и чара серебряная; въ 1584 году посланникъ царя Іоанна Грознаго, въ бытность свою на Аѳонѣ, роздалъ царской милостыни, въ поминъ души царевича Ивана, въ великую Лавру Аѳанасія аѳонскаго 350 рубл. въ 1625 году отпущено было ей деньгами и соболями на 130 рублей. — Въ 1623 году поселился на Аѳонѣ вселенскій патріархъ Анѳимъ, и былъ ктиторомъ одной большой башни въ Лаврѣ и устроенной въ ней церквицы св. великомученика Димитрія. Онъ же и послѣ него вселенскіе патріархи, Діонисій Андросецъ (1665 г.), Іеремія Патмосецъ (1726 г.), и митрополиты, Навпактскій Неофитъ (1744 г.), Критскій Константій, Терновскій Іосифъ, и епископъ Метронскій Нилъ, жертвовали свои деньги на окончательное устройство и содержаніе хорошей больницы въ лаврѣ *). А Серронскій митрополитъ Геннадій въ 1522 году былъ ктиторомъ братской трапезы въ этой св. обители; Веррійскій архіерей Неофитъ, родомъ Аѳинянинъ, стараніемъ и иждивеніемъ своимъ въ 1535 году историровалъ соборный храмъ ея кистію монаха Ѳеофана. Червенскій епископъ Паисій въ 1578 году, при лаврскомъ игуменѣ Іосифѣ, историровалъ лѣвый придѣлъ соборнаго храма, посвященный памяти 40 мучениковъ.—Изъ сонма же самихъ лавріотовъ монахъ Мисаилъ Лесбосецъ въ 1580 году иждивеніемъ своимъ построилъ больницу, которую впослѣдствіи ущедряли вышепомянутые іерархи, Діонисій, Іеремія, Неофитъ

*) Προσκυνητάριον τῆς ἁγίας Λαύρας. 1772 ἔτ.

и прочіе; проигуменъ Іосифъ, родомъ Хіосецъ въ 1713 году съ основаній вновь воздвигъ, предъ выходомъ изъ лавры, прекрасный храмъ Богородицы Вратарницы и Икономиссы, а въ 1715 году историровалъ его, по предстательству Безневѣстной Дѣвы, какъ это видно изъ трехъ надписей тамъ *). Вообще всѣ лаврскія надписи на зданіяхъ, тщательно списанныя мною, доказываютъ, что знаменитая обитель св. Аѳанасія аѳонскаго постепенно обновлялась, украшалась, историровалась и приращалась новыми зданіями внутри съ начала 16 столѣтія. Такое всестороннее обновленіе и украшеніе ея властные въ ней старцы приписывали Предстательству Безневѣстной Дѣвы тѣмъ искреннѣе, чѣмъ щедрѣе были пособія ей отъ многихъ и многихъ благочестивыхъ мужей, царственныхъ и іераршескихъ. А сильная вѣра въ предстательство Ея побудила ихъ признать ее Икономиссою, т. е. кормительницею ихъ лавры: что и выражено ими въ вышепомянутыхъ надписяхъ 1713 года. —Но въ этомъ ли году состоялось такое признаніе? Не раньше ли? Посмотримъ и рѣшимъ.—Въ лѣвомъ Придѣлѣ соборнаго храма лавры находится мѣстная икона Богоматери, называемой Икономисса. На ней видны три надписи:

— Ἡ Οἰκονόμος τῆς Λαύρας.
— 1826 ἐξανακαινίσθη.
— Ὡς καὶ πάρος ἐμοίγε, παρθένε Κόρη

(Смотри выше стран. 204-ю).

Икономисса Лавры.
Въ 1826 году обновлена икона.
Какъ прежде мнѣ, неневѣстная Дѣво,
Домъ обѣщалась ты хранить до конца:
Такъ и этотъ Придѣлъ, который поставилъ Мартирій
Бывшій архіерей острова Самоса,
А нынѣ покоющійся здѣсь, какъ и другіе,
Отъ всякаго вреда сохранить умоляю.

---

*) Смотри у меня собраніе Аѳонскихъ надписей.

Какъ ходатаица у Сына моего
И этотъ придѣлъ, Отче, сохраню во вѣки.
Икономисса Лавры.

Эту икону я описалъ выше: а здѣсь доказываю, что она изображена была тогда, когда еще былъ живъ Самосскій архіерей Мартирій и покоился въ лаврѣ (νῦν δὲ σχολάζων ἐνταῦθι), и когда построенный имъ придѣлъ во имя св. 40 мучениковъ исторированъ былъ иждивеніемъ Червенскаго епископа Паисія при игуменѣ Лавры Іосифѣ. А такъ какъ исторированіе его, по свидѣтельству тамошней надписи надъ западною дверію внутри, было въ 1578 году, то тогда же написана была и икона Богоматери Икономиссы, и на ней изображенъ былъ строитель сказаннаго придѣла Мартирій. Тогда же—я утверждаю—лаврскіе старцы и игуменъ ихъ Іосифъ признали и назвали Богоматерь экономкою своей обители, и рѣшили избирать изъ среды своей и ставить уже не эконома, а подъэконома: утверждаю же это по слѣдующимъ соображеніямъ. Во первыхъ Аѳонская лавра св. Аѳанасія, до паденія Греческаго царства въ 1453 году, постоянно имѣла своихъ экономовъ по уставу и завѣщанію основателя ея: что доказываютъ лаврскія дѣеписанія. Во вторыхъ, съ 1533 года, какъ повѣдано выше, посыпались въ Лавру деньги изъ Валахіи, Молдавіи, Россіи, и изъ святительскихъ кармановъ, а немного ранѣе 1578 года игуменъ лавры Іосифъ собиралъ подаянія христіанъ въ Константинополѣ на уплату долговъ сей обители и на обновленіе нѣкоторыхъ келлій, упавшихъ отъ ветхости *), и, какъ видно изъ надписей на воздвигнутыхъ имъ и при немъ зданіяхъ, былъ хозяинъ счастливый. Ибо во дни его Самосскій епископъ Мартирій пристроилъ къ Лаврскому собору Придѣлъ 40 мучениковъ, а Червенскій архіерей Паисій росписалъ его иждивеніемъ своимъ въ 1578 году, монахъ же Мисаилъ Лесбосецъ на свой счетъ построилъ въ Лаврѣ больницу съ двумя въ ней церквицами, во имя св. Безсребрениковъ и св. Нико-

---

*) Turcograecia Martini Crusii. L. IV. Epistolae ab anno 1548 usque ad annum 1580. pag. 342

лая чудотворца. Приливъ такихъ вспомоществованій лаврѣ, быть можетъ, неожиданный, понудилъ благоговѣйнаго игумена ея Іосифа и сподвижниковъ его приписать ихъ предстательству Богоматери, которая еще строителю лавры Аѳанасію въ видѣніи обѣщала хранить эту обитель его; и вотъ въ память сего предстательства установлено было въ 1578 году называть Богоматерь Икономиссою лавры, и была написана икона ея съ предстоящими предъ нею, епископомъ Мартиріемъ и св. Аѳанасіемъ, воспоминающимъ (на иконѣ) обѣщаніе Безневѣстной Дѣвы. Эту икону видѣли набожные поклонники и, руководимые полуграмотными Аѳонцами, разблаговѣстили, что еще Аѳанасій аѳонскій повелѣлъ признавать и называть Богоматерь Икономиссою лавры, и установилъ должность подъэконома. Извинимъ имъ эту напраслину, и обсудимъ другой предметъ, именно, чудесное изведеніе воды изъ утеса жезломъ Аѳанасія по велѣнію Богомамери.

Это чудо, сколько мнѣ извѣстно, оповѣщено было печатно тремя писателями, врачемъ Іоанномъ Комнинымъ въ 1701 году, нашимъ паломникомъ Барскимъ въ 1744 году и Макаріемъ Кидоніатомъ въ 1772 году. Въ оповѣщеніяхъ ихъ нѣтъ противорѣчій. Что касается до художественныхъ увѣковѣченій чуда, о которомъ идетъ рѣчь, то оно живописно изображено было въ 1719 году на стѣнѣ лаврской церкви Вратарницы и Икономиссы, и въ 1578 году на иконѣ Богоматери Икономиссы, о которой я повѣдалъ выше. Другихъ подобныхъ *Памятей*, болѣе древнихъ, я не нашелъ. А въ Житіяхъ преподобнаго Аѳанасія аѳонскаго и въ завѣщаніи, начертанномъ его рукою, нѣтъ ни слова о встрѣчѣ его съ Пресвятою Дѣвою у каменистаго утеса, и объ изведеніи изъ него воды прикосновеніемъ къ нему желѣзнаго жезла Аѳанасіева, а только вообще замѣчено въ Житіи его, „что сей преподобный „за богоугодное житіе свое и за великое почитаніе Приснодѣвы „и преславной Богородицы сподобился многократно видѣть ее „даже чувственными очами, какъ всегда созерцалъ ее очами духовными“. Однако эта замѣтка очень важна. Она помогаетъ мнѣ признать событіе у водотечнаго утеса Аѳонскаго, и объяснить его

надлежащимъ образомъ. Объясняю. Слушайте. Когда преподобный Аѳанасій подвизался на Аѳонѣ и началъ строить Лавру съ церковію въ октябрѣ мѣсяцѣ 963 года, тогда еще продолжалась величайшая дороговизна на все по случаю голода, начавшагося съ октября 962 года. (Theophan.) Не удивительно же, что онъ, еще прежде намѣревавшійся бѣжать съ Аѳона по причинѣ постигшей его вялости душевной, рѣшился и въ 963 дороговизненномъ году покинуть начатую постройку лавры, и побрелъ, куда задумалъ. Дошедши до того лѣсистаго и угрюмаго мѣста, о которомъ идетъ рѣчь, онъ остановился тутъ, и находясь въ необыкновенномъ возбужденномъ состояніи, увидѣлъ ликъ Богоматери и услышалъ обѣщаніе ея хранить начатую имъ церковь и повелѣніе воротиться назадъ. Это сверхъестестественное повелѣніе вызвало въ немъ естественное послушаніе. Аѳанасій возвратился, достроилъ Лавру, и впослѣдствіи облицовалъ камнемъ мѣсто оправдавшагося *видѣнія своего*, посвятивъ его Богоматери, и расчистивъ устье воды, струившейся тутъ изъ утеса. Это скромное дѣло не было записано въ Житіи его: но преданіе о немъ хранилось въ Лаврѣ, и въ 1578 году въ первый разъ увѣковѣчено было живописью на иконѣ Богоматери Икономиссы, а въ 1719 году на стѣнѣ притвора Церкви, посвященной ей, какъ Вратарницѣ и Икономиссѣ. Словоохотные же руководители поклонниковъ на Аѳонѣ, указывая имъ эту живопись, разглагольствовали о событіи у утеса, какъ водится, съ прикрасами, кои оповѣстили Комнинъ, Барскій и Макарій Кидоніатъ.

Преподобный Аѳанасій обстроилъ и освятилъ общеполезную водотечь, у которой видѣлъ Богоматерь. Но тутъ еще до появленія христіанства на Аѳонѣ стояло малое, придорожное капище, посвященное подательницѣ хлѣба богинѣ Димитрѣ, и разрушенное по велѣнію христіанскаго государя Ѳеодосія Великаго въ 379 году. Вспомнимъ же и эту миѳологію, и симъ воспоминаніемъ дополнимъ свѣдѣніе о мѣстности, которая занимаетъ насъ.

Вотъ надобный намъ Миѳъ. Димитра была дочь Крона и

ную дочь Димитры полюбилъ властитель Ада Плутонъ, и въ Сициліи заставши ее одну, когда она собирала цвѣты у горы Этны, похитилъ ее и увезъ въ свое подземное царство. Димитра же, нигдѣ не видя ее, весьма опечалилась, и разставшись съ прочими безсмертными богами и богинями, преобразилась въ смертную женщину, зажгла свѣтильники отъ огнедышущей горы Этны, и пошла по всей землѣ искать Персефону. Сперва она прибыла на островъ Керкиру, гдѣ жили Фэаки, и тутъ за утѣшеніе и угощеніе, какое получила отъ Ма́крины, кормилицы Діониса, научила Фэаковъ жать колосья серпомъ, выпрошеннымъ ею у Вулкана. Потомъ Димитра, побывавъ въ разныхъ мѣстахъ, пришла въ Аттическій городъ Елѐвсинъ, и сѣдши на одинъ утесъ была такъ печальна и угрюма, что самый утесъ этотъ въ послѣдствіи названъ былъ *печальнымъ* (ἀγέλαςος Πέτρα). Тутъ увидѣла ее мѣстная женщина, по имени Мисми, подошла къ ней, и послѣ усерднаго утѣшенія напоила ее, жаждущую отъ жара и усталости, прохладительнымъ пивомъ, составленнымъ изъ воды, ячменной муки и кикеόна. Сынъ этой Мисми Аскалавъ насмѣхался надъ Димитрою, но за то превращенъ былъ ею въ ящерицу. Это чудо оповѣстилось по всему городу: и всѣ узнали, что странница была богиня, и просили ее въ свои домы. Но она предпочла домъ Иппоѳоонта и гостепріимной жены его Метаниры. Здѣсь ее угостили и успокоили, а служанка Ямви, большая шутиха, потѣшала ее своими шуточками, прибауточками. За такое гостепріимство Димитра отблагодарила Елевсинцовъ тѣмъ, что установила въ ихъ городѣ совершеніе такихъ таинствъ, въ кои кто посвящаемъ былъ, тотъ сподоблялся чести божеской, а сына Иппоѳоонта и Метаниры Триптолема поставила Тайноводцомъ, и давъ ему всѣ сѣмена, научила его воспитывать и употреблять ихъ; потомъ посадила его въ свою колесницу, везомую двукрылыми драконами, и послала всюду учить всѣхъ земледѣлію. Послѣ сего она отправилась въ Пелопонесъ и остановилась въ Арголидскомъ городѣ Ерміонѣ, въ которомъ нахо-

къ аду знавшіе, что въ немъ дѣлается, первые увѣдомили Димитру, что дочь ея Персефона находится въ области Плутона и соцарствуетъ съ нимъ. Но она не повѣрила этому первому слуху, и желая удостовѣриться въ молвѣ, ушла оттуда и возвратилась въ Сицилію. Тамъ есть источникъ, называемый Арѳуса, изъ котораго вода древле текла въ греческую Аркадію, индѣ подъ землею, а индѣ близь адской рѣки Стикса. Этотъ источникъ повѣдалъ Димитрѣ, что Персефона дѣйствительно находится въ адѣ, и что самъ онъ видалъ ее въ царствѣ Плутона, когда протекалъ подлѣ ада. Тогда сія богиня, уже не сомнѣваясь болѣе, тотчасъ вознеслась на небо, и представъ предъ Зевеса, жаловалась ему на Плутона и просила наказать его, и возвратить ей дочь. Зевесъ хоть и много утѣшалъ ее, однако объявилъ ей рѣшеніе Судебъ (Μοιρῶν) кои опредѣлили, что если Персефона до похищенія ея ничего не съѣла въ адѣ, то пусть возвратится на небо, а ежели что нибудь вкусила, то пусть останется у Плутона. Учинено было изслѣдованіе объ этомъ; и оказалось, что она въ садахъ Плутона ѣла овощи. Узнавъ это Димитра опечалилась вельми. Но Зевесъ для утѣшенія ея рѣшилъ дѣло такъ, что Персефона шесть мѣсяцовъ должна оставаться въ аду, а другіе шесть жить съ матерію, и такимъ образомъ примирилъ Плутона и Димитру. Эта богиня въ указанное время взяла изъ ада дочь свою, которой сопутствовала богиня счастія и довольства Екатея, и на колесницѣ, несомой бѣлымм конями, доставила ее на небо. Здѣсь торжественно была отпразднована свадьба Плутона съ Персефоною: а Зевесъ на свадьбѣ подарилъ этой невѣстѣ всю Сицилію, такъ какъ тутъ случилось похищеніе и возвращеніе ея. Посему тамъ совершалось празднество въ честь Димитры и дочери ея, называемое *Анакалиптиріа—Открытіе.* Когда же Димитра отдохнула послѣ поисковъ своихъ, то захотѣла, чего желала. Въ то время жилъ-былъ герой Ясіонъ, сынъ Зевеса и Илектры. Его полюбила она, потому что онъ былъ лучше всѣхъ современниковъ своихъ, и родила отъ него *Плута-Богатство.*

Но Зевесъ по ревности убилъ сего героя молніею, а выросшему сыну его Плуту грозно приказалъ ходить только къ праведнымъ, мудрымъ и благо-устроеннымъ людямъ; однако спохватившись, какъ бы богатство не разслабило добродѣтели, ослѣпилъ его, дабы онъ не видѣлъ, кто добродѣтеленъ; ибо если бы богатѣли только одни добродѣтельные, то могло статься, иные начали бы притворяться добрыми, лишь бы пришло къ нимъ богатство. А такъ какъ Плутъ никого не видитъ, и ему рѣдко попадаются добродѣтельные, потому что ихъ мало, а чаще обстоятъ его порочные, то добродѣтель и остается бѣдною, но за то не сквернится лицемѣріемъ и корыстію.

Таковъ Миѳъ о Димитрѣ. А вотъ и объясненіе его физическое, религіозно-нравственное и историческое.

Физическое.—Димитра есть дочь Реи и Крона: пахатный тукъ есть наслоенное порожденіе земли и времени.—Отъ Зевеса Димитра родила дочь Персефону: при вліяніи свѣта и теплоты рождается въ полѣ хлѣбъ.—Персефону похищаетъ властитель ада Плутонъ, но Зевесъ освобождаетъ ее и отдаетъ Димитрѣ на шесть мѣсяцовъ: хлѣбное зерно падаетъ въ землю и тутъ лежитъ долго, потомъ выростаетъ и долго красуется подъ свѣтомъ божіимъ.—Персефону по выходѣ изъ ада провожаетъ Екатея: послѣ урожая бываетъ хозяйственное довольство и благополучіе, особенно тогда, когда Димитра сочетавается съ сыномъ Зевеса Ясіономъ, т. е. когда ясная погода на землѣ способствуетъ наилучшему плодородію нивъ.

Религіозно-нравственное. Растительная сила земли есть проявленіе всемогущества и благости Божіей. Отъ Бога—хлѣбъ: отъ него свѣтъ и теплота, такъ нужныя для обильнаго плодородія. Не велико богатство земледѣльцовъ, но за то у нихъ есть гостепріимство, безкорыстіе, добродѣтели, религія съ таинствами и съ вѣрою въ безсмертіе души по смерти тѣла: чему эмблемою служитъ оживленіе зерна послѣ умиранія его въ землѣ.

Историческое.—Въ изъясняемомъ мною Миѳѣ Персефона собираетъ цвѣты у огнедышущей горы Этны, и тутъ похищается Плутономъ. Съ этой же горы беретъ огонь и Димитра, и съ нимъ идетъ по разнымъ мѣстамъ, и вездѣ научаетъ людей земледѣлію. Въ этомъ миѳическомъ сказаніи скрывается историческая дѣйствительность. Раскрываю ее.—Было время, когда наша земля, неизвѣстно по какой причинѣ, вся покрылась льдами. Тогда люди сшили себѣ кожанныя ризы и сгустились около огнедышущихъ горъ, которыхъ весьма много на землѣ. Льды отъ подземнаго жара растаяли на низменностяхъ и произвели потопъ. А по прекращеніи его люди отъ огнедышущихъ горъ двинулись въ разныя мѣста для жительства, и взяли съ собою огонь, разныя сѣмена и всякое хлѣбное зерно. По указанію Миѳа нѣкоторые изъ нихъ перешли изъ Сициліи на острова Іонические, а оттуда въ Грецію и Пелопонесъ.

Миѳы—загадки, но мудреныя! Отгадывайте ихъ, и вы узнаете глубокія истины, и подивитесь древней мудрости, умѣвшей выдумывать дивные Миѳы. А я продолжаю рѣчь о Димитрѣ.

Эту богиню древніе вельми почитали за то, что она дала людямъ хлѣбъ насущный, и честили ее различными названіями сообразно съ своими понятіями о ней; напримѣръ: Сито̀ подательница жита; Юло̀ и Дио̀ производительница овса и ячменя, Хло́и родительница хвоя и зелени, Малофоросъ выращающая шерсть овечью, Хриса́оросъ златосерпная, Ало́а гуменная, Куротро́фосъ юнымъ кормилица, Мелэна черноодѣтая въ знакъ печали о потерѣ Персефоны, Ѳмолойя собирающая воедино. Супругъ ея Зевесъ назывался Ктисіосъ—стяжательнымъ. Статуя его ставилась въ новую кадушку (καδίσκος); и тутъ ее поливали водою и елеемъ, и осыпали разными плодами земли.

Въ честь Димитры и Персефоны древле совершались мно-

совершаемъ былъ повсюду, а второй только въ городѣ Аттики Елевсинѣ, въ которомъ Димитра научила голодающихъ жителей ѣсть спаржу вмѣсто жолудей; первый послѣ уборки хлѣба, второй же въ мѣсяцѣ Воэдроміонѣ—августѣ. Въ день Θалисій Еллины приносили Димитрѣ начатки плодовъ, просили ее, чтобы она и въ будущемъ году благословила ихъ изобиліемъ всѣхъ рождій земляныхъ, и на гумнахъ своихъ пѣли и плясали. А предъ праздникомъ Елевсинскимъ мущины постились и не познавали женъ своихъ, при совершеніи же самыхъ Таинствъ Елевсинскихъ, которыхъ никому не открывали посвященные въ эти таинства, давали обѣты цѣломудрія, и ударяли въ кимвалы и тимпаны по подражанію Димитрѣ, дѣлавшей тоже самое, когда она искала своей дочери, женщины же благородныя, катаясь на своихъ колесницахъ, перебранивались увеселительно и шуточно, укоряя другъ дружку поносными словами: отсюда у Грековъ образовалась поговорка, ὡς ἐκ δίφρου λαλεῖς —*какъ съ телеги говоришь*.

Димитру почитали и аθонскіе Еллины, жившіе въ тамошнихъ городахъ, Аθосѣ, Клеонахъ, Θиссѣ, Каріи, Діонѣ, Дафнѣ, Олофиксѣ и Аканθосѣ, Въ городѣ Діонѣ было у нихъ даже прорицалище этой богини, предсказывавшее имъ выздоровленіе, или смерть больныхъ. А на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ чествуются агіазма Аθанасія аθонскаго и Богоматерь, какъ Живоносный источникъ, чтима была Димитра Мелена—черная, которой молились особенно во время голода. Такъ я полагаю по слѣдующимъ соображеніямъ.—Большую часть аθонскихъ Еллиновъ составляли выходцы изъ Пелопонеса. Пришедши на Аθонъ, они назвали тутъ нѣкоторыя рѣчки, города и села именами Пелопонесскими: что доказано мною выше. Изъ Пелопонеса они принесли съ собою и почитаніе богинь, Морфо, Афродиты Мелэны, и Димитры Мелэны же, о которой снова начинаю рѣчь.—Въ Пелопонесской Аркадіи, близь города Фигаліи, у рѣки Неды находилась пещера Димитры Черной. Тутъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, уединялась эта богиня послѣ похищенія Персефоны. Скрытая отъ взоровъ боговъ и людей, *она попустила быть голоду на землѣ*. Тог-

да Панъ, который какъ ловчій ходилъ по сосѣднимъ горамъ, нашелъ ее въ черной одеждѣ и разсказалъ эту новость Зевесу. Зевесъ же послалъ къ ней *Судьбы* утѣшать ее; и онѣ успѣли укротить ея гнѣвъ и облегчить ея горе. А Фигалійцы въ самой пещерѣ этой поставили деревянную статую, которая представляла ее сидящею на камнѣ, въ одеждѣ черной, съ лошадинною головою и съ гривою изъ змѣй и разныхъ чудищъ, съ дельфиномъ на рукѣ правой и съ голубемъ въ рукѣ лѣвой. Понятна такая страшная эмблема. Аркадійцы часто терпѣли голодъ въ своей гористой и холодной области, и потому сознавали скорѣе гнѣвъ Димитры, чѣмъ щедроты ея. Такое же сознаніе имѣли и жители Аѳона, на которомъ не растетъ никакое хлѣбное зерно, и потому почитали Димитру Черную тамъ, гдѣ впослѣдствіи преподобный Аѳанасій аѳонскій остановился въ раздумьѣ и горѣ, когда былъ голодъ и когда ему нечѣмъ было кормить свою братію. Эта Аѳонская мѣстность живо напоминаетъ мѣстность Фигалійскую. Въ Фигаліи рѣка Неда между горными утесами течетъ въ одномъ мѣстѣ *подъ аркою естественною*: и на Аѳонѣ потокъ, струящійся изъ утеса, проходитъ подъ *аркою же*, только искуственною; и потому я смѣло называю его Недою. Тамъ Неда съ высоты низвергается *водопадомъ:* и здѣсь потокъ *падаетъ* въ незримую глубь по правую сторону дороги, если ѣхать изъ Лавры. Тамъ стояла страшная статуя Черной Димитры: и здѣсь была такая же статуя, пока не уничтожилъ ее указъ Ѳеодосія великаго (379 г.): потомъ ее замѣнила икона Богоматери съ парящими ангелами надъ головою вмѣсто змѣй и чудищъ, и съ Предвѣчнымъ Младенцемъ вмѣстѣ голубя. Тамъ Еллины у Димитры, какъ у своей икономиссы, просили изобилія плодовъ земныхъ: и здѣсь аѳонскіе монахи молятся Богоматери Икономиссѣ, и послѣ молитвы оставляютъ часть хлѣба и плодовъ для бѣдныхъ сиромахъ. Классическое же мѣсто видѣлъ я, и какъ классикъ (прозванный таковымъ еще въ Петербургской духовной академіи въ противоположность товарищамъ моимъ романтикамъ) оканчиваю описаніе

Μέγα ἐςὶ τὸ ἆθλον, ὑπὲρ θεῶν ἀκοῦσαι τὰ ὀρθὰ καὶ ἐγκρατεῖς γενέσθαι αὐτῶν.

Χρύσιππος.

Θεότητος ὄρεξίς ἐστιν ἡ τῆς ἀληθείας μάλιςα δὲ τῆς περὶ θεῶν ἔφεσις.

Πλούταρχος.

Χρηςέον δὲ τοῖς μύθοις, οὐχ' ὡς λόγοις πάμπαν οὖσιν, ἀλλὰ τὸ πρόσφορον ἑκάςου τὸ κατὰ τὴν ὁμοιότητα λαμβάνοντας.

Πλούταρχος.

Ὁ θεὸς διὰ τὴν τῶν πλανηθέντων σωτηρίαν ἐξέσχετο διὰ τούτων θεραπευθῆναι, δι' ὧν οἱ ἔξωθεν δαίμονας ἐθεράπευον, μικρὸν παραλλάξας αὐτά.

Ἰωάννης ὁ Χρυσόστομος.

Великое дѣло выслушивать правильныя понятія о богахъ и держаться этихъ понятій.

Хрисиппъ.

Божество ты любишь, когда желаешь знать истину наипаче о богахъ.

Плутархъ.

Надобно пользоватся Миѳами не вполнѣ, какъ гласятъ они, а изъ каждаго выбирать то, что пригодно.

Плутархъ.

Богъ для спасенія заблуждавшихъ благоволилъ допустить въ (христіанскомъ) богослуженіи нѣчто занятое изъ богослуженія языческаго, немного измѣнивъ это нѣчто.

Іоаннъ Златоустый.

Прощай агіазма св. Аѳанасія. Я ѣду къ другому классическому мѣсту, на которомъ нѣкогда обожаема была Венера Морфò, а впослѣдствіи стоялъ монастырь Амалфійскій.

Пріѣхалъ я туда, и тотчасъ осмотрѣлъ это мѣсто вокругъ. Что же оказалось? Оказались однѣ развалины названнаго монастыря, да и тѣ такія, что по нимъ нельзя составить яснаго понятія о расположеніи его. Ни основаній соборной церкви, ни линій монашескихъ келлій не видать: замѣтны только кой-какіе куски каменной ограды частію въ землѣ, частію выше поверхности ея, да малые остатки водопровода на каменныхъ устояхъ, по которому вода текла въ оную обитель съ какой либо ближней выси Аѳона. Уцѣлѣла одна высокая четвероугольная башня каменная. Входъ въ нее былъ запертъ: а отперѣть его некому было. Я осмотрѣлъ всѣ наружныя стороны ея, и не замѣтилъ на нихъ ни надписей и никакихъ изображеній. Не порадовали меня эти поиски мои, но за то возвеселила красота мѣста, такъ что я купилъ бы его у лавры и тутъ, неотмѣнно тутъ, постро-

илъ бы монастырь для моихъ соотечественниковъ. Отъ этого мѣста рукой подать до разливаннаго Эгейскаго моря. А какъ оборотишься отъ него лицомъ къ Аѳону, такъ залюбуешься живописными высотами и отрогами этой святой горы, и зелеными дубравами, кои тутъ вездѣ густятся. Это мѣсто омываетъ рѣчка, хоть и не широкая и не глубокая, но пригодная для содержанія водяной мельницы, которая и устроена въ устьѣ ея. Какова же историческая судьба этой мѣстности? Скажемъ и это.

Такъ какъ тутъ не было никакого города, то мѣстность эта, вѣроятно, принадлежала ближнему городу Клеонэ, замѣненному монастыремъ Филоѳея. На ней Цаконы, переселенные на Аѳонъ изъ Пелопонеса Македонскими царями, Филиппомъ и Александромъ, построили капище Афродитѣ Морфо, на подобіе капища города Спарты, въ верхнемъ ярусѣ башни, и тутъ кланялись этой богинѣ, закутанной покрываломъ и закованной въ цѣпь. Это капище уничтожено было послѣ утвержденія христіанства на Аѳонѣ между Еллинами и Цаконами. Но было ли оно замѣнено христіанскимъ храмомъ: это неизвѣстно, какъ неизвѣстна дальнѣйшая судьба Морфойской мѣстности до построенія на ней монастыря Итальянскими Амальфійцами во второй половинѣ десятаго вѣка при жизни Аѳанасія аѳонскаго. Но какъ объяснить появленіе такого иностраннаго монастыря на Аѳонѣ? Какъ могло статься, что жители и монахи италіанскаго города Амальфи вознамѣрились построить свой монастырь на отдаленной отъ нихъ св. горѣ? Рѣшить этотъ вопросъ нельзя безъ надлежащихъ свѣдѣній ог ородѣ Амалфи и о великой идеѣ, преобразившей монашескій Аѳонъ по начинанію св. Аѳанасія. Посему я признаю необходимымъ изложить эти свѣдѣнія прежде свѣдѣній о самомъ монастырѣ Амальфійскомъ.

Городъ Амальфи, нѣкогда построенный Греками въ южной Италіи, недалеко отъ Неаполя, на гористомъ склонѣ, омываемомъ водами Салернскаго залива, текущими изъ моря Тирренскаго, до

скому, а съ начала сего вѣка зависѣлъ отъ княжества Неаполитанскаго, въ началѣ же осьмаго столѣтія отдѣлился отъ сего княжества, и сталъ самостоятельнымъ городомъ подъ управленіемъ своего князя (Duci). Начиная съ 795 лѣта до 816-го года его собственный флотъ остановилъ вторженіе Сарацинъ въ Италію. Съ этого времени до конца славы и богатства Амальфи (до 1137 г.) Константинополь былъ средоточіемъ торговли и политики сего города. Въ этотъ кругъ времени Амальфійцы плавали по самымъ отдаленнымъ морямъ и имѣли обширнѣйшую торговлю. Ихъ морскія законоположенія (Tabulæ Amalfitanæ) были уважаемы всѣми купцами, которые плавали по средиземному морю. Въ 1010 году въ Амальфи уже находился общій морскій судъ. Въ 1048 году Амальфійцы построили въ Іерусалимѣ свою церковь, свой монастырь и свою больницу, которая впослѣдствіи послужила средоточіемъ ордена больничаровъ рыцарей—св. Іоанна Іерусалимскаго. Современникъ этихъ купцовъ *Гугліельмо ди Паліа* въ своей повѣсти „о Норманнахъ“ (XI вѣка) писалъ, что „городъ Амальфи полонъ людьми и богатствами, что никакой другой городъ не имѣетъ столько золота, серебра и всякихъ драгоцѣнностей, какъ онъ, и что многочисленные торговцы его содержатъ конторы свои во всѣхъ странахъ міра, и весьма хорошо знаютъ море и небо.“ Амальфійцу Флавію Джіойа (1302 г.) приписываютъ изобрѣтеніе компаса, хотя Китайцы употребляли его несравненно ранѣе, а Арабы еще въ концѣ 12 вѣка принесли его въ Европу. Въ 1039 году Амальфійцы оборонялись отъ Солернскаго князя Гваймара IV, а въ 1073 отъ Роберта Гискарда; въ 1131 поддались Рожеру Сицилійскому; въ 1135 и 7 годахъ Пизане окончательно сокрушили ихъ могущество. Тогда у нихъ было много колоній въ малой Азіи, Африкѣ и въ Византійскомъ царствѣ, а въ самомъ городѣ Амальфи считалось 50,000 жителей. (Нынѣ не болѣе 6,000). Не говорю ни объ уцѣлѣвшей въ немъ каѳедральной церквѣ св. апостола Андрея, замѣчательной по средневѣковому зодчеству ея, ни о капуцинскомъ монастырѣ (Canonica), который въ 1212 го-

рестностяхъ, гдѣ показываютъ множество древностей, начиная со временъ Силлы и Марія, Помпея и Цезаря, Тиверія и Нерона; не говорю о всемъ этомъ, и перелетѣвъ на Аѳонъ, становлюсь тутъ подлѣ преподобнаго Аѳанасія и именемъ его объявляю, что Амальфійцовъ, какъ и Грузинъ и Армянъ, какъ и Сербовъ и Болгаръ, привлекла на Аѳонъ, *великая идея* сего человѣка Божія и человѣка народнаго, *идея о совмѣщеніи всѣхъ народностей на этой горѣ подъ знаменемъ каѳолическаго Православія*, идея новая, громадная, увлекательная, душеспасительная. Ее знали Амальфійцы въ Константинополѣ, въ *этомъ средоточіи своей торговли и политики*, знали и послали на Аѳонъ къ Аѳанасію своихъ богомольцовъ.

Неизвѣстны мнѣ основатели Аѳоно-Амальфійской обители во имя Пресвятой Дѣвы Маріи. Но въ житіи онаго человѣка божія и народнаго упомянуто, что они однажды принесли ему въ подарокъ свѣжую икру (γάρος.).—Въ 1046 году уставомъ царя Константина Мономаха дозволено было этой обители „держать мач„товое судно и отправлять на немъ въ Константинополь произ„веденія монастырскія, а оттуда получать подаянія христолюб„цовъ".—Въ 1169 году монахъ пресвитеръ Ѳома авва киновіи святой Маріи Амальфійцовъ собственноручно подписалъ полатинѣ Протатскій актъ о передачѣ Россамъ монастыря св. великомученника Пантелеимона.—Вотъ все, что я теперь знаю объ этой киновіи, а узнаю ли больше, когда во второй разъ буду въ Лаврѣ, это покажетъ время.—

Правда, въ лаврскомъ Проскинитаріи 1772 года сказано, что Амальфійская обитель, по приговору Прота св. горы Іоанна іеромонаха и совѣтныхъ у него старцовъ, и по рѣшенію вселенскаго патріарха Алексѣя и царя Василія Порфиророднаго (слѣдовательно въ 1025 году) передана была со всѣмъ околоткомъ ея „новой святой лаврѣ святаго Аѳанасія *чудотворца*", дабы она не пришла въ послѣднее запустѣніе (εἰς ἐσχάτην ἐρήμωσιν.). Но я

го Проскинитарія, что въ Лаврѣ хранятся всѣ три акта оной передачи, т. е. приговоръ Протата, Сигилліонъ патріарха Алексѣя и хрисовулъ царя Василія, не довѣряю же вотъ почему. Во первыхъ, обитель Амальфійцовъ, какъ мы видѣли, существовала самостоятельно даже въ 1046 и 1169 годахъ, когда процвѣталъ и самый городъ Амальфи. Во вторыхъ, упомянутое въ приговорѣ Протата названіе Аѳанасія *чудотворцомъ* возбуждаетъ сомнѣніе въ подлинности сего акта. Въ третьихъ, въ описи границъ Амальфійской обители, какое сообщено въ Проскинитаріи 1772 года, слогъ и выраженія—*ἀπὸ τὴν Τρουλλωτὴν ἄνω ἐπ' εὐθείας, ἕως εἰς τὴν ρίζαν τοῦ μεγάλου βουνοῦ, καὶ γυρίζει κύκλῳ, καθὼς φαίνεται, καὶ ἕως τὸν ποταμὸν τὸν Καλλινίκου λεγόμενον ἔρχεται*—кажутся *новогреческими*, а не еллинскими.

Прислушиваясь къ нимъ, такъ и думаешь, что опись поддѣльно составлена была въ позднее время въ оправданіе захвата Амальфійской мѣстности Лаврою. Впрочемъ если я ошибаюсь, не видавъ вышеназванныхъ трехъ актовъ, то придется допустить, что Амальфійскій монастырь на Аѳонѣ послѣ основанія своего процвѣталъ лѣтъ сорокъ (970—1010 г.), а потомъ почему-то, напримѣръ съ 1010 года по 1025-й, пустѣлъ, и потому въ 1025 году переданъ былъ Лаврѣ, но предъ 1046 годомъ снова сдѣлался самостоятельнымъ Itaque sub judice futuro lis est.

Радуюсь, что удалось мнѣ воскресить память Аѳоно-Амальфійской обители, и съ неменьшею радостію начинаю говорить о монастырѣ Филоѳея въ который я прибылъ благополучно.

IX.

Мои занятія въ этомъ монастырѣ и свѣдѣнія о немъ.

23—29 Сентября.—У меня игуменъ—разумный порядокъ. Я весьма послушенъ ему; и вотъ по его приказанію въ седьмиднев-

ное пребываніе мое въ Филоѳейскомъ монастырѣ были исполнены мною всѣ послушанія: сперва осмотрѣно мѣсто его, потомъ наружное и внутреннее устройство его и соборнаго въ немъ храма и келлій; за тѣмъ списаны всѣ надписи, благоговѣйно почтены всѣ св. мощи и древняя икона Богоматери, разсмотрѣны рукописи въ книгохранилищѣ, и наконецъ перебѣлены замѣчательныя Дѣеписанія монастыря, и выслушаны разныя разности разговорныя. По этой послушнической программѣ излагается теперь все видѣнное и слышанное мною.

Мѣстность. Филоѳеевскаго монастыря вѣрно описана нашимъ Барскимъ. Передаю его описаніе. „Монастырь обрѣтается на мѣстѣ высокомъ, далече отъ пристани своей, юже имать при морѣ съ келліями и гостинницею, яко на часъ восхожденія; стоитъ же на мѣстѣ ровномъ, веселомъ и безмолвномъ, при водахъ текущихъ хладныхъ и здравыхъ, внутрь и внѣ монастыря сущихъ; имать же свою и мельницу водяную и сѣножать довольную окрестъ монастыря, и древесъ садовыхъ изобильно; лѣсомъ же прегустымъ отвсюду окружается, въ немъ же обрѣтаются различныя древа, наипаче же каштаны и эллаты, подобныя елямъ: ибо тамо хладъ великъ въ зимѣ и снѣги многи падаютъ; сего ради и древа сіи въ таковыхъ мѣстахъ любятъ рости. Можетъ же всякъ уразумѣти: каковы тамо зѣло толсты обрѣтаются древеса, яко во время моего тамо поклоненія въ гостинницѣ обрѣташеся отъ древа каштанова кругло вытесанный съ подножіемъ цѣлый столъ, его же оркуженіе обымаше седьмнадесять пядій.“

Съ такою же вѣрностію описано Барскимъ наружное и внутреннее устройство монастыря, о которомъ идетъ рѣчь. „Монастырь сей есть четвероуголенъ. Стѣна восточная есть высшая всѣхъ стѣнъ, и до пяти ярусовъ имать, и келліи едины на другихъ стоящія, идѣже и врата монастырскія желѣзныя едины сзади алтаря церковнаго. Пирговъ (башенъ) не имать, точію единъ при вратѣхъ; келіи же имать отъ двухъ и до трехъ стѣнъ, едины на другихъ тѣмъжде образомъ, якоже и въ лаврѣ, зданны. Ктиторы, или здатели монастыря сего суть три: *Арсеній*, *Фило-*

ѳей и Діонисій, иже на Олимпѣ горѣ созда обитель, иже зряхуся тогда изображены въ паперти великаго храма, послѣди же въ седьмитысячномъ году отъ Адама (невѣрно! въ 7048=1540 г.) царь Кахетинскій, си есть Грузинскій, Леонтій и сынъ его Александръ своимъ иждивеніемъ обновиша изряднѣе, и трапезу въ немъ создаша великую и красную предъ церковью въ стѣнѣ западной съ великими окнами и преграды желѣзными, и иконописаша ю всю, идѣже зрятся и сами ихъ живописаннны иконы (портреты). Недалече же монастыря на странѣ сѣверной церковь мала съ гробницею (усыпальницею), идѣже погребаются иноци“.

А вотъ и мое описаніе Филоѳеевскаго монастыря. Онъ построенъ на равнинной выси Аѳона немного ниже хребта его: граничитъ же, къ сѣверу, съ рѣчкою Милопотамосъ, которая течетъ въ глубокомъ ущеліи и впадаетъ въ ближнее море, къ югу, съ околоткомъ Каракальской обители, къ востоку съ берегомъ моря, а къ западу съ горнымъ хребтомъ. Четвеpосторонникъ его—не великъ, не обширенъ. Зданія въ немъ, по линіямъ восточной и южной, выше зданій, тянущихся по линіямъ сѣверной и западной. На линіи восточной въ пятомъ самомъ верхнемъ ярусѣ помѣщены архондарики, т. е. горницы для богомольцовъ, а въ прочихъ четырехъ ярусахъ, тутъ же, келлій нѣтъ, а вѣроятно, есть кладовыя клѣти. На линіи западной построена братская трапеза. На линіяхъ сѣверной и южной расположены монашескія келліи, тѣсныя, несвѣтлыя и неопрятныя. Я жилъ въ пятомъ этажѣ, но едва не задохся отъ какой-то протухлой вяленой рыбы.—Въ срединѣ четырesторонника стоитъ соборная церковь Благовѣщенія Пресвятой Дѣвы Маріи. По обѣ стороны паперти ея устроены два малые Придѣла съ алтарями. Такъ называемые Параклисы (малые храмы подлѣ монашескихъ келлій) находятся: 1) св. Николая между архондариками, 2) Св. Пророка Иліи въ сѣверной части монастыря, 3) Іоанна Златоустаго въ сѣверозападномъ углу, и 4) св. мученицы Марины въ колокольнѣ. Внѣ монастыря есть двѣ церкви, кладбищная, и маленькая, въ память рождества Богородицы надъ Милопотамомъ въ челѣ утеса.

Барскій въ Филоѳеевскомъ монастырѣ видѣлъ Соборный храмъ древнѣйшій, (сломанный и вновь окончательно построенный въ 1765 году) и описалъ его подробно. Описаніе этой древности необходимо нужно для сопоставленія его съ дѣловыми актами монастырскими, какіе читалъ я; и потому я охотно помѣщаю его здѣсь.—„Храмъ не оловомъ покровенъ, якоже въ инныхъ монастыряхъ, но каменными дщицами (черепицею), якоже и келліи, и не имать ни единой главы, круговиднымъ древомъ въ долготу и вверьху затвержденъ, таже каменемъ покровенъ; (разумѣется крыша круглая на подобіе свода) *созданъ же издревле отъ самыхъ плинѳъ, кромѣ каменя* (безъ тесаннаго каменя) *и, якоже повѣствуется и отъ зрака ветхости познаваетса, еще отъ древнихъ христіанъ, прежде населенія тамо иноческаго обитающихъ*. Таже по запустѣніи мѣста стояше и храмъ оный пустъ даже до предрѣченныхъ оныхъ трехъ ктиторовъ: утвержденъ же есть на четырехъ столпахъ круглозданныхъ и отъ простыхъ мраморовъ кромѣ (безъ) украшенія; подножіе имать помощенно; разсѣдесе же на многихъ мѣстѣхъ и *готовъ бяше къ паденію*: но не имѣяху силы убогіе иноцы инаго воздвигнути. Храмъ сей не крестообразенъ есть, но простъ, четвероуголенъ; имать же папертей двѣ, по два столпа зданна имущихъ; внѣшняя паперть имѣетъ два входа, внутренняя же входъ единъ и кромѣ тѣхъ преддверіе: въ немъ точится источникъ воды зѣло здравой и хладной; таможде совокупно и студенецъ обрѣтается. Надъ папертію же часы великіе висяху, обще ударяющіе. Предъ церковію же абіе восходы каменные къ трапезѣ; и тамо недалече, мало на сѣверъ,—больница и старопитательница. Трапеза же довольно зданіемъ есть пространна и трапезъ, или столовъ имать много: отъ нихъ суть каменныхъ седьмь, прочіе же деревянные".—

Этотъ храмъ сломанъ былъ въ 1746 году, и на мѣстѣ его съ самыхъ основаній воздвигнутъ нынѣшній храмъ съ колокольнею, покрытый свинцовыми листами и расписанный. Постройка его продолжалась съ 1746 года по 1765. Расписанъ же онъ въ 1752

году; а въ сѣверномъ придѣлѣ его стѣнная живопись произведена въ 1776 году. Все это высказали мнѣ тамошнія надписи.

Въ Филоѳеевскомъ соборѣ я прикладывался къ частицѣ Животворящаго древа, подаренной Сербскимъ царемъ Стефаномъ въ 1347 году, какъ гласитъ надпись на дорогомъ окладѣ ея внизу, къ кисти правой руки св. Іоанна Златоустаго, данной Греческимъ царемъ Ѳеодосіемъ Младшимъ въ 447 году, который вычеканенъ на серебренопозлащенномъ окладѣ ея, и къ частицѣ ножки св. великомученика Пантелеимона, пожалованной царемъ Константиномъ Палеологомъ (1448—1453 г.) Окладъ ея очень хорошъ.

Кромѣ этихъ святынь тамъ чествуется чудотворная икона Богоматери, называемой въ видѣнныхъ мною *надписяхъ* то Гликофилуса—*Сладкоцѣлующая,* то евангелистріа—*Благовѣстительная.* Она приставлена къ колоннѣ у лѣваго клироса. Есть рукописное сказаніе о ней; но я вкратцѣ помѣщаю его ниже, а здѣсь кстати даю мѣсто моимъ свѣдѣніямъ и моему мнѣнію объ евангелистѣ Лукѣ, написавшемъ (будто бы) 73 иконы Богоматери, и въ числѣ ихъ Филоѳеевскую.

Сколько мнѣ извѣстно: греческій монахъ Михаилъ, ученикъ св. Ѳеодора Студита, *первый* упомянулъ въ житіи своего учителя, скончавшагося въ 826 году, что св. Лука написалъ прекрасный образъ Господа и Спаса нашего І. Христа *). Послѣ него это повторилъ извѣстный Четь-минейщикъ Симеонъ Метафрастъ (936 г.) О сынѣ англійскаго короля Вильгельма завоевателя, Вильгельмѣ рыжемъ (1087—1100 года) извѣстно, чта онъ клялся *святымъ образомъ Луки,* per sanctum vultum de Luca **). Ѳома Аквинатъ († 1274 г.) въ своихъ богословскихъ вопросахъ (pars III. 35. art. 3. 4.) утверждалъ, что образъ Христа, находящійся въ Латеранской Капеллѣ, Scala santa, написанъ былъ евангелистомъ Лукою. А папа Григорій IX въ 1234 году подъ этимъ образомъ подписалъ: Hoc in Sacello Saluatoris nostri effigies, a beato Lu-

*) Vita Theodor. Studiti. in opp. v. 44. ed. Sirmond.

**) Eadmerus in act. SS. 21 apr. p. 898.

ca depicta, veneratione tam debita quam devota custoditur. *)— *т. е. въ семъ придѣлѣ образъ Спасителя нашего, написанный блаженнымъ Лукою, стережется благоговѣніемъ достодолжнымъ и набожнымъ.*

Въ 13 вѣкѣ живописцы въ Римѣ и въ другихъ Италіанскихъ городахъ учредили братство, почитавшее св. евангелиста Луку своимъ покровителемъ. (Fiorillo geschich. der zeichn. Künste). Подобное братство составилось въ Чешской Прагѣ въ 1348 году въ царствованіе Карла IV. Въ четырнадцатомъ столѣтіи Константинопольскій пресвитеръ Никифоръ Каллистъ въ своей церковной исторіи (L. II. c. 43. L. XIV, c. 13. L. XV, c. 14) оповѣстилъ, что евангелистъ Лука былъ отличный живописецъ, и что онъ написалъ иконы I. Христа, Маріи и апостоловъ. Въ нашемъ богоспасаемомъ отечествѣ показываютъ три Богоматернія иконы сего евангелиста, Владимірскую, Смоленскую—Одигитрію, и Филермскую.

Такъ. Но полно такъ ли? О, Господи, прости мое сомнѣніе.. А сомнѣваюсь и, не какъ другіе, понимаю и толкую древнее преданіе о св. Лукѣ, яко живописцѣ.

Вотъ подмоги моего сомнѣнія. Во всѣхъ предисловіяхъ, древнѣйшихъ рукописныхъ и напечатанныхъ при евангеліи Луки, онъ называется врачемъ, а не иконописцомъ. Объ иконахъ его тутъ нѣтъ ни слова. Это вѣрно. А если вѣрно, то и сомнѣніе мое право, сильно и неотразимо.—Церковный историкъ Евсевій († 340), упомянувшій о нерукотворенномъ образѣ Спаса, не пославшій сестрѣ Константина великаго иконы I. Христа не смотря на просьбу ея, присовѣтовавшій ей читать евангеліе и въ немъ находить образъ Богочеловѣка, не проронилъ ни полъслова объ иконахъ евангелиста Луки. Не вѣдали ихъ и прочіе древніе историки, Сократъ, Созоменъ, Евагрій. Никакого намека на нихъ нѣтъ и у древнихъ Отцовъ Церкви, до девятаго вѣка, хотя они и упоминали часто о пресвятой Дѣвѣ Маріи. Въ рукописяхъ 12 и 13

вѣковъ читалъ я замѣтку о сказанномъ евангелистѣ: *„говорятъ, φασί, что онъ написалъ икону І. Христа и Его Матери“*. Глаголъ, *говорятъ*, внушаетъ недовѣрчивость къ молвѣ. Мало ли что говорятъ? Но не всякому говору, не всякой молвѣ вѣрить должно. Напримѣръ: въ осьмомъ столѣтіи разсказывалась легенда, что Никодимъ, тотъ самый, который ночью приходилъ къ І. Христу слушать Его ученіе и который принималъ дѣятельное участіе въ погребеніи Его (Іоанн. III, 2. XIX, 39), былъ рѣзчикъ и изъ дерева сдѣлалъ ликъ Христа по подобію образа Его, отпечатлѣвшагося на убрусѣ Вероники *); Но такое рукодѣліе было необычно у Іудеевъ, и даже запрещено весьма строго. По этой же причинѣ не заслуживаетъ вниманія и другая легенда, будто этотъ Никодимъ началъ-было изображать на полотнѣ образъ Христа, висѣвшаго на крестѣ, и что когда изображеніе это не удавалось ему, тогда ангелъ взялъ у него кисть и написалъ вѣрный ликъ Распятаго **).—Въ собраніи легендъ, которое составилъ Іаковъ де-Ворагине, († 1298 г.) 156 глава гласитъ о св. Лукѣ евангелистѣ, de sancto Luca Evangelista; но тутъ нѣтъ ни слова ни о живописномъ искуствѣ его, ни о написанныхъ имъ, будто-бы, иконахъ.

Итакъ не существовалъ ли другой какой либо живописецъ, по имени Лука и по прозванію Евангелистисъ? и народная молва въ средніе полутемные вѣка не смѣшала ли его съ общеизвѣстнымъ евангелистомъ Лукою, который однако не былъ живописцомъ? Вѣдь: былъ же, напримѣръ, у насъ бояринъ Муравьевъ прозываемый *апостолъ*, хотя онъ и не происходилъ отъ св. апостоловъ. Меня во всѣхъ путешествіяхъ моихъ по св. землѣ (1844 г.) провожалъ и охранялъ кавасъ Іерусалимской патріархіи *Апостоли* такъ же не изъ потомства апостоловъ. У насъ дается прозваніе Благовѣщенскій: и Греки по своему прозываютъ иныхъ, Евангелистисъ, Евангелистріа.

*) Reiske de imagin. 1685 p. 134—148.

**) Max. Missons Reisewerk v. Deutschl. und Italien. Seit 904.

Итакъ,—повторяю—на былъ ли другой Лука живописецъ, прозываемый *Евангелистъ?* Извѣстенъ мнѣ этотъ другой Лука живописецъ, и я воскрешаю память его любопытства ради. Въ 1175 году упомянулъ о немъ нѣмецъ Вернеръ Нижнерейнскій (Wernher vom Niederrhein geistliche Dichter) упомянулъ въ своей милой легендѣ о Вероникѣ *). Передаю эту легенду его. „Вероника есть вѣрная послѣдовательница Христа. Когда она смотритъ на лице его, тогда бываетъ исполнена радостію. Она приноситъ полотно *нѣкоему мастеру* Лукѣ (der meister einer) и настойчиво проситъ его, чтобы онъ написалъ ей ликъ Господа. Лука обѣщается ей написать его, но такимъ, какимъ увидитъ его въ день написанія. (Значитъ: ликъ Христа измѣнялся). Ликъ готовъ. Лука радуется и думаетъ: мнѣ удалось. Онъ и Вероника, оба идутъ и ищутъ Спасителя. Но какъ только увидѣлъ Его Лука, замѣтилъ, что ликъ у Него совсѣмъ другой, какъ будто онъ никогда не видалъ Господа. Оба удивляются. Вероника плачетъ. Лука утѣшаетъ ее обѣщаніемъ написать другой ликъ. Но это не удается ему еще болѣе. Онъ пытается въ третій разъ, но опять напрасно. Тогда Богъ услышалъ мольбу жены. Увидѣлъ обоихъ Спаситель и сказалъ: „Лука! Ты и добрая жена Вероника, оба вы мнѣ по сердцу; но если я не помогу, то искусство твое тщетно. Лице мое видитъ и знаетъ только Тотъ, Кто послалъ меня“. Потомъ сказалъ Веронвкѣ: „Иди домой, взявъ этотъ убрусъ свой, и приготовь мнѣ кое что снѣдное. Я сегодня буду у тебя“. Весело спѣшитъ Вероника въ домъ свой и готовитъ необходимое. А вотъ и Сынъ Божій приходитъ къ ней, спрашиваетъ воды и умывается. Затѣмъ беретъ полотно, которое подала Ему Вероника, чтобы утереться. Онъ прижимаетъ его къ своему Лицу; и на немъ отпечатлѣвается ликъ Его. Потомъ Онъ говоритъ Вероникѣ: „Это мнѣ легко, а тебѣ придастъ великую силу, друзьямъ же твоимъ будетъ на пользу. Знаменія совершатся, когда болѣе не увидятъ меня здѣсь“. (И дѣйствительно это было. Вероника этимъ уб-

---

*) Wilh. Grimm. S. 127—137.

русомъ творила чудеса, даже исцѣлила императора Веспасіана). Такова семисотлѣтняя легенда. Ею легко мирится старинное и повсемѣстное преданіе о евангелистѣ Лукѣ *живописцѣ* съ молчаніемъ церковныхъ историковъ и отцовъ церкви о *живописномъ искуствѣ* богодухновеннаго евангелиста Луки, написавшаго не образъ Маріи или Христа, а евангеліе. Этотъ Лука не былъ живописцемъ, и потому никто изъ древнихъ не говорилъ о написаніи имъ иконъ: а тотъ Лука писалъ портреты, и изобразилъ ликъ Христовъ; и потому среди христіанъ остался памятенъ, какъ живописецъ. Многіе смѣшивали его съ первымъ Лукою: а отецъ Вернеръ Нижнерейнскій не смѣшалъ и назвалъ его *мастеромъ*, а не евангелистомъ.—Но какъ бы то ни было, а я, по требованію здравой критики, этому Вернеру, какъ *единому и единственному* и притомъ нераннему свидѣтелю, не довѣряю тѣмъ болѣе, что онъ писалъ поэтическую легенду, а не исторію, и преданіе о святомъ Лукѣ написавшемъ евангеліе, *какъ о живописцѣ*, объясняю иначе, и вотъ какъ. Дѣйствительно этотъ Лука живо изобразилъ Пресвятую Дѣву Марію, но не на доскѣ, а въ своемъ евангеліи, и не красками и не мусіею, а боговдохновенными словами. Читайте внимательно все, что онъ благовѣствовалъ о Ней: вы назовете его живописцомъ душевной красоты и внутренняго величія Ея. Въ евангеліи и въ апостольскихъ Дѣяніяхъ его превосходно, не подражаемо, начертаны образы и Христа, и апостоловъ Его. И такъ преданіе о немъ, какъ о живописцѣ, справедливо. Дѣйствительно, онъ живописецъ, но безъ кисти, а съ писчею тростію, которую руководилъ Духъ Божій, освятившій Марію въ часъ благовѣщенія ей Архангела Гавріила. Согласно съ его евангельскимъ начертаніемъ образа пресвятой Маріи разумные и благоговѣйные живописцы изъ христіанъ, ранѣе четвертаго вѣка христіанскаго и послѣ, стали писать иконы ея, и называть ихъ иконами евангелиста Луки; и справедливо! ибо не они изобрѣли идеалъ ея, а *онъ* выразилъ его въ своемъ евангеліи. Они только нарисовали одежду ея, точь въ точь такую, какую она носила, и какую по нынѣ носятъ Виѳлеемитянки. Не тѣ одни—живописцы, которые

красками рисуютъ лица и всякія картины, а и тѣ, у которыхъ рѣчи картинны.

Еще одно слово; и художественное разсужденіе мое кончено.—Думаю, что древніе живописцы христіанскіе называли иконы Христа, Маріи и апостоловъ, написанныя ими такъ, какъ онѣ пишутся для нашихъ церквей, называли иконами евангелиста Луки для отличія ихъ отъ подобныхъ иконъ, кои имѣли еретики *), писавшіе ихъ *по своему*, а не по начертаніямъ, какія даны этимъ евангелистомъ. Такъ напр. одинъ живописецъ въ 463 году написалъ І. Христа по образцу Юпитера Олимпійскаго, и за то былъ свыше наказанъ разслабленіемъ руки, но исцѣленъ молитвами Константинопольскаго патріарха Геннадія.

Иконы сравниваются съ поучительными книгами. Сравненіе вѣрно. Но между тѣми и другими есть и разница. Предъ первыми молишься, а вторыя только читаешь. Тѣ стоятъ въ церкви, а эти лежатъ въ книгохранилищѣ. Иконы освѣщаются лампадками, а книги сами изъ себя свѣтятъ, однако не всѣ ясно и радужно.

Такъ въ Филоѳеевскомъ книгохранилищѣ видѣлъ я немало греческихъ книгъ печатныхъ и рукописныхъ, но не извлекъ изъ нихъ ничего новаго, однако въ дневникѣ своемъ озаглавилъ тѣ рукописи, кои показались мнѣ наилучшими. Въ числѣ ихъ самыя дорогія для меня, Славянина, были двѣ рукописи Славянскія, именно, Номоканонъ и Патерикъ на бумагѣ въ осьмую долю листа, 14 вѣка. Ихъ подарилъ мнѣ добрый настоятель монастыря; и потому я, пользуясь досугомъ, помѣщаю здѣсь нѣсколько выписокъ изъ нихъ ради ученаго любопытства и познанія старо-Славянскаго языка и правописанія.

Выписки изъ Номоканона.

Пакы се заповѣди ины ѿ законныихъ книгъ. Й сѣродьстви

---

*) Послѣдователи Симона волхва, Карпократіанъ, Гермогенъ гностическій Философъ, обличенный Тертуліаномъ.

и ѡ҆ запрѣщенныихъ брацѣхъ: И о различныихъ степенехъ рода. ихже подобаетъ блюсти ѿ ст҃го кр҃щеніа. и ѿ еже по плъти кръве. въкоупѣ же и о брачныихъ рождакохъ:—Это писано кинонарью.

Сърожъство имя естъ, и г҃лется въ ч҃лцѣхъ. раздѣлѣетъ же ся въ чины трі. на вышнее, и на нижнее, и на посрѣднее. и вышніи сѫтъ, родившеи и раждаѫщеи. сирѣчъ, ѡ҃цъ. дѣдове, бабы. а нижніи сѫтъ, рожденнии ѿ насъ, сирѣчъ, с҃нове. дъщерѧ. вн8ци. и вноукы. а посрѣдніи сѫтъ, еже ꙗвѣ рещи ꙗкы ѿ едины страны намъ дръжѫщи родъ. сирѣчъ, братіа и сестры и ѿ нихъ сѫщеи. Три же сѫтъ прѣдѣли и чинове възбранѣѫщеи въ брацѣ рождачъскаго лица:

Единъ чинъ и прѣдѣлъ пръвыи еже ѿ ст҃го и сп҃сителнаго кръщеніа: † Дроугыи чинъ и прѣдѣлъ, еже на лице ꙗвѣ знаѫщихся по плъти кръве рѡдства † Третіи чинъ прѣдѣлъ еже ѿ брачнаго родъства знаѫщихся, сирѣчъ соугоубыхъ сватовъ, пръвыихъ, вторыихъ, и третіихъ. имѧтъ же сихъ степене и прѣдѣли и нрави, различіа многа. и опасна изтѧзаніа. ихъ же подобаетъ намъ хрістіаномъ истинныимъ ѕѣло ѡ҆пасно истѧзовати ѡ҆ брацѣхъ. и ѿнѫдь до конца никакоже обрѣстися нименшаго степене родоу. Ти тогда съвръшатися бракоу хрістіанъскоу. ꙗкоже есть лѣпо рабомъ б҃жіемъ быти. и б҃лвен8 быти б҃омъ такоромоу бракоу. или писаніемъ или и без писаніа. тъчіѫ по свѣдѣтельствоу многыхъ свѣдѣтеліи. и мѫжемъ сѫщемъ и женамъ въ свѣдѣтелъство. Мѫж8 же сѫщоу лѣтъ е҃і, тако въ бракъ въводится. а женѣ сѫщи лѣтъ в҃і, тако и сіа бракоу да въводится. по изволеніоу же и по хотѣніоу родителіи своихъ да и съпряженіе бѫдетъ по свѣдѣтелъств8 многоу, и благословеніемъ: †

† О възбраненіихъ: †

И еже оубо възбранѣетсѧ ѿ ст҃го крщеніа, сѫтъ си. Кръстителъ ѿ своѫ дъщере кръщенноѫ, и ѿ м҃тре еѫ, и ѿ сестръ тоѫ дщере кръщенныѫ. а прочіи рождаци м҃тре и о҃ца тако-

выѫ дъщере, не възбранѣѫтся къ рождакомъ кръстниковѣмь женітися: † Аще кто кръститъ кръстникъ ѡтроковицѫ. и потомъ възметъ ѫ невѣстѫ на сна своего, да разлѫчятся таковіи. и съвѣщавшеи се родителе, да ѿлѫчятся покаатися: †

Степенъ пръвыи.

Слыши и оувѣждъ. ꙗко оцъ къ сноу. и снъ къ ѿцоу, пръвомоу сѫтъ степени. ꙗкоже бы пръвы степенъ рожденіа. а дѣдъ къ внoукоу, второмоу сѫтъ степени. ꙗкоже бы пръвыи степенъ рожденіа. а дѣдъ къ внокоу второму степени. ꙗкоже бы степенъ рожденіа. Подобно же и братоу своемꙋ братъ, второму же сѫтъ степени, ꙗкоже сѫтъ и си двѣ степенѣ. рожьства бо наричятся степене. Аще бо кто въпроситъ тя гля. оцъ твои коего ти есть степене. рѫци, пръваго. роди бо мя оцъ мои и бысть се пръвое рожденіе, и се пръвыи степень. Аще ли речетъ ти, ꙗко дѣдъ твои, коего ти есть степене. рѫци емꙋ, втораго. дѣдъ бо мои родилъ есть оца моего. и се единъ степень. а оцъ мои роди мене, и се ест пръвыи степень, а второе рожденіе. Тѣмже второмꙋ степени есть ми дѣдъ мои. ꙗко же ꙗвѣ речемъ. начъни оубо лѣствицѫ взходити. и хощеши настѫпити пръвыи степень. и се есть еже глемъ оца пръвыи степень. и потомъ ѿ пръваго степене взстѫпиши идыи горѣ выше на вторыи степень. и о семъ глемъ. есть вторыи степенъ дѣдъ мои. Аще ли речетъ ти. а братіа твоа коего ти сѫтъ степене. рѫци емоу. ꙗко и си втораго ми сѫтъ степене. мене бо родилъ есть оцъ мои. и бы пръвыи степень едино рожденіе. и тако роди брата ми, и се два степенѣ. подобно же и пръвіи братоу чяди по познаніоу сродьства, степене четврътаго сѫть. имже не подобаетъ нижѐ достоитъ въ бракъ събирати ихъ. Также же и чяда пръвыихъ братоучядъ, втори сѫще братꙋ чяди, шестаго степене сѫтъ. и нижѐ симъ подобаетъ женитися дроугъ къ дроугоу. ащели же и прилоучится быти семꙋ бракꙋ. повелѣваеть законъ, да разлѫчятся и паче да покаѫтся. Також де же и чяда вторыихъ братоучядъ, сѫтъ третіи братꙋчяди. и сѫть осмаго степене. и нижѐ симъ достоитъ

възематися бракоу. аще липрилучится таковомоу бракоу быти ѿ невѣдѣнїа, или нѣкоеѫ вещїѫ недѡвѣдомоѫ. то да не разлѫчатся уже, нѫ да прѣбываѫтъ. ѡбаче подобаетъ симъ и ѿ таковѣмъ грѣсѣ и попещися милостынеѫ и постомъ. а безъневолнымъ полоученїемъ, да вьнимается семоу никакоже быти и пр. и пр.

А се о различныихъ рождакохъ:

Еже ѿ брачнаго сродъства знаемыихъ рождакъ есть се. аще кто пойметъ женѫ вдовѫ, и иматъ та жена дъщере ѿ иного мѫжа, есть и семоу дщи ꙗко же и женѣ тои. и подобаетъ ему блюстися ѿ неѫ ѕѣло ꙗко ѿ сѫщыѫ своѫ дъщере. Сице же и свекры ѿ жены сна своего. и снъ ѿ мащехы своеѫ. и дѣверь ѿ жены брата своего и шоурѣ:

Снъ страхомъ велицѣмъ да взираетъ на лице мтре своеѫ. и чъсть да въздаетъ еи въсегда: †

И оцъ да вънимаетъ себѣ о възорѣ дъщере своеѫ, и да блюдется. такожде и братїа ѿ своихъ сестръ да вънимаѫтъ себѣ: †

Іереи аще дѣвъствуетъ, то да не иматъ въ дому своемъ никакоѫже женѫ. ни чюждѫ себѣ ни рождаквѫ. тъчїѫ мтре и сестрѫ или дъщере. Аще ли ѿ невѣдѣнїа се сътворитъ, то да кажется ѿ епископа и прочїихъ клирикъ и да ѿженетъ ѿ дома своего ѡнѫ женѫ....

Епископъ аще безъ повелѣнїа патрїархова или митрополитова прѣидетъ ѿ своѫ енорїѫ на дроуга, творящи попы или дїаконы, да извръжется: †

Аще кто оукрадетъ члка нѣчїего или дѣтя нѣчїе и продастъ и рѫцѣ емоу да ѿсѣкѫтся:—

Опивыся и изблъвавы мирскыи члкъ, да сътворитъ безъ причященїа д҃ дни.

Аще жена ѿ нерадениꙗ своего испакоститъ дѣтя свое. сирѣчъ, аще въпаднетъ въ нѣкыи недѫгъ злъ, лѣто едно да покается. поклонъ н҃: †

Жена ѡбаваѫщиꙗ тоуждихъ, да покается лѣтъ д҃. поклонъ ф҃.

Жена ѡтравница до скончанїа живота своего да кается. поклонъ тьмѫ: †

Вѣщица аще покается. лѣтъ д҃. поклонъ ф҃.

Жена аще пoиметъ дрѣво на іереа и на левита, или оударитъ его. лѣтъ ѕ҃. поклонъ т҃: †

Заповѣдь с҃тыхъ о҃цъ:—

Аще епископъ. или попъ, или діакъ или причястникъ с҃щенія. ꙗстъ кръвь мяса мѣсто. или звѣрь ꙗстъ, или мръцина. да извръжется сана сего. бо законъ ѿтрече:

Епископъ или діакъ. тавліами играѫ. или ѹпиваѫся, да ся оставитъ, или да ся извръжетъ сана: †

Всѣкъ попъ двоеженецъ, да нѣсть попъ. л҃ѕ лѣтъ да ся не комкуетъ. тъкмо на паскѫ, покланѣѫся р҃, и г҃и помилоуи зовы: †

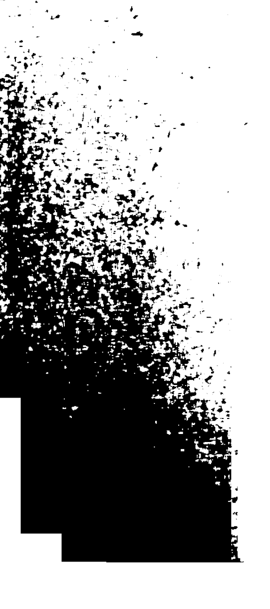
Не ꙗсти мыша. вѣверицꙗ. плха. медвѣдѣ. вранѫ. галицѹ, и прочее симъ подобно.

Повелѣваемь ч҃лкомъ миръскыимъ прѣзь весь по҃ рожъства х҃ва и постъ с҃тыхъ а҃плъ, не ꙗсти мяса, ни сыра. а мнихомъ, не ꙗсти сыра и ꙗець. также и с҃тыѫ б҃цѫ по҃. А великыи по҃, прости ч҃лци, с҃ѫ и н҃е рыбѫ. а мниси с҃ѫ и н҃е масло и вино....

Выписки изъ Патерика.

Повѣсти с҃тхъ ѿцъ:

Пришьшимъ намъ въ селевкіѫ иже къ антіохіи и бесѣдовахѡмъ аввѣ Ѳеѡ҃ру еп҃оу того града селеукіискаго. и повѣда намъ г҃ля. ꙗко б҃ы при блаженѣмь діѡнисіи иже прѣвѣе мене еп҃оу сего града, сицевое. мѫжь нѣкыи купецъ бѣше здѣ, зѣлѡ б҃гочестивъ и богатъ. бѣше же еретикъ, севировоу оученіѹ повинуѫся. имѣше же ратаꙗ приобщаѫщагося с҃тѣи и съборнѣи и а҃плтѣи ц҃ркви. тъи же ратаи по ѡбычаѹ веси ѡноя приятъпричященіе въ с҃тыи и великыи четвръток, и вложивъ е в захлѹпъ и съкрытъ е въ своемъ скровищи. пригодижеся постѣ и паспѣ посланѹ быти ратаю въ Константинъ гр҃ⷣ ради



ковчежныи ключь своемꙋ с҃ноу. нѣкогда же ѿвръзъ господинъ его ковчегъ, обрѣте захлꙋпъ имѣѧѫщъ ст҃ѫѫ чясть, и оскрьбѣ ѡ семъ, и недоꙋмѣваашеся камо и дѣти. нижє бо въкоусити ѿ нихъ хотѣаше, занеже быти чясти съборныѫ ц҃ркве. себе же севировѣ ереси бывша. и тогда и зостави ѫ въ захлꙋпѣ помысливъ, ꙗко вънегда доидетъ ратаи и потрѣбитъ я. да ꙗкоже стиже ст҃ыи д҃нъ великаго четвръткa, и ратаю не пришꙋшꙋ въсхотѣ господинъ оно съжещи, ꙗко да не пребѫдетъ пакы до втораго лѣта. и ѿвръзъ захлꙋпъ, видѣ ꙗко ст҃аа она чясть, класомъ прозябшіа въстече. страхѡмъже и трепетѡмъ многымимъ объятъ бывъ о страннѣмъ и прѣславнѣмъ видѣніи и приемъ ст҃ѫѫ чясть съ всѣмъ домомъ своимъ зовѫ г҃и помилꙋи. и скорѡ течаше къ ст҃ѣи ц҃ркви къ иже ст҃ыи҄ діонисіоу архиеп҃поу. се же велие и страшное еже паче всѣкого слова и оума и паче всѣкого въспоминаніа чюдо. не ꙋбо два или трие видѣшя. нижє малосъчислъныи҄, нѫ всѣ ц҃рви гражане же и селѣне, и прѣпростии дивящеся. и елици въся посльнечнѫѫ проходящеи. и елици по морю плаваѫщеи мѫжие же, и жены. юніи, и старци. раби, и владалци. богати и нищіи. князи и началъствуѫщеи. прѣпростіи и мѫдръствоуѫщеи. вдовиця, и дѣвы. еже въ постѣ, и честнѣ брацѣ. и овіи г҃и помилꙋи въпиахѫ. инни же б҃а бл҃годаръствовахѫ о неизр҃нныи҄ его чюдодѣліехъ. мнози оубо ѿ сего чюдесе вѣровавше пристѫпиша ст҃ѣи и съборнѣи и ап҃лтѣ ц҃рви: Повѣдахѫ же намъ и сіе пакы г҃лаще. ꙗко обычаи бѣше по всѣкыи҄ великыи҄ четвръткохъ, приходиди въ монастиръ въсѣмъ нищіимъ и сирыимъ тоѫ страны. и възимати по половинѣ къблоу пшеницѫ, и по десятіѫ ꙋкрꙋхъ хлѣба. и по кръчагоу малꙋ вино, и по половинѣ кръчагꙋ меда. прѣже ꙋбо тѣми трими лѣты бы тѣснота пшеници, и продаваашеся пшеница къбелъ за ві сребрницъ. да ꙗко доидѡша пости, рекѡшя нѣціи ѿ о҃ць игꙋменꙋ нашемꙋ. кири авва. сеи годонѣ да не сътвориши еже по всѣкыихъ врѣменъ ѡбычаи, нищіимъ, да не ѡгладиши монастиръ, за не пшеница оскѫпнѫ. Ав-

нашего. съмотрите ꙗко заповѣдь старцева есть и не прилежитъ намъ. по истинѣ. тъи ѥ пекыися. братіа же нападоша нѫдѫще авва, ꙗко неимамы что имъ подати. тогда игоуменъ велми оскръбѣвъ гла имъ. идѣте и еже хѡщете творите. по ѡбычаю же, не подаша блвеніе въ стыи и великыи четврътокъ. въ стыи же пк поиде дръжѫи житницѫ и ѿвръзъ видѣ ꙗко всѣ пшеница прорасте. и оуже понѫдихѡмся исыпати все житѡ въ море. тогда авва нашъ начять глати братіи, ѿмѣтаѫи заповѣди оца своего, сицеваа стражетъ. трꙋды прѣослꙋшаніоу себѣ събрахѡмъ. пятсътъ хотѣхмы ѿдати, а мы бихомъ имали оучрѣдитися оца нашего послꙋшаніа ради. и братіѫ нашя нищаѫ утѣшити. Се погыбе жито паче пятъ тысящъ кꙑбелъ. что оуспѣхѡмъ себѣ чяда. что же; не себѣ ли пакостихѡмъ; поистинѣ двѣ лѫкавѣ сътворихомъ. ꙗко заповѣдъ оца нашего прѣстѫпихомъ първѣе, второе же ꙗко на Бга оупованіе не имамы; нѫ на житницѫ нашѫ. прочее братіе ѿ сего да познаемъ ꙗко Бъ естъ питаѫи въсѣкое члчъство. и стыи Θеѡсіе печется о насъ чядь своихъ:

Неизвѣстно имя переписчика этого Патерика и Номоканона. Почеркъ его не крупенъ и не можетъ быть названъ красивымъ. Всѣ буквы поставлены имъ прямо. Между ними много юсовъ, а буква я—двоеобразна, ꙗ, ѧ, и первая занята изъ прописи греческой (εὐλογι-α—евлоя—оспа), а вторая изъ глаголитской. Какъ ѫ такъ и ѧ видомъ своимъ походятъ на полевые шатры, поддерживаемые внутри стягами. Значитъ: обѣ эти буквы занесены въ придунайскую Миссію, (онаже и Болгарія) народомъ кочевымъ. Переписчикъ вышепоименованныхъ рукописей умѣлъ и даже привыкъ писать и по гречески, и потому индѣ ставилъ скорописныя буквы греческія, ζ τ. β. У него надъ гласными буквами ѧ, є, н, о, оу, наставлено, безъ всякой надобности, придыханіе тонкое'. Это значитъ, что Мисійскіе Славяне *древле*, что писали, то писали буквами греческими, о чемъ свидѣтельствовалъ и извѣстный

привычку свою не оставили даже и тогда, когда пришлось имъ писать книги Кириллицею. Какъ въ Номоканонѣ, такъ въ Патерикѣ почти всѣ слова и рѣчи писаны сплошь да рядомъ, союзно, безъ раздѣленій; и потому индѣ трудно читать и понимать ихъ; напр: ащевъпаднетъвънѣкыинедѫгъзлъ... а прочяѫ женыбезработысѫщейбезслѹжбыприходящѫѧнасе, вътъиѣ рожеnіа... и продавашесяпшеницакъбелзакiсребрникъ... Затруднительна и стенографія обѣихъ рукописей; напр: въ чѣ—*въ часъ*, сѫ—*суббота*, не—*недѣля* воскресенье. Въ нихъ встрѣчаются слова Греческія, енωрia — епархія, *саввато* суббота. А старославянскихъ словъ, какихъ мы не знаемъ, много; напримѣръ: *захлупъ* ящичекъ съ замочкомъ, *рождакъ*, *рождаква*—родственникъ, родственница, *вѣверица* белка (звѣрокъ), *огладить* голоднымъ сдѣлать, ωскѫпнѫ оскудѣла. Но всего замѣчательнѣе употребленіе латинскихъ словъ cabus—*каблъ*, *кѫбелъ* малая мѣра пшеницы, morticinus—*мрцинъ*, *мрцина* cadaver, и придатокъ вспомогательныхъ глаголовъ, *есмь*, *еси*, *есть*, *быхъ*, *бѣ*, *бысть*, къ глаголамъ дѣйствительнымъ: *любилъ быхъ*, *далъ еси*. Оныя слова и этотъ придатокъ, необъяснимый греческимъ языкомъ, доказываютъ, что Славяне Мисійскіе и Сербохорватскіе долго жили подъ владычествомъ Латинъ, и потому привыкли латинословить и переводить глаголы, amav(ĭ) eram—*любилъ быхъ* dedi(e) sses—*далъ еси*. Счастливо сдѣланы мною эти наблюденія надъ двумя славянскими рукописями моими.

А еще счастливѣе былъ я, когда іеромонахъ, управляющій Филоѳейскимъ монастыремъ, принесъ мнѣ для прочтенія разныя архивныя дѣеписанія, и въ числѣ ихъ критическое разсужденіе о началѣ монашества на Аѳонѣ, сочиненное въ первые годы нашего 19 вѣка какимъ то умнымъ Филоѳеитомъ. За это разсужденіе я давалъ управляющему 1000 піастровъ. Но онъ не согласился продать его мнѣ ни за какую цѣну. Тогда я поручилъ находившемуся при мнѣ Греческому іеродіакону Амфилохію переписать эту невидаль Аѳонскую. Онъ исполнилъ мое порученіе, какъ нельзя лучше; за то у меня уцѣлѣла тысяча піастровъ, нужная на

другіе расходы мои. Пока іеродіаконъ переписывалъ оное разсужденіе: неутомимо работалъ перомъ и я. Не помѣщаю здѣсь эти архивныя работы свои, потому что онѣ настоящему описанію путешествія моего по Аѳону придали бы толщину непомѣрную, и потому что имъ отведены мѣста, частію въ статистикѣ Аѳона, частію въ общей исторіи сей горы, и наконецъ въ сказаніи о самой обители Филоѳейской. Но признаю не излишнимъ изложить нѣсколько дѣловыхъ словъ о томъ: что̀ было на мѣстѣ этой обители и сосѣдней съ нею Магулы до христіанства, и вскорѣ послѣ появленія его на Аѳонѣ, и какъ тутъ водворились монахи и давноли.

Одинъ Богъ знаетъ: кто жилъ, и что было на Филоѳейскомъ мѣстѣ до 1124 года дохристіанскаго. А въ этомъ году тутъ водворились выходцы изъ селенія Магулы, что близь Спарты, и изъ Пелопонесоарголидскаго города Клеонэ, и новыя селитвы свои назвали такъ же Магула и Клеонэ (Κλεώναι.). Названіе Клеонъ во множественномъ числѣ, подобное названіямъ Κλαζομέναι, Ἱεροσόλυμα, доказываетъ, что этотъ городъ расположенъ былъ на нѣсколькихъ мѣстахъ смежныхъ. Указываю эти мѣста, одно подъ обителію Филоѳея у вѣчно текущаго потока, а другое на ближнемъ взморьѣ, гдѣ издревле красуется лаврскій метохъ Милопотамъ, такъ называемый по имени сего потока, третье же мѣсто занимала Клеонская пристанъ подлѣ нынѣшняго монастыря Иверскаго, въ который еще не очень давно втягивались лодки прямо изъ моря, омывавшаго восточную стѣну его. Аѳонскій городъ Клеонэ, во время междоусобій Пелопонесской войны Грековъ въ 424 году до Р. Хр., состоялъ въ союзѣ съ Спартанцами. (Thucid. L. IV. c. 109). У гражданъ его былъ законъ: „не начальствовать и не избирать посланниковъ, моложе 50 лѣтъ. (Ἐκ τῶν Ἡρακλείδου περὶ πολιτειῶν·) Они почитали въ Милопотамскомъ предмѣстіи дѣвственную богиню Артемиду *Потамію*, занимавшуюся звѣроловствомъ: чему доказательствомъ служитъ бѣломраморная плита съ изваяннымъ на ней звѣремъ, бѣгущимъ отъ ловчаго, вставленная въ стѣны башни вышепомянутаго метоха снаружи. А въ

самыхъ Клеонахъ обожаема была таже Артемида *Потамiа*, но съ придаточнымъ прозванiемъ *Алфейя* по имени сосѣдняго *милаго потока Алфейя* (μειλοπόταμος Αλφεῖος), который понынѣ нарицается Милопотамъ *). По капищу этой богини, носившей прозванiя φιλόθηρος, φιλάλφειος, и самая мѣстность просторѣчиво именовалась Филофiйскою: что слышится и въ нынѣшнемъ названiи обители Филоѳейской. А мѣстность этой обители—лѣсиста. Идолопоклонникамъ Филоѳеитамъ было гдѣ заниматься звѣриною охотою, и было за что прозывать Артемиду Филоѳирною (звѣролюбивою), Филалфейною.

Идолопоклонство на Аѳонѣ существовало до царствованiя Константина великаго. А при семъ государѣ водворилось тамъ христiанство и вотъ какъ. Аѳонскiе Цаконы, служившiе во флотѣ его, по всей вѣроятности, возили на царской галерѣ мать его Елену въ Iерусалимъ и оттуда въ Константинополь. Изъ Iерусалима они выпросили себѣ епископа, который крестилъ бы ихъ. Онъ привезъ съ собою иконы Пресвятой Дѣвы Марiи матери I. Христа и дѣвственнаго евангелиста Iоанна Богослова, и остановился въ городѣ Клеонахъ, гдѣ и основалъ епископiю съ церковiю во имя Богородицы. Съ сей поры въ этомъ городѣ почитанiе Артемиды Филалфейской смѣнилось почитанiемъ Марiи Богоматери и св. дѣвственника Iоанна въ замѣнъ чистыхъ дѣвственныхъ Нимфъ, всегда сопровождавшихъ Артемиду **). Съ этой же поры первая христiанская церковь въ Клеонахъ стала называться епископiею Богородицы, какъ это замѣтилъ Филоѳеитъ въ своемъ критическомъ разсужденiи объ Аѳонѣ: ἡ μονὴ τοῦ Φιλοθέου δείκνυται ἀρχαιοτάτη· διότι αὐτὴ ἐχρημάτισε διὰ τῆς θεοτόκου ἐπισκοπεῖον, ὡς λέγουσι. ***) Эта епископiя была средоточiемъ, изъ котораго свѣтъ христiанства озарилъ еще два, ближнiе къ Клеонамъ,

---

*) Капище Артемиды Потамiи—Алфейской находилось на островѣ Сицилiи. Ее воспѣвалъ Пиндаръ: ποτάμιας ἕδος Αρτέμιδος—*престолъ Дiаны поточной*. Ея чтилище видѣлъ тамъ Павзанiй.

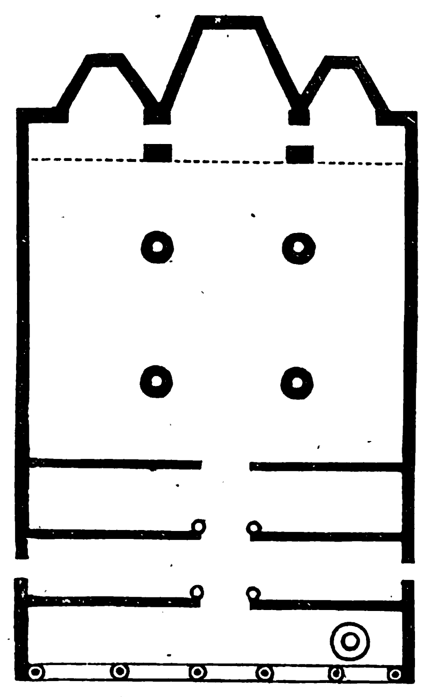
**) Ἑλληνικὸν Πάνθεον. ὑπὸ Χαρισίου Μεγδάνου. Πέστῃ. 1812. § 158.

***) *Смотри мою истор. Аѳона. часть II. § 13.*—

города аѳонскіе, именно Карію, гдѣ, какъ увидимъ послѣ, почитаема была Артемида Имніа (Ὑμνία), т. е. *Пѣтая,* и потомъ замѣнена Богородицею Маріею *Всепѣтою*, и Діонъ, въ которомъ, какъ скажемъ послѣ, находилось колодезное прорицалище богини Димитры, скрытое подъ алтаремъ нынѣшней соборной церкви монастыря Ватопе-Діона, посвященной Богоматери. Всѣ эти три города съ ихъ морскими пристанями составляли епархію Аѳоноклеонскаго епископа, по имени котораго даже пристани эти назывались Климентовыми. Городъ Клеонэ былъ разрушенъ въ 458 году тѣмъ страшнымъ землетрясеніемъ, которое тогда произвело большія опустошенія въ близкихъ къ Аѳону областяхъ, въ Ѳракіи и Еллиспонтѣ, въ Іоніи и на Цикладскихъ островахъ; *) но ровно черезъ сто лѣтъ (въ 558 г.) населили его жители Ѳессалійскаго городка Фтери (нынѣ Чаязи), находившагося недалеко отъ устья тамошней рѣки Пинія на берегу Солунскаго залива, убѣжавъ оттуда отъ ужасныхъ Гунновъ. **) Съ этой поры въ межевыхъ книгахъ аѳонскихъ писался уже городъ Фтери, а не Клеонэ. Но память о Клеонобогородицкой епископіи осталась въ немъ: знать, не всѣ жители Клеонскіе погибли отъ помянутаго землетрясенія. Фтерійцы построили тотъ храмъ Богоматери, который, какъ намѣчено мною выше, видѣлъ Барскій въ 1744 году и описалъ такъ: „*храмъ созданъ издревле отъ самыхъ плинѳъ,* „*кромѣ каменя* (безъ тесанныхъ камней) *и, яко же повѣствуется и отъ зрака ветхости познавается, еще отъ древнихъ христіанъ, прежде населенія тамо иноческаго обитавшихъ... утвержденъ же есть нв четырехъ столпахъ круглозданныхъ мраморовъ кромѣ* (безъ) *украшенія... разсѣдесе же на многихъ мѣстѣхъ и готовъ бяше къ паденію.. Храмъ сей не крестообразенъ есть, но простъ, четвероуголенъ; иматъ же папертей двѣ, по два столпа здании имущихъ; внѣшняя паперть имѣетъ два входа, внутренняя же входъ единъ, и кромѣ тѣхъ преддверіе; въ немъ точится источникъ воды*". Судя по этому вѣрному описанію, я

*) Tablettes chronologiques par Dufresnoy. 458 an.

полагаю, что сей храмъ точь въ точь похожъ былъ на Вознесенскій храмъ, построенный царицею Пульхеріею въ первой половинѣ пятаго вѣка близъ нынѣшняго Есфигменова монастыря на Аѳонѣ, и представляю здѣсь планъ его: *)—



Городъ Фтери, какъ и всѣ города на Аѳонской горѣ, постигло величайшее бѣдствіе во время семилѣтней войны магометанъ Арабовъ съ Греками при царѣ Константинѣ Погонатѣ, съ 670 года по 676-й. Тогда вся эта гора опустѣла. Жители ея, избѣгая арабскаго плѣна, разошлись въ разныя мѣста, и болѣе не возвращались назадъ, потому что оный царь весь Аѳонъ отдалъ монахамъ, тогда скитавшимся по греческимъ городамъ, и бывшимъ большою тягостію для нихъ **). Эта передача произошла въ 680 году по опредѣленію шестаго вселенскаго Собора (Истор. Аѳона Ч. III. §. 1.). Съ этой поры монахи постепенно селились на Аѳонѣ подлѣ запустѣлыхъ городовъ, селъ и ихъ цер-

---

*) А планъ Вознесенскаго храма Пульхеріи смотри во втор. части моей исторіи Аѳона. §. 10.

**) Истор. Аѳона §. 26. Ч. 2-я.

квей, на отмежёванныхъ имъ участкахъ подъ прежними названіями, Меленà, Морфò, Фтери. Въ эту же пору возникъ и монастырь пресв. Богородицы посреди запустѣвшаго городка Фтери, и удержалъ эго прозваніе. Соборный храмъ былъ готовъ для него, тотъ самый, въ которомъ молились Фтерійскіе христіане. Строителемъ же сего монастыря,—можно полагать,—былъ монахъ Арсеній, котораго изображеніе видѣлъ Барскій на храмовой стѣнѣ.— Въ злополучное время иконоборства, продолжавшагося съ 726 года по 840-й, Фтерійская обитель нечаянно сподобилась принять подъ свой церковный кровъ ту самую икону, которая понынѣ чествуется въ ней подъ названіями, Сладкое цѣлованіе и и благовѣстительница. (Γλυκοφιλοῦσα, Εὐαγγελίςρια). Разсказываю какъ это было, имѣя подъ руками не очень давнее, греческое, рукописное повѣствованіе о сей иконѣ, сообщенное мнѣ любезнымъ епитропомъ Филоѳейскимъ.

„Во дни иконоборнаго греческаго царя Ѳеофила (829—30 г.), въ палатахъ его жилъ Патрицій Симеонъ, такъ же иконоборецъ. А благочестивая и добродѣтельная жена его Викторія тайно держала у себя оную икону Богоматери и покланялась ей. Зналъ это мужъ ея, и боясь царской опалы, требовалъ у ней икону для сожженія. Но она за лучшее почла пустить ее по морю, вѣруя и уповая, что небесная Владычица сохранитъ свой образъ. Вѣра и упованіе ея оправдались. Икона по морю донеслась до Аѳона, и тутъ остановилась у арсаны (зданія для мореходныхъ судовъ) монастыря Ксантопуловъ. Услышали объ этомъ (Фтерійскіе) старцы, и взяли икону въ свою обитель. Съ той поры по нынѣ, ежегодно въ понедѣльникъ на Пасхѣ, τῇ δευτέρᾳ τῆς διακαινησίμου, бываетъ крестный ходъ къ названной арсанѣ, и тутъ совершается освященіе воды предъ ликомъ сладколобызающей Богоматери, который (будто бы) написалъ св. Евангелистъ Лука“.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 830 года, во второе лѣто самодержавія вышепомянутаго царя Ѳеофила, погибъ весь греческій флотъ въ

реставали грабить всѣ острова. Въ числѣ ихъ подвергся опустошенію и Аѳонъ *опарусенный*, velificatus по выраженію Ювенала. Насельники его ушли, кто куда хотѣлъ и глядѣлъ. Но послѣ этого втораго запустѣнія Аѳона монахи скоро опять заселили эту гору *); Фтерійская же обитель снова возникла, но немного позже, такъ послѣ 870 года. Ее обновилъ какой-то монахъ Филоѳей; и потому она въ аѳонскихъ дѣеписаніяхъ старинныхъ носила два названія, Фтери и Филоѳея, какъ это прочелъ я въ критическомъ разсужденіи Филоѳеита: ἐν τῇ δευτέρᾳ ἐποχῇ ὁρᾶται τῷ 6,500—992 ἔτει ἡ ἱερὰ μονὴ οὖσα ἐπὶ τῶν ἡμερῶν τοῦ ὁσίου Ἀθανασίου, ὡς ἔν τινι Κώδικι τῆς ἁγίας Λαύρας σημειοῦται περὶ Κάσπακος καὶ Ἄτζι Ἰωάννου τῶν μονῶν, ἡ μονὴ ἡμῶν αὕτη ὀνομαζομένη τῆς Φτέρης καὶ Φιλοθέου.—

Довольно! Я оповѣстилъ самую первоначальную судьбу Филоѳейской обители до 992 года. Дальнѣйшее же сказаніе о ней отлагаю до другаго времени, когда Богъ сподобитъ меня писать исторію каждаго монастыря святогорскаго. Путешественникъ— не историкъ, а только собиратель матеріаловъ для исторіи той страны, которую онъ изучаетъ. Это я хорошо знаю, и потому начинаю излагать подобные матеріалы, какіе довелось мнѣ извлечь уже изъ устныхъ разсказовъ достопочтенныхъ Филоѳеитовъ и изъ недавнихъ экономическихъ записей ихъ.

Филоѳейскій монастырь—своежителенъ, ἰδιόρρυθμο. Монахи получаютъ отъ него только пищу, и ничего болѣе. Епитроповъ, т. е. избранныхъ начальниковъ тутъ два, іеромонахъ для священнослуженія одинъ, діакона нѣтъ, монаховъ 32, большею частію Греки, а остальные Болгары и Молдованы.—Замѣчательно, что во всѣхъ святогорскихъ обителяхъ іеромонаховъ очень мало: Причина тому вотъ какая. Святогорцы, по первоначальному уставу иноческому, выработанному въ монастыряхъ и скитахъ египетскихъ, справедливо смотрятъ на монаховъ, какъ на мірянъ, но уже отслужившихъ міру, и служащихъ Богу, и не причисляютъ ихъ къ церковному клиру, т. е. къ пре-

*) Истор. Аѳона. Ч. III. §§. 7. 8.

свитерству и діаконству, какъ это дѣлаемъ мы. Такой взглядъ на монаховъ видѣнъ и въ Соборныхъ постановленіяхъ, кои назначаютъ имъ наказанія за проступки, какъ міряңамъ, а не какъ церковнымъ клирикамъ.

Имѣнія Филоѳейскаго монастыря суть: 1) околотокъ его на самомъ Аѳонѣ съ разнодревеснымъ лѣсомъ, виноградниками, масличіями, огородами и сѣнокосомъ; 2) мельницы и кузница подлѣ монастыря; 3) арсеналъ на берегу моря съ тремя парусными лодками; 4) одиннадцать келлій,врозсыпь стоящія на монастырской землѣ, кои отдаются монахамъ въ наемъ; 5) одно подворье (κονάκι) въ Кареѣ; 6) на островѣ Ѳасѣ два метоха, одинъ во имя архангела Михаила, въ церквѣ котораго хранится крестный гвоздь, а другой во имя св. Іоанна Богослова съ масличнымъ садомъ (500 деревъ); 7) на Каламаріи метохъ съ пахатною землею, дающею 200 *мазуръ* (700 пудовъ) зерна; 8) въ Адріанополѣ домъ: отсюда приводятся въ монастырь поклонники; 9) въ Грузіи близь Тифлиса метохъ съ деревенькою (17 домовъ) и виноградникомъ.— На островѣ Лимносѣ метохами и имѣніями Филоѳейскими завладѣли Турки. Они продали бы ихъ: но монастырь не въ состояніи выкупить ихъ.

Доходы онъ получаетъ 1) отъ продажи своего строеваго лѣса и своихъ орѣховъ и углей, 2) отъ поклонниковъ, 3) отъ найма келлій, 4) отъ продажи масла деревяннаго, 5) отъ метоховъ и 6) отъ таксидіаровъ, т. е. милостынесобирателей своихъ, которые черезъ четыре и пять лѣтъ присылаютъ монастырю по три, по четыре тысячи піастровъ. А подспорьемъ служатъ мѣстные огороды, виноградники, да пахатная земля на Каламаріи. Однако вино и пшеница прикупаются.

Въ монастырскомъ архивѣ я нашелъ экономическую роспись доходовъ и расходовъ монастыря въ 1836 году. Представляю здѣсь крупные итоги ея для любопытства, а пожалуй, и для узнанія силы денегъ.

Λαβή—доходъ.		Δόσις—расходъ.
6,587:	προσ	26,332: 20: μεγάλα ἔξοδα.
2,145:	κελλιῶν	1,075: 10: εἰς σιώπηδ..
55,600: 30:	μεγάλη λαβή. . .	2,139: 20: εἰς βορδονάρ.(конюхи.)
15,527: 30:	τοῦ μάστ. βαγγέλη .	16,191: — εἰς τὴν σοδίαν.
10,111: 20:	τοῦ Γρ. ζαμάτη . .	4,225: — εἰς τὴν Θάσον.
89,972: 00:	ἡ σοῦμμα τῆς. λαβῆς.	49,963 піастра и 10 паричекъ.
70,651: 30:	ἡ σοῦμμα τῆς δόσεως.	6,111: 20: εἰς τὸ κοινόν (Протатъ)
19,321:	. . . .	11,364: 20: εἰς τὸ μετόχι.
7.135:	τὰ ὅσα παραδίδουν οἱ ἐπίτροποι ἀπὸ ὁμολογίαις (векселя) καὶ δάνεια.	3,212: 20: ἕτερα εἰς τὸ μετόχι.
12,186.		70,651 піастръ. 30 паричекъ.

Итакъ, на наши деньги, доходу было въ 1836 году 4,498 руб., а расходу 3,532 рубли.

Такъ какъ годъ на годъ не походитъ, и бываетъ урожай и неурожай маслинъ, орѣховъ и винограда; то въ нынѣшнемъ 1845-мъ году, по объявленію Епитропа, доходу было только 50,000 піастровъ: въ это число поступили 10,000 піастровъ, вырученные продажею орѣховъ.

Тотъ же Епитропъ говорилъ мнѣ, что монастырь пилитъ и продаетъ сосновыя достки, что пчелъ у него нѣтъ, и потому воскъ для церковныхъ свѣчъ покупается, и что всѣхъ податей съ него взимается отъ 7 до 8000 піастровъ.

А вотъ и еще свѣдѣнія, но не касающіяся обители Филоѳея:—

— Турецкій ага, блюститель полицейскаго порядка на Аѳонѣ, получаетъ жалованья отъ Протата 20,000 піастровъ.

— Въ 1837 году, когда нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при Оттоманской Портѣ былъ баронъ Рикманъ, русскіе монахи, именно, Астраханскій архимандритъ Евгеній, Іеромонахъ Самуилъ изъ русскихъ грековъ, и іеромонахъ Амвросій настоятель нашей по-

сольской церкви въ Константинополѣ, домогались овладѣть однимъ монастыремъ на Аѳонѣ, дабы въ немъ жили исключительно одни Русскіе. Но узналъ объ этомъ Протатъ, и отринулъ эту русскую затѣю, не пожалѣвъ дать туркамъ и фанаріотамъ 200,000 піастровъ, только бы не было русскихъ хозяевъ на св. горѣ. Къ тому же, и вышепоименованные затѣйщики разсорились между собою и разошлись, потому что каждый изъ нихъ предлагалъ и упорно отстаивалъ *свою* надпись на воротахъ будущаго русскаго монастыря: моя, молъ, надпись хороша, а твоя не годится. (Дѣти!)

— На Аѳонѣ проживаетъ одинъ Русскій, именемъ Петръ, подкидышъ и воспитанникъ Московскаго воспитательнаго дома; мущина лѣтъ сорока, и играетъ роль сумасшедшаго или юродиваго. Онъ написалъ *жизнь ангела*, т. е. свою собственную.

— Но вотъ новость изъ новостей! На Аѳонѣ были и есть келліаши, которые воображаютъ, что они въ св. Причастіи принимаютъ въ себя не всего Христа, а только частицу его, кто ушко, кто глазокъ, кто носокъ, пальчикъ, ножку и проч. За эту ересь Протатскіе властители утопили въ морѣ 70 келліашей, и такимъ способомъ прекратили распространеніе заблужденія.—Грекамъ давно надоѣли ереси. Они не любятъ ихъ и хоронятъ въ морѣ. Туда имъ и дорога.

Кончены мои занятія. Спасибо этому дому: пора къ иному. Ѣду въ Ксиропотамъ. Sic volo.

X.

Путь до Ксиропотама. Мои занятія въ этомъ монастырѣ и свѣдѣнія о первоначальной судьбѣ его.

Сентября 30.—Не рано я отправился изъ Филоѳейской обители по той самой дорогѣ, которая привела меня въ нее изъ

ярому отрогу Аѳона и потомъ по хребту сей горы до того мѣста, гдѣ водруженъ деревянный крестъ, обозначающій границу Ксиропотама и Руссика. Отъ сего креста торная дорожка, давнымъ давно утоптанная мулами и монахами, спустила меня и весь поѣздъ мой, по крутому склону, въ равнинную долину, нечувствительно понижающуюся къ морю. Красива эта долина. Справа она окаймлена лѣсистыми холмами, за которыми находится такъ называемая Анапа̀всія *) — покойное мѣсто для отшельниковъ келліашей, а слѣва холмами безъименными. Въ срединѣ ея представились взорамъ моимъ, сперва лугъ, по здѣшнему ливада, потомъ каменный струйникъ съ льющеюся изъ него сладкою водою, противъ него какія то развалины, а далѣе дубовый лѣсъ, и потокъ Хлоропота́мосъ, обдѣланный какъ открытый водопроводъ. Названіе сего потока *хлоросъ* вполнѣ соотвѣтствуетъ зеленой мѣстности, по которой онъ течетъ въ монастырь Ксиропотамскій. Пріятно мнѣ было ѣхать тутъ и любоваться роскошною зеленью луговъ и деревъ, и свѣтлыми, чистыми струями хлоропотамской водотечи. Я не спѣшилъ, и потому прибылъ въ Ксиропотамъ уже вечеромъ. Здѣшніе отцы и братія приняли меня ласково и помѣстили въ самомъ лучшемъ архондарикѣ. Видно было, что они помнятъ заповѣдь апостола: *страннолюбія не забывайте*.

Октябрь.

Отъ 1-го до 8-го дня. — Седмь дней я прожилъ въ обители ихъ, неустанно занимаясь своимъ дѣломъ, т. е. собраніемъ надлежащихъ свѣдѣній о прошедшей судьбѣ и о настоящемъ состояніи ея. Этотъ сборникъ мой оказался необъемистъ даже при внесеніи въ него свѣдѣній изъ архивовъ другихъ монастырей аѳонскихъ; но за то многоцѣнны достовѣрность изложенныхъ въ немъ сказаній и строгость моихъ сужденій о нихъ. Началъ я

*) У Барскаго неправильно: *Анаксатиконъ*.

дѣло свое обозрѣніемъ обители, о которой идетъ рѣчь; потомъ осмотрѣлъ библіотеку ея, затѣмъ черпалъ изъ архивной глуби ея, и наконецъ слушалъ, что говорили Ксиропотамцы.

„Ксиропотамъ,—начинаю говорить устами незабвеннаго Барскаго,—стоитъ, недалече отъ моря, на мѣстѣ прекрасномъ и зѣло веселомъ, при изобиліи текущихъ водъ и при воздусѣ здравомъ и мѣрномъ въ хладѣ и теплотѣ, между изрядными виноградами и садами, идѣже обрѣтаются орѣхи, маслины и инны различнаго плода древеса; находится же на самой срединѣ всей долготы Аѳонской горы, на странѣ западнѣ; все же его мѣсто простирается яко на полтора часа хожденія въ долготу и на полтора часа въ широту“.

Поземельный участокъ его граничитъ къ сѣверу съ хребтомъ Аѳона, къ югу съ моремъ, къ востоку съ околоткомъ монастыря Симопетрскаго, а къ западу съ владѣніемъ Руссика. Ксиропотамскій монастырь есть четыресторонникъ, болѣе длинный отъ запада къ востоку, чѣмъ широкій отъ юга къ сѣверу. Въ связи со всѣми четырьмя сторонами его настроены монашескія кельи, разныя кладовыя, водяная мельница, келейные храмы (параклисы) и больница съ маленькою церковію св. безсребренниковъ, которая сооружена тутъ въ 1766 году 27 іюля иждивеніемъ проигумена Діонисія. Всѣхъ келлій при Барскомъ въ 1744 году было 70. А я не считалъ ихъ. Мое вниманіе обращено было на водосвятный Фіалъ и струйникъ, на остатки древностей, и на соборную церковь, которая стоитъ въ срединѣ пространнаго двора монастырскаго: названный Фіалъ въ видѣ пролетной ротонды съ мраморными колоннами, и съ покоющимся на нихъ круглымъ куполомъ внизу между этими колоннами связанъ мраморными плитами, на коихъ изсѣчены разныя изображенія, (къ сожалѣнію не описанныя въ дневникѣ моемъ.) На одной плитѣ виденъ выпуклый видъ Ксиропотама, какимъ онъ былъ въ прошломъ столѣтіи.—За алтаремъ соборной церкви, на лѣво отъ нея, недавно сооруженъ мраморный струйникъ (фонтанъ.). Надъ карнизомъ его помѣщена новѣйшая надпись: Ῥωμανὸς καὶ Κωνσταντῖνος ἐν χριστῷ

πιστοὶ βασιλεῖς καὶ κτίτορες ͵ςυλη ἰνδικτιῶνος β: то есть; *Романъ и Константинъ во Христѣ вѣрные цари и ктиторы 6438 (930) года индикта 2*. Еще лѣвѣе въ сѣверной стѣнѣ монастыря стоитъ весьма древняя башня. На ней позлащенною мозаикою смастерена греческая нестаринная надпись: *Романъ вѣрный царь и самодержецъ Ромеевъ*.—На южной половинѣ монастырскаго двора направо отъ главной церкви высится колокольня. Она сама по себѣ незамѣчательна; но въ лицевую сторону ея низко вставлены два бѣломраморные барельефа, или лучше, двѣ изваянныя головы, кои я разсмотрѣлъ съ большимъ вниманіемъ. Одна изъ нихъ съ кудрявыми волосами, невзрачная, некрасивая, выдается за обликъ царицы Пульхеріи, ктиторши Ксиропотама, а другая, меньшая первой, съ немногими волосами на головѣ и безъ бороды, пожилая, указывается поклонникамъ, какъ ликъ св. Павла Ксиропотамскаго, строителя описываемой мною обители. Эта вторая голова вставлена въ четыреугольную каменную плиту сѣроватаго цвѣта. Въ плитѣ же этой вверху около головы изсѣченъ кругъ въ родѣ сіянія, какое рисуется на иконахъ, а внизу изсѣчены одежда и большой крестъ, какъ-бы повѣшенный на шеѣ бюста на лентѣ; на сторонахъ же плиты помѣщена надпись: *св. Павелъ Ксиропотамскій, сынъ благочестивѣйшаго царя Михаила*. Барскій въ 1744 году не видалъ этихъ головъ. Стало быть: онѣ послѣ него найдены были гдѣ нибудь, или смастерены для нагляднаго и осязательнаго подтвержденія извѣстнаго преданія о Пульхеріи и Павлѣ, яко строителяхъ Ксиропотама.—Напротивъ колокольни, когда задомъ станешь къ онымъ головамъ, увидишь высоко на ближней стѣнѣ какого-то зданія бѣломраморную плиту съ изсѣченнымъ въ ней изображеніемъ, котораго я никакъ не могъ понять, чуть ли не потому, что оно вставлено неправильно. Думалось, что тутъ видится богиня Димитра, или надмогильная (ἐπιτύμβια) Венера, или просто чей либо надгробный памятникъ. Глазъ мой еще не привыкъ хорошо разглядывать и разгадывать языческія изваянія. За то въ соборной церкви Ксиропотамской я знаю свое дѣло. „Эта церковь съ основаній вновь построена

въ 1763 году на мѣстѣ прежней старинной, которую видѣлъ и описалъ Барскій, замѣтившій въ ней многія разсѣлины. Налѣво отъ входа въ нее со двора въ стѣну вставлена малая икона св. великомученика Димитрія, отчетливо изваянная изъ зеленоватаго мрамора. По сказанію Барскаго она находилась въ храмѣ св. Софіи Цареградской, и оттуда принесена въ Ксиропотамъ сингелломъ вселенскаго патріарха Григоріемъ, который купилъ ее у пріятелей своихъ Турковъ, часто ходившихъ въ названный храмъ. Когда же это было? Я полагаю, что икона, о которой идетъ рѣчь, куплена была онымъ Григоріемъ въ 1568 году, когда султанъ Селимъ, сынъ султана Сулеймана, съ гнѣвомъ велѣлъ вынесть изъ Софійскаго храма четыре мраморныя плиты, вставленныя въ стѣну его на лѣвой сторонѣ, на которыхъ изваяно было вѣроисповѣданіе царя Мануила порфиророднаго по случаю преній о словахъ Христовыхъ: *Отецъ мой болій меня Есть.* *) Тогда было кстати пріобрѣсть и помянутую икону, дабы не замѣтилъ ее Селимъ, и не разгнѣвался на Имамовъ, берегущихъ святыни христіанскія. Усладившись видѣніемъ этой древней иконы, я вошелъ въ большой притворъ церкви, а изъ него чрезъ среднюю дверь внутрь ея. Все это святилище расписанно въ 1783 году кистію далеко нехудожною, да и зодчество его неказисто. Но въ немъ хранятся, кромѣ многихъ святыхъ мощей, шесть достопримѣчательностей, какъ то, Крестъ изъ животворящаго древа Господня и чашечка *Пансехри*, данная дѣвственною царицею Пульхеріею, такой же крестъ, но гораздо большій, пожертвованный Греческимъ царемъ Романомъ Лакапинымъ, рукописное евангеліе малаго размѣра, по шелку шитые золотомъ лики сего Романа и царя Андроника старшаго, и два архіерейскіе посоха изъ янтаря.—Крестъ Пульхеріи, по описанію Барскаго,—съ единымъ поперечіемъ, имѣяй долготы на пядь, широты же на перстъ, тягости же золотниковъ 26, зракомъ черный, обрѣтается въ кивотѣ съ четырьмядесять частицами Святыхъ 40 мученикъ, тамо по чину окрестъ креста лѣпо

*) Сказаніе объ этомъ событіи найдено было мною въ библіотекѣ Синайскаго монастыря, и тамъ же списано.

и неподвижно укрѣпленными, съ подписаніемъ ихъ (именъ). Онъ внѣ святыя горы износится въ міръ, освященіемъ воды исцѣляетъ различныя немощи, и прикосновеніемъ отгоняетъ недуги съ вѣрою поклоняющихся ему.—Чаша Пульхеріи мелкая, аки на длань широкая, съ обложеніемъ чистаго злата (этого оклада я уже не видѣлъ) и подписаніемъ Ея царскаго имени (ПОУΛΧΕΡΙΑ на краю снаружи), сочиненная чрезъ нѣкіихъ мудрецовъ отъ нѣкоего каменя, мню, не естественно (напротивъ!), но хитростно смѣшанна, изпущаетъ благоуханіе сладкое, аки святыя мощи, цвѣтъ же или зракъ имать бѣлъ (бѣложелтоватъ) растворенъ съ малозрачною зеленостію: въ ней же внутрь зѣло тонкимъ художествомъ, на подобіе кресторѣзанія, изсѣченна есть цѣлая литургія Христова, святыми ангелами служима, въ удивленіе зрящимъ. Именуется же отъ Грековъ чаша оная *Пансехри*, невѣмъ, какого языка рѣченіемъ и что знаменуетъ, но мню, что питіе въ ней бываше всякой немощи врачеваніе". Это—чашечка для храненія Христова, которое древніе христіане держали въ домахъ, и тѣла которымъ причащались предъ путешествіемъ своимъ. Посему весьма прилично изваяны въ ней орудія страстей Господнихъ, лики ангеловъ и чинъ св. литургіи; прилично и названіе сего блюдца Пансехри *).—„Животворящій крестъ, отъ царя греческаго Романа стараго дарованный, въ сребропозлащенномъ ковчезѣ, съ двумя поперечными прелоги, содѣланъ отъ подножія Христова, си есть, отъ оной части, на ней же пригвождены быша Пречистыя нозѣ Его, на немъ же и дира обрѣтается древняя, въ ней же гвоздь бяше; которому азъ со страхомъ поклонившися и съ вѣрою и благоговѣніемъ его лобызавши, положихъ его на чистой бумагѣ, и очертихъ Его мѣру: си есть, вторый нижайшій прекладъ (перекладина) простирается едва не на пядь, вышшій же и кратшій широты имать на полтора перста, толстоты же яко на полперста, долготы же едва не полторы пяди; вѣсу же драхмъ сто, яко же въ копіи хрисовула свидѣтельствуется; есть

*) Πᾶν σοὶ χρεῖ: Тутъ *все*, что *тебѣ надобно*, т. е. исцѣленіе души и тѣла.

же цвѣтомъ или зракомъ не въ самой крайней черности, но нѣкако черносвѣтлъ; откровенъ есть отвсюду, точію по рогамъ (краямъ) мало златомъ упещренъ“.—Это животворящее древо, и наипаче гвоздинную язву въ немъ и я недостойный лобызалъ съ вѣрою и величайшимъ благоговѣніемъ. А на маленькое евангеліе мельчайшаго письма взглянулъ мелькомъ, потому что въ немъ не показанъ годъ появленія его. Оно принадлежитъ къ числу евангелій, кои греческіе архіереи носили и носятъ на груди своей, когда посѣщаютъ свои епархіи: тогда они читаютъ ихъ то надъ головами своихъ пасомыхъ, то при освященіи воды. Такія евангелія, камъ малыя, имъ не трудно носить на себѣ.—Что касается до шитыхъ шелкомъ и золотомъ ликовъ Романа и Андроника; то шитье сіе, далеко не художественное, смастерено было въ Молдовлахіи около 1759 года, когда Ксиропотамцы съ животворящимъ Древомъ собирали тамъ подаянія на устройство своей обители. Подобное шитье небольшой плащаницы, изготовленной свѣтлѣйшею Роксандрою, супругою Молдовлахійскаго воеводы Александра Каллимахи, въ 1796 году, я видѣлъ въ Аѳонскомъ Руссикѣ.—Въ Ксиропотамской ризницѣ мнѣ показали рукописную службу св. царицѣ Пульхеріи и два архіерейскіе посоха, составленные изъ цѣльныхъ и большихъ кусковъ желтаго янтаря,—одинъ другаго лучше. На одномъ я замѣтилъ Греческую надпись. Она гласитъ, что въ 1685 году Константинъ Дука воевода Молдавскій подарилъ сей посохъ Гедеону архіепископу Кесаріи Каппадокійской. Сей іерархъ скончался въ Ксиропотамѣ.

Драгоцѣнны всѣ оныя сокровища, хранящіяся въ этой обители. А библіотека ея содержитъ однѣ печатныя книги. Рукописей въ ней нѣтъ. Это удивительно, но дѣйствительно. Изъ числа печатныхъ книгъ я взялъ для чтенія три, тогда неизвѣстныя мнѣ изданія, именно: a) Liturgiarum orientalium collectio Eusebii Renodotii Parisini Tom. I. II. *собраніе восточныхъ Литургій Евсевія Ренодота въ двухъ томахъ*; b) Graeciae orthodoxae Tom. I. II. in quibus continentur scriptores Nicephorus Blemmida, Ioannes Veccus et caeter. de processione spiritus sancti et aliis.

Romae 1652 an: *два тома православной Греціи, въ которыхъ содержатся сочиненія Никифора Влеммида, Іоанна Векка и другихъ объ исхожденіи святаго Духа и о прочемъ. Въ Римп 1652 г.* Stephani Byzantini de urbibus, Στέφανος περὶ πόλεων. Amsterdam. 1678: *Стефана Византійскаго о городахъ.* Восточныя литургіи Несторіанъ, Сиріанояковитовъ и Коптовъ показались мнѣ достойными самаго внимательнаго изученія; и потому я упросилъ Ксиропотамскихъ отцовъ дать ихъ мнѣ на все время пребыванія моего на Аѳонѣ, обѣщавшись возвратить ихъ въ неповрежденной цѣлости предъ отъѣздомъ съ св. горы: что и исполнено. А сочиненія Влеммида и Векка о св. Духѣ я принялъ къ свѣдѣнію, *) выписавъ изъ предисловія къ второму тому ихъ одно коротенькое сказаніе о томъ, что „патріархъ Беккъ (латиномудрствовавшій) и ученики и сподвижники его Константинъ Мелитиніотъ и Георгій Метохитъ, оба діаконы, скончались въ узахъ и темницахъ, первый послѣ 14 лѣтняго, вторый послѣ 24 лѣтняго, и третій послѣ 45 лѣтняго заключенія за преданность Римскому догмату и папѣ“. Изъ книги же Стефана Византійца о городахъ, снабженной многочисленнѣйшими примѣчаніями, извлечены были мною свѣдѣнія объ Аѳонѣ и о городахъ, существовавшихъ на этой горѣ въ пятомъ и шестомъ вѣкѣ христіанскомъ. Оказалось, что тогда тамъ были города, Аѳосъ, Акроаѳосъ, Стратоникія, Олофиксосъ, Санисъ, Аканѳосъ, Аполлонія, Діонъ. Послѣ стяжанія этихъ свѣдѣній нельзя было и думать о томъ, что Константинъ великій († 337 г.) выселилъ съ Аѳона мірскихъ жителей и отдалъ эту гору монахамъ.

Не богатые прибытки знанія получилъ я въ библіотекѣ Ксиропотама: а изъ архива сей обители довелось мнѣ почерпнуть, кромѣ чистой воды, и мутную: я разумѣю поддѣльные хрисовулы (грамматы съ золотыми печатями), будто бы пожалованные Ксиропотаму греческими царями Романомъ Лакапинымъ и Андроникомъ старшимъ. Эти хрисовулы напечатаны Ксиропотамскимъ мо-

*) Впослѣдствіи удалось мнѣ найти и купить эту рѣдкую книгу.

нахомъ Кесаріемъ Дапонте († 1784 г.) въ особой книжицѣ подъ названіемъ Τραπέζα πνευματική—*брашно духовное*. Сіе брашно совали мнѣ въ руки властные старцы, но я упросилъ ихъ показать мнѣ рукописные свитки, какіе хранятся въ ихъ архивѣ. Эти свитки, къ величайшему удовольствію моему, были представлены мнѣ; и я прочелъ ихъ и переписалъ своею рукою.

А теперь обсуживаю ихъ съ неумолимою строгостію, имѣя подъ руками *иномонастырныя*, соприкосновенныя къ нимъ Дѣеписанія, какъ пробы, показывающія мишуру и золото, ложь и истину; предварительно же вкратцѣ излагаю житіе преподобнаго Павла Ксиропотамскаго, которому (будто бы) царь Романъ старшій пожаловалъ животворящее древо креста при хрисовулѣ своемъ, излагаю, какъ оно напечатно въ отдѣлѣ греческой Четь—Минеи, называемомъ νεὸν ἐκλόγιον.—

„Преподобный Павелъ, въ мірѣ Прокопій, былъ сынъ греческаго царя Михаила Куропалата, по прозванію Рангавэ, и Прокопіи дочери царя Никифора Геника. Отецъ его царствовалъ съ 811 года по 813, и потомъ омонашился. А преемникъ его Левъ Армянинъ оскопилъ младенца Прокопія. Когда же этотъ младенецъ сталъ мужемъ, и бывши Ѵпатомъ философовъ презрѣлъ міръ и всю суету его, тогда ушелъ на Аѳонскую гору, и тутъ поселился въ Ксиропотамской обители, построенной царицею Пульхеріею, но не задолго предъ тѣмъ опустошенной агарянами. Въ сосѣдствѣ съ нимъ жилъ благочестивый отшельникъ Козьма. Отъ него Прокопій принялъ монашескій постригъ съ именемъ Павла. Началось строгое подвижническое житіе его, и со временемъ прославилось на всей святой горѣ. Между тѣмъ на греческій престолъ взошелъ родственникъ его Романъ Лакапинъ (въ 919 году). Онъ вызвалъ съ Аѳона преподобнаго Павла, и молитвами его получивъ исцѣленіе отъ тяжкой болѣзни, поручилъ ему воспитаніе и обученіе дѣтей своихъ, но скоро отпустилъ его назадъ, давши ему деньги на возобновленіе Ксиропотамской обители, и пожаловавъ великую часть Животворящаго древа крестнаго съ

Христа, вѣсомъ въ сто золотниковъ, толщиною съ перстъ, (положенный плашмя), шириною въ два перста (положенные такъ же), и длиною въ локоть съ четвертью. Павелъ возобновилъ Ксиропотамъ великолѣпно и собралъ къ себѣ множество монаховъ, но вскорѣ оставилъ ихъ, и удалился въ подгорье Аѳона, гдѣ и выстроилъ другую обитель съ церковію во имя св. великомученика Георгія при пособіи царской казны, высланной ему изъ Константинополя. Эта обитель понынѣ называется Свято-Павловскою. Первымъ настоятелемъ ея былъ самъ онъ, впрочемъ недолго, потому что вскорѣ померъ. Останки его отвезены были въ Константинополь, и тамъ положены въ Софійской церкви, (по другому сказанію въ обители Перивлептосъ, что нынѣ Армянскій Сулу—монастырь.)“

Въ это житіе многое внесено изъ хрисовула царя Романа старшаго. Подлиннаго хрисовула этого нѣтъ: а есть два списка на пергаминѣ, кои и передаются здѣсь въ русскомъ дословномъ переводѣ съ показаніемъ ихъ разностей.

Во имя Отца и Сына и святаго Духа.

Романъ вѣрный царь и самодержецъ Ромеевъ. Всѣхъ благъ податель и видимой и невидимой твари Создатель сначала создалъ человѣка безсмертнаго съ тою цѣлію, чтобы онъ, хотя и двусоставный пребывалъ подобенъ упрощеннымъ (ἁπλουςέρων) ангеламъ и прославлялъ Благодѣтеля, не потому, чтобы Создатель требовалъ славы отъ созданія, такъ какъ Онъ ни въ чемъ не нуждается, а для того, чтобы созданіе, воздавая создателю должную славу, сподобилось справедливаго прославленія, и былобы подобно ангеламъ. Но поелику напередъ сотворенный (Денница) и прежде увеселявшійся упрощенностію своею не потерпѣлъ видѣть человѣка, почтеннаго тою же упрощенностію (ἁπλότητι), и выдумавъ противуположныя (райской заповѣди) увѣренія, нашепталъ ему, что самъ-де онъ богомъ будетъ, если вкуситъ отъ дерева познанія, и пошатнувъ его, низвергъ на землю. Падшій же лежалъ, какъ трупъ жалкій и достойный состраданія немалаго, такъ какъ у него уже не было и силы встать когда либо.

Ибо три средства ему нужны были для того, чтобы возвратить себѣ первое достоинство, смиреніе вмѣсто прежней гордости, послушаніе вмѣсто прежняго преслушанія, и наконецъ добровольная смерть за родъ (человѣческій), противъ котораго онъ, прельщенный, согрѣшилъ. Но онъ не только выполнить сего, но и удалиться отъ грѣха не могъ. Посему создавшій его изначала Богъ тріѵпостасный опять вспомнилъ его въ послѣднее время, такъ что и самъ Единородный Сынъ божій, снисшедши изъ Отчихъ неописанныхъ нѣдръ, ради человѣковъ человѣкомъ дѣлается:

Чтеніе въ спискѣ 1-мъ.

За что Ему всякій благочестивый неотмѣнно долженъ воздавать служебное поклоненіе, и приносить всякіе посильные дары отъ всей души, и отъ всего помышленія и отъ всего имущества, по словамъ десятословія.

Всего этого нѣтъ здѣсь.

Посему мудрый законодатель древняго Израиля говорилъ: „*устами твоими*“ и сердцемъ твоимъ и руками твоими *да прославишь Бога*. И еще нѣгдѣ: „аки отъ лица божія *да не явишися предомною тощъ*: показуя, что такими (дарами) надобно прославлять Бога, который одинъ есть непогрѣшимый цѣнитель ихъ. А ежели это есть неот-

Въ спискѣ 2-мъ.

За что Ему всякій благочестивый неотмѣнно долженъ воздавать служебное поклоненіе, и приносить всякіе посильные дары *устами и душею и сердцемъ: устами ежедневно, при всѣхъ и наединѣ, воспѣвать, благословлять и прославлять его долготерпѣніе и попеченіе о человѣческомъ родѣ: душею же непрестанно служить Ему, какъ Богу: а сердцемъ само-произвольно приносить Ему самое лучшее и драгоцѣннѣйшее изъ того, что имѣется, какъ единому виновнику и подателю всѣхъ благъ.*

Посему и мудрый законодатель древняго Израиля говорилъ: „*устами твоимъ и сердцемъ твоимъ и руками твоими*“. И еще: „*Аки отъ лица божія да не явишися предо мною тощъ*“*)

Тоже

*) Исход. 23, 15.—34. 20.—

Чтеніе въ спискѣ 1-мъ.

мѣнный долгъ всѣхъ благочестивыхъ, то кольми паче воцарившихся съ помощію Его; да и по двумъ причинамъ они должны приносить многія благодаренія Владыкѣ всѣхъ, потому что паче прочихъ почтены Имъ обширно, и потому что имъ надлежитъ быть образцами добродѣтели и примѣрами благочестія. Таковыми же дарами должно почитать и пречистую Матерь Его и дѣву Богородицу Марію, какъ виновницу спасенія всѣхъ; а послѣ нея и досточтимое древо животворящаго креста надобно почитать и покланяться Ему. Ибо о немъ говоритъ царепророкъ Давидъ: *„возносите Господа Бога нашего, и покланяйтеся подножію ногу Его яко свято Есть“* *). Посему то и благочестивая царственность моя, заботясь о подданныхъ и о всѣхъ около себя попеченіе имѣя, такъ какъ законъ всякому Еллину и варвару повелѣваетъ подвизаться даже до крови за единоплеменниковъ, а законъ Божій, паче онаго богонаучительный и свѣтлѣйшій, каждому повелѣваетъ предавать себя самого за другаго, благоволила *царственность моя* въ защиту преподобнѣйшихъ монаховъ аѳонской уважаемой обители приснопамятной царицы Пульхеріи дѣвицы возобновить *стѣны*. Ибо я нашелъ ее сравненную съ землею и совершен-

Въ спискѣ 2-мъ.

Тоже

Тоже

Тоже

Тоже

Тоже

Тоже

благоволила *держава благочестивой царственности моей* въ защиту монаховъ аѳонской . . . . дѣвицы возобновить *стѣну*.

---

*) Псал. 98, 5.

Чтеніе въ спискѣ 1-мъ.

но разрушенную, такъ что стѣны ея словно призраки въ водѣ.

Тоже,

Ἐπικαλουμένη *прозываемая*

но

не въ скобкахъ.

. . . Павла *преподобнаго по прозванію Ксиропотамскаго*, при помощи благодати божіей, построла храмъ обширный и красивый, *и пожаловала ему одежды златотканныя и многія златошвейныя ризы, и священные покровцы, и святую чашу съ дискосомъ изъ золота,* а около него—домы пространные, т. е. страннопріимницы и постели съ приборомъ для приходящихъ, еще же и стѣны высокія и башни и бойницы многія (προμαχῶνας), не подобныя прежнимъ, но гораздо лучшія и удивительнѣйшія, да будутъ твердынею для монаховъ и благочестивыхъ мужей, великолѣпныя на взлядъ, *слуху же (молвь) пріятнѣйшія* по причинѣ всѣми уважаемой въ нихъ добродѣтели: ибо тутъ находится паственная ограда Христова, которой овецъ не могутъ распудить чувственные и духов-

Въ спискѣ 2-мъ.

. . . . призраки въ водѣ.

(Такова была уважаемая обитель и Богомвѣнчанныхъ страстотерпцовъ святыхъ Четыредесяти, древле прозванная ἐπικεκλημένη, Химарросъ, нынѣ же Ксиропотамъ, такова, что и подобія стѣны не видать по причинѣ озорничества руки Измаильтянъ). Но царственность моя, воспользовавшись содѣйствіемъ образователя подвижниковъ ἀλείπτη *) Ѵпата философовъ *преподобнѣйшаго Павла Ксиропотамскаго*, при помощи благодати божіей, построила храмъ обширный и весьма красивый, и около него домы пространные и стѣны высокія, не подобныя прежнимъ, но гораздо лучшія и удивительнѣйшія, да будутъ твердынею для монаховъ и благочестивыхъ мужей, великолѣпныя на взглядъ, μεγαλοπρεπῆ μὲν τῇ θέᾳ, τοῖς δὲ λογισμοῖς διὰ τὴν ἐν αὐτοῖς εὐδοκιμοῦσαν ἀρετὴν, ἀτεχνῶς χαριέςατα, да и *разсудку воистину пріятнѣйшія* по причинѣ всѣми уважаемой въ нихъ добродѣтели: ибо тутъ находится паственная ограда (μάνδρα) Христова, которой овецъ не могутъ распудить чувственные и духовные волки. Придалъ же я ей благолѣпіе и величіе, не какъ пришлось: (напротивъ) воздвигъ около нея башни, построилъ страннопріимницы, поставилъ

*) Ἀλείπτης—celui qui formait et exerçait les athlêtes.—Dictionnaire Grec—Français. par

Чтеніе въ спискѣ 1-мъ.

ные волки, такъ какъ сіи овцы благочестиво пасутся рѣченнымъ преподобнѣйшимъ Павломъ монахомъ и пресвитеромъ, и подъ защитою Господа Бога пребываютъ, καὶ ὑπὸ τῆς τοῦ κυρίου τοῦ θεοῦ ἀντιλήψεως αὐλιζόμενα, τὸν ἱερὸν, καθ' ἑτέραν ἐπιβολὴν, μελισσῶνα τοῦτον περιβομβεῖν ἐμμελέςατα, *) τὸν τῆς ἀρετῆς ἐργαζόμενα καρπὸν. . . . . священный пчельникъ сей въ каждый полётъ оглашаютъ сладкопѣніемъ, воздѣлываютъ плодъ добродѣтели, источаютъ медъ, и на судъ пресущественнаго божества пробуждаются **), и преподобныя руки по ночамъ воздѣваютъ, не имѣя худыхъ воспоминаній и суетныхъ помышленій, тѣло истощаютъ, умомъ парятъ, духомъ горятъ, Господу работаютъ, упованіемъ увеселяются, въ скорби терпятъ, молятся неустанно, необходимое Святымъ доставляютъ (ταῖς χρείαις τῶν ἁγίων κοινωνῦντα), страннолюбіемъ занимаются усердно, согласно съ священными заповѣдями. Еще же поставилъ я старопитомники и больницы съ двѣнадцатью Параклисами, μετὰ καὶ δύο καὶ δέκα παρεκκλησιῶν, и многими вкладами, какъ подобаетъ, обогатилъ рѣченную обитель царства моего, да и патріаршимъ присутствіемъ просла-

Въ спискѣ 2-мъ.

старопитомникъ и больницу, γηρωκομεῖάν τε καὶ νοσοκομεῖαν συνέςησα, (sic) соорудилъ тутъ и Параклисы числомъ двѣнадцать, δώδεκα τὸν ἀριθμὸν, и многими вкладами, какъ подобаетъ, обогатилъ, освяцевіе же ея прославилъ присутствіемъ патріарха.

Ничего

подобнаго

нѣтъ

доселѣ.

Т о ж е.

---

*) Послѣ слова ἐμμελέςατα не достаетъ глагольнаго причастія и потому нѣтъ тутъ смысла.

**) Т. е. встаютъ въ полночь, ожидая страшнаго суда.

Чтеніе въ спискѣ 1-мъ.

вилъ освященіе Ея. А такъ какъ послѣ обновленія и освященія святаго храма, и послѣ возвращенія святѣйшаго патріарха кир Ѳеофилакта, вожделѣннѣйшаго сына царственности моей и духовнаго отца моего, *я благословно* надумалъ исполнить желаемое, послѣ того какъ богоубѣдительными молитвами его выздоровѣлъ и съ одра всталъ, приблизившись чуть не къ порогу ада; то и разсудилъ: что̀ надлежало мнѣ сдѣлать. И вошелъ я съ нѣкоторыми изъ Синклита въ сокровищницу царства моего, и нашедши самую большую часть изъ всѣхъ честныхъ деревъ Животворящаго Креста и удивленія достойную,—(ибо она понынѣ имѣетъ въ себѣ напоминаніе о Владычнемъ страданіи—одну язвину гвоздей, коими обоженная плоть Господа моего была прободена, и очищеніе грѣховъ нашихъ дано, такъ какъ ливень, ἡ λιβὰς, всесвятой крови пролился),—у которой высота продольника съ поперечниками будетъ въ одинъ локоть съ небольшимъ, а ширина въ два пальца и толщина въ одинъ палецъ, вѣсу же сто драхмъ, и взявъ на руки сіе святое сокровище, грозное знамя небеснаго царя, сіе имѣющее явиться на небѣ знаменіе Сына человѣческаго, имѣющаго придти судить живыхъ и мерт-

Въ спискѣ 2-мъ.

Т о ж е.

. . . . отца моего, я надумалъ исполнить желаемое, послѣ того какъ богоубѣдительными молитвами его, *назадъ тому три дни*, выздоровѣлъ и съ одра всталъ; то и разсудилъ: что̀ надлежало мнѣ сдѣлать. И вошелъ съ *немногими изъ Синклита и съ магистрами* въ сокровищницу царства моего....

Т о ж е.

Т о ж е.

и взявъ *на руки святое сіе сокровище, грозное знамя небеснаго царя Христа Бога,* возложилъ на святыя руки преподобнѣйшаго

Чтеніе въ спискѣ 1-мъ.	Въ спискѣ 2-мъ.
говѣйно возложилъ на святыя руки преподобнѣйшаго Павла Ксиропотамскаго, да будетъ, пока придетъ Господь, неотъемлемымъ вкладомъ въ рѣченную достоуважаемую обитель царства моего....	*архимандрита* Павла Ксиропотамскаго, да будетъ (пока пріидетъ Господь) неотъемлемымъ вкладомъ въ рѣченную достоуважаемую обитель царства моего: а препроводилъ оное (знаменіе) съ церковною и военною торжественностію, дабы положили оное въ святомъ алтарѣ сей обители ради освященія и
Тоже	
царской *обители* нашей	утвержденія царской *паствы* нашей. А такъ какъ ради его Синклитъ и весь народъ много просилъ не лишать ихъ сей небесной благодати; то повелѣла царственность моя, чтобы въ каждое трехлѣтіе посылаемы были
Тоже	отъ державнаго царства Ромеевъ два тайные секретаря съ однимъ сотникомъ, а отъ Синода вселенскаго патріарха два клирика, и въ виду народа (δημοσίως) было бы отсылаемо (Древо) съ военнымъ копьеношеніемъ и съ шествіемъ
Сенатскихъ сановниковъ *въ первый* день κατὰ τὴν πρώτην августа мѣсяца, и сопровождаемо почетными монахами нашей уважаемой обители Ксиропотамской, ради святаго	сенатскихъ сановниковъ, *въ 1-й* день κατὰ τὴν αην августа мѣсяца, для святаго
	нѣтъ
поклоненія ему и всемірнаго воздвиженія, потомъ такъ же отсылаемо и переносимо въ рѣченную обитель съ подобающею торжественностію и благоговѣйностію. Посему повелѣваетъ *держава царства нашего* давать ежегодное жалованье Ксиропотамскимъ отцамъ, ради душевнаго нашего спасенія, на	поклоненія ему и всемірнаго воздвиженія, потомъ такъ же отсылаемо и переносимо *Ксиропотамскими монахами въ благоустроеннѣйшую обитель царства моего* съ подобающею торжественностію. Посему повелѣваетъ *благочестивая наша держава, по силѣ настоящаго златопечатнаго слова*, давать ежегодное жа-

Чтеніе въ спискѣ 1-мъ.

обитающихъ (тамъ) монаховъ извѣстныхъ добродѣтелію, *этихъ отцовъ тѣмъ только и живущихъ*. Ибо ежели монаховъ на Олимпѣ, и Киминѣ, и Латрѣ хрисовулами ущедрила моя благочестивая царственность, то кольми паче о своихъ молитвенникахъ обязательно попечется навсегда. Посему и настоящее златопечатное Слово даетъ и жалуетъ рѣченной уважаемой Обители, которымъ благоволитъ и постановляетъ, чтобы, по предъявленіи его, монахи сей обители преподобнѣйшаго Павла Ксиропотамскаго, ради чествованія животворящаго, крестнаго честнаго древа, получали изъ казны державнаго царства Ромеевъ, на всякій годъ, *тысячу восемьсотъ золотыхъ* моего чекана для рѣченныхъ страннопріимницъ и больницъ, и для того, чтобы праздновались торжественно съ щедродательностію и съ всенощнымъ бдѣніемъ три годовые праздника: Святое Введеніе Богородицы въ храмъ подзаконный (*ибо святоименная гора свыше дана Ей, какъ жребій)*, всемірное Воздвиженіе честнаго древа всесвятаго креста, потому что держава благочестиваго царства нашего обогатила *(обитель)* сею благодатію, и Мученичество святыхъ Богомвѣнчанныхъ великомучениковъ моихъ четыредесяти, потому что всѣ покланяемыя мощи этихъ святыхъ съ хрисовуломъ положены, какъ со-

Въ спискѣ 2-мъ

ради душевнаго нашего спасенія, *восемь сотъ монетъ золотыхъ*, на покупку вещей необходимыхъ для обитающихъ (тамъ) извѣстныхъ добродѣтелями монаховъ, *и на содержаніе страннопріимницъ и больницъ, живущихъ этимъ бѣдныхъ, недужныхъ и водворяющихся странниковъ*. Ибо ежели *преподобнѣйшихъ* монаховъ на Олимпѣ, и Киминѣ, и Латрѣ хрисовулами ущедрила моя благочестивая царственность; то кольми паче *о непрерывно молящихся вечеромъ и утромъ и во всякій часъ* обязательно попечется навсегда, *и сдѣлаетъ ихъ свободными отъ житейскихъ заботъ*. Посему и настоящее златопечатное Слово даетъ и жалуетъ рѣченной *весьма* уважаемой обители *царства моего*, которымъ благоволитъ и постановляетъ, чтобы, по предъявленіи его, монахи сей обители преподобнѣйшаго Павла Ксиропотамскаго, ради чествованія животворящаго крестнаго честнаго древа, получали изъ казны державнаго царства Ромеевъ, на всякій годъ, *восемьсотъ золотыхъ* моего чекана для рѣченныхъ страннопріимницъ и больницъ, и для того, чтобы праздновались торжественно...

Тоже

Чтеніе въ спискѣ 1-мъ

кровище, въ сей обители первою строительницею ея приснопамятною царипею Пульхеріею дѣвицею, въ то время, когда этой блаженной царицѣ во снѣ являлись сіи святые четыредесять великомученики Христовы.

— Въ добавокъ къ сему причислены и пожертвованы, какъ неотъемлемые метохи, и *три* благоустроенные домы въ Цареградѣ: въ Неоріи съ основаній воздвигнутый царственностію моею святый храмъ пресвятой Богородицы, и соединенный съ нимъ дворецъ мой отческій, съ прилежащими къ нему лавками и съ прочимъ окружіемъ, которое есть Мvрелеонъ, —и въ Константиніанахъименитый храмъ святыхъ моихъ четыредесяти, съ наемными домами его и лавками, да владѣетъ и располагаетъ ими уважаемая обитель царства моего, доколѣ солнце на землю смотритъ, по тому что сей храмъ издревле былъ матернее достояніе преподобнѣйшаго Павла и духовнаго отца царственности моей, бывшаго сына оной приснопамятной Августѣйшей Прокопіи, дочери Никифора, супруги Михаила, приснопоминаемыхъ и православныхъ царей предшественниковъ нашихъ.

Въ спискѣ 2-мъ

Тоже

....Въ добавокъ къ сему причислены и пожертвованы, какъ неотъемлемые метохи, и *два* благоустроенные дома въ Цареградѣ какъ то: *въ монастырь обращенный отческій дворецъ мой, называемый Мvрелеонъ* съ прилежащими къ нему лавками,— и въ Константиніанахъ именитый храмъ святыхъ моихъ четыредесяти съ наемными домами его. Ибо онъ издревле былъ матернее достояніе преподобнѣйшаго Павла, духовнаго отца и учителя вожделеннѣйшихъ сыновъ царственности моей, бывшаго сына приснопомятнаго и благочестивѣйшаго царя Михаила Рангавѐ....

Тоже

Тоже

Итакъ кто покусится низвратить (изложенное) въ настоящемъ (Хрисовулѣ) дѣяніе, и лишить мою обитель сказаннаго жалованья, или закрѣпостить, или подчинить ее какому нибудь сановному лицу, или отчудить отъ рѣченной обители царства мо-

его покланяемое и всесвятое Древо животворящаго креста, это святое подножіе небеснаго царя, которому покланяться приглашаетъ насъ царепророкъ Давидъ, говоря: внидемъ въ селенія Его, поклонимся мѣсту, идѣже стоястѣ нозѣ Его *): таковый какъ святотатецъ, да получитъ разслабленіе Каина и проказу Гіезія и удавленіе Іуды; и часть его съ распявшими Господа славы. Объявленная же уважаемая величайшая обитель царства моего, прозываемая Ксиропотамъ (τοῦ Ξηροποτάμȣ), по силѣ и по предъявленіи настоящаго златопечатнаго Слова царства моего, должна безпрепятственно получать отнынѣ и впредь сказанное жалованье изъ казны державнаго царства Ромеевъ, съ тѣмъ, чтобы въ каждую субботу совершала литургію за упокой блаженной души возлюбленнѣйшей мнѣ приснопамятной августѣйшей царицы Ѳеодоры. Властна же она получать и прибытокъ и всякій доходъ отъ рѣченныхъ трехъ святыхъ именитыхъ храмовъ, сохраняя ихъ, какъ собственныя стяжанія свои и метохи, какъ обитель незатрогиваемая и неподатная ни царскому, ни патріаршему или мірскому сановничеству. А для твердой и постоянной безопасности состоялось и сіе златопечатное Слово благочестиваго царства нашего, данное въ февралѣ мѣсяцѣ настоящаго индиктіона въ лѣто 6432, въ которое и наша благочестивая и Богоизбранная подписала Держава.

† Романъ въ Христа Бога вѣрный царь и самодержецъ Ромеевъ.

Таково содержаніе и таковы разности сего Хрисовула. А вотъ и наружный видъ его въ двухъ спискахъ.

---

*) Псаломъ 131. ст. 7.

† Ἐν ὀνόματι τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος.

Ὁ πάντων τῶν ἀγαθῶν παροχεὺς καὶ τῆς ὁρατῆς καὶ ἀοράτου κτίσεως τεχνουργὸς κατ' ἀρχὰς ἔπλασε τὸν ἄνθρωπον ὡς ἀθανατον... κ. τ. λ.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Списокъ первый.

† Титулъ царя, золотыми буквами написанный, весь стерся.

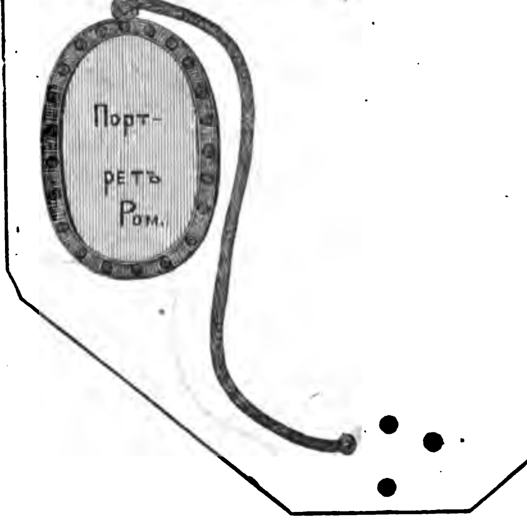
Ὁ πάντων τῶν ἀγαθῶν παροχεὺς καὶ τῆς ὁρατῆς καὶ ἀοράτου κτίσεως τεγνουργὸς κατ' ἀρχὰς ἔπλασε τὸν ἄνθραπον..., κ. τ. λ.

. . . .

. . . .

. . . .

ςυλβ



Списокъ второй.

Оба списка написаны на двухъ, длинныхъ и широкихъ, листахъ пергаминныхъ. Къ нимъ привѣшены на шелковыхъ шнуркахъ золотыя печати, на которыхъ вычеканено изображеніе царя Романа. На второмъ спискѣ вверху красками нарисованъ этотъ Романъ въ полномъ царскомъ одѣяніи, подносящій часть животворящаго креста въ раскрытомъ ковчежцѣ игумену Ксиропотамской обители Павлу, который, имѣя сіяніе вокругъ головы своей, стоитъ напротивъ его вмѣстѣ съ нѣсколькими монахами: позади ихъ изображена сія обитель, а за нею поодаль—башня, построенная Романомъ. Подъ этимъ рисункомъ написанъ полный титулъ сего Государя золотыми буквами, кои почти изгладились: а подъ титуломъ начинается Хрисовулъ, который оканчив..ется подписью Романа. Эта подпись начертана замысловатою вязью. Буквы въ ней, багрянаго цвѣта, весьма крупны, толсты и длинны. На первомъ спискѣ нѣтъ ни рисунка, ни царскаго титула, а слова, во имя Отца и Сына и св. Духа, написаны золотомъ: заглавныя буквы меньше подобныхъ буквъ втораго списка; письмо крупнѣе и хуже; прибавокъ много; слово Λόγος прописано краскою пунцовою, а во второмъ красною.

Оба списка рознятся и противорѣчатъ другъ другу, исторіи и хронологіи, такъ что нѣтъ никакой возможности согласить и примирить ихъ. Излагаю эти разности и противорѣчія.

Въ первомъ спискѣ Павелъ Ксиропотамскій называется то преподобнымъ, то преподобнѣйшимъ, пресвитеромъ, духовнымъ отцомъ царя Романа, сыномъ же Прокопіи и Михаила, котораго прозваніе—Рангавэ опущено: а во второмъ—только преподобнѣйшимъ да еще *архимандритомъ*, тогда какъ на Аѳонѣ, ни въ десятомъ вѣкѣ, ни послѣ, архимандрій не было, духовнымъ отцомъ и *учителемъ сыновъ* сего Романа, сыномъ же Прокопіи и Михаила *Рангавэ*.

Въ первомъ спискѣ сказано, что всякій благочестивый человѣкъ долженъ воздавать Сыну Божію поклоненіе и приносить дары отъ всей души и отъ всего помышленія и отъ всего имущества:

а во второмъ—приносить дары *устами и душею и сердцемъ*; устами прославлять Его, душею служить Ему, какъ Богу, сердцемъ жертвовать самое лучшее изъ того, что имѣется.—Усматривая такія разности, не знаешь: который списокъ правильнѣе: и разумно не вѣришь ни тому, ни другому, не имѣя въ виду подлинника, который впрочемъ едва ли существовалъ.

По сказанію перваго списка царь Романъ построилъ на Аѳонѣ храмъ обширный и *красивый* и снабдилъ его драгоцѣнною ризницею и утварію: а по второму списку храмъ этотъ былъ *весьма* красивъ, но ни ризы, ни утварь не были пожалованы ему.

Въ обоихъ спискахъ замѣтна рознь въ перечисленіи зданій, построенныхъ Романомъ въ Ксиропотамѣ. Въ первомъ къ высокимъ башнямъ прибавлены многія бойницы, а въ страннопріимницахъ показаны постели съ приборомъ для приходящихъ: во второмъ же нѣтъ ни слова ни о бойницахъ, ни о постеляхъ. Тамъ упомянуты *пріюты* для старыхъ и *больницы*, а здѣсь—*одинъ* пріютъ для нихъ и *одна* больница.

Въ первомъ спискѣ расхвалены ксиропотамскіе монахи, какъ сладкопѣсненныя пчелы, выдѣлывающія медовыя добродѣтели, какъ полуночные ожидатели страшнаго суда Христова, какъ молитвенники, у которыхъ во время моленій не бываетъ даже худыхъ помысловъ и воспоминаній, какъ подвижники, истощающіе тѣло, парящіе умомъ, молящіеся неустанно, и какъ усердные страннопріимники. А составитель втораго списка посовѣстился расточать такія похвалы собратіямъ своимъ, и умолчалъ объ ихъ совершенствахъ.

Этотъ составитель ввелъ царя Романа въ сокровищницу его *со многими* изъ Синклита и *съ магистрами:* а сочинитель перваго списка не видалъ тамъ магистровъ, изъ Синклита же примѣтилъ лишь *нѣкоторыхъ*. У этого сочинителя Ксиропотамцы сопровождаютъ пожалованное имъ Животворящее древо на пути въ Константинополь: а у онаго составителя они переносятъ его только обратно на Аѳонъ.

Въ первомъ спискѣ Ксиропотамской обители назначено жалованья изъ царской казны 1800 золотыхъ монетъ: а во второмъ только 800. Тамъ подарены ей въ Цареградѣ *три* дома, а здѣсь только *два*.

Прочитавъ все это, вспомнишь Ювенала и повторишь его словцо: mendax Graecia—*лживая Грецiя*.

Въ обоихъ спискахъ сказано, что Ксиропотамскiй монастырь построенъ былъ еще царицею Пульхерiею, (450 г.) и что она дала ему св. мощи Сорока мучениковъ Севастiйскихъ. Но не то говоритъ исторiя. Въ Пасхальной хроникѣ отмѣчено, что „Пульхерiя супруга Маркiана царя, по видѣнiю, κατ' ὀπτασίαν, обрѣла мощи святыхъ сорока мучениковъ Севастiйскихъ, скрытыя въ церкви св. Θирса позади амвона, и что для этихъ мощей создалъ храмъ за Троадскими воротами (Константинополя) консулъ и префектъ Кесарiй“. (Chronic. Paschale. Bonn. 1832 p. 590). Итакъ вотъ гдѣ положены были эти честныя мощи, а не въ Аθонскомъ Ксиропотамѣ! — На томъ и другомъ спискѣ (небывалаго) хрисовула царя Романа намѣчены, годъ 924-й и индиктъ 15-й. Но съ этимъ годомъ совпадалъ индиктъ 12-й, а не 15-й, Въ путешествiи Барскаго переведенъ по русски оный Хрисовулъ, но годъ на немъ поставленъ уже 6542—1034-й, мѣсяцъ февраль, индиктъ 15-й. А въ этомъ году и мѣсяцѣ царствовалъ Романъ, но не старшiй и не младшiй, даже не Романъ Дiогенъ, а Романъ Аргиръ († 11 апр. 1034 г.) Значитъ: во дни Барскаго Аθонскiе грамотѣи надумали приписать возобновленiе Ксиропотама уже Роману Аргиру при содѣйствiи Павла Ксиропотамскаго. Но это еще хуже. Малограмотные они не разочли, что въ 1034 году этому Павлу, родившемуся отъ царя Михаила Рангаве въ 811 году, было бы 222 года отъ роду. Да и индиктъ былъ 2-й, а не 15-й. Вотъ какъ обличаетъ себя неразумная поддѣлка!

Составители Романова Хрисовула съ 924 годомъ написали въ немъ, что въ этомъ году Ксиропотамскiй монастырь былъ освященъ Цареградскимъ патрiархомъ Θеофилактомъ, который былъ

родной сынъ сего Романа. Но сей Ѳеофилактъ патріаршествовалъ съ 933 года по 956-й, и въ 924 году ему отъ роду было только 9 лѣтъ; ибо онъ на патріаршую каѳедру возведенъ былъ 16 лѣтній.

Сколько промаховъ! Сколько неточностей и нелѣпостей! И послѣ нихъ еще голосятъ Аѳонцы, что хрисовулъ Романа заслуживаетъ вниманіе! Нѣтъ, это дѣеписаніе такое, какое дошло до насъ, не имѣетъ ни малѣйшей исторической цѣнности. Начало его, отъ словъ,—(Богъ) *сначала создалъ человѣка безсмертнаго*—до словъ: *посему царственность моя, заботясь о подданныхъ:*—это богословское начало цѣликомъ выписано изъ хрисовула, который данъ былъ Іоанномъ Палеологомъ въ монашествѣ Іоасафомъ въ въ 6915—1407 году Лаврѣ, Ватопеду и Свято-Павловскому монастырю на Аѳонѣ, и въ которомъ говорится о сотвореніи человѣка безсмертнымъ, о паденіи его по наважденію діавола, о вочеловѣченіи Сына Божія и о почитаніи Его умомъ и словомъ и дѣломъ (νῷ καὶ λόγῳ καὶ πράγματι), и о почитаніи Пресвятой Дѣвы, яко виновницы спасенія христіанъ; приводятся тѣже слова Моисея, что и въ поддѣльномъ хрисовулѣ Романа; упоминается о томъ же долгѣ царей. Изъ этого Палеологовскаго хрисовула въ поддѣльный хрисовулъ Романа попали даже слѣдующія выраженія: „*Я нашелъ* (Ксиропотамскую обитель *вмѣсто города Кассандры) совершенно разрушенною, такъ что стѣны ея словно призраки въ водѣ*, ὥσπερ τὰ ἐν τοῖς ὕδασιν τείχη φαινόμενα: *я построилъ стѣны и башни не подобныя прежнимъ, но гораздо лучшія* ᾠκοδόμησα τείχη καὶ πύργους....

Никуда не годится показываемый въ Ксиропотамѣ хрисовулъ Романа старшаго съ 924 годомъ, какъ рукописный, такъ и печатный. Въ немъ сказано, что Павелъ Ксиропотамскій былъ сынъ царя Михаила (Куропалата Рангавэ) и супруги его Прокопіи, и что въ показанномъ году царь Романъ старшій вызвалъ его къ себѣ съ Аѳона для врученія ему денегъ и животворящаго древа. Но въ рукописной лѣтописи Михаила Гликаса, отъ Адама до взятія Константинополя, которую я читалъ въ Аѳонодіонисіатскомъ

монастырѣ, нѣтъ ни слова о скопленномъ сынѣ царя Михаила Рангавэ, *по имени Прокопіѣ или Павлѣ*, тогда какъ перечисляются всѣ дѣти его, именно, Никита, Евстратій и Ѳеофилактъ, и упоминается, что царь Левъ Армянинъ оскопилъ ихъ, и что Никита въ монашествѣ Игнатій впослѣдствіи былъ патріархомъ Цареградскимъ (846—857 г.) и построилъ монастырь Спасителя. Здѣсь кстати прибавить, что если бы оный Прокопій, въ монашествѣ Павелъ, былъ сынъ царя Рангавэ, родившійся въ 811 году, то въ 924-е лѣто Господне было бы ему 112 лѣтъ отъ роду, а въ такихъ лѣтахъ плавать по морю отъ Аѳона до Цареграда и обратно, строить на этой горѣ два монастыря, Ксиропотамскій и Павловскій, и управлять немалочисленною братіею, трудно и едва ли сбыточно.

Въ отрицаемомъ мною хрисовулѣ Романа Ксиропотамскій монастырь называется обителію св. 40 мучениковъ Севастійскихъ. Но не то говорятъ другія дѣеписанія, въ достовѣрности которыхъ сомнѣваться нельзя. Такъ въ Сигилліонѣ Севастократора Никифора Комнина, написанномъ на пергаминномъ полулистѣ (послѣ 1142 г.) и подписанномъ этимъ Никифоромъ черниломъ голубымъ и хранящемся въ самомъ Ксиропотамѣ, сказано, что эта обитель чествуется во имя св. великомученика Никифора *). Ранѣе 1142 года подъ вторымъ уставомъ Аѳонскимъ въ 1046 году подписался седьмымъ Иларіонъ монахъ и игуменъ обители св. Никифора. Эта обитель уже въ хрисовулѣ царя Михаила Палеолога, 1276 года, прописана, какъ Ксиропотамская обитель св. побѣдоносныхъ Сорока мучениковъ. Такую перемѣну я объясню ниже въ краткомъ очеркѣ исторіи Ксиропотама, а здѣсь сопоставляю сказку Романовскаго хрисовула о Павлѣ Ксиропотамскомъ съ сказаніями о немъ иноисточными.

Въ этомъ хрисовулѣ сей преподобный отецъ названъ сыномъ царя Михаила Рангавэ (811 г.), а въ разсмотрѣнныхъ и перебѣ-

---

*) Или Коринѳскаго † 251 г. 31 Января, или Антіохійскаго † 260 год. 9 Февраля, или Палестино—Кесарійскаго † 308 г. 13 Ноября.

ленныхъ мною дѣловыхъ записяхъ Аѳонопавловскаго монастыря, основаннаго этимъ Павломъ, нѣтъ ни слова о царственномъ родѣ его. Напротивъ, въ грамматѣ Іоанна Палеолога 1407 года сказано о немъ только вотъ что: Παῦλος ὁ ἐν τῷ Ἄθῳ καλούμενος ὅσιος— *Павелъ тотъ, который на Аѳонѣ, называется Преподобнымъ:* въ хрисовулѣ Сербскаго Деспота Стефана Грьгура 1414 года онъ названъ „Преподобнымъ и богоносными отцомъ, просіявшимъ въ постѣ во святой горѣ Аѳона".— Аѳонскій монахъ Агапій въ своемъ сочиненіи, подъ названіемъ *Калокэрини* (Ἐν Ἐτίησιν. 1801. in. 4-е), о Павлѣ этомъ сказалъ только то, что онъ былъ одинъ изъ почетнѣйшихъ и разсудительныхъ старцовъ на св. горѣ.

Заключаю всю эту критику увеселительными словами Аѳоно-Есфигменскаго игумена Ѳеодорита, (1805—1817 г.) составившаго отчетливое описаніе Аѳона, которое я нашелъ въ библіотекѣ монастыря Аѳоногригоріатскаго: „τόσον οἱ ξηροποταμινοί, ὅσον οἱ ἁγιοπαυλῖται καλούμενοι ἄφησαν τοὺς μεταγενεστέρους Παύλους, καὶ ζητοῦντες τὸν Κουροπαλάτην Παῦλον ἔχασαν τοὺς ἰδίους κτήτορας: какъ Ксиропотамцы, такъ и Святопавловцы проглядѣли тѣхъ Павловъ, которые позднѣе жили на Аѳонѣ, и отъискивая Павла Куропалата, (811 г.) потеряли изъ виду своихъ собственныхъ ктиторовъ".

Ксиропотамцы считаютъ, послѣ Романа старшаго, вторымъ ктиторомъ своей обители царя Андроника старшаго и показываютъ его хрисовулъ. Видѣлъ и я это дѣеписаніе и перебѣлилъ сокращенно; но не придаю ему никакой цѣнности, и подлинность его отрицаю согласно съ вышепомянутымъ Ѳеодоритомъ.

Этотъ хрисовулъ написанъ на пергаминномъ листѣ весьма тонкомъ и широкомъ, а данъ въ 6810—1302 году въ мѣсяцѣ августѣ, подъ индиктомъ 13-мъ. Въ началѣ его, налѣво, красками нарисованъ Андроникъ во весь ростъ въ коронѣ и во всемъ царскомъ одѣяніи; а внизу виситъ золотая тоненькая печать, на которой съ лица вычеканенъ Іисусъ Христосъ, а на оборотѣ Ан-

безобразны. Хрисовулъ начинается слѣдующими словами: † Τῶν ὅσα τῇ τοῦ κρείττονος.... Я не перевожу его по русски, потому что онъ не стóитъ такого труда, а сущность его передаю кратко. „*Въ немъ перечислены всѣ метохи и поземельныя владѣнія Ксиропотама, и обозначены границы, какія эта обитель имѣла на Аѳонѣ.*“ Такова сущность сего хрисовула: а вотъ и подробности, обличающія поддѣльность его:

— На немъ выставленъ 13-й индиктъ у 6810—1302 года. Но тогда индиктъ былъ 15-й. Ужели же царь Андроникъ не зналъ сего? ὁ σοφὸς οὗτος βασιλεὺς Ἀνδρόνικος ὁ γινώσκων τόσα ἐν τῷ καιρῷ αὐτοῦ, τὴν ἰνδικτιῶνα ἠγνόησε; (Θеодоритъ).

— Въ верху хрисовула прописанъ титулъ Андроника. Но этотъ государь равно, какъ и прочіе цари изъ рода Палеологовъ, никогда не ставилъ своего титула въ верху подлинныхъ грамматъ своихъ, коихъ довольно много въ монастыряхъ Аѳонскихъ, и всегда подписывалъ свое имя и Палеологовскій родъ свой подъ послѣднею строкою каждой грамматы. Ὁ Ἀνδρόνικος καὶ ἄλλοι Παλαιολόγοι διάφορα ἔχοντες χρυσόβουλλα οὐχ' ὁρῶνται προγεγραμμένοι, ἀλλὰ μόμον ὑπογεγραμμένοι.

— Въ разсматриваемомъ хрисовулѣ сказано, что „*Ксиропотамская обитель чествуется во имя распятія Господа нашего ради обилія въ ней честнаго древа, и во имя Введенія Богородицы, „потому что мѣсто сіе есть жребій святой матери Бога, и во „имя побѣдоносныхъ страстотерпцовъ святыхъ сорока, потому „что всѣ мощи этихъ мучениковъ положены въ ней какъ сокровища первою ктиторшею ея приснопамятною царицею Пульхеріею дѣвицею.*“ Но мы уже знаемъ изъ пасхальной хроники, что мощи сорока мучениковъ Севастійскихъ положены были не въ Аѳонскомъ Ксиропотамѣ, а въ церкви, построенной префектомъ Кесаріемъ за Троадскими воротами Константинополя. Молва же о томъ, что Аѳонъ есть жребій Богоматери, выдумана Аѳонцами и пущена по бѣлому свѣту уже въ 16 вѣкѣ. Андроникъ, царствовавшій съ 1282 года по 1328-й, не слыхалъ ея, и потому ни однажды не выразилъ въ своихъ хрисовулахъ, данныхъ *многимъ*

монастырямъ на св. горѣ. Что касается до чествованія Ксиропотама во имя распятія Христова ради обилія въ немъ честнаго древа, пожалованнаго—подразумѣвайте—Романомъ старшимъ и царицею Пульхеріею; то сія обитель издавна всѣми именуема была обителію сорока мучениковъ, и никто не зналъ ее подъ названіемъ распятія Христова. Пульхеріинъ же крестъ съ животворящимъ древомъ откуда взялся, когда Ксиропотамъ былъ разрушенъ агарянами, и даже во дни Павла былъ пустъ? Τὸ χρυσόβουλλον τὴν μονὴν τὴν πάντοτε καὶ παρὰ πάντων ὀνομασθεῖσαν τῶν ἁγίων τεσσαράκοντα, καινοτρόπως κατὰ πρῶτον εἰς ὄνομα τοῦ τιμίου σταυροῦ λέγει τιμωμένην, καὶ δύω τὰ τίμια ξύλα τίθησι. τὸ ἓν λέγον τῆς ἁγίας Πουλχερίας ἀφιέρωμα, μὴ αἰδεσθεὶς.. ὅτι ὅταν ὁ ὅσιος Παῦλος ἦλθεν ἐκεῖ, ἦν πανέρημος ἡ Μονὴ, καὶ τόσον κατηδαφισμένη, ὡς μηδὲ ὁμοίωμα τείχους φαίνεσθαι. Οἱ Ἰσμαηλῖται γὰρ διέφθειραν καὶ ἠρήμωσαν τοὺς παραλίους τόπους, ὅσους ἠδυνήθησαν, ἐπὶ τῶν ἡμερῶν Λέοντος τοῦ Ἰσαύρου. Ὅθεν εἰς τόσον διάςημα ἐρημώσεως καὶ τοιαύτης μηδὲ ὁμοίωμα φαίνεσθαι, καὶ τοῦ ὁσίου Παύλου ἔπειτα ἐλθόντος, καὶ ὡς εἰς ἔρημον οἰκήσαντος τόπον, ποῦ τὸ τίμιον ξύλον τῆς ἁγίας Πουλχερίας εὑρέθη;

— Въ числѣ имѣній Ксиропотама, пересчитанныхъ въ Андрониковомъ хрисовулѣ, упомянутъ метохъ въ Сидирокавсіи съ 30 лавками и съ двумя ставропигіальными церквами во имя Богоматери и св. Николая, подаренный блаженной памяти *Анною Комниною*, въ монашествѣ Агаѳіею, для вѣчнаго поминовенія ея. А въ дарственной записи 6950—1442 года, которую Ксиропотамцы выдали мнѣ изъ архива своего, сказано, что оный метохъ съ церковію св. Николая и съ двумя Сидирокавсійскими деревнями Палеохори и Гизворо, подаренъ былъ Ксиропотаму не Анною, а *Анастасіею*, въ монашествѣ Агаѳіею, которая съ основаній построила и Епископію въ Сидирокавсіи для архіерея Никандра и отдала этой Епископіи свой собственный дворецъ (παλάτιον). И такъ въ хрисовулъ Андроника въ 1302 году вписано событіе 1442 года. Такой 140-лѣтній анахронизмъ можетъ быть вымышленъ только лживою Греціею. Ἄννα ἡ Κομνηνὴ ἡ μετονομασθεῖσα Ἀγάθη μοναχὴ πρὸς μνημόσυνον αὐτῆς ἀφιερώνει δύω ἐκκλησίας εἰς τὰ

Σιδηροκαύσια, τῆς θεοτόκου καὶ τοῦ ἁγίου Νικολάου· ταύτην δὲ τὴν ἤδη Ἄνναν καὶ Ἀγάθην μοναχὴν τὴν ἐν τῷ χρυσοβούλλῳ μνημονευομένην, τὸ 6810 ἔτος, ὁρῶμεν ἔπειτα ἐν τῷ 6950 ἔτει Ἀναστασίαν καὶ Ἀγάθην μοναχὴν, ἀφιεροῦσαν τῇ μονῇ Ξηροποτάμου μετὰ 140 χρόνους τὸν ἅγιον Νικόλαον καὶ τὰ ἑξῆς.

— Не лѣнивый на выдумки сочинитель Андроникова хрисовула изволилъ написать въ немъ, что *монастырь св. Павла* (Ксиропотамскаго) *былъ не монастырь его, а скитъ, подобно тому, какъ св. Анна была скитъ св. Аѳанасія Аѳонскаго*. Но въ дѣеписаніяхъ, касающихся Павловской обители, какія только были у меня подъ руками, она называется монастыремъ, а не скитомъ. Таковыя дѣеписанія, между прочими, суть: граммата Іоанна Палеолога 1407 года, данная честному *монастырю* преподобнаго Павла, находящемуся у св. горы Аѳона, τῇ σεβασμίᾳ μονῇ τοῦ ὁσίου Παύλου τῇ περὶ τὸ ἅγιον ὄρος τοῦ Ἄθω διακειμένῃ; Дарственная запись Николая Балдуина 1385 года, данная этому же *монастырю:* τὴν ἱερὰν μονὴν οὕτω πως καλουμένην Μεσονησιώτισσαν παραδίδομι πρὸς τὴν σεβασμίαν μονὴν τοῦ ἁγίου Παύλου τοῦ Ξηροποταμίτου, τὴν ὑπὸ τοὺς πρόποδας καὶ πρὸς δύσιν τοῦ ἁγίου Ὄρους τοῦ Ἄθω διακειμένην. Аѳанасій Ипсилантій Комнинъ въ девятомъ томѣ своей церковной и политической исторіи *), содержащемъ описанія событій съ 1702 по 1768-й годъ, упомянулъ, что *монастырь*, а не скитъ, для преподобнаго Павла Аѳонскаго построенъ былъ на св. горѣ царемъ Болгарскимъ (Петромъ), женатымъ на дочери греческаго царя Романа старшаго. (920—945 г.) И такъ хрисовулъ андрониковъ лжетъ, и лжетъ сугубо, называя скитъ Святоаннинскій скитомъ св. Аѳанасія аѳонскаго, тогда какъ этотъ скитъ съ церковію св. Анны основанъ и устроенъ былъ уже вселенскимъ патріархомъ Діонисіемъ Андросцемъ (послѣ 1664 года). Аннинскаго скита не было не только во дни Андроника старшаго, но и во время правнука его Іоанна Палеолога: и мѣстность подъ нимъ называлась Вулевтиріонъ, какъ это видно изъ житій преподобныхъ отцовъ, Максима и Нифона, современниковъ сего Палео-

*) Рукопись въ библіотекѣ Синайскаго монастыря.

лога.—Ἡ ἁγία Ἄννα οὐδέποτε ἐχρημάτισε σκήτη τοῦ ὁσίου Ἀθανασίου, οὔτε ἠκούσθη ἐκεῖ ὄνομα σκήτης καὶ ἁγίας Ἄννης, ἄχρι τῶν ἡμερῶν Διονυσίου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεος τοῦ ἐξ Ἄνδρου, ὅτε ᾠκοδόμησεν ἐκεῖ ναὸν ἐπ' ὀνόματι τῆς ἁγίας Ἄννης.... Λέγον δὲ τὸ χρυσόβουλλον σκήτην ἁγίας Ἄννης, προφανῶς ψεύδεται· καὶ οὐ μόνον ἐπὶ τῶν ἡμερῶν Ἀνδρονίκου τοῦ γέροντος, ἀλλ' οὐδὲ ἐπὶ τῶν ἡμερῶν τοῦ δισεγγόνου αὐτοῦ Ἰωάννου Παλαιολόγου δὲν ἐλέγετο ἁγία Ἄννα, ἀλλὰ Βουλευτήρια, ὡς εἰς τοὺς βίους τῶν ὁσίων πατέρων Μαξίμου καὶ Νήφωνος, τῶν ἐπὶ τῶν ἡμερῶν Ἰωάννου Παλαιολόγου ἀκμαζόντων, φαίνεται ὁ τόπος πολλάκις ὀνομαζόμενος Βουλευτήρια.

Итакъ оба хрисовула, Романовъ и Андрониковъ, не имѣютъ никакаго историческаго значенія. Они неудачно сочинены были какимъ-то малоученымъ дидаскаломъ аѳонскимъ въ самомъ концѣ 17-го вѣка, когда Молдавскій господарь Константинъ Дука воевода (1696—1701 г.) *подчинилъ свой монастырь Данкулъ со всѣми имѣніями его царскому монастырю на Аѳонѣ, называемому Ксиропотамъ, въ которомъ находится храмъ сорока мучениковъ, и который устроенъ двумя православными царями Романомъ и Андроникомъ*, какъ это, (напечатанное у меня иными буквами), пересказано въ хрисовулѣ Николая Александра воеводы Молдавскаго, 1713 года января 28 дня. Ранѣе указаннаго мною времени оба дѣеписанія, о коихъ шла рѣчь, не могли появиться, потому что въ Андрониковомъ хрисовулѣ упоминается скитъ св. Анны, устроенный, какъ сказано выше, послѣ 1664 года, а въ хрисовулѣ Романовомъ, котораго начало дословно списано съ граматы Іоанна Палеолога, 1407 года, говорится о страннопріимныхъ покояхъ въ Ксиропотамѣ и о постеляхъ для приходящихъ поклонниковъ, которые толпами начали являться на Аѳонѣ уже въ 17 столѣтіи.

Ксиропотамцы въ числѣ ктиторовъ своихъ считаютъ туреццако султана Селима, и показываютъ его *Хаттишерифъ*, въ переводѣ съ турецкаго на греческій языкъ, пожалованный обители ихъ вскорѣ по завоеваніи Египта этимъ султаномъ въ 1517 году. Подлиннаго хаттишерифа сего я не видѣлъ; да если бы и

показали его мнѣ, то я, по незнанію турецкаго языка, не понялъ бы, что тутъ написано. А греческій переводъ пріобрѣтенъ мною. Онъ до слова сходенъ съ славянскимъ переводомъ его, помѣщеннымъ въ путешествіи Барскаго, у котораго однако поставленъ на немъ 1520-й годъ *христіанскій*, тогда какъ на греческой копіи у меня значится годъ 1020-й, какъ будто магометанскій. Но 1020-й годъ эгиры соотвѣтствуетъ 1611 лѣту нашей эры. А въ это лѣто и въ живыхъ не было султана Селима, скончавшагося въ 1520 году. Слѣдовательно въ переводѣ Хаттишерифа, о которомъ идетъ рѣчь, магометанское лѣтосчисленіе замѣнено христіанскимъ, да и оно испорчено переписчиками. Кто-то изъ нихъ вмѣсто того, чтобы поставить счетъ годовъ вотъ такъ, ͵αφκ, по разсѣянности выпустилъ буквенную цифру φ, соотвѣтствующую пятистамъ, и написалъ ͵ακ, (1020). Съ этими двумя буквенными цифрами греческій переводъ дошелъ до меня: а Барскому въ 1744 году по славянски перевели хаттишерифъ съ такого манускрипта греческаго, на которомъ значился годъ 1520-й и девятый день мѣсяца марта. Какъ бы то ни было, но самый хаттишерифъ Селима, такой, какой переданъ намъ въ переводахъ греческомъ и славянскомъ, внушаетъ скорѣе сомнѣніе, чѣмъ увѣренность въ полномъ и точномъ соотвѣтствіи этихъ переводовъ турецкому подлиннику, если только онъ существовалъ. Мое сомнѣніе въ этомъ очень сильно. Выражаю его.—Ксиропотамскій монастырь на Аѳонѣ, по словамъ Хаттишерифа, не задолго до завоеванія Египта Селимомъ въ 1517 году (sic), сгорѣлъ до тла. Тогда монахи сего монастыря поѣхали къ этому султану въ Египетъ за тѣмъ, чтобы выпросить у него позволеніе обновить ихъ обитель. Но почему они поторопились туда и не дождались возвращенія Селима въ Константинополь, до котораго имъ было гораздо ближе, чѣмъ до Египта? Ужели они расчитывали, что завоеватель царства Фараоновъ съ радости будетъ благосерднѣе и милостивѣе къ нимъ на берегу Нила, чѣмъ въ Стамбулѣ? Такая торопливость ихъ необъяснима, а расчитанность диковинна. Аѳоноксиропотамцы, прибывъ въ Египетъ, на-

писали прошеніе къ Селиму. А онъ, наканунѣ подачи его, и не только онъ, но и Шехульисламъ и главный Визирь его, всѣ трое, въ одну и ту же ночь видѣли во снѣ сорокъ вооруженныхъ воиновъ *христіанскихъ*, которые говорили имъ, что *они помощники туркамъ и содѣйственники имъ въ побѣдахъ надъ врагами*, и просили ихъ дать позволеніе монахамъ, имѣющимъ явиться къ нимъ завтра, позволеніе обновить домъ ихъ, въ которомъ почиваютъ ихъ мощи, обновить съ пособіемъ султанскихъ щедротъ. Когда Селимъ, Шехульисламъ и Визирь пересказали другъ другу этотъ сонъ, и недоумѣвали: кто эти воины, числомъ сорокъ, и гдѣ находится домъ ихъ; тогда явились къ нимъ Аѳонцы, и, подавъ прошеніе, объяснили имъ, что сорокъ воиновъ суть 40 мучениковъ христіанскихъ, и что домъ ихъ есть Ксиропотамскій монастырь на Аѳонѣ, сгорѣвшій и нуждающійся въ обновленіи. Сонъ въ руку. Кстати готовы были и истолкователи его въ Египтѣ, гдѣ Фараону видѣлись извѣстные сны, протолкованные Іосифомъ. Но вотъ что неладно! Христіанскіе мученики въ сновидѣніи объявляютъ себя усердными помощниками турковъ-враговъ христіанства. Сонъ въ руку; и толкованіе его выслушано и исполнено. Но какъ? Позволеніе обновить Ксиропотамъ дано Селимомъ не монахамъ этой обители, *а великому и разумному властелину силы и славы Али-пашѣ* великаго града Солуня, и Кадію Сидирокáвсійскому Мехмету, тогда какъ тотъ же Селимъ, въ тоже время, далъ многія льготы монастырю Синайскому помимо Египетскаго паши и Кадія. Странно! Но пусть будетъ такъ. Вѣдь кому нибудь изъ турковъ надлежало же надсматривать за обновленіемъ Ксиропотама, если оно производилось на счетъ казны Селима по просьбѣ явившихся ему во снѣ сорока мучениковъ. Однако я затрудняюсь вѣрить, что названный монастырь былъ обновленъ съ помощію казны султанской, и затрудняюсь вотъ почему. Въ Хаттишерифѣ сказано: „Мы (Селимъ) даемъ деньги славному агѣ высочайшей „Порты нашей и досмотрщику настоящаго обновленія Ибрагиму „агѣ, дабы онъ купилъ двадцать лавокъ (торговыхъ) въ Сидиро-

„имѣніемъ) рѣченнаго монастыря: а монахи его, получая съ „нихъ доходы за наемъ ихъ, теплили бы сорокъ неугасимыхъ „лампадъ надъ мощами святыхъ сорока помощниковъ царству нашему“. Отсюда видно, что султанскіе деньги даны были агѣ (если даны) не на обновленіе Ксиропотама; а на зажиганіе въ немъ сорока лампадъ надъ св. мощами Севастійскихъ мучениковъ. Какъ же понять все это? Монастырь обновляется подъ присмотромъ султанскаго чиновника, слѣдовательно на деньги казенныя, а деньги эти даются не на обновленіе его, а на покупку двадцати лавокъ съ тѣмъ, чтобы доходы съ нихъ употреблялись на зажиганіе лампадокъ. Лампадки же эти зажигаются по усердію *турецкаго султана, не почитающаго никакихъ святыхъ и не покланяющагося ни чьимъ мощамъ*. Все это нескладно, подозрительно, сомнительно. Такъ и сдается, что Хаттишерифъ, если онъ и данъ былъ, искаженъ греческимъ переводчикомъ, сдѣлавшимъ ради славы Ксиропотама излишнія вставки, къ коимъ я причисляю и слѣдующую: „Все мѣсто, *какое видитъ монастырь „четыредесяти на четырехъ сторонахъ своихъ*, все это мѣсто да „будетъ всегдашнимъ вакуфомъ и владѣніемъ рѣченнаго монастыря „Ксиропотама“. Такую вставку, или такое искаженіе подлинника могъ сдѣлать только Ксиропотамскій монахъ во время споровъ обители его съ смежными монастырями, Русскимъ, Кутлумушскимъ и Симонопетрскимъ, за прибавку земли къ прежней землѣ ея, *смотря по кругозору на всѣхъ четырехъ сторонахъ*. Споры же эти начались съ 1569 года, какъ это оказалось извѣстнымъ мнѣ въ самомъ архивѣ Ксиропотамскомъ. Жалко мнѣ, что и Хаттишефиръ Селима не выдержалъ критики, какъ не выдержали ее хрисовулы Романа и Андроника. Но правда превосходнѣе жалости. Эта неумѣстна въ исторіи Аѳона, а та должна имѣть въ ней мѣсто вѣчное. Выслушаемъ же историческую правду, касающуюся султана Селима, лично бывшаго на Аѳонѣ, но выслушаемъ ее не отъ Аѳонцовъ, а отъ г. Гаммера, написавшаго весьма дѣльную исторію Оттоманской имперіи и издавшаго ее въ 1844 году.

.... Alors, tous ces meurtres accomplis, le sultan Selim revint à Gallipoli, et après avoir inspecté le château européen des Dardanelles appelé la Clef de la mer (Kildul Bahr) il se rendit au mont ATHOS, où, au milieu des fêtes pompeuses, il reçut de riches présents de ses vezirs; puis il se dirigea vers la capitale do l'empire pour gagner enfin Adrianople.—Cette circonstance ne se trouve, que dans l'histoire du grand vezir Lutfi. pag. 76. (Histoire de l'empire Ottoman par Hammer. Paris. 1844.)

.... Тогда, по совершеніи всѣхъ этихъ убійствъ, Султанъ Селимъ возвратился въ Каллиполь, и осмотрѣвъ Дарданелло - европейскую крѣпость, называемую Килдулъ—Бахръ, т. е. ключъ моря, отправился къ горѣ Аѳонской, гдѣ во время пышныхъ празднествъ принялъ богатые подарки отъ визирей своихъ; потомъ отплылъ въ столицу своей имперіи, дабы поспѣтъ наконецъ въ Адріанополь. Это обстоятельство разсказано только въ исторіи великаго визиря Лутфи. Страниц. 76.

Пользуюсь этимъ разсказомъ и увѣряю себя, что султанъ Селимъ въ бытность свою на Аѳонѣ далъ Ксиропотамцамъ *письменное* дозволеніе обновить сгорѣвшую обитель ихъ, но денегъ имъ не давалъ ни на постройки, ни на неугасимыя лампадки у мощей сорока мучениковъ, которыхъ онъ не чтилъ, и которыхъ не было въ Ксиропотамѣ и нѣтъ.

Оканчиваю эту критику свою турецкимъ повѣрьемъ: „кукушка прокуковала счастье Селиму и Ксиропотаму, напророчивъ первому богатые подарки отъ визирей, а второму право возобновленія послѣ пожара".

Теперь у меня въ рукахъ другое перо; и имъ я пишу иное повѣствованіе.

На мѣстѣ Ксиропотама, за 509 лѣтъ до рождества Христова, по свидѣтельству тогдашняго географа Скилакса, стоялъ городокъ Харадріэ. Жители его, какъ и прочіе насельники Аѳона, почти всѣ,—я полагаю,—были выходцы либо изъ Ахаїи, либо изъ Мессиніи, гдѣ находится рѣчка подъ названіемъ, ΧΑΡΑΔΡΟΣ *). Городокъ этотъ не былъ упомянутъ ни Иродотомъ,

*) Griechenland von Bobrik. Leipzig. 1842.

ни Өукидидомъ, которые хорошо знали Аөонскую гору, потому что онъ зависѣлъ отъ большаго на этой горѣ города Акроаөоса, и былъ не что иное, какъ торговая пристань его.

Когда Македонскіе цари овладѣли Аөономъ, тогда одинъ изъ нихъ, именно Димитрій Поліоркетъ (294—287 г.) отдалъ Харадріэ въ приданое за дочерью своею, Стратоникою, сочетавшеюся съ основателемъ Сиромакедонскаго царства въ передней Азіи Селевкомъ, и назвалъ этотъ городъ именемъ ея, Стратоники. Она владѣла имъ и получала доходы отъ него во время царствованія двухъ мужей своихъ, Селевка и сына его Антіоха (281—262 г.) А такъ какъ подлѣ Сирійской столицы ихъ Антіохіи находилось увеселительное предмѣстіе Дафна, то такое же предмѣстіе съ этимъ же именемъ явилось и подлѣ Аөонскаго города Стратоники на самомъ берегу моря у порядочной корабельной пристани, которая понынѣ называется Дафна. (Смотр. мою истор. Аөона. Ч. I. § 20).

Городъ Стратоники зналъ пресловутый географъ втораго христіанскаго вѣка Птоломей, и на картѣ своей поставилъ его на южной сторонѣ Аөона, какъ разъ въ срединѣ этой горы. (Geograph. Ptolom. L. III. §. II.—Смотри его карту Аөона при моей исторіи сей горы.

Писатель пятаго вѣка христіанскаго Стефанъ Византіецъ въ своемъ сочиненіи *о городахъ* вотъ что сказалъ о Стратоникіи: Στρατονίκεια, πόλις Μακεδονίας, πλησίον Καρίας· κέκληται δὲ ἀπὸ Στρατονίκης τῆς Ἀντιόχου γυναικός.—Ἐκτίσθη δὲ ὑπὸ Ἀδριανοῦ, καὶ Ἀδριανούπολις ὠνομάσθη: *т. е. Стратоникія городъ Македоніи близъ Каріи. Названъ же такъ отъ Стратоники, жены Антіоха.—А созданъ (вновь) Адріаномъ и названъ Адріануполемъ.* Отсюда видно, что этотъ городъ находился близъ аөонской Каріи (это весьма вѣрно), и что его возобновилъ Римскій императоръ Адріанъ (117—138), вѣроятно, послѣ землетрясенія, погубившаго Акроаөосъ, и переименовалъ въ Адріанополь. Однако во дни помянутаго Стефана

по Ксиропотамскому преданію, принадлежалъ царицѣ Пульхеріи (†451 г.) Она построила въ немъ монастырь во имя св. сорока мучениковъ Севастійскихъ, только что обрѣтенныхъ ею, по откровенію свыше, въ церкви св. Ѳирса, и положенныхъ въ новосозданномъ въ честь ихъ храмѣ за Троадскими воротами Константинополя, (а не въ Ксиропотамѣ). Это преданіе безъ Аѳонскихъ припѣвовъ я признаю; иначе, осталось-бы непонятнымъ мнѣ, почему Ксиропотамъ въ хрисовулѣ Михаила Палеолога 1276 года названъ обителію сорока мучениковъ, тогда какъ прежде (какъ увидимъ ниже) его называли монастыремъ св. мученика Никифора. Сдается, что почему-то вспомянута была забытая старина; и Ксиропотамъ Никифора опять оповѣщенъ былъ, какъ обитель Пульхеріи, посвященная молитвенному предстательству св. сорока мучениковъ Севастійскихъ. Въ появленіи христіанства и монашества въ городѣ Стратоники, во дни сей царицы, болѣе всего убѣждаетъ меня встрѣча тутъ языческой миѳологіи съ христіанскою вѣрою. Говорю объ этой встрѣчѣ подробно, узнавъ ее изъ Путешествія Барскаго, который однако, *по слухамъ* невѣрнымъ, отнесъ ее ко времени царствованія Романа, (920—945 г.) когда Миѳологія была уже забыта на Аѳонѣ.

Вотъ разсказъ Барскаго.—„Царь греческій *Романъ старый* со святѣйшимъ патріархомъ Константинопольскимъ пріиде въ Ксиропотамъ и церковь новосозданную освяти въ честь четыредесяти мученикъ; въ освященіи же храма, егда святѣйшій патріархъ возгласи имена святыхъ четыредесяти мученикъ, о чудесе, въ алтарѣ низу отъ помоста святыя трапезы, си есть изъ-подъ престола, прозябе грибъ великій съ четыредесятьми кореньми и съ четыредесятьми главами, и вознесшися горѣ, оплетеся окрестъ престола. Се же бысть въ славу и честь святыхъ четыредесяти мученикъ, яко всѣмъ удивлятися зримому и прославляти величіе Божіе. Неточію же тогда, но и на всякій годъ въ праздникъ ихъ обновляшеся и новый возрасташе, отъ него же съ вѣрою во освященіе пріемлющіе различнымъ недугамъ цѣльбу получаху: въ

арха *Іоанна Векка* *) *Италіанцы* пріидоша къ монастырю сему. Иноцы въ немъ тогда малодушны сущи, а наипаче слышавши пострадавшихъ (Аѳонцовъ) лютое мученіе, устрашишася и усрѣтоша ихъ со свѣщами и кадильницами и всякою честію, и принявши ихъ въ церковь, сослужиша съ ними. Богъ же, не терпя ихъ беззаконнаго соединенія, потрясе землю, и паде церковь и покры ихъ; и разрушишася всѣ келліи и всѣ стѣны монастырскія... и болѣе грибъ не возрасташе, понеже дадоша Святая псомъ; точію дира остася праздна подъ святою трапезою на знаменіе и исправленіе послѣднимъ (потомкамъ)“.

Всякій знакомый съ миѳологіею язычниковъ, почитавшихъ винопойнаго божка Діониса—Вакха и предъ попойками своими ѣвшихъ капусту, о которой рѣчь будетъ ниже, угадаетъ въ ономъ разсказѣ насмѣшку Вакхантовъ надъ трезвенными монахами, для которыхъ Пульхерія создала монастырь во имя св. сорока мучениковъ. Для незнающихъ же миѳологіи, но желающихъ разгадать значеніе сорокоглаваго гриба въ Ксиропотамѣ, я излагаю здѣсь, во первыхъ, одно миѳическое сказаніе о диковинномъ явленіи растенія изъ-подъ пола храмоваго, во вторыхъ, миѳъ о Діонисѣ—Вакхѣ, и наконецъ приложеніе его къ алтарю и монашеству, въ первый разъ явившемуся въ г. Стратоникіи въ царствованіе Пульхеріи.

Юлій Цезарь расказывалъ о себѣ самомъ, что въ тотъ день, въ который онъ остался побѣдителемъ на Фарсальскомъ полѣ (въ 48 году до Р. Х.), въ храмѣ Побѣды, находившемся въ малоазійскомъ городѣ Траллѣ, изъ—подъ пола сего храма показалась пальма, и выросла высоко, до самаго потолка. Ее показывали всѣмъ на удивленіе (Bell. civil. L. III. c. 105). Теперь вы сами смышляйте: могъ ли вырости сорокоглавый грибъ въ алтарѣ Ксиропотама и обвиться вокругъ св. трапезы, ежели въ капищѣ выросла пальма и выросла высоко. Я же знаю, что въ миѳологическихъ *басняхъ* все возможно.

---

*) Ошибка. Веккъ патріаршилъ съ 1274 г. по 1283-й; и тогда царствовалъ не Мануилъ, а Михаилъ Палеологъ.

Какъ же могла составиться басня объ ономъ грибѣ? Для рѣшенія этого вопроса надобно знать миѳъ о Вакхѣ.—Вакхъ, онъ же и Діонисъ, родился отъ безсмертнаго бога Зевеса и отъ смертной дѣвицы Семелы, дочери Ѳивскаго царя Кадма. Выросши онъ научилъ людей воспитывать виноградники и изъ зрѣлыхъ гроздовъ ихъ приготовлять вино, веселящее всѣхъ, кто пьетъ его. Отъ него винодѣліе распространилось въ Малой Азіи, Сиріи, Мидіи, Персіи, Еѳіопіи, Индіи, Бактріи, на берегахъ морей Каспійскаго и Чернаго, и на всѣхъ греческихъ островахъ, а отсюда на Аѳонѣ. Когда же Вакхъ съ шумными спутниками своими пришелъ въ Ѳракію, то здѣсь непріязненно встрѣтилъ его царь Ликургъ и прогналъ. Но за то разгнѣвались на него боги и особенно Зевесъ, и наказали его вотъ какъ. Однажды Ликургъ пошелъ воевать съ врагами своими, и бывъ побѣжденъ, побѣжалъ, но въ минуты бѣгства запутался въ кустахъ виноградныхъ. Тутъ его нашли непріятели и заключили въ пещерѣ, гдѣ онъ и умеръ съ голоду. А пока онъ выпутывался изъ виноградника, оплетшаго ему ноги, такъ много плакалъ, что ослѣпъ; изъ слезныхъ же капель его впослѣдствіи выросла многоствольная капуста (κράμβη). Посему она противна винограднику, такъ что если посадить ее подлѣ него, то на немъ не уродятся грозды. По этой же причинѣ древле на пирушкахъ первая подавалась капуста, дабы гости не сдѣлались слишкомъ пьяны. Въ честь Вакха вездѣ совершались празднества самыя веселыя и шумныя.

Весело праздновали Вакховы дни и жители аѳонскаго города Стратоники. Но когда царица Пульхерія построила въ немъ монастырь съ церковію во имя св. сорока мучениковъ, и когда въ алтарѣ этой церкви, по общему обычаю христіанскаго востока, священники положили мраморную доску, какъ св. трапезу, на одинъ каменный столпъ, отъ котораго откосно поднимались къ краямъ этой доски искусно изваянныя изъ мрамора извитія числомъ 40, по десяти на каждой сторонѣ ея; тогда поклонники Вакха, увидѣвъ такую вычурную трапезу и при ней трезвенныхъ, постныхъ, цѣломудренныхъ, суровыхъ монаховъ, и

слыхавъ евангельское ученіе: *не упивайтеся виномъ... блажени плачущіе*: стали насмѣхаться надъ христіанами, и пустили молву, что въ алтарѣ у нихъ выросла сорокоствольная капуста, (χράμβη) *) и оплела собою трапезу ихъ, и что они, какъ враги Вакха, истребятъ всѣ виноградники и насадятъ одну капусту, а веселыя Вакханаліи замѣнятъ своими постами и слезами, кои не слаще слезъ Ликурга.

Вотъ вамъ миѳъ, вотъ и объясненіе и приложеніе его къ алтарю церкви Стратоникійскаго монастыря. Я дорожу этимъ миѳомъ. Онъ, какъ нельзя лучше, оправдываетъ преданіе о появленіи христіанства и монашества въ городѣ Стратоникіи и въ смежной съ нимъ Дафнѣ, во дни дѣвственной царицы Пульхеріи, скончавшейся въ 451 году.

Помянутый городъ существовалъ во время царствованія благовѣрнаго Іустиніана 1. (527—565 г.) Доказательствомъ тому служитъ книга Стефана Византійскаго *о городахъ*, поднесенная этому царю Ермолаемъ въ сокращенномъ составѣ. Въ ней, какъ мы уже знаемъ, говорится, что городъ Стратоники такъ названъ въ честь дочери Македонскаго царя Стратоникіи.

Этотъ городъ вмѣстѣ съ прочими селитвами на Аѳонѣ запустѣлъ, когда арабы, нѣсколько лѣтъ бившіеся съ греческимъ царемъ Константиномъ Погонатомъ на водахъ Эгейскаго моря, гдѣ и Аѳонъ, дѣлали частыя нашествія на сію гору. Въ 676 году Погонатъ заключилъ выгодный миръ съ этими врагами своими, и тогда же весь Аѳонъ отдалъ монахамъ, какъ выморочное имѣніе. Съ той поры они мало по малу заселили эту гору и настроили на ней малые монастыри, μονήδρια, σεμνεία. Но Стратоникійская обитель Пульхеріи въ этотъ разъ не имѣла преподобныхъ насельниковъ: напротивъ, въ сосѣдней Дафнѣ, немного ранѣе 730 года, возникла обитель Дохіарская во имя св. Николая Чудотворца **).

---

*) Напрасно Барскому въ славянскомъ переводѣ назвали ее грибомъ: лучше бы назвать кочнемъ капусты.

**) Смотри мою Истор. Аѳона. Ч. III. § 1.

Съ 830 года запустѣлъ и монашескій Аѳонъ страха ради арабскаго; но съ 870 года опять стали возникать тамъ иноческія обители, всѣ—малыя кромѣ большаго монастыря Іоанна Колову. Въ числѣ ихъ воскресла и Стратоникійская обитель, но уже подъ названіемъ Никифоровой, потому что первымъ возобновителямъ ея угодно было посвятить ее св. мученику Никифору, вѣроятно, Коринѳскому, если эти возобновители пришли на Аѳонъ изъ Ахаіи, гдѣ и Коринѳъ.

Игуменъ сей обители Иларіонъ монахъ въ 1046 году подписался седьмымъ подъ уставомъ, который далъ святогорцамъ царь Константинъ Мономахъ. Его же подпись читается подъ дѣломъ 1048 года, хранящемся въ архивѣ Аѳоноруссика.

Въ 1087 году обитель Никифора прозывалась уже Ксиропотамскою, какъ это видно изъ подписи монаха ея Ѳеодорита подъ тогдашнимъ дѣломъ о скитѣ Ха́лду, которое я переписалъ для себя въ архивѣ монастыря Филоѳейскаго. Какъ же это прозваніе досталось оной обители, тогда какъ Ксиропотамомъ назывался монастырь Павла? И когда это случилось? Полагаю, что это случилось немножко ранѣе 1071 года, въ который Михаилъ монахъ *монастыря господина Павла* безъ прибавки, *Ксиропотамскаго*, подписался подъ дѣломъ, видѣннымъ мною въ архивѣ Аѳоноруссика, и случилось такъ: обитель Никифора опустѣла, или по неимѣнію средствъ содержать ее, или потому что опустошали ее морскіе разбойники; но по распоряженію Прота св. горы, предъ 1071 годомъ, въ нее перешло нѣсколько монаховъ изъ монастыря Ксиропотамскаго, построеннаго препод. Павломъ. Отъ нихъ-то она и стала прозываться обителію Ксиропотамскою, а прежній монастырь ихъ удержалъ имя своего строителя Павла. Они принесли съ собою великую часть животворящаго Креста Христова, ту, что съ гвоздинною пробоиною. Съ ними перешло въ эту обитель и преданіе о Павлѣ Ксиропотамскомъ, о почетѣ, какой онъ имѣлъ у царя Романа старшаго, о посольствѣ его къ царю Болгарскому Петру и къ зависѣвшимъ отъ него Сербамъ

ему этимъ царемъ животворящаго Древа, которое, какъ даръ греческаго царя Романа, принесено было оному Петру невѣстою его царевною Маріею, и потомъ отдано вышепомянутому Павлу. Такъ объясняется обмѣнъ названій монастырей Ксиропотамскаго и Никифоровскаго: первый сталъ именоваться Павловскимъ, а вторый Ксиропотамскимъ. Такъ распознается и *вѣрная частица* преданія о Павлѣ Ксиропотамскомъ: дѣйствительно онъ строилъ монастырь Ксиропотамскій, но не на срединѣ Аѳона, а у подошвы самой высокой части этой горы; онъ же и Древо животворящее съ гвоздинною дирою получилъ отъ Романа старшаго, но не изъ рукъ его, а отъ породнившагося съ нимъ царя Болгарскаго Петра.

Около 1142 года Ново-Ксиропотамскому монастырю, въ которомъ однако главная церковь тогда чествуема была во имя св. великомученика Никифора, госпожа Марія Цусми завѣщала, для поминовенія и спасенія души своей, нивы Озолимны и Великіи въ околоткѣ Іериссовскомъ. Но монахи сего монастыря потеряли Сигилліонъ Ея (граммату съ свинцовою или восковою печатью). Посему игуменъ ихъ монахъ Іона просилъ Севастократора Никифора Комнина дать новый Сигилліонъ. Этотъ сановникъ, убѣдясь просьбою его и особенно письмомъ духовнаго отца своего Авраамія, утвердилъ за Ново-Ксиропотамомъ сказанныя нивы законнымъ порядкомъ. (Извлечено изъ архива Ксиропотамскаго).

Въ 1204 году Латины съ бою взяли Константинополь и поставили въ немъ своихъ Императоровъ. Тогда и Аѳонъ очутился подъ властію Римскаго папы Иннокентія III. Этотъ папа любилъ тамошнихъ монаховъ и защищалъ ихъ отъ притѣсненій Латиновъ. Въ сію пору (1204—1224 г.) Аѳоноксиропотамцы, ѣздя въ Константинополь для поклоненія мощамъ приснопамятнаго основателя старо-Ксиропотамскаго монастыря ихъ преподобнаго Павла, снискали любовь и уваженіе бояръ изъ рода Рангавеевъ, къ которому во время оно принадлежалъ и сей Павелъ, и отъ нихъ получили чашечку Пульхеріи, называемую Пансехри, и животворящій крестъ ея, дабы эти *наслѣдственныя* святы-

ни не достались Латинамъ, и кромѣ ихъ—наслѣдственный же домъ съ шестью при немъ торговыми лавками, называемый Мирéлеонъ, и наслѣдственный же храмъ святыхъ сорока мучениковъ съ наемными при немъ домами. Обрадованные такими дорогими пріобрѣтеніями Ксиропотамцы возобновили у себя на Аѳонѣ Пульхеріину церковь, и освятили ее въ честь св. сорока мучениковъ Севастійскихъ, а ради памяти смастерили, какъ умѣли, мраморныя изображенія Пульхеріи и Павла Ксиропотамскаго. Съ этой поры ихъ монастырь постоянно называемъ былъ, *обителію святыхъ славныхъ сорока великомучениковъ*, во всѣхъ царскихъ, патріаршихъ, боярскихъ и Аѳонскихъ дѣеписаніяхъ.

Этимъ сказаніемъ оканчиваю разъясненіе темнаго начала исторіи Ксиропотама, радуясь, что мнѣ посчастливилось совершить это трудное дѣло.

Die Warheit in dem Wahn zu finden,
Zu ahnden sie, sie zu emfinden,
Sey meine Freude, mein Bestreben.

7 Воскресенье.—Вчера мною сданы были въ архивъ всѣ старинныя дѣеписанія, какія только получилъ я оттуда, а сегодня собраны нѣкоторыя свѣдѣнія о настоящемъ состояніи Ксиропотама. Это монастырь своежительный. Всѣхъ монаховъ въ немъ 50, а съ таксидіарами и келліашами 80. Ему принадлежатъ пять келлій, кои находятся въ разныхъ мѣстахъ и продаются желающимъ жить внѣ монастыря. Податей взноситъ Ксиропотамъ иногда 12,000, иногда 15,000 піастровъ. Масличный садъ его на островѣ Ѳасѣ даетъ 7000 окъ деревяннаго масла, или 525 пудовъ. Подлѣ села Ермиліи, что у Торонскаго залива, онъ имѣетъ пахатную землю. Въ Валахіи Ксиропотаму принадлежатъ: 1) Монастырь во имя рождества Предтечи съ шестью имѣніями (мошіями), находящійся въ виду Бухареста и прозываемый Плумбуита; 2) Метохъ съ церковію успенія Богородицы и съ имѣніями, Берка, Преотешти или Бодоэшти, съ мельницею на рѣкѣ Олтѣ, и съ мѣстомъ для двухъ-трехъ лавокъ въ Слатинѣ среди базара. Этой церкви въ 1759 году декабря 7 дня братья Фал-

когіаносы пожертвовали часть своихъ имѣній въ Беркѣ и въ Отешти съ тѣмъ, чтобы доходы съ нихъ поступали на содержаніе иноковъ сего метоха и на украшеніе церкви Слатинской. Въ 1760 году марта 9 дня Іоаннъ Постельникъ записалъ тому же метоху отцовское имѣніе Братково близъ Русдеведы. Всѣ эти пожертвованія сдѣланы были по случаю принесенія Животворящаго древа изъ монастыря Ксиропотамскаго въ Валахію. Эту святыню тамошніе христіане встрѣчали и принимали съ восторгомъ и ей приписали прекращеніе чумы.—Въ Молдавіи, въ городѣ Яссахъ Ксиропотаму принадлежитъ монастырь св. архангеловъ, построенный Іѡ Петромъ Воеводою въ 1541 году. А этотъ монастырь завѣдываетъ ставропигіальною Троицкою обителію близь Яссъ, которая создана и завѣщана была Ксиропотаму бояриномъ Пагони Саули въ 1671 году. Обѣ эти обители и хорошія имѣнія при нихъ слывутъ подъ общимъ названіемъ Да́нку, и вмѣстѣ съ Вала́хскими даютъ ежегоднаго дохода 4000 рублей серебромъ.

Сегодня послѣ обѣдни почетные Ксиропотамцы посѣтили меня, узнавъ, что я завтра ѣду въ монастырь Павловскій. Я завелъ разговоръ о монастырскихъ имѣніяхъ въ княжествахъ, Молдавіи и Валахіи. Одинъ изъ старцовъ, побойчѣе всѣхъ, между прочимъ сказалъ мнѣ: мы не знаемъ, мы сомнѣваемся: доходятъ ли наши прошенія до вашего государя. Ваше посольство въ Константинополѣ держитъ сторону Молдаванъ и Валаховъ, хотящихъ отнять у насъ имѣнія въ Княжествахъ. Значитъ: оно подкуплено ими. Ваше посольство дало знать княжествамъ и владѣльцамъ монастырскихъ имѣній, что если обѣ стороны въ теченіи года не согласятся, какъ бы то ни было, то имъ обоимъ будетъ хуже. А соглашеніе это будетъ имѣть силу только до 1852 года. По истеченіи же этого срока дѣло объ имѣніяхъ опять поступитъ на разсмотрѣніе вашего посольства и правительствъ Валахскаго и Молдавскаго. На что же все это похоже?—Я совѣтовалъ старцамъ исполнить нынѣшнія, *умѣренныя*, требованія княжествъ, дабы не ли-

совуламъ, имѣютъ право полнаго хозяйственнаго распоряженія имѣніями безъ выдачи малѣйшей части доходовъ правительствамъ въ Валахіи и Молдавіи. „Развѣ штыки лишатъ насъ этого права“: примолвилъ одинъ калуеръ. „Да, надобно бояться и штыковъ“: сказалъ я имъ, улыбаясь. „Вѣдь вы безоружны.“ Послѣдовало обоюдное молчаніе. Потомъ старцы ушли восвояси: а я сталъ собираться въ дорогу.

ВОСТОКЪ ХРИСТІАНСКІЙ.

АѲОНЪ.

КІЕВЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. Л. ФРОНЦКЕВИЧА.
1877.

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ
ВЪ АѲОНСКІЕ
МОНАСТЫРИ И СКИТЫ.

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ

въ

АѲОНСКІЕ МОНАСТЫРИ И СКИТЫ.

Архимандрита, нынѣ Епископа, Порфирія Успенскаго.

въ 1845 году.

Часть I-я.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Приложи умъ твой къ пути.

Die Warheit in dem Wahn zu finden,
Zu ahnden sie, sie zu empfinden.
Mich aus dem Schutt emporzuheben,
Sey meine Freude, mein Bestreben.

LAVATER.

Отыскивать истину въ путаницѣ понятій,
Предъощущать ее, находить ее,
Исправлять свои ошибки,
Вотъ моя утѣха, мое стремленье.

ЛАФАТЕРЪ.

Кіевъ,
Типографія В. Л. Фронцкевича.
1877.

Дозволено Духовною цензурою. Кіевъ. 5 Декабря 1876 г.

Цензоръ Протоіерей *М. Богдановъ.*

Оглавленіе.

XI

Поѣздка въ монастырь святопавловскій, и мои занятія въ немъ.

(1845 годъ)

Октября 8. Понедѣльникъ.—Готовъ. Ѣду. Поѣхалъ,—но не по опасному морю, а по безопасному, хотя и трудному, сухопутью, дабы разглядѣть мѣстности Аѳона и намѣтить ихъ на картѣ.

Меня, какъ Митрофанушка въ извѣстной комедіи, повели извозчики, и свели по крутоярью къ морю въ Дафну. Тутъ пристань весьма глубока, но для судовъ не надежна. На приморскомъ краю ея стоятъ карантинъ и таможня. Мы проѣхали мимо ихъ и остановились у перваго потока, который въ дождливое время клубится тутъ, какъ жемчужный водопадъ, остановились, чтобы осмотрѣть развалины монастыря св. Николая, иже въ Дафнѣ, который существовалъ ранѣе 730 года по Р. Х. *) Развалины эти едва видны среди выросшаго на нихъ кустарника и разнаго былія. По нимъ я не составилъ никакого опредѣленнаго понятія объ этой малой обители, древнѣйшей на Аѳонѣ, и продолжалъ свой путь, *прилагая къ нему свой умъ* по наставленію пророка.—Мулъ подо мною идетъ самою твердою поступью по безлѣсной горѣ, подвигаясь выше и выше къ хребту Аѳона: а я сижу на немъ, замѣчаю лучшія мѣста и черчу карту. Вотъ на-

*) Смотри Исторію Аѳона ч. III. § I.

право отъ дороги, гораздо ниже ея и ближе къ морю, между первымъ и вторымъ сухопотокомъ видна масличная рощица, а близь нея между вторымъ и третьимъ сухопотокомъ зеленѣютъ виноградники на мѣстности, называемой Карвасáра. Вотъ тропа моя взвилась до гребня горы, отъ котораго сбѣгаютъ къ морю еще два сухопотока, и тутъ же понизилась, и потомъ разлеглась почти ровно. Въ началѣ ровнаго поворота ея къ Симонопетрскому монастырю видѣнъ святый верхъ Аѳона. Здѣсь я вдоволь налюбовался неописаннымъ величіемъ его, и, вообразивъ на немъ статую Зевеса, произнесъ стихи Пиндара изъ четвертой оды его:

'Ελατὴρ ὑπέρτατε βροντᾶς
'Ακαμαντόποδος
Ζεῦ.
О ты, превышній тучегонитель, громовержецъ,
Неутомимоножный
Зевесъ.

Но за то въ обители, куда ѣду, отмолю этотъ поэтическій грѣхъ свой, увеличенный моимъ самолюбіемъ, которое подсказало мнѣ, что и я ἀκαμάντοποδος ἐλατήρ—неутомимоножный мулогонитель, по просту сказать, путешественникъ. А что далѣе видно на дорогѣ и на топографической картѣ моей? Видны еще два сухопотока, каменистые утесы направо и налѣво отъ торной тропы, шумящій ручей близь Симопетры и этотъ монастырь, диковинно построенный въ нѣсколько ярусовъ вокругъ утеса, торчащаго отдѣльно отъ сосѣднихъ высотъ, какъ будто онъ упалъ тутъ съ неба и торчкомъ сталъ, гдѣ стоитъ теперь. За этимъ монастыремъ, въ который я и не заглянулъ въ этотъ разъ, тропа преизвивисто спускается ниже и ниже по направленію къ морю, и, миновавъ Симонопетрскую мельницу и келью какого-то отшельника, стоящую на завидно—хорошемъ мѣстѣ, немного опять повышается и сперва полудугою стелется у вершинъ трехъ приморскихъ утесовъ, а потомъ чрезъ сухопотокъ понижается, и доводитъ утомленнаго путника до обители Григоріатской, въ которую я не входилъ.

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ между двумя скалами;
Жемчугу бездна и сребра
Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми.
Шумитъ, и средь густаго бора
Теряется въ глуши потомъ;
Лучъ чрезъ потокъ сверкаетъ скоро;
Подъ твердымъ сводомъ скалъ какъ сномъ
Покрыты волны, тихо льются,
Рѣкою млечною несутся.
Сѣдая пѣна по брегамъ
Лежитъ буграми въ дебри темной.
О водопадъ! въ твоемъ жерлѣ
Все утопаетъ въ безднѣ, въ мглѣ!

Это водопадъ Друванисти, низвергающійся съ высочайшаго, отвѣснаго, утеса Аѳонскаго. Смотришь на него, и видишь: сверху спускается широкая кисея бѣлѣйшая снѣга, волнуется, вытягивается, исчезаетъ межъ камней и опять появляется, но ужъ не какъ кисея, а какъ льющееся молоко. Видъ очаровательный!—А дальше что?—Дикіе утесы, сухопотоки, обитель св. Діонисія на скалѣ, и опять такіе же утесы, наконецъ монастырь св. Павла Ксиропотамскаго. У воротъ его я едва-едва слѣзъ съ мула своего, будучи утомленъ и разломанъ горною дорогою, которой нѣтъ труднѣе на всемъ Аѳонѣ.

За то сонъ крѣпкій сладокъ мнѣ бысть.

Шестнадцать дней и ночей я провелъ въ Павловскомъ монастырѣ, пріобрѣтая основательныя свѣдѣнія о бытѣ его прошедшемъ и настоящемъ съ помощію тамошнихъ надписей и приписокъ на книгахъ, архивныхъ дѣеписаній и устныхъ преданій.

Излагаю часть этихъ свѣдѣній, напередъ описавъ мѣсто, на которомъ высится принявшая меня подъ кровъ свой обитель святая.

Описываю это мѣсто, но перомъ Барскаго, перомъ вѣрнымъ. „Монастырь святаго Павла отстоитъ отъ моря, яко на полчаса

хожденія; создася же на мѣстѣ мало высокомъ, на воскрыліи (отрогѣ) высокой и каменистой горы, на мѣстѣ крутомъ и не равномъ. Въ стѣнѣ полуденной имать камень превеликъ зѣло, издревле, мню, съ высоты горъ самоотваленъ, яко на осьмь саженей въ высоту, и на шесть или седмь въ широту, толикожде и въ толстоту. На немъ вмѣсто основанія возлежитъ вся тяжесть монастыря сего удивительно и художественно. Монастырь сей видомъ есть тѣсенъ и высокъ на подобіе столпа, но много зданій въ себѣ заключаетъ; расположеніемъ есть многоуголенъ ради тѣсноты и неравности мѣста; стѣну бо сѣверную имать мало равную, восточную же, полуденную и западную неравны, но закривляемы. Въ стѣнѣ полуденной суть врата монастырская, и страна правая церкви великой и нѣсколько келлій; въ стѣнѣ же западной келлій иноческихъ много, въ три, въ четыре и въ пять рядовъ, и трапеза, поварня, пекарня и гостинница, и вся нуждная; верху же сихъ, созади церкви, суть и иныя келіи довольны.—Въ стѣнѣ западной отъ наивысшаго мѣста, идѣже есть трапеза, привязанна есть уза (цѣпь) желѣзная, долга на четыредесять саженей, ея же вторый конецъ досягаетъ до источника, здравую и хладную воду точащаго, до котораго ходити изъ монастыря далече есть ради неравнаго и труднаго пути; и донелѣ же принесетъ кто ее въ сосудѣ, степлѣетъ. Того ради хитростно примысливши иноцы, повѣсиша сосудъ мѣдянъ на узѣ въ дугѣ, приправиша же колесцо древянно и при немъ вервь тонкій коноплянъ, и сице низпущаютъ, егда хощутъ, наипаче же во время трапезы: сосудъ же самъ подбѣжавши подъ носъ источника (фонтана), зѣло скоро наполняется, и абіе childвервомъ тонкимъ и колесцемъ возтязается горѣ отъ трапезаръ; и поставляется изрядная и достохвальная вода:—Стоитъ же обитель сія между двумя потоками, отъ нихъ же единъ меньшій абіе есть созади монастыря, другій же страшный и превеликій мало подалѣе на полудень предъ монастыремъ. Онъ начинается изъ-подъ верха великаго Аѳона и досязаетъ даже до моря; во время зимы съ страшнымъ и великимъ шумомъ и громомъ превеликое катитъ каме-

ніе. Тамо при потокѣ и вертоградъ монастырскій со изобиліемъ воды и зелій питомыхъ, и съ горницею и келіею, въ ней же сидитъ вертоградарь. Тутъ недалече на холмѣ и гробница съ церковію, идѣже погребаются иноцы. Имать же изобиліе и иныхъ водъ внутрь монастыря и внѣ, понеже стоитъ подъ самою высотою Аѳона. Недалече бо предъ вратами монастырскими и мельница, идѣже монахи перутъ (моютъ) своя одежды, и инный садокъ у основанія монастыря въ потоцѣ, идѣже суть померанцовыя и разныя древеса. Имать же обитель сія низу на брезѣ морскомъ и пристанище, или *арсеналъ* изрядный, въ немъ же иноцы хранятъ свои ладіи и сѣти и прочая нуждная и потребная къ морскому художеству, и горницы ко упокоенію, и источникъ воды предъ вратами сладкой и холодной къ утоленію жажды.— Въ семъ монастырѣ тѣснота и темнота, и нѣсть двора; но весь онъ аки подъ единымъ покровомъ зрится быти каменнымъ... церковь въ немъ великая изрядна есть, четырмя столпами зданными поддержима, четверостѣнна, выкатовъ въ крылосахъ неимущая, долгая въ двадесять четыре обычныхъ ступеней (шаговъ), широка же въ шестьнадесять, съ двумя папертьми, вся зѣло иконописанна съ подписями Болгарскими.... Кромѣ ея обрѣтается тамо древняя церковь малая въ честь Стрѣтенія Господня, созданна отъ св. Павла, егда еще его тамо точію скитъ бяше, нынѣ же присовокупленна къ великому алтарю отъ страны лѣвой."

Въ этомъ описаніи я узналъ нынѣшнюю обитель преподобнаго Павла аѳонскаго. Косогорное мѣсто ея нимало не измѣнилось. Налѣво отъ него, если стать тыломъ къ морю, течетъ потокъ, направо къ самому верху Аѳона взбѣгаетъ сухопотокъ ΚΣΗΡΟΠΟΤΑΜΟΣ, наполненный мраморными камнями, большими и малыми. По имени этого сухопотока, по которому однако при мнѣ быстро и шумно текла вода изъ-подъ онаго верха, вся мѣстность подъ Павловскимъ монастыремъ издревле называлась Ксиропотамомъ: что доказываютъ и дѣеписанія ея *). Отъ нея и преподоб-

*) А нынѣшній Ксиропотамъ, который я уже описалъ, древле назывался Хлоропотамъ, по замѣчанію историка Аѳанасія Ипсиланта Комнина.

ный Павелъ прозывался Ксиропотамскимъ. Но ежели не измѣнилась природная мѣстность, о которой шла рѣчь, то нѣсколько измѣнилась внутренность монастыря. Соборная церковь св. Георгія, описанная Барскимъ, уже не существуетъ: отъ нея остались только паперть и притворъ. Въ монастырѣ еще тѣсно и темно; *но онъ уже не зрится быти аки подъ единымъ покровомъ каменнымъ*, потому что въ немъ открытъ дворъ, на которомъ достроивается большой мраморный Соборъ въ память Срѣтенія Господня.

Барскій, описывая мѣстность подъ Павловскимъ монастыремъ, мимоходомъ, но мѣтко, сказалъ, что сей монастырь *иматъ знаменіе неотъемлемое—каменъ превеликъ зѣло*, осьмь саженей въ высоту, и шесть или седьмь въ широту, толикожде и въ толстоту, на которомъ возлежитъ вся тяжесть монастыря. Онъ думалъ, что этотъ *знаменный* камень самоотвалился съ высоты горъ. Но я признаю его камнемъ коренным, πέτρα ῥιζιμαία, поднятымъ силою газа изъ нѣдръ земли вмѣстѣ съ материкомъ Аѳонскимъ, когда вся земля изъ состоянія жидкости своей переходила въ состояніе отвердѣнія. Въ это творческое и образовательное время появились и окрестные, столпообразные камни, на которыхъ построены монастыри, Діонисіатскій, Григоріатскій и Симопетрскій, и которыхъ никакъ нельзя признать скатившимися съ высотъ Аѳона. Всѣ эти дивные камни дѣйствительно суть *знаменія* всемогущества Творца и изумительной силы, поднявшей ихъ изъ глубины земли такъ высоко, и въ такой толщѣ, и давшей имъ вѣчную твердость и незыблемость. Я пораженъ былъ постановкою ихъ, отдѣльною отъ окрестныхъ высотъ. Между ними стоятъ они, точнѣе, высятся, какъ исполины между разступившимися толпами нерослыхъ людей. Смѣю думать, что и первые жители Аѳона были поражены этими необыкновенными явленіями такъ же, какъ и я. Смѣю прибавить и то, что эти жители собирались у сихъ каменныхъ столповъ для богопочтенія въ то первобытное время.

столпа, означавшаго имъ единаго верховнаго Бога *). Павзаній въ своихъ Arcadicis оповѣстилъ, что въ глубочайшей древности у всѣхъ Грековъ голые камни замѣняли идоловъ и капища. Τὰ δὲ ἔτι παλαιότερα καὶ τοῖς πᾶσιν Ἕλλησιν τιμὰς θεῶν ἀντὶ ἀγαλμάτων εἶχον ἀργοὶ λίθοι. Такъ и въ Подъаѳоньѣ страшные приморскіе утесы древле слыли и нынѣ слывутъ подъ названіемь *священныхъ камней*—Ἱεραὶ πέτραι. Священны и тѣ *каменные столпы, о которыхъ идетъ рѣчь*. Въ послѣдствіи на нихъ стояли капища, посвященныя богамъ и богинямъ.

Какое же капище находилось на *знаменномъ* камнѣ Ксиропотамскомъ? И какое божество тутъ было почитаемо? Тутъ въ капищѣ Діоскуровъ, *спасителей* (σωτῆρες) юношества, почитаемъ былъ Аполлонъ юный—παῖς, покровитель юности **). Когда же на Аѳонѣ утвердилось христіанство, тогда жители Ксиропотамскаго села, (городъ тутъ безъ пристани быть не могъ), и ихъ священники обратили это капище въ церковь, и благоразумно стали праздновать въ ней Срѣтеніе Господа, яко Младенца руконосима Симеономъ Богопріимцомъ, уготовавшаго *спасеніе* всѣмъ людямъ. Такая замѣна спасающаго дѣтей юнаго Аполлона Спасомъ и Господомъ Младенцемъ сильно поддерживаетъ мое мнѣніе о почитаніи въ Ксиропотамѣ именно сего Аполлона, а не другаго.

Ксиропотамское селище, по мнѣнію моему, было предмѣстіе сосѣдняго города Акроаѳоса. Найденная въ немъ мраморная дощечка съ надписью ΔΗΜΟΣ ΑΘΗΝΟΔΩΡΟΥ доказываетъ, что тутъ проживало племя какого-то Аѳинодора. Это селище во время извѣстнаго Арабскаго погрома опустѣло. Но въ немъ остались стѣ-

*) Clem. Alexandr. Stromate: Πρὶν γοῦν ἀκριβωθῆναι τὰς τῶν ἀγαλμάτων σχέσεις, κίονας ἱςάντες οἱ παλαιοὶ ἔσεβον τούτους ὡς ἀφιδρύματα τοῦ θεοῦ.

— Eusebius L. I. de praeparat. Evangelii.

**) Lucianus de Sacrificiis: Ἀναπλάττουσι μὲν γενειήτην τὸν Δία, παῖδα δ' ἐς ἀεὶ τὸν Ἀπόλλωνα... Ioann. Meursius Miscellaneorum Laconicorum L. I:—H y m n i Apollini Dianaeque dicebantur, quos pueri Apollini, Dianae virgines canebant. Sed quare in Dioscurorum templo? ut nimirum a periculo, quod in pugno imminebat, liberatos conservarent: nam hoc facere Dioscuri invocati credebantur, ideoque etiam Σωτῆρες dicti, quasi hominum Servatores. Theocritus in Idyllio, quod inscripsit Διόσκουροι:

Ἀνθρώπων σωτῆρας, ἐπὶ ξύρου ἤδη ἐόντων.

ны Срѣтенскаго храма. Подлѣ него въ первой четверти десятаго вѣка спасался отшельникъ Козма. Къ нему пришелъ изъ Константинополя нѣкій мужъ ученый и извѣстный тогдашнему царю Роману старшему, и принялъ отъ него монашескій постригъ съ именемъ Павла. Это—пресловутый на Аѳонѣ Павелъ Ксиропотамскій. Такъ какъ святогорцы недавно превратили его чуть не въ Миѳъ, то я считаю нужнымъ сообщить здѣсь основательныя свѣдѣнія о немъ, какія только выжаты мною изъ мѣстныхъ, книжныхъ преданій и архивныхъ дѣеписаній.

Въ самомъ началѣ десятаго вѣка въ Константинополѣ жила богатая и благочестивая семья, по прозванію Рангавѐ, родственная бывшему, назадъ тому 90 лѣтъ, греческому царю Михаилу Рангавѐ. Ей тамъ въ части города, называемой Константиніáны, принадлежала церковь св. сорока мучениковъ Севастійскихъ съ смежными съ нею домами. Въ этой семьѣ произошелъ на свѣтъ младенецъ Прокопій въ 915 году. Его мать (владѣтельница названной церкви) предъ родами своими видѣла сонъ: „будто разрѣ„шилась отъ бремени на нивѣ, гдѣ стояли снопы, и родила агн„ца. Но вдругъ явились два льва, готовые растерзать его. Тог„да она побѣжала защищать отъ нихъ свое рождіе, но какъ толь„ко подошла къ нему, увидѣла уже не агнца, а мальчика, дер„жавшаго въ рукахъ своихъ крестъ, котораго силою были умерщ„влены львы". Послѣ этого сна тотчасъ родился младенецъ, нарѣченный въ св. крещеніи Прокопіемъ. Впослѣдствіи, когда этотъ Прокопій сдѣлался инокомъ Павломъ, мать его истолковала сонъ свой такъ: агнецъ означалъ незлобіе и кротость Павла; умерщвленіе львовъ знаменовало умерщвленіе въ немъ страстей; а снопы хлѣба прообразовали то, что онъ своимъ ученіемъ и примѣромъ ангелоподобной жизни напитаетъ многія души.

Прокопій получилъ отличное воспитаніе, и обученъ былъ всѣмъ наукамъ, какія процвѣтали въ его время, такъ что Константинопольская академія наукъ признала его *Vпатомъ философовъ*, т. е. *превыспреннимъ* другомъ мудрости. Какъ философъ,

онъ знакомилъ съ высшими науками сверсниковъ своихъ, дѣтей царя Романа старшаго, и потому былъ любимъ и уважаемъ этимъ государемъ и всѣми царедворцами. Но Богъ позвалъ его на Аѳонъ; и онъ, внимательный къ зову его, ушелъ туда и омонашился тамъ въ Ксиропотамской кельѣ отшельника Козмы, той, что близь высочайшаго верха Аѳона. Тогда ему было 30 лѣтъ отъ роду.

Въ то время (945 г.) въ Греціи царствовалъ Романъ Лакапинъ, а въ Болгаріи Петръ, женатый на дочери кесаря Христофора и внучкѣ онаго Романа, Маріи. Сей Петръ, по совѣщаніи съ Романомъ, вызвалъ къ себѣ съ Аѳона монаха Павла Ксиропотамскаго, какъ извѣстнаго ему ученаго и святаго мужа, для того, чтобы онъ охристіанилъ его самого и жителей Болгаріи и и зависѣвшей тогда отъ него Сербіи (значитъ: Петръ крестился уже по возшествіи на престолъ Болгарскій.) Павелъ успѣшно сдѣлалъ свое дѣло. За то Петръ, любя его, построилъ ему на Ксиропотамской мѣстности Аѳона небольшой монастырь, и въ числѣ многихъ даровъ пожаловалъ ему части животворящаго древа, кои греческіе цари надарили какъ ему, такъ и предшественникамъ его *).—Съ помощію сего Болгарскаго царя Павелъ возобновилъ въ своемъ монастырькѣ древнюю церковь Срѣтенскую (послѣ 945 года) и положилъ въ ней драгоцѣнныя сокровища; я разумѣю части животворящаго креста Господня и наипаче ту, что̀ съ гвоздинною пробоиною, и *Апостолъ* на пергаминѣ въ четвертку, письма мелкаго, но четкаго и красиваго съ толкованіями вокругъ текста, и съ крестообразною подписью въ самомъ концѣ: σαυρὲ φύλαττε βασίλισσαν Μαρίαν—*кресте, храни царицу Марію*. Эта Марія должна быть супруга вышепомянутаго царя Петра. Она подарила сей апостолъ Павлу, о которомъ идетъ рѣчь. (Я видѣлъ эту рукопись, но къ сожалѣнію не имѣлъ времени разсмотрѣть ее подробно). Ксиропотамо—срѣтенскій монастырь возникъ ранѣе Аѳонской Лавры 17 или 15-ю годами. Первымъ настоятелемъ его былъ строитель его Павелъ. Ему а̂ѳон-

*) Ἀθανασίου Κομνηνοῦ Ὑψηλάντου ἐκκλησιαστικῶν τε καὶ πολιτικῶν Τόμος θ΄.—Χειρόγραφον ἐν βιβλιοθήκῃ τῆς ἱερᾶς μονῆς τοῦ Σινᾶ.

скій Протатъ отмежевалъ два смежные участка земли, тотъ, на которомъ нынѣ расположены скиты *Новый* и Аннинскій, и тотъ, что̀ на сѣверной сторонѣ Павлова монастыря. На участкѣ *Подъскитскомъ* Павелъ съ братіею своею построилъ малую обитель, такъ называемую Вулевтирійскую, но подарилъ ее монаху Евстратію. Тамъ же на мѣстѣ, называемомъ Митрофановомъ, онъ развелъ виноградникъ, и монаху Пимену и ученику его Пандолеону далъ въ пользованіе мѣстечко, приносившее двѣ мѣрки плодовъ, δέδωκε αὐτοῖς τοπίον ὡσεὶ μοδίων δυὸ εἰς χρῆσιν μόνον. (Извлечено изъ архива Павловскаго).

Обитель, построенная Павломъ на *знаменномъ камнѣ*, или утесѣ, котораго ширина и длина измѣрялась седьмью саженями, была очень мала. Ее скорѣе можно назвать монастырькомъ, укромникомъ, безмолвищемъ—μονήδριον, σεμνεῖον, ἡσυχαςήριον. Въ окрестностяхъ ея были такія же малыя обители, какъ и она; напримѣръ: обитель Вулевтирійская, Пименова, Митрофанова. Въ каждой изъ нихъ жили монаха два, четыре, шесть, и жили какъ Исихасты—*безмолвники*. Таковъ былъ и Павелъ Ксиропотамскій. А всѣ эти обители зависѣли отъ аѳонскаго Протата.

Преподобный Павелъ имѣлъ даръ прозорливости, и пользовался большимъ почетомъ на Аѳонѣ. Въ 960 году въ праздникъ рождества Христова ему прилучилось быть въ Протатскомъ храмѣ. Тутъ же былъ и Аѳанасій аѳонскій (будущій соперникъ его) и весьма вразумительно читалъ то, что̀ положено было по уставу. Павелъ, прозрѣвши будущность его, предсказалъ, что̀ *онъ будетъ великъ и какъ преобразователь Аѳона, подчинитъ себѣ всѣхъ* *).

Прозорливость Ксиропотамца оправдалась. Аѳанасій выстроилъ большую Лавру, и житію монастырному далъ перевѣсъ

---

*) Βίος τοῦ ὁσίου Ἀθανασίου.—„Τοῦτο σφόδρα καὶ αὐτοὺς ἐκείνους (νόει τοὺς γέροντας τοῦ ὄρους τοὺς ἐν τῇ ἀναγνώσει τοῦ ὁσίου Ἀθανασίου ὑπάρχοντας εἰς τὸν ναὸν τοῦ Πρωτάτου) ἐξέπληξε, ὡς εἰπεῖν „τινὰ τῶν τὰ πρῶτα παρ᾽ αὐτοῖς ταττομένων, Παῦλος οὗτος ἦν ὁ Ξη„ροποταμινὸς, μέγαν αὐτὸν ἔσεσθαι καὶ ἀρχηγὸν τοῦ Ὄρους καὶ πολιςὴν, ὑφ᾽ ἑαυτὸν ποιούμενον „ἅπαντας“. Отсюда видно, что Павелъ Ксиропотамскій не былъ Протъ св. горы, а только считался въ числѣ первыхъ, почетныхъ, старцовъ.

предъ житіемъ исихастическимъ. По образцу Лавры его устроились монастыри, Иверскій, Ватопедскій, Амальфинскій, Каракальскій, и пріобрѣли имѣнія внѣ святой Горы аѳонской. Такое преобразованіе возмутило Исихастовъ; и они рѣшились выжить Аѳанасія съ Аѳона, и отправились въ Константинополь жаловаться на него царю Іоанну Цимисхію. Въ числѣ ихъ былъ и Павелъ Ксиропотамскій. Цимисхи внялъ ихъ жалобамъ, и успокоилъ ихъ, давъ имъ Уставъ. Подъ этимъ уставомъ подписался Павелъ, о которомъ идетъ рѣчь. Это было въ 971 году.

Въ 1010 году, когда индиктъ былъ 8-й, девяностопятилѣтній Павелъ еще здравствовалъ о Господѣ. Тогда въ Вулевтирійской обители, подаренной имъ Евстратію, сдѣлался игуменомъ племянникъ сего Евстратія Аѳанасій. Тогда же возникъ вопросъ: можетъ ли быть передана эта обитель Лаврѣ. Лавріоты рѣшили: „не передавать ее ни Лаврѣ, ни Иверу, ни Ватопеду, и никакому другому монастырю; а зависѣть она должна отъ Протата. Если же Лавріоты захотѣли бы подчинить ее своей власти, то въ такомъ случаѣ пусть возметъ ее назадъ обитель Ксиропотамская безденежно, такъ какъ она имѣетъ на то право: ἐι δέ ποτε τοῦτο ἡμεῖς βουληθῶμεν ποιῆσαι, ἢ τοῦ ἐκεῖσε καθηγουμένου παρέχοντος ἀναλαβώμεθα τότε μετ' εὐλόγου δικαιοσύνης ἵνα ἀναλαμβάνεται ἡ μονὴ τοῦ Ξηροποτάμου τὴν τοιαύτην μονὴν ἀναργύρως, μὴ ἐχόντων ἡμῶν ἐν αὐτῇ οἱονοῦν δικαίωμα“. (Копія Лаврскаго Дѣла, мѣсяца апрѣля индикта 8-го, подтвержденная Солунскимъ архіепископомъ Исидоромъ, который святительствовалъ съ 1380 года по 1396-й. Года нѣтъ, потому что въ подобныхъ дѣлахъ не всегда ставился онъ, а намѣчаемъ былъ только индиктъ его. Осьмой же индиктъ, указанный въ дѣлѣ, соотвѣтствуетъ 1010 году. Тогда, какъ видно изъ другихъ Дѣеписаній святогорскихъ, живъ былъ игуменъ Лавры Аѳанасій II, производившій оное дѣло. Это вѣрно).

Наступилъ годъ 1016. Тогда Павелъ Ксиропотамскій былъ старецъ уже столѣтній, но еще не дряхлый. Тогда же онъ жаловался Проту св. горы на вышепомянутаго Вулевтирійскаго

обители мѣстечко, данное Павломъ монаху Пимену, и просилъ возвратить ему это мѣстечко. Прошеніе его было исполнено. (Извлечено изъ архива Павловскаго).

Вскорѣ послѣ сего преподобный Павелъ преставился. Въ дѣеписаніи 1030 года, хранящемся въ этомъ же архивѣ, онъ названъ уже μακαρίτης, по нашему въ блаженной памяти скончавшимся. Останки его были перевезены въ Константинополь, и тамъ положены въ наслѣдственной церкви его, освященной во имя св. сорока мучениковъ Севастійскихъ.

Дальнѣйшія свѣдѣнія мои о судьбѣ обители сего преподобнаго мужа скудны. Но чѣмъ я богатъ, тѣмъ и радъ. Примите и малое за великое. Гривенникъ не рубль, однако и за него можно купить немного хлѣба и утолить голодъ.

Въ 1046 году Илія монахъ и игуменъ обители Ксиропотамской подписался 9-мъ подъ уставомъ, который далъ святогорцамъ царь Константинъ Мономахъ.

Въ 1071 году Михаилъ монахъ изъ обители Киръ Павла подписался послѣдній подъ рѣшеніемъ спора о границахъ обителей Ксилургу и Скорпіона. Подпись его доказываетъ, что въ это время Ксиропотамъ называли уже именемъ строителя его Павла.

О дальнѣйшей судьбѣ сего монастыря, къ удивленію моему, нѣтъ никакихъ *записей* въ архивѣ его до 1385 года. Однако онъ, какъ увидимъ ниже, существовалъ въ теченіи 314 лѣтъ съ 1071 года по 1385-й. О перенесеніи прозванія его, *Ксиропотамъ*, на Стратоникійскую обитель Никифора я говорилъ выше. Здѣсь же считаю надобнымъ присовокупить только вотъ что. Какъ изъ Ксилургійскаго безмолвища, по распоряженію Прота св. горы, перешли въ опустѣвшій монастырь Θессалоникійцовъ Россы изъ Далматской Сербіи (въ 1166 г.), оставивъ за собою оное безмолвище: такъ точно изъ Ксиропотамскаго монастыря и изъ подчиненныхъ ему безмолвищъ нѣкоторые ревностные монахи, съ согласія Протата, заняли опустѣвшую Стратоникійскую обитель

Никифора, оставивъ въ своемъ вѣдѣніи прежнее селище свое, и привесли съ собою Животворящее Древо съ гвоздинною пробоиною, которое понынѣ въ ней находится. Отъ нихъ она и стала называться Ксиропотамскою; а прежнюю Ксиропотамскую, въ отличіе отъ нея, Протатъ повелѣлъ именовать Павловскою. Это было немножко ранѣе 1071 года. Въ подтвержденіе сего предположенія моего, оправдываемаго Ксилургійскою аналогіею, представляю преданіе, высказанное мнѣ святопавловскимъ игуменомъ Софроніемъ, преданіе о томъ, что отъ даннаго Павловскому монастырю животворящаго Древа, (я видѣлъ эту святыню), отдѣлена была большая часть для нынѣшняго Ксиропотама. Такое отдѣленіе могло быть только по согласію духовныхъ потомковъ Павла Ксиропотамскаго и и изъ любви къ собратіямъ, перешедшимъ отъ нихъ въ обитель Стратоникійскую для населенія ея и устройства. По силѣ такихъ обстоятельствъ обѣ эти обители, Новоксиропотамская и Павловская, остались независимы одна отъ другой, но содружественны. Содружество ихъ продолжалось очень долго: о чемъ рѣчь впереди.

Павловскій монастырь существовалъ въ царствованіе Андроника старшаго въ 1283 году. Это видно изъ росписи Аѳонскихъ обителей, сдѣланной во дни сего государя и помѣщенной въ такъ называемомъ *Трагосѣ* аѳонскомъ. А пострадалъ ли онъ отъ нашествія Каталанцовъ, которые съ 1303 года по 1309 раззоряли всѣ окрестности Аѳона: это пока неизвѣстно мнѣ. Но въ 1385 году нѣкто Николай Пага́си Балдуинъ передалъ сему монастырю во владѣніе свою наслѣдственную обитель пресвятой Богородицы Месонисіо́тиссы, построенную (не сказано, гдѣ) тестемъ его Радославомъ Хлапеномъ, и передалъ по любви къ родному брату своему Арсенію, который тогда былъ игуменомъ въ сказанномъ монастырѣ. Эта передача помножена была пожертвованіемъ ему четырехъ селеній, нѣсколькихъ участковъ земли, и трехъ семействъ рыбачьихъ у озера Острова. Все сіе извлечено

δοτήριον ἔγγραφον Νικολάου Παγάσης τοῦ Βαλδουβίνου ϛωϟγ ἔτους—Дарственная запись Николая Пагáси Балдуина 6893—1385 года. Въ этой записи вѣрно сказано, что *„монастырь св. Павла Ксиропотамита находится при подошвѣ св. Горы Аѳона, на западной сторонѣ ея, недалече отъ обители Вулевтирійской“*. А въ концѣ ея Николай Балдуинъ просилъ всѣхъ, кому достанутся его собственныя имѣнія, будутъ ли они греки, или мусульмане, или Сербы, не отторгать его пожертвованій и не обижать калуеровъ. Отсюда я заключаю, что Месонисіотская (Средоостровская) обитель находилась гдѣ то въ Македоніи, *) и что она была славяносербская. Вѣрность такого заключенія подтверждается и самымъ именемъ и прозваніемъ строителя ея Радослава Хлапена. Стало быть, въ 1385 году и въ Павловскомъ монастырѣ жили монахи Сербскіе. Самъ игуменъ его Арсеній, братъ Балдуина, былъ Сербъ. Въ тамошней библіотекѣ я видѣлъ принадлежавшую ему сербскую рукопись, именно, собраніе словъ Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго, съ слѣдующею (не Арсеніевою) помѣтою на ней: *Сія* книга старца Киръ Арсенія. лѣто 6956—1448-е.

Но когда же сербскіе монахи поселились въ Павловскомъ монастырѣ, какъ хозяева его, и какъ это случилось?

Вышепомянутый Арсеній Балдуинъ былъ вторый *Сербскій* игуменъ сего монастыря. А первый изъ Сербовъ настоятель его былъ Герасимъ. Онъ, по вѣрнымъ соображеніямъ моимъ, почерпнутымъ изъ Павловскихъ дѣеписаній 1401 и 1404 год., пришелъ на Аѳонъ съ духовнымъ ученикомъ своимъ Антоніемъ въ 1354 году, когда эта гора состояла подъ властію Сербскаго царя Стефана Душана сильнаго, богомольствовавшаго тамъ въ 1346 году вмѣстѣ съ супругою своею Еленою; пришелъ, значитъ, въ въ самое благопріятное для Сербскихъ монаховъ время. Тогда греческій Ново-Ксиропотамъ, завѣдывавшій Павловскимъ монастырькомъ греческимъ же, какъ Руссикъ завѣдывалъ Ксилурій-

*) Недалеко отъ Водены и Стараго Дола.

скою обителію, добровольно отдалъ ему, Сербу, этотъ монастырекъ съ условіемъ, прописаннымъ въ дарственной записи его, чтобы рѣченные иноки, Герасимъ и Антоній, и ихъ преемники владѣли имъ другъ-другопріимательно, какъ монастыремъ свободнымъ, не подъяремнымъ и неугнетаемымъ вмѣшательствомъ или властительствомъ Ксиропотамцовъ. (...ἐπὶ συμφωνίᾳ, ἵνα κατέχωσιν αὐτὸ οἱ τε ῥηθέντες γέροντες καὶ οἱ τούτων διάδοχοι κατ' ἀλληλουχίαν ἀκατάλυτον, καὶ ἵνα ᾗ τὸ μονήδριον τοῦ ἁγίου Παύλου ἐλεύθερον, ἀδούλωτον καὶ ἀδέσποτον ἀπὸ τῆς ἐπικρατείας, ἢ καταδυναστείας τῶν Ξηροποταμηνῶν.) Послѣ этой передачи прошло нѣсколько времени. Ксиропотамцамъ нужны были деньги; и вотъ они выпросили у святопавловцовъ, Герасима и Антонія, сто унцовъ серебра, ἀσήμιν οὐγγίας ἑκατόν. Потомъ опять тѣ и другіе раздружились; но ихъ помирилъ преподобнѣйшій Протъ св. горы господинъ Неофитъ іеромонахъ (1392 г.), утвердивъ вышепомянутое условіе *). Итакъ Павловскій *греческій* монастырь заняли *Сербскіе* монахи (1354 г.) по добровольной уступкѣ имъ его греками—Ксиропотамцами, подтвержденной однако Протатомъ и вселенскимъ патріархомъ Матѳеемъ.

Въ 1385 году, какъ мы уже знаемъ, въ этомъ монастырѣ настоятельствовалъ Арсеній Балдуинъ, и пріобрѣлъ для него Средоостровскую обитель съ имѣніями, построенную тестемъ роднаго брата его Радославомъ Хлапеномъ.

Въ 1401 году игуменомъ монастыря, о которомъ идетъ рѣчь, былъ вышепомянутый Антоній. Тогда онъ имѣлъ тяжбу съ сосѣднею обителію Діонисіатскою, которая (тяжба) властію Прота Геннадія кончилась размежеваніемъ границъ обѣихъ обителей. (Извлечено изъ Павловскаго архива).

Довольно! Я вышелъ изъ лабиринта съ помощію нитей Аріадны, но не усталъ. Посему спѣшу изложить прибытки знанія, полученные въ библіотекѣ монастыря Павловскаго.

---

*) Смотри въ архивѣ свято-Павловскаго монастыря Сигилліонъ вселенскаго патріарха Матѳея 6912—1404 года индикта 12-го.

Тутъ рукописей не мало. Но между ними достойны вниманія только двадцать четыре. Списокъ ихъ помѣщенъ въ моей Статистикѣ Аѳона. А здѣсь я оповѣщаю двѣ новости, расширяющія богословскую науку, и два свѣдѣнія, надобныя для исторіи Аѳона и Павловскаго монастыря.

Новость первая. Это—открытіе древняго Ресàвскаго перевода священнаго Писанія съ греческаго языка на славянскій. Въ Павловской библіотекѣ я нашелъ *Апостолъ,* содержащій церковныя Чтенія съ перваго дня Пасхи, перевода Ресавскаго. Онъ четко написанъ въ 1638 году на бумагѣ въ листъ хорошимъ полууставомъ: На послѣднемъ листѣ его читается презамѣчательная приписка:

҂зрмѕ. † Написасе сіа бг҃оспаснаа книга рукою грѣшнаго Мі-хаила инока въ скитѣ святыя Анны. и молю всѣхъ вницающихъ и чтущихъ пачежь прѣписующихъ ничто же прѣмѣняти, ни речь, ни слóгиу, ни оксію. Понеже сего ради растлѣни быше и искажени книгы наше ради невниманіа и небреженіа, пачежъ истѣе рѣщи, продръзаніа и невѣждьства. Много бо изыскавше и испытавше едва възмогохомъ обрѣсти доброизводну кнігу сію *отъ старыхъ прѣводникъ ресавскихъ.* и рѣчи и слогиие и оксіе, не имущихъ порока. Сего ради якоже рѣхъ, да не порицаетъ нѣкто своеуміемъ водимъ и премѣняетъ что. мы бо въ всѣмъ (во всемъ) извѡду послѣдовахомъ, развѣ аще негде что̀ утаисе. и приложимъ его святѣй обитѣли святаго Павла, за прощеніе своихъ грѣховъ.... Въ лѣто отъ рождества х҃ва ҂ахли кругъ солнцу ѕ лунѣ же к.

Вотъ отрывки Ресавскаго перевода, извлеченные изъ найденнаго мною апостола:—

Прьвое ѹбѡ слóво сътвóрихь ѡ вс҃ѣ, ѡ Ѳеóфіле. ѡ нихже начѧть і҃с творити же и ѹчити до нєгó дн҃е заповѣдоую. апл҃ѡмь д҃хомь ст҃ыи иxже избрà, и възнесесе прѣ нимиже и постави себѐ жива пострадáни своѥмь, въ мнѡзѣхь знамєніихъ, дн҃ьми четыри-

повелѣвааше имь ѿ їерусолима нелоучитисе, нь чаати обѣт ѡчее еже слышасте ѿ менѐ...

— Въ дни ѡны. поемше аѳинее павла, на арїевь ле г глюще, можемь разоумѣти что новое сїе тобою глемое оу странна бо нѣкаа вълагаеши въ оуши наши. хощеⷨ оубѡ раз ти, что хотеть сіа быти. аѳиниже въси и приходещеи стр ни въ чтоже ино оупражняахоусе, развѣ глати что или сл новѣю. ставже павль посрѣ арїева лида рⷱ. моужїе аѳинеисц всемꙋ ꙗко хоудожнѣише вы зроу. проходе бо и съглидаю лица ваша, ѡбрѣтохь и кꙋмирь на нюмже бѣ написано нев въ. Егѡ же оубѡ невѣдеще блгочтете, сего азь проповѣдаю

Къ римланѡ—Братїе, елици кръстихѡмсе въ ха іса, мрть его кръстихѡмсе, съпогрѣбохѡмсе емоу кръщеніемь въ съ да ꙗко же въста хс ѿ мрътвыⷯ славою ѡчею, тако и мы в новлюнїе жизни ходити начнеⷨ, аще бо сърасльни быхѡ п съмрьти его, нъ и въскрсенїю бꙋдеⷨ. сїе вѣдеще. ꙗко ветхыи члкь сърасписе. да оупразнитсе тѣло грѣховное, не ктомо ботати намь грѣхꙋ...

Къ Кори.—Братїе, ꙗкоже тѣло едино е, и оуды имать м въси же оуды единого тѣла мнѡзи соуще, едино соу тѣло, и хс. ибо единѣ дхмь мы въси, въ едино тѣло кръстихѡмсе юудее, аще еллине, аще раби, аще свобони, и въси, единѣ напоихѡмсе.…

Къ Корїнеѡ.—Братїе, любы тръпи, блажи. любы не з любы не оплазꙋетсе. не грьдитсе. не безьѡбразитсе. не и ихси. не раздражаетсе. не въмѣнѣ злое. нераⷣуетсе о неп раⷣуетжесе истинѣ. въса люби. въса вѣроуⷮ. въсе оуповаⷮ. тръпи. любы николи же ѿпадаⷮ. аще пррчьствіа испразнетсе. ниаже прѣбываеⷮ. вѣра, надежа, любы. три сїа. болши же любы. гоните любовь. ревноуите же дховныимь....

Къ тимоѳею.—Чедо тимоѳее. молю прѣже въсѣⷯ. твори леніа. молбы. млтвы. блгодареніа о всѣⷯ члцѣ. о црихь. иже на прѣвладычьстви соущиⷯ. да тихо и безмлъвно жит

прѣ спаси́телю нашѝ бгомь. иже всѣ члкѡ хощ҄е спастисе. и въ разꙋмѣніе истины прі́нти.. ѥдин бо бъ. ѥдинь хода́таи бꙋ и члкѡ. члкь хс ıс. да́вый себѣ избавлѥні по всѣ. свѣдѣні времена своѧ. въ нѥже поло́жень быхь азь проповѣдникъ и посла́нникъ. истиноу глю ѡ хѣ нелъжꙋ. ѹчитель ѥзыкѡ въ вѣрѣ и истинѣ:—

Кола.—Братїе. ѡблѣцѣтесе ѹбѡ ѧко избра́нни бжїи сти и възлюблѥнни. оутробꙋ щедрѡ. блгость. смѣреномоудріе. кротость. длъготрьпѣнїе. пріемлюще дроугь дроуга. и дарꙋюще себѣ. аще кто има къ комоу поречѥнїе. ѧкоже и хс дарова вамь, тако и вы. на въсѣми же сими, любовь. ѧже ѥ съѹзь съвръшенію. и мирь бжїи да раздѣляетсе въ срци ваши…,

Въ святую и великую субботу послѣ чтенія апостола: Аллилуїа.гла. ѕ. и не глю псало двѣ по ѡбы. нъ абіе начина чьць. ѕ, въскрни бе соуди землѧ. Съ гласо же и мы тожѥ. ѕ, в. бь ста въсънмѣ бгѡв. ѕ, г. Доколѣ соудите направꙋ. ѕ д. не оувѣдѣвше ни разꙋмѣше. и па. въскрни бе сꙋди землѧ ѧ ты насли въ всѣ ѥзыцѣхъ.† При. Въста га спе гь и въскрсе спсаѥ нас. Аллилуїа:†

Вотъ нѣсколько стиховъ изъ Псалтири, такъ называемыхъ Антифоновъ и прокимновъ:—

— Ѡбыше ме болѣзни съмрьтные и бѣды адовы ѡбрѣтоше ме. Скрьбь и болѣзнь ѡбрѣтохь и име гне призва.

— Исповѣдаитесе гви ѧко благь ѧко въ вѣкы млть ѥго. Да рьть ꙋбо домь інлвь га благь…

— Въси ѥзыци въсплещаите роуками. ѧко гь вышнїи страшнь црь велеи по всеи земли. Покори люди на и ѥзыкы по ногы наше. Възыде бь въ въскликновенїи гь въ гла. Велїи гь и хвальнь зѣло. Горы сїѡнскые ребра сѣверова гра цра ве.— бъ въ тежестѣ ѥго зна ѥ.

— Приклоню въ прчю ꙋхо мое.

Представивъ эти Ресавскіе отрывки, признаю за нужное рѣшить слѣдующіе вопросы: 1) Что это за Ресава, такая ученая и гдѣ она находится? 2) Когда и почему явилась такъ

старые прѣводники (переводчики)? И 3) съ чего они переводили св. писаніе?

Ресава есть округъ, или уѣздъ въ Сербіи, находящійся въ сѣверовосточной части ея между рѣками, великою Мора́вою и Мла́вою. По этому округу протекаетъ рѣка, Ресава. (Истор. Сербіи С. Милутиновича стран. 471. Лейпцигъ. 1837 год.)

Тамъ деспотъ Сербіи Стефанъ Высокій (1389—1427 г.) построилъ монастырь, называемый Раваница, и, помѣстивъ въ немъ монаховъ книжныхъ, поручилъ имъ исправленіе славянскаго текста св. писанія и книгъ богослужебныхъ, будучи самъ знатокъ греческаго языка и переводчикъ многихъ греческихъ книгъ. (Шафарик. Памятн. Oka̍zky obc. pícemn. стр. 62) Сіи-то монахи и суть тѣ *прѣводники Ресавскіе*, о которыхъ идетъ рѣчь моя. *О добрыхъ книжныхъ изводахъ* (изданіяхъ) ихъ упомянулъ современникъ ихъ Константинъ философъ Костеньчьскій, вызваннный помянутымъ Деспотомъ изъ Болгаріи, и по желанію его сочинившій книгу о славянскомъ правописаніи *). Эта книга его показываетъ намъ причину появленія Ресавскихъ переводовъ при этомъ Деспотѣ. Тогда богослужебныя книги въ Сербіи, евангеліе, апостолъ, паремейникъ, псалтырь и прочія, переписываемыя даже *малыми отрочатами*, были искажены такъ, что въ нихъ содержались даже хулы: *развращенія множество много не точію же, но и хулы*. Переписчики не знали, гдѣ поставить о и гдѣ ѡ, гдѣ ѕ и гдѣ з, гдѣ д и гдѣ ф; писали подъ титлами, — „Аполлонъ бг҃ъ, дх҃ъ льстивый, лжепр҃ркъ“ — тогда какъ подъ титлами, означающими истинную божественность, царственность, сановность, должны быть писаны только бг҃ъ отецъ, бг҃ъ сынъ, дх҃ъ святый, пр҃ркъ Исаія. „*Титла царственная суть и санъскій (сановный) образъ*

*) Эта книга сокращенно содержится въ такъ называемыхъ „Словесахъ вкратцѣ избранныхъ изъ книги Константина философа Костенчьскаго, учителя Сербскаго“. — А словеса эти напечатаны профессоромъ Казанскаго университета Григоровичемъ въ его „статьяхъ касающихся древняго славянскаго языка“ (Казань 1852 г.) и въ Загребскомъ сборникѣ подъ заглавіемъ Starine. Knjiga I. 1869 г.

имутъ, яко же г҃ь, б҃ъ, і҃с, х҃с, д҃хъ с҃тыи, и прочаа. Тѣмъ же блюди, да не положиши сія въ безбожныхъ мѣсто, идеже глаголется о идолахъ, но пиши простѣ, сирѣчь *бога аполона, или бога дагона, доухъ льстивый, доухъ лоукавый, лжепророцы. Яко не подобаетъ честь безчестнымъ въздаати. Тітла бо сіа честнаа есть. Титла есть санъ, или слава и царствіе,"* По словамъ Костеньчьскаго философа, во дни его, изъ ста книгъ развѣ одна правильна. „Видѣхь *едино* писаніе лежештее (лежащее) яко же кринь посрѣдѣ трънія... Трьньное (терновное) больше онаго криньнаго." Все это зналъ державный деспотъ Стефанъ, и съ помощію названнаго философа, сочинившаго книгу о правописаніи, и переводчиковъ Ресавскихъ, все это исправилъ. Изданія этихъ переводчиковъ цѣнились высоко, потому что въ нихъ, какъ повѣдалъ Михаилъ инокъ Скита св. Анны (1638 г.) *рѣчи и слоги и оксіе не имѣли порока.*

Мнѣ удалось найти апостолъ Ресавскаго извода; и я дорожу этою находкою, такъ что считаю и называю себя *счастливою случайностію въ семъ мірѣ Божіемъ.* Читайте мои выписки изъ этого апостола, не обращая вниманія на ударенія, наставленныя на словахъ согласно съ выговоромъ Сербовъ: вы признаете сходство ресавскаго чтенія его съ чтеніемъ нашимъ. А я не только признаю это, но и соглашаюсь съ костенчьскимъ философомъ, что въ наилучшихъ церковно-славянскихъ переводахъ св. Писанія рѣчь-не сербская и не болгарская, а словено-русская, и что самый лучшій церковный языкъ есть тотъ, которымъ славословимъ Бога мы. Но эта *яйность* (субъективность) моя да уступитъ мѣсто свое *неяйности*, т. е. тому предмету, о которомъ надобно продолжать разсужденіе.

На очереди стоитъ третій вопросъ: съ чего Ресавцы переводили апостолъ? Они переводили его не съ латинской Вульгаты, а съ текста греческаго. Вотъ тому доказательства. Въ древнихъ переводахъ съ Вульгаты, напримѣръ въ рукописи 14 вѣка, хранящейся въ библіотекѣ Аѳонорусcика, въ Аѳонохиландарскомъ

евангеліи 12 вѣка, принадлежавшемъ князю Мирославу, въ глаголитскомъ евангеліи Аѳонозографа, Іоаннъ креститель называется Иωванъ Батиста, Baptista, апостольскія посланія надписываются *къ Корентіωмъ, каталичьское* посланіе Петрово (Corinthii, epistola Catholica), въ молитвѣ Господней читается, хлѣбъ нашъ *катадневный*, quotidianum, даждь намъ днесь, къ глаголамъ, въ прошедшихъ временахъ, прибавляются, есмь, еси, бѣ, быхъ, бысть, *любилъ быхъ, далъ еси* съ латинскаго amav—(i) eram, dedi (e) sses: а въ переводахъ Ресавскихъ читается: Іоаннъ *предтеча*, посланіе къ *Коріноіωмъ, соборное* посланіе Петрово, Іоанново, *хлѣбъ нашъ насущный*, указанныхъ же прибавокъ къ глаголамъ нѣтъ, потому что ихъ нѣтъ въ греческомъ языкѣ. Ресавцы переводили апостолъ съ такой греческой рукописи, въ которой слова и цѣлыя рѣченія, для разумнѣйшаго чтенія въ церкви, отдѣлены были точками, слѣдовательно съ рукописи древнѣйшей, если не $\frac{5}{6}$ вѣка, то $\frac{8}{9}$-го, и потому сами наставили между словами много точекъ; напримѣръ: облѣцѣтесе (облекитесь) яко избранни бжіи въ оутробѣ щедрωт. благость. смѣреномудріе. кротость. и проч. Такъ какъ у Грековъ въ родительныхъ падежахъ множественнаго числа прописывается буква ω, то сію букву прописывали въ этихъ падежахъ и Ресавцы; напримѣръ: человѣкωвъ ἀνθρώπων, богωвъ θεῶν. Они хорошо знали греческій языкъ, но не знали Еллинской археологіи, и потому названіе *Арео-пагъ* ошибочно перевели Аріевъ-ледъ, слыхавъ въ разговорахъ, что греческое слово πάγος значитъ *ледъ* (отъ глагола παγόνω—замерзаю). Имъ надлежало бы безъ перевода оставить *Ареопагъ*, или перевесть, *Аріево мѣсто*. Ибо въ городѣ Аѳинахъ, гдѣ проповѣдовалъ св. апостолъ Павелъ, Ареопагомъ называлось судебное *мѣсто*, потому что на немъ нѣкогда судимъ и осужденъ былъ Арис—Марсъ, обидѣвшій Нептуна. Это мѣсто было возвышенное и утесистое. На то есть свидѣтельства классическихъ писателей, Павзанія, Икуменія и другихъ. Pausanias in Atticis: Καθὸ καὶ ὁ Ἄρειος πάγος καλούμενος, ὅτι πρῶτος Ἄρης ἐνταῦθα ἐκρίθη. Aristides in Panathenaica: Λαγχάνει Ποσειδῶν Ἄρει τὴν ὑπὲρ τοῦ παιδὸς,

καὶ νικᾷ, ἐν ἅπασι τοῖς θεοῖς· καὶ τὴν ἐπωνυμίαν ὁ τόπος λαμβάνει, τὴν αὐτὴν τοῦ τε συμβάντος σύμβολον, καὶ δικαιοσύνης ὥσπερ ἄλλο τι μαρτύριον, καὶ πίςιν ἐς ἀνθρώπους· οὐ γάρ ἐστιν ὑπὲρ τὸν Ἄρειον πάγον οὐδὲν εὑρεῖν, ἔι τις ὑπερβολὴν ζητοίη.— Oecumenius, in Act. cap. XVII. Ἄρειος δὲ πάγος ἐλέγετο ὁ τόπος, ἐπειδὴ ὁ Ἄρης, ὥς φασι, τῆς μοιχείας ἐκεῖσε δίκας ἔδωκε. Πάγος δὲ, ὁ ὑψηλὸς τόπος· ἐν γὰρ ὄχθῳ τινὶ ἦν ἐκεῖνο τὸ δικαςήριον.—Beda venerabilis: „Areopagus Athenarum curia, quae interpretatur villa Martis, quod ipse ibi quondam a duodecim diïs judicatus sit.—

Ресавцы надъ словами ставили просодійные знаки ὀξϊά, βαρϊά, периспомены ˆ, и другія, не только для правильнаго произношенія ихъ, но и для напѣва, такъ какъ св. писаніе читалось нараспѣвъ. По ученію современника ихъ Костенчьскаго философа, *идеже обрѣтаетсе* ὀξϊα, *тамо гласомъ устнымъ ударяеши, и не весь глаголъ, но точію идеже она. Ты въздвигни глаголъ, идеже ти есть периспомена, и идеже есть* ὀξϊα *опри усты, и идеже есть* ̀βαρϊα *гърломъ, а не усты. Периспомени есть срьдьчныи гласъ сице отъ срьдьца глаголъ въздвигнути.*

Ресавская новость теперь извѣстна намъ. Обратимъ же вниманіе и на другую новость, замѣченную мною въ Аѳонопавловской библіотекѣ. Это—проповѣди россійскаго митрополита Григорія Цамблака, скончавшагося въ 1420 году.

Митрополитъ сей былъ родомъ Болгаринъ изъ города Трънова. По всей вѣроятности онъ происходилъ изъ того знатнаго семейства Цамблаковъ, къ которому принадлежалъ великій Приммикирій Цамблакъ, упоминаемый въ Сунодикѣ царя Бориса. Можно полагать, что оба эти Цамблака, Приммикирій и Григорій были родственники тѣмъ Константинопольскимъ Цамблакамъ, изъ которыхъ Арсеній, по свидѣтельству царя Кантакузина въ исторіи его, былъ великій князь μέγας δούξ, и начальникъ то сухо-

тиха *). (Cantacusen. Historiarum. T. I. pag. 465. C. 10. T. II. p. 77, 18. T. III. p. 74, 8. pag. 237. 10. Edit. Bonnae.—Никон. лѣтоп. V, 73. Соф. Времен. I, 449).

Григорій Цамблакъ, бывши игуменомъ въ Сербо-Дечанскомъ монастырѣ, написалъ: 1) Житіе Стефана Дечанскаго, и 2) Извѣстіе о перенесеніи св. мощей Терновской Параскевы изъ Болгаріи въ Сербію. У насъ вѣдомо его похвальное слово россійскому митрополиту Кипріану. А въ Аѳонопавловскомъ монастырѣ я нашелъ его проповѣди и переписалъ для себя. Всѣхъ ихъ четырнадцать.

1) Слово на всечестное рождество пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и приснодѣвы Маріи.—*Начало:* Да предначинаетъ настоящему торжеству Давидъ Богоотецъ, сзывая тварь всю къ веселію, и да играетъ ударяя въ гусли. Се бо кивотъ произходитъ упокоенія Божія....

2) Слово похвально на воздвиженіе честнаго Креста. *Начало.* Возносится днесь крестъ, и плѣняется адъ, и покланяется Христосъ...

3) Слово декабря 20 дня о Божественныхъ Тайнахъ, и яко достоитъ причаститися хотящему испытовати себе, и о еже непамятозлобствовати, и яко довлѣютъ пять дній истиннымъ покаяніемъ предъочистити человѣка, и яко достоитъ христіанину терпѣти и напасти. И на Іудеи глаголющіе, убо поялъ ли Богъ жену, и родилъ сына: и о блаженномъ Филогоніи архіепископѣ антіохійскомъ.—*Начало:* Обыкоша, иже къ царю земному грядущіи, егда близь будутъ уже къ входу двора и явленія лица царева, себе ограждати страхомъ; тако и мы, елма поста спасительнаго яко же нѣкій долгій путь преидохомъ и близь уже быхомъ рождественнаго праздника владычняго и хощемъ приступити къ

*) Въ хрисовулѣ царя Іоанна Палеолога, 1357 года, даннымъ Аѳоно-Ватопедской обители, сказано, что монахъ кир Арсеній Цамблаконъ, и родной братъ его великій князь, пожертвовали Ватопеду имѣніе въ Галиконѣ; εἰς τὸν Γαλικὸν, ὅπερ ἀφιέρωσεν ὁ μοναχὸς κυρ Ἀρσένιος ὁ Τζαμπλάκων καὶ ὁ αὐτάδελφος αὐτοῦ ὁ μέγας δοὺξ.—Я полагаю, что этотъ Арсеній росписалъ Ватопед. соборную церковь иждивеніемъ своимъ въ 1312 году, и подписалъ тутъ свое имя.—

безсмертной трапезѣ, всяко опасеніе, всякъ страхъ, всяко истязаніе совѣсти достоимъ имѣти...

4) Слово о усопшихъ, и о еже яко странни жити на земли, и о антихристѣ, и о воскресеніи мертвыхъ, и яко суетно и труда полно житіе человѣческое, и яко смерть сонъ и отъ трудовъ покой есть, и о милостыни. *Начало*: Усопшимъ въ вѣрѣ память, благодаренія и молитвы есть вина, а не сѣтованія и плача...

5) Похвальное слово Антонію великому и отцамъ преподобнымъ. (Длинно). *Начало*: Хощу къ похвалѣ отецъ языкъ подвигнути, и ужасаюся. Хощу онѣхъ помянути, и недоумѣніе объемлетъ мя. Хощу тѣхъ въ среду привести, и весь умомъ изступаю...

6) Слово о иноческомъ житіи, и яко вся спасительная въ немъ обдержатся. *Начало:* И паки любомудренное иноковъ житіе къ своимъ похваламъ привлекаетъ мя. Инокъ же егда реку, да не непщуеши, любимиче, яко человѣки глаголю, но ангелы...

7) Похвальное слово святымъ славнымъ великомученикомъ четыредесятыимъ. *Начало*: Елма праведному похваляему, якоже рече Соломонъ, возвеселятся людіе, како не весь міръ возвеселится четыредесятымъ мужѐмъ похваляемымъ, *четвероконечнаго* міра свѣтиламъ и заіцитникамъ, иже похвалъ всяческихъ вышшіи суть.?..

8) Слово на рождество предтечи и крестителя Іоанна. *Начало:* Креститель днесь намъ раждается, и кто не возрадуется; Предтеча намъ является, и кто не возвеселится;...

9) Похвальное слово святымъ и верховнымъ апостоламъ Петру и Павлу. (Длинное) *Начало:* Возсіяша намъ днесь свѣтила великая и незаходимая, церковь веселящая, и вселенную просвѣщающая, Петръ и Павелъ....

10) Похвальное Слово святому пророку и Боговидцу Иліи. *Начало:* Пророцы убо вси воплощеніе Единороднаго послани

11) Слово на божественное преображеніе Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа. *Начало:* Небеси подобна днесь Ѳаворска устроися гора...

12) Слово на всечестное успеніе преславныя Владычицы нашея Богородицы и приснодѣвы Маріи. *Начало:* Гавріила зрю чиноначальствующа на земли...

13) Слово на усѣкновеніе главы Іоанна Предтечи. *Начало:* Паки Іудея жаждетъ пророческія крови...

14) Похвальное Слово святому и славному великомученику и чудотворцу Георгію. *Начало:* И вси убо мученическаго лика иже по Христѣ подвизи и страданія—чюдны купно и достойнопохвальны...

Приступаю къ разбору всѣхъ этихъ Словъ, предваривъ читателей, что правописаніе Павловскаго подлинника, затемняющее рѣчи митрополита Григорія, замѣнено здѣсь правописаніемъ нашимъ. А дабы вы знали, какъ трудно читать подлинникъ этотъ, для сего представляю образчикъ рѣчи и орѳографіи его.

Изъ 3-го Слова. Убы́коше и҆́же къ цр҃оу земльномоу гре́дущїи, ѥгда̀ бли́зь боудуть оуже къ въхо́ду дво́ра, и҆ ꙗвлю́нїа ли́ца цр҃ева, тоу̀ множа́нши и имь се́бе ограждати стра́хо: та́ко и҆ мы ѥлма по́ста спсительнаго ꙗко́же нѣ́кыи до́льгь поу́ть проидохомь и҆ близь оуже быхо рожьстьвнаго праздника влады́чняаго и҆ хо́щемь присто́упати къ безсъмрьтнѣи тра́пези, въса́ко опасе́нїе, всакь стра́хь, въса́ко съпрета́нїе, въса́ко и҆стяза́нїе съвѣсти (совѣсти) достоимь и҆мѣти *).

Въ первомъ Словѣ, *исключительно* догматическомъ, изложены прообразованія и пророчества о пресвятой Дѣвѣ Маріи.

„Отъ начала и свыше божественніи пророцы, ови убо образы, ови же глаголы сію (Марію) прорѣкоша: есть же и отъ патріархъ и праведныхъ, иже гаданми сію преднаписаша. Ноевъ бо

*) Въ 1846 году, проѣзжая чрезъ Москву въ Петербургъ, я показалъ эти слова митрополиту Филарету. Но онъ на другой же день возвратилъ ихъ мнѣ, сказавъ, что затрудняется читать такую рукопись съ такимъ правописаніемъ.

ковчегъ, сохранивый сѣмя второму міру отъ всеродняго потопа онаго, сію образоваше. Спасе бо отъ потопа душевнаго, не останокъ рода малый, но всю вселенную. Но и сѣнь Авраамова сію являетъ, яко въ послѣдняя времена отъ сѣмене его воплотися Богъ: И тоже (являетъ) лѣствица оная Іакову въ Харранѣ явльшаяся, на ней же Господь утверждашеся, и ангели божіи восхождаху и нисхождаху по ней... Сего ради нынѣ не ктому небо—особь и земля особь, посредѣ же средостѣніе, еже созда преступленіе (Адамово); но обоѧ̀ едино суть, не сущей стѣнѣ раздѣляющей, и человѣкомъ, яко ангеломъ божіимъ, не возбраненъ небесный вѣходъ, ниже ангеломъ на землю къ человѣкомъ нисходъ... Но и купина оная, явльшаяся на горѣ Моисею, что ино прописаше, развѣ отроковицу сію; неопально бо пріѧ̀ божества огнь въ естествѣ тлѣнномъ... Въ преславномъ же ономъ превожденіи чермнаго моря безсѣменное назнаменовася Дѣвы зачатіе и паче слова рожденіе. А еже паки по естеству на первый образъ устроеніе водѣ явственнѣ показа дѣвства ея сохраненіе... Но и многочестная оная свидѣнія сѣнь (скинія) и иже въ ней сосуды Тоѧ̀ образи бѣху, кївотъ, скрижали, стамна, кадильница, трапеза, свѣщникъ... Таже жезлъ Аароновъ сухій и невлажно процвѣтшій что ино проявляше, токмо безъ сочетанія неизрѣченное рождество; Прейдемъ отсюда на Гедеоново руно, еже на гумнѣ пріимшее росу въ невремя росы, и узримъ гумно убо вселенную, руно же Марію, росу же Еммануила, прохладившаго сгорѣвшее естество Адамово. Отсюду прейдемъ на Давида и Соломона, и узримъ тамо явственнѣйшая о ней прореченія. Что убо рече Давидъ: Предста царица одесную тебе въ ризахъ позлащенныхъ одѣяна, преиспещренна... Но и другій образъ пророчества премудрый являетъ мужъ, глаголя: *премудрость созда себѣ храмъ*. Отъ которыхъ каменій; отъ которыхъ древъ, ливановыхъ и кедровыхъ; ни отъ которыхъ, развѣ отъ чистыя сея отроковицы... Пойдемъ на великогласнаго онаго Ісаію, и видимъ того съ трепетомъ стояща, и ужасное оно видѣніе зряща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ Господа сѣдяща. И смотри: что

сказоваше клѣща, ею же угль нося Серафимъ пришедъ коснуся устнамъ пророчимъ; что ино, развѣ клѣща Сію являше. угль же иже изъ нея возсіявый Свѣтъ, просвѣщающій всякаго человѣка, грядущаго въ міръ. Видимъ и Даніила, мужа желаній.. Что нарѣчетъ онъ непорочную сію Дѣву, внегда сказовати вавилонскому царю видѣніе; гору нѣкую высоку, отъ нея же безъ прикосновенія руки мужескія камень отсѣчеся: о немъ же камени учитель церковный вопіетъ Павелъ: *Камень же бѣ Христосъ*... Но и Аввакумъ Сію зритъ гору пріосѣненну и облакъ легкій, на немъ же Богъ сѣде...

Не перечисляю дальнѣйшихъ прообразованій и пророчествъ, высказанныхъ митрополитомъ Григоріемъ, и, замѣтивъ, что онъ слова пророка Езекіиля,—„*по пути Еламскихъ вратъ внидетъ*",— поясняль переводомъ ихъ съ еврейскаго языка,—по пути *невѣдомыхъ* вратъ внидетъ,—спѣшу изложить содержаніе втораго Слова его на воздвиженіе честнаго Креста.

И это Слово—исключительно догматическое! Въ немъ, какъ и въ первомъ, нѣтъ никакого нравственнаго наученія. Проповѣдникъ перечисляетъ прообразы креста, и исторически разсказываетъ: что̀ и что сдѣлано силою его.

Начало этого Слова написано по подражанію слову Іоанна Златоустаго, которое читается на утренни Пасхи. „Крестъ возносится, и царствуетъ Распятый. Крестъ возносится, и падаютъ бѣсы. Крестъ возносится, и торжествуетъ христіанскій родъ. Крестъ возносится, и совозноситъ землю, ея же посредѣ водруженъ бысть. Крестъ возносится, и бываютъ вся нова̀. Крестъ возносится, и *четвероконечный* міръ собираетъ. Крестъ возносится, и небо и земля соединяются... Да пріидетъ Адамъ съ праматерію, и съ нами да возноситъ его и съ Давидомъ да вопіетъ: Возносите Господа Бога нашего, и поклоняйтеся подножію ногу его, яко свято есть"... Ибо древа ради изъ рая изгнанъ бысть... О чюдесе! Тамо древо и здѣ древо. То посредѣ рая, и сіе посредѣ земли. И то убо зелено и благорасльно и листвіемъ украшенно и плодомъ угобзенно, но въ преслушаніе введе, но смерть

и клятву нанесе: сіе же, не влажное, сухое, содѣлано бысть, но благословеніе нанёсе, но безсмертіе дарова, но послушаніе исправи. Се образы креста. Вселенная четырьми концы описуется, и четырьми стихіями человѣческое естество составляется. Четырьми времены кругъ лѣта вѣнчается, и четырьми вѣтры вселенная прохлаждается. Но и человѣческое видѣніе (видъ человѣка) креста подобіе носитъ. Сего ради и Боговидѣцъ оный (Моисей) собою того прообрази на горѣ, внегда побѣждати Амалика, простертіемъ рукъ на высоту. Но и корабльный *катартъ* (мачта съ поперечникомъ), безъ него же невозможно безбѣдно плавати пучину, крестообразно стоитъ... Аще же и кивотъ завѣта испытаеши, по томужде образу устроенъ обрящеши. Такожде и храмъ и жертвенникъ и рога яже на алтари, вся четвероугольна, креста сладкое видѣніе являютъ... Его и въ благословеніи внуковъ своихъ патріархъ Іаковъ прояви. Его образъ и въ чермнѣмъ мори превеликое сотвори чюдо, пресѣкши непресѣкаемое естество. Яко бо удари пророкъ жезломъ море вопреки, и обращъ, тожде сотвори въ широту удареніе, устыдѣшася спасительнаго начертанія вóды и сташа, на дванадесять пути раздѣлéны, свое дно никогда же откровено открывше. И что ми отъ пророкъ исчитати креста образы и гаданія? Сами Серафимы, царскаго онаго престола служители, сего образу тайно научиша великаго Ісаїю, внегда лица и ноги покрывати прочима крилома, среднима же летати познаваше пророкъ креста таинство... (Далѣе говоритъ о вознесеніи змія въ пустынѣ, какъ о прообразѣ спасительнаго креста Христова, о разбойникѣ въ раю, ликующемъ съ крестомъ.).. Крестомъ небо украсися, егда звѣздный видъ его показася блаженному Константину. Имъ и Персы, и Пареы, и Миды, и колесничные Скиеы побѣди онъ, и предѣлы распространи христіанскіе. Крестомъ святители, иже апостоломъ преемницы, бѣсовскія капища ова до самыхъ основаній разориша, ова же затвориша, и слово истиное распространиша... Крестомъ мученицы вооружившеся, сташа, мужески сопротивляяся прелести, и свидѣтели истинѣ бывая непобѣдимiи... Сего (крестъ)

иноцы любомудренніи и наставника, и хранителя, и оружіе, и пищу и питіе, и одежду имутъ; *наставника*, ибо съ любовію вземше его на рамена своя, Христу послѣдуютъ: *Хранителя* понеже горъ верхи проходятъ обнощующе, бездомніи, безхрамніи, безпромысленны, птицамъ подобни пустыннолюбивымъ, вертепы избирающе, со звѣрьми же лютыми живуще и съ ядовитыми гады, того силою хранимы суть, неприкосновенни суще: *оружіе же* имъ есть, понеже на нь надѣющеся исходятъ на мысленныя боренія, и всѣ рати, и всѣ прилоги, вся ополченія въ мысли состоящаяся побѣждаютъ, низлагаютъ, гонятъ: той бо имъ и хоругвь, и копіе, и щитъ, и мечь, и лукъ, и тулъ (колчанъ), исполненный благополучныхъ стрѣлъ, и броня и шлемъ. *Пища же*—яже на немъ пожрѣвшаяся (жертвопринесенная) плоть агнца Божія, приносимая всегда въ очищеніе грѣховъ и въ обрученіе будущія жизни. Тіи бо въ недѣли причащающеся, прочіе дни седмицы легко проходятъ, *малымъ овощіемъ и зеліемъ суровымъ чювства ласкающе*, и надеждами будущихъ (благъ) услаждающеся. *Питіе же*—тогожде плода Крестнаго чаша. Сію піюще, не къ дреманію низводятся (иноки), но къ Боговѣдѣнію возводятся, во упражненіихъ горнихъ бываютъ, любомудрствующе небесная, и божественнаго осіянія умомъ и душею близъ бываютъ. *Одежда же*, понеже плоть свою распинаютъ со страстьми и похотьми, и того (креста) силою и помощію, безстрастіемъ одѣваются... Сія вся—креста исправленія! Вся бо и дѣйствуетъ и можетъ онъ... Его же силою и дѣйствомъ преспѣяніе въ благихъ дѣлахъ и намъ да даруетъ иже на немъ пригвоздивыйся Христосъ, и вѣчныхъ да сподобитъ благъ. Яко тому подобаетъ всякая слава, честь и держава, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. *Аминь.*

Въ третьемъ словѣ, произнесенномъ въ 20 день мѣсяца декабря, митрополитъ Григорій пастырски, отечески, разглагольствовалъ о трехъ разнородныхъ предметахъ, и во первыхъ поучалъ покаянію, потомъ обличилъ Іудеевъ, и наконецъ примѣромъ Антіохійскаго патріарха Филогонія, святительствовавшаго

съ 318 года по 322-й, побуждалъ слушателей къ добродѣтельному житію.

Почти въ началѣ этого слова весьма замѣчательно его обращеніе къ своей паствѣ.—„Понеже вашу любовь зрю, слово ученія сладцѣ пріемлющую, якоже нѣкую добрую и тучную землю, сѣмена пріемлющую, сего ради начну бесѣдовати, елико подасть духъ святый, прежде похваливши ваше усердіе теплое. Толико бо къ церкви тщаніе ваше, елико чадамъ къ матери, елико болящему къ врачу, елико жаждущему къ источнику, елико кораблю къ пристанищу. Толико же и преспѣяніе ваше, *яко и вѣстницы радостны будемъ добродѣтели вашея пославшему насъ патріарху*."

Послѣ сего непосредственно читается:—

„Пять дній посредѣ суть, и праздникъ приходитъ, праздникомъ начало, и хощетъ страшна трапеза предлагатися, имущи тѣло владычне и кровь. Блюдите же, съ каковою совѣстію приступати хощете. Слыши, что рече, уста Господня, Павелъ; *да испытуетъ кійждо себе, и тако отъ хлѣба сего да ястъ и отъ чаши да піетъ, да не въ судъ себѣ ястъ и піетъ. Ядый бо и піяй недостойнѣ судъ себѣ ястъ и піетъ*. Не презирай божественная, человѣче, не безсловесно приходи къ святынѣ, не дерзай, егда совѣсть обличаетъ тя, приступай со страхомъ и трепетомъ. Аще бо ризѣ земнаго царя скверныма рукама коснувся кто, тмами подъемлетъ злая, и ты ли избѣжиши сихъ, тѣлу божественному и прѣчистѣй крови причащаяся оскверненною душею; и которую милость имѣти хощеши, рцы ми; который отвѣтъ; Не вѣси ли, яко по еже пріяти окаянному Іудѣ хлѣбъ недостойно, вниде въ него сатана; зри, да не и ты божіимъ искусишися гнѣвомъ. (Слѣдуетъ примѣръ Озіи, прикоснувшагося къ кивоту завѣта, и наказаннаго смертію). Ты священника зриши: не зриши же ангельскія Силы. Идѣже бо честная священнодѣйствуется плоть и кровь, ту и тіи предстоятъ съ благоговѣніемъ, дивящеся крайней, яже къ намъ, любви Божіей. Толико бо свое созданіе воз-

смерть, да тѣмъ насъ оживитъ.— Аще убо себе свѣси (сознаешь) обремененна грѣхми, не отпадай надеждою, но притецы, Хананеѣ оной подражавъ, припади яко блудница со слезами, вздохни яко мытарь, рцы яко Закхей: Господи, се полъ имѣнія моего дамъ нищимъ, и аще кого обидѣхъ, возвращу четверицею.—И довлеетъ тебѣ пятидневное покаяніе истинное многихъ лѣтъ согрѣшенія изгладити. Превосходишь ты двумя денми Ниневитяны, аще отъ всея души покаешися. Имъ бо три дни довольни быша привлещи милость Божію... Тако предъочиствивъ себе, приступи къ духовнѣй трапезѣ, юже намъ уготова рождаемый въ Виѳлеемѣ отъ Маріи Іисусъ. Ибо на горѣ Синайстѣй хотящу сходити Богу, предъочиститися людямъ повелѣ Моисей, и измыти ризы и не прикоснутися женѣ... Сего ради молю вашу любовь, съ ужасомъ и твердымъ испытаніемъ приходити къ вечери Таинства. Слыши, что глаголетъ діаконъ велегласно, хотящу Іерею раздробити святый хлѣбъ: *Вонмемъ*- Что есть, еже глаголетъ: *Вонмемъ;* Себе, рече, испытаемъ и вопросимъ, да не кто блудникъ, да не кто прелюбодѣй, да не кто убійца, да не кто немилосердъ, да не кто прѣзорливъ и гордъ, да не кто сребролюбецъ, да не кто памятозлобивъ, да не кто піаница и скверножитель. И аще обрящешися таковъ, отступи, рече, да не опаленъ будеши, приходя недостойнѣ. Такожде по еже рещи діакону, *Вонмемъ,* внутрь алтаря Іерей обѣма рукама воздвизаетъ святый хлѣбъ на высоту, яко показуя того хотящимъ причащатися, *) глаголетъ велегласно: *святая святымъ.* А еже глаголетъ, сіе есть. Святая не инымъ даются, токмо святымъ. И аще святъ еси, приступи. *Святи будете*, рече, *яко азъ святъ есмь.* Аще Исаіи подобенъ еси, приступи со страхомъ, и божественный угль пріими устнама, да услышиши и ты отъ іереа, паче же отъ Серафима: „*Се коснуся устнамъ твоимъ, и вся грѣхи твои очиститъ*. Таковымъ чищеніемъ прѐдочистимъ насъ, имъ же Богоотецъ оный (Давидъ) на всякъ день обновляше себе, и насъ уча, глаголаше: *Сердце сокрушенно и смиренно Богъ не уничижитъ.*

И паки: *оклеветающаго тайно искренняго своего, сего изгоняхъ.* И паки: *аще воздахъ воздающимъ ми злая.* Таковыми мγры помажемъ себе и уготовимъ къ пріятію иже насъ ради младенствовавшаго и странствовавшаго Владыку. Аще бо постъ принесеши, аще дѣвство, аще бдѣніе, аще низу лежаніе, сердце же сокрушенно не принесеши, ниже оставиши брату своему согрѣшенія, ничтоже пользова себе. Но речется и къ тебѣ, еже къ Израилю речеся Пророкомъ: *не таковъ постъ хощу, глаголетъ Господь.*

Слыши, что отвѣща Господь верховному апостолу Петру вопросившу,—аще до седьмижды братъ согрѣшитъ, отпущу ли ему—, не до седьми кратъ, но и до седьмидесяти *седьми.* Сіе являетъ, яко аще и во всей своей жизни согрѣшаютъ въ тя братія, оставляти имъ. И аще не оставляеши долгъ брату своему, которымъ дерзновеніемъ речеши въ молитвѣ, *Отче нашъ*, остави намъ долги наша, яко же и мы оставляемъ должникомъ нашимъ.. Но многихъ слышахъ глаголющихъ: не могу оставити: зѣло преобиде мя, вельми обезчести мя, премного опагуби мя, врага и местника судомъ приложися ко мнѣ. Но не глаголи мнѣ студеные сіи и смѣха достойные глаголы, а истрезвися, яко отъ піанства, отъ безсловесныя ярости, и познай, кто бѣ первѣе, и кто еси нынѣ.

Не тебе ли ради нынѣ раждается Христосъ и въ худѣ вертепѣ и въ скотіихъ яслѣхъ полагается; Не тебе ли ради онъ человѣкъ бываетъ и по естеству и по дѣйству, яко да ты *Богъ по благодати* будеши; Аще бо Христосъ не облагодѣтельствова тебе, суща первѣе врага, ниже ты остави обидившему тя. Аще ли же онъ, поискавъ тя и обрѣтъ, на рамена вземъ ко отцу принесе. сонаслѣдника сотвори тя Отчія славы, который получиши отвѣтъ, не премѣняяся на опечалившаго тя, которую милость, который судъ; И владыка убо о распинающихъ моляшеся: Отче, остави имъ грѣхъ сей: и ты глаголеши, не могу оставити; Можеши и ина величайшая исправити, аще токмо возхощеши, аще

пѣти сладцѣ, обидиму бывающу, и гониму, и унижаему и хулиму. Слыши, что рече блаженный Павелъ о Святыхъ. „Проидоша въ милотехъ и козіихъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлоблени, въ пустыняхъ скитающеся... Видѣлъ ли, яко вси святіи болѣзненное проидоша житіе.... Что же первомученикъ Стефанъ; не моляшелися о побивающихъ; Что же апостоли, самовидцы и слуги Слова; Что же мученичестіи лики; Не нуждными ли вси смертьми скончаша жизнь. Сего ради аще хощете и вы тѣхъ сопріобщатися вѣнцемъ, радостно пріобщайтеся и ихъ страданіямъ, егда прилучатся.

Но на Іудеи обратимъ слово, окаянные и непокоривые. Видѣвше бо насъ, готовящихся къ свѣтлости праздника и духовнѣ веселящихся, къ простѣйшимъ приходятъ, и тѣхъ въ свою пропасть покушаются привлещи, глаголюще: *развѣ поя Богъ жену, и роди Сына;* Сего ради мы, поболѣвше о таковой хулѣ, речемъ къ нимъ. Сына убо раждаетъ Отецъ соприсносущна и безлѣтна и превѣчна, неизреченно и несказанно, Имъ же и творитъ мысленныя Силы (ангеловъ) служители своея славы... И понеже рожденъ есть, яко отрасль отъ корене, и сіяніе отъ солнца и слово отъ ума, Сынъ наречеся Слово, и Отецъ наречеся отецъ, понеже раждаетъ безлѣтно Единосущное *Слово*. Слово же не несоставно (не неѵпостасно) непщуй, яко же наше на воздухъ разливаемое, но составно (ѵпостасное), свой имущее составъ (ѵпостась), понеже Сынъ во всемъ подобенъ Отцу, кромѣ нерожденія, равномощенъ, равносиленъ; имъ же вся быша, и безъ него ничто же бысть, еже бысть, по гласу Богослова: Имъ же и вѣки сотвори, по премудрому Павлу. (Далѣе слѣдуетъ пространное изложеніе пророчествъ о Христѣ).

Но понеже блаженнаго Филогонія священная память къ воспоминанію языкъ нашъ влечетъ, ваша, о Іудеи, нынѣ оставльше безстудія, о немъ вкратцѣ побесѣдуемъ.

Время бѣ всякія зимы и бури злыя лютейшее, въ немже законы естества и жительства прелагахуся, отцу чадо на смерть предающу и брату брата: и грады убо пусты отъ жителей бы-

ваху, вмѣсто же сихъ горы и холмы, и удолія, и пропасти и разсѣди каменныя населяхуся: презирахуся отечества: расхищахуся имѣнія отъ угодниковъ нечестія: стѣсневахуся темницы и узилища благочестивыми. Тогда же тогда сего посредѣ изнесе Богъ, яко же нѣкоторую Звѣзду, глубокія оныя нощи отгоняющую тьму, божественнымъ отъ юности добрѣ навыкша и въ сихъ паче возрастша, и благочестія учителя суща. И бѣ чюдная и премногая мужа сего добродѣтель. Не токмо бо отъ прелести (идолопоклонства) люди словомъ изъимаше, но и самъ на судище приходилъ, обидимыхъ изхищалъ, по сихъ поборая, помогая, мзды дая, бывъ отгонимъ многажды, Іисусу подражая, положившему душу за насъ. Устыдѣшася того ревности гонители. Мученикъ бѣ безъ крови и на кійждо день умираше съ Павломъ, съ нимъ же и глаголаше: кто изнемогаетъ, и неизнемогаю; кто соблазняется, и азъ неразжизаюся;

Таковъ бѣ блаженный Филогоній, жену имѣвъ законную и единыя дщери отецъ. (Далѣе говорится о посвященіи его въ санъ епископскій, о борьбѣ его съ еретиками—послѣдователями Манеса и Маркіона. и о посѣченіи ихъ зломудрія.) И не толико препита пшеницею Іосифъ Египетъ въ гладъ, елико новый сей нашъ житодавецъ препита вся восточная и южная паче меда и сота услаждающимъ словомъ. Которыя добродѣтели разуму чада своя не научи; которой премудрости; коими чюдесъ дарованіями его не прослави раздаваяй дарованія Духъ; И нынѣ есть со апостолы новый сей апостолъ, мученикъ съ мученики, съ чистыми сердцемъ чистый душею, съ пастырми добрый пастырь, иже стаду сладкій, волкомъ же страшный. Таковъ бѣ блаженный Филогоній. Сему и мы перевнуемъ: юные—подвигамъ его въ юности и къ добродѣтели теченію, состарѣвшіися—его въ старости премудрости и опасству (осторожности), иже въ сопряженіи (супруги) того чистотѣ и страннопріимству. Ибо онъ и въ дѣвствѣ поживе достойно, и чистый бракъ почте, и архіерейство прослави. Научитеся и вы обидимымъ помогати и исхищати ихъ отъ на-

пасти, предстательствовати за сирыхъ, вдовамъ творити промышленіе, и души свои полагати за братію свою..... *и проч.*

Четвертое слово митрополита Григорія очень длинно, потому что многопредметно. Передаю содержаніе его вкратцѣ.

„Мы поминающе усопшихъ, похваляемъ ихъ,—*праведнымъ бо память съ похвалами бывати* учитъ Соломонъ,—и самихъ насъ къ премірнымъ онымъ уготовляемъ...

„Поминаемъ усопшихъ, себе возбуждающе къ дѣланію... дѣланія бо настоящее житіе, упокоенія же будущее. И сему учитъ насъ премудрый Соломонъ глаголя: даждь седьмымъ часть, тоже осьмому. А еже глаголетъ, сицево есть: постражди въ настоящемъ: чуждъ буди сладкихъ міра сего; возненавиди земную славу, отринь премудрость вѣка сего, сраспнися Христови, гонимъ буди со апостолы, излей кровь съ мученики, аще время призоветъ, аще ли ни, то и труды принеси: не меньше бо сія отъ мученическихъ кровей пріемлетъ Владыка; сиру буди помощникъ, вдову, нища и убога исхити отъ руки оскорбляющаго, простри руку лежащему, даждь и хлѣбъ, даждь и пѣнязь, преклонися къ нему, помянувъ, яко Владыка преклони небеса тебе ради, одѣй померзающая плещà (плечи), обуй ноги сапогми... Сія мала убо суть, но небеснаго царствія ходатаи бываютъ.. Память творимъ усопшимъ, яко, аще во многихъ грѣсѣхъ непокаянно живуще похищени быша (смертію), милостынями и молитвами и Того самою пречистою жертвою ихъ отъ муки избавляюще. Не бо тогда токмо сія святая на крестѣ дѣйствова жертва Господнія плоти и и крови, праотеческія клятвы свободившая, но и нынѣ, таяжде оная сущая, о иже въ благочестіи скончавшихся приносима, грѣхомъ оставленіе и царства вѣчнаго наслѣдіе подаетъ....

Память творимъ усопшимъ, святыхъ житію ревнующе, и онѣхъ мудрованію послѣдующе. Нижè бо они когда къ земному прилѣпишася, но яко суетное пренебрегоша сіе, свое отечество любяще, сирѣчь вышній Іерусалимъ, туда спѣшаще, тамошняя ищуще, тамо умомъ обращающеся, и являемы яко пришельцы на земли.....

Богоотецъ Давидъ, толикій и таковый рече о себѣ: *пришлецъ есмь азъ на земли:*—Что же къ сему рекутъ нынѣшніе цари и князи, яко вѣчни мечтающіи себе, ако безсмертни льстящіи себѣ, ненасыщаеміи имѣній множествомъ, гордящіися, возносящіися, обидящіи, грабящіи, пагубный прибытокъ присно смотрящіи; Се бо пророка глаголъ обличаетъ прелесть ихъ и къ любомудрію воздвигаетъ глаголя: не льститеся, травѣ и сѣни и сну подобна суть вся ваша.

Слыши и премудраго Ісаію, какова суть вся наша. *Всяка плоть, яко трава и всяка слава человѣка, яко цвѣтъ травный.* Маловременное бо жизни и еже вмалѣ радостное и слабое человѣческаго благоденствія совершенно отъ пророка получи подобіе. Днесь благорастителенъ тѣломъ, цвѣтущъ имѣетъ видъ отъ возраста юности, тученъ и крѣпокъ: заутра же самъ сей умаленъ, или лѣтомъ увянувъ, или недугомъ разрушенъ. Онъ-сица славенъ имѣній богатствомъ: и множество ласкателей окрестъ его: дароношеніе друзей лицемѣрныхъ: множество сродства: народа послѣдующаго тма. иже снѣдей ради, иже иныхъ потребъ ради ему предстоятъ: отъ зрящихъ завидимъ есть. приложи къ богатству и градское нѣкое насиліе. проповѣдники вельми предъ нимъ вопіютъ, возглашая или честь ему отъ царя, или начальство надъ воинствомъ; жезлоносцы сѣмо и овамо тягчайшее удивленіе подначальнымъ влагаютъ. И что по семъ; едина нощь и огневица едина ребрная, или бодежь похищаетъ его изъ среды человѣковъ и вся слава его яко сѣнь обличися. Сіе великій оный патріархъ (Авраамъ) въ мысли имѣя присно, не грады созда и не храмины высоки, не раи насади, не воды изведе, не винограды воздѣла, не кони златоуздны уготова, не колесницы впряже, не оружіе искова: но яко пришлецъ бысть безградъ, бездомокъ, яко страненъ сѣнь водружаше, яже вмѣсто полаты ему бѣ, земля же вмѣсто одра елефантова... Тако и пророцы подобно Аврааму странствія своего проидоша жизнь. Іліа убо Кармилову гору горницу имѣ и градъ и жилище, и птица (врана) питателя... Сице и Ели-

аннъ Іорданову пустыню жилище имѣ... Что же апостолы; еда не вмѣняху себѣ странны и пришельцы... Что же Павелъ учитель евангелія; Всѣхъ апостолъ страданія во едино собравъ, рече: *позоръ быхомъ и ангеломъ и человѣкомъ*.., Но и самый первосозданный человѣкъ является любомудръ, совершивъ житіе просто и не ухищренно.... Но ниже Сиѳъ, ниже Енохъ, ниже Еносъ что либо остави, токмо еже призывати Господа человѣки научивъ. О похвальнаго наслѣдія! О неистощимаго богатства! Не остави внукамъ грады и мѣста и чреды вельбудъ и подъяремникъ, и ина таковая ничтоже сущая, но—еще всѣхъ честнѣйшее, *уповати на Господа*. Положимъ и мы на Господа упованіе наше, и станемъ крѣпко, ополчаясь на супостата нашего... Посмотрите на воиновъ готовящихся къ брани: коликъ подвигъ, колико ученіе, колико предобнаженіе показуютъ. И овъ убо тулъ исполняетъ стрѣлами, любочестно рукама учреждая, овъ же мечъ остритъ, инъ шлемъ чиститъ и броню уготовляетъ, другій щитъ привязуетъ, и копье подъ мышцею держа сѣмо и овамо ратуетъ. И они убо сія управляютъ, не у брани пришедшей: мы же посредѣ ея уже есьмы. Сего ради да не унываемъ, но рцѣмъ съ Давидомъ: *аще ополчится на мя полкъ, не убоится сердце мое*. Да уповаемъ на Господа рекшаго: *дерзайте, азъ побѣдихъ міръ*... Аще сему внявши гласу брани противустанемъ, онъ послетъ намъ помощь отъ Святаго, и мы побѣднымъ одѣемся вѣнцемъ и мзду пріимемъ съ дѣлавшими отъ перваго часа. Понеже помянухъ послѣднее рода нашего время, достоитъ и о семъ вкратцѣ рещи и трудъ вашей любви содѣлати большій, яко да въ домы васъ отпустимъ, духовныя трапезы Божественнаго писанія въ сытость насладившихся. Страшатъ мя брани языкъ междоусобныя. Страшитъ мя братняя ненависть. Страшитъ мя оскудѣніе любви. И помышляю: уже при двѣрехъ конецъ. Потреба бдѣти, яко же учитъ Спасъ: *яко въ онъ же часъ, не вѣмы, Сынъ человѣческій пріидетъ*. Сего ради достоитъ намъ познати кончины знаменія, яко да не прельщени бывше отъ антихриста умремъ. (Далѣе слѣдуетъ ученіе объ антихристѣ).

„Кто убо есть антихристъ; Самый сатана; Никакоже, но человѣкъ нѣкій дѣйствуемый отъ сатаны, его же и человѣкомъ грѣха нарече апостолъ. За еже быти ему сопротивну Христу, нарече его антихристомъ, а за еже и самому много согрѣшити и иныхъ на таковая привлещи, нарече человѣкомъ грѣха. Отъ еврей таковый будетъ, и всякаго волхвованія и чародѣянія въ искусѣ будетъ. И сыномъ погибельнымъ именуетъ его апостолъ, за еже погубити многихъ и самому погибнути.

Сего губительному приходу и премудрый Даніилъ научается отъ ангела....

Антихристъ есть сопротивникъ и превозносяйся. Сопротивитися бо имать и превозносити себя не токмо надъ всѣми Бога, но и надъ идолы. Не бо къ идолослуженію приведетъ человѣка, но къ еже тому, яко Богу, покланятися. Сего ради рече: превознесется на всякаго глаголемаго Бога, или идола, яко тому въ храмѣ божіи сѣсти, яко Богу, показуя себе, яко есть Богъ. Не рече: себе глаголя, яко есть богъ, но показуя, сирѣчь, покушаяся увѣрити прельщенныхъ отъ дѣлъ и знаменій и чюдесъ мнѣти того Бога. *Его же Господь низложитъ духомъ устъ своихъ и упразднитъ явленіемъ пришествія своего.* Зри паки утѣшеніе по скорби оной. Яко же бо огню еще далече сущу малѣйшіи гады отъ теплоты истаяваютъ, сице и антихристъ отъ явленія Христова и духа устъ Его истаетъ. *Его же пришествіе будетъ по дѣйству Сатанину во всякой силѣ и знаменіи и чюдеси ложными, и во всякой прелести, неправдѣ, въ погибающихъ.* Сего бо ради предъ толицѣми лѣты предзаручаваетъ (предвѣщаетъ), яко да не прельстятся иже тогда (тогдашніи), ненадежно явльшуся (антихристу). *И абіе всяку силу покажетъ,* рече. Но не бойся, сія слыша о немъ: въ погибающихъ бо возможетъ, иже и прежде того не вѣровавше христови вопіяху: *распни, распни Его.* Зри: окаянные Іудеи въ который ровъ послѣднія погибели вмѣтнуша себе!...

„Но и о общемъ и чаемомъ всѣми воскресеніи послѣдованно къ вашей побесѣдуемъ любви. Вѣмъ бо несытное ваше еже о таковыхъ желаніе. Отсюду же и къ вашему множае распалих-

ся любленію. Елижды бо аще что отъ божественнаго писанія въ вашъ всѣяхомъ слухъ, вы, яко благая и тучная земля, въ малѣ времени показасте таковыхъ сѣменъ прозябеніе, насъ убо о прежднiихъ веселяще, и иныхъ касатися возбуждающе. Тѣмъ же и блажу ваше, еже къ ученію, усердіе. Но, по пророку, блаженъ и глаголяй въ уши слышащихъ.

Многихъ слышахъ, мнящихся вѣрныхъ, глаголющихъ, яко невозможно мертвымъ тѣлесемъ востати, сице въ персть и прахъ истаявшимъ. Да слышатъ таковыи Павла учаща: аще мертвымъ воскресенія нѣсть, ни Христосъ воста,... (Пространно излагается и изъясняется ученіе Павла о воскресеніи мертвыхъ, и о будущей *различной* славѣ *ихъ*).

Сего ради молюся вашей любви: Елма день онъ приближается страшный, востанемъ, попечемся, потщимся судію стяжати, яко друга, страшнаго, но милостиваго естествомъ, праведнаго, но человѣколюбиваго, воздающаго каждому по дѣломъ его, но щедраго. Все о будущей жизни упражненіе имѣимъ. Оставимъ дольняя и къ горнимъ зримъ. Небесный бо садъ есьмы.

..Наша глава къ небеси возведена. Очи горняя зрятъ. Что пользуютъ земная; елику пагубу творятъ.

Что тернію прилежиши, не оставляющему духовная сѣмена возрасти на достойную высоту; Не вѣси ли, яко терніе огню пища бываетъ.. Которое наслажденіе, рцы ми, имутъ настоящая, которую тишину; Сопротивное паче! Се, и море великое и пространное, многажды отъ зѣльныхъ вѣтровъ возмущаемо, укращается и тихо бываетъ. Человѣческое же житіе никогда же тишины имать: присно въ молвахъ. въ мятежахъ всегда. въ попеченіихъ всегдашнихъ. въ трудѣхъ неполезныхъ. въ подвизѣхъ суетныхъ. въ потѣхъ тщетныхъ; и аще убогъ есть, обогатитися спѣшитъ. аще богатъ, имѣніемъ прочихъ превзойти любопрится, и заботами снѣдается: како малою цѣною многая пріобрящетъ, *како отсюду двоекровные и трикровные храмины воздвигнетъ*. Како чадомъ вѣно раздѣлитъ. Како имъ стяжанія и села уготовитъ. Како винограды насадитъ. Како стада умножитъ. Како корабль у-

строитъ. Како ключимую куплю въ онь вложитъ. Како въ дальняя плаванія пойдетъ, и тако Индію и Егигетъ и Ѳеіопію во единой нощи на одрѣ лежа обходитъ. Таковый не помнитъ церковника (Екклисіаста) учаща: и сія вся суета суетамъ и произволеніе духа: но подобится оному, ему же угобзися нива, въ евангеліи... Такій храмокопателей (воровъ) страшится, часто встаетъ. Смотритъ мѣсто, идѣже имѣнія, его томящая, лежатъ. *нащептіщь, или гадъ, или ино что въ дому щукъ (стукъ) устроитъ, татій вмѣняетъ приходъ*. Окаянне и страстне! Владычнею искупленный кровію! почто себе волею устрои раба сребру; не вѣси ли, колико могутъ убозіи о Христѣ; помысли, яко Петръ имѣніемъ убогъ, но Тавиѳу воскреси, Іоаннъ убогъ, но хромому исправи нозѣ, Павелъ убогъ, но рай видѣ, въ тѣлѣ сый... И яко же древо отвнѣ убо свѣтло и красно видится, внутрь же червми снѣдено: такъ и страстный оный отвнѣ златыя одежды носитъ, отъ всѣхъ поклоняемъ, отвнутрь же снѣденъ и изможденъ есть мысленными червями. Подобно и царь удержа языки, скиѳы, варвары, побѣды великія воздвиже, острова вся повину. Плаваемое объятъ все море. вселенную покори. тщится и ненаселенную пріобрѣсти, и неплаваемое плаваемо сотвори. и аще возможно бы и самые иже въ горахъ и пустыняхъ звѣри и скоты во едино совокупити, изволи имѣти. Предстоятъ ему копьеносцы, защитаниц , воины, чинове, вельможи, князи, Ѵпаты. Онъ же яро зритъ. Мало ему являются вся. Аще же когда приключится или самому тому, или предрѣченнымъ ѻнѣмъ отъ томительныя славы отпасти и въ нищету пріити, ниже тако тишину имать. недоволенъ есть простыми одеждами, воспоминаетъ многоцѣнныя, камени свѣтлые, бисеры, златотканные постели. Такожде и нуждная пища ему жестока мнится, и различныхъ снѣдей желаетъ. Подобно и уединеніе не терпитъ. тужитъ. воздыхаетъ, слезитъ. смерть сладцѣ призываетъ, яко премѣненіе скорьбемъ,..

О, каковыми обуревается человѣкъ! И сладкимъ не насыщается, и отъ терпкихъ въ чувство не приходитъ. Славу имѣя, тмами попеченій стрѣляемъ бываетъ. и сему отпадшу, ни тако

покоя не имать. О горькаго пріобрѣтенія! О злаго преспѣянія!— Отсюду прейдемъ на воинскій чинъ, и смотримъ: колико попеченіе творятъ о себѣ, о оружіи, о конѣхъ. жегоміи варомъ солнечнымъ, и дождевными наитіи обуреваеміи, и сланами и снѣгы померзающе. Чаянія повседневная смерти. И видиши, на нихъ смотря, страданій знаменія, и на лицахъ язву меча, и око стрѣлою искочившее, и руку отсѣчену, и плещѐ копіемъ прободенно. Таже, гдѣ ключима пища у нихъ; гдѣ свобода; гдѣ праздникъ; гдѣ торжество;—Что же земледѣльцы; не всегда ли въ потѣ и трудѣ суть; и дивно ничто же, въ потѣ бо лица своего снѣдати хлѣбъ заповѣдь пріяша: оруще. сѣюще. жнуще. верхуще (стоги вывершающе.) вѣюще. Таже, и по еже въ житницахъ затворити пшеницу, паки таяжде начинающе...

Прейдемъ и на иже по морю корабельное проходящихъ жительство, и усмотримъ и тамо: коликія бѣды! коликія нужды и боязни! Напрасно бо (т. е. внезапно) нашедъ супротивный вѣтръ, свирѣпыя оны волны подвиже, и кораблю преливатися устрои. и отчаяніе тамо. воду помышляющи гробъ имъ уже быти, или морскихъ звѣрей чрево.... Коликъ подвигъ. Колико бодрство тамо кормчія. колико разсмотрѣніе, многажды привязану сѣдящу ему и кормило правящу. Новое убо ядрило (парусъ) преобращаютъ, угождающе вѣтру, яко, да не нагло въ нѣдро ядрилу вшедъ, катартъ преломитъ, и прочее надежда вся преста. Овіи же ужа (веревки) опинаютъ (натягиваютъ?) Друзіи нарицаемая крила отъ обою страну кормы ниспущаютъ, яко рукама возражающее стремленіе волнамъ, и прежде даже приразитися кораблю, стремленіе зѣльное тѣмъ утолѣвати. Иніи воды изливаютъ. И просто, купно вси въ подвизѣ и страсѣ стоятъ. Безмала душа, мню, украдена. Слезы есть видѣти, рыданія, раскаянія. самихъ себе уничижающе, понеже таково изволивше навѣтовательно жительство. Таже, едва въ пристанищи бывши и мало нѣчто успокоившись, и первыя бѣды забывъ, паки пучинѣ себе вдаютъ.. И что виновное сему; мнящійся прибытокъ! Тако влается многоцѣнное сіе животное, человѣкъ! Что же, иже руды серебряныя копаютъ...

6*

Что же, иже рукодѣлія и художества проходящіи; еда что безтрудно и безмолвно исправляютъ; никакоже. Что же, иже въ сопряженіи брака, аще не по апостолу ихъ любовь будетъ; какое величество злобы таковому томленію рáвно будетъ, единому человѣку раздѣляему на многія части! Отсюду ненависть, суды, распри. отъ обою страну рожденнымъ чадомъ страданіе: о̃въ бо убо ради жены сихъ отвращается, о̃ва же ради мужа сихъ отрѣваетъ. Стяжанія умаляются. Прибытокъ не приходитъ.. На двое истощаніе бываетъ, оба свое крадутъ. Нѣсть тамо слышати *наше*, но сіе мое, о̃но твое. Сему глаголу послѣдуетъ раззореніе, якоже и Господь рече: *всякъ домъ раздѣливыйся, не станетъ*. Таковый въ домъ, яко въ темницу, входитъ. Мерзостна ему вся, еже тамо. Львицы вертепъ помышляетъ ту клеть, въ ней же злая помощница сидитъ. Самыя стѣны, яко звѣри, непщуетъ. Рабомъ онъ жестокъ. Сусѣдомъ необыченъ. Помраченъ изходитъ, поникшій, бездерзновенъ. Вѣсть бо, яко отвсюду поношенія вопіютъ. Оставляю глаголати рожденія, отдоенія, воспитанія, ученія, наказанія. яже въ юности. яже въ *первобрадыхъ*. яже въ совершенныхъ. яже въ преполовеніи лѣта. яже въ самой старости. Къ симъ, ярости, убійства, зависти, ревнія, гнѣвы, лжи. Сія вся многими и неисчетными болѣзньми растворена суть... и паче морскихъ волнъ, человѣческія жизни суть треволненія. Таже, что по сихъ всѣхъ; смерть, смерть, премѣнитель печальныхъ, свободитель трудовòмъ, успокоитель естества, сонъ человѣкомъ послѣдній.—

Ты же умершаго, яко погибша, плачеши и рыдаеши; и который отвѣтъ получиши, рцы ми;—Господу умершу волею и воскресшу, и всякой плоти воскресеніе даровавшу; Ты яко не имѣяй упованія сѣтуеши; Ублажи его прешедша. Отъ болѣзней бо и попеченій суетныхъ свобожденіе обрѣте... Но онъ, речеши ты, бѣ юноша, и въ самомъ цвѣтѣ естества, красенъ посредѣ сверсниковъ. въ ѣздѣ, въ борьбахъ, въ играхъ, въ словесѣхъ

высокое. всѣхъ, иже въ Палатѣ, юныхъ превосходилъ и тѣлесною лѣпотою, и душевною добродѣтелію.

Но естеству должное послужи. Но пойде къ Адаму, яко того чадо. Къ вѣрному Аврааму, яко вѣренъ. Достоитъ убо радоватися паче, понеже въ таковомъ восхищенъ бысть возрастѣ, да *не злоба*, по Соломону, *измѣнитъ разумъ его, или лесть развратитъ душу его.*

Но не можеши удержати слезъ; Пріемлю сіе. Но не рыдай, не оплакивай, яко отъ большихъ на меньшая приведеннаго, яко отъ сущихъ на несущая... Сія бо скверныхъ еретикъ суть мудрованія. (Далѣе говоритъ о раздаяніи милостыни и вообще о милосердіи, и симъ поученіемъ оканчиваетъ Слово).

Въ пятомъ Словѣ кратко, но живо и назидательно описаны подвиги Антонія великаго и прочихъ, весьма многихъ, пустынножителей обоего пола. Это Слово есть коротенькая Четь—Минея. Вотъ заключеніе его:—„Молю не токмо просто и яко же прилучится, святыхъ мужей читати похвалы, но и подобитися имъ, днесь мало, утрѣ повыше, потомъ множае: не возможно бо абіе отъ земли лѣствицы степени всѣ преступомъ единымъ прейти кому, и на версѣ ея обрѣстися, аще не помалу восходомъ воспріимется: дондеже, божіей помощи поспѣшествующей, и на ихъ степени взыдемъ, и съ ними уготованныя получимъ блага о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, съ нимъ же Отцу слава со святымъ Духомъ и нынѣ и въ будущей жизни. Аминь.

Шестое Слово объ иноческомъ житіи весьма замѣчательно тѣмъ, что въ немъ это житіе описано такимъ, какимъ оно было въ 14-мъ вѣкѣ, когда монахи вели жизнь созерцательную и занимались умною молитвою. Посему я помѣщаю здѣсь это Слово почти безъ сокращеній, тѣмъ поваднѣе, что оно есть противень

„И паки любомудренное иноковъ житіе къ своимъ похваламъ влечетъ меня. Иноковъ же егда реку, да не непщуеши, любимиче, яко человѣки глаголю, но ангелы, и не иные, но тѣ самые помышляй, иже на Христовѣ рождествѣ пастыремъ явившася поюще: Слава въ вышнихъ Богу, и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе. Миръ бо Христовъ вземше, его же Онъ ученикомъ остави, со множѣмъ опаствомъ въ душахъ своихъ скрыша, на таковомъ основаніи судивше утвердитися. Мирны убо душею сущіи, и всяческія неприкосновенни злобы, молвы и мятежа отбѣгше, любовь же къ сродникамъ и союзы тѣлесные отринувше, и разслабленіе покоя возненавидѣвше, и вся красная міра сего съ Павломъ въ уметы вмѣнивше, въ горахъ и вертепахъ, въ пустыняхъ и стремнинахъ и пропастяхъ земныхъ жити изволиша. Что творяще и что помышляюще; яко да душею чистою и умомъ неоскверненнымъ Божію лицу являются. И аще хощеши навыкнути, яко все ихъ житіе ангельское есть, смотри отъ согласнаго воспѣванія. славятъ бо непрестанно день и нощь Божественное. Якоже оные горніи, тако и сіи земніи славятъ, благодаренія воздающе, и неисчетно—сильной премудрости Божіей и судьбамъ дивящеся, премудраго Павла добрѣ послушающе учаща: „невидимая бо Его отъ сложенія міра тварями разумѣваема видятся“. Просятъ же не отъ земныхъ что, но онѣхъ сподобитися, ихъ же великій оный Апостолъ слыша и видѣ, восхищенъ бывъ.

Каковъ же уставъ и правило ихъ; Монастыремъ бо оградивше себе, якоже нѣкоторымъ небомъ, и прежде сего страхомъ божіимъ огражденніи, никако же безъ повелѣнія Настоящаго (настоятеля) николи вмалѣ исхожденіе творятъ: божій же образъ на Настоящемъ (настоятелѣ) держаще, яко ангели Бога, того тако послушаютъ. Такова же къ нему ихъ вѣра, яко не токмо припаданія (прегрѣшенія) приключающаяся, но и самые помыслы на кійждо день явлены тому творятъ. Кроткому же оному Давиду ревнующе, полунощи встаютъ исповѣдатися Господеви и тако въ псалмѣхъ и пѣснехъ и чтеніи богодухновен-

ныхъ писаній освитають, свѣтъ показавшаго мірови Бога съ воскликновеніемъ славяще. Исходяще же отъ церкви къ сну, не разслабленію нѣкоему вдають себе, но на дѣло ручное упражняются, еже коемуждо отецъ по разсужденію дѣлати повелѣ. И руцѣ убо дѣлають съ береженіемъ, умно моляся изъ глубины сердца. И аще убо три, или десять, и сто будутъ вкупѣ: не прерѣканіе, не лихословіе, не досажденіе, или ино что таковое слышати тамо, но псалмы со многою сладостію, со мнозѣмъ умиленіемъ, яко и дѣлу преспѣватися, сладостію псаломною труду подкрадаему. Таже паки въ уставленное время, якоже бо труба воины собираетъ предстати цареви земному, тако и здѣ било церковное сихъ собираетъ предстати цареви небесному. И есть видѣти отвсюду стекающихся, и инъ инаго тщащихся предварити. Молитвы же начало благословившу священнику, встають, поюще съ колицѣмъ желаніемъ, съ коликою любовію, съ колицѣмъ умиленіемъ, съ колицѣмъ соглашеніемъ, съ колицѣмъ благочиніемъ стоянія. Не бо есть тамо единъ на другаго зрѣти, или бесѣдовати, или вскланятися, или прозіаватися (зѣвать) дремлющу, или чесатися и прегибатися, или часто изходити изъ церкве и входити, но стоятъ, яко же изваяни нѣцыи, или на стѣнѣ написани, а нечеловѣческаго мними естества, предъ собою зряще, руцѣ къ персемъ имуще, тогда и токмо ихъ отъ мантіи внѣ являюще, егда креста сладкое знаменіе творити ихъ призоветъ пѣснь: Пріидите, поклонимся и припадемъ самому Христу цареви и Богу нашему. И есть видѣти и благочиніе стоянія, и соглашеніе воспѣванія ангельское. Не бо единъ другаго гласомъ превосходитъ, или предваряетъ въ пѣсненныхъ рѣчахъ, но равно вси, яко мнѣти единъ гласъ всѣхъ и едина уста всѣхъ: тако благосложно и благоизносно, яко же бы реклъ лебединаго гласа подобіе, егда на чреды собравшеся высоко воздухъ прелѣтаютъ, тихому вѣтру своя крила ослабивше, или яко же роя пчельнаго въ толицѣ множествѣ единогласіе. Каково же опасство и послушаніе и внятіе и яже отъ смиренія слезы, внегда подвигнути бесѣду Великому (настоятелю) и богодухно-

венная сказовати Писанія, или дѣянія и видѣнія мужей благочестивыхъ. Обычно бо тому сіе во всяко собраніе, яко да частымъ повѣствованіемъ добродѣтельныхъ житій ревность влагаетъ въ ихъ души и къ подобному воздвижетъ.. Тако убо предъ лицемъ божіимъ бывше и должное того славѣ хваленіе и воспѣваніе воздавше, изходяще отъ церкве, яко же часу по нужди естества къ пищи ихъ зовущу, на трапезу отходятъ, ключимаго времени псаломъ поюще, и тамо паки довольно помолившеся, и хлѣба насущнаго просивше и долгомъ оставленіе, касаются пищи. Сія же (пища) есть хлѣбъ, егоже трудомъ, а не туне себѣ же уготоваша и требующимъ всѣмъ. Продающе бо рукодѣлія, сего купуютъ, воеже не отяготити кого по апостолу. Снѣди же—самородная зелія и сочива и овощи и сія въ мѣру. Ниже бо лѣпо быти и ключимо судиша внѣ міра быти нарекшимся мясорѣзательными ножевы оскверняти руки, ихъ же чисты къ Богу воздѣяти тщатся, и воздухъ скварами (вареньемъ) помрачати, его же чиста и легка отдыхати изволиша... Пріемлютъ же пищу съ толицѣмъ благоговѣніемъ, съ елицѣмъ и пѣніе творятъ церковное... Ибо и въ трапезѣ усты ядуще, молятся умомъ, ушима же слышатъ брата чтуща повѣсти и наказанія отеческая. И есть видѣти всѣхъ ихъ любомудрія истиннаго исполненныхъ. Что же питіе ихъ; вода. еже прежде потопа праотеческое питіе, трезвенное, чистое, не могущее погубити или возмутити піющаго. Студена бо суща естествомъ, смѣшается съ теплотою хлѣба и съ прилучившимися снѣдями, и взваренію бывшу желудному, благорастворені и легкость подаетъ естеству, и надглавному мозгу быстроту, и очима благозрачіе. Кто пришедъ, рцы ми, и сихъ испытно разсмотрѣвъ небесно житіе, не умилится, или похвалитъ, или ублажитъ, или въ чювство не придетъ, и не преложится отъ варварскаго на христіанское жительство; Кто не познаетъ извѣстно, яко вси пути спасенія ихъ житіемъ опредѣлени суть; Егда же обѣдъ раздрѣшатъ (кончатъ), паки благодареніемъ и воспѣваніемъ воспріемлются... Аще же кто приступитъ къ единому отъ нихъ или вельможа, или князь, или и са-

мый царь, и того бесѣдѣ причастится, и отъ вида и устроенія и отъ обычая навыкнетъ онаго убо блажити, себе же окаяти: и аще возможно бы въ той часъ свою славу на нищету онаго измѣнити, не отреклся бы, но и сладцѣ сіе пріялъ бы... Аще когда распря, или прекословіе будетъ посредѣ нѣкіихъ, не терпятъ ждати мало прежде солнечна захода премѣненіе сотворити, но абіе единъ другаго тщится и многими съ слезами полными вѣщанми и припаданми предварити. Се бо есть истинное покаяніе къ Богу же и брату, еже повинна себе во всемъ творити, а не на опечалившаго вину возлагати смущеній. Аще же нѣкако до вечера пребудутъ непремѣнени, обои изгоними бываютъ отъ обители, яко да не обнощуютъ ни едину нощь иже суровство вражіе носящіи съ иже Христово смиреніе имущими. Кое бо свѣту причастіе къ тьмѣ, или кое согласіе Христу съ веліаромъ; Вечеру же постигшу и преподобное воздѣяніе рукъ совершивше, еже Давидъ жертву вечернюю нарицаетъ, и повечернее правило скончавше, въ немъ же молятся нощное поприще безъ порока преити, и миръ и прощеніе отъ настоятеля и отъ другъ друга вземше, въ келліи отходятъ, себѣ внимающе, ни къ кому же бесѣдующе, ниже въ сусѣдствующаго или инаго брата келлію входяще, но съ тихостію и молчаніемъ касаются книгамъ, якоже пчелы любодѣлательныя нѣкоторымъ цвѣтовомъ, медъ добродѣтельный и отсюду собирающе. По чтеніи же довольну уже часу прешедшу, согнувши книги, стаютъ на молитвѣ, недостатки естества предъ собою полагающе, и колѣнопреклоненія довольны часы творяще. Реклъ бы кто, сихъ видѣвъ, яко ногамъ касаются владычнимъ, внегда припадати и чело къ земли прилагати съ таковымъ сокрушеніемъ совѣсти, съ таковымъ сердца содроганіемъ, съ таковыми слезами. Аще же кто божественная писанія не навыклъ будетъ, инымъ образомъ чтенія уставы исполняетъ, яко у всѣхъ равну быти подвигу, а не книжнаго ради невѣдѣнія сзади добрыя дружины остати. И тако часъ, или же много два сну предаютъ тѣло, мѣру и

не множае, дають трапезѣ, да яко рабу тѣлу сіе на пищу довольно будетъ, и сну же такожде, яко да легцѣ уснетъ трудникъ; и по естеству сонъ тому пріидетъ, отраду дая и упокоеніе тѣлу, а не мечты нѣкіи: и паки легцѣ отъидетъ, дѣлателя возбуждая: якова пріятъ прежде сна, такова и по снѣ представляя. Таковъ сонъ и Богоотецъ оный пріимаше; *азъ уснухъ и спахъ, востахъ, яко Господь заступитъ мя.*

Елма же врачъ душамъ есть отецъ настоятельствуяй и невидимымъ ранамъ и смотритель и цѣлитель, приходитъ кійждо въ вечеръ глубокъ, и болѣзнь являя проситъ исцѣленія: онъ же вскорѣ и здравіе даетъ, и теплоты множайшія исполняетъ, и цѣла всего и бѣсомъ страшна воина Христова отпущаетъ. Нѣцыи же и до знаменія (благовѣста) церковнаго тамо предстоятъ, или присѣдятъ, внегда слово Великому простерти (продолжить) до полунощи, и съ нимъ купно на полунощное славословіе отходятъ, отъ славы яко во истину въ славу преходяще. Кто симъ точенъ (подобенъ) будетъ, рцы ми, отъ иже міра сего гонящихъ славу и покой (отъ гонящихся за славою и покоемъ мірскимъ); Никто же. Нѣсть бо лицемѣрія у Бога. Самъ бо рече: нуждно есть царство небесное, и нуждницы восхищаютъ е. Восхити сіе Павелъ, иже больше всѣхъ потрудися, иже на кійждо день умираше, иже глаголаше: *благоволю въ напастехъ моихъ:* и паки: *мнѣ міръ распятся, и азъ мірови.*

И сіи убо предреченніи таково житіе и устроеніе имутъ, обща вся имуще, яко же воздухъ, и солнце, и вѣтры. Носятъ же одежду отъ власовъ овчіихъ и козіихъ, елико убо покрывати тѣло и грѣяти въ мѣру, не разслабляти же мягкостію. Мѣра же одежды, и та любомудренна, не долга, ниже влачащася: мірско бо и гордостно сіе: ниже паки кратка: безстудно бо и разбойническо: но елико покрывати нозѣ, не забавляти же хожденію. Но и хожденіе ихъ вниманія достойно. Ниже бо борзо творятъ движеніе шествія: неглостно бо сіе есть и безстрашія душевнаго знаменіе: ниже паки разслаблено и помалу: лѣстно бо купно и тщеславно: но посредѣ борзости и тихости. Аще же прилучится ко-

му, идущу посредѣ, срѣсти брата, или обрѣсти стояща, поклонься единъ другому, съ молчаніемъ отлучаются. Вопрошающу же брату другаго, что̀ отъ богодухновеннаго писанія навыкнути, не просто и яко же прилучится, вопрошаетъ, но сотворивъ метаніе (поклонъ), со множѣмъ смиреніемъ открываетъ предложеніе. О таковыхъ глаголаше Господь: *„ищите и обрящете, и толкущему отверзется“*. Оный же паки не гордостно, или завистно, или прѣзрѣнно, или ово убо сказати, ово же таити, или же и все сказати, но сліяннѣ, за еже ненавыкнути брату: нѣсть сего, нѣсть: но тихо, со смиреніемъ, по послѣдованію вопрошенія, съ чистою совѣстію сказуетъ и пользуетъ ближняго, братнее преспѣяніе яко свое вмѣняя. Но и гласъ у нихъ въ обычаѣ инъ есть. Нижѐ бо якоже мы бесѣдуемъ, тако и они, но умѣренно. Нижѐ бо высоко вземлютъ глаголъ и дебелословятъ, преломленія въ гортани творяще: жестоко бо и гордостно сіе, и повелительно нѣкако: ниже паки низко и тонко и развлачительно: женское бо и лицемѣрно: но крѣпосреднюю высоту даютъ гласу.—

Таковъ чинъ и уставъ имуще, ничимъ же инымъ развѣ плотію токмо умалени суть отъ ангелъ; союзомъ же другъ къ другу любви, мню, не умалени. И сіи убо тако житіе имутъ, во множества братства себе примѣщающе.

Потомъ же довольно въ таковой тризнѣ обнажившеся, и яко желѣзная наковальня отъ отеческихъ млатовъ угладившеся, и стяжавше смиреніе Христово и страдальческое терпѣніе, волею и прощеніемъ Великаго на безмолвное житіе изходятъ, многими слезами отъ братіи провожаеми. Сихъ же таково житіе.

Клѣти далече творятъ отъ другъ друга. Во всѣ седмицы безмолвствуютъ, ниже сходятся, ниже въ бесѣду отдалече приходятъ, но въ упражненіи умнаго житія бываютъ, и еже *по образу* (Божію) достигнуще, принимаются за дѣянія, яже *по подобію*. Елма же не съ человѣки водворяются, яко уже всячески мірови умроша, не отъинуда ратуеми суть отъ лукаваго, но въ мысли всяку брань пріемлютъ. Многажды же и чювственнѣ нахожденіе творятъ лукавіи, стращаще, изгоняюще, біюще, въ воины преобра-

зующеся, и посѣкати и вязати и отводити ихъ, яко плѣненныхъ творящеся. Въ звѣри же прелагаеми, растерзати ногтьми и поядати зубами покушаются. овогда же въ ядовитые гады прелагаются.. ядо да или всячески бѣжати устроятъ мужа, или да въ страхъ того вложатъ. Ибо страхомъ тому обладану бывшу, помалѣ и бѣглецъ будетъ.-- Стоятъ убо тако сіи, крѣпко нудяще естество въ началѣ къ таковымъ лютымъ бранемъ, и побѣждающе паче о Христѣ, а не побѣждаеми. Егда же и сіи довольно уже время въ таковыхъ борьбахъ пребудутъ, яко да не токмо достойны будутъ дѣлатели мзды своея, но и яко искушенніи напаствуемымъ могутъ помогати, и лукавіи оніи посрамятся бѣсы, тогда и помощь, яже свыше приходитъ, прохлаждаетъ страдальцы и утѣшаетъ, просвѣщаетъ и Боговидны сотворяетъ.. Пребываютъ убо, якоже рѣхомъ, седмицу всю въ такомъ упражненіи, пищу во вторый день и въ третій пріемлюще, нѣцыи же и до седьмаго тако провождаютъ, ничтоже вкушающе. Въ субботу же приходятъ вси въ монастырь, творяще бдѣніе съ прочими братіями, и бесѣды *Великаго* довольно воспріемлюще. таже божественную службу послушавше въ недѣлю, и божественнымъ тайнамъ причастившеся вкупѣ вси съ Великимъ пищу пріемлютъ, и по обѣдѣ благословеніе вземше, паки въ своя отходятъ.. Таково сіи житіе имуще, задняя забываютъ, простираются же въ предняя, и не къ тому живутъ они, живетъ же въ нихъ Христосъ, по апостолу. И мню ихъ здѣ сущихъ сравнятися ангеломъ, ума же чистотою и сердца теплотою Серафимы достизати, по изхожденіи же еже отсюду, въ славѣ оной и жизни быти, яже во Христѣ нынѣ сокрывается, а въ воскресеніе откроется, егда лицемъ къ лицу, по блаженному Павлу, желаемаго Христа узримъ...

Чесому убо кто уподобитъ премудрые сіи и небесные мужи; Вся бо отъ вѣка святыхъ житія и страданія и терпѣнія и иная, ими же вся спасительная обдержатся, сихъ житіе носитъ. Въ нихъ есть видѣти Адама простоту, Сиѳово благоразуміе и благородіе души, Еносово еже на Бога упованіе всегдашнее, Ено-

идљже божіе маніе вњетъ, но всѣми силами душевными представленіе въ Бозѣ бывающее, Авраамово странноприимство, Исаакова благопокореніе, Іаковову бодрость, Іосифово непамятозлобіе, Моисеево встанливство и братолюбіе, Аароново священнолѣпіе, Самуилово предзрѣніе, Давидову кротость, Соломонову премудрость, Илiину ревность и Боговидѣніе, Елисеево послушаніе, Крестителево пустынство, Апостольское житіе и страданіе, Петрову теплоту, Павловы труды и поты, Іоанново богословіе, мученическіе подвиги и боренія не въ единъ день, или въ недѣли, или въ лѣтѣ, но во всѣхъ лѣтѣхъ жизни, и на кійждо день и часъ. Что же по сихъ; вѣнцы. (Послѣ сего черезъ десять строкъ конецъ Слову).

Пора бы и мнѣ прекратить передачу Словъ митрополита Григорія. Но онѣ такъ занимательны, что я не могу оторваться отъ нихъ, и воображая, что и другимъ онѣ будутъ любы, сообщаю еще нѣсколько отрывковъ изъ остальныхъ Словъ.

Вотъ отрывокъ изъ (7-го) *похвальнаго слова св. сорока мученикамъ Севастійскимъ.*—Сіи адаманстіи страдальцы, крестное знаменіе сотворше, вскочиша въ хладное езеро. И сгущаваемой водѣ, болѣзнь обья ихъ крѣпка. Мразу бо вскорѣ проходящу сквозь тѣла ихъ, стрѣльною стужею всему естеству творяше стѣсненіе. Отъ ногтей артеріямъ пріемлющимъ лютость, кровь прятася, персты блѣдны оставляя. Собирающимся же (корчащимся) отъ мраза жиламъ и собирающимъ составы плоти, остывающу мозгу, иже въ костехъ, и крови къ сердцу прибѣгающей нуждею мраза, мертво прочее показывашеся тѣло. И мразъ, преподаваемый надглавному черепу, трепетъ содѣловаше зубомъ. Устнамъ же почернѣвшимъ и оскудѣвшей силѣ вѣщателя (языка) за еже челюстемъ заключитися, стѣсневаему же жизненному дѣйству и гортань давящу, ноздремъ же дыхающимъ мало, треблаженніи сіи, въ таковыхъ суще, донележе можаху и двигати-

ся и вѣщати, обымаху другъ друга любве закономъ, увѣщавающе къ терпѣнію.—(Въ этой рѣчи слышенъ знатокъ анатоміи).

Съ радостію спѣшу сообщить отрывки изъ (осьмаго) Слова на рождество предтечи и крестителя Іоанна.

„Креститель днесь намъ раждается, и кто не возрадуется; Предтеча намъ является, и кто не возвеселится; воинъ царевъ предгрядетъ, и кто не притечетъ; Гласъ Слова вопіетъ, и кто не услышитъ; Весну срѣтаемъ: всѣ радуемся. Вси рожденнаго празднуемъ, и руцѣ простерше съ веселіемъ на пеленахъ того держати мнимъ. Іоаннъ рождается, иже въ пророцѣхъ большій, и до его же—пророчества: вси бо, рече, пророцы до Іоанна прорѣкоша: Іоаннъ, ему же точенъ (подобенъ) никто же воста въ рожденныхъ женами, Іоаннъ предначинатель крещенія и оставитель обрѣзанія, Іоаннъ иже отъ пророка пророкъ, священническихъ и престарѣлыхъ чреслъ священнѣйшая и младая отрасль, неплодныя старицы садъ богоданный и многоплодный, Іоаннъ другій Илія, пустынства токмо образомъ, житіемъ же и достоинствомъ и того и всѣхъ превозшедый, звѣзда, предвоссіявающая правды Солнцу, горлица пустынная, весну предвозвѣщающая спасительную, другъ жениховъ, иже во чревѣ играяй и въ пустыни вопіяй: покайтеся: *и во адѣ благовѣствуяй*. Іоаннъ иже отъ обѣтованія рожденный, иже рожденіемъ своимъ отчее разрѣши безгласіе и матернее неплодіе ..

Блажу и Захаріину старость, и Елизаветино заматорѣніе и неплодіе, понеже таковый намъ плодъ израстиша. Блажу и повѣстописца Луку, о того рождествѣ первую повѣсть начинающа въ списаніи евангелія... (Далѣе говорится объ этой Четѣ).

„Отроча же растяше и крѣпляшеся духомъ, и бѣ въ пустыняхъ до явленія его къ Израилю... Дивлюся помышляя: како отроча, матерняго сосца лишенно и пеленнаго одѣянія, жестокость стерпѣ пустынную. Но Духъ ему и сосецъ бѣше и одѣяніе, и прочаго попеченія матерняго мѣсто исполняше. *И бѣ*

тенъ будетъ въ мірѣ злобамъ, яко да достоинъ вѣры будетъ, отъ пустыни явлься къ Израилю, яко да благопріятно будетъ его свидѣтельство о Христѣ, яко да честенъ будетъ всѣмъ отъ крайняго пустынства, отъ одѣянія, отъ нестяжанія, отъ пищи безпищныя, яко да обличителенъ будетъ, яко да не на лица зритъ. И достоитъ со множѣмъ опаствомъ божественнаго онаго мужа смотрити житіе, како въ естествѣ человѣческомъ бѣ, и выше человѣка пребываніемъ зрѣшеся. Кая бо пища Іоаннова: *вершіе дубное* и медъ дивій. самоуготованная трапеза, не трудная, не отяготительная, не тучнящая, не могущая воевати на духовную крѣпость. Что же питіе; вода чистительная, быстрая, трезвящая, не смущающая надглавный мозгъ. Каково же одѣяніе? вельбуждіи власы, любомудренное украшеніе, пустынная багряница, древнее прародителей одѣяніе. Что же поясъ? Отъ кожи: мужественное являя отсюду, и еже въ подвизѣ быти всегда и дѣланіи, а не въ сластолюбіи и разслабленіи. И понеже кожа мертваго животнаго есть часть, назнаменова его о чреслѣхъ усменный поясъ, яко весь Христу живетъ, мертвъ же бѣ отъ человѣческихъ всѣхъ... И по что, рече, не обувенъ бѣ; понеже не бояшеся змія назирающаго пяту нашу, иначе, понеже приступати хотѣше и касатися Владычнему верху, да не услышитъ, яко же Моисей: иззуй сапогъ ногу твоею, мѣсто бо на немъ же стоиши, свято есть. Почто же непокровенною головою; понеже предстояше Богови присно, да и проповѣднику съ откровенною главою и лицемъ яже Духа людемъ благовѣствовати словеса ключимо есть.

Сего нынѣ честное рождество подъемлемъ, душами играюще и всемірный праздникъ составляюще. Есть бо всѣмъ вожделѣненъ, *яко и на суши и въ морѣ спасаетъ*, и на всякомъ мѣстѣ отъ лютыхъ избавляетъ, и въ нуждахъ и скорьбяхъ сущимъ скоръ утѣшитель является, но и неплодія разрѣшаетъ узы, и нѣмымъ отверзаетъ уста на славословіе божіе. Сему и апостоли поревноваша, никако же отъ земныхъ что стяжавше... *Сего и царіи боятся,* яко и по смерти обличаетъ беззаконующихъ. Слышавъ бо рече Иродъ царь имя Христово, убояся, и рече, яко Іоаннъ

креститель отъ метрвыхъ воста, и сего ради силы дѣются о немъ... Кто образъ инокомъ еже крытися въ пустыняхъ, аще не пустынный сей ангелъ; Кому уподобися великій нашъ начальникъ Антоній, египетскому покою предпочтый жестость Нитрійскія горы; Іоанну. Многимъ Іоаннъ благимъ виновникъ бысть родився человѣческому роду, и нынѣ множайшая намъ дарованія ниспосылаетъ, съ чистою совѣстію и теплою любовію Его призывающимъ, во славу отъ него свидѣтельствованнаго и крещеннаго Христа, истиннаго Бога нашего, Ему же слава со Отцемъ и святымъ Духомъ, нынѣ и присно и *во вѣки вѣкомъ*. Аминь.

Изъ девятаго, длиннаго, прекраснаго, похвальнаго слова верховнымъ апостоламъ Петру и Павлу выписываю только слѣдующія замѣчательныя мѣста:—

„Въ день Пятидесятницы всѣмъ слышащимъ величія Божія глаголаху таинники Слова апостоли: *и единъ языкъ апостольскій во многи раздѣляемый коемуждо роду свой бысть*“...

„Что твориши, Ироде; Петра хощеши отъяти, *церковное основаніе:* Петра въ темницѣ затворити ключаря небеснаго; Петра мечемъ убити, языка огненнаго; Всуе трудишися. Мечъ его не одолѣетъ: адаманта бо есть твердѣйшій. И что глаголю мечъ; врата адова того не превозмогутъ“...

„Петръ всѣмъ глава, великая проповѣданія труба, искусный кормчій корабля церковнаго, пастырь неусыпный и овецъ и агнцовъ Христовыхъ“.

„Что же ли Павелъ, небесный оный человѣкъ, риторъ церковный, Христова уста, учитель языкомъ, высоколетательный орелъ, церковный славій (соловей), иже въ законѣ усердный и во благодати ревнитель; Павелъ иже больше иныхъ трудивыйся, теченіе скончавшій, вѣру соблюдый; Павелъ иже безстудная Іудеомъ зашиваяй уста; Павелъ иже еретикомъ узда, неустрашимый воинъ посредѣ рати, обтекый, яко же крылатъ, отъ Іерусалима даже до Иллирика;... иже прежде гоняй, и нынѣ благовѣствуяй, иже прежде церковь раззоряяй, и нынѣ церковь сос-

тавляяй... И не погрѣшитъ кто, цвѣтникъ духовный нарекши Павлову душу. Вся бо благая въ ней процвѣтоша. Кто бо тако всѣмъ бысть вся, якоже Павелъ, да всѣхъ пріобрящетъ; Іудеомъ, Еллиномъ, законнымъ, беззаконнымъ, всякому роду, всякому возрасту, мужамъ, женамъ, дѣвамъ, вдовамъ, юношамъ, господамъ, рабомъ; Кто тако трудися, якоже онъ; кто сочтетъ великіе оны паче человѣка подвиги, яже по суху хожденія, яже Іудеомъ на сонмищахъ проповѣданія, біенія, влаченія, темницы, грады, веси, алканія, жажды, бдѣнія, морская плаванія и отъ топленія бѣдствованія... Въ Аѳины пришедши ему и учащу въ сонмищахъ и на торжищахъ Іудеи въ кійждо день, емше его на *Аріевъ приведоша ледъ* стоичестіи философи и Епикури... Который цвѣтникъ, рцы ми, тако красенъ есть различіемъ цвѣтовъ, якоже церкви Павловыми посланіи; Который царскій вѣнецъ каменіемъ и бисеромъ тако сіяетъ, якоже церковь Павловыми поты и труды; и что ми много глаголати; Который корабль тако плыветъ, отъ кормы сущу вѣтру, якоже Павловѣми молитвами церковь... Кто гонимъ, и Павлова гоненія помянувъ не утѣшится; кто же ли въ узахъ, и Павловы узы слыша не на радость преложится; кто же ли немощенъ; и Павла слышитъ глаголюща: *благоволю въ немощѣхъ моихъ:* и не на веселіе обратитъ печаль;... Кто отшельникомъ образъ и помазатель, аще не райскій сей человѣкъ; и кто не вѣсть Павла, рцы ми; аще бо и дальніе оны и колесничники Скиѳы вопросиши,—кто есть христіанамъ учитель,—отвѣщаютъ съ удивленіемъ, яко Павелъ.

Десятое, похвальное Слово св. пророку Иліи не заключаетъ въ себѣ никакихъ особенностей; и потому я оставляю его въ сторонѣ, и разсматриваю одинадцатое Слово на Преображеніе Господне. Авось, найду въ немъ ученіе нашего митрополита Григорія о Ѳаворскомъ свѣтѣ, согласное, или несогласное съ ученіемъ св. Григорія Паламы и прочихъ Аѳонскихъ созерцателей о семъ же предметѣ. Пусть же витійствуетъ самъ митрополитъ сей. „Взыде

Іисусъ на гору помолитися, и бысть, внегда молитися Ему, видѣніе лица Его ино, и одѣяніе его бѣло блистаяся. Сему согласно и Матѳей рекъ: „И просвѣтися лице его, яко солнце, ризы же быша бѣлы, яко свѣтъ". Не рече: просвѣтися лице Его солнечнымъ свѣтомъ и дѣйствомъ: но—*яко солнце.* Ризы же Его быша бѣлы, *яко свѣтъ.* И здѣ *яко свѣтъ*, а не рече: свѣтъ суще, яко да не примѣниши *созданнаго* свѣта бѣлость къ ризамъ, и просвѣтеніе Владычняго лица къ блеску солнечныя зари, но вспомянеши на лица своя падшіе ученики отъ еже нетерпѣти *несозданнаго онаго и божественнаго естества* лучи, отъ пречистыя Господни плоти искачущіе. (Итакъ нашъ митрополитъ Григорій Паламистъ! Ниже онъ упоминаетъ *объ окаянныхъ Акидиніатахъ).*

„Поемъ Іисусъ, Петра, Іакова и Іоанна, и возведе ихъ на гору высоку, и преобразися предъ ними. На гору возводитъ сихъ, показуя имъ и ихъ ради намъ, яко не инако мощно божественныя славы сподобитися, аще не на высоту добродѣтели взыдемъ... Поемлетъ же тріехъ сихъ, Петра убо яко апостоломъ верховнаго и камень вѣры и основаніе церковное и паче всѣхъ теплѣйша суща, Іакова же, яко обѣщавшагося пити чашу, юже самъ хотѣ пити, честна суща мужа и ревности полна и перваго мертвеца въ апостольскомъ ликѣ: того бо уби Иродъ мечемъ: Іоанна же, яко любима и любяща, и яко возгремѣ евангеліемъ и посланіями своими. И се мужа два съ нимъ глаголюща, иже бѣста Моисей и Иліа *явльшася во славѣ.* Елма убо славу преемлющую Святыхъ открывати хотѣше, елико тогда время подаваше, и къ мечу, и къ огню, и водѣ, и звѣремъ, и всякому виду смерти и лютыхъ готовы быти поощряше, въ славѣ являются велиціи оные мужіе, яко да желаніемъ славы оныя объяты бывше ученицы, лютая оная ни во что же вмѣняютъ. И понеже учители всякому роду и пастыріе вселенныя по малѣ ихъ рукополагати хотѣше, и нужда бѣ предъ цари и князи приводитися, и тмами лютая отсюду ихъ усрѣтати хотѣху, чюдные оные пророки имъ представляетъ лицемъ, яко да имъ подобни будутъ, яко да ихъ

даніямъ и терпѣнію, и кротости, и вѣрѣ, и надеждѣ, и любви... И како познаваху (апостолы) Моисея и Илію, предъ толиками лѣты бывшихъ; нижѐ отъ видѣнія, нижѐ отъ гласа, нижѐ на дскахъ ихъ лица видѣли написанна, яко идольству вмѣняющуся сему въ Іудеи тогда; но како познаваху; отъ словесъ, ихъ же глаголаху, яко согласно Спасовымъ словесемъ вѣщающе, и крестъ и смерть часто поминающе въ бесѣдѣ...

Весьма понравилось мнѣ двѣнадцатое Слово на успеніе Богоматери. Посему я передаю его почти цѣликомъ. „Гавріила зрю чиноначѧльствующа на земли и небесныя Силы сзывающа пѣснми и дароношеніемъ подъяти приснодѣву и матерь цареву. Уже бо долгъ естества отдаетъ и къ Сыну и Богу преставляется и міра не оставляетъ: восходитъ и благодать ниспосылаетъ. землю оставляетъ, но сроднаго присвоенія не забываетъ. Подобаше бо сосуду Божества, его же ради міръ освятися, въ Премірная оная преставлену быти. Подобаше матери царевѣ славѣ сопричащатися сыновнѣй. Подобаше ковчегу позлащенному Духомъ въ вышній Іерусалимъ пренестися, не руками священническими, яко же въ ветхомъ завѣтѣ, но рукама Сыновніима, рукама создательныма, рукама нетлѣнныма, честь воздающу Матери подобающую. Елмѧ убо довольно на земли время пребысть, всякъ видъ добродѣтели проходя, нищихъ милуя, немощнымъ служа, сирымъ и вдовамъ попеченіе творя, и на кійждо день у Жизнодательнаго гроба бывая, и о вселеннѣй моляся, и желая еже къ Сыну и Богу отхожденія, прежде тріехъ дній предстаетъ ей Гавріилъ и благовѣствуетъ преставленіе. Она же, на молитвѣ ставши, вся оны дни въ упражненіи бываетъ, прежде исхода радостію изходящи. И яко уже время наста, обычныя ей дѣвы собираетъ, и вдовы, и ученицы, и вся вѣрныя и облагодѣтельствованныя отъ нея, и поучивши ихъ довольно, и пречистыя воздѣвши руки, помолися и о еже тамо обрѣтшихся, и о вселеннѣй всѣй: таже понеже рыданіемъ содержимы зрѣше всѣхъ и отъ слезъ престати не хотящихъ утѣшаше на мнозѣ, яко не оставити сихъ извѣствоваше

пребыти безъ посещенія, и наконецъ миръ всѣмъ давши, и Христа, отъ нея неизрѣченно рождшагося быти съ ними рекши, одръ ее пріятъ. (Далѣе говорится о перенесеніи всѣхъ апостоловъ по воздуху на облакахъ къ одру ея, и о явленіи Господа со всѣми небесными Силами для принятія души Ея.).. И ангельская множества воспѣваху и величаху Ее. Ихъ же и слышаху апостоли и зряху *тонко нѣкако ума чистотою*, и своего Владыку *нѣкоторымъ осіяніемъ божественнымъ познаваху* ту пришедша и Матери честь воздающа богоподобную. Тѣмже и обступиша одръ священный воспѣваху священнословствующе, и недомысленная нѣкая и паче человѣка вѣщающе. И *дивъ* (удивленіе, изступленіе) обдержаше всѣхъ, и благоуханіе нѣкое странно же и премирно воздухъ исполняше.

Но издѣ Петръ теплоту своея вѣры показоваше, и слезами обливаемъ глаголаше:

„О вмѣстилище Божества, почто нынѣ тако зрю безъ дыханія простерту и удивляюся, како вмѣститъ тя гробъ, вмѣстившую Невмѣстимаго небомъ, како покрыетъ тя камень, Покрове человѣкомъ. Како твое преставленіе стерпимъ, по Господѣ Надежде наша. Кая пѣнія воспоемъ ти; Кая надгробная принесемъ ти; Что наречемъ тя; Чесому уподобимъ тя; Которому первѣе удивимся, дѣвству ли, или безсѣменному зачатію; или безболѣзненному и неизреченному рожденію; Ты бо всякія чистоты превзыде предѣлъ. Ты Серафимовъ Владычица и Херувимамъ царица явися, и Госпожа всякія видимыя и невидимыя твари. Что къ тебѣ речемъ; Кіими мѵры проводимъ тя, Мѵропріемнице небесная; Кое кадило принесемъ ти, златая Кадильнице; Недоумѣю и удивляюся; како Одръ великаго Царя на малѣ одрѣ мертволѣпно безъ дыханія лежитъ“.

Преемши же Петрова воспѣванія Павелъ сосудъ избранный, весь изступленъ, весь восхищенъ, весь обоженъ, глагола:

„О чудесе! Како затворишася дѣвственные очи, отъ самыхъ пеленъ ангелы зрѣти навыкшіе; Како Питательница Жизни смер-

тію объята бысть; Како не сохранися безсмертна, яже нетлѣнна и по рождествѣ сохранна бысть; Како Лѣствица небесная, по ней же сниде Богъ къ человѣкомъ, во гробѣ затворитися грядетъ; Како гора превысокая Божія и великая на малѣ одрѣ лежитъ, въ ней же Господь вселися до конца; Како жезлъ присноцвѣтущъ нынѣ увядшій зрится; О преславнаго зрѣнія! О непостижимаго таинства! О глубина богатства, премудрости и разума Божія!.. Почто отлетѣ отъ насъ своихъ рабовъ, Голубице неблазная; Почто удалися отъ насъ, Горлице сладкогласная; На кого воззримъ прочее; Кто намъ провѣщаетъ; Кто уже отъ навѣтовъ Іудейскихъ печаль нашу утешитъ; На тебя бо зряще, Онаго мнѣхомъ зрѣти изъ тебе Возсіявшаго. Вознесеся Спасъ: и мы надежду нашу всю на тя имѣхомъ, и сладцѣ терпѣхомъ труды и гоненія о проповѣданіи истины. Нынѣ же послѣднее сиротство объя насъ. Како внезапу угасе свѣтильниче незаходимаго Свѣта; Но смотрѣніе есть еже на тебѣ бываемое, а не одолѣніе смертное: ниже бо могла бы приразитися тебѣ, Матери живота, смерть, твоимъ Сыномъ умертвившаяся. *Но яко да не почтется привидѣніемъ истина вочеловѣченія*, сего ради ты, подобно безсмертному твоему Плоду, естества долгъ отдаеши".

Весьма замѣчательны эти лирическія пѣснопѣнія Петра и Павла. Но откуда заимствовалъ ихъ Митрополитъ Григорій? Пока не знаю сего, и продолжаю передачу Слова его.

(Кромѣ апостоловъ и 70 учениковъ) бяху и ини тріи богословнѣйшии мужи, мрежею евангельскою и Павловымъ языкомъ уловленніи, Діонисій, Іероѳей и Тимоѳей: первіи два Стоичестіи прежде и Аріева леда философи суще, тогдаже церковніи витіи и евангельскаго жительства учители любомудреннѣйшіи и Аѳинейскія церкви предстоятели, третій же Павловъ ученикъ и сотрудникъ о словеси истины, Ефесскій іерархъ, въ немъ же Павлова упокоися душа: иже и представше, священствоваху и исходныя плетеху пѣсни, часть бывающе апостольскаго сословія, глаголюще: „Пойди, Владычице, пойди, да якоже землю освятила еси рождествомъ си (своимъ) тако и воздухъ освятиши пре-

шествіемъ си. Поиди Всецарице, поиди, Сына и Бога сопричащатися царствію вѣчному оному, паче же превѣчному и конца не имущему. Вознесися со славою, и не на колесницѣ рабски, яко же Иліа, но матерски на Сыновніихъ рукахъ. Иже бо въ законѣ рекій: *чти отца и матерь*, и смертію запретивъ непослушнымъ, како не почтетъ Рождшую тебе, и не понесетъ Понесшую; Да отверзутся тебѣ врата небесная съ множемъ удивленіемъ! Яко Евва убо врата Едему затвори, ты же небесная врата отверзла. Ниже бо достойно есть Двери непроходимѣй, ею же Господь Единъ вниде и изыде и затворену остави, на земли стояти много, но взятой быти къ уготовленному ей чертогу. Да поднимутъ тя, Дѣво, хевувимы. Да воспоютъ тя Серафимы. Да прославятъ тя Силы. Да предтекутъ ти Престолы, зряще тя престолъ Неописаннаго. Поиди Невѣсто неневѣстная въ невѣстникъ небесный“.

Сія богословяху и ина, многочудніи оные мужіе, яже никтоже можетъ по достоинству изрещи, ко гробу провождающе жизни Матерь.

Мы же что къ ней речемъ; Како родъ нашъ почтившую почтемъ; Како воспоимъ многопѣтую Дѣву; Како возвеличимъ, юже вси роди величаютъ, якоже сама прорече. Но да пріидетъ Давидъ въ среду нашу, играя и ударяя въ гусли, и предначиная исходная Божественному Кивоту глаголомъ: *воскресни Господи въ покой твой, ты и Кивотъ святыни твоея:* да поетъ въ кимвалехъ доброгласныхъ, въ кимвалехъ восклицанія: *помяну имя твое во всякомъ родѣ и родѣ.* И не единъ Давидъ сію да провожаетъ но и весь пророческій сонмъ. Сію бо и словесы и вещами древле прорекоша многообразнѣ: И овъ оубо купину, овъ же жезлъ сію да воспѣваетъ. Инъ стамну и скрижаль, другій кадильницу и трапезу и свѣщникъ, инъ паки лѣствицу и престолъ огнезрачный, другій руно и облакъ легкій и сѣнь, инъ клещу и дверь затворенную. Подобаше бо прорекшимъ вся, яже о ней, и провожденія ея сотворити свѣтло. Но и пророчицы жены тоя успе-

Маріамь Моисееву, и достойныя чествованія да воздадутъ Матери Бога нашего. Да веселится съ сими купно и прамати Евва и и старчески да играетъ, и усиливаемая благодатію престарѣніе свое да забываетъ. Ея бо внука къ премірнымъ творитъ восхожденіе: *и женскія ноги небесныя круги наступаютъ:* да созываетъ древнія жены, Сарру и Ревекку, Рахиль же и Анну, Руѳь, Іудиѳь и Деворру, Олду и Іаиль и Есѳирь, и симъ таинство да сказуетъ. Но дѣвственны лики дщерей Сіонскихъ со свѣщами нынѣ да провожаютъ въ небесная и наднебесная, ибо преднаучени суть ее во святая святыхъ провожати. Священницы да благословятъ ю. Матери да ублажатъ. Лицу ея да поклонятся богатіи людстіи. Вси роди во всякомъ возрастѣ да возвеличатъ. Ангели да поднимутъ. Архангели съ Гавріиломъ да поютъ пѣснь. Херувими да покланяются. Серафими да припадаютъ. Иже изъ нея рождейся Христосъ да почтетъ отъ десную. Яко тому подобаетъ слава и честь и держава со безначальнымъ Его Отцемъ и пресвятымъ Его Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь.

Тринадцатое свово содержитъ укоризны Ироду, Иродіадѣ и даже спекулатору, который усѣкъ честную главу Предтечи.

„Паки Іудея жаждетъ пророческія крови. Паки пророкоубійствомъ дышетъ Іезавель. Илію ищетъ на смерть. Паки на колесницѣ гонитъ. Іоанна убо постиже праведнаго ея прелукавая внука, и беззаконнымъ прошеніемъ главу предтечеву на блюдѣ, посреди пира непреподобнаго, носитися устрои, главу ангеломъ честну, главу Отечь гласъ слышавшую и Сына крестившую и святый Духъ видѣвшую, главу безстуднаго Ирода мерзкое прелюбодѣяне изобличившую, главу Иродіадинымъ очамъ страшную. О лукавыя жены! Таковую главу играніемъ меча содѣла! И что виновное; понеже глаголаше Иродови: не достоитъ ти имѣти жены Филиппа брата твоего. Но, о Ироде, паче сего ради и въ чести долженъ бы ты имѣти онаго человѣка и паче сего ради

цаетъ: ты же сопротивное твориши, чистоты учителя, покаянія проповѣдника неправедно убивая…

И вниде дщерь Иродіады едà съ подобающимъ дѣвамъ стыдѣніемъ и спрятаніемъ; еда благоуправленнно ступая, и благоговѣйно зря, благочинно же вѣщая; Еда умолити царя образы умиленными и словесы премудрыми сущихъ въ темницахъ свободити; Нѣсть сіе, нѣсть. Но плясати вниде, и плясавши угоди Иродови… Что бо не творяще скверная оная игральница тогда отъ еже плясати, рукама обнажѐннымa до локтей, или множае, и нѣкіе гласы ухищренные, паче неже естественные, испущати, и словеса подобная симъ прилагати, и страсти творити возгореніе, отъ еже извиватися и вскакивати, и главѣ сѣмо и овамо обращатися, и власовъ соединенію на многія раздѣлятися части: яже вся бѣснующихъ суть, а не цѣломудрствующихъ. О, студныя оныя! Дѣвамъ ли достоитъ играти и плясати посредѣ пира, посредѣ пьяныхъ людей, посредѣ назиратедей блудныхъ; или крытися и бѣгати со множѣмъ тщаніемъ и стыдѣніемъ.

Въ четырнадцатомъ Словѣ благоглаголиво и красно извитійствованы страданія св. великомученика Георгія.

По прочтеніи и оповѣщеніи всѣхъ этихъ Словъ митрополита Григорія Цамблака считаю неизлишнимъ высказать свое мнѣніе объ этомъ старинномъ у насъ проповѣдникѣ. Онъ—витія многовѣщанный и благоглаголивый. Рѣчь у него—церковнославянская, но близкая къ выговору и правописанію, не столько Славянорусскому, сколько югославянскому въ Болгаріи и Сербіи. Эта рѣчь свободно лилась изъ устъ его. Онъ хорошо владѣлъ ею, однако употреблялъ и греческія слова, привыкши къ нимъ въ своей Болгарской родинѣ. Впрочемъ такихъ словъ у него, помнится, только три: *Катарти*—мачта, *пріони*—пила и *пирони*—

ръ память, благодаренія и молитвы есть вина, а не сътованія и плача,...непорочныя Жертвы (т. е. тайной вечери) *величайшее къ судіи и Богу бываетъ дерзновеніе...*, такая разстановка напоминаетъ складъ рѣчи греческой. Подражая этой рѣчи, митрополитъ Григорій часто употреблялъ такъ называемый въ греческой грамматикѣ падежъ *дательный самостоятельный;* напримѣръ: *Елма праведнику похваляему*, якоже рече Соломонъ, возвеселятся людіе, како не весь міръ возвеселится, *четыредесятымъ мужамъ похваляемымъ;* стало быть, онъ съ малолѣтства учился греческому языку и зналъ его достаточно. Въ проповѣдяхъ его замѣтенъ текстъ св. писанія *югославянскій* по изводу Терновскому, обнародованному и распространенному Болгаро-Терновскимъ архіепископомъ Евѳиміемъ почти современникомъ митрополита Григорія Цамблака. Такъ въ словѣ на преображеніе Господне апостолъ Петръ говоритъ: сотворимъ здѣ три *кровы*, а не сѣни. Въ этомъ же словѣ приведенъ текстъ не по нашему: *нощь успѣ* вмѣсто *прейде, и день приближися*. Въ похвальномъ словѣ Петру и Павлу аѳинскій Ареопагъ названъ *Аріевымъ ледомъ*. Кто изъ всѣхъ Цамблаковыхъ проповѣдей извлекъ бы всѣ тексты св. писанія, тотъ познакомилъ бы насъ съ переводомъ его Ресаво—Терновскимъ. Не мнѣ, путешественнику, суждено сдѣлать это. Для такой работы нуженъ человѣкъ досужій, либо учитель церковнаго краснорѣчія, либо толкователь св. писанія. Я же озадаченъ своимъ дѣломъ, путническимъ. Это дѣло—многосложно и утомительно; а времени у меня немного. Посему я спѣшу досказать то, что узналъ о достойномъ памяти митрополитѣ нашемъ Григоріи. Онъ былъ вполнѣ православенъ, такъ что и Ѳаворскій свѣтъ, согласно съ соборнымъ ученіемъ, почиталъ *несозданнымъ*. Подъ руками у него были и Апокрифы. Доказательствомъ сему служатъ слѣдующія особенности, замѣченныя мною въ Словахъ его. Праотецъ Енохъ, живой взятый на небо, находится въ такомъ райскомъ мѣстѣ, гдѣ *на него вѣетъ маніе Божіе*, которое позвольте мнѣ сравнить съ вѣяніемъ архіерея, когда онъ

ми. Жезлъ Аароновъ прозябъ, т. е. расцвѣлъ, какъ дерево *миндальное*. Іоаннъ Предтеча и Креститель Господень спасаетъ людей *на сушѣ и морѣ*, Его боятся цари. Онъ проповѣдовалъ покаяніе въ адѣ: а пока жилъ на землѣ, питался *вершіемъ дубнымъ*, т. е. мягкими листочками древесными, а не саранчею, которую мы неправильно разумѣемъ подъ акридами*).—

Когда Божія Матерь возносилась на небо, *тогда женскія ноги въ первый разъ ступили на кругъ небесный*. (Вотъ почему на иконѣ, *О тебѣ радуется*, которую я видѣлъ въ Аѳонорусcикѣ, на первомъ планѣ нарисованъ полукругъ неба, и уже надъ нимъ возносится Богоматерь).

Въ Словахъ митрополита Григорія нравоученій немного: но за то живы, поэтичны, увлекательны его повѣствованія и описанія, напримѣръ, суеты мірской и житія иноческаго. Неудивительно же, что наши предки слушали его, какъ самъ онъ говоритъ, съ усердіемъ и любовію, такъ что ему пріятно было извѣстить о семъ Константинопольскаго Патріарха, который послалъ его въ Россію.

Оканчиваю разборъ Григоріевыхъ Словъ: чѣмъ бы вы думали? замѣткою о томъ, что въ рукописи, въ которой онѣ содержатся, вездѣ, гдѣ встрѣчается слово, очи, оно написано въ видѣ двухъ глазъ, вотъ такъ, ⊙⊙чи. Значитъ: и мы, славяне, способны выдумывать свои Іероглифы. Этою способностію обладала мать моя. Она, уча меня азбукѣ, приговаривала: Буки букашки, Вѣди таракашки, Глаголь кочерёжка, Добро колченожка, Есть зубы есть, просятъ ѣсть, Живете жилы старожилы, Зѣло Земля змѣи, иже И. І. верен и т. д.

Пчелиный трудъ мой въ Павловскомъ книгохранилищѣ далъ немало меда и сота. Вылетѣвъ изъ этого улья, я осмотрѣлъ и

---

*) И я въ бытность мою въ Саввинскомъ монастырѣ, что близь Іордана и Мертваго моря, питался соленоватыми, свѣжими, листочками тамошняго пустыннаго кустарника, который называется *Акрида*. Тамъ же мнѣ подавали и *медъ дивій*, т. е. корешекъ

занесъ въ свой дневникъ всѣ монастырскія надписи на зданіяхъ и иконахъ. Онѣ помѣщены въ общемъ собраніи ихъ товарокъ Аѳонскихъ. А здѣсь я излагаю однѣ крупныя, содержащіяся въ нихъ, *памяти* объ Аѳонѣ и Павловскомъ монастырѣ, котораго исторія будетъ написана мною послѣ, принизавъ къ нимъ выдержки изъ приписокъ на тамошнихъ книгахъ и изъ архивныхъ дѣлъ.

— Въ 1595 году на Аѳонѣ поселился Турецкій Агà съ 40 вооруженными людьми, и билъ, сѣкъ и вѣшалъ святогорцовъ. (Приписка на четвероевангеліи съ юсами).

— Изъ пяти приписокъ на томъ славянскомъ четвероевангеліи in 8°, на которомъ въ концѣ его помѣчено, что россійскій митрополитъ Григорій Цамблакъ преставился въ 1420 году, видно, что Сербы жили и умирали въ Павловскомъ монастырѣ въ годы, 1420, 1448, 1458, 1465 и 1689-й. А приписки на другихъ рукописяхъ свидѣтельствуютъ, что они и Булгары находились тамъ въ 1731 году. Итакъ нашъ Барскій справедливо сказалъ: „въ первомъ моемъ прибытіи къ святой горѣ, въ лѣтѣ 1726, чтеніе и пѣніе, и вся власть (въ Павловскомъ монастырѣ) бяше Болгарская: нынѣ же (1744 г. декабр.) ничто отъ сихъ не обрѣтается, кромѣ библіотеки Славенской. Недавно бо населишася Грецы.“

— Въ 1405 году нѣкто Радославъ Сабія подарилъ Павловскому монастырю половину всѣхъ доходовъ и произведеній земли отъ двухъ деревень своихъ на Каламаріи, называемыхъ Аврамúти и Неохóри, подарилъ съ тѣмъ, чтобы по смерти, какъ его, такъ и двухъ сыновъ его Дуки и Ласкаря, названный монастырь владѣлъ обѣими деревнями этими и получалъ всѣ доходы отъ нихъ. (Архивъ).

— Сей даръ подтвердилъ Деспотъ Іоаннъ Палеологъ, и самъ пожаловалъ Аѳонопавловцамъ деревню Палеохóри около Кассандры съ пятнадцатью семействами, съ землею въ десять плу-

— Въ 1414 году Деспотъ Сербіи Грьгуръ (Георгій) приложилъ „храму святаго и преподобнаго отца Павла, просіявшаго въ постѣ, иже во святѣй горѣ Аѳона, село Добрашевце на Дреницѣ, село Враникъ—долъ на Лабѣ и село Патенколо у Труповище, и еще къ тому двадесятъ литръ сребра на всяко годище отъ его куке (изъ его дома)". Этотъ Деспотъ создалъ помянутый храмъ во имя св. великомученика Георгія въ 1447 году. (Архивъ.—Надпись 1447 года.—Барскій).

— Съ 1496 года внука сего Деспота Ангелина съ дѣтьми своими Георгіемъ и Іоанномъ, по просьбѣ Павловскаго игумена Никона, человѣка не простаго, но добророднаго, прежде служившаго въ палатѣ Деспота Стефана, ежегодно жаловала 500 златицъ монастырю, о которомъ идетъ рѣчь. (Архивъ).

— Съ 1500 года наилучшими ктиторами сей обители стали Валахскіе и Молдавскіе господари и бояре. Въ этомъ году и въ слѣдующемъ Іоаннъ Стефанъ Господарь Молдавскій сынъ Богдана воеводы довелъ воду до братской трапезы и построилъ водосвятный фіалъ. Въ 1501 году Жупанъ Барбулъ Банъ, Данчулъ Ќомисъ и Жупанъ Радулъ соизволили жертвовать ежегодно 2000 аспръ. Въ 1522 году Валахскій Іоаннъ Нѣгой Воевода и сынъ его Ѳеодосій начали постройку высокой башни въ сѣверовосточномъ углу ограды монастырской, а кончилъ ее Петръ воевода (1554—1557 г.) Господари же Валахской земли Іоаннъ Радулъ XI и Матѳей Бессараба (1633—1654) подарили метохъ св. Димитрія съ имѣніями, прозываемый Житіань, и находящійся въ Кралевѣ. Тогда же Валахскіе бояре, Дросулъ, Вишa и другіе, приписали къ этому метоху имѣніе Бролощицу. (Надписи. Помянники).

— Въ 1687 году въ немалой паперти соборной церкви св. Георгія на стѣнахъ красками написаны акаѳистъ пресвятой Богородицы и Откровеніе св. Іоанна Богослова, при игуменѣ Лукѣ, иждивеніемъ какого-то *Бечкерусскаго* владыки Михаила. Эту живопись я видѣлъ. Сей владыка тутъ изображенъ въ фіолетовой

мантіи съ церковію на рукѣ предъ стѣннымъ образомъ св. Георгія. Надъ каждымъ ікосомъ и кондакомъ прописаны начальныя слова ихъ бѣлою краскою; напримѣръ: Свѣтопріемную свѣщу сущіимь въ тмѣ явль... Поюще твое рождество выхваляемь тя вьси.. Противъ сей расписанной паперти помѣщена больница. Въ сѣняхъ ея замѣчена была мною на стѣнахъ живопись славянская. (Надписи).

— Въ 1708 году Угровлахійскій Господарь Іоаннъ Константинъ Бассараба Бранкованъ,—говорю устами Барскаго,—„воздвиже отъ основанія многимъ иждивеніемъ столпъ или рогъ стѣны западной высокій и лѣпозрачный, и удобри его различными келліями и трапезою изрядною; созда же и параклисъ во имя св. Константина и Елены достохвальный и зѣло лѣпотный съ иконописаніемъ и главою во всегдашнее свое поминаніе“. Я видѣлъ эту живопись. Иконописецъ на стѣнѣ изобразилъ Бранкована и супругу его Марію. Оба они на рукахъ своихъ держатъ двухъярусн..й домъ съ церковію сверхъ его. (Надпись. Барскій).

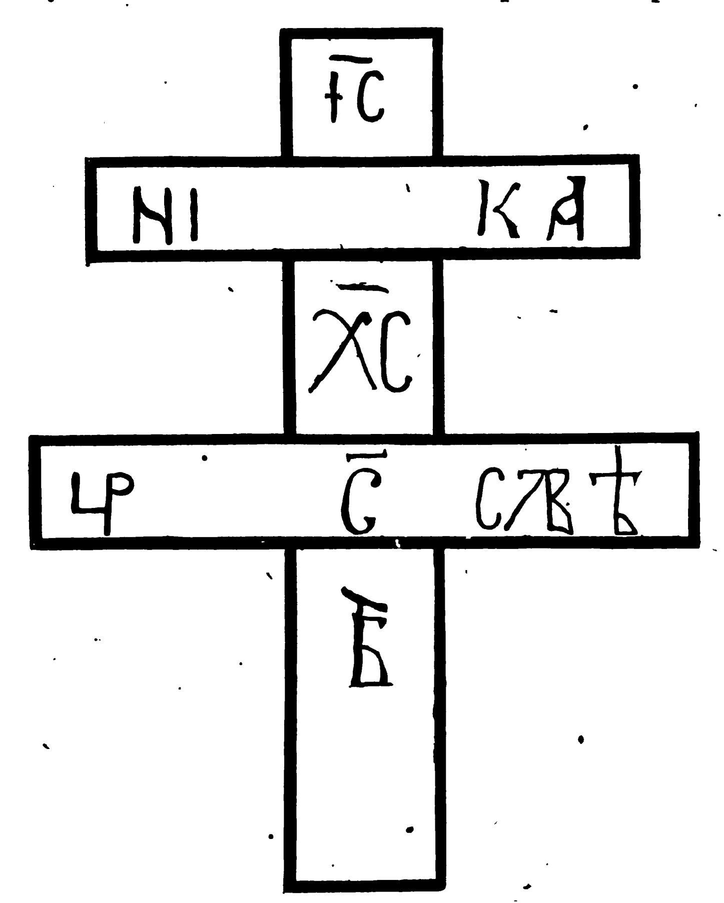
— Русскіе цари Іоаннъ Грозный, Алексѣй Михайловичъ, Петръ Великій и Елисавета Петровна жаловали Павловской обители деньги и грамматы, дозволяющія сборъ милостыни въ Россіи. Елисавета Петровна въ 1754 году мая 13 дня пожаловала ей 4000 рублей, *„принявъ отъ игумена ея Анатолія часть Животворящаго Древа“*. (Грамматы царскія).

— Въ 1839 году 23 апрѣля положено было основаніе новаго мраморнаго храма внутри монастыря. Въ этотъ же день введенъ былъ тамъ уставъ общежитія. (Надпись).

Октября 23/24 Вторникъ.—По окончаніи книжныхъ, архивныхъ и другихъ занятій своихъ я разсмотрѣлъ святыни Павловскаго монастыря, какія только были показаны мнѣ, и побесѣдовалъ съ симпатичнымъ игуменомъ его Софроніемъ Кефалонійцемъ.

Кромѣ св. мощей, не цѣлыхъ, а въ частицахъ, именно, св. Григорія Богослова, св. Максима исповѣдника, св. Ѳеодоры и

св. сорока мучениковъ Севастійскихъ, самая досточтимая и достопримѣчательная святыня есть немалая часть животворящаго древа Господня, длиною вершка въ четыре, шириною съ верхній составъ мизинца, измѣряемый не справа налѣво, а отъ низу къ верху, толщиною съ перстъ, положенный плашмя, съ двумя поперечниками, въ серебренопозлащенной оправѣ, подъ стекломъ. Когда я прикладывался къ этому кресту, тогда замѣтилъ на немъ крупныя буквы, нарѣзанныя въ самомъ Древѣ, и попросилъ игумена открыть оправу со стекломъ, дабы мнѣ можно было прочесть тутъ надпись. Онъ тайно отъ братіи вечеромъ принесъ



мнѣ этотъ крестъ; но какътолько щипцами развинтилъ его оправу, и снялъ стекло, вдругъ вся келья наполнилась благоуха-

сначала поразила, а потомъ утѣшила меня. И какъ было не утѣшиться такимъ райскимъ благоуханіемъ? Обрадованный имъ, я еще разъ благоговѣйно приложился къ животворящему древу истинному, (неистинное не благоухало бы), снялъ величину и ширину его чрезъ прозрачную бумагу, и прочитавъ надпись на немъ, отподобилъ ее на своемъ снимкѣ. Смотрите укороченный видъ сего креста и начертанія на задней сторонѣ его:—

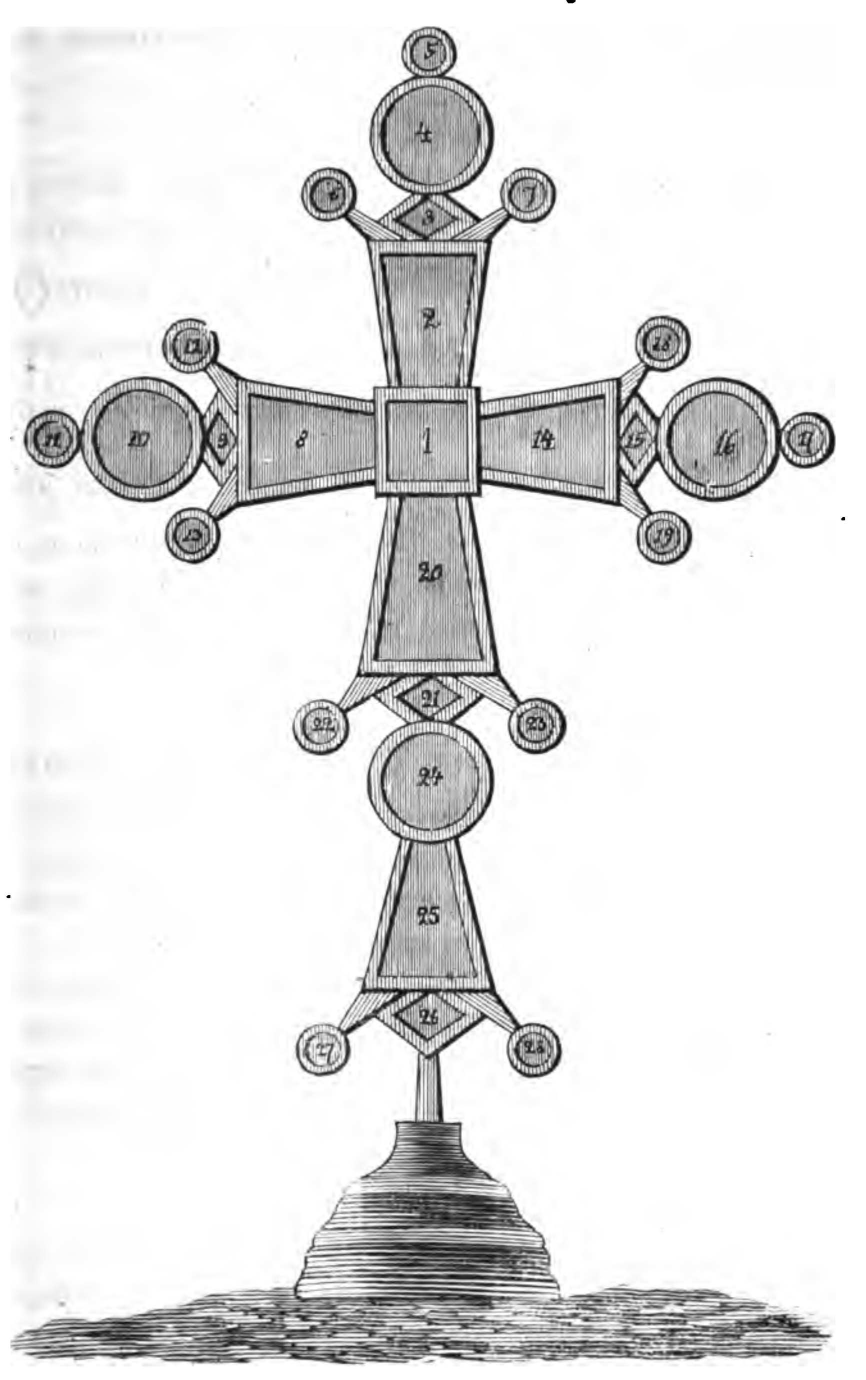
Іс. Іисусъ. Хс. Христосъ. Ніка. побѣждаетъ. цр. царь. славѣ. славы. с. спасъ. б. Богъ.—Нижняя поперечная часть положена была такъ, что слова, Царь славы, перевернулись внизъ. Я поставилъ ее, какъ должно. На вопросъ мой, кто далъ этотъ крестъ, игуменъ отвѣчалъ: „преданіе усвояетъ его св. Павлу Ксиропотамскому. Онъ распилилъ его пополамъ и одну часть оставилъ въ Ксиропотамѣ, а другую здѣсь.“ Нечѣмъ мнѣ было опровергнуть это преданіе. Правда, буквы на Древѣ казались мнѣ совершенно похожими на буквы Сербскія, видѣнныя мною на Сербскихъ печатяхъ и отподобленныя; и потому я предполагалъ, что крестъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ подаренъ или Сербскимъ деспотомъ Георгіемъ, о которомъ говорено выше, или дочерью его Марою, женою Султана Амурата. Но такое предположеніе мое походило на пушокъ, легко сдуваемый онымъ преданіемъ и извѣстіемъ, что Павелъ Ксиропотамскій получилъ животворящее древо не отъ Сербовъ, а отъ Болгарскаго царя Петра. Пушокъ слетѣлъ, и на мѣстѣ его явилась довѣрчивость къ этому извѣстію и оному преданію. Что касается до вида и очертанія буквъ на древѣ, то ихъ можно признать и за Словеноболгарскія: если же онѣ Сербскія, то ихъ, нарѣзалъ ужъ никакъ не Павелъ Ксиропотамскій грекъ, а кто либо изъ игуменовъ Сербскихъ, либо Герасимъ, либо Антоній, при которыхъ Святопавловская обитель сдѣлалась независимою отъ Ксиропотама.

Кромѣ Животворящаго древа обитель св. Павла имѣетъ рѣдкое сокровище, именно дары волхвовъ Божественному младенцу Виѳлеемскому. Вотъ ихъ описаніе у Барскаго. „О сихъ дарахъ

глаголютъ, яко древніе благочестивые греческіе цари, смѣсивши вкупѣ *лівань и смирну*, сотвориша нѣкія зерна диравы, аки на четкахъ зерна, а *изъ злата* содѣлаша дротъ (проволоку) и рѣшетки дробно переплетенны, и тѣмъ златымъ дротомъ часть отъ зеренъ пронзающе, а часть рѣшетками престилающе, сотвориша себѣ драгоцѣнный поясъ, и въ праздники Христовы въ честь его на себѣ ношаху, иже широкъ бяше, яко на три перста. Бяху же на немъ во время мое (1744 г.) решетокъ изваяииыхъ девять, а между ними перевязанныхъ зеренъ изъ смирны и лівана 69, съ многими маргаритами (жемчужинами), иже испущаху веліе благоуханіе. Сія дарова тамо владычица—*Маро*, дщерь Юрія владыки Сербскаго". Она сама привезла эту святыню и вручила Павловскимъ монахамъ, Сербамъ. На мѣстѣ врученія ея близь моря понынѣ стоитъ деревянный кресть въ память этого событія.

Въ той же обители находится большой деревянный крестъ, будто бы подаренный, будто бы устроенный Константиномъ великимъ. Весь онъ съ обѣихъ сторонъ украшенъ малыми иконами, писанными на пергаминѣ золотомъ и сухими красками. Ихъ очень много, и всѣ онѣ вставлены въ самое дерево такъ, что каждая изъ нихъ имѣетъ въ немъ свое гнѣздышко. На нихъ изображены господскіе и богородичные праздники, и лики многихъ Святыхъ, чествуемыхъ на востокѣ и западѣ. Краски весьма ярки. Золото блеститъ. Лица и одежды написаны не очень художно. Къ вѣнцамъ вокругъ головъ и къ краямъ иконочекъ приклеены мельчайшія жемчужинки. На всѣхъ изображеніяхъ читаются латинскія—написи, въ которыхъ буквы—средневѣковыя, готическія. Вотъ образчики ихъ: IN DIE IVDICII in die iudicii. — LAZARV MAGI magi ASVSIO assumsio.— Я изъ прозрачной бумаги сдѣлалъ вѣрную выкройку сего креста во всю длину и ширину его, и на ней въ кружкахъ и ромбоидахъ обозначилъ номера иконочекъ, а въ дневникѣ своемъ опи-

КРЕСТЪ КОНСТАНТИНОВЪ
одинаковый на обѣихъ сторонахъ.



салъ ихъ, нѣкоторыя же и срисовалъ *). Представляю здѣсь очеркъ этой древности въ укороченномъ видѣ, и излагаю свои замѣтки о образкахъ, означенныхъ номерами, одинаковыми на обѣихъ сторонахъ очерка.

На лицевой сторонѣ:

1.—Образокъ съ надписью IN DIE IUDICII. *въ день суда.* Іисусъ Христосъ стоитъ на красномъ подножіи, окруженный облачкомъ голубаго цвѣта, заостреннымъ вверху и внизу (). По обѣ стороны его изображены два ангела. Первый справа держитъ шестиконечный крестъ, а второй слѣва—копіе и губу на трости. Ниже ихъ, у ногъ Судіи, парятъ еще два ангела: одинъ трубитъ въ рогъ, а другой свиваетъ блѣдное небо съ солнцемъ голубымъ и луною красною. Подъ ногами Христа видѣнъ гробъ, изъ котораго выглядываютъ четыре головы воскресающихъ людей:

2.—Образокъ съ надписью. PLVRAVIEV. pluraviervirginis—*плачъ дѣвы.* Іисусъ Христосъ лежитъ повитый плащаницею. Богоматерь плачетъ на персяхъ его. За нею стоятъ Мироносицы, Іоаннъ богословъ, Іосифъ и Никодимъ. На верхнихъ одеждахъ Маріи и Мироносицъ видны по три звѣзды.

3.—Образокъ ангела съ крестами въ обѣихъ рукахъ: ⊕+

4.—Снятіе Распятаго со креста. Іосифъ снимаетъ тѣло Его. Богоматерь и Іоаннъ Богословъ стоятъ по обѣ стороны креста: тутъ же и два ангела. Крестъ—осьмиконеченъ. На дщицѣ его читается: IC. XC.

5. 6. 7.—Лица неизвѣстныя мнѣ.

8.—Сошествіе Христа во адъ. Онъ изводитъ оттуда Адама и Еву. Въ шуйцѣ у него крестъ седьмиконечный, символичес-

*) Эта выкройка, къ сожалѣнію, пропала. Кто-то стянулъ ее.

кій въ родѣ ключа, отпершаго затворы ада. ‡ По правую руку стоятъ праотцы, а по лѣвую предтеча въ сіяніи, и Давидъ и Соломонъ въ золотыхъ вѣнцахъ. Надпись: ХС. ІС.

9.—Ангелъ съ огненными волосами и крыльями и съ крестнымъ шаромъ въ рукѣ.

10.—Ангелъ сидитъ на гробѣ. Предъ нимъ стоятъ три Муроносицы въ бѣлыхъ платкахъ. Видна надпись NOLVME TO noli me tangere *не прикасайся мнѣ*.

11. 12. 13.—Не отмѣчены мною эти образки.

14.—Явленіе воскресшаго Господа своей Матери и Маріи Магдалинѣ. Обѣ онѣ у ногъ его, справа и слѣва. Надиись: ІС ХС.

15.—Ангелъ подобный тому, что подъ № 9-мъ.

16. Явленіе Воскресшаго апостоламъ. Ѳома осязаетъ ребро его, держа въ рукѣ свитокъ съ отвѣсною надписью:

DNS MEVS ET DEVS MEVS

17. 18. 19.—Не отмѣчены мною эти образки.

20.—Вознесеніе Христово. Господь возносится на небо, окруженный облачкомъ голубаго цвѣта, возсѣдя на двухъ парящихъ ангелахъ.

Внизу видны Богоматерь между двумя ангелами, и апостолы. Надпись: ASSVSIO DNI ascensio domini.

21. Св. Цецилія съ ожерельемъ на шеѣ въ три нитки, и съ обѣими руками у персей, коихъ ладони обращены къ зрителю. Надпись: S CECILIA. Вотъ изображеніе ея:

22.—Образокъ кого-то несвятаго. Вотъ рисунокъ его съ надписью:

Головная прическа у него и безбрадость суть признаки живописи далеко не древней. Что касается до надписи, то я читаю ALLEMAИTA, и разумѣю Іакова Лаллеманда, родившагося въ Ульмѣ, живописца 15-го вѣка, который, первый, употребилъ желтую краску для живописи на стеклѣ.

23.—Образокъ какого то старца съ надписью: *Стаоніо*: И онъ долженъ быть живописецъ.

24.—Сошествіе св. Духа. Двѣнадцать апостоловъ сидятъ на возвышенномъ полукружіи. Одинъ изъ нихъ держитъ книгу. Богоматери между ними нѣтъ. Подпись:

INFLAMATIO SPIRITVS S̄

Воспламененіе отъ Духа святаго. Такъ какъ въ этой надписи изгладились буквы MAT, то я сначала не понялъ ее. Но какое то вдохновеніе понудило меня вынуть сей образокъ изъ-подъ стекла, дабы лучше разсмотрѣть его: и тогда я увидѣлъ эту же самую надпись, сполна и четко начертанную на деревѣ, и отподобилъ ее.

25.—Успеніе Богоматери. Она лежитъ на одрѣ. У одра стоитъ Господь І. Христосъ и держитъ на рукахъ своихъ душу усопшей Матери своей въ видѣ спеленаннаго младенца. Одръ окружаютъ апостолы; изъ нихъ Петръ кадитъ, а Іоаннъ припалъ къ пречистой Маріи. На головахъ видна стрижка Капуцинская, такъ называемая Corona Christi. Надпись:

ASVSIobeATEMARIEV.

assumsio beate Marie virginis, т. е. Взятіе на небо блаженной Маріи Дѣвы.

скаго. На немъ—омофоръ крестчатый. Макушка головы его выстрижена такъ, что сѣдые волосы надъ челомъ его и вокругъ головы образуютъ собою вѣнецъ Христовъ, corona Christi. Надпись у головы: BLASIVS. Но вотъ и рисунокъ сего образка.

27. 28.—Не описаны мною.

НА ЗАДНЕЙ СТОРОНѢ:

1.—Распятіе Христово. По сторонамъ креста Богоматерь и апостолъ Іоаннъ. Сверху солнце и луна—померкшіе. Надпись: IC. XC.

2.—Рождество Христово. Въ горной пещерѣ сидитъ Богоматерь. Направо отъ нея лежитъ спеленанный Младенецъ. У яслей видна голова животнаго. Надъ пещерою въ небѣ парятъ ангелы: одинъ изъ нихъ возвѣщаетъ пастырямъ рожденіе Спасителя. Внизу двѣ женщины обмываютъ Младенца. Лѣвѣе ихъ Іосифъ сидитъ задумавшись. Надъ младенцемъ надпись:

NATIVITAS DNI.

Nativitas Domini—*Рождество Господа.*

3.—Ангелъ съ крестомъ на шарѣ.

4.—Благовѣщеніе пресв. Богородицѣ. Она прядетъ. Предъ ней стоитъ архангелъ съ жезломъ. Въ небѣ видны три звѣздочки. Отъ нихъ летитъ внизъ бѣлый голубь. Надпись; ANVCIA CIO

5. 6. 7.—Не отмѣчены въ дневникѣ моемъ.

8.—Срѣтеніе Господне.

9.—Ангелъ съ крестомъ на шарѣ.

10.—Поклоненіе волхвовъ. Надпись: MAGI NIS

11. 12. 13.—Не отмѣчены.

14. Крещеніе I. Христа. Онъ стоитъ въ Іорданѣ по грудь. Іоаннъ креститель, одѣтый въ зеленый плащъ, возложилъ на него свою руку. Налѣво видны два ангела съ бѣлыми одеждами въ рукахъ.

15.—Ангелъ съ крестомъ на шарѣ.

16.—Преображеніе Господне. I. Христосъ стоитъ на вершинѣ горы, весь въ бѣломъ одѣяніи, окруженный сіяніемъ въ видѣ еллипсиса, изъ котораго струятся лучи свѣта, три вверхъ и три внизъ. По сторонамъ его видны Моисей безбородый и пророкъ Илія.

17. 18. 19.—Оставлены мною безъ вниманія.

20.—Воскресеніе Лазаря съ надписью: LASARV.

21.—Св. Николай чудотворецъ. Вотъ образъ его:

22. 23.—Два образка, Богъ вѣсть, чьи.

24.—Входъ I. Христа въ Іерусалимъ съ надписью: AVLIVE.

25.—Бичеваніе I. Христа. Онъ привязанъ къ колоннѣ, весь обнаженный, кромѣ перевязи на срединѣ. Сверхъ колонны читается надпись: SEPERVTA.

26.—Св. Елена съ крестомъ въ рукѣ и съ бѣлою звѣздою на головномъ покрывалѣ ея, надъ челомъ. У головы надпись: ЄЛЄИА.

27. 28.—Оставлены мною безъ вниманія.

Замѣчательно подножіе, въ которое вставленъ Константиновъ крестъ. Оно вылито изъ желтой мѣди. Отдѣлка его груба. На

письмена) похожія на клинья, и какъ бы і
Смыслъ ихъ неизвѣстенъ мнѣ. Надъ этими
всего подножія видны разныя животныя і
въ одну сторону, поднявъ свои хвосты. На
бражены три пары всадниковъ, стоящихъ др
Лица ихъ сглажены. Они не сражаются. К
двуглавымъ орломъ, помѣщеннымъ въ кружі
никами на пояскѣ кругомъ нарѣзаны тѣже
верхней части подножія, въ которую встав.
изображены какіе-то люди, по четыре въ р
Всѣ они сидятъ поджавши ноги.—Не знаю
Видится, будто, охота византійскихъ придв
разныхъ звѣрей, и будто ихъ отдыхъ послѣ
случаѣ что означаютъ солнцы, раздѣляющіе
всадниковъ? и почему въ каждой группѣ т
не болѣе, не менѣе? Не магометанская ли
выражаетъ ли она разогнаніе христіанъ въ в
означаемомъ двуглавымъ орломъ, разогнаніе
рые торжествуютъ и покоются въ магомето
ноги? Или все это просто—напросто фанта
рый отливалъ подножія съ оными изображеі
а для мѣдныхъ ночниковъ съ рожками для
на длинномъ мѣдномъ стержнѣ, входящемъ
ночники я часто видалъ на всемъ Востокѣ.
женіе мнѣ болѣе любо, чѣмъ два первыя.
замѣтивъ, что Павловскіе монахи напрасно
новъ крестъ въ описанное подножіе, начи
крестѣ.

Всѣ написи на немъ—латинскія: бук
треблены средневѣковыя, готѳскія, лонгоба
нѣтъ ни одной надписи и буквы греческой.
ки на крестѣ были изготовлены живописцом
тиноримскаго. Но онъ писалъ ихъ по обра

цовъ въ Италіи, Франціи и Германіи. На иконочкахъ Павловскаго креста замѣтна стрижка волосъ у святителей въ видѣ вѣнца Христова (corona Christi): а ангеламъ приданъ цвѣтъ огненный. Вотъ и то, и другое, и въ добавокъ, голубь летящій съ неба къ Маріи, доказываютъ, что живопись на этомъ крестѣ произведена кистію живописца западнаго. Но онъ, если я не ошибаюсь, былъ Нѣмецъ, жившій въ началѣ шестнадцатаго столѣтія. Это доказывается, вопервыхъ тѣмъ, что онъ, по обычаю живописцовъ 15 вѣка *), помѣстилъ вмѣстѣ съ святыми и не святыхъ, и именно, Іакова Лаллеманда подъ № 22, родившагося въ Ульмѣ, славившагося отличною живописью на стеклѣ, весьма благочестиваго, и скончавшагося 10 Октября 1491 года, когда ему было за 80 лѣтъ **), помѣстилъ и другихъ, старыхъ и молодыхъ, другъ противъ дружки, которыхъ имена я списалъ (ST AC *молодый,* Ꝏ:ТΥΙΑ *старый*), а прочесть и примѣнить къ кому либо не могу, помѣстилъ, безъ сомнѣнія, для помина душъ ихъ у изготовленнаго имъ *напрестольнаго* креста, о которомъ идетъ рѣчь моя... Во вторыхъ у него нѣкоторыя латинскія надписи,

PLVRAVIE V.. MAGYNS... AVLIVE..... ŞEPER VTA

сдѣланы по какому-то выговору не Латинскому, да и искажены. Стало быть: Латинскій языкъ ему былъ не свой.

Замѣчательно, что на Павловскомъ крестѣ изображены древнѣйшіе святые, Власій и Цецилія, по греческому выговору Кикилія, Николай и царица Елена, а изъ Римскихъ папъ нѣтъ ни одного.—Замѣчательно и то, что на вѣнцахъ у святыхъ наклеены мельчайшія жемчужинки, и что сей крестъ звѣздчатымъ видомъ своимъ напоминаетъ не тотъ крестъ, на которомъ былъ распятъ Спасъ міра, а тотъ звѣздный, который въ небѣ усмотрѣлъ Константинъ Великій. Все это приводитъ меня къ заключенію,

---

*) Histoire de l'art monumental par Batissier. Paris. 1845. pag. 659... Здѣсь сказано, что эти живописцы на стеклахъ писали вмѣстѣ съ пророками и апостолами и прелатовъ, аббатовъ, королей и даже Сивиллъ.

**) Ibidem. pag. 658.

что описанный мною крестъ изготовленъ былъ для *покупателя богатаго* и для любителя священной живописи восточной, и что онъ названъ Константиновымъ по воспоминанію о звѣздномъ крестѣ, явившемся сему царю въ небѣ, а назначаемъ былъ для стоянія въ алтарѣ, либо на престолѣ, либо за престоломъ.

Кто же пріобрѣлъ его и пожертвовалъ въ Павловскій монастырь на Аѳонѣ?

Не получивъ отъ Павловцовъ отвѣта на сей вопросъ, я сначала примыслилъ, что оный крестъ пожертвовалъ Угровлахійскій Господарь Константинъ Бранкованъ въ 1708 году, когда онъ въ Павловскомъ монастырѣ построилъ параклисъ во имя св. царей, Константина и Елены; но эта мысль была отринута мною тотчасъ послѣ справки съ описаніемъ Аѳона, которое издалъ Іоаннъ Комнинъ въ 1701 году. Ибо въ этомъ описаніи, напечатанномъ осмью годами ранѣе постройки онаго Параклиса при помянутомъ Господарѣ и въ его княжествѣ, святыня, о которой идетъ рѣчь, названа крестомъ не Константина Бранкована, а Константина Великаго.—Потомъ я вспомнилъ Боснійскую царицу Екатерину, скончавшуюся въ Римѣ въ 1478 году, и погребенную въ тамошней церкви, Ара-Чели, на лѣвой сторонѣ отъ главнаго алтаря, супротивъ мраморной ротонды, сооруженной надъ останками матери Константина Великаго Елены, и вздумалъ-было ей усвоить Константиновъ крестъ, но никакъ не съумѣлъ перенесть его изъ Рима на Аѳонъ, да еще отъ такой Католички, какова была рѣченная Екатерина, хотя и царствовала она въ Босніи *Славяносербской*. Наконецъ пришли мнѣ на память Сербскіе ктиторы Павловской обители, деспотъ Георгій, внука его Ангелина съ чадами, и современникъ ея Аѳонопавловскій игуменъ Никонъ, о которыхъ я говорилъ выше. Первому изъ нихъ, построившему въ названной обители соборную церковь св. Георгія въ 1447 году, и скончавшемуся около 1457 года я не могъ усвоить Константиновъ крестъ, потому что въ его грамматѣ, хранящейся въ оной обители, нѣтъ ни слова объ этой святынѣ, и потому что она иконописана по смерти нарисованнаго на ней живописца Якова Лаллеманда († 1491 г.) По

этимъ же причинамъ я не считаю сказанный крестъ подаркомъ внуки Георгія Ангелины, ежегодно (съ 1496 г.) жертвовавшей Аѳонопавловцамъ 500 златицъ *отъ убогія пазухи своея.* *) Этотъ крестъ, по мнѣнію моему, пріобрѣлъ современникъ ея Павловскій игуменъ Никонъ, *человѣкъ не простый, но доброродный, прежде служившій въ палатѣ Деспота Стефана,* (архивъ), и прібрѣлъ тогда, когда Ангелина изъ Италіи переселилась въ Венгрію (1496 г.) Здѣсь, либо въ Пештѣ, либо въ Вѣнѣ, ранѣе 1526 года или въ этомъ году, ознаменованномъ воцареніемъ Гагсбурговъ въ Венгріи, удалось ему пріобрѣсть крестъ съ живописными образками, изготовленный Нѣмцомъ. Этотъ же Никонъ назвалъ его крестомъ Константина Великаго, потому что онъ звѣздчатымъ видомъ своимъ напомнилъ ему звѣздный крестъ, видѣнный въ небѣ симъ царемъ христіаннѣйшимъ.

Хорошо. Но какъ могло исчезнуть преданіе о такомъ пожертвованіи игумена Никона? Очень просто. Въ Павловскомъ монастырѣ Сербскіе монахи постоянно пребывали только до 1726 года: а въ этомъ году, по свидѣтельству очевидца Барскаго, „чтеніе и пѣніе и вся власть бяше Болгарская.“ Въ году же 1744-мъ, по словамъ сего же очевидца, Павловскій монастырь „не имѣяше ни иноковъ и никакого чина, и подъ долгомъ бяше, точію Титъ инокъ тогда тамо жительствова и Скевофилакъ, иже обладаше всѣмъ монастыремъ, простый монахъ бяше, не знаяй управляти братіею, и единъ Іеромонахъ чуждый, иже по малѣхъ дняхъ соблазнився отъиде, и остася монастырь безъ священника. Еще же и тѣ, иже быша разсѣянны въ градѣхъ ради собранія милостыни, толикожде числомъ бяху (три); отъ нихъ иные ниже помышляху возвратитися въ монастырь: единаго бо видѣхъ въ Патмъ островъ пришедша, и тамо оставшася безпутно; другаго же видѣхъ въ иной странѣ блудяща, и обличихъ ихъ, яко оставиша обитель *безлюдну,* ради безсовѣстной своей воли и несогласія междоусобнаго. Во иноческомъ бо тщаніи, или нетщаніи

монастырю корысть, или убытокъ бываетъ, и не мѣсто людей святитъ, но людіе мѣсто. Не точію бо даній ради Турецкихъ тяжестныхъ Святогорскіе обнищаваютъ монастыри, но наипаче разбѣженія ради иноковъ; перьвое, яко самовольно живутъ, и никто же ихъ можетъ удержати; второе, яко всякъ отъ себя снабдѣвается: точію едина пища отъ монастыря дается и сандалія." Всѣ эти монахи, Титъ, Скевофилакъ, наемный священникъ и прочіе три бродяги, были греки. И какіе? Своевольные, нерадивые, едва едва грамотные. Не удивительно же, что всѣ преданія о Святопавловской обители частію исказились, частію утратились.

Кромѣ вышеописанныхъ двухъ крестовъ въ сей обители замѣчательны еще четыре древнія святыни.

Первая: Образъ Богоматери на небольшой, нецѣльной доскѣ, будто бы принадлежавшій Ѳеодорѣ, супругѣ иконоборнаго царя Ѳеофила (829—842 г.), и несгорѣвшій въ огнѣ. Богоматернее лице едва видно, показалось же мнѣ благообразнымъ. Можно думать, что эту икону изъ Константинополя принесъ строитель Ксиропотамской обители Павелъ.

Вторая святыня: Икона Богоматери Нисіотиссы—*Островской*. Она замѣчательна тѣмъ, что на ней у Богомладенца персты правой ручки сжаты въ кулачекъ. Незнаю, что этимъ выразилъ иконописецъ, міродержительство ли Сына Божія, или гнѣвъ Его на грѣшниковъ, а появленіе сей иконы въ Павловской обители объясняю вотъ какъ. Въ 1385 году, какъ я писалъ выше, нѣкто Николай Пага́си Балдуинъ передалъ этой обители во владѣніе свой наслѣдственный монастырь пресвятой Богородицы *Месо-нисіотиссы—Средь-Островской*, построенный тестемъ его Радославомъ хлапеномъ. Вотъ изъ этого монастыря и взята икона Богоматери, о которой идетъ рѣчь. Итакъ она весьма древна.

Третья святыня:—Складни со многими живописными образками.

Въ этихъ складняхъ на пергаминѣ красками и золотомъ изображены, въ срединахъ, Распятіе и Рождество Христово, а вокругъ ихъ помѣщены маленькія, на пергаминѣ же писанныя,

иконы ангеловъ и святыхъ, Георгія, Θеодора, Козьмы и Даміана и другихъ, и подобія животныхъ, знаменующихъ четырехъ

евангелистовъ: всѣ подъ стеклами. Замѣчательно, что левъ евангелиста Марка написанъ съ крыльями, коронованный и держащій лапу на евангеліи точь въ точь, какъ левъ Венеціанскій, котораго я видѣлъ въ 1842 году на площади св. Марка на колоннѣ, и о которомъ тогда говорили мнѣ, что онъ подъ австрійскимъ игомъ такъ устарѣлъ и такъ одряхлѣлъ, что уже не можетъ переворачивать страницы евангелія, и держитъ свою лапу только на одной изъ нихъ. На всѣхъ иконахъ, большихъ, и малыхъ, имена написаны латинскими буквами, совершенно похожими на тѣ буквы, что̀ на крестѣ Костантиновомъ.

Четвертая Святыня:—Малая икона Господа Вседержителя,

написанная на стеклѣ пунцоваго цвѣта, и утвержденная въ усыпанной жемчугомъ срединѣ кивота.—Господь Вседержитель сидитъ на престолѣ, и поднятою вверхъ десницею благословляетъ, а шуйцею, такъ же поднятою вверхъ, поддерживаетъ шаръ, знаменующій Его державу. Величественное лице Его, руки, и хитонъ изображены подъ цвѣтъ дагерротипа, а волосы и срачица нарисованы золотомъ. Образъ великолѣпный! Я отчетливо срисовалъ его на прозрачной бумагѣ, кромѣ глазъ и носа, кои побоялся чертить, дабы не испортить Божественнаго лика *). Подобно ему отдѣланы и маленькіе на сторонахъ его

образа пророковъ и святыхъ, нарисованные на разноцвѣтныхъ стеклышкахъ. Имена же вездѣ тутъ написаны лучшими старинными буквами Нѣмецкими.

Какъ эта икона Господа Вседержителя, такъ и выше описанные складни хранятся въ одномъ влагалищѣ, не очень давно сдѣланномъ въ видѣ книги. На внутренней сторонѣ открывной доски его изображенъ римскій папа Сильвестръ, подающій иконы равноапостольному царю Константину, а на краяхъ ея начертана греческая надпись, которая гласитъ, что Константинъ сей былъ крещенъ Сильвестромъ и тотчасъ по крещеніи принялъ отъ него иконы въ 315 году.—Посему описанные мною складни и образъ Вседержителя выдаются Павловцами за иконы Сильвестровы. Но ихъ преданіе слишкомъ свѣжо; и вѣрить ему нельзя по слѣдующимъ причинамъ.

Вопервыхъ, Константинъ великій крещенъ былъ не въ Римѣ, а въ Никомидіи, да и не въ 315 году, а незадолго до кончины, постигшей его въ 337 лѣто Господне. Вовторыхъ, Венеціанскій левъ на образкѣ, что въ складняхъ, не могъ быть изобженъ во дни царя Константина, потому что тогда и Венеціи не было. Въ третьихъ, живопись на иконахъ, особенно на тѣхъ, что̀ на стеклѣ, такъ хороша, такъ правильна, такъ естественна, что ее можно отнести только къ 15-му вѣку, даже къ началу 16-го, тѣмъ повадне́е, что и латинскія буквы на нихъ совершенно похожи на буквы креста Константинова.

Но когда, какъ и откуда эти живописныя святыни достались Павловской обители? Отвѣчаю и на этотъ вопросъ.

Такъ какъ о нихъ не упоминали ни Іоаннъ Комнинъ въ 1701 году, ни нашъ Барскій въ 1744-мъ, то я, принявши въ соображеніе какъ это, такъ и разсказъ мнѣ Павловскаго іеромонаха Герасима о томъ, что онъ съ братіею нашему Императору Александру Павловичу въ Лубянахъ (Лейбахѣ) пѣлъ молебенъ съ водосвятіемъ (1819 г.), и что братія его ѣздили въ Венецію для покупки церковныхъ принадлежностей, полагаю, что въ этомъ же

идетъ рѣчь вмѣстѣ съ (новенькимъ на видъ) влагалищемъ, въ коемъ они хранятся по нынѣ. Тамъ имъ подарили, или за деньги уступили эти старинные, прекрасные образа подъ именемъ Сильвестровыхъ и Константиновыхъ: съ этимъ именемъ они привезли ихъ и въ свою обитель Павловскую.

Примѣчаніе. — Отца Герасима я видѣлъ только однажды, 10-го октября. А Сильвестровы иконы, о которыхъ я не слыхалъ, были показаны мнѣ 24 дня сего же мѣсяца, предъ отъѣздомъ моимъ изъ Павловскаго монастыря. Вотъ почему я не могъ узнать въ точности: Герасимъ ли привезъ эти иконы изъ Венеціи, или кто либо изъ Лубянскихъ спутниковъ его. Игуменъ же Софроній со мною не разговорился о нихъ, потому что я съ большимъ усердіемъ принялся рисовать ликъ Господа Вседержителя, и рисовалъ его долго. Когда человѣкъ занятъ, да и спѣшитъ кончить свое занятіе любимое, тогда ему не до распросовъ.

Распрашивалъ я игумена Софронія о томъ и семъ въ *первые* дни моего пребыванія въ обители его, и узналъ отъ него вотъ что:—

— Въ алтарѣ Срѣтенскаго Параклиса подъ четвероугольнымъ камнемъ въ полу есть потаенный ходъ въ ризницу, устроенную въ каменномъ утесѣ.

— Монашествующихъ въ обители 45. Наемныхъ келлій внѣ монастыря двѣ съ храмами Богородицы и Іоанна Предтечи. Въ каждой кельѣ три монаха.

— Имѣнія, *Бурдузенъ* въ Молдавіи, *Житіанъ* въ Валахіи, и метохъ св. Димитрія въ городѣ Галацѣ у Дуная, даютъ ежегоднаго дохода отъ 250,000 до 280,000 піастровъ. Но въ Павловскій монастырь поступаетъ только одна половина этихъ денегъ, а другая поглощается монахами—Павловцами, которые держатъ на откупу всѣ эти имѣнія.

— На Аѳонскомъ перешейкѣ и на Каламаріи и Кассандрскомъ полуостровѣ названный монастырь имѣетъ небольшія, но хлѣбородныя пашни. На Іоническомъ островѣ Кефалоніи ему принадлежитъ одинъ метохъ.

— Святопавловскій скитъ св. Димитрія, находящійся въ горномъ ущеліи близь развалинъ монастыря Амальфійскаго, имѣетъ лавки въ Константинополѣ, кои отдаются въ наемъ за 50,000 піастровъ ежегодно. Но эти деньги онъ хотя-нехотя отдаетъ своему монастырю.

— На Аѳонѣ употребляются слѣдующія хлѣбныя мѣры: *Око*, равняющееся нашимъ 3-мъ фунтамъ, *кутуло*—36-ти фунтамъ, *мазура*—3½ пудамъ и 4-мъ фунтамъ, *кило*—7-ми пудамъ и 8-ми фунтамъ.

— Въ прошломъ великомъ посту (1845 г.) вселенскій патріархъ строжайше повелѣлъ выслать съ Аѳона всѣхъ малолѣтковъ и юношъ для прекращенія педерастіи. Но повелѣніе его осталось безъ исполненія. Спасибо отцу Игумену за всѣ эти свѣдѣнія. А вотъ и характеристика его. Онъ—очень смуглъ, но благообразенъ. Черные глаза его миловидны. Сердце у него доброе, голосъ мягкій. Онъ—не ученъ, но любитъ ученыхъ. Я благодаренъ ему за сообщеніе мнѣ архивныхъ дѣеписаній общежительной обители, которою онъ управляетъ съ успѣшнымъ усиліемъ.

Въ бытность мою въ Павловской обители погода на Аѳонѣ начала перемѣняться съ осенней на зимнюю. Въ 11-й день октября былъ проливной дождь, а въ 12-й и 13-й дни стало холодно, такъ что показался снѣгъ не только въ самыхъ верхнихъ лощинахъ и разсѣлинахъ Аѳона, но и на ближнихъ къ названной обители высотахъ. Отъ святаго верха этой горы съ шумомъ низвергался потокъ, и стремился въ море. Въ эти три дня мнѣ нездоровилось: тружусь для науки, а сердце ноетъ и голова вздрагиваетъ отъ какихъ то ударовъ въ лѣвой полости живота моего. Лѣкарствомъ же мнѣ послужило сильное движеніе въ часъ переѣзда моего въ сосѣдній монастырь св. Діонисія.

XII.

Мои занятія въ семъ Монастырѣ.

Съ 25 октября по 3 ноября.

Въ этотъ монастырь я пріѣхалъ прежнимъ сухопутьемъ 24 октября предъ вечернею. Игумны его, бывшій Стефанъ, и настоящій Евлогій, приняли меня очень радушно и помѣстили удобно въ лучшемъ архондарикѣ своемъ. Тутъ я провелъ вечеръ и ночь безъ всякихъ занятій, а съ утра съ жаромъ принялся за свое Аѳонское дѣло: разумѣйте 1) описаніе мѣстности монастыря, зданій и святынь его, 2) списываніе надписей, 3) работы въ библіотекѣ и архивѣ, 4) историческій очеркъ обители, и 5) собраніе разныхъ свѣдѣній въ минуты собесѣдованій съ властными старцами. Таково было дѣло мое въ этотъ разъ: а вотъ и изложеніе его.—

„Діонисіатъ, по сказанію Барскаго, основанъ есть на крѣпкомъ камени, лажащемъ при брезѣ равномъ, и отъ моря до основанія стѣнъ монастырскихъ яко двадесять саженей высоты имущемъ, при горахъ высокихъ и дикихъ, имущихъ больше камней, нежели мягкой земли, и при водѣ здравой и воздусѣ тепломъ; стѣны имать высоки, къ коимъ извнѣ пристроены навислые деревянные *доксаты*, си есть крыльцы, въ три и въ четыре ряда, отъ нихъ же сладко есть и прохладно на море зрѣти, но на низъ страшно и ужасно, наипаче же отъ стѣны западной низу къ пристанищу и *арсеналу*, идѣже востягаютъ корабли: и сице навислъ есть надъ нимъ монастырь, яко съ верху въ самое пристанище (Арсеналъ) мощно что либо спустити вервомъ ради скорости, и кого либо потребнаго скоро и удобно приглашати. Монастырь сей есть четвероуголенъ, но не равностѣненъ, мало бо что отъ востока неравно протяженъ и отъ полудня такожде; имать внутрь подворіе около соборной церкви, аще и тѣсное, трапезу же, поварню, келарню и ключню въ стѣнѣ полуденной; гос-

тинница же, больница и пекарня въ сѣверной; въ западнѣй же и восточной келліи очеческія, числомъ стодвадесять. За алтаремъ великой церкви врата *едины* желѣзны въ стѣнѣ восточной; абіе при вратѣхъ изходящи звоница не весьма высока, но лѣпо каменозданна съ столпами мраморными, идѣже суть звоны, клепалы и била, гласящія на церьковное правило: ошуюю же вратъ источникъ воды здравой мраморами лѣпо обложенъ, тамо недалече на странѣ сѣверной и *пиргъ* (башня) или столпъ высокъ и крѣпко зданъ ради храненія во время нашествія варварскаго. Предъ враты же монастырскими, мало далѣе, вторый источникъ воды ради питія мимоходящихъ и ради напоенія коней. Тутъ конюшня, кузница и горница (бесѣдка) отъ древа, зѣло лѣпо устроенная, на море зрящая и внизъ въ вертоградъ, въ немъ же множество древесъ есть лимонныхъ и померанцовыхъ; и мало къ востоку подалѣе—погребательница отеческая съ церковію".—

Вѣрно это описаніе, но не подробно. Дополняю его своими замѣтками, сдѣланными на мѣстѣ въ часы прогулки около Діонисіата и во время поѣздки на малый Аѳонъ.

Мѣсность этого монастыря мѣтко обозначена въ Хрисовулѣ Трапезунтскаго царя Алексѣя Комнина, 1375 года: „онъ находится у подошвы малаго Аѳона при потокѣ, называемомъ *Аеропотамо*." Сей Аѳонъ, такой же титькообразный, какъ и св. верхъ большаго Аѳона, господствуетъ надъ всею окрестностію Діонисіата. Отъ него гора волнисто понижается къ морю, и тутъ оканчивается голыми и отвѣсными утесами, изъ которыхъ на одномъ стоитъ сей монастырь. Малый Аѳонъ и стелющійся отъ него хребетъ св. горы, по направленію сѣверо-западному, составляютъ сѣверную границу Діонисіата; а восточная граница этой обители пролегаетъ отъ хребта до моря по отрогу названнаго Аѳона и тутъ примыкаетъ къ околодку монастыря Павловскаго, западная же грань ея такъ же отъ хребта до моря спускается по косогорью не далеко отъ водопада Друванисти, находящагося въ чертѣ Діонисіатской, и тамъ сходится съ границею обители, называемой *Григоріатъ*. Вся южная утесистая сторона описываемой мною мѣст-

ности омывается моремъ. Самыя казистыя особенности Діонисіатскаго околотка суть острый верхъ малаго Аөона, рѣчка Аеропо́тамо въ каменистомъ ущеліи, одинъ сухопотокъ на западѣ отъ нея и водопадъ Друванисти.

Аеропотамское ущеліе, въ устьѣ котораго высится Діонисіатъ, я осмотрѣлъ на другой день по пріѣздѣ въ эту обитель (26 окт.) Тогда старцы послѣ накануннаго всенощнаго бдѣнія, продолжавшагося 12 часовъ, отдыхали. Мнѣ совѣстно было безпокоить ихъ своимъ архивнымъ любопытствомъ, и потому я весь этотъ день посвятилъ другимъ занятіямъ: сперва переписывалъ для себя начало Лѣтовника Георгія Амартола на славянскомъ языкѣ, взятаго изъ Павловскаго монастыря, потомъ оттопталъ помянутое ущеліе. Каково же оно? Бока его почти отвѣсны; индѣ покрыты растеніями, а индѣ обнажены. Посрѣди его Аеропотамское русло, близь устья широкое, усѣяно камнями и камешками, и пріосѣнено молодыми платанами, похожими на наши клёны. Они еще не лишились своихъ листьевъ. Любуясь ими, я шелъ потихоньку, все вверхъ да вверхъ, и добрелъ до водяной мельницы, построенной у правой окраины ущелія. Около нея много молодыхъ платановъ; а за нею, выше, шумитъ потокъ, и по камнямъ и камешкамъ сбѣгаетъ къ морю, чтобы повидаться и слиться съ нимъ, ущеліе же становится уже и уже, и взвивается къ самому хребту Аөона, который тутъ покрытъ сосновымъ лѣсомъ негустымъ. Выше этой мельницы была видна мнѣ келья св. Іакова на утесистомъ склонѣ ущелія. Тамъ спасается самый строгій и святый подвижникъ Иларіонъ, родомъ грузинецъ. Онъ питается только хлѣбомъ и водою. Я не ходилъ къ нему, потому что не могъ говорить съ нимъ, не зная грузинскаго языка, (по гречески онъ не баетъ), и потому что боялся простудиться въ влажномъ ущеліи, вспотѣвъ дорогою. А притомъ было очень холодно, какъ и вчера.—По осмотрѣ аеропотамскаго ущелія захотѣлось мнѣ видѣть кладбищную церковь, стоящую подлѣ Діонисіата на юговостокѣ отъ него. Видѣлъ ее, видѣлъ и костовни-

тосъ воскресе! Но они не отвѣтили мнѣ: воистину воскресе. Кладбищная церковь эта освящена во имя всѣхъ Святыхъ. Подлѣ нея показывали мнѣ мѣсто вѣчнаго покоя Константинопольскаго патріарха Нифона, дважды восходившаго на каѳедру Златоустаго, въ 1488 и въ 1499 году. Въ сосѣдствѣ съ этою же церковію расположено кладбище монастырское на двухъ искуственныхъ террасахъ у подошвы утеса, который отвѣсно стоитъ тутъ, какъ литая каменная масса сѣроватаго цвѣта. Отсюда другія искуственныя террасы, одна другой ниже, спускаются къ морю. Въ этихъ какъ бы висячихъ огородахъ зеленѣли разныя овощи.

Такова ближняя къ Діонисіату мѣстность. А дальнія окрестности его? Онѣ каковы? И ихъ я осмотрѣлъ, но уже въ 31-й день октября, когда мнѣ сильно захотѣлось посидѣть, постоять и отъобѣдать на самомъ темени малаго Аѳона, и потомъ видѣть верхній край, съ котораго низвергается водопадъ Друванисти.—

Утромъ того дня немалочисленный поѣздъ мой отправился изъ монастыря, и переѣхавъ поперекъ Аеропотамскаго ущелія, нѣсколько минутъ извивался винтообразно въ виду кельи всѣхъ святыхъ, и потомъ поднялся къ кельѣ св. Онуфрія, держась сѣверо-сѣверо-западнаго направленія, а отсюда уже напрямикъ началъ взбираться къ вершинѣ малаго Аѳона мимо развалинъ маленькой церкви, называемой Панагіа. У этой церкви я остановился и осмотрѣлъ ее. Она весьма древна, безъ кровли, безъ сводовъ и потолка. Внутри ея пусто. Но въ стѣнахъ ея были замѣчены мною черепичныя трубки, вставленныя одна въ другую. Смотря на нихъ, я сначала подумалъ, что онѣ назначены были для протока дождевой воды въ мѣстную систерну; но не видя этой систерны и разсудивъ, что водопроводнымъ трубамъ не мѣсто въ церковныхъ стѣнахъ, коимъ онѣ могли придавать сырость и плѣснеть, да и затруднительно и не экономно было-бы починивать ихъ тутъ, я догадался, что эти горшки суть *голосники*, вставленные въ стѣны для того, чтобы голосъ пѣвцовъ, даже слабый, громче раздавался по всему святилищу. Эта рѣдкость,

эта невидаль доказала мнѣ глубокую древность осмотрѣнной мною церквицы, передѣланной, быть можетъ изъ капища Артемиды—Діаны *Умніи*—Воспѣваемой. Это капище сей звѣроловной богини было очень умѣстно у малаго Аѳона, гдѣ много лѣсу густаго. А если церквица, о которой идетъ рѣчь, построена была христіанами до появленія монашества на Аѳонѣ, или монахами первой эпохи (съ 680 года по 830-й); то приходится признать тѣхъ, или другихъ, и преимущественно первыхъ, большими любителями пѣнія, такъ какъ они надумали вставить въ стѣны *голосники*, нужные для лучшаго распространенія звуковъ человѣческаго голоса *).—Отъ голосниковой церквицы рукой подать до малаго Аѳона. Скоро я взошелъ на самое темя его, которое гораздо уже темени большаго Аѳона, но, къ глубокому сожалѣнію моему, ничего не могъ видѣть съ этой высоты, потому что тутъ накрылъ насъ туманъ, такой густой, что хоть на хлѣбъ намазывай его вмѣсто масла. Тутъ мы пообѣдали и побыли съ часъ въ ожиданіи: авось туманъ разсѣется. Не тутъ то было. Однако мнѣ удалось воспользоваться однимъ мгновеннымъ раздвоеніемъ тумана у подножія моего; и я увидѣлъ тутъ пирамидальную отвѣсность малаго Аѳона и страшную глубь,—болѣе ничего. А хотѣлось мнѣ разсмотрѣть и начертить на картѣ всю малоаѳонскую мѣстность и направленіе ея къ большому Аѳону, да не удалось. За то посчастливилось вдоволь налюбоваться водопадомъ Друванисти, къ которому я скоро спустился съ своей туманной гостинницы. Этотъ водопадъ начинается близь вышепомянутой кельи св. Онуфрія. Здѣсь—много арій т. е. мѣстныхъ мелколиственныхъ дубовѣ, и цѣлое озерко воды. Изъ этого озерка она льется внизъ по отвѣсному утесу и образуетъ собою жемчужный водопадъ. Для того, чтобы видѣть паденіе его, я ничкомъ прилегъ къ самому краю утеса, а ноги свои велѣлъ держать Ивану, боясь, какъ бы не помутила меня робость при видѣ тутъ ужасной стремнины, и какъ бы не ринула меня туда вмѣстѣ въ во-

*) Пустое пространство для голосниковъ, впослѣдствіи, я видѣлъ въ развалинахъ

допадомъ. Жаль, что не было съ нами живописца; а то, нарисовалъ бы онъ картину увеселительную! Отъ водопада я одинъ съ проводникомъ поднимался винтообразно въ сѣверо-сѣверо-западномъ направленіи къ хребту св. горы, усмотрѣлъ тутъ, немного ниже сего херbта, межевый лавратъ на камнѣ съ именною печатію Діонисіато-Предтеченскаго монастыря, обозначающій границу его околотка, и видѣлъ тутъ двѣ пустыя мѣстности, изъ которыхъ одна называется *Палео-амбели*—*старые виноградники*, а другая, ниже ея, *Филассомено*—*сторожевое*, и убѣдился, что тутъ была деревня Друва, имя которой носитъ и водопадъ, и воротившись назадъ къ Онуфріевой кельѣ, спустился по прежней тропѣ къ Діонисіату, въ которомъ и почилъ отъ трудовъ своихъ сладко и крѣпко.

Послѣ описанія окрестностей Діонисіата начинаю говорить о самомъ монастырѣ этомъ. Онъ построенъ такъ, что сѣверовосточная половина его съ Соборнымъ храмомъ, колокольнею и башнею стоитъ на поверхности горнаго утеса, а югозападная половина, многоярусная, прислонена къ отвѣсной сторонѣ сего утеса такъ, что ярусы съ кельями поставлены тутъ, одинъ подъ другимъ, ниже и ниже. Такая постановка ихъ напомнила мнѣ прислоненную къ горѣ Харьковскую семинарію, которую я видѣлъ въ 1831 году, когда ѣхалъ въ Одессу. Меня подвезли къ четвертому, самому верхнему, этажу ея; и уже оттуда я по лѣстницамъ спускался въ этажи, третій, вторый и первый. Такъ точно и въ Діонисіатѣ сперва стоишь у церкви на темени утеса, а потомъ по лѣстницамъ спускаешься все ниже и ниже, какъ въ лабиринтъ, котораго никакъ нельзя начертать на бумагѣ, а можно только отобразить моделью, или описать словами. Описываю его начиная съ перваго, самаго нижняго, яруса. Въ этомъ ярусѣ стоятъ только каменные столбы и пушки у оконъ. Во второмъ ярусѣ помѣщена рукодѣльня, въ третьемъ—сводъ и нѣсколько келлій, въ четвертомъ параклисъ Іоанна Богослова, котораго паперть расписана молдавскимъ іеромонахомъ Антоніемъ въ 1615 году,

больница и при ней параклисъ св. Безсребренниковъ, построенный иждивеніемъ Руманскаго (въ Молдавіи) епископа Макарія въ 1542 году. Въ пятомъ ярусѣ расположены монашескія кельи съ висячею предъ ними деревянною, открытою галлереею, обращенною къ морю. Въ шестомъ уже на равномъ съ соборною церковію горизонтѣ по южной линіи монастыря построена братская трапеза Бѣлградскимъ митрополитомъ Іереміею, и смежно съ нею игуменская келья: въ этомъ же ярусѣ, на линіяхъ западной, сѣверной и восточной, находятся колокольня, башня, кельи и разныя помѣщенія. А надъ ними на всѣхъ четырехъ линіяхъ монастыря, высятся еще три яруса съ монашескими кельями, архондариками и съ параклисами Іоанна Златоустаго, св. Нифона патріарха Цареградскаго 1782 года, и св. великомученика Георгія. Долго я ходилъ по этому лабиринту, и едва едва могъ понять расположеніе и устройство его. Первые пять ярусовъ въ южной нижней половинѣ Діонисіата сооружены еще язычниками. Но объ этомъ рѣчь впереди. А теперь по порядку слѣдуетъ описаніе соборной церкви и святынь ея, братской трапезы и стѣнной живописи въ ней, библіотеки и архива.

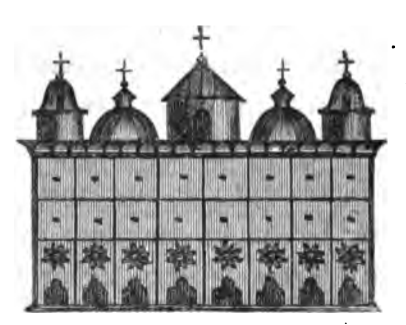
Соборная церковь во имя св. Іоанна Предтечи, какъ видно изъ стѣнной надписи въ ней, съ основаній построена и расписана содѣйствіемъ и иждивеніемъ благочестивѣйшаго Господаря Іоанна Петра воеводы всей Молдовлахіи въ лѣто 7055—1647-е индикта 5-го. Ее видѣлъ нашъ Барскій и описалъ вотъ какъ. „Церковь соборная есть расположеніемъ вѣликолѣпна, вся отвнѣ покровенна оловомъ (свинцовыми листами), и твердымъ вапомъ (штукатуркою) зѣло гладко улѣплена, яко единокаменна мнится быти: имать же главъ пять; едина большая посредѣ самаго храма, и едина меньшая на боку лѣвомъ надъ параклисомъ, и двѣ еще меньшія надъ папертію, всѣ съ окнами, и едина между ними зѣло мала и низка, безъ оконъ. Крестообразно же простирается (церковь) по крылосамъ, якоже и въ прочихъ начальнѣйшихъ монастыряхъ, внутрь же вся помощена великими бѣлыми

ными, *и вся иконописана* преизрядно отъ низу до верха цвѣтами лѣпозрачными и многимъ златомъ и искуснымъ художествомъ, и удобрена есть довольно священными сосудами, поліелеемъ, серебренными и позлащенными кандилами (лампадками), крестами висимыми, аналоями многоцѣнными, иконостасомъ. Наипаче же имать *хоросъ* преизряденъ, и добротою превосходящъ инны многи, висимъ на десяти поясахъ желтомѣдныхъ искуснаго изваянія и тонкаго художества. Столповъ же тамо суть четыре искуснаго художества отъ бѣлаго мрамора, иже крестообразно, два одесную и два ошуюю стоящіе, поддержатъ всю тяготу храма, сице толсты суть, елико мощно объяти единому человѣку, высоки же, яко двѣ сажени съ половиною. Храмъ долготы имать обычныхъ ступаній двадесять три, толикожде и широты между крылосами, созади же мало уже, понеже есть кресторасположенъ. Сей же прекрасный храмъ имать и двѣ паперти. Внутренняя паперть двумя столпами зданными поддѣржится, и долготы имать ступаній осмь, шороты же пятнадесять: внѣшняя же паперть узшая и безъ столповъ, но есть дольшая. Оконъ въ сей церкѣ много есть, вратъ же всѣхъ шесть, три въ первой паперти и три во второй. Кромѣ же соборнаго храма суть въ монастырѣ Параклисы, шесть, на лѣвой сторонѣ храма совокупно призданные сь главою, оловомъ покрытою. Параклисъ пресв. Богородицы на хорахъ. Въ стѣнѣ западной соборъ св. архангелъ: Таможде и книгохранительница.

Такова была эта церковь назадъ тому двѣсти лѣтъ: такова и нынѣ (1845.) Она темна, потому что со всѣхъ сторонъ тѣсно обставлена многоярусными кельями, колокольнею, братскою трапезою и башнею, которая построена въ 1520 году Неангомъ воеводою Валахскимъ (надпись). По причинѣ темноты я не разсматривалъ стѣнную живопись въ ней: помню только, что она не впечатлительна.

Въ этой церквѣ мнѣ показывали всѣ св. мощи, хранимые въ замѣчательномъ по мозаичной отдѣлкѣ, деревянномъ, пятигла-

вомъ, ковчегѣ, который устроенъ въ 7023—1515 году. Вотъ рисунокъ его:



Въ нѣсколькихъ выдвижныхъ ящикахъ его покоятся мощи:

— Десница св. Іоанна Предтечи отъ локтя до кисти съ перстами, усыпанная въ 1810 году по сребропозлащенному окладу ея жемчугомъ и брилліантами тамъ, гдѣ видны ногти.
— Часть руки св. апостола Луки.
— Ручные желѣзные вериги св. апостола Петра.
— Челюсть св. архидіакона Стефана.
— Глава св. Григорія Акрагантинскаго въ окладѣ.
— Десная рука св. Іоанна милостиваго въ серебренномъ окладѣ древней работы Трапезунтской.
— Десница Іоанна епископа Колонійскаго въ серебреннопозлащенномъ окладѣ безъ дорогихъ камней.
— Кисть десной руки св. Власія.
— Десница св. мученицы Параскевы.
— Десница св. Модеста.
— Часть руки св. Антипы.
— Частицы мощей: Харалампія, Косьмы и Даміана, 40 мучениковъ, св. Мокія,. св. Іоанна Златоустаго, Муро св. великомученика Димитрія, св. Нифона патріарха Цареградскаго, и зубъ св. Христофора.

О десной рукѣ Предтечи говорилъ мнѣ бывшій игуменъ Стефанъ, что она въ 1810 году тайно взята была изъ сокровищни-

въ монастырь св. Діонисія, гдѣ онъ и омонашился и учредилъ общежитіе.

Кромѣ св. мощей въ соборной церкви Діонисіата чествуются три достопримѣчательныя иконы:

— Икона Богоматери, принадлежавшая строителю сего монастыря Трапезунтскому царю Алексѣю Комнину. Задняя сторона ея покрыта серебрянною ризою, которая изготовлена иждивеніемъ Бѣлградскаго архіерея Іереміи, а сдѣлана мастеромъ Георгіемъ въ 1786 году. На этой ризѣ вычеканено изображеніе сего царя, сидящаго на тронѣ и подающаго икону св. Діонисію, внизу же начертана греческая надпись.

Ὁ ἅγιος Διονύσιος ὁ ἐν τῷ Ἄθῳ. † Αὕτη ἡ εἰκὼν ἡ θαυματουργὸς ἐςί. τὴν ὁποῖαν βαστάζων ὁ Σέργιος ὁ πατριάρχης καὶ περιερχόμενος τὰ τείχη τῆς Κωνσταντινουπόλεως ἐδίοξεν ὅλους τοὺς πολεμίους. τὴν ὁποῖαν ἀφιέρωσεν ὁ βασιλεὺς τοῦ ἁγίου Διονυσίου.

Διὰ δαπάνης τοῦ ἁγίου Πελιγραδίων Ἱερεμία, καὶ διὰ χειρὸς Γεωργίου. 1786.

Святый Діонисій, иже на Аѳонѣ. † Сія икона чудотворна есть. Ее носилъ Сергій патріархъ, ходя по стѣнамъ Константинополя, и прогналъ всѣхъ супостатовъ. Ее пожаловалъ сей царь святому Діонисію.

(риза сдѣлана)

Иждивеніемъ святаго бѣлградскаго Іереміи и рукою Георгія. 1786 г.

Самая же икона эта—не велика и очень темна. Ликъ Богоматери почти невидѣнъ, потому что вскипѣлъ тутъ лакъ, или составъ воскомастихи. Монахи говорили мнѣ, что она написана св. евангелистомъ Лукою. Это—икона чудотворная. Повѣствую о чудесахъ ея.—Въ 626 году Персы и Скиѳы осадили Константинополь. Тогда патріархъ Сергій носилъ эту икону по стѣнамъ сего города, воспѣвая литійныя молитвословія, и испросивъ у Бога побѣду надъ врагами, сочинилъ извѣстный акаѳистъ Богоматери: Взбранной воеводѣ побѣдительная.. Когда же Константинополемъ овладѣли Латины въ 1204 году, тогда одинъ изъ царственныхъ Комниновъ ушелъ въ Малоазійскій городъ Трапезунтъ и тамъ основалъ особое греческое царство. Онъ съ собою взялъ туда икону, о которой идетъ рѣчь. А преемственный потомокъ его Алек-

сѣй III въ 1375 году передалъ ее преподобному Діонисію, повелѣвъ ему строить на Аѳонѣ монастырь. Съ сей поры эта икона оставалась тутъ до 1592 года. Въ этомъ же году, какъ повѣствуетъ Барскій, пришедши въ монастырь Діонисія бывшій того времени первый пиратъ, и восхитивши ю отъ церкви насильно, не соизволяющимъ на сіе инокомъ, и затворивши ю въ кораблѣ въ ковчезѣ своемъ отплылъ оттуда на море, страшащи съ прещеніемъ иноковъ, и отплывши уже далече, зритъ во снѣ видѣніе трижды, Пресвятую Богородицу прещащую и глаголющую ему: *почто мя здѣ всадилъ еси въ темницу, лукавый затворниче: отвези мя вспять въ жилище мое, идѣже покойно и мирно пребывахъ.* Онъ же, или не разумѣвъ словесъ сихъ, или небрегій о семъ, воставъ отъ сна, ничтоже печашеся, ниже помышляше. И абіе внезапу воста на морѣ буря велика и страшна, яко бѣдствовати кораблю его къ утопленію со всѣми его сопутниками; и тогда едва вспомяну о Иконѣ, бѣжитъ къ кивоту своему, и обрѣтаетъ его сокрушенна на многія части, честную оную Икону въ убрусахъ омоченну многимъ мѵромъ благоуханнымъ, зѣло отъ нея точащимся, и егда, взявъ въ руцѣ свои икону, нача безмолвствовати; и великій вѣтръ и буря преста тогожде часа. Къ тому же принужденъ бысть отъ друговъ своихъ возвратитися въ монастырь, и приспѣвши къ пристанищу, посла къ отцамъ, возвѣщающи имъ о иконѣ и просящи ихъ, да снидутъ на брегъ къ Арсеналу и да воспріимутъ ю честно. Они же слышавше сицевое нечаянное чудо, абіе снидоша облеченные во священныя одежды со свѣщами и кадилами, и взявши оную честную икону Богоматери, и принесши въ великую церковь, поставиша ю на опредѣленномъ мѣстѣ. Показавше и предрѣченный пиратъ своя убрусы и полотенцы омоченны мѵромъ благоуханнымъ, которое отъ святыя сея иконы истече, яко устрашитися всѣмъ отъ удивленія. Многіе же отъ друговъ его, оставивши разбойническое грабленіе, покаяшася и отлучишася отъ него. Елицы же ожесточишася сердцемъ, вси злѣ погибоша. Нынѣ же (1744 г. мѣсяцъ дек.) икона

святыя горы, на странѣ полуденной отстоящемъ яко миль осмдесятъ. На великую бо мольбу тамошнихъ христіанъ преклоншеся иноцы, дароваша имъ ю: отъ нихъ же взаимныя и всегдашнія на всякъ годъ воспріемлютъ благодѣянія.—А въ 1758 году эта икона находилась въ Діонисіатѣ. Тогда на Аѳонѣ въ греческомъ мірскомъ училищѣ, построенномъ близь Ватопедскаго монастыря, преподавалъ науки извѣстный Евгеній Вулгарисъ, и заболѣлъ тутъ жестоко. Ему присовѣтовали переѣхать въ Діонисіатъ и тутъ полѣчиться у монаха Никифора врача. Онъ переѣхалъ туда и едва не умеръ, но вдругъ чудесно исцѣлился послѣ молитвы предъ иконою Сергія патріарха, и въ память сего чуда написалъ два стиха въ риѳму:

Ζωῆς δότην Φέρουσα σῆς ὑπ' ἀγκάλης
Ζωοῖς φέροντα θάνατόν μ' ὑπαὶ μάλης.

Жизнодавца носящая въ объятіяхъ твоихъ.
Оживи меня, смерть носящаго въ мышцахъ моихъ

Это я читалъ въ письмѣ его: ἐπιςολὴ τοῦ Εὐγενίου. Πρὸς Πέτρον τὸν Κλαίρχιον. 'Αθήνησιν. 1844. pag. 53—57.—Послѣ сего чудотворная икона сія въ 1767 году опять была на островѣ Скопелѣ. Но оттуда возвратилъ ее въ Діонисіатъ покоившійся въ этой обители Бѣлградскій митрополитъ Іеремія, тотъ самый, который въ 1786 году сдѣлалъ чеканную ризу на нее. Тамъ онъ и скончался на 113 году отъ рожденія своего.

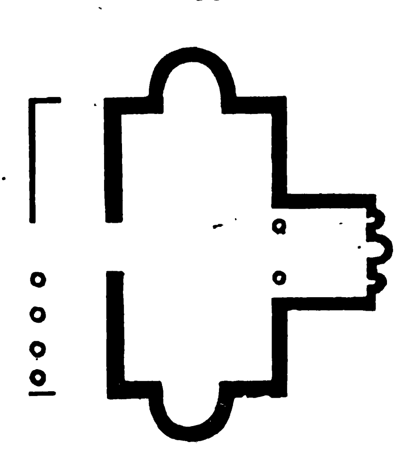
Вторая досточтимая икона св. Іоанна Предтечи прикрѣплена къ правой мраморной колоннѣ. Она—не мала. На ней вязью начертана славянская надпись.

Святаго и славнаго пророка Предтечи и крестителя Іоанна. Сія иконна оукраси господинъ Александръ воевода и госпожа его Роксандра за здравіе възлюбленнаго имъ сына Константина. Имя его служити ЄГОМОЇСАННѸ ПРТѴИ. Въ лѣто ҂зоѳ. (7072—1564) август. 30.

бренопозлащеннымъ, который цѣлъ понынѣ. Но сама она написана ранѣе означеннаго на ней 1564 года. Что касается до непонятнаго въ надписи слова *егомоісанноу*, то оно дѣлается понятнымъ при слѣдующей перестановкѣ буквъ: соедини букву *с* съ *ег*о и читай *сего,* подъ буквою м разумѣй *мѣсяцъ* и читай *сего мѣсяца*, *оіанноу* переставь такъ *іоанноу*, и всю надпись понимай такъ: „Имя его служити Іоанну Предтечѣ сего мѣсяца августа 30:" т. е. о здравіи Константина служить литургію и молебенъ Іоанну Предтечѣ на другой день усѣкновенія главы его, 30 августа. Замысловато сіе тайное письмо! (Криптографія). Третія икона Іоанна же Предтечи въ иконостасѣ замѣчательна, какъ старинный образъ хорошаго письма Византійскаго.

Но болѣе всѣхъ ихъ полюбилась мнѣ икона Успенія св. Іоанна Златоустаго, стоящая въ алтарѣ соборнаго храма. Усопшій среди горницы возлежитъ на одрѣ. Его отпѣваютъ іереи, діаконы, монахи и монахини. У діаконовъ на макушкахъ видны гуменцы, волосы же острижены въ видѣ терноваго вѣнца Христова. Монахини хоромъ поютъ по книгѣ, которую держитъ предъ ними начальница ихъ; а въ книгѣ этой написано: Δεῦτε, τελευταῖον ἀσπασμόν—Пріидите, *послѣднее цѣлованіе*.. У ногъ усопшаго святителя архимандритъ Сирійскихъ монаховъ *въ бѣломъ клобукѣ*, покрывающемъ камилавку, похожую на камилавку Кіевскихъ схимонаховъ, держитъ разогнутый апостолъ съ словами: Ἀδελφοί, οὐ θέλω ὑμᾶς ἀγνοεῖν—*Братіе, не хощу васъ невѣдѣти.*—Итакъ, вотъ откуда бѣлые клобуки! Изъ Сиріи.

Въ Діонисіатѣ каменистая площадь зеленоватаго цвѣта предъ соборнымъ храмомъ открыта, но очень мала. На южной линіи ея построена братская транеза. Смотри планъ ея. Вся она, свѣтлая, расписана ликами Святыхъ во весь ростъ ихъ. Въ полукругломъ углубленіи ея за игуменскимъ столомъ изображены Василій великій, Григорій Богословъ, Аѳанасій великій, Іоаннъ Златоустый, Кириллъ и другіе, но не въ святительскомъ облаченіи, а въ монашеской мантіи, потому что трапеза—не церковь. Отъ нихъ по стѣнамъ идутъ ряды Преподобныхъ монаховъ. Ихъ очень много. Надъ



выходомъ изъ трапезы на всей стѣнѣ изображенъ *страшный судъ* по общепринятому на Востокѣ образцу. Въ глуби адской рѣки видѣнъ богачъ по горло въ огнѣ. Подлѣ этой картины олицетворены Евангельскія слова: *взалкахся и дасте ми ясти,.. въ темницѣ бѣхъ и посѣтисте мене...* и пр. Напримѣръ: Іисусъ Христосъ въ видѣ странника стоитъ у двери дома и стучитъ, ожидая гостепріимства; Онъ же сидитъ въ темницѣ, и утѣшается посѣтителемъ. Все это весьма трогательно и назидательно.

Въ монастырской библіотекѣ, опрятной и свѣтлой, я не разсматривалъ всѣхъ рукописей, потому что однажды на всегда рѣшился употреблять большую часть времени своего на списываніе архивныхъ хартій, и потому что библіотекарь монахъ Ананія повѣдалъ мнѣ, что многія рукописи погибли тогда, когда Турецкіе солдаты сторожили всѣ Аѳонскіе монастыри и въ числѣ ихъ Діонисіатъ, съ 1821 года по 1831-й *). Однако и тутъ схвачены были мною нѣкоторые прибытки знанія.

— Изъ лексикона Варина стр. 16. Ἄθως, ὄρος Θράκης ὑψιλώτατον. ὃ καὶ Ἄθων σὺν τῷ ν λέγουσιν. Ἄθως σκιάζει νῶτα Λημνίας ἀλός· ὠνόμαςαι δὲ ἀπὸ τινὸς γίγαντος Αθου, ὃς ἦν Ποσειδῶνος καὶ Ῥοδόπης τῆς Στρύμονος· ἀπὸ τῆς μητρὸς οὖν τῆς Θράκης τὸ ὄρος, ἀπὸ δὲ τοῦ υἱοῦ τὸ

*) Нѣмецъ Фальмерайеръ видѣлъ тутъ только 139 рукописей и 249 книгъ печат-

πέλαγος ἐπωνόμαςαι.—᾿Αθώου διὸς ἱερὸν ἐν ἄχρῳ ᾿Αθὼ τῷ ὄρει: Аѳосъ, гора Ѳракіи высочайшая, которую зовутъ и Аѳонъ. Она своею тѣнію покрываетъ Лимнійскаго вола. А называется именемъ нѣкоего исполима Аѳоса, который былъ сынъ Посидона и Родопы Стримонской. По матери, это—гора Ѳракіи, а по сыну названо и море ея (Стримонскимъ).—Аѳонскаго Зевеса святилище находитсся на краю Аѳонской горы.

— Изъ лексикона Исихія:—῎Αθως ὄρος ἐν Μακεδονίᾳ. Ὁ ἐπὶ τοῦ ῎Αθω τοῦ ὄρους ἱδρυμένος ἀνδριὰς ὁ Ζεῦς.—Аѳонъ гора въ Македоніи.—На Аѳонской горѣ водружена статуя Зевеса.

Изъ стараго Греческаго Лексикона:—Virgil. I. Georg. „Aut Atho, aut Rodopem, aut alta Ceravnia tela déiicit.“

Sic et Theocrit. in Edyl. „ἢ ῎Αθω, ἢ Ῥοδόπαν, ἢ Καύκασον ἐσχατόεντα“...

Aeneidos duodecim: „Quantus Athos, aut quantus Erix et caeter“...

Aeschynes contra Ctesiphon: „ὁ τῶν Περσῶν βασιλεὺς ὁ τὸν ῎Αθω διορύξας“-..

Marcus Tullius. Lib. de fin. „Athone perfosso“...

— Изъ рукописи: Χρονικὸν ποιηθὲν παρὰ τοῦ σοφοτάτου Κυροῦ Μιχαὴλ τοῦ Γλυκᾶ ἀπὸ ᾿Αδὰμ ἕως ἁλώσεως τῆς πόλεως.—„Эта хроника ни слова не говоритъ о Павлѣ, сынѣ царя Михаила Рангавэ и супруги его Прокопіи, а пересчитываетъ и именуетъ дѣтей ихъ, Никиту, Евстратія и Ѳеофилакта, и присовокупляетъ, что царь Левъ Армянинъ всѣхъ ихъ оскопилъ, и что Никита, въ монашествѣ Игнатій, впослѣдствіи былъ вселенскимъ патріархомъ и построилъ монастырь Спаса.

Изъ Сборника составленнаго Климентомъ іеромонахомъ послѣ 1535 года: „᾿Ιδοὺ σημειώνω καὶ τὸν ἐμπρισμὸν τοῦ μοναςηρίου διὰ τὸ ἀμφίγνομα· ὅτι οἱ μὲν λέγουσι φιλονεικῶς, ἐν τῷ δὲ τῷ ἔτει, οἱ δὲ τῷ δέ. Διὰ τοῦτο οὖν γινώσκετε τὴν ἀλήθειαν, ὅτι ὁ ἐμπρισμὸς ἐγένετο ἐν μηνὶ ὀκτωβρίῳ κε ἡμέρᾳ κυριακῇ ἔτους ζμγ. ᾿Εγὼ δὲ ἐχειροτονήθην πρεσβύτερος ἐν τῷ ,ζμα ἔτει μηνὸς ᾿Ιουνίου κδ ἤτοι τὸ γεννής.. τοῦ Προδρό-

μου.—Вотъ и о пожарѣ въ монастырѣ пишу замѣтку по причинѣ разгласія о немъ, такъ какъ одни говорятъ, что онъ произошелъ въ такомъ-то году, а другіе—въ такомъ то. Знайте же навѣрное, что пожаръ былъ 25 октября 7043—1535 года въ день воскресный. А я рукоположенъ былъ въ пресвитера въ 7041 году 24 іюня мѣсяца въ день рождества Предтечи.

Кстати здѣсь сообщаю дополненіе къ этой замѣткѣ іеромонаха Климента, которое повѣдалъ мнѣ одинъ Діонисіатецъ.—Монастырь загорѣлся отъ того, что одинъ монахъ захотѣлъ сжечь большаго змія, гнѣздившагося въ одной разсѣлинѣ монастырскаго сада. Сперва загорѣлись дерева, а потомъ и кельи, начиная съ деревянныхъ балконовъ при нихъ.

— Изъ печатной книжки: Ἐπιστολὴ Εὐγενίου τοῦ Βουλγάρεως πρὸς Πέτρον τὸν Κλαίρκιον περὶ τῶν μετὰ τὸ σχίσμα ἁγίων τῆς ὀρθοδόξης ἀνατολικῆς ἐκκλησίας καὶ τῶν γινομένων ἐν αὐτῇ θαυμάτων: Ἀθήνησιν. 1844. Письмо Евгенія Вулгара къ Петру Клерку о святыхъ бывшихъ въ православной восточной Церкви послѣ раздѣленія церквей, и о совершившихся въ ней чудесахъ.—Аѳины. 1844 г.

„Ἔλεγεν ὁ Παλαιολόγος Μιχαὴλ ὁ βασιλεὺς (ὡς ἱςορεῖ ὁ Παχυμέρης) τοῖς Κωνςαντινουπολίταις ἀπαρεσκομένοις τῇ τοιαύτῃ ἑνώσει· ὦ ἄνθρωποι· ἀπαράτρωτα τὰ τοῦ ἡμετέρου δόγματος ἔςαι· τρία μόνα ἀπονέμομεν τῷ Πάπᾳ, πρωτεῖον, ἔκκλητον καὶ μνημόσυνον. Ταῦτα δὲ λύτρα ἔσονται πολλῶν αἱμάτων Ῥωμαίων ἐκχυθῆναι κινδυνευόντων. (Ὅρα Δοσιθέου βιβλ. θ. κεφ. β. συγγρ. δ.)

Τὰ τοιαῦτα λέγοντος τοῦ Μιχαὴλ ἡ ἐκκλησία καὶ τὸ σῶμα αὐτῆς οὐκ ἐπείθοντο· Ὅθεν οἱ πατριάρχαι Ἀρσένιος καὶ Ἰωσὴφ καὶ Γρηγορίος ἐναντιοῦνται· καὶ ἄλλος ἀφίησι τὸν θρόνον καὶ ἀναχωρεῖ, ἄλλος διώκεται, καὶ οἱ ἔκκριτοι ἀρχιερεῖς καὶ κληρικοὶ, καὶ δὴ καὶ ἄρχοντες μαςιγοῦνται, δημεύονται, φυλακίζονται, πάσχουσιν ὑπὸ τοῦ Ῥώμης Γρηγορίου καὶ τοῦ Μιχαὴλ, ὅσα ἔπαθον οἱ πάλαι Ἅγιοι ὑπὸ τοῦ Νέρωνος, Δεκίου, Διοκλητιανοῦ. (Ἀνεγνώσθη) ὅτι ὅσα βάσανα καὶ τιμωρίας, καὶ ὅσους πονηροὺς θανάτους ἐποίησαν οἱ Λατινόφρονες τοῖς εἰς τὸ ἅγιον ὄρος τοῦ Ἄθωνος πατράσιν, οὐδεὶς εἰδωλολάτρης διώκτης ταῦτα ἐποίησεν. Ἦν δὲ ὅτε ἐποίησαν τὰ τοι-

αῦτα οἱ Λατινόφρονες εἰς τὸν Ἄθωνα ἔτος ςψἡγ.—(Ἐκ τῆς ἐπιςολῆς τῆς πρὸς Ἀνδρόνικον τὸν βασιλέα ἐν τοῖς πρακτικοῖς τῆς ἐπὶ Γρηγορίου συνόδου. παρὰ Δοσιθέῳ βιβλ. θ. κεφ. 'γ.—).

„Говорилъ Палеологъ Михаилъ царь (какъ повѣствуетъ Пахимеръ) Константинопольцамъ недовольнымъ такимъ единеніемъ (церквей западн. и восточ.), О, люди! Не измѣннымъ останется нашъ догматъ. Мы только три права уступаемъ Папѣ, первенство, судъ и поминаніе его въ молитвословіяхъ. А эти уступки спасутъ Ромеевъ отъ угрожающаго великаго кровопролитія".

„Впрочемъ этими словами Михаила не убѣдились ни церковь, ни тѣло ея (т. е. христіане міряне). Напротивъ патріархи Арсеній, Іосифъ и Григорій воспротивились. Но за то одинъ оставляетъ каѳедру свою и удаляется, другаго гонятъ, а почетные архіереи и клирики и даже бояре бичуются, позорятся предъ народомъ, заключаются въ тюрьму, страдаютъ отъ Римскаго папы Григорія и Михаила, какъ древле страдали святые отъ Нерона, Декія, Діоклитіана. (Читано:) А какія муки и козни и какія горькія смерти причинили Латиномудрствующіе отцамъ на св. горѣ Аѳонской: такихъ не причинялъ ни одинъ гонитель идолопоклонникъ. Когда же Латиномудрствующіе дѣлали все это на Аѳонѣ, тогда былъ годъ 6793—1285-й. (изъ посланія къ Андронику царю въ Дѣяніяхъ Сѵнода, бывшаго при патріархѣ Григоріи *).—У Досиѳея кн. 9. гл. 3.)

Эта послѣдняя статейка порадовала меня, потому что надоумила относить страданія Аѳонцовъ отъ Латинниковъ къ царствованію не Михаила Палеолога, а сына его Андроника, и отмѣтить ихъ въ исторіи Аѳона подъ 1285-мъ годомъ съ указаніемъ вышепомянутаго посланія.

Въ Діонисіатской библіотекѣ я узналъ отъ отца Ананіи, что *Сборники* разныхъ статей у Грековъ называются *Куварасами*. А *кувар—асъ* есть тоже, что у насъ *кубарь*, или клубокъ, на который наматываются нитки, ленты, снурки. Въ самомъ дѣлѣ сборники

гословскія, философскія, историческія, каноническія, географическія и пр. и пр. Перелистываешь ихъ, и словно *кубаремъ катишься* по тропамъ человѣческаго знанія.

Изъ архива мнѣ выдали двадцать хартій. Я переписалъ ихъ для себя частію сокращенно, частію цѣликомъ, а съ великолѣпнаго хрисовула Трапезунтскаго царя Алексѣя III, (1375 года) тщательно срисовалъ портреты его самаго и супруги его Θеодоры, одѣтой въ багряное платье съ золотыми на немъ двуглавыми орлами, и помѣщенный между ними ликъ св. Іоанна Предтечи, почеркъ же хрисовула, презамысловатый, узорчатый, издали похожій на шитье чернымъ шелкомъ, отподобилъ на промасленной бумагѣ съ точностію самою удачною.—Всѣ эти хартіи начинаются хрисовуломъ царя Іоанна Палеолога 1366 года, и оканчиваются грамматою нашей Императрицы Екатерины Алексѣевны, данною Діонисіату въ Москвѣ 18 Февраля 1763 года.

Что же было на мѣстѣ этого монастыря не только до 1366 года, но и до рождества Христова? Отвѣчаю на этотъ вопросъ, любя припоминать древніе дни Аθона и допуская соображенія, коль скоро нѣтъ ни прямыхъ историческихъ свидѣтельствъ, ни надписей, ни тому подобнаго.

За нѣсколько сотъ лѣтъ до Рождества Христова, торговый и богатый городъ въ Пелопонесѣ Коринθъ владѣлъ ближайшимъ къ Аθону полуостровомъ Потидейскимъ (Кассандрскимъ), и тутъ велъ морскую торговлю съ жителями всего Аθонскаго полуостровскаго трезубца *). Тогда Коринθяне въ Пелопонесѣ набрали охотниковъ перейти на Аθонъ, и Друваитовъ изъ Елиды и Аеропотамцовъ изъ другаго мѣста поселили въ Діонисіатскомъ околоткѣ. Первые построили деревню Друву близь нынѣшняго водопада *Друва-нисти*, о которомъ я говорилъ выше, а вторые основали селище Аеропо́тамо въ описанномъ мною ущеліи Аеропотамскомъ. Тѣмъ и другимъ богатый Коринθъ выстроилъ капище досточтимаго бога своего, Посидона (Нептуна), какъ разъ на мѣстѣ ны-

---

*) Смотри мою исторію Аθона ч. 1. §. 9.

нѣшняго Діонисіата, украсилъ это капище четырьмя претолстыми мраморными колоннами, понынѣ уцѣлѣвшими, коихъ не смогли бы купить Діонисіатцы при небогатомъ, какъ увидимъ, пособіи Трапезунтскаго царя, и пристроилъ къ нему пять нижнихъ этажей, о сооруженіи которыхъ и не подумали бы монахи, какъ о дѣлѣ весьма дорогомъ для нихъ, да и не нужномъ, пристроилъ для жрецовъ Посидона и для ихъ надобностей. А что тутъ было капище именно этого бога, а не другаго какого либо, въ этомъ я удостовѣряю себя и другихъ вотъ какъ. Въ Коринѳѣ еще Ѳезей учредилъ въ честь Посидона праздество и игрище, такъ называемое Исѳмїйское, потому что этому богу отданъ былъ во владѣніе Коринѳскій Исѳмòсъ—Перешеекъ. На этомъ игрищѣ борцы увѣнчавались вѣтками дерева ΠΙΤΥΣ, сосны или пихты*). И подлѣ Аѳонодіонисіатскаго утеса росло этоже самое дерево съ этимъ же названіемъ гораздо прежде постройки Діонисіата. Въ житіи строителя его преподобнаго Діонисія сказано, что оно было *величайшее, зеленѣющее и высокое*, и что подъ нимъ ученики сего Діонисія поставили каливу для храненія въ ней пшеницы, муки и другихъ припасовъ, привозимыхъ на лодкѣ. Ἐγγὺς τῆς θαλάσσης ὡσεὶ λίθου βολὴν, ἐπὶ τῆς ἀκτῆς ἄνω μέγιςόν τι δένδρον ἐπεφύκει Πῖτυς λεγόμενος, εὐθαλής τε καὶ ὑψίκομος. ὑφ' ἧς ὑποκάτω οἱ ἀδελφοὶ καλύβην πηξάμενοι, ἐν αὐτῇ τὰ χρειώδη τοῦ πλοιαρίου ἐκφέροντες ἐναπετίθεσαν.

Такое дерево росло тутъ весьма долго, слѣдовательно гораздо ранѣе перестройки Діонисіата въ 1375 году. Его щадили, какъ дерево прекрасное и какъ лѣторосль отъ корня священнаго дерева Посидонова, котораго вѣтками увѣнчавались и Аѳонскіе борцы. Мнѣ возразятъ, что дерево Питисъ, по свидѣтельству Плутарха, было посвящено богу *Діонису*—Бахусу, а не Посидону; слѣдовательно на мѣстѣ *Діонисіата* во время оно стояло капище *Діониса*. Но я допускаю только первую половину возраженія, зная оное свидѣтельство, Plutar. Sympos. quaest. 3. τῷ δὲ Διονύσῳ τὴν πίτην ἀνιέρωσαν, ὡς ἐφυδήνουσαν τὸν οἶνον: а вто-

*) Ἑλληνικὸν Πάνθεον ὑπὸ Χαρισίου Μεγδάνου. Πέςη. 1812. §§. 77. 232.

рую половину отрицаю, потому что только миѳомъ о Посидонѣ можно объяснить понятіе Грековъ объ Іоаннѣ Предтечѣ, (которому посвященъ Діонисіатъ), являющемся на морѣ съ жезломъ вмѣсто *Нептунова трезубца, и устрашающемъ морскихъ разбойниковъ*. Но объ этомъ рѣчь впереди. А теперь повѣствую о дальнѣйшей судьбѣ Аеропотама. Эта селитва, впослѣдствіи зависѣвшая, какъ и сосѣдній Ксиропотамъ, отъ города Акроаѳоса, обезлюдѣла отъ землетрясенія, разрушившаго сей городъ въ самомъ началѣ перваго христіанскаго вѣка. Однако ее возобновили жители сосѣдней Петры (нынѣ Симопетра), о которой будемъ говорить послѣ, и назвали ее *Новая Петра*, Νέα Πέτρα. Это названіе ея, всегда повторявшееся въ писцовыхъ книгахъ Аѳонскихъ, сохранилось до времени царствованія Іоанна Палеолога, и высказано въ хрисовулѣ его, данномъ Діонисіатцамъ въ 1366 году, а съ того времени дошло и до нашихъ дней.

Неа Петра (по нашему новый Каменецъ) когда озарилась свѣтомъ Христовымъ; тогда Аѳоно-аполлонійскій (Ериссовскій) епископъ изъ Посидонова капища ея сдѣлалъ христіанскую церковь, освятивъ ее во имя Іоанна Предтечи, дабы, сколько возможно, замѣнить языческія понятія о Посидонѣ приблизительно сходными понятіями объ Іоаннѣ, которому нѣтъ подобнаго въ числѣ людей, рожденныхъ женами. Посидонъ почитаемъ былъ язычниками, какъ *предуготовитель* царства брату его Зевесу, побѣдившій враговъ его Титановъ: вмѣсто его возвѣщенъ былъ имъ Іоаннъ, *Предтеча* царя Христа, громившій враговъ Его Фарисеевъ. Посидонъ за стачку съ Ирою и Аполлономъ противъ Зевеса посланъ былъ носить камни для постройки стѣнъ Трои, и продолжалъ это покаяніе, пока не помиловалъ его Зевесъ: а Іоаннъ Предтеча былъ лучше, святѣе его, былъ неизмѣнный другъ жениха Христа, и всѣхъ призывалъ къ покаянію и исправленію предъ входомъ въ приблизившееся царство Божіе, которое Богъ силенъ былъ наполнить новыми созданіями, сотворенными изъ камней: Посидонъ, какъ богъ влаги, занималъ третье мѣсто между еѳиромъ и воздухомъ: и Предтечѣ предостав-

лено третье же мѣсто послѣ Христа и Матери Его. Такимъ образомъ Аѳонохристіанскій клиръ *мѣтко* замѣнилъ Посидона Предтечею въ сознаніи новокрещенныхъ Неопетрійцовъ и, позвольте добавить,—и сосѣдей ихъ Подъаѳонцовъ, жившихъ на Акроаѳосскомъ мысѣ, гдѣ понынѣ стоитъ церковь Іоанна Предтечи. Сему Предтечѣ достались мѣста береговыя и мысы вдающіеся въ море, а замѣнившему громовержца Зевеса пророку Иліи—высоты горныя, на Кармилѣ, на Ѳессалійскомъ Олимпѣ, на островѣ Паросѣ, на Аѳонской Керасѣ, которая даже издали съ моря и съ суши видится, какъ высочайшій рогъ горы. Послѣ сего понятно: почему о Предтечѣ составилось такое повѣрье, что *онъ спасаетъ людей на морѣ*. Онъ замѣнилъ морскаго бога Посидона. Это понятіе выражено въ житіи преподобнаго Діонисія, строителя Предтеченской обители, о которой идетъ рѣчь. Когда сей преподобный на кораблѣ возвращался изъ Трапезунта на Аѳонъ съ царскими дарами, тогда напали на него морскіе разбойники. Но отъ нихъ спасъ его Предтеча, *явившись на морѣ съ жезломъ въ правой рукѣ*. Εὐθὺς ὁ μέγας ἐμφανίζεται Πρόδρομος, ἐν τῇ δεξιᾷ ῥάβδον ἐπιφερόμενος, καὶ τοὺς μὲν περὶ τὸν ἅγιον (Διονύσιον) ἐνισχύων καὶ θαρσοποιῶν, τοῖς δὲ ἀσεβέσιν φόβον καὶ φρίκην ἐμποιῶν, καὶ ὄλεθρον τούτοις, ἐξαισίως ἐπαπειλῶν· καὶ αὐτίκα αἱ μὲν τῶν ἀθέων ἐκείνων χεῖρες ναρκῶσαι καὶ παρειμέναι γεγόνασιν. Предтеча, какъ спаситель людей, бѣдствующихъ на морѣ, указанъ и нашимъ митрополитомъ Григоріемъ Цамблакомъ, почти современникомъ преподобнаго строителя Аѳонодіонисіатской обители.

Новый Каменецъ на Аѳонѣ около 676 года былъ оставленъ жителями страха ради Арабскаго. Когда же царь Константинъ Погонатъ заключилъ миръ съ Халифомъ арабовъ, и Аѳонъ, какъ выморочное имѣніе, отдалъ монахамъ, тогда на мѣстѣ сего Каменца основалось ли монашеское селеніе, или не основалось: этого сказать я не могу, не имѣя никакихъ доказательствъ на то, ни письменныхъ, ни устнопередаваемыхъ, ни кроющихся въ землѣ, которую вездѣ на Аѳонѣ надобно раскапывать, начиная отъ перешейка его и оканчивая Подъаѳоньемъ.

Но не существовалъ ли монастырь Діонисія во вторую епоху святогорскаго монашества, послѣ 870 или 970 года? И не два ли были Діонисія (одноименные), одинъ строитель его, а другой возобновитель? Для того, чтобы отвѣтить на оба эти вопроса утвердительно съ указаніемъ года появленія Діонисіата, надобно имѣть подъ руками множество Дѣеписаній аѳонскихъ, начиная съ 10 вѣка, въ коихъ упоминалось бы имя сей обители, или читались бы подписи игуменовъ ея. Но теперь, пока я не обозрѣлъ всего Аѳона, мнѣ извѣстны только двѣ письменныя *Памяти*, доказывающія существованіе оной обители ранѣе построенія ея Діонисіемъ въ 1375 году съ помощію Трапезунтскаго царя Алексѣя III: это—роспись аѳонскихъ монастырей 1283—5 года, составленная при царѣ Андроникѣ старшемъ и помѣщенная въ Аѳонопротатскомъ *Трагосѣ*, и хрисовулъ царя Іоанна Палеолога 1366 года. Въ той росписи стоитъ монастырь Діонисія наравнѣ съ Лаврою, Ватопедомъ, Ивиромъ и прочими главными монастырями Аѳонскими. А въ этомъ хрисовулѣ, который выданъ былъ мнѣ изъ Діонисіатскаго архива, сказано, что Аѳонская обитель, чествуемая во имя пророка предтечи и крестителя Іоанна и прозываемая ΝΕΑ ΠΕΤΡΑ—*новый камень*, имѣла на островѣ Лимносѣ метохъ съ землею, виноградникомъ и мельницею, кои были пожертвованы ей стратопедархомъ Астри и господиномъ Михаиломъ Іераки. Опираясь на эти двѣ памяти, я утверждаю, что Діонисіатъ существовалъ ранѣе 1283 года, и что былъ иной основатель его Діонисій, жившій далеко прежде Діонисія, современнаго Трапезунтскому царю (1375 г.).

Въ теченіи осьми лѣтъ, протекшихъ между 1367-мъ и 1375 годами, монастырь, о которомъ идетъ рѣчь, запустѣлъ такъ, что и дорога къ нему заросла. Знать: опустошили его морскіе разбойники, а монаховъ всѣхъ до одного увезли съ собою и продали въ разныхъ мѣстахъ, какъ это случилось и при второмъ Діонисіи, когда онъ изъ Трапезунта возвращался на Аѳонъ. Опасность отъ этихъ разбойниковъ была такъ велика, что даже этотъ Діонисій, пришлецъ съ чужбины, сперва одинъ одинехонекъ поселился

вдали отъ опустѣвшаго Новаго Каменца, подъ челомъ малаго Аѳона, въ пещерѣ среди чащи лѣсной, потомъ около него тамъ же водворились другіе.

Замѣчателенъ этотъ святогорецъ. Разсказываю вкратцѣ о возсозданіи имъ Новокаменецкой обители Предтечи, имѣя подъ руками рукописное житіе его, на Еллинскомъ языкѣ, сообщенное мнѣ Діонисіатцами. Но предварительно говорю нѣсколько словъ о самомъ Житіи этомъ.

Оно написано Митрофаномъ монахомъ и пресвитеромъ для чтенія въ церкви и въ братской трапезѣ, и написано спустя очень много лѣтъ по смерти Діонисія. Это доказываютъ слѣдующія слова его: *что только мы нашли въ древней записи, составленной безъискуственно, все то изложили тщательно.*“ *) Ежели эта запись составлена была вскорѣ, по смерти Діонисія, постигшей его, по вычисленію моему, въ 1387 году, то *древнею* она стала по крайнѣй мѣрѣ лѣтъ черезъ 120. Слѣдовательно Митрофанъ обработалъ ее въ 1508 году. Сей трудъ его нельзя отнести къ болѣе позднему времени, потому что Діонисіатская обитель, *вся* съ верху до низу, начала обновляться съ 1520 года, какъ это доказываютъ тамошніе надписи. А о такомъ обновленіи ея у Митрофана въ житіи Діонисія нѣтъ ни слова.

Этотъ монахъ и пресвитеръ былъ изрядный Еллинистъ. Перо у него—художное. Онъ читывалъ Омира, и потому въ Житіи упомянулъ его имя. Лѣтосчислительныхъ показаній у него мало, а топографія—неопредѣленна. О построеніи Діонисіатскаго монастыря онъ говорилъ неподробно, мимоходомъ, потому что главная задача его сочиненія была восхваленіе духовныхъ подвиговъ преподобнаго Діонисія, и передача его душеспасительныхъ поученій. Посему историкъ Аѳона долженъ пользоваться составленнымъ имъ житіемъ съ большою осторожностію и разсудительностію, такъ какъ оно есть сочиненіе болѣе риторическое, нежели историческое.

---

*) Ὅσαπερ ἐν ὑπομνήματι ἀρχαίῳ ἀφελῶς ἐγκείμενα εὑρηκότες, ταῦτα εἰπεῖν ἐπιμελεςέρως ἐκφράζοντες προήχθημεν.

Излагаю это житіе вкратцѣ, установивъ для него свое лѣтосчисленіе на основаніи указаннаго въ немъ 1375 года, и снабдивъ его своими примѣчаніями.

Годъ 1316-й.—Преподобный Діонисій, котораго мірское имя неизвѣстно, произошелъ на свѣтъ въ городкѣ Корисосѣ, что близь Касторіи, отъ незнатныхъ, но благочестивыхъ родителей.*) У него былъ старшій братъ Ѳеодосій, впослѣдствіи митрополитъ Трапезунтскій. (1375—1380 г.)

Годы 1346—1367.—Когда этотъ Ѳеодосій настоятельствовалъ въ Аѳонофилоѳеевскомъ монастырѣ, тогда пришелъ къ нему и Діонисій, и тутъ подвизался лѣтъ двадцать, въ санѣ діакона и пресвитера.

Годы 1368—1370. Потомъ родилось и созрѣло въ немъ желаніе безмолвствовать наединѣ, заниматься умною молитвою и бесѣдовать съ однимъ Богомъ; и онъ тайно ушелъ изъ Филоѳеевской обители, и поселился въ одной пещерѣ близь верха малаго Аѳона, гдѣ и прожилъ *три года одинъ одинехонекъ* **). Ἀνελθὼν πρός τινα τοῦ ὄρους ὑψηλότατον λόφον, ὃν Ἄθω μικρόν, ἢ Αντιάθω ὀνομάζουσιν ἅπαντες, καὶ πρὸς τὸ νότιον αὐτοῦ μέρος σμικρὸν εὑρηκὼς σπήλαιον, ἐν αὐτῷ εἰσελθὼν κατοικεῖ... ἐνταῦθα τριετῆ διαβιοὺς χρόνον, καὶ εἰς ἄκραν ἐλάσας ἀπάθειαν, οὐκ ἠδυνήθη εἰς τέλος λαθεῖν...

Годы 1371—1375. Тамъ нашелъ его нѣкій благочестивый безмолвникъ святогорскій и остался при немъ; потомъ *вскорѣ* явился другой безмолвникъ; и оба они построили себѣ каливы близь пещеры Діонисія; по слѣдамъ ихъ пришли еще 16 отшельниковъ, и по благословенію его, высоко у малаго Аѳона, построили себѣ избушки, οἰκίσκους, и молитвенный домъ во имя бо-

---

*) Городъ Касторіа, въ которомъ есть митрополичья каѳедра, находится въ Македоніи, не очень далеко отъ Охридскаго озера. Μελετίου γεωγραφία. Τομ. Β'. Ἐν Βενετίᾳ. 1807 σελ. 470.

**) Стало быть: Новокаменецкая обитель тутъ была пуста. Полагаю, что ее разграбили морскіе разбойники и монаховъ продали, какъ они же поймали у Аѳона брата

жественнаго Предтечи и Крестителя *). Такимъ образомъ учредился тутъ маленькій скитъ. Но такъ какъ въ этомъ мѣстѣ было очень холодно, то скитники спустились съ горы ниже и западнѣе, и отыскавъ равнинное мѣсто и родникъ сладкой воды, поставили тутъ *другія* каливы, насадили виноградъ, и построили *другой* храмъ, но *опять во имя Предтечи* **). Имъ понадобилось небольшое мореходное судно для подвоза себѣ съѣстныхъ припасовъ. Явилось и оно, и сберегалось подлѣ небольшаго дома, который они выстроили себѣ у моря подъ огромнымъ сосновымъ деревомъ, называемомъ Πίτυς ***). Въ этомъ домѣ Діонисій часто ночевалъ, и вмѣстѣ съ братіею своею въ полночь молился подъ открытымъ нёбомъ по неимѣнію церкви. Однажды онъ, какъ бы по нѣкоему повелѣнію, оборотился на ту *западную* сторону, гдѣ имѣлъ быть поставленъ монастырь; и, о, неизлаголанныхъ и премудрыхъ, Христе, таинствъ твоихъ! *нѣкая божественная сила, какъ горящая лампада, была усмотрѣна имъ тамъ, гдѣ имѣлъ быть священный и божественный жертвенникъ,* и усмотрѣна не мгновенно, а продолжительно во всю ночь. И это было не однажды, а многократно. Діонисій сначала никому не говорилъ о семъ видѣніи, думая, что оно, быть можетъ, есть наважденіе демонское, но потомъ повѣдалъ оное давнему другу своему прозорливому и духоносному Дометію, который настоятельствовалъ въ ближней Вулевтирійской обители пречистой Богородицы ****). Дометій пошелъ къ Діонисію; и оба они въ продолженіи трехъ ночей видѣли *оное диво,* τεράστιον, т. е. свѣтъ подобный свѣту горящей лампады, и уже не сомнѣваясь въ истинности чуда божія, пригласили и братію видѣть оное. Братія видѣла тоже, что

*) Εὐκτήριον ἀνήγειραν οἶκον, ὃς δὴ μέχρι τῆς δὲ ὁ παλαιὸς ὀνομάζεται Πρόδρομος. Выраженія, μέχρι τῆς δὲ, παλαιός—Πρόδρομος, доказываютъ, что это житіе написано было спустя очень долгое время послѣ кончины преподобнаго Діонисія.

**) ναὸν ἕτερον πάλιν τῷ θείῳ Προδρόμῳ ἀναγείρουσι.—Замѣчательна эта любовь ихъ къ Предтечѣ. По мнѣ, за нею кроется ихъ намѣреніе возобновить старый монастырь Предтеченскій на ближнемъ къ нимъ *Новомъ-Камнѣ.*

***) Объ этомъ деревѣ я говорилъ выше.

****) Эта обитель тогда находилась немного ниже нынѣшняго Лаврскаго Скита

и они, но пожелала освидѣтельствовать мѣстность видѣннаго явленія, дабы знать: чудесное оно, или тутъ горѣли зажженные кѣмъ нибудь угли. А мѣсто это было высокое и весьма утесистое, но не дальше паденія брошеннаго камня *). При освидѣтельствованіи его не нашлось никакое сгораемое вещество. Тогда всѣ убѣдились въ проявленіи тутъ силы божіей: а Дометій пророчески сказалъ Діонисію: почто стоишь недоумѣвая? Богу угодно, чтобы на томъ мѣстѣ, которое ты зришь, было священное убѣжище монаховъ. Ибо многіе здѣсь угодятъ ему. Ты же не медли, и положи начало дѣла: а объ издержкахъ не заботься. Все устроитъ Богъ, которому угодно одно доброе намѣреніе. Да и во мнѣ найдешь ты сотрудника по силамъ моимъ. Діонисій выслушалъ это, какъ изъ устъ Божіихъ, и запросилъ объ этомъ братію. Братія изъявили полное согласіе, и послѣ молитвы тотчасъ начали *очищать мѣсто* и усердно рубить, что̀ тутъ было **). Послѣ сего они посовѣтовались и рѣшили построить сначала охранную башню, дабы укрываться въ ней отъ морскихъ разбойниковъ, и *въ короткое время собравши матеріалъ* ***), соорудили ее, вышиною въ десять *оргій*, шириною же въ три, а деньги получали отъ приходящихъ къ Діонисію на духъ достаточныхъ монаховъ и мірянъ. Между тѣмъ братъ его Ѳеодосій, попавшій въ руки пиратовъ въ часъ ловли рыбы у берега Аѳонофилоѳеиской обители, проданный въ городѣ Бруссѣ, и выкупленный тутъ христіанами, посвященъ былъ въ Константинополѣ въ санъ митрополита и отправился въ свой каѳедральный городъ Трапезунтъ, гдѣ царствовалъ Алексѣй Комнинъ III. Узналъ это Діонисій, поѣхалъ къ нему, и съ помощію его выпросилъ у этого

---

*) Ἦν ὁ χῶρος ἠλίβατος ἄγαν καὶ τραχὺς ὅτι μάλιςα· τὸ δὲ διάςημα.. ὡσεὶ λίθου ὑπῆρχε βολή.

**) ἤρξαντο εὐθὺς ἐκκαθαίρειν τὸν τόπον, τὴν ὕλην ἐπιμελέςερον κατατέμνοντες...

***) Ἐν ὀλίγῳ τῆς ὕλης συναχθείσης οἰκοδομεῖται τὸ φρουρίον. Итакъ они матеріалъ, т. е. камень, не покупали, не ломали гдѣ либо, а собрали готовый. (Συναγω— amasser,

царя деньги *) и ктиторскій Хрисовулъ. Это было въ 1375 году. Въ Хрисовулѣ же этомъ, который вѣрно перевелъ Барскій, между прочимъ прописано было:

„Святый сей отецъ (Діонисій) воздвиже хранилище (башню) на горѣ во истину святой и Богособесѣдованной, низу малаго Аѳона, въ потоцѣ же тамо нарицаемомъ *Аеропотамо*, идѣже близу и *Вулевтирія* мѣсто именуется. Намѣреніе же бяше сему старцу и обитель на мѣстѣ семъ воздвигнути во имя честнаго и всехвальнаго предтечи и крестителя Іоанна, и окрестъ стѣну *утвердити*, и келліи въ пребываніе при немъ подвизающимся чинно устроити. Но хранилище убо совершивъ, обитель же еще не начавъ, здѣ по случаю пріиде, повѣствуя о ней, и царство мое поощряя. Царство убо мое видя мужа сего честность, сладость, простоту, нелюбопытство, паче же всего преизлишествующую кротость, воспріятъ его, и возлюби зѣло, и цѣлова, и яко отъ Бога посланна угости, и отъ него реченная аки нѣкую росу душеполезную внутрь себе сохрани; желаніе бо божественное и любовь и ревность Богоугодную внесе въ душу мою, и весьма къ дѣлу подвиже. Чесо ради и повелѣваетъ тишайшая держава царства моего симъ ея Златопечатнымъ Словомъ, и воспріемлетъ на себя все созиданіе предреченной предтечевой обители, и обѣщаетъ и подтверждаетъ, да воздвигнетъ и совершитъ храмъ отъ своихъ иждивеній, да оградитъ окрестъ стѣною, *елико мощно*, и келліи монахамъ да сочинитъ подобающія, и преходящую отвнѣ воду да приведетъ внутрь, и обитель цѣлую да сотворитъ, да имать свое въ ней поминаніе и Возношеніе присно пребывающее. Заповѣдаетъ убо и увѣщаваетъ царство мое сему начальнику Кир Діонисію, и иже съ нимъ всѣмъ іеромонахомъ же и монахомъ, да убо праотцы его и по крови сродницы при-

---

*) Царь пожаловалъ ему на постройку монастыря изъ ста обѣщанныхъ *Сомій* (σώμια) только 50. Ежели каждая Сомія, су́мà, мошнà, заключала въ себѣ 500 рублей,

снопамятныхъ оныхъ царей и ироевъ, си есть великихъ *Комниновъ*, простятъ и ублажаютъ непрестаннымъ гласомъ, о царствѣ же моемъ, и Высочайшихъ Владычицахъ и о честной его матери, и о супружницѣ моей, и о чадахъ нашихъ и о всѣхъ, иже отъ чрева нашего послѣди имутъ произыти, и о всей державѣ нашей да молятся, и на вечернихъ славословіяхъ и на утреннихъ молитвахъ, и въ повсядневныхъ моленіяхъ, и въ самыхъ страшныхъ и безкровныхъ литургіяхъ, да прощеніе и упокоеніе получимъ, и спасенными вчинимся, и въ книзѣ живота да написаны будемъ. Еще же и приходящіе тамо и путешествіе творящіе христіане, и тіи да простятъ насъ, и да воздадутъ намъ блаженство, и аки ктитора вси да прославятъ, и Великаго Комнина обитель да именуютъ. По вышеписанному убо согласію опредѣлися сему честнѣйшему старцу Киръ-Діонисію, да даются отъ царства моего *Сомій* сто, отъ нихъ же вскорѣ дадошася въ руцѣ его пятьдесятъ, прочіи же да воздадутся ему *по тріехъ лѣтѣхъ*: си есть оными самыми пятьюдесятми онъ да созидаетъ и совершаетъ обитель всецѣло, якоже явися, и сице да будетъ царства моего обитель сія, и память ея въ ней всегда неразрушенная и непрестанная; по совершеніи же обители и по воспріятіи опредѣленнаго количества по тріехъ лѣтѣхъ, якоже речеся, оттогда повелѣваетъ царство мое *и за аделфатъ* *) свой давати въ ню по всякъ годъ денегъ Богомъ хранимой печати своей нарицаемыхъ *Комнинатовъ* тысящу, яже долженствуетъ священнѣйшій Киръ-Діонисій, и по немъ начальницы обители сея, посылать и пріимать на всякъ годъ отъ Богомъ соблюдаемой *Вестиаріи* **) царства моего цѣлы же и ни мало лишенны. (Далѣе заповѣдуетъ и дѣтямъ своимъ дѣлать тоже самое). Аще же по случаю нѣцыи Трапезунтскіе пріидутъ къ обители мимоходяще путемъ, аще убо ради зрѣнія, или

*) Аделфатъ-побратимство. Царь сталъ братчикомъ монастыря.

**) Вестіарія-казначейство.

исторіи (описанія), или поклоненія мѣста и обители и Горы, долженствуютъ монахи съ любовію ихъ пріимати и почитати и угощати, елико мощно; еще же ради отверженія міра и ревности подвига и любви отшельничества, аки причтенныхъ братіи объимати и внутрь воспріимати, аще восхощутъ правильно и уставъ и послушаніе и общежитіе хранити приходящіе. На сіе бо и сіе златопечатное СЛОВО царства моего отпущено есть въ вѣчное явленіе, въ которомъ и наша благочестивая и Богомъ произведенная Держава обычная обычно подписа въ настоящемъ Септемвріи мѣсяцѣ, индиктіона 13, въ лѣто міра 6883—1375.

Алексѣй во Христѣ Богѣ вѣрный царь и самодержецъ всего Востока, Грузиновъ и Ператіи Великій Комнинъ.

Съ этимъ хрисовуломъ и съ деньгами Діонисій отправился изъ Трапезунта; но на морскомъ пути въ Еллиспонтѣ (Дарданельскомъ проливѣ) на судно его напали разбойники; однако явился тутъ Іоаннъ предтеча съ жезломъ и устрашилъ ихъ такъ, что и руки у нихъ оцепенѣли. Преподобный же возвратился во свояси и началъ строить монастырь.

Годы 1375—1380. Пять лѣтъ продолжалась эта постройка. Поставлены были храмъ во имя Предтечи, ограда съ кельями, братская трапеза и водопроводъ; *) но нѣчто было и не докончено и даже не начато, напр: расписаніе храма, и кое-что другое, потому что издержаны были всѣ царскіе деньги. Посему Діонисій опять отплылъ въ Трапезунтъ, и тамъ получилъ отъ царя все, чего просилъ, но возвратившись на Аѳонъ, не нашелъ въ своей обители ни одного монаха: всѣхъ ихъ захватили и продали морскіе разбойники. Однако эти плѣнники были выкуплены деньгами, пожалованными въ Трапезунтѣ во второй разъ. За вы-

*).. Τόν τε σεπτὸν ἀνεγείρει ναὸν τῷ Προδρόμῳ, καὶ τὸ περιτείχισμα μετὰ τῶν κελλίων καὶ τῆς τραπέζης πολυτελῶς ἀνοικοδομεῖ· πρὸς δὲ καὶ ὕδωρ πολύ τε καὶ εὔχρηστον δι' ὑδραγωγοῦ μήκοθεν καταφέρει... Предъ симъ немного выше упомянуто о приготовленіи матеріаловъ, какъ то: камней, извести, песку и деревъ, а о четырехъ мраморныхъ столбахъ храма— ни слова. Явно, что они были готовы прежде.

купомъ ихъ монастырь оставался недостроеннымъ. Тогда Діонисій, по совѣту друга его Дометія, въ третій разъ отправился въ Трапезунтъ, но тамъ скончался, будучи за семьдесятъ лѣтъ: ἐτῶν ὑπάρχων ὑπὲρ τὰ ἑβδομήκοντα.—Преемникомъ его былъ оный Дометій. Но о дѣятельности его касательно дальнѣйшаго устройства Діонисіевой обители ничего не сказано въ Житіи, которое мы изложили.

Читая это Житіе въ еллинскомъ подлинникѣ *безъ критики*, сознаешь и непщуешь (мнишь), что до Діонисія не было никакого монастыря на Новомъ Камнѣ въ устьѣ Аеропотамскаго потока, и что этотъ святогорецъ съ основаній построилъ его вновь. Но, перечитавъ его *критически*, т. е. разсудительно, съ разборомъ содержащихся въ немъ подробностей, со взвѣшеніемъ нѣкоторыхъ выраженій его, и съ повѣркою его другими мѣстными же извѣстіями о Діонисіатѣ, перемѣняешь свое первое непщеваніе (мнѣніе,) или лучше, видоизмѣняешь его и утверждаешь, что преподобный Діонисій только возобновилъ, расширилъ и укрѣпилъ *готовый* монастырь древній, но запустѣвшій и непрочно устроенный. Судите сами. Онъ поселяется въ пещерѣ подъ челомъ малаго Аѳона, и съ немногими, очень немногими (16-ю) учениками своими *дважды* строитъ *два* храмика во имя Предтечи на двухъ тамошнихъ мѣстахъ, даже весьма близкихъ одно къ другому, а у приморской избы своей, подъ сѣнію громаднаго дерева, пощаженнаго давнимъ временемъ и благоговѣніемъ людскимъ, въ полночь молится, стоя лицемъ къ востоку, но во время молитвы чувствуетъ въ себѣ сильное побужденіе оборачиваться на западъ и пристально смотрѣть какъ разъ на Новый Каменецъ, и видѣть тамъ знаменіе божіе въ образѣ горящей лампады. Явно, что онъ питалъ въ себѣ особенную любовь къ Іоанну Предтечѣ, и что въ немъ, какъ лампада, горѣло пламенное желаніе воздвигнуть укрѣпленный монастырь на ономъ Каменцѣ, подобный сосѣдней обители Павла, поставленной на Каменцѣ же. Не было у него денегъ для осуществленія сего желанія. Они нашлись. И что же? На пожалованные ему *Соміи* онъ соорудилъ только камен-

ный храмъ Предтечи, трапезу, ограду, прислоненныя къ ней кельи и водопроводъ, да и тѣ не докончилъ. А четыре мраморныя толстыя и высокія колонны въ этомъ храмѣ? А пять этажей прилѣпленныхъ къ каменцу съ устоями и сводами? Вѣдь о нихъ и о колоннахъ этихъ ни слова въ Житіи! Что же бы это значило? Какъ бы, кажется, не упомянуть о нихъ для вящей славы Діонисія, если бы онъ ставилъ ихъ? А неупомянуты! Значитъ: онъ нашелъ ихъ на мѣстѣ. Значитъ: они задолго до него существовали тутъ. Значитъ: всѣ постройки были поставлены имъ *только на ровной поверхности* Каменца. Это явно для меня. А архивная справка о существованіи Діонисіевой обители во дни царя Андроника Старшаго (1283—1328 г.) и объ имѣніяхъ ея на островѣ Лимносѣ, подтвержденныхъ хрисовуломъ Іоанна Палеолога въ 1366 году, эта справка, какъ яркая лампада, освѣщаетъ *новый камень* такъ, что видишь на немъ древнѣйшую обитель ранѣе возобновленія ея вторымъ Діонисіемъ.

О Критика! Ты—вѣрная подруга моему разуму! Не разстанусь я съ тобою, пока хожу по Аѳону, какъ громовержецъ, ὡς βροντάς.

Дальнѣйшая судьба Новокаменецкой обители будетъ оповѣщена мною въ особой исторіи всѣхъ Аѳонскихъ монастырей. А здѣсь я признаю не излишнимъ повторить, что въ названной обители башня и храмъ Предтечи вновь съ *основаній* построены были, первая въ 1520 году иждивеніемъ Валахскаго воеводы Неанга, а вторый въ 1646 году щедротами Молдовлахійскаго господаря Петра Воеводы. Не прочны же были спѣшныя постройки преподобнаго Діонисія Втораго, тогда какъ нижнеярусныя сооруженія при капищѣ Посидоновомъ понынѣ стоятъ цѣлы и невредимы.

Понравился мнѣ Діонисіатъ. Тутъ старый игуменъ Стефанъ и преемникъ его Евлогій, смуглый, но благообразный, были весь-

нымъ просьбамъ. А въ церкви я любилъ слушать мастерское пѣніе отца Максима по нотамъ греческимъ. Это—новый Кукузель аѳонскій. Родомъ онъ Болгаринъ. Голосъ у него—баритонъ. Надлежало бы писать, *варитонъ*, сообразно съ греческимъ словомъ ΒΑΡΥΣ. *тяготѣющій къ низу, низкій, басистый.*

Во всѣ дни пребыванія моего въ Діонисіатѣ была такая тишина, такое безмолвіе, что я не слыхалъ ни говора монаховъ, ни шопота ихъ, ни шелеста шаговъ ихъ. Поживешь среди такихъ безмолвниковъ: непремѣнно задумаешься. Въ этотъ разъ я думалъ о монашествѣ и думалъ безстрастно и безпристрастно.—Живуче—монашество. Республика Платона не осуществилась и замерла въ его книгѣ. А монашество по правиламъ св. Василія Великаго живетъ да живетъ, и жить будетъ, пока свѣтитъ солнце. Гдѣ же причина такой долговременной и неизмѣняемой живучести его? Она кроется въ глуби нашей души, скорбящей о грѣхахъ, сознающей временность своего пребыванія на землѣ, чающей жизни будущаго вѣка и порывающейся къ самоусовершенствованію.

Послѣ выраженія этихъ думъ не забываю записать здѣсь, что 25 и 26 октября было очень холодно, а не забываю потому, что я исторіографъ погоды, хотя и не исправный: въ чемъ и каюсь предъ лицемъ природы и человѣческаго рода.

Но вѣдь не одна погода занимаетъ меня на Аѳонѣ. Здѣсь бесѣдуютъ со мною исписанные камни, живописные лики, старые книги, архивныя хартіи, и живые люди. Отъ сихъ, именно отъ отцовъ игуменовъ, Стефана и Евлогія, я слышалъ и узналъ вотъ что:—

— Въ Діонисіатѣ была часть главы Предтечи. Но во время войны Турціи съ Россіею, при императрицѣ Екатеринѣ II, старцы повезли ее на островъ Евстратія для молебствій, да и встрѣтились съ Турецкимъ военнымъ кораблемъ: а онъ остановилъ ихъ, осмотрѣлъ и взялъ Предтечеву главу, дабы она не досталась Русскимъ. Эта святыня передана въ Султанскую сокровищницу, и тутъ хранится по нынѣ. (1845.)

— Всѣхъ монаховъ въ общежительномъ Діонисіатѣ—248. Въ этомъ числѣ считаются и таксидіары, и управители метоховъ и мѣстные келіаши. А всѣхъ келлій внѣ этой обители 14-ть, именно: 4 въ сосѣдствѣ съ нею, а), св. апостоловъ, б), св. Іакова и Николая, в), св. Онуфрія и г), Панагіи: это развалина:—6-ть келлій на Кареѣ, и 4 съ церквицами въ нихъ на виноградникахъ.

— Діонисіатской обители принадлежатъ слѣдующія имѣнія: *На Аѳонѣ*: окрестный лѣсистый участокъ, и мѣстность древняго монастырька Моноксилитскаго съ разведенными на ней виноградниками, кои даютъ отличное красное вино. Мѣстность же эта находится на югозападной сторонѣ Аѳона, на склонѣ, такъ называемаго, большаго Зига̀, недалеко отъ первой *Мегаловиглійской* возвышенности сей горы.

На Аѳонскомъ перешейкѣ пахатная земля.

На Каламаріи она же, между пашнями аѳонскихъ монастырей, Есфигменова и Кастамонитскаго, и *на Планинѣ* у рѣчки Хӑбріасъ, что̀ между селами Гома́то и Ермилія.

На Кассандрскомъ полуостровѣ такъ же пашни.

На островахъ Ѳасосѣ, два масличные сада, и *Лимносѣ* пахатная земля.

Въ Валахіи, у рѣки Олты метохъ Хатара̀ни съ принадлежащими ему имѣніями. Этотъ метохъ, какъ видно изъ монастырскаго помянника, подаренъ былъ Діонисіату боярами, Ратомъ, Сербаномъ, Андріаномъ, Константиномъ, Маріею и Нѣгою; а ежегоднаго дохода, по увѣренію мѣстнаго монаха Хаджи Максима (изъ Молдавскихъ бояръ) даетъ 25,000 піастровъ, на наши деньги 1250 руб. сер.

— Когда сгорѣлъ сосѣдній монастырь Григоріатскій, (1761 г. 30 ноября), тогда Григоріатцы попросили лѣса у Діонисіатцовъ. Эти не давали его, а тѣ пожаловались на нихъ въ Константинополѣ знатнымъ покровителямъ своимъ, которые и понудили скупыхъ дать лѣсъ, сказавъ: мы даемъ деньги на возобновленіе Гри-

теріалѣ? Тогда Діонисіатцы позволили имъ рубить дерева въ своемъ лѣсу.

— По возобновленіи Григоріата возникла тяжба съ Діонисіатомъ о границахъ владѣній ихъ. Первый оттягалъ у втораго часть горы съ лѣсомъ. Это было во время святительства вселенскаго патріарха Григорія, котораго Турки повѣсили въ 1821 году. Когда сей патріархъ проживалъ на Аѳонѣ, тогда игуменъ Діонисіата Стефанъ (разскащикъ мнѣ сего дѣла) показалъ ему рѣшеніе аѳонскаго Протата касательно спорныхъ границъ, состоявшееся въ 7020—1512 году. Вселенскій владыка вмѣстѣ съ нимъ и съ другими старцами и съ Григоріатцами лично обозрѣлъ эти границы, прописанныя въ Протатскомъ рѣшеніи 7020 года, и признавъ, что его обманули Григоріатцы и Константинопольскіе покровители ихъ, далъ игумену Стефану свидѣтельсто о томъ, что онъ обманутъ былъ, и что правильныя границы описаны въ дѣлѣ 7020 года.

— Я видѣлъ и читалъ это свидѣтельство, данное въ 1818 году.

— Вскорѣ послѣ сего началось возстаніе Грековъ противъ Турковъ. По сему спорить и тягаться было не время. Послѣ 1830 года Григоріатцы уступили Діонисіату немного земли налѣво отъ горной кельи св. Онуфрія, въ которой я отдыхалъ, тамъ, гдѣ находятся старые виноградники, близь мѣста называемаго Филассоменонъ. Итакъ, сіе тяжебное дѣло по нынѣ нерѣшено. Искры спора таятся подъ пепломъ.

Но не я раздую ихъ, потому что ѣду въ Григоріатъ по другому дѣлу, дѣлу ученому.

XIII.

Мои занятія въ семъ монастырѣ.

Съ 3-го по 6-е Ноября.

Ноября 3 дня. Суббота. Было заполдень. Я сѣлъ въ лодку. Діонисіатцы ударили веслами по морю разъ, два, десять, сто, тысячу... и подвезли меня къ Григоріату. Здѣсь игуменъ Неофитъ поджидалъ меня, и помѣстилъ въ опрятномъ архондарикѣ.

Ударили къ вечернѣ. Я пошелъ въ церковь, и тутъ помолился, между прочимъ и о томъ, чтобы Григоріатцы показали мнѣ всю старину свою.

На другой день началось мое обозрѣніе и описаніе сего монастыря по принятому мною порядку.

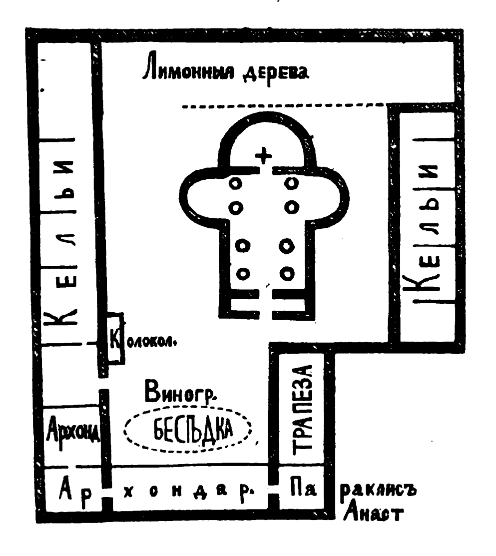
„Монастырь *Григоріатъ*, по словамъ Барскаго, въ честь святителя Христова Николая созданъ есть; проименовася же Григоріатъ отъ перваго своего ктитора святаго и преподобнаго отца Григорія, иже тамо сначала скиташеся. Стоитъ при водахъ текущихъ и при воздусѣ здравомъ и зѣло тепломъ въ зимѣ, идѣже никогда же касаются снѣзи, въ лѣтѣ же вѣтромъ морскимъ, южнымъ и западнымъ, зѣло здравымъ и сладкопріятнымъ прохлаждается. Основанъ есть на твердомъ и непоколебимомъ камени цѣломъ, иже протязается отъ горы, аки рогъ, или языкъ, въ самую глубину морскую, отъ ней же исходящи отъ воды высокъ есть, яко на пять, или шесть саженей и больше, окрестъ коего камени во время зимы съ великимъ и страшнымъ шумомъ разбивающіяся волны морскія пѣною своею и окропленіемъ своимъ досязаютъ даже до стѣнъ монастырскихъ. Монастырь сей обливается моремъ отъ востока, полудни и запада; точію отъ сѣвера имать приходъ по суху отъ горы. Довольно есть мѣсто съ лѣсомъ подъ властію монастырскою, яко на полтора часа прехожденіемъ въ долготу и толикожде отъ моря горѣ въ высоту, обаче есть каменистое, безводное же и неудобопроходимое. Сего ради отъ земли не частыми стужается гостьми ради трудныхъ путей, отъ моря же частыми ради благоотишнаго пристанища; ибо имать заливъ, или уступъ морскій широкъ, глубокъ и долгъ, яко на полстадіи, и благоотишенъ и пріятенъ не токмо малымъ кораблямъ, но и великимъ, идѣже отъ различныхъ непогодъ и противныхъ вѣтровъ убѣгающи, малые же и великіе странные корабли стужаютъ монастырю; или иноцы, по обычному и общему святогорскому страннолюбію, приплывшихъ къ нимъ угощаваютъ хлѣбомъ

и многи, донелѣже обрящутъ время благопріятно къ отплытію. Обаче и они, аще не суть убози, подаютъ милостыню въ монастырь; еще же, аще что потребно и угодно будетъ обители отъ купли ихъ, по благомъ случаѣ безтрудно покупаютъ. Тамо при арсеналѣ, идѣже востягаютъ корабли, суть келліи гостинны, и келліи ко упокоенію своимъ инокомъ труждающимся въ дѣлахъ морскихъ, и кладязь воды сладкой на брезѣ морскомъ. И предъ враты арсенала примѣтъ вѣчный, си есть нѣкій превеликій камень четвероуголенъ и высокъ аки столпъ, на четыре части предѣленъ, и мнится быти аки руками человѣческими единъ верху другаго положенъ, но естественно тамо обрѣтеся, или древними лѣты отъ горъ отваленъ, или мягкой земли окрестъ его омывшейся сице остася, якоже отъ преданія слышится, и вещь самая показуетъ, понеже въ разсѣлинѣ его израсте смоква великая сице, яко и человѣцы на ню возлазятъ собранія ради плодовъ, отъ нихъ же ядохъ и вещи необычной удивляхся. Аще бы было сіе рукъ человѣческихъ дѣло, не бы возросла смоква дикая въ сице твердомъ и сухомъ камени, наипаче же не бы стоялъ онъ близь вратъ арсенальскихъ и утѣснялъ мѣсто потребное. Но понеже руки человѣчестіи не могоша двигнути его тяжести ради, ниже разбити его ради его твердости, оставиша въ диковину и удивленіе зрящимъ. Предъ враты же монастырскими источникъ воды съ высоты горъ текущій издалече, таможде и мыльница отеческая, идѣже перутъ своя одежды; тутъ на другой странѣ и станя конская; созадиже сихъ, мало выше на сѣверъ, вертоградъ монастырскій съ различными питомными зеліями, съ маслинами же, смоквами, померанцами и прочіими садовыми древесами; тутъ и погребальница съ церковію лѣпою и преддверіемъ и съ двумя кипарисами."

Къ сему вѣрному описанію мѣстности Григоріата прибавляю немногое. Этотъ монастырь стоитъ на лѣвомъ утесистомъ краю юдоли, точнѣе, дебри, круто поднимающейся отъ моря къ вершинѣ хребта Аѳонской горы. Русло этой дебри все завалено камнями разной величины, которые когда то были увлечены текущимъ тутъ зимою потокомъ; а бока ея—круты, высоки и безо-

бразны. Вся дебрь весьма дика. Въ самомъ устьѣ ея у моря находится *Арсана* (у Барскаго *арсеналъ*); а напротивъ ея построенъ большой каменный сарай въ 1821 году, какъ это показываетъ надпись на одномъ углу его. Подлѣ этого сарая торчитъ тотъ диковинный камень, о которомъ говорилъ Барскій, ѣвшій выросшія на немъ смоквы.—Кладбищная церковь во имя всѣхъ Святыхъ, которую видѣлъ Барскій, съ основаній построена была и расписана двумя родными братьями Митрофаномъ и Нектаріемъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1739 года. (Надпись тутъ.)

Внутренность Григоріата, послѣ бывшаго въ немъ пожара въ 1761 году 30 ноября, вся перестроена такъ, что нимало не походитъ на ту обителъ, которую описалъ Барскій, назадъ тому сто лѣтъ. Посему я не помѣщаю здѣсь описанія его, и предлагаю свое, начертавъ здѣсь планъ возобновленной обители.



Она, какъ видите, имѣетъ видъ неполнаго четыресторонника. Сѣверная линія ея съ кельями, архондарикомъ и колокольнею длиннѣе келейной линіи южной, усѣченной и послѣ немалаго промежутка и уклоненія къ сѣверу вытянутой паралельно съ концомъ линіи сѣверной. Западная линія съ архондарикомъ и параклисомъ почти вдвое короче линіи восточной, на которой кел-

лій нѣтъ, а посажены лимонныя дерева. Всѣ кельи индѣ въ три этажа, индѣ въ два, и братская трапеза пристроены къ монастырской оградѣ весьма недавно послѣ пожара. Изъ нихъ южныя поставлены въ 1783 году, означенномъ на нихъ вверху снаружи, а сѣверозападныя—немного ранѣе 1776 года. Въ рядахъ келлій устроены четыре параклика: 1) св. Анастасіи римской (онъ одинъ уцѣлѣлъ отъ пожара) въ югозападномъ углу обители, 2) св. архангеловъ въ верхнемъ этажѣ сѣвернаго отдѣленія, 3) св. великомученика Димитрія и Живоноснаго Источника, одинъ надъ другимъ въ южномъ отдѣленіи, но въ углу его восточномъ. Среди небольшаго двора монастырскаго съ основаній воздвигнута новая церковь во имя св. Николая Чудотворца. За алтаремъ ея видна часть каменистаго утеса и на немъ старая стѣна монастыря, а за этимъ утесомъ насажены лимонныя дерева, и тянется новая восточная ограда. Самая церковь эта—невелика, но и не мала. Покрыта она каменными плитками, кои мы обыкновенно называемъ лещадникомъ. Внутренность ея раздѣлена на три части, кои суть паперть, литійный притворъ и литургійная средина съ алтаремъ и двумя полукруглыми хорами (клиросами), придающими церкви видъ архитектурнаго креста. Полы тутъ мраморные, но не мозаичные, а плитовые; стѣны покрыты незамѣчательною живописью въ 1776 году, какъ это видно изъ надписи въ паперти; въ литійномъ притворѣ высятся четыре бѣломраморныя колонны, и столько же ихъ—въ литургійной срединѣ. *) Супротивъ входа въ эту церковь устроена бесѣдка изъ виноградныхъ лозъ.

Весь монастырь Григоріатскій послѣ пожара съ основаній построенъ былъ скевофилакомъ (ризничимъ) его Іоакимомъ, монахомъ простымъ, но благочестивымъ и добродѣтельнымъ, (1761—1783 г.) на иждивеніе любившихъ его господарей Молдавіи и

---

*) А въ древней сгорѣвшей церкви, которую видѣлъ и описалъ Барскій въ 1744 году, мраморныхъ колоннъ не было, но—токмо четыре *зданные* столбы. Еще же имать церковь и главу, но безъ выи, сокровенную внутрь подъ покровомъ оловяннымъ.

Валахіи, Угровлахійскаго митрополита Григорія и благодѣтельныхъ Фанаріотовъ Константинопольскихъ. А любили его они за то, что онъ многихъ плѣнныхъ, и особенно Молдаванъ, выкупилъ у Турковъ на свой счетъ, и возвратилъ ихъ на родины. (Извлечено изъ мѣстнаго архива).

Въ Никольской соборной церкви я лобызалъ св. мощи: 1) обѣ ноги до колѣнъ св. мученицы Анастасіи Римской, 2) чело отъ главы св. великомученика Пантелеимона, 3) ребра съ кожею св. священномученика Харалампія, 4) главу св. мученика Кирика въ серебряномъ ковчегѣ, 5) главу св. Діонисія Ареопагита, 6) главу отца св. Григорія Богослова. 7) главу св. мученицы Фотиніи Самарянныни, и 8) иныхъ святыхъ частицы.

Въ этой же церкви чествуется старинная икона пресвятой Богородицы. Длиною она въ 10 вершковъ, а шириною въ 7-мь. Написана на доскѣ. Богоматерь красками изображена на ней, какъ Всецарица—Παντάνασσα, съ тремя звѣздами на челѣ и раменахъ, и съ золотистоузорчатыми поручами. Черты лица ея тонки, но само оно не очень благообразно. Она строго смотритъ въ лѣвую сторону. Носъ у ней—тонкій, прямый, продолговатый: уста малы; верхняя губа съ глубокимъ раздвоеніемъ велика и некрасива; персты длинны, но закрыты серебряными накладками какъ бы перчатками: что непріятно. Три звѣзды на Омофоріонѣ ея напоминаютъ намъ, что *она есть звѣзда незаходимая, вводящая въ міръ великое солнце* *), что этому солнцу *кланятися звѣздою учахуся звѣздамъ служащіи* волхвы, и что сама Она есть *Приснодѣва чистѣйшая свѣтлостей солнечныхъ*. А узорчатыя поручи служатъ знакомъ царственнаго рода ея. Лѣвою рукою она поддерживаетъ божественнаго младенца своего. А онъ—уже трехлѣтній. Чело его, не естественно великое и высокое, не краситъ личика его, которое съ другимъ челомъ было бы миловидно. Сходства у него съ матерію нѣтъ. Рукава у бѣлой срачицы

*) Смотр. Канонъ Богоматери съ акаѳистомъ. Пѣснь 9. Тропарь 2.—

Его широки. Она стянута широкимъ поясомъ. На ней у шеи Младенца, во всю ширь груди его, наложена широковатая полоса съ вышитыми двумя розетками, кои соединены вѣткою: знакъ царственности. Божественный Младенецъ изображенъ, какъ Вседержитель, и потому въ лѣвой рукѣ держитъ свернутый свитокъ судебъ міра, а правою, протянутою впередъ прямолинейно, *не благословляетъ, а повелѣваетъ:* что выражено и перстосложеніемъ Вседержителевымъ, царственнымъ, въ которомъ два перста, указательный и средній протянуты прямо, а большой, безъименный и мизинецъ соединены и поджаты. Подъ ножками его и подъ лѣвою рукою Богоматери видится надпись: † ΔΕΗΣΙΣ ΤΗΣ ΕΥΣΕΒΕΣΤΑΤΗΣ ΚΥΡΑ ΜΑΡΙΑΣ ΑΣΑΝΗΝΑΣ ΠΑΛΕΟΛΟΓΙΝΑΣ ΚΥΡΑ ΤΗΣ ΜΟΛΔΟΒΛΑΧΙΑΣ: *Моленіе благочестивѣйшей госпожи Маріи Асанины Палеологовны госпожи Молдовлахіи.* Первое слово въ этой надписи, *моленіе*, доказываетъ, что сія Марія изготовила и пожертвовала Богородичную икону въ Григоріатскій монастырь, яко ктиторша его. Это—мать Молдавскаго воеводы Богдана, который господарствовалъ съ 1503 года по 1517. Она скончалась въ 1511 году и погребена въ монастырѣ, называемомъ Путна, подлѣ супруга ея господаря Стефана Великаго *). Икона же прислана была ею въ Григоріатъ тогда, когда Молдавскій господарь Александръ въ 1497 году возобновилъ сію обитель. **)

Въ ризницѣ Григоріатской хранится писанный на пергаминѣ Новый Завѣтъ греческій весь сполна, 6620—1112 года in 8° minori, Я видѣлъ эту рукопись. Почеркъ ея очень хорошъ. Но не было у меня лишняго времени для разсмотрѣнія ея. Жаль. А рукопись эта достойна вниманія, потому что она *церковная*, а не книгопродавческая, да и съ годомъ. *Церковныя* же греческія рукописи, содержащія Новый Завѣтъ, по мнѣнію блаженнаго

---

*) Ἱστορία τῆς πάλαι Δακίας παρὰ Φωτεινοῦ. Τομ. Γ. σελ. 64 Ἐν Βιέννῃ. 1819.—

**) Προσκυνητάριον τοῦ Ἄθωνος παρὰ Ιω. Κομνηνοῦ. 1701 ἔτους.

Августина, суть самыя лучшія: Libros novi testamenti, si quid in latinis varietatibus titubat, graecis cedere oportere non dubium est et maxime qui apud ecclesias doctiores et diligentiores reperiuntur. Augustin. de doctrina christiana.

Библіотека монастырская, въ которой Барскій въ 1725 году видѣлъ книги Болгарскія, почти пуста. Однако въ ней я нашелъ три замѣчательныя рукописи. Передаю содержаніе ихъ.

1) Книга, данная для сбора Аѳонскія горы монастыря иже во святыхъ отца нашего Николая Мирлыкійскаго великаго чудотворца всечестному архимандриту Ныкитѣ, и съ нимъ Іеродіакону Герасиму, въ записаные всѣхъ доброхотныхъ дателей вѣчнаго ради поминанія; во увѣреніе чего за подписаніемъ начальствующихъ, шнуромъ, и монастырской печати приложеніемъ, 1805 года сентября 20 числа.

† Ὁ σκευοφύλαξ τῆς ἱερᾶς σεβασμίας βασιλικῆς καὶ πατριαρχικῆς μονῆς τοῦ Γρηγορίου γέρων Ἰωακεὶμ καὶ οἱ σὺν ἐμοὶ ἐν χριςῷ ἐνασχούμενοι ἀδελφοὶ καὶ πατέρες.

Эту сборную книгу далъ архимандриту Никитѣ (малороссу) тотъ же старецъ Іоакимъ, который обновилъ сгорѣвшій Григоріатъ. А архимандритъ сей собиралъ подаянія въ Россіи, и особенно во флотѣ и въ арміи. Пожертвовали—

Родъ графа Моценѣга 200 рублей, фрегатъ Крѣпкій 10 р., фрегатъ Назаретъ 18 р., корабль Селаѳеилъ 10 р., Адмиралъ Синявинъ 7 руб.

Были подаянія отъ солдатскихъ артелей, капральствъ и ротъ пѣхотныхъ и артиллерійскихъ. Упомянуты полки: Витебскій, Сибирскій, тринадцатый Егерскій, Каливанскій, Козловскій и Курянскій—мушкетерскій.

Въ концѣ книги приписано:—1806 года мая 10 дня. По сей книгѣ прислано чрезъ отца іеродіакона Герасима денегъ

Итакъ наши корабли и полки содѣйствовали обновленію погорѣвшей обители Григоріатской. Что касается до вѣчнаго поминовенія нашихъ благочестивыхъ воиновъ и всѣхъ ихъ сродниковъ; то едва ли кто въ Григоріатѣ, по незнанію русскаго языка, поминалъ ихъ въ часы божественной службы. Оная книга найдена была мною не въ церкви, а въ книгохранилищѣ монастырскомъ. Я просилъ игумена Неофита записать въ *греческомъ* помянникѣ нашихъ православныхъ воиновъ. Онъ обѣщался исполнить мою просьбу. Но исполнилъ ли?.... О Господи! Самъ помяни, ихъ же мы не помянухомъ.

Вторая рукопись на бумагѣ содержитъ краткое описаніе монастырей Аѳонскихъ и ихъ мѣстностей, составленное игуменомъ Есфигменовой обители Ѳеодоритомъ, урожденцомъ города Іоаннины (1805—1817 г.). Онъ, при составленіи этого описанія, пользовался архивными хартіями; и потому оно служитъ самымъ драгоцѣннымъ матеріаломъ для исторіи Аѳона. Это вѣрный и отчетливый Периплъ. Читая его постепенно подвигаешься вдоль сѣвернаго берега св. горы, отъ перешейка ея до Лавры, и отсюда вдоль южной стороны отъ мыса Предтечи до Павловской обители, и узнаешь: какіе тутъ были монастыри и скиты, большіе и малые, и кто ихъ построилъ и когда. Жаль, что этотъ периплъ не конченъ: въ немъ нѣтъ описанія южныхъ обителей аѳонскихъ, начиная отъ Павловской до Хиландарской. Причина недоконченности его неизвѣстна мнѣ. Дорожу этою находкою. Цѣны ей нѣтъ! Весь периплъ Ѳеодоритовъ переписанъ мною точно.

Третья рукопись на бумагѣ есть схоластическое разсужденіе Аѳонскаго дидаскала Виссаріона о правильности поминовенія усопшихъ въ воскресные дни. Онъ написалъ это разсужденіе по случаю жаркихъ споровъ на Аѳонѣ о предпочтеніи субботняго поминовенія усопшихъ воскресному, происходившихъ тамъ съ 1770 года по 1809-й. Чтенію сего разсужденія я посвятилъ нѣсколько часовъ, но не переписалъ его, потому что оно—объ-

емисто, и даже выписокъ изъ него не сдѣлалъ по недостатку досужаго у меня времени: но за то впослѣдствіи постарался собрать точныя свѣдѣнія, рукописныя и печатныя, объ ономъ спорѣ, о которомъ едва ли кто у насъ слыхалъ, и который однако волновалъ весь Аѳонъ, всѣхъ приходившихъ туда богомольцовъ, и даже великую церковь Константинопольскую, сирѣчь тамошняго патріарха и священный Сѵнодъ его. Всѣ эти свѣдѣнія будутъ помѣщены мною въ особомъ отдѣлѣ статистики Аѳона, имѣющемъ свое заглавіе: „*Толки святогорцевъ.*" А здѣсь я кратко излагаю сущность ихъ.

Аѳонскіе монахи изъ Грековъ, учившіеся въ школахъ и начитанные, ни съ того, ни съ сего, начали спорить между собою о томъ, что поминающіе усопшихъ *съ коливомъ* въ дни субботніе поступаютъ правильно, а поминающіе ихъ въ дни воскресные—не уставно. Головщикомъ перваго толка былъ извѣстный богословскою ученостію святогорецъ Никодимъ († 1809 г.), а соперничалъ съ нимъ дидаскалъ Виссаріонъ. Тотъ и другой имѣлъ многочисленныхъ сторонниковъ въ монастыряхъ, скитахъ и въ нагорныхъ кельяхъ Аѳонскихъ. Виссаріоновцы обзывали Никодимитовъ *Коливадами*, и мірскихъ богомольцевъ предостерегали отъ нихъ говоря, не ходите къ нимъ: они еретики, фармасоны (sic); они учатъ, что Господь І. Христосъ былъ ремесленикъ, именно плотникъ, и такъ унижаютъ божественностъ Его; отъ нихъ вы услышите и такую диковину, что въ часъ рождества Христова всѣ каменные идолы въ Персіи плясали и предсказывали самимъ себѣ паденіе; они въ своихъ камилавкахъ носятъ святое Причастіе, чтобы принимать его, когда имъ вздумается, и часто причащаются безъ приготовленія и исповѣди, воображая, что не все тѣло Христа и не всю кровь Его пріемлютъ въ себя въ тотъ, или другой разъ, и потому для принятія Его во всей цѣлости надлежитъ де причащаться весьма часто и проч. Эти толки и обвиненія огласились въ Константинополѣ и даже Іерусалимѣ, и волновали умы, особенно, тѣхъ христіанъ,

которые никогда не читали евангелія, гдѣ І. Христосъ дѣйствительно называется сыномъ Теткона (плотника), и не знали: кто и когда установилъ варить коливо, и почему оно вареное, а не въ зернахъ, служитъ сvмволомъ нашей смерти и нашего воскресенія. Для умиротворенія препиравшихся святогорцовъ и для успокоенія мірянъ, не знавшихъ, кто правъ и не правъ, вселенскіе патріархи Ѳеодосій, Самуилъ, Каллиникъ, и Іерусалимскій патріархъ Софроній обнародовали свои Сvнодальныя грамматы. Первый въ 1772 году внушалъ, „что совершающіе поминовеніе усопшихъ въ субботу хорошо дѣлаютъ, *храня древнее преданіе церкви*, но не подлежатъ осужденію и тѣ, которые поминаютъ умершихъ въ воскресенье *). Вторый въ 1773 году въ своей патріаршей и Синодальной грамматѣ оповѣстилъ, что „всѣ скиты и нагорныя кельи на Аѳонѣ должны служить панихиды съ коливомъ въ тѣ дни, въ которые служатъ тамошніе монастыри.“ А монастыри эти по уставу служатъ ихъ въ дни субботніе. Согласно съ обоими этими патріархами училъ и писалъ и Софроній Іерусалимскій. Каллиникъ же, напуганный вышепомянутымъ Виссаріономъ, обвинявшемъ Никодимитовъ въ Фармасонствѣ, (1807 или 1809 г.) писалъ письмо къ нѣкоему христіанину, спрашивавшему его о поминовеніи усопшихъ въ воскресенье, и въ этомъ письмѣ доказывалъ, что древніе цари греческіе, напримѣръ Константій, Ѳеодосій младшій, служили панихиды въ дни воскресные, и ссылался на рукописи Синайской библіотеки, въ которыхъ онъ читалъ о воскресныхъ поминовеніяхъ умершихъ. Однако патріаршія грамматы не всѣхъ вразумляли и успокоивали. Волненія и обвиненія Никодимитовъ въ Коливадовщинѣ и Фармасонствѣ продолжались. Посему святогорцы въ 1774 году 3 апрѣля сочинили и обнародовали свое исповѣданіе вѣры для вразумленія соблазнявшихся братій, **) и въ немъ дѣльно доказы-

---

*) Οἱ ἐν σαββάτῳ ποιοῦντες τὰ τῶν ἀποιχομένων μνημόσυνα καλῶς ποιοῦσιν,, ὡς τὴν ἀρχαίαν παράδοσιν τῆς ἐκκλησίας φυλάττοντες· οἱ δὲ ἐν Κυριακῇ, οὐχ' ὑπόκεινται κρίματι.

**) Ἔκθεσις, εἴτουν Ὁμολογία τῆς ἀληθοῦς καὶ ὀρθοδόξου Πίστεως γινομένη ὑπὸ τῶν ἀδίκως διαβληθέντων ὡς καινοτόμων, πρὸς θεοφιλῆ πληροφορίαν τῶν σκανδαλιζομένων ἀδελφῶν.— Я переписалъ для себя это Вѣроисповѣданіе.

вали правильность и уставность субботняго, а не воскреснаго, поминовенія усопшихъ съ коливомъ. Исповѣданіе вѣры и самозащиту писалъ и Никодимъ святогорецъ, паче всѣхъ обвиняемый въ Коливадовщинѣ. *)Въ этой защитѣ, напечатанной по смерти его въ Венеціи въ 1819 году, содержатся семь статей: 1) исповѣданіе вѣры, 2) о Коливѣ, 3) о правильности субботняго, а не воскреснаго, поминовенія усопшихъ, 4) о преимуществахъ воскреснаго дня *радостнаго* предъ днемъ субботнимъ— *панихиднымъ*, 5) о томъ, что Господь I. Христосъ занимался плотничествомъ, 6) о Волхвахъ, покланявшихся Новорожденному Христу и о томъ, что Персидскіе идолы въ часъ рождества его плясали, движимые силою Божіею, и 7) о таинствѣ божественной Евхаристіи. Эта защита (въ 94 печатн. страницы)—весьма занимательна. Нѣтъ ей мѣста въ настоящемъ описаніи путешествія моего по Аѳону. Однако позволяю себѣ сообщить здѣсь: какъ Никодимъ осмѣялъ письмо вышепомянутаго патріарха Каллиника.—„Бывшій патріархъ Константинопольскій Каллиникъ, родомъ изъ Загоры, писалъ, что царь Константій дѣлалъ поминки отцу своему Константину въ воскресенье, а Ѳеодосій младшій—Патрикію въ этотъ же день, подобно и нѣкоторые другіе. Это письма его показываютъ, какъ Ахиллесово копье. Что же намъ отвѣчать на это? Отвѣчаемъ, что это не Ахиллесово копье, а тростниковый жезлъ, не могущій поддержать тѣхъ, которые опираются на него. Ибо мы, когда увидѣли письмо Киръ Каллиника, взяли въ руки 22 тома Греколатинской Византиды (Визант. Историковъ), и отыскавъ тутъ помянутыхъ царей и другихъ, которыхъ указалъ Киръ Каллиникъ, и съ большимъ любопытствомъ и вниманіемъ прочитавъ все, что говорится о нихъ, узнали, что ни одинъ изъ нихъ не дѣлалъ поминокъ въ *воскресенье*, и пришли къ заключенію, что Киръ Каллиникъ самъ отъ себя прибавилъ рѣченіе *„въ воскресенье“* въ угодность дѣлающимъ поминки въ этотъ день. А если онъ говоритъ, что въ бытность

**) ‘Ομολογία πίςεως, ἤτοι ἀπολογία διϰαιοτάτη Νιϰοδήμου τοῦ ἁγιορείτον. ’Eυ Βενετίᾳ.

свою на Синайской горѣ читалъ это въ пергаминныхъ книгахъ, то, вѣдь, Византійскія исторіи напечатаны были съ пергаминныхъ же рукописей древнихъ, слѣдовательно въ нихъ читалось бы то, что Киръ Каллиникъ читалъ на Синаѣ: а этого нѣтъ въ Византидѣ. Значитъ: онъ въ избѣжаніе чьей либо справки съ Византидою и съ другими подручными всѣмъ книгами, указалъ намъ *самое далекое* мѣсто справочное, именно Синайскую гору. Идите, молъ, туда: тамъ вы узнаете, что древніе цари дѣлали поминки въ дни воскресные.

Не много новыхъ свѣдѣній пріобрѣлъ я въ книгохранилищѣ Григоріата: не много *дѣловыхъ* хартій выдали мнѣ и изъ архива этой обители, потому что насельники ея не все спасли отъ испепелившаго ее пожара. Самое старое *дѣло*—это новогреческій переводъ турецкаго Вакуфнамѐ (1568 года), въ которомъ описаны недвижимыя имѣнія Григоріата: а самое новое—это запись доходовъ и расходовъ сего монастыря въ 1835 году. О началѣ и древности Григоріата я не нашелъ никакого сказанія. А надобно промолвить что нибудь о семъ предметѣ, надобно! Округлимъ же его, и срединѣ и концу придадимъ начало, поискавъ его въ другихъ архивахъ, въ иныхъ книгахъ кромѣ святогорскихъ, и даже въ воображеніи и соображеніяхъ.

Не прогнѣвайтесь. Извините. Я воображаю и предполагаю, что на мѣстѣ Григоріата, за долго до рождества Христова, находилось Еллинское селище Эгіонъ съ капищемъ Зевеса, основанное выходцами изъ соименнаго города, стоявшаго на южномъ берегу Коринѳскаго залива въ Пелопонесѣ: а предположеніе это выставляю на видъ по слѣдующимъ соображеніямъ. Аѳонъ, какъ мы уже знаемъ, населяли жители Пелопонеса, выходившіе то изъ Лаконіи, то изъ Арголиды, то изъ Ахаіи и изъ другихъ тамошнихъ областей. Ахайскіе Коринѳяне основали на сей горѣ мѣстечко Аеропотамо съ капищемъ Посидона, сосѣди же ихъ Эгіонцы, подражая имъ, построили тамъ близь Аеропотама свой торговый станъ, *воспользовавшись* удобною пристанію, существующею и нынѣ у Григоріата, и назвали ее Эгіонъ, потому что

привели туда жителей изъ своего города. А такъ какъ Эгіонцы да и Коринѳяне и всѣ союзные съ ними города Ахайскіе почитали Зевеса, котораго капище стояло въ рощѣ подлѣ города Эгіона, и служило сборнымъ мѣстомъ всѣхъ Ахайцовъ, то и въ аѳонскомъ Эгіонѣ, на мѣстѣ нынѣшняго Григоріата почитаемъ былъ Зевесъ же, и Зевесъ гостепріимный ξένιος, благодѣтельный, который, по словамъ Омира (въ Одиссеѣ VI, 207. XIV 57.) *посылаетъ людямъ гостей и бѣдныхъ*. Аѳоно—Эгіонцы отъ богатыхъ соотечественниковъ своихъ получали деньги на угощеніе останавливавшихся въ ихъ пристани моряковъ, и поили и кормили ихъ такъ же усердно, какъ Григоріатцы, во дни Барскаго, *угощали приплывшихъ къ нимъ хлѣбомъ и виномъ не токмо два или три дни, но и многи, донелѣже обрящутъ время благопріятно къ отплытію*. Когда христіанство утвердилось въ Эгіонѣ (5 вѣкъ), тогда мѣстное капище Зевеса было обращено въ церковь, и освящено во имя св. Николая чудотворца, котораго помощь людямъ на морѣ и сушѣ и благодѣянія бѣднымъ тогда были извѣстны, какъ извѣстны и нынѣ. Почитаніе сего общаго всѣмъ благодѣтеля вытѣснило почитаніе Зевеса гостепріимнаго и нищелюбиваго. А такъ какъ Зевесъ наслѣдовалъ міроправленіе по смерти отца своего Крона—Сатурна, то и о Николаѣ чудотворцѣ сложилось повѣрье, что когда умретъ Богъ, тогда наслѣдникомъ Его будетъ онъ, Николай.

Таковы мои предположенія и соображенія. Ты же, читатель

Si quid novisti rectius istis,
Candidus imperti; si non, his utere mecum.
Если что знаешь лучше сего,
То повѣдай, какъ чистый (отъ промаховъ):
А не то, будь доволенъ тѣмъ, что̀ сказалъ я.

— Изъ аѳонскаго Эгіона жители ушли, куда желали, избѣгая арабомагометанскаго плѣна. Но когда царь Константинъ Погонатъ, послѣ 676 года, весь опустѣвшій Аѳонъ отдалъ монахамъ,

скаго храма въ запустѣвшемъ Эгіонѣ поселились ли какіе либо отшельники:. этого я не знаю. А во вторую эпоху аѳонскаго монашества съ ранней поры ея была тутъ иноческая обитель, извѣстная по актамъ подъ именемъ обители св. Николая *). Игуменъ ея Ѳеодулъ монахъ и пресвитеръ въ 1024 и 1030 годахъ засѣдалъ въ Протатѣ и подписывалъ разныя дѣла, кои съ подписями его я видѣлъ въ архивахъ—Лаврскомъ, Иверскомъ и Руссиковскомъ. Въ 1046 году Варѳоломей монахъ и игуменъ св. Николая подписался подъ Святогорскимъ уставомъ, который тогда сочиненъ былъ по приказанію царя Константина Мономаха. Въ 1071 году спорное дѣло аѳонскихъ обителей, Ксилургу и Скорпіона, подписано было Кономомъ монахомъ и игуменомъ обители св. Николая: дѣло это и подпись его я читалъ и перебѣлилъ для себя въ архивѣ Руссика.

Въ первой половинѣ тринадцаго вѣка, съ 1221 года по 1245-й Аѳонъ находился подъ властію Болгарскаго царя Асѣня II-го. Этотъ царь Аѳоноіериссовскаго епископа почтилъ саномъ митрополита. Въ сіе-то время, благопріятное для святогорцовъ *Болгарскихъ*, аѳонскій Протатъ переуступилъ Никольскій Греческій монастырь инокамъ Болгарскимъ и духовному вождю ихъ нѣкоему Григорію, тогда подвизавшемуся въ пещерѣ близь этого монастыря, чуть ли не опустѣвшаго отъ притѣсненій того поселившагося на Аѳонѣ Франка, котораго самъ папа назвалъ врагомъ Бога и церкви. Этотъ Григорій съ сподвижниками своими обновилъ сказанный монастырь; и потому всѣ стали прозывать его Григоріатомъ. Подъ этимъ прозваніемъ онъ вошелъ и въ роспись главныхъ монастырей Аѳонскихъ, составленную при царѣ Андроникѣ старшемъ (1283—1328 г.) и помѣщенную въ знаменитомъ *Трагосѣ* аѳонскомъ.

Григоріатъ существовалъ въ 1483 году. Тогда подъ протат-

---

*) Другія Никольскія же тамъ обители отличаемы были отъ ней особыми прозва-

скимъ дѣломъ, касающимся монастыря Аѳоно-Зографскаго, подписался проигуменъ Григоріата Аверкій.

Въ 1513 году спорное дѣло Зографа и сосѣдняго Кастамонита подписано было проигуменомъ Григоріата Никифоромъ. Этотъ же Никифоръ въ 1527 году подписался подъ Протатскимъ дѣломъ объ имѣніи Аѳоно-Есфигменовой обители, находившемся на Лонгосѣ.

Съ 1568 года по 1835-й архивныя дѣла Григоріата переписаны мною. По нимъ въ свое время будетъ составлено дальнѣйшее сказаніе о сей обители. А теперь время торопитъ меня оповѣстить настоящее состояніе ея.

— Въ Григоріатѣ иноческое общежитіе учреждено въ 1840 году сентября 20 дня стараніемъ тамошняго монаха Григорія, занимавшаго должность *Проестоса*, Настоятеля. А его самого склонилъ къ сему другъ его митрополитъ Ефесскій. По учрежденіи общежитія первымъ игуменомъ Григоріатскимъ поставленъ былъ нынѣ здравствующій о Господѣ Неофитъ, ученикъ Есфигменскаго игумена Ѳеодорита, написавшаго отчетливый Периплъ Аѳонскій. До игуменства же онъ подвизался въ сосѣднемъ Діонисіатѣ, и жилъ тутъ вь самое злополучное время, съ 1821 года по 1830-й, когда турецкіе солдаты стояли во всѣхъ монастыряхъ святогорскихъ, дабы не гнѣздились въ нихъ возставшіе противъ Султана Греки. Тогда, какъ говорилъ мнѣ Неофитъ, отъ течи въ Діонисіатской библіотекѣ сгнило множество пергаминныхъ рукописей, такъ что въ нихъ завелись черви, и монахи сожгли ихъ.

— Игуменъ Неофитъ—немного выше средняго роста, сухощавъ, не смуглъ, съ бородою малою и рѣдкою, благоразуменъ, строгъ къ себѣ и другимъ, мужъ воистину преподобный. Я отмѣнно уважалъ его, любя строгія и святыя души. Онъ сообщилъ мнѣ слѣдующія свѣдѣнія о Григоріатѣ:

— Послѣ пожара, истребившаго этотъ монастырь въ 1761 году

— Причина пожара—неизвѣстна.

— Мощи пр. Григорія находятся въ Сербіи.

— Монаховъ въ Григоріатѣ 35, а съ нагорными и Карейскими келліашами найдется и 40.

— Этому монастырю принадлежатъ слѣдующія имѣнія:

Въ Валахіи метохъ св. Спиридона, и при немъ земля въ 32 сажени длиною и въ 24 шириною съ виноградникомъ. Она удѣлена была изъ имѣнія митрополіи Угровлахійской митрополитомъ Гавріиломъ, и утверждена за Григоріатомъ господаремъ Іѡ Александромъ Іоанномъ Ипсиланти въ 1778 году по случаю выкупа многихъ плѣнныхъ григоріатскимъ монахомъ Іоакимомъ.

Въ Молдавіи монастырь Византіонъ съ имѣніемъ, по тому же случаю, приложенъ былъ Григоріату господаремъ Григоріемъ Гикою въ 1777 году.—Съ этихъ имѣній, по увѣренію о. Неофита, получаются 50,000 левовъ (2941 р. сер.). Но въ самый монастырь высылаются только 10,000 левовъ управителемъ этихъ имѣній, котораго однако игуменъ желаетъ замѣнить своимъ общежительнымъ монахомъ.

На смежныхъ съ Аѳономъ *полуостровахъ, Сикійскомъ и Кассандрскомъ*—хлѣбородныя пашни.

На Лонгосѣ—пастбища.

— Что касается ежелѣтнихъ доходовъ и расходовъ Григоріата, то мнѣ удалось пріобрѣсть подлинный списокъ ихъ за 1835 годъ. По этому списку дохода тогда было 38,850 піастровъ и 38 паричекъ, а расхода 29,510 піастровъ и 14 паръ.—Это—доходы отъ поклонниковъ, отъ продажи вина, масла, ячменя, пшеницы и шерсти, съ имѣній въ Валахіи 4300 піастровъ, доходы проскомидійные и сорокоустные, остатки по смерти монаха Агаѳангела 2978 піастровъ и проч: а расходы—на монастырское продовольствіе, на одежду для монаховъ, на садоводство, на содержаніе скота и приставниковъ его, на милостыню бѣднымъ и проч. Считайте каждый піастръ, въ 5 копѣекъ серебромъ, и вы узнаете: богатъ ли Григоріатскій монастырь, получившій дохода въ 1835 году только 1927 руб. сер. съ небольшимъ. Такимъ

малымъ доходомъ могутъ содержаться только общежительные святогорцы, эти величайше постники, одѣтые весьма бѣдно, и не имѣющіе у себя въ кельяхъ ничего, такъ таки ничего, кромѣ войлочка и кувшина для воды. Замѣтьте, что они записываютъ доходы и расходы на листахъ бумаги, согнутыхъ не въ четвертки, а въ половинки во всю длину листовъ, такъ что счетная тетрадь бываетъ всегда длинна, но узка, какъ это можно видѣть и въ нашихъ книжныхъ или бумажныхъ лавкахъ, гдѣ продаются счетныя разлинеенныя книги предлинныя, но узкія. Такія книги греки понынѣ называютъ *дифтерами*. Ихъ разумѣлъ и св. апостолъ Павелъ, когда одному изъ учениковъ своихъ велѣлъ принесть ему *дифтеры*. Напрасно же хотятъ видѣть въ нихъ походную библіотеку сего вселенскаго учителя, глаголавшаго всегда по вдохновенію отъ Духа Божія, и потому не нуждавшагося въ книжной мудрости человѣческой.

— Игуменъ Неофитъ повѣдалъ мнѣ, что изъ доходовъ общаго всѣмъ Аѳонскимъ обителямъ метоха въ Молдавіи, чествуемаго во имя трехъ святителей, Григоріатъ ежегодно получаетъ отъ десяти до пятнадцати тысячъ піастровъ, постольку же получаютъ и всѣ прочіе монастыри. Второй общій метохъ ихъ въ Валахіи называется Кутручани.

— Онъ же говорилъ мнѣ, что Григоріатскій монастырь не имѣлъ хрисовуловъ царей греческихъ, и всегда былъ незначителенъ, и что въ нынѣшнемъ году (1845) Протатъ заставилъ его подписать дѣло, которымъ земля, оспариваемая Діонисіатцами у Григоріатовъ, полюбовно раздѣлена между тѣми и другими, и что Симопетриты затѣваютъ отнять себѣ часть земли Григоріатской. О всѣхъ этихъ ссорахъ и тяжбахъ о. Неофитъ говорилъ съ большимъ неудовольствіемъ и презрѣніемъ.

— По увѣренію его споры святогорцовъ о частомъ и нечастомъ причащеніи св. Таинъ, безъ приготовленія и съ приготовленіемъ къ нему, продолжаются понынѣ.

„Лѣтъ тридцать назадъ (1815 г.) одинъ пятнадцатилѣтній юноша изъ грековъ, во время всенощнаго бдѣнія въ Ватопедскомъ монастырѣ, вдругъ пришелъ въ изступленіе, и какъ бы по откровенію свыше началъ говорить въ слухъ: „Богоматерь повелѣваетъ вамъ учредить общежитіе:“ и проповѣдовалъ многое необыкновенное. Ватопедскіе старцы встревожились, и на другой день, по внушенію сего юноши, учредили общую трапезу и рѣшились установить общежитіе. Во время трапезы вдохновенный юноша обличалъ ихъ во многомъ и поучалъ. Однако три богатые и вліятельные Проэстоса не согласились на установленіе общежитія. Ватопедъ понынѣ есть монастырь своежительный.

Вотъ все, что я узналъ въ Григоріатѣ, какъ о немъ самомъ, такъ и о кое-чемъ общеаѳонскомъ. Спасибо этому дому: пора къ иному. Куда же? Ѣду въ сосѣднюю Симопетру.

XIV.

Мои занятія въ этомъ монастырѣ.

Съ 7-го по 12-е Ноября.

Ноября 6. Середа.—Сего дня въ три часа по полудни я пріѣхалъ сюда моремъ, и подлѣ монастырской пристани на высокой башнѣ прочелъ греческую надпись, которая гласитъ, что эта башня построена благочестивѣйшимъ архонтомъ киръ Оксіѳти агою въ 7075—1567 году. Отсюда по тропѣ, весьма извилисто проложенной въ горѣ, меня на мулѣ подвезли къ воротамъ св. обители. Тутъ встрѣтили мое недостоинство боголюбезные старцы и провели прямо въ церковь. А здѣсь я приложился къ Животворящему древу креста Господня и къ св. мощамъ, кои суть—

3) Длань, кромѣ великаго перста, преподобномученицы Евдокіи.

4) Кость локотная съ тѣломъ отъ руки св. великомученицы Варвары,

5) Глава св. Павла исповѣдника,

6) Глава св. мученика Сергія,

7) Глава св. Модеста патріарха Іерусалимскаго,

8) Стопа св. мученика Кирика,

9) Частицы св. Іоанна Предтечи, св. великомуч. Пантелеимона, св. мученика Трифона, священномученика Елевѳерія, св. Іакова Перса, св. Пророка Наума, св. мученицы Параскевы, нарицаемыя Пятницы, св. Харалампія, св. Симеона столпника, св. безсребрениковъ Козмы и Даміана, и

10) Кровь св. Димитрія Солунскаго.

Много св. мощей на Аѳонѣ, очень много. Но жаль, что здѣшніе монастыри не имѣютъ записей о происхожденіи ихъ, такъ что не знаешь: кто и когда принесъ эти святыни, за исключеніемъ немногихъ изъ нихъ, которыхъ датели извѣстны. Впрочемъ, *„любы всему вѣру емлетъ.“* Огонь же предъ общимъ воскресеніемъ всѣхъ людей испепелитъ и св. мощи: а изъ праха Всемогущій возсоздастъ новыя тѣла духовныя.

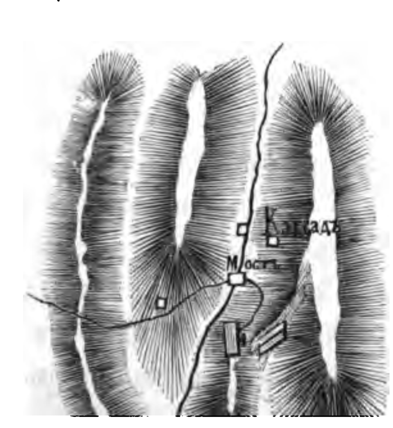
Съ этими мыслями я заснулъ, и спалъ сномъ безмечтаннымъ. А съ слѣдующаго утра занялся многостороннимъ описаніемъ принявшаго меня подъ кровъ свой монастыря и изученіемъ первоначальной судьбы его.

Монастырь *Симопетра*, по описанію Барскаго, отстоитъ отъ Кареи, или Протата пятью часами, отъ моря же часомъ единымъ, отнюду же ради прискорбнаго и жестокаго между каменьями, на подобіе зміи завращаемаго пути, зѣло неудобопроходенъ и трудноприступенъ; есть аки треуголенъ; стоитъ основанъ удивительно на нѣкоемъ зѣло остромъ и твердокаменномъ холмѣ, аки нѣкая

монастырскимъ, идѣже предъ враты и стѣна обрѣтается превысока каменнозданна съ многими сводами и окнами, верьху которой трубами оловянными течетъ вода внутрь монастыря отъ вышнихъ горъ, иже отвсюду окружаютъ его, кромѣ страны полуденной; стѣна же оная (подъ нею разумѣй водопроводъ) высотою своею закрываетъ и врата монастырскія. Тѣсенъ убо есть зданіемъ, но зѣло высокостѣненъ на подобіе столпа, и толико мѣста объимаетъ, елико имать площадь холма, яко отнюдь тамо открытаго нѣсть подворія;но совокупно церковь келліями окружается, ихъ имать сто, едины верху другихъ до пяти и шести рядовъ зданны съ доксатами деревянными, си есть крыльцами внѣ стѣны навислыми надъ окрестною пропастію, отъ нихъ же въ низъ зрѣти не безъ великаго ужаса есть, къ берегу же зрящимъ на море великая радость является. Ибо стоитъ на мѣстѣ веселомъ, въ зимѣ не весьма хладномъ, въ лѣтѣ же вѣтропрохладномъ, при воздусѣ здравомъ, и къ безмолвію иноческому зѣло удобномъ. Есть же тамо Соборный храмъ въ честь рождества Христова созданъ отъ каменей лѣпо и крѣпко съ тремя главами, отъ нихъ же большая покрываетъ средину храма, двѣ же меньшія покрываютъ паперть: весь же покровъ церковный есть оловяннъ (изъ свинцовыхъ листовъ), якоже и въ прочихъ монастыряхъ: такожде у крылосовъ круглорасширенъ, имать долготы ступеней обычныхъ двадесять четыре, широты же между крылосами двадесять. Весь иконописанъ, и каменными скрижальми великими лѣпо и гладко помощенъ, безъ различныхъ цвѣтовъ: идѣже суть пять мраморы изряднѣйшіе посредѣ храма крестообразно расположены; отъ нихъ той, иже лежитъ посредѣ, имать изрытаго (изваяннаго) орла двоеглавнаго, и верху главъ его—вѣнецъ, два же предніе, иже къ царскимъ вратамъ, единъ имать изрыта василиска, а задній имать изрытый на себѣ сосудъ съ цвѣтами, побочные же два имутъ на себѣ изсѣченны львы, держащіе въ переднихъ ногахъ рипиды, имущіе верху главъ вѣнцы.—*Хоросъ* повѣшенъ отъ главы на осьми поясахъ, зѣло изряденъ..,. Поддержится же весь храмъ четырьми столпами каменносложными,

цѣлыхъ бо не мощно бяше востягнути никаковою хитростію на толь безмѣрную высоту сице неприступнымъ отвсюду и жестокимъ путемъ. Суть же тамо папертей двѣ, отъ нихъ же внутренняя (литійный притворъ) столпами двумя такожде зданными поддержится, имущая долготы ступаній осьмь, широты же двадесять; внѣшняя же паперть меньшая съ равною стелею (потолкомъ) и безъ столбовъ. Суть же оконъ отъ единыя страны храма дванадесять, и отъ другой такожде дванадесять, кромѣ тѣхъ, иже въ верьхахъ; вратъ же всѣхъ шесть.—Кромѣ же Соборнаго изряднаго храма суть параклисы четыре внутрь монастыря: Успеніе пресв. Богородицы, св. Іоанна Предтечи, св. Георгія, и вь паперти святителя Христова Николая.

Барскій подробно описалъ мѣстоположеніе Симопетрской обители и все, что только видѣлъ въ ней, но мало что сказалъ объ удѣльномъ околоткѣ ея, а границъ его и не показалъ. Этотъ пропускъ его я пополняю, сколько могу. Сѣверную границу Симопетры составляетъ хребетъ Аѳона, а южную—море; западная грань поднимается у Ксиропотамскаго карантина отъ морской пристани Дафны до гребня Аѳона, восточная же, къ сожалѣнію, не отмѣченная на моей картѣ, прилегаетъ къ Григоріатскому участку недалече отъ Симопетры. Почти весь околотокъ въ этихъ границахъ безлѣсенъ и каменистъ. Въ дождливое время текутъ тутъ потоки отъ аѳонскаго хребта и льются въ море, но скоро пересыхаютъ. Мѣсто подъ самою обителію, о которой идетъ рѣчь, и ближайшую окрестность ея смотрите на приложенномъ здѣсь чертежѣ моемъ, чертежѣ вѣрномъ. Видите потокъ, струящійся въ ущеліи между двумя горными высотами, и мимо Симопетры сбѣгающій къ морю? Назовемъ его *Петро-*



чить весьма высокій и со всѣхъ сторонъ отвѣсный утесъ каменный. Онъ, какъ есть, выпрыгнулъ изъ глубины земли, когда она изъ жидкаго состоянія своего переходила въ твердое и окаменѣвала. На этомъ утесѣ, особнякомъ стоящемъ среди пропастей такъ, что перейти на него можно только по мосту съ сѣверной стороны, построена св. обитель, какъ домъ въ восемь этажей, съ церковію, подъ одною кровлею. Такъ какъ для келлій мѣста тутъ мало, то къ нимъ снаружи сего дома придѣланы деревянныя галлереи однѣ надъ другими. Всѣхъ ихъ восемь; и всѣ онѣ на куричьихъ ножкахъ торчатъ надъ пропастями. Когда дуетъ крѣпкій вѣтеръ, тогда онѣ скрипятъ и сотрясаются. Смѣлое зодчество! Удивительная архитектура! Нѣтъ никакой возможности начертить планъ такого зданія. Это лабиринтъ. Устаешь спускаться тутъ и подниматься по галлерейнымъ лѣсенкамъ, невзрачнымъ и не слишкомъ прочнымъ. А келейки? Птичьи клетки! И чего-чего нѣтъ среди ихъ! Тутъ—и параклисы, и больница, и трапеза, и библіотека, и всѣ рукодѣльныя храмины. Такихъ вычурныхъ монастырей на югозападномъ побережьѣ Аѳона четыре: Павловскій, Діонисіатскій, Григоріатскій и Симопетрскій. Почему же только тутъ появились они, каждый *въ видѣ многоярусного дома подъ одною кровлею*, тогда какъ сѣверовосточные монастыри аѳонскіе выстроились, какъ у насъ, четверосторонниками съ открытыми дворами и съ соборными церквами среди ихъ? Смѣло полагаю, что *диковинные* утесы подъ оными четырьмя монастырями въ самое отдаленное отъ насъ время были *утесы священные*, ἱεραὶ πέτραι, ἀργοὶ λίθοι, и для первобытныхъ жителей Аѳона служили сборными мѣстами богослуженія, когда еще не было храмовъ и капищъ: о чемъ я классически говорилъ прежде. На этихъ досточтимыхъ по преданію утесахъ впослѣдствіи возникли рукотворенныя капища, Аполлоново, Посидоново, Зевесово, и Афродитово, съ жильемъ для жрецовъ, когда Коринѳяне и сосѣди ихъ Эгіонцы основали тутъ свои торговые станы; ка-

стыри. Монахамъ по бѣдности ихъ и незатѣйливости и въ голову не пришла бы мысль строиться и тѣсниться на оныхъ утесахъ; но они нашли тутъ зданія готовыя, только полуразрушенныя временемъ, возобновили ихъ и водворились въ нихъ, *по тѣсномѣстной необходимости* удержавъ древнѣйшій видъ ихъ, видъ однокровельнаго дома. Что касается до сѣверовосточныхъ монастырей аѳонскихъ, не похожихъ на югозападные, то они выстроились въ видѣ четверосторонниковъ съ открытыми дворами, потому что на мѣстахъ ихъ не было (и нѣтъ) *утесовъ священныхъ* и потому что они возникли подлѣ христіанскихъ церквей, передѣланныхъ изъ Пеласго-Еллинскихъ капищъ, предъ которыми неотмѣнно стояли *Нартики*, т. е. колонны съ пустотами внутри ихъ для храненія въ нихъ священнаго огня: каковыя колонны, какъ огненосныя, требовали открытаго двора, и слѣдовательно быть не могли въ капищахъ подобныхъ однокровельному дому, въ которомъ нѣтъ даже открытыхъ сѣней. Эти нартики, по многовѣковому преданію, остались въ монастыряхъ на сѣверной сторонѣ Аѳона, а въ однокровельныхъ обителяхъ, что на южной сторонѣ сей горы, ихъ не было; потому что они и быть тамъ не могли, какъ пожарныя опасности.—Но перейдемъ въ Симопетру.

Противъ сѣверной стороны сей обители, близъ входа въ нее, поставленъ каменный водопроводъ, широкій и высокій, съ тремя пролетными арками въ нижней части его, и съ 26-ю прозорами (амбразурами) на обоихъ верхнихъ краяхъ его, по 13-ти на каждомъ краю. Между сими краями по жолобу течетъ вода въ назначенное ей мѣсто. Этотъ дорого стоющій водопроводъ, по мнѣнію моему, сооруженъ былъ еще язычниками: а монахи только возобновили его.

Вшедши въ Симопетрскій монастырь поражаешься неожиданнымъ сумракомъ, потому что вся внутренность его находится подъ кровлею, сверхъ которой выставляется только одинъ куполъ соборной церкви, освященной въ память рождества Христова. Церковь же эта, не темная, но и не свѣтлая, вся рас-

писана въ 1633 году, въ которомъ и братскую трапезу расписалъ мѣстный игуменъ Іоасафъ своимъ иждивеніемъ (Надпись). Живопись эта въ теченіи 212 лѣтъ потемнѣла такъ, что трудно сказать что нибудь дѣльное о достоинствѣ ея. Симопетриты желаютъ обновить ее. Я просилъ ихъ показать мнѣ видѣнное у нихъ Барскимъ евангеліе, *многой цѣны достойное, дарованное отъ блаженной памяти Михаила Воеводы и Господаря Волоскаго* (1599 г.) Но они объявили мнѣ, что его нѣтъ у нихъ. Солгали? Правду сказали? Не знаю. Богъ вѣсть.

Былъ я и въ библіотекѣ ихъ и видѣлъ небольшое количество старинныхъ рукописей греческихъ. Всѣ онѣ богослужебныя.

Между ними замѣчательны:

— Четвероевангеліе, написанное на пергаминѣ красивымъ почеркомъ и украшенное миніатюрными изображеніями;

— Четвероевангеліе на тонкомъ пергаминѣ in 4°, въ два столбца, съ обозначенными на немъ киноварью Зачалами, написанное въ августѣ мѣсяцѣ 6789—1281 года, когда индиктъ былъ 9-й, иждивеніемъ монаха Κυρ Каллиста. Ἐτελειώθη τὸ παρὸν δι' ἐξόδου τοῦ ... κυρ Καλλίστου ἐν ἔτει ςψπθ μηνὶ αὐγούστῳ ἰνδικτιῶνος θ. Почеркъ мелокъ, четокъ, весьма красивъ и очень ровенъ. Чернило весьма черно.

— Четвероевангеліе на тонкомъ пергаминѣ in 8°, съ обозначенными на немъ киноварью Зачалами, написанное въ 6811—1303 году, когда индиктъ былъ 1-й. Почеркъ мелокъ, четокъ, красивъ. Буквы поставлены прямо. Чернило немножко блѣднѣе вышепомянутаго.

— Четыре мѣсячныя Минеи весьма старыя. Изъ нихъ *Сентябрская* писана на пергаминѣ въ листъ въ два столбца, въ XII вѣкѣ, съ уставными чтеніями изъ Ветхаго Завѣта, изъ Апостола и изъ Евангелій, и съ греческими нотами на нѣкоторыхъ стихирахъ. Почеркъ мелокъ, но весьма четокъ и красивъ. Буквы поставлены прямо: размашистыхъ между ними очень мало. Чернило черно. Памяти Святыхъ и разныя записи, напримѣръ

саны киноварью, но блѣдною.—*Минея декабрская* написана въ XIII вѣкѣ на хлопчатной бумагѣ въ широкій листъ весьма мелкимъ, но красивымъ почеркомъ, съ нотами на нѣкоторыхъ стихирахъ, но безъ вышеисчисленныхъ Чтеній. Среди мельчайшихъ буквъ много крупненькихъ, однако не размашистыхъ. Заглавная буква каждой стихиры, каждаго Ірмоса, прописана блѣдною киноварью, или красноватымъ *Миніемъ*. Въ этой Минеѣ (если не въ другой) въ II-ой день мѣсяца декабря положено и написано *Послѣдованіе Службы въ память царя Никифора Фоки*, основателя Лавры аѳонской (963 год.). Я, по недостатку времени, не успѣлъ переписать этой диковины, а послѣдующихъ за мною путешественниковъ прошу сдѣлать это. Ибо въ высшей степени любопытно знать: какъ написана эта Служба сему царю, какъ святому молитвеннику о насъ предъ Богомъ, или просто какъ знаменитому усмирителю Критскихъ Агарянъ, какъ любителю монаховъ и строителю лавры на Аѳонѣ, безъ порученія насъ молитвамъ Его.—*Минея Мартовская* написана въ XII вѣкѣ на пергаминѣ въ листъ, въ два столбца, мелкимъ, но четкимъ и весьма красивымъ почеркомъ, съ уставными вышепоименованными Чтеніями, съ нотами на иныхъ Стихирахъ и съ киноварными написями. Чернило—достаточно черно. Въ этой Минеѣ въ 22 день марта приписано: „Успеніе иже восвятыхъ отца нашего Ѳомы патріарха Константинопольскаго“. Этотъ Ѳома святительствовалъ съ 606 года по 610. Онъ устроилъ въ патріархіи великую библіотеку, и былъ воистину святитель Божій. (Κατάλογος τῶν πατριαρχῶν ὑπὸ τοῦ ΜΑΘΑ 1837).

— Стихирарь XIII вѣка на пергаминѣ въ листъ писанъ въ два столбца съ нотами на стихирахъ и съ уставными Чтеніями. Почеркъ весьма мелокъ, красивъ и разборчивъ. Есть тутъ буквы—размашистыя и немалыя среди маленькихъ. Чернило довольно черно.

Вотъ *основныя* рукописи! Съ нихъ надобно печатать греческія Минеи, Апостолы, Евангелія и Чтенія изъ Ветхаго Завѣта!

вы не найдете въ нихъ такихъ разночтеній, какія нашли Нѣмцы въ рукописныхъ евангеліяхъ, не отдѣливъ церковныхъ между ними отъ еретическихъ, отъ изданныхъ ученымъ людомъ и отъ книгопродавческихъ, о коихъ еще Страбонъ замѣтилъ, что самыя худшія рукописи вывозятся изъ Александріи, потому что тамъ книгопродавцы не свѣряютъ ихъ съ наилучшими рукописями, не желая платить лишнія деньги справщикамъ. Ужъ мнѣ эти Нѣмцы! Ищутъ истины, а найти ее не умѣютъ, и потому напоминаютъ собою разбойничьихъ коней, которые непрестанно норовятъ сворачивать съ большой дороги въ сторону. Счастливо имъ оставаться тутъ.

А я прямо иду въ Симопетрскій архивъ, и оттуда выношу разныя дѣеписанія, начинающіяся съ 1581 лѣта и оканчивающіяся 1801-мъ годомъ. Старина не большая! Но гдѣ же хартіи подревнѣе этихъ дѣеписаній? Всѣ сгорѣли въ 1581 году въ часы стремительнаго пожара, испепелившаго весь монастырь, кромѣ соборной церкви. Жаль. А надобно помочь историкоархеологическому горю своему; надобно узнать *первоначальную* судьбу Симопетры. Но откуда? У меня есть другіе источники, изъ которыхъ можно почерпать это знаніе.

Въ то первобытное время, когда люди еще не строили храмовъ и молились Богу у такъ называемыхъ *священныхъ утесовъ*, или у сложенныхъ изъ камней столповъ, Аѳонскій диковинный утесъ, на которомъ стоитъ обитель Симопетра, служилъ сборнымъ мѣстомъ богослуженія. Тутъ Коринѳяне задолго до рождества Христова основали свой торговый станъ, приведши сюда жителей изъ ближайшей къ Коринѳу селитвы, Петры *). А эти пришельцы новому селищу своему дали имя прежней отчизны своей, *Петра*, по нашему *Каменецъ*, и на диковинномъ тутъ богослужебномъ утесѣ выстроили капище въ честь Афродиты *ураніи—небесной*, которой въ небѣ соотвѣтствуетъ яркоблестящая ночью и утромъ планета Венера, выстроили тѣмъ поваднѣе, что и въ

Коринѳѣ почитаема была, паче всѣхъ боговъ и богинь, Афродита, такъ что однѣхъ *Іеродулокъ* тамъ была тысяча, опасная для мущинъ, сложившихъ и поговорку: οὐ παντὸς ἀνδρὸς ἐς Κόρινθον ἔσθ᾽ ὁ πλοῦς—*не всякому мущинѣ плавать въ Коринѳъ.* А что именно Афродиту и при ней Марса и Купидона почитали аѳонскіе Петриты, это доказываютъ уцѣлѣвшія въ Симопетрѣ мраморныя изваянія языческія, вставленныя въ полъ тамошней Соборной церкви, кои видѣлъ и описалъ нашъ Барскій, какъ то, два льва, василискъ или драконъ, и сосудъ съ цвѣтами. Оба льва, держащіе въ переднихъ лапахъ своихъ военные значки, (рипиды у Барскаго) означаютъ двухъ сыновъ Марса, рожденныхъ имъ отъ Венеры, именно *Ужасъ* и *Страхъ*, ΔΕΙΜΟΝ καὶ ΦΟΒΟΝ, которые всегда сидѣли на одной колесницѣ съ отцомъ своимъ и приводили всѣхъ въ трепетъ; драконъ же напоминаетъ сына Марсова Дракона Ѳивейскаго, рожденнаго отъ Тилфосы Еринніи, и впослѣдствіи убитаго Кадмомъ; а цвѣты—розы въ сосудѣ суть эмблеммы сына Венерина Купидона *). Замѣчательно, что эти изваянія расположены предъ алтаремъ въ видѣ звѣздчатомъ, какъ бы въ соотвѣтствіе вечернеутренней звѣздѣ, называемой Афродита—Венера. Въ срединѣ этой звѣзды вставленъ двуглавый орелъ Византійскій уже монахами. Но я думаю, что ежели вынять изъ полу это изваяніе и перевернуть, то на другой сторонѣ мрамора окажется ликъ сына Венеры Купидона, котораго истуканчикъ всѣ любящіе увѣнчавали розами. Служеніе этимъ божествамъ продолжалось въ аѳонской Петрѣ до замѣны тутъ язычества христіанствомъ въ 5 вѣкѣ. При замѣнѣ же этой крещенные Петриты вмѣсто Афродиты и маленькаго Купидона стали почитать Рождество божественнаго Младенца отъ пресвятой Дѣвы Маріи, этой звѣзды незаходимой *вводящей въ міръ Великое Солнце*, и священную Петру свою назвали Новымъ Виѳлеемомъ,—думаю—въ память своего поклоненія Христу Богу въ Палестинскомъ Виѳлеемѣ, куда, по свидѣтельству церковнаго

*) Ἑλληνικὸν Πάνθεον [illegible] 1812. [illegible] Ἄρης—Ἔρως: Οἱ ἐρα-

историка Евсевія, жители Македоніи, гдѣ и Аѳонъ, ежелѣтно ходили по усердію. Петра съ этимъ новымъ названіемъ значилась въ писцовыхъ книгахъ Аѳонскихъ и тогда, когда на св. горѣ водворились монахи. Одинъ изъ нихъ, именемъ Симонъ, обновилъ тутъ древнюю рождественскую церковь, сохранивъ вышепомянутыя языческія изваянія и устроилъ обитель, полагаю— въ первую эпоху аѳонскаго монашества. (680—870 г.). По имени его она и стала называться Симонопетрою, короче Симопетрою. Въ дѣеписаніяхъ аѳонскихъ я нашелъ ее подъ 1057 годомъ. Тогда Леонтій монахъ и пресвитеръ обители Симона, μονῆς τοῦ Σίμονος, подписался подъ Аѳонопротатскимъ дѣломъ о святогорскомъ монастырѣ Пантелеимоновомъ. (Архивъ Руссика). А въ 1169 году игуменъ сей же обители Ѳеодосій подтвердилъ своею подписью дѣло о передачѣ сего монастыря Россамъ Сербодалматскимъ. Въ первые годы занятія Константинополя и Аѳона латинами Симопетра запустѣла. Но тогда же Богъ послалъ ей обновителя, втораго Симона, котораго рукописное Житіе, не очень давно составленное какимъ-то Святогорцемъ, я перебѣлилъ для себя сокращенно.

„Этотъ Симонъ былъ современникъ греческихъ царей, проживавшихъ въ Никеѣ, Ѳеодора Ласкаря, Іоанна Ватаци и Михаила Палеогога. (1206—1280 г.) Ни родина,ни родители его неизвѣстны. Пришедши на св. гору ради спасенія души своей, онъ водворился у одного весьма строгаго старца, и бывъ послушенъ ему во всемъ, почиталъ и любилъ его такъ, что цѣловалъ ноги его, спящаго, или кровать его, или мѣсто, гдѣ онъ стоялъ, а другимъ говаривалъ: Бога должны мы любить, потому что онъ воззвалъ насъ изъ небытія въ бытіе, а старца своего, потому что онъ возобновилъ въ насъ образъ Божій, сокрушенный многими грѣхами.—Усовершившись въ послушаніи, смиреніи и терпѣніи, Симонъ, по благословенію старца своего, сдѣлался молчальникомъ и поселился въ горной пещерѣ близъ запустѣвшей обители Симопетрской. Сюда стекались къ нему многіе святогорцы и пользовались наставленіями его. Онъ изъяс-

нялъ имъ евангельное писаніе, давалъ душеспасительные совѣты, и какъ прозорливецъ даже предсказывалъ будущее. Пещера его дважды наполнялась божественнымъ свѣтомъ. А въ одну ночь предъ рождествомъ Христовымъ онъ вышелъ изъ нея и увидѣлъ необыкновенное явленіе: ему казалось, какъ будто отдѣлилась отъ неба одна звѣзда, и стала надъ утесомъ, на которомъ построенъ достоуважаемый монастырь сей *). (Симопетра). Это видѣніе повторялось ему въ нѣсколько ночей: и трижды нѣкій голосъ повелѣвалъ ему устроить на ономъ утесѣ *Киновію*. Наконецъ ему казалось (τοῦ ἐφαίνετο), что самъ онъ находится въ Виѳлеемѣ и слышитъ ангельское пѣніе: *Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе.*—Прошло нѣсколько дней послѣ рождества Христова; и вотъ приходятъ къ нему три міранина, братья родные и богатые, такъ какъ молва о немъ достигла даже до Македоніи и Ѳессаліи, и просятъ его принять ихъ на послушаніе. Симонъ принялъ ихъ, и послѣ каноническаго искуса омонашилъ, *открывъ имъ помышленіе свое о постройкѣ монастыря*. Они привели работниковъ и своимъ иждивеніемъ создали обитель, которую Симонъ назвалъ Новымъ Виѳлеемомъ, но обитель маленькую, да и не на всей поверхности утеса, а только на одномъ краю его **), ближе къ горѣ. Наконецъ сей приснопамятный мужъ достигъ глубочайшей старости, и предвидѣлъ часъ преподобнаго отшествія своего къ Господу: предъ кончиною же своею увѣщавалъ братію хранить уставъ общежитія и благочиніе церковное: избѣгать тщеславія, не принимать въ киновію дѣтей, жить миролюбиво, угощать странниковъ, праздники проводить духовно въ молчаніи, молитвѣ и чтеніи священныхъ книгъ, любить игумена и безпрекословно подчиняться

---

*) βλέπει θέαμα φοβερόν· τοῦ φαίνεται, ὡσὰν νὰ ξεκόφτεται ἕνας ἀςὴρ ἀπὸ τὸν οὐρανὸν καὶ νὰ ςέκεται ἐπάνω εἰς τὴν πέτραν ταύτην, ὁποῦ εἶναι κτισμένον τὸ σεβάσμιον τοῦτο μοναςήριον.

**) Τὸ κτίριον τὸ παλαιόν Σίμονος ἦτον ἐπάνω εἰς τὴν πέτραν, ὄχι καθὼς ὁρᾶται τώρα, ὁποῦ ἔχει τριγύρω τὴν μεγίςην ταύτην πέτραν μέσα ἐν κύκλῳ κτισμένην· διότι αὐτὸ εἶναι κτίριον τοῦ βασιλέως· τοῦ δέ ἁγίου Σίμωνος ἦτον μόνον ἐπί τὴν ἀκρώρειον τῆς πέτ-ρας ἡ ἐκκλησία καὶ μερικὰ κελλία τῶν ἀδελφῶν, ὁποῦ ἐκατοικοῦσαν.

ему.—Преподобный Симонъ, по смерти его, прославленъ былъ Богомъ, такъ что нетлѣнные мощи его начали источать цѣльбоносное мѵро. Вѣсть объ этомъ дошла до Сербскаго деспота Іоанна Углеша, у котораго дочь была одержима бѣснованіемъ. Скорбя о такомъ мученіи ея, Углешъ пламенно молилъ Бога исцѣлить ее, и однажды услышалъ изшедшій изъ нея голосъ: „если не придетъ съ Аѳона Симонъ, я не выйду“. Тогда сей деспотъ нашелъ нѣкоторыхъ Аѳонскихъ монаховъ, и распросилъ ихъ о св. Симонѣ, узнавши же отъ нихъ, что онъ хоть и *давно* отошелъ къ Господу, но и по смерти своей творитъ чудеса, весьма обрадовался, и въ своей домовой церкви молилъ Бога помиловать дочь его ради св. Симона. Молитва его была услышана: мученія дочери его прекратились, и она стала здорова навсегда предстательствомъ сего угодника Божія. Обрадованный этимъ отецъ ея тотчасъ послалъ къ Проту св. горы и къ совѣту его, въ которомъ просилъ ихъ передать ему монастырекъ μονήδριον Симона для расширенія и наилучшаго устройства его, дабы чудо, совершившееся надъ дочерью его, извѣстно было нетолько на Аѳонѣ, но и во всей Сербіи, которая, почитая св. Павла Аѳоно-Ксиропотамскаго, нѣкогда насадившаго въ ней Православіе, будетъ почитать и Симона чудотворящаго. Прошеніе Углеша было исполнено; и сей деспотъ иждивеніемъ своимъ устроилъ Симопетрскій монастырь въ томъ видѣ, какой онъ имѣетъ понынѣ.

Въ Житіи преподобнаго Симона, которое я имѣю подъ руками, поставленъ 1264-й годъ подъ письмомъ Деспота Углеша къ Проту св. горы. Но это лѣтосчисленіе невѣрно. Іоаннъ Углешъ жилъ позже цѣлымъ столѣтіемъ. Онъ былъ родной и младшій братъ Сербскаго краля Волкашина, взошедшаго на престолъ Сербіи въ 1367 году, и владѣлъ частію Ѳессаліи, живя тутъ въ стольномъ городѣ Ферѣ (нынѣ Велестино близь морскаго залива Воло), а былъ убитъ въ сраженіи съ Турками въ 1371 году; *) о чемъ упомянуто и въ Житіи преподобнаго Симона. Итакъ ус-

*) Исторія разныхъ Славянскихъ народовъ, А. Раича. Въ Budиномъ градѣ. 1823. Часть II. книг. VII.

тройство Симонопетрской обители въ диковинномъ видѣ ея надобно относить ко времени, протекшему между годами 1367 и 1371-мъ.

Въ царствованіе Андроника старшаго (1282—1328 г.) эта обитель значилась въ росписи главныхъ Аѳонскихъ монастырей на одной линіи съ Григоріатомъ (Трагосъ.) Въ 1527 году Симонопетрскій игуменъ Дометій подписалъ Протатское дѣло объ имѣніи Есфигменова монастыря на Лонгосѣ.

Въ 1580 году Симонопетрскій старецъ Герасимъ монахъ вмѣстѣ съ епископами, Кассандрійскимъ Козмою и Іериссовскимъ Акакіемъ, участвовалъ въ рѣшеніи спора Лавры и Филоѳея за Милопотамскій метохъ на Аѳонѣ. (Архивъ Филоѳ.)

Въ 1581 году обитель Симонопетрская сгорѣла до тла. Изъ насельниковъ ея нѣкоторые задохлись въ дыму, а нѣкоторые по веревкамъ спустились въ окружающую ее дебрь.

Дальнѣйшая судьба сей обители будетъ оповѣщена мною въ особой исторіи ея. А теперь я сообщаю свѣдѣнія о настоящемъ состояніи ея.

— Въ Симопетрѣ кромѣ соборнаго храма, чествуемаго въ память рождества Христова, устроены три параклиса: св. Харалампія, св. Маріи Магдалины и св. Георгія.

— Монаховъ съ келліашами—70. А въ попавшемся мнѣ спискѣ прошлаго столѣтія ихъ показано 57: въ этомъ числѣ 5 келліашей и 3 старичка, γεροντάκια; одинъ изъ нихъ 80 лѣтъ, а два 60-ти.

Вотъ образчикъ этого списка:

ИМЯ.	ОТЧЕСТВО.	РОСТЪ.	БОРОДА.	РОДИНА.	ЛѢТА.
Амвросій	Андреевъ.	Средняго.	Безбородъ.	Касторіецъ.	56.
Матѳей	Васильевъ.	Средняго.	Чернобородъ.	Влахъ.	38.
Максимъ	Николаевъ.	Малаго.	Чернобородъ.	Съ Тиноса острова.	35.

Примѣты ихъ прописаны словами Турецкими: ορτὰ μπόη—сред-

καρασακαλῆς—чернобородый, *κουμπραλσακαλῆς* — большая и густая борода, *ταρσαμούκ*—человѣкъ, у котораго борода начинаетъ сѣдѣть, *μπεγιαζεμλῆ*—бѣлобородый.

— Симопетрѣ принадлежатъ слѣдующія имѣнія:

Въ Валахіи: въ стольномъ городѣ сего княжества Букарестѣ принадлежитъ монастырь св. Николая чудотворца, построенный Іѡ Михаиломъ воеводою въ 1594 году, и приложенный имъ Симопетрѣ съ богатыми имѣніями въ 1599 г. Здѣсь помѣщается городская больница.—Но гораздо ранѣе одному метоху Симонопетрскому въ Бурешти отданы были разными лицами лавки, виноградники и луга, а госпожа Каплія завѣщала свои имѣнія въ Сфурчести, Христіанешти, Драгомирешти, Изворани и Спанцогу, кои утверждены были хрисовулами Іѡ Петра, Александра и Михны воеводъ, и наконецъ грамматою вселенскаго патріарха Іереміи въ мартѣ мѣсяцѣ 1590 года. Всѣ эти имѣнія слывутъ подъ общимъ испорченнымъ именемъ Мегаловода, подъ коимъ надо разумѣть выше помянутаго Михаила Воеводу. По сознанію Симонопетритовъ онѣ приносятъ доходу 8,000 голландскихъ червонцевъ, или 24,000 р. серебромъ. Но монастырь на Аѳонѣ изъ нихъ получаетъ весьма мало: арендаторъ монахъ заѣдаетъ почти все.

На островѣ Лимносѣ метохъ доставляетъ Симонопетритамъ 4000 піастровъ.

На Каламаріи пахатная земля продана одному Турку, когда Симонопетрскій монастырь былъ своежительнымъ, и когда въ немъ не было никакого порядка.

Съ Кассандры доставляется пшеница.

Метохи въ Серассѣ и Зихнѣ давно отняты Турками.

На самомъ Аѳонѣ рубится и продается строевой лѣсъ, ростущій въ околоткѣ Симопетры.

Заключаю. Въ этомъ монастырѣ мнѣ было хорошо. Старцы были внимательны ко мнѣ. Богъ да наградитъ ихъ за искреннее гостепріимство.

Ноября 12. Понедѣльникъ. Изъ Симопетры я моремъ отправился въ Руссикъ. Было тихо, ясно и тепло. Въ часы плаванія мой послушникъ Михаилъ потѣшилъ меня Турецкимъ анекдотцомъ.

„Одинъ султанъ отъ скуки позвалъ къ себѣ главнаго жидовскаго раввина, чтобы поговорить съ нимъ о раѣ, и предлагая ему свои вопросы, выслушивалъ его отвѣты:—

Кто будетъ въ раю?

Мы держимъ старый законъ Моисея: такъ мы и будемъ въ раю.

А гяуры греки гдѣ будутъ?

За воротами рая, потому что они придерживаются нашего стараго закона.

Гдѣ же мѣсто для Турковъ?

Вы на чистомъ полѣ будете жить въ палаткахъ.

Пеки, пеки, хорошо, хорошо, сказалъ султанъ. Принесите же мнѣ 400,000 пунговъ (200,000,000) піастровъ на покупку палатокъ.

Раввинъ, испуганный такимъ внезапнымъ оборотомъ разговора, упалъ къ ногамъ султана и издохъ.

---

14. Середа. Сегодня отправлены были мои письма къ нашему посланнику Титову и къ директору канцеляріи оберъ-прокурора св. Сѵнода К. С. Сербиновичу.

Посланнику.—„Я прибылъ на Аѳонскую гору въ 11 день августа. Съ той поры по настоящее время обозрѣны мною подробно и отчетливо только восемь монастырей и два скита. Остается осмотрѣть двѣнадцать монастырей и восемь скитовъ. Понынѣ я разсмотрѣлъ и переписалъ около 200 документовъ для составленія исторіи Аѳона: въ это число входятъ только царскіе хрисовулы, патріаршія грамматы, дѣла главнаго управленія святогорскаго, и уставы монастырскіе, и не включаются Житія святыхъ

книгахъ. А въ остальныхъ монастыряхъ и скитахъ предстоитъ болѣе обильная жатва. На основаніи сихъ бытописаній Аѳонъ будетъ представленъ вниманію и сужденію высокаго Начальства въ истинномъ видѣ его, въ естественной свѣтотѣни его, и съ выраженіемъ его тысячелѣтней жизни и дѣйствій на поприщѣ воинствующей церкви Христовой, и вмѣстѣ разныхъ скорбей, бѣдствій и соблазновъ.

Цѣль, которой я долженъ достигнуть, еще не близка. Я подвинулся бы къ ней ближе и скорѣе, если бы разныя обстоятельства не замедляли хода моихъ неусыпныхъ занятій. Переѣзды изъ обители въ обитель, иногда временное отсутствіе настоятелей, а чаще всенощныя бдѣнія въ полномъ смыслѣ сего слова, предъ которыми и послѣ которыхъ здѣшніе иноки предаются покою и прямо отказываются исполнять мои просьбы, благоразумное избѣжаніе неблаговременной настойчивости, все это отнимаетъ у меня драгоцѣнное время. Кромѣ сего находящіеся при мнѣ два послушника въ тяжкой болѣзни пролежали полтора мѣсяца въ больницѣ русскаго монастыря; и я лишился въ нихъ переписчиковъ документовъ монастырскихъ, и принужденъ былъ работать одинъ за двоихъ. Во время переѣздовъ изъ монастыря въ монастырь самъ я простудилъ спинный хребетъ, и при этомъ недугѣ продолжалъ свои занятія по возможности. Милостію Божіею я и послушники мои, мы получили облегченіе. Но вышеупомянутыя замедленія неотвратимы.

При такихъ препятствіяхъ и при обиліи важныхъ документовъ и другихъ предметовъ, представляющихся наблюденію, я никакъ не могу обозрѣть остальныя обители и скиты и вникнуть въ ихъ положеніе въ назначенное мнѣ время, котораго срокъ оканчивается съ послѣднимъ днемъ истекающаго года. Посему покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство дать мнѣ пересрочку еще на годъ, какъ для занятій моихъ на Аѳонѣ и въ Константинополѣ, такъ и для возвращенія моего въ Россію, и приказать, кому слѣдуетъ, выслать мнѣ новый паспортъ съ про

писанiемъ въ немъ имени послушника моего Ивана Будземскаго на прежнемъ основанiи. (Другой послушникъ мой не изъ Русскихъ остается на Аѳонѣ.) Нынѣ дѣйствующiй паспортъ данъ былъ мнѣ за № 550-мъ. Vale per uno anno. Documento № 550. anno 1843.“

1845 года ноября 14 дня.

Русскiй монастырь на Аѳонѣ.

Емуже.—Безъ сомнѣнiя Вамъ извѣстно, что Греческое правительство на дняхъ водворило на Аѳонской горѣ своего Консульскаго агента подъ тѣмъ предлогомъ, что туда заходятъ греческiя суда для торговли. Появленiе его встревожило всѣ обители. Здѣсь опасаются, вопервыхъ, зарожденiя революцiонной греческой *Етерiи* и мрачнаго подозрѣнiя Порты, во вторыхъ, внутренняго нестроенiя въ монастыряхъ отъ неспокойныхъ иноковъ, которые будутъ искать заступленiя, или паспортовъ у сего агента для избѣжанiя, напримѣръ, наказанiя за проступки, и наконецъ сильно боятся, какъ бы Англiя, Францiя и Австрiя не прислали сюда своихъ агентовъ. Всѣ монастыри единодушно рѣшились устранить Греческаго агента, если это возможно, и потому отправили въ Константинополь своего повѣреннаго, архимандрита Дiонисiя изъ Ксиропотамской обители, ходатайствовать по сему дѣлу. Да дастъ имъ Господь по сердцу ихъ! *)

1845 года 14 ноября. Руссикъ.

Господину Сербиновичу я писалъ тоже самое и въ тѣхъ же выраженiяхъ, но во второмъ письмѣ послѣ словъ,—*да дастъ имъ Господь по сердцу ихъ,*—прибавилъ:

„Еще живы здѣсь иноки, которые поджигали Греческое возстанiе и обагрили руки свои кровiю Турковъ; не раскованы ихъ мечи; не разряжены ихъ ружья; не исчезъ чадъ въ ихъ головахъ, въ которыхъ возникаютъ мечты о возстановленiи Греческаго царства въ новомъ видѣ и въ старыхъ географическихъ предѣлахъ. Мудрено ли же образоваться здѣсь греческой *етерiи?*

*) Незваный, непрошенный чиновникъ греческiй скоро удаленъ былъ съ св. горы.

Но какой будетъ конецъ ея?—Греческій агентъ, пожалуй, и другіе агенты будутъ охранять здѣсь, Богъ знаетъ, отъ кого и отъ чего, права и земныя выгоды нѣсколькихъ десятковъ мореходцовъ; а ихъ присутствіемъ, соглядатайствомъ и вмѣшательствомъ будетъ нарушаться спокойствіе нѣсколькихъ тысячъ иноковъ! Ужели же въ цѣломъ мірѣ нѣтъ для насъ уголка, въ которомъ мы могли бы молиться, каяться и достигать вѣчнаго спасенія безъ тревогъ со стороны міра, слишкомъ заботливаго о мамонѣ? Аѳонскіе монастыри суть единственные краеугольные камни, на которыхъ еще держится зданіе восточной церкви. Не надобно ли сохранить эти основы, и отогнать подкапывающихъ оныя? Но кто станетъ на стражѣ св. Горы, если не сильный крѣпостію Архистратигъ Россіи?

Почтительно увѣдомляю Васъ о семъ и съ совершеннымъ почтеніемъ и проч.

1845 года 14 ноября. Руссикъ.

---

15 Четвертокъ. А сего дня что? Dolce far niente—сладкій отдыхъ. Завтра же ѣду въ монастырь Иверскій.

XV.

Мои занятія въ семъ монастырѣ.

Съ 17 Ноября по 29 Декабря.

16. Пятница. Поѣздка эта по прежней дорогѣ чрезъ Карею была совершена мною благополучно. Въ Кареѣ я видѣлъ греческаго агента консульскаго и узналъ отъ него, что онъ не останется на Аѳонѣ и отправится во свояси. Въ Иверѣ же властные старцы приняли меня весьма ласково и помѣстили просторно и удобно. За то спасибо имъ.

На другой день началось мое систематическое занятіе, т. е.

пріобрѣтеніе надлежащихъ свѣдѣній о прошедшемъ и настоящемъ состояніи Иверскаго монастыря.

На мѣстѣ его задолго до Рождества Христова находилась заводь моря и пристань сосѣдняго города Клебнэ съ капищемъ бога Посидона. Жители сего города, первые на Аѳонѣ, увѣровали во Христа, бывъ оглашены и крещены пришедшимъ изъ Іерусалима епископомъ Климентомъ еще во дни равноапостольнаго царя Константина великаго. У нихъ была первая епископія Аѳонская: о чемъ я говорилъ выше, когда излагалъ свѣдѣнія о монастырѣ Аѳонофилоѳейскомъ. Клеонцы—христіане пристани своей, прежде почему-то называвшейся *Клими*, дали имя перваго епископа своего Климента, а капище Посидона передѣлали въ храмъ св. Іоанна Предтечи, положивъ въ основаніе его прежнихъ идоловъ своихъ: о чемъ есть замѣтка въ путешествіи Барскаго. Около этого храма впослѣдствіи, когда Константинъ Погонатъ отдалъ Аѳонъ монахамъ, возникла малая обитель иноческая, прозывавшаяся то *Клими*, то *Климентосъ*. Въ этой обители долго покоились нетлѣнные мощи св. Петра аѳонскаго, скончавшагося въ 734 году. Потомъ она, какъ увидимъ ниже, вошла въ составъ монастыря Иверскаго. Но когда же поселились тутъ монахи Иверскіе—Грузинскіе? Рѣшимъ этотъ новый вопросъ, предварительно указавъ мѣсто первоначальнаго поселенія ихъ.

Надъ нынѣшнимъ Иверскимъ монастыремъ господствуетъ горная высь, которую Аѳонцы теперь называютъ *Гаврилова гора*, а въ старину называли Аѳо, насчитывая въ *одной* горной цѣпи *три* выси съ одинаковымъ названіемъ, Аѳонъ большой, Аѳонъ малый, или Антіаѳонъ, и просто Аѳонъ. (Ἄθω). У чела сего, третьяго, Аѳона, гдѣ нынѣ расположенъ Иверскій скитъ Іоанна предтечи, съ незапамятныхъ временъ находился *мореходный дозоръ* (маякъ), такъ называемый по гречсски σκοπιά. Вотъ на этой *дозорной высотѣ* первоначально поселились Иверійцы, по нашему

и Ирины *). Небольшой монастырь ихъ тутъ былъ общежительный. Существованіе же его въ такую раннюю пору Аѳонскаго монашества доказывается слѣдующими письменными *Памятями* аѳонскими.

1) Въ первый годъ царствованія Ѳеофила иконоборца (829й) въ околоткѣ малоазійскаго города Никеи одна благочестивая, добродѣтельная и богатая вдова, мать единственнаго сына, боясь преслѣдованія и поруганія солдатъ онаго Ѳеофила за почитаніе иконъ, ночью тайно свезла къ морю образъ Богоматери, который находился въ построенномъ ею подлѣ дома храмѣ, и пустила его по водѣ, а сына своего отослала въ Македонію. Онъ же изъ стольнаго города сей области Солуня ушелъ на Аѳонъ, и здѣсь *въ священной киновіи Иверской* омонашился, жилъ свято и свято почилъ о Господѣ. Отъ него Иверцы узнали: какъ мать его поступила съ оною иконою. (ὑπόμνημα περὶ τῆς τιμίας εἰκόνος, τῆς Πορτιατίσσης. Χειρογρ, 1540 ἔτους—Origo coenobii. Iberorum in monte sancto. Venetiis. 1713.

2) Игуменъ этой Киновіи Іоаннъ въ 943 году подписалъ дѣло о размежеваніи земель Аѳонитовъ и Ериссовцовъ на Аѳонскомъ перешейкѣ **).

Указавъ время первоначальнаго существованія Ивероаѳоса на св. горѣ и оповѣстивъ два событія въ этомъ общежительномъ монастырѣ, изъ которыхъ первое имѣетъ неразрывную связь съ судьбою достоуважаемой и у насъ въ Москвѣ Иверской Божіей Матери, излагаю другія *крупныя* свѣдѣнія о сей киновіи, почерпнутыя въ архивѣ ея и изъ другихъ источниковъ, потому что желаю освѣтить неясное для любителей Аѳона существованіе ея въ самые старые годы.

Въ 965 году поселился на Аѳонѣ подлѣ лавры св. Аѳанасія знаменитый грузинецъ Іоаннъ Ивиръ. Къ нему вскорѣ пришли

*) Въ Хрисовулѣ царя Никифора Вотаніата, 1078 года, сказано: μοναστήριον κατὰ τὸ μέγα ὄρος τὸν Ἄθωνα, ὥσπερ ἐπὶ τίνος σκοπιᾶς διακείμενον, τῶν Ἰβήρων δὲ φερονύμως λεγόμενον.

**) Смотри мою Истор. Аѳона. Ч. III. § 20.

родной сынъ его Евѳимій и извѣстный полководецъ Торникій, и омонашились. Всѣ они трое и съ ними многіе другіе грузины жили тамъ до 979 года, въ который Торникій возвратился на Аѳонъ послѣ пораженія Варды Склира, врага царя Василія порфиророднаго, и возвратился съ богатою военною добычею *). Но такъ какъ въ лаврѣ Аѳанасія и подлѣ нея грузинамъ стало тѣсно, то духовный вождь ихъ Іоаннъ Ивиръ задумалъ и рѣшился построить для нихъ особую лавру на особыхъ правахъ, такъ чтобы она не зависѣла отъ Прота св. горы, и состояла подъ непосредственнымъ покровительствомъ царей греческихъ. Осуществленію сей думы и рѣшимости его благопріятствовали обстоятельства, какъ нельзя лучше. Царь Василій былъ признателенъ къ грузинскимъ Аѳонитамъ за услугу, оказанную ему собратомъ ихъ Торникіемъ, и готовъ былъ исполнить благочестивыя желанія ихъ: а часть военной добычи сего Торникія, доставшаяся ему послѣ пораженія Варды Склира, могла быть употреблена на постройку особой Грузинской обители въ большихъ размѣрахъ: этими обстоятельствами воспользовался Іоаннъ Івиръ. Сперва онъ съ родичами своими перемѣстился въ древній Грузинскій монастырь *Аѳо*, въ которомъ настоятельствовалъ Павелъ, и потомъ въ 980 году выпросилъ у царя Василія монастыри, Леонтійскій въ Солунѣ, Іоанна Колову въ Ериссѣ и Климента на Аѳонѣ, взамѣнъ двухъ грузинскихъ обителей, Иверской въ Константинополѣ и св. Фоки въ Трапезунтѣ, отъ которыхъ онъ отказался, выпросилъ же со всѣми имѣніями и доходами ихъ для поддержанія монастыря *Аѳо* и для созданія новой Лавры. Но скоро онъ спустился изъ сего нагорнаго монастыря къ берегу моря, и тутъ на мѣстѣ выпрошенной у царя обители Климента началъ строить свою лавру, которая и прозывалась долго Климентовою **). (Архивъ Ивера). Впрочемъ строителемъ ея былъ не

*) Моя истор. Аѳона. Ч. III. § 28.

**) Ἦτον δὲ αὔτη ἡ μονὴ (τοῦ Κλήμεντος) πρότερον μικρὰ, μόνος ὁ ναὸς τοῦ τιμίου προδρόμου μὲ κελλία καὶ τὸ τειχόκαστρον μικρὸν, τὸ ὁποῖον, ὡς ᾄδεται, ἦτο κτίριον τοῦ μεγάλου βασιλέως Κωνσταντίνου, διὰ Κλήμεντός τινος μοναχοῦ οἰκοδομηθὲν.—(Βίος Ἰωάννου, Εὐθυμίου καὶ Γεωργίου, τῶν Ἰβήρων).

одинъ Іоаннъ Ивиръ, и не одинъ доблестный Торникій, а еще какой-то Грузинъ Варасвадзѐ. (Cedren. histor. compendium. T. I. p. 488 Ed. Bonnae. 1839).

Въ 985 году эта лавра, въ небольшихъ размѣрахъ, была готова. Тогда въ декабрѣ мѣсяцѣ сего года другъ Іоанна Ивира Аѳанасій аѳонскій подарилъ ей хрисовулъ царя Василія, предоставляющій право имѣть мореходное судно. (Арх. Ивер.).

По окончаніи постройки Иверской лавры и по смерти строителя ея Іоанна Ивира (998 г., или 1005 г.) явилась та самая икона, которая пущена была по морю Никейскою вдовицею, и о которой сообщилъ извѣстіе Аѳонскимъ Грузинамъ сынъ ея, назадъ тому сто лѣтъ, пересказавъ имъ примѣты ея, по которымъ можно было бы узнать ее. Такъ какъ явленіе этой чудотворной иконы еще не уяснено надлежащимъ образомъ, и разнорѣчивыя сказанія о ней возбуждаютъ сомнѣніе; то я предлагаю здѣсь свое критическое изслѣдованіе сего предмета, предварительно перечисливъ и обсудивъ эти сказанія, рукописныя и печатныя, какія только попали мнѣ подъ руки. Этотъ книжный трудъ мой надобенъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе уважается образъ Иверской Богоматери на Аѳонѣ и въ Москвѣ.

Сказанія о немъ, извѣстныя мнѣ, суть слѣдующія: 1) Ὑπόμνημα περὶ τῆς τιμίας καὶ προσκύνητῆς εἰκόνος τῆς ὑπεράγνου δεσποίνης ἡμῶν θεοτόκου, τῆς ἐπικεκλημένης Πορτιατίσσης. Μηνὶ αὐγούσῳ ις. *Воспоминаніе о честной и покланяемой иконѣ пречистыя Владычицы нашея Богородицы, называемыя Портіатиссы. Въ мѣсяцѣ августѣ 16 дня.*—Оно извлечено мною изъ сборника, Συναξαριστής, βιβλίον ὄγδοον, написаннаго на бумагѣ, въ большой листъ, въ два столбца, въ 7048—1540 году для чтенія въ церкви, и хранящагося въ библіотекѣ Аѳоно-Иверскаго монастыря. Трехсотлѣтняя слишкомъ давность его—достопочтенна. Однако я пользуюсь имъ весьма осмотрительно и скупо, потому что оно не первоисточно, а переведено съ сказанія Грузинскаго при посредствѣ плохаго толмача, и впослѣдствіи переправлено какимъ-то Грекомъ:

что видно изъ слѣдующей приписки въ концѣ рукописи другою рукою. † Λέγεται, ὅτι μετὰ τὸ καταλειφθῆναι τὴν μονὴν ὑπὸ τῶν Ἰβήρων, ἠθέλησαν οἱ ταύτην οἰκήσαντες Γραικοὶ μετενεγκεῖν ἐκ τῆς Ἰβηρίδος φωνῆς εἰς τὴν ἰδιάν διάλεκτον Ὑπόμνημα περὶ τῆς ἁγιάς εἰκόνος τῆς Πορταϊτίσσης, οὐκ ἔτυχον δὲ οὔτε ἑρμηνέως, οὔτε συγγραφέως, ὡς ἔδει. Ὅθεν μοι δοκεῖ ἐν πολλοῖς διαφθαρῆναι τὸ σύγγραμμα, διορθώθη δ' οὖν ὅμως παρ ἡμῶν ὡς δυνατὸν, καὶ μετεῤῥυθμήθη εἰς τὸ ἁπλοϊκότερον, ὡς ὁρᾶται ἐνθάδε, ἤτοι ἐκεῖσε ἐν τῷ βιβλιαρίῳ ἐκείνῳ, ὁποῦ εὑρίσκεται ἐν τῷ ναῷ τῆς Πορταϊτίσσης. † *Говорятъ*, что послѣ того, какъ Грузины оставили обитель свою *), поселившіеся въ ней Греки пожелали перевесть съ грузинскаго языка на свое нарѣчіе Воспоминаніе о святой иконѣ Портаитиссы, но не нашли ни переводчика (грузина), ни сочинителя (грека), *надлежащаго*. Посему *мнѣ кажется*, что это сочиненіе во многомъ было искажено, однако исправлено нами *по возможности*, и передано упрощеннѣе, какъ видится здѣсь, или тамъ въ той книжицѣ, которая находится въ храмѣ Портаитиссы„.—Итакъ оное Воспоминаніе, ὑπόμνημα, есть передѣлка плохаго греческаго перевода съ Грузинскаго языка. Передѣлывателю греку казалось, что въ переводѣ этомъ *многое искажено:* и онъ, какъ могъ, *упростилъ* все сказаніе объ Иверской иконѣ. Спасибо за такую откровенность! Выслушавъ ее, по неволѣ сдѣлаешься вѣстникомъ осторожнымъ и скупымъ на красное словцо.

2.) Origo coenobii Iberorum in monte sancto erecti, et admiranda apparitio imaginis beatae Virginis, quam Portaitissam vocant. Venetiis. 1713. Typis Antonii Bortoli superiorum permissu: *Происхожденіе киновіи Иверцовъ, построенной на св. горѣ, и дивное явленіе образа Благодатныя Дѣвы, который называютъ Портаитисса.—Венеція. 1713 г. Въ типографіи Антонія Бортола, съ дозволенія суперіоровъ.*—Въ этой книжицѣ сказаніе о явленіи Иверской иконы Богоматери и о чудесахъ ея сходно съ вышеприведеннымъ Воспоминаніемъ о ней. Но есть разности меж-

ду ними, кои отмѣчаются здѣсь. Греческое воспоминаніе указываетъ поклонное мѣсто жительства благочестивой вдовицы въ околоткѣ города Никеи (ἐν τῷ θέματι Νικαιας), а латинская книжица— въ самой Никеѣ. Тамъ упомянуто, что она отправила юнаго сына своего въ Македонію, *еще свободную отъ нашествія варваровъ*: а здѣсь сказано, что она отослала его въ Грецію. Тамъ прибавлено, что принадлежавшая ей икона Богоматери явилась на морѣ въ виду Иверскаго монастыря, когда въ немъ настоятельствовалъ Павелъ, и что принявшій ее съ моря грузинскій монахъ Гавріилъ въ зимнее время проживалъ на южной сторонѣ Аѳона въ деревнѣ *Сисиконъ*, находившейся на границѣ владѣній обителей Ксиропотамской и Русской: а здѣсь нѣтъ и помину ни о названномъ настоятелѣ, ни о поименованной деревнѣ.

Итакъ оное воспоминаніе по своимъ подробностямъ имѣетъ большое преимущество предъ латинскимъ близнецомъ своимъ.

3.) Προσκυνητάριον τοῦ ἁγίου ὄρους τοῦ Ἄθωνος ὑπὸ ἰατροῦ Ἰωάννου τοῦ Κομνηνοῦ. 1701. ἔτ. Ἐν τῇ μονῇ τοῦ Σνιαγῶβου. In 8°: *Поклонныя мѣста на св. горѣ Аѳонской, врача Іоанна Комнина. 1701 года. Въ обители Снягову въ Валахіи*. Сей Комнинъ, описывая Иверскій монастырь, о Богоматерней иконѣ въ немъ сказалъ только вотъ что: εἶναι ἡ εἰκὼν τῆς θεοτόκου ὁποῦ καλεῖται τῆς Πορταιτίσσας. ἥτις ἦλθε διὰ θαλάσσης ἀφ' ἑαυτοῦ τῆς εἰς τὸν καιρὸν τῆς εἰκονομαχίας: *есть тамъ икона Богородицы, которая называется Портаитисса. Она по морю пришла сама собою во время иконоборства*. Это сказаніе не стоитъ вниманія, потому что оно весьма кратко и мало содержательно, и потому что, какъ сейчасъ увидимъ, противорѣчитъ подлинному Грузинскому сказанію о явленіи Иверской иконы у Аѳона не въ годы иконоборства, а спустя много времени послѣ него, во дни Іоанна Ивира и сына его Евѳимія, и друга ихъ монаха Гавріила, въ концѣ десятаго вѣка.

4.) *Краткая исторія Грузинской церкви, составленная Платономъ Іосселіаномъ. С. Петербургъ. Изданъ. 2-е 1843 г.*—Тутъ помѣщено прекоротенькое извѣстіе объ иконѣ, о которой идетъ

рѣчь. Вотъ оно. „Въ бѣдственныя времена церкви отъ иконоборцовъ въ Константинополѣ, *Гавріилъ* монахъ изъ Грузинъ, жившій на Аѳонской горѣ въ уединеніи отъ братьевъ, удостоился принять св. икону Божіей Матери съ моря, явившуюся предъ Аѳонскою горою. Чествуемая здѣсь въ монастырѣ Грузинскомъ, скоро Грузинскими же монахами основанномъ, икона сдѣлалась извѣстною подъ именемъ Иверской".—И это извѣстіе безъ указанія, откуда оно занято, не можетъ быть принято во вниманіе по его малосодержательности и разгласію съ подлиннымъ преданіемъ Грузинскимъ.

5). А Преданіе это помѣщено въ Грузинскомъ Житіи основателя Иверской лавры Іоанна Ивира и сына его Евѳимія. Житіе же ето содержится во второй части „*Полнаго Жизнеописанія Святыхъ Грузинской Церкви, составленнаго съ Грузинскихъ подлинниковъ Иверцомъ Михаиломъ Сабининымъ. С.П.Б. Стран. 127—160*. Тутъ объ уясняемомъ мною предметѣ говорится вотъ что. 1) Преподобный Гавріилъ грузинецъ, принявшій Богоматернюю икону съ моря, жилъ вмѣстѣ съ основателемъ Иверской лавры Іоанномъ Ивиромъ, который, зная военную привычку собрата своего Торникія разговаривать съ монахами о томъ и семъ, запретилъ ему это и велѣлъ бесѣдовать только съ онымъ Гавріиломъ. 2) Сынъ и преемникъ Іоанна Ивира Евѳимій *повелѣлъ этому Гавріилу взять съ моря икону Владычицы Богородицы*, и часто бесѣдовалъ съ нимъ по вечерамъ въ его пещерѣ, изсѣченной имъ въ горѣ недалеко отъ Иверской лавры. Только!

Но и этихъ новыхъ подробностей достаточно для насъ. Онѣ по крайней мѣрѣ опредѣляютъ время явленія на морѣ иконы Иверской Богоматери. Это было уже по смерти Іоанна Ивира, послѣдовавшей или въ 998 году, или въ 1005-мъ, и во время настоятельства сына его Евѳимія, передавшаго игуменскій жезлъ свой Георгію или Григорію ранѣе 1028 года. Настоятельствовалъ же этотъ Евѳимій въ *новосозданной* лаврѣ Иверской, а въ старогрузинскомъ сосѣднемъ монастырѣ *Аѳо* въ тоже время настоя-

Повѣствованіи объ Иверской иконѣ. Такъ устраняется кажущееся противовѣчіе между этимъ Повѣствованіемъ и Житіемъ Евѳимія касательно *двухъ* Грузинскихъ настоятелей, въ *одно и тоже* время сподобившихся явленія Богоматерней иконы въ виду ихъ обителей.—Къ сему не излишне присовокупить, что переводчикъ и издатель „*Полнаго Жизнеописанія святыхъ Грузинской церкви*" Михаилъ Сабининъ, въ подстрочномъ примѣчаніи къ Житію Іоанна Ивира (стран. 135) сказалъ, что *икона Пресвятой стояла на воздухѣ въ виду обители Иверской*, но не досказалъ, откуда онъ заимствовалъ свѣдѣніе о такомъ стояніи ея. Посему я затрудняюсь вѣрить этому сказанію его, тогда какъ другія Повѣствованія упоминаютъ о явленіи иконы только на морѣ, и отнюдь не на воздухѣ. Г. Сабининъ не вездѣ вѣрно передавалъ Грузинскіе подлинники. Такъ напримѣръ, онъ изъ житія Георгія Мтацминдели, не знаю почему, исключилъ бесѣду этого Святогорца съ царемъ Константиномъ Дукою о вѣрѣ въ присутствіи Латинъ и Армянъ, тогда какъ эта бесѣда помѣщена въ Житіи его.

6). Couvent Ibérien du mont Athos. Extrait du livre de la Visite par Timothé Gabachwili. (Dans les Additions à l'histoire de la Géorgie. par M. Brosset. S. Petersbourg. 1851. pag. 190.191.— *Иверскій монастырь на горѣ Аѳонской: Извлеченіе изъ путешествія Тимоѳея Габахвили. (Въ Прибавленіяхъ къ исторіи Грузіи, переведенной Броссетомъ. С.П.Б, стран. 190. 191.)*.—Въ этомъ извлеченіи содержится Сказаніе о явленіи иконы Иверской Богоматери на морѣ Аѳонскомъ. Но оно не заслуживаетъ особеннаго вниманія, потому что не изъ Грузинскихъ рукописей почерпнуто Грузиномъ отцомъ Тимоѳеемъ, а записано имъ съ голосу въ Аѳонскомъ монастырѣ, который онъ посѣтилъ зимою въ 1755 году. Что и какъ ему сказали Греки объ оной иконѣ, то такъ и записалъ онъ въ своемъ дорожникѣ, начавъ эту запись свою словами: „намъ *разсказывали*, что во время греческаго царя Ѳеофила..." Главное содержаніе этой Записи—такое же, какое читается и въ вышеприведенныхъ *Памятяхъ*. Но есть и разности, кои я и отмѣчаю здѣсь въ подтвержденіе той правды, что

основа всякаго устнаго преданія одинакова и вѣрна, а подробности и прикрасы его—разнообразны и сомнительны." Въ царствованіе Θеофила иконоборца одинъ *разсыльный* (courier), посланный этимъ государемъ въ Никею по одному дѣлу, остановился отдохнуть у нѣкоей вдовицы, которая скрывала у себя икону пресвятой Дѣвы, и увидѣвъ сію икону, разъярился, извлекъ мечъ свой и имъ поразилъ ее: но изъ нея, — *говорятъ*, — брызнула кровь и обагрила грудь сего человѣка. Онъ, будучи устрашенъ симъ, убѣжалъ: а вдовица боясь, какъ бы не огласилось это происшествіе, пустила икону по морю, на которомъ *впослѣдствіи* она явилась у св. горы, давъ знать о себѣ огненными лучами, блиставшими тутъ долго. Святые отцы горы святой, увидѣвъ такой свѣтъ на волнахъ морскихъ и не понимая причины его, отправились на лодкахъ по направленію къ нему. По той мѣрѣ, какъ они приближались къ свѣту, свѣтъ удалялся отъ нихъ къ великой скорби ихъ. Тогда послышался голосъ, говорившій: *Гавріилъ Грузинецъ достоинъ принять сей образъ Пресвятой Дѣвы*. Послѣ сего святогорцы пошли въ монастырь грузинскій и тутъ спросили: кто сей Гавріилъ? поискали и нашли монаха Гавріила, жившаго отшельникомъ на Горѣ, и взяли его въ лодку. По мѣрѣ приближенія ея къ свѣту и свѣтъ приближался къ ней. Гавріилъ, приблизившись, пошелъ—*говорятъ*—по волнамъ и принялъ икону Пресвятой Дѣвы. Это было во вторникъ Пасхи. Тогда монахи совершили крестный ходъ съ молитвами, и поставили икону въ церкви монастыря грузинскаго. Такъ разсказывали намъ эти подробности, которыхъ эхо—мы: c'est ainsi qu' on nous a raconté ces details, dont nous sommes l'écho.—Однако эта икона изчезла. А такъ какъ поиски ея были тщетны, то отправились въ нагорную келью Гавріила и извѣстили его объ этомъ случаѣ. Онъ отвѣтилъ: *Воля Пресвятой Дѣвы не та, чтобы образъ ея оставался въ мѣстѣ затворенномъ: она явила его для того, чтобы каждый могъ молиться предъ нимъ, когда его помѣстятъ у воротъ*. Тогда взяли икону изъ

она и прозвалась Вратарницею. Впослѣдствіи Кай-Хозро († 1573 г.), атабекъ и спасалафъ Самцхета, Джака и Цихис-Джуара, сынъ атабека Гуаргуарэ и Дедисы-Имедіи, дочери князя Мухранскаго, сдѣлалъ драгоцѣнную ризу на нее, а Ашотанъ, князь Мухранскій, у воротъ построилъ малую церковь съ куполомъ, въ которой изображены самъ онъ и сынъ его Іессей."—Въ этой записи особенно замѣчательны три предмета: 1) неувѣренность отца Тимоѳея въ томъ, что изъ иконы брызнула кровь на грудь разсыльнаго, и въ томъ, что Гавріилъ пошелъ по волнамъ моря для принятія иконы, неувѣренность, дважды выраженная имъ глаголомъ, *говорятъ;* 2) перенесеніе иконы въ грузинскій монастырь во вторникъ Пасхи, и 3) перемѣщеніе ея въ нагорную келью Гаріила, а оттуда къ воротамъ Иверской обители, перемѣщеніе, которое, какъ повторимъ послѣ, предполагаетъ споръ изъ-за нея между новосозданною лаврою Иверскою, и старымъ грузинскимъ монастыремъ Аѳо.

Вотъ вамъ шесть *памятей* объ искомомъ предметѣ. Выжимаю изъ нихъ надлежащее свѣдѣніе о немъ и упрочиваю его критически.

Въ первый, или во второй годъ царствованія Ѳеофила иконоборца (829 или 830-й) одна благочестивая и богатая вдова, имѣвшая единственнаго сына юнаго, жившаго въ околоткѣ Малоазійскаго города Никеи близь моря, боясь притѣсненій и поруганій отъ сыщиковъ онаго царя за почитаніе св. иконъ, пустила по морю досточтимый образъ Богоматери, который находился въ собственной церкви ея, выстроенной подлѣ дома ея, молитвенно поручивъ его храненію самой Царицѣ небесной, а сына своего отослала въ Македонію, еще не занятую варварами, сама же осталась въ домѣ своемъ. Сынъ ея пріѣхалъ въ столичный городъ сей области Солунь, а отсюда отправился на Аѳонъ, и здѣсь поступилъ въ священную киновію Иверскую (830 г.), гдѣ и скончался послѣ долголѣтнихъ подвиговъ. По смерти его прошло много лѣтъ, въ теченіи которыхъ гдѣ находился вышеупомянутый образъ, на сушѣ, или на морѣ: это неизвѣстно. Наконецъ онъ

явился на водѣ у берега Аѳона, гдѣ отстраивалась новая лавра Иверская, явился по смерти строителя ея Іоанна Ивира, постигшей его въ 998 или 1005 году. Въ то время въ сей лаврѣ настоятельствовалъ родной сынъ его Евѳимій, а въ другомъ грузинскомъ монастырѣ *(Аѳо)* игуменомъ былъ Павелъ. Оба они имѣли отмѣнное уваженіе къ одному святому старцу изъ грузинъ, именемъ Гавріилу, который жилъ то въ горной пещерѣ гдѣто подлѣ новой Иверской лавры, то въ нагорной кельѣ, то въ деревнѣ Сисиконъ, находившейся на югозападной сторонѣ Аѳона въ околоткѣ между монастырями, Русскимъ и Хлоропотамскимъ. Сего-то Гавріила, какъ *святаго отшельника,* Евѳимій и Павелъ просили принять съ моря явившійся на немъ образъ Богоматери и усмотрѣнный по отражавшемуся отъ него свѣту солнца. Гавріилъ, самъ съ горной высоты видѣвшій его *въ воздухѣ,* внялъ ихъ просьбѣ и принялъ его съ моря. Это было во вторникъ Пасхи. Сначала образъ этотъ почему-то помѣстили въ нагорной кельѣ Гавріила, а потомъ перенесли въ новосозданную лавру Иверскую, и тутъ помѣстили въ параклисѣ надъ воротами ея по указанію достоуважаемаго за святость отшельника, пожелавшаго поручить сію лавру охраненію самой Богоматери, яко Вратарницы—Πορτιατίσσης,

Такова сущность Повѣствованія о явленіи Аѳоноиверской иконы Пресвятой Дѣвы. Вложимъ же это золото въ раскаленное горнило исторической критики, дабы узнать качество его.

Въ Повѣствованіи, о которомъ начинается разсудительная рѣчь моя, упомянутъ Греческій царь Ѳеофилъ, какъ иконоборецъ. Дѣйствительно, онъ былъ лютый гонитель всѣхъ тѣхъ, которые почитали св. иконы: въ этомъ увѣряютъ насъ Византійскіе историки. Одинъ изъ нихъ, именно Кедринъ, разсказалъ: какъ придворный шутъ сего Ѳеофила донесъ его царственности, что супруга его тайно держитъ у себя святые образа и лобызаетъ ихъ; и какъ эта царица наказала его розгами за такой доносъ, а мужа своего увѣрила, что шутъ видѣлъ у ней куклы, а не образа. Никейская вдовица боялась Ѳефила, и въ страхѣ на-

икону Богоматери. Это же самое въ время иконоборства дѣлали и другіе благочестивые христіане, Вотъ тому примѣры. Германъ патріархъ Константинопольскій (714—730 г.), отправляясь въ мѣсто ссылки своей, взялъ съ собою изъ патріархіи икону Спаса и въ Амантійской пристани Константинополя пустилъ ее по морю, возгласивъ дважды: *Предстателю, Предстателю, спаси себя и насъ.* Икона эта пошла по водѣ, не опрокинувшись ни тыломъ, ни ликомъ своимъ (καὶ αὐτὴ ἀπῄει οὐθ᾽ ὑπτία, οὔτ᾽ ἐπὶ πρόσωπον), и въ одни сутки донеслась до устья. рѣки Тибра, гдѣ и принялъ ее папа Григорій.—*) Въ царствованіе супруги Ѳеофила иконоборца Ѳеодоры (843 г.) изъ Рима чудесно возвратилась по морю въ Константинополь Лиддская икона Богоматери, пущенная тѣмъ же Германомъ и приплывшая въ Римъ.—**) Я отъ своей благочестивой матери слышалъ, что ветхіе образа святые грѣшно уничтожать, а надобно пускать ихъ по водѣ.—Никейская вдовица отослала юнаго сына своего въ Македонію, *еще не занятую варварами.* Дѣйствительно въ эту область, во время ея, (829 г.) еще не вторгались аравитяне, уже раззорявшіе города малой Азіи, гдѣ и Никея. Македонія была свободна отъ нихъ. Это исторически вѣрно.—Сынъ этой вдовицы изъ Солуня отправился на Аѳонъ, *и здѣсь омонашился въ священной киновіи Грузинской.* Какъ? спросите вы; да въ 829 году развѣ были монастыри на Аѳонѣ? развѣ жили тамъ Грузины? Совопросники мои, не сомнѣвайтесь въ этомъ, и знайте твердо, что не только въ указанномъ году, но и гораздо ранѣе на Аѳонѣ были монастыри, Стратоникійскій во имя сорока мучениковъ Севастійскихъ, гдѣ нынѣ Ксиропотамъ, и Вознесенскій у Есфигмена, оба построенные царицею Пульхеріею въ пятомъ вѣкѣ, Никольскій, существовашій въ 730 году у пристани Дафны и прозывавшійся Дохіаръ, Климентовъ, принявшій въ свою церковь мощи св. Петра аѳонскаго въ 734 го-

*) Λόγοι καὶ βίοι ἁγίων τινῶν καὶ τινες διηγήσεις. Χειρογρ. въ Аѳоноесфигменовомъ монастырѣ на бумагѣ 1417 года.—

ду, а въ 980-е лѣто отданный Грузинамъ, и многіе другіе. *) Грузины же, какъ я уже сказалъ выше, вскорѣ послѣ 787 года построили себѣ обитель подъ челомъ надхребтовой высоты, называемой Аѳо, (въ сосѣдствѣ съ нынѣшнимъ монастыремъ Иверскимъ.) Это время я назначилъ потому, что съ сей поры цари ихъ, Ашотъ, Багратъ I, Давидъ I и прочіе постоянно дружили съ Греческими государями, и отъ нихъ получали придворное достоинство *Куропалатское*. Послѣ 787 года, а вѣрнѣе, послѣ седьмаго вселенскаго собора (789 г.), возобновившаго почитаніе св. иконъ и тѣмъ ослабившаго иконоборство, Грузины основали въ Константинополѣ монастырь Іоанна Предтечи, который въ 980 году извѣстный намъ аѳонитъ Іоаннъ Ивиръ промѣнялъ на Леонтійскій монастырь въ Солунѣ, **) и тогда же водворились и на Аѳонѣ у вышеназванной высоты, которая въ межевыхъ книгахъ аѳонскихъ писалась σκοπιά—*дальнозоръ*, и Аѳо; отъ чего и монастырь ихъ въ царскихъ грамматахъ именовался Ἄθω ἤτοι τῶν Ἰβήρων т. е. *Аѳо, онъ же и Иверскій*. ***) Въ сей-то монастырь поступилъ сынъ Никейской вдовицы,—понятно почему,—потому что онъ былъ грузинецъ по отцу, или по матери. Поступилъ же онъ туда или въ 829 году, или въ первой половинѣ 830-го; ибо съ октября мѣсяца сего послѣдняго года весь Аѳонъ опустѣлъ страха ради арабскаго. Но не долго онъ пробылъ въ ономъ монастырѣ, которому угрожало раззореніе отъ арабовъ и съ братіею удалился, по всей, вѣроятности, въ Константинополь, гдѣ и прожилъ въ грузинскомъ монастырѣ Предтечи до вторичнаго заселенія Аѳона монахами, начавшагося съ 870 года. Послѣ же этого заселенія онъ опять возвратился въ свой Аѳоноаѳосскій монастырь уже въ преклонныхъ лѣтахъ, и тутъ свято почилъ о Господѣ (890 г.) Отъ него-то, какъ отъ грузинца, осталось тутъ преданіе о матерней иконѣ, пущенной на море,

---

*) Смотри это въ моей исторіи Аѳона.—

и о признакахъ, по коимъ можно узнать ее, еслибы волны случайно принесли эту святыню къ берегамъ Аѳона: что и состоялось впослѣдствіи. Iuvenis abiit Thessalonicam, inde ad montem sanctum, pervenitque ad sacrum Iberorum coenobium, ubi monachus factus sancte vixit, sancteque mortuus requievit in Domino, quem optarat. Fuit fortasse divinae providentiae veluti quoddam lineamentum, ut illuc perveniret juvenis, et de sacra imagine, quod procedebat, eis nuntiaret. Ille enim quae scripsimus enarravit.—*) По смерти сего угодника Божія, котораго имя осталось неизвѣстнымъ, прошли 108 лѣтъ. Наступилъ 999-й годъ отъ Рождества Христова. Тогда Богоматерняя икона Никейской вдовицы явилась на Аѳонскомъ морѣ въ виду новосозданной лавры Иверской и стараго грузинскаго монастыря Аѳо. Ее увидѣли и помѣстили сперва въ церквѣ, потомъ въ кельѣ святаго отшельника Гавріила, и наконецъ у воротъ названной лавры. Но какъ она уцѣлѣла на морѣ въ теченіи 170 лѣтъ? И какъ Иверцы узнали, что она та самая, о которой въ старости припоминалъ сынъ Никейской вдовицы назадъ тому 108 лѣтъ. Мѣстное преданіе не рѣшаетъ этихъ двухъ вопросовъ. Посему остается предполагать, что икона, о которой идетъ рѣчь, *весьма долго* держалась у какого-то никѣмъ непосѣщаемаго и тихаго берега морскаго на ближнемъ къ Аѳону островѣ Лимносѣ, куда отъ Никеи быстро занесли ее волны, и отсюда морскимъ теченіемъ принесена была къ Аѳону, гдѣ и увидѣли ее монахи и приняли. Живописный ликъ на ней во время ея покоя и передвиженія по морскому теченію могъ хорошо сохраниться, какъ хорошо сохранился мозаическій ликъ св. Николая чудотворца на иконѣ, *весьма долго* лежавшей даже въ морѣ у берега Аѳоноставроникитской обители, откуда вытащили ее рыбаки въ присутствіи вселенскаго патріарха Іереміи I, строившаго эту обитель въ 1546 году. Къ этой иконѣ вверху приросла большая перламутовая раковина. Рыбаки осторожно оторвали ее. А патріархъ изъ одной половины ея сдѣлалъ блюдцо, на которомъ понынѣ

*) Origo coenobii Iberorum in monte sancto. Venetiis. 1713.—

совершается Чинъ Панагіи, а изъ другой—архіерейскую панагію, которою вселенскій патріархъ Іеремія II благословилъ нашего первосвятителя Іова: она понынѣ хранится въ московской патріаршей ризницѣ. На Аѳонѣ никто не знаетъ: когда и кѣмъ эта икона св. Николая была брошена въ море. Ежели это случилось во время иконоборства, положимъ, при царѣ Ѳеофилѣ въ 829 году, то она пролежала въ морѣ 717 лѣтъ безъ поврежденія. А ежели туда ринули ее пираты, арабскіе въ 1044 году, или турецкіе въ 1098, или Каталанскіе въ 1306 году, то и съ тѣхъ поръ она долго, долго, 500, 400, 240 лѣтъ лежала на днѣ морскомъ и осталась невредимою. Таковою явилась на морѣ и Иверская икона послѣ стаседмидесятилѣтняго пребыванія своего у какого-то берега морскаго. Грузинское преданіе гласитъ, что преподобный Гавріилъ съ горы видѣлъ ее въ воздухѣ. Вѣроятно и это. Какъ я съ заоблачной высоты Ливана, близъ Бейрута, видѣлъ ясно отразившійся въ бѣломъ облакѣ цѣлый корабль, который стоялъ на морѣ, поодаль отъ пристани сего города, отразившійся стоймя во всемъ естественномъ видѣ его: такъ и оный Гавріилъ съ выси Аѳо узрѣлъ въ облачномъ воздухѣ отразившуюся икону Богоматери.—А узналъ онъ о происхожденіи ея изъ Никеи,—полагаю,—по начертанной на ней грузинской, или греческой надписи. Иначе это быть не могло. Такую надпись, ежели она не изгладилась, можно видѣть и прочесть только по снятіи металлической ризы съ Богоматерней иконы; но Иверскіе монахи, къ сожалѣнію, не рѣшаются снимать эту ризу для любопытныхъ. Вѣруйте, говорятъ они, и не испытывайте! Вѣруемъ и продолжаемъ свое разсужденіе. О святомъ отшельникѣ Гавріилѣ, принявшемъ съ моря Богоматернюю икону, замѣчено въ Воспоминаніи 1540 года, что онъ зимою проживалъ въ деревнѣ Сисиконъ, находившейся на южной сторонѣ Аѳона. Значитъ: на этой горѣ въ концѣ десятаго и въ началѣ одинадцатаго вѣка жили не одни монахи, а и міряне? Точно такъ. Тогда аѳонскіе Проты, Никифоръ, Павелъ, Леонтій и другіе, слабо

пасти на Аѳонѣ скотъ свой и даже селиться съ семействами, и продавали имъ тутъ участки земли. Тогда появились тамъ деревни Сисиконъ, Палеохори въ виду обители Есфигменовой, Комитисса на аѳонскомъ перешейкѣ, и обзавелись хозяйствомъ— Іеропаторъ владѣвшій цѣлою горою подлѣ Ватопеда, Черноглавъ и Михали въ окрестностяхъ этой же обители и Есфигмена, Хромитисъ въ нынѣшнемъ имѣніи аѳонорусcика подъ челомъ аѳонской высоты Мегаливиглы, и какой-то Каца́ри, подарившій участокъ земли на Аѳонѣ монастырю Ксенофонтовскому *). Но вотъ и конецъ моему критическому разсужденію о явленной на морѣ Иверской иконѣ. Эта икона въ Воспоминаніи о ней 1540 года названа Πορτιάτισσα, а въ Проскинитаріи Іоанна Комнина 1701 года и въ болѣе позднихъ сказаніяхъ объ Аѳонѣ—Πορταΐτισσα. Первое названіе вычеканено и на металлической ризѣ ея. Въ чемъ же тутъ разница? А вотъ въ чемъ. Ежели слово Πορτιάτισσα мы произведемъ отъ греческаго рѣченія Πόρτις—*юнецъ*, *юница*, *молоденькій волъ*, то намъ придется признать, что оная икона была, такъ сказать, *покровительница стадъ*, и перестать называть ее *Вратарницею*—Πορταΐτισσα. Но можно думать, что оба рѣченія, πορτϊάτισσα и πορταΐτισσα, происходятъ отъ одного кореннаго слова Πόρτα—*дверь*, *врата*, но разно произносятся въ разныхъ мѣстностяхъ греческихъ, индѣ *портіатисса*, а индѣ *портаитисса*. Остаюсь при семъ второмъ мнѣніи и замѣчаю, что за легендарнымъ расказомъ о помѣщеніяхъ Иверской иконы то въ монастырской церкви, то въ кельи Гавріила, то наконецъ у воротъ новосозданной лавры Грузинской, скрывается споръ между этою лаврою и старымъ Грузинскимъ монастыремъ Аѳо изъ-за обладанія ею. Споръ этотъ рѣшенъ былъ достоуважаемымъ обѣими сторонами Гавріиломъ въ пользу названной лавры.

Все это происходило въ первые годы игуменства Евѳимія сына Іоанна Ивира. Этотъ Евѳимій оказалъ незабвенную услугу грузинской церкви своими переводами церковныхъ книгъ съ гре-

---

*) Изъ Истор. Аѳона. Ч. III. гл. VI § 39.

ческаго языка на свой языкъ родной, а на Аѳонѣ въ разныхъ мѣстахъ строилъ святые храмы, больницы и пріюты для ветхихъ старцовъ, и кромѣ сего успѣшно ходатайствовалъ по дѣламъ святогорскимъ въ Солунѣ и Константинополѣ, гдѣ и умеръ въ 13 день мая мѣсяца 1028 года, упавъ съ лошака, стремительно скакавшаго въ испугѣ отъ одного нищаго. (Архивъ).

Преемникомъ ему былъ племянникъ его монахъ Георгій I, извѣстный слабымъ управленіемъ Аѳоноиверской лавры. Во время игуменства его царь Михаилъ Пафлагонъ въ 1034 году своимъ хрисовуломъ возвратилъ грузинской обители Аѳо принадлежавшія ей, но по оплошности сего Георгія отчисленныя въ казну метохи и имѣнія, какъ-то, предмѣстіе, προάστειον, Леондари, предмѣстіе Ериссовское, обитель Предтечи, предмѣстіе Добровію, предмѣстіе Мелинціанъ, и запущенное мѣсто Стиларійское. Этотъ игуменъ подписался четвертымъ подъ святогорскимъ уставомъ царя Константина Мономаха въ 1046 году.

Послѣ него въ Иверской лаврѣ настоятельствовалъ знаменитый Георгій II Мтацминдéли съ 1051 года цо 30 іюня 1066 лѣта Господня. Онъ перевелъ съ греческаго языка на грузинскій священное писаніе ветхаго и новаго завѣта и много церковныхъ и святоотеческихъ книгъ, и въ святогорской лаврѣ своей устроилъ училище для сорока малолѣтковъ изъ Грузинъ. Три причины понудили его предпринять это святое дѣло: милосердіе къ сиротамъ, утвержденіе православія посредствомъ переведенныхъ имъ книгъ, которыя изучать легче юнымъ, нежели старымъ, и торжественное служеніе въ Лаврѣ у мощей Іоанна, Евѳимія, Арсенія и другихъ грузинскихъ Святыхъ. *(Архивъ).*

Преемникомъ его былъ Георгій III Олтисéли. Онъ скончался въ своей лаврѣ въ 1072 году. Имъ переведены были съ греческаго языка на грузинскій 1) Уставъ обители Савы освященнаго, 2) Поученія св. Максима исповѣдника и 3) Златоструй св. Іоанна Златоустаго.

Здѣсь прекращаю дальнѣйшее сказаніе о судьбѣ Иверской лавры, надѣясь написать исторію ея особо отъ настоящаго сочиненія моего, и начинаю разглагольствовать о мѣстополженіи и настоящемъ состояніи сей обители.

За сто лѣтъ назадъ отъ нашихъ дней Барскій писалъ, что святая обитель Иверская *разрутаетъ всякое смущеніе своимъ веселымъ положеніемъ*. Аще бо и въ сокровенномъ мѣстѣ стоитъ и имать горы высокія съ прегустымъ лѣсомъ окрестъ себе, отъ полудни, запада же и сѣвера, но отъ востока имать поле пространное и сѣножатное даже до брега морскаго, яко на два стрѣлянія изъ лука: брегъ же тамо есть зѣло мелкій (пологій) ради рѣки, близъ монастыря отъ страны полуденной обрѣтающейся, яже аще въ лѣтѣ пресушаема удобопреходима есть, въ зимѣ же съ множествомъ водъ съ горъ собирающихся въ ню, и съ великою быстротою текущихъ, множество каменей и блата влечетъ съ собою и песку, и сравняетъ глубину морскую... Лѣсъ же тамо густый и красный есть по горамъ на полуднѣ и на западѣ: но мало земли обрѣтается подъ властію обители, единымъ часомъ хожденія въ долготу и единымъ такожде въ широту; ибо оттуду есть полчаса шествованія понадъ брегомъ на полудень до Милопотама, имъ же владѣютъ *Лаврцы*, и тамо кончается пограничіе, и полчаса паки на востокъ лѣтній брегомъ къ пристанищу *Калягрѣ*, идѣже кончается пограничіе.—Абіе внѣ вратъ монастырскихъ первѣе обрѣтается подворіе (площадь) изрядное, каменьями гладко помощенно, съ сѣдалищами одесную и ошуюю каменозданными лѣпо и крѣпко ради собесѣдованія Отецъ и ради препочиванія странныхъ. Второе, недалече предъ подворіемъ, не весьма прямо, есть на каменномъ основаніи сооруженна деревянна горница съ восходомъ ради прохлажденія хотящихъ, ея же одесную два источника водна, жадныхъ напояющіе. Тамо яко на верженіе камени къ западу и мельница водяная и прудъ собирающъ воду каменнозданнъ окрестъ внутри земли; мало же далѣе и вертоградъ пространенъ, въ немъ же различныя всѣваются зелія къ пропитанію Отецъ, идѣже и келія вертоградаря

съ церьковію св. *Василія*. Близъ вертограда же и садъ зѣло изряденъ съ церковію, въ немъ же различныя суть древеса, наипаче же множество померанцевъ: тамо и келіи двѣ на единеніе живущихъ. Мало же далѣе своды каменны высоки, ими же къ монастырю вода течетъ: тамо виноградъ монастырскій малъ съ келіею и кипарисами; тамо при сводахъ и келіи нарочно созданы ради прокаженныхъ братій, аще когда случатся быти, идѣже ихъ милосердно досматриваютъ и снабдѣваютъ; во время же тамо моего прибытія не бысть ни единъ новъ, древніе же помроша. Оттуда начинаются пути различные въ пустыню горнюю къ различнымъ келіямъ (нагорнымъ) и къ скиту св. Предтечи, къ монастырю подлежащаго... Отъ страны же *сѣверной*, близь предъ монастыремъ, стоитъ гора не весьма высока. Низу убо ея абіе за горницею и источниками пути различные къ морю, къ *Кареи* и инымъ монастырямъ: мало же высочае, яко на верженіе камени, церковь каменоздана съ долгимъ деревяннымъ и каменнымъ покровомъ во имя иже во святыхъ отца нашего Аѳанасія патріарха Александрійскаго, въ ея же основаніи есть общая всей братіи погребальница, идѣже по вся субботы дѣйствуется божественная литургія за усопшихъ; мало же выше виноградъ монастырскій, и выше его на верху келія съ церковію св. пророка *Иліи* на веселомъ прохладномъ и далече на море зрящемъ мѣстѣ; далѣе же верху горы выше и нижае понадъ крутыми брегами моря суть многіе сады и винограды съ келіями лѣпотными и церквами, подъ власть монастырскую надлежащія, въ нихъ же обитаютъ безмолвствовати изволившіе.—Отъ страны же *восточной* на ровномъ прибрежіи, на воскриліи горы, при виноградникѣ монастырскомъ, стоитъ скитъ съ двумя келіями и съ церковію пресвятыя Богородицы, и въ немъ обитаетъ безмолвникъ; и сіе есть мѣсто, идѣже чудотворная оная икона, моремъ плывши, устрѣтенна бысть и съ благоговеніемъ воспріята отъ древнихъ оныхъ святыхъ Отецъ, идѣже недалече на брезѣ есть

рѣченной горы св. пророка Иліи, на мѣстѣ равномъ стоитъ нарицаемый тамо *Арсанасъ*, си есть *кораблехранителище*, и дѣже востягающе корабли, хранятъ ихъ иноцы отъ вѣтровъ и отъ дождевнаго лiянiя: пристанища бо тамо благоотишнаго отнюдь нѣсть, якоже въ прочихъ монастыряхъ, но *Арсанасъ* далече лучшiй всѣхъ иныхъ монастырей пространствомъ, лѣпотою и крѣпостiю зданiя, иже подаетъ велiю радость и упокоенiе братiи положенiемъ своимъ, сочиненiемъ и потребою, юже имъ творитъ, понеже есть столпъ четвероуголенъ, отъ камени и плинѳъ жженныхъ твердозданъ, подъ спудомъ же его сквозѣ сводъ высокiй и широкiй, на подобiе великихъ башенъ градскихъ, идѣже втягаютъ корабли, отъ низу убо даже до горницы иматъ ступеней 60, на горницѣ же церковь съ келiями мѣрными и закровы каменны къ брани угодны, верху же его суть пушки и прiеры и иная оружiя огненная: и егда убо явится противу монастыря съ полными парусами плывущъ главный корабль, наполненъ пшеницею и иными потребами монастырскими отъ метоховъ повращающiйся, отверзаетъ съ желанiемъ врата, аки мати объятiя своя, и воспрiимуетъ его тихимъ востягновенiемъ, и низлагаетъ бремя его въ житницы своя, та же послѣди предаетъ въ обитель. Близь его есть на основанiи каменномъ горница отъ древа сооруженна въ прохлажденiе трудящимся и всякому хотящему. Созади же столпа суть древеса великiя, угодныя къ осѣненiю, и каплица каменна съ главою созданна, идѣже водружено есть колесо имъ же востягаютъ корабли, провлекши вервь сквозѣ окно западной стѣны столпа и сквозѣ сводъ даже до моря. Таможде и вторая подобная каплица, покрывающая студенецъ съ колесомъ и бадiею, отъ него же почерпаютъ всѣ хотящiе воду здраву и хладну, аки ледъ“.

Все это описанiе мѣстности Иверскаго монастыря вѣрно. Однако я считаю не излишнимъ представить и свой очеркъ ея для большей точности и ясности.

Названный монастырь, какъ видите его на моей большой картѣ Аѳона, находится у подовшы надхребтовой выси Аѳона,

называемой Цука и Гаврилова гора, въ при морскомъ устьѣ узкой долины, которая орошается пересыхающимъ потокомъ и извивисто поднимается отъ моря до нагорной равнины Карейской между прихребтовою толщею Аѳона и перевѣсищемъ его, обозначенномъ на оной кратѣ.

Границами участка Иверской обители служитъ *на сѣверъ* море, *на югъ* вся толща Аѳона до хребта его, *на востокъ* сухопотокъ близь Милопотамской кельи св. Евстаѳія, а *на западъ*— условная межевая линія, намѣченная отъ моря до хребта горы немного западнѣе *кельи пяти мучениковъ*, и опредѣляющая собою восточную границу участка монастыря Кутлумушскаго.

Внутри этихъ границъ *около самой обители*, о которой идетъ рѣчь, на востокѣ разстилается ровное сѣнокосное поле не большое, но и не малое, на западѣ разведены овощные огороды и сады, на сѣверѣ высится перевѣсище и за нимъ волнуется море, на югѣ течетъ потокъ, струящійся съ высотъ Кареи, которому я произвольно даю названіе, *Клими*, вспомнивъ, что у его устья стояла обитель Клими, вошедшая въ составъ Иверской лавры въ 980 году. Этотъ потокъ, несущій съ названныхъ высотъ глину, песокъ, хворостъ, наслоилъ вышепомянутое поле, на мѣстѣ котораго въ древности была морская заводь. Дабы онъ не подмывалъ монастырскихъ зданій, для сего Ивериты вдоль юго-западной и восточной стѣны своей обители построили каменную приземистую и широкую ограду. По ней я прохаживался и видѣлъ, какъ она отбиваетъ отъ монастыря поточныя воды, бѣгущія къ морю.

Взглянемъ теперь на Иверскую обитель съ наружныхъ сторонъ ея, и потомъ осмотримъ внутреннія зданія ея, стоящія отдѣльно одно отъ другаго.

Эта обитель, какъ и всѣ прочіе монастыри на Аѳонѣ, не имѣетъ *особой*, какъ у насъ, каменной ограды, отдѣльной отъ келлій. Напротивъ ко всѣмъ четыремъ наружнымъ стѣнамъ ея, перехваченнымъ башнями, внутри пристроены келліи, параклисы, и хра-

внутри монастырскаго двора, подъ одною кровлею съ ними сооружены пролетные, сквозные, ходы (галлереи), безъ оконъ, съ полукруглыми аркадами. Войдешь въ келью и посмотришь въ узкое окно ея: увидишь то, что находится, или дѣлается внѣ монастыря. Выйдешь изъ кельи: пойдешь по открытой аркадной галлереѣ, куда тебѣ надобно идти, и отсюда видишь уже одну внутренность обители, образующей собою четыресторонникъ, болѣе длинный, чѣмъ широкій.

Въ нынѣшнемъ четыресторонникѣ Ивера часто производились перестройки. Такъ, на *восточной* сторонѣ его, гдѣ нынѣ помѣщены архондарики, въ 1604 году, при игуменѣ Гавріилѣ, были складены новыя кельи, начиная отъ Георгіевской больницы до Параклисовъ св. Безсребрениковъ въ срединѣ, и всѣхъ Святыхъ въ юговосточномъ углу; тутъ же надъ *Арсаною* въ сѣверовосточномъ углу въ 1610 году построена была больница съ церковію во имя св. Модеста, а въ 1670 году эта Арсана упразднена, и ходъ въ нее снаружи закладенъ, что замѣтно и нынѣ, закладенъ по причинѣ удаленія моря отъ обители. На *западной* сторонѣ устроены въ низу точила для выдѣлки винограднаго вина и надъ ними кельи. На *сѣверной* въ 1708 году возникли кельи съ параклисомъ св. Діонисія Ареопагита, съ 1818 года по 1821-й перестроенъ весь уголъ сѣверозападный, а въ 1843 году, по правую сторону входа въ обитель близь воротъ, изготовленъ струйникъ. На *южной* сторонѣ въ самомъ началѣ 16 вѣка (1500—1516) Самцхетскіе и Кларджетскіе властители, сынъ атабека Куаркуарія III Кай-Хозро I и Мцедшабукъ сынъ сего Хозроя, возобновили обветшавшія башни и кельи, съ основаній построили великую крѣпостную башню, о которой я говорилъ въ первую бытность свою въ Иверѣ, и соорудили куполы соборной церкви и внѣшній *нартикъ*. Καϊχοζροής καὶ Μεζτζετζαμπούκ, οἱ εὐσεβεῖς αὐθένται καὶ βασιλεῖς μεγάλως συνήργησαν εἰς τὴν τῆς μονῆς ἀνέγερσιν, καὶ εἰς τὴν τῶν ταύτης προαςείων καὶ μετοχίων, καὶ τὰ διεφθαρμένα τῶν πύργων καὶ τῶν κελλίων ἀνείγηραν καὶ ἐδιόρθωσαν· ἀλλὰ καὶ ὁ μέγας

ἐκκλησίας τοῦρλαι καὶ ὁ ἔξω νάρθηξ, καὶ τὰ ἄλλα πάντα χρησίμως κατεσκευάσθησαν εἰς δόξαν θεοῦ. *(Архивъ.)* Въ 1687 году на той же южной сторонѣ возобновлены были своды и верхнія кельи иждивеніемъ ироигумена Дамаскина.

Самое древнее зданіе въ Иверѣ есть соборная церковь Успенія Божіей Матери. Она построена еще Іоанномъ Ивиромъ въ мѣсяцы, протекшіе между 980 и 985 годами. Но тогда на ней не было купола. Его соорудилъ на четырехъ мраморныхъ легкихъ колоннахъ съ 12 окнами уже игуменъ Георгій Мтацминдели въ 1053 или 4-мъ году съ помощію царя Константина Мономаха, давшаго и свинцовые листы для покрытія сего святилища. Прочія же главы на немъ безъ оконъ, низкія, поставлены вышепомянутыми грузинскими властителями, Кайхозроемъ и Мцедшабукомъ. Длина собора отъ запада къ востоку, по счету Барскаго, измѣряется 34-мя ступенями, а ширина 27. *) Олтаря же долгота—ступеней 10, широта же 18. Въ немъ три отдѣленія, среднее литургійное, на лѣво отъ него проскомидійное и направо діаконское съ церковною утварію. Въ среднемъ отдѣленіи надъ св. трапезою, болѣе длинною чѣмъ широкою, водружена въ 1706 году деревянная позлащенная сѣнь съ главою на четырехъ колонночкахъ: на ней же дароносица, свѣщники, кресты и инныя удобрѣнія полагаема зѣло увеселяютъ зрящихъ.—Алтарь древле отдѣлялся отъ средины церкви мраморною сквозною перегородкою съ шестью колоннами и съ карнизомъ, безъ мѣстныхъ иконъ, а нынѣ отдѣляется деревянымъ сплошнымъ иконостасомъ, такимъ какъ у насъ. Позади сего иконостаса цѣлехонька стоитъ оная перегородка съ своими старинными колоннами, изъ коихъ двѣ изъ зеленаго мрамора, а четыре изъ бѣлаго. Не знаю, когда онъ сооруженъ, но въ 1744 году уже существовалъ. Тогда видѣлъ его Барскій и описалъ такъ: „иконостасъ же великій, идѣже стоятъ недвижимые намѣстные образа, есть лучшій паче всѣхъ, иже суть въ святой горѣ, сѣченіемъ, (рѣзьбою) позлащеніемъ,

*) Въ проскинитаріи Іоанна Комнина ширина опредѣлена въ 60 шаговъ: τὸ πλά-

расположеніемъ и великолѣпіемъ.“ Въ нижнемъ ярусѣ его помѣщены однѣ тумбы съ приличною рѣзьбою и позолотою, въ среднемъ мѣстныя иконы, а въ верхнемъ праздничные образа; надъ верхомъ же его въ срединѣ высится крестъ съ живописаннымъ на немъ распятіемъ, и съ образами Богоматери и Іоанна Богослова по обѣ стороны его. Этотъ крестъ не только на Аѳонѣ, но и на всемъ Востокѣ, обыкновенно обрамливается узорчатою, какъ бы цвѣтистою, рѣзьбою позлащенною, и устанавливается на фантастическомъ рѣзномъ чудищѣ въ знаменіе торжества крестнаго слова надъ языческимъ баснословіемъ и многобожіемъ.— „Куполъ соборной церкви и вся тяжесть его, какъ при Барскомъ, такъ и нынѣ, четырьмя бѣломраморными колоннами поддерживается, ихъ же высота пядій девятьнадесять, толстота же пядій девять. Кромѣ же ихъ суть меньшіе столпы мраморные, шесть внутрь крылосовъ при стѣнахъ, малую тяготу придержащіе и великое украшеніе храму показующіе, три одесную, а три ошуюю, отъ нихъ же два по угламъ, или по преднимъ рогамъ крылосовъ стоятъ, прочіи же предѣляютъ стѣны и зѣло великолѣпныя окна, хитрымъ художествомъ сочиненныя и свѣтящія внутрь; предніи убо и средніи столпы суть отъ каменя драгаго зеленаго съ водами на нихъ бѣлыми и черными, задніе же, иже по рогамъ западнымъ, суть отъ мрамора бѣлаго простаго; еще же предніе имутъ и надъглавники (капители) мѣдные, художественно цвѣтами переплетенны, на подобіе венцевъ: сіи же столпы (колонночки) крылосные имутъ окрестъ объятія пядій пять, высоты же яко на двѣ сажени.—Помостъ же (полъ) такожде, яко же и въ *Лаврѣ*, драгими и различными мраморами постланъ, точію инаго художества, взорами (узорами) и переплетеніи зѣло искусно упещренъ. Кромѣ же сихъ еще вся церковь отъ низу, яко на полторы сажени, мраморными бѣлыми досками на стѣнахъ прямопомощеніемъ *) упещренна, и аки одеждою гладко устлана, верху же ихъ нѣкіими взорными (узорчатыми) поливяными таблицами,

*) Разумѣй, что эти достки, начиная отъ полу, стоймя вдѣланы въ стѣны церкви.

(изразцами), въ стѣну вмурованными лѣпозрачно, яко же и въ *Лаврѣ*, осажденна.—*Хоросъ* же тамо аще и меньшій мало, ибо на десяти точію поясахъ повѣшенъ, обаче художествомъ и украшеніемъ свѣщъ—лѣпотнѣйшій. Полиелей же тамо мѣдный посреди *Хороса* художествомъ, величествомъ и украшеніемъ *Лаврскаго* превосходитъ; ибо четыредесять свѣщъ на себѣ иматъ, и между ими осьмьдесять осьмь болванцевъ стоящихъ, различно натуральнаго движенія образы показующіе; (стоятъ избоченясь, поднявши руки, или простерши ихъ вдаль, переплетя свои ноги, или разставивъ ихъ, всѣ въ шляпахъ); низу же его виситъ яблоко большее главы человѣческой, отъ хрусталя нѣкоего тонко изліянное, имущее зракъ сребрянъ. Еще есть иконостасъ (налой) малъ, на немъ же полагается празднуемаго святаго образъ въ поклоненіе, и аналой евангельскій и столецъ для благословенія хлѣба: всѣ три маргаритною кожею (перламутомъ) и слоновыми костьми зѣло художественно облицованы. Наипаче же тронъ Игуменскій паче иныхъ монастырей сѣченіемъ (рѣзьбою) дивнымъ и позлащеніемъ искуснымъ украшенъ".—Изъ средины церкви выходишь въ узкій и темноватый притворъ, а изъ него въ другой такой же притворъ, отсюда же въ колоннадный застекленный *нарѳиксъ*, за которымъ начинается монастырскій дворъ. Надъ обоими притворами устроены такъ называемые Катихуменѣ (Оглашенники), т. е. помѣщенія для Оглашенныхъ, по нашему *хоры*, съ большимъ окномъ, обращеннымъ внутрь церкви. Въ первомъ притворѣ весьма замѣчательна въ художественномъ отношеніи средняя створчатая мозаическая дверь соборной церкви, сдѣланная монахомъ Ѳеофаномъ въ 1597 году, какъ это видно изъ надписи на ней. Мозаика въ ней мелка. А рисунокъ ея весьма красивъ. Любуешься ею и не налюбуешься! Никакая кисть не можетъ нарисовать ее точно: одинъ дагерротипъ могъ бы вѣрно отподобить эту аѳонскую диковину. Нарѳиксъ пристроенъ былъ къ соборной церкви Кайхозроемъ и братомъ его Мцедшабукомъ (1500—1516 г.), а перестроенъ въ 1614 году, снова же покрытъ и починенъ въ 1758 году *(Архивъ и надпись)*. Кстати здѣсь

объясняю: что такое Нарѳиксъ. Это греческое слово означаетъ, 1) растеніе, имѣющее тонкій стволъ камышевый, 2) палочку, такъ называемую *ферулу*, или *палю*, которою наказываютъ дѣтей по ладонямъ за лѣность, или шалость, 3) коробочку, въ которой врачи хранили ароматы, и 4) внѣшнюю часть церкви (папертъ), назначенную для *оглашаемыхъ* и *кающихся*. Въ древнѣйшія дохристіанскія времена, когда еще не было рукотворенныхъ храмовъ, Нарѳиковыя камышины втыкались въ землю тамъ, гдѣ люди молились и приносили жертвы богамъ, а въ дуплахъ этихъ камышинъ хранился жертвенный пепелъ съ искрами для вечерняго и утренняго возжиганія огня; послѣ же постройки капищъ, на мѣстѣ такихъ тростей явились каменные колонны у входа въ святилища. Этотъ зодчественный обычай удержали и христіане, придавая *Нарѳиксу* значеніе молитвеннаго горѣнія душъ, оглашаемыхъ словомъ евангельскимъ и приносящихъ Богу теплое покаяніе во грѣхахъ, которое низводитъ на нихъ благодать Божію, врачующую немощныя души и умащающую ихъ, какъ ароматы умащаютъ тѣло. Христіане, стоящіе на паперти, суть какъ бы камышины съ искрами покаянія и молитвы, преобразуемыя благодатію Божіею въ столпы Церкви святой. Посему церковные Нарѳики—паперти непремѣнно должны имѣть колонны и лампадки, если не снаружи, то внутри, какъ знаменія молитвеннаго и покаяннаго горѣнія душъ. Хорошую же и неотъемлемую часть церкви составляетъ папертъ, коль скоро она построена правильно, съ колоннами, съ св. образами, съ лампадками при нихъ, и съ святою въ чашѣ водою, какъ все это я видѣлъ тутъ на Аѳонѣ и Синаѣ.

Достаточно сказано о нарѳикѣ: пришла очередь говорить о двухъ Придѣлахъ Иверскаго собора. Они пристроены къ нему не въ восточной, какъ у насъ, части его, а въ западной, по образцу Аѳонской лавры и тамошняго Ватопеда; и въ нихъ входятъ изъ внутренняго притвора со стороны сѣверной. Придѣлъ юго-западный освященъ во имя св. Николая чудотворца, а сѣверозападный во имя свв. Архангеловъ. Оба они очень древни,

и были расписаны въ 1674 году. (Архивъ). А въ 1737 лѣто Никольскій Придѣлъ былъ возобновленъ и опять расписанъ иждивеніемъ проигумена и сосудохранителя Виссаріона, родомъ Влаха *). *(Надпись).* Этотъ же Виссаріонъ къ югозападному углу Соборной церкви пристроилъ башню съ боевыми часами и съ большою куклою арапа въ ростъ, ударяющею въ часовый колоколъ. Тутъ греческая надпись гласитъ: „†Сія башня устроена весьма художно, и въ ней помѣщена потребная машина, боемъ означающая часы дня и ночи. То и другое сдѣлано въ 1725 году 6 сентября стараніемъ и иждивеніемъ преподобнѣйшаго игумена Виссаріона Ивирита, родившагося въ славномъ Букарестѣ“ **). Машина эта отбиваетъ часы по счету Турецкому: что весьма не нравилось мнѣ, Европейцу. За то я разумнымъ дѣломъ считалъ помѣщеніе Придѣловъ въ западной части церкви; ибо тутъ можно совершать, какія нужно, священнодѣйствія въ *одинъ часъ* съ священнодѣйствіемъ, совершаемымъ въ главной церкви: чего не можемъ дѣлать мы, ставящіе Придѣльные алтари въ части храма восточной. Разумна на Аѳонѣ постановка нарѳика и двухъ притворовъ храма, и входы туда съ сѣвера и юга. При существованіи этихъ боковыхъ входовъ не врывается въ средину церкви вѣтеръ съ запада, какъ это вчастую случается у насъ, строющихъ одну дверь, входную и выходную, въ западной стѣнѣ храма. Многое мы заняли у Аѳонцовъ, но не переняли у нихъ искуства строить церкви разумно, знаменательно, и удобно для священнослуженія и здоровья.—Но воз-

---

*) Въ 1846 году опять вновь расписалъ его архимандритъ Даніилъ Пелопонесецъ, Ивиритъ, своимъ иждивеніемъ. *(Надпись).*

**) Предъ побочнымъ храмомъ святителя Христова Николая есть призданный къ нему высокій столпъ; верьху же его великіе часы искуснымъ художествомъ суть содѣланы съ единымъ большимъ колоколомъ и четырьмя меньшими, иже раздѣляютъ четверти часовъ; еще же и внѣ столпа сего надъ стрѣлою и кругомъ, идѣже суть расписаны численія часовъ, есть статуя Арапъ древянъ натурально сдѣланъ, въ правой руцѣ млатъ держащъ, а въ лѣвой колоколъ, и на всякой четверти, егда гласятъ внутрь четыре меньшіе колокола, тогда и Муринъ внѣ купно съ ними по чину толкаетъ млатомъ: вещь воистину художественна и лѣпозрачна.—*Барскій.*

вратимся въ Иверскій соборъ, и опишемъ тамошніе св. мощи, иконы и живопись стѣнную.

Части Святыхъ мощей тамъ суть: 1) Св. архидіакона, 2) Св. апостола Луки, 3) Св. апостола Петра, 4) св. апостола Варѳоломея, 5) св. Георгія великомученика, 6) св. великомученика Пантелеймона, 7) св. великом. Ермолая, 8) св. муч. Меркурія, 9) св. сорока мучениковъ, 10) св. пяти мучениковъ, 11) св. мучениковъ Ѳеодора стратилата и Тирона. 12) св. Іоанна Златоустаго, 13) св. Безсребрениковъ, 14) св. Макрины стопа цѣлая, 15) св. Кипріана стопа цѣлая, 16) св. Василія Амасійскаго, 17) Мѵро св. Димитрія Солунскаго, 18) Стопа св. Михаила Синадскаго, 19) Частицы св. Аѳанасія великаго, 20) св. Іоанна постника патріарха Цареградскаго, 21) св. Стефана новаго, 22) св. Ѵпатія, 23) св. Агаѳангела, 24) св. Евстаѳія, 25) св. праведнаго Лазаря, 26) св. Нестора, 27) св. Анастасіи, 28) св. Іакова Перса, 29) Глава св. мученика Фотія, 30) Св. Безсребрениковъ.—Иверскіе монахи, по словамъ Барскаго, благоговѣйно хранятъ всѣ эти мощи. Ибо въ олтарѣ ковчегъ зѣло изряденъ сочиненъ есть и упещренъ лѣпо маргаритною кожею и костьми слоновыми, въ немъ же суть дванадесять малыхъ ковчежцевъ съ дванадесятми ключами въ число дванадесяти мѣсяцевъ года, и всякъ особенно выдвигаемъ отворяется и заключается. Внѣ суть надписаны имена мѣсяцевъ, внутрь же суть хранимы мощи святыхъ по чину мѣсяцевъ, въ нихъ же празднуются; внѣ же ковчега пригвождена есть надпись имянъ тѣхъ же святыхъ по чину мѣсяцевъ. Се же двухъ ради винъ тамошніи благоразсуднѣ устроиша начальницы: 1) да *Виматаръ*, (ризничій), егда приспѣетъ отъ нихъ нѣкоего святаго память, удобно отъ надписи и расположенія мѣсяцевъ обрѣтъ мощи, износитъ я отъ олтаря въ храмъ на иконостасъ малъ ради поклоненія общей братіи, яко же творятъ въ лаврѣ и въ прочіихъ монастыряхъ по общему указанію Святогорскому, 2) да егда пріидутъ стран-

лагаетъ къ лобзанію, и паки коегождо на мѣстѣ опредѣленномъ положивъ заключаетъ“. Достославенъ обычай Восточныхъ церквей дробить св. мощи и раздавать ихъ многимъ и многимъ. Въ основѣ сего обычая кроется любвеобильная общительность. У насъ св. мощи дробятся только для антиминсовъ: а церквамъ городскимъ и сельскимъ мы не раздаемъ ихъ. Почему же? По бережливости? По привычкѣ чтить мощи цѣльныя? По опасенію потери монастырскихъ доходовъ отъ раздаянія св. частицъ многимъ церквамъ? Угадайте. Нѣтъ: лучше сосчитайте, сколько десятковъ тысячь церквей, городскихъ и сельскихъ, находится, уже не говорю—во всей вселенной, а только въ Россіи, и подумайте: достаточны ли для всѣхъ ихъ мощи, какіе понынѣ извѣстны у насъ и не у насъ.

Св. мощей въ Иверскомъ соборѣ много. А замѣчательныхъ иконъ на дскахъ мало.

— На деревянныхъ дверцахъ, створчатаго Помянника (Диптиха) стоящаго на жертвенникѣ, изображены въ ростъ аѳонскіе Святые, кромѣ Аѳанасія, Іоаннъ, Евѳимій и Георгій, всѣ три Грузины, въ 1615 году. Живопись тутъ хороша: цвѣтность лицъ и одеждъ красновата.

— У лѣваго клироса на мраморной колоннѣ виситъ небольшая икона Богоматери съ предвѣчнымъ Младенцемъ, написанная въ 1683 году іеромонахомъ Макаріемъ Калерги. Лицо Младенца—миловидно, а ликъ Богоматери не правиленъ. Живопись посредственна. Но замѣчательно сочиненіе этой иконы. Въ самомъ верху ея, по обѣ стороны пресвятой Дѣвы Маріи, два ангела показываютъ Іисусу Христу орудія страданій его, крестъ, копіе и губу; пониже ихъ другіе два ангела въ рукахъ держатъ хартіи съ письменами; еще ниже иные два ангела держатъ подобныя же хартіи; а въ самомъ низу два пророка держатъ свои хартіи съ прорѣченіями о страстяхъ Христовыхъ.

— Въ томъ же 1683 году написана икона Успенія Богоматери,

стоящая во второмъ Притворѣ на чьей-то гробницѣ. Живопись посредственна.

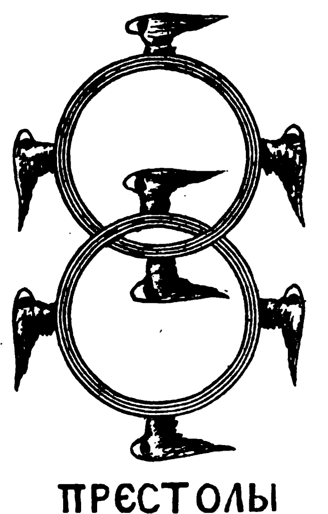
— У лѣваго клироса на стѣнѣ виситъ небольшая икона всѣхъ Святыхъ, хорошей Московской живописи. Въ срединѣ ея изображенъ Спаситель, а по обѣ стороны его—ангелы и всѣ Святые, внизу же Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ съ душами въ лонѣ, и благоразумный разбойникъ съ крестомъ въ Раю.

— Въ предалтарномъ иконостасѣ на лѣвой сторонѣ его весьма замѣчательна мѣстная икона, представляющая ангельскій Соборъ, хорошей живописи Молдавской. Смотрите рисунокъ ея. Впереди

два архангела Михаилъ и Гавріилъ держатъ поясный образъ Еммануила; позади ихъ стоятъ три ангела, но такъ, что видны ихъ лица; изъ-за нихъ смотрятъ четыре ангела; выше этихъ

взираютъ пять ангеловъ; въ пятомъ заднемъ ряду выказываются четыре ангела, а въ шестомъ три, въ седьмомъ же два. Постановка всѣхъ ихъ художественна. Ножки перваго и втораго лика ангельскаго нарисованы такъ, что составляютъ какъ бы гирлянду. Весь этотъ образъ выражаетъ дивное откровеніе небошественнаго апостола Павла: „когда Богъ вводитъ Первороднаго во вселенную, говоритъ: да поклонятся Ему всѣ ангелы Божіи (Евр. 1, ст. 6.)

Стѣнная живопись внутри Иверскаго собора произведена была грузинскимъ іереемъ Маркомъ немного ранѣе 1610 года иждивеніемъ Угровлахійскаго Господаря Михаила, а въ 1842 году возобновлена, въ Придѣлахъ же этого собора, Никольскомъ и Архангельскомъ, кончена въ 1674 году: тогда же тутъ сооружены были и деревянные иконостасы съ рѣзьбою и позолотою. *) Въ 1614 году у названнаго собора обновленъ былъ колоннадный нарѳиксъ, а въ 1795 году потолокъ его росписалъ хвалимый аѳонскій живописецъ Никифоръ, какъ это доказываетъ собственноручная подпись его у входа въ соборъ. Этотъ Никифоръ имѣлъ роднаго брата Іоасафа, живописца же. Оба они родились въ Аграфской области Ѳессаліи, а жили въ тамошнемъ городѣ Трикалѣ. Ученики его на Аѳонѣ были Герасимъ и Митрофанъ, и по имени онаго Іоасафа назывались Іоасафеями. У Митрофана же учился живописи нынѣ здравствующій святогорецъ Никифоръ, котораго я видѣлъ въ Карейской кельѣ его, посвященной всѣмъ Святымъ.



ПРЕСТОЛЫ

Что сказать о стѣнномъ иконописаніи въ Иверѣ? Оно заслуживаетъ вниманія не столько по художественности, сколько по замысловатости своей. Смотрите, вотъ какъ тамъ въ соборномъ куполѣ изобра-

жены ангельскіе Чины, именно, Престолы и Серафимы, и Четырезрачникъ пророка Іезекіиля, напоминающій четырехъ Евангелистовъ:

Престолы—въ видѣ сцѣпленныхъ кружковъ съ одноглазыми крыльями, шестокрылатые Серафимы—въ хитонахъ изъ перьевъ, у котораго зеленыхъ, у котораго красныхъ, Четырезрачникъ, какъ человѣкъ съ четырьмя крилами и съ тремя животными. Удивительная фантазія восточная! Затрудняюсь приравнивать къ первымъ двумъ рисункамъ объясненія св. Діонисія Ареопагита. По словамъ его, названіе, *Престолы*, означаетъ, что *эти ангелы свободны отъ всего страстнаго, и соединяются съ Всевышнимъ всѣми силами своими съ удивительною привязанностію, получаютъ отъ Него святыя откровенія чистымъ и безстрастнымъ умомъ, съ благоговѣйнымъ трепетомъ, и какъ бы носятъ Его.* Кажется: ничѣмъ ненаполненность кружковъ выражаетъ безстрастность, чистоту и упрощеніе Престоловъ, а сцѣпленность—ихъ единство и неразрывность съ Богомъ; очи означаютъ воспріемлемость свѣта и откровеній Божіихъ, крылья же—вездѣсущіе

Творца всяческихъ. А рисунокъ Серафимовъ едва-ли выражаетъ Ареопагитское ученіе объ этомъ ликѣ ангеловъ. *Они суть свѣтъ и пламень, стремительность ко всему божественному, и та могучая сила, которою они преобразуютъ по подобію своему существа низшія ихъ, сообщая имъ свой огонь и тотъ очищающій жаръ, который уничтожаетъ всякую нечистоту.* Развѣ крылья напоминаютъ ихъ стремительность? Развѣ перья въ хитонахъ сообщаемый ими жаръ? Но къ чему въ рукахъ у нихъ посошки съ крестиками?—Въ алтарѣ Иверскаго собора, на восточной стѣнѣ, подъ верхнимъ окномъ, изображены: низкій и длинный столъ и на немъ—блюдо съ головою и косточками Еврейскаго пасхальнаго агнца, по обѣ стороны сего блюда—горькія травы и овощи самые свѣжіе, зеленые, съ корешками ихъ. Подъ столомъ написано:

Αμνος τον αμανον	Агнецъ Агнца	кроoбразовалъ.
Αχρονος τον αχρονον	Единолѣтній Безлѣтнаго	

— Въ первомъ со входу въ соборъ темномъ притворѣ на восточной стѣнѣ, что направо, замѣчательно большое изображеніе рождества Христова. Богоматерь сидитъ на престолѣ: надъ нею небо и звѣзды, ниже ихъ ангелы, еще ниже, справа, пастыри, слѣва волхвы: еще ниже, справа, наша земля въ видѣ жены въ шапкѣ подноситъ Богоматери пещеру, а слѣва пустыня въ видѣ жены съ открытою головою подноситъ ясли; внизу цари, архіереи и народъ величаютъ Богородицу. Надъ каждою изъ этихъ группъ надписано:

Οἱ οὐρανοὶ τὸν ἀστέρα	Небеса звѣзду
Οἱ ἄγγελοι τὸν ὕμνον	Ангелы пѣснь
Οἱ ποιμένες τὸ θαῦμα	Пастыри удивленіе
Οἱ μάγοι τὰ δῶρα	Волхвы дары,
Ἡ γῆ τὸ σπήλαιον	Земля вертепъ,
Ἡ ἔρημος τὴν φάτνην.	Пустыня ясли
Ἡμεῖς δὲ μητέρα Παρθένον	Мы же Матерь Дѣву.

Въ второмъ Притворѣ на восточной стѣнѣ, что налѣво, казисто изображеніе преподобнаго Іоанна Дамаскина. Лице его благообразно, а на головѣ видна клѣтчатая скуфья, сплетенная

словно изъ лентъ. Тутъ стѣнопись произведена въ 1718 году иждивенiмъ старца Ананiи. Въ колоннадномъ нарѳиксѣ Иверскаго собора на восточной стѣнѣ апокалипсическiя изображенiя невзрачныя, но замысловатыя, написаны ранѣе 1744 года, въ который видѣлъ ихъ Барскiй, а всѣ прочiя картины на стѣнахъ тутъ и на потолкѣ произведены кистiю вышепомянутаго живописца Никифора Аграфiота въ 1795 году. На потолкѣ изображена имъ псаломская Богу хвала природы и людей. Тутъ земля и море, свѣтъ и мракъ, вѣтры и бури, морозъ и ледъ, животныя и гады, юноши и дѣвицы, мужи, жены и старцы, царицы и князи, все и всѣ величаютъ и славятъ Бога подъ звуки арфы царепророка Давида. Я часто и долго любовался этою картиною Богохваленiя. Болѣе всего мнѣ нравилась отдѣльная группа юношей и дѣвицъ, кои изображены такъ похожи другъ на друга, что съ трудомъ отличаешь дѣвическiя лица отъ юношескихъ. Живописецъ выразилъ въ нихъ не только благоговѣнiе Вѣры, но и ту непорочность, которая придаетъ имъ нѣкоторую безразличность пола въ нѣжномъ возрастѣ ихъ. Не съ меньшимъ любованiемъ я, какъ житель холоднаго сѣвера, разсматривалъ: какъ славятъ Бога снѣгъ, морозъ, иней и ледъ. Не умѣю выразить словами Богохваленiя ихъ, и только помню, что они нарисованы стопочками въ благоговѣйномъ предстоянiи предъ Творцомъ ихъ. Кромѣ этой Богохвалебной картины на потолкѣ же хорошо изображены, акаѳистъ пресвятой Богородицѣ, прощанiе св. апостола Павла съ Ефесскими пресвитерами, и первый вселенскiй соборъ въ Никеѣ. Въ моемъ живописномъ обозрѣнiи Аѳона помѣщены изъ Акаѳиста два изображенiя раскрашенныя, *Сила Вышняго* и *Витiи многовѣщанныя*, вышепомянутое прощанiе, и споръ св. Николая Чудотворца съ Арiемъ: первый готовится дать пощечину второму. На стѣнѣ нарѳикса, по правую сторону входа въ соборную церковь, весьма хорошо написаны царственные ктиторы Иверскаго монастыря, всѣ въ ростъ, въ одной группѣ, именно, Константинъ Великiй, Романъ, супруга его Ѳеофано съ малолѣтнимъ сыномъ Василiемъ, ихъ воевода Тор-

никій красавецъ, и грузинскіе властители, Ашотанъ, Кайхозрой, Мцедшабукъ и какая-то *Гаецанъ*, или *Таецанъ* красавица. Она и Θеофанô держатъ въ своихъ ручкахъ, каждая, орлиное перо неочиненное, какъ эмблемму ихъ царственности.—На лѣвой сторонѣ нарθикса впечалителенъ написанный на стѣнѣ Триморфонъ, то есть образъ Спасителя, Богоматери и Предтечи во весь ростъ. Объ этомъ образѣ монахи говорили мнѣ, что съ ростомъ Спаса не сравнится ни одинъ человѣкъ, живущій на землѣ: онъ будетъ или выше, или ниже. Тоже самое я слышалъ и о томъ Триморфонѣ, который изображенъ въ грузинскомъ монастырѣ Честнаго Креста близъ Іерусалима.

Между соборною церковію и братскою трапезою на дворѣ стоитъ колоннадная сквозная ротонда съ островерхою крышею, назначенная для освященія воды. Невзрачная, она древна, 1614 года, но возобновлена сосудохранителемъ Виссаріономъ въ 1734 лѣто Господне, какъ это гласитъ надпись на ней. Ее видѣлъ Барскій и описалъ вотъ какъ. „Водосвятильница съ покровомъ оловяннымъ острымъ на десяти мраморныхъ бѣлыхъ столпахъ устроена, но далече меньшая отъ лаврской и съ низшими столпами; посредѣ же ея такожде чаша отъ чистаго бѣлаго мрамора изсѣченна на подобіе розы, и посредѣ, во время освященія воды, горѣ скачущую единоструйную воду испущающая, ея же окруженіе мало есть, яко на осмь пяди или больше. Но во время четырехъ главныхъ праздниковъ, ихъ же совершаютъ тамо въ годъ, имутъ тамошніе иноцы среброкованную голубицу позлащенну, и въ членахъ ея двадесять четыре дырицы имущую, юже тогда тамо въ каменную водружаютъ чашу; и зрится не безъ удивленія вода двадесять четырьмя струями въ предрѣченную изъ мрамора изсѣченную чашу точащаяся.“ Такой голубицы я не видѣлъ: а водосвятное зданіе, описанное Барскимъ въ 1744 году, въ теченіи ста лѣтъ измѣнило только цвѣтность свою, т. е. потемнѣло.

Надъ входомъ въ братскую трапезу древле построена была колокольня въ грузинскомъ стилѣ съ частыми узкими окнами съ-

уживающаяся къ верху пирамидально. *) На ней я видѣлъ изображеніе Богоматери съ Младенцемъ, которому ангелъ подаетъ орудія будущихъ страданій Его.

Трапеза же эта утверждена была сводами и вся расписана въ 1672 году иждивеніемъ грузинскаго властителя Ашотана при игуменѣ Дамаскинѣ. Она, по описанію Барскаго, проста и долга, съ покровомъ древянымъ, но не крестообразна, якоже *въ лаврѣ*, и съ единымъ входомъ противу церковныхъ вратъ зрящимъ: путь же въ нее подъ колокольнею сквозѣ сводъ широкій на подобіе башни градской, и тамо въ преддверіи трапезы есть восходъ на колокольню, единъ одесную отъ мрамора зеленаго, а другій ошуюю отъ бѣлаго, ради лучшей крѣпости утвержденны. Тамо же совокупно отъ единыя страны поварня и кузница, а отъ другой пекарня и мыльница, но пекарня худшая зданіемъ и тѣснѣйшая *отъ лаврской*, идѣже печь едина точію велика ради печенія хлѣба, вторая же меньшая ради просфоръ: но мыльница чистѣйшая и пространнѣйшая, двумя круглыми сводами на подобіе бань покровенна и съ чиннымъ обстояніемъ корытъ. Въ трапезѣ же аще и больше столовъ обрѣтается, нежели *въ лаврѣ*, обаче меньшіе суть мѣрою, и не весьма искуснаго художества и не всѣ каменны и не отъ дорогихъ мраморовъ, но отъ простѣйшихъ; суть же тамо столовъ двадесять седмь отъ скрижалей бѣлокаменныхъ, не на каменныхъ основаніяхъ утвержденны недвижимо, якоже *въ лаврѣ*, но движимо на деревянныхъ подножіяхъ положенны; кромѣ же ихъ самая главная игуменская трапеза есть древяна.“—Что мнѣ прибавить къ этому описанію? Прибавляю четыре замѣтки.—

Въ Иверскомъ монастырѣ, какъ и во всѣхъ прочихъ обителяхъ Аѳонскихъ, кухня есть большой сарай безъ потолка, среди котораго изъ-подъ кровли спускается желѣзная цѣпь до держимаго ею котла, а подъ котломъ на землѣ горятъ толстыя полѣ-

*) Въ 1848 году, къ сожалѣнію, она сломана была, и съ основаній вновь построена иждивеніемъ архимандрита Аѳанасія. (Надпись.).

на и варятъ снѣди. Вотъ первая замѣтка съ напоминаніемъ о копоти! А вотъ и вторая: котлы съ горячими снѣдями прямо съ огня на жердяхъ вносятся въ трапезу, и паръ изъ нихъ, словно облако, закрываетъ всѣ лица такъ, что сосѣдъ не видитъ сосѣда. Благоволите прочесть и третью замѣтку. Предъ игуменскимъ столомъ, за которымъ сидятъ такъ называемые *политическіе* монахи, т. е. управляющіе дѣлами монастыря, предъ этимъ столомъ въ рядъ ставятся провинившіеся въ чемъ либо иноки и перебираютъ шерстяныя четки, длиннѣе трехъ аршинъ, съ шерстяными же зернами величиною съ грецкій орѣхъ, склонивъ свои головы къ груди и потупивъ мутные очи.—За этою третьею замѣткою слѣдуетъ четвертая о хлѣбопекарной печи. Эта печь такая же, какъ и у насъ, но накаливается иначе, по *Вавилонски*. Длинныя полѣна, точнѣе, бревешки горятъ не въ ней самой, а на землѣ съ боку ея, въ которомъ продѣлано *другое* устье. Чрезъ это устье огонь съ дымомъ врывается въ средину печи и, облизывая сводъ, полъ и стѣнки ея, раскаливаетъ ее настолько, насколько нуженъ жаръ для печенія хлѣбовъ, которые сажаются внутрь на предлинной лопатѣ. Видя такую топку, я понялъ: какъ три Вавилонскіе отрока стояли въ печи, и какъ огонь попалилъ не ихъ, а слугъ, которые топили ее съ боку; понялъ и то, какъ св. Савва Палестинскій, будучи еще отрокомъ, вскочилъ въ хлѣбопекарную печь, когда она растапливалась съ боку, и какъ вынялъ изъ нея оставленную въ ней одежду монашескую. Все это понятно, хотя и удивительно.

Но гораздо удивительнѣе аѳонское правило, по которому повара и трапезарь, послѣ столованія братіи, становятся у выхода изъ трапезы, и павши тутъ на землю, просятъ у всѣхъ прощенія въ томъ, что они, быть можетъ, невкусно изготовили снѣди. Безпримѣрное смиреніе. Неподражаемое послушаніе! Смотря на этихъ тружениковъ, я благоговѣлъ предъ самоотверженіемъ ихъ, котораго не поймутъ многіе изъ міряпъ, не зная, что добровольная отдача своей воли въ послушаніе другимъ есть

Но что еще замѣчательно внутри Иверской обители? Замѣчательны тутъ два отдѣльно стоящіе храма, Предтечи и Богоматери—Вратарницы.

Храмъ во имя св. Іоанна Предтечи, на мѣстѣ Посидонова капища, построенный еще во дни царя Константина великаго первымъ аѳонскимъ епископомъ Климентомъ, возобновленный при царѣ Константинѣ Погонатѣ, который весь Аѳонъ отдалъ монахамъ, хранившій мощи св. Петра аѳонскаго въ 734 году, вошедшій въ составъ Иверской лавры въ 980 году, еще разъ возобновленъ былъ въ 1710 году августа 12 дня, вмѣстѣ съ куполомъ, иконостасомъ и иконами, иждивеніемъ проигумена Агапія Верріота. *(Надпись у входа).* Въ немъ богомольствовалъ Барскій въ 1744 году и описалъ его такъ. „Сей храмъ создаша оные древніе грузинскіе преподобные отцы, Іоаннъ, Евфимій и Георгій; на сице же ветхомъ (древнемъ) урочищѣ его утвердиша, яко въ основаніи его подъ спудомъ и донынѣ опровержены Еллинскіе лежатъ кумиры, яко же повѣствоваша мнѣ о семъ тайноиспытатели. Имать такожде главу оловомъ покровенную, и четверостѣненъ, такожде и низу мраморами лѣпо помощенъ; и столпы въ немъ мраморные четыре отъ камени зеленаго съ бѣлыми на нихъ и черными водами, такожде кандилами и свѣщниками довольно украшенъ". Въ 1815 году Болгары изъ города Казана расписали его своимъ иждивеніемъ. *(Надпись).* Похвально ихъ усердіе: но не стоитъ хвалы произведенная ими тутъ стѣнопись. Мнѣ очень хотѣлось видѣть положенные въ основу сего храма языческіе кумиры, однако не удалось, хотя я и зорко всматривался въ подпольную часть его сквозь наружныя оконца. А сойти туда не довелось по недосугу и по нежеланію докучать Иверскимъ старцамъ излишнимъ любопытствомъ, когда и безъ того они не очень охотно исполняли другія просьбы мои.

За то я отчетливо осмотрѣлъ храмъ Богоматери Вратарницы. Онъ, какъ гласятъ двѣ надписи на немъ снаружи, съ основаній построенъ былъ иждивеніемъ благочестивѣйшаго властителя, αὐθέντου, Ашотана (онъ же и Никифоръ) и Стефаніи въ

1680 году при содѣйствіи проигумена Соломона, когда Иверскимъ игуменомъ былъ Исаакъ, а расписанъ иждивеніемъ Угровлахійскаго Господаря Сербана Кантакузина въ 1683 году 30 сентября при игуменѣ Евѳиміи, во дни святительства Константинопольскаго патріарха Діонисія и грузинскаго каѳоликоса Николая. Этотъ храмъ видѣлъ Барскій и сказалъ о немъ вотъ что. „Есть въ Иверѣ вторый по первому знаменитый храмъ *Богородичень,* совокупно при вратѣхъ монастырскихъ созданъ первѣе еще отъ царей, или отъ христіанъ грузинскихъ, послѣди же обновися и отъ иныхъ многихъ зѣло лѣпосложеннымъ и крѣпкимъ каменнымъ зданіемъ, послѣди же весь иконописася изрядно иждивеніемъ довольнымъ свѣтлѣйшаго государя великаго Господина Іоанна Сербана воеводы Кантакузина. Есть же сверьху весь покровенъ оловомъ, имать же сверьху и главу съ окнами, яже аще и меньша отъ самой начальной главы великой церкви, но отъ всѣхъ инныхъ большая и краснѣйшая есть, елики обрѣтаются въ монастырѣ, яже внутрь возлегаетъ на четырехъ столпахъ мраморныхъ бѣлыхъ искуснаго сѣченія, иже высотою суть яко на полторы сажени, толстотою же, яко объяти мощно человѣку, съ иконостасомъ изряднымъ, съ удобреніемъ кандилъ и свѣщниковъ. Есть же мѣренъ въ высоту, долготу же и широту, и помощенъ изрядными мраморами; предъ нимъ же преддверіе лѣпотное и умиленное обрѣтается, и тутъ два столпа мраморные, иже поддержатъ своды; яже вся иконописана чрезъ помянутаго Господаря Волоскаго, въ которомъ преддверіи многажды иноцы, наипаче же во время лѣтнее собираются и разсуждаютъ о потребахъ монастырскихъ. Въ семъ убо прекрасномъ храмѣ (на отдѣльныхъ пяльцахъ) стоитъ святая и чудотворная икона, проименованная отъ древнихъ иноковъ *Вратарница,* зѣло ужасно зрачна, съ великими очесами, держащая въ лѣвой руцѣ Христа Спасителя, очернѣлая же на лицѣ множества ради лѣтъ, обаче совершенно всю являющая *тварь* (т. е. ликъ), покровенна же вся, кромѣ лица, среброкованною позлащенною одеждою, и кромѣ того упещренна многоцѣнными каменьми и монетами златыми отъ

различныхъ царей, князей и благородныхъ бояръ дарованными за многая ея чудотворенія, идѣже и Россійскихъ царей и царицъ, императоровъ же и императрицъ, князей и княгинь монеты же златыя и инны дары повѣшенны видѣхъ моими очесы. Имать же еще святая оная икона знаменіе, или *шрамъ язвы*, на ланитѣ, юже воспріятъ древле отъ единаго, иже прежде бысть невѣрный и именовашеся *Варваръ*, и удари ножемъ отъ злобы и ненависти; послѣди же егда узрѣ, яко абіе истече много крови, яже и донынѣ познавается, покаявся и вѣровавъ и бысть монахъ скитникъ, и спасеся, и нынѣ именуется *Святый Варваръ*, и тамо изображенъ есть въ преддверіи чернъ, аки *Моисей Муринъ*, но юнѣйшій, и съ прежними своими оружіями, съ ножемъ, стрѣлами и лукомъ. Сверху же сея святыя иконы есть покровъ (навѣсъ) съ главою осѣняющею ради паденія праха и ради великолѣпія, иже есть упещренъ мелкими художнотворными и различнозорными кожами маргаритными (т. е. мозаикою изъ перламута и индійской черепахи), отъ него же повѣшенны суть предъ святою чудотворною иконою кандилы великія, инныя отъ чистаго серебра, инныя же сребропозлащенны, числомъ четыренадесять. Низу же ея есть единa завѣса, вся изрядно удобренная различными многоцѣнными дарами благоговѣйныхъ христіанъ, многоцѣнными образами малыми и сребропозлащенными наперстниками. Предстательство же и прилежное смотрѣніе храма сего и благоговѣйное служеніе Иконѣ сей имѣетъ единъ іеромонахъ, отъ всѣхъ прочихъ братій избранъ, аки благоговѣйнѣйшій и добродѣтельнѣйшій, иже послушанія ради онаго именуется *приснопребывающій*, понеже инно что не творитъ, точію тамо внутрь пребываетъ множайшее время нощеденствія, украшая храмъ и имѣя тщаніе всегдашнее о предрѣченныхъ четыренадесяти, иже предъ Иконою, кандилахъ, да ни едино же отъ нихъ когда угаснетъ, имущи къ тому и свѣщу, на серебреномъ свѣщницѣ неусыпно горящую, и поющи тамо правило и параклисію (молебенъ Бож. Матери) по вся дни и нощи, и прислужащи общему седмичному, иже тамо приходитъ дважды въ

седмицу и литургисаетъ во славу Божія Матере". Къ этому подробному и вѣрному описанію, составленному какъ будто въ наши дни, я прибавляю немногое. Иверская икона Богоматери, о ней же выше шла рѣчь, есть та самая, которая по морю приплыла къ Аѳону въ самомъ концѣ десятаго вѣка; слѣдовательно она существуетъ тамъ 845 лѣтъ. Напрасно Барскій назвалъ ее страшно зрачною. Мнѣ казалась она величественною съ выраженіемъ вовсе не грознымъ. Раны на ланитѣ ея не усмотрѣлъ я; а кажущаяся язвина на самой окраинѣ подбородка, съ правой стороны его, есть нечто иное, какъ обнаженіе грунта иконы послѣ обсыпавшейся тутъ краски. Умилительна грузинская надпись на исподней ризѣ Иверской иконы, подъ богатѣйшимъ окладомъ Московскимъ: „О, Владычице, матерь человѣколюбиваго Бога, всенепорочная невѣста Марія! Спаси душу господина моего Куаркуара сына Кай Хозроя. Я же рабъ твой благодарю тебя, что ты удостоила меня недостойнаго позолотить и украсить святую икону твою Вратарницу. Се, приношу тебѣ малый даръ: пріими оный отъ меня грѣшнаго, и въ жизни сей сохрани меня непорочнымъ, и въ день исхода души моей заступи, и невидимымъ сотвори рукописаніе грѣховъ моихъ, поставляя и меня грѣшнаго одесную Сына твоего и Бога, яко Ему подобаетъ слава со безначальнымъ Его Отцемъ и всесвятымъ и благимъ и животворящимъ Его Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь". Кромѣ этой иконы замѣчателенъ написанный на доскѣ большой образъ Богоматери съ Младенцемъ въ притворѣ храма Вратарницы, и замѣчателенъ по красотѣ лика Ея. Онъ почитается чудотворнымъ, но не древенъ, кажется современенъ постройкѣ сего храма, конченной въ 1680 году. Все святилище Вратарницы, какъ я сказалъ выше, расписано въ 1683 году. Живописецъ внутри его изобразилъ властителя Ашотана и сынка его Іессея, а въ притворѣ—Константинопольскаго патріарха Діонисія, Грузинскаго Каѳоликоса Николая, и, что всего любопытнѣе, языческихъ мудрецовъ, Ѳула царя Египетскаго, Солона, Хилона, Платона, Аристотеля, Софокла, Ѳукидида и Плутарха,

каждаго съ хартіею въ рукахъ, на которой написано по гречески изрѣченіе его о Богѣ, или прорицаніе. Всѣ эти изображенія уцѣлѣли. Перевожу по русски слова всѣхъ названныхъ мудрецовъ.

Ѳулъ глаголетъ: Ветхій денми—юнъ,
А Юный—денми ветхъ.

Солонъ: Самъ Отецъ, не имѣющій отца, блаженъ.
Предъ нимъ трепещутъ люди и земля.

Хилонъ филологъ: Онъ—самодвижный Свѣтъ небесъ великихъ.

Платонъ: Изъ неневѣстной, пренепорочной Дѣвы—Матери.
Имѣетъ явиться единородный Сынъ Божій.

Аристотель: Не трудно рожденіе Бога; ибо въ немъ само собою осуществляется Слово.

Софоклъ: Есть Богъ безначальный. Несложно естество Его.
Онъ сотворилъ небо и преисподнюю.

Ѳукидидъ философъ: Богъ есть свѣтъ умный.

Плутархъ: Единъ—Богъ Слово, безначальный, неприступный.
Предъ нимъ трепещутъ небеса, люди и умы.

Всѣ эти мудрецы ничего такого не говорили. Усвоенныя имъ изрѣченія вымышлены какимъ-то досужимъ монахомъ, у котораго однако была вѣрная мысль задняя, что Греческая философія вела умы къ принятію христіанства, какъ церковный притворъ ведетъ внутрь Христова святилища.

А намъ куда теперь идти изъ замысловатаго притвора Вратарницы? Пойдемъ въ кладбищную церковь, что за воротами Иверской обители. Тутъ есть предметы, заслуживающіе наше вниманіе.

Кладбищная церковь во имя св. Аѳанасія Александрійскаго, построенная неизвѣстно когда, существовала въ 1672 году. Ибо тогда написана была мѣстная въ ней икона названнаго великаго святителя. Зодчество этой церкви ни мало не замѣчательно. Она, безъ купола, безъ колокольни, болѣе длинная, чѣмъ широ-

кая, покрытая каменнымъ лещадникомъ, невзрачная, съ иконостасомъ 1762 года, походитъ на двуэтажный домъ. Внизу подъ поломъ ея въ грязи лежатъ кости и черепы людскіе, и всѣмъ жалуются на Иверскихъ монаховъ, небрежно содержащихъ усыпальную костовницу свою, хотя и чающихъ воскресенія мертвыхъ. Въ верхнемъ же ярусѣ, т. е. въ самой церквѣ на стѣнахъ утверждены старинныя иконы большихъ размѣровъ, вынесенныя сюда изъ монастырскихъ церквей. Я разсмотрѣлъ ихъ внимательно и описалъ. Помѣщаю здѣсь свое описаніе ихъ.

1) Не хороша живопись мѣстной иконы св. Аѳанасія Александрійскаго, 1672 года. Волосы на головѣ и борода сего великаго іерарха покрашены красноватою краскою съ отливомъ цвѣта маковаго.

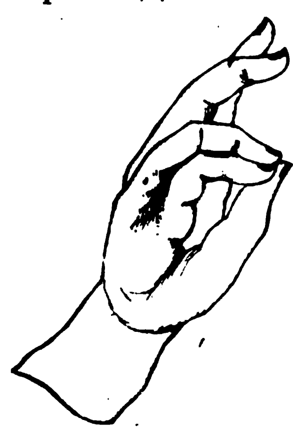
2) За то хорошо написана въ Москвѣ икона Богоматери, называемой Знаменіе, или Ширшая небесъ. У персей ея держится Божественный Младенецъ, а у головки изображены *огненные* Херувимы и Серафимы съ русскими надписями: ХЕРУВИМЪ. СЕРАФИМЪ. Внизу подписано по гречески: *Господи, моленіе раба твоего Николая и Евстаѳія и Зоніи 1676 года.* Явно, что эту икону въ Иверъ прислало греческое семейство, жившее въ Москвѣ.

3) Той же кисти икона Предтечи, держащаго жезль, увѣнчанный монограммою Христа ☧, присланa оттуда же. Ребра Предтечи обнажены. Живопись хороша.

4) Надъ выходомъ изъ церкви къ стѣнѣ прикрѣплена икона успенія Божіей Матери, написанная какимъ-то Іосифомъ въ 7039—1531 году апрѣля 6 дня. Этотъ иконописецъ киноварью подписалъ свое имя, годъ, мѣсяцъ и день подъ ножками сѣдалища пресв. Дѣвы. Живопись его изрядна. Ангелы около Спасителя, принимающаго душу Матери своей, едва видны въ облакѣ *зеленомъ.* Турецкіе солдаты, сторожившіе Аѳонъ съ 1821 года по 1831, выкололи глаза и такъ попортили всѣ лица.

Кромѣ этихъ иконъ въ кладбищной церквѣ хранятся весьма древніе большіе образа Грузинскаго и Критскаго письма, именно:

5) Образъ Господа Іисуса Христа, какъ праведнаго Судіи: ὁ ΔΙΚΑΙΟΣ ΚΡΙΤΗΣ. Лице его строго. Въ вѣнцѣ написано: ΟΩΝ. Волосы на головѣ орѣховаго цвѣта. Борода круглая. Усы направлены къ низу. Подъ нижнею губою видна полуягодица безъ волосъ. Шея, не жилистая, полная, открыта. Хитонъ багрянъ. Десница благословляетъ неименословно.



Шуйца поддерживаетъ закрытое евангеліе, которое обрѣзомъ обращено въ лѣвую сторону. Вышина сего образа въ $2^{1}/_{4}$ аршина, а ширина въ $1^{3}/_{4}$ арш. Рисунокъ его можетъ быть принятъ за образецъ живописанія І. Христа, какъ Праведнаго Судіи.

6) Образъ Богоматери съ Младенцемъ у груди, весьма потемнѣвшій.

7) Образъ Богоматери скорбящей, безъ Младенца. Лице ея строго. Она шуйцею придерживаетъ свой омофоріонъ у груди. Этотъ образъ стоялъ на́ верху иконостаса по правую сторону креста.

8) Образъ св. Іоанна Богослова скорбящаго. Моложавое лице его пріятно. Шуйцею онъ поддерживаетъ головку свою. И этотъ образъ когда-то стоялъ на верху иконостаса по лѣвую сторону распятія.

9 и 10) Два образа архангеловъ, Гавріила и Михаила. Оба архангела изображены въ стихаряхъ, какъ служебные духи, посылаемые на служеніе хотящимъ наслѣдовать спасеніе. Михаилъ красивѣе Гавріила.

11) Образъ Іоанна Предтечи, не въ верблюжьей одеждѣ, а въ срачицѣ и хитонѣ, немного похожемъ на фелонь. Грузинское лице его благообразно. Большіе голубые глаза—привлекательны. Волосы нарисованы сосками. На ланитѣ полоскою рдѣетъ ру-

мянецъ. Въ десницѣ онъ держитъ свитокъ. Въ на́писи видна монограмма ΙΩΟ ΠΡ (πρόδρομος.)

12.) Образъ того же Предтечи. Лице его выразительно. Носъ закривленъ къ низу.

13.) Образъ его же, но съ крыльями въ напоминаніе пророчества о немъ Малахіи: „*Се азъ посылаю ангела моего предъ лицемъ моимъ.*“ Онъ изображенъ полусогбенный, въ пустынѣ. Живопись греческая.

14.) Образъ св. апостола Петра съ ключами царства небеснаго. Борода у него коротка, кругла и съ просѣдью.

15.) Образъ св. апостола Павла. Онъ плѣшивъ. Носъ у него орлиный. Въ рукѣ держитъ свитки всѣхъ посланій своихъ.

16.) Образъ Петра и Павла. Оба они поддерживаютъ храмъ, какъ знаменіе основанной ими Церкви на краеугольномъ камнѣ Христѣ. Сей образъ напоминаетъ такую же икону этихъ апостоловъ, стоящую въ аѳонской лаврѣ у алтаря.

17.) Образъ Господа Іисуса Христа, яко человѣколюбца: ὁ φιλάνθρωπος. Лице его величественно и пріятно. Взоръ милостивъ. Усы спущены къ низу. Подъ нижнею губою на полуягодицѣ волосъ нѣтъ. Борода мала и кругла. Онѣ благословляетъ неименословно, потому что изображенъ, не какъ первосвященникъ.—Предъ нимъ на колѣнахъ стоитъ грузинскій властитель Ашотанъ съ открытою головою, въ узорчатой одеждѣ, и взирая на человѣколюбца молится. Слѣдовательно эта икона написана около 1680 года. Длина ея въ три аршина, ширина въ одинъ аршинъ и два вершка. Она написана на полотнѣ, прикрѣпленномъ къ деревянной доскѣ.

18.) Образъ Богоматери, называемой Упованіе христіанъ, Η ΕΛΠΙΣ ΧΡΙΣΤΙΑΝΩΝ, безъ Младенца. Въ лѣвой ручкѣ она держитъ хартію, на которой написанъ разговоръ ея съ человѣколюбцомъ:

Δέξαι δέησιν	Пріими прошеніе
Τῆς σῆς μητρός, οἴκτηρμον.	Твоей матери, Милостиве.
Τί μάτερ αἰτεῖς;	Чего просишь мати?
Τὴν βροτῶν σωτηρίαν.	Людямъ спасенія.

Παρωργησάν με.	Они прогнѣвали меня.
Συμπάθησον υἱέ μου.	Помилуй ихъ Сыне мой.
Ἀλλ' οὐκ ἐπιστρέφουσι.	Но они не обращаются.
Καὶ σῶσον χάριν.	Спаси ихъ благодатно.
Ἔξουσι λύτρον.	Получатъ избавленіе.

Внизу изображенъ весьма юный сынъ Ашотана Іессей. Лице его прекрасно и выразительно. Одежда—узорчатая, царственная. Онъ, какъ и отецъ его, съ открытою головою стоитъ на колѣнахъ предъ Богоматерію и молится.

Колоритъ этихъ двухъ иконъ красноватъ. Верхніе и нижніе края ихъ окованы желѣзомъ и имѣютъ пяты, на которыхъ онѣ поворачивались. Это значитъ, что онѣ служили вмѣсто створчатой двери, полагаю, въ западной части храма Вратарницы, а не притвора его.

Нельзя не пожалѣть о томъ, что Иверскіе монахи—Греки вынесли на кладбище всѣ вышеописанныя иконы, старинныя и хорошія, и замѣнили ихъ новыми, не отличными. Причина тому—не упадокъ изящнаго вкуса, а просто безвкусіе свойственное необразованнымъ людямъ. Напрасно кто говорилъ-бы имъ, что седьмый вселенскій соборъ, возстановляя иконопочатаніе, вмѣстѣ освятилъ и изящество художественнаго вкуса: они не поняли бы такого наставника, или отвѣтили-бы ему, что равночестны всѣ образа, какіе бы они ни были, и что катихизисъ учитъ почитать не ихъ, а тѣхъ, кого они представляютъ. Но оставимъ ихъ въ покоѣ, и займемся дальнѣйшимъ обозрѣніемъ достопримѣчательностей Иверской лавры.

На берегу моря близъ лодочной пристани высится башня, въ которую втягиваютъ мореходныя лодки, та самая, которую подъ названіемъ арсаны кропотливо описалъ Барскій. Она сооружена въ 1622 году при игуменѣ Григоріи; а въ 1626 году игуменъ Іеремія устроилъ церквицу въ верхнемъ ярусѣ ея. (*Архивъ. Надпись.*)

У самыхъ воротъ Ивера по правую сторону мощеной дороги, ведущей въ сію обитель, устроенъ большой водоемъ, обложенный

камнемъ и облицованный спереди мраморомъ подстать фонтану. Изъ него вода получается чрезъ кранъ. Въ верху его на мраморномъ камнѣ начертана надпись на греческомъ языкѣ: „Сія вода проведена издалека иждивеніемъ архонта Сермазана Ивира и Николая постельника изъ Валахіи, и содѣйствіемъ и усердіемъ игумена Гавріила урожденца Аѳинскаго. Окончена работа сего водоема въ лѣто *седмь тысячь десятью десять да двадцать*, сентября 28-го". Замысловато сіе лѣтосчисленіе. Считай его такъ: 7000 + 10 × 10=7100 + 20=7120: и разумѣй, что водоемъ былъ устроенъ въ 7120 году отъ Адама, или въ 1619 отъ Христа, вычитая изъ 7120—5501 годъ, протекшій отъ созданія перваго человѣка до Рождества Христова. Въ этотъ ёмъ вода доведена изъ двухъ горныхъ мѣстъ въ разныя времена. Родникъ ея нашелъ и открылъ Григорій въ первое игуменство свое ранѣе 1613 года, въ который Радулъ воевода Угровлахійскій призвалъ его въ свое княжество и подарилъ Иверской лаврѣ Троицкій монастырь съ имѣніями. Потомъ въ 1617 и 18 году складенъ былъ на извести каменный водопроводъ съ черепичными трубами, σουλινάρια, внутри его, а въ 1619-мъ докончена была постройка его при игуменѣ Гавріилѣ. Строили же его мастера іеромонахъ Пахомій, старецъ Меѳодій кузнецъ, старецъ Матѳей, монахъ Пахомій и монахъ Клеоникъ: а на матеріалы и на рабочихъ издержаны были 60,000 аспръ, не считая пищи и питья, ἄνευ τὰ ὅσα ἔφαγαν καὶ ἔπιαν. Тогда вселенскимъ патріархомъ былъ киръ Тимоѳей, а султаномъ Османъ. Въ 1626 году, когда игуменствовалъ Іеромонахъ Іеремія цареградецъ, Иверіты, нашли другую воду, что выше кельи Галактіоновой, и соединили ее съ прежнею водою, что отъ кельи сорока мучениковъ. Послѣ этого соединенія въ Иверѣ оказалось большое обиліе водъ". *(Архивъ.)*

Занимательны всѣ эти подробности Аѳоновѣдѣнія. А гораздо занимательнѣе и нужнѣе тѣ прибытки знанія, кои получилъ я въ библіотекѣ и архивѣ Ивера.

Библіотека помѣщена надъ западными притворами соборнаго храма, а приведена въ порядокъ, назадъ тому сто лѣтъ,

Артскимъ митрополитомъ Неофитомъ. Но пусть объ этомъ говоритъ Барскій. „Библіотеку во время странствованія моего (1744 г.) обнови, умножи и благочинно расположи своимъ коштомъ и прилежаніемъ блаженной памяти *Киръ Неофитъ Мавроматъ*, бывшій митрополитъ града *Арты*, иже бяше человѣкъ довольно ученъ въ еллинскомъ діалектѣ, и оставивши свой престолъ безмолвствоваше тридесять лѣтъ въ святой горѣ на различныхъ мѣстѣхъ, наибольшее же время въ монастырѣ *Иверскомъ*, иже всю оную книгохранительницу пересѣя своимъ трудолюбивымъ чтеніемъ, и рече мнѣ еще живъ сущи, яко тамо обрѣтаются многія изрядныя книги еллинскія, латинскія, греколатинскія, философскія, богословскія, историческія и отеческія, рукописныя же и печатныя, на кожахъ же и хартіяхъ (т. е. на пергаминѣ и на бумагѣ), яже и азъ многажды видѣхъ, и рече мнѣ, яко между тѣми бяху нѣкія книги неудобьобрѣтаемыя и въ міръ неявльшіяся, отъ нихъ же едину паче всѣхъ превозвышаше зѣло толсту рукописану, имянуемую *Куварасъ*, си есть *сборникъ*, въ ней же, рече, собранны быша вещи различныя, богословскія, философскія, отеческія, нравоучительныя, историческія, и всякое вопрошеніе и отвѣтъ, елико кто можетъ желати, ея же времени и благополучія не имѣхъ взыскати, понеже слышахъ о семъ при отъѣздѣ. Бяху же тамо книгъ, мню, яко три тысящи и больше“.—Всѣ эти книги я видѣлъ, но не имѣлъ времени *пересѣять ихъ чтеніемъ*, и разсмотрѣлъ немногія изъ нихъ и особенно два претолстые, рукописные *Куварaса* (они же и Пандектами называются.). Сообщаю здѣсь понятіе объ этихъ рукописяхъ и свои выписки изъ нихъ, конечно не всѣ и не вполнѣ, рѣшившись помѣстить ихъ въ другихъ сочиненіяхъ моихъ.

Большой Куварасъ, или Пандектъ на лощеной турецкой бумагѣ въ 500 листовъ обыкновенныхъ написанъ весьма мелкимъ почеркомъ въ первые годы седьмнадцатаго вѣка. Въ началѣ его помѣщены рисунки креста и одной виньетки съ узорами во вкусѣ турецкомъ. Эту рукопись видѣлъ извѣстный у насъ Арсеній Сухановъ и на полѣ ея внизу крупно подписалъ свое имя.

Меньшій Куварасъ, или Панѳектъ, на лощеной турецкой бумагѣ in 4-о, написанъ весьма мелко, но разборчиво въ 1514 году 3 февраля. Ἐτελειώθη σύνθεσις τοῦ παρόντος βιβλίου ἐν ἔτει ͵ζχβ ἐν μηνὶ φευρουαρίῳ Γ, ἡμέρᾳ ς.

Куварасъ значитъ кубарь, клубокъ, на который намотано множество нитокъ, либо ленточекъ; а *Панѳектъ* (πανδέχτης) можно перевесть по русски такъ: *Все тутъ есть*. Въ самомъ дѣлѣ обѣ эти рукописи суть не что иное, какъ сборники разныхъ статей, помѣщенныхъ одна послѣ другой, почти безъ систематическаго порядка. Статьи же эти всѣ выписаны изъ рукописей: самородной, или своесочиненой между ними нѣтъ ни одной. Въ меньшемъ Панѳектѣ всѣхъ статей 232, а въ большемъ онѣ не означены счетомъ, но тутъ ихъ весьма много. Познакомимся съ нѣкоторыми изъ нихъ.

— Γενεαλογία ἀπὸ κτίσεως κόσμου: *Родословіе отъ созданія міра*. Статья изъ большаго Панѳекта съ примѣчаніями на поляхъ. Передаю ее и ихъ по русски.

	Лѣта жизни	Лѣта отъ Адама.
Адамъ родилъ Сиѳа будучи	230	—
Говорилъ же онъ языкомъ Сирскимъ.		
Сиѳъ родилъ Еноса будучи	205	435
Онъ далъ имена звѣздамъ.		
Еносъ родилъ Каинана	190	625
Каинанъ родилъ Малелеила	170	796
Онъ изобрѣлъ Астрономію и проч. и проч.		
Ной родилъ Сима	500	2.142
Въ пятисотый годъ жизни Ноя построенъ былъ ковчегъ. Длина его 300 локтей, ширина 50 и высота 50.—*Во время потопленія земли Рай не былъ подъ водою*		

	Лѣта царствован.	Лѣта отъ Адама.
Ахазъ царствовалъ надъ Израилемъ лѣтъ	16	съ 4750
Въ шестый годъ его царствованія десять колѣнъ Израильскихъ отведены были въ Ассирію.		
Навуходоносоръ царствовалъ . . .	20	съ 4912
Онъ сожегъ Іерусалимъ во дни Іереміи, Даніила и трехъ отроковъ, тогда же и *первый* былъ плѣнъ; *второй же*—при Ассохеѣ царѣ Египетскомъ, *третій* при Антіохѣ царѣ Сирійскомъ, прозываемомъ Пердикъ, *четвертый* при Помпеѣ военачальникѣ Римскомъ, *пятый* при Иродѣ, *шестый* при Титѣ, сынѣ кесаря Веспасіана.		
Три отрока, что въ Вавилонѣ, были, говорятъ, сыны Езекіиля, а Езекіиль былъ рабъ Іереміи.		
Иродъ царствовалъ	37	съ 5466 по 5503
Въ шестнадцатомъ году его царствованія Римляне возобладали надъ Израилемъ.		
Юлій Цезарь	4	5503 — 5507
Октавій Августъ	56	
Въ 42-мъ году его царствованія родился Господь нашъ І. Христосъ.		
Тиверій . . . . . . , ...	22	5528
Въ 15-мъ году его правленія Христосъ крестился въ Іорданѣ, а въ 18-мъ добровольно пострадалъ. Тогда былъ 5539 годъ отъ созданія міра, мѣсяцъ мартъ, индиктъ 4-й.—(?)		
Неронъ царствовалъ лѣтъ. . . . , . .	14	5560
Онъ началъ перекопывать Пелопонесскій перешеекъ и, когда работники не при-		

	Годы царствован.	Годы отъ Адама.
нимались за дѣло, взявъ въ руки заступъ, и покопавъ немного, понудилъ ихъ къ работѣ своимъ примѣромъ. Но какъ только они копнули землю, изъ нея, говорятъ, брызнула кровь, и послышались стоны, а идолы взыграли: καὶ εἰδόλων γενέσθαι φαντασίαν πολλήν.		
Веспасіанъ царствовалъ лѣтъ	10	5570
Титъ сынъ его царствовалъ года	3	5573
При немъ Іерусалимъ раззоренъ былъ окончательно, и опустошительный огонь осенью проторгся изъ горы Везувія и пылалъ такъ, что закрывалъ солнце, а пепелъ разносился до Африки и Сиріи и Египта и Рима, рыбы же и птицы погибали и гніеніемъ своимъ произвели моровую язву.		
Траянъ царствовалъ.	19	5608
Онъ первый началъ гнать и мучить христіанъ. При немъ замученъ былъ Симеонъ вторый епископъ Іерусалимскій, будучи 120 лѣтъ.—Жена апостола Петра приняла вѣнецъ мученическій. А апостолъ Павелъ жену свою посвятилъ Богу, воздержавшись отъ общенія съ нею.		
Константинъ великій	33	5841
Онъ построилъ новый Римъ въ 5838 году 11-го мая.		
Валентъ аріанинъ	3	5883
Онъ во снѣ слышалъ вотъ что: „скоро иди къ Миманту великому; тамъ участь странная постигнетъ тебя злополучно.“—		

	Годы царствован.	Годы отъ Адама.
Побѣжденный же Скиѳами во Ѳракіи и укрывшійся въ соломенномъ шалашѣ онъ сгорѣлъ тутъ. Но когда отыскали его, тогда нашли тутъ гробницу съ надписью: здѣсь лежитъ Мимантъ военачальникъ Македонскій.		
Ѳеодосій младшій	42	5955
Супруга его Евдокія была премудрая. Она исправила и докончила стихотвореніе Патрикія, извѣстное подъ названіемъ Омирокентра.		
Анастасій Дикоръ.	27	6023
При немъ народъ Болгарскій, дотолѣ незнаемый, вторгся въ Иллирикъ и Македонію.		
Левъ Исаврянинъ иконоборецъ. . .	24	6248
Онъ въ Константинополѣ сожегъ библіотеку, въ которой находилось 120,000 рукописей и въ числѣ ихъ Иліада и Одиссея Омира, золотомъ написанная на змѣиной кожѣ длиною въ 120 ступеней.		
Константинъ съ матерію его Ириною .	10	6297
Во дни ихъ найденъ ковчежецъ съ записью: „Христосъ имѣетъ родиться отъ Дѣвы Маріи, и я вѣрую въ него. А при Константинѣ и Иринѣ опять увидитъ меня солнце“.		
Ѳеофилъ иконоборецъ	12	6348
По смерти его нашли въ казнохранилищѣ 1090 кентаровъ золота, и 3000 кентаровъ серебра.		

	Годы царствован.	Годы отъ Адама.
Василій Македонскій	19	6393
Сей государь послалъ архіерея Россамъ для крещенія ихъ. Они же сказали ему: если мы не увидимъ чуда, то никогда не примемъ вѣры твоей. Архіерей отвѣтилъ имъ: требуйте, чего хотите. Тогда они потребовали, чтобы онъ бросилъ евангеліе въ огонь, и примолвили: если не сгоритъ оно, то мы увѣруемъ. Развели огонь; и вотъ, епископъ поднялъ руки и очи свои къ небу и сказалъ: прославь имя твое, Христе Боже. Побыло евангеліе въ огнѣ и не сгорѣло. Увидѣвъ это и удивившись, Россы увѣровали. Народъ же они Скиѳскій изъ числа народовъ населяющихъ Тавръ.		
Алексѣй Комнинъ	38	6626
Онъ началъ царствовать съ 1-го апрѣля 6589 года въ великій четвертокъ.		
— Латины взяли Константинополь въ 6712 году 12 апрѣля въ понедѣльникъ, когда индиктъ былъ 7-й, и владѣли имъ 56 лѣтъ и три мѣсяца и 13 дней.		
Михаилъ Палеологъ	24	—
Въ третій годъ его царствованія Греки возвратили себѣ Константинополь въ 6768 году, когда индиктъ былъ 4-й, 25 іюля. Умеръ же онъ въ 6791 году, 11-го декабря, когда индиктъ былъ 11-й.		
Андроникъ младшій вѣнчанъ былъ на царство 2 февраля въ субботу, когда индиктъ		

	Годы царствован.	Годы отъ Адама.
былъ 8-й, и царствовалъ 13 лѣтъ и 27 дней.		
Іоаннъ Палеологъ сынъ его вѣнчанъ былъ 19 ноября 6850 года, въ понедѣльникъ, царствовалъ 49 лѣтъ, а почилъ въ 6899 году въ четвертокъ.		
Мануилъ сынъ его, еще при жизни отца его Іоанна вѣнчанъ былъ на царство въ 6885 году.		

Іоаннъ сынъ его, еще при жизни отца его Мануила, вѣнчанъ былъ въ 6900 году. Онъ въ 6932 году ѣздилъ въ Италію на Соборъ ноября 15-го, а 20-го октября 6933 года возвратился въ Константинополь.— Въ 6938 году сдѣлался тестемъ; а Деспотъ Константинъ женился на племянницѣ Деспота Карла, Акривѣ, и взялъ въ приданое городъ Гларенцу и прочее. Въ этомъ же году умеръ оный Карлъ, а Турки взяли съ бою городъ Іоаннину. Тогда же взята была ими Ѳессалоника у владѣтелей ея Венеціанъ.—Въ томъ же году Деспотъ Константинъ взялъ городъ *старую Патру* и поставилъ въ немъ начальникомъ Георгія Франци Фіалита.—Въ 6939 году Каталанцы взяли Гларенцу. Но Деспотъ Костантинъ выкупилъ у нихъ этотъ городъ и разрушилъ его.—Въ 6943 году умеръ владѣтель (Αὐθέντης) Аѳинъ и и Ѳивъ Антоній Делаціóласъ.—Въ 6953 году убитъ былъ Венгерскій краль у Варны въ сраженіи съ Амуратомъ.—Въ 6955 году ноября 20-го сей Амуратъ подступилъ къ Ексамиліону, въ которомъ находились два родные брата и Деспоты Константинъ и Ѳома, и прогналъ ихъ 10 декабря, а Ексамиліонъ разрушилъ и пришелъ въ Патру, сожегъ ее и умертвилъ многихъ людей.—Деспотъ Ѳеодоръ умеръ въ Силивріи; и принесли его въ Константинополь и похоронили въ монастырѣ Пандократорскомъ въ 6956 году.—Въ 6957 октября 1-го дня скончался царь Іоаннъ

Палеологъ и погребенъ былъ въ томъ же монастырѣ. А царствовалъ онъ 23 года, 10 мѣсяцовъ и 15 дней.

— Въ этомъ же году Киръ Ѳома Деспотъ, на пути въ Константинополь, въ Каллиполѣ узналъ о смерти брата своего царя, Димитрій же Деспотъ домогался царствовать, но вельможи избрали царемъ Киръ Константина, въ бытность его въ Мизиѳрѣ, и послали туда Киръ Алексѣя Филанѳропина и Киръ Мануила Палеолога Ягари, и вѣнчали его на царство: а оттуда онъ прибылъ въ Константинополь въ шестый день августа.

Въ 6959 году сентября 11-го издохъ (ἐψόφησεν) Амуратъ въ Адріанополѣ, и на мѣсто его сталъ сынъ его Магометъ Амирасъ.

Въ 6961 году въ старой Патрѣ родился сынъ у Деспота Киръ Ѳомы Андрей 13 января.—Въ этомъ же году 4 апрѣля Магометъ окружилъ Константинополь съ суши и моря, имѣя на сушѣ 200,000 воиновъ, а на морѣ 400 судовъ большихъ и малыхъ. Въ Константинополѣ же находились только 4773 ратника и 200 иностранцовъ. Посему 29 мая во вторникъ въ 1-мъ часу дня взятъ былъ сей городъ со стороны башни св. Романа, а св. мученикъ и царь Константинъ убитъ былъ вмѣстѣ со многими архонтами. Царствовалъ же онъ 4 года, 3 мѣсяца и 20 дней. Годы всей жизни его—49, мѣсяцовъ 10 и дней 15.—Родъ Палеологовъ царствовалъ 194 года, 10 мѣсяцовъ и 15 дней.

Въ 6963 году Албанцы поставили лжедеспота Мануила, сына Кантакузина, и отложились отъ Деспотовъ Морейскихъ, а дружа съ Турками призвали Турахамъ бея; онъ же раззорилъ Албанцовъ и лжедеспота ихъ заточилъ.

Въ 6966 году 15 мая великій Ефенди (Αὐθέντης т. е. Магометъ) взялъ Коринѳъ изъ рукъ Киръ Матѳея Асани и Киръ Никифора Лукина въ августѣ мѣсяцѣ, взялъ и Патру и Калавриту. Два же родные брата Раллэи Киръ Георгій и киръ Ѳома, находившіеся въ Глараце, въ Влахернахъ сгубили многихъ Турковъ. Тогда же преданъ былъ и Деспотъ Димитрій въ Мизиѳрѣ.

Въ 6971 году Августа 6 дня, умерла царица супруга киръ Ѳомы и погребена въ монастырѣ св. апостоловъ. Въ этомъ же

году взятъ былъ и Трапезунтъ, а Амаръ бей разграбилъ Навпактъ; и была битва съ Венеціанами.

Въ 6972 году Венеціане взяли Монемвасію у Киръ Мануила Палеолога.— Мая 12 скончался Деспотъ Киръ Өома въ Римѣ. Потомъ (6973) прибыли туда же Киръ Андрей и Киръ Мануилъ и сестра ихъ.

Въ 6978 году взятъ Еврипъ, и Востица разрушена Пашею.

Въ 6979 году скончался Деспотъ Киръ Димитрій въ Адріанополѣ, принявъ ангельскій образъ съ именемъ Давида; тогда же и дочь его.

Въ 6983 году взята была Кафа.—Въ 6989 году августа 6 дня умеръ султанъ Магометъ, а въ 9 день султаномъ провозглашенъ былъ сынъ его Баязетъ.

Въ 6999 апрѣля 6 турки сняли и разбили колокола на св. горѣ Аөонской.

Въ 7000 году Баязетъ плѣнилъ Албанію;

Въ 7008 году онъ взялъ Навпактъ въ мѣсяцѣ августѣ, а въ сентябрѣ построены были крѣпости въ Стенѣ (εἰς τὸ ςενὸν), флотъ же перезимовалъ въ мѣстѣ, называемомъ Аспра—Оспитіа, въ іюнѣ же мѣсяцѣ перешелъ въ Меөону. А 8 августа въ день воскресный, въ часъ вечерній, явились четыре катерги Венеціанскія, и между катергами турецкими прошли въ пристань для помощи; въ этотъ самый часъ Меөона была взята. Потомъ сданъ городъ Корбни.

Въ 7020 году апрѣля 20 дня въ четвертокъ сталъ Султаномъ Селимъ, въ маѣ же мѣсяцѣ умеръ отецъ его Баязетъ.

Въ 7029 году умеръ Селимъ и султаномъ сталъ *нынѣшній* Сулейманъ.

И такъ составитель, или продолжатель сей хронологіи жилъ въ 1521 году.

II.

Ὀνομασίαι τόπων τινῶν. Названія нѣкоторыхъ мѣстъ древнія и новыя.—Статья изъ меньшаго Панѳекта.

Епидавръ, Монемвасія.—Лихнисъ, Ахридское озеро: Ахрида же называлась и Саритисъ и Превели.—Ираклія, нынѣ Пелагонія.—Селафоросъ, нынѣ Діаволисъ.—Иллириконъ, нынѣ Іоаннина.—Едесса, нынѣ Моглена.—Рѣка Аксидосъ, нынѣ Вардаріосъ.—Рѣка Пиній, нынѣ Саламвріа.—Ѳессалійскій Аргосъ, Ларисса.—Эпіа, Корони.—Пидасосъ, Меѳони.—Херонисосъ, Аваринос.—Ѳеуполисъ, Пруса.—Ѳеодосіуполисъ, Апросъ.—Орѳегоріа и Стагира, Макри.—Амфиполисъ, Хрисополисъ.—Топиросъ, Русіонъ.—Пиринѳосъ, Иракліа.—Тиверіуполисъ, Струмица.—Велентіуполисъ, Велевудіонъ.—Даресъ, Тавресъ.—Мартируполисъ, Мерфеки.—Веррія, Алеппъ.—Иллирикъ, Сербія.—Германикія въ Сиріи, Телесава.—Мопсу, Кринэ,—Сперхіосъ, нынѣ Агріомеласъ.—Сирміонъ, Венгрія и Стриамосъ.—Венгры же въ древности назывались Гипэи.—Дористолонъ, Дриста.—Одрисосъ и Орестіасъ, Адріанополь.—Маотисъ озеро, нынѣ Галатіа.—Ептаполисъ, Ептаноміа.—Потидэа, Кассандра.—Колоссосъ, Лоро.—Фотистики, Вела.—Виѳинская Епархія, Никомидія и Никея, или Ѳема Опсикіу и тонъ-Оптиматонъ.—Асіа, Ефесъ.—Фригіа, Іонія что около Асіи.—Евія, Еврипъ.—Віотіэ, Ѳивы.—Пидна, Китросъ.—Елиссонъ, Елассонъ.—Фѳіа, Ферсалія.—Никополисъ, Превеза.—Этоліа, Летоніа.—Керкира и Фэакіа, Кориѳэ или Корфу.—Дедони, Водица.—Епиръ, Вуѳротонъ.—Делфы, нынѣ Хрисосолосъ.—Діосполисъ, Рабелонъ.—Сардики, Тріадица.—Ларимна, Ларисса.—Ѳерми и Имаѳіа, Ѳессалоники, (Солунь).—Колоссэ, Хонэ.—Родопи, Филиппополь.—Сперхіосъ и Апиданосъ рѣки Фарсальскія. Мемфи, Даміатта въ Египтѣ.—Перги, Пиргіонъ.—Елласъ, Зитуніонъ и окрестности его до Фтіады, или Фарсалы. Ѳраки, Адріанополь до Византіи и Софіи и Болгаріи и Ахриды.—Херонисосъ, Каллиполь до Эноса.—Македонія, отъ Сер-

Акарнанія даже до Авлона.—Иллирикъ, Албанія.—Амбракеа, Канина даже до Іоаннины.—Талантія, Боснія.—Далмація, Склавунія; т. е. Аспа́лаѳронъ до Се́ніи.—Дакіа, заливъ Мессинскій.—Триваллія, Сербія.—Верхняя Мѵсія, Валахія.—Пропонтисъ, черное море. Понтосъ, у Иракліи, Корфа и Киликіи.—

Азія, или Востокъ.

Виѳинія, взморье до Трапезунта.—Азія, собственно Никомидія и окрестности ея.—Фригія, Кесарія.—Пафлагонія отъ Карамана до Кадилъ горы.—Памфилія, Каппадокія и Киликія отъ Кесаріи до Памфиліи.—Колхида, Галатія. Тутъ владѣютъ Гутѳы и Зунхаса́нъ.—Сарматіа и Иверія до Наида (Дона) рѣки (μέχρι τοῦ ναΐδου ποταμοῦ.)—Лакедемонія, Ка́мпосъ ту-Мизиѳра́.—Спарта, Мизиѳра.—Аркадія, Горица.—Потидея, Кассандрія.—Пидна, Китросъ.—Аполлонія (Аѳонская) Іериссо́съ.—Сирміонъ, Венгрія.—Ефира, Коринѳъ.—Офиуса, Родосъ.—Лавканія, Самоѳраки.—Прико́нисосъ, Мармара.—Исисъ, Алеппъ.—

Знать всѣ эти названія весьма нужно. Напримѣръ: выше въ хронологіи замѣчено, что Деспотъ Константинъ, онъ же и послѣдній царь греческій († 1453 г.), вѣнчанъ былъ на царство въ Мизиѳрѣ, т. е. въ Спартѣ.—

III.

Περὶ γενέσεως ἀνθρώπου. Καὶ, πόθεν τρίτα, καὶ ἔννατα καὶ σαρακοςά.—*О зарожденіи человѣка. И, откуда Третины, девятины и сорочины.* Статья изъ меньшаго Панѳекта.—

† Сѣмя, ринутое въ матку, пробывъ тутъ три дни, превращается въ кровь: тогда же обрисовывается и сердце: въ девятый же день сгущается въ тѣло и мозги, а въ сороковый день образуется лице. Съ третьяго мѣсяца младенецъ движется съ своемъ лонѣ, а въ девятомъ мѣсяцѣ полнѣетъ и къ исходу спѣшитъ.

Дѣвочка же и мальчикъ заraждаются, смотря по степени тепла. Теплѣе сѣмя? зарождается мальчикъ. Меньше въ немъ

теплоты? бываетъ дѣвочка. Зародышъ ея сгущается медленнѣе: медленнѣе она и образуется. Мальчикъ, какъ выкидышъ сорокодневный, выпадаетъ уже съ личикомъ, а дѣвочка и послѣ сорока дней выкидывается безъ лица.

† Умершій человѣкъ въ третій день измѣняется и теряетъ видъ лица; въ девятый расплывается весь остовъ его, кромѣ сердца, а въ сороковый гибнетъ весь онъ.

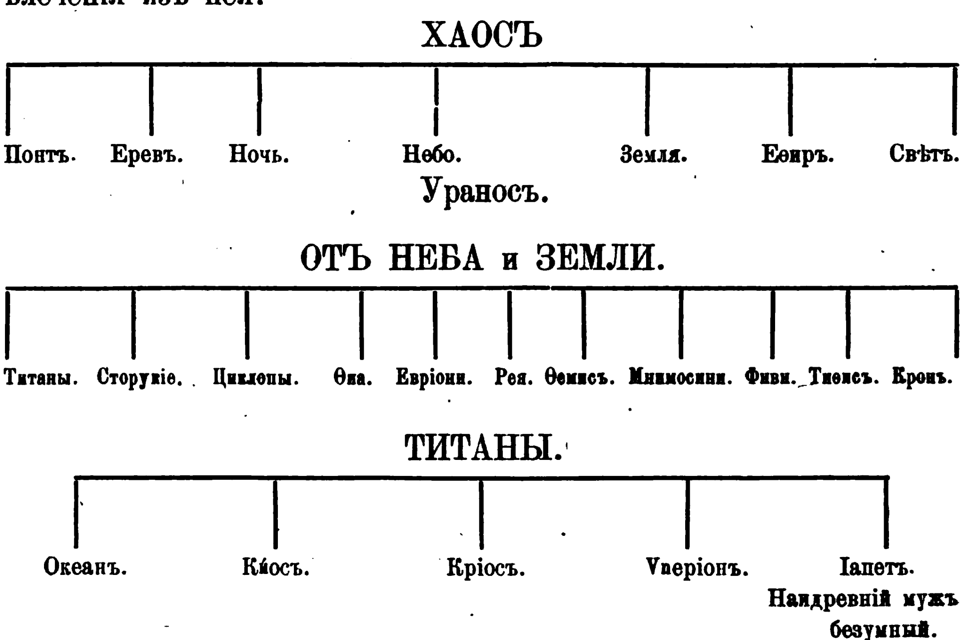
Третины совершаются въ память воскресенія Христова въ третій день; *Девятины* ради поминовенія усопшихъ, *Сорочины* по ветхому закону; ибо евреи 40 дней оплакивали Моисея: *Годовщина* для раздачи бѣднымъ милостыни.

IV.

Θεογόνια κατὰ τὴν δυσειδαίμονα πλάνην τῶν Ἑλλήνων.

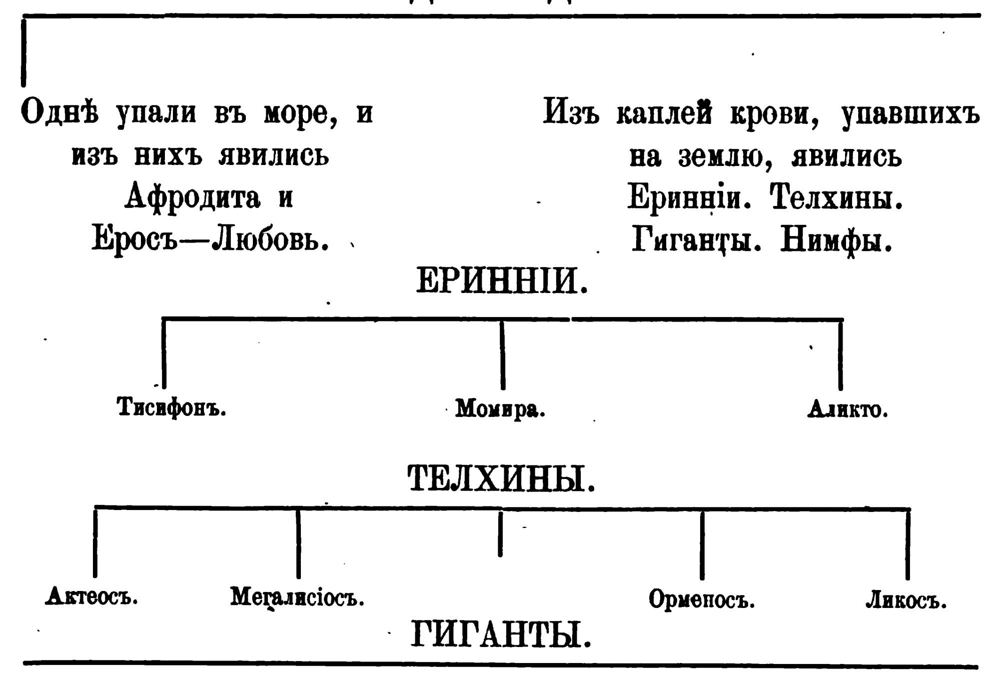
Рожденіе Боговъ по ложному понятію Еллиновъ.

Статья изъ большаго Панѳекта. Она очень пространна, и потому всей ей нѣтъ мѣста здѣсь, а предлагаются только извлеченія изъ нея.



Врондисъ—механикъ сдѣлавшій громоносецъ, т. е. мѣдный сосудъ, въ которомъ морскіе камни и камешки перекатываясь производили подобіе грома. Стерописъ—волхвъ творящій молнію.

ИЗЪ ОТРѢЗАННЫХЪ ДѢТОРОДНЫХЪ ЧАСТЕЙ УРАНА·

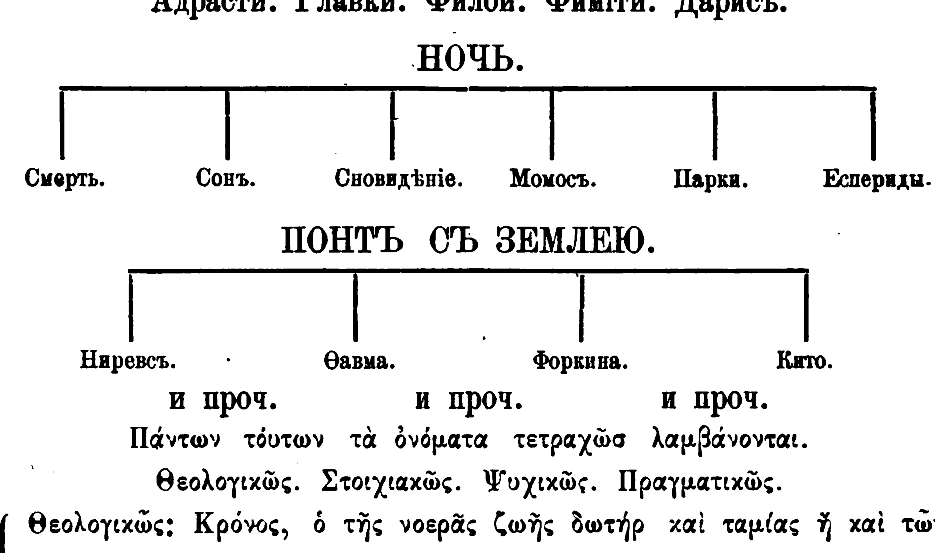


Ихъ сто. А выдающіеся изъ нихъ суть: Вримисъ. Порфи-

ріонъ. Отосъ. Мімасъ. Ефіалтисъ. Тифонъ. Палантевсъ. Ипполитосъ. Эгевсъ. Евріватосъ. Асволосъ. Ниревсъ. Трітонъ. Аргиосъ. Тмолосъ. Микистевсъ. Антеасъ. Панописъ. Атласъ. Кэневсъ. Пилевсъ. Анхіалосъ. Мусэосъ. Эгэонъ. Главкосъ. Алкевсъ. Клетіосъ. Воотисъ. Аласторъ. Иперіонъ. Агамисторъ. Аѳонъ.

НИМФЫ.

Елики. Киносура. Ареѳуса. Іди. Кроми. Вріѳо. Келено. Адрасти. Главки. Филои. Фиміти. Дарисъ.



Πάντων τούτων τὰ ὀνόματα τετραχῶσ λαμβάνονται.

Θεολογικῶς. Στοιχιακῶς. Ψυχικῶς. Πραγματικῶς.

Θεολογικῶς: Κρόνος, ὁ τῆς νοερᾶς ζωῆς δωτήρ καὶ ταμίας ἢ καὶ τῶν νόων κεκρυμμένη οὐσία.

Στοιχιακῶς: Κρόνος, ὁ ζοφώδης ἀὴρ. Τὸ κάτω ἡμισφαίριον. Τὸ πρωτόγονον σκότος, ὅπερ χάος λέγεται, καὶ ὁ χρόνος.

Ψυχικῶς: Κρόνος, ἡ ἀνοησία καὶ τοῦ νοῦ θόλωσις.

Πραγματικῶς: Κρόνος, ἀρχαῖός τις βασιλεὺς, μωρανθείς τῇ πολυετία, ἢ ὁ πρῶτος ἄνθρωπος, ὃς διδε πάντα.

Θεολογικῶς: Ῥέα, ἡ τῶν θείων προσώπων διάκρισις. Οἱ γὰρ Αἰολεῖς κατὰ τοὺς παλαιοὺς ῥέθος καλοῦσι τὸ πρόσωπον, καὶ ῥέθεα τὰ πρόσωπα.

Στοιχιακῶς: Ῥέα, ἡ πρώτη ὕλη.

Ψυχικῶς: Ῥέα, ἡ λιθαργία καὶ ἀμνημοσύνη.

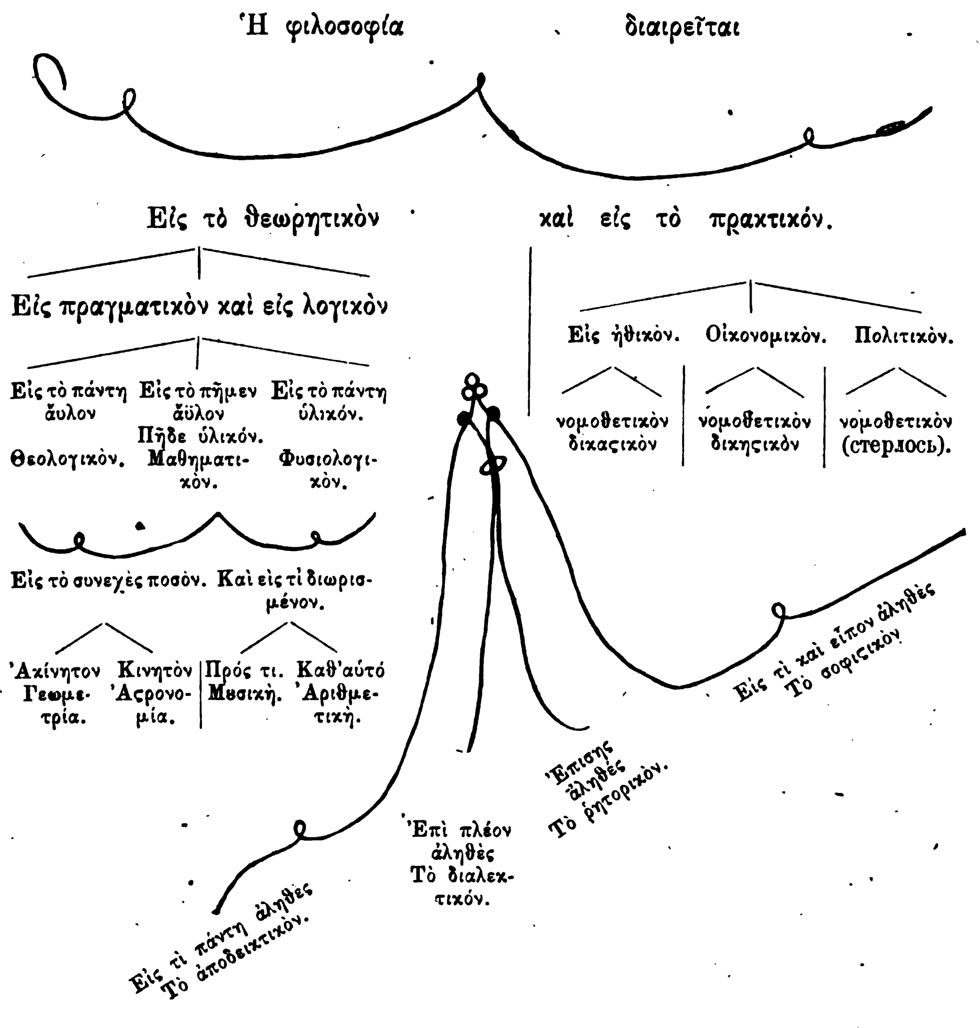
Πραγματικῶς: Ῥέα, ἡ Εὖα.

Θεολογικῶς: Ζεῦς, ἡ ψυχὴ τοῦ παντὸς, ἥτις καὶ θεία πρόνοια λέγεται, καὶ ὁ ἀείζωος, ζωοποιὸς καὶ θεῖος νοῦς.
Στοιχιακῶς: Ζεῦς, ὁ καθαρὸς καὶ εὐκραὴς ἀὴρ. ὁ πλανήτης· ὁ ἥλιος· σύμπας ὁ οὐρανὸς· ὁ αἰθὴρ μόνος· τὸ νερῶδες κατάστημα· ἡ εἱμαρμένη.
Ψυχικῶς: Ζεῦς, ὁ καθαρὸς νοῦς.
Πραγματικῶς: Ζεῦς, βασιλεὺς Κρίτης ἀςρονόμος γόης δυνάςης. καὶ τὰ λοιπά.

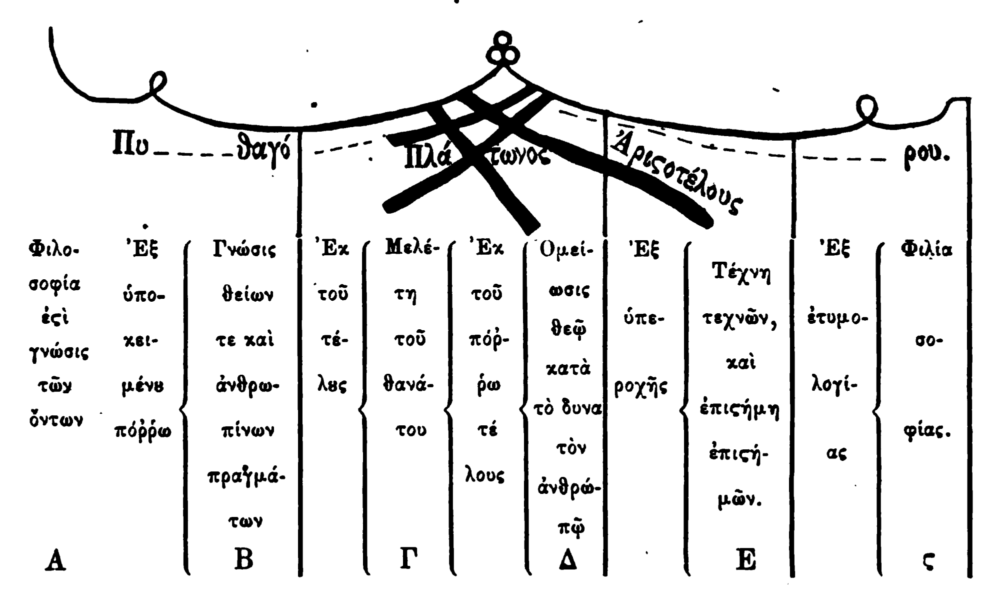
V.

Опредѣленіе и раздѣленіе Философіи.

Статья изъ большаго Пандекта.



Πολλοὶ τῆς φιλοσοφίας ὅροι. ἐξ δὲ τῶν ἄλλων οἱ κρείττονες καὶ ἀσφαλέςεροί ἐισι:



Передаю порусски это Аѳоноеллинское мудрованіе.

Философія, по понятію Пиѳагора, есть любовь къ мудрости и знаніе того, что существуетъ; по ученію Платона она есть размышленіе о смерти и уподобленіе Богу, сколько оно возможно человѣку; Аристотель же почиталъ ее искуствомъ изъ искуствъ, знаніемъ изъ знаній.

Философія раздѣляется на теоретическую и практическую. Въ составъ первой входятъ *Богословіе,* разсуждающее о невещественномъ, духовномъ, *Математика* излагающая частію невещественное, частію вещественное, *Физіологія,* обозрѣвающая одно вещественное, *Геометрія,* вымѣряющая количества неподвижныя, *Астрономія,* знакомящая съ количествами подвижными, *Музыка,* назначенная услаждать, воодушевлять, увлекать насъ и даже говорить нашему уму звуками, *Ариѳметика,* научающая слагать, вычитать, умножать и дѣлить, *Дидактика,* внушающая совершенно истинное, *Діалектика,* разглагольствующая о болѣе-менѣе истинномъ, *Риторика,* витійствующая о приблизительно истин-

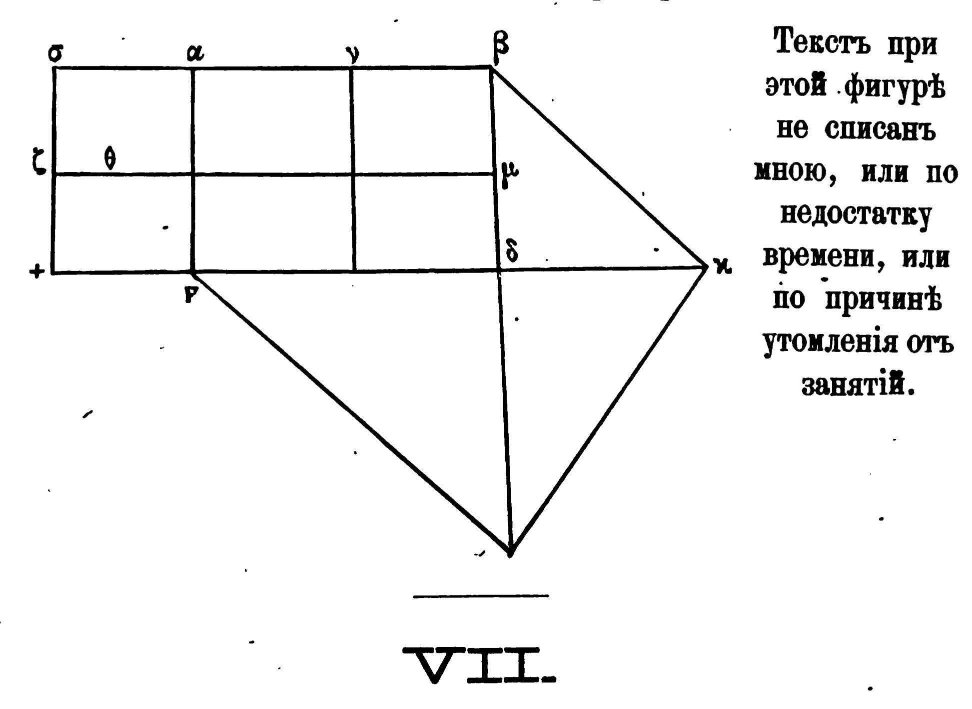
номъ, и *Софистика*, примѣняющаяся къ людскимъ понятіямъ объ истинномъ.

Практическая философія раздѣляется на *нравственную*, излагающую законодательство *судебное, экономическую*, знакомящую съ законоположеніемъ *уголовнымъ*, и *политическую*, содержащую законоположеніе гражданское и полицейское.

VI.

Уроки изъ Психологіи.

Въ большомъ Пандектѣ, съ 210 страницы по 225-ю нѣкоторые уроки изъ Психологіи изображены фигурами Геометрическими съ пояснительными текстами; напримѣръ:



Текстъ при этой фигурѣ не списанъ мною, или по недостатку времени, или по причинѣ утомленія отъ занятій.

VII.

Неизвѣстныя стихотворенія Өеокрита.

Въ томъ же Пандектѣ усмотрѣны мною неизвѣстныя до сей поры стихотворенія Өеокрита, именно. ἡ ἐννεάφωνος Σύριγξ—*де-*

вятизвуковая свирѣль, Πτερύγιον—*крылышко*, Πελέχυς—*сѣкира*, Βωμός—*жертвенникъ*, и ὤον—*яйцо*. Каждое изъ нихъ сочинено такъ, что расположеніемъ стиховъ изображаетъ свирѣль съ девятью отверстіями, крыло, сѣкиру съ двумя лезвеями, жертвенникъ Еллинскій и яйцо. Представляю здѣсь рисунки этихъ стихотвореній съ греческими текстами ихъ, предварительно сказавъ нѣсколько словъ о самомъ Ѳеокритѣ и о стихахъ его.

Ѳеокритъ, поэтъ Сиракузскій, жилъ за 180 лѣтъ до рождества Христова. До сей поры извѣстны были только 30 Идиллій его и 22 Епиграммы. Критики приписывали ему еще Елегіи и Ямбы, Гимны, но не утвердительно. Въ стихахъ его слышны нарѣчія, Дорическое и Іоническое, а больше первое особенно въ его буколикахъ.

Ѳеокритъ есть отецъ поэзіи пастушеской. Ему подражалъ Виргилій. Читая стихи его въ подлинникѣ, чувствуешь въ себѣ ту пріятность и то успокоеніе, кои доставляютъ поле, роща, лѣсъ, уединеніе. Сиракузскій пѣвецъ изображаетъ *пастушковъ* своихъ такими, каковыми они были, придавая поэтическую окраску ихъ характерамъ, воспитанію и положенію, тогда какъ Виргилій, какъ угодникъ царедворцамъ, даетъ своимъ *пастухамъ* видъ не совсѣмъ деревенскій, черты болѣе правильныя, краски болѣе блестящія.

Первый богатъ мыслями, портретами, характерами; и ни одинъ пастушокъ у него не походитъ на другаго. Второй бѣднѣе мыслями, и лица дѣйствующія у него болѣе однообразны.

Первый при всей естественной граціи иногда суровъ и дикъ. Это-полевой вольникъ съ большими капризами. Вторый, болѣе правильный, болѣе точный, любитъ принарядить искуственно. Онъ-другъ природы, но такой, который на поляхъ не забываетъ ни языка, ни нравовъ, ни роскоши города. Когда онъ воспѣваетъ

Si canimus silvas, silvae sint consule dignae
Virgil. Ecl. 4. vers. 3.

Ѳеокритъ стихи свои раждаетъ, а Виргилій ихъ сочиняетъ.

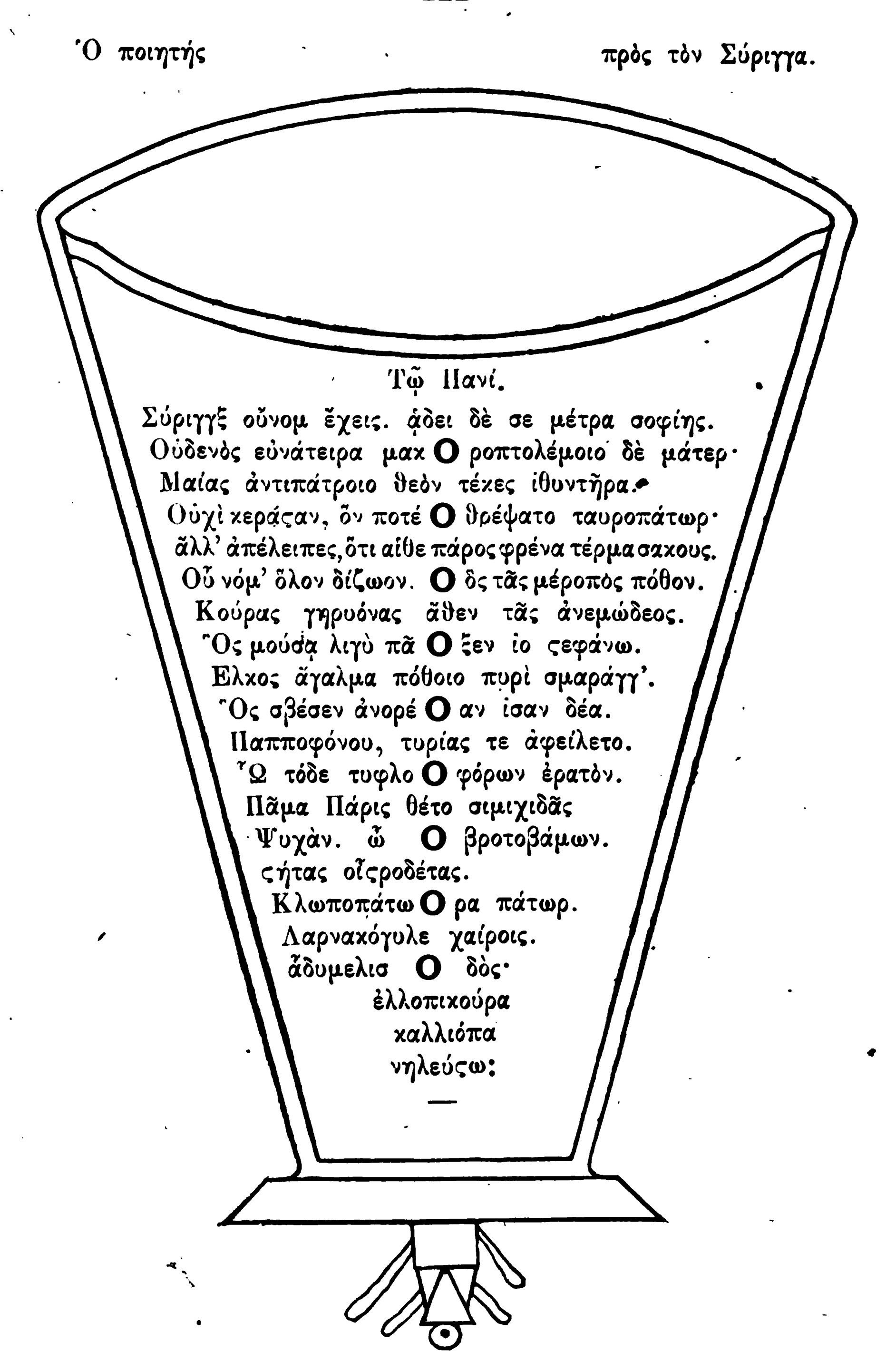
Но я заговорился. Извините мое увлеченіе классицизмомъ.

οὔτε γὰρ ὕπνος
Οὔτ' ἔαρ ἐξαπίνας γλυκερώτερον, οὔτε μέλισσαις
Ἄνθεα, ὅσσον ἐμὶν Μῶσαι φίλαι.

Ибо ни сонъ,
Ни весна внезапная, ни цвѣты пчелины
Не такъ сладки, какъ сладки мнѣ Музы.
Ѳеокр. Идилл. 9-я,

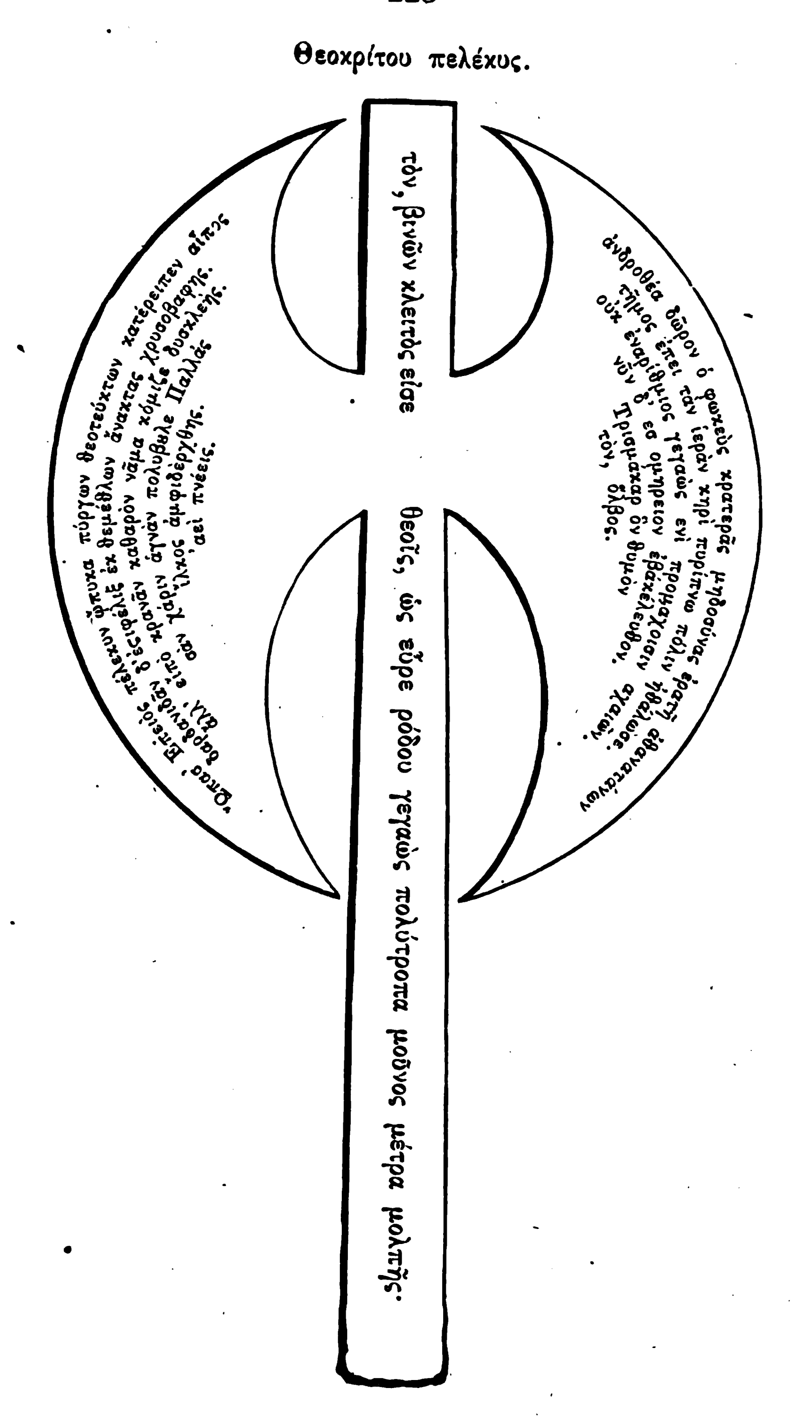
Извините, и полюбуйтесь свирѣлію, крылышкомъ и сѣкирою Ѳеокрита, а въ добавокъ надписью на жертвенникѣ Аполлона и стихами въ видѣ яйца.

Ὁ ποιητὴς πρὸς τὸν Σύριγγα.



Свирѣль Θеокрита.

Θεοκρίτου πελέκυς.



Сѣкира Θеокрита.

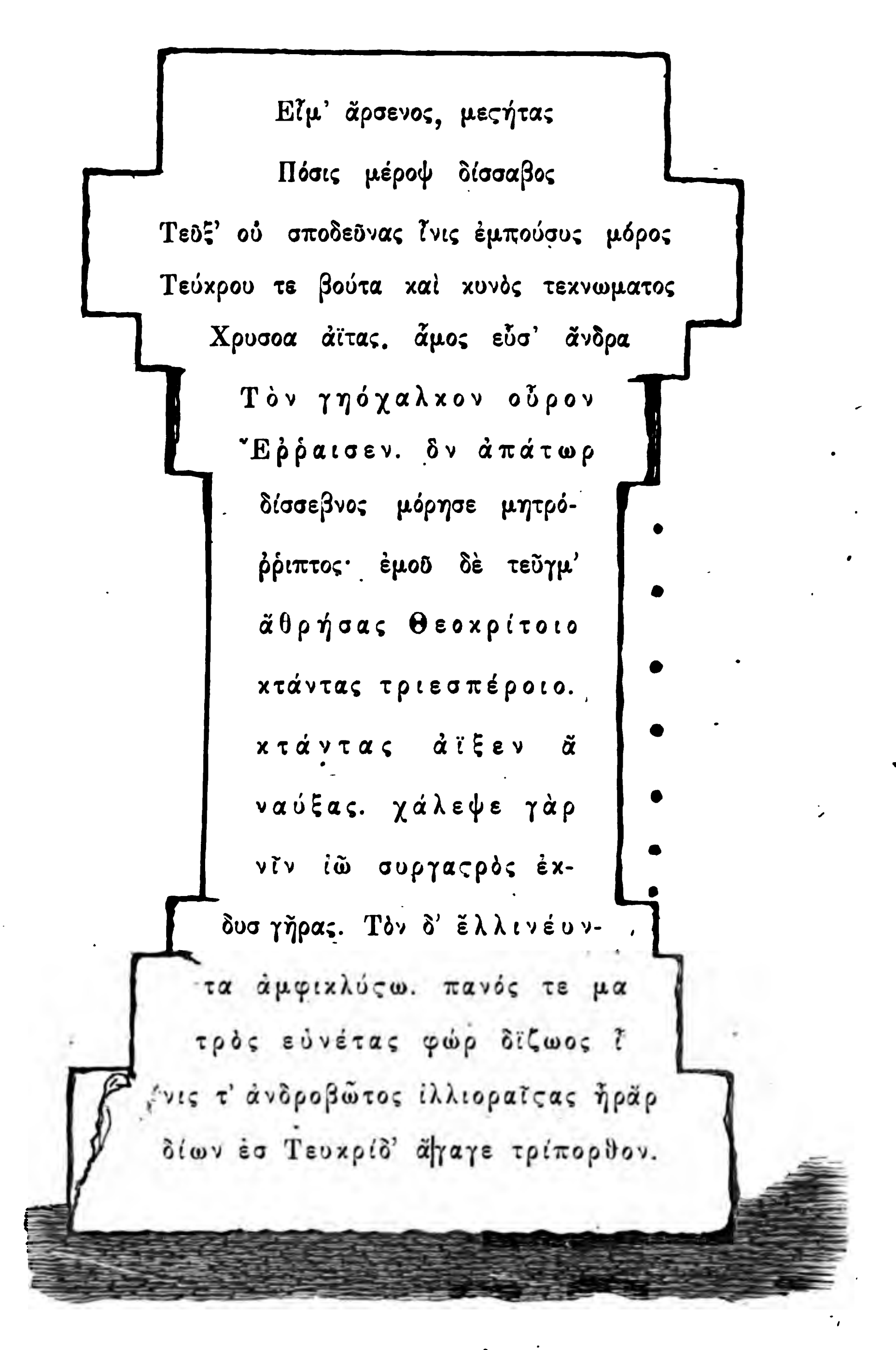
Θεοχρίτου πτερύγιον.

λέυσέ με τὸν γᾶς τε βαθύτερον ἄνακτ' ἀκμονίδαν ἄλλατε ἑδράσαντα.
μηδὲ τρέσης εἰ τόσσος ὢν, δάσαια βεβριθότα λαγγα γένεια.
Τάμος ἐγὼ γὰρ γενόμαν ἀνίκεχριν ἀνάγκα
Πάντα δ' ἐκτάσει καὶ φρυδαῖσι λυγγκῖς
Ἔρπεθ ἅπανθ' ὃς ἕρπει
δὶ αἴθρας.

※

Χάους τὲ
Οὔτιγε κύπριδος παῖς,
Ὠκυπέτας δ' ἔρως καλέομαι.
Οὔτε γὰρ ἔκρινα βίας. πραΰνω δὲ πειθοῖ
Εἴκει τέ μοι γαῖα θάλασσά τε μυχος ὀυρανός τε
Τῶν δ' ἐμὸν ὑκνοσφισάμην ὠγυγίον σκᾶπτρον κραίνω δ'ὲν θεοῖς θέμισας.

Крыло Θеокрита.



Надпись на жертвенникѣ Аполлона.

Κωτίλασ

ματέρος. τὶ τό δ'
ώ:ν νέον, πρόφρων δὲ
θυμῷ δέξοδη ἁγνα.
τὸ μὲν θεῶν ἐριβόας·
'Ερμης ἤκιζε κάρυξ. ὄνωδ'
ἐκμέτρου μονοβάμονος μέγαν
πάροιθ' ὤνυξε· θοῶς ὕπερθεν ὠκυ-
λέχριον, φέρων νέμα ποδῶν πίασκε
θοαῖσιτάι ὅλαις κῶλα, ἀλλὰ σων ὀρσιπέδων
ἐλάφων τεκέσσι πάλαι κραιπνοῖς ὑπὲρ
ἄκρων ἱέμεναι ποδὶ λόφων καταρίθμια ἴχνη
τιθῆναι καὶ τῆς ὁμοθυμος ἀμφίπαλτον αἶψ' οὐδ' ἄν
θης ἐν κόλποις δεξάμενος πυκότητα. καὶ τα δ' ὤκτα βοᾶσ
κοανμεθέπων ἄφαρ. ὅ γελασίων ὁ φοβόλων. ἀν ὁ
ρέων, ἔσσυτ' ἀνάγκαις. Ταῖς δὴ δαιμων κλυταῖς θε
ποσὶ πονέων. πολύπλοκα μεθίει μέτρα μολπαῖς, ρίμφα
περίκοιτον ἐκλιπὼν ὄρυς εὐνὰν· ματρὸς τλακτὸν καιόμενος
φαλίαις ἐλειντέως. λαχαὶ δ' οιῶν πολυβότων, ἀνορέων
νομὸν ἔβαν. τανυσφύρων τάντρανυμφῶν. καὶ δ' ἄμβοτα
πόθ ῶ φίλης ματρὸς ρόων ταῖς φαμεθ' ἱμερόεντα
μαζὸν ἰχνηθένων τον παναίολον πιερίδων μο
νόδουπον αὐδὰν. ἀριθμὸν δ' εἰς ἄκρον δέκα
διχνίων κόσμον νέμοντα ρυθμὸν φίλος
λεσβροτῶν ὑπό φίλας ἑλων πέ-
τροισι ματρὸς λίγεάμιν
κἀμφὶ ματρὸς ῷ δὶς
ἁγνᾶς ἀηδόνος δω
ρίας ἀγρίυ.

—

Я й ц о.

А какими размѣрами написаны всѣ эти стихи? И что въ нихъ содержится? Отвѣты на сіи вопросы изложены около этихъ стиховъ. Они пригодны для ученыхъ любителей Еллинской поэзіи. Посему я передаю ихъ въ подлинникахъ.

Περὶ τῆς σύριγγος

Τὸ πρῶτον κῶλον τῆς σύριγγος, τὸ δεύτερον καὶ τὸ τρίτον ἑξάμετρα ἀκατάληκτα:

— — . — ◡ ◡ . — — . — ◡ ◡ . — ◡ ◡ . ◡ —

Τὸ δ' καὶ τὸ ε, ἑξάμετρα καταληκτικὰ, ἤγουν δεόμενα καταλήξεως τῆς εἰς μίαν συλλαβήν.

— ◡ ◡ . — — . — ◡ ◡ . — ◡ ◡ . — ◡ ◡ . —

Τὸ ϛ καὶ το ζ πεντάμετρα ἀκατάληκτα, ἤγουν μὴ δεόμενα καταλήξεως

— ◡ ◡ . — — . — — . — ◡ ◡ . — ◡ ◡ .

Τὸ η ,τὸ θ, πεντάμετρα καταληκτικὰ, ἤγουν δεόμενα καταλήξεως τῆς εἰς μίαν συλλαβήν· — — . — ◡ ◡ · — ◡ ◡ . — ◡ ◡ · —

Το ι, τὸ ιā, τετράμετρα ἀκατάληκτα, ἤγουν μὴ δεόμενα συλλαβῆς· ἀπηρτισμένα γὰρ εἰηνὶ. — ◡ ◡ . — ◡ ◡ . — — . — ◡ ◡ .

Τὸ ιβ, τὸ ιγ, τετράμετρα καταληκτικὰ ἤγουν δεόμενα συλλαβῆς εἰς τὸ γενέσθαι τέλεια τετράμετρα. — ◡ ◡ , — ◡ ◡ . — ◡ ◡ . — .

Τὸ ιδ, τρίμετρον ἀκατάληκτον, ἤγουν μὴ δεόμενον συλλαβῆς ὡς τρίμετρον — — . — ◡ ◡ . — —

Τὸ ιε καὶ ις, καὶ ιζ, τρίμετρα καταληκτικὰ, ἤγουν δεόμενα συλλαβῆς εἰς τὸ εἶναι τέλειον τρίμετρον. . — — . — ◡ ◡ . — .

Τὸ ιη, δίμετρον ἀκατάληκτον, ἤγουν μὴ δεόμενον συλλαβῆς εἰς τὸ γενέσθαι τέλειον. — ◡ ◡ . — — .

Τὸ ιθ καὶ τελευταῖον πεντάμετρον ἀκατάληκτον, ἤγουν μὴ δεόμενον συλλαβῆς, ὡς πεντάμετρον.

— ◡ ◡ . — — . — ◡ ◡ . — — . — —

Τοῦ σοφωτάτου χαρτοφύλακος τῆς πρώτης Ἰουςινιανῆς ἁπάσης Βουλγαρίας Κυρίου τοῦ Ἰωάννου τοῦ Πεδιασίμου ἐξήγησις εἰς τὴν τοῦ Θεοκρίτου σύριγγα.

...Τὸ δὴ τῆς Θεοκρίτου σύριγγος, αἰνίγματί μεν ὅμοιον· διὰ δὲ τὴν τῶν μεταλήψεω• πύκνωσιν, καὶ διὰ τὸ ἀκροθιγῶς τῶν μνημονευθησῶν ἱςοριῶν ἔχεσθαι, καὶ τὸ ἐλλιπὲς τῆς συντάξεως. καὶ ταῦτα μὴ κατὰ τὴν ἀττικὴν συνήθειαν, ἀλλά τινα ἔκφυλον πολλὴν ἐμποιοῦσαν ἀσάφειαν· ἔχοι μέντοι τὸν δὲ τὸν τρόπον ἡ ταύτης ἀνάπτυξις, ὅσα ἐμοὶ δοκεῖ.

— „Σύριγξ οὔνομα ἔχεις, ᾄδει δὲ σὲ μέτρα σοφίης“.—Ὁ πρῶτος ςίχος ἀποκεκομμένην ἔχει ἔννοιαν· ἔςι γὰρ ἐπιγραφὴ τῆς Σύριγγος. Πρὸς τὴν σύριγγα δὲ αὐτὸς ὁ λόγος, ἀπὸ τοῦ ποιητοῦ λέγοντος· ὡς ἔχεις μὲν ὄνομα αὐτῆς τὸ, σύριγξ· τουτέςι σύριγξ μὲν καλῇ κατὰ τὰς λοιπὰς σύριγγας· ᾄδει δέ σε ἀντὶ τοῦ ψάλλει· οὐ γὰρ ἀδικὸν, εἴτουν ἁρμονικὸν μέρος τῆς σοφίας, ἤγουν μουσικῆς, ἀλλὰ τὸ μετρικὸν· οὐ γὰρ ἐμπνευςὴ αὕτη ἡ σύριγξ, ἵνα καὶ ᾠδὰς ἔχῃ, ἀλλ' ἀμετρουμένη τῷ ἐγκλίςῳ (?) τῶν μέτρων δακτιλυκῶν· ἢ καὶ ἄλλως.—Ἄδει δέ σε, οὐχὶ αἰσθητὴ ἔμπνεσις ςόματος, ἀλλὰ τὰ μέτρα τῆς σοφίας, ἤγουν αὐτὴ ἡ σοφία περιφραςικῶς.

Εἶτα ἀποτείνει τὸν λόγον πρὸς τὴν Πηνελόπην τὴν τοῦ Ὀδυσσέως ὁμόκοιτον· ἐπεὶ γὰρ τῷ Πανὶ ἀφιέρου τὴν σύριγγα· τοῦ Πανὸς δὲ μήτηρ ἡ Πηνελόπη κατὰ τὸν μῦθον. Ἐκεῖθεν ἀξιοῖ τοῦ λόγου ἄρξασθαι καὶ φησίν·— „Οὐδενὸς εὐνάτειρα, μακροπτολέμοιο δὲ μᾶτερ„.—ὦ εὐνάτειρα καὶ σύζυγε τοῦ οὐδενὸς, ἤγουν τοῦ Ὀδυσσέως· οὕτω γὰρ Ὀδυσσεὺς κεκλῆσθαι παρεσκευάσατο, ἡνίκα τὴν ἐκ Τροΐας ὑπιςροφὴν ἀλώμενος τῷ κύκλωπι Πολυφήμῳ ἐνέκυρσεν, ὃν καὶ τετύφλωκεν· ἢ, οὐδενὸς τῶν μνηστήρων εὐνάτειρα, ἵνα καὶ οἰκείως ἔχῃ ὁ λόγος. Πηνελόπης γὰρ καὶ τῶν μνηςήρων ὁ Πάν· ἐξ ἤχων ἤτουν ἀνεμιαῖων γόων, κατὰ τὴν μυθώδει τερατaίαν, σπαρείς. Ἑκάςῳ μὲν γὰρ τῶν μνηςήρων ὑπισχνεῖτο τὸν γάμον ἡ Πηνελόπη· ταῖς δὲ ἀληθείαις οὐδενὸς γυνὴ γέγονε. Μήτηρ δε μακροπτολέμοιο, ἤγουν τοῦ Τηλεμάχου· τῆλε γὰρ τὸ μακρὰν, καὶ μάχη ὁ πόλεμος. Ἐκ μὲν γὰρ Κίρκης Τελέγονος, ἐκ δὲ Πηνελόπης τῷ Ὀδυσσεῖ γεννᾶται Τηλέμαχος.

— „Μαίης ἀντιπάτροιο θεὸν τέκες ἰθυντῆρα“ τὸ ἑξῆς. ὦ Πηνελόπη· σὺ τέκες καὶ ἐγέννησας τὸν θεὸν ταχὺν ἰθυντῆρα καὶ ποιμένα τῆς Ἀμαλθείας τῆς μαίης καὶ τῆς τροφοῦ τοῦ Διὸς τοῦ ἀντιπάτρου, καὶ τοῦ ἐναντιοθέντος τῷ ἰδίῳ πατρὶ, τῷ Κρόνῳ δηλαδὴ, ἤγουν τὸν Πάνα· οὕτω γὰρ φησὶ ἀνεῖσθαι Πανὶ, τὴν τῶν ποιμένων ἐφορείαν, ἀπὸ δὲ μόνης τῆς Ἀμαλφείας, συννοεῖν καὶ πᾶν θρέμμα. Τινὲς δὲ τὸ, ἀντιπάτρυ ἐκ τοῦ ἀντιπέτρου γεγενῆσθαι φασὶν, ἵν' ἢ ἀντίπετρος ὁ Ζεῦς. ἀνθ' οὗ δηλονότι

πέτρα ἐδόθη τῷ Κρόνῳ, ζητοῦντι τὸν Δία βρέφος ἔτι ὄντα καταπιεῖν. ὡς δὲ παιδοφάγος ὁ Κρόνος, καὶ ὡς λίθον ἀντὶ τοῦ Διὸς καταπέποκεν ὑπὸ τῆς Ρέας ἀπατηθεὶς, καί ὡς ἐκτεθείη ὁ Ζεῦς καὶ ὑπ' Ἀμαλθέιας μαιευθῇ· δῆλον ἐκ τῶν ἱςοριῶν. καὶ οὐ δεῖ λεπτομερῶς περὶ αὐτῶν ἀκριβώσασθαι.

— „Οὐχὶ κεράςαν, ὅν ποτέ ἐθρέψατο ταυριπάτωρο“—Ἐπεὶ δὲ οὐ κυριονύμως εἶπε τὸν Πάνα, ἀλλ' ἰθυντῆρα τῶν θρεμμάτων, ἦν δὲ καὶ Κομάτας ποιμένων. ἐπίσημος, ὡς φιλόθεος ἢ φιλόμουσος, ποιεῖται διαςολὴν καὶ φησίν· οὐχὶ τὸν Κομάταν λέγει τὸν Κεράσταν, τουτέςι τὸν ποιμένα τῶν κερασφόρων ζώων· οὐ γὰρ αὐτὸς ἦν κεράςης, ἤγουν κερασφόρος, ὅν ποτε ἐθρέψατο μέλισσα, ἥν φησι ταυροπάτορα, τὴν ἔχουσαν δηλαδὴ τὸν ταῦρον πατέρα· γενέσθαι γὰρ ταῖς μελίσσαις ἀρχὴ σῆψις βοαίων χρεῶν.

Ἱςορία.—Ἱςόρηται δὲ περὶ τοῦ Κοματᾶ τούτου, ὡς ποιμὴν ὤν, καθ' ἑκάςην ταῖς Μούσαις ἐκ τῶν θρεμμάτων ἔθυεν· ἐφ' ᾧ δυσχεράνας ὁ δεσπότης αὐτοῦ, κατέκλυσεν αὐτὸν ἐν ξυλίνῃ λάρνακι, Μούσαις ἐπιτρέψας τὴν αὐτοῦ σωτηρίαν, ἃς ὑπερβαλλόντως ἐσέβετο· χρόνῳ δε ὕςερον ἀνοίξας τὴν λάρνακα καὶ ζῶντά τε τὸν Κομάταν εὑρίσκει καὶ κηρία μέλιτος, οἷς περιεσώσατο τὴν ζωήν.

— „Ἀλλ' ἀπέλειπες· οὗ αἶθε πάρος φρένα τέρμα σάκους„.—Οὐχὶ τὸν Κομάταν οὖν, φησι, λέγω, ἀλλὰ τὸν Πάνα, ὃν ἀπὸ σοῦ ἡμῖν ἔλιπες· ἀντὶ τοῦ, ὃν γεννηθέντα σοί, δέδωκας ἡμῖν· Τὸ δὲ λέγειν, ὡς καὶ Κομάτας Πηνελόπης υἱὸς, μὴ καὶ ταῖς ἀληθείαις ἀνάρμοσον εἴη, σκοπεῖν ἄξιον. Πηνελόπη μὲν γὰρ εἰς Ἰθάκην, Κομάτας δὲ Σικελὸς· καὶ ἡ μὲν ἐπὶ τῶν Ἑλλήνων (?), ὁ δὲ ἐπὶ Ῥωμαϊκῶν· μεταξὺ δὲ τοῖν τόποιν καὶ χρόνοιν τούτοιν χάσμα μέγα ἐςήρικται· οὗ Πανὸς αἶθε καὶ ἔφλεγε καὶ ἀνῆπται τὴν φρένα καὶ τὴν ψυχὴν τέρμα σάκους· οὐχὶ μεταληπτικῶς· γυνή τις Ἴτυς καλουμένη ὁμονύμως τῇ ἴτυι τῷ τέρματι τοῦ σάκους, ἀλλ' αὐτὴ ἡ ἴτυς, τουτέστιν ἡ ἀσπὶς, ἀπὸ μέρους τὸ ὅλον· μᾶλλον δὲ ἀπὸ μόνης τῆς ἀσπίδος, καὶ πᾶν ὅπλον, ἵν' ᾖ ἡ ἔννοια, ὅτι ἔρωτα εἶθε τῶν ὅπλων, ἤγουν τῶν πολεμικῶν ἔργων. Ἱςόρηται γὰρ ὁ Πὰν συςρατεῦσαι τῷ Διονύσῳ παρ' Ἰνδοὺς, καὶ ἔργα ποιῆσαι πολεμικά. Τὸ δὲ πάρος ἤγουν πρότερον οὐκ ἐναντιοῦται τῷ λόγῳ· οὐ γὰρ ἀεὶ ὁ Πὰν περὶ τὰ πολεμικὰ ἠσχολῆσθαι ἱςόρηται, ἀλλ' ὅτε ὁ Διόνυσος κατὰ τῆς Ἀσίας ἐςράτευσεν.

— „Οὔνομ' ὅλον δίζωον“.—ἤγουν οὗ ὄνομα ὅλον δίζωον, του-

τέςι ἐκ δύω ζώων σύνθετον. τά μεν γὰρ κάτω ὁ Πὰν τράγος, τὰ δ᾽ ἄνω ἄνθρωπος. Λαμβάνει δὲ ἐνταῦθα τὸ ὄνομα ἀντὶ εἴδους τοῦ Πανός· οὐ γὰρ τὸ ὄνομα τοῦ Πὰν δίζωον, ἀλλὰ τὸ ἔιδος.

— „Ὁς τὰς μέροπος πόθον κούρας γηρυόνας ἆθεν τᾶς ἀνεμώδεος“·—ὃς ἦθε καὶ ἀνῆπτε πόθον καὶ ἔρωτα ἕνεκεν τῆς κόρης, ἤγουν τῆς Σύριγγος· οὐ γυναικός τινος, ὥς φασί κατὰ μετάληψιν, ἀλλὰ τοῦ ἐμπνεύςου ὀργάνου. Κόρην δὲ φησὶ διά τὸ τερπνὸν καὶ τὸ τῆς ἡδονῆς μαλθακὸν, καὶ φιλοτήτων ἐπαγωγόν· οὗ χάριν καὶ ἐπιφέρει μέροπος γηρυόνης, τουτέςι μεμερισμένης κατὰ τὴν ὄπα· εἰ (?) γὰρ μονόφθαλης, ἔιτουν μονόφωνος ἦν ἡ Σύριγξ, ἦν ἂν ἀνάρμοςός, καὶ μηδὲ ψυχὴν ἀνθρωπίνην καιεῖν ἦάτε· ἡ γὰρ ψυχὴ ἐξ ἁρμονιῶν συνέςηκε, καὶ ἐκ μόνω τῶν . . . . ἁρμονιῶν καλεῖσθαι . . . . ἕνωσις· Τὸν δὲ γηρυόνης, ἀντὶ τῆς φωνητικῆς᾽ ἀπὸ τοῦ γῆρα ἡ φωνή· ὑςερόφωνα δὲ ἤχοῦς καὶ θυγατέρας φωνῆς, ὡς ἀργά μοὶ παρέδραμε·—Τᾶς ἀνεμώδεος, ἤγουν τᾶς ἐμπνευςικᾶς, ἔμπνευςόν γαρ ἡ σύριγγξ.

— „Ὃς μούσᾳ λιγὺ πᾶξεν ἰο ςεφάνῳ.“—Ὃς, ἤγουν ὁ Πὰν τῇ Μούσῃ τῇ Καλλιόπῃ, μᾶλλον δὲ τῇ Μελπομένῃ, καὶ πᾶσαις· διὰ τοῦ ἑνικοῦ αἰνίττεται ὀνόματος· πῆξε δὲ καὶ κατεσκεύασε λιγὺ καὶ ὀξύφωνον ἕλκος. *) καὶ σύριγγα κατὰ μετάληψιν. Καὶ γὰρ ἡ σύριγγξ οὐ μόνον τὸ ἐμπνευστὸν ὄργανον τὸ ποιμενικὸν ἐςὶ, ἀλλὰ καὶ τὸ διαβεβρωμένον ἕλκος· τ... τοῦ δεόμενον· ἀντὶ γοῦν τοῦ ἑτέρου σημαινομένου τῆς σύριγγος ἤγουν τοῦ ὀργάνου τὸ ἕλκος παρείληφεν, ὅπερ ἐςὶ μετάληψις. Ἰο σεφάνῳ δὲ Μοῦσῃ, ὡς θηλεῖα θεά. θηλείαις γὰρ πρέπον ὁ ςέφανος· τὸ δὲ λέγειν μοῦσαν ἰο ςέφανον τὸ ἔαρ, οὐ μοὶ δοκεῖ λίγου ἔχεσθαι.

— „Ἕλκος ἄγαλμα πόθοιο πυρισμαράγγ“.—Ἔςι δὲ ἡ σύριγγξ ἄγαλμα ἤγουν τέρψις καὶ παροξυσμὸς τοῦ πόθου τοῦ ἐγκαρδίου, ὃν πυρισμάραγγον λέγει, ὡς ἐν τῷ πυρὶ τῆς καρδιακῆς θέρμης σπαραττόμενον καὶ ἀναφλεγόμενον· εἰδέναι δὲ ἄξιον, ὡς ὑποδοχὴν τοῦ τριμέτρους τῆς ψυχῆς, λέγω δὴ λόγου, θυμοῦ καὶ ἐπιθυμίας, τρεῖς σωματικὰς ἀρχὰς κυριωτάτας ἡ φύσις ἐδημιούργησεν· ἐγκέφαλον μὲν εἰς ὑποδοχὴν τοῦ λογιςικοῦ, καρδία δὲ τοῦ θυμιειδοῦς, ἧπαρ δὲ τοῦ ἐπιθυμητικοῦ· ἀρχή δε.. αὐτῶν. ἡ

---

*) Думаю, что ἕλκος здѣсь есть тоже, что ἑλικὼν—музыкальный инструментъ съ девятью струнами.

καρδία. διὸ καὶ ἀπαθεςάτη..... εἰ καὶ ἐγκάρδιόν τις τὸν πόθον ἐρεῖ, οὐχ' ἁμάρτῃ τοῦ δέοντος· διὰ τὸ καὶ τοῦ ἥπατος εἶναι τὴν καρδίαν ἀρχή·—

— „Ὅς σβέσεν ἀνορέαν ἴσαν δεα".— (Ὅς ἤγουν ὁ Πάν
— „Παπποφόνου, Τυρίας τέ ἀφείλετο"— (ἔσβεσε τὴν Περσῶν (?) ἀγερουχίαν, ὅτε συνεςρατήγει τῷ Διονύσῳ, ἣν καὶ ἴσανδέα, ἤγουν ὁμόνυμον φησὶ τοῦ παπποφόνου, τοῦ Περσέως δηλαδή· ἀπὸ γὰρ Περσέως Πέρσης, ἐξ οὗ τὸ Περσῶν γένος. Παπποφόνος δὲ ὁ Περσεύς, καθὼς ἱςορεῖ καὶ Λυκόφρων·. τὸν γὰρ πάππον...... ἆθλον ἀπέκτεινε καὶ ἀφείλετο· ἀπὸ ...... τὴν ἐνορέαν καὶ τὴν Περσικὴν ἀλαζονείον ὑπὸ τῆς τυρίας ἤγουν τῆς Εὐρωπης μετονυμικῶς. Ἐν γὰρ τῇ τύρῳ τῇ Εὐρώπῃ ὁ Ζεῦς ἐμίγη.

— „Ὦ τὸ δὲ τυφλοφόρων ἐρατὸν ψυχὰν". (ὦ Πανί, τὸ πᾶμα
— Πᾶμα Πάρις θέτο σιμιχιδᾶς".— (καὶ κτῆμα τὸ δε, τῶν τυφλόρων, ἤγουν τῶν ποιμένων κατὰ μετάληψιν, τουτέςι πηροφόρων καὶ σακοφόρων. Πηροφόρος γὰρ καὶ ὁ τυφλοφόρος· τὸ ἐρατὸν καὶ ἐπιθυμητὸν κατὰ ψυχὴν, ὁ Πάρις, ἤγουν ὁ θεόκριτος κατὰ μετάληψιν, διὰ τὸ καὶ τὸν Πριαμίδην Πάριν κρῖναι τὰς τρεῖς θεὰς περὶ τοῦ μήλου καὶ τῆς ἔριδος καὶ δύνασθαι καλεῖσθαι θεόκριτον, θέτο καὶ ἀνέθηκεν ὁ Σιμιχίδης καὶ ὁ ὑιὸς τοῦ Σιμιχίδου. Εἶτα πρὸς αὀτὸν Πάνα...

— „Ὦ βροτοβάμων (ὦ βροτοβαμων ςάτης· ὦ Πὰν βροτοβάμων,
ςήτας οἶςροδέτας (ἤγουν πετροβάμων· ἐκ πετρῶν γὰρ οἱ βροτοὶ κατὰ τὸν παλαιὸν μύθον.—Οἶςρε καὶ ἔρως τῆς Νυμφαίης τῆς ςήτης καὶ γυναικὸς. τῆς δὲ τῆς καὶ Λυδῆς.

— „Κλωποπάτωρα πάτωρ· ὦ Ἑρμοῦ... ὑιὲ κατὰ τινὰς παλαιοὺς Ἑρμοῦ παῖς ὁ Πάν. (............ не могу прочесть).

— Λαρνακόγυλε, ἤγουν χηλόπ.. κατὰ μετάληψιν· χηλὸς γὰρ τὸ κιβώτειον, καὶ ἡ λάρναξ, καὶ χηλὴ ὁ ὄνυξ.

— Χαίροις ἀδυμελισδὸς Ἐλλόπι κούρᾳ Καλλιόπᾳ νηλεύςῳ". — Χαίροις ἡδυμελὴς ἐν τῇ σύριγγι τῇ ἐλλοπι και ἀφώνω, τῇ ἐλλιπομένῃ δηλαδὴ ὀπὸς καὶ φωνῆς· αὐτὴ γὰρ καθ' ἑαυτὴν ἡ σύριγγξ μὴ ἐμπνευμένη πρός τινος ἄφωνη ἐςί... (Остальное немногое прочитать затрудняюсь).

Все это стихотвореніе Θеокрита, написанное въ честь бога Пана экзаметрами, пентаметрами, тетраметрами и триметрами,

весьма загадочно, иносказательно. Если бы не объяснилъ его Хартофилаксъ, т. е. дѣлохранитель архіепископа первой Іустиніаны, что̀ въ Болгаріи, Іоаннъ Педіасимъ, жившій въ XIV вѣкѣ, то оно осталось бы непонятнымъ. Объясненія же его— таковы:

Οὐδενὸς εὐνάτειρα,
Ничья супруга
μαχροπτολέμοιο δὲ μάτερ,
а дальноратая мать

Это—Пенелопа, которая во время безвѣстнаго отсутствія мужа ея Одиссея имѣла многихъ жениховъ, но ни за одного изъ нихъ не вышла, а была мать *дальноратая*, т. е. Тилемаха, въ имени котораго *тиле* значитъ *даль*, а *махи-ратованіе, битва.*

μαίας ἀντιπάτροιο, θεὸν τέχες ἰθυντῆρα, *ты родила бога, пастыря кормилицы антиотцовскаго Зевеса;*

Эта Пенелопа отъ бога Меркурія родила бога Пана, пастыря козы Амальфіи, кормилицы Зевеса, который сгубилъ отца своего Крона, (Сатурна),

Οὐχὶ κεράςαν, ὅνποτε θρέψατο ταυροπάτωρ. *Не того пастуха рогатыхъ, котораго нѣкогда питала пчела, дочь вола.*

а не того извѣстнаго пастуха рогатыхъ животныхъ Комата, который ежедневно приносилъ жертвы Музамъ, и за то хозяиномъ стада былъ поса-женъ въ деревянный ящикъ съ тѣмъ, чтобы тутъ кормили его чтимыя имъ Музы, и который по прошествіи года найденъ былъ тутъ живой, потому что Музы посылали пчелу кормить его медомъ: (а сами пчелы зарождаются въ гниломъ мясѣ воловьемъ, и потому называются *Тавропаторками*, то-есть воловьими дочками).

Ἀλλ' ἀπέλειπες· οὐ αἶθε πάρος φρένα τέρμα σάχυς. *Не его дала ты, а Пана*

Не Комата родила Пенелопа: чего и вообразить нельзя, потому что она была гречанка и жила въ Иѳакѣ, а онъ былъ Сициліанецъ и Римлянинъ, и между родинами

прежде всего воспламенила округлость щита.

родила Пана, который прежде всего полюбилъ дѣло ратное. Ибо извѣстно, что онъ участвовалъ въ походѣ Діониса въ Индію, и совершилъ тамъ ратныя дѣла.

Οὖ νομ' ὄλον δίζωον. *Весь видъ его есть видъ двуживотнаго.*

Панъ составленъ изъ двухъ животныхъ: верхняя половина его—человѣкъ, а нижняя —козелъ. Таковъ видъ его, а не имя, ὄνομα, которое Ѳеокритъ поставилъ здѣсь вмѣсто вида, ἀντὶ εἴδους.

Ὃς τὰς μέροπος πόθον κούρας γηρύόνας ἆθεν τὰς ἀνεμώδεος. *Онъ воспламенилъ въ себѣ любовь къ мѣрноголосной и звяцающей посредствомъ вдуванія дѣвицѣ.*

Онъ полюбилъ дѣвицу, то-есть Сирингу, не женщину, а свирѣль, которая сравнена поэтомъ съ дѣвицею, имѣющею хорошій голосъ, потому что она доставляетъ пріятное удовольствіе и наслажденіе своимъ мѣрнымъ и нѣжнымъ звукомъ, извлекаемымъ изъ нея посредствомъ вдуванія.

Ὃς Μοίσᾳ λιγὺ πᾶξεν Ἰο στεφάνῳ. *Онъ Музѣ Іо сдѣлалъ гармоническую лиру въ видѣ вѣнца,*

Онъ (Панъ) Музѣ Каллiопѣ, и наипаче Мелпоменѣ, сдѣлалъ гармоническую Сирингу. Ибо Сиринга есть не только пастушеская дудка, но и струнная лира. А сдѣлалъ ее въ видѣ вѣнца, потому что Музы—женственны, вѣнецъ же болѣе приличенъ женщинамъ;

Ἕλκος ἄγαλμα πόθοιο πυρισμαράγγον, *Лиру красивую, воспламеняющую любовь.*

Сдѣлалъ лиру красивую, воспламеняющую любовь сердечную. (Тутъ Педіасимъ присовокупилъ вотъ какое разсужденіе свое: „Неизлишне знать, что природа устроила въ человѣкѣ *три* главнѣйшія тѣлесныя вмѣстилища *трисоставной* души, то-есть ея ума, чувства и хотѣнія, *черепъ* для ума, *сердце* для чувства и *печень* для хотѣнія". Это разсужденіе Педіасима тутъ очень

кстати. Рѣчь идетъ о музыкѣ. А музыка у грековъ сочиняется такъ, что она звуками говоритъ уму, или нѣжитъ чувство, или увлекаетъ волю къ доблестямъ.

Ὅς σβέσεν ἀνορέαν ἴσαν δέα Παπποφόνου, Τυρίας τε ἀφείλετο. *Онъ угасилъ превозношеніе, равное насилію отцеубійцы, и освободилъ Тирію:*

Онъ, Панъ, угасилъ гордость Персовъ, когда воевалъ за одно съ Діонисомъ, гордость равную насилію отцеубійцы Персея, отъ котораго произошли Персы, и освободилъ отъ Персидскаго превозношенія Тирію, т. е. Европу, (такъ какъ въ Тирѣ Зевесъ позналъ Европу).

Ὧ τὸ δὲ τυφλοφόρων ἐρατὸν πᾶμα Πάρις θέτο Σιμιχίδᾶς ψυχάν. *Ему вожделѣнное достояніе мѣшконосцовъ отъ души присудилъ Парисъ Симихидасъ.*

Ему вожделѣнное достояніе мѣшконосцовъ, т. е. пастуховъ, которые обыкновенно носятъ на себѣ мѣшки, отъ души присудилъ Парисъ Симихидасъ. Подъ этимъ Парисомъ Іоаннъ Педіасимъ разумѣетъ Θеокрита сына Симихидина. Такъ какъ имя Θеокритъ значитъ *судья боговъ*, а божественныхъ грацій судилъ Парисъ, сынъ Троянскаго царя Пріама, и одной изъ нихъ присудилъ яблоко; то вмѣсто Θеокрита въ стихотвореніи можно было поставить Париса, и онъ поставленъ. Ты же разумѣй тутъ не онаго Париса, а Θеокрита сына Симихидова.

Ὧ βροτοβάμων σήτας οἰστροδέτας, Κλωποπάτορα πάτωρ, λαρνακόγυλε. Χαίροις ἀδυμελισδὸς ἐλλόπι κούρα Καλλιόπα νηλεύσω.

О, человѣкообладателю, женолюбителю, сыне лихвеннаго Меркурія, ларей наполнителю! Радуйся сладкопѣвче, на свирѣли поющій Каллiопѣ незримой.

Замысловато сіе пѣснопѣніе Θеокрита! Съ большимъ трудомъ я перевелъ его порусски *дословно*. Не хвалюсь этимъ переводомъ своимъ, и прошу сильнѣйшихъ меня въ Еллинизмѣ изложить его складнѣе, примѣнительно къ толкованію Педіасима. А

въ заключеніе сообщаю смыслъ Миѳа о Панѣ. Имя его Πὰν выражало *Весь* строй міра или природы; красное лице его означало эѳиръ и огонь; рога на головѣ его напоминали круглое солнце и рогатую луну; пятна рысьей кожи, которую онъ носилъ на себѣ, возбуждали мысль о звѣздахъ на небѣ и о разнообразіяхъ земли; голени его, покрытые шерстью, означали лѣса и всѣ произрастенія земли, собираемыя въ лари (ящики); козлиныя ноги отображали крутоярья горъ, а свирѣль и звуки ея знаменовали вѣтры.

Слышали мы звуки свирѣли Ѳеокрита: разслушаемъ теперь стукъ его сѣкиры и шумъ крыла, хореямбическій *); но напередъ научимся: какъ надобно разслушивать то и другое.

Δεῖ τὸν ἀναγινώσκοντα καὶ τὸν ἐξηγούμενον, μετὰ τὸ πρῶτον κῶλον, —ἀνδροθέα δῶρον ὁ Φωκεὺς κ. τ. λ.—τὸ τελευταῖον λέγειν το·—ὤπασ' ἐπειὸς· πέλεκυν ὤπυκα κ. τ. λ.—Εἶτα τὸ δεύτερον ἀπ' ἀρχῆς.—τῆμος ἐπει ταν..—Καὶ μετ' αὐτὸ τὸ δεύτερον ἀπὸ τέλους, καὶ οὕτως ἕως τοῦ μέσου, ὥστε τὸ μὲν τέλειον εἶναι.

Въ этомъ стихотвореніи напередъ читай первый стихъ на правомъ лезвеѣ сѣкиры, ἀνδροθέα δῶρον..., потомъ первый же стихъ на лѣвомъ лезвеѣ ея, ὤπασ' ἔπειὸς πέλεκυν... За тѣмъ второй стихъ на правомъ лезвеѣ и второй же слѣва, и такъ далѣе до конца, ἀεὶ πνέει.

Τὸν πέλεκυν τοῦτον 'Επειὸς ἀνατίθηη τῇ 'Αθηνᾷ κατασκευάσας τὸν δένδρειον ἵππον. Τὸ μέτρον χοριαμβικὸν ἀρξάμενον ἀπὸ καταληκτικοῦ ἐξαμέτρου, καταλῆγον δὲ εἰς μονύμερον ἰαμβικόν· τῷ αὐτῷ δὲ μέτρω τῷ πτερυγίῳ· ἀλλὰ διαφέρει, καθότι ὁ μὲν πέλεκυς ἔχει τὸ πρῶτον κῶλον πρὸς τὸ τελευταῖον συναπτόμενον κατὰ διάνοιαν, τὸ δὲ πτερύγιον κατὰ τὸ ἑξῆς τῶν ςίχων· δύναταί τις καὶ ἀπὸ τοῦ βραχυ καταλυκ... μέτρου ἄρχεσθαι, εἶτ' αὐτῷ ἀνταποδιδοὺς τὸ ἶσον.

Примѣчаніе 1.

Сѣкиру эту далъ Минервѣ Епіосъ, сдѣлавшій деревяннаго коня (для взятія Трои). Размѣръ стиховъ—хореямбическій, начиная съ каталиктическаго экзаметра, и оканчивая монометромъ ямбическимъ, размѣръ одинаковый съ размѣромъ *Крыла*. Разница же въ томъ, что *Сѣкира* читается по лезвеямъ, а крыло по порядку стиховъ.

*) Τὸ μέτρον τοῦ Πελέκεως καὶ τοῦ Πτερυγίου χοριαμβικόν, κατὰ στίχον ὑφαιρουμένης συζυγίας. (Замѣтка у крыла Ѳеокритова).

καὶ ἀκολούθως τοῖς μετ' αὐτὰ ἴσα ἐπιφέρεσθαι, καὶ διασῶσαι τὸν νοῦν· ἀπὸ μεν τοῦ δωδεκάτου ἀναβαίνων, ἀπὸ θατέρου εἰς τὸ δωδέκατον καταχωρῶν· γέγραπται μὲν εἰς τὸν Ἐπειοῦ πέλεκυν, ὅτι δῶρον τῇ Ἀνηνᾷ ὁ Φωκεὺς Ἔπειος τῆς τέχνης καὶ ἐπινοίας χάριν ἀπὸ τινῶν ἔθηκεν.

Ὁ πέλεκυς, οὐχ' ὡς ἡ σύριγξ καὶ ὁ βωμὸς, ἀναγινώσκεται κατ' ὀρθὸν, ἀλλ' οὕτως· ὁ πρῶτος στίχος συνάπτεται τῷ ὑςάτῳ, ἤτοι ὁ πρῶτος ςίχος τοῦ ἑνὸς μέρους τοῦ πελέκεως ἀναγινώσκεται πρῶτον· εἶτα ὁ πρῶτος τοῦ δευτέρου μέρους· ὁ δεύτερος πάλιν τοῦ ἐπάνω συνάπτεται τῷ δευτέρῳ τοῦ κάτω, ὁ τρίτος τῷ τρίτῳ, καὶ καθεξῆς οὑτωσὶ μέχρις ἂν εἰς τὸ ἔσχατον κῶλον καταντήσῃ· Τὸ ἀμφίςομον δὲ τοῦτο θέλει δηλοῦν τοῦ πελέκεως κἀκ τῶν ἀμφοτέρων μερῶν τμητιοῦν.

---

† Ὁ Φωκεὺς Ἐπειὸς ὤπασε καὶ παρέθηκε καὶ ἀνέθηκε τοῦτο τὸ δῶρον, ἤτοι τὸν πέλεκυν τῇ Ἀθηνᾷ τῇ ἐρατῇ καὶ ἐπίθυμητῇ ἀνδροθέα, ἤγουν τῇ ἀνδρώᾳ διὰ τὸ ὁπλοφόρον αὐτῆς καὶ πολεμικὸν, ἕνεκα κηδοσύνης καὶ βουλῆς καὶ γνώσεως τῆς κρατερᾶς καὶ ςερᾶς.... ᾧτινι δώρῳ κατήρειψε καὶ κατέβαλε ποτὲ τὸ αἶπος καὶ τὸ ὕψος τοῦ πύργου τῆς Τροΐας· δῆλον τῶν θεοτεύκωτν· ὅτι Ποσειδῶν καὶ Ἀπόλλων αὐτοὺς ἔκτισαν· Ποτέ δὲ καὶ τοῦτο ἀνέθηκε· τῆμος καὶ τότε ἐπεὶ ἠθάλωσε πυρίνῳ κηρὶ, ἤγουν θανατηφόρῳ μοίρᾳ τῇ διὰ τοῦ πυρός, τὴν ἱεραν πόλιν τῶν Δαρδανιδῶν, ἤτοι τὴν Τροΐαν. Καὶ ἐςυ-

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . . . Надписано же было на сѣкирѣ Епія, что ее подарилъ Минервѣ Епій Фокеецъ, какъ орудіе хитрохудожное.

Примѣчаніе 2.

Сѣкира читается не какъ *Свирѣль* и *жертвенникъ*, а вотъ такъ: сперва читается первый стихъ на правой сторонѣ сѣкиры, а потомъ первый стихъ на лѣвой сторонѣ ея, затѣмъ вторый направо и вторый же налѣво, и такъ далѣе до самаго конца. Такое расположеніе стиховъ придумано въ соотвѣтствіе двумъ лезвеямъ сѣкиры.

Толкованіе.

Фокеецъ Епій досталъ и вручилъ сей даръ, то-есть сѣкиру, Минервѣ возлюбленной и мужественновидной, такъ какъ она носила оружіе, и была осторожна, совѣтна, разумна, державна и тверда. Этимъ подаркомъ нѣкогда разрушила она и низринула высокую башню Трои, башню богозданную, ибо ее построили Посидонъ и Аполлонъ, разрушила послѣ того, какъ огненною свѣчею, т. е. судьбою губящею посредствомъ огня, сожегъ священный городъ Дарданцовъ, то-есть Трою, и низложилъ и искоренилъ злато-

φέλιξε καὶ κατέσεισε καὶ κατέβαλεν ἐκ τῶν θεμέθλων, ἤτοι ῥιζόθεν καὶ ἐκ βάθρων, τοὺς χρυσοβαφεῖς καὶ βαθυπλούτους ἄνακτας καὶ βασιλεῖς ταύτης· Ἐποίησε δὲ τοῦτο ὁ Ἐπειός, ὁ μὴ ἐναρίθμιος ὢν τοῖς ϛρατηγοῖς τῶν Ἀχαιῶν, ἀλλὰ δυσκλεὴς καὶ ἄδοξος ὑδροφόρος, κομίζων ὕδωρ ἀπὸ κρηνῶν καθαρῶν, ἤτοι πηγῶν· νῦν δὲ ἔβη εἰς ὁμήρειον κέλευθον· ἤτοι θαυμάζεται σὺν τοῖς λοιποῖς ϛρατηγοῖς, οὓς ἐποίησεν Ὅμηρος σὰν χάριν, ἤτοι ἕνεκα σῆς χάριτος. ὦ πολύβουλε Παλλᾶς, ἤτοι συνετὴ Ἀθηνᾶ ἁγνή. εἶτα λέγει· ὦ τρισμάκαρ ἐκεῖνος, ὃν ἂν σὺ ἐν θυμῷ καὶ ἐν ψυχῇ ἵλκος καὶ εὐμενὴς ἀμφιδερχθῇς καὶ βλέψῃς· ὁ δὲ καὶ οὗτος ὄλβιος καὶ εὐτυχὴς ἀεὶ πνεῖ καὶ ζῇ:

носныхъ и весьма богатыхъ царей сего города Епій, не изъ числа воиновъ Ахейскихъ, а безславный и неименитый водоносецъ, носившій воду изъ чистыхъ источниковъ.

Нынѣ же онъ—*на Омировомъ поприщѣ*; т. е. прославляется, наравнѣ съ прочими воинами, стихами Омира въ угодность тебѣ о *Многосовѣтная Паллада*, т. е. мудрая и чистая Минерва. Потомъ Өеокритъ говоритъ: треблаженъ тотъ, на котораго ты воззришь милостиво. Счастливецъ, онъ будетъ дышать и жить вѣчно.

— Ἀνδροθέα δῶρον ὁ Φωκεὺς κρατερᾶς μηδοσύνας ἐρατῇ τείνων Ἀθάνᾳ ὦπασ' Ἐπειὸς πέλεκυν, ὤπυκα πύργων θεοτεύκτων κατέρειπεν αἶπος. τῆμος ἐπεὶ τὰν ἱερὰν χηρὶ πυρίπνω πόλιν ἠθάλωσε, Δαρδανιδᾶν δ'ἐςυφέλιξ' ἐκ θεμέθλων ἄνακτας χρυσοβαφεῖς οὐκ ἐναρίθμιος γεγαὼς ἐνὶ προμάχοισιν Ἀχαιῶν· ἀλλ' ἀπὸ κρανᾶν καθαρὸν νᾶμα κόμιζε δυσκλεής· νῦν δ' ἐς Ὁμήρειον ἔβα κέλευθον, σὰν χάριν ἁγνὰν πολύβωλε Παλλᾶς. Τρισμάκαρ, ὃν θυμὸν ἵλκος ἀμφιδέρχθης τὸν, ὄλβος ἀεὶ πνέει:

Переводъ.

Епій Фокеецъ мужественно-видной, державной, совѣтной, возлюбленной Минервѣ въ подарокъ далъ сѣкиру, которою мстительно разрушила она высокія богозданныя башни, когда священный городъ запалилъ огнемъ, и Дарданскихъ царей раззолоченныхъ искоренилъ не знаменитый воинъ Ахейскій, а безславный носитель воды изъ чистыхъ источниковъ. Нынѣ онъ попалъ на Омирово поприще по твоей милости, о многосовѣтная Паллада. Треблаженъ тотъ, на кого ты воззришь великодушно и милостиво. Счастливый, онъ будетъ жить вѣчно.

А меня измучила эта сѣкира Өеокрита. Съ величайшимъ трудомъ я, съ помощію увеличительнаго стекла, прочелъ мелко—мелко написанные на ней стихи, и около нея толкованія, смачивая подлинную рукопись особымъ порошкомъ въ родѣ сѣры, и посредствомъ его воскрешая полинявшія слова. Не легко достаются новые прибытки знанія! Хотите ѣхать за ними на Аөонъ: запаситесь коллуріемъ, т. е. воскрешающимъ непрочтимыя слова старыхъ рукописей порошкомъ. А я помазалъ имъ и *Крыло* Өеокрита, и прочелъ на немъ и около него слѣдующіе стихи и толкованія.

---

† Τούτου ἡ ἀνάγνωσις δύναται, ὡς γέγραπται, γίνεσθαι, ἕνεκά γε τοῦ νοῦ, ἀλλὰ καὶ διὰ τὰ μέτρα, ἀπὸ τοῦ πρώτου ἐπὶ τὸ ἔσχατον ἔρχῃ, ἵνα τὰ ἀλλήλοις ἀντίςροφα ἢ μετ' ἀλλήλου· Τοῦτο γὰρ κελεύει . . . . . τὸ πρῶτον ἀναγνῶντας, εἶτα τὸ πανύςατον προφέρεσθαί, καὶ ἀναλόγως ἄνωθεν τὸ δεύτερον. Καὶ οὗτος ὁ τρόπος εὣς ἂν ἀφίκῃ ἐπὶ βραχύ.

Ὁ δὲ λόγος λέξεων μεν: Ερως· ὁ δὲ νοῦς οὕτως ἅπας ἔχει:—

„Ὁρᾷς με τὸν γῆς τε ἄνακτα καὶ τοῦ οὐρανοῦ ἄλατ' ἑδράσαντα. Μὴ φροντίσῃς, εἰ τήλικος ὢν, τέλειον ἔργον ποιῶ. Τότε γὰρ ἐγενόμην, ὅτε ἡ Ἀνάγκη ἦρχε, καὶ πάντα ὑπείκει ταῖς αὐτῆς γνώμαις, ὅσα ἕρπει δι' ἀέρος καί αἰθέρος. Οὐκ εἰμὶ ὁ Ἀφροδίτης υἱός, ἀλλὰ καλοῦμαι ΕΡΩΣ· καὶ οὐδὲν ἔπραξα βίᾳ, ἄλλὰ τὰ πάντα πραΰνω πειθοῖ.—ὑπέπτηξαν δὲ μὲ οἱ γῆς καὶ θαλάσσης μυχοὶ καὶ οὐρανός· τῶν ἐγὼ τὸ ἀρχαῖον ἀφειλόμην σκῆπτρον καὶ ἐδίκαζον θεοῖς.“

Это стихотвореніе, по смыслу и по метрамъ его, можно читать такъ: сперва прочти первый стихъ, что направо, λεύσε με... потомъ послѣдній стихъ, что налѣво, τῶν δ..., за тѣмъ вторый стихъ такъ же направо и налѣво, и такъ далѣе до коротенькаго конца.

Предметъ стихотворенія—Еросъ, а смыслъ таковъ:

„Видишь меня, царя земли и неба, и всего прочаго создателя. Не смущайся тѣмъ, что я, будучи такой, совершенное дѣло творю. Ибо я существовалъ тогда, когда начальствовала Ананги (судьба), и когда рѣшеніямъ ея подчинялось все, что только движется въ воздухѣ и эөирѣ. Я не Афродитинъ сынъ, а называюсь Еросъ; и
любовь
ничего не сдѣлалъ я насильственно, а все укрощаю убѣжденіемъ. Ниже меня очутились хляби земли и моря, и небо.

† Ἔχει δὲ νοῦν, καί ἀπὸ τοῦ πρώτου ἐπὶ τὸ ἔσχατον ἔρχῃ, ὡς προείρηται. Ἀκμωνίδαν δὲ λέγει τὸν οὐρανόν. Γαῖα μὲν γὰρ Ἄκμωνα ἐκτιζεν· ἀπο δ' Ἄκμωνος ὁ οὐρανός. αὐτὸς δέ ἐςιν Ἔρος, ὑπὲρ ἑαυτοῦ λέγων, ὅτι πάντα αὐτῷ εἴκει, καὶ τὰ ἐπὶ τῇ γῇ, καὶ τὰ ἐν τῷ οὐρανῷ.

Ἄλλως.

Τὸ σχῆμα τοῦ πτερυγίου οὐχ ἔχει ἀπὸ τοῦ πρώτου ἐπὶ τὸ ἔσχατον τὴν ἀνάγνωσιν, ὡς ἐπὶ τοῦ πελέκεως καὶ τοῦ ᾠοῦ.

Τὸ μέτρον τοῦ πελέκεως καὶ τοῦ πτερυγίου χοριαμβικόν, κατὰ ςίχον ὑφαιρουμένης συζυγίας.

Я отнялъ у нихъ древній скипетръ, и судилъ боговъ“.

А будетъ тотъ же смыслъ, если ты послѣ перваго стиха станешь читать послѣдній, какъ это сказано выше. Тутъ подъ Акмономъ разумѣется небо. Ибо Гэа создала Акмона, а отъ Акмона небо. Самъ же Еросъ говоритъ о себѣ, что ему повинуется все и на землѣ, и на небѣ.

Иное мнѣніе.

Составъ *Крыла* таковъ, что нельзя читать его, переходя отъ перваго стиха къ послѣднему, какъ это возможно въ стихотвореніяхъ *Сѣкирномъ* и *Яичномъ*.

Метръ *Сѣкиры* и Крыла хореямбическій.

Замѣчательно это стихотвореніе Ѳеокрита и по внѣшнему виду своему, похожему на крыло, и по глубокофилософскому смыслу его. Въ немъ воспѣта любовь, какъ зиждительное Начало всего существующаго.

Подъ этимъ стихотвореніемъ написаны четыре стиха въ похвалу пастушеской поэзіи. Прочтемъ и ихъ.

Ὥσπερ σκύφος γάλακτος ἢ κισσύβης,
Ἡ βουκολικὴ πᾶσιν ἔγκειται βίβλος.
Τοι γὰρ ῥοφῶμεν οἱ θέλοντες τὸν λόγον
Στόμασι λευροῖς, ἀνθηλεύουσι φρένες.

Что кувшинъ или чашка съ молокомъ:
То-пастушеская для всѣхъ книга.
Мы жадно глотаемъ ея слово:
Оттого цвѣтутъ наши умы.

Вкусно! Но правда ли? Не знаю, что скажутъ на это другіе; а мой умъ отъ этой поэзіи, и наипаче отъ толкованія ея, *зацвѣлъ*... Этотъ глаголъ мой понимайте, какъ хотите. Я же

спѣшу прочесть и перевесть надпись на Θеокритовомъ жертвенникѣ.

† Ἐγώ εἰμὶ ὁ βωμὸς, ὃν κατεσκεύασεν τῆς ἀνδρώας τῆς γυναικὸς, ἤτοι τῆς Μηδείας, ὁ ἀνὴρ ὁ Ἰάσων ὁ Θετταλὸς, δίσαβος, ὁ δὶς ἡβήσας, οὐ σποδεύνας, ὁ Ἀχιλλεὺς ὁ ἐν σποδῷ εὐναζόμενος, ὁ υἱὸς τῆς Θέτιδος, μόρος, ὃς ἐφονεύθη ὑπὸ τοῦ Τρωϊκοῦ τοῦ βουκόλου Ἀλεξάνδρου τοῦ υἱοῦ τῆς Ἑκάβης· χρυσοῦς ἀΐτας ὑπέρλαμπρος ἐραςάς. ἔυσεν. ἐκκαυσεν ἡ Μηδεία τὸν Τάλων, τὸν ἀεὶ ὡπλισμένον· οὖρον ἑρμηνευτέον ὡς ἀνδρεῖον· ἔῤῥεσεν, ἔφθειρεν· δίσευνος ὁ Ἥφαιςος, ὁ δύο γυναῖκας ἔχων, τὴν Ἀφροδίτην καὶ τὴν Χάριν· μόρισεν ἡ μετὰ μόρου καὶ κακοπάθειας ἐτεκτήνατο γηόχαλκον· μητρόριπτος, ὁ διὰ τὴν μητέρα ῥιφθεὶς. Θεοκρίτου, τοῦ τὰς θεὰς κρίναντος· κτάντας ὁ φονεὺς, ἤτοι ὁ Φιλοκτήτης. τριεσπέροιο, τοῦ ἐν τρισίν ἡμέραις καὶ νυξίν ὑπὸ τοῦ Διὸς σπαρέντος, Ἡρακλέους ἐνταφιαςῆς. ἄϊξεν, ὥρμησεν· μέγα βοήσας διὰ τὸ τρωθῆναι ὑπὸ ὄφεος. χάλεψε, χαλεπῶς ἔτρωσεν αὐτὸν φαρμάκῳ. συργαςρὸς ὁ ὄφις, ὁ τῆς γαςέρας ἀσυρόμενος. τὸν δ' Ἑλλινεύντα, τὸν Φιλοκτήτην τὸν βραδύνοντα ἐν τῇ περιῤῥύτῳ Λήμνῳ. ματρὸς συνεύνας τῆς Πηνελόπης. φώρ ὁ Ὀδυσσεὺς, ὁ κλέπτης τοῦ Παλαδίου, δίζωος ὁ εἰς ἅδην κατελθὼν καὶ ἀνελθὼν.—Ἶνις τ' ἀνδροβῶτος, ὁ Διομήδης υἱὸς τοῦ Τυδέος, τοῦ Μελανίππου μϋελὸν καταῤῥοφήσαντος, ὃν ἐφόνευσεν Ἰλλιοραίςας, Ἰλιόυ φθορεύς. Ἡραρδίων ἕνεκα τῶν τόξων Ἡρακλέους, οὗς ἔφερεν εἰς τὴν Τευκρίδα,

Я—тотъ жертвенникъ, который соорудилъ супругъ мужеженщины Медеи Язонъ Θессаліецъ, δίσαβος — *дважды расцвѣтшій, а не пепельный* οὐ σποδεύνας Ахиллесъ, въ пеплѣ закаленный сынъ Θетиды, μόρος *смертный*, котораго умертвилъ Троянскій пастушекъ Александръ, сынъ Гекубы: (Язонъ) *злата искавшій* витязь, знаменитый любитель (Медеи). Εὖσεν *сожгла* Медея Талона, всегда вооруженнаго, οὖρον, *храбраго* ἔρρεσεν—сгубила. Δίσευνος т. е. двухъ женъ имѣющій Вулканъ Афродиту и Хариту. μορισεν, злѣ заморилъ *мѣднаго мужа* μητρόριπτος *по причинѣ матери ринутый*. Θεοκρίτου, Θеокрита судившаго богинь. Κτάντας, убійца т. е. Филоктетъ τριεσπέροιο, погребатель Геркулеса, въ три дни и ночи Зевесомъ осѣмененнаго (зачатаго). ἄϊξεν, устремился, сильно закричавъ отъ угрызенія зміемъ. χάλεψε, больно уязвилъ его ядомъ. σύργαςρος, на чревѣ ползающій змій. Ἑλλινεῦντα, т. е, Филоктета медлящаго на окруженномъ водою Лимносѣ. Матери сожитель Пенелопы, φώρ Одиссей тать Паладія, δίζωος, двужизненный, въ адъ сходившій и оттуда вышедшій. Ἶνις τ' ἀνδροβῶτος, Діомидъ сынъ Тидея, проглотившаго мозгъ Меланиппа, котораго убилъ Ἰλλιοραίςας губитель Іліона, Ἡράρδίων стрѣлами Геркулеса,

τρίπορθον πρὶν πορθηθεῖσαν ὑπὸ τῶν Ἀμαζόνων, ὑπὸ τοῦ Ἡρακλέους, καὶ εἶτα ὑπὸ τῶν Ἑλλήνων.

κои принесъ въ Тевкриду (Трою) трижды взятую, сперва Амазонками, потомъ Геркулесомъ, и наконецъ Еллинами.

Ὁ διὰ τῶν μέτρων οὑτωσὶ βωμός. Ὠσιάδου τινὸς εὕρημα· γέγραπται δὲ ἐπὶ τῷ βωμῷ, ὃν ὁ Ἰάσων κατεσκεύασεν τῷ Ἀπόλλωνι. Ἐν τούτῳ τῷ βωμῷ κατά τινα χρησμὸν ἔθυσεν Ἀγαμέμνων· τοῦτον καὶ Φιλοκτήτης ἐτίμησεν. Ἡμεῖς δὲ τὴν ἐν τούτῳ κεκρυμμένην ἔννοιαν, οὐχ' ἧττον δὲ καὶ τὸ μέτρον, δῆλα σὺν θεῷ τοῖς μὴ εἰδόσι ποιοῦμεν, ἐκ παλαιοῦ τινὸς λαβόντες τὰς ἀφορμάς.—

Таково лексиконное толкованіе словъ на жертвенникѣ, который выдуманъ нѣкіимъ Осіадомъ. А написаны стихи на томъ жертвенникѣ, который соорудилъ Язонъ Аполлону. На этомъ жертвенникѣ, по нѣкоему прорицанію, жертву приносилъ Агамемнонъ; его почтилъ и Филоктетъ. А мы прикровенный въ немъ смыслъ, да и словообъясненіе его съ помощію Божіею раскрываемъ невѣдущимъ, пользуясь нѣкіимъ древнимъ толкованіемъ.

Ὡς ἀπὸ τοῦ βωμοῦ ὁ λόγος, ὅτι ἐγώ εἰμὶ ὁ βωμός, ὃν μετεῦξε καὶ κατεσκεύασεν ὁ Ἰάσων ὁ Μέροψ, ἤγουν ὁ Θετταλός· ἄποικοι γὰρ Μερόπων οἱ Θετταλοί: Ὁ δίσσαβος, ὁ δὶς ἡβήσας τὸ μὲν τῇ φύσει, τὸ δὲ τῆς Μηδείας ἑψήσει, καὶ τῇ ἐντεῦθεν ἀνανεώσει· ὁ πόσις καὶ ὁ ἀνήρ. χρυσοῦς καὶ λαμπρὸς. αἰήτης καὶ ἐραςὴς τῆς γυναικὸς καὶ τῆς ςήτης τῆς ἄρσενος, καὶ τῆς ἀνδρῴας· ἐπιβουλεύουσα γὰρ ἡ Μήδεια θῆσαι. καὶ φωραθεῖσα ἔφυγεν εἰς Μηδείαν, ἐξ αὐτῆς κληθεῖσαν ἀνδρῷαν ἐπιβαλοῦσα ςολήν. οὐχ' ὁ σποδεύνας, ἤτοι ὁ Ἀχιλλεύς, ὁ ἐν σποδῷ καὶ πυρὶ εὐναζόμενος, καὶ κομιζόμενος παρὰ τῆς οἰκείας μητρὸς Θέτιδος, ὥς φησὶ Λυκόφρων. ὁ Ἶνις καὶ ὁ υἱός τῆς Ἐμπούσης, ἤτοι τῆς Θέτιδος· φάσμα γάρ τι νυκτερινὸν ἡ Ἔμπουσα εἰς μυρίας μορφὰς, ὅτε μιγῆναι ταύτῃ ὁ

Самъ жертвенникъ говоритъ: Я тотъ жертвенникъ, который соорудилъ и поставилъ Язонъ Меропсъ, т. е. Ѳессаліецъ, ибо Ѳессалійцы—переселенцы Меропскіе, δίσσαβος т. е. дважды процвѣтавшій, сперва естественно, а потомъ посредствомъ обновленія Медеею, πόσις—мужъ, златоискатель *) и знатный витязь и любитель женщины и вдовы—*арсеносъ*—мущины (Медеи); ибо она пойманная въ чародѣйствѣ убѣжала въ Мидію, переодѣвшись въ мужское платье; (Я тотъ жертвенникъ, который соорудилъ Язонъ), а не *пепельный* σποδεύνας Ахиллесъ, закаленный въ пеплѣ и огнѣ собственною матерію его Ѳетидою, какъ баснословитъ Ликофронъ, не Ἶνις—не сынъ

*) Язонъ искалъ золотое руно въ Колхидѣ.

Πηλεὺς ἔσπευδε· ἡ καὶ ἐμίγη ἐν Σιπίλῳ τῷ ὄρει· πάλιν οὐχὶ ὁ Ἀχιλλεὺς ὁ μόρος καὶ ὁ θάνατος, ἤτοι ὃς ἐγένετο θάνατος, τουτέςι φονεὺς τοῦ βουτὰ καὶ τοῦ βουκόλου Ἀλεξάνδρου τοῦ Τεύκρου καὶ τοῦ Τρωὸς καὶ τοῦ τεκνώματος τῆς κυνὸς, ἤτοι τοῦ υἱοῦ τῆς Ἑκάβης, ἥτις κύων ὠνόμαςαι καὶ χοιρίλλις διὰ τό τῶν παίδων, οὓς ἔτεκε, πλῆθος. Λέγει τοῦτο· ὅτι ἐγὼ εἰμὶ ὁ βωμός, ὃν κατεσκεύασεν ὁ ἀνὴρ τῆς Μηδείας, οὐχ' Ἀχιλλεύς· δυό γὰρ Θετταλοὺς ἄνδρας ἔσχε Μήδεια, τὸν Ἰάσωνα ἐν Θετταλίᾳ, καὶ τὸν Ἀχιλλέα ἐν ταῖς νήσοις τῶν μακάρων. Πότε δὲ μὲν ἔτευξεν ὁ Ἰάσων; ἆμος καὶ ὁπηνίκα. εὖσε καὶ ἔκαυσε, καὶ ἔρραισε, καὶ ἔφθειρε ἡ Μήδεια τὸν οὖρον καὶ τὸν ὁρμητικὸν, ὡς ἄνδρα τὸν γηόχαλκον καὶ χάλκεον ἄνδρα· διὰ τὸ ἀεὶ ὁπλισμένον εἶναι τὸν Τάλωνα λέγει κωλύοντα τοὺς Ἀργοναύτας διελθεῖν· ὃν Τάλωνα ἐμόρησε, καὶ μετὰ κακοπαθείας ἐτεκτήνατο· γηόχαλκον ἐποίησεν ὁ ἀπατωρ ὁ Ἥφαιςος· Ἐκ γὰρ τῆς Ἥρας μόνης ἐγεννήθη, ὧς ληρεῖ ὁ Ἡσίοδος ἐν τῇ θεοῦ γονίᾳ, καὶ ἔρριψεν αὐτὸν ὡς... ἄχθος. ἢ ὁ μητρόρριπτος, τουτέςιν ὁ διὰ τὴν μητέρα ῥιφθεὶς ὑπὸ τοῦ Διός.

Емпусы, т. е. Θетиды: (Емпуса есть ночное привидѣніе, принимавшее тмочисленные образы, когда Пилей спѣшилъ сочетаться съ нею, и сочетался на горѣ Синилѣ): опять говорю: не Ахиллесъ μόρος—смертный умерщвленный βούτᾳ—пасшимъ стада Александромъ *Тевкромъ* т. е. Троянцемъ, *рожденнымъ сукою*, т. е. сыномъ Гекубы, которая прозвана была сукою и свинушкою, потому что родила много дѣтей. Повторяемъ: Я—тотъ жертвенникъ, который соорудилъ мужъ Медеи, не Ахиллесъ. Ибо двухъ Θессаллійскихъ мужей имѣла Медея, Язона въ Θессаліи, и Ахиллеса на островахъ Макаровъ. Когда же соорудилъ Язонъ? Ἆμος—тогда, когда Медея истребила τὸν οὖρον храбраго, стремительнаго, *мѣднаго* мужа, т. е. всегда вооруженнато Талона, препятствовавшаго Аргонавгамъ проходить.

Сего Талона уморила она и съ злостію убила.—А этого мѣднаго мужа сдѣлалъ ὁ ἀπάτωρ неимѣвшій отца Вулканъ. Ибо онъ родился отъ одной Иры, какъ баснословитъ Исіодъ, въ бедрѣ бога (Зевеса).—И ринулъ его, какъ негодное бремя.—Μητρόρριπτος значитъ, по причинѣ матери ринутый Зевесомъ.

ὁ δίσσευνος Ἥφαιστος, καὶ δύο γυναῖκας ἔχων, τὴν Ἀφροδίτην καὶ τὴν Χάριν· ἐμὸν δὲ τεῦγμα, καὶ τὴν ἐμὴν κατασκευὴν ἀθρήσας καὶ θεασάμενος ὁ Φιλοκτήτης.

δίσσευνος двоеженецъ Вулканъ, двухъ женъ имѣющій, Афродиту и Хариту. Мое же сооруженіе, мою постановку видѣлъ Филоктетъ,

ὁ κτᾶντας καὶ ὁ φονεὺς τοῦ Θεο-

κτάντας убійца богосудьи, Алек-

κρίτου, τοῦ τὰς θεὰς κρίναντος Ἀλεξάνδρου· ὁ κάντης καὶ ἐνταφιαςὴς τοῦ τριεσπέρου Ἡρακλέως.

Γνώριμοι δὲ αἱ ἱςορίαι αὗται ἐν τῷ Λυκόφρονι. Τί ἐποίησεν; ἄϊξεν καὶ ὥρμησεν· ἀναΰξας καὶ μεγάλως βοήσας διὰ τὸ τρωθῆναι ὑπὸ ὄφεως ᾧ καὶ ἐπάγει. Χάλεψε γὰρ καὶ χαλεπῶς ἔφεσε· νὶν καὶ αὐτὸν· ἰῷ φαρμάκῳ. ὁ σύργαστρος, ἤτοι ὁ ὄφις τῇ γαςρὶ συρόμενος. ὁ ἐκδὺς τὸ γῆρας· νεάζει γὰρ ὁ ὄφις τῇ τῆς παλαιᾶς λεβηρίδος ἀποβολῇ. Τοῦτον δὲ ἄρα ἐλθόντα καὶ βραδύναντα ἐν τῇ ἀμφικλύςῳ καὶ περιῤῥύτῳ Λήμνῳ μετὰ χρόνον εἰς τὴν Τευκρίδα, ἤτοι τὴν Τροΐαν τὴν τρίπορθον καὶ τὴν τρὶς πορθηθεῖσαν ὑπὸ τῶν Ἀμαζόνων, ὑπὸ τοῦ Ἡρακλέους, καὶ τρίτον τῶν Ἑλλήνων, ἤγαγε καὶ ἐκόμισεν ἕνεκα τῶν ἄρδων καὶ τῶν τόξων καὶ τῶν βελῶν τοῦ Ἡρακλέους, τὶς ὁ φὼρ καὶ ὁ κλέπτης τοῦ Παλαδίου. Ὀδυσσεὺς δίζωος, ὁ εἰς ἄδον κατελθὼν κἀκεῖ ἀνελθών. ὁ εὐνέτης καὶ ὁ ἀνὴρ τῆς μητρὸς τοῦ Πανός, ἤγουν τῆς Πενελόπης, ἣ ἔτεκε τοῦτον ἐκ τῆς μίξεως πάντων τῶν μνηςήρων. Καὶ ἄλλος τις: ἤγαγε τοῦτον τὸν Φιλοκτήτην εἰς Τροΐαν·—Ἰλλιοραίςας, ὁ τῆς Ἰλίου φθορεὺς Διομήδης, ὁ ἶνις καὶ ὁ υἱὸς τοῦ ἀνδροβῶτος, ἤγουν τοῦ Τυδέως· ἔφαγεν γὰρ οὗτος ὁ Τυδεὺς τὴν κεφαλὴν τοῦ Μελανίππου, καταροφῶν ἐν αὐτῇ μυελόν. Ἴσθ', ὡς οὗτος μὲν Ὀδυσσεὺς καὶ Διομήδην φησὶ τὸν Φιλοκτήτην ἀγαγεῖν εἰς Τροΐαν, Σοφοκλῆς δὲ ἐν τῷ Φιλοκτήτῃ δράματι, Ὀδυσσέα καὶ Νεοπτόλεμον.

сандра, судившаго богинь. Κάντης погребатель трижды засѣмененнаго Геркулеса.

Извѣстны эти исторіи у Ликофрона.—Что сдѣлалъ (Филоктетъ?) ἄϊξεν—убѣжалъ, ἀναΰξας громко закричавши отъ угрызенія зміемъ. Χάλεψε больно уязвилъ νὶν его ἰῷ ядомъ σύργαςρος змій ползающій на чревѣ своемъ, ἐκδὺς τὸ γῆρας, отбрасывающій старость. Ибо юнѣетъ змій, сбросивъ съ себя старую кожу. Сего Филоктета, медлившаго на ἀμφικλύςῳ окруженномъ водою Лимносѣ, спустя годъ въ Тевкриду, то есть въ Трою *трижды* взятую, Амазонками, Геркулесомъ, и въ третій разъ Еллинами, привелъ ради лука и стрѣлъ Геркулесовыхъ, φὼρ тать Паладія, Одиссей δίζωος двужизненный, во адъ сходившій и оттуда вышедшій, εὐνέτης сожитель матери Пана, т. е. Пенелопы, которая родила его (Пана) съ помощію помѣси всѣхъ жениховъ своихъ.—А нѣкто другой иначе пересказалъ сіе.—Филоктета въ Трою привелъ Ἰλλιοραίςας губитель Іліона Діомидъ, ἶνις сынъ человѣкоядца, т. е. Тидея. Ибо этотъ Тидей ѣлъ голову Меланиппа, высасывая изъ нея мозгъ.—Знай, что этотъ (писатель) говоритъ, будто Одиссей и Діомидъ привели Филоктета въ Трою, Софоклъ же въ своей Драмѣ, „Филоктетъ", сказалъ, что его привели Одиссей и Неоптолемъ.

Вотъ и второе лексиконное, болѣе подробное, толкованіе Дорическихъ рѣченій на жертвенникѣ Өеокрита. Придерживаясь того и другаго толкованія, сообщаю переводъ сего стихотворенія.

„Я—тотъ жертвенникъ, который соорудилъ супругъ наря дившейся въ мужеское платье женщины, Меропсъ, дважды жившій, а не огнепепельный сынъ Емпусы, умерщвленный Тевкрскимъ пастухомъ, родившимся отъ суки, (соорудилъ) витязь искавшій золота (Язонъ), когда Медея истребила храбреца, котораго сковалъ изъ мѣди безъотцовскій двуженецъ, брошенный по причинѣ матери Вулканъ. Мою постановку (говоритъ о себѣ жертвенникъ) увидѣвши (Филоктетъ) убійца судьи богинь (Париса) и погребатель трисѣмяннаго (Геркулеса), убѣжалъ съ крикомъ, потому что больно уязвилъ его ядомъ чревоползецъ, сбрасывающій свою старость. А Филоктета сего, промедлившаго на окруженномъ водою островѣ, въ Тевкриду, трижды взятую, привели со стрѣлами (Геркулеса), сожитель матери Пана, тать, двужизненный Одиссей, и сынъ мужеядца, разрушитель Иліона. (Діомидъ).

Вся заманчивость этой епиграммы состоитъ въ прикровенныхъ намекахъ на Миөоисторическія лица, каковы суть: 1) Язонъ, предводитель аргонавтовъ и строитель жертвенника Аполлону, и мужъ чародѣйки Медеи, у которой былъ и другой мужъ, Ахиллесъ, не сынъ Өетиды, закаленный ею въ пеплѣ и огнѣ и умерщвленный Троянскимъ княземъ Александромъ, сыномъ Гекубы, прозванной сукою за многочадство, а Ахиллесъ чтимый на островахъ Макарскихъ; 2) Талонъ, выкованный Вулканомъ изъ мѣди и преграждавшій путь Аргонавтамъ, но за то истребленный Медеею, которая знала, что у него есть смертная жила не мѣдная, а тѣлесная, протянутая отъ головы до пяты; 3) Филоктетъ, видѣвшій оный жертвенникъ, и подлѣ него угрызенный зміемъ, и цѣлый годъ страдавшій отъ яда на островѣ Лимносѣ, Филоктетъ убившій Париса, къ которому на судъ приходили три богини, и похоронившій Геркулеса, трижды засѣмененнаго Юпитеромъ: и 4×5, Одиссей,бывшій въ аду и вышедшій оттуда жи-

вой, и Діомидъ сынъ мужеядца Мелениппа, раззоритель Іліона: оба они съ Лимноса привели къ Троѣ Филоктета съ Геркулесовыми стрѣлами, потому что безъ него и безъ этихъ стрѣлъ, по прорицанію оракула, нельзя было взять сего города.

Въ разсматриваемой епиграммѣ Ѳеокрита заслуживаютъ наше вниманіе двѣ особенности, какъ то, воспоминаніе о Меропахъ и указаніе иного Ахиллеса, чтимаго на островахъ Макарскихъ, котораго не должно смѣшивать съ Ахиллесомъ, воевавшимъ съ Троянцами. Излагаю свѣдѣнія свои объ этихъ особенностяхъ.

Мер-опы нерѣдко упоминаются въ классическихъ твореніяхъ древнихъ Еллиновъ, какъ особенные, знатные, люди. Жена Ескулапа Ипіона была Меропка, и родила ему сыновъ Махаона, Подалирія, Іаниска и Алексинора, и дочерей, Ясо, Панакію, Игиію и Эглу: изъ нихъ Махаонъ и Подалирій, какъ искусные врачи, служили въ Еллинскихъ полкахъ во время Троянской войны. Меропки были: дочь Атласа и супруга Сизифа, которому она родила Главка, отца Беллерофона: сестра Фаеѳона, оплакавшая несчастіе брата своего, слезы которой превращены были въ янтарь: дочь Аркадскаго царя Кипсела и многочадная жена Ираклида Кресфонта. Кромѣ ихъ извѣстны мнѣ Меропы: царь острова Ко, отъ котораго всѣ подданные его назывались Меропами, и Перкозій, царь Риндака въ малой Азіи; о немъ въ Омировой Иліадѣ сказано, что онъ, какъ Видящій, какъ прозорливецъ, не позволилъ сынамъ своимъ Адрасту и Амфію воевать съ Троянцами, потому что предвидѣлъ несчастную кончину ихъ. Въ надписи на жертвенникѣ Ѳеокрита предводитель аргонавтовъ Язонъ Ѳессаліецъ названъ Меропомъ, а въ толкованіи прибавлено, что Ѳессалійцы суть переселенцы, отдѣлившіеся отъ Меропов. Что же значитъ слово Мéропсъ? Кто эти Меропы, и гдѣ было первоначальное селеніе ихъ? Слово, Мéропсъ, по толкованію греческихъ лексикографовъ, означаетъ существо, имѣющее *членораздѣльный голосъ*. Меропы суть глаголивые люди,

глаголами своими отличающіеся отъ животныхъ *). Это—первобытные человѣки, обитавшіе, сперва, на обширнѣйшемъ материкѣ, противоположномъ нашему материку Европео—азіато—африканскому, тамъ, гдѣ нынѣ ширится южный океанъ съ островами, (ἤπειρον τὴν ἔξω τούτου κοσμου. Aelian. Var. Hist. L. III. c. 18.—γῇ ἀντι πέραν τῇ ὑφ' ἡμῶν οἰκουμένῃ κειμένῃ Lucian. II, 47.), а потомъ, когда этотъ материкъ былъ затопленъ, перешедшіе на Гималайскую возвышенность земли, называемую Мер-у, гдѣ находится и *Памиръ*, и Каше-*миръ*, отсюда же разселившіеся по всей землѣ, съ одинаковымъ языкомъ, по времени раздѣлившимся на разныя нарѣчія. Отъ нихъ происходимъ и мы, глаголивые Словены. Въ Малой азіи, Ѳессаліи, Греціи и на островахъ архипелага они, какъ пришельцы, отличали себя отъ тамошнихъ автохѳоновъ, брачились только между собою, и удерживали свое прозваніе, Меропы, въ память своего члено*раздѣльнаго* глаголанія и происхожденія изъ такой страны, изъ которой *раздѣльно* и *размѣренно* текутъ рѣки на востокъ и западъ, сѣверъ и югъ какъ то, Брахмапутра и Индъ, Амударья и Гангъ и проч., и которая потому называема была ими Мер-у, т. е. *Мѣра* четырехъ странъ свѣта, по коимъ надлежало имъ разойтись.

Отъ Меороповъ перейдемъ къ Ахиллесу второму, витязю не Троянскому. Онъ. по увѣренію древняго толкователя Ѳеокритовой епиграммы на жертвеникѣ Аполлона, былъ второй мужъ Медеи, чтимый на островахъ Макарскихъ (архипелажскихъ). Эта новость озадачила меня. Жаль, что оный толкователь не сказалъ, чей былъ сынъ этотъ вторый Ахиллесъ, и почему имя его припутано къ помянутымъ островамъ. Думаю, что подъ нимъ надобно разумѣть могучую силу природы, произведшую морскія острова и на нихъ разныя растенія и травы, а въ женѣ его Медеѣ чародѣйкѣ надлежитъ видѣть цѣлебную и мертвящую силу этихъ растеній и былій. Но какъ бы то ни было, а высказанную новость

*) Etymologicon magnum. Oxonii 1848.—«Μέροψ: Συνόνυμον· γίνεται παρὰ τὸ μείρω, τὸ

наука должна принять къ свѣдѣнію. Я отмѣчаю эту новость на скрижаляхъ ея, и оповѣщаю, что на нашемъ берегу Чернаго моря Кинбурнская длинная *коса*, въ древнее время называвшаяся *Ахиллесовымъ бѣгомъ*, δρόμος Ἀχιλλέως, и Ахиллесово капище на единственномъ въ семъ морѣ островкѣ, *Левки*, который я видѣлъ своими очами, носятъ имя не славнаго подъ Троею бойца Ахиллеса, сына Θетиды, а втораго мужа Медеи, знаменовавшаго собою силу природы, произведшую острова, и обожаемую Еллинами.

Теперь мнѣ слѣдовало бы сварить, облупить и въ ротъ положить *Яицо* Θеокрита. Но пусть сдѣлаютъ сіе другіе. А я утомился, стараясь понять и объяснить премудреную поэзію Сиракузскаго поэта. Наскучила она мнѣ. Для занимательнаго разнообразія спѣшу передать въ рускомъ переводѣ образчики греческой словесности плакущей.

VIII.

Τοῦ νομοφύλακος Ἰωάννου διακόνου τοῦ Εὐγενικοῦ Μονῳδία ἐπὶ τῇ ἁλώσει τῆς Μεγαλοπόλεος:

Плачъ номофилака Іоанна діакона Евгеника о взятіи великаго града (Константинополя въ 1453 году)—Статья изъ малаго Пандекта.

Христе царю!.. Увы мнѣ. О, Христе царю всѣхъ! О, граде великаго царя Бога, о немъ же преславная глаголашася! Пресвятая Богомати! Гдѣ градъ твой великоименитый и возлюбленный? Гдѣ око земли, твердыня нашего рода, истуканъ вселенной?

Увы мнѣ. И послѣ этого я еще дерзаю говорить и возвѣщать ужасы? Ахъ, какъ я не лишился ума? И какъ еще могу отверзать уста мои? И какъ я живъ? И какъ еще дышу и чувствую и вижу свѣтъ?

О приставники и стражи нашего спасенія, ангелы святые и тмочисленные! Почто вы оставили стражбу сего града?

О, какъ велико число нашихъ нечестій, и какое множество нашихъ беззаконій! Оно удалило отъ насъ посѣщеніе Святыхъ и Божеское провидѣніе. Оно предало насъ, какъ готовую добычу, исконнымъ человѣкоубійцамъ демонамъ, и чрезъ нихъ губительнымъ врагамъ нашимъ..

О удѣлъ Бога! О, достояніе Христа! Что и что мы потерпѣли!

Кто дастъ головѣ моей воду, или болѣе, всѣ воды морскія, и очамъ моимъ источникъ, или болѣе, неизсякаемые источники слезъ, да оплачу дщерь Сіона по достоянію?

О, закланіе Христа и страшная смерть за насъ, и Владычняя кровь всесвятая, и побѣдное оружіе, кресте честный!

О, солнце, все зрящее! Какъ устояло ты, видя толикія напасти? Какъ не познало свой западъ на вѣки, скрывшись въ мрачныхъ безднахъ земли? Не потерпѣло же ты—затмилось въ полдневный часъ спасительнаго страданія Господа, воздавая такъ праведное воздаяніе ругателямъ Христа, показуя вселенной страданіе Его, и возвѣщая всей твари горе, и видомъ своимъ выявляя ужасное событіе, и помраченіемъ своимъ знаменуя тьму душъ нашихъ. Да и ради древняго Израиля явило ты послушаніе сыну Навіину такое, что даже остановилось въ теченіи своемъ, и такъ пособило истребленію супостатовъ. А здѣсь ты возсіяло врагамъ Христовымъ противъ насъ, и на раззорителей града Божія излило лучи свои. Какъ не ужаснули тебя, увы, страданія наши? Или, зачѣмъ ты взошло, имѣя видѣть столько золъ? Какъ неизчезло все существующее? Какъ не потряслась вся земля? Какъ не разсѣлись камни и нынѣ? Не отверзлись гробы? и не воскресли тѣла Святыхъ?

А я, который все видѣлъ, и слышалъ и потерпѣлъ, я, злополучный, дожилъ до этой годины, чтобы увидѣть и оплакать общее бѣдствіе! Какъ не прокляну тотъ день, въ который я родился, по большему праву, чѣмъ Іовъ?

И ты земля, какъ ты не разсѣлась для насъ, и почто не разсѣдаешься и теперь, да достойно пребудемъ ужъ не въ пус-

стынѣ ненаселенной и не въ разсѣлинахъ утесовъ и не въ иномъ горшемъ мѣстѣ, а во мракѣ и въ нѣдрахъ ада, по изрѣченному намъ опредѣленію Бога: *ходити во дворъ моемъ не приложите къ тому*.

Небо! Отверзи врата твои и прими наши души въ сонмъ избіенныхъ. Ибо никому ужъ не мила жизнь и на минуту. На что мы посмотримъ? Что послушаемъ? Какимъ вѣяніемъ воздуха подышемъ? Какимъ языкомъ и какими устами восхвалимъ Бога? Какими руками обымемъ другъ друга? Помрачены мы, разгромлены, не похожи на людей, разбиты, подобны разслабленнымъ жилами, отпѣтымъ. Горы! Падите на насъ. Холмы! Покройте насъ.—Блаженны утробы не раждающія нынѣ, и сосцы не доящіе!. Ибо настало веселіе нечестивымъ, а намъ поношеніе.

Дайте мнѣ вы, источники и озера и рѣки, дайте столько слезъ, сколько я хочу: Но если бы и запекшимися кусками крови еслибы и каплями изъ ранъ сталъ я оплакивать и описывать горе, то и ими не изобразилъ бы его, какъ надлежало бы, вполнѣ.—Потоки и ручьи, украшенные лугами и садами, теките вы горше Мерры всякой и моря всякаго, знаменуя собою нашу горечь, намекая на насъ, недостойныхъ ни малой сладости.

Воздуше, способниче всѣхъ чувствъ нашихъ! Не содѣйствуй ни зрѣнію предметовъ ни слышанію звуковъ, ни обонянію благоуханій: но сопомрачися съ помраченными, и соумертвися съ обмертвѣвшими, и соистлѣй съ истлѣвшими..

Небо и ты эѳирный тукъ! Почто кружишь ты хоръ звѣздъ? Почто непрестаннымъ вращеніемъ и волненіемъ поддерживаешь все сущее, когда уже нѣтъ на землѣ прекраснѣйшаго города? Или ужъ близка общая кончина, и ты дѣйствуешь для того, чтобы ускорить тлѣніе, совоздыхая съ нами? Лучше было бы намъ погибнуть отъ потопа, или горѣнія, или разсѣданія земли, вмѣстѣ съ прахомъ нашего отечества, какъ древле погибли многіе грады, нежели пережить и видѣть и потерпѣть такую напасть, и быть игралищами враговъ нашей Вѣры. Почто не пожалъ насъ серпъ летящій, и не посѣкъ мечъ отточенный? Для чего не зак-

далъ насъ тотъ ножъ небесный, которому велѣно закалать, истреблять, безчадить, и не щадить ни тѣлъ, ни мозговъ, ни костей? Для того ли, чтобы мы потерпѣли все это отъ меча нечестивыхъ?

Увы мнѣ! Граде златый, граде великій! О чемъ первомъ у тебя возрыдаю? Какую вторую красоту твою оплачу? И что третіе, четвертое и пятое и множайшее омою слезами моими? Величайшій ли храмъ (св. Софіи), это небо на землѣ, этотъ рай вторый? Или велелѣпіе прочихъ святилищъ? Или повсемѣстный блескъ, или каждую порознь красоту, превосходящую благообразіе царевны невѣсты?

Какой трезлосчастный родъ мы! Что и что мы потерпѣли? О, Провидѣніе Божіе! О, судебъ глубина неизглаголанная! О, Спасе и Слове Бога и Боже! Плакалъ ты о древнемъ Іерусалимѣ, болѣзнуя о немъ и провидя горе, грядущее къ нему.— Всевѣдче сострадательный! Оплакалъ ты страшную погибель приближающуюся къ нему. О насъ же было ли какое либо слово на небѣ? Какъ вдругъ оставилъ насъ ты, присный утѣшитель нашъ? Гдѣ сокровища милосердія твоего? Гдѣ неизслѣдимая пучина долготерпѣнія твоего? Какъ ты положилъ насъ въ притчу языкамъ, и въ покиваніе головы народамъ? Какъ никакой пощады, если не ради насъ, то ради имени твоего святаго, да не будетъ оно поругано народами нечестивыми.

О, праведный Господи! Не восхотѣлъ ты, какъ благій, умолять отца своего предъ страданіемъ твоимъ, чтобы послалъ тебѣ болѣе двѣнадцати легеоновъ ангеловъ, да исполнишь Писанія, и содѣешь спасеніе міра. Теперь же для чего неотмѣнимо рѣшеніе твое? Откуда толикій гнѣвъ на насъ, и прежде общаго воскресенія разрушеніе, и прежде скончанія міра погубленіе, и прежде будущей вѣчной муки казнь ничѣмъ не меньшая ея?

О, горькая чаша, преисполненная чрезмѣрнаго праведнаго гнѣва! О, стрѣлы безстрастнаго, вонзенныя въ насъ горящихъ! О, таинственность страшная, сокровенность ужасная и непостижимая и неотвратимая! Христоименитый народъ сталъ, какъ дерево, лишенное листьевъ и цвѣта, или какъ угасшій

свѣтъ золотаго свѣтильника. Языкъ святый преданъ языкамъ нечестивымъ. Царственное священство уже не царствуетъ христіански. *Се оставленъ домъ нашъ пустъ.* Наши святыни преданы псамъ, и бисеръ, увы, свиньямъ, самыхъ свиней худшимъ. Ради недостойныхъ, ради уподобившихся несмысленнымъ скотамъ, и за подражаніе дѣламъ языковъ мы отданы языкамъ, и за дерзость ничѣмъ не меньшую Іудейской обрѣчены на расхищеніе. Увы мнѣ! Выи и жилы у насъ желѣзныя. Мы жестоки и не обрѣзаны сердцемъ и умомъ. Сколько разъ мы были попираемы, и не вразумились? Сколько разъ бичуемы, и не обращались? Послѣ наказанія отеческаго не исправлялись, и послѣ новаго пораженія оставались тѣже! Не надлежало ли намъ вразумиться тмочисленными пораженіями, язвами и гладами, и землетрясеніями и пожарами, и частыми нашествіями варваровъ и расхищеніями, предвѣщавшими и грозившими намъ тѣмъ, что мы потерпѣли? Не надлежало ли вразумиться примѣрами Солуня, Пелопонесскаго перешейка, пагубою Лимносцовъ, и, смѣю сказать, тмочисленными порабощеніями отъ Иллировъ и Трибалловъ и Пэоновъ и Кипрянъ и Готѳовъ и Лесбосцовъ, на материкѣ и на островахъ и на всей землѣ нашей?

О, донынѣ достоуважаемый, священный и ангельскій образъ! Какому ты преданъ хуленію бѣшеныхъ убійцъ! О, сила тайнодѣйствующаго священства! О, таинства церкви! О святыни, досточтимыя христіанами! Какъ онѣ помрачены, поруганы и посрамлены за недостоинство наше! *Вмѣнихомся, яко овцы заколенія.* Мы сдѣлались поношеніемъ сосѣдей нашихъ, поруганіемъ и посмѣшищемъ всѣхъ окрестъ насъ живущихъ.

Что болѣе оплакивать? общественное или семейное? О, горькій плачъ, охватившій весь городъ! Односемейные обняли другъ друга. Друзья прощались, какъ прощаются предъ послѣднимъ издыханіемъ. О жалкія матери чадъ жалкихъ! О, младенцы разорванные, на матеряхъ повѣшенные! О, цвѣтъ юношей поблекшій, сановитость старцовъ поруганная, нѣжные младенцы, оторванные отъ сосцовъ! О людъ, злѣ пожатый и горше потоптан-

ный! О, дѣвы, не только не зримыя любопытными, но и вовсе недоступныя для всякаго взора! Какихъ озорниковъ вы увидѣли! Увы! Какому позору обрѣчены вы! А о безчестіи ужъ и не говорю, а объ отторженіи васъ отъ Бога ужъ и молчу.

О Всецарица, Богородица, владычица всѣхъ тварей, неизрѣченно освященная, и недомыслимо чистая богородительница, и сверхъестественно присподѣва и матерь! Почто оставила ты несчастныхъ женъ, у которыхъ въ устахъ всегда было твое препѣтое имя, а въ сердцѣ, паче дыханія и жизни, память о тебѣ и великая вѣра въ тебя, и для которыхъ послѣ Спаса, рожденнаго тобою неизрѣченно, была ты спасительница и градоохранительница, и послѣ міроочистительной крови животворна была защита и благодать твоя и чрезъ тебя—отъ святой иконы твоей? Какъ не пощадила ты полъ твой? Какъ мы заключили человѣколюбивую утробу твою?—Не за то ли, что мы сами, увы! предали пламени благолѣпный и именитый храмъ твой Влахернскій, не за это ли ты оставила городъ нашъ и храмы его, предвидѣвъ имѣющее быть обезображеніе, или возгнушавшись нашимъ неестественнымъ развратомъ? Сынъ твой и Богъ нашъ не осудилъ жену прелюбодѣйную, приведенную къ нему, принялъ блудницу съ мvромъ и помиловалъ Хананеянку, подивившись вѣрѣ ея, какой не имѣлъ и Израиль: а къ христіанскимъ женамъ нѣтъ никакой жалости, никакой милости!

О, мудрость и добродѣтель, и красота множайшихъ укромниковъ (монастырей), и сокровищницы слова и наукъ, и вмѣстилища Философіи, благоуханіе книгъ Еллинскихъ и инородныхъ, и труды богослововъ и учителей!

О, сосуды тайнослужебные и незримые непосвященными! О, мощи священныя! О, иконы святыя, долу поверженныя и попираемыя и со смѣхомъ липаемыя украшеній! И вы алтари недоступныя, таинства божественныя, и жертвенники неприкосновенные?—Ужасаюсь, и удивляюсь твоему, Христе, безпредѣль-

Софіи)—ужаснися солнце!—раздался крикъ нестерпимый, отвратительный и гнусный, и на святомъ мѣстѣ и нынѣ явилась мерзость запустѣнія

До какого дожилъ я несчастія! Ужъ не говорю объ отчаяніи многихъ. Вѣра наша покинута. Народность наша покинута. Знать: близко мучительство антихриста и обольщеніе его, опасное и для избранныхъ. О, какъ достаетъ у меня силъ говорить о такомъ бѣдствіи! Кто когда либо терпѣлъ такое злосчастіе? Кто ждалъ такой напасти? Я, когда услышалъ въ первый разъ, долго не вѣрилъ и, суетный, думалъ, что говорящіе мнѣ безумствуютъ, насмѣхаются, богохульствуютъ и вѣщаютъ невозможное, какъ бы кто сказалъ, что древній сатана со всѣми бѣсами вторгся въ небо, чтобы поработить ангельское отечество, и невещественное безстрастное, духовное селеніе, Іерусалимъ небесный, наполнить кровями, мятежомъ и безпорядкомъ.

О, горькій день, въ который такое зло явилось твари! Да будетъ забытъ онъ справедливѣе, чѣмъ тотъ день, который проклялъ праведный Іовъ! Да не числится онъ въ дняхъ вѣка, и да будетъ проклятъ Богомъ и человѣками!

Нѣкогда содрогалось сердце мое и потрясалось, и вода капала изъ очей моихъ и слезы падали съ рѣсницъ моихъ при слышаніи Писанія: какъ были отринуты дѣвы юродивыя, уже пришедшія на бракъ и просившія елея у мудрыхъ. А теперь мое сердце не содрогается, не колеблется, не ужасается, не трепещетъ, а разрывается, и вся утроба моя расторгается отъ крайняго страданія. Да совокупится во едино и вся тварь и да плачетъ, какъ о мертвомъ, о прекраснѣйшемъ изъ всѣхъ зданныхъ городовъ, и да источаетъ горькую желчь и черную влагу, и токи пота и кровавыя капли, или цѣлыя струи отъ крайней туги. Такъ велико бѣдствіе, и такихъ и большихъ достойно оно слезъ и рыданій!..

О, величайшій изъ боговѣнчанныхъ царей и христолюбивѣйшій Константинъ равноапостольный, послѣ основательнаго познанія Христа сопричисленный къ наслѣдію Его, и, первый,

увеличившій силу Его! На небесахъ вельми возрыдала и горько восплакала сострадательная и благолюбивая душа твоя о градѣ твоемъ, и весь сонмъ праведниковъ, ликъ благочестивыхъ царей, ликъ іереевъ и учителей, созвала во едино сонмище, и подвигла ихъ къ общему сѣтованію о погибели Его. Но хоть и всѣ вѣчные сострадаютъ и сѣтуютъ съ тобою, такъ какъ всѣ они добролюбивы и человѣколюбивы, однако никакой слезящій пророкъ уже да не оплакиваетъ несчастія древняго Іерусалима, потому что бѣдствія Іерусалима Новаго превзошли ихъ гораздо болѣе: никакой бытописатель да не изображаетъ ни страданій, бывшихъ при Антіохѣ, ни послѣдняго раззоренія Сіона, или другаго какого либо города, ибо выразить злосчастія города нашего едва ли можно. Да умолчатся страданія древнія, и да возвѣщаются нынѣшнія: да отложатся всѣ прочія, и да оплакиваются наши. Что въ сравненіи съ нашимъ плачемъ и воплемъ тотъ голосъ, который древле слышанъ былъ въ Рамѣ, и рыданіе при избіеніи младенцовъ Иродомъ, и стоны Рахили плакавшей и не хотѣвшей утѣшиться? Что предъ настоящими злобами избіеніе древнихъ отцовъ святыхъ (на Синаѣ) Влеммидами? Что мученія въ Награнѣ при храбромъ Ареѳѣ приснопамятномъ? Ни ужасы Трои, ни бѣдствія Иліона, ни затрудненія Аѳинянъ въ Сициліи—ничто въ сравненіи съ нашими бѣдами.

Увы мнѣ! Уже нѣтъ Цареграда, нѣтъ великаго города, который донынѣ среди городовъ христіанскихъ былъ тоже, что денница среди звѣздъ. Уже нѣтъ новаго Рима. Нѣтъ новаго Сіона. Нѣтъ втораго Едема. Нѣтъ тмоименнаго и великоименитаго и всевожделѣннаго! Нѣтъ ока вселенный, горнила музъ, источника мудрости, святилища добродѣтели, прибѣжища всякому образованію, истукана поразительнаго, зрѣлища достославнаго. Нѣтъ хвалы и утѣхи общей. Градъ нашъ, увы, опустошенъ, поруганъ и попранъ языками, и жалокъ болѣе, нежели вдовица и сирая отроковица, потому что, какъ говоритъ Исаія, оставленъ Богомъ и возненавидѣнъ; и нѣтъ помогающаго Ему.—О стыдъ поголовный! О смертельное пораженіе! О неисцѣлимая рана! Страшно,

поистинѣ страшно и ужасно впасть въ руки Бога живаго! Хороши же послѣдствія нашихъ нечестій, и приличны намъ воздаянія! Удивительный прибытокъ отъ нихъ стяжали мы окаянные! О бѣдствіе, превзошедшее всѣ отъ вѣка до нынѣ бывшія несчастія! У лютѣ мнѣ! Все сердце мое горитъ. И кто потушитъ его пламень? Найдется ли такой пѣвецъ, который звуками заставилъ бы меня забыться?

О досточтимый градъ и жребій всечестной Госпожи нашей Богоматери! Увы мнѣ! Какъ вдругъ оставила тебя она недреманная градохранительница? Отъ сколькихъ бѣдъ о обстояній спасала она тебя прежде? Какъ же нынѣ не явила милости своей! Какъ прежде заступалась ежедневно, а нынѣ какъ бы вознеправдовала, и человѣколюбіе перемѣнила на гнѣвъ, и даже возненавидѣла тебя, отвратилась отъ тебя, отринула тебя, оттолкнула и предала озорникамъ и звѣрямъ кровожаднымъ? Увы мнѣ!

Доблестный и пресловутый и многохвальный Константинополь! Да изгладится впредь и самая память его въ насъ! Да изметея изъ сердецъ нашихъ сладкое и многовожделѣнное имя отечества нашего! Да вычеркнется изъ всѣхъ книгъ этотъ изящнѣйшій и высокій предметъ бытописателей и витій!—Именитый и дивный царь городовъ нынѣ уже рабъ и посмѣшище потомковъ рабыни Агари. Какимъ благомъ впредь похвалимся? Кому акаѳистъ и другія пѣсни воспоемъ? Куда на землѣ переселимся мы злополучные? Гдѣ градъ препѣтый и многочтимый, и всюду ежедневно славословимый? Меня одного за всѣхъ, всѣ носящіе имя Христово, принесите въ жертву, сошедшись вмѣстѣ, меня, возвѣщающаго такое ужасное зло! Для чего жить намъ, злополучнымъ, когда ждетъ насъ общее поношеніе, общій стыдъ, и когда пасти всѣхъ звѣрей готовы пожрать насъ? Стыдъ намъ и укоризна, Греки! говорю съ поэтомъ Аргосцовъ. Рабочими скотами, увы, стали блистательные и доблестные и честные сыны Сіона и, говорю съ пророкомъ, равноцѣнные золоту. Однихъ убила рука варварская; другіе сдѣлались, а иные сдѣлаются плѣнниками, нѣкоторые скитаются повсюду и просятъ милостыни на искуп-

леніе своихъ присныхъ и возлюбленныхъ. Народъ, обладавшій вселенною разрозненъ, разсѣянъ и сдѣлался странникомъ и пришельцомъ.

О, дщери Іерусалимскія, позоръ горькій испытавшія, прежде же благоукрашенныя на подобіе храма, плачьте о себѣ и чадахъ вашихъ, плачьте и во всю жизнь рыдайте. Чѣмъ утѣшить васъ: недоумѣваю. Чего пожелать вамъ: не знаю. Лучше вамъ, подобно баснословнымъ женамъ, обращеннымъ въ дерева и камни, молча проливать со мною вѣчныя слезы.

Щемятъ сердце всѣ эти вопли и заунывные причеты діакона Іоанна. Плачъ его воскрешаетъ въ моей памяти другія *подобныя* рыданія, кои, бывъ совмѣщены, составляютъ особый отдѣлъ человѣческой словесности, выше названной мною *плакущею* по примѣру ивы плакущей.

Въ священномъ писаніи есть два плача, одинъ Давидовъ, а другой Іереміинъ.

1. „Оплакалъ Давидъ Саула и сына его Іонаѳана сею плачевною пѣснію:

„Краса твоя, Израиль, поражена на высотахъ твоихъ!
Какъ пали сильные!
Не повѣствуйте въ Геѳѣ,
Не вѣщайте на стогнахъ Аскалона,
Дабы не радовались дочери Филистимлянъ,
Дабы не торжествовали дочери необрѣзанныхъ.
Горы Гелвуйскія! Да не снидетъ на васъ ни роса, ни дождь,
И да не будетъ полей съ плодами!
Ибо тамъ поверженъ щитъ сильныхъ,
Щитъ Саула.
Безъ крови убитыхъ, безъ тука сильныхъ
Лукъ Іонаѳана не возвращался,
И мечъ Саула не возвращался тощъ.

Не разлучились и въ смерти своей.
Быстрѣе орловъ,
Сильнѣе львовъ они были.
Дщери Израилевы! Плачьте по Саулѣ,
Который одѣвалъ васъ въ багряницу велелѣпно,
Украшалъ золотомъ ваши одежды.
    Какъ пали сильные на брани!
    Пораженъ Іонаѳанъ на высотахъ!
Скорблю о тебѣ, братъ мой Іонаѳанъ.
Ты былъ дорогъ мнѣ.
Любовь твоя ко мнѣ была сильнѣе любви женской.
    Какъ пали сильные,
    И погибли оружія брани!

Втор. Книга Царствъ. Гл. I. ст. 17—27.

2.—Плачъ пророка Іереміи, содержащійся въ особой книгѣ св. Писанія, такъ великъ и такъ извѣстенъ читающимъ это Писаніе, что я не считаю надобнымъ помѣщать его въ настоящемъ сочиненіи моемъ, и спѣшу сообщить иной плачъ евреевъ по Іерусалимѣ, рѣдко кому извѣстный.

3.—„На зарѣ я хочу посѣтить моихъ братьевъ, чрезмѣрно скорбящихъ; и желаю подойти къ святынѣ моей, дабы видѣть ужасающую развалину.

Пришелъ я, сталъ, и вижу: башни разметаны и стѣны разрушены; ничего не видать, кромѣ черной тьмы и пустоты. Слушаю и слышу: кукушка жалобно стонетъ, а воронъ каркаетъ, драконы и змѣи свищутъ ужасно: плотоядные звѣри рыщутъ вокругъ и воютъ отвратительно—страшно.

Я спросилъ своихъ братьевъ: гдѣ же миловидные, невинные младенцы?

Они, какъ голуби, подъ лезвеемъ отточенныхъ ножей.
Гдѣ чертоги янтарные среди кипарисовъ высокихъ? Гдѣ благо-

вонныя масти, и вина веселящія сердце, и цвѣты ненаглядные? Гдѣ дѣвы въ златошвейныхъ одеждахъ?

Красота ихъ погребена въ затворахъ темницъ.

Гдѣ скрижали закона и храмъ именитый? Гдѣ служеніе Богу, священство, левиты и проповѣдь? Гдѣ наши цари, нелицемѣрно хранящіе правду и нравовъ чистоту? Гдѣ вѣрующіе, тѣ что воспитаны въ лонѣ истины, и свѣтятъ, какъ луна, и сіяютъ, какъ солнце?

Одни заключили союзъ съ гробами, и жилища ихъ—недосязаемыя пропасти. Надъ ними уже ростутъ былія и мохъ, чтобы служить пажитію еленямъ и козочкамъ.—Другіе утромъ и вечеромъ цѣпенѣютъ отъ холода на морѣ, гдѣ не видятъ и конца своему плѣну и рабству. Сердца ихъ разбиты. Тѣла ихъ измождены. Корабли—имъ гробы, пучины—могилы, пути морскіе—стези къ небытію—Тамъ страхъ и ужасъ и бѣды. Тамъ никто не вопрошаетъ. и никто не отвѣчаетъ.—Иные обречены острому мечу и преданы позорной смерти. А младенцы? Кои изрублены, кои растоптаны, кои розданы чужимъ. Они явились на свѣтъ для закланія, для рабства.

Да умилосердится Отецъ щедротъ надъ сирыми, и расточенныхъ да соберетъ на святую землю! Ибо онъ великъ и высокъ. Онъ уничижаетъ и возвышаетъ, уязвляетъ и исцѣляетъ, отъемлетъ жизнь и возвращаетъ.

О, Боже! Возвратися въ твой градъ. Созижди твой домъ молитвы. Благоволи обитать въ жилищѣ твоемъ, и собери твое расточенное стадо.

Обновляяй мѣсяцы! Соедини святыхъ въ обновленномъ градѣ.

О, еслибы бы сей новый мѣсяцъ насталъ для благочестивыхъ, и если бы всесильный Богъ восхотѣлъ даровать его намъ!

4.—Читалъ я плачъ монаха Антіоха по случаю взятія и раззоренія Іерусалима Персами (614 году), но не успѣлъ перевесть его по русски.

5.—Прочтемъ же, вмѣсто его, плачъ святѣйшаго Фотія патріарха Цареградскаго, пролившаго пламенныя слезы, когда наши предки—Россы осаждали Константинополь въ 864 году.

„Горько мнѣ отъ того, что туча варваровъ, видя городъ нашъ засохшій отъ грѣховъ, увлажаетъ его кровями. Горько мнѣ отъ того, что я дожилъ до такихъ несчастій, отъ того, что мы сдѣлались *поношеніемъ сосѣдей нашихъ, подражненіемъ и поруганіемъ окружающихъ насъ* (Псал. 78, 4.). Горько мнѣ отъ того, что я вижу народъ жестокій и борзый, смѣло окружающій нашъ городъ и расхищающій предмѣстія его. Онъ раззоряетъ и губитъ все, нивы, жилища, пажити, стада, женщинъ, дѣтей, старцовъ, юношей, всѣхъ сражая мечемъ, никого не милуя, ничего не щадя. Погибель всеобща. Онъ какъ саранча на нивѣ, и какъ ржавчина на виноградѣ, или страшнѣе, какъ жгучій зной, тифонъ, наводненіе, явился въ странѣ нашей и сгубилъ жителей ея. Ублажаю погибшихъ отъ вражіей варварской руки; ибо они, мертвые, не чувствуютъ бѣдствій, постигшихъ насъ неожиданно. Но если бы у нихъ было чувство; то и они вмѣстѣ со мною оплакали бы оставшихся въ живыхъ: какъ они страдаютъ, какъ жизнь ихъ переполнена скорбями, какъ избѣжать ихъ не могутъ, и, когда ищутъ смерти, не находятъ ее.

„Гдѣ теперь царь Христолюбивый? Гдѣ оружія, машины, военные совѣты и приготовленія? Насъ губитъ явное истребленіе, однихъ уже постигшее, а другихъ постигающее. Этотъ Скиѳскій, жестокій и варварскій народъ, какъ дикій вепрь, расположился около города. Кто же за насъ выйдетъ на брань? Кто выстроится противъ враговъ, когда никого у насъ нѣтъ, и мы отовсюду стѣснены? Какіе плачевные причеты выразятъ наши

несчастія? Гдѣ взять намъ столько слезъ, сколько ихъ требуетъ множество постигшихъ насъ бѣдъ? Приди ко мнѣ сострадательнѣйшій изъ пророковъ и оплачь со мною Іерусалимъ, не тотъ древній матероградъ одного народа, разросшагося отъ одного корня въ двѣнадцать племенъ, но градъ всей вселенной, какую только озаряетъ христіанская вѣра, градъ древній, прекрасный, обширный, блестящій, многонаселенный, роскошный; оплачь со мною этотъ Іерусалимъ, еще не взятый и не падшій въ прахъ, но уже близкій къ погибели и расшатываемый подкапывающими его. Оплачь со мною царицу городовъ, которая еще не отведена въ плѣнъ, но у которой уже плѣнена надежда спасенія. Поищи воды для главы моей и слезныхъ источниковъ для очей моихъ, плачь со мною и причитай надъ нею: „какъ навзрыдъ она рыдала ночью, и слезы текли по ланитамъ ея, и нѣтъ утѣшителя ей; какъ грѣхомъ согрѣшилъ Іерусалимъ, и за то поколебался, и всѣ хвалившіе крѣпость его поглумились надъ нимъ; какъ Господь огонь послалъ въ кости его, и иго свое отягчилъ на выѣ нашей, и въ руки наши вложилъ болѣзни, которыхъ мы не можемъ стерпѣть. Плачь со мною; ибо изсякли слезы въ очахъ моихъ, потряслась вся внутренность моя, и поворотилось сердце мое отъ горькой горести. Извнѣ обезчадилъ меня мечъ, и врагъ разинулъ на меня пасть свою, заскрежеталъ зубами и сказалъ: *проглочу его*!

О, царьградъ! Какія бѣды столпились вокругъ тебя! И твоихъ утробныхъ чадъ и твои красивыя предмѣстія до самой крѣпости, и пристани моря, распредѣленныя жребіемъ по обычаю варваровъ, поядаютъ мечъ и огонь. О, благая надежда многихъ! Какая опустошительная гроза, и какое множество ужасовъ собралось вокругъ тебя, и унизило твою громкую славу! О, градъ, царь едва не всей вселенной! какое воинство ругается надъ тобою, какъ надъ рабою! Необученное и набранное изъ рабовъ! О, градъ, украшенный добычами многихъ народовъ! Что за—народъ вздумалъ взять тебя въ добычу? О, градъ воздвигшій многіе побѣдные памятники послѣ пораженія ратей Европы, Азіи и Ливіи! Какъ это устремила на тебя копье рука варварская и

черная и поднялась, чтобы поставить памятникъ побѣды надъ тобою? Ибо все идетъ у тебѣ такъ худо, что и необоримая сила твоя умалилась, какъ у больнаго отчаянно, и слабый и ничтожный непріятель смотритъ на тебя сурово, пытаетъ на тебѣ крѣпость руки своей, и хочетъ нажить себѣ славное имя. О, царица городовъ царствующихъ! Многихъ союзниковъ ты избавляла отъ опасностей, и многихъ, преклонявшихъ колѣна, защищала оружіемъ: а теперь сама ты обречена на истребленіе и лишена помощниковъ. О, красота и велелѣпіе досточтимыхъ храмовъ, величіе, изящество, и художественное убранство! О, ѳиміамъ, безкровная жертва и таинственная трапеза! О, жертвенникъ и алтарь неприступный и святый! Какъ это угрожаетъ тебѣ оскверненіе вражьими ногами? О, святость и вѣра совершенная и служеніе чистое! Какъ это разширяются на васъ уста нечестивыхъ и гордыхъ? О, сѣдина Іереевъ и помазаніе и святительство! О, храмъ мой, святилище Божіе, святая Софія, недреманное око вселенной! Рыдайте дѣвы, дщери Іерусалима. Плачьте юноши города Іерусалима. Горюйте матери. Проливайте слезы и дѣти, проливайте. Ибо тяжкія страданія и въ васъ возбуждаютъ сочувствіе. Плачьте о томъ, что умножились наши бѣдствія, и нѣтъ избавителя, нѣтъ помощника.

6.—Въ 1204 году Латины взяли Константинополь, произвели въ немъ изумительныя кощунства и неистовства. Это величайшее бѣдствіе оплакалъ пострадавшій тогда историкъ Никита Хоніатъ. Вотъ плачъ его:

О, городъ, городъ, око всѣхъ городовъ, предметъ рассказовъ во всемъ мірѣ, зрѣлище ненаглядное, кормитель церквей, вождь вѣры, путеводитель православія, попечитель просвѣщенія, вмѣстилище всякаго блага! И ты испилъ чашу гнѣва отъ руки Господней, и ты сдѣлался жертвою огня, болѣе лютаго, чѣмъ тотъ огонь, который низпалъ древле на пять городовъ! Что скажу о

тебѣ? Чему уподоблю тебя? *Преисполнился сосудъ* погубленія твоего, какъ говорилъ Іеремія, проливая слезы и печалясь о древнемъ Сіонѣ. (Плач. Іерем. 1, 13.) Какія злотворныя силы постигли тебя и сдѣлали тебя своею забавою? Какіе безбожные злодѣи, завистливые и безжалостные бѣсы наглумились надъ тобою своимъ дикимъ глумленіемъ? Увы. Ты былъ многочаденъ, облачался въ виссонъ и въ царскую порфиру; а теперь грязенъ, растрепанъ, обрѣченъ на всѣ бѣды и лишенъ собственныхъ своихъ дѣтей. Увы! ты прежде былъ высокопрестоленъ, шагалъ далеко и высоко, былъ величественъ по виду, достоинъ удивленія по красотѣ: а теперъ низринутъ; изорваны твои нарядные хитоны и пышные царственные уборы головные; потускъ веселый взоръ твой; и ты на старую стряпуху похожъ лицемъ своимъ, покрытымъ сажею, когда-то свѣтлымъ и радостнымъ, а теперь избороржденнымъ старческими морщинами. Я уже умалчиваю о томъ, что нѣкоторые люди, настроивъ лиру, воспѣваютъ твои несчастія, твою трагедію превращаютъ въ комедію за виннымъ столомъ, и какъ житейскимъ прибыткомъ пользуются комическимъ разсказомъ о твоихъ бѣдствіяхъ, пощечинахъ, пинкахъ, толчкахъ и синякахъ, кои достаются тебѣ ежечасно. По соизволенію свыше, въ неразумныхъ народахъ возникла зависть къ тебѣ, или, вѣрнѣе сказать, не въ народахъ, а въ незнатныхъ кочующихъ племенахъ, изъ которыхъ большую часть ты выростилъ и надѣлилъ животворнымъ просвѣщеніемъ. Кто же спасетъ тебя? Кто утѣшитъ тебя? Кто сжалится надъ тобою? Или кто посѣтуетъ о тебѣ? *Кто вопроситъ яже о мирѣ твоемъ*, говорю опять словами многослезнаго Іереміи, или кто облечетъ тебя въ прежнюю одежду? Когда услышишь ты свыше? воскресни, возстань піющій изъ сосуда гнѣва моего и изъ чаши погибели; облекись въ силу твою и въ славу твою, отряси прахъ и воспряни; сбрось цѣпи съ выи твоей; распространи мѣсто скиніи твоей и селеній твоихъ: не бойся, что ты посрамленъ, и не стыдись, что ты поруганъ, что *восплескаша руками о тебѣ вси мимоидущіи путемъ, позвиздаша и*

веселіе всея земли? (Плачъ Іерем. 2, 15.) *И како сѣде, яко вдовица, градъ умноженный людьми, и владяй странами бысть подъ данію?* (ibid 1, 2.) *Рече бо Господь твой; мало время оставихъ тя и съ милостію великою ущедрю тя. Во гнѣвѣ маль отвратихъ лице мое отъ тебе, и въ милости вѣчной помилую тя!* И воспоешь ли ты когда нибудь Богу, какъ Давидъ; *по множеству болѣзней моихъ въ сердцѣ моемъ, утѣшенія твоя возвеселиша душу мою?* (Псал, 93, 19.) Кто возстанетъ для тебя, какъ Моисей, чтобы воздвигнуть тебя, или кто явится, какъ Зоровавель, чтобы вывесть тебя? Когда ты сможешь *собрать чада свои отъ четырехъ вѣтровъ*, подъ которыми мы разсѣяны, какъ чадолюбивыя птицы собираютъ подъ свои крылья птенцовъ своихъ? А теперь мы не можемъ ни взглянуть на тебя вольно, ни ринуться въ объятія твои радостно, какъ въ объятія матери, и, какъ должно, выплакать надъ тобою слезы свои; но боязливо летая вокругъ тебя, какъ врабіи, у которыхъ изловлена мать и раззорено гнѣздо, мы жалобно и скорбно чирикаемъ, бывъ отогнаны далеко отъ твоихъ объятій, изнуряясь голодомъ и жаждою, зноемъ и холодомъ, страдая отъ нечистоты, истаявая душею въ бѣдахъ, не находя ни дороги, ни прежнихъ жилищъ своихъ въ городѣ, и носимся, блуждая, какъ птицы перелетныя, или кометы безслѣдныя... Почто поразилъ ты насъ Господи; и нѣтъ намъ избавленія? Знаемъ, Господи, грѣхи наши и неправду отцовъ нашихъ. Престань же по милости твоей; не погуби престола славы твоей. Накажи насъ, Господи, да не отступитъ душа наша отъ Тебя, накажи по правдѣ, но не во гнѣвѣ, не уничтожая насъ. Излей гнѣвъ твой на языки, невѣдущіе Тебя, и на народы, *иже не призваша имене твоего*, Господи! Господи, ты Отецъ нашъ: мы же прахъ. Ты творецъ нашъ и всѣ мы дѣло рукъ твоихъ. *Воззри, и виждь поношенія наша*. Наслѣдіе наше перешло къ иноплеменникамъ, домы наши къ чужеземцамъ. Обрати насъ къ себѣ, и обратимся. Обнови дни наши, какъ и прежде.

7.—Въ 1431 году пресловутый городъ Солунь взятъ былъ Турками. Это несчастіе было оплакано двумя греческими писателями, имрекомъ и діакономъ Іоанномъ Евгеникомъ, тѣмъ самымъ, который оплакалъ взятіе Константинополя Турками въ 1453 году. Передаю оба эти Плача въ русскомъ переводѣ, первый сокращенно, а вторый цѣликомъ.

Сочинитель перваго плача, начинающагося словами, Ἄνδρες ὅσοι τὰς τῶν συγγενῶν διαπεφεύγατε χεῖρας,—сперва расхваливаетъ прекрасное и здоровое мѣстоположеніе Солуня, плодородіе полей его, обширность, не уступающую многолюднѣйшимъ городамъ, крѣпость твердынь его, лихву торговли бо́льшую лихвы Египта, рынокъ, принимающій произведенія всей земли, обширную и безопасную пристань для торговыхъ судовъ; расхваливаетъ и гостепріимство Солунскихъ гражданъ, ихъ благотворительность, общественныя больницы, и особенно благочестіе, и множество, красоту и величіе ихъ храмовъ и монастырей. „Тамъ нѣтъ опредѣленныхъ часовъ для желающихъ молиться: напротивъ, святилища открыты днемъ и ночью, и въ нихъ всякій изливаетъ свои молитвы предъ Богомъ, когда можетъ и хочетъ. Тамъ о набожной щедрости и ревности Солунянъ свидѣтельствуютъ и изящество привѣсокъ и вкладовъ, и множество доходовъ, и непрерывность всенощныхъ бдѣній, и увлекательность пѣнія, и какъ бы музыкальный строй и порядокъ во всемъ...*) А всему этому содѣйствуетъ тотъ, который цѣлому міру извѣстенъ чудотвореніемъ своимъ (св. великомуч. Димитрій), который среди города почиваетъ и къ себѣ всѣ концы міра привлекаетъ, самый же городъ спасаетъ, гражданъ примиряетъ и предстательствуетъ о нихъ предъ Богомъ, а царей содѣлываетъ кроткими, на браняхъ же самъ предводительствуетъ и устрашаетъ враговъ. Что касается до риторовъ, философовъ и прочихъ ученыхъ мужей, то гдѣ бы кто

---

*) Ἡ τε λοιπὴ περὶ τὰ τοιαῦτα φιλοτιμία τε καὶ σπουδὴ; ἀναθημάτων κάλλη, καὶ πλῆθος προσόδων, καὶ παννυχίδων συνέχεια, καὶ αἱ τῶν ᾀδόντων ἴυγγες, καὶ ἡ διὰ πάντων ὥσπερ ἐν μουσικῇ ὁμολογία καὶ τάξις.

увидѣлъ сонмы ихъ. или многочисленнѣйшіе, или наилучшіе? Пребывая здѣсь, ты сказалъ бы, что живешь въ Аѳинахъ съ Димосѳеномъ и Платономъ.

Но все это уничтожилъ одинъ день, и съ города сорвалъ вѣнецъ его. О, откуда вошла въ міръ ссора? Откуда вторглось раздѣленіе? Какъ жители одного и того же города думаютъ, что не одна у нихъ польза, и поядаютъ другъ друга, и отечество свое обагряютъ кровію родныхъ? Они ярились и ходили на поклонъ царямъ, нисколько не лучшимъ народныхъ тиранновъ. Земля считалась нашею, а обработывалась для богачей. Море было заперто, и отворялось только тѣмъ городамъ, которые совершенно забыли свободу. А кому хотѣли досадить, надъ тѣмъ насмѣхались въ слухъ, какъ будто у самихъ не было начальства. Врачеваніемъ же золъ служили только кажденіе страстямъ съ возгласомъ „*дѣло уже кончено*".—Тѣ, которые судя по настоящему, предсказывали городамъ окончаніе напастей, отыскивали правителя самаго безпечнаго и однако находили, что онъ мужественнѣе Геркулеса, цѣломудреннѣе Пилея, умнѣе Ѳемистокла, хотя онъ былъ безсильный законодатель для людей мятежныхъ; а тѣ, которые сознавали свои проступки, затрудняли власть его. Вотъ почему Акрополь (верхнюю часть Солуня, самую крѣпкую) заняли люди умные, силою сдерживающіе буйную чернь, и къ сыну царя, цѣломудренному и кроткому и разумному отправили пословъ съ просьбою прислать имъ войско и занять ихъ городъ, взбѣсившійся на себя самого, и не могущій сберечь и отстоять свое существованіе. Тогда надлежало бы такимъ способомъ обаять судьбу, и не запинать воиновъ, несущихъ свободу: и вышло бы то, что городъ, вмѣсто стенанія, нынѣ веселился бы, граждане нынѣ ликовали бы (ἐχόρευον), а врагамъ Туркамъ досталось бы горе. Но нынѣ же все это, хорошо обдуманное, перевернула судьба, и какъ? Одни бѣгали безъ оглядки, другіе колебались; *) а когда знамена показались уже предъ воротами, тогда какой

*) οἱ δ' ἦσαν μετέωροι, можно перевесть: обдумывали предательство. Μετέωρος, dans Polybe, qui médite une défection.

то страшный демонъ овладѣлъ тѣми, которые во всемъ подобны ему; и они—то лукавыми и злыми рѣчами подстрекали издревле кровожадную чернь къ насыщенію. Иные, говорю съ Омиромъ, волновали море, и безъ нихъ волнуемое противными вѣтрами. А тѣ, которые готовились принять непріятелей, хотѣли защитить только себя самихъ. Къ тому же внутри города въ южной части его возникла иная бѣда: разведенъ былъ огонь у воротъ, и дымъ далеко отгонялъ шедшихъ на помощь. А извнутри отворены были ворота для убійцъ, которые, усилившись, облегчали непріятелямъ взятіе города. Ибо у воина отнимаемо было оружіе его; тотъ, кому привыкли повиноваться многіе, былъ задерживаемъ первыми встрѣчными; рабъ не признавалъ своего господина, и за то, что прежде былъ наказанъ справедливо, требовалъ удовлетворенія или оружіемъ, или деньгами; подлые и нищіе, сдѣлавшись господами, присудили богатымъ участь рабовъ, и связавъ ихъ, заперли въ темницахъ, не позволяя имъ и взглянуть на свѣтъ Божій, а того, кто оплакивалъ ихъ, убивали. О, городъ, раздѣлившійся на многія части, да и тѣ враждебныя другъ другу! О городское житье вѣроломнѣйшее всякаго моря! О! граждане... они трепетали, видя оныя фуріи, какъ будто всѣ уже обречены были на смерть, и одни изъ нихъ умирали (ἔπιπτον) отъ одного невыносимаго зрѣлища, а другіе прятались подъ кровати сосѣдей, нѣкоторые скрывались въ колодезяхъ, иные припадали къ жертвенникамъ, не находя другаго мѣста, которое избавило бы ихъ отъ страха. Были и такіе, которые жалѣли, что не умерли ранѣе, и раскрывали усыпальницы и могилы еще неистлѣвшихъ и зловонныхъ покойниковъ, дабы укрыться тутъ. А какой вой въ домахъ! Какой вездѣ шумъ и какая пыль! Тотъ, кто вчера рылся въ землѣ, чтобы найти хоть одну полушку, сегодня перерылъ весь городъ и разбогатѣлъ: а любитель роскошныхъ вечеринокъ утолялъ свою жажду уже изъ криницъ... Злодѣи выводили гражданъ изъ домовъ въ однѣхъ рубашкахъ, и

нялъ господина своего, какъ вьючное животное, а тамъ мужикъ гналъ военачальника, земледѣлецъ воина. О, городъ, въ которомъ совершались такія ликованія въ угодность завистливымъ демонамъ! О, стѣны! какихъ умирающихъ видѣли ваши башни! Такихъ, которые послѣ своихъ побѣдъ надъ врагами терпѣли то, чего не терпятъ и побѣжденные! Вотъ, эти взводили на стѣны связанныхъ по рукамъ, какъ связываютъ злодѣевъ: а сіи падали духомъ, видя наступающую кончину. Другіе же ободряли разслабѣвшихъ отъ страха.. Иные вспоминали, гдѣ ихъ деньги. Нѣкоторые только въ настоящемъ случаѣ были великодушны. Сіи припоминали своимъ мучителямъ то добро, которое они дѣлали. А эти сердились вспоминая свои, заслуженныя, страданія. Были поиски въ домахъ, подземельяхъ, пещерахъ, гробахъ, вездѣ, гдѣ только можно было скрыть что либо. И вотъ, одни были схвачены и отведены въ темницы, а тѣ, которые видѣли ихъ, сами бросались со стѣнъ города, какъ города враждебнаго, ободряя себя хоть тѣмъ, что погибли не какъ злодѣи.. Вездѣ вой и слезы влекомыхъ, бѣгущихъ, попираемыхъ, отыскиваемыхъ, закалаемыхъ. О, какая пѣснь и какимъ бѣдствіямъ городовъ можетъ приравнять все это? Какіе поэты воспоютъ пѣсни, выражающія такія злосчастія? О, солнце все зрящее! Никогда ты не видало ничего подобнаго.. Вотъ у этого разбита голова, а у сего вытекъ мозгъ; тому распороли чрево и искали въ немъ того, на что и смотрѣть не подобаетъ; сему отрубили ноги; у одного хребетъ извлекли, а у другаго внутренности выняли руками. Кто падалъ сверху, тотъ, не достигнувъ земли, попадалъ на мечи и на нихъ умиралъ. Объ умершемъ никто не заботился, а на тѣхъ, которые еще дышали, всякая рука налегала. Всѣ же гибли всѣми способами... трупы лежали на трупахъ. Черепъ, кровь и пыль, внутренности и камни, мясо, жилы, колья, и члены тѣлъ, все это было перемѣшано. О, палачи! О, скверныя души! О, сквернѣйшія руки! Какъ не разслабѣли вооружившіеся на братьевъ и друзей, за которыхъ надлежало бы умирать? Какъ первый, умершій, не остановилъ ихъ буйства? Какъ вто-

рый не потушилъ ихъ ярости? Какъ они, видя смерть третьяго, не сокрушились въ душѣ, напротивъ, соперничали въ невозмущаемомъ равнодушіи къ страданіямъ человѣческаго естества? О, что еще присовокупить къ сему? Кадміева побѣда, Лимносскія бѣды, всѣ прочія напасти миѳомъ покажутся въ сравненіи съ нашимъ злосчастіемъ“.

Весьма замѣчательно это плачевное повѣствованіе о томъ, что происходило въ Солунѣ предъ самымъ взятіемъ сего укрѣпленнаго города Турками. Ежели эта кровавая и ужасная драма не преувеличена повѣствователемъ, то, прочитавъ ее, задумаешься и не придумаешь, чѣмъ бы можно было, если не уничтожать, то ослаблять звѣрскіе инстинкты темной, подлой и буйной черни, таящіеся въ ней подъ гнетомъ рабства, нищеты и отупѣнія, и какъ прочнѣе надлежитъ уравновѣшивать взаимныя отношенія согражданъ. А надобно сказать, что вездѣ въ основу гражданственности не положена математика государственная! Вездѣ живется, какъ придется, а не какъ Богъ велитъ и чистый разумъ подсказываетъ! Дай свободу: обратятъ ее въ своеволіе. Обуздай своеволіе: затаятся звѣрскіе инстинкты. Начни учить: умъ за разумъ зайдетъ. О, Господи! спаси насъ, имиже веси судьбами.

Послѣ этой молитвы послушаемъ: какъ оплакалъ взятіе Солуня уже знакомый намъ діаконъ Іоаннъ Евгеникъ.

8. И ты по истинѣ прекраснѣйшій и священнѣйшій городъ потерпѣлъ тяжкое пораженіе? Увы мнѣ. Что за печальное извѣстіе! Что за горестное зрѣлище, острѣе всякаго меча пронзающее душу и сердце и проникающее, какъ говорится, до костей и мозговъ! Ахъ, время изваяло тебя, какъ велелѣпную статую, и потомъ? подвергло такому несчастію, для котораго нѣтъ словъ, нѣтъ плачевнаго пѣснопѣнія. О, злополучный родъ нашъ! Что и что мы нынѣ потерпѣли? О пораженіе всѣхъ постигшее, и на всѣ души и сердца спадшее съ неба, какъ другой потопъ, или всеобщее разрушеніе, или всемірная язва! О, Ромейскій народъ, нѣкогда издавна именитый! Что за бѣдствіе увидѣлъ ты нынѣ? Оне величіемъ своимъ превосходитъ всѣ прежнія несчастія,

такъ какъ сей городъ, единый и единственный, наилучшій и дивный, и всѣ другіе города послѣ столицы превосходящій мудростію и благочестіемъ и добродѣтельностію, наконецъ подпалъ подъ иго нечестивыхъ, и увидѣлъ день рабскій, и сдѣлался добычею брани и меча — О, великомученикъ Христовъ Димитрій, всегда пребывавшій въ семъ городѣ и многократно избавлявшій его отъ опасностей, въ которомъ ты родился и воспитанъ и за Вѣру пролилъ блаженную кровь твою, и какъ рѣка приснотекущая изъ Едема орошалъ концы вселенной, всеобщій благодѣтель и избавитель и помощникъ, изъ сего города всѣмъ являющійся, какъ ты потерпѣлъ такое злосчастіе его? Какъ не остановилъ ты общаго всѣмъ врага и губителя, и супостата и дракона Ассирійскаго, лютаго тиранна, который расположился въ немъ подобно дикому вепрю? Какъ не пресѣкъ ты ему путь и не защитилъ Христово и твое достояніе отъ такихъ и толикихъ золъ, но попустилъ сожечь городъ огнемъ и раскопать! Но напрасно я говорю это. Вѣдь: множество тяжкихъ грѣховъ нашихъ—причиною всему этому. Они то и тебя, человѣколюбивѣйшаго Владыку и всѣхъ Бога, пріудержали отъ обычной милости. За грѣхи мы покинуты, и нынѣ, какъ и прежде, потерпѣли тмочисленныя бѣды. За грѣхи жалкимъ намъ посылаются и брани, и пораженія, и глады, и горькія смерти, изгнанія и переселенія и разграбленія, и все, что древле у Іудеевъ оплакалъ сострадательнѣйшій изъ пророковъ Іеремія. Жаль мнѣ города наилучшаго по мѣстоположенію, виду, красотѣ и величинѣ, въ строеніи котораго нѣтъ излишества, нѣтъ и недостатка, напротивъ вездѣ во всемъ симметрія и стройность. Жаль мнѣ отрокованія *) и философіи и краснорѣчія, и священнаго и честнаго монашества, нынѣ поругаемаго и уничтожаемаго нечестивыми. Жаль мнѣ священнѣйшаго между городами Солуня, который вполнѣ и благородно сохранилъ завѣтъ апостола Павла и былъ чуждъ всякаго еретическаго мрака. Увы мнѣ! Что первое оплачу, что второе

*) Обученія отроковъ и юношей.

и что потомъ? Наилучшій порядокъ гражданскій и тамошнихъ умныхъ людей? Изобиліе всего необходимаго и роскошнаго, почти невѣроятное для другихъ? Наилучшее распредѣленіе времени? О велелѣпіе храмовъ и обширность, и благоустройство укромниковъ (монастырей) и доброе житіе и рвеніе подвизающихся въ нихъ къ добродѣтельности! О, священнѣйшіе сосуды священныхъ храмовъ и иконы досточтимыя съ образомъ Владычнимъ и съ ликами Святыхъ! О, священные вездѣ гимны и пѣснопѣнія во славу Божію! Какъ все умолкло и изчезло, и замѣнилось криками безбожныхъ и всѣмъ тѣмъ, чѣмъ услаждается человѣкоубійца сатана! Да дастъ мнѣ кто либо источники приснотекущихъ слезъ, или, и токи кровей, и голосъ оглашающій всю вселенную даже до концовъ ея, и наипаче соотвѣтственный настоящему несчастію. Нынѣ, по истинѣ, святыни отданы псамъ, и сквернымъ—страшныя и божественныя таинства. О, несчастіе, невыразимое никакимъ сильнымъ языкомъ и словомъ! Дѣвы, посвященныя Богу, и съ дѣтства упражнявшіяся въ любомудріи, и не смѣвшія даже посмотрѣть на лицо мущины, отданы невѣрнымъ. И что бы кто сказалъ объ этомъ? Мнѣ кажется, что и бездушныхъ естество содрогнулось бы, еслибъ увидѣло сіе и еслибы кто вложилъ въ нихъ сочувствіе къ нашимъ страданіямъ. Что касается до другихъ, то одни изъ нихъ усѣчены мечемъ, другіе—закованы, нѣкоторые принуждены къ отрѣченію отъ Вѣры. Отецъ разлученъ съ сыномъ, сынъ съ отцомъ, мать съ дочерью, братъ съ братомъ, мужъ съ женою, и всѣ, разрозненные, нехотя слѣдуютъ за тѣми, которые ведутъ ихъ. Дѣло и зрѣлище, по истинѣ, жалкое. Молніи и громы, вихри, градины и угли огненные, рекомые Давидомъ, какъ все это не упало на нечестивыхъ? О, страданіе невыносимое? О, печаль безъутѣшная? Ужели смерть Добраго Пастыря была предзнаменованіемъ и, сказалъ бы кто, предисловіемъ ужасовъ грядущихъ? Ты же, все зрящее солнце, какъ ты не ужаснулось, видя такое страданіе, какъ нѣкогда сдѣлало это, видя Владыку на крестѣ? Какъ ты, оставивъ подземныя прост-

въ который погибъ Солунь? Какъ не потряслась земля? Какъ не прекратилось неустанное движеніе Неба? Какъ не треснули камни? Какъ не распались города? Какъ не исчезло все существующее? О, черныя облака, и тьма, и омраченіе воздуха, и смѣшеніе всего, соотвѣтствующія нашему несчастію! Это оплакивалъ древній пророкъ, говоря: *„закатится у нихъ солнце въ полдень, и день помрачится.“* Благовременно теперь сказать: пошлите за плакальщицами, и пусть онѣ придутъ, и за вѣщуньями, и пусть онѣ вѣщаютъ. Да источатъ наши очи воду, и съ рѣсницъ нашихъ да каплютъ слезы. Холмы начните сѣтовать и горы плакать. Да плачетъ Ѳракія и Ѳессалія и вся Европа, лишившись такого прекраснаго ока, такого цвѣтка и такой главизны имъ самимъ! Ибо ни съ настоящими городами, ни съ имѣющими быть не сравнится Солунь, подпавшій подъ власть невѣрныхъ и общихъ враговъ. Да плачетъ всякій островъ и всякій материкъ! Да плачутъ твердыни, и города, и села, и вертограды и поля, и юдоли и лѣса, и горы ближнія и дальнія.—Веселятся нынѣ варвары, общіе враги и губители рода (нашего); ликуютъ Агаряне, пляшутъ, хлопаютъ, поютъ, и бѣсятся на насъ, какъ звѣри лютые. А мы унижены, умалены, жалки, какъ разслабленные и лишенные всего, денегъ, имуществъ, бодрости, славы, городовъ, наилучшихъ мужей, на подобіе тѣла, у котораго постепенно отсѣкаютъ руки, ноги и прочія части, и которое съ склоненною къ груди головою ожидаетъ усѣкновенія. Какими же союзниками и помощниками мы воспользуемся? Какою силою ободримся? Какой городъ, какое племя поможетъ намъ? Все у насъ потеряно теперь. Нѣкогда Іерусалимъ плѣнилъ и раскопалъ, сперва, Навуходоносоръ, потомъ Титъ. Тебя же, наилучшій и почетнѣйшій изъ городовъ, погубилъ лютѣйшій ихъ тираннъ, отнявъ у тебя все изящество благочестія и прочихъ благъ, и снявъ съ тебя вѣнцы, какъ съ наилучшей невѣсты! Рахиль оплакивала чадъ своихъ и не хотѣла утѣшиться. Ты же, какъ бы ты достойно оплакалъ чадъ своихъ? Чѣмъ бы могъ быть утѣшенъ? Содомъ сожженъ былъ странно, но за грѣхи неизлаголанные. Никомидія

ниспровержена, а вскорѣ послѣ нея—Антіохія, и другіе многіе города: но изыскатель нашелъ бы причины тому. Ты же, что такое сдѣлалъ ужасное и достойное такихъ золъ? Преданы забвенію всѣ прежде бывшія (въ мірѣ) страданія: а о твоихъ пойдетъ молва: ты теперь поводъ къ разсказамъ, величайшій предметъ пѣснопѣвцовъ и писателей, а наипаче всеобщихъ разговоровъ; да и мы во всю жизнь будемъ оплакивать тебя и орошать слезами, хотя бы отъ чрезмѣрнаго страданія и отъ сознанія величайшаго несчастія превратились и въ другое естество подобно Ніобѣ и Иліадамъ у Еридана и другимъ, которые въ миѳахъ превращены были въ дерева, камни и птицъ.

9 и 10.—Въ 1453 году Константинополь палъ подъ ударами Турковъ. Это бѣдствіе оплакано было, кромѣ діакона Іоанна Евгеника, Геннадіемъ Схоларіемъ патріархомъ отуреченнаго Цареграда, и какимъ то безвѣстнымъ поэтомъ. Оба эти Плача я читалъ въ святогробской рукописи подъ названіемъ: Χρησμολόγιον μητροπολίτου Γάζης Παϊσίου αχνς έτους: *Сборникъ прорицаній, собранныхъ и изложенныхъ Газскимъ митрополитомъ Паисіемъ въ 1656 году*.

Плачъ Геннадія.

„Вспомните братія и отцы: каковъ былъ родъ нашъ. Онъ былъ родъ мудрый, славный, доблестный, мужественный, обладавшій всею вселенною.... а нынѣ, увы, весь погибъ. Ибо плѣненъ Константинополь... осквернены жертвенники, попраны святилища, пролиты потоки крови, осквернены монахини, растлѣны дѣвицы, обезглавлены младенцы... Увы мнѣ злополучному! Кто сможетъ воспѣть великое сіе страданіе? Увы! Гдѣ царская торжественность? Гдѣ придворная стройность? Гдѣ училища мудрости? Увы мнѣ жалкому! Гдѣ патріаршее управленіе? Гдѣ красота́ Христовой церкви?... Все это совершилось за грѣхи наши; и когда я вспомню о всемъ этомъ, не узнаю себя самаго (ἄλλος ἐξ

† Θρῆνος τῆς Κωνςαντινοπόλεως ἀνωνύμου ποιητοῦ.

Ὁ νοῦς μου καὶ ὁ λογισμὸς συγχίζεται νὰ γράψῃ,
να ςιχοπλέξῃ ἀςωχεῖ τὴν ἅλωσιν τῆς πόλης.
Ἐσεῖς βουνᾶ θρηνήσετε καὶ πέτραι ῥαγισθῆτε.
Καὶ ποταμοὶ φυράσετε, καὶ βρύσαις ξερασθῆτε.
κ. τ. λ.

Умъ мой и смыслъ не знаетъ, какъ описать,
Недоумѣваетъ, какъ остихотворить плѣненіе города.
Вы горы восплачьте, и камни разсѣдайтесь,
И рѣки окаменѣйте и источники изсохните,
и проч.

Кромѣ всѣхъ этихъ, такъ сказать, *политическихъ* плачей извѣстны заунывные плачи духовные, покаянные, монашескіе. Познакомимся и съ ними хоть немного.

11)—Плачъ грѣшнаго монаха Ксена о собственной душѣ. (Въ пергаминной рукописи Иверской, 1299 года, содержащей Житіе Василія новаго, написанное по гречески ученикомъ его Григоріемъ.)

Стихомѣрный разговоръ тѣла и души.

Тѣло:—Какъ это спокойна ты, и не печалишься,
И не радишь душа моя;
И не думаешь о томъ злѣ,
Которое сдѣлала ты въ мірѣ?

12)—Плачи на всякъ вечеръ, блаженныя памяти инокомъ Ѳикарою святогорцемъ *) собранныи отъ божественнаго писанія, множайше же отъ святаго Ефрема.—(Смотр. Брашно духовное, напечатанное въ нашемъ Иверо—Валдайскомъ монастырѣ въ 1661 году.)

*) Онъ жилъ послѣ взятія Константинополя Турками въ 1453 году, жилъ ранѣе 1551 года, намѣченнаго на Аѳонорусsиковской рукописи, содержащей плачи Ѳикары, жилъ, какъ сказано въ другой подобной рукописи, *въ послѣдніе дни сіи*, ἐν ταῖς ἐσχάταις ἡμέραις ταύταις.

Плачъ въ Недѣлю, вечеромъ.

Яко предъ страшнымъ ти судищемъ, Господи, стоя осужденный азъ... нынѣ зову со трепетомъ и слезами. Праведенъ еси судіе праведнѣйшій, и праведенъ судъ твой; нѣсмь бо обиженъ. Блазіи святѣйшіи ангели о мнѣ не проливайте слезъ: азъ бо себе самъ не помиловахъ, Божію презрѣвъ милость... Увы мнѣ, душе страстная, нага сущи благихъ дѣлъ, како узриши судію неумытнаго;... судъ бо тамо не милостивъ будетъ не сотворшимъ здѣ милости. Како тогда реку; душе рыдаяй, и нѣсть нигдѣ же избавляяй: виждь своя согрѣшенія, виждь долги. Донели же время имаши, воздохни, прослезися, яко да прегрѣшеній своихъ пріимеши оставленіе... Душе умилися, страстей разлучися, и уже въ покаяніи жити потщися... и проч.

Плачъ въ Понедѣльникъ, вечеромъ.

Пріими моленіе скверныхъ и нечистыхъ устъ Владыко всѣхъ человѣколюбче Іисусе Христе, и не возгнушайся мене, яко недостойна суща и неразумна... Исповѣдаю ти, Господи Спасе міру, всякую горесть мою, лукавство, безсловесіе... отъ перваго возраста быхъ раздражатель, неусерденъ во благое, всякія злобы изобрѣтникъ, всякаго грѣха состроитель... Се рыданіе, се плачъ, поношеніе и стыдъ, яко азъ оковахся моими хотѣніи: могій бо сокрушити узы во единомъ мгновеніи, не хощу сіе творити, слабостію одолѣваемъ. Сіе паки есть лютѣйше, яко азъ сообщаюся волямъ врага моего: вяжетъ мя, и умерщвляюся страстьми, о нихъ же той радуется, могій же сокрушити узы, не хощу: могій избѣжати сѣтей, не изволяю. Есть ли убо горчайшее что плача сего и рыданія... Рыдаю и воздыхаю о сихъ на всякъ день, и въ тѣхъ же страстехъ обрѣтаюся связанъ окаянный и страстный азъ.. отвнѣ говѣю со тщаніемъ, а внутрь мерзость есмь предъ Богомъ. Услаждаю мою рѣчь человѣкомъ, горекъ сый самъ и лукавъ произволеніемъ... Но припадаю къ тебѣ

Плачъ во вторникъ вечеромъ.

Увы мнѣ. Въ коемъ зазорѣ стою; въ коемъ студѣ возлежу; о безстрастіи бесѣдуяй, скверныя страсти въ себѣ имамъ. О чистотѣ испускаяй словеса, о студодѣяніи помышляю. Увы мнѣ, увы мнѣ! Каково истязаніе мнѣ соблюдается?.. Плачитеся о мнѣ преподобніи и праведніи въ страстѣхъ и грѣсѣхъ зачатомъ. Плачитеся воздержанія дѣлателіе о мнѣ чревообъядникѣ и сластолюбцѣ...

Плачъ въ среду, вечеромъ.

Душа моя болитъ, и очи мои желаютъ слезъ. Согрѣшила еси душе, покайся: се бо дніе наши преходятъ, яко сѣнь. Не отлагай день отъ дне, обратитися ко Господу. Умилися душе моя, умилися о всѣхъ благихъ, яже пріяла еси отъ Бога, и не сохранила еси.. Увы мнѣ грѣшному, яко осквернихъ и присно оскверняю чистоту сердца моего... Умножишася грѣси мои, Господи, и присно множатся, и нѣсть конца множеству ихъ: и кто о мнѣ восплачется, или помолится. Самъ точію Спасе мой, своею благостію умоляйся, призри въ милости на мя окаяннаго. Како умолю тя, Владыко, яко уста моя исполнихъ руганія; или како воспою тя, яко совѣсть моя осквернися: или како возлюблю тя, яко страстемъ поработихся; или како вселится въ мя истина, яко лживъ есмь самъ... и проч.

Плачъ въ четвертокъ, вечеромъ.

Се паки припадаю дверемъ моего Владыки, моляся, прося, кланяяся и вопія со страхомъ: услыши, о Владыко, плачъ мой и пріими глаголы моленія моего, яже приношу грѣшный прося. Излѣй на мя окаяннаго малую каплю обращенія милостію, и просвѣти мою душу благодатію своею, да имамъ хотя малъ успѣхъ во еже исправити себе: аще бо благодать твоя не просвѣтитъ мою душу, не могу разумѣти сущее во мнѣ нерадѣніе. Увы мнѣ, яко предваривъ грѣхъ и пажить во мнѣ обрѣтъ, на всякъ часъ убиваетъ, попираетъ и погружаетъ мя, и прогнѣвити Бога не престаю окаянный, не бояся огня онаго негасимаго. Обычай бо пріемъ грѣхъ, влечетъ мя въ безконечную погибель. Самъ ся обличаю и не

престаю исповѣдатися, но паки пребываю въ злыхъ; и видя не зрю, понеже каяся согрѣшаю... Увы мнѣ, мертвъ есмь, живъ сый: слѣпъ, видяй: быхъ яко песъ, человѣкъ: и разумный, яко скотъ пріемлюся. Помилуй себе, о душе, потщися прежде осужденія, понудися прежде разлученія, да не будемъ внѣ затворени со буими дѣвами... Пріиди въ себе, о душе: убойся Бога: угоди ему во всѣхъ добродѣтелехъ: возлюби своего Бога, и иди въ путь его благороднѣ...

Плачъ въ пятокъ, вечеромъ.

Душа прискорбная приступаетъ къ тебѣ, святый Владыко, и со слезами приповѣдаетъ ти о губителѣ врагѣ, и съ смиреніемъ припадаетъ молящи тя о стужающемъ ей супостатѣ: понеже убо несумнѣнно къ тебѣ приходитъ, услыши ю вскорѣ: и прибѣгшую къ тебѣ любезно посѣти прилѣжно: аще презриши ю прискорбну, погибе: аще замедлиши услышати ея тугу, исчезе: аще же ради щедротъ своихъ посѣтиши ю, обрѣтается: аще призриши на ню, спасается: аще услышиши ю, возмогаетъ: не презри ю, да не мнитъ врагъ, яко отпустну книгу далъ еси ей: не помяни моихъ злыхъ раздраженій, ими же азъ раздражихъ благодать твою, о Владыко многомилостиве: и не сотвори по всѣмъ дѣломъ моимъ, но паче даруй ми грѣшному годину малу, да обрящу время покаянія истиннаго, человѣколюбче благій... и проч.

Плачъ въ субботу, вечеромъ.

Нынѣ еще и днесь срамленнымъ лицемъ и къ земли преклоншимся дерзаю глаголати къ Владыцѣ ангеловъ и зиждителю всѣхъ: азъ же есмь земля и пепелъ, поношеніе человѣкомъ и уничиженіе людемъ, червь по истинѣ, а не человѣкъ, зазоренъ сый весь и скорбенъ, и сѣтованія исполненъ. Како возрю къ твоей благодати, Владыко; коимъ сердцемъ; коею совѣстію; кой языкъ нечестивый и скверный дерзну двигнути; како же начало сотворю моего исповѣданія; выше мѣры окаянный имя твое раздражихъ, и паче блуднаго блудно жихъ... Увы мнѣ, Господи, яко долготерпѣніе твое злѣ изнурихъ. Увы мнѣ, яко во многихъ лѣтѣхъ оскорбихъ Духъ твой святый: Увы мнѣ, яко время жи-

вота моего претече во всякомъ суетствіи. Но ты, Господи, не яростію твоею обличи мене... Помилуй мя созданіе свое, милостиве, обрати мя туне благодатію твоею. Вѣмъ бо, яко вся можеши. Но пожди моего растлѣннаго произволенія, яко не имамъ усердія во еже исправити себе. Плачися о мнѣ всякое естество видимое и невидимое, въ грѣсѣхъ и страстѣхъ состарѣвшемся: плачитеся мене, зрящихъ ради цѣломудрствующа, внутри же присно блудяща. О, душе окаянная, приближися твое еже отъ тѣла разлученіе, вскую въ тѣхъ вселишися, яже днесь имаши оставити...

Вотъ повременные образцы словесности плакущей! Но вотъ и другія новости, найденныя въ Пандектахъ Иверской библіотеки, новости священныя:

IX.

Нонна Панопольскаго поэта стихотворное переложеніе евангелія Іоанна. Символъ Вѣры апостольскій на греческомъ языкѣ.—Разговоръ Ѳеоріана съ Армянскимъ Каѳоликосомъ.—Изъясненіе Ірмосовъ Ѳеодора Продрома.

Въ большомъ Пандектѣ, кромѣ Омирокентровъ, сочиненныхъ епископомъ Патрикіемъ и исправленныхъ царицею Евдокіею, читается—Νόννου ποιητοῦ Πανοπολίτου μεταβολὴ τοῦ κατὰ Ἰωάννην ἁγίου Εὐαγγελίου, *Нонна Панопольскаго поэта преложеніе св. евангелія отъ Іоанна*:

Νόννος ἐγὼ. Πανὸς μὲν ἐμοὶ πόλις· Ἐν Φαρίῃ δέ ἔγχεῖ Φοινήεντι γονὰς ἤμησα γιγάντων: Я, Ноннъ. Городъ мой Паносъ. Но родился я въ прибрежной Фарѣ Финикійской. *)

„Ἄχρονος ἦν· ἀκίχητος· ἐν ἀρρήτῳ Λόγος ἀρχῇ. Ἰσοφυὴς. Γενετῆρος
ὁμίληχος Υἱὸς ἀμήτωρ.

---

*) Эта Фара есть предмѣстіе города Лаодикіи (нынѣ Латакія) въ Сиріи у берега Средиземнаго моря. Я былъ тутъ въ 1849 году.

Καὶ Λόγος αὐτοφυτοίο θεοῦ φῶς· ἐχ φάεως φῶς· Πατρὸς ἔην ἀμέριςος·
ἀτέρμονι σύνθρονος ἕδρῃ
Καὶ θεὸς ὑψιγένεθλος ἔην Λόγος· οὗτος ἀπ' ἀρχῆς ἀεννάω συνέλαμπε θεῷ,
τεχνήμονι χόσμου.
Πρεσβύτερος χόσμοιο... χ. τ. λ.

Безлѣтно было, непостижимо, Слово, въ неизглаголанномъ началѣ:
Это равноестественный совѣчный Родителю сынъ безматерній.
И Слово было самородный свѣтъ Бога, отъ Свѣта свѣтъ: отъ
Отца нераздѣльный, на безпредѣльномъ сѣдалищѣ сопрестольный.
И Богъ верховносущій было Слово. Оно искони совозсіяло вмѣ-
стѣ съ вѣчнымъ Творцомъ міра.
Старше міра... и проч.

Начало сего стихотворнаго Ноннова преложенія евангелія Іоанна до словъ—*благодать же и истина Іисусъ Христомъ бысть,*—нараспѣвъ читается въ Іерусалимѣ въ часъ вечерни перваго дня Пасхи, и называется тамъ евангеліемъ *ироическимъ*. Я въ 1844 году слышалъ это чтеніе въ тамошней церкви Константина и Елены, устроенной на крышѣ святогробскаго храма, но никакъ не могъ перенять и заучить необыкновенный и извивистый распѣвъ его. Все же Нонново преложеніе названнаго евангелія, печатное, прочтено было мною въ Одессѣ въ 1843 году предъ отъѣздомъ въ Палестину. Хорошій поэтъ былъ этотъ Ноннъ, и большой знатокъ языка Омировскаго. Помню, какъ онъ протолковалъ 3-й и 4-й стихи второй главы евангелія Іоанна: *„и какъ не достало вина, то матерь Іисуса говоритъ Ему: вина нѣтъ у нихъ. Іисусъ говоритъ ей: что мнѣ и тебѣ, Жено? еще не пришелъ часъ мой“*. На еврейскихъ свадьбахъ у званныхъ гостей былъ обычай *поочередно* ставить вино на столъ на свой счетъ. Марія матерь Іисуса, недождавшись череды сына своего, просила его исполнить свадебный обычай. Но онъ сказалъ ей, что еще не пришла череда его. Замѣчательно сіе толкованіе. Оно заимствовано изъ житейскаго быта: и потому вѣришь ему

Въ маломъ панѳектѣ подъ № 209 помѣщенъ Символъ святыхъ и всехвальныхъ апостоловъ на греческомъ языкѣ, съ показаніемъ: какой членъ его какимъ апостоломъ сказанъ былъ.

Πέτρος.	Петръ:
Πιςεύω εἰς ἕνα θεὸν· πατέρα. παντοδύναμον· ποιητὴν οὐρανοῦ καὶ γῆς.	Вѣрую во единаго Бога Отца всемогущаго творца неба и земли.
Ἀνδρέας·	Андрей:
Καὶ εἰς ἰησοῦν χριςὸν, τὸν υἱὸν αὐτοῦ....	И въ Іисуса Христа, сына его....

Этотъ Сѵмволъ, не знаю почему, не былъ списанъ мною весь сполна. Крѣпко жалѣю объ этомъ, и будущихъ посѣтителей Аѳона прошу продолжить и докончить начатую мною работу сію, дабы ученые впредь не молвили, что апостольскій Сѵмволъ уцѣлѣлъ тольло на латинскомъ языкѣ.

— Изъ того же многосодержательнаго панѳекта цѣликомъ выписаны мною: *весьма длинный* богословскій разговоръ греческаго магистра Ѳеоріана съ Армянскимъ каѳоликосомъ Нерсессомъ, и приложенныя тутъ два письма, одно греческаго царя Мануила къ сему каѳоликосу, а другое каѳоликоса къ царю. Эта переписка и разговоръ происходили въ маѣ мѣсяцѣ 1170 года въ пограничномъ укрѣпленіи (Κουλᾶ). Вся эта статья въ высшей степени занимательна и *догматически* превосходна. Я пріобщилъ ее къ своей статистикѣ Армянской Церкви, надѣясь когда либо перевесть ее по русски. А здѣсь теперь предлагаю лишь немногія выдержки изъ Твореній св. Отцовъ Церкви, поясняющія догматъ о двухъ естествахъ въ единомъ Богочеловѣкѣ, тѣ самыя выдержки, кои Ѳеоріанъ предлагалъ Нерсессу.

„Св. Кириллъ александрійскій въ своемъ первомъ посланіи къ Сукенсону писалъ: Говорить, что тѣло преложилось въ естество божества, безразсудно такъ же, какъ безумно говорить, что Слово преложилось въ естество плоти: Какъ сіе послѣднее преложеніе не сбыточно, потому что Богъ—Слово неизмѣняемъ и непреложенъ, такъ и первое. Ибо невозможно привносить въ

существо Божества что либо сотворенное. А плоть есть творенiе“.

Сей же отецъ Церкви во второмъ посланiи къ Сукенсону выразилъ: „Представляя въ умѣ способъ воплощенiя, видимъ, что два естества сочетались и соединились нераздѣльно, неслiянно, неизмѣнно. Ибо плоть есть плоть, а не божество, хотя и стала плотiю Бога: такъ же и Слово есть Богъ, а не плоть, хотя и воплотилось по смотрѣнiю своему. И такъ когда мы представляемъ сiе въ умѣ, не мыслимъ неправильно, выражаясь, что отъ сочетанiя двухъ естествъ произошло единство. Ибо мы послѣ соединенiя не отдѣляемъ естествъ одно отъ другаго и не разсѣкаемъ единаго нераздѣльнаго Сына, какъ и отцы изрѣкали едино естество Слова воплощенное. Итакъ сколько доступенъ уму и духовному воззрѣнiю способъ вочеловѣченiя (Сына) единороднаго, мы исповѣдуемъ два естества, но единаго Христа и Господа и Сына, Слово Бога вочеловѣчившееся и воплотившееся“.

Въ томъ же посланiи Онъ писалъ: Кто говоритъ, что Господь пострадалъ одною лишь плотiю, тотъ страданiе его дѣлаетъ бездушнымъ и недобровольнымъ. Кто же сказалъ бы, что онъ страдалъ и разумною душею, дабы страданiе было вольное, тому ничто не препятствуетъ говорить, что онъ пострадалъ естествомъ человѣческимъ. А ежели это истинно, то *какъ не признать нераздѣльнаго существованiя двухъ естествъ по соединенiи ихъ?* Итакъ, кто говоритъ, что Христосъ пострадалъ за насъ плотiю, тотъ нечто иное говоритъ, какъ то, что онъ пострадалъ за насъ нашимъ естествомъ.

Св. Григорiй Богословъ во второмъ словѣ о Сынѣ сказалъ: „Христосъ сугубъ (т. е. Богъ и человѣкъ); и хотя сугубое въ немъ и едино, но не по естеству, а по сочетанiю“.

Сей же богословъ въ своемъ первомъ посланiи въ Клидонiю ясно сказалъ: „Два естества, Богъ и человѣкъ, какъ душа и тѣло (суть два естества), но не два Сына, не два Бога, не два человѣка... И сказать кратко: въ Спасителѣ есть Иное и Иное;

ибо не одно и тоже—невидимое и видимое, безвременное и временное: но не Иной и Иной: да не будетъ! Ибо сугубое соединилось: Богъ воплотился, человѣкъ же обожился. Во святой же Троицѣ наоборотъ. Тамъ Иной и Иной, да не сольемъ Ѵпостасей, но не Иное и Иное; ибо у трехъ одно и тоже Божество.

NB. Читатель примѣчай краткость и точность богословія. Въ св. Троицѣ есть *Иной и Иной*, т. е. Отецъ, Сынъ и Духъ святый, *но не Иное и Иное*, т. е. не иное естество у Отца и Иное у Сына и Духа святаго, а едино во всѣхъ ихъ и не раздѣльно. Въ Христѣ же есть Иное и Иное, т. е. иное естество божеское, и иное человѣческое: но не Иной и Иной, а одинъ и тотъ же богочеловѣкъ.

Св. Василій Великій во второмъ словѣ о Сынѣ говорилъ: „Вѣруемъ во единаго Бога Отца нерожденнаго, и во единаго рожденнаго сына Іисуса Христа, единосущнаго Отцу по божеству, намъ же по плоти, не въ двухъ сыновъ, но въ единаго Сына, въ которомъ однако цѣлы свойства обѣихъ естествъ.

Св. Амвросій Медіоланскій въ словѣ къ епископу Сабину:—„Сынъ Богъ умалилъ себя, воспріявъ вполнѣ совершенное естество человѣческое, такъ что ни въ Богѣ, ни въ человѣкѣ не произошло ни малѣйшее оскудѣніе, да совершенъ явится въ томъ и другомъ естествѣ.“

Св. Іоаннъ Златоустый въ толкованіи перваго посланія къ Тимоѳею сказалъ: „Ходатай имѣетъ общее и съ тѣмъ, у кого, и съ тѣмъ, за кого онъ ходатайствуетъ.... имѣетъ естество человѣковъ, потому что пришелъ къ человѣкамъ, и естество божеское, потому что пришелъ отъ Бога.

Св. Кириллъ въ посланіи къ Евлогію: „Несторій хотя и признаетъ (во Христѣ) два естества, дабы означить разность плоти и Бога Слова, (ибо иное естество Слова, и иное—плоти), но не исповѣдуетъ съ нами соединенія ихъ. Мы же, соединивъ ихъ, исповѣдуемъ единаго Христа, единаго Сына, единаго Гос-

пода, и одно естество Слова воплощенное. И такъ ходи ты, по совѣту премудраго Соломона, не уклоняясь ни направо, ни налѣво, а по среднему царскому пути. Ибо есть четыре ереси совершенно противуположныя одна другой: двѣ о божествѣ, и двѣ о человѣчествѣ. Въ божествѣ Савеллій признавалъ одно естество и одну Vпостась, Арій же—три Vпостаси и три естества раздѣльныя. А мы ни трехъ лицъ не сливаемъ въ одно, дабы не болѣть недугомъ Савеллія, ни одного естества не разсѣкаемъ на три отдѣльныя и чуждыя другъ-друга, дабы не сумашествовать съ Аріемъ, но проповѣдуемъ едино естество въ трехъ Vпостасяхъ. Что касается вочеловѣченія Бога Слова, то о семъ предметѣ препирались Несторій и Евтихій. Первый признавалъ два естества раздѣльныя, и два лица, и двухъ Христовъ, и двухъ Сыновъ, а вторый—одно естество и одну Vпостась. Мы же исповѣдуемъ одну Vпостась, одного Христа, одного Сына въ двухъ совершенныхъ естествахъ, въ божествѣ, разумѣю, и человѣчествѣ, кои соединены неслитно и нераздѣльно. И такъ иди среднею царскою стезею, какъ говоритъ богословъ Григорій. Когда же я указываю средину, указываю истину, на которую одну и взирать должно. Не бойся числа *два*. Ибо какъ мы, признавая въ въ божествѣ три Vпостаси, не разсѣкаемъ этимъ существа его, такъ и въ воплощеніи, признавая два естества, не разсѣкаемъ единой Vпостаси.“

Святый вселенскій Ефесскій Соборъ исповѣдалъ ученіе о лицѣ Богочеловѣка такъ: „Мы говоримъ, что два естества, сочетанныя въ истинное соединеніе, хоть и различны, но единъ Христосъ, единъ Сынъ изъ обѣихъ естествъ, и не такъ какъ будто бы различіе естествъ исчезло по причинѣ сего соединенія; напротивъ утверждаемъ что божество и человѣчество *составили единую Vпостась Господа І. Христа* посредствомъ неизъяснимаго совокупленія сихъ различныхъ естествъ въ единствѣ.“

— Высока и глубока эта догматика. Только выспренніе умы могутъ усвоять ее себѣ вѣрою, и отчасти разумомъ. Подобная высота и глубина замѣтна и въ нашихъ церковныхъ пѣснопѣніяхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ трудно понимать, особенно, въ славянскомъ переводѣ. Но ихъ отлично хорошо изъяснилъ нѣкто Өеодоръ Продромъ, жившій въ 13мъ вѣкѣ. Вотъ образчики изъясненія его, помѣщеннаго въ маломъ, но прѣтолстомъ Пандектѣ подъ заглавіемъ: Τοῦ φιλοσόφου κυρ Θεοδώρου τοῦ Προδρόμου ἐξήγησις ἐὶς τοὺς ἐν ταῖς δεσποτικαῖς ἑορταῖς ἐκτεθέντας κανόνας παρὰ τῶν ἁγίων καὶ σοφῶν ποιητῶν Κοσμᾶ καὶ Ἰωάννου.

— Канонъ на Р. Х. Пѣснь 9.— Любити убо намъ, яко безбѣдное, страхомъ удобѣе молчаніе: любовію же, Дѣво, пѣсни ткати спротяженно сложенныя неудобно есть. Но и Мати силу, елико есть, произволеніе даждь.

Два чувствованія волнуютъ душу священнаго пѣвца, страхъ и любовь. Какъ достойно воспѣть Дѣву и вмѣстѣ Матерь? Не лучше ли молчать? Не безбѣднѣе ли, не безопаснѣе ли это? Такимъ образомъ страхъ нудитъ его предпочесть молчаніе: а любовь побуждаетъ воспѣвать Богоматерь; да и любви трудно слагать протяжныя пѣсни. Впрочемъ и сама Богоматерь видитъ и силу и произволеніе, и соразмѣряетъ ихъ.

И такъ Ірмосъ этотъ изъясняется вотъ какъ: „Дѣво! отъ страха лучше намъ предпочесть молчаніе, потому что оно безопасно: но и любви составлять пѣсни протяжно сложенныя трудно. Впрочемъ, о Мати, дай намъ силу (воспѣвать тебя) соразмѣрную съ произволеніемъ нашимъ.“

Канонъ на Богоявленіе. Пѣснь. „Елицы древнихъ изрѣшихомся сѣтей, брашенъ львовъ сотренныхъ челновными, радуимся и разширимъ уста, слово плетуще отъ словесъ сладкопѣнія, имъ же къ намъ наслаждается дарованій.“

Здѣсь сладкопѣвецъ побуждаетъ освобожденныхъ крещеніемъ отъ сѣтей діавола къ благодаренію и хваленію Бога, говоря: „Всѣ мы, которые избавлены отъ древнихъ сѣтей лукаваго

и отъ всеядныхъ львовъ, которыхъ зубы уже сокрушены, т. е. отъ бѣсовъ, о которыхъ и Псалмопѣвецъ говоритъ,—*зубы львовъ сокрушилъ Господь*,—всѣ мы возрадуемся и расширимъ уста свои не только на духовныхъ враговъ нашихъ, какъ пророчица Анна предначинательница сей пѣсни глаголющая,—*разширишася уста моя на враги моя*,—но и для восхваленія Благодѣтеля душъ нашихъ, принося въ даръ Ѵпостасному Слову и Богу сладкія пѣснопѣнія отъ словесъ нашихъ. Ибо онъ услаждается только этимъ даромъ нашимъ.“

— Канонъ въ велик, Четвертокъ.—Пѣснь 1. Сѣченое сѣчется море чермное, волнопитаемая же изсушается глубина, таяжде купно безоружнымъ бывши проходима и всеоружнымъ гробъ.—То есть, чермное море, разсѣченное жезломъ Моисея, раздѣляется, и глубина, питающая волны, изсушается, сдѣлавшись удобопроходимою для безоружныхъ Евреевъ и гробомъ для вооруженныхъ Египтянъ. . . .

Пѣснь 8. „За законы отеческія блаженніи въ Вавилонѣ юноши предбѣдствующе, царющаго оплеваша повелѣніе безумное и совокуплени имъ же не сваришася огнемъ, державствующему достойную воспѣваху пѣснь“. . . .

Ежели у Аѳинянъ блаженными почитались тѣ, которые съ опасностію жизни защищали законы Солона, а у Локрянъ тѣ, которые сражались за учрежденія Залевка; то несравненно блаженнѣе Богословствующіе юноши, тѣ, что въ Вавилонѣ опасно стояли за законы отеческія, данные Богомъ чрезъ Моисея. Они оплевали безумное велѣніе царя Навуходоносора, и объятые огнемъ, не сгорѣли, какъ сгараетъ хворостъ, дерево, но достойную Вседержителя воспѣвали пѣснь: Господа пойте дѣла, и превозносите во всѣ вѣки.“

Пѣснь 9„ Странствія Владычня и безсмертныя трапезы на горнемъ мѣстѣ высокими умы, вѣрніи пріидите, насладимся, возшедша слова отъ Слова научившеся, его же величаемъ.“

Вѣрные! Мы, которые научились высокому слову отъ Бога

мѣстѣ, т. е. въ духѣ и умѣ нашемъ, высокимъ созерцаніемъ безсмертной трапезы, на которой Владыка самъ себя предлагаетъ намъ въ угощеніе. (Ξενίας)

— Канонъ великой субботы,—*Волною морскою*,—отъ первой пѣсни до шестой есть твореніе Марка епископа Идрундскаго, а остальные Ірмосы написаны великимъ церковнымъ поэтомъ Космою.

— Святымъ Духомъ всеспасительная вина. Аще сей по достоянію дхнетъ, скоро вземлетъ отъ земли, восперяетъ, возращаетъ, устрояетъ горе.—Духъ святый всѣмъ желаетъ спастись, и своею вседѣйственною благодатію совершаетъ спасеніе всѣхъ людей. Ибо онъ по естеству своему благъ, человѣколюбивъ и всемогущъ.

Первый благій помыслъ человѣка о своемъ спасеніи, укореняющійся въ его умѣ и сердцѣ, есть благодатный даръ и дѣйствіе всесвятаго и человѣколюбиваго Духа.

Духъ, идѣже хощетъ, дышетъ (Іонн. 3. 3.) Дыханіе его есть сообщеніе намъ спасительной благодати *по достоянію*, т. е. сообразно съ Его божественнымъ величіемъ, премудростію и могуществомъ. Но когда Онъ пріобщается намъ такимъ образомъ? Тогда, когда находитъ сердце наше очищенымъ отъ страстей, когда мы всею душею желаемъ вселенія въ насъ Духа святаго, и когда съ любовію принимаемъ Его.

Нашедши чистое мѣсто въ христіанинѣ, Духъ святый, тотчасъ обнаруживаетъ въ немъ свое божественное дѣйствіе, и производитъ все дивное и сверхъестественное. Что же такое?

а) *Скоро вземлетъ отъ земли*, т. е. отторгаетъ душу отъ любви ко всему земному. Какъ воздухоплавательный шаръ, наполненный тончайшимъ и легчайшимъ газомъ, быстро уносится вверхъ: такъ и душа, исполнившись Духа святаго, который есть *Духъ тонкій, благодвижный, свѣтлый, острый, крѣпкій, всесильный и проходящій сквозѣ вся духи разумичныя, чистыя и тончайшія* (Премудр. Солом. 7, 22. 23,) пренебрегаетъ и забываетъ все земное, и мудрствуетъ горняя.

б) Духъ св. *восперяетъ*, окриляетъ, возвышаетъ душу: и она въ апостолѣ Павлѣ восхищается въ рай, въ Діонисіѣ Ареопагитѣ познаетъ Чинъ неба, въ Антоніи Великомъ видитъ будущее. Духъ св. восперяетъ и облегчаетъ самое тѣло, такъ что Марія Египетская шествуетъ по водамъ Іордана, Георгій Синаитъ въ мгновеніе ока переносится съ Синая въ Іерусалимъ и тутъ пріобщается св. Таинъ.

в) Духъ св. *возращаетъ*, т. е. способствуетъ душѣ восходить отъ силы въ силу богомыслія, молитвы и благодѣланія.

г) Духъ св. *устрояетъ горѣ*, т. е. помѣщаетъ душу въ Сонмѣ *горнихъ Силъ* ангельскихъ.

X.

Кромѣ этихъ священныхъ новостей въ маломъ Пандектѣ были усмотрѣны мною три статьи, пополняющія исторію Аѳона въ царствованія Алексѣя Комнина, Іоанна—Асѣня и Михаила Палеолога. Вотъ онѣ:

1.) Διήγησις μερικὴ τῶν ἐπιςολῶν Ἀλεξίου βασιλέως καὶ Νικολάου πατριάρχου γενομένη κατὰ διαφόρους καιρούς: *Разновременное повѣствованіе* (объ Аѳонѣ) *на основаніи переписки царя Алексея и патріарха Николая*. Эта статья въ русскомъ переводѣ цѣликомъ помѣщена въ моей исторіи Аѳона. Посему я исключаю ее изъ настоящаго описанія путешествія моего по сей горѣ, замѣтивъ только то, что по Иверскому списку этой статьи исправленъ и дополненъ былъ мною списокъ ея Аѳонорусиковскій, и что въ Иверской библіотекѣ еще есть особая книжица, въ которой вышепомянутая переписка и указы царя Алексѣя Комнина помѣщены въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Ἀναφορὰ τῶν ἁγιορειτῶν πρὸς Ἀλέξιον.

2) Πιττάκιον Ἀλεξίου πρὸς Νικόλαον.

3) Πιττάκιον πατριάρχου πρὸς Ἀλέξιον.

τοὺς Ἰταλοὺς παραλόγως μεθ' ἡμῶν, μένοντας ἐκείνους παντὴ τῶν σφῶν αἱρέσεων καὶ ἀμεταβλήτους: ***Вѣроисповѣдно посланіе Святогорцовъ, отправленное къ царю Михаилу Палеологу, когда онъ усиленно и неправо спѣшилъ соединить съ нами Италіанцовъ, не оставляющихъ своихъ ересей и навсегда неисправимыхъ.***

1. Державнѣйшій, Богомъ вѣнчанный, Богомъ возвеличенный, святый нашъ владыка! Богъ нашъ невидимый, но владѣющій сердцами всѣхъ, невидимо, какъ самъ Онъ вѣдаетъ, вдохнувшій въ насъ духовную и безпредѣльную любовь къ державной и святой царственности твоей, да увѣритъ святую душу твою въ томъ, что мы, всѣ вмѣстѣ и порознь, всегда носимъ въ самой глубинѣ душъ нашихъ начертанную память о тебѣ, и непрестанно предъявляемъ ее Богу, и весьма часто, какъ у себя келейно, такъ и въ общихъ собраніяхъ, возсылаемъ ему благодарственные гласы за то, что Онъ тебя почтилъ самодержавіемъ, *и задолго до сего дня* *) вѣнчалъ блестящимъ, какъ день, и боговоплетеннымъ вѣнцомъ православной вѣры. За это Ему пѣніе и хвала! Ибо вѣдалъ Господь сущихъ своихъ, и кого *предузналъ*,— говоримъ устами великаго апостола,—*того и оправдалъ* начальствовать и возвысилъ на великую степень славы и власти, явивъ его какъ царя земнородныхъ, царствующаго не только съ покорностію Всевышнему, или что тоже, благочестиво и богоугодно, но и милостиво. Итакъ милостивъ будь и къ намъ, неустаннымъ богомольцамъ державной царственности твоей, съ возможною сдержанностію просящимъ тебя о томъ, что обычно, а паче любезно, да и заимствовано, такъ сказать, изъ самыхъ рукъ благочестивѣйшихъ предковъ, скончавшихся въ Вѣрѣ и ублажаемыхъ приснопамятно, которыхъ жительство уже на небесахъ, но которыхъ нога *всегда стояла на прямомъ пути*, и которые съ Богомъ непреткновенно шли по двойной стезѣ благочестія,

---

*) Стало быть, настоящее посланіе Святогорцовъ представлено было Михаилу Палеологу *спустя много лѣтъ* послѣ вѣнчанія его на царство, вѣроятно, незадолго до смерти его. А умеръ онъ въ 1282 году.

то есть по стезѣ Вѣры и дѣлъ (добрыхъ), ведущей къ вѣчному пребыванію у Бога, къ будущей жизни и блаженству.

II.—Благодаримъ святую царственность твою за то, что ты въ владычнемъ приказѣ (διὰ προςάγματος) своемъ высказалъ и выяснилъ намъ все то, что мы слышали неодинаково, и что казалось намъ сомнительнымъ, а теперь узнано вѣрно.

III.—Знаетъ державная и святая царственность твоя, что вся паства Христа и Бога нашего есть едино тѣло, направляемое одною главою, которая есть Христосъ Іисусъ: знаетъ и законъ любви. А законъ любви духовной таковъ: *„ежели страдаетъ одинъ членъ, то страдаютъ и всѣ члены“*: Еще: *„одинаково да заботятся другъ о другѣ члены, движимые однимъ духомъ*:“ Еще: *„держитесь другъ друга съ любовію, носите и тяготы другъ друга, и такъ исполните законъ Христовъ.*“ Поэтому и мы, искренно и заботливо радѣя о душахъ вѣрущихъ, и наипаче о душѣ святой царственности твоей, имѣемъ сказать слово *напоминательное*, когда и святая царственность твоя вѣдаетъ, что мы неспособны примыслить что либо сами собою, но вся наша способность отъ Бога, и что мы сами можемъ только *сердцемъ вѣровать въ правду и устами исповѣдовать во спасеніе*. Не безопасно намъ кажется предъ Богомъ молчать о настоящихъ опасностяхъ; *) и мы увѣрены, что никакъ не допуститъ ихъ святая душа твоя, свыше имѣющая страхъ Божій, и боящаяся погрѣшать въ маломъ. А смущающіе тебя, кто бы ни были они, понесутъ осужденіе, по слову великаго апостола. Однако, кроткій какъ Давидъ и христоподражательный царь, по милости своей склони, на нѣсколько мгновеній царственный и божественный слухъ твой къ намъ бѣднымъ монахамъ, истинно любящимъ душу святой царственности твоей.

IV. Великій апостолъ Павелъ, наполнившій всю землю благовѣстіемъ, и имѣвшій въ себѣ Христа глаголющаго, вотъ что

*) Разумѣй Унію и ея послѣдствія опасныя.

сказалъ Галатамъ, принявшимъ одно только ветхозавѣтное узаконеніе: *если вы обрѣзываетесь, то не будетъ вамъ никакой пользы отъ Христа:* И еще: *вы, оправдывающіе себя закономъ, остались безъ Христа, отпали отъ благодати.* А выше сего; *есть люди смущающіе васъ и желающіе превратить евангеліе Христово.*— И такъ превращать евангеліе Христово значитъ прибавлять къ новому закону благодати законъ ветхозавѣтный и устарѣвшій. Но для чего грѣться подъ тѣнію, когда возсіяло Солнце правды, и къ свободѣ примѣшивать рабство? *Никто неможетъ работать двумъ господамъ:* сказалъ гласъ Господень. А Павелъ, говоря, что малая закваска квасить все тѣсто, подразумѣвалъ превращеніе евангелія Христова. По сему-то и великій свѣтильникъ и учитель Церкви и преемникъ благодати Павла, дышавшій Павломъ, какъ Павелъ Христомъ, отецъ нашъ Іоаннъ Златоустый въ своемъ толкованіи посланія сего апостола къ Галатамъ говорилъ между прочимъ: „Вотъ что служитъ началомъ всѣхъ золъ: это—поблажка малостямъ. И большіе грѣхи произошли отъ того, что меньшіе оставлены были безъ надлежащаго прещенія. Какъ пренебрегшіе раны тѣлесные получаютъ воспаленія и гніенія и смерть, такъ и презрѣвшіе малые грѣхи душъ впадаютъ въ грѣхи великіе. Если бы тѣ, которые *начинаютъ* перепрыгивать чрезъ божьи заповѣди, получили надлежащія епитиміи даже за малое прегрѣшеніе; то не было-бы нынѣшней язвы, и не обледенилъ бы Церкви такой холодъ, какой стоитъ теперь. Ибо превращающій и малое въ здравой Вѣрѣ портитъ все.“ Такъ вѣщалъ Отецъ, а прежде его апостолъ. Что же сказать о тѣхъ, которые привносятъ опрѣсноки и субботствованія? Позволяемъ себѣ говорить много, начиная съ ветхозавѣтнаго закона. Что общее у насъ христіанъ съ соблюденіемъ ветхозавѣтной субботы? Развѣ не уничтожено все ветхозавѣтное съ разрушеніемъ храма древняго Израиля? Развѣ не воспрещаетъ субботствованій 66-е правило святыхъ апостоловъ, кромѣ великой субботы, низлагая за это

былъ праздникъ опрѣсноковъ. Это видно изъ того, что во время его почитатели опрѣсноковъ сходились въ Іерусалимъ со всей земли (Израильской). А у насъ самое важное таинство есть Тайная Вечеря тѣла Господня. Если же самое важное у насъ сравнивается съ тѣмъ, что важно у Іудеевъ, то не іудействують ли Паписты? И дерзая дѣлать это явно во вселенной, безъ застѣнчивости, съ обнаженною, какъ говорится, головою, не подлежатъ ли они апостольской анаѳемѣ наравнѣ съ Галатами, принявшими нѣчто несовмѣстимое съ Вѣрою (христіанскою)? когда такая дерзость ихъ, касающаяся главнаго Таинства нашей Вѣры, предосудительнѣе дерзновенія Галатовъ? Но скажутъ, что Паписты употребляютъ опрѣснокъ не по Іудейски, а какъ тѣло Господне. Однако они, имѣя очи, невидятъ, и имѣя разумъ неразумѣютъ истины, находящейся предъ очами. Ежели прообразовательный законъ, яко тѣнь, повелѣлъ, что бы то, что прообразовало Христа Бога нашего, не имѣло ничего несовершеннаго; то какъ они дерзаютъ *возносить* не имѣющій соли, прѣсный, тщедушный и невзрачный хлѣбецъ, какъ животворящее тѣло всесовершеннаго Агнца благодати? Притомъ въ самомъ законѣ ветхозавѣтномъ опрѣсноки отнюдь не прообразовали Христа, а служили только напоминаніемъ объ исходѣ изъ Египта и о путевыхъ трудностяхъ въ пустынѣ. Посему то Іудеи въ началѣ ѣли ихъ съ горькими травами, будучи подпоясаны и обуты, и держа посохи. Но мы, по благодати Христовой, есмы чада христіанъ, и никогда не работали никакому Египетскому тиранну. А если они говорятъ, что Христосъ вкушалъ и ветхозавѣтную пасху предъ новозавѣтною; то мы знаемъ какъ сіе, такъ и то, что тутъ нѣтъ имъ никакого оправданія. Ибо опрѣсноки ветхозавѣтной Пасхи снѣдаемы были вмѣстѣ съ мясомъ агнца такъ, что по узаконенію ничто не оставлялось на другой день ни отъ агнца, ни отъ опрѣсноковъ, ни отъ горькихъ травъ. Слѣдовательно и отъ той ветхозавѣтной Пасхи, которую вкусилъ Господь и которая потреблена была вся, не остался ни одинъ опрѣснокъ по закону. А такъ какъ Спаситель, по вкушеніи ея, еще возлежалъ на ве-

чери; то непраздничность онаго дня дозволяла ему ѣсть хлѣбъ квасный. День же этотъ, по свидѣтельству великаго апостола и евангелиста, наперсника Іоанна, предварялъ день опрѣсноковъ, какъ это ясно видно изъ слѣдующихъ словъ его: *„ведоша Іисуса отъ Каіафы въ преторъ. Бѣ же утро:. и тіи не внидоша въ преторъ, да не осквернятся, но да ядятъ пасху.“* (гл. 18, 28). Назначилъ же Господь свое страданіе такъ, что въ день его праздновалась и пасха Іудейская, эта тѣнь Истины, и такъ, что Онъ на канунѣ его вкусилъ Пасху ветхозавѣтную, и преподалъ ученикамъ своимъ Пасху новозавѣтную, не усомнясь употребить для нее хлѣбъ квасный, (когда уже съѣдены были всѣ опрѣсноки). Все это Онъ премудро устроилъ, дабы исполнилось вотъ и это пророчество о Немъ: *„Ты еси іерей во вѣкъ по чину Мельхиседекову.“* (Псал. 9. 4.) А что принесъ Мельхиседекъ? *хлѣбъ* и вино. Ааронъ же что?—агнца, *опрѣсноки* и горькія травы. Ясно и внушительно это пророчество о величайшемъ таинствѣ (совершенномъ на хлѣбѣ, а не на опрѣснокахъ.) Если же Латинамъ угодно придерживаться закона древняго; то пусть они приносятъ ужъ и агнца, какъ прообразъ Христа, спасавшаго прообразованіями, и пусть такимъ образомъ *зооѳтствуютъ*, (ζωοθυτήτωσαν т. е, приносятъ въ жертву животное) да опять обличитъ ихъ тотъ же пророкъ (Давидъ), глаголющій: *„жертвы и приношенія подзаконнаго не восхотѣлъ Ты: тѣло же уготовалъ мнѣ.“* (Псал. 39, 7. 8.) Еслиже ни того ни другаго не восхотѣлъ Богъ хотя оба прообразовали жертву Христову; то къ чему опрѣсноки ветхозавѣтные, тщедушные и напоминающіе только неотрадное путешествіе по пустынѣ? Да и апостолъ громко вопіетъ: *„древняя мимоидоша, се быша вся нова.“* Пусть слышатъ, что все ново! А ежели все обновлено, то главизна нашей Вѣры—*Господне тѣло,* которымъ мы знаменуемся и отличаемся отъ Іудеевъ и отъ всѣхъ народовъ инославныхъ, есть Таинство новое, превысшее всего. Да и самъ Господь назвалъ оное завѣтомъ новымъ; если же новымъ, то оно отлично отъ всѣхъ древнихъ празднованій и священнодѣйствій. А если нѣтъ, то Латины, явно, іудей-

ствуютъ, и падаютъ въ иную пропасть на смерть, предпочитая святому евангелію ученіе Аполлинарія.

V.—Повелишъ ли, царю святый, побольше обнаружить ихъ, совратившихся съ истиннаго пути?—Сынъ Божій и Господь торжественно говоритъ міру: *„азъ есмь дверь, путь, истина, животъ. Мною аще кто внидетъ, спасется. А прелазяяй инудѣ, той тать есть и разбойникъ!* —И еще *„Овцы моя гласъ мой слышатъ, по чуждѣмъ же не идутъ, но бѣжатъ отъ него, яко не вѣдятъ чуждаго гласа.—Небо и земля прейдутъ: словеса же мои не прейдутъ“.*—Пророки же предвѣщали о Немъ: *„вѣренъ Господь во всѣхъ словесѣхъ Его: вѣрны вся заповѣди Его, утверждени во вѣкъ вѣка, сотворены въ истинѣ и правотѣ.“* – И апостолъ говоритъ: *„основаніе положихъ вамъ: другое положити паче лежащаго не лѣть есть. Никто не отвергаетъ и не переиначиваетъ завѣщанія человѣка“.* И этимъ человѣческимъ примѣромъ апостолъ напоминаетъ о непреложности глаголовъ Господа. Послѣ сего выслушай, царю святый, то, что отрадно тебѣ слышать, и суди судомъ правоправеднымъ между Латинами и законоположеніями Божіими; ибо прилично государю, и наипаче благочестивому, любить такой судъ. Христіанинъ ли тотъ, кто дерзаетъ прибавлять свое измышленіе къ тому, что уже утверждено, и отвергать что либо изъ писаній, и привносить что-нибудь изъ неписаннаго? Нѣтъ. Отпаденіе его отъ Вѣры явно. Какъ онъ—христіанинъ, когда не слѣдуетъ за Христомъ по стопамъ Его, а хочетъ идти передъ нимъ и опереживать его? Самъ великій Моисей, который во многомъ прообразовалъ Христа, желалъ видѣть только *задняя Божія*, и ничего болѣе не требовалъ, говоря, *да вижу тебя, какъ разумный*, и молился о семъ въ разсѣлинѣ скалы. А Латины дерзаютъ и опереживать. За то къ нимъ относится сказанное: *„никогда не узрите лица моего вы, опереживающіе меня.“* Большой задоръ этотъ предостанавливалъ и въ потомкахъ своихъ Моисей, когда говорилъ: *„къ тому, что дано отъ Бога, нечего прибавлять, и отъ того нечего убавлять.“* И вотъ самъ онъ, идя сзади, видѣлъ слѣды Божіи, и такимъ шествіемъ своимъ и дру-

гихъ научилъ бояться Бога и покоряться Ему. Но съ евангельской точки посмотримъ на уклоненіе Латинцовъ и, какъ говорится, діаметрально противопоставимъ имъ краткое слово наше. *„Бога никто же видѣ нигдѣ же: токмо единородный Сынъ сый въ лонѣ отчи, той исповѣда;* говоритъ Іоаннъ. Сей же богословъ, вѣрно вѣщавшій объ изумительныхъ тайнахъ, такъ говоритъ и о духѣ соестественномъ и сочисленномъ съ Нимъ: *„Егда же придетъ утешитель, его же азъ послю вамъ отъ Отца, Духъ истины, иже отъ Отца исходитъ"*. Внимай сему глаголу Латинецъ. Во свѣтѣ зрится свѣтъ, по свидѣтельству Давида. Посмотримъ же въ лучезарномъ Сынѣ; отъ кого изходитъ свѣтъ Духъ. Сынъ дважды глаголетъ о Духѣ, что онъ исходитъ отъ Отца, и тѣмъ утверждаетъ (сынъ), что Отецъ есть причинность какъ Его, такъ и соестественнаго Духа. А твое превратное и незаконное ученіе объ исхожденіи Духа *и отъ Сына*, откуда? Ты отвѣчаешь, что оно прибавлено для выраженія единосущія Сына и Духа. Но богословіе Господа развѣ недостаточно показываетъ тебѣ единосущіе какъ Его самого, такъ и соестественнаго и сочисленнаго Духа, и то, что у того и другаго одно и тоже источное божество (πηγαῖα θεότης) и одинъ и тотъ же Отецъ, одного родившій, а другаго изводящій изъ себя? Этимъ богословіемъ и богоносные отцы пользовались буквально, и въ Сѵмволѣ вѣры выразили его безъ малѣйшей перемѣны. Ты же вздумалъ видѣть и открыть нѣчто болѣе, чѣмъ оные Отцы и Самъ единородный. Такимъ образомъ по безумной гордости и неповиновенію Христу законодателю ты вверхъ и внизъ мечешь божественные и священные догматы, и сегодня унижаешь Владычнее смотрѣніе о насъ, а завтра мутишь высочайшее и богоначальное богословіе, портя вѣру укороченіями и прибавками своими, и наипаче вводишь нѣкую новую вѣру и другое евангеліе: а это значитъ, что самъ діаволъ чрезъ тебя мутитъ вѣру. Въ самомъ дѣлѣ не сатанинскій-ли тотъ догматъ, который вводитъ безбожное двуначаліе и унижаетъ Духа? а паче всего не щадитъ Единороднаго? и по видимому приличествуетъ Ему, а на самомъ дѣлѣ не

приложимъ къ нему? Ибо ежели родительство Отца двойное, такъ какъ Онъ раждаетъ Сына и изводитъ Духа, а само оно, какъ ты говоришь, есть свойство не Vпостаси Отца, а естества Его; то какимъ образомъ оно у Сына есть пополамъ съ Отцомъ, а у Духа вовсе нѣтъ его? Коль скоро свойства естества—всецѣло общи тремъ богоначальнымъ Vпостасямъ, то чего общаго нѣтъ у Духа, того нѣтъ и у Сына. И такъ ничего нельзя намъ прибавлять къ оному богословскому рѣченію (*Духъ отъ Отца исходитъ*). Если бы кто въ Тройцѣ понизилъ что либо, тотъ унизилъ бы всю ее и, чествуя Отца, отнялъ бы чествованіе у того, что рождено и изходитъ отъ него, допустивъ неравныя степени божества. И ты,—я знаю,—не усвоишь онаго рѣченія, потому что усиливаешься поставить на ноги параличъ свой, а не скажу, правду свою, и не покоряешься правдѣ Божіей. За это мы считаемъ тебя еретикомъ, такъ какъ у тебя и самый Сvмволъ православный вѣры измѣненъ. Этотъ Сvмволъ Духомъ святымъ объявленъ вѣковѣчнымъ для всякаго православнаго христіанина посредствомъ святыхъ вселенскихъ соборовъ, которые суть седьмеричные столпы церкви Христовой, объявленъ тѣмъ Духомъ святымъ, который въ церкви поставилъ апостоловъ, пророковъ и учителей для усовершенія Святыхъ: а ты и его не оставилъ непередѣланнымъ, привыкши все переставлять и поправлять.

VI. Если мы, Владыка нашъ святый, станемъ перечислять всѣ ихъ передѣлки церковныхъ и божественныхъ преданій и законоположеній, то слишкомъ продолжимъ слово, и обременимъ царскій и божественный слухъ твой. А дабы сего не было, мы оставляемъ всѣ прочія передѣлки ихъ, описанныя и обличенныя многими, блаженной и преподобной памяти святѣйшими патріархами и архіереями нашими, и кратко высказываемъ только вотъ что. Латины, Владыко святый, исказили и перепортили существенные члены Вѣры: за это они не только отсѣкаются отъ церкви вселенской, отъ сего равномѣрнаго, здороваго и благообразнаго тѣла Христова, но и предаются сатанѣ. Вѣдь, апостолъ, запечатлѣвая все евангельское и апостольское ученіе, говоритъ

не столько Галатамъ, въ одномъ только тогда погрѣшавшимъ, сколько Италіанцамъ, нынѣ безъ счету учащимъ иначе и превращающимъ едва не все преданіе евангельское, апостольское, каноническое и Отеческое: *„аще кто благовѣствуетъ вамъ паче, еже пріясте, аще ли мы, или ангелъ съ небесе, анаѳема да будетъ“*. Да и святый вселенскій соборъ шестый, бывшій въ Труллѣ, утверждая Духомъ святымъ бывшія до него опредѣленія, въ первомъ божественномъ и священномъ правилѣ своемъ сказалъ: „аще кто-либо изъ всѣхъ не содержитъ и не пріемлетъ вышерѣченныхъ догматовъ благочестія, и не тако мыслитъ и проповѣдуетъ, но покушается идти противу нихъ: тотъ да будетъ анаѳема по опредѣленію, прежде постановленному предупомянутыми святыми и блаженными Отцами, и изъ сословія христіанскаго, яко чуждый, да будетъ исключенъ и изверженъ. Ибо мы сообразно съ тѣмъ, что опредѣлено прежде, совершенно рѣшили ниже прибавляти что либо, ниже убавляти, хотя-бы и могли (сдѣлать это) по какой либо причинѣ“. Такъ гласитъ правило это. Изъ него ясно видно, что *идти противъ догматовъ благочестія,* по мнѣнію Отцовъ, значитъ прибавлять къ нимъ что-либо, или убавлять отъ нихъ. Какъ же послѣ этого сказалъ-бы кто нибудь, что не подлежатъ канонической анаѳемѣ тѣ, которые отваживаются на это, и въ церквахъ проповѣдуютъ и на стогнахъ городовъ своихъ повсюду учатъ сему громогласно? Если же нужно и изъ другихъ божественныхъ и священныхъ правилъ представить это же самое кратко по возможности нашей; то божественный и священный соборъ единенія, послѣдній изъ всѣхъ и божественнымъ Духомъ утверждающій предшествовавшіе соборы, говоритъ: „Всему, что постановлено и сдѣлано и имѣетъ быть сдѣлано въ противность церковному преданію и ученію и уставу святыхъ и приснопамятныхъ Отцовъ анаѳема“.—Еще: „Всѣмъ, презрѣвшимъ священныя и божественныя правила святыхъ Отцовъ нашихъ, которые и церковь назираютъ, и украшая все христіанское жительство, руководятъ къ божественному благочестію, анаѳема“.—И можемъ ли

твенные каноны въ улику Латинамъ? Если мы каждому порознь дѣйствію ихъ, противному божественнымъ законоположеніямъ, противопоставимъ божественные и священные каноны, которые низлагаютъ, отлучаютъ и даже анаѳематствуютъ ихъ за отверженіе божественныхъ преданій; то простое и пустынное слово наше разольется чрезъ мѣру. Однако въ пятнадцатомъ правилѣ святаго и великаго собора, называемаго Двукратнаго, выражено, что не только невиновны, но еще достойны чести тѣ, которые, прежде соборнаго разсмотрѣнія, отдѣляются отъ проповѣдующихъ всенародно еретическіе догматы и отъ отъявленныхъ еретиковъ; ибо они отдѣлились не отъ епископовъ, а отъ лжеепископовъ и лжеучителей. Такой поступокъ ихъ достоинъ похвалы и приличенъ православнымъ христіанамъ. Тутъ нѣтъ раскола церковнаго, а есть только обмѣнъ раздѣленій и поддержаніе истины. Какъ же послѣ сего было бы законно и богоугодно наше единеніе съ тѣми, отъ которыхъ мы отдѣлились правильно и канонично, когда они нераскаянно придерживаются ересей? Если мы допустимъ это, какъ православное, то этимъ однимъ извратимъ все. А божественные и священные каноны гласятъ: „Если кто съ отлученнымъ хотя въ домѣ помолится, да будетъ отлученъ.“ И индѣ: „Къ непріобщеннымъ пріобщающійся самъ будетъ, какъ нарушитель правила церкви.“ И еще: „Принимающій еретика подлежитъ осужденію его“. И такъ въ чемъ обвиняются Латины, во всемъ томъ, если мы примемъ то, будемъ осуждены мы сами божественными канонами, начертанными по дѣйствію Духа. Но этому не бывать, не бывать!

VII. Даже имени Папы не будемъ мы поминать. Это поминаніе—отъ лукаваго, который, будучи тьма, преображается въ свѣтъ, и нынѣ предлагаетъ единеніе (Унію), а потомъ схитритъ погибель всего тѣла церкви, и не надѣясь достигнуть сего открыто, работаетъ скрытно, дабы хоть какъ нибудь отворить дверь и исполнить злой умыселъ. Если Латины соединяются съ нами добровольно, то пусть перемѣнятся, и такимъ образомъ соединятся. А если хотятъ сего ухищренно, то не успѣютъ, хотя бы

добились до пустыхъ именъ. Но что значитъ поминать имя? Очень много значитъ! Это объяснимъ мы послѣ. А теперь? О, много прибыли будутъ имѣть Латины, если лукаво достигнутъ цѣли! *) Послѣ этого они останутся неисправимы, получивъ то, чего хотятъ. Ибо не о благочестіи, какъ видно, всѣ ихъ словопренія и розыски. Если бы благочестія искали они, то начто имъ настоящее домогательство, когда благочестіе и безмездно, и недокучливо, и равнопочтительно, и обще рабамъ, господамъ, бѣднымъ, благороднымъ, неблагороднымъ, неосужденнымъ и осужденнымъ, обще какъ вѣяніе воздуха и изліяніе свѣта, и смѣны часовъ и разсматриваніе творенія божія, этой великой и общей всѣмъ намъ утѣхи, и какъ *равноудѣльность* вѣры (ἰσομοιρία πίςεως), по выраженію великаго Богослова Григорія, хотя они и *не равняются* съ великими отцами нашими, Василіемъ и Іоанномъ Златоустымъ, и ни во что ихъ ставятъ, тогда какъ слава ихъ словъ и сила ихъ духа объяли всю землю.—Но выслушай, святый Владыко, обѣщанное объясненіе наше, объясненіе словами всесвятаго Духа, изъ которыхъ ни одна черта утратиться не можетъ. Великій апостолъ Господенъ и евангелистъ Іоаннъ богословъ говоритъ: „кто приходитъ къ вамъ и не приноситъ сего ученія, того не принимайте въ домъ, и не привѣтствуйте его. Ибо привѣтствующій его участвуетъ въ злыхъ дѣлахъ его. (2 Посл. I, 10. 11.) Если же не велѣно намъ привѣтствовать его, если воспрещено вводить его въ домъ, то какъ не въ домѣ, а въ храмѣ божіемъ, въ неприступномъ алтарѣ, утаинственной и страшной трапезы Сына Божія, нежертвенно закалаемаго, то яко Бога, то яко агнца непорочнаго, да примиритъ насъ съ Отцомъ и съ собою, и кровію своею да очиститъ грѣхи наши, яко безгрѣшный, какъ тутъ и какой адъ изрыгнетъ поминаніе Папы, достойно отсѣченнаго (отъ церкви) св. Духомъ за то, что онъ поднялъ голову свою противъ Бога и противъ всего божественнаго, и такъ сдѣлался врагомъ Божіимъ? Ибо если простое привѣтствіе еретику

*) Тонъ этихъ и послѣдующихъ словъ—насмѣшливый.

пріобщаетъ насъ къ злымъ дѣламъ его, то что сказать о гласномъ поминаніи его, и гдѣ-же? тамъ, гдѣ предлежатъ божественныя и страшныя Тайны. Если Предлежащій тутъ есть сама Истина, то какъ она приметъ эту великую ложь? Приравнивать папу и причислять его, какъ православнаго патріарха, къ прочимъ православнымъ патріархамъ во время совершенія страшныхъ таинъ, значило бы играть театрально, и представлять несуществующее, какъ существующее. И какъ приметъ это всякая православная душа? Не уклонится ли она отъ общенія съ помянувшими его? И не сочтетъ ли ихъ торгашами, продающими все божественное? Издревле православная церковь Божія возглашеніе имени архіерея, во время богослуженія, установила какъ знакъ совершеннаго общенія съ нимъ. Читается и въ изъясненіи божественной литургіи, что священнодѣйствующій возглашаетъ имя архіерея, дабы выразить свое подчиненіе начальствующему и свое общеніе съ нимъ и заимствованіе отъ него вѣры и божественныхъ Таинствъ. И великій отецъ нашъ и исповѣдникъ Ѳеодоръ Студитъ въ почтительномъ письмѣ своемъ къ нѣкоему говоритъ: „Ты признался мнѣ, что боялся сказать пресвитеру своему, чтобы онъ не поминалъ ересеначальника. Что-же сказать тебѣ объ этомъ теперь, недоумѣваю, развѣ то, что общеніе съ еретикомъ посредствомъ одного поминанія имени его есть оскверненіе, хотя-бы поминающій былъ православенъ.“ Такъ говорилъ сей отецъ. А до него и самъ Богъ глаголалъ: „священники отринули законъ мой и осквернили святыни мои, не отдѣлясь отъ непреподобныхъ и скверныхъ, и имѣя все общее съ ними“. Что яснѣе и истиннѣе сего?

VIII.—*Но и уступки* (οἰκονομίαν) *не сдѣлаемъ*. Ибо можно ли допустить уступку, оскверняющую все божественное, по вышерѣченному слову Божію, и отъ божественныхъ Таинствъ удаляющую Духа Божія, и чрезъ то лишающую вѣрныхъ прощенія грѣховъ и усыновленія? Что было-бы вреднѣе такой уступки? Вѣдь, общеніе съ ними гласно; и согласиться съ ними въ одномъ значитъ извратить все правое. Ибо „принимающій ере-

тика подлежитъ осужденію его“.—Еще: „пріобщающійся къ непріобщеннымъ самъ непріобщенъ будетъ, какъ нарушитель правила церковнаго“. А Латины, знаменитые непослушаніемъ церковнымъ правиламъ, сообщаются съ Іудеями, и съ Армянами и Іаковитами, и Несторіанами и Монофелитами, и вообще со всѣми еретиками, и даже за это, не говоря о прочемъ, недостойны прощенія и общенія съ нами, какъ соучастники во всѣхъ богоненавистныхъ ересяхъ оныхъ людей.

IX.—Что касается до предоставленія первенства еретичествующему въ противность всей православной церкви Христовой, то и оно несправедливо. Этимъ требуется уже не уступка, а полное подчиненіе (Папѣ). Но онъ не достоинъ и послѣдняго мѣста. Ибо великій Отецъ нашъ Григорій богословъ въ своемъ божественномъ словѣ о кающихся говоритъ: „и я не принимаю нераскаявшихся, необращающихся и не замѣняющихъ зло исправленіемъ: а когда приму ихъ, тогда отведу имъ подобающее мѣсто“. Но у Папы и у сущихъ съ нимъ нѣтъ исправленія, нѣтъ замѣненія зла добромъ. Посему они недостойны и послѣдняго мѣста. Какъ же они будутъ первенствовать, и надъ кѣмъ станутъ владычествовать? Надъ Божьими церквами? Увы! Не подступятъ ли они и къ заклепамъ ада, *будучи ведомы слѣпыми вождями*, по изрѣченію устъ нелживыхъ? Если свѣтъ, который въ тебѣ, тьма, то тьма кольми паче (въ другомъ будетъ). Вѣдь всякій подчиненный любитъ подражать начальствующему; какъ это сказалъ великій богословъ Григорій. Притомъ, по какимъ законамъ будутъ судить, какъ самъ Папа, такъ и архіереи его, когда они совсѣмъ отвергли божественныя правила святыхъ соборовъ, и не имѣютъ нетолько благоуханія духовной жизни, но и признака ея, и еретичествуютъ во многомъ? Поистинѣ, они наполнятъ церковь смутами и соблазнами. Но не сольются неслитности, не спрядутся непряди. Ибо какое сродство у правды и беззаконія, или, по слову божію, *какое общеніе у свѣта и тьмы*, у православныхъ и еретиковъ, отъ которыхъ мы должны всецѣло удаляться? И древле самъ Богъ заповѣдалъ, говоря: „*измите лукаваго изъ среды*

вашей". А вотъ это изрѣченіе,—*если соблазнитъ тебя око твое, исторгни его*,—и дальнѣйшее изрѣченіе о прочихъ соблазняющихъ членахъ, къ кому другому лучше подходитъ, какъ не къ Латинамъ? И Павелъ, *великій* отъ того, что глаголалъ чрезъ него и въ немъ Господь, тоже самое представляетъ на видъ, говоря: „Еретика человѣка послѣ перваго и втораго вразумленія отвращайся, зная, что таковый развратился, и грѣшитъ будучи самоосужденъ". (Къ. Тит. 3, 10. 11.) И еще: „Уклоняйтесь отъ всякаго, нечисто ходящаго и не по преданію, которое принято отъ насъ".—И въ другихъ строкахъ Павелъ запрещаетъ даже ѣсть вмѣстѣ съ ними. Согласно съ нимъ и богоносный и великій отецъ нашъ Игнатій предохраняетъ насъ отъ еретиковъ, этихъ человѣкообразныхъ звѣрей. Если же мы не должны не только принимать ихъ къ себѣ, но и встрѣчать, если не велѣно намъ и пищу вкушать вмѣстѣ съ ними, даже привѣтствовать ихъ въ избѣжаніе общенія съ ними: то какъ признать ихъ первыми, и судьями православныхъ церквей, и громогласно возглашать имя ихъ въ церкви у таинственной трапезы, дабы и ее, освящающую насъ, не оставить не оскверненною?

X.—Никакъ, никакъ не дозволяй сего ради души твоей святой, царю святый и Богомъ поставленный самодержецъ, и вмѣстѣ Христу возлюбленный и христолюбивѣйшій. Но держись, какъ держишься по благодати Христовой, того, чему ты наученъ и что тебѣ ввѣрено, зная, кѣмъ ты наученъ (2 Тимоѳ. 3, 14.) Храни добрый залогъ, избѣгая, по ученію великато апостола, негодныхъ пустословій лжеименнаго знанія, которымъ занимаясь нѣкоторые уклонились отъ Вѣры, (1 Тимоѳ. 6, 20, 21.) да посредствомъ тебя, съ тобою, и со всѣмъ домомъ твоимъ, славящимъ Бога, и мы, составляющіе полноту Христіанъ, будемъ соблюдены, какъ православные и Богу угодные, на день явленія Господа, и съ вами и сами сдѣлаемся неукоризненными наслѣдниками царства его вѣчно.—Вѣренъ Богъ, призвавшій насъ, который и сотворитъ, если мы соблюдемъ заповѣди Его, благодатію Христа о Духѣ Святомъ. Аминь.

Весьма замѣчательно это посланіе Святогорцовъ къ Михаилу Палеологу, замѣчательно и по силѣ доказательствъ, и по глубокому уваженію къ царственности, и по рѣзкости тона, и по отвращенію къ папству, и даже по сжатости, разрубленности и неясности языка, на которомъ оно написано. А всего замѣчательнѣе то, что въ немъ нѣтъ и намека на какое либо гоненіе, или притѣсненіе святогорцовъ, несоглашавшихся принять Унію. Отсюда я заключаю, что это посланіе было представлено Михаилу Палеологу ранѣе того остервѣненія его противъ монаховъ, о которомъ упомянулъ современный Византійскій историкъ Пахимеръ, и которое проявилось въ немъ, въ патріаршество Іоанна Векка (1274—1283), не задолго до смерти его величества, послѣдовавшей въ 1282 году. (Георгія Пахимера исторія Михаила и Андроника Палеологовъ въ Русскомъ переводѣ, книга VI, гл. 26. С. П. Б. 1862 г.)

Кромѣ Пандектовъ, большаго и малаго, я внимательно разсмотрѣлъ еще одну рукопись на бумагѣ въ листъ, содержащую разные церковные акты древніе, и преимущественно тѣ, въ которыхъ упомянуты епископы Россійскіе и Крымскіе. Вотъ мои вымѣтки изъ этой рукописи:

— Цареградскій патріархъ Поліевктъ сперва не допускалъ до церковнаго общенія Іоанна Цимисхи, какъ убійцу царя Никифора Фоки, а потомъ допустилъ (969—70 г.) полагая, что ему, какъ царю, прощены всѣ грѣхи по совершеніи надъ нимъ царскаго мvропомазанія.

— Въ 6505=997 году мѣсяца февраля индикта 10-го было Сvнодальное собраніе при цареградскомъ патріархѣ Сисинніи. Разсуждали о бракѣ. Тогда въ числѣ присутствовавшихъ архіереевъ находились Левъ Катанскій, и *Константинъ Сугдейскій* изъ нашего Крыма. (Συνοδικὸς οὗτος τόμος κωλύει δύο ἀδελφοὺς δύο ἐξαδέλφας λαβεῖν, καὶ τὸ ἀνάπαλιν δύο ἐξαδέλφους, δύο ἀδελφὰς καὶ θεῖον

— Σημείωμα συνοδικὸν γεγονὸς ἐπὶ τοῦ ἁγιωτάτου πατριάρχου Κυρ Ἰωάννου τοῦ Ξιφιλίνου περὶ μνηστείας, καὶ ὅτι οὐκ ἔστι γάμου τε καὶ μνηστείας διαφορὰ εἰς σύστασιν τοῦ θεμιτοῦ καὶ ἐῤῥωμένου.—Это Сунодальное рѣшеніе о бракѣ состоялось въ 6574=1066 году 26 апрѣла, индикта 4-го, подъ предсѣдательствомъ Цареградскаго патріарха Кѵр Іоанна Ксифилина въ катихуменахъ Софійскаго храма, что на правой сторонѣ, ἐν τοῖς δεξιοῖς μέρεσιν τῶν κατηχουμένων. Тогда вмѣстѣ съ прочими архіереями присутствовалъ въ Сунодѣ епископъ *Готѳскій* имярекъ изъ крымскаго города Θеодосіи.

— Въ 6575=1067 году при томъ же патріархѣ было Сунодальное собраніе въ маломъ секретаріатѣ ἐν τῷ μικρῷ σεκρέτῳ. Архіереи и въ числѣ ихъ *Готѳскій* имярекъ, разсуждали, о томъ же предметѣ.

— Χρυσόβουλλον τοῦ Βασιλέως Κυρ Νικηφόρου τοῦ Βοτανειάτου· ἐν τῇ τοῦ θεοῦ μεγάλῃ ἐκκλησίᾳ ἀποτεθὲν· περί τε τοῦ μὴ ἔσωθεν τῶν λ ἡμερῶν γίνεσθαι σωματικὴν ποίνην· καὶ περὶ τοῦ τοὺς ὑπηρετοῦντας τοῖς Βασιλεῦσι ἢ τοῖς συγγενέσιν αὐτῶν μετὰ τοῦ αὐτοὺς τῆς βασιλείας ἐκστῆναι μὴ ἐκπίπτειν τῶν διαφερόντων αὐτοῖς, καὶ δημοσιεύεσθαι ταῦτα ἄνευ αἰτίας εὐλόγου ἢ ἐννόμου τινός. καὶ περὶ τοῦ καθ' ἕκαστον τετράμηνον, τὸν κατὰ τὴν ἡμέραν πατριάρχην ὑπὲρ τῶν ἐξορίστων ὑπομιμνήσκειν. Μηνὶ δεκεμβρίῳ ἰνδικτιῶνος γ̄ ἐν ἔτει ͵ςφπη (1080 г.).... εἰ δὲ τινὲς ἴσως τῶν μεθ' ἡμᾶς μὴ βασιλικὴν ἔχοντες, ἀλλὰ μαγειρικὴν τὴν ψυχήν· αἱμάτων ἀνθρωπίνων ἐφήδοντας προχοαῖς· καὶ θυμῷ τὰ πρεσβεία, θεῷ δὲ τὰ δευτερεῖα βραβεύοντες.... κ. τ. λ.

Достойно вниманія это узаконеніе царя Никифора Вотаніата (1080 г.), предписывающее не наказывать тѣлесно ранѣе 30 дней, и не останавливать судопроизводства по дѣламъ родственниковъ и чиновниковъ царскихъ по смерти царей, и дозволяющее вселенскому патріарху въ каждую треть года подавать государю записку о ссылочныхъ.

— „Въ 6784=1276 году мѣсяца августа 12 дня, въ середу, индикта 4-го, когда предсѣдательствовалъ всесвятѣйшій владыка нашъ патріархъ Константинополя новаго Рима Киръ Іоаннъ (Веккъ) въ его кельяхъ у св. Θеофилакта, и когда вмѣстѣ съ

великою святынею его засѣдали и первосвященнѣйшіе архіереи, Ираклійскій и всечестный Левъ, Халкидонскій и всечестный Николай, Аѳинскій и всечестный Мелетій, Ахираускій Лаврентій, Визійскій Іоаннъ, Дерконскій Кириллъ, и Левкадскій Софроній, и предстояли и боголюбезнѣйшіе архонты Владыки, тогда Боголюбезнѣйшій епископъ Сарайскій, въ присутствіи нашей мѣрности, предсѣдательствовавшей сунодально, предложилъ нѣсколько вопросовъ, и получилъ надлежащіе отвѣты на каждый изъ нихъ. Тѣ и другіе суть слѣдующіе:

Спрашивалъ. Сколько разъ въ году обычно архіерею читать евангеліе.—*Отвѣтъ.* Четыре раза, какъ то, въ великій четвертокъ въ вечернее бдѣніе (евангеліе Завѣщанія, το τῆς διαθήκης εὐαγγέλιον), въ Великое (пасхальн.) Воскресеніе на литургіи и вечернѣ, и въ первый день Сентября мѣсяца (въ новое лѣто).

Спрашивалъ о Послѣдованіи Крещенія: сколько разъ должно читать молитвы, и надобно ли, чтобы многіе іереи сходились для крещенія.—*Отвѣтъ.* Только однажды іерей долженъ читать молитвы, и только одинъ іерей долженъ крестить, и ему одному надлежитъ читать молитвы. Если же воспріемникъ крещаемаго младенца, ὁ ἔχων τὸ βαπτιζόμενον παιδίον, ради своей чести и славы, желаетъ пригласить іереевъ многихъ; то пусть они присутствуютъ при крещеніи, но только одинъ изъ нихъ пусть читаетъ молитвы, каждую однажды, и одинъ креститъ крещаемаго младенца, прочіе же іереи пусть предстоятъ въ священныхъ облаченіяхъ, или безъ нихъ. Когда же по необходимости случится, что въ одинъ день принесутъ многихъ младенцовъ для крещенія, и нѣтъ возможности одному крестить порознь каждаго младенца; тогда, ежели найдется много іереевъ, пусть они раздѣлятъ между собою младенцовъ, и пусть креститъ каждый іерей каждаго младенца по одиночкѣ, прочитавъ каждую молитву однажды. Если же находится только одинъ іерей, то онъ долженъ уставить всѣхъ младенцовъ въ рядъ, и прочесть молитвы, каждую однажды, и потомъ крестить каждаго младенца порознь въ одной и той же купѣли по окончаніи молитвъ.

Спрашивалъ. Надобно ли служить Литургію въ великій Пятокъ. *Отвѣтъ.* Не принято у насъ совершать тогда литургію.

Спрашивалъ. Одинъ ли *хлѣбъ,* или два, или многіе, можно класть на разные дискосы. *Отвѣтъ.* И два и три *хлѣба* могутъ лежать на разныхъ дискосахъ; однако, когда литургисаютъ многіе, изъ нихъ долженъ быть возносимъ только одинъ хлѣбъ, прочіе же пусть стоятъ, потому что при *Возношеніи* одного хлѣба совозносятся и они. (ἡνίκα πολλοὶ εἰσιν οἱ λειτουργοῦντες, ὑφωθήσεται δὲ ἐκ τούτων εἷς μόνος, οἱ δὲ ἄλλοι ἀφεθήσονται ἐν τῇ ὑφώσει τοῦ ἑνὸς συνυφούμενοι καὶ ἐκεῖνοι.)

Спрашивалъ. Когда рукополагается іерей, тогда какой *хлѣбъ* надобно преподать ему, не тотъ ли, который имѣетъ быть *возносимъ* и приносимъ. *Отвѣтъ.*—Не должно изъ *приносимаго* хлѣба (часть) преподавать рукополагаемому іерею, и раздроблять его прежде *Возношенія*, а надобно, когда имѣетъ быть рукополагаемъ іерей, имѣть и другой хлѣбъ на дискосѣ, *какъ залогъ,* ὥσπερ παρακαταθήκην, и изъ этого хлѣба выдѣлять и давать часть рукополагаемому іерею, *приносимый* же хлѣбъ оставлять весь цѣлый до уставнаго часа, въ который онъ раздробляется.

Спрашивалъ.—Многократно случается, что архіерей желаетъ литургисать, а діаконовъ нѣтъ, и находятся одни іереи; итакъ можетъ ли онъ литургисать съ одними іереями. *Отвѣтъ.*—Когда настоитъ надобность архіерею литургисать, а діаконовъ нѣтъ, находятся же только іереи, тогда ему нѣтъ никакого препятствія литургисать съ одними іереями: если же находятся діаконы, то пусть онъ служитъ съ ними.

Спрашивалъ.—Когда будутъ вмѣстѣ два, или три, или многіе іереи, а діакона не имѣютъ, литургисать же хотятъ вмѣстѣ, тогда могутъ ли они литургисать безъ діакона. *Отвѣтъ.*— Многократно, по настоянію нужды, бываютъ два и три и многіе іереи, а діакона не имѣютъ: тогда ничто не препятствуетъ имъ литургисать вмѣстѣ безъ діакона; однако не должны они высылать кого либо изъ іереевъ изъ алтаря говорить прошенія (Ектеніи), а всѣ должны стоять въ алтарѣ; прошенія же пусть

говоритъ одинъ изъ іереевъ, тотъ, который стоитъ на срединѣ (у св. трапезы.)

Спрашивалъ.—Многократно случается быть иному въ несчастныхъ обстоятельствахъ и при смерти, а нѣтъ монаха, который могъ бы постричь его, есть же архіерей, или пресвитеръ, или діаконъ, то можетъ ли таковый постричь его. *Отвѣтъ.*—Когда бываетъ неотложная нужда, и кто нибудь находится въ несчастныхъ обстоятельствахъ и при смерти, а нѣтъ монаха, который могъ бы постричь его, находится же архіерей, или іерей, или діаконъ, тогда ничто не препятствуетъ таковому постричь находящагося въ несчастіи и при смерти. Въ канонахъ нѣтъ запрещенія на это.

Спрашивалъ.—Если какая нибудь женщина, жившая съ мущиною безъ благословенія брачнаго, впослѣдствіи начала жить хорошо и цѣломудренно, то позволительно ли ей печь просфоры, или непозволительно, потому что она нѣкогда блудно жила съ мущиною безъ благословенія брачнаго. *Отвѣтъ.*—Если такая женщина живетъ хорошо и цѣломудренно, то ничто не препятствуетъ ей печь просфоры.

Спрашивалъ.—Позволительно ли выжать сокъ изъ виноградныхъ гроздовъ, вливать въ него воду, и принесть его для божественнаго священнодѣйствія. *Отвѣтъ.*—Гдѣ нѣтъ виноградпаго вина, а надобно служить литургію, пусть дѣлаютъ сіе, пусть выжимаютъ сокъ изъ гроздовъ, и приносятъ для божественнаго священнодѣйствія. А гдѣ находится вино, тамъ не должно дѣлать сего. Если же кто дерзнулъ бы сдѣлать сіе, тотъ, кто бы онъ ни былъ, да знаетъ, что имѣетъ великое осужденіе отъ Бога.

Спрашивалъ.—Брату крестившаго можно ли жениться на теткѣ, или перводвоюродной сестрѣ крещеннаго лица. *Отвѣтъ.*—Нѣтъ препятствія. *)

---

*) Ἠρώτησεν· ἐὰν δεῖ ἀδελφὸν τοῦ βαπτίσαντος θείαν ἢ πρωτεξαδέλφην τοῦ βαπτισθέντος προσώπου εἰς γυναῖκα λαβεῖν.—Καὶ ἡ ἀπόκρισις. Ὅτι οὐδέν τοῦτο κωλύει γίνεσθαι.

Спрашивалъ.—Долженъ ли іерей, ходившій на войну и убивавшій (непріятелей), опять священнодѣйствовать послѣ такой службы. *Отвѣтъ.*—Это воспрещено канонами; и если какой либо іерей ходилъ на войну и убивалъ, таковый съ той поры долженъ быть низложенъ и перестать священнодѣйствовать.

Спрашивалъ. Должно ли носить (съ собою) божественный *хлѣбъ* во время путешествій. *Отвѣтъ.*—Да будетъ сіе.

Спрашивалъ.—Должно ли поновлять устарѣвшіе священные сосуды. *Отвѣтъ.*—Въ случаѣ надобности пусть обновляются. Однако тѣ орудія, коими художники обновятъ священные сосуды, да вложатся въ мѣшокъ, и, связанныя, да будутъ брошены въ море, или въ средину рѣки, такъ, чтобы не выплыли онѣ на землю и не попали въ чьи либо руки. А ежели случится: и найдетъ ихъ кто либо и употребитъ для другой работы; то будетъ великой грѣхъ.

Кромѣ сего епископъ повѣдалъ и то, что въ область его приходятъ люди изъ разныхъ епархій, однако немногіе изъ каждой епархіи, изъ Аланіи, Зикхіи и изъ другихъ сосѣднихъ областей, и что архіереи тѣхъ областей, изъ которыхъ приходятъ къ нему люди, сами хотятъ входить въ его епархію ради оныхъ людей. Посему Мѣрность наша вмѣстѣ съ преосвященнѣйшими архіереями нашими постановила:—такъ какъ не великое множество, а немногіе изъ каждой вышеозначенной области уходятъ и водворяются въ епархіи Сарайской, то епископъ ея да имѣетъ духовную власть надъ ними и да управляетъ ими по архіерейски, архіереи же тѣхъ областей, изъ которыхъ ушли оные люди, пусть откажутся отъ нихъ, яко отъ водворившихся въ епархіи помянутаго боголюбезнѣйшаго епископа Сарайскаго."

„Все это извлечено изъ ежедневныхъ сѵнодальныхъ дѣеписаній, и удостовѣренное и утвержденное надписью и печатію честнѣйшаго Хартофилакса дано въ вышеписанномъ мѣсяцѣ и индиктѣ 6784 года."

На широкомъ основаніи водружены всѣ эти постановленія патріаршаго Сѵнода! Много въ нихъ благоразумной свободности,

и приспособленности къ житейскому быту христіанъ русскихъ! Для меня особенно замѣчательны два постановленія: 1) о другомъ особомъ *хлѣбѣ* (Агнцѣ) для рукополагаемаго іерея, и 2) о служеніи литургіи на выжатомъ изъ винограда сокѣ. Нынѣ у насъ не заготовляется особый *Агнецъ* для рукоположеннаго священника, а изъ Агнца, на которомъ совершается литургія, архіерей выдѣляетъ четвертую горнюю часть его, яже есть Христосъ, и ее на особомъ дискосѣ вручаетъ сему священнику, говоря: *„прими залогъ сей, и сохрани его цѣлъ и невредимъ до послѣдняго твоего издыханія, о немже имаши истязанъ быти во второе и страшное пришествіе великаго Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа.“* Когда же наступитъ время Причащенія, тогда эта святая часть отбирается отъ ставленика, присоединяется къ Агнцу, и потомъ вся потребляется. Такимъ образомъ нашъ ставленникъ принимаетъ *залогъ* лишь на нѣсколько минутъ; и ему нечего хранить въ неповрежденной цѣлости до послѣдняго издыханія его. А по вышеизложенному постановленію, изъ *другаго* освященнаго Агнца должна быть выдѣлена ему часть безъ крови Христовой, разумѣется, для храненія ея во всю жизнь и для причащенія ею предъ послѣднимъ издыханіемъ. Это постановленіе согласно съ архіерейскимъ служебникомъ, и уясняетъ прописанныя въ немъ слова: *прими залогъ сей и сохрани его и проч.* По сему постановленію новый іерей, причащенный частицею общаго литургійнаго Агнца, беретъ себѣ въ домъ частицу другаго освященнаго Агнца, и хранитъ ее цѣлу и невредиму, (какъ хранимъ мы артосъ), до послѣдняго издыханія.—Обратимся теперь къ другому предмету. Во всей вселенской церкви принято за правило совершать евхаристію на виноградномъ винѣ. Но не вездѣ находится такое вино. Нашъ Томскій епископъ Аѳанасій, землякъ мой, разсказывалъ мнѣ не безъ содроганія, что онъ, посѣщая свою епархію, вошелъ въ одну отдаленнѣйшую сельскую церковь, когда въ ней совершалась литургія, и что священникъ, послѣ причащенія своего, поднесъ ему просфору и *пѣннаго* вина въ ковшикѣ для запивки. На вопросы Владыки—какъ такъ по-

даешь ты мнѣ пѣнное вино? развѣ нѣтъ винограднаго?—священникъ отвѣчалъ: прости Владыко святый! Здѣсь такого вина нѣтъ, и потому я служу на сивухѣ, а тебѣ поднесъ *пѣннаго*. Владыка, услышавъ это, смутился такъ, что замолчалъ.—Вотъ необыкновенный случай! Вотъ необыкновенное исключеніе изъ правила! Какъ же возстановить его хоть въ половину? Не иначе, какъ дозволеніемъ въ такихъ глухихъ мѣстахъ Россіи, какъ Томская епархія, выжимать сокъ для ѳвхаристіи изъ изюма, который есть высушенный виноградъ, и этимъ сокомъ, смѣшаннымъ съ водою, причащаться и причащать младенцовъ и взрослыхъ. Онъ несравненно лучше сивухи и пѣннаго вина! Но обратимся къ Иверской, юридической, рукописи и посмотримъ: что еще въ ней замѣчательно.

— Въ 6997—1489 году марта 20, индикта 12-го, въ Сѵнодѣ святѣйшаго патріарха Антонія вмѣстѣ съ прочими архіереями присутствовали, *Угровлахійскій*, *Россійскій*, ὁ Ῥωσίας, *Готѳскій и Сугдейскій*, и разрѣшили благочестивѣйшему чтецу и приммикирію Нотаріусовъ Георгію Евгенику вступить во второй бракъ и *принять санъ діаконскій*, по смерти первой невѣсты его, съ которою онъ только обручился заочно, и не только не жилъ съ нею, но даже не видалъ ее.—

— Клятва еврея, которую онъ долженъ произносить, когда у него есть дѣло съ христіаниномь.

„Вопервыхъ онъ долженъ опоясаться терніемъ, осѣдлать кожаный мѣхъ, держать въ рукахъ своихъ большой валекъ (μέγα λεῖον), войти въ море, трижды плюнуть на обрѣзаніе свое, и потомъ говорить такъ:—Клянусь Варасси, Вараи, Адонаи, Елои, немокренно проведшимъ Израильтянъ чрезъ море Чермное, и напоившимъ ихъ водою изъ камня, и давшимъ имъ въ снѣдь манну и крастелей. Клянусь закономъ, который далъ Богъ посредствомъ пророка Моисея, молніями и громами и мракомъ и бурею, что были на горѣ Синайской. Клянусь Вараи, Елои, Адонаи, и оплеваніемъ обрѣзанія тѣла моего, и терніемъ, которымъ я опо-

ясанъ по чресламъ моимъ. Неложно клянусь именемъ Господа Савваоѳа. Если же клянусь ложно, то прокляты потомки чрева моего, и самъ я, какъ слѣпой, ударюсь о стѣну, и какъ не имѣющій глазъ упаду. И да пошлетъ мнѣ Господь Богъ проказу Гіезія, и казнь священника Или. Завсѣмъ тѣмъ да разверзетъ земля уста свои и да поглотитъ меня живаго, какъ Даѳана и Авирона.

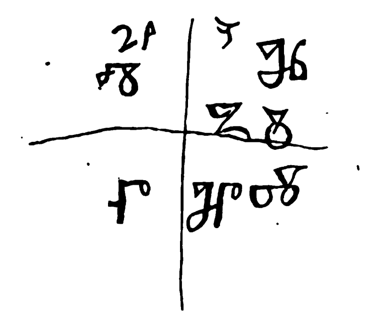
Засидѣлся я въ библіотекѣ. Пора выдти оттуда и написать нѣсколько строкъ объ Иверскомъ архивѣ.

Архива этого я не видалъ. Но монастырскій письмоводитель говорилъ мнѣ, что тамъ хранится превеликое множество разныхъ дѣеписаній, кои монастырь получалъ извнѣ, и самъ составлялъ въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій. Изъ этого множества властные старцы выбрали и представили мнѣ для прочтенія въ этотъ разъ, и въ другую бытность мою въ ихъ обители 12 іюня 1846 года, представили лишь небольшую толику разныхъ хартій. Однако и этою малостію я былъ доволенъ тѣмъ паче, что она достаточно ознакомила меня съ первоначальною судьбою Иверской обители. Не перечисляю здѣсь сообщенныхъ мнѣ Иверцами дѣеписаній, рѣшившись приложить ихъ къ исторіи обители ихъ, а не къ настоящему описанію путешествія моего, но считаю неизлишнимъ оповѣстить нечаяннное открытіе мое, показывающее очень давную давность такъ называемой *глаголитской* письменности славянской.

Въ 1846 году 15 іюня, въ субботу, изъ архива принесли мнѣ судебное дѣло Солунское 982 года, написанное на длинномъ и широкомъ пергаминѣ. Въ верху его начерѓаны 75 крестовъ, названныхъ по гречески сигнами, (σίγνον знакъ), а надъ поперечниками ихъ и подъ ними прописаны имена и прозванія разныхъ лицъ, которые присутствовали при совершеніи дѣла и при выдачѣ его Иверскому монастырю на Аѳонѣ. Въ числѣ этихъ свидѣтельскихъ знаковъ я замѣтилъ подобный имъ крестъ и около него глаголитскія буквы въ четыре ряда, и вельми обрадовавшись этой неожиданной находкѣ съ 982 голомъ. тотчасъ отпо-

бя приписалъ слѣдующую замѣтку: „въ этомъ актѣ между прочими *сигнами* стоитъ и этотъ знакъ съ сими буквами“. Эта глаголица въ высшей степени замѣчательна. Она старше всѣхъ извѣстныхъ памятниковъ глаголической письменности. А появленіе ея на судебномъ дѣлѣ между прочимъ доказываетъ, что письмо подобнаго рода извѣстно было даже судьямъ въ Солунѣ. Представляю здѣсь эту глаголицу въ томъ видѣ, въ какомъ я усмотрѣлъ ее на помянутомъ дѣлѣ, и послѣ замѣчаній о ней излагаю содержаніе сего дѣла, доказываю подлинность его, объясняю, какъ появилась на немъ глаголитская надпись, и дѣлаю выводы изъ него ближайшіе.

Вотъ приснопамятная глаголица, о которой идетъ рѣчь моя.



Послѣ перваго взгляда на нее всякій знакомый съ письмомъ подобнаго рода безъ запинки прочтетъ и напишетъ русскими буквами такъ:

зн	к	т. е. знакъ.
гі	ор гі	
п	опъ	

Тутъ слово, *знакъ*, соотвѣтствуетъ греческому слову σιγνον, которое написано въ верху каждаго креста, начертаннаго греками. Попъ гіоргі написалъ *знакъ*, а не *бѣлѣгъ*, потому что на-

чертилъ знакъ крестный, а не межевый, который въ актахъ Влахоболгарскихъ называется бѣлѣгомъ. Имя и нарицаніе свое онъ поставилъ въ падежѣ именительномъ, а не въ родительномъ, какъ тутъ же писали имена свои греки, напримѣръ $\frac{\text{σιγ}}{\text{γεω}}\Big|\frac{\text{νον}}{\text{ργιου}}$, но это онъ сдѣлалъ по своему разумѣнію, какъ бы говоря самъ себѣ: крестный знакъ поставилъ я гіоргі попъ. Собственное имя его написано имъ точно такъ же, какъ оно писалось въ грамматахъ царей Болгарскихъ (гіоргі). Вся напись его ничѣмъ, кромѣ славянскаго языка, не отличается отъ совмѣстныхъ написей греческихъ, ни очертаніетъ прописаннаго креста, ни формою, установленною для актовъ подобнаго рода.

Самый актъ, на которомъ начертана эта глаголица, называется ἔγγαφος ἀσφάλεια, т. е. *письменное удостовѣреніе*. Вотъ содержаніе его, выписанное мною сокращенно, частію по гречески, частію въ Русскомъ переводѣ:—

. . . οἰκήτορες τοῦ κάςρου ἱερισσοῦ... ἔγγραφον ἀσφάλειαν.. ποιοῦμεν.. εἰς ὑμᾶς τὸν εὐλαβέςατον Ἰωάννην μοναχὸν τὸν Ἴβηρα καὶ Ἰωάννην τὸν θεοφιλέςατον σύγκελλον καὶ πρὸς τὸ καθ' ὑμᾶς μέρος· καὶ αὐτῆς τῆς ὑφ ὑμῶν εὐαγεςάτης βασιλικῆς μονῆς τοῦ Κολοβοῦ· καθὼς ὑποτέτακται· Ἐπειδὴ ἡ τοιαύτη εὐαγεςάτη μονὴ διὰ τιμίου χρυσοβούλλου Λόγου ἐδώθη τῷ καθ' ὑμᾶς μέρει καὶ ἀφιερώθη εἰς τὴν εὐαγεςάτην ὑμῶν Λαύραν τὴν ἐπ' ὀνόματι τῆς ὑπεραγίας θεοτόκου ἱδρυμένην καὶ τοῦ Κλήμεντος ἐπονομαξομένην, τοῦ δεσπόζεσθαι παρ' αὐτῆς... Μηνὶ οἰυνίῳ ἰνδικτιῶνος δεκάτης ἐν ἔτει τῷ ςυʹ ἐπὶ βασιλείας Βασιλείου καὶ Κωνςαντίνου.

† Θεόδοτος ὁ ταπεινὸς ἐπίσκοπος τῆς Ἱερισσοῦ.

† Ἀθανάσιος μοναχὸς ὁ τῆς Λαύρας ἡγούμενας.

Мы жители крѣпости Іерисса ... письменное удостовѣреніе.. даемъ.. вамъ, благоговѣйнѣйшему Іоанну монаху Ивиру и Іоанну боголюбезнѣйшему Синкеллу, и сущей у васъ сторонѣ (братіи) включительно съ зависящею отъ васъ благоустроеннѣйшею царскою обителію Колову, такъ какъ она подчинена. Поелику сія благоустроеннѣйшая обитель досточтимымъ златопечатнымъ Словомъ отдана сущей у васъ сторонѣ и приложена благоустроеннѣйшей лаврѣ вашей, основанной во имя пресвятой Богородицы и прозываемой Климентовою, съ тѣмъ, чтобы сія лавра владѣла сю, и поелику вы, благочестивѣйшіе отцы, имѣете силу и дерзновеніе у царей Василія и Конс-

† Πέτρος μοναχὸς καὶ ἡγούμενος ὁ Καλιούκα.

καὶ οἱ λοιποί.

Νικόλαος λιβελλίσιος Θεσσαλονίκης.

тантина такъ, что можете отъискивать все принадлежащее сей обители (Колову) и присвоивать себѣ: а нашлась земля у преддверій нашей крѣпости Градиска (ἐν ταῖς προθύραις τοῦ Κάςρου ἡμῶν, ἥτις Γραδίσκα λέγεται), принадлежавшая обители Колову, и взятая жителями сей крѣпости: то.... (Далѣе говорится, что Іоаннъ Ивиръ отдалъ эту землю Іериссовцамъ на 29 лѣтъ за 100 золотыхъ монетъ, а они отдали ему землю на Лонгосѣ.)

Мѣсяца іюня индикта 10 въ 6490 году въ царствованіе Василія и Константина.

† Θеодотъ смиренный епископъ Іериссовскій.

† Аθанасій монахъ игуменъ лавры.

† Петръ монахъ и игуменъ Каліука.

и прочіе.

Николай Ливеллисій Солуня.

Въ самой верхней части сего *„письменнаго удостовѣренія“* поставили кресты и подписали свои имена и прозванія 75 свидѣтелей, напримѣръ: Никифоръ протопресвитеръ, Василій пресвитеръ, Іоаннъ пресвитеръ, Анастасій діаконъ, *Гіоргій попъ*, Николай Деатка, Петръ Калита, Павелъ Родота, Драгашъ Павловъ, Іоаннъ Захаропуло, Василій Строиміръ, Андрей анагностисъ (чтецъ), Іоаннъ Экзархъ, Георгій Оксида, Іоаннъ діаконъ, и прочіе и прочіе.

Это письменное удостовѣреніе есть копія, которая въ томъ же году и мѣсяцѣ выдана была изъ Солунскаго судебнаго мѣста Іоанну Ивиру за скрѣпою тамошняго чиновника, такъ называемаго Ливеллисія. Подлинность сего акта не подлежитъ никакому сомнѣнію. Десятый индиктъ его совпадаетъ съ тѣмъ самымъ го-

домъ, въ который онъ написанъ былъ. Упомянутые въ немъ цари Василій и Константинъ жили въ это время. Іоаннъ Ивиръ назадъ тому два года (6488—980 году) присоединилъ къ своей лаврѣ двѣ упомянутыя въ актѣ обители, Іоанна Колову въ Іериссѣ и Климента на Аѳонѣ, и присоединилъ ихъ дѣйствительно по силѣ хрисовула царя Василія Порфиророднаго. Лавра его понынѣ чествуется во имя Пресвятой Богородицы. А что у него былъ синкеллъ Іоаннъ, это подтверждается хрисовуломъ того же царя Василія (980 год.), въ которомъ прибавлено прозваніе этого синкелла, *Торникій*. (Χρυσόβουλλος γεγονὼς κατὰ ςυπη ἔτος τῷ μοναχῷ Ἰωάννῃ καὶ συγκέλλῳ τῷ Τορνικίῳ). И такъ вѣрно все то, что въ актѣ сказано о всѣхъ лицахъ и о всѣхъ трехъ обителяхъ. Подъ актомъ 982 года подписался игуменъ лавры Аѳанасій. А извѣстно, что онъ живъ былъ еще въ 985 году, и тогда подарилъ оному же Іоанну Ивиру хрисовулъ царя Василія, предоставляющій право имѣть мореходное судно. Въ числѣ лицъ, подписавшихъ актъ, о которомъ идетъ рѣчь, значится Ѳеодотъ епископъ Іериссовскій. А крѣпость Іериссо названа епископіею еще въ спискѣ царя Льва мудраго, который самодержавилъ задолго до помянутыхъ государей Василія и Константина и умеръ въ 911 году. Все это удостовѣрительно доказываетъ подлинность акта разсматриваемаго. Здѣсь кстати замѣтить, что Іериссовцы, по судебному порядку, получили другую копію сего акта *) съ глаголицею же и, быть можетъ, съ грузинскою подписью Іоанна Ивира, или синкелла его, и что эта копія могла достаться Иверскому монастырю, когда кончился 29 лѣтній срокъ обмѣна участковъ земли подлѣ Іерисса и на Лонгосѣ.

Подлинность сего акта—несомнѣнна. Но какъ появились на немъ глаголическія письмена? Какъ попалъ въ Іериссо священникъ, умѣвшій писать по глаголически? И этотъ вопросъ положительно рѣшается съ помощію хрисовула, даннаго царемъ

*) Точно также, какъ Сидирокавситы получили дословную копію съ записи 996 го-

Романомъ Аѳонской обители Іоанна Колову въ 960 году. Въ этомъ хрисовулѣ сказано, что „обители Іоанна Колову подарены 40 безтяглыхъ поселянъ въ замѣнъ тѣхъ малыхъ участковъ земли, которые *издавна* принадлежали ей въ Іериссовскомъ околоткѣ, и взяты поселенными на нихъ склавами Вулгарами“: τῇ μονῇ τοῦ Κολοβοῦ παροίκων ἀτελῶν τεσσαράκοντα δωρεὰν παρέχων (Χρυσόβουλλος,) ἀνθ' ὧν ἀφῃρέθησαν τοπίων ἀπὸ τῶν πάλαι παραδοθέντων τῶν τῷ μέρει ταύτης ἐν τῇ τοποθεσίᾳ τῆς Ἱερισσοῦ, περὰ τῶν ἐνσκηνωθέντων ἐκεῖσε σκλάβων βουλγάρων. Изъ этихъ словъ видно, что въ 960 году подлѣ Іерисса жили рабы Болгары. Стало быть: у нихъ и находился тотъ попъ *Гюргі*, который вмѣстѣ съ другими засвидѣтельствовалъ обмѣнъ извѣстныхъ участковъ земли своею глаголическою подписью. Постороннимъ или чужимъ считать его нельзя; ибо такого человѣка не принялъ бы въ свидѣтели обмѣна поземельной собственности ни Солунскій судъ, ни Іериссовская волость. Этотъ попъ былъ туземный, извѣстный Іериссовцамъ и монастырямъ Іоанна Колову и Іоанна Ивира.

Итакъ описанный и объясненный мною актъ весьма важенъ. Онъ, въ связи съ вышепомянутымъ хрисовуломъ царя Романа, подтверждаетъ слѣдующіе факты:

1) Глаголическое письмо извѣстно было въ 982 году Болгарамъ, поселеннымъ около Аѳонской крѣпости Іериссо.

2) Ихъ священникъ по глаголически написалъ свое имя и нарицаніе, *попъ*, и слово, *знакъ*, на судебномъ актѣ. Стало быть: оное письмо видали и признавали судьи.

3) Всѣ буквы въ прописи этого священника—такія же, какими писались и богослужебныя книги. Значитъ: Богослуженіе онъ совершалъ по книгамъ глаголическимъ. *)

4) Ежели въ 982 году ему было только 30 лѣтъ отъ роду, (ранѣе онъ не могъ быть рукоположенъ по соборному правилу)

*) Богослуженіе въ Іериссѣ совершалось на Славянскомъ языкѣ въ теченіи многихъ вѣковъ. Еще до возстанія Грековъ (1821 г.) хранились тамъ церковно-славянскія книги. Это мнѣ повѣдалъ нынѣшній Аѳонозографскій игуменъ Анѳимъ (1859 г.), а самъ онъ слышалъ отъ Зографскихъ монаховъ, управлявшихъ метохами своего монастыря подлѣ Іерисса.

то онъ обучался глаголической грамотѣ въ 962, или 960 году. Стало быть: сія грамота употреблялась у Болгаровъ ранѣе сего послѣдняго года.

5) Такъ какъ Іериссовскіе Болгары заняли участки земли, *издавна* принадлежавшіе обители Іоанна Колову, основанной въ царствованіе Василія Македонскаго около 870 года; *) значитъ, они поселились на нихъ *недавно*,—я полагаю—въ 960 году, когда царь Романъ, вмѣсто занятой ими земли, подарилъ помянутой обители 40 поселянъ. Тогда пришелъ съ ними священникъ и принесъ глаголическія книги.

6) Откуда бы ни пришли въ Іериссо эти Болгары; но оказывается, что глаголическая грамота въ десятомъ вѣкѣ была уже не новость въ Болгаріи.

Таковы были мои занятія въ Иверской обители. По окончаніи ихъ я, 15 декабря, въ субботу, съѣздилъ, въ ближайшій къ ней и зависящій отъ нея скитъ Предтеченскій.

XVI.

Поѣздка въ этотъ скитъ, и сказаніе о немъ.

А какова дорога туда? Трудная, она пролегаетъ по узкому отрогу Аѳона близь Иверскаго монастыря, и прямо ведетъ путника вверхъ къ пирамидальной выси на хребтѣ сей горы, которая (высь) древле называлась Аѳо, а нынѣ называется Цука, и Гаврилова гора. Отъ этой выси къ морю стелются два крутоярые и узкіе отрога, а между ними по ложбинѣ течетъ зимній ручей, пересыхающій лѣтомъ. Тамъ, гдѣ раздвояются оба эти отрога у чела Цуки, на лѣвой сторонѣ ручья высится церковь во имя Предтечи, а кельи и каливы скитниковь стоятъ частію подлѣ нея, а больше на лѣвомъ отрогѣ, что ближе къ Иверу. Всѣхъ ихъ съ архондарикомъ 15. Что касается до названной церкви,

то она перестроена въ 1779 году иждивеніемъ христіанъ, а расписана въ 1799. Кромѣ ея въ скитѣ есть особая церковь кладбищная. Вся эта мѣстность пустынна и безплодна.

Предтеченскій скитъ, какъ и всѣ прочіе скиты на Аѳонѣ, управляется Дикеемъ. Этотъ настоятель, въ минуты моего пріѣзда, находился въ своей особой кельѣ. Пока ему дали знать о мнѣ, и пока онъ шелъ къ церкви, я любовался мѣстными красивыми кипарисами, вслушивался въ журчаніе потока, и искалъ на церкви надписей, но не нашелъ ихъ. Наконецъ, явился жданный Дикей, и принесъ съ собою ключъ отъ церкви и свою предлинную, окладистую, пушистую и серебристую бороду. Подошедши ко мнѣ, онъ обнялъ меня, и цѣлуя мои губы, приговаривалъ, что ему любы всѣ русскіе монахи. Голосъ у него—толстой. Съ бороды его струились капельки сыраго тумана, который тогда покрылъ собою святую гору. Стоя подлѣ него, я ощущалъ въ воздухѣ кисловатый запахъ водки. Кисловатая любезность и разсыпчатость сего скимника не понравилась мнѣ.

Вошли мы въ Предтеченскую церковь. Она нова, чиста, изрядна, но ничѣмъ не отличается отъ соборныхъ храмовъ, что въ скитахъ Кавсокаливскомъ и Аннинскомъ. Дикей изъ алтаря ея вынесъ косточки для лобызанія и называлъ ихъ звучными именами, приговаривая: это частица св. Іоанна Златоустаго, это косточка св. Димитрія и. т. п. По окончаніи обычнаго лобызанія этихъ мощей я спросилъ Дикея: есть ли у него какая либо запись объ основаніи и судьбѣ скита его. Онъ обѣщалъ показать мнѣ рукописное житіе св. Іакова Новаго, основателя предтеченскаго скита, и потащилъ меня въ свою келью. Мнѣ не хотѣлось идти туда по грязи, и я сказалъ ему: сдѣлайте милость, поведите меня въ архондарикъ вашъ; тамъ я отдохну и прочту обѣщанную вами рукопись!—Нѣтъ, нѣтъ!—ревелъ онъ густымъ басомъ: пойдемъ въ мою келью; архондарикъ—сыръ, не устланъ рогожками, и не опрятенъ; а въ своей кельѣ я покажу вамъ три сокровища, три благодати, три райскія лѣторасли.“

— Объясни мнѣ, старче, иносказанія твои.

— Развѣ не слыхалъ ты, святый архимандритъ, о трехъ новыхъ мученикахъ, Евфиміѣ, Акакіѣ и Игнатіѣ? Вотъ мои три сокровища, три благодати, три райскія лѣторасли. Они въ моей кельѣ.

— А какъ зовутъ тебя по имени, отче?

— Григорій грѣшный: отвѣтилъ онъ, и потащилъ меня за руку въ свою келью.

Въ эту минуту я почувствовалъ въ себѣ такое сильно непріятное смущеніе, какого никогда не испытывалъ, потому что никогда не случалось мнѣ идти рядомъ съ приготовителемъ и проводникомъ мучениковъ. Давненько говорили мнѣ Аѳонскіе монахи объ этомъ Григоріи и объ его умѣньѣ готовить иноковъ къ мученической смерти: но я не зналъ, что онъ—дикей Иверопредтеченскаго скита; и вотъ довелось мнѣ встрѣтиться съ этимъ диковиннымъ монахомъ, который поощряетъ иноковъ къ мученіямъ, покупаетъ ихъ тѣла у Турецкихъ стражей, дробитъ ихъ на части, и привозитъ въ свой скитъ.

Отъ Предтеченской церкви оба мы сошли къ мостику, перекинутому черезъ шумящій потокъ, и переправились по нему на другую сторону скитской дебри, а здѣсь поднялись по косогорью, и скоро пришли въ келью. Тутъ въ церквицѣ, освященной во имя св. Николая Чудотворца, грѣшный Григорій съ набожною поспѣшностію растворилъ царскія двери, вынесъ оттуда три главы обложенныя серебромъ, и три зубныя челюсти въ ящичкѣ, положенныя вверхъ зубами, и поставилъ ихъ на столикѣ предъ иконостасомъ, испуская тяжелые вздохи. Я подъ сильнымъ вліяніемъ *непріятно—смутнаго* чувства, порожденнаго моимъ тогдашнимъ неумѣньемъ понять и оцѣнить геройскую готовность греческихъ христіанъ умирать за Христа въ отвѣтъ тиранству Турковъ, забиравшихъ дѣтей ихъ въ полки янычарскіе, я находясь подъ такимъ вліяніемъ, показалъ видъ, будто облобызалъ эти главы, а на нечетные зубы только взглянулъ торопко, и отошелъ къ правому клиросу. Но тутъ еще болѣе усилилось смущеніе мое, и вотъ отъ чего. Взоръ мой встрѣтилъ икону, на

которой въ срединѣ изображены три юные мученика Евфимій, Акакій и Игнатій, а на поляхъ-ихъ мученія и перевезеніе останковъ ихъ на Аѳонъ. Въ челнѣ сидитъ угрюмый Григорій. Длинная и широкая борода его осеняетъ сундукъ, въ которомъ онъ везетъ свои три благодати. Незнаю: замѣтилъ ли мое смущеніе этотъ дикей. Думаю, что незамѣтилъ, потому что показалъ мнѣ еще разныя тряпки (sic) и веревку, которою былъ удавленъ одинъ изъ его мучениковъ, и часть руки съ кожею на пальцахъ ея, непрестанно вздыхалъ и говорилъ мнѣ, что эти тряпки издаютъ неизрѣченное благоуханіе. Я торопко посмотрѣлъ на всѣ эти доказательства мученической смерти вышеназванныхъ юношей, выпросилъ у дикея рукописныя Житія ихъ, отсчиталъ ему 300 піастровъ, возвратился въ Иверскую обитель, и здѣсь написалъ краткое сказаніе о посѣщенномъ мною скитѣ. Вотъ оно.

Мѣстность подъ Иверопредтеченскимъ скитомъ, задолго до Рождества Христова, и послѣ сего рождества, до раззоренія Арабами всѣхъ городовъ на Аѳонѣ, принадлежала ближайшему городу Клеоне и, какъ горная высь, служила для мореходовъ маякомъ (σκοπιά), который освѣщалъ имъ входъ въ клеонскую пристань. На этой выси въ концѣ осьмаго вѣка Грузины построили себѣ небольшой монастырь во имя Предтечи, называвшійся Аѳо. Тутъ спасался сынъ той Никейской вдовицы, которая въ 829 или 30 году пустила по морю свою икону Богоматери. Тутъ въ концѣ 10 вѣка, подвизался святый инокъ Гавріилъ, принявшій эту икону съ моря и помѣстившій ее въ новосозданной грузинами лаврѣ Климентовой. Этому Иверо-аѳосскому монастырю возвратилъ разныя имѣнія на полуостровѣ Кассандрѣ царь Михаилъ Пафлагонъ († 1041 г.). О всемъ этомъ я уже говорилъ въ XV отдѣленіи настоящаго сочиненія моего. А здѣсь оповѣщаю дальнѣйшую судьбу монастыря Аѳо, и преображеніе его въ скитъ. Этотъ монастырь, съ 980 года зависѣвшій отъ сосѣдней Иверской лавры, запустѣлъ въ 1259 году, когда и эту лавру опустошили и раззорили Франки, а монаховъ ея частію задуши-

ли, частію разогнали. Съ той поры онъ долго, долго оставался безъ насельниковъ, и снова возникъ уже въ самомъ концѣ 15-го и въ началѣ 16-го вѣка, когда грузинскіе цари Куаркуаръ, Кайхозрой и Мцедшабукъ возобновляли на Аѳонѣ Иверскую лавру (1492—1516 г.) *). Тогда возстановилъ его святой Іаковъ новый. Житіе сего скитника весьма внушительно, и потому я сообщаю его съ радостію.

„Іаковъ, родившійся въ одной деревнѣ близь города Касторіи отъ поселянъ Мартина и Параскевы, по смерти ихъ занимался скотоводствомъ и разбогатѣлъ отъ поставки скота къ султанскому Двору. Посѣщая Константинопольскаго патріарха Нифона, святительствовавшаго съ 1488 года по 1490-й, исповѣдуясь у него, и слушая поученія и наставленія его, онъ позналъ святыя таинства Вѣры. Благодать божія согрѣла сердце его. Суета житейская опротивѣла ему; и онъ, раздавъ свое имѣніе бѣднымъ, ушелъ на св. гору Аѳонскую, и тамъ въ обители Дохіарской сподобился принять ангельскій образъ. Здѣсь три года проведены были имъ въ великомъ послушаніи и смиреніи. Потомъ зажглась въ немъ священная любовь къ безмолвію въ уединеніи. Дохіариты благословили его на этотъ подвигъ. Тогда онъ обошелъ всю св. гору, ища на ней пустыннаго мѣста, удобнаго для безмолвной жизни. Богъ руководилъ сего преподобнаго и указалъ ему такое мѣсто. Это былъ запустѣвшій и съ самыхъ основаній обветшавшій монастырекъ честнаго Предтечи на горѣ, выше священной обители Иверцовъ **). Избравъ этотъ монастырекъ для жительства, Іаковъ, по благословенію Прота св. горы и игумена Иверцовъ, возсоздалъ его, а живя въ немъ нѣсколько лѣтъ, кормился трудами рукъ своихъ; съѣдалъ же ежедневно

*) Διήγησις ὡραιοτάτη περὶ τῆς μονῆς τῶν Ἰβήρων. Рукопись. Смотри ее въ Оправданіяхъ Исторіи Иверскаго монастыря.

**) Θεὸς ἦν ὁδηγὸς τῷ ὁσίῳ· διὸ καὶ εὗρε μικρόν τι μονήδριον πεπαλαιωμένον καὶ ἔρημον ἐξ αὐτῶν τῶν θεμελίων. Ἔςι δὲ τοῦτο ἄνωθεν τῆς ἱερᾶς μονῆς τῶν Ἰβήρων, κείμενον εἰς τὸ Ὄρος.- Βίος καὶ πολιτεία τοῦ ὁσίου πατρὸς Ἰακώβου τοῦ νέου.—Χειρογρ.

только шесть унцовъ хлѣба. Вблизи отъ него безмолвствовалъ ветхій старецъ Игнатій. Ему-то, по причинѣ глубокой старости его, услуживалъ Іаковъ; у него бралъ благословеніе на починъ всякаго дѣла, и ему исповѣдовалъ свои помыслы и грѣхи, а причащаться ходилъ въ сосѣдній монастырь Иверскій. Такъ прошли шесть лѣтъ. Недостатокъ воды понудилъ его уйти въ предѣлы монастыря Аѳоноксенофскаго. Но не долго онъ оставался тамъ. Сожалѣніе о первомъ мѣстѣ безмолвническихъ подвиговъ и о потерянныхъ трудахъ возвратило его на это мѣсто. Иверскій игуменъ снова принялъ его, а Богъ разверзъ ему источникъ воды. Послѣ сего къ Іакову переселился изъ Ватопеда прежде знакомый ему инокъ Маркіанъ. Этому иноку Іаковъ однажды повѣдалъ вотъ какое видѣніе свое.—„Я восхищенъ былъ въ горнюю высоту и оттуда видѣлъ всю чувственную тварь, величіе и красоту солнца, нарядныя звѣзды, и чувственный рай на востокѣ съ пребывающими въ немъ святыми душами, и озаряющій ихъ свѣтъ невечерній. Послѣ сего я восхищенъ былъ еще выше, и видѣлъ первое мѣсто, откуда низверженъ былъ возгордившійся Денница: это мѣсто свѣтло и неизрѣченно прекрасно. Отсюда я посѣтилъ всѣ Лики ангельскіе и созналъ, что находившійся во мнѣ свѣтъ увеличился и сталъ чище, такъ что мнѣ видны были многоочитые херувимы, и даже мой умъ сдѣлался многоочитымъ. Наконецъ таинственная сила вознесла меня на высоту неизглаголанную; и тутъ я видѣлъ самаго Господа Іисуса Христа во плоти, объятаго свѣтомъ.—Видѣлъ я и духовный Іерусалимъ, мать перводныхъ, въ которомъ будутъ обитать праведныя души послѣ втораго пришествія Господня. Иногда невидимая сила перемѣщала меня въ адъ, въ которомъ души ожидаютъ рѣшенія своей участи, а иногда—въ тартаръ, въ червоточникъ и въ геенну огненную, въ эти три мѣста будущихъ мученій.„Іаковъ повѣдавъ сіе видѣніе Маркіану, велѣлъ ему пересказать оное Ватопедскому проигумену Іову, старцу ученому и знающему св. Писаніе и философію. Маркіанъ ходилъ къ нему. И что же? Іовъ похвалилъ

такой благодати. Маркіанъ разсказалъ оное видѣніе и іеромонаху Ѳеонѣ, подвизавшемуся въ обители Пандократорской. Когда же узнали это всѣ святогорцы, тогда приходили къ Іакову для того, чтобы исповѣдоваться у него. Но онъ не хотѣлъ исповѣдовать ихъ безъ благословенія и дозволенія епископа. Посему Игуменъ Иверской обители ѣздилъ къ Іериссовскому архіерею и испросилъ у него желанное всѣми дозволеніе. Тогда всѣ исповѣдовавшіеся у Іакова удивлялись богомудрой мудрости (θεοσόφῳ σοφίᾳ) его и умѣнью различать помыслы и врачевать души, удивлялись тѣмъ болѣе, что онъ былъ даже неграмотный, а сподобился такого духовнаго дарованія.

Но вотъ и еще видѣніе этого святаго скитника.—Однажды онъ вошелъ въ Аѳонокарейскую церковь до начала литургіи предъ восходомъ солнца. Тутъ іерей началъ облачаться. Въ эти минуты явился въ церкви свѣтъ, не солнечный, а ангельскій. Когда же іерей сталъ совершать проскомидію, тогда святые ангелы заняли правое и лѣвое полукружія, что у иконостаса церковнаго, и стояли на четырехъ сторонахъ храма, каждый ликъ на своемъ мѣстѣ. А какъ только іерей кончилъ проскомидію, великій свѣтъ пріосѣнилъ Дары. А во время *великаго выхода* этотъ же свѣтъ шелъ предъ іереемъ и озарялъ народъ. Когда же Дары поставлены были на св. трапезу, тогда свѣтъ окружилъ ее на подобіе круга луннаго. По освященіи Даровъ Іаковъ видѣлъ на дискосѣ сидящаго въ свѣтѣ Господа; и свѣтъ сей былъ многоочитъ. По окончаніи же божественной литургіи онъ опять видѣлъ Господа—Младенца *цѣлаго,* съ святыми ангелами возносящагося на небо.

Въ житіи сего преподобнаго святогорца упоминаются ученики его, Маркіанъ, Ѳеона и Ѳеогностъ. Онъ любилъ поучать ихъ притчами. Впослѣдствіи всѣ они оставили свой пріютъ и перешли въ скитъ, что подъ Аѳономъ (Кавсокаливскій, или Керасійскій). Здѣсь преподобный Іаковъ пріобрѣлъ еще шесть учениковъ и служилъ для нихъ образцомъ самаго строгаго подвижничества, ничего не вкушая и ни съ кѣмъ не бесѣдуя въ

теченіи пяти дней, и только въ субботніе и воскресные дни видаясь съ учениками своими и раздѣляя съ ними хлѣбъ и соль. Въ одинъ изъ такихъ дней онъ задумалъ уйти съ Аѳона въ Этолію. Но ученики удерживали его. Тогда онъ съ двумя изъ нихъ отправился на всенощное бдѣніе въ церквицу пресвятой Богородицы, находящуюся немного ниже св. верха Аѳона. Тутъ въ видѣніи явился ему нѣкій свѣтлый мужъ, убѣленный сѣдинами и сказалъ: „Богу угодно, чтобы ты исполнилъ то, что задумалъ.“ Послѣ сего преподобный съ тѣми же учениками взошелъ на самое темя Аѳона и сталъ молиться, обратившись лицемъ къ востоку. Предъ разсвѣтомъ онъ былъ внѣ себя и видѣлъ, что ангелъ Господень принесъ ему три хлѣба черные видомъ и сказалъ: „возьми и ѣшь: невозможно, чтобы вы не вкусили ихъ.“ Пришедши въ себя и выразумѣвъ смыслъ сего видѣнія, Іаковъ повѣдалъ оное двумъ ученикамъ своимъ и присовокупилъ: „многія испытанія и скорби ожидаютъ меня; и есть воля Божія на то, чтобы я отправился отсюда далече; три же черные хлѣба означаютъ, что я и вы, мы окончаемся смертію мученическою.— Спустя два дня послѣ сего онъ отправился съ учениками своими въ Ѳессалію и здѣсь сперва въ Метеорскихъ монастыряхъ, потомъ въ селеніи Превекистѣ, близъ Навпакта, въ монастырѣ Предтечи поучалъ притчами и исповѣдовалъ какъ монаховъ, такъ и мірянъ, которые во множествѣ собирались къ нему изъ окрестностей. Ученіе его сопровождалось чудесами. Имъ исцѣлены были одна бѣсноватая дѣвица и сынъ одной вдовы, который вмѣсто хлѣба всегда ѣлъ угли. Изъ обители Предтечи Іаковъ съ двумя учениками своими отправился въ окрестности города Аѳинъ. Сюда моремъ и сушею издалека приходили къ нему мужи, жены и дѣти, иногда тысяча, иногда и болѣе, чтобы насладиться лицезрѣніемъ его, исповѣдать ему грѣхи свои, и насытиться душеспасительными наставленіями его. Для большаго удобства преподобный упросилъ ихъ дать ему списокъ всѣхъ деревень, и обѣщался обойти ихъ всѣ по ряду. Обѣщаніе это было исполнено имъ; и христіане, исповѣдуясь у него, радовались и прославляли Бога, пославшаго имъ такого

наставника и вождя въ послѣднія мрачныя и тяжкія времена. Многія матери приносили къ нему грудныхъ младенцовъ своихъ, чтобы онъ крестилъ ихъ и благословилъ. Онъ всѣхъ поучалъ соблюдать заповѣди Господни и терпѣливо переносить скорби и страшныя испытанія, настоящія и будущія. Христіане спрашивали его: надобно ли отдавать дѣтей на службу Агарянскому царю. Преподобный отвѣчалъ имъ: если вы можете выкупать ихъ деньгами, выкупайте, если нѣтъ, то собирайте ихъ всѣхъ вмѣстѣ, и кого изъ нихъ укажетъ Богъ, того пусть и берутъ. Изъ Аѳинскихъ окрестностей онъ ходилъ въ епархію Артскую, и здѣсь продолжалъ святое дѣло свое. Но Артскій архіерей Акакій наклеветалъ на него мѣстнымъ властямъ, что онъ собираетъ къ себѣ множество людей и составляетъ именные списки ихъ, вѣроятно, съ тою цѣлію, чтобѣ подчинить ихъ иному народу. Эти власти увѣдомили о семъ Бея города Трикалы. Бей же тотчасъ послалъ 18 солдатъ схватить его и привесть къ нему въ оковахъ. Его схватили, и чрезъ село Превектисту привели въ Трикалу. Здѣсь Бей втюрмилъ его на 40 дней въ ожиданіи отвѣта отъ султана Селима. По прошествіи сего времени, Іакова и двухъ учениковъ его, діакона Іакова и Діонисія, потребовали къ Селиму въ Андріанополь. Этотъ султанъ, сперва, спросилъ его о срокѣ своей жизни. Праведникъ отвѣчалъ ему: жизнь твоя продлится не болѣе девяти мѣсяцовъ. — „Не знаешь, что говоришь:“ возразилъ ему султанъ; «ибо я намѣренъ взять Родосъ». — „Что тебѣ въ Родосѣ, — сказалъ Іаковъ, — когда ты долженъ умереть? — (Въ самомъ дѣлѣ Селимъ умеръ спустя девять мѣсяцовъ. Ибо Паши его записали день прореченія Іакова). По приказанію этого султана преподобные иноки посажены были въ тюрьму. Селимъ, стыдясь умертвить ихъ безъ вины и суда, послалъ пашу спросить ихъ о Христѣ и Магометѣ. Они сказали, что Христосъ есть Богъ и человѣкъ, а Магометъ — антихристъ и другъ діавола. Тогда властитель Магометанъ повелѣлъ мучить ихъ и опоить ядомъ. Послѣ ужасныхъ мученій отъ яда ихъ вывели на

причастились св. Таинъ и предали Богу души свои. Но Селимъ приказалъ повѣсить ихъ и мертвыхъ. Такъ кончили жизнь свою эти святые мученики въ первый день ноября мѣсяца 7028—1520 года. Останки ихъ выкупили у Турковъ мѣстные христіане и перенесли въ ближнее село, называемое Алванитохори, и тамъ похоронили ихъ честно.

Что касается до прочихъ учениковъ св. Іакова, которые остались въ живыхъ, то архіерей Акакій зимою выгналъ ихъ изъ Предтеченскаго монастыря, что въ Превекистѣ. Но ихъ принялъ къ себѣ нѣкто Проѳимъ, и далъ имъ свою церковь св. великомученика Георгія. Однако они ушли отчуда на Аѳонъ и тамъ поселились въ монастырѣ Симонопетрскомъ, гдѣ терпѣли большую нужду, потому что этотъ монастырь тревожили и грабили турецкіе корсары. Сюда, по прошествіи двухъ лѣтъ послѣ кончины Іакова, перенесены были изъ Алванитохори нетлѣнныя мощи его, но скоро и отсюда взяты были учениками его, и помѣщены въ ближнемъ къ Солуню монастырѣ св. Анастасіи узорѣшительницы, τῆς φαρμακολυτρίας.

Какая жъ была судьба предтеченскаго скита, основаннаго этимъ Іаковомъ на Аѳонѣ въ виду Иверской обители? Пока незнаю. Во время пребыванія нашего Барскаго въ сей обители въ 1744 году едва ли существовалъ этотъ скитъ; иначе, онъ побывалъ бы тутъ и упомянулъ-бы о немъ. Нынѣшняя скитская церковь построена въ 1779 году иждивеніемъ богоизвѣстныхъ христолюбцовъ. Тогда, стало-быть, около нея жили и скитники. Но кто они? Пока невѣдаю. Пусть разузнаютъ это другіе.

А у меня есть иное занятіе. Я спѣшу досказать, что узналъ о настоящемъ состояніи Иверскаго монастыря.

— Въ немъ кромѣ соборной Успенской церкви съ двумя придѣлами и кромѣ отдѣльныхъ храмовъ Вратарницы и Предтечи, считается 16 Параклисовъ между кельями: 1) Введеніе Богоматери, 2) св. Евстафія, 3) св. архидіакона Стефана, 4) св. Константина и Елены, 5) Преображенія Господня, 6) Іоанна Бого-

слова, 7) Всѣхъ Святыхъ, 8) св. великомученика Георгія, 9) св. безсребренниковъ Космы и Даміана, 10) Воздвиженіе честнаго креста, 11) св. Спиридона, 12) св. Діонисія ареопагита, 13) св. мученика Неоѳита, 14) св. Модеста, и еще два Придѣла.

— Всѣхъ монашествующихъ 140.

— Наемныхъ келлій внѣ монастыря двадцать: 1) Пяти мучениковъ, 2) св. Харалампія, 3) св. Георгія, 4) Иліи пророка, 5) двѣнадцати апостоловъ, 6) келья называемая Магула, и еще 14 келлій съ церквицами въ нихъ. А всѣхъ иноковъ въ этихъ кельяхъ 58.

— Аѳоноиверскому монастырю принадлежатъ слѣдующія имѣнія:

а) *въ Молдавіи*, въ горахъ гдѣ добываютъ соль, принадлежитъ монастырь и имѣніе, называемое Окна. Это богатое имѣніе завѣщано какимъ-то Радуканомъ.

б) *въ Валахіи*.въ Букарестѣ Троицкій монастырь, по просторѣчію называемый Радовода отъ Радула Воеводы. Онъ построенъ былъ Іѡ Александромъ сыномъ Мирчи воеводы въ 1568 году. Церковь въ немъ взорвана была на воздухъ Синанъ пашею; но спустя 27 лѣтъ Іѡ Радулъ, по вступленіи на воеводство въ 1614 году, съ основаній воздвигъ эту церковь и съ имѣніями приложилъ ее Аѳоноиверской обители въ 1615 году. Ктиторами сего монастыря считаются: Радулъ, и Аргира, Александръ, Стефанъ Кантакузинъ и госпожа Роксандра, жупанъ Барбулъ и жупаница его Преда. Въ немъ временно помѣщается духовное училище.

Оба эти монастыря даютъ Иверской обители ежегоднаго дохода 15,000 рублей серебромъ.

в.) *Въ Россіи* въ Москвѣ по указу царя Алексѣя Михайловича 1654 года „данъ въ Иверскій монастырь въ подворье и для отправленія службы Божіи греческаго языка Никольскій монас-

скій. Проживавшій въ этомъ метохѣ архимандритъ Серафимъ говорилъ мнѣ, что въ Тифлисѣ издревле принадлежала Иверской обители небольшая церковь св. сорока мучениковъ съ торговыми лавками, но во время смутъ Грузіи досталась одному магометанину и имъ обращена въ жилой домъ. При послѣднемъ грузинскомъ царѣ Георгіи Аѳоноиверскіе монахи затѣяли тяжбу съ потомками онаго магометанина; и этотъ царь подписалъ указъ о возвращеніи сей церкви Аѳоноиверцамъ, но исполненіе его не послѣдовало по причинѣ вторженія Персовъ въ Тифлисъ. Когда же Русскіе заняли грузію, тогда архимадритъ Серафимъ, во время тридцатипятилѣтняго пребыванія своего въ Тифлисѣ, возобновилъ это дѣло; и оно съ мнѣніемъ Сѵнодальной конторы Грузинской, благопріятнымъ для Аѳоноиверцовъ, поступило въ нашъ св. Сѵнодъ и въ правительствующій Сенатъ. Но до сей поры (1845 г.) еще не рѣшено.

г.) На Аѳонскомъ перешейкѣ Иверу принадлежитъ метохъ съ пашнею, на Каламаріи такой же метохъ хозяйственный, на островѣ Ѳасосѣ садъ масличный, въ городахъ Иракліи, Димотихѣ и Адріанополѣ метохи доходные.

Этими свѣдѣніями заканчиваю свое описаніе Иверскаго монастыря. Тутъ нечего мнѣ дѣлать болѣе. Посему ѣду въ Руссикъ. Тамъ проведу и праздникъ Рождества Христова.

XVII.

Мои занятія въ Руссикѣ съ 17-го по 29-е Декабря.

Въ Руссикѣ я пріятно отдыхалъ отъ усиленныхъ занятій своихъ вь Иверѣ. Въ часы прогулокъ вдоль ровнаго тутъ берега Сингитскаго залива меня радовали красивые виды окрестныхъ горъ и особенно видъ многоверхаго и бѣлоснѣжнаго Олимпа Ѳессалійскаго. Когда на этой горѣ показывался румянецъ, наводимый вечернею зарею, тогда мое любованье ею было самое слад-

кое. Сингитскій заливъ съ его высотами и съ видимымъ изъ за-него Олимпомъ, этимъ чертогомъ боговъ, есть великолѣпнѣйшая картина божія.

Во время прогулокъ я быть поэтъ, а въ кельѣ своей работалъ, какъ книжникъ. Тутъ *сокращенно* переписаны были мною житія новыхъ святыхъ аѳонскихъ, именно, св. Іакова основателя скита Предтеченскаго, и преподобныхъ мучениковъ Евѳимія, Игнатія, Акакія и Онуфрія. Первый замученъ былъ въ Константинополѣ 22 марта 1814 года, вторый 13 октября того же года, третій 1-го мая 1816 года, а четвертый на островѣ Хіосѣ 4 января 1818 лѣта Господня. Всѣ эти Житія кромѣ Акакіева, которое составилъ Кесарійскій митрополитъ Мелетій, написаны были *Киръ* Онуфріемъ Иверитомъ учителемъ. Онѣ помѣщены въ моей статистикѣ Аѳона вмѣстѣ съ прочими Житіями святыхъ аѳонскихъ. А здѣсь я, знанія ради, излагаю только тѣ отрывки изъ нихъ, кои знакомятъ съ личностями мучениковъ и приготовителей ихъ къ мученіямъ, и съ пріемами такихъ приготовленій.

Личности мучениковъ.

Евѳимій родился въ Пелопонесскомъ селѣ Димицанѣ отъ благочестивыхъ родителей Панагіота и Маріи, и назывался Елевѳеріемъ. Полтора года онъ жилъ въ Букарестѣ у русскаго маіора и тутъ развратился. Въ Шумлѣ отрекся отъ Христа и потурчился, но тамъ же и раскаялся, и оттуда ушелъ на аѳонскую гору. Здѣсь въ лаврѣ св. Аѳанасія духовникъ Мелетій, по рѣшенію проживавшаго на Аѳонѣ патріарха Григорія, помазалъ его св. мνромъ послѣ сорокадневнаго пощенія и моленія. Изъ лавры мνропомазанный Елевѳерій ходилъ по монастырямъ и скитамъ аѳонскимъ, вездѣ тамъ молился и исповѣдовался, наконецъ остановился въ скитѣ Иверопредтеченскомъ, омонашился тутъ, принявъ имя, Евѳимій, и отсюда съ мученикотворцомъ Григоріемъ отправленъ былъ въ Константинополь, гдѣ и замученъ.

Игнатій, въ мірѣ Іоаннъ (Славянинъ) родился въ Ески-За-

нашеское житіе, онъ ушелъ въ Рыльскій монастырь, а отсюда въ Букарестъ и въ Шумлу. Здѣсь магометане принудили его потурчиться. *Боясь, онъ далъ имъ слово отречься отъ Христа*, но не исполнилъ его, и убѣжалъ сперва на свою родину, а потомъ на Аѳонъ, гдѣ и былъ омонашенъ и приготовленъ къ мученію въ скитѣ Иеропредтеченскомъ. А мученически скончался въ Константинополѣ при руководствѣ вышепомянутаго мученикотворца Григорія.

Акакій, въ мірѣ Аѳанасій, *будучи еще девяти лѣтъ*, въ Солунѣ потурчился, потомъ спустя нѣсколько годовъ ушелъ оттуда на Аѳонъ, и въ вышеназванномъ скитѣ принялъ монашество, и былъ приготовленъ къ мученической смерти, а замученъ былъ въ Константинополѣ, куда сопровождалъ его тотъ же Григорій.

Онуфрій, въ мірѣ Матѳей (Славянинъ) родился въ Габровѣ селѣ Терновской епархіи. Когда ему было 8 или 9 лѣтъ отъ роду, родители стали бить его за что-то: а онъ случившимся тутъ туркамъ закричалъ, что *желаетъ* потурчиться. Но отецъ и мать высвободили его, такъ что онъ не принялъ обрѣзанія и остался христіаниномъ. По достиженіи совершеннаго возраста Матѳей, узнавши суету мірскую, ушелъ на Аѳонъ и тамъ въ Хиландарскомъ монастырѣ принялъ монашескій постригъ съ именемъ, Манассій, и санъ іеродіаконскій, но припоминая прошлое житье свое, вспомнилъ и о своемъ дѣтскомъ желаніи потурчиться и увлекаемый примѣрами мучениковъ Игнатія и Акакія, рѣшился кровію своею омыть этотъ грѣхъ свой, и ушелъ въ Иверопредтеченскій скитъ, гдѣ и приготовили его къ мученичеству. А замученъ онъ былъ на островѣ Хіосѣ подъ руководствомъ того же Григорія.

Мученикотворцы и ихъ пріемы приготовленій къ мученичеству.

Всѣхъ этихъ мучениковъ приготовляли къ смерти слѣдующіе святогорцы:

1. *Попъ Василій въ скитѣ св. Анны.* Къ нему, первому, пришелъ вышерѣченный Евѳимій и исповѣдалъ ему грѣхопаденіе

свое. Василій, соболѣзнуя о немъ, удержалъ его при себѣ и въ теченіи двадцати дней упражнялъ его въ постѣ и молитвахъ, потомъ дозволилъ ему идти въ Константинополь съ такимъ условіемъ, что если узнаютъ его Агаряне, то пусть онъ явится въ судилище ихъ, а если не узнаютъ, то пусть возвратится на Аѳонъ, не отваживаясь одинъ безъ руководителя подвергать себя такой опасности. Евѳимій одинъ отправился въ Константинополь, и тамъ въ теченіи осьми дней видался съ шестью слугами Реисъ—Ефендія, но не былъ узнанъ ими. Тогда по совѣту *Аѳонолаврскаго монаха Панкратія*, внушившаго ему продолжить самые строгіе аскетическіе подвиги, дабы мученичество его было совершеннѣе, ушелъ въ Иверопредтеченскій скитъ, что на св. горѣ. А здѣсь къ смерти приготовилъ его—

2.)—*Духовникъ попъ Никифоръ:* Какъ же?—постепеннымъ увеличеніемъ его пощеній, нощныхъ бдѣній, молитвъ и слезнаго плача. Читая новый Мартирологъ, повѣствующій о подвигахъ и страданіяхъ новыхъ мучениковъ, Евѳимій сильнѣе и сильнѣе чувствовалъ въ себѣ позывъ къ страстотерпчеству, и воображалъ только мученическіе вѣнцы и неизрѣченныя блага и сладости вѣчнаго блаженства. Однажды онъ просилъ старца Акакія умолить Бога, что-бы Онъ открылъ ему: совершится ли мученичество его и какимъ образомъ: то есть, самъ ли онъ вызовется на мученіе, или будетъ узнанъ магометанами: αὐτόκλητος δηλαδὴ, ἢ ἐὰν γνωρισθῇ. Акакій, спустя нѣсколько дней, повѣдалъ ему: «чадо, хоть я и недостоинъ, но вознесъ молитву мою къ Богу, и увѣренъ, что есть воля Божія на то, чтобы ты былъ мученикомъ, и что самъ ты долженъ вызваться на мученія». Евѳимій узнавъ это, вельми возрадовался. Въ недѣлю православія скитскіе отцы въ трапезѣ ѣли снѣди, какія случились, а Евѳимію дали *обычный сухой хлѣбъ и воду*. Онъ залился слезами и застоналъ, но на вопросъ —о чемъ онъ плачетъ,—не отвѣчалъ. Духовный отецъ его Никифоръ, *присматривая за нимъ*, увидѣлъ, что онъ часто становится на колѣни свои, протягиваетъ впередъ шею свою, а

„Пріучаюсь, отче, къ усѣкновенію головы“ отвѣчалъ онъ. Однако духовникъ запретилъ ему дѣлать это.—Наконецъ насталъ блаженный часъ отшествія его съ св. горы въ Константинополь. Его проводили многіе старцы. Одинъ изъ нихъ на обратномъ пути сказалъ собратіямъ: „увѣряю васъ, что братъ нашъ Евѳимій будетъ мученикъ“.—„Откуда же ты знаешь это?“ спросили его.—Онъ отвѣчалъ: „когда я подошелъ къ нему, чтобы облобызать его, то ощутилъ такое благоуханіе отъ него, какого ни съ чѣмъ и сравнить не могу: посему думаю, что братъ идетъ къ Богу.“—Съ Евѳиміемъ отправился—

3.—*Послушникъ Никифора Григорій* тотъ самый, о которомъ я говорилъ выше. Оба они остановились въ предмѣстіи Константинополя Галатѣ у нѣкоего благословеннаго христіанина Григорія, который принялъ ихъ къ себѣ, какъ людей божіихъ. Тутъ Евѳимій, по словамъ присматривавшаго за нимъ скитника Григорія, то обдумывалъ, какъ ему предстать предъ Визиремъ, то приходилъ въ изступленіе и созерцалъ неизрѣченныя блага небеснаго блаженства, и мученическія награды и вѣнцы, то веселился и ликовалъ, что уже насталъ его часъ исповѣдовать Христа Бога, то соразмѣрялъ грѣхъ своего отрѣченія отъ Христа съ мученіемъ вѣчнымъ; а иногда, философствуя, говорилъ Григорію: какъ выходитъ душа изъ тѣла и возносится на небо; какъ онъ видитъ Судію—Бога и пресвятую Богородицу во всей славѣ ихъ; какъ надобно пріобрѣсть благоволеніе св. архистратига Михаила, дабы съ нимъ пройти всѣ мытарства, и дабы онъ привелъ его къ Іисусу. Наконецъ въ избранный для мученичества день Евѳимій и Григорій причастились св. Таинъ въ церкви Іоаннна Предтечи; потомъ Евѳимій написалъ шесть писемъ къ разнымъ лицамъ, исполненныхъ мыслями евангельскими и выражавшихъ твердость духа его, какъ мученика; затѣмъ оба перешли на корабль Кефалонійскаго купца Цоана. Здѣсь Евѳимій переодѣлся въ турецкое платье, приготовленное заранѣе, а нѣкто Іоаннъ далъ ему рубаху шелковую. Всѣ стали прощаться. Скитникъ Григорій залился слезами. Евѳимій же помазалъ всѣ члены тѣла своего мас-

сломъ изъ лампады, взятымъ у иконы Аѳоно-Иверской Богоматери Вратарницы, взялъ въ руки крестъ и пальмовую вѣтвь, и съ этимъ оружіемъ пошелъ къ турецкому визирю поступью величавою и съ помысломъ геройскимъ (μὲ φρόνημα γενναῖον καὶ περιπάτημα ἀλαζωνικὸν), какъ невѣста въ пѣсни пѣсней, дабы найти жениха таинственнаго, а дорогою молился.—Вотъ онъ у Визиря Русутъ Паши, прозываемаго Гюрдзи, сказываетъ родъ свой, вспоминаетъ о своемъ потурченіи, исповѣдуетъ Христа, яко Бога, проклинаетъ Магомета, анаѳематствуетъ его сто разъ, сбрасываетъ съ себя чалму и топчетъ ее. Визирь смотритъ на него молча, и говоритъ слугамъ своимъ: зачѣмъ впускаютъ ко мнѣ такихъ людей? Узнайте: не пьянъ ли онъ, или не съ ума ли сошелъ? Евѳимій снова исповѣдуетъ Христа и клянетъ Магомета. Визирь приказываетъ отрубить ему голову. Мученикъ съ крестомъ и ваіями съ радостію идетъ умирать, и умираетъ. Константинопольскіе христіане, видѣвшіе кончину его, и слышавшіе о ней, съ неизрѣченною радостію ублажаютъ новаго мученика. Ἀλλὰ τίς δύναται νὰ διηγηθῇ τὴν χαρὰν καὶ τὴν εὐφροσύνην τοῦ φιλοχρίστου λαοῦ τῆς Κωνσταντινουπόλεως, ὅταν εἶδον καὶ ἤκουσαν, πῶς ἐσάλπισεν ὁ ἀθλητὴς τὰ νικητήρια. А Григорій, сидѣвшій тогда въ Кефалонійскомъ кораблѣ, какъ только услышалъ отъ Іоанна, давшаго Евѳимію шелковую рубашку, что мученикъ скончался доблестно, весь измѣнился отъ радости, и какъ на крыльяхъ полетѣлъ видѣть его, увидѣлъ, и у палачей выкупилъ тѣло его съ большимъ трудомъ и съ большими издержками. Прошли три дня: Григорій, со слезами лобызая главу Евѳимія, говорилъ ей: дай мнѣ слово, что я не одинъ возвращусь въ своей скитъ, а съ тобою. Голова въ отвѣтъ ему открывала глаза свои дважды. Онъ привезъ ее въ свой скитъ, а тѣло Евѳимія похоронилъ на Принцевомъ островѣ Проти въ тамошней Преображенской церкви.

Посмотримъ теперь: кто и какъ готовилъ Игнатія къ мученической смерти.

Его готовилъ къ ней тотъ же Иверопредтеченскій скитникъ

разъ въ сутки, читать славянское евангеліе, и по четкамъ совершать еще и *малыя метаніи* въ опредѣленные часы. Во время этихъ подвиговъ искушали Игнатія самолюбіе, честолюбіе, міролюбіе, непослушаніе и наипаче похоть плотская. Когда же Никифоръ замѣтилъ и увѣрился, что всѣ эти искушенія прекратились, и вмѣсто ихъ воспламенилось въ немъ неодолимое желаніе умереть за имя Христово, тогда отпустилъ его въ Константинополь, но съ проводникомъ Григоріемъ. Здѣсь они отъискали того самаго Іоанна, который снабдѣвалъ мученика Евѳимія, и остановились у него: а этотъ рабъ Божій приготовилъ все нужное Игнатію въ часъ мученичества его. Часъ этотъ насталъ. Игнатій въ турецкой одеждѣ съ крестомъ въ рукахъ явился къ судьѣ, объявилъ ему, кто онъ и зачѣмъ пришелъ, исповѣдалъ Христа, яко Бога, проклялъ Магомета, заушилъ слугу, которому приказано было отвесть его въ тюрьму, не поддался ни обаяніямъ, ни угрозамъ судьи, объявившаго ему, что его повѣсятъ, а не мечемъ усѣкнутъ, *дабы христіане не брали крови его для освященія своего*, просидѣлъ въ тюрьмѣ два дня, и наконецъ былъ повѣшенъ. Во время тюремнаго заключенія его Григорій со слезами молилъ Бога, да сподобитъ Онъ Игнатія доблестнаго мученичества, а многіе христіане раздавали бѣднымъ деньги въ чаяніи божіей помощи втюрмленному мученику.

Когда же этому Григорію повѣдана была христолюбцами блистательная кончина Игнатія, тогда онъ отъ радости растерялся (παρ᾽ ὀλίγον ἔχασε τοὺς λογισμούς του) и бѣгая туда и сюда, наконецъ пришелъ на мѣсто казни, и какъ только увидѣлъ висящаго мученика, *поклонился ему издали*, и заплакалъ отъ радости, а по прошествіи трехъ дней купилъ тѣло его, и взявъ мощи Евѳимія, отвезъ тѣ и другіе останки въ скитъ свой.

Умалчиваю о *подобномъ* приготовленіи и Акакія мученика въ этотъ скитѣ и о томъ, какъ оный же Григорій сопровождалъ его въ Константинополь и здѣсь упрашивалъ многихъ христіанъ присматривать за нимъ и увѣдомлять его Григорія о поведеніи Акакія: какъ ночью посылалъ ему въ тюрьму Причастіе, въ *сам-*

шитовомъ ящичкѣ (πυξίδι ἐντεθειμένην), и какъ выкупилъ у турковъ обезглавленное тѣло его и увезъ оное въ свой скитъ. Умалчиваю о всемъ этомъ и сказую о приготовленіи Онуфрія къ мученической смерти и о приготовителѣ его.

И этотъ Славянинъ приготовленъ былъ къ ней въ томъ же Предтеченскомъ скитѣ, тѣмъ же Никифоромъ и тѣмъ же Григоріемъ, которые приготовили и первыхъ трехъ страстотерпцовъ. Но какъ?

Когда Онуфрій явился къ Никифору и упрашивалъ сего старца принять его въ келью и приготовить къ мученичеству, тогда старецъ этотъ сказалъ ему: „*я принимаю тебя, но съ тѣмъ, чтобы никто изъ внѣшнихъ не зналъ сего*,, *и чтобы ты до мученичества подвизался здѣсь такъ, какъ бы терпѣлъ мученическія страданія*. Согласенъ ли на это? —Онуфрій согласился. Тогда духовникъ—мученикотворецъ помѣстилъ его одного въ отдѣльной келейкѣ, приставивъ къ нему послушника, обязаннаго заботиться о немъ, и заповѣдалъ ему ни съ кѣмъ не говорить, а бесѣдовать съ однимъ Богомъ и поститься. Онуфрій строго соблюдалъ эту заповѣдь, и ежедневно въ теченіи сорока сутокъ ѣлъ только 30 золотниковъ хлѣба, клалъ 3500 и 4000 земныхъ поклоновъ, а поясныхъ по четкамъ безъ счету: въ устахъ его была непрестанная молитва, а въ душѣ печаль и умиленіе: очи его, какъ два приснотекущіе источника, струили слезы. Когда такимъ образомъ совершилось умервщленіе плоти его и оскудѣла въ немъ сила надобная для другихъ тѣлесныхъ трудовъ: тогда духовный отецъ его Никифоръ сократилъ многодневное пощеніе его. Такое приготовленіе ему продолжалось четыре мѣсяца. По прошествіи ихъ воспламенилась въ немъ любовь ко Христу и возгорѣлось желаніе мученичества. Тогда Никифоръ благословилъ его отправиться на островъ Хіосъ и тамъ принять вѣнецъ мученическій, а спутника, содѣйственника и помощника ему далъ Григорія, весьма опытнаго и практикованнаго въ подобномъ путешествіи (ἄνθρωπον πολλὰ ἔμπειρον καὶ πρακτικὸν εἰς τοιαύ-

συνετός, и внушающій уваженіе монахъ былъ приготовителемъ и спутникомъ трехъ прежнихъ страстотерпцовъ, Евѳимія Игнатія и Акакія. Сей Григорій и Онуфрій съ поручительными письмами *Набольшихъ* св. горы явились на сказанный островъ, и по этимъ письмамъ были приняты любезно тамошними *мученико-любцами*. (sic). Проживая у одного изъ нихъ семь дней, Онуфрій молчалъ, обливался слезами, читалъ и слушалъ Житія новыхъ мучениковъ, не пилъ вина и не принималъ никакого утѣшенія, а послѣ видѣнія Царя небеснаго, указавшаго ему свѣтозарнѣйшее мѣсто между мучениками, радовался и благодарилъ его за призваніе въ горнія селенія. Но въ осьмую ночь вдругъ перестала дѣйствовать въ сердцѣ его божественная Енергія и духовная теплота. Это устрашило Онуфрія; и онъ сказалъ спутнику своему Григорію: Отче, огонь угасъ въ сердцѣ моемъ; что сдѣлалось со мною?— Григорій отвѣчалъ: что сдѣлалось! ты возгордился, и потому оскудѣла въ тебѣ благодать Божія, и ты сдѣлался игрушкою бѣсовъ, маскараднымъ зрѣлищемъ людей и предметомъ печали ангеловъ. Увы мнѣ злополучному! напрасны труды мои! тщетны надежды братіи! Вмѣсто того, чтобы услышать о тебѣ, какъ о мученикѣ, они услышатъ объ антихристѣ. Злосчастный! Опомнись.—Онуфрій тотчасъ палъ къ ногамъ сего старца, зарыдалъ неутѣшно и молился, доколѣ снова не почувствовалъ въ себѣ теплоту благодатную. Молился и Григорій, *этотъ опытнѣйшій, божественный приготовитель четырехъ мучениковъ*: ἦτον ἐμπειρότατος οὗτος Γρηγόριος, ὁ θεῖος ἀλείπτης τεσσάρων μαρτύρων. Въ томъ домѣ, въ которомъ они жили, была церковь, а въ ней на всѣхъ стѣнахъ висѣли св. образа и даже иконы новыхъ мучениковъ. Въ сей-то церквѣ Онуфрій заперся на весь день, и предъ каждымъ образомъ молился по четкамъ, и безъ нихъ клалъ земные и поясные поклоны болѣе 60; тутъ же отъ чрезмѣрнаго умиленія и сокрушенія сердечнаго вопіялъ заунывно, εὔγαλε γοερὰς φωνάς. Слышалъ это разсудительный Григорій, но въ этотъ часъ не останавливалъ воплей его, зная, что онъ былъ въ изступленіи и въ разгарѣ богомолья, ἦτον ὅλος μετάρσιος καὶ θεόληπτος, но

послѣ съ прежнею суровостію сказалъ ему: „не слушаешь ты заповѣди Господа глаголющаго,—*да не вѣдаетъ шуйца твоя, что дѣлаетъ десница твоя?* Для чего ты, тщеславный, гордый, вопіешь во время молитвы твоей? ужъ вѣрно для того; чтобы слышавшіе вопли твои похвалили умиленіе твое? Опять ты, злосчастный, потерялъ трудъ свой; опять осмѣялъ тебя духъ гордости!" Онъ же, какъ истинный подражатель смиреннаго и кроткаго Іисуса Христа, слушая выговоръ старца своего, стоялъ неподвижно, потупя взоры, плакалъ и просилъ прощенія.—Наконецъ настало время мученичества. Тогда Григорій обрилъ ему бороду и всю волосы на головѣ, потомъ взялъ масло изъ всѣхъ образныхъ лампадъ церкви и крестообразно помазалъ имъ тѣ части тѣла, кои умащаются св. мνромъ послѣ крещенія. Затѣмъ оба они провели всю ночь молитвенно. А по окончаніи утренняго богослуженія Онуфрій облобызалъ частицы многихъ святыхъ мощей, между которыми были останки и новыхъ мучениковъ, потребовалъ череднаго священника, который и осѣнилъ его этими мощами, потомъ поклонился святымъ образамъ и лобызалъ ихъ, причастился преждеосвященныхъ Даровъ, и одѣвшись въ приготовленныя одежды, пошелъ на мученіе, когда еще было темно, но дорогою озябъ, однако отогрѣлся у одного содержателя хлѣбни, которому открылъ намѣреніе свое. Этотъ хлѣбопекарь указалъ ему дорогу въ Мегкеме—судилище и водилъ его въ разныя церкви и въ больницу для раздачи милостыни.—Въ Мегкемѣ Онуфрій потребовалъ судью: но его не допустили къ нему и прогнали. Тогда онъ опять пришелъ къ тому же хлѣбопекарю, и взявъ въ правую руку крестъ, склонилъ къ нему чело свое, и горько плакалъ нѣсколько минутъ: плакалъ и хлѣбопекарь и присовѣтовалъ ему опять идти въ Мегкеме, но тамъ ничего никому не говорить, а тотчасъ отдернуть занавѣсъ и предстать предъ судьею. Такъ онъ и сдѣлалъ. Послѣдовало исповѣданіе Христа, яко Бога и проклинаніе Магомета. Судья приказалъ отрубить ему голову и вмѣстѣ съ туловищемъ и съ окровавленною землею

мученика. Турки даже вымыли ту лодку, изъ которой бросили мученика въ воду, дабы христіане не цѣловали ее. Куда же дѣвались мощи Онуфрія: объ этомъ мы ничего не можемъ сказать положительно. Τὸ δὲ ἅγιον λείψανον τί ἔγινε καὶ ποῦ ἐκατήντησε· κανένα βέβαιον δὲν ἠξεύρομεν νὰ εἰπῶμεν.

Что же мнѣ сказать о всемъ этомъ? Скажу откровенно, что акты всѣхъ оныхъ мучениковъ написаны искренно, просто, безъ натяжекъ, безъ всякой задней мысли. Что какъ было, то такъ и разсказано. Что какъ было говорено, то такъ и вспомянуто и записано. Но признаюсь, что ни скитскіе мученикотворцы, ни ихъ приготовленія потурчившихся христіанъ къ мученичеству, съ перваго раза не понравились мнѣ, какъ сдается, потому, что разсудокъ мой озадаченъ былъ такимъ явленіемъ въ христіанскомъ мірѣ, о которомъ не умѣлъ и судить. Думалось: ужели не достаточно одно искреннее и пламенное раскаяніе въ отреченіи отъ Христа, и заглажденіе сего тягчайшаго грѣха заслугами Спасителя, который помиловалъ отрекшагося отъ Него, но горько плакавшаго, Петра? Ужели недостаточно воцерковленіе покаявшагося грѣшника посредствомъ св. Мѵропомазанія? На что еще самозванное исповѣданіе Христа, яко Бога, предъ Турками, проклинаніе Магомета и пролитіе крови, или смерть на висѣлицѣ? И съ какою подготовкою къ сему! Съ подготовкою постомъ до изнеможенія тѣлесныхъ силъ, при безчисленныхъ поклонахъ земныхъ и поясныхъ! Съ подготовкою въ уединеніи, въ какой нибудь тѣсной кельѣ, или въ церквѣ, увѣшанной образами мучениковъ! Не искуственно ли все это? И зачѣмъ примѣшивать искуственность къ естественному покаянію? Такъ думалъ я: но, признаюсь, и побаивался такихъ думъ своихъ, вспомнивъ Христово предсказаніе мученичества отрѣкшемуся апостолу Петру, и опасался легкомыслія, свойственнаго всѣмъ человѣкамъ, и потому на обратномъ пути въ Петербургъ благовѣствуя о христіанскомъ востокѣ преосвященному Филарету, Митрополиту Московскому. коснулся и настоящаго предмета, о которомъ идетъ рѣчь моя, и спросилъ его: что онъ думаетъ о новыхъ мученикахъ, подготовленныхъ такимъ

образомъ? Разговоръ мой съ нимъ записанъ въ дневникѣ моемъ. Вотъ онъ!

1846 года 11 октября.—Я говорилъ:—Всѣ Аѳонскіе монастыри и скиты вѣрятъ и учатъ, что христіане потурчившіеся могутъ спастись только тогда, когда раскаются, примутъ св. Мѵропомазаніе, и послѣ чрезвычайныхъ пощеній и стояній молитвенныхъ пойдутъ въ мусульманское судилище въ одеждѣ турецкой, но съ крестомъ и пальмою, или иконою въ рукахъ, дерзновенно проклянутъ тамъ Магомета, исповѣдаютъ Христа, яко Бога, заушатъ судью, или слугъ его, и будутъ замучены Турками. Посему святогорцы съ любовію принимаютъ и даже сами выискиваютъ такихъ несчастливцовъ, и *методически* приготовивъ ихъ къ мученичеству, отправляютъ ихъ съ опытными у нихъ мученикотворцами въ Солунь, или въ Анатолію, или на острова архипелага, или въ Константинополь, а по смерти выкупаютъ ихъ тѣла у Турковъ, увозятъ на Аѳонъ, хоронятъ въ землѣ на три года, и потомъ вырываютъ ихъ кости, украшаютъ серебренными окладами, выдаютъ ихъ за св. мощи, не исключая и нечетныхъ зубовъ, и собираютъ дань съ темнаго, но набожнаго міра. Я видѣлъ подобные мощи, но не лобызалъ ихъ, смущаясь мыслію о напрасномъ жертвоприношеніи людей; видѣлъ и мученикотворцовъ, Германа въ Кавсокаливскомъ скитѣ,—это извѣстный издатель *евангельской трубы*—Εὐαγγελικὴ σάλπιγξ,—и Григорія въ скитѣ Иверопредтеченскомъ.—Скажите же мнѣ: должно ли признавать и почитать такихъ *самозванныхъ* мучениковъ. Я соблазняюсь.

Послѣ этой рѣчи моей завязался между нами споръ. Я ссылался на *чинъ принятія иновѣрцовъ*, гдѣ отрекшимся отъ Христа и раскаявшимся предписывается одно св. Мѵропомазаніе; ставилъ на видъ различіе между самозванствомъ на мученія и между призваніемъ отъ Бога къ пролитію крови за вѣру; въ примѣръ такого самозванства представлялъ іеромонаха нашей Императорской Миссіи въ Стамбулѣ Константія, потурчившагося послѣ крупной ссоры съ нашимъ посланникомъ Италинскимъ, и потомъ

раскаявшагося на Аѳонѣ и обезглавленнаго Турками за *самозванное* отреченіе отъ Магомета; ставилъ въ примѣръ Богозваннаго мученичества рабу Божію Параскеву изъ города Бруссы, которую Турки истязывали и замучили *неповинно*; называлъ самозванныхъ мучениковъ жертвами ложнаго толка Аѳонскаго, самообольщенія и самоуслажденія посмертною славою своею; негодовалъ на доходную выставку тряпокъ, веревокъ, череповъ, зубовъ и костей такихъ мучениковъ, и въ порывѣ *младокровнаго* негодованія говорилъ: „мнѣ больно, мнѣ ужасно думать, что на Аѳонѣ совершаются жертвоприношенія людей“.

Маститый митрополитъ былъ спокойнѣе меня младокровнаго. Онъ не одобрялъ помянутой выставки, если она дѣлается только для денежныхъ доходовъ отъ поклонниковъ, но защищалъ Аѳонцовъ и ихъ мучениковъ, ссылаясь на примѣры древнихъ страстотерпцовъ, которые сами вызывались на мученія, и которыхъ церковь вписала въ ликъ святыхъ, *какъ доблестныхъ свидѣтелей и исповѣдниковъ Божественной вѣры христіанской*, и кромѣ этой примѣрной ссылки величая въ новыхъ мученикахъ силу ихъ покаянія, горячность любви ко Христу и рѣшимость умереть за него предъ гонителями святой церкви Его.

Предметъ нашего спора требовалъ болѣе времени и многосторонняго сужденія. Посему оба мы оставили его въ сторонѣ. Впрочемъ я повѣдалъ митрополиту, что отнынѣ подобныхъ мученичествъ болѣе не будетъ, потому что Оттоманская Порта, по настоянію европейскихъ посланниковъ и особенно Лорда Коулея, недавно предписала всѣмъ помѣстнымъ властямъ не лишать жизни христіанъ потурчившихся, и опять обращающихся ко Христу.

Мнѣніе митрополита Филарета о новыхъ мученикахъ значительно умѣрило младокровное негодованіе мое. Я задумался и глубже вникнулъ въ прерѣкаемый предметъ. Тогда представились вниманію моему двѣ примиряющія стороны его, одна новая, а другая наилучшая: *новая*, это энтузіазмъ всего греческаго народа, съ которымъ онъ присутствовалъ въ минуты смерти муче-

никовъ, и намачивалъ полотенца и платки кровію ихъ, пригоршнями собиралъ землю, обагренную ею, цѣловалъ лодку, отвозившую останки страстотерпца на средину моря; *наилучшая*, это—строгоаскетическое приготовленіе къ смерти за Христа, дабы она была чистѣйшею жертвою любви къ Нему, раздача милостыни бѣднымъ и нищимъ предъ мученичеством, и горячія мольбы христіанъ, чтобы кончина страстотерпцовъ, съ помощію благодати Божіей, была доблестная, ознаменованная ихъ геройскимъ мужествомъ, и такою непоколебимою рѣшимостію на самопожертвованіе ради Христа, какую могутъ породить только Вѣра, Любовь и Надежда. Все это величественно, въ высшей степени нравственно и внушительно. *Мучениколюбивый* энтузіазмъ всего греческаго народа проявился въ немъ не легкомысленно и не по наученію святогорскихъ монаховъ: нѣтъ, это былъ геройскій отвѣтъ его тираніи Турецкихъ султановъ, угнетавшихъ христіанство и насильственно забиравшихъ греческихъ и славянскихъ дѣтей въ янычарскіе полки, и обращавшихъ ихъ въ магометанство. Греки на мѣстахъ кончины мучениковъ *не говоря* говорили Туркамъ: не поколебать вамъ нашей вѣры во Христа; не стереть вамъ всѣхъ насъ съ лица земли; если мы умѣемъ умирать героями, то съумѣемъ и жизнь нашу и дѣтей нашихъ защитить отъ васъ; кровь мучениковъ нашихъ воззопіетъ къ Богу, и будетъ отмщена Имъ.

А такой энтузіазмъ народа угнетеннаго, страдальческаго, можетъ ли быть судимъ и осуждаемъ холоднымъ разсудкомъ? Нѣтъ. По крайней мѣрѣ мой разсудокъ предъ такимъ духовнымъ и величественнымъ явленіемъ смирился и присовѣтовалъ мнѣ признать новыхъ мучениковъ Святыми и ублажать ихъ честныя страданія за Христа; и я теперь пою имъ *Величаніе* тѣмъ усерднѣе, чѣмъ несомнѣннѣе знаю, что они до мученичества своего плакали горько, какъ плакалъ отрѣкшійся отъ Христа Петръ, постились, молились, смирялись, преодолѣвали прежнія страстно-

вали милостыню бѣднымъ. Сравниваю ихъ предсмертное Житіе съ цвѣтникомъ, въ которомъ выросли благоухающія растенія, и этимъ сравненіёмъ заканчиваю настоящую книгу бытія моего.

Quiesce liber
Donec eas in mundum,
Talis, qualis es,
Incultus.

P.S.—Ночью подъ 14-е декабря приснилась мнѣ родная сестра моя Любовь въ бѣлой рубахѣ. Она лежала на деревянной доскѣ, къ которой привязана была, и поцѣловала меня. Что это значитъ? Больна она? или умерла?

Въ 29 день декабря я получилъ письмо отъ матери, въ которомъ она извѣстила меня о смерти сестры моей Любви, скончавшейся 10 Сентября 1845 года.

Итакъ сонъ въ руку!

Я и сестра моя, мы погодки у матери, и любили другъ друга. Покойная была весьма набожна, строгонравна и домостроительна. Дай ей Богъ царство небесное.

Еще годъ прошелъ. А я на чужбинѣ! Пора въ отечество. Жажду покоя. Земля велика: всю ее не обойдешь. Жизнь коротка: всего не опишешь. Надобно, вѣдь, пожить и для Неба. Кто не вноситъ вѣчность въ земное бытіе свое, тотъ,—не знаю,—что будетъ дѣлать въ раю вѣчномъ.